

Русское общество истории и философии науки
Саратовская государственная юридическая академия
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

**Третий Международный Конгресс
Русского общества истории и философии науки
«ПОСЛЕ ПОСТПОЗИТИВИЗМА»**

Сборник научных статей

Москва
Издательство РОИФН
2022

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22
НЗ4

Рецензенты:

Нестеров А.Ю.
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Устьянцев В.Б.
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Научная редакция и составление – И.Т. Касавин (ИФ РАН),
И.Д. Невважай (СГЮА), Л.В. Шиповалова (СПбГУ),
Д.С. Артамонов (СГУ им. Н. Г. Чернышевского).

П62 После постпозитивизма: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, И.Д. Невважай, Л.В. Шиповалова, Д.С. Артамонов [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2022. – 769 с. Режим доступа: <http://rshps.ru/books/congress2022.pdf>

ISBN 978-5-6047228-6-2

В сборнике публикуются материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки «После постпозитивизма» (8-10 сентября 2022 года, г. Саратов). На Конгрессе рассматриваются современные концептуальные и методологические проблемы истории и философии науки, эпистемологии естественных, технических и социогуманитарных наук.

Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-6047228-6-2

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22

ЧАСТЬ 1

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

<i>Дмитриев И.С.</i> По ту стороны парадигмы (научные революции не по Куну).....	12
<i>Жаров С.Н.</i> Механизмы формирования парадигмы в контексте культуры.....	16
<i>Зайцев Е.А.</i> Аристотелизм, практическая механика и научная революция XVII века	19
<i>Кузин И.А.</i> Множественность миров в истории науки	21
<i>Князев В.Н.</i> Эпистемологический смысл дополнительности фундаментальных парадигм в теоретической физике	24
<i>Фурсов А.А.</i> Научный реализм и развитие теории суперструн	27
<i>Сторожук А.Ю.</i> Основной вопрос философии и проблема измерений в квантовой механике..	32
<i>Захарова А.А.</i> Онтологические аспекты концепции математической вселенной М. Тегмарка ..	35
<i>Минасян Л.А., Лецева О.А.</i> Фаллибилизм как основа концепции научно-исследовательских программ	38
<i>Калинин Э.Ю., Люскин М.Б.</i> Философия времени Ю.Б. Молчанова и современность.....	42
<i>Князева Е.Н.</i> Множественность когнитивных миров живых существ: изучая наследие Я. Фон Икскуля.....	45
<i>Струговщикова У.С.</i> О возможности существования семиозиса в коммуникативных сетях живого.....	49
<i>Мирошниченко М.Д.</i> Когнитивная иммунология в мире без оснований: от био-логики к био-этике гостеприимства	51
<i>Лисеев И.К.</i> Философия биологии сегодня: после позитивизма и постпозитивизма	55
<i>Захарчук П.А.</i> История публикации «Абрисов...» Г.В. де Геннина, как пример реализации археографического проекта по истории естествознания и техники.....	57
<i>Хаблова Е.С.</i> Научный обмен между Вавиловым и компанией Vilmorin-Andrieux et cie. касательно пшеницы	60

ЧАСТЬ 2

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИКИ

<i>Целищев В.В.</i> О чисто метаматематической природе теоремы Лёба.....	63
<i>Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б.</i> О востребованности понятий «парадигма» и «научно-исследовательская программа» в истории математики.....	65
<i>Бычков С.Н.</i> Лакатос и Зельдович.....	68
<i>Кричевец А.Н.</i> Непостижимая эффективность математики: новые лица	70
<i>Хлебалин А.В.</i> Математическая практика и понимание: структуралистская перспектива	72
<i>Шевцова Ю.В.</i> Ж.-Э. Монтьюкла об истории исследований квадратуры круга	75
<i>Бажанов В.А.</i> О влиянии политических взглядов на рецепцию идей в логике и математике (к постановке проблемы)	79

ЧАСТЬ 3

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И КОГНИТИВНЫХ НАУК

<i>Атакуев М.Н.</i> Интроспекция и телесное значение	82
<i>Барышников П.Н.</i> Онтология внутрителесных ощущений и семантика феноменальных суждений	84
<i>Беседин А.П.</i> Методологический иллюзионизм в отношении квалиа.....	87
<i>Воробьёв В.В.</i> Подходы к исследованию сознания в западной философии и буддизме	91
<i>Кузнецов А.В.</i> Дилемма иллюзионизма	94
<i>Мерцалов А.В.</i> Перспективы психологической теории тождества личности в вопросе о моральной ответственности	97
<i>Мусс А.И.</i> На перекрестке путей к изучению сознания	100
<i>Тарасенко Т.Н.</i> Некоторые трудности теории сознания Дэвида Армстронга	104

<i>Ткаченко И.Н.</i> О психофизической проблеме и материальном субстрате психики простейших	107
<i>Ускова Е.В.</i> Релятивизм и проблема сознания.....	110
<i>Черезова Е.Б.</i> Проблема взаимодействия в иерархической модели уровней объяснения сознания	112
<i>Яшин А.С.</i> Идеомоторная теория действия и ее ниша в современном мире	115

ЧАСТЬ 4

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

<i>Неважай И.Д.</i> Юриспруденция как исходный пункт современной науки	119
<i>Тулчинский Г.Л.</i> Постпозитивизм и перспективы синтеза научного знания.....	122
<i>Шевченко А.А.</i> Понимание без объяснения	124
<i>Орехов А.М.</i> Насколько социальная онтология может предшествовать социально-научной методологии? (об одной дискуссии в современной философии социальных наук)	127
<i>Ищенко Е.Н.</i> Философия и «визуальный поворот» в гуманитарных науках.....	130
<i>Канаева Н.А.</i> Инструменты компаративной философии сегодня: «парадигма» или «эпистемическая культура»?.....	132
<i>Фролов И.Э.</i> Анализ концепта «институт» в историко-культурном и предметном аспектах: что это дает для понимания динамики социума.....	136
<i>Демидов А.И.</i> Пост модернизм как диагноз: «потеря сознания»	139
<i>Зайкова А.С., Моисеева А.Ю.</i> Стоит ли молчать о «традиции молчания»?	143
<i>Казанцев О.А.</i> Между постпозитивизмом и диалектикой: принцип историчности как фундаментальный элемент научности в заочной полемике И. Лакатоса и Э.В. Ильенкова	146
<i>Барбашина Э.В.</i> Особенности современного нарративного подхода.....	150
<i>Бычков В.Н., Алтуфьева А.А.</i> Определение лингвофилологии, ее места в системе гуманитарного знания, лингвистического и филологического обоснования	153
<i>Беляев М.А.</i> О несоизмеримости и онтологизации в познании права	157
<i>Баженова Е.А.</i> Дискурсивная теория права Юргена Хабермаса как стратегия преодоления позитивизма в юриспруденции	159
<i>Копанева В.А.</i> Методологические аспекты исследования социального признания в философии Ю. Хабермаса	162
<i>Сошникова Д.А.</i> Методология исследования реалистического стиля судебной аргументации: прагма-диалектический подход	165
<i>Кузнецова М.Б.</i> Медиаобраз: посредничество и интерпретация.....	169
<i>Липидин Р.Г.</i> Проблемы социальной субъективности: парадоксы и перспективы.....	171
<i>Гапаров И.А.</i> Понятие пользы в системе философии техники П.К. Энгельмейера	174
<i>Ерохин В.С.</i> Социальная нормативность и персональная идентификация	177
<i>Мануйлов В.Т.</i> Конструктивная «теория науки» об аналитической философии науки	180
<i>Мясников А.Г.</i> Проблема адаптации к чрезвычайным ситуациям: философско-методологические аспекты	184
<i>Пролович Т.О.</i> Экономический агент между рациональностью и иррациональностью	187
<i>Перов В.Ю.</i> Проблема морального агентства: нормативный аспект	190
<i>Шкурко Ю.С.</i> Политизированность познавательных и коммуникативных практик отсутствия в контексте биосоциологической дискуссии	193
<i>Шугуров М.В.</i> Междисциплинарное пространство постижения религиозной мистики христианства: рефлексивный подход	196

ЧАСТЬ 5

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

<i>Соколова Е.Т.</i> Не-ментализирующий человек в мире неопределенности – нормализация клинических феноменов	199
<i>Шамионов Р.М.</i> Системно-диахронический подход в социальной психологии личности	201
<i>Рягузова Е.В.</i> Современный взгляд на данность и заданность Другого.....	204
<i>Хорошилов Д.А.</i> Проблема социального зла в психологии XX столетия	207
<i>Гайдар К.М.</i> Субъектный подход в российской социальной психологии групп: история и современность	210
<i>Белинская Е.П.</i> Экзистенциальная фотография: отражение социального мира или его проекция?	213
<i>Марцинковская Т.Д.</i> Историческая психология: вызовы современного цифрового общества .	214
<i>Гарбер И.Е.</i> Философия систематологии (к 100-летию со дня рождения Кристиана Бенга Мадсена).....	216
<i>Акопов Г.В.</i> Психология – перспективы от 1-го и 3-го лица: дуализация, агглютинация; контаминация или отмена предмета.....	219
<i>Фролова С.В.</i> Проблема систематизации видов научного психологического знания и пути ее решения	224
<i>Аксеновская Л.Н.</i> Проект духовной психологии С.Л. Франка: перспективы реализации и развития в контексте ордерного подхода.....	228
<i>Сидоренков А.В.</i> Противоречия: психологическое значение	230

ЧАСТЬ 6

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ

<i>Акимова Н.А., Киреева С.А.</i> Актуализация проблемы адаптации пожилого населения в ситуации пандемии.....	233
<i>Андрянова Е.А., Чернышкова Е.В.</i> Институционализация экспертного знания в медицине....	236
<i>Гришечкина Н.В.</i> Трансдисциплинарность как фактор развития медицинской науки в современном обществе.....	240
<i>Кампос А.Д.</i> Институциональные и коммуникативные аспекты паллиативной помощи	243
<i>Попова О.В.</i> Орфанные заболевания, самоорганизация и феномен гаражной науки.....	246
<i>Седова Н.Н.</i> «Философия медицины» или «Философия и медицина»?	249
<i>Андреев С.И., Дондокова Б.Б., Односталко М.А.</i> К вопросу об онтологических основаниях биоэтики	251
<i>Антипов А.В.</i> Селф-трекинг в медицине и представления о здоровье.....	255
<i>Белялетдинов Р.Р.</i> Траектории развития биобанков: thick concepts и социальное доверие	258
<i>Лаврентьева С.В.</i> Драматизация и прием «остранения» как нарративные инструменты в коммуникации врача и пациента.....	262
<i>Майленова Ф.Г.</i> Специфика восприятия боли в эпоху технологизации медицины.....	264
<i>Михель Д.В.</i> Карантинизм и санитаризм: стратегии обеспечения социального порядка в Европе в контексте борьбы с эпидемиями	267
<i>Тищенко П.Д.</i> О биотехнологическом социально распределённом производстве границ человеческого бытия	270

ЧАСТЬ 7

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

<i>Бекарев А.М.</i> Парадигмы, фреймы и габитус: сравнительный анализ	275
<i>Владимиров П.А.</i> Критика позитивизма и значение науки для философии: к истории опыта русского критицизма.....	277
<i>Годарев-Лозовский М.Г.</i> Принцип суперпозиции модуля действительного числа.....	280
<i>Гончаренко М.В.</i> Теоретические установки, эмпирические критерии и ментальные объекты в контексте исследовательских подходов И. Лакатоса и У. Селларса	283
<i>Денисов В.А.</i> Методы экономического исследования в Лондонском Метрополитан Университете (London Met University)	285
<i>Зверкина Г.А.</i> Общество и позиционная нумерация.....	287
<i>Иванов М.А.</i> Ценностные составляющие философии науки Т. Куна	290
<i>Колесова О.В.</i> Диалектическое прочтение методологии И. Лакатоса.....	293
<i>Конашев М.Б., Федорова А.А.</i> Научные работники и их отношение к распаду СССР	296
<i>Косилова Е.В.</i> Учения о математическом творчестве в классической, неклассической и пост-неклассической философии.....	300
<i>Кускова С.М.</i> Границы применимости метода абстракции	303
<i>Селезнев И.С.</i> Метафизика научного знания Нового времени: на примере трудовой теории собственности Дж. Локка	308
<i>Целищева О.И.</i> Научный прогресс: парадигмы Куна vs переописания Рорти	311
<i>Шестаков А.А.</i> Научные поля как властные институты: исторические и методологические аспекты дисциплинарного самоопределения философии науки	313

ЧАСТЬ 8

РИТОРИКА НАУКИ

<i>Каримов А.Р., Файзиходжаева Д.Э.</i> Добродетельная аргументация и неформальные ошибки	317
<i>Моисеева А.Ю.</i> Оценка эпистемического потенциала группы с точки зрения «релевантно- дистинктивной» версии интеррогативной эпистемологии.....	320
<i>Грифцова И.Н., Сорина Г.В.</i> Нарративно-риторический поворот в истории и методологии науки	323
<i>Останина О.А.</i> Т. Кун об интуиции в структуре научных революций	325
<i>Козлова Н.Ю.</i> Философская риторика: проблема субъективации и субъектности.....	328
<i>Малюкова О.В.</i> Риторическая аргументация в научной дискуссии.....	331
<i>Кузина Е.Б.</i> Двусмысленность: речевой дефект или продукт интерпретации	334
<i>Гриненко Г.В.</i> Риторика науки и принятие решений.....	337
<i>Шатири О.А.</i> К вопросу о проблемах трансляции научного знания в высшей школе	339

ЧАСТЬ 9

НАУКА И ОБЩЕСТВО

<i>Дорожкин А.М., Соколова О.И.</i> Тезис несоизмеримости Т. Куна и его реконструкции	343
<i>Воронина Н.Н., Фейгельман А.М.</i> Социокультурные истоки научной креативности в философии П. Фейерабенда.....	346

<i>Сахарова А.В.</i> Креативность в науке и научная коммуникация	349
<i>Жарков Е.А., Шибаршина С.В.</i> Научное творчество и научная коммуникация: к проблеме творческой лаборатории	352
<i>Иванов Г.Н.</i> Экологическое сознание и публичная научная коммуникация: вызовы и возможности социальных медиа	355
<i>Погожина Н.Н.</i> Анализ связи разграничения «внутренней» и «внешней» истории науки и феномена научной экспертизы с позиции социальной теории науки	357
<i>Барышков В.П.</i> Наука и философия как «бессознательное» культурной эпохи	360
<i>Зиновьев А.О.</i> Позиции Куна и Лакатоса с точки зрения исторической политической социологии	363
<i>Маслаков А.С.</i> Томас Гоббс: социальная теория на стыке парадигм	366
<i>Столярова О.Е.</i> Что общего между позитивизмом и постпозитивизмом?	369
<i>Аргамакова А.А.</i> Теория научных революций после Томаса Куна.....	372
<i>Антипов Г.А.</i> Как возможна эволюционная теория научного познания?	375
<i>Конопкин А.М.</i> Основные идеи постпозитивизма в свете современных представлений о научной теории	378
<i>Писарев А.А.</i> Кун и Оппенгеймер: два направления репрезентации науки в STS и в музее.....	381
<i>Морозов М.Ю.</i> О фрактальной форме научности: к полемике Т. Куна и И. Лакатоса о рациональной реконструкции истории науки.....	384
<i>Костина А.О.</i> Рациональное, иррациональное и неумышленное незнание: пути преодоления через эпистемологию добродетелей	388
<i>Галлямов Р.И.</i> Эпистемическая ответственность и Университет в цифровую эпоху	391
<i>Чеботарева Е.Э.</i> Динозавры, мамонты, странствующие голуби: философские вопросы «второго пришествия»	393
<i>Петев Н.И.</i> Критика аутентичности трансгуманизма как новой парадигмы	396
<i>Сидоров С.П., Файзлиев А.Р., Мельничук Д.В.</i> Расширенные модели предсказания динамики роста хештегов	399
<i>Заладина М.В., Шетулова Е.Д.</i> Отчуждение и присвоение как аспекты существования и функционирования науки	401
<i>Асташова Н.Д.</i> Пространственное и средовое определение научной деятельности.....	405
<i>Бакулов В.Д., Силенко С.В.</i> К вопросу о трансформации ценностно-целевых императивов научной и образовательной деятельности	408
<i>Лобастова В.А.</i> Наука как проект интеллектуализации социального мира.....	411
<i>Сомова О.А.</i> О математических методах в гуманитарных исследованиях: о «кризисе» каких наук писал Гуссерль	414
<i>Юсупова Т.И.</i> Историк Академии наук в идеологических конструктах второй половины XX века: Ю.Х. Копелевич и А.В. Кольцов	417
<i>Скрыдлов А.Ю.</i> Восприятие статистического знания российским обществом первой четверти XIX в.: формы, каналы, контексты	419
<i>Сокулер З.А.</i> История аэродинамики и сильная программа в социологии познания.....	422
<i>Куксо К.А.</i> Эпидемиология Гипократа и Фукидида: парадигмальные трактовки эпидемии ..	425
<i>Куприянов В.А.</i> Социальные академические интернет-сети и формы власти в условиях цифровизации	428
<i>Милославов А.С.</i> Computer science как лаборатория для исследования «Коллективной Науки».....	431
<i>Шиповалова Л.В.</i> История и историки в политике.....	435
<i>Хмелевская С.А.</i> Научное знание в разных моделях эпистемократии	438
<i>Буртовая Ю.В.</i> Конкуренция в науке (международный аспект)	441

ЧАСТЬ 10

НАУКА И РЕЛИГИЯ

<i>Воробьев Д.В.</i> Идея творения мира из ничего в истории науки, философии и христианского богословия: единство научной и религиозной космологии	446
<i>Герасимова И.А.</i> Проблемы научной и религиозной картин мира (на примере древнерусской книжной культуры)	449
<i>Степанова Е.А.</i> Наука и религия в контексте множественных реальностей	452
<i>Шимельфениг О.В.</i> Сюжетно-игровая парадигма как философский синтез науки и религии... ..	455
<i>Поляков Н.С.</i> Пародийные религии и продвижение научного мировоззрения (на примере пастафарианства)	458
<i>Михельсон О.К.</i> Постсекулярная религиозность и популярная культура: религиозные сюжеты в творчестве современных популярных певцов	461
<i>Чернецов М.А.</i> История и современные тенденции анализа постсоветской религиозности.....	464
<i>Тимощук А.С.</i> Судьба эволюционного учения в Международном обществе сознания Кришны	468
<i>Зубковская А.А.</i> «Новый анимизм» и подходы к изучению религии.....	471
<i>Чумакова Т.В.</i> Изучение «картины мира» православного духовенства Российской империи ..	474
<i>Боков Г.Е.</i> Профессор-протоиерей Павел Светлов о религии, науке и образовании в России в конце XIX – начале XX века.....	477
<i>Пызигов Д.Д., Блинкова А.О.</i> Что читали ученики духовных школ в XIX – начале XX вв.?.....	480
<i>Аринин Е.И.</i> «Вернакулярная религиозность»: уровни аутопойезиса в глобальном и локальном контекстах	483
<i>Забияко А.П.</i> Факторы формирования символического поведения: региональный аспект	486
<i>Шахнович М.М.</i> Координационная комиссия по вопросам организации научно-атеистической пропаганды при Президиуме АН СССР (1955-1956 гг.) и Отделения по естественным наукам.....	488
<i>Лютаева М.С.</i> Теоретико-методологический подход Н. Лумана в изучении религии в контексте религиоведения	491

ЧАСТЬ 11

ФИЛОСОФСКАЯ ЛОГИКА

<i>Васюков В.Л.</i> Универсум переводов логических систем.....	494
<i>Девяткин Л.Ю.</i> Референциально двузначные семантики для инференциально многозначных логик.....	497
<i>Григорьев О.М.</i> Четырехзначные логики циклического отрицания и классическая логика	500
<i>Попов В.М.</i> О непараполноте интуиционистской пропозициональной логики.....	502
<i>Петрухин Я.И., Шангин В.О.</i> О логике атомарных транзакций Радзкого	504
<i>Беликов А.А.</i> Звёздная семантика для ETL и NFL	508
<i>Ильин А.А.</i> Силлогистика, двойственная по истинностным значениям силлогистике Льюиса Кэрролла.....	510
<i>Маркин В.И.</i> Учение об обращении в универсальном силлогистическом языке	513
<i>Ивлев Ю.В.</i> Квазифункциональная логика как теоретическое знание	516
<i>Перминов В.Я.</i> Деятельностное обоснование логических норм	519
<i>Архиереев Н.Л.</i> Нормативная и дескриптивная традиции в философии науки: возможные стратегии конвергенции.....	521
<i>Серкова В.А.</i> Феноменологические ориентиры логики	524

<i>Черноскотов Ю.Ю.</i> И.Н. Бродский, А.Н. Книгин и начало исследований по символической логике на философском факультете ЛГУ	527
<i>Горюнов А.В.</i> Логическое отрицание как конструктивный процесс.....	530
<i>Арапова Г.В.</i> Категории семантики возможных миров для эпистемической логики	533
<i>Павлухина П.А.</i> О пропозициональном характере восприятия	536
<i>Микиртумов И.Б.</i> Отношение именованию на границе восприятия и концепта	539

ЧАСТЬ 12

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

<i>Даниелян Н.В.</i> Эпистемологические проблемы осмысления искусственного интеллекта.....	543
<i>Ганичев Н.А., Кошовец О.Б.</i> «Цифровая экономика» как практическое воплощение рациональности	546
<i>Лешкевич Т.Г.</i> Сдвиги смыслообразования под воздействием фронтиров цифровой эры: взгляд методолога.....	550
<i>Очеретяный К.А.</i> Перформативная эволюция интерфейса: интегрированная среда, зона контролируемой аддикции, экологическая ниша	553
<i>Паткуль А.Б.</i> Возможна ли региональная онтология цифровой реальности?.....	556
<i>Пржиленский В.И.</i> Цифровые реальности и способы их конструирования.....	559
<i>Шевцов К.П.</i> Смысл, структура и руины визуального.....	561
<i>Ястреб Н.А.</i> Наука о данных как машинный неоплатонизм	564
<i>Маслов В.М.</i> Художественная футурология и проблема цифровой/виртуальной реальности ..	567
<i>Фозилзода Е.Н.</i> Трансформация трудовой идентичности человека в информационном обществе	569
<i>Балакирева Т.А.</i> Этические вопросы взаимодействия с искусственным интеллектом (на примере сюжета компьютерной игры «Detroit: Become Human»)	572

ЧАСТЬ 13

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОЗИТИВИЗМА: ОПЫТ И СТРАТЕГИИ ИСТОРИКОВ НАУКИ

<i>Кузнецова Н.И.</i> Томас Кун как историк науки	576
<i>Илизаров С.С.</i> Союз истории и философии науки в Институте истории естествознания и техники в 1962–1988 гг.....	579
<i>Родный А.Н.</i> Историки науки в поисках своей профессиональной идентичности	582
<i>Герович В.А.</i> Социальные механизмы развития математического знания: экспертиза, мода, перевод.....	585
<i>Гороховская Е.А.</i> Взгляд Томаса Куна на развитие науки в поздний период его творчества....	588
<i>Кожевников А.Б.</i> Томас Кун, Пол Форман, и квантовые историографии науки	591
<i>Фандо Р.А.</i> О конкуренции различных парадигм в биологии: исторические и методологические основания	594
<i>Визгин В.П.</i> Эйнштейн как «пробный камень» историографических (или философско-научных) концепций.....	598
<i>Желтова Е.Л.</i> Монгольфьер как актер: социокультурная прогулка с Бруно Латуром	600
<i>Жаров А.М.</i> Мнимое противоречие революции и эволюции в эпистемологии Т. Куна.....	603

ЧАСТЬ 14
**ВТОРАЯ КВАНТОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ**

<i>Головки Н.В.</i> Информация и естественная необходимость в модальном реализме Дж. Лэдимена.....	607
<i>Иванов Е.М.</i> Квантовая реальность и сознание	610
<i>Ильичёв Л.В.</i> Модель контроля квантовой системой её информационных контактов с окружением	613
<i>Копейкин К.В.</i> Новая парадигма века второй квантовой революции	615
<i>Нечипоренко А.В.</i> Проблема единого и многого в фундаментальной онтологии	619
<i>Прись И.Е.</i> Кьюбизм и контекстуальный квантовый реализм	624
<i>Рыбакова И.А.</i> Гетенианские мотивы в философии физики В. Гейзенберга и их современная интерпретация.....	627
<i>Севальников А.Ю.</i> Квантовый разрыв	630
<i>Спасков А.Н.</i> Квантово-информационный подход в субстанциальной онтологии.....	633
<i>Терехович В.Э.</i> Вторая квантовая революция и реальность возможных миров	636
<i>Французов П.А.</i> Принцип соответствия в квантовой механике	639

ЧАСТЬ 15
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ НАУКИ

<i>Порус В.Н.</i> Политическая субъектность науки: к новому содержанию понятия	641
<i>Черникова И.В.</i> Технонаука и университет в эпоху политики постправды	644
<i>Буковская Н.В.</i> Наука как форма легитимации власти	647
<i>Шибаршина С.В.</i> К проблеме наукокрации в различных ее трактовках	650
<i>Николина Н.В., Беляков Н.В.</i> «Эпистемическая коррупция» в производстве научных знаний .	653
<i>Тухватулина Л.А.</i> «После постпозитивизма: как вернуть доверие “расколдованной” науке?»	656
<i>Жарков Е.А.</i> Аспект «не-знания» в свете политической субъектности науки	659
<i>Масланов Е.В.</i> Техногенная цивилизация и политическая субъектность науки	662

ЧАСТЬ 16
**КАНТОВСКИЙ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ КАК «МЕТАФИЗИКА
ВОЗМОЖНОГО ОПЫТА»: РЕАЛИЗМ И/ИЛИ АНТИ-РЕАЛИЗМ
(КОНСТРУКТИВИЗМ)**

<i>Катречко С.Л.</i> Кантовский трансцендентализм как альтернатива натурализму и конструктивизму	665
<i>Медова А.А.</i> Две стратегии трансцендентальных исследований	669
<i>Семенов В.Е.</i> Эпистемологическая парадигма И. Канта	672
<i>Меттини Э.</i> Антиномии чистого разума и трансцендентальный метод	675
<i>Счастливецва Е.А.</i> К вопросу о возможном опыте в трансцендентальной философии И. Канта	679
<i>Шамарина Е.Т.</i> Неокантианская перспектива теории научных революций Куна	681
<i>Косыхин В.Г.</i> Мистический реализм Ж. Батая и М. Бланшо как альтернатива «метафизике возможного опыта»	684
<i>Попов Д.Н.</i> Трансцендентализм и стратификация реальности	688

<i>Шиян А.А.</i> Конструктивизм и реализм как стратегии интерпретации феноменологии Гуссерля	691
<i>Мишагин П.А.</i> Свобода как невозможный опыт: реализм Иммануила Канта	694
<i>Вишняков Д.А.</i> Роль социального в конструктивистской методологии Б. Латура	697
<i>Тимощук Е.А.</i> Кинофеноменология как метафизика возможного опыта	700

ЧАСТЬ 17

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИФА В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

<i>Нехамкин В.А.</i> Мифология в концепциях начала Великой Отечественной войны и пути ее выявления (опыт использования методологии научно-исследовательских программ)	704
<i>Линченко А.А.</i> Что такое демифологизация? Теоретико- методологический аспект	707
<i>Романовская Е.В.</i> Идея социальной памяти: М. Хальбвакс и А. Варбург	709
<i>Иванов А.Г.</i> Возможности использования объектно-ориентированного подхода и акторно-сетевой теории при исследовании процессов мифологизации и мифотворчества	712
<i>Полякова И.П.</i> Методология исследования мифологии повседневности	716
<i>Бакаева Ж.Ю., Стеклова И.В.</i> Миф и научная рациональность	718
<i>Тихонова С.В.</i> Советская ностальгия как цифровой миф	721
<i>Цельковский А.А.</i> Эвристические функции современной мифологии: на примере советской и российской мифотворческой практики	724
<i>Артамонов Д.С.</i> Цифровой поворот в исследованиях социальных мифов	727

ЧАСТЬ 18

ЦИФРОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Дыдров А.А.</i> К вопросу о предмете цифровой антропологии	731
<i>Смирнов С.А.</i> Форсайт человека: концептуальная рамка для цифровой антропологии будущего	734
<i>Пеннер Р.В.</i> Цифровая идентичность в ряду других идентичностей	737
<i>Блинова О.А., Горбунова Ю.А.</i> Маргинальный характер цифровой гражданской субъектности	739
<i>Данилкина Н.В.</i> Моральная аутентичность человека или искусственное Я?	743
<i>Соломко Д.В.</i> Возможности цифровых технологий в образовательной деятельности: экогуманистический подход	746
<i>Миляева Е.Г.</i> Самопрезентация в социальных сетях как компонент цифровой грамотности современного преподавателя	749
<i>Гулеватая А.Н.</i> (Само)образование в цифровом XXI веке: экзистенциально-антропологическое понимание	752
<i>Петровская Ю.А.</i> Инновационный тип личности: теоретическая модель и проблемы формирования новой высокоресурсной социальной группы в российском обществе	755
<i>Минченко А.Н.</i> Культурный разрыв в контексте медиа и интернет-технологий	759
<i>Гредновская Е.В., Емченко Е.П.</i> Между меметикой и мемологией: постсовременные рефлексии о единицах культурной информации	764

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

ПО ТУ СТОРОНУ ПАРАДИГМЫ (НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ НЕ ПО КУНУ)

И.С. Дмитриев

*Доктор химических наук, профессор Института философии человека
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
E-mail: isdmitriev@gmail.com*

Концепция научных революция Т. Куна уже неоднократно была предметом критики. Важно отметить, что собственно феномену научной революции Кун уделяет весьма ограниченное внимание, сравнивая революцию либо с религиозным обращением, либо с переключением гештальта. Подобные сравнения, однако, весьма поверхностны. В настоящей работе намечено новое понимание научной революции как результата резонанса интеллектуальных трендов эпохи. Именно квазисовременное действие различных по своему характеру факторов (от великих географических открытий до социальных катаклизмов в военно-политической оболочке и религиозной Реформации) привели к революционным изменениям в натурфилософии, которые, в свою очередь, породили (уже в XVIII столетии) собственно научную революцию.

Ключевые слова: Т. Кун, научная революция, резонанс интеллектуальных трендов

ON THE OTHER SIDE OF THE PARADIGMA (SCIENTIFIC REVOLUTIONS
NOT ACCORDING TO Th. KUHN)

I.S. Dmitriev

*DSc in Chemistry, Professor at Institute of Human Philosophy
The Herzen State Pedagogical University of Russia
E-mail: isdmitriev@gmail.com*

T. Kuhn's concept of scientific revolution has repeatedly been the subject of criticism. It is important to note that Kuhn pays very limited attention to the phenomenon of the scientific revolution itself, comparing the revolution either with a religious conversion or with a gestalt switch. Such comparisons, however, are very superficial. This paper outlines a new understanding of the scientific revolution as a result of the resonance of the intellectual trends of the early modern period. It was the quasi-simultaneous action of various factors (from the great geographical discoveries to social cataclysms and the religious Reformation) that led to revolutionary changes in natural philosophy, which, in turn, gave rise (already in the XVIIIth century) to the actual scientific revolution.

Keywords: T. Kuhn, scientific revolution, resonance of intellectual trends

Концепция развития науки, изложенная Т. Куном в монографии «*The Structure of Scientific Revolutions*» (первое издание – 1962 год [1], русский перевод [2]), неоднократно служила предметом критического анализа (см., например, [3], [4], [5]). При этом критики отмечали, наряду с прочими недостатками куновской концепции, что в ней «понятие “научной революции” не играет сколько-нибудь значимой роли» [5, с. 8]. Действительно, научную революцию Кун представлял как ситуацию глубокого кризиса фундаментальных оснований «нормальной» науки, как период идейного разброда и шатаний, как время крушения ранее принятых парадигм. Ссылаясь на разные исторические примеры, главным образом, на научные революции Нового времени и начала XX столетия, Кун отмечал, что «возникновению новых теорий, как правило, предшествует период резко выраженной профессиональной неуверенности. Вероятно, такая неуверенность порождается постоянной неспособностью нормальной науки решать ее головоломки в той мере, в какой она должна это делать. Банкротство существующих правил означает прелюдию к поиску новых» [2, с. 94–95]. Кризисы, по Куну, разрешаются «не в результате размышления и интерпретации, а благодаря в какой-то степени

неожиданному и неструктурному событию (забавно читать о том, что научная революция является неструктурным событием в книге под названием «Структура научных революций», – *И. Д.*), подобному переключению гештальта. После этого события ученые часто говорят о “пелене, спавшей с глаз”, или об “озарении”, которое освещает ранее запутанную головоломку, тем самым приспособляя её компоненты к тому, чтобы увидеть их в новом ракурсе, впервые позволяющем достигнуть её решения» [2, с. 158].

Концепция научных революций, предложенная Т. Куном при всей ее привлекательности в целом не отвечает историко-научным реалиям (чего нельзя сказать о множестве частных наблюдений и констатаций, рассеянных в тексте книги Куна). Уже трактовка Куном первого избранного им примера – создание Н. Коперником гелиоцентрической теории – вызывает принципиальные возражения. Кун исходит из того, что хотя кризис парадигмы имеет множество составных частей, его «ядром ... все же остается неспособность справиться с техническими задачами» по решению «головоломки» [2, с. 97]. В контексте этого утверждения Кун констатирует, что «положение астрономии Птолемея было скандальным еще до открытий Коперника» [2, с. 94].

Последнее утверждение не соответствует реальности ни исторически, ни теоретически. С чисто расчетной точки зрения можно говорить о теории Птолемея – Коперника. В такой теории, как было показано К. В. Холшевниковым, «практически любое движение представляется эпициклической моделью (как гео-, так и гелиоцентрической. – *И. Д.*) с бесконечным числом эпициклов точно, а при конечном числе эпициклов – с любой наперед заданной точностью» [6, с. 189]. Иными словами, теория Птолемея – Коперника на сколь угодно большом промежутке времени отклоняется от наблюдений на сколь угодно малую величину при достаточном числе эпициклов и оптимальном определении параметров. И ни о каком «скандальном» положении теории Птолемея (в том, что касается «технических задач», т. е. «ядра кризиса», по Куну) говорить не приходится. Коперник «повернул апсиды» совсем по иным причинам, никак не связанным с точностью и якобы с низкой прогностической способностью теории Птолемея (о чем подр. см. [7]).

Видимо, ошибка Куна связана со следующим обстоятельством. В 1957 году он опубликовал монографию «*The Copernican Revolution*» [8], но в «*The Structure*» он ссылается не на свою вышедшую пятью годами ранее книгу, а на работу А. Р. Холла [9]. И это не случайно. В историко-научной книге Куна 1957 года кризисная ситуация в докоперниканской астрономии не просматривается (даже слова «*crisis*» и «*scandal*» отсутствуют), тогда как Холл, который, в отличие от Куна, не имел естественнонаучного образования, прямо указывает, что «*unfortunately it was well known by 1500 it was a scandal to learning that calculations were not verified by observation. Eclipses and conjunctions, matters of great astrological significance, did not occur at the predicted moments*» [9, p. 16]. И это не частный просчет Куна. Кризисы в науке, как он их описывает, – явление исключительно редкое, и, как правило, кризис парадигмы – это постфактум сконструированный феномен, результат реконструкции истории, проведенной «победителями».

Уподобление же научной революции гештальт-переключению, на мой взгляд, вообще не выдерживает критики, поскольку научная революция – это не катаклизм, а длящийся годами, иногда десятилетиями сложный многофакторный процесс. Вся внутренняя структура движения от одной парадигмы к другой определяется тем, что новые идеи, методы и ценности формировались и вызревали в недрах «старого порядка», старой картины мира. (Впрочем, появление той или иной новаторской идеи у отдельного ученого можно интерпретировать в терминах переключения гештальта или, как это делал Кун, прибегая к аналогии, впрочем, весьма поверхностной, с религиозным обращением).

Хотя говорить о сколь-либо определенной структуре научной революции весьма затруднительно (в силу хаотизации и фрагментации интеллектуального поля и сообщества), из этого обстоятельства отнюдь не следует, что о процессе смены парадигм нельзя сказать вообще ничего содержательного. Некоторые важные особенности указанного процесса выделить все-таки можно. Остановлюсь на двух важнейших.

I. Первая особенность научных революций связана с тем, что я буду называть (разумеется, с определенной долей условности) *принципом Гейзенберга*: «в науке хорошую и плодотворную революцию можно совершить только тогда, когда мы пытаемся внести как можно меньше изменений, когда ограничиваемся прежде всего разрешением узкой, четко очерченной проблемы. Попытка отказаться от всех прежних вещей или изменить их по своему произволу ведет к чистой бессмыслице» [10, с. 420]. К примеру, М. Планк не был удовлетворен своим подходом к проблеме определения спектра теплового излучения и неоднократно, хотя и безуспешно, предпринимал попытки «как-либо (*irgendwie*) ввести квант действия в систему определений классической физики» [11, S. 24]. В целом же, создание квантовой теории – это не результат внезапного озарения (инсайта или *Gestalt switch*)

одного человека, оформленного затем в виде доклада с последующей публикацией, но итог длительного и сложного процесса. И если говорить о вкладе М. Планка в этот процесс, то следует отметить, что именно в игре разнообразных концептуальных ресурсов (электродинамика, термодинамика, кинетическая теория газов), т. е. в процессе оперирования с несколькими исследовательскими традициями при готовности исследователя хотя бы отчасти «поступиться принципами» (или имитировать отход от традиции) ради формального успеха родилась математическая конструкция, которой затем было суждено обрести физическую трактовку, что и стало началом научной революции в физике (о чем подр. см. [12]).

Если же обратиться к другой референтной научной революции – натурфилософской революции раннего Нового времени, – то следует отметить активизацию аристотелизма после XV века, которая произошла не благодаря узко филологическому подходу гуманистов к поиску «настоящего» Аристотеля, а скорее благодаря сохраняющейся способности аристотелизма пропитывать старое «новым», где «новое» понималось через призму недавно введенных в интеллектуальный оборот работ греческих авторов и комментаторов, чьи труды и идеи не были частью средневекового перипатетизма. Возрожденный аристотелизм стал настолько емким, что каждый натурфилософ мог в нем найти что-то для себя. К примеру, Н. Коперник, хотя и предложил неаристотелевскую космологию, которая, в свою очередь, требовала создания неаристотелевской физики, но оставался аристотеленианцем настолько, насколько это было совместимо с его «пифагорейским» учением; его физика могла быть антиаристотелевской «*in specie*», но была полностью аристотелевской «*in genere*», и, в итоге, его аргументы имели большое сходство с аргументами отвергнутой им физики.

Здесь уместно вспомнить высказывание Ф. Артога: «новоевропейские люди ... пытались творить новое из того, от чего думали избавиться, но еще не имели возможности без него обойтись» [13, с. 68].

II. Вторая особенность научных революций связана с тем, что они, как крупные идейные повороты, как выходы «за пределы данного, очевидного и даже мыслимого благодаря вторжению внешнего многообразия во внутреннюю интеллектуальную историю» [5, с. 12], представляют собой результат *резонанса* интеллектуальных и социокультурных трендов эпохи (Назову это особенность научных революций *принципом резонанса интеллектуальных трендов*). Кстати, это относится не только к революциям научным, но и к социальным. К примеру, авторы замечательной монографии, посвященной истории Французской революции, один из параграфов, в котором речь шла о причинах этой революции, назвали «Социальный резонанс». Их вывод: «Финансовый дефицит, падение цен, неурожай, фронда знати и парламентов, голодные бунты, слабость центральной власти – все это бывало в истории Франции и раньше, но в разные периоды. Одновременное же действие всех этих негативных факторов вызвало тот социальный резонанс, которые и привел к краху Старого порядка» [14, с. 24]. Аналогичные заключения можно сделать и в отношении научных революций, и в частности, «научной революции» Нового времени.

Именно одновременное действие в течение некоторого исторического периода различных по своему характеру факторов (главные из которых – великие географические открытия, прежде всего открытия Колумба; изобретение книгопечатания; религиозная Реформация; *Military revolution*; философские новации; новые тенденции в литературе и в искусстве, в частности, изобретение линейной перспективы; социальные катаклизмы в военно-политической оболочке; изменения в менталитете интеллектуала раннего Нового времени, о чем подр. см. [15]) способствовали революционным изменениям в натурфилософии, которые, в свою очередь породили собственно научную революцию. При этом разные факторы отличались не только интенсивностью своего воздействия, меняющейся в динамике интеллектуальной *bellum omnium contra omnes* (а научная революция на каком-то этапе превращается именно в интеллектуальную холодную войну, исход которой не известен заранее ни одной из противостоящих сторон [18]), но и направленностью своего действия. Скажем, изобретение книгопечатания коренным образом изменило скорость и характер распространения идей, а также коммуникативные технологии Европы, а социально-экономические кризисы и войны стимулировали творческую активность индивидов и т. д. Отнюдь не сводя причины нововременной научной революции к зарождению раннекапиталистической экономики, уместно, однако, отметить важное обстоятельство, связанное с экономическим фактором: экономическая деятельность в Новое время стала приобретать все более опосредованный характер, ее простой и некогда очевидный механизм заметно усложнился. К XVII столетию в европейской социально-экономической жизни проявляются две важные особенности: 1) акцент на, как бы мы сегодня сказали, эффективности деятельности и 2) дистанцированность истока (причины) экономического действия от его результата, наличие системы постоянно усложняющихся промежуточных звеньев-механизмов рынка, причем, рынка, понимаемого не только как чисто экономическое явление, но и в более широком

плане – как универсальный стохастический (т. е. вероятностный, точно непредсказуемый) механизм-интегратор всей жизни общества и социального поведения, как образ жизни. Все это оказывало самое существенное и непосредственное влияние на психологию, социальное поведение и менталитет европейцев XVI – XVII веков: находясь в ситуации «игры на грани краха», человек жил в постоянном напряжении, в постоянном ощущении риска. Человеку приходилось надеяться только на самого себя и на Бога, быть по возможности дальновидным и расчетливым, проявлять ловкость и изворотливость. В этих условиях сознание индивида как бы раздваивалось, мировоззрение приобретало рационально-иррациональный характер:

– признание однозначной связи наблюдаемого поведения объекта и определяющего это поведение скрытого, но умопостигаемого и выразимого в понятиях механизма, и в то же время...

– признание непредсказуемости божественных намерений и целей, иррациональности божественной воли и, наконец, иррациональности «активных начал» Природы.

Отсюда поразительная идейная гетерогенность философской и научной литературы того времени. Наряду с сочинениями Декарта, Гассенди, Галилея, Бойля большой (нередко большей) популярностью пользовалась эзотерическая литература – трактаты Гермеса Трисмегиста, Альберта Великого, Раймунда Луллия, анонимный «*Turba philosophorum*» и др.

Понимание научной революции как резонансного феномена, разумеется, требует дальнейшей детальной разработки. Мне представляется, что на современном этапе развития истории и философии науки резонансная модель научных революций оказывается более других адекватной наличному историко-научному материалу и весьма перспективной.

Литература

1. *Kuhn Th.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. xv, 172 p.
2. *Кун Т.* Структура научных революций / Перевод с англ. И. З. Налетова. Общ. Ред. и послесловие С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
3. *Fuller S.* Thomas Kuhn: A Philosophical History for Our Times. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2000. 490 pp.
4. *Маркова Л.А.* Томас Кун вчера и сегодня // Философия науки. Вып. 10. М.: ИФ РАН. 2004. С. 29–48.
5. *Касавин И. Т., Порус В. Н.* Возвращаясь к Т. Куну: консервативна ли «нормальная наука»? // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. No 1. С. 6–19.
6. *Холшевников К. В.* Точность эпициклической теории // На рубежах познания Вселенной (Историко-астрономические исследования, XXXIV) / Под ред. А. А. Гурштейна. М.: ТОО фирма «Янус», 1994. С. 181–191.
7. *Дмитриев И. С.* Искушение святого Коперника: ненаучные корни научной революции. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. 278 с.
8. *Kuhn Th.* The Copernican Revolution: Planetary Astronomy in the Development of Western Thought. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1957, XVIII, 297 p.
9. *Hall A. R.* The Scientific Revolution: 1500-1800. London, New York: Longmans, Green, 1954. XVII, 390 p.
10. *Гейзенберг В.* Избранные философские работы: Шаги за горизонт; Часть и целое (беседы вокруг атомной физики) / Пер. с нем. А. В. Ахутина, В. В. Библихина. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 572 с.
11. *Planck M.* Vorträge, Reden, Erinnerungen / Hrsg. von Hans Roos; Armin Hermann. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2001. 224 S.
12. *Дмитриев И. С.* «Я не особо думал об этом» (М. Планк и квантовая революция) // Дискурс, 2019. Том 5. No 5. С. 5–19.
13. *Артог Ф.* Картины мира и представления о времени // Логос. 2021. Т. 31. No 5. С. 59–76.
14. *Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В.* Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн: Пост Наука, 2020. 468 с.
15. *Якимович А. К.* Искусство непослушания. Вольные беседы о свободе творчества. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. 573 с.
16. *Дмитриев И. С.* «Tempus spargendi lapides»: размытая структура научных революций // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. No 4. С. 189–205.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРАДИГМЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

С.Н. Жаров

Доктор философских наук, доцент факультета философии и психологии

Воронежский государственный университет

E-mail: zharov_sn@mail.ru

Рассматривается вопрос о законах формирования научной парадигмы в контексте смыслового мира культуры. Для его решения необходимо найти такую форму существования науки, в которой раскрывается внутренняя связь между научными идеями и культурными смыслами. Эта форма может быть выражена через понятие социокогнитивного контура. Социокогнитивный контур – это знание, взятое в контексте его социального и культурного функционирования. Связь логически нерелевантных идей здесь осуществляется через социокогнитивный дискурс, состоящий из двух уровней. Первый, очаговый уровень – это парадигмальное знание, выраженное в социально-коммуникативных практиках. Второй, фоновый уровень – это социальные коммуникации, в которых циркулируют непарадигмальные (в том числе – ненаучные) смыслы. История культуры рождает ситуации, в которых ненаучные сюжеты фонового дискурса могут быть легитимизированы для включения их в очаговый дискурс.

Ключевые слова: Социокогнитивный контур, социокогнитивный дискурс, очаговый и фоновый дискурс

THE MECHANISMS OF FORMATION OF THE PARADIGM IN THE CONTEXT OF CULTURE

S.N. Zharov

DSc in Philosophy, Associate Professor of Philosophical and Psychological Faculty

Voronezh State University

E-mail: zharov_sn@mail.ru

Article considers a question about laws of formation of a scientific paradigm in a context of the meanings world of culture. For its decision it is necessary to find a such form of existence of science in which internal communication between scientific ideas and cultural meanings is visible. This form can be expressed through a concept of a sociocognitive contour. The sociocognitive contour is the knowledge taken in the context of its social and cultural functioning. Communication of logically irrelevant ideas happen out through the sociocognitive discourse consisting of two levels. The first, focal level is the paradigmatic knowledge which is expressed in socio-communicative practitioners. The second, background level is social communications, in which circulate not-paradigmatic (including unscientific), meanings. The cultural history gives rise to situations in which unscientific plots of a background discourse can be legitimized for their inclusion in a focal discourse.

Keywords: sociocognitive contour, sociocognitive discourse, focal and background discourse

Ключевой проблемой является нахождение общей закономерности формирования научных парадигм. Возникновение новой парадигмы в общем случае не может быть объяснено внутренней логикой науки. Необходимо обратиться к социокультурной среде, в которой развивается научное познание. И здесь сразу встает вопрос о связи между смысловым миром культуры и сферой научных идей (см. работы Ф. А. Йетс [1], П. Формана [2], П. П. Гайденко [3], Л. М. Косаревой [4], В. Н. Катасонова [5], И. С. Дмитриева [6]).

Обычно внутренняя соотнесенность науки и культуры рассматривается в контексте определенного научного переворота. Это позволяет максимально конкретно проследить взаимовлияние этих двух сфер. С другой стороны, остается открытым вопрос об общих закономерностях развития науки. Чтобы увидеть эти закономерности, нужно выделить форму существования науки, явно связанную со смысловым миром культуры. В качестве такой формы (можно сказать, «клеточки»), соединяющей культурно-смысловые и когнитивные процессы, выступает

социоконитивный контур (это понятие было введено в моей работе [7, с. 20–24]). Социоконитивный контур – это знание, взятое в единстве со способами его социокультурного функционирования. Такой контур образуется из следующих уровней: 1) знание; 2) социальная действительность, взятая в аспекте ценностей, установок, социальных институтов; 3) практическое применение знания; 4) реальность, какой она выделена работой контура.

Там, где наука представлена в виде *знания*, всегда возникает вопрос, в силу каких влияний происходит размыкание логических контуров, позволяющее встраивать в науку новые идеи и смыслы. Но если представить науку в виде *социоконитивных контуров*, то очевидно, что эвристическое размыкание научной логики происходит в тех звеньях, где знание переплетено с разнообразными (в том числе и ненаучными) смысловыми сюжетами. Общий механизм такого размыкания может быть представлен в виде *социоконитивного дискурса* [8]. Такой дискурс – это социокультурная коммуникативная практика, где мысль, выражена не только в слове, но и в социальных актах и испытывает прямое влияние социальных смыслов. Согласно И. Т. Касавину, дискурс содержит в себе «внутреннюю социальность» [9, с. 108]. Для рассматриваемой темы важно, что такого рода социальность работает не только в виде явных социальных установок. Она выражает себя в смысловых интенциях и запретах и сама оказывается под влиянием культурных смыслов, с которыми неразрывно связан способ ее существования и действительности.

Простейшим примером социоконитивного дискурса выступает то, что П. Галисон назвал *зонами обмена*. Это понятие используется им «для обозначения социального и интеллектуального пространства, в котором связываются воедино дотоле разобщенные традиции экспериментирования, теоретизирования и изготовления научных инструментов» [10, с. 76]. Однако истоки инноваций здесь ищутся лишь *внутри самой науки*. Можно согласиться с А. М. Дорожкиным, указывающим на существование негалисоновских зон обмена, где «общение должно возникнуть между представителями научного и ненаучного сообществ» [11, с. 112]. Однако здесь возникает проблема несопрягаемости науки и вненаучных традиций: «...они пребывают в своих парадигмах, знания которых несовместимы друг с другом» [12, с. 10].

В истории науки легко обнаружить примеры пересечения научного и вненаучного подходов, однако отсутствует понимание общих закономерностей этого процесса. Введенные выше понятия позволяют увидеть каналы, связывающие разные уровни социоконитивного контура. Здесь важно различать два типа дискурса – *очаговый* и *фоновый*.

Очаговый дискурс есть коммуникативная реализация научной парадигмы. Фоновый дискурс, будучи окружением очагового, может включать в себя как непарадигмальные научные идеи, так и вненаучные подходы и смыслы. *Парадигмальная концепция* по определению замыкается в себе, отстраняясь от внешних для нее смыслов. Однако *ученые* неизбежно включены в сетку не только очагового, но и фонового дискурса. Это обстоятельство само по себе является необходимым условием размыкания парадигмальных сюжетов. Однако данное условие не является достаточным. Пока фоновые сюжеты не легитимизированы в качестве возможных элементов очагового дискурса, они присутствуют в сознании ученых, но не могут войти в сферу научных суждений. Но как только легитимизация состоялась, эти сюжеты попадают в русло научного поиска. Более того, такая легитимизация может идти в обход парадигмальных критериев. Примером являются истоки коперниканской революции.

Согласно Копернику, проблема (в нашей терминологии – очаговый дискурс) заключалась в «способе расчета движений мировых сфер» [13, с. 12]. Аргументируя поворот к гелиоцентризму, Коперник ссылается на герметическую традицию. «Гермес Трисмегист называет его (Солнце. – С. Ж.) видимым богом... Солнце, как бы восседая на царском троне, правит обходящей вокруг него семьей светил» [13, с. 35]. Вспоминается замечание Ф. А. Йейтс: «...революция Коперника происходит в рамках религии космоса» [1, с. 146]. Это странно, ведь Коперник был каноником католической церкви. Если исходить из логики, то христианство несовместимо с герметизмом, где человек рассматривается в качестве соразмерного Богу правителя космоса. «Бог, демиург космоса... человека он создал..., чтобы вместе с ним управлять космосом» [14, с. 205]. И все же изображение Гермеса Трисмегиста присутствует в Сиенском соборе, а герметические идеи оказали влияние на интеллектуальные поиски Ренессанса [15; 1; 4, с. 151–164]. Возможность этого была заложена *фоновым* дискурсом, сопровождавшим борьбу раннего христианства за культурное доминирование. Именно здесь был легитимизирован когнитивный статус герметического наследия.

Ранние христианские мыслители нередко обращались к дохристианской мудрости, усматривая в ней предвосхищение христианских идей. В качестве такого мудреца и был воспринят легендарный Гермес Трисмегист, который, по словам Лактанция, «многое сказал о Боге, Отце всех, и о Боге

Сыне...» [16, с. 296]. Обращение к герметизму вначале было продиктовано пропагандистскими соображениями. «Лактанций стремился ссылками на Гермеса Трисмегиста убедить своих языческих читателей в истинности христианского откровения» [17, с. 13]. Тем самым герметизм был узаконен в качестве духовной предтечи христианства – «...за Гермесом Трисмегистом закрепились репутация... языческого пророка христианской истины...» [17, с. 19].

Здесь для нас важны не просто исторические факты, а *дискурсивный механизм их генезиса*. Когнитивный авторитет у нового смыслового элемента появился в результате ситуативной социальной мотивации, которую невозможно было оправдать внутрипарадигмальным способом. Аналогичный механизм можно усмотреть и в осуждении Галилея, правда, здесь речь идет не о принятии, а об отторжении нового принципа. Сам по себе гелиоцентризм не противоречил христианским догматам, однако признание его реальности ставило под вопрос традиционную картину мира, с которой был сопряжен социальный авторитет католической церкви. Как заметил Т. Редже, «...тот факт, что он (Галилей. – С. Ж.) решил опубликовать свои труды на общедоступном... языке, а не на латыни, был воспринят церковью как провокационный жест, имевший целью распространение новой культуры в массах» [18, с. 162].

Проведенный анализ демонстрирует способ объяснения развития науки через мета-схематизм историко-научного объяснения. Мета-схематизм показывает *систему возможных путей* циркуляции смыслов внутри социокогнитивного контура. Объяснение конкретного научного переворота состоит в вычленении тех каналов, которые реализовались именно в данной ситуации.

Литература

1. *Йейтс Ф. А.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 528 с.
2. *Forman P.* Weimar Culture, Causality and Quantum Theory, 1918–1927: Adaptation by German Physicists to a Hostile Intellectual Environment // *Historical Studies in the Physical Sciences*. 1971. Vol 3. P. 1–115. URL: <https://www.twirpx.com/file/2117435/> (дата обращения 10.04.2022)
3. *Гайденко П. П.* Христианство и генезис новоевропейского естествознания // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1995. № 1. С. 3–20.
4. *Косарева Л. М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М.: Ин-т психологии РАН, 1997. 360 с.
5. *Катасонов В. Н.* Боровшийся с бесконечным: Философско-религиозные аспекты генезиса теории множеств Г. Кантора. М.: Мартис, 1999. 207 с.
6. *Дмитриев И. С.* Искушение святого Коперника: ненаучные корни научной революции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 278 с.
7. *Жаров С. Н.* Наука и религия в интегральных механизмах развития познания // *Естествознание в борьбе с религиозным мировоззрением*. М.: Наука, 1988. С. 19–33.
8. *Жаров С. Н.* О способах трансформации парадигмы: механизмы дискурса // *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской науч. конф. [Эл. ресурс]*. М.: Изд-во РОИФН, 2021. С. 455–458. URL: <http://www.rshps.ru/books/rev-evo-2021.pdf>
9. *Касавин И. Т.* Познание в мире традиций. М.: Наука, 1990. 207 с.
10. *Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2004. № 1. С. 64–91.
11. *Дорожкин А. М.* О роли зон обмена в формировании целостной картины мира // *РСБОЗМБ. Проблемы визуальной семиотики*. 2019. № 4. С. 110–125.
12. *Дорожкин А. М.* Особенности построения негумбольдтовских зон обмена // *Вестник Вятского гос. университета. Серия: Философские науки*. 2018. № 4. С. 7–13.
13. *Коперник Н.* О вращениях небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская записка. М.: Наука, 1964. 653 с.
14. *Асклепий* // *Высокий герметизм*. СПб.: Азбука: Петербургское востоковедение. 2001. С. 187–267.
15. *Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв.* / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: Канон+, 1999. 864 с.
16. *Лактанций.* Божественные установления. Книги I–VII. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 512 с.
17. *Шабуров Н. В.* Герметизм глазами христианских богословов IV–V вв. // *Религиоведение*. 2011. № 3. С. 11–21.
18. *Редже Т.* Этюды о Вселенной. М.: Мир, 1985. 191 с.

АРИСТОТЕЛИЗМ, ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА И НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII ВЕКА

Е.А. Зайцев

*Кандидат физико-математических наук, старший преподаватель
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: e_zaitsev@mail.ru*

В работах последних лет был поставлен под вопрос революционный характер науки XVII века. В частности, было показано влияние на новую науку ренессансного аристотелизма, в котором, в отличие от античного аристотелизма, делался акцент на познание через производительную деятельность (knowing by doing). В статье рассматривается влияние идеи познания через деятельность на формирование принципа инерции классической механики. Выдвигается тезис, что возникновение понятия инерции стало следствием освоения инерциального вращения в XVI веке. В этот период в технике стали активно применять механизмы, обладающие большим инерциальным моментом – неравновесные колеса, маховые колеса и технологические маятники. Свойство этих механизмов поддерживать вращение в течение длительного времени было истолковано как их способность к самостоятельной выработке дополнительной энергии. Эта практическая идея стала толчком для теоретического осмысления понятия инерции в XVII веке.

Ключевые слова: аристотелизм, научная революция, история практической механики, принцип инерции

ARISTOTELIANISM, PRACTICAL MECHANICS, AND THE SCIENTIFIC REVOLUTION OF THE XVII CENTURY

E.A. Zaytsev

*CSc in physical and mathematical sciences, Senior Lecturer
Lomonosov Moscow State University
E-mail: e_zaitsev@mail.ru*

In the works of recent years, the revolutionary nature of the science of the XVII century has been called into question. In particular, the influence of Renaissance Aristotelianism on the new science was shown, in which, unlike ancient Aristotelianism, emphasis was placed on knowledge through productive activity (knowing by doing). The article examines the influence of the idea of cognition through activity on the formation of the inertia principle of classical mechanics. The thesis is put forward that the emergence of the concept of inertia was a consequence of the development of inertial rotation in the XVI century. During this period, mechanisms with a large inertial moment began to be actively used in technology – overbalanced wheels, flywheels and technological pendulums. The property of these mechanisms to maintain rotation for a long time has been interpreted as their ability to independently generate additional energy. This practical idea was the impetus for the theoretical assessment of the concept of inertia in the XVII century.

Keywords: Aristotelianism, scientific revolution, history of practical mechanics, principle of inertia

Со времени публикации книги Т. Куна «Структура научных революций» в истории науки XVI-XVII вв. произошли значительные изменения. Во-первых, был поставлен под сомнение тезис о том, что открытия Коперника, Галилея, Декарта, Ньютона и Лейбница представляли собой научную революцию [1]. Во-вторых, было показано, что новая наука, противопоставив себя аристотелизму, на деле, находилась под его влиянием. Было отмечено, что в ренессансном аристотелизме оформилась идея познания природы через практическую деятельность (knowing by doing). Тем самым, в самом аристотелизме были созданы предпосылки для развития новой науки, отрицающей принципиальное различие природного и технического [2].

Представление о knowing by doing уходит своими корнями в средневековый номинализм. Если в средние века идеи номинализма (отрицание реальности общих понятий) привели

к гносеологическому пессимизму, то в эпоху Возрождения они, напротив, стимулировали развитие теории познания в новом направлении. В рамках этого направления предметом научного знания выступали не общие идеи (как в аутентичном аристотелизме), а формы единичных вещей, прежде всего, артефактов, создаваемых руками человека [3]. Среди этих артефактов особенно выделялись технические движения. Интерес к ним был свойственен особой группе аристотеликов, связанных не с университетскими кафедрами, а с ремесленной средой [4].

В этой статье, в развитие тезиса о влиянии ренессансного аристотелизма на трансформацию научного знания, мы рассмотрим вопрос о возникновении прото-инерциальных представлений в практической механике XVI века. Примем следующее определение. Инерциальным (в широком смысле) назовем движение, происходящее в отсутствие контакта между движущимся телом и «двигателем». Античность ограничивалась рассмотрением простейших видов инерциального движения – полетом камня и стрелы. Механика XVI в., напротив, основное внимание сосредоточила на сложных примерах, связанных с вращательным движением механизмов.

Особое значение для формирования прото-инерциальных идей имела практическая деятельность в следующих областях машиностроения: проектирование «вечного движения», конструирование систем с маховыми колесами и эксплуатация так называемых технологических маятников. Во всех трех областях в центре внимания было обеспечение продолжительного вращения при помощи механизмов, обладающих большим инерциальным моментом. Инженеры XVI века полагали, что эти механизмы способны во время своего вращения самостоятельно создавать дополнительную энергию.

Вечный двигатель. В XV-XVI вв. наиболее распространенным способом создания вечного движения было применение неравновесных колес с контргрузами. Считалось, что благодаря постоянному смещению контргрузов неравновесное колесо вырабатывает энергию, компенсирующую потери на преодоление сопротивления. Эта идея легла в основу проектов вечного движения, описанных в трактате Мариано ди Таккола «De ingeneis» (1420-1434), в технической рукописи неизвестного автора из Сиены (British Museum, Add., Ms. 34113), а также в записных книжках Леонардо да Винчи. Об особом интересе Леонардо к проблеме вечного движения свидетельствует большое число набросков, посвященных этой теме. Парадоксальным образом, попытки создания *perpetuum mobile* сочетались у Леонардо с критикой идеи вечного движения (включая использование для этой цели колес с контргрузами). В конце XVI в. неравновесные колеса стали применяться в реально работающих машинах. Одну из таких машин описал А. Рамелли в трактате «Различные и искусные машины» (1588). Это было устройство для подъема воды из реки. По словам Рамелли, колесо с контргрузом было добавлено потому, что заказчик посчитал, что при малой скорости речного потока оно будет «оказывать помощь» основной турбине.

Маховое колесо. Маховые колеса получили широкое распространение в практической механике XVI века. Считалось, что они «увеличивают движение» машин и тем самым снижают затраты энергии. На это свойство маховых колес первым указал итальянский художник и инженер Франческо ди Джорджо Мартини при описании конструкции водяной мельницы (1484). Того же мнения придерживался Леонардо да Винчи, называвший маховые колеса «увеличивающими колесами» (Мадридский кодекс, ок. 1500). После публикации трактата Григория Агриколы «О металлургии» (1556) это представление стало общепризнанным.

При описании работы ворота, снабженного маховым колесом, Агрикола указал на то, что колесо своим вращением значительно «увеличивает движение» ворота и, тем самым, позволяет сократить на четверть число рабочих, занятых на подъеме руды из глубокой шахты. Тему махового колеса как источника дополнительной энергии подхватил, со ссылкой на Агриколу, водный инженер Дж. Череди («Три беседы о способе подъема воды из низких мест», 1567). Согласно Череди, использование махового колеса в винте Архимеда позволяет вдвое сократить число работников, занятых на подъеме воды. Об «увеличении мощности» ручных мельниц при помощи маховых грузов (аналог махового колеса) писал другой инженер – Фаусто Веранцио («Новые машины», 1575). На уникальное свойство маховика «увеличивать движение» указывали Жак Бессон и Бонаюто Лорини – два самых известных механика конца XVI века. Первый снабдил маховым колесом ручную мельницу и механический молот («Театр инструментов», 1582); второй – ковшовый элеватор для подъема воды и копер для забивки свай («О фортификациях», 1592).

Технологический маятник. В вышеупомянутом трактате Бессона мы также находим мысль об увеличении энергии двигателя при помощи технологического маятника. Описывая пилораму, снабженную тяжелым маятником, Бессон указывает на то, что своим колебанием маятник создает дополнительное «усилие», снижающее затраты труда на перемещение распиливаемого бревна (по горизонтали) и ножовки (по вертикали).

Отдельно выделим трактат Якопо де Страда о мельницах (1629), в котором описан механизм вечного движения (винт Архимеда), снабженный маховым колесом. Благодаря маховому колесу, этот винт должен был поднимать воду на заданную высоту и, одновременно, вращать точильный камень (в другом варианте – мельничный жернов).

Приведенные примеры говорят о том, что в практической механике XVI в. получило широкое распространение представление о способности некоторых механизмов вырабатывать при вращении дополнительную энергию, достаточную для преодоления сопротивления, возникающего в процессе работы. Такое представление позволяло мыслить инерциальное движение, не выходя за рамки аристотелевской теории, согласно которой движение всегда сопровождается сопротивлением. В XVII в. эта прото-инерциальная идея (соответствующим образом модифицированная) была оформлена в виде закона инерции классической механики.

Литература

1. *Garber D.* Why the Scientific Revolution Wasn't a Scientific Revolution, and Why It Matters. In: *Kuhn's Structure of Scientific Revolutions at Fifty.* Ed. R. Richards and L. Daston. Chicago: University of Chicago Press, 2016. P. 133-148.
2. *Sgabri M.* Renaissance Aristotelianism and the Scientific Revolution // *Physis. Rivista internazionale di storia della scienza.* 2017. Т. 52. P. 329-345.
3. *Funkenstein A.* Divine and Human Knowledge: Knowing by Doing. In: *A. Funkenstein. Theology and the Scientific Imagination from the Middle Ages to the Seventeenth Century.* Princeton: Princeton University Press, 1986. P. 290-345.
4. *Sgabri M.* Aristotele per artigiani, ingegneri e architetti // *Philosophical Readings.* 2016. Т. 2. P. 67-78.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ МИРОВ В ИСТОРИИ НАУКИ*

И.А. Кузин

*Кандидат философских наук, преподаватель Школы философии и культурологии
Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ*

Научный сотрудник

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени

А.В. Поletaева НИУ ВШЭ

E-mail: ikuzin@gmail.com

Томас Кун предпринял попытку применить семантику возможных миров для прояснения идеи семантической несоизмеримости науки прошлого и современной науки и пришел к выводу, что концепция возможных миров имеет лишь ограниченное применение в истории науки: во многих случаях невозможен никакой перевод между языком науки прошлого и языком современной науки. Мы ослабляем этот тезис в духе У. Куайна: существует неопределенно много таких переводов. Мы показываем, как этот ослабленный тезис, с одной стороны, подтверждается историко-научной практикой, с другой – может быть концептуализирован и обобщен в рамках программы различения доброкачественных и злокачественных форм презентизма в историографии науки, где презентизм – установка на изучение прошлого с точки зрения настоящего. Синтез доброкачественных форм презентизма – критический презентизм по Л. Луазону или историческая эпистемология по Ж. Кангилему – позволяет понять науку как одновременно рациональную и контингентную. Мы утверждаем, что презентизм приводит к умножению возможных миров, представимых с точки зрения науки прошлого, настоящего и будущего, но эта множественность обретает целостность в рамках критического презентизма (исторической эпистемологии).

Ключевые слова: историческая эпистемология, история науки, множественность миров, неопределенность перевода, презентизм, Томас Кун.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>

PLURALITY OF WORLDS IN HISTORY OF SCIENCE

I.A. Kuzin

Lecturer of The School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities

National research university Higher school of economics

Research Fellow of Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities National research university Higher school of economics

E-mail: ikuzin@gmail.com

Thomas Kuhn has attempted to apply the possible worlds semantics to clarify the semantic incommensurability of past science and modern science and has concluded that the concept of possible worlds has only limited application to the history of science: in many cases no translation is possible between the language of past science and the language of modern science. We weaken this thesis in the spirit of W. Quine: there are indeterminately many translations of this kind. We show how this weakened thesis, on the one hand, is confirmed by historical and scientific practice, on the other hand, can be conceptualized within the framework of distinguishing between benign and malignant forms of presentism in the historiography of science (presentism is a stance to study the past from the point of view of the present). The synthesis of benign forms of presentism – critical presentism according to L. Loison or historical epistemology according to G. Canguilhem – allows us to understand science as both rational and contingent. We argue that presentism leads to the multiplication of possible worlds, conceivable from the point of view of science of the past, present and future, but this multiplicity takes on integrity within the framework of critical presentism (historical epistemology).

Keywords: historical epistemology, history of science, indeterminacy of translation, plurality of worlds, presentism, Thomas Kuhn

В 1989 году была опубликована статья Томаса Куна «Возможные миры в истории науки» [1], основанная на докладе, прочитанном им несколькими годами ранее. Эту работу можно рассматривать как прояснение и уточнение знаменитой концепции семантической несоизмеримости парадигм [2], хотя Кун и не использует в данной статье понятия парадигмы и научной революции. Тезис статьи состоит в том, что для понимания некоторых базовых утверждений науки¹ прошлых эпох историк должен научиться использовать лексикон (структурированный словарь [1, с. 61]), который систематически отличается от лексикона современной науки. Устаревшим лексиконом можно овладеть, но его нельзя перевести на современный научный язык. Эта непреодолимая трудность связана с тем, что лексикону/языку обучаются на конкретных примерах или на описаниях конкретных примеров (функция этих описаний – реконструкция конкретного примера в воображении читателя). «Обогащение» современного лексикона устаревшим также невозможно, так как приводит к путанице (incoherence). В терминах семантики возможных миров тезис статьи означает строгое пересечение (то есть наличие как общих, так и не общих элементов) множества тех возможных миров, которые можно описать, выразить (stipulate) языком науки прошлого, и множества тех возможных миров, которые выразимы в языке современной науки. Невозможно установить тождество объектов между мирами из этих двух множеств, не помогает и каузальная теория референции Крипке-Патнэма, так как она основана на ложном предположении о неизменности таксономии «естественных видов» в истории науки. Кун делает вывод, что хитросплетения аналитичности и синтетичности в научной теории «ограничивают применимость концепции возможных миров к исследованию развития науки» [1, с. 59].

Название настоящего доклада предполагает, наоборот, что концепция возможных миров применима к истории науки, более того – этих миров много. На парадоксальную возможность такой интерпретации указывает сам Кун. Он уточняет, что несоизмеримость теорий эквивалентна их взаимной непереводаемости, но означает не столько невозможность работы профессионального переводчика, сколько невозможность квазимеханического перевода при помощи некоего исчерпывающего руководства. Второй способ перевода Кун называет куайновским и утверждает, что большинство, если не все, из аргументов У.О. Куайна в пользу неопределенности перевода, то есть в пользу *бесконечного* числа вариантов перевода, совместимых с нормальным речевым поведением [3], с тем же успехом приводят к выводу, что во многих случаях невозможен *никакой* перевод. Другому языку можно обучиться (на образцах), но из этого не следует возможность перевода [1, с. 60-61].

¹ Здесь и далее под наукой понимается не наука в целом, а только научная область, интересующая историка.

Итак, мы предлагаем ослабить куновскую критику возможности перевода и вместо несоизмеримости/непереводимости принять неопределенность перевода с языка науки прошлого на язык современной науки. Философские основания для данного ослабления требуют отдельного обсуждения, здесь же просто сошлемся на то, что в историографии науки встречается и такой перевод, и такая неопределенность. Рассмотрим, например, анализ «химической революции» конца XVIII в. кембриджским историком и философом науки Хэсоком Чангом [4]. Согласно традиционной историографии химии, старая флогистонная теория горения была «ошибочной», так как описывала этот процесс как разложение горючего вещества с высвобождением несуществующего газа флогистона, а новая теория горения Лавуазье была «истинной», так как описывала горение как присоединение к горючему веществу кислорода. Такая интерпретация обращает внимание на вещественный (связанный с весами) аспект реакции горения. Если же рассматривать горение с энергетической точки зрения (которая, конечно, появилась позднее), то, в предположении, что за словом «флогистон» скрывается потенциальная химическая энергия, флогистонная теория описывает процесс горения адекватнее. Дело в том, что Лавуазье «неправильно» локализовал источник энергии, высвобождающийся при реакции в виде тепла (объяснение появления света было более запутанным, я его опускаю): он связывал его с кислородом, а не горючим веществом. По Лавуазье в процессе горения происходит разложение кислорода на «основание кислорода» и теплород. «Кислород» Лавуазье проблематично редуцировать к кислороду современной химии, потому что теплород играл важную роль в физике и химии Лавуазье: его присоединением или потерей объяснялся переход между агрегатными состояниями (в частности, газообразность кислорода приписывалась наличию теплорода). Если мы все же осуществляем такую редукцию, то тем самым прощаем Лавуазье «ошибочное» представление о вещественности теплорода. В таком случае было бы справедливо простить сторонникам флогистонной теории «ошибочное» представление о вещественности флогистона и разрешить редукцию флогистона к энергетической составляющей. Мы интерпретируем данные Х. Чанга именно как свидетельство в пользу неустранимой неопределенности перевода с языка науки прошлого на язык современной науки, в данном случае – перевода терминов «флогистон» и «кислород» [5].

Историки науки могут обвинить нас в презентизме – изучении прошлого ради настоящего, а не ради самого прошлого. Однако резкая критика презентизма была сопряжена с профессионализацией истории науки, а с 1980-х годов происходит частичная реабилитация этой установки профессиональными историками науки, которые вместо отвержения ставят задачу различения доброкачественных и злокачественных форм презентизма. Недавно в рамках решения этой задачи Л. Луазон был предложена первая относительно полная и систематическая классификация форм презентизма. Луазон выделяет четыре формы презентизма (эмпирический, дескриптивный, нарративно-каузальный и нормативный; перечисляются автором в порядке от менее спорных к более спорным) и предлагает в качестве важного дополнения критический презентизм. Эмпирический презентизм – это использование современного научного знания для определения эмпирического базиса, который интерпретировали ученые прошлого, безотносительно к содержанию этих интерпретаций. Дескриптивный презентизм – это перевод объяснений науки прошлого (как на уровне отдельных понятий, так и на уровне топологии связей между понятиями), с той целью, чтобы они стали понятными с точки зрения современной науки. Каузально-нарративный презентизм – использование событий, которые произошли после рассматриваемого исторического периода, для установления каузальных исторических связей и придания целостности (перспективы) историческому нарративу. Нормативный презентизм – использование современных научных концепций и объяснений для обнаружения и акцентирования трудностей, с которыми сталкивались научные концепции прошлого при применении к тому же набору явлений, и присущих им ограничений. Злоупотребление дескриптивным презентизмом приводит к анахронизмам, в том числе в результате игнорирования интенций исторических акторов или осовременивания их интенций. Злоупотребление каузально-нарративным и нормативным презентизмом приводит к подмене причинно-следственных связей и нормативного анализа телеологией. [6]. Именно по этой причине распространенное в историографии науки пейоративное обозначение презентизма – вигизм – предложено по аналогии с характеристикой, данной в 1931 году Г. Баттерфилдом ряду работ по британской политической истории: «Тенденция многих историков писать с точки зрения протестантов и виггов, превозносить революции в том случае, если они были успешными, выделять в прошлом ростки прогресса и создавать историю, служащую одобрению, если не прославлению, настоящего» [7, с. 5]. Критический презентизм Луазон рассматривает его как совмещение доброкачественного нарративно-каузального презентизма (который показывает, что современное научное знание контингентно) и доброкачественного нормативного презентизма (который показывает значение современной науки для рационального понимания науки прошлого). Таким образом, критический презентизм позволяет понять

науку как одновременно контингентную и рациональную. Эпистемологическим коррелятом критического презентизма оказывается историческая эпистемология в смысле Ж. Кангилема.

Мы в целом согласны с подходом Л. Луазона к проблеме презентизма в историографии науки и предлагаем лишь уточнить и дополнить его классификацию [8]. На примере концепции генетической информации мы показали, как историческая эпистемология по Ж. Кангилему (исторический презентизм по Л. Луазону) позволяет концептуализировать понятие канона в науке и помыслить возможность выхода за его пределы [9]. В рамках темы доклада мы утверждаем следующий тезис: презентизм приводит к умножению возможных миров, представимых с точки зрения науки прошлого, настоящего и будущего. А именно: дескриптивный и нормативный презентизм приводят к умножению возможных миров науки прошлого (первый – за счет рассмотренной выше неопределенности перевода, второй – за счет различных способов рационализации научного знания ушедших эпох), нарративно-каузальный презентизм – к умножению возможных миров современной науки и науки будущего (демонстрация контингентности современного научного знания неизбежно приводит к переосмыслению и современной науки, и возможных путей её развития). Взаимодействие разных форм презентизма в рамках критического презентизма приводит не только к дальнейшему умножению возможных миров, представимых в рамках научного знания, но и к обретению этой множественностью целостности.

Литература

1. *Kuhn T.S. Possible Worlds in History of Science // Kuhn T.S. The Road since Structure: Philosophical Essays, 1970-1993, with an Autobiographical Interview. Chicago and London: The University of Chicago Press. 2000. P. 58-89.*
2. *Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с*
3. *Quine W.V. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. 1968. Vol. 65. №. 7. P. 185-212.*
4. *Chang H. We Have Never Been Whiggish (About Phlogiston) // Centaurus. 2009. Vol. 51. № 4. P. 239-264.*
5. *Кузин И.А. Тезис неопределенности перевода и проблема презентизма // В кн.: Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2018. Отв. ред. Р. А. Фандо. М.: Янус-К, 2018. С. 655-658.*
6. *Loison L. Forms of Presentism in the History of Science. Rethinking the Project of Historical Epistemology // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2016. Vol. 60. P. 29-37.*
7. *Butterfield H. The Whig Interpretation of History. London. G. Bell and Sons, Ltd., 1963 [1st edition – 1931].*
8. *Кузин И.А. Классификация форм презентизма и антипрезентизма в историографии науки // Второй Международный Конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо». Науч. ред. И. Т. Касавин, Л. В. Шиповалова. М.: РОИФН, 2020. С. 74-77.*
9. *Кузин И.А. Концепция генетической информации и историческая эпистемология // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т.6. №2 (принято к публикации).*

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКЕ

В.Н. Князев

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Московский педагогический государственный университет
E-mail: kvn951@inbox.ru*

Исследуется эпистемологическая роль понятия «научная парадигма» в фундаментальной теоретической физике. Само понятие «научная парадигма» трактуется вслед за Т. Куном как важный познавательный конструкт наряду с физическими теориями. Фундаментальные физические теории лежат в основе фундаментальных парадигм. Раскрываются содержательные смыслы трех важнейших парадигм современной фундаментальной теоретической физики: квантово-полевая, геометрическая и реляционная. Рассматриваются особенности понимания статуса дополнителности этих научных парадигм в аспекте единства физического знания. Переосмысление самого содержания оснований фундаментальной физики в начале XXI века во многом связано

с отсутствием единства взглядов физиков на интерпретацию квантовой механики, выраженную в развитии представлений о «второй квантовой революции». Не менее значима трансформация самих оснований фундаментальной физики в аспекте формирования реляционной парадигмы. Сложную природу современного физико-теоретического знания невозможно характеризовать без понятия «научная парадигма» и дополнительности фундаментальных парадигм.

Ключевые слова: научная парадигма, Кун, три фундаментальных парадигмы, единство физики

EPISTEMOLOGICAL MEANING OF COMPLEMENTARITY OF FUNDAMENTAL PARADIGMS IN THEORETICAL PHYSICS

V.N. Knyazev

DSc in Philosophy, Professor

Moscow State Pedagogical University

E-mail: kvn951@inbox.ru

The epistemological role of the concept of "scientific paradigm" in fundamental theoretical physics is investigated. The very concept of "scientific paradigm" is interpreted, following T. Kuhn, as an important cognitive construct along with physical theories. Fundamental physical theories underlie fundamental paradigms. The meaningful meanings of the three most important paradigms of modern fundamental theoretical physics are revealed: quantum field, geometric and relational. The features of understanding the complementarity status of these scientific paradigms in the aspect of the unity of physical knowledge are considered. The rethinking of the very content of the foundations of fundamental physics at the beginning of the 21st century is largely due to the lack of unity in the views of physicists on the interpretation of quantum mechanics, expressed in the development of ideas about the "second quantum revolution". No less significant is the transformation of the very foundations of fundamental physics in terms of the formation of the relational paradigm. The complex nature of modern physical and theoretical knowledge cannot be characterized without the concept of "scientific paradigm" and the complementarity of fundamental paradigms.

Keywords: scientific paradigm, Kuhn, three fundamental paradigms, unity of physics

Введение в методологию научного познания понятия «парадигма» осуществил в 1962 году в работе «Структура научных революций» американский историк и философ науки Томас Сэмюэл Кун (1922-1996), столетие со дня рождения которого отмечается международной общественностью в этом году. Сам Кун не дал совершенно строгого и однозначного определения парадигмы. И это понятно: любому обобщенному методологическому средству научного познания от «научно-исследовательской программы» И. Лакатоса (1922-1974) или «тематического анализа науки» Дж. Холтона (1922 г.р.) и до «научной картины мира» трудно дать строгое определение.

В указанной работе Куна можно обнаружить несколько смысловых интерпретаций «научной парадигмы». Приведу лишь следующие два его рассуждения: 1) «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [1, с. 11] и 2) «В своем установившемся употреблении понятие парадигмы означает принятую модель или образец; именно этот аспект значения слова „парадигма“ за неимением лучшего позволяет мне использовать его здесь. Но... смысл слов „модель“ и „образец“, подразумевающих соответствие объекту, не полностью покрывает определение парадигмы» [1, с. 44]. В частности, парадигма как научное знание характеризует не просто авторскую оригинальную теоретическую модель чего-либо, а неотъемлемо связана с научным сообществом, признающим это знание. Поскольку сам Кун не дал строгого и однозначного определения парадигмы, понимая ее как некую «дисциплинарную матрицу», то современные исследователи вправе давать собственные «рабочие» определения.

Я исхожу из возможности и необходимости следующего определения научной парадигмы: *научная парадигма есть совокупность принципов, убеждений и ценностей, принятых (признанных) научным сообществом и обеспечивающих существование научной традиции.* Понятно, что в разных науках в силу их специфики и историко-культурных традиций понятие «научная парадигма» может довольно серьезно различаться. Главное внимание я обращаю на специфику физических парадигм и в

большей степени на парадигмы теоретической физики. В отличие от Куна, который был увлечен историей науки от периода античности (Аристотель, Птолемей) до этапа становления и развития классической науки (Коперник, Галилей, Ньютон... Максвелл), меня интересует теоретическая физика XX века и начала XXI века.

С моей точки зрения многообразие физических теорий, концепций и парадигм детерминировано сложностью устройства объективной природы, включающей в себя микромир, макромир и мега реальность. В силу того, что физическая реальность столь многолика, характеризуется разнообразием закономерностей, видов связей и типов взаимодействий ныне еще трудно говорить о подлинном единстве физических знаний. Хотя специалисты подчас говорят о единстве физики, единой физической картине мира, но мне представляется, что в таком случае выражается научная вера в потенциальную возможность в будущем такого состояния физического знания. Также как нет сейчас у человечество единой культуры, так и в физике нет совершенного единства. Встречающиеся ныне попытки развития представлений об универсальной научной парадигме не могут быть приняты всеми физиками, ибо у многих из них существенно разные научные убеждения и ценности, сформированные в многообразных научных школах и традициях, в основе которых лежат не только различные математические методы, принципы и личностные интересы физиков, но многое определяется самой спецификой объектов, изучаемой реальности.

Мировоззренчески из множества структурных элементов физического знания наиболее значимыми являются концепции, теории и парадигмы фундаментальной теоретической физики. Базовыми теориями вот уже более столетия являются теории квантовой и релятивистской физики. На основе вариативности интерпретаций этих теорий возникли три особенные формы миропонимания, выраженные во взаимно дополнительных трех фундаментальных парадигмах. Таковыми являются *теоретико-полевая, геометрическая и реляционная парадигмы*, обоснованию их наличия и самой необходимости их вычленения посвящены публикации Ю.С. Владимирова [2, с. 13-16]. При этом подчеркивается не только сам факт их различий, но и принципиально их взаимно дополняющий друг друга характер: 1) теоретико-полевая парадигма, которая сформировалась как ведущая на основе квантовой теории поля и является господствующей вплоть до сегодняшнего дня, 2) геометрическая парадигма, развивавшаяся на основе релятивистской физики в течение всего XX века, и 3) реляционная парадигма, активно развертывающаяся в последние несколько десятилетий. В рамках каждой из этих парадигм существенно по-разному интерпретируются базовые физические категории как наиболее фундаментальные понятия современной физики — частицы (тела), поля как переносчики взаимодействий и пространственно-временной континуум. В зависимости от того, какие две из этих категорий можно объединить, формируются разные типы миропонимания (разные парадигмы). С позиций философии физики мне представляется значимым обосновать саму возможность и необходимость признания одновременного существования в фундаментальной физике этого спектра научных парадигм. Природа этих парадигм выходит за пределы традиционно понимаемой теоретической физики. Но это и не чисто философские феномены. С моей точки зрения, *это есть методологические конструкты в лоне эпистемологии физики*, которые являются во многом существенным компонентом философии науки.

Теоретико-полевая парадигма превалировала в течение всего XX века: большая часть современных физиков работает в этой парадигме, стремясь создать теорию суперструн и далее М-теорию. Более того, на трансформацию содержания этой парадигмы все более будут влиять исследования в рамках «второй квантовой революции» [3]. Геометрическая парадигма связана со становлением релятивистской физики на базе общей теории относительности. Развитие идей реляционной парадигмы основывалось на реляционной трактовке пространственно-временных отношений и описании взаимодействий в аспекте концепции дальнего действия. Современная фундаментальная теоретическая физика характеризует «физическую реальность» именно в совокупности трех взаимодополнительных парадигм. Разумеется, в теоретической физике XX века существовала и существует ныне тенденция к унификации фундаментальных теоретических моделей, вплоть до создания «теории Всего». Скажем, если в первой половине XX века лишь предположительно выдвигалась идея единства всех фундаментальных взаимодействий, то ныне эта идея имеет под собой гораздо более весомые основания. В этой связи лауреат Нобелевской премии Ф. Вильчек пишет: «Вдохновившись своими успехами и многому на них научившись, физики вошли в XXI век с идеями для дальнейшего синтеза: идеи, которые приближают к созданию единого описания на первый взгляд различных сил природы» [4, с. 23]. Уже созданные теоретические модели «великого объединения» (грандобъединения) и даже «величайшего объединения» (суперобъединения) свидетельствуют о стремлении выявить глубинную связь между элементарными частицами, вакуумом и гравитацией,

тем самым все более проясняя смысл единства микро-, макро- и мегамиров. Однако, если когда и будет достигнуто создание теории суперобъединения фундаментальных взаимодействий (супервзаимодействия) [5], то это совершенно не означает завершения в развитии физики, ибо она перейдет на новый этап своего дальнейшего развития. Разнообразные теоретические модели реальности в силу их гипотетичности (даже если они широко признаны самими физиками, скажем парадигма Большого взрыва) далеки до доказательного обоснования. Что же касается вычленения трех базовых парадигм фундаментальной теоретической физики, то я считаю, что выработанные ныне аргументы в обосновании каждой из них являются вполне убедительными. Скажем, если в теоретико-полевой и геометрической парадигмах пространство-время задается, по сути, априори (что напоминает субстанциональную концепцию реальности), то развитие идей реляционного миропонимания основывается на реляционной трактовке пространственно-временных отношений.

Еще одним чрезвычайно значимым обстоятельством является то, что в отличие от теоретико-полевой парадигмы (основанной на концепции близкодействия) реляционное миропонимание реализует по существу альтернативный подход, выражающий принципы и идеи теории прямого межчастичного взаимодействия Фоккера – Фейнмана (action at a distance) и основанный на своеобразной концепции далекодействия. Здесь следует подчеркнуть, что, господствовавшая в XX веке теоретико-полевая парадигма, по сути, провозглашала вроде бы окончательную победу концепции близкодействия над далекодействием. При этом сторонники взгляда на значимость далекодействия явно рассматривались как маргиналы в физической науке. Но все же авторитет идей и воззрений А. Фоккера, Р. Фейнмана, Я.И. Френкеля, Дж. Нарликара, Г.В. Рязанова и других *не только существовали в науке*, но и получили активное развитие за последние три десятка лет. В рамках реляционной парадигмы электромагнитные взаимодействия теоретически моделируются как более *первичные*, чем другие фундаментальные взаимодействия. Скажем, гравитационные взаимодействия конструируются как *вторичные* по отношению к электромагнитным [2, с. 124-128].

Подводя итог, следует сказать, что эпистемологическая роль понятия «научная парадигма» реализуется в своей методологической функции как одно из фундаментальных познавательных средств. Поэтому анализ статуса важнейших научных парадигм (и в отдельности, и в их единстве), существующих в современной фундаментальной теоретической физике, чрезвычайно важен как в силу сложности познания самой физической реальности, так и благодаря многообразию научных школ и традиций, в основе которых лежат различные математические методы, принципы и личностные интересы, научные убеждения и ценностные установки физиков.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Владимиров Ю.С. Метафизика и фундаментальная физика. Кн.2. Три дуалистические парадигмы XX века. М.: ЛЕНАНД, 2017. 248 с.
3. Dowling J. P., Milburn G. J. Quantum technology: the second quantum revolution // Philosophical Transactions of the Royal Society of London A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 2003. Vol. 361. No. 1809. P. 1655-1674.
4. Вильчек Ф. Тонкая физика. Масса, эфир и объединение всемирных сил. СПб.: Питер, 2019. 336 с.
5. Князев В.Н. Концепция супервзаимодействия в философии физики. М.: МПГУ, 2018. 194 с.

НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СУПЕРСТРУН

А.А. Фурсов

Кандидат философских наук, научный сотрудник философского факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

Доцент департамента философии

Московский физико-технический институт

E-mail: a-lexx555@yandex.ru

Полемика между научным реализмом и антиреализмом на современном этапе оказалась обогащена не только новыми логико-методологическими аргументами и новыми интерпретациями развития классической науки и науки первой половины XX века. Развитие такой фундаментальной физической программы как теория суперструн

позволила выдвинуть новые аргументы как в пользу научного реализма, так и против него. В данном докладе предлагается затронуть исторический контекст возникновения этих аргументов и дать их критический анализ.

Ключевые слова: научный реализм, антиреализм, эмпирическая невесомость, мета-парадигмальный разрыв, аргумент отсутствия выбора, дульность в теории суперструн, аргумент эмпирической эквивалентности

SCIENTIFIC REALISM AND THE SUPERSTRING THEORY DEVELOPMENT

A.A. Fursov

Scientific researcher of Department of Philosophy

M.V. Lomonosov Moscow State University

Assistant professor of Department of Philosophy

Moscow Institute of Physics and Technology

E-mail: a-lexx555@yandex.ru

The modern state of the debate between scientific realism and antirealism was enriched not only by the new logical and methodological arguments and new interpretations of the development of classical science and the first part of the last century science. The Superstring theory development allows to forward new arguments “pro” and “contra” scientific realism. This report intends to reveal the historical context of these arguments development and to make critical analysis of them.

Keywords: scientific realism, antirealism, empirical weightlessness, meta-paradigmatic rift, no choice argument, dualities in superstring theory, argument of empirical equivalence

Полемика между реализмом и антиреализмом развивается не только благодаря разработке и выдвижению сторонами новых аргументов и применению новых приёмов анализа научного знания, но также за счёт обращения философов науки к анализу активно развивающихся современных физических теорий. Возникновение и развитие теории суперструн и так называемой М-теории породило новое проблемное поле в полемике между реализмом и антиреализмом, заставило по-новому взглянуть на многие аргументы и тезисы, выдвигавшиеся сторонниками обеих позиций. Об этом свидетельствует появление специальных исследовательских проектов «Реализм и теория струн» и «Изменения научной парадигмы в контексте теории струн», участником и руководителем которых является пришедший в философию науки из теоретической физики сотрудник Венского университета Ричард Дэвид.

«Мета-парадигмальный разрыв» в физике. Серьёзную трудность для философско-методологического анализа представляют многие разделы современной физики, развитие которых осуществляется в состоянии «экспериментальной невесомости». Глубокий анализ этих разделов физического знания требует высокой физико-математической подготовки, в рамках же данного исследования хотелось бы ограничиться попыткой осмыслить важные с точки зрения исследуемой проблемы философские следствия развития современных физических теорий. Обращаясь к ним, мы сталкиваемся с таким типом недоопределённости теории опытом, который был продуцирован современным развитием самой науки, а не выявлен философским анализом научного знания прошлого.

Исторически главным подобным разделом физики являлась космология – единственным эмпирическим регулятивом развития космологических теорий выступало требование построение такой картины эволюции ранней Вселенной, которая бы находилась в согласии с нашими представлениям, фиксируемыми современными астрономическим наблюдениям. Космологические теории ранней Вселенной поэтому, существенным образом эмпирически недоопределены, главное требование, которому они должны удовлетворять, – приводить к современной крупномасштабной структуре расширяющейся Вселенной. Причём в случае космологии эта недоопределённость носит принципиальный характер.

В современной философии науки, однако, есть авторы, стремящиеся продемонстрировать несостоятельность антиреалистического взгляда на космологию, несмотря на её принципиальную недоопределённость опытом. Как отмечает Р. Дэвид [1, Р. 4], инструменталист типа Э. Маха отрицает реальность объектов, находящихся за пределами непосредственной наблюдаемости. Однако с точки зрения современных космологических теорий Большого взрыва, ранняя Вселенная представляла собой именно такой объект. Последовательно придерживающийся своих принципов инструменталист, таким

образом, вынужден отказать в реальности миру в момент его возникновения, но признать его реальность в момент перехода Вселенной в своём развитии на макроуровень.

Во второй половине XX века в состоянии «экспериментальной невесомости» стала переходить физика элементарных частиц. Венчающие её современные теории, единые теории фундаментальных физических взаимодействий – уже не столь перспективная теория преонов, активно развивающиеся теория суперструн и М-теория - для своей экспериментальной проверки требуют энергий, принципиально недостижимых в земных ускорителях. Даже объединение трёх негравитационных взаимодействий – сильного, слабого и электромагнитного - происходит, исходя из теоретических расчётов, при температуре $t = 10^{38}$ К. Такой температурой, согласно космологическим теориям, могла обладать ранняя Вселенная, в которой три негравитационных взаимодействия вели себя как одно.

Современная фундаментальная физика, таким образом, также оказывается принципиально недоопределена опытом. Её теории могут постулировать разные объекты – суперструны, р-браны, преоны или что-то ещё, разными путями приводящее к экспериментально подтверждённой Стандартной Модели (СМ) при низких энергиях. В этой связи встаёт вопрос о применении методологических стандартов оценки научных теорий к современной и будущей науке, многие разделы которой оказываются недоопределены опытом.

Обращение к анализу ТСС в контексте полемики между реализмом и антиреализмом Р. Дэвид предваряет замечаниями общего характера о соотношении эмпиристского взгляда на науку и состоянием современной теоретической физики. Эмпиристское требование референциальности только тех терминов теории, которые указывают на непосредственно наблюдаемое/измеряемое, вынуждает нас быть антиреалистами относительно многих разделов теоретической физики. Однако именно развитие этой области естествознания в XX веке неоднократно приводило к расширению «границ наблюдаемости», пополняя онтологическую картину реальности новыми типами физических взаимодействий и элементарных частиц, что должно, как минимум, несколько предостеречь нас от поспешности в решении вопроса о статусе теоретических конструкций современной физики.

В то же самое время, огромные технические и материальные затраты, которые требует современная фундаментальная физика, могут быть хорошо оправданы как раз с точки зрения реалистического взгляда на науку – миллиарды долларов тратятся на открытие истинной структуры микромира, а не просто на предсказание новых типов трэков в фотографических пластинах детекторов современных ускорителей элементарных частиц. Реализм, с этой точки зрения, оказывается удобной философией финансирования фундаментальных научных исследований, что свидетельствует о наличии социального контекста у рассматриваемой проблемы.

ТСС отличается от всех известных со времён Г. Галилея и И. Ньютона теорий тем, что не предполагает возможность собственной непосредственной экспериментальной проверки в разумно прогнозируемой исторической и технологической перспективе развития человечества. Это можно рассматривать как закономерное следствие того, что Р. Дэвид называет процессом «маргинализации явлений», - современная физика всё дальше и дальше уходит от доступного непосредственному наблюдению, эксперимент перестаёт задавать основные направления разработки физических теорий; сами теории при этом начинают существенным образом «обгонять» эксперимент [1, Р. 2-3].

В связи с ТСС сообщество физиков-теоретиков разделяется на две основные группы, одна из которых склонна рассматривать данную теорию как раздел математики, другие, несмотря на указанные особенности, продолжают считать её физической теорией. Заняв вторую позицию, склоняющиеся к ней исследователи осуществили то, что Р. Дэвид, перефразируя Т. Куна, называет мета-парадигмальным разрывом (meta-paradigmatic rift). «Мета-парадигмальным разрыв» - это не смена научных парадигм, это изменение ответа на вопрос «Что такое естествознание?». В связи с теорией суперструн данный разрыв характеризуется тем, что мы продолжаем называть физической теорией, теорию, которая не предполагает возможность собственной экспериментальной проверки. Преподобной теоретической физике были известны теории, только частично, но не принципиально недоопределённые опытом.

Собственный анализ предметных особенностей ТСС Р. Дэвид завершает построением собственной формы ОСР - консистентного структурного реализма (consistent structure realism). Поскольку эта форма ОСР является конечным, а не отправным пунктом его анализа, содержание этой концепции в изложении будет опущено.

Аргумент «отсутствия выбора» против недоопределённости теории опытом в теории суперструн. Р. Дэвид предпринимает попытку проследить, не можем ли мы в случае теории суперструн найти какие-либо ограничения для действия РМІ, TUD и аргумента эквивалентных описаний. Главный аргумент в пользу существования подобных ограничений – аргумент «отсутствия

выбора» [1, Р. 17]. Десятилетия кропотливой работы теоретиков по созданию единой теории фундаментальных физических взаимодействий, включая гравитацию, объединение которой с другими силами представляет наибольшую трудность, смогли привести лишь к единственной простой и самосогласованной теории – теории суперструн. Теоретические успехи альтернативных подходов – теории преонов, квантовой гравитации и других более экзотических концепций - не могут сравниться с теоретическими результатами ТСС. Следствием этого стало то, что некоторые ведущие современные физики-теоретики, например, Ш. Глэшоу [2], изначально крайне негативно относившиеся к ТСС, изменили свою позицию, назвав эту теорию единственным жизнеспособным кандидатом.

Аргумент эквивалентных описаний говорит о том, что научные теории не могут репрезентировать устройство реальности в том случае, если могут существовать две или более теории, одинаково хорошо согласующиеся со всеми данными наблюдения, но оперирующие разными теоретическими терминами. ТСС нельзя проверить экспериментально, однако при низких энергиях она приводит к экспериментально подтвержденной СМ, что можно считать косвенным (и единственно возможным в данном случае) согласием с данными наблюдения. По убеждению многих физиков-теоретиков, ТСС – единственная в своём роде теория, ряд попыток развить альтернативные ей подход опять же приводили к суперструнам.

Р. Дэвид предпринимает попытку обосновать статус единственности, или «теоретической уникальности» ТСС аналогией с развитием физики элементарных частиц в XX веке. Построение СМ характеризовалось сильной недоопределённостью теоретических схем физиков опытом и мотивировалось стремлением последних создать согласованную и непротиворечивую теорию фундаментальных физических взаимодействий. Впоследствии СМ была приведена в поразительное согласие с экспериментальными данными. «Если физики для решения концептуальной проблемы стучатся во множество дверей, а открывается только одна, причём это приводит к построению богатой в содержательном отношении и согласованной теоретической структуры, по-видимому, мы можем рассчитывать, что наше решение с высокой степенью вероятности подтвердится будущим опытом», - замечает он [1, Р. 18].

Аргумент «отсутствия выбора» в действительности может накладывать ограничения на действия TUD в случае ТСС – ровно до тех пор, пока у этой теории не появятся достойные конкуренты. Его слабость, однако, заключается в том, что он носит локальный исторический характер, ограниченный всего несколькими десятилетиями развития теоретической физики в данном направлении. Если, в терминах Т. Куна, заключить, что подавляющее большинство теоретиков мыслят в рамках струнной парадигмы, то отсутствие теоретических альтернатив ТСС получает своё объяснение. Аналогичной ситуацией «отсутствия выбора» на протяжении длительного времени характеризовалось развитие ньютоновской физики, однако трудно не признать недоопределённость опытом её постулатов о существовании абсолютного пространства и времени.

В то же время, претензии ТСС на единое теоретическое описание всех известных фундаментальных физических взаимодействий делают её главным кандидатом на роль «окончательной» теории в современной физике. И в этом качестве ТСС, как полагает Дэвид [1, Р. 24], окажется недостижима для РМІ просто по той причине, что построение здания теоретической физики будет завершено. Ответом на подобный оптимизм могла бы стать формулировка аргумента пессимистической мета-мета-индукции, апеллирующая не к научным теориям, а к мнениям физиков: история физики свидетельствует о том, что все неоднократно возникавшие у физиков иллюзии «завершения» их науки, тут мы можем вспомнить А. Майкельсона, У. Томпсона или М. Планка, как правило, предшествовали серьёзным концептуальным перестройкам в структуре физического знания.

Дуальности в теории суперструн как аргумент против реализма. Несмотря на уязвимость приведённых выше аргументов Р. Дэвида, он убеждён, что те предметные особенности ТСС, к которым апеллируют эти аргументы, дают некоторые основания для реалистической интерпретации этой теории. Дальнейший его анализ, однако, выявляет очень серьёзные трудности, с которыми сталкивается такая интерпретация в связи с установлением дуальности сильной и слабой связи в ТСС – одним из главных результатов так называемой второй суперструнной революции. Изложение этого результата, который Р. Дэвид называет «несчастливым концом онтологии» [1, Р. 28], в действительности имеющего важное значение для современного состояния полемики между реализмом и антиреализмом, потребует обращения к физическим идеям ТСС [3].

В 1985 году в ТСС разразился кризис: теоретиками было установлено, что объединения фундаментальных физических взаимодействий можно достичь только в рамках суперсимметричных теорий, однако суперсимметрия может быть включена в ТСС пятью различными способами. Таким образом, в распоряжении физиков вместо одной единой теории оказались пять ТСС: теория типа I,

теория типа IIА, теория типа IIВ, теория гетеротических струн $O(32)$ и теория гетеротических струн $E8 \times E8$. Эти теории отличаются друг от друга по характеру колебательных возбуждений вдоль петли струны, а также рядом других физических особенностей, среди которых такая важная характеристика, как значение константы связи струны.

Значение константы связи струны определяет характер взаимодействия между струнами. При взаимодействии две струны сливаются в одну петлю, однако, в силу квантовых флуктуаций – следствия соотношения неопределённости Гейзенберга – этот процесс усложняется распадом единой петли на виртуальные пары струна – антиструна. Количество рождающихся пар струна – антиструна, опосредующих процесс взаимодействия, зависит от значения константы связи струны. Если значение константы связи меньше 1, то вероятность образования большого числа пар струна – антиструна является низкой. При значении константы связи больше, либо равным 1, вероятность образования большого числа пар струна – антиструна становится высокой и увеличивается с ростом константы связи.

В каждой из пяти ТСС значение константы связи определяется своим уравнением, точный вид которых теоретикам установить не удалось. Однако значение константы связи напрямую связано с возможностью применения теории возмущения при решении уравнений, описывающих взаимодействие струн в каждой ТСС. Если константа связи меньше 1, применение теории возмущения является оправданным, если больше, либо равна 1, то нет.

В 1995 году произошло то, что получило название второй суперструнной революции, которую связывают с докладом Эдварда Виттена на конференции по струнам в университете Южной Калифорнии. В своём докладе Э. Виттен представил гипотезу о наличии дуальности сильной (большей, либо равной 1) и слабой (меньшей 1) константы связи в разных ТСС. При сильной константе связи в определённой ТСС становится невозможным применение теории возмущений при решении уравнений этой теории. Результат Э. Виттена заключался в том, что для каждой из пяти известных ТСС при сильной константе связи существует дуальное описание в терминах слабой константы связи другой теории, и наоборот.

Существование этого типа дуальность двух разных ТСС (S-дуальность) в данном случае означает, что все физические следствия ТСС, обладающей сильной константой связи, будут идентичны физическим следствиям дуальной ей ТСС со слабой константой связи (разумеется, за исключением фундаментального процесса – характера взаимодействия между суперструнами). Один и тот же мир будет совершенно одинаково описываться дуальными теориями. Теоретики пришли к выводу о дуальности теории струн типа I теории гетеротических струн $O(32)$, самодуальности теории струн типа IIВ. Теория струн типа IIА и теория гетеротических струн $E8 \times E8$ оказались дуальны новой теории, созданной во время второй суперструнной революции – М-теории, фундаментальными объектами которой являются уже не одномерные струны, а р-браны, объекты, имеющие число p -измерений до девяти включительно.

Наряду с дуальностью сильной и слабой связи в ТСС реализуется другой тип дуальности, связанный с размерами компактифицированного пространства, вокруг которого способна наматываться струна. Для иллюстрации этого типа дуальности Б. Грин, один из современных специалистов по ТСС, предлагает рассмотреть цилиндрическое пространство, вокруг которого способна наматываться струна [3, С. 158-164]. Спектр её возможных состояний задаётся двумя главными характеристиками – топологическим числом, определяющим число оборотов струны вокруг цилиндрического измерения радиуса R , и колебательным числом, определяющим энергию колебательных движений, которая всегда обратно пропорциональна радиусу R . Полная энергия струны, таким образом, зависит от значения двух взаимно согласованных параметров – топологического и колебательного числа струны, которые в свою очередь, зависят от радиуса цилиндрической поверхности. Следствием этого является то, что энергетические состояния струн, намотанных вокруг цилиндрической поверхности радиуса R и $1/R$, оказываются идентичны.

Частицы, фигурирующие в СМ и обладающие разными массами и зарядами, рассматриваются как низкоэнергетические приближения находящихся в разных состояниях струн. Данный тип дуальности приводит к совершенно одинаковым физическим законам в двух мирах с разными геометрическими характеристиками компактифицированных на планковских масштабах пространств, вокруг которых способны наматываться суперструны. На основании расчётов теоретики пришли к выводу, что данный тип дуальности (Т-дуальность) существует между теорией гетеротических струн $O(32)$ и теорией гетеротических струн $E8 \times E8$, а также между теорией струн типа IIА и теорией струн типа IIВ.

Открытие дуальностей в ТСС означает ничто иное, как возможность существования теорий, имеющих абсолютно одинаковые наблюдаемые следствия, но постулирующих разную фундаментальную онтологию. Это весьма нетривиальный результат ТСС, говорящий о том, что различные теоретические описания реальности на фундаментальном уровне приводят к одинаковым физическим следствиям на макроскопическом уровне. Р. Дэвид склонен рассматривать этот результат как сильный пример куайновских эмпирически эквивалентных, но логически несовместимых теорий [1, Р. 27]. В этом смысле дуальности ТСС действительно разрушают реалистическую идею о возможности репрезентации в научных теориях истинного устройства мира.

Собственный анализ ТСС с позиций научного реализма и апеллирующего к аргументу эквивалентных описаний антиреализма Р. Дэвид подытоживает следующим образом: ни та, ни другая философия не могут выступить в качестве адекватного инструмента анализа такой теории, как ТСС. Эту функцию могла бы выполнить принимаемая им форма ОСР, задачу разработки которой в философии науки он перед собой ставит.

Литература

1. *David R. Scientific Realism in the Age of String Theory // Physics and Philosophy. 2007. Vol.11. Pp. 1-35.*
2. *Глэшоу Ш. Очарование физики / Пер. с англ. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002. 336 с.*
3. *Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории / Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.*

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ И ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЙ В КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ

А.Ю. Сторожук

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН

E-mail: stor71@mail.ru

В своей классической формулировке основной вопрос философии противопоставляет материальное и идеальное. Помимо философии противопоставление духа и материи возникает во многих областях, включая естественные науки, где зачастую выливается в сложные проблемы. Одной из них является проблема измерений в квантовой механике. Для получения эффекта, воспринимаемого наблюдателем, измеряемая частица должна быть приведена во взаимодействия с макроприбором, что приводит к изменению первоначальных параметров частицы. То есть наблюдатель влияет на квантовую систему, причем непредсказуемым вероятностным способом. Такая ситуация ведет к эпистемологическим затруднениям, поднимая вопросы о познаваемости мира, о нарушении причинного детерминизма и др. Для науки, изучающей материальный мир и стремящейся к идеалам объективности, осознание возможности влияния сознания наблюдателя на процесс измерений является проблемным моментом. Рассмотрение показывает, что попытки решить основной вопрос философии строятся на смягчении данного противопоставления посредством введения промежуточного звена. Показано, что если допустить наличие связующего звена между материей и духом, то проблема квантово-механических измерений может быть рассмотрена под неожиданным углом, а именно с точки зрения термодинамики, что позволяет дать естественную интерпретацию возникающей в ходе измерений квантово-механической неопределенности.

Ключевые слова: философия естествознания, материя; сознание; проблема измерения

THE FUNDAMENTAL QUESTION OF PHILOSOPHY AND THE PROBLEM OF MEASUREMENTS IN QUANTUM MECHANICS

A.Yu. Storozhuk

Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: stor71@mail.ru

In its classical formulation, the fundamental question of philosophy consists of opposition between the material and the ideal. In addition to philosophy, the opposition of spirit and matter arises in many areas, including the sciences, where it often becomes the reason for complex problems. One of them is the problem of measurements in quantum mechanics. To obtain an effect perceived by the observer, the measured particle must be brought into interaction with the macrodevice, which leads to a change in the initial parameters of the particle. That is, the observer influences the quantum system, and in an unpredictable probabilistic way. This situation leads to epistemological difficulties, raising questions about the cognizability of the world, the violation of causal determinism, etc. For a science that studies the material world and strives for the ideals of objectivity, awareness of the possibility of the observer's consciousness influencing the measurement process is a problematic moment. Consideration shows that attempts to solve the main question of philosophy are based on softening this opposition by introducing an intermediate link. It is shown that if we assume the existence of a link between matter and spirit, then the problem of quantum mechanical measurements can be considered from an unexpected angle, namely from the point of view of thermodynamics, which allows us to give a natural interpretation of the quantum mechanical uncertainty arising in the course of measurements.

Keywords: philosophy of science; matter; consciousness; measurement problem

Основной вопрос философии состоит в противопоставлении материи и сознания. В классической марксистской формулировке он носит онтологический характер. В формулировке Ф. Энгельса это «вопрос об отношении мышления к бытию, о том, что является первичным: дух или природа... создан ли мир богом или он существует от века?» [1, с. 283]. Познаваемость мира зафиксирована в ленинском определении материи: это есть «философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [2, с. 131]. При этом «как материалисты, так и идеалисты, признавали познаваемость мира как тождество мышления и бытия» [9, с. 283]. Дальнейшее развитие философии показало, что сознание не просто отражает материю, а имеет свою собственную активность, которая проявляется в упорядочении и переработке информации, так что теория отражения неверна. Вопрос познаваемости мира стал более острым, когда развитие квантовой механики потребовало ввести понятие наблюдателя, присутствующего в измерительной системе. «Поведение атомных объектов невозможно резко отграничить от их взаимодействия с измерительными приборами, фиксирующими условия, при которых происходят явления... Вследствие этого данные, полученные при разных условиях, не могут быть охвачены одной-единственной картиной; эти данные должны скорее рассматриваться как дополнительные в том смысле, что только совокупность разных явлений может дать более полное представление о свойствах объекта» [3, с. 406–407]

Неполнота рассмотрения действия наблюдателя проявляется в естественных науках, вызывая подчас проблемные ситуации, разрешение которых требует глубокого переосмысления категориального аппарата. Одной из таких проблем является проблема измерения в квантовой механике. Связь основного вопроса философии с проблемой измерения обусловлена тем, что сам эксперимент представляет собой переход от материального мира к миру идеальному, когда материальные экспериментальные действия ведут к порождению знания.

Проблемы, связанные с процедурами измерения, были осмыслены еще на заре квантовой механики. Это и вероятностный характер результатов измерения, и невозможность определить, когда происходит коллапс волновой функции, и отсутствие физического смысла этой функции, и разница в понимании причинности классического и квантового миров и проч. Но поскольку квантовая механика имеет большую точность предсказаний, ее эпистемологические трудности рассматривались как локальные, и некоторые подходы к интерпретации квантовой механики не включают ответа на вопрос о влиянии наблюдателя на измеряемую систему. «Взятая вместе с классической теорией гравитации Ньютона – Эйнштейна, СМ(стандартная модель – А.С.) имеет беспрецедентный диапазон предсказательной силы: от 10⁻¹⁶ см на малых расстояниях в микромире до 10²⁸ см в масштабах

Вселенной в целом... СМ крайне успешна и очень хорошо проверена. Сотни экспериментов, проведенные, в основном, на ускорителях элементарных частиц, позволили проникнуть в структуру материи на расстояния до 10-16 (миллиардные доли миллиардных долей метра). И во всех этих экспериментах теория – Стандартная модель – зарекомендовала себя очень хорошо. Точность экспериментальной проверки СМ необычайно высока. Более того, нет никаких оснований полагать, что общая концептуальная модель – квантовая теория поля – не работает вплоть до масштабов, соизмеримых с длиной Планка (где начинают проявляться квантовые эффекты гравитации), которая по порядку величины равна 10-33 см. История развития фундаментальной физики убеждает: физика микромира и физика макромира тесно связаны между собой, как тесно связаны между собой объединенные глубоким внутренним единством физика частиц, астрофизика и космология» [4, с. 8–9].

В рамках традиционных интерпретаций квантовой механики измеряемую систему рассматривали как замкнутую. В ее состав входили измеряемый прибор и наблюдатель. При этом считалось, что до измерения система эволюционирует предсказуемым детерминистическим образом. А процесс измерения влияет на систему так, что ее поведение нарушается случайным образом, и это привносит вероятностный характер в результаты измерения. Данное обстоятельство вызывало ожесточенные споры, по словам А. Эйнштейна, «Бог не играет в кости». Вероятностный характер результатов измерения породил большую дискуссию в среде физиков, но вопрос так и не был удовлетворительно разрешен. Споры касались признания верной одной из двух интерпретаций: являются ли вероятность и непредсказуемость результатов измерений свойствами самой природы и носят онтологический характер или же они суть отражение неполноты нашего знания, невозможности познать природу до конца и имеют только эпистемологический характер. В связи с распространением в последние годы квантовой механики в области, тесно связанные с исследованиями сознания, вопросы, касающиеся процесса измерения и влияния наблюдателя на квантовую систему обостряются. Квантовые парадоксы измерения допускают влияние сознания наблюдателя на результаты измерения и даже на предысторию квантовой системы [5].

Промежуточные звенья между материей и сознанием. Каким образом можно попытаться решить проблему измерений, применяя философский подход? На наш взгляд, следует найти промежуточное звено между материей и сознанием. Таким звеном может стать информация в том смысле, в котором она понималась у К. Шеннона. Его исследования позволили установить связь между термодинамикой и информацией путем введения понятия энтропии как меры неопределенности или зашумленности сигнала. В 1948 г. Шеннон разработал теорию информации в системах связи, состоящих из излучающего/кодирующего устройства, информации, канальной (информационной) линии и приемника/декодера информации. На основе статистической теории количество информации может рассматриваться как мера определенности того, что событие произойдет в системе состояний с равными вероятностями, рассчитываемыми путем исключения неопределенности, измеряемой с помощью информационной энтропии [6; 12]. Идею «физичности информации» связывают также с демоном Максвелла – мысленным экспериментом, призванным проиллюстрировать нарушение второго начала термодинамики. Под демоном понимается некоторое устройство, способное сортировать молекулы газа по скоростям и концентрировать более быстрые молекулы в одной половине объема. При этом наличие сознания у демона не обязательно, его роль может выполнять механический прибор. Физик Л. Сцилард в 1929 г. писал, что демон должен иметь «интеллект», т.е. располагать информацией о скоростях молекул и синхронизировать процесс открытия двери с движением молекул высокой энергии [7]. Работа демона приводит также к накоплению и удалению информации, т.е., по утверждению Р. Ландауэра, «информация физична» [8]. Помимо того, что информация физична, она имеет квантовый характер в силу возможности кодирования информационного сигнала наименьшими сигналами – битами. В соответствии с экспериментом с демоном Максвелла информация может быть преобразована в энергию, и, в свою очередь, материя может быть преобразована в энергию согласно соотношению Эйнштейна $E = mc^2$, где m – количество вещества (масса), c – скорость света. Это уравнение является последним шагом для перехода к понятию материи. В вакууме пары частиц материи и антиматерии могут проаннигилировать с образованием фотонов – носителей энергии, а эксперименты в ядерной физике показывают, что энергия может быть преобразована в материю. То есть масса содержит некоторое количество скрытой информации, поглощаемой внутренней структурой материи, и она может быть высвобождена в процессе деструктуризации в виде энергии [9]. Наглядный пример – атомная энергия, возникающая в ходе распада радиоактивных атомов. Таким образом, цепочка промежуточных звеньев «сознание – информация – энтропия – энергия – материя» позволяет навести концептуальный мост между сознанием наблюдателя и физикой.

Литература

1. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, М.: Госполитиздат, 1961, с. 269–317.
2. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Полное собрание сочинений, 5 изд. 1968. Т. 18. С. 7–384.
3. *Бор Н.* Можно ли считать квантовомеханическое описание физической реальности полным // Бор Н. Избранные научные труды: В 2 т. М.: Наука, 1971. Т. 2, С. 180–191.
4. *Красников Н.В., Матвеев В.А.* Новая физика на Большом адронном коллайдере. М.: КРАСАНД, 2014. 208 с.
5. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд. иностр. лит., 2002.
6. *Песоцкая Е.Н., Гераськина М.А.* Методологические подходы к проблеме психофизической причинности в истории и философии науки // Science Time. 2015. № 11 (23). С. 436–446.
7. *Wigner E.P.* The Problem of Measurement American Journal of Physics. 1963. Vol 31, No 6. <https://doi.org/10.1119/1.1969254> (дата обращения: 03.12.2021).
8. *Landauer R.* The physical nature of information // Physics Letters A. 1996. Vol. 217, Issues 4–5. 15 July 1996. P. 188–193.
9. *Gaiseanu F.* Evolution and Development of the Information Concept in Biological Systems: From Empirical Description to Informational Modeling of the Living Structures // Philosophy Study Volume 11, Number 7, July 2021 (Serial Number 108). p. 501– 519.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ М. ТЕГМАРКА*

А.А. Захарова

*Студентка 3 курса философии факультета гуманитарных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: aazakharova_9@edu.hse.ru*

В статье проводится критический анализ концепции математической вселенной, разработанной космологом М. Тегмарком. Автор представляет онтологию, которая основана на фундаментальности математических структур. Это позволяет объяснить, например, невероятную эффективность математики и природу случайности, а также объединить ведущие космологические теории мультивселенных в один мультиверс. Тегмарк совмещает платонистские, реалистические и структурные воззрения. Однако, отказ объектам в сущностных характеристиках и сведение их к положению в структуре приводит к определенным проблемам и вопросам. В частности, это приводит к потере объектами уже их уже существующей идентичности, и такая же проблема появляется с объективированными структурами. Помимо этого, возможность вывода физического из математического предполагает, что онтология не будет полностью структурной. Несмотря на достоинства и популярность, концепция математической вселенной может быть развита и улучшена посредством критического философского анализа.

Ключевые слова: математическая вселенная, мультиверс, математическая структура, онтический структурный реализм, математический платонизм, сущностные свойства

ONTOLOGICAL ASPECTS OF M. TEGMARK'S CONCEPT OF MATHEMATICAL UNIVERSE**

A.A. Zakharova

*3rd year Philosophy student
National Research University Higher School of Economics
E-mail: aazakharova_9@edu.hse.ru*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>

** The research was supported by the Russian Science Foundation grant № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>

The paper is dedicated to the critical analysis of M. Tegmark's concept of mathematical universe. Tegmark suggests an ontology based on fundamental mathematical structures. Such approach explains, for example, the unreasonable effectiveness of mathematics and the nature of randomness. It also unifies leading cosmological multiverse theories under one mathematical multiverse. Tegmark combines platonist, realist and structuralist views. However, author's elimination of objects' intrinsic properties raises certain questions and problems. In particular, this leads to them losing their already present identity. The same happens to the objectified structures. Besides, the possibility of inferring physical from structural implies that ontology cannot be purely structural. Notwithstanding its advantages and popularity, the concept of mathematical universe may be developed and improved by the means of critical philosophical analysis.

Keywords: mathematical universe, multiverse, mathematical structure, ontic structural realism, mathematical platonism, intrinsic properties

Проблема соотношения физики, математики и реальности является одной из центральных в философии науки. Ее онтологические аспекты обсуждаются в рамках дискуссии между различными версиями реализма и антиреализма. В частности, метафизический тезис научного реализма гласит, что существует независимая от человека внешняя реальность, описываемая физическими теориями [1]. Однако представления о фундаментальной реальности высказывают не только философы, но и физики. В статье будет критически рассмотрена онтология математической вселенной – концепции, представленной в ряде работ космологом М. Тегмарком [2].

Тегмарк предлагает две взаимосвязанные гипотезы. Первая гласит, что существует полностью независимая от людей внешняя физическая реальность. Поскольку такая реальность должна быть полностью независимой от человека, необходимо избавиться от «багажа» – так автор называет язык, которым пользуются люди, чтобы описывать физические явления (определения, концепции и т. д.). Отсюда следует вторая гипотеза: внешняя реальность представляет собой математическую структуру – совокупность абстрактных сущностей и отношений между ними. Структуры симметричны и инварианты относительно преобразований, а их математический характер дает им автоморфизм, благодаря которому с помощью математического анализа из них можно вывести наблюдаемые физические структуры. Тегмарк доказывает свою позицию возможностью редукции физического к математическому, ведь все физические теории пользуются языком математики. Объекты, составляющие структуры, не имеют внутренних, сущностных свойств, и определяются через свое положение в структуре и отношения с другими объектами [2, 102-109]. Таким образом, автор характеризует внешнюю реальность как математическую структуру, которая определяет наблюдаемое физическое состояние мира.

Теперь рассмотрим, какие философские следствия несет в себе представленная структурная онтология. В первую очередь, уровень математической структуры становится четвертым и последним в системе мультивселенных, которую приводит Тегмарк. I уровень представляет собой бесконечное пространство, образовавшееся в результате инфляционного расширения Вселенной и в силу своей бесконечности содержащее параллельные миры. II уровень принимает во внимание не только теорию инфляции, но и теорию струн: каждая мультивселенная первого уровня заключена в постинфляционный «пузырь», один из многих образовавшихся в результате вечной инфляции. III уровень – это реалистическое понимание многомировой интерпретации квантовой механики, при котором на уровне мультиверса все возможные исходы событий разыгрываются параллельно. Наконец, все три уровня являются частью одной математической структуры – для нашей Вселенной она могла бы быть описана «теорией всего». Существуют и другие миры-математические структуры, все они имеют равный онтологический статус и составляют мультиверс IV уровня [3].

Далее, говоря, что мир – математическая структура, Тегмарк объясняет его наблюдаемую симметричность. Для математических структур наличие симметрии скорее правило, чем исключение. Симметричность, как и однородность и изотропность Вселенной, делает ее стабильной, устойчивой к преобразованиям. Из-за этого возможно ее изучение, в частности посредством выделения регулярностей и законов и описания их математическим языком. Онтологизируя математику, Тегмарк отвечает на знаменитый вопрос Ю. Вигнера: математика так невероятно эффективна в естественных науках, потому что мир и есть математика [2, 116].

Проблему начальных условий появления Вселенной и статус случайности автор решает тем, что математическая вселенная представляет собой актуализацию всего математически возможного. Так, на IV уровне мультиверса концепт «начальных условий» отсутствует: все возможные

математические структуры существуют вне времени и неизменно, поэтому и «начала» не было. Начальные условия же становятся для ученых удобным приближением, поскольку полностью описать математическую структуру нашего мира мы не способны. Так же обстоит дело со случайностью: на уровне математических структур все полностью определено, не может «что-то случайно произойти». Случайность выступает как конструкт, образовавшийся вследствие незнания наблюдателя [2, 117-118].

Далее определим теоретическую рамку, в которую можно было бы вписать концепцию математической вселенной. Во-первых, ее можно причислить к математическому платонизму, согласно которому математические объекты являются абстрактными и существуют независимо от человека. Из современных направлений позиция автора наиболее близка к «полнокровному» платонизму М. Балагера, который основан на принципе изобилия [4]. Тегмарк, как и Балагер, утверждает, что все возможные математические сущности (структуры в первом случае и объекты – во втором) реально существуют. Во-вторых, автор является математическим структуралистом, поскольку придает математическим структурам наибольший онтологический вес. В этом смысле позиция Тегмарка схожа со структурализмом С. Шапиро [5]. В частности, Шапиро отстаивает *ante rem* структурализм, при котором абстрактные структуры никак не зависят от своих проявлений – для математической вселенной утверждается онтологический примат структур над объектами. В-третьих, позицию Тегмарка можно считать версией неэлиминативного онтического структурного реализма. А именно, она сходится с направлением, развиваемым Дж. Лэдименом: объекты не удаляются полностью из онтологии, однако они полностью зависят от структур и не обладают сущностными свойствами [6]. В работе Тегмарк называет свою концепцию «экстремальной формой структурного реализма» в силу ее масштабов, а также ссылается на структурное понимание законов природы А. Пуанкаре [2, 141, 112-114]. Таким образом, концепция Тегмарка объединяет структуралистские и реалистические направления как в философии математики, так и в философии науки.

Итак, перейдем к критическому анализу концепции математической вселенной. На мой взгляд, основная проблема состоит в том, что автор отказывает объектам в сущностных свойствах. Я не считаю такой радикальный подход необходимым для построения космологии. Рассмотрим, с какими проблемами сталкивается математическая вселенная без внутренних характеристик объектов.

В первую очередь, отсутствие внутренних характеристик у объектов приводит к потере идентичности нашей Вселенной. В одной математической структуре содержатся мультивселенные предыдущих трех уровней. На каждом из этих уровней реализуются индивидуальные сценарии развития мира. Для структуры эти уровни объективируются, следовательно их особенности описываются только через их взаимоотношения и отношение к общемировой структуре. Однако в этом описании упускается важная часть идентичности мира. Например, разница физических констант или размерностей пространства вселенных на II уровне. Эта разница задается не фундаментальной математической структурой, а объектно, на уровне конкретной мультивселенной. Необходимо отметить, что в космологии отсутствует кризис идентичности объектов, в отличие от квантовой физики [7]. В таком случае элиминация сущностных свойств объектов приводит не к решению проблемы их неразличимости, потому что эта проблема отсутствует, но к лишению объектов, составляющих структуру, уже существующей у них идентичности.

Такая же потеря идентичности происходит и у самих математических структур из-за их объективации. Прежде всего, на IV уровне мультиверса существует множество возможных математических структур, онтологически равных друг другу. Поскольку они находятся в некотором отношении друг с другом, и все они входят в одну мультивселенную, то последняя может быть представлена как одна крупномасштабная онтологически однородная структура. В таком случае структуры-миры становятся в ней неразличимыми, лишены идентичности объектами. Этого можно избежать, сохранив за объектами внутренние свойства. В таком случае миры-структуры могли бы различаться не только положением в мультивселенной, но и характером их внутренних, уникальных миров. Помимо этого, сложные структуры возникают не только на уровне мультивселенной, но и на «нисходящем пути» к наблюдаемому миру – разные его аспекты описаны математизированными теориями, которые являются частью большей структуры. Вновь получается, что объективированные структуры должны лишиться идентичности.

Наконец, Тегмарк утверждает, что с помощью математического анализа из математических структур возможно вывести физические. Это противоречит обозначенной автором радикальной структуралистской онтологии. Если есть возможность вывода, то в структурах имплицитно заложено неструктурное. Следовательно, фундаментальная реальность не может представлять собой только структуры и объекты без собственной идентичности. Схожую аргументацию против элиминативных

версий онтического структурного реализма приводит С. Псиллос [8]. Ante rem структурализму так же, как и его in re версии, необходимы объекты, а объекты должны быть определены, иначе невозможно сохранить модальное единство структуры.

Подводя итоги, нельзя не отметить достоинства концепции математической вселенной: ее структурная онтология показывает инварианты, благодаря которым можно объяснить невероятную эффективность математики, задать определенный онтологический статус случайности, а также показать важный аспект фундаментальной реальности, поскольку структуры не сводятся к своим объектам, а обладают особенными свойствами. В то же время Тегмарк необоснованно лишает объекты структур внутренних свойств, что в случае космологии приводит к потере их уже существующей идентичности. Помимо этого, анализ показал, то структурная онтология сталкивается с логическими проблемами, которые решаются возвращением объектам их сущностных свойств. Таким образом, автором сделана радикальная и популярная попытка ответить на один из центральных вопросов философии, а привлечение дискуссий философии науки помогает развивать и улучшать ее.

Литература

1. *Chakravartty A. Scientific Realism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2017. [Электронный ресурс] URL: (https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/scientific-realism/ (дата обращения 10.05.2022).*
2. *Tegmark M. The mathematical universe // Foundations of physics. 2008. Vol. 38. № 2. P. 101-150.*
3. *Tegmark M. Parallel universes // Scientific American. 2003. Т. 288. №. 5. P. 40-51.*
4. *Linnebo Ø. Platonism in the Philosophy of Mathematics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2013. [Электронный ресурс] URL: (https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/platonism-mathematics/ (дата обращения 10.05.2022).*
5. *Shapiro S. Philosophy of Mathematics: Structure and Ontology / Oxford University Press. 1997. 279 p.*
6. *Ladyman J. Structural Realism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020. [Электронный ресурс] URL: (https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/structural-realism/ (дата обращения 10.05.2022).*
7. *Saunders S. Are quantum particles objects? // Analysis. 2006. Т. 66. №. 1. P. 52-63.*
8. *Psillos S. The structure, the whole structure, and nothing but the structure? // Philosophy of Science. 2006. Т. 73. №. 5. P. 560-570.*

ФАЛЛИБИЛИЗМ КАК ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ

Л.А. Минасян

*Доктор философских наук, декан
Донской государственной технической университет
E-mail: larmin1@mail.ru*

О.А. Лещева

*Старший преподаватель
Донской государственной технической университет
E-mail: olga_l_78@mail.ru*

В статье рассмотрены параллели между методологией научного поиска, разработанной Ч.С. Пирсом, и концепцией научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Показано, что декларируемая Пирсом роль абдукции в задании поиска объяснительных гипотез и ее связь с индукцией находит свое преломление в предлагаемой Лакатосом структуре научно-исследовательских программ с введением такого определяющего элемента для формирования последовательности теорий как защитного пояса вспомогательных гипотез. Выносятся на дискуссию вопрос о коррелятивности прагматизма и диалектики абсолютного и относительного в объективной истине. Выявляются черты методологии Лакатоса как последователя критического рационализма Поппера и как его оппонента. Рассматриваются особенности современных теоретико-

экспериментальных исследований физики высоких энергий в рамках упомянутых концепций.

Ключевые слова: Пирс, Лакатос, Поппер, фаллибилизм, абдукция, научно-исследовательская программа, фальсификация, научная истина, современная космология

FALLIBILISM AS A MAIN CONCEPTION OF SCIENTIFIC AND RESEARCH PROGRAMS

L.A. Minasyan

*PhD in Philosophy, dean
Don State technical university
E-mail: larmin1@mail.ru*

O.A. Lecheva

*Teacher
Don State technical university
E-mail: Olga_1_78@mail.ru*

In the article the parallels between the scientific research methodology of Charles Sanders Peirce and scientific and research programs' concept of Imre Lakatos are examined. It is shown that the role of abduction declared by Peirce in the research of explanation hypothesis and its relation with the induction finds its transformation in Lakatos structure of scientific and research programs with the main element to create the theories' sequences as a protection line for supplementary hypothesis. The question to discuss is the correlativity of pragmatism and the dialectic of absolute and relative in the objective truth. The Lakatos methodology parts are considered as a Popper's critical rationalism disciple and as his opponent. In the frame of mentioned conceptions the peculiarities of modern physics theoretical and experimental researches of high energies are studied.

Keywords: Peirce, Lakatos, Popper, fallibilism, abduction, scientific and research programs, fakery, scientific truth, modern cosmology

Важную роль в формировании концепции научно-исследовательских программ сыграла методология научного поиска Ч.С. Пирса. Во главу угла учения Пирса поставлены метод абдукции и принцип фаллибилизма. Рассуждения об абдукции находятся в полном соответствии с общей схемой учения Пирса о трех категориях восприятия, - Firstness (Первичность), Secondness (Вторичность) and Thirdness (Третичность). Первичность - это категория неосознанного ощущения, чистой возможности; вторичность - это отношение Первого ко Второму, то есть это категория отношения, реакции. Третичность связывает Второе и Первое и есть категория опосредствования, необходимости, закономерности, синтеза. Тройственность вводимых Пирсом категорией составляет основу трех форм логического вывода - абдукции, индукции и дедукции. Дедукция принадлежит к категории третичности, индукция - к категории вторичности. Абдукция являет собой исходный пункт в методологии познания, потому как суть ее состоит в поиске и принятии объяснительных гипотез. Если семантическое наполнение термина «дедукция» предполагает выведение чего-либо, термина «индукция» - наведение на что-либо, то термин «абдукция» предполагает приведение к чему-либо. Таким образом, научный метод, согласно Ч. Пирсу, состоит во взаимодействии абдукции и индукции, обеспечивающей реализацию того, что согласно абдукции может иметь место посредством эмпирического тестирования этого на основе индукции. Следующим шагом становится выведение посредством дедукции всевозможных следствий из принятых гипотез.

Известно, что основой работы Имре Лакатоса «Методология исследовательских программ» является противопоставление фаллибилизма и фальсификационизма. Само использование термина «фаллибилизм», введенного Пирсом, указывает на то обстоятельство, что идея абдукции как особого метода поиска объяснительных гипотез нашла свое непосредственное преломление в предлагаемой Лакатосом структуре научно-исследовательских программ. Однако Лакатос использует абдукцию не просто как феномен первичности, а задает вспомогательным гипотезам функциональную нагрузку в жестких рамках действия «твердого ядра» научно-исследовательской программы. Согласно же Пирсу, абдукция потому и представляет собой феномен первичности, что являет собой воображение возможной закономерности, интуитивный творческий процесс без установления какого-либо

отношения к фактическому и закономерному. Абдукция – источник вдохновения. Пирс провозглашает воображение эвристической ценностью. Только воображение ведет к истине, все научные открытия получены с помощью абдукции. Излишне подчеркивать, что методология, развиваемая Пирсом, явилась прямым вызовом позитивизму с декларируемой О. Контом установкой на приоритет описательной функции науки. Абдукция – это лишь тропинка на пути к научной истине, потому ученый вводит понятие фаллибилизма как принцип погрешности. Фаллибилистическая установка декларирует относительность любой научной истины, ее частный характер. По выражению Пирса, это «точка в континууме недоверности и неопределенности», что, на наш взгляд, ведет к проблематике диалектического взаимоотношения абсолютного и относительного в объективной истине.

Введя принцип фаллибилизма, Пирс развивает концепцию «прагматизма», которую настойчиво отличает от концепции прагматизма Уильяма Джойса. Джойс сводит истину к полезности, согласно же прагматизму важным звеном в принятии научной истины должна стать подтверждаемость суммы последствий рассматриваемого явления, которые обладают практической значимостью: «The principal question for pragmatism must be whether thought has any meaning or purport beyond the simple apprehension of the thought itself» [1, с. 284], «Recommendation that the word "pragmatism" be employed for the looser sense of the term's meaning but that the word "pragmaticism" be retained for the more precise meaning» [1, с. 331].

Предлагаемая Лакатосом концепция представляется развитием фаллибилистической установки прагматизма, которая, как уже отмечено, представлена введением Лакатосом в структуру научно-исследовательских программ такого важного элемента как защитный пояс вспомогательных гипотез. Лакатос, полемизируя с попперовским фальсификационизмом, доказывает, что вспомогательные гипотезы служат спасению теории от контрпримера благодаря переинтерпретациям с обязательным условием защиты твердого ядра программы, а не его отбрасыванием. Это позволяет достигнуть «суммы последствий, обладающих практической значимостью», следовательно, производить «новые факты».

Какова позиция Лакатоса по отношению к фальсификационистской методологии Поппера? Заострим внимание на контриндуктивной позиции Поппера, согласно которой вопрос о верификации знания не имеет смысла, поскольку для подтверждения какой-либо теории требуется множество экспериментов (на чем и основывается индуктивный метод), что попросту неосуществимо. Для фальсификации и дальнейшего отбрасывания теории достаточно одного опровергающего эксперимента. Известно, что Томас Кун назвал подобную элиминацию «наивным фальсификационизмом». Это повлекло за собой ответ Лакатоса, определившего предложенную им самим концепцию «уточненным фальсификационизмом», а себя – последователем философии Поппера. Между тем, нетрудно видеть, что рассматриваемые методологии концептуально и содержательно различны. Отсюда и введенная Лакатосом классификация под именами *Поппер₀*, *Поппер₁* и *Поппер₂*. Характеризуя позицию Поппера в качестве определенного варианта революционного конвенционализма [2,с.266], Лакатос предлагает «путь Поппера, по которому намерен следовать он сам» [3, с.49]), заключающийся в разработке уточненной версии фальсификационизма, в которой конвенциональный элемент будет по возможности уменьшен. В этом варианте проблема оценки отдельной теории должна быть сдвинута на оценку последовательности теорий со всеми присоединяемыми вспомогательными гипотезами, граничными условиями, со всеми предшественницами теории «так, чтобы было видно, какие изменения были внесены» [3, с. 52]. Предлагаемый Поппером «эмпирический базис» имеет отношение только к одной теории, к монотеоретической дедуктивной модели [4], Лакатос предлагает плюралистическую модель, в которой решается проблема расхождения не между теорией и фактами, а между теориями, составляющими всю последовательность интерпретативных и объяснительных теорий, что указывает на ограниченность проверки, служащей фальсификации, в которой участвуют только две противоборствующие силы – теория и эксперимент. Авторы [5] считают, что «вряд ли методологию Лакатоса в содержательном плане верно считать фальсификационной, ибо его основной тезис таков: **Ни одна теория не может быть фальсифицирована до тех пор, пока не возникнет новая теория, которая будет верифицируема.** Таким образом, в отличие от попперовского фальсификационизма, исходным пунктом лакатовской концепции является «поддерживание старой научно-исследовательской программы, ее твердого ядра, несмотря на аномалии, до тех пор, пока эта программа прогрессирует, до выдвижения новой более прогрессивной программы» [5, с. 25-26]. Отметим, что фаллибилистический принцип находит свое преломление в предлагаемом учеными третьем пути эпистемологии [6,7].

В концепции Лакатоса речь идет о последовательности теорий в рамках одной исследовательской программы, а как быть, если научно-исследовательских программ несколько. Такова ситуация, к примеру, в современной физической науке, где речь идет о геометродинамической концепции общей теории относительности, стандартной модели электромагнитных, слабых и сильных взаимодействий на кварк-лептонном уровне, стандартной космологической модели и об их совместимости или же несовместимости. Иными словами, сейчас мы находимся в стадии «нормальной» науки в ожидании революционного прорыва. Тем более, что 22 апреля 2022 года вновь после более, чем трехлетнего перерыва, введен в строй Большой адронный коллайдер, модернизирование которого после успеха по обнаружению бозона Хиггса (2012-2013 гг.) вселяет надежды на решение еще одной приоритетной задачи – обнаружение «темной материи», что явилось бы подтверждением модели суперсимметрии. По существу, стоит задача о самосогласовании, связности моделей/теорией, о восхождении к более полной унифицированной теории. Заметим, что Лакатос категорически не принимает этот диалектический аспект, протестуя даже против термина «степень связности» теорий.

Современная космология в динамике своего развития, представленной достаточно большим многообразием моделей эволюции Вселенной (теорий, по терминологии Лакатоса), дает богатейший материал для решения многих узловых моментов в вопросе роста научного знания. В космологии четко прослеживается именно связность теорий, в качестве примеров можно отметить объединение деситтеровской и фридмановской теорий в модели Старобинского, синтез квази-деситтеровской, фридмановской теорий и стандартной модели квантовой теории поля в инфляционных сценариях, уилеровский геометродинамический подтекст бранной теории и т.д. Главное, что все они в своем фундаменте имеют, с одной стороны, одно и то же твердое ядро стандартной космологической модели, а, с другой, проходят в своих основаниях тестовую согласованность с твердым ядром квантовой теории поля (стандартной моделью электромагнитных, слабых и сильных взаимодействий на кварк-лептонном уровне), которая с успехом проверена в экспериментах, проведенных на предыдущих коллайдерах.

Также следует различать исследования, которые проводятся в рамках твердого ядра научно-исследовательской программы, и исследования, которые содержат прогнозы на получение результатов, следствием которых могут стать предпосылки для реформирования твердого ядра, вплоть до революционных шагов в направлении возникновения новой исследовательской программы. Отдельно подчеркнем, с обязательным условием преемственности и обозначения границ применимости прежней программы.

В современной науке на повестку дня поставлен второй из вышеуказанных вариантов. Перед экспериментаторами стоит задача постижения особенностей устройства нашего мира в интервале 10^{-43} секунд после Большого взрыва. Понятно, что для прямой постановки эксперимента возможностей нет. В экспериментах на Большом адронном коллайдере в его первоначальном варианте искусственно создавалась область, в которой пространство-время, физический вакуум и плазма элементарных частиц находились в состояниях, подобных тем, в которых они находились во Вселенной в момент времени, равный одной миллисекунде (10^{-3} с) от "Большого Взрыва". Это обеспечило возможность для экспериментального обнаружения бозона Хиггса. В настоящей модификации коллайдера будут достигаться энергии до 13,6 триллионов электронвольт (в сравнении с прежними 2 триллионами). Ожидается получение результатов, позволяющих с большой точностью выяснить, в каких состояниях находилась Вселенная, начиная с момента времени, равного одной миллиардной доле секунды (10^{-9} с) от "Большого Взрыва". Наконец, эти же законы Природы, в случае полного выполнения экспериментальной программы Большого адронного коллайдера, позволят теоретически реконструировать состояния Вселенной в фантастически малой окрестности "Большого Взрыва" — начиная с момента 10^{-35} с! Важно подчеркнуть, что в окрестности "Большого Взрыва" в плотной космологической среде произошло большое число событий — актов взаимодействий частиц друг с другом и с вакуумом, приведших к сильным перестройкам состояний частиц и вакуума, которые имели далеко идущие последствия для дальнейшей судьбы Вселенной. Потому столь необходим переход от экспериментов в режиме наблюдения явлений к экспериментам в режиме диалога с природой. Диалог же своим основанием имеет не отдельную теорию, описывающую некоторый фрагмент реальности, а теоретическую систему в целом. Прошлый век до двух последних десятилетий характеризовался постановкой экспериментов, которые позволяли получить прямое подтверждение или опровержение гипотез. Однако сейчас ситуация изменилась кардинально: теоретические разработки выдвигают концепции, для подтверждения которых прямой эксперимент в принципе неосуществим. Собственно, предлагаемых моделей на планковских масштабах времени может быть

какое-то количество, однако следствия из них всегда фиксируются и могут быть использованы для косвенного подтверждения или опровержения теорий в случае, если они попадают в реализуемые энергетические масштабы работы коллайдеров. Потому речь идет не об отдельной теории, даже не о последовательности теорий, а о целостной теоретической системе, построенной как раз на принципе связности теорий и научно-исследовательских программ, что предполагает жесткую согласованность количественных характеристик объектов целостности.

Литература

1. Charles S. Peirce. The basis of pragmatism. - Robin catalog. <http://www.iupui.edu/~peirce/robin/rcatalog.htm> (дата обращения: 03.03.2022).
2. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции/ Методология исследовательских программ. М., 2003. С. 255-344.
3. Лакатос И. Фальсификация и методология исследовательских программ/ Методология исследовательских программ. М., 2003. С. 5-254.
4. Поннер К. Логика научного исследования. М., 2004. 448с.
5. Верешков Г.М., Минасян Л.А. Современные эксперименты и становление ноосферного мышления // Научная мысль Кавказа. 2009. №2. С. 26-31.
6. The Charles S. Peirce Centennial Congress (16-19 July 2014)/ Lowell, MA, USA. URL: Peirce 2014 - Eventegg.com (дата обращения: 24.03.2022).
7. Powell T.C. Fallibilism and Organizational Research: The Third Epistemology, Journal of Management Research. 2001. №4. Pp. 201-219.

ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ Ю.Б. МОЛЧАНОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Э.Ю. Калинин

*Старший преподаватель кафедры Философии, политологии, социологии
Национальный исследовательский университет "МЭИ"
E-mail: KalininEU@mpei.ru*

М.Б. Люскин

*Доцент кафедры Философии, политологии, социологии
Национальный исследовательский университет "МЭИ"
E-mail: LiuskinMB@mpei.ru*

Время и пространство как фундаментальные характеристики окружающего мира человека и его бытия. Они относятся к наиболее фундаментальным характеристикам окружающего нас мира и являются "основными формами бытия". Как философские категории, отражающие фундаментальные свойства материальной действительности они выступают в качестве важнейших элементов концептуальной структуры современной философии. Совсем недавно мы сталкивались в том, что объективизация онтологического статуса материи приводила и к объективизации онтологического статуса времени. Сегодня основные концепции времени выступают в двух взаимно отрицающих и дополняющих друг друга формах. Существует три способа вхождения времени и пространства в структуру физической теории: формальный, смысловой, абстрактный. Есть несколько логических возможностей для соотнесения категорий материя, реальность и время. Эти и сходные с данной темой вопросы рассмотрены в этом тексте.

Ключевые слова: время, пространство, причинность, хроногеометрия, аномалия, форма, смысл

PHILOSOPHY OF TIME YU.B. MOLCHANOVA AND MODERNITY

E.U. Kalinin

*Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"
E-mail: KalininEU@mpei.ru*

M.B. Liuskin

*Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"
E-mail: LiuskinMB@mpei.ru*

Time and space as fundamental characteristics of the surrounding world of man and his being. They are among the most fundamental characteristics of the world around us and are the "basic forms of being." As philosophical categories reflecting the fundamental properties of material reality, they act as the most important elements of the conceptual structure of modern philosophy. More recently, we have encountered the fact that the objectification of the ontological status of matter led to the objectification of the ontological status of time. Today, the basic concepts of time appear in two mutually negating and complementary forms. There are three ways of entering time and space into the structure of physical theory: formal, semantic, abstract. There are several logical possibilities for correlating the categories of matter, reality and time. These and related questions are discussed in this text.

Keywords: time, space, causality, chronogeometry, anomaly, form, meaning

Основные черты философии времени Ю.Б. Молчанова

Ю.Б. Молчанов был видным представителем плеяды звезд советской философии естествознания. Основной его специализацией была философия и методология времени. Выделим ряд важных моментов его концепции: 1) влияние господства философии марксизма; 2) доминирование физикализма в области философии естествознания; 3) синтез первого и второго пунктов. Обозначим проблематику философии и методологии времени как она была структурирована самим Ю.Б. Молчановым, после этого наметим ряд тенденций и возможностей расширения и развития философии времени в настоящем.

Время и пространство относятся к наиболее фундаментальным характеристикам окружающего нас мира и являются "основными формами бытия", а как философские категории, отражающие фундаментальные свойства материальной действительности, они выступают в качестве важнейших элементов концептуальной структуры современной философии. Основные концепции времени выступают в двух взаимно отрицающих и взаимно дополняющих друг друга формах.

Способы вхождения понятий времени и пространства в структуру физической теории

Можно указать два основных способа вхождения понятий пространства и времени в структуру физической теории: 1) формальный и 2) смысловой. 1) Статус пространства и времени приобретает та часть математического формализма, которая находится ближе всего к языку наблюдений. 2) Та часть, которая может быть достаточно удалена от непосредственного опыта, но позволяет ввести единую мысленную модель физической реальности. Формальное вхождение понятий пространства и времени в структуру физических теорий связано почти исключительно с эмпирической интерпретацией их формализма. Смысловой же канал связан главным образом с семантической интерпретацией математического формализма, в частности — с использованием некоторых философских или «полуфилософских» положений. Пространство и время здесь понимаются как реальные структуры, упорядочивающие все события в «теоретизированном мире». Отметим, что можно выделить два различных смысла термина «семантическая интерпретация»: широкий и узкий. Узкий связан с установлением значения интерпретируемых терминов физической теории путем их сопоставления с объектной областью уже семантически интерпретированной теоретической системы. Семантическая интерпретация, понимаемая в широком смысле, есть установление смысла основных положений физической теории, в том числе и положений, связанных с пространственно-временным описанием, с помощью физической картины мира. Мы употребляем понимание семантической интерпретации главным образом в широком смысле. Можно указать еще один канал вхождения понятий пространства и времени в структуру теории. Он связан с использованием абстрактных математических пространств, пока не имеющих статуса физических пространства и времени и используемых как вспомогательный математический формализм. Примером таких «пространств» являются конфигурационные пространства, фазовые пространства и т. д.. Этот канал вхождения пространства и времени в структуру физической теории можно обозначить как

абстрактный. Можно выделить три основных канала вхождения понятий пространства и времени в структуру физической теории: 1) формальный; 2) смысловой; 3) абстрактный. В последнем случае не известно, приобретут ли те или иные абстрактные пространства право на включение в физическую геометрию или нет.

Пространственно-временное описание также можно понимать в двух смыслах: широком в узком. Понимаемое в узком смысле, оно служит необходимой предпосылкой проведения и описания любого эксперимента. На эмпирическом уровне познания пространственно-временные отношения являются в первом приближении непосредственно наблюдаемыми и могут быть определены операционально. Пространственно-временное описание в широком смысле не сводится к языку наблюдений, а относится главным образом к теоретическому уровню. В основе этого описания лежит исходная хроногеометрическая модель, представляющая, как было сказано выше, абстрактную геометрическую конструкцию, интерпретированную в рамках данной теории эмпирически и семантически. Эта конструкция относится к физической хроногеометрии.

Физическое пространство и время в отличие от пространств и времен, принадлежащих к чистой геометрии: 1) принципиально сопоставимы с эмпирическими понятиями и непосредственно наблюдаемыми физическими величинами; 2) обладают чрезвычайно большой степенью общности и способны описывать чрезвычайно широкий класс явлений; 3) позволяют без дополнительных ступеней абстракции описывать движение и взаимодействие физических объектов; 4) адекватно отражают реальные пространственно-временные отношения.

Однако данные критерии недостаточны для однозначного выбора адекватной хроногеометрической модели. Например, им соответствует и псевдориманово пространство общей теории относительности, и псевдоевклидово пространство линейных теорий тяготения. В связи с этим рассмотрим некоторые другие критерии выбора адекватной хроногеометрической модели.

В связи с этим особую важность приобретают критерии неадекватности хроногеометрической модели (появление аномалий (А)). Выделяют три основных критерия неадекватности пространственно-временного описания. I. Критерий каузальных А. При использовании хроногеометрической модели с неадекватной топологией в описании появляется каузальная аномалия одного из следующих трех типов: 1) нарушение принципа близкодействия; 2) нарушение релятивистской причинности; 3) возникновение физических объектов «из ничего», превращение их в «ничто». II. Критерий объектных А. Эти аномалии связаны с физической частью теоретического описания и подразделяются на три типа: 1) появление в описании ненаблюдаемых объектов; 2) нарушение свойства самотождественности физических объектов; 3) выход значения физических величин в нефизические области. III. Критерий дескриптивных А. Этот вид аномалий связан с тем, что логическая структура физической теории, как уже отмечалось, зависит от принятия той или иной хроногеометрической модели. Выделяют три типа таких А.: 1) сложность и искусственность негеометрической части описания; 2) неполнота описания; 3) логическая противоречивость описания. При появлении одной из этих А или их комплекса можно сделать вывод о неадекватности принятой хроногеометрической модели.

Аномалии, возникающие при использовании в теоретическом описании неадекватной хроногеометрии, не могут быть связаны только с особенностями связей пространственно-временных. Они возникают при неадекватном описании и таких атрибутов материи, лежащих в основании физической картины мира (ФКМ), как движение, взаимодействие и т. д. которые не отражены в этой классификации. Возможно, что некоторые парадоксы, возникающие при рассмотрении движения микрообъектов в квантовой механике, связаны с неадекватностью хроногеометрической модели, использованной в этой теории.

Критерии установления адекватности хроногеометрической модели тесно связаны с критериями выбора из множества эмпирически эквивалентных теорий той теории, в основе которой лежит интересующая нас хроногеометрическая модель. 1) Негеометрическая часть физической теории должна гармонизировать с принятой пространственно-временной моделью. 2) Физическая теория выбирается в соответствии с такими основными регулятивными принципами построения теории, как принципы соответствия, инвариантности, наблюдаемости, верифицируемости, фальсифицируемости, простоты и т. д.

Материя, реальность, время

Среди категорий, которые в метафизике использовались для представления объективной реальности, особое место принадлежит категории материя. В современной философии науки, в связи

с рассмотрением понятия «реальность», можно наблюдать обращение к категории материи и в ином контексте. Важно оценить: 1) представление представления объективной реальности в ее субстанциальном аспекте при помощи категории материи; 2) какова онтологическая связь между категориями материи и времени и какое это может иметь для понимания проблемы времени в целом.

В тех случаях, когда стоит вопрос о фундаментальном строении реальности и решается он в контексте реалистической, а не трансценденталистской парадигмы, понятие материи используется в трех основных значениях: во-первых, в качестве референта самой реальности, во-вторых, в качестве онтологической категории для обозначения того, из чего состоят материальные (физические) объекты, в-третьих, для обозначения одного из уровней реальности.

В отечественной философской традиции вплоть до начала 90-х годов XX века материя понималась как философская категория для обозначения объективной реальности, данной нам в ощущениях и существующей независимо от них, а время — как одна из форм бытия материи. Объективизация онтологического статуса материи приводила и к объективизации онтологического статуса времени. Существует несколько логических возможностей для соотнесения категорий материя, реальность и время: 1) время и материя как всеобщее, реальность как более частная; 2) реальность более общая, а материя более частная, как и время; 3) время не является всеобщей характеристикой ни реальности, ни материи; 4) материя является одним из уровней реальности и либо время — всеобщая характеристика реальности, либо время — всеобщая характеристика только материи.

Литература

1. Дубровский В.Н. Концепции пространства - времени. М., 1991.
2. Дубровский В.Н., Молчанов Ю.Б. Самоорганизация ранней Вселенной и основные концепции Пространства - Времени. / *Астрономия и современная научная картина мира*. М., 1998.
3. История философии. М., 2011.
4. Казарян В.П. Проблема времени в структуре научного знания. М., 1980.
5. Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М., 1990.
6. Севальников А.Ю. Современное физическое познание: в поисках новой онтологии. М., 2003.
7. Феномен времени сквозь призму современной науки. М., 2021
8. Философия и развитие естественнонаучной картины мира. Л., 1981.
9. Философские аспекты учения о времени, пространстве, причинности и детерминизме. М., 1985.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ КОГНИТИВНЫХ МИРОВ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ: ИЗУЧАЯ НАСЛЕДИЕ Я. ФОН ИКСКЮЛЯ*

Е.Н. Князева

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

Разработанное Я. фон Икскульем учение об умвельте (Umwelt) имеет непреходящую значимость для развития для развития теоретических представлений о мультиверсе (множественных мирах) в современной науке, причем не только в биологии, но и в когнитивной науке и ряде областей гуманитарных и социальных наук. Раскрываются основные смыслы, внесенные Икскульем, в понятие Umwelt, в том числе представления о когнитивной замкнутости индивидуальных особей и биологических видов друг от друга, смысловой нагруженности их миров и способах их взаимной подгонки при создании экологических ландшафтов. Анализируются способы трансляции понятия Umwelt на жизненный и когнитивный мир человека. Проводятся параллели с развиваемыми в современной когнитивной науке концепциями, такими, как энактивизм. Показывается, что многие современные представления о мультиверсе инспирированы поздними работами Икскуля, в которых он применял свое понятие к пониманию различий в индивидуальных мирах различных людей.

Ключевые слова: когнитивные миры, множественные миры, мультиверс, смысл,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>.

THE MULTIPLICITY OF COGNITIVE WORLDS OF LIVING BEINGS: STUDYING J. VON UEXKÜLL'S HERITAGE

H.N. Knyazeva

DSc in Philosophy, professor

National Research University Higher School of Economics

E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

The conception of Umwelt developed by J. von Uexküll is of enduring importance for the development of theoretical ideas about the multiverse (many worlds) in modern science, not only in biology, but also in cognitive science and in a number of areas of the humanities and social sciences. The main meanings introduced by Uexküll into the concept of Umwelt are revealed, including the concept of cognitive closeness of individuals and biological species from each other, the semantic fitness of their worlds and ways of their mutual adjustment when creating ecological landscapes. The ways of translating the concept of Umwelt onto the life and cognitive world of a human person are analyzed as well. Parallels are drawn with the conceptions developed in modern cognitive science, such as enactivism. It is shown that many modern ideas of multiverse are inspired by the later works of Uexküll, in which he applied his concept of Umwelt to understanding the differences in the individual worlds of life of different people.

Keywords: cognitive worlds, many worlds, multiverse, meaning, Umwelt, ecological landscape, enactivism

Понятие Umwelt ввел в науку более 100 лет тому назад эстонский зоолог немецкого происхождения Якоб фон Иксюль (1864-1944). Это понятие принадлежит к такого рода понятием, смысл которых гораздо глубже, а значение гораздо шире, чем первоначально предполагалось. Иксюль как будто выпустил джина из бутылки. Он породил нечто, что прославило впоследствии его самого. Понятие обрел свою собственную жизнь, уже давно перешагнуло свою исходную сферу применимости – зоологию – и широко используется ныне в целом спектре научных дисциплин: психологии, антропологии, этологии, когнитивной науке и ее концепции энактивизма, политике, экологии. Это понятие становится ныне концептуальным основанием для развития теорий мультиверса (множества миров).

Umwelt как понятие содержит некоторые значимые смыслы и перспективные представления для понимания жизни и познания живых организмов, включая человека, эволюционно укорененного в природе, вписанного в нее, конструирующего свой искусственный мир и вынужденного жить в содружестве с природой. Для того чтобы разобраться на какие смыслы и почему, было бы вполне разумным исходить из того оригинального смысла понятия Umwelt, который вкладывал в это понятие сам Я. фон Иксюль. Иксюль почитается сегодня не только и даже не столько как биолог, но и как мыслитель, один из отцов-основателей биосемиотики, идеи которого важны для развития современной когнитивной науки, кибернетики, построения систем искусственного интеллекта, разработки теории сложных адаптивных систем.

Понятие Umwelt Я. фон Иксюль ввел в научный оборот в своей работе “Umwelt und Innenwelt der Tiere” (1909), в которой он блестяще описал особенности когнитивных и жизненных миров различных живых организмов [1]. Он показал, что живые организмы, по сути, живут в различных, не пересекающихся друг с другом мирах восприятия и действия. Каждый вид и каждая особь в нем извлекают из этого мира свою, отвечающую их телесной организации и нуждам выживания информацию. Информация – это всегда выбор, независимо от того, сделан ли он осознанно или нет. Человек видит этот мир совсем не так, как его воспринимает, скажем, собака или голубь. Umwelt – это специфический окружающий мир, к которому приспособлен и который активно строит себе всякий биологический вид и отдельная особь в нем.

Один из наиболее часто цитируемых фрагментов Иксюля – это описание им принципиального отличия когнитивного мира человека от мира, воспринимаемого полемым клещом. Как строится Umwelt клеща? «Клещ неподвижно висит на острие ветки на лесной просеке. Благодаря его положению ему предоставлена возможность упасть на пробегающее мимо млекопитающее. От всего его окружения ему не поступает никакого раздражения. Тут приближается млекопитающее, кровь которого необходима ему для производства его потомства. И теперь происходит нечто в высшей

степени удивительное: из всех воздействий, исходящих от тела млекопитающего, только три, причем в определенной последовательности, становятся раздражителями. Из огромного мира, который окружает клеща, светятся три раздражителя как световые сигналы из темноты и служат клещу путевыми дорожными знаками, которые надежно ведут его к цели... И через эти признаки восприятия клещу настолько жестко предписан ход его действий, что он может произвести только совершенно определенные признаки действия. Весь богатый, окружающий клеща мир сжимается и превращается в бедную картину, которая, в сущности, состоит только из трех признаков восприятия и трех признаков действия – это и его Umwelt. Бедность его окружающего мира обуславливает, однако, как раз надежность его действия, а надежность важнее, чем богатство мира» [2, с. 12-13].

Пробегающее рядом млекопитающее запускает в клеще три функциональных круга восприятия и действия. Первый круг – это круг восприятия, привлекательность для клеща масляной кислоты. Второй круг – это круг действия, который приводит к высвобождению ног клеща и его падению на млекопитающее. Осязание волос млекопитающего запускает третий круговой процесс, который руководится восприятием теплоты и ведет к поиску первого, свободного от волос места. Клещу надо пробраться через шерсть животного и впиться в него, насыщая себя кровью и разбухая как пузырь. Кровь млекопитающего позволяет клещу воспроизвести себе подобных. Выполнив свое биологическое предназначение, он падает в траву замертво. Клещ – удивительное животное, так как он может существовать 18 лет без еды, чтобы дожидаться своего часа. То есть клещ живет в мире совершенно иных временных интервалов, темпоральный мир клеща полностью отличен от мира человека.

Umwelt клеща, т.е. то, что является для него знаком и несет определенный смысл, – это только ощущение теплоты и масляной кислоты, исходящей от кожи и шерсти теплокровного животного. Клещ не любит красочность осеннего леса, как это делает человек, он не распознает ароматы цветочных нектаров, которые значимы для пчел, его знаки, которые несут для него жизненно важный смысл, — это только теплота и масляная кислота.

Понятие Umwelt было предложено Иксюлем для того, чтобы подчеркнуть субъективность и смысловую направленность мира организма. Животные, согласно Иксюлю, являются субъектами действия. «Всё, что субъект воспринимает, становится его миром восприятия (Merkwelt), а всё, на что направлено его действие, становится его миром действия (Wirkwelt). Мир восприятия и мир действия составляют вместе единое целое, мир, вокруг животного, или окружающий его мир (Umwelt). Umwelten ... столь же многообразны, как и сами животные» [2, с. 4].

Понятие функционального цикла (или круга) – Funktionskreis, введенное Иксюлем, – это фактически предтеча базисного для кибернетики (Н. Винер) и общей теории систем (Л. Фон Берталанфи) понятия отрицательной обратной связи, или гомеостазиса. Отрицательная обратная связь является механизмом поддержания устойчивости, гомеостатического равновесия сложных систем в природе и обществе. Гомеостазис биосистем есть способ поддержания их жизни; для автоматических устройств гомеостазис есть способ борьбы с внешним хаосом и поддержания стабильного режима функционирования (самонаведения, самовосстановления). У Иксюля функциональный круг является механизмом эволюционного формирования дизайна живых организмов. Иксюль не нуждался во введении внешних, сверхприродных сил для объяснения наблюдаемой целесообразности функционирования живых организмов и их подсистем. Целесообразность объяснима изнутри самой системы, она является феноменологическим следствием внутренних механизмов самоорганизации. Кроме того, функциональный круг является также механизмом, посредством которого строится Umwelt организма. Функциональный круг определяет, как живое существо субъективно воспринимает свое окружение и как это субъективное восприятие обуславливает его поведение. Живой организм в соответствии со своей телесной (морфологической) организацией и со свойственными ему виду поведенческими паттернами выбирает из окружающей его среды значимое и имеющее смысл для себя, т.е. строит под себя свою среду, которая обратно воздействует на него, его формируя. Это взаимное влияние организма и окружающей среды называется в биологической экологии процессом их коэволюции, а в современной философии сознания – их динамической коэмерджентностью.

В этой связи говорят о перцептивной замкнутости психики животного или сознания человека. Ухо человека, например, перцептивно закрыто к ультразвуку. А для ума юмовского типа перцептивная замкнутость есть одновременно его когнитивная замкнутость, т.е. то, что недоступно восприятию, не может быть познано. Разные биологические виды живут в разных когнитивных мирах, их картины восприятия могут не пересекаться и радикально отличаться друг от друга. Т. Нагель выразил это в своей, ставшей слоганом статье «What Is It Like to Be a Bat?» [3].

М. Стелла и К. Клейснер показывают, что Umwelt – это «непроницаемая оболочка, которая окружает животное на протяжении всей его жизни... Umwelt животного дан ему как часть феноменального мира его как наблюдателя, он всегда ограничен в пространстве, во времени и по своему содержанию» [4, с.39]. Непроницаемость границ мира восприятия и действия всякого живого существа Икскуль объясняет нам, предлагая метафору мыльного пузыря. Всякий биологический вид и отдельная особь в нем живут в некоем своем особом мыльном пузыре, который не пересекается с мыльными пузырями других видов. Границы пузырей и есть границы миров восприятий и действий, Umwelt'ов разных живых существ. Икскуль описывает это так. Представим себе, что мы совершаем прогулку «в солнечный день по изобилующему цветами лугу, который полон жужжащими жуками и порхающими бабочками, и построим теперь вокруг каждого из живых существ, которые населяют этот луг, своего рода мыльный пузырь, который очерчивает его окружающий мир и для которого характерны все те отличительные черты, которые доступны субъекту. Как только мы сами входим в такой мыльный пузырь, окружающая среда, до сих пор простирающаяся только вокруг субъекта, полностью преобразуется. Многие свойства пестрого луга полностью исчезают, другие перестают быть связанными друг с другом, но создаются новые связи. В каждом мыльном пузыре возникает некий новый мир» [2, с. 4].

Икскуль поясняет, что в своем умвельте собака знает только собачьи вещи, а стрекоза стрекозиные вещи, а человек, соответственно, человеческие вещи и ему трудно представить, как это воспринимать мир как собака или стрекоза. «Ни одно животное на самом деле не живет в той среде, в которой мы его наблюдаем, а, так сказать, в своем собственном доме со своей мебелью. Каждое животное находит в своем доме подходящую ему среду: воздух, землю, воду. Это его дом и родина, которая содержит пути, известные только ему» [5, с.149].

Границы между умвельтами живых организмов, живущих в одной экосистеме, являются не физико-химическими, а смысловыми. Каждый вид и особь в нем осваивает ту часть окружающего мира, которая имеет значима для его восприятия и действия и имеет смысл. Нет предметов как таковых, предметы в умвельте собаки являются носителями собачьих смыслов. Эволюционно вкладывающаяся взаимная подгонка умвельтов различных биологических видов приводит к формированию экологических ландшафтов. Изучением этих ландшафтов занимается экосемиотика. «Экосемиотика является в самом широком смысле разделом семиотики, которая изучает знаковые процессы как ответственные за экологические явления (отношения между видами, популяционные паттерны и структуры). В частности, она изучает роль восприятия окружающей среды и понятийной категоризации в дизайне, конструировании и трансформации структур окружающей среды» [6, с.41].

Если перейти к миру человека, то разные люди видят в мире свой срез событий и явлений. Если следовать одному из примеров Икскуля, ботаник, видящий дуб, понимает клеточное строение его тканей, лесопромышленник оценивает кубометры древесины и цены на нее, а поэт слышит в колыхании листьев дуба героические песни [5, с.147-148]. Нет единого мира, но есть множество жизненных и смысловых миров разных людей. Мозаика этого множества разнообразных миров является для нас вечной загадкой.

Литература

1. *Uexküll J. von.* Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin: Verlag von Julius, 1909. 259 p.
2. *Uexküll J. von.* Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen. Bedeutungslehre. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1970. 206 S.
3. *Nagel T.* What Is It Like to Be a Bat? // *The Philosophical Review.* 1974. Vol. 83, N 4. P. 435-450.
4. *Stella M., Kleisner K.* Uexküllian Umwelt as Science and as Ideology: The Light and the Dark Side of a Concept // *Theory in Biosciences.* 2010. Vol. 129. P.39-51.
5. *Uexküll J. von.* Der Wechsel des Weltalls. // *Acta Biotheoretica.* 1936. Vol 2. N 3. P. 141-152.
6. *Maran T., Kull K.* Ecosemiotics: main principles and current developments. // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography.* 2014. Vol. 96, N 1. P. 41–50.

О ВОЗМОЖНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ СЕМИОЗИСА В КОММУНИКАТИВНЫХ СЕТЯХ ЖИВОГО*

У.С. Струговщикова

Кандидат философских наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: ulyana.strugovshchikova@gmail.com

Биосемиотика предоставляет концептуальный аппарат для описания биологических явлений на всех уровнях организации жизни. Данные исследования основаны на предположении, что сама биология, животная, растительная или какая-либо другая, принадлежит семиотической сфере. Интенциональное поведение было задокументировано даже у одноклеточных организмов, таких как бактерии. Если биосемиотика дает новую оптику для понимания жизни, мы можем сказать, что, например, протисты могут порождать собственный умwelt как продукт естественного отбора. Когда мы обращаемся к многоклеточным, то обнаруживаем, что живые организмы, наделенные сенсорно-моторной активностью, такие как животные и растения, конструируют свои умwelты, а в точках пересечения разных умwelтов рождаются новые знаки, происходит коммуникация, создаются коммуникативные семиотические сети и рождаются новые смыслы.

Ключевые слова: семиозис, семиотическая сфера, биосемиотика, умwelt, знак, означивание

ON THE POSSIBILITY OF SEMIOSIS IN COMMUNICATIVE NETS OF THE LIVING

U.S. Strugovshchikova

CSc in Philosophy,

National Research University: Higher School of Economics

E-mail: ulyana.strugovshchikova@gmail.com

Biosemiotics provides a conceptual apparatus for describing biological phenomena in all levels of life. Current research is based on the assumption that biology itself, animal, plant or otherwise, belongs to the semiotic realm. Intentional behavior has been documented even in single-celled organisms such as bacteria. If biosemiotics provides a new lens for understanding of life, we can say that, for example, protists can create their own umwelts as a result of natural selection. When we move to multicellular organisms, we find that living organisms have sensor-motor activity. Animals and plants construct their own umwelts, when different umwelts contact - communication occurs, new signs are born, and new meanings appear. New communicative semiotic networks are created.

Keywords: semiosis, semiotic sphere, biosemiotics, umwelt, sign, signification

Данное исследование основано на предпосылке, что биология сама по себе, будь то животная, растительная или иная, принадлежит семиотической сфере [2]. Жизнь тесно переплетается со знаковыми процессами, поэтому биология как наука о живом – это прежде всего биосемиотика. Пол столетия назад Г. Патти сформулировал идею о том, что биосемиотика станет неотъемлемой частью биологии, разделив место с синтетической теорией эволюции, также став универсальной концепцией биологии [1], и сейчас мы видим, что все больше исследователей обращается к семиотике.

Термин «биосемиотика» был введен в начале 1960-х годов Фридрихом С. Ротшильдом, однако традиционно он ассоциируется с немецким биологом Якобом фон Икскульем, рассматривавшему знаковые отношения между животными организмами. Впоследствии Томас Себеок в 1980-90х гг. прояснил и развил идеи биосемиотики [2]. Биосемиотика исследует семиотические процессы в живой сфере в попытке объединить открытия биологических наук и семиотики. Согласно биосемиотике, к жизни следует подходить как к процессу осмысления, основанному на «знаках» [6]. Ее объектом изучения являются живые существа, или как раньше называли «коммуникативные системы», поведение которых можно реконструировать с точки зрения знаковых процессов. В широком смысле

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/>

биосемиотика — это изучение различий, которые создают организмы, распознавая, воспринимая и отвечая, а так же, изучение того, что они знают и делают интенционально. Она предлагает способ понимания жизни не только с точки зрения физико-химических реакций организма, но с точки зрения живых сообществ, где передаваемые и интерпретируемые разными способами знаки имеют большое значение. При этом биосемиотика работает со сложностью жизненных процессов на разных слоях организации жизни, выявляемые биологией: от молекулярной биологии до науки о мозге и поведенческих исследований. Применяя разные концепции, модели и теории из биологии при изучении знаков, биосемиотика пытается пролить свет на вопросы о происхождении знаковых процессов и их роли в когнитивных действиях организмов. Означивание понимается не только как передача информации, но как порождение самого содержания и значения информации во всех знакопроизводителях и реципиентах, где реципиент затем дает обратную связь. Мы можем сказать, что развитие природы — это развитие и накопление обратных связей, в которых возникает смысл, ведь знак всегда что-то означает. Мы начинаем приписывать смыслопорождающую деятельность другим живым организмам, при этом не претендуя, что можем его понять.

В биосемиотике традиционно проводится различие между эндосемиотикой и экзосемиотикой. В свое время это повлияло на разделение семиозиса растений от семиозиса человека и нечеловеческих животных. Однако растительный семиозис не сводится к эндосемиотике, так же как и экзосемиотика не ограничивается человеческими и нечеловеческими доменами животных. Жизнь в целом ведет себя проактивно и осмысленно, когда организму или сообществу организмов необходимо удовлетворить определенные потребности. При детальном рассмотрении физиологических деталей того как разные особи и виды прибегают к помощи своего сенсорного аппарата, чтобы осмыслить свое окружение, мы видим, что они создают собственные каналы коммуникации и обозначения, не зависящие от человека. Биосемиотика предоставляет нам теоретический аппарат для описания биологических явлений на всех уровнях организации жизни. Базовая семиотика охватывает практически все живые формы на всем древе жизни. Поведение, создающее смысл, было зарегистрировано даже у одноклеточных организмов, таких как бактерии [7]. Бактерии составляют систему клеточных знаков [5], которая лежит в основе хемотаксиса. Например, кишечная палочка (*Escherichia coli*) способна целенаправленно достигать химических источников и уплывать от токсинов [8]. В более общем плане бактерии способны принимать решения при условии, что им предоставляется осмысленный выбор [10].

Термины цитосемиоз и микросемиоз применимы к одноклеточным системам [13]; они принадлежат биосемиотике, хоть и примитивной («клеточные знаковые системы», [5]. В соответствии с телеологическими принципами биосемиотики, хемотаксис кишечной палочки (*E. coli*), можно считать уникальным поведением, которым руководствуется бактерия при принятии решений, опираясь на морфологию тела и заданного функционального круга «восприятие — действие» [9]. Потому мы можем утверждать, что понятие *Umwelt* [12] применимо и к бактериям. Это значит, что одноклеточные бактерии живут в окружающей среде, на отдельные аспекты которой они решают воздействовать посредством специфических процессов, означенных бактериями.

С точки зрения биосемиотики простейшие мало чем отличаются от бактерий. Фактически внутри царства *Protista* простейшие из разных родов, такие как парамеции, амебы, жгутиконосцы, инфузории, споровики или плазмодии, будут находить различные значимые взаимодействия в собственных субъективных мирах, при условии, что у них очень своеобразные аппараты обработки информации и знаковые системы.

Для иллюстрации рассмотрим гетеротрофную одноклеточную инфузорию *Stentor goeseli*, широко изучавшуюся на рубеже 20-го века [4]. Недавние эмпирические открытия [3] предоставляют все больше доказательств того, что поведенческий репертуар таких простейших, как *S. goeseli*, содержит гораздо больше, чем запрограммированные рефлексы. Чтобы выжить, эта инфузория прибегает к определенному набору поведенческих приемов «избегания», которые включают в себя состояния покоя и изгиба, а также механизмы изменения, сокращения и отделения ресничек. Так протисты используют несколько различных стратегий в порядке возрастания сложности, чтобы покончить с вредоносными раздражителями. Тот поведенческий репертуар *S. goeseli*, который мы наблюдаем при покадровой съемке, становится предметом анализа сенсорно-моторного функционального цикла, о котором говорил фон Икскуль [12]. Если биосемиотика действительно пересекает древо жизни, мы можем сказать, что протисты способны создать свой собственный *умwelt*. Иначе они не смогли бы добиться успеха в борьбе за выживание.

То же самое применимо и к растениям, если только мы перейдем от одноклеточности к многоклеточности, и от гетеротрофного образа жизни к автотрофному образу жизни растений.

Совершенно особый способ, которым растения должны обеспечивать свою жизнь [11], требует тщательного пересмотра биосемиотических принципов и возможности их применения.

Литература

1. Чебанов С.В. На пути к семиотически осознаваемой биологии: Биосемиотика замещает синтетическую теорию эволюции // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. М., 2019. Вып. 9. 467 с.
2. Anderson M., Deely J., Krampen M., Randsdell J., Sebeok T. A., Uexküll T. v. A semiotic perspective on the sciences: steps toward a new paradigm // *Semiotica*. 1984. V. 52. №7
3. Dexter et al., A Complex Hierarchy of Avoidance Behaviors in a Single-Cell Eukaryote // *Current Biology*. 2019. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2019.10.059>
4. Jennings H. S. Behavior of the lower organisms. N.Y.: The Columbia university press, 1906. 390 p. URL: <https://archive.org/details/behavioroflowero00jenn/page/n5/mode/2up>
5. Kull K. An introduction to phytosemiotics: Semiotic botany and vegetative sign systems // *Sign Systems Studies*. 2000. №28. pp. 326-350
6. Kull K. The Biosemiotic Concept of the Species // *Biosemitics*. 2016. №9. pp. 61–71. DOI:10.1007/s12304-016-9259-2
7. Lyon P. The cognitive cell: bacterial behavior reconsidered // *Front. Microbiol*. 2015. <https://doi.org/10.3389/fmicb.2015.00264>
8. Lyon P. Environmental complexity, adaptability and bacterial cognition: Godfrey-Smith's hypothesis under the microscope // *Biol Philos*. 2017. №32, pp. 443–465. <https://doi.org/10.1007/s10539-017-9567-1>
9. Maran T. and Kull K. Ecosemiotics: main principles and current developments // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2014. №96 (1). pp.41–50.
10. Pessione E. The Less Expensive Choice: Bacterial Strategies to Achieve Successful and Sustainable Reciprocal Interactions // *Frontiers in microbiology*. 2021. doi:10.3389/fmicb.2020.571417
11. Segundo-Ortin M., Calvo P. Consciousness and cognition in plants // *WIREs cognitive Sciences*. 2021. <https://doi.org/10.1002/wcs.1578>
12. Uexküll J. v. A Stroll through the Worlds of Animals and Men. In: *Instinctive Behavior: The Development of a Modern Concept*. N.Y.: International Universities Press, 1957.
13. Uexküll J. v. The theory of meaning // *Semiotica*. 1982 [1940]. №42(1). pp. 25–82.

КОГНИТИВНАЯ ИММУНОЛОГИЯ В МИРЕ БЕЗ ОСНОВАНИЙ: ОТ БИО-ЛОГИКИ К БИО-ЭТИКЕ ГОСТЕПРИИМСТВА*

М.Д. Мирошниченко

Кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: jaberwokky@gmail.com

Мой доклад посвящен осмыслению когнитивной иммунологии чилийского биолога и философа Франсиско Варелы в контексте его идеи «био-логики» живых систем. Он разработал «миролюбивое» понимание иммунитета как инструмента познания организмом своих границ и разграничения «своего» и «чужого». Иммунитет, наряду с другими соматическими процессами, эмерджентно порождает самость как срез динамического процесса со-учреждения метаболических связей, сплетающих элементы внутренней среды организма и элементы окружающей среды. Организм, по Вареле и его последователям-энактивистам – это гостеприимная система, инкорпорирующая в себя молекулярные элементы среды, искусственные органы, технологии и социальные институты. В докладе ставится вопрос соотношения «био-логики» и «био-этики» энактивизма в свете идеи когнитивной иммунологии, а также актуализируется

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/> «Концепции множества миров как инструмент научного поиска и междисциплинарного синтеза знания».

современный контекст энактивизма в теориях медиа, культуры и технологий, и проблематизируется вопрос измерения второго лица («Ты») в ракурсе иммунологии, аутопоэзиса и энактивизма..

Ключевые слова: иммунология, энактивизм, био-этика, вдействие, безосновность, когнитивная наука, самость, второе лицо

COGNITIVE IMMUNOLOGY IN A GROUNDLESS WORLD: FROM BIO-LOGIC TO BIO-ETHICS OF HOSPITALITY**

M.D. Miroshnichenko

*CSc in Philosophy, Junior Research Fellow of Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies
in the Humanities*

National Research University "Higher School of Economics"

E-mail: jaberwokky@gmail.com

My presentation is dedicated to comprehending the cognitive immunology of the Chilean biologist and philosopher Francisco Varela in the context of his idea of “bio-logic” of living systems. He developed a “peaceful” understanding of immunity as an organism's tool for the knowledge of its boundaries and distinguishing between self and other. Immunity, along with other somatic processes, emergently generates the self as a cut of the dynamic process of establishing metabolic connections that intertwine elements of the internal milieu of the organism and elements of the environment. An organism, according to Varela and his enactivist followers, is a hospitable system that incorporates molecular elements of the environment, artificial organs, technologies, and social institutions. The presentation raises the following questions: 1) the relations between “bio-logic” and “bio-ethics” of enactivism in the light of the idea of cognitive immunology; 2) the actualization of the current context of enactivism in the theories of media, culture, and technology; 3) problematization of the issue of the second person dimension (“You”) in the light of immunology, autopoiesis, and enactivism.

Keywords: immunology, enactivism, bio-ethics, enaction, groundlessness, cognitive science, self, the second person

Доклад будет посвящен анализу когнитивной теории иммунитета чилийского биолога и философа Франсиско Варелы. Наиболее влиятельная концепция исследователя – программа энактивизма в когнитивной науке, которую он развил совместно с философом Эваном Томпсоном и психологом Элеанор Рош [1]. Для энактивизма и его различных ответвлений когнитивная деятельность свойственна различным живым системам на самых разных уровнях организации. Познание – это взаимодействие сенсорно-моторного, двигательного тела и насыщенной смыслом среды. Когнитивная деятельность всегда воплощена: она зависит от раскрываемого конкретным телом и его возможностями спектра опыта, восприятия и взаимодействий, и при этом само тело вплетается в эволюционные, психологические и социокультурные контексты. Как следствие, познание трактуется энактивизмом как «вдействие» (enaction) осмысленной реальности.

В сущности, одна из сверхзадач энактивизма, которую ставил Варела, было создание этически осознанной «расширенной» (expanded) когнитивной науки [2]. Этим он задавал горизонт «науки сознания», предметом которой могут быть не только системы, обладающие мозгом или разветвленной нервной системой, но и системы, наделенные способностью конституировать множественные осмысленные миры. Такие системы должны обладать способностью конституировать множественные осмысленные миры и уметь поддерживаю свою системную организацию в неизменном виде при взаимодействиях с окружением.

Таким минимальным требованием оказывается аутопоэзис – способность системы конституировать, варьировать и поддерживать свою организацию в ходе когнитивного обмена со средой и аналогичными системами. Впоследствии Варела наделил аутопоэзис статусом «био-логики» – набором универсальных принципов познания/действия, которые можно «считать» при наблюдении за земными формами жизни [3].

** The research was carried out in the framework of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-00450, <https://rscf.ru/project/22-18-00450/> “The Many-Worlds Conceptions as a Tool of Scientific Research and Interdisciplinary Synthesis of Knowledge”.

Можно утверждать, что примером «био-логики» в работах Варелы является его интервенция в иммунологию. Он выдвинул гипотезу, согласно которой иммунная система должна пониматься как когнитивная система. Современные Вареле (на конец 1970-х) биомедицинские теории иммунитета опирались на метафору системы обороны: защитная система организма направлена на распознавание и уничтожение чужеродных элементов. Варела предложил более «миролюбивое» понимание иммунитета – совокупности покровов и слизистых, населенных симбиотическими бактериями, оболочек, содержащих антибактериальные агенты, стенки сосудов, накапливающих фагоциты. Для него это система, позволяющая организму познавать свои границы, разграничивать «свое» и «чужое», и избавляется она только от потенциально вредоносных элементов [4].

Иммунная система, по Вареле, аналогична нервной системе. Коннекционистское понимание обучения искусственных нейронных сетей здесь оказывается весьма релевантным. Иммунитет обучается: в зависимости от условий окружения и предыдущего соматического опыта он может по-разному реагировать на одним и те же раздражители. Научение иммунной системы реакциям на различные стимулы делает его пластичным и потенциально переобучаемым.

Как следствие, эта система эмерджентно порождает то, что Варела назвал «иммунной самостью», отсылая к динамическому процессу со-учреждения метаболических связей, сплетающих элементы внутренней среды организма и элементы окружающей среды. Соответственно, иммунные границы организма всегда открыты, что позволяет Вареле неожиданно ввести в рассмотрение тематику гостеприимства [5, 6].

Эпигенетическое пластическое развитие иммунитета показывает его зависимость от внеположных организму процессов и состояний. Не существует раз и навсегда заданного алгоритма работы иммунной системы – ее границы всегда открыты новому. Эту идею сам Варела использовал для феноменологического описания опыта трансплантации почки: «Границы самости колеблются, расширяются и сжимаются, а иногда простираются далеко в окружающую среду, предъявляя себя другим, разделяя самоопределяющуюся границу с бактериями и паразитами. Такие текущие границы являются неотъемлемой привычкой, которую мы разделяем со всеми формами жизни: микроорганизмы обмениваются частями тела так часто и так быстро, что попытка установить границы тела не только абсурдна, но и противоречит самому феномену этой формы жизни» [7, р. 263]. Иммунитет склонен к открытости и вовлечению в себя нового опыта. Он гостеприимен по своей природе, в этом состоит его «био-логика».

Энактивистское понимание когнитивных систем как открытых и децентрализованных повлияло на развитие дискуссий в этом ответвлении когнитивной науки. Например, сторонники «расширенного познания» (extended cognition) утверждают, что когнитивные процессы в принципе можно эмулировать и переносить между различными носителями [8]. Так, мозг интерпретируется как совокупность функций, часть из которых он может «выгрузить» наружу – например, в технологии, научные теории или абстрактные понятия, «компрессирующие» большие массивы информации. Как следствие, когнитивные системы видятся как полностью открытые, способные к неограниченному перераспределению и рассеиванию своей структуры.

Вариацией этой идеи стало представление, что преимущественными когнитивными расширениями человека стали не технологии или артефакты, а коллективы и социальные институты. Индивидуация, социализация и возникновение психосоциальной самости обеспечиваются процессами, не подконтрольными индивиду. Речь здесь идет не только о, скажем, нейрофизиологических или иных соматических процессах ниже порога индивидуальной рефлексии, но и о коллективных институтах, обучающих и нормирующих когнитивное и эмоционально-аффективное поведение субъекта [9].

К примеру, гипотеза «соучаствующего смыслополагания» (participatory sense-making) Ханне де Йегер и Эзекуэля Ди Паоло предполагает, что индивид возникает как автономная система в ходе образования диадических взаимоотношений с другими, и такая структура соотнесения самости и другого является инвариантной для когнитивных процессов [10]. Всякое «Я» предполагает «Другого», всегда уже сопричастующего индивиду в горизонте жизненного мира.

В таком ракурсе можно критиковать методологический индивидуализм когнитивной науки, которая, в лучшем случае, способна перестроиться на учет данных от первого лица, полностью игнорируя *второе лицо*, которое, как выясняется, оказывается определяющим для возникновения самости. При этом иммунологическая коммуникация живых систем, по Вареле, уже предполагает определенные этические координаты, предполагающие открытость второму лицу, т.е. «Ты» [11].

В свою очередь, представители «критической нейронауки» указывают, что такие «побочные» процессы, как эмоции, аффекты, сенсорно-моторная координация и соматические процессы, а также социальный и культурный контексты, в действительности оказываются куда важнее, чем разрешение

абстрактных задач (abstract problem solving), занимающее когнитивистику с самого момента ее возникновения. Вслед за Варелой энактивисты определяют субъективность как эффект неподконтрольных феноменологическому сознанию процессов различного уровня сложности и организации, и сплетающих нейробиологические, эмоционально-аффективные, иммунные и другие соматовегетативные процессы, производящие рефлексивно осознаваемую самость как промежуточный итог метаболической индивидуации в среде.

Таким образом, в ключе когнитивной иммунологии Варелы и ее вариаций представляется интересным рассмотреть несколько проблем, релевантных контексту современной философии.

1) Энактивизм в ранней версии Варелы, Томпсона и Рош исходил из факта «безосновности» (groundlessness) когнитивных процессов. Множественные миры живых систем не закреплены в какой-либо «объективной» предданной реальности. Возникает вопрос, как энактивизм соотносит такой онтоэпистемологический нигилизм с био-логикой живых и мыслящих организмов. Иными словами, существует ли у энактивизма своя био-этика?

2) Концепция Варелы получила богатую рецепцию у представителей медиатеории, постгуманизма и теорий культуры и технологий [12-15]. Какие принципы отличают иммунологический энактивизм от других подходов к иммунной агентности в современных теориях? Эти исследователи, через тематику симбиотического иммунитета и аутоиммунитета стремятся вывести эτικο-политические принципы совместного существования людей и других живых организмов. Какова роль энактивистской био-этики в этих дискуссиях?

3) Кто является субъектом энактивистской этики в мире, лишенном оснований? Проще говоря, кому адресуется «Ты» в иммунном, соматическом и когнитивном сопряжении живых систем?

Литература

1. *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 1991.
2. *Varela F.J.* Patterns of Life: Intertwining Identity and Cognition // *Brain and Cognition*. 1997. Vol. 34. P. 72-87.
3. *Varela F.J.* Organism, Cognitive Science and the Emergence of Selfless Selves // *Revue européenne des sciences sociales*. 1991. Vol. 29. №. 89. P. 173-198.
4. *Vaz N., Varela F.* Self and non-sense: An organism-centered approach to immunology // *Medical Hypotheses*. 1978. Vol. 4. No 3. P. 231–267.
5. *Varela F.J., Anspach M.* The Body Thinks: The Immune System in the Process of Somatic Individuation // *Gumbrecht H. U., Pfeiffer K. L.* (eds.) *Materialities of Communication*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. P. 273-285.
6. *Varela F.J.* *Ethical Know-How: Action, Wisdom, and Cognition*. Stanford, California: Stanford University Press, 1999.
7. *Varela F.J.* Intimate distances. Fragments for a phenomenology of organ transplantation // *Journal of Consciousness Studies*. 2001. Vol. 8. No 5-7. P. 259-271.
8. *Clark A., Chalmers D.* The Extended Mind // *Analysis*. 1998. Vol. 58. No 1. P. 7–19.
9. *Gallagher S., Crisafi A.* Mental institutions // *Topoi*. 2009. Vol. 28. No 1. P. 45–51.
10. *De Jaegher H., Di Paolo E.* Participatory Sense-Making: An Enactive Approach to Social Cognition // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2007. Vol. 6. №. 4. P. 485–507
11. *Depraz N.* Empathy and second-person methodology // *Continental Philosophy Review*. 2012. Vol. 45. No 3. P. 447-459.
12. *Protevi J.* *Political affect: Connecting the social and the somatic*. University of Minnesota Press, 2009
13. *Wolfe C.* (Auto)immunity, Social Theory, and the ‘Political’ // *Parallax*. 2017. Vol. 23. No 1. P. 108-122.
14. *Haraway D.* *Simians, cyborgs, and women: The reinvention of nature*. Routledge, 1991.
15. *Haraway D.* *The companion species manifesto: Dogs, people, and significant otherness*. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003.

ФИЛОСОФИЯ БИОЛОГИИ СЕГОДНЯ: ПОСЛЕ ПОЗИТИВИЗМА И ПОСТПОЗИТИВИЗМА

И.К. Лисеев

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: lik6841@mail.ru

Рассматриваются основные направления развития философских исследований в современной биологической науке, преодолевшей свою позитивистскую и постпозитивистскую стадии анализа проблематики живого.

Показывается, что философия биологии ныне ставит на обсуждение целый ряд вопросов бытия науки в условиях современного общества, используя при этом некоторые наработки позитивистских и постпозитивистских идей в их новом прочтении. Это дает возможность обсудить актуальные онтологические, методологические и аксиологические проблемы научного исследования в их тесном взаимодействии.

По новому осознается здесь проблема онтологических объяснительных схем, новое методологическое переоснащение биологического познания, процесс эпистемологического обновления сферы биологических исследований.

Наработки, осуществляемые в становлении аксиологического подхода в биологических и экологических науках, дают основание для поиска новых цивилизационных ориентаций развития нашей страны.

Ключевые слова: Философия науки, философия биологии, философия экологии, онтология, методология, аксиология, сетевое мышление, экологическое мышление, экологическая культура

PHILOSOPHY OF BIOLOGY TODAY: AFTER POSITIVISM AND POSTPOSITIVISM

I.K. Liseev

DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

E-mail: lik6841@mail.ru

The main directions of the development of philosophical research in modern biological science, which has overcome its positivist and postpositivist stages of analyzing the problems of the living, are considered.

It is shown that the philosophy of biology now puts up for discussion a number of issues of the existence of science in the conditions of modern society, using at the same time some developments of positivist and postpositivist ideas in their new reading. This gives an opportunity to discuss topical ontological, metodological and axiological problems of scientific research in their close interaction.

The problem of ontological explanatory schemes, the new metodological re-equipment of biologic cognition, the process of epistemological renewal of the sphere of biological research are realized in a new way here.

The developments carried out in the formation of the axiological approach in biological and environmental sciences provide the basis for the search for new civilizational orientations of the development of our country.

Keywords: Philosophy of Science, philosophy of Biology, philosophy of ecology, ontology, methodology, axiology, network thinking, ecological thinking, ecological culture

Философия науки – это одна из тех областей философии, которая наиболее живо реагирует на изменяющиеся запросы развивающейся науки и социума.

В противовес известным положениям Томаса Куна [1] о неизбежной смене парадигм в ходе исторических трансформаций она успешно включила в свое современное лоно целый ряд положений, разработанных в эпоху позитивизма и много идей, возникших в постпозитивизме. Однако это отнюдь не говорит о возможности ее сведения к некоему суммативному составляющему таких во многом противоположных идей. Напротив она остро ставит на обсуждение смысложизненные вопросы бытия

науки в условиях современного социума, активно используя при этом некоторые позитивистские (интерналистские) и постпозитивистские (экстерналистские) идеи, но не абсолютизируя их и не сводя проблематику только к ним.

Это дает возможность широко обсуждать в современной философии биологии актуальные на сегодняшний день онтологические, методологические и аксиологические проблемы научного исследования в их тесном взаимодействии. А они по-прежнему остро актуальны и в современных условиях. Так остро дискуссионна проблема осознания и рефлексивного анализа моделей, которые закладываются в основания различных направлений современной биологии. Онтологические объяснительные схемы здесь часто альтернативны, рисуют разные общие картины исследуемых закономерностей. До сих пор при этом не проведено их упорядочение, не дан анализ сути их взаимоотношений друг с другом, не очерчена холистическая перспектива. Отчасти такая работа уже проводится, но основное еще впереди [2][3].

Работа по созданию современной версии философии природы, свободной от натурфилософских ограничений и понимающей природу в сложном контексте взаимоотношений человека и общества, начатая во второй половине XX века, также ждет своего продолжения [4][5].

Мощное методологическое переоснащение биологического познания, произошедшее в XX веке, привело к стремительному инновационному развитию новых направлений науки о жизни, основанных на методологических регулятивах эволюционизма, организационизма, целостности и системности. Этот процесс методологического обновления сферы биологических исследований продолжается и поныне. Доминирующими становятся методологические идеи коэволюции, нового синтетического эволюционно-экологического мышления. Очень актуальными оказываются идеи современного сетевого мышления, вызванного к жизни феноменом всеобщей компьютеризации, со всеми их достоинствами и недостатками для нового видения общей картины существования жизни. Здесь к традиционным формам организации живого – централистической и полицентристской добавляется еще одна возможная, но еще плохо изученная форма организации на основе сетевых структур, объединяющая участников сети в целостный организм без центра. Как отмечает А.В. Олескин, децентрализованный принцип организации сетевой структуры способствует широкому генерализирующему охвату исследуемой проблемы с одновременным учетом многих целевых задач [6].

Идеи, нарабатываемые ныне в философском осмыслении стремительно развивающихся биологической и экологической наук, становятся основанием для поиска новых цивилизационных ориентаций развития нашей страны. Широкое формирование экологической культуры в обществе, всестороннее развитие экологического мышления – залог движения к этому. В условиях глобального техногенного развития нельзя сбрасывать со счетов, или хоть как-то уменьшать значение социоприродного взаимодействия. Напротив, эти проблемы должны все более занимать лидирующее место в определении перспектив дальнейшего цивилизационного развития. К закономерностям техногенной цивилизации должны быть коэволюционно присоединены закономерности экогенного цивилизационного пути. И этот синтез может быть осуществлен только на основе глубокой всесторонней философской рефлексии этой проблемы и определения реальных путей его реализации. Стихийные, непродуманные шаги в этом направлении ведут к непредсказуемым, а точнее, к хорошо предсказуемым негативным последствиям [7]. Роль и значение философского анализа современного естествознания в наши дни опять резко возрастает.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М. 1975. 287 с.
2. Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М. 2015. 527 с.
3. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М. 2013. 437 с.
4. Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М., 1995. 352 с.
5. Философия природы сегодня (ред. Лисеев И.К., Луговский В.). М. 2009. 512 с.
6. Олескин А.В. Глобальная экология и устойчивое развитие. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. М. 2020. 270 с.
7. Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий (отв. ред. Лисеев И.К.). М. 2018. 344 с.

**ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ «АБРИСОВ...» Г.В. ДЕ ГЕННИНА,
КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЕКТА
ПО ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ**

П.А. Захарчук

Научный сотрудник

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

E-mail: polina_zah@bk.ru

«Описание Уральских и Сибирских заводов» Г.В. де Геннина, является ценным источником по истории естествознания. В нем раскрыты вопросы по истории металлургии, минералогии, горному делу, а также по истории разных отраслей промышленности. В конце 1920 х гг. в Комиссии по истории знаний был поставлен вопрос о публикации рукописи. Однако из-за институциональных изменений и политических репрессий процесс издания затянулся почти на 10 лет. В итоге книга «Описание уральских и сибирских заводов» все-таки была опубликована в 1937 г, хотя план издания был далек от первоначального. Автор стремится проследить процесс реализации археографического проекта по публикации «Абрисов...» Г.В. де Геннина. Выделены основные этапы реализации проекта. Определена роль каждой из включенных в проект организаций. Выявлены основные участники проекта и реконструирована их биография.

Ключевые слова: история металлургии; археография; история науки; Г.В. де Геннин; история Урала; научное книгоиздание

**THE HISTORY OF THE PUBLICATION OF G.V. DE HENNIN'S "OUTLINES",
AS AN EXAMPLE OF AN ARCHAEOGRAPHIC PROJECT ON THE HISTORY OF NATURAL
SCIENCE AND TECHNOLOGY**

P.A. Zakharchuk

Research staff member

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences

E-mail: polina_zah@bk.ru

“Description of the Ural and Siberian Plants” by G.V. de Hennin is a valuable source on the history of natural science. At the end of the 1920s, the Commission on the History of Knowledge raised the question of publishing the manuscript. However, due to institutional changes and political repression, the publication process dragged on for almost 10 years. As a result, the book “Description of the Ural and Siberian factories” was published in 1937, although the publication plan was far from the original. The paper is devoted to the history of the archaeographic project for the publication of the manuscript of G.V. de Gennin. The author identified the main stages of the project implementation. The article defines the role of each of the organizations included in the project. The author identified the main participants of the project and reconstructed their biography.

Keywords: history of metallurgy; archaeography; history of science; G.V. de Gennin, history of the Urals; scientific publishing. It covers questions on the history of metallurgy, mineralogy, mining, as well as on the history of various industries

В 1735 г. военный инженер, генерал-лейтенант Г.В. де Геннин (1676–1750) представил императрице Анне Иоанновне рукопись своего труда «Генералом-лейтенантом де Генниным собранная натуралии и минералии камер сибирских горных и заводских distractах также чрез ево вновь строенных и старых исправленных горных и заводских строениях и прочих куриозных вещах абрисы» [1, с. 65] (для краткости называемая также «Абрисы»). «Абрисы...» представляли собой, с одной стороны, своеобразный отчет с подробным описанием заводских сооружений, оборудования и технологии, а с другой – руководство по строительству и организации производства и труда на металлургических предприятиях. Книга при жизни автора не издавалась, но рукопись привлекла внимание – как современников, так и потомков. К началу XX в. на территории России существовало не менее пяти списков этого труда.

В советский период начался новый этап изучения этой работы. На заседании бюро Комиссии по истории знаний АН СССР (КИЗ) 14 ноября 1928 г. историк Ю.И. Гессен (1871–1939) предложил издать отрывки из рукописи Г.В. де Геннина к 200-летию юбилею этого произведения. Члены КИЗ идею восприняли положительно. Было решено, что Ю.И. Гессен совместно с сотрудником Института по изучению платины и других благородных металлов О.Е. Звягинцевым предварительно ознакомится с этой рукописью и потом сделает научный доклад о ней на заседании КИЗ. Ю.И. Гессен выступил на заседании КИЗ с соответствующим докладом уже в декабре 1928 г. По итогам обсуждения издание рукописи Г.В. де Геннина было признано желательным [2, с. 234].

В январе 1929 г. на заседании КИЗ снова рассматривался вопрос об издании труда де Геннина. После выступления историка и сотрудника Историко-археографической комиссии при АН СССР А.И. Андреева (1887–1959) собрание приняло решение о передаче работы по подготовке к публикации рукописи в Историко-археографическую комиссию при АН СССР с привлечением к ее выполнению Ю.И. Гессена и О.Е. Звягинцева. Однако 14 января 1930 г. А.И. Андреев был арестован и вскоре осужден по Академическому делу [2, с. 247], и публикация рукописи не состоялась. Хотя сама идея издания продолжала жить.

В планы научно-исследовательской работы КИЗ на 1931–1932 гг. была включена подготовка рукописи де Геннина к печати, ответственность за которую возлагалась на Ю.И. Гессена и В.А. Каменского. Однако в рамках деятельности КИЗ эта публикация так и не состоялась по причинам, которые в настоящий момент установить не удалось.

Тем не менее, в 1936 г., в Институте истории науки и техники АН СССР (далее – ИИИТ), подготовка «Абрисов...» Г.В. де Геннина к изданию была продолжена. Работа предстояла сложная и кропотливая: при большом количестве списков рукописи, требовалась проведение предварительной научно-исследовательской работы перед ее публикацией. Следовало проанализировать все сохранившиеся списки рукописи и выявить наиболее полный из них; составить полный список иллюстраций и классифицировать все изображения в рукописи; написать научный комментарий и пр. Ответственными за издание были назначены В.А. Каменский и Н.Б. Бакланов. К делу также привлекли А.И. Гамбарова и еще одного историка металлургии – Д.А. Кашинцева.

По договору Института истории науки и техники с рабочей группой по изданию «Абрисов...» де Геннина, заключенном в 1936 г., в издании предполагалось поместить четыре исследовательских статьи: Д.А. Кашинцева, А.И. Гамбарова, В.А. Каменского и Н.Б. Бакланова [3, л. 3]. Между этими же авторами были пропорционально распределены 55 глав рукописи: к каждой планировалось подготовить научный комментарий. Срок сдачи запланировали на 15 февраля 1937 г. На сегодняшний день удалось установить местонахождение только неопубликованных комментариев Н.Б. Бакланова [3, л. 20–103]. Предполагалось, что В.А. Каменский, Н.Б. Бакланов и А.И. Гамбаров составят также предметно-тематический указатель к рукописи, а Д.А. Кашинцев – именной и географический. Подбор рисунков и чертежей должен был производиться этим же авторским коллективом на основе детального анализа графического материала всех пяти списков рукописи де Геннина.

Однако планы эти снова остались не реализованными. 9 октября 1936 г. Д.А. Кашинцев был арестован и 4 ноября 1937 г. расстрелян [4, с. 11]. Также, в 1936 г. по неизвестным причинам покинул проект Н.Б. Бакланов. На их место пригласили Ю.И. Гессена [3, л. 8], а издание «Абрисов...» Г.В. де Геннина стало осуществляться по новому плану, уже совместно с Историко-археографическим институтом (ИАИ). На этот институт возлагались текстологические работы, и, в частности, ставилась задача точного воспроизведения текста рукописи по авторизованному списку Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), который, очевидно, был подносным экземпляром для императрицы Анны Иоанновны [3, л. 11]. Со стороны ИАИ в проекте принимали участие сотрудники института: историк и лингвист Г.Л. Гейерманс (1900–1942); палеограф и археограф В.Г. Гейман (1887–1965); историк и археограф Николай Сергеевич Чаев (1897–1942); историк и источниковед К.Н. Сербина (1903–1990) [5, с. 22].

Сотрудники ИИИТ, в свою очередь, занимались выявлением разночтений по четырем другим спискам. А.И. Гамбаров, Ю.И. Гессен и В.А. Каменский составляли предметно-тематический указатель. Также между ними была распределена работа по составлению технических и исторических комментариев. Географический указатель готовил Гессен, именной – Каменский. Планировалось, что издание откроют три вводные статьи: В.А. Каменского, Ю.И. Гессена и А.И. Гамбарова [3, л. 15–20]. Что касается иллюстративного материала, то в книгу планировалось включить 200 цветных рисунков. Для литографированного воспроизведения рисунков в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина собирались доставить все 5 списков рукописи [3, л. 9].

Издание планировалось в двух томах. В первом томе предполагалось воспроизвести текст де Геннина и дать разночтения по остальным спискам. Содержание второго тома составили бы научные статьи, указатели и комментарии. Главным редактором издания утвердили известного металлурга, академика М.А. Павлова (1863–1958); редактором-распределителем – А.И. Гамбарова [3, л. 12]. Однако в конце 1936 г. вновь произошли трагические события, повлиявшие на работу ученых. В феврале 1936 г. ИАИ был ликвидирован. 27 февраля 1937 г. арестовали директора ИИИТ Н.И. Бухарина, и судьба института также оказалась предрешена.

Тем не менее, на этот раз политические перипетии не смогли полностью сорвать планы историков: в 1937 г. трактат де Геннина наконец вышел в свет, правда, в сильно урезанном по сравнению с первоначальными планами виде: один том, без комментариев [1]. Издание сопровождалось краткой археографической справкой и терминологическим словарем. Из планировавшихся ранее к опубликованию рисунков была использована только четвертая часть, а сами изображения воспроизводились в черно-белом варианте с уменьшением формата в четыре раза по сравнению с оригиналом. В кратком предисловии М.А. Павлов дал общую характеристику ценности книги Г.В. де Геннина и показал связь его работы с современностью. В текст книги также вошла вводная статья М.Ф. Злотникова (1890–1942) – историка промышленности и рабочего класса России XVII–XIX вв. Фамилии В.А. Каменского, А.И. Гамбарова и Ю.И. Гессена в издании 1937 г. нигде не упоминались.

Однако история с публикацией «Абрисов» Г.В. де Геннина на этом не завершилась. Сотрудники ИИИТ не хотели отказываться от своих планов по изданию подробных комментариев к рукописи де Геннина. Например, А.И. Гамбаров, в письме В.Л. Комарову рассказывал, что он «написал и подготовил комментарии для II тома – 21 печатный лист» [9, л. 8]. И сам ИИИТ, не смотря на уже появившуюся публикацию, считал нужным завершить работы по подготовке академического, то есть научного археографического издания. С издательством АН СССР был заключен соответствующий договор, по которому выход фундаментальной публикации планировался на 1938 г. Но 11 января 1938 г. в газете «Правда» неожиданно появился фельетон «Дармоеды от науки», написанный журналистом Давидом Иосифовичем (Осиповичем) Заславским (1880–1965), который обвинил сотрудников института во вредительстве, заключавшемся «в постановке ненужных и никак не связанных с жизнью исследований» [7, с. 4]. Основным объектом фельетона стал А.И. Гамбаров. Через два дня после публикации фельетона и.о. директора ИИИТ Я.М. Свике [8, с. 180] объявил выговор А.И. Гамбарову «за очковтирательство в деле подготовки к изданию работы Геннина, приведшему к непроизводительному расходованию государственных средств» [6, л. 2], с последовавшим увольнением. А.И. Гамбаров обратился за помощью к В.Л. Комарову. Тот своим личным распоряжением отменил приказ об увольнении. Конфликт рассматривался на заседании Президиума обкома Союза работников высшей школы и научных учреждений. Гамбарову удалось доказать неправомерность своего увольнения и восстановиться на работе [6, л. 5]. Но вернуться в институт ему все равно не удалось: его первый рабочий день был назначен на 16 февраля 1938 г., а 15 февраля того же года вышло постановление о ликвидации ИИИТ, окончательно утвержденное Президиумом АН СССР 25 февраля 1938 г. [9, с. 78].

Таким образом, академическое издание рукописи Г.В. де Геннина так и не состоялось. Судьба ученых, причастных к осуществлению этого проекта, оказалась трагичной. Что касается «Описания Уральских заводов» Г.В. де Геннина, то именно издание 1937 г. получило широкую известность и прочно вошло в источниковую базу по истории отечественной промышленности XVIII в.

Литература

1. *Геннин В.* Описание Уральских и Сибирских заводов. М.: История заводов, 1937. 656 с.
2. Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб., 2003. 764 с.
3. Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф.485. Оп.1. Д. 20.
4. Углов Антон. Фотосюита «Прославление Пашкова дома» [Изоматериал]: Из фондов Российской государственной библиотеки. М.: Пашков дом, 2013. 28 с.
5. Вовина–Лебедева В.Г. Историко-археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ (Серия: Санкт-Петербургский институт истории РАН. Доклады и сообщения). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 6–67.
6. АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 455.
7. *Заславский Д.* Дармоеды от науки. Маленький фельетон // Правда. 11 января 1938. № 1. С. 4.

8. *Илизаров С.С.* Институт истории науки и техники АН СССР под управлением «инженера кулинарных дел» // О женщинах в науках и не только... (сборник статей к юбилею доктора исторических наук О.А. Вальковой). М.: Янус-К, 2021. С. 177–209.
9. *Илизаров С.С.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника 1901–2011. М.: Янус-К, 2012. 488 с.

НАУЧНЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ ВАВИЛОВЫМ И КОМПАНИЕЙ VILMORIN-ANDRIEUX ET CIE. КАСАТЕЛЬНО ПШЕНИЦЫ

Е.С. Хаблова

*Студент II курса магистратуры, кафедра истории Нового и новейшего времени,
Институт истории*

Санкт-Петербургский государственный университет

Студент II курса магистратуры, отделение современной истории

Университет Сорбонна

E-mail: st050274@student.spbu.ru

В данной статье рассматриваются научные отношения между Николаем Ивановичем Вавиловым и крупнейшей семеноводческой фирмой Франции Vilmorin-Andrieux et cie. по вопросам пшеницы. Автором отмечается, что пшеница издавна была одной из важнейшей возделываемых культур, а также интерес Николая Ивановича Вавилова к развитию научного обмена по вопросу пшеницы. Этот обмен не был односторонним, так как Vilmorin-Andrieux et cie. также издавна была заинтересована в селекции пшеницы. Более того, первая научная командировка Николая Ивановича Вавилова была в страны Западной Европы, в том числе и во Францию, где он проходил стажировку в частной фирме Вильморенов. Эти отношения дали свои плоды. Так, в 1922 году Вавилов и Константин Чинго-Чингас организовали первую в России лабораторию по изучению мукомольных и хлебопекарных свойств пшеницы.

Ключевые слова: Н.И. Вавилов, Vilmorin-Andrieux et cie., пшеница, СССР, Франция, научный обмен

SCIENTIFIC EXCHANGE BETWEEN VAVILOV AND VILMORIN-ANDRIEUX ET CIE. REGARDING WHEAT

E.S. Khablova

*2nd year graduate student, Department of Modern and Contemporary History,
Institute of History*

Saint-Petersburg State University,

2nd graduate student, UFR d'histoire

Sorbonne Université.

E-mail: st050274@student.spbu.ru

This article examines the scientific relationship between Nikolai Ivanovich Vavilov and the largest breeding seed company in France, Vilmorin-Andrieux et cie. on wheat. The author points out that wheat has long been one of the most important crops cultivated, and that Nikolai Ivanovich Vavilov was interested in developing a scientific exchange concerning wheat. This exchange was not one-sided, as Vilmorin-Andrieux et cie. had also long been interested in wheat breeding. Moreover, Nikolai Ivanovich Vavilov's first scientific trip was to countries of Western Europe, including France, where he was an intern at the private firm of Vilmorin-Andrieux. This relationship was fruitful. Thus, in 1922, Vavilov and Konstantin Chingo-Chingas set up the first laboratory in Russia to study the milling and baking properties of wheat.

Keywords: N. I. Vavilov, Vilmorin-Andrieux et cie., wheat, USSR, France, scientific exchange

Пшеница - одна из самых важных культур в мире как продукт питания и как культурный код. Пшеница известна давно: упоминания о ней есть в Ветхом Завете. Лучшая пшеница, то есть пшеница

для выпечки хлеба, иногда означает жизнь для большинства народов. Первая мировая война доказала ценность пшеницы: Россия, которая была главным экспортером пшеницы до 1914 года, утроила цену с 1913 по 1920 год, что стимулировало внеевропейское сельское хозяйство. [3, с. 36] Голов в Советском Союзе (1921-1922 гг.) был связан с неурожаем пшеницы. Таким образом, в ту эпоху было важно восстановить мировое производство пшеницы. Для достижения этой цели ученые всего мира работали вместе, изобретая новые методы селекции и производства пшеницы, создавая новые научные доктрины, как это сделал Николай Вавилов.

Николай Иванович Вавилов был выдающимся ученым, который вошел в историю не только отечественной науки, но и всего мира. Он является автором таких знаменитых научных концепций, как учения об иммунитете растений к инфекционным заболеваниям и о происхождении культурных растений и закон гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов. Однако, Николай Вавилов также занимался и организационной деятельностью в советской науке. Время становления Вавилова как крупного ученого совпало с началом процессов по организации науки в СССР, где особенно важной её частью стало сельское хозяйство.

Одной из первых поездок Вавилова во Францию был его визит в семеноводческую фирму Vilmorin-Andrieux & Cie. Историю этой крупнейшей семеноводческой компании Франции описывает Шлиппе в своей статье.[7] Дом Вильморен-Андриё был известен в России ещё до революции 1917 года: он славился как производитель высококачественных цветов и овощей, но также занимался вопросами селекции и наследственности растений. По словам Шлиппе:

«Может быть малая, или во всяком случае недостаточная известность Вильморенов, как научных работников, объясняется еще и тем, что в то время, когда еще не существовало законов наследственности и научных методов селекции, Вильморены, за исключением одного, были и оставались практиками. Они сделали большую часть той черной работы, которая была нужна Менделю, Иоганнсену и другим ученым для их теорий.» [7, с. 571]

Шлиппе отмечает, что главной особенностью Vilmorin-Andrieux & Cie является то, что это семейная фирма, истоки которой восходят к 1745 году. Следовательно, управление компанией передается по наследству. Дом Вильморенов за два неполных века существования сумели развить свой бизнес от небольшого магазина семян до крупнейшего предприятия по селекции растений во Франции. Американский селекционер Джон Хандингтон Паркер (John Hungdington Parker) в своем письме Вавилову от 13 апреля 1926 года писал:

«Мы с Миссис Паркер только что вернулись из интересной и восхитительной поездки в Париж. Я встретился с несколькими ботаниками и агрономами. В дополнение к обычному осмотру достопримечательностей месье Вильморен был особенно любезен ко мне и показал его поместья, лаборатории и т.п. У нас в США нет ничего, что можно было бы сравнить с фирмой Вильморена, ни в прошлом, ни в настоящем» [8, с. 428].

Следует отметить, что Vilmorin-Andrieux & Cie является частной семеноводческой фирмой что означает, что вся научная работа ведется без какой-либо помощи или финансирования со стороны государства. Более того, Андре Вильморен (André Vilmorin), который работал с деревьями в течение двадцати семи лет с 1823 по 1850 год, создал большой дендрарий (Arboretum), который в 1866 году был передан государству. После его национализации, в Бар (Barres) были открыты два учебных центра в области ботаники. Но следует отметить, что этот дендрарий не единственный, принадлежавший семье Вильморен-Андриё: еще один находится в Веррьер-ле-Бюиссон (Verrières-le-Buisson), где производятся основные работы Вильморенов, а также дендрарий в Пезанине (Arboretum de Rézanin), созданный Филиппом де Вильмореном в 1904 году. Дом Вильморен-Андриё много сделал для развития науки во Франции, не только потому, что создал обширную сеть экспериментальных производственных центров, но и потому, что его теоретические достижения вывели ботанику на мировой уровень.

Первая заграничная командировка Вавилова состоялась в 1913-1914 годах в Западную Европу. В то время Николай Вавилов уже окончил Московский сельскохозяйственный институт при Петровской сельскохозяйственной академии (Петровка) в 1911 году и остался на кафедре частного земледелия, которую возглавлял профессор Дмитрий Прянишников. Его командировка в Западную Европу официально началась 1 ноября 1912 года, но он отложил свой отъезд, «ибо вместе с О. В. Якушкиной завершал на селекционной станции в Петровском-Разумовском работу над статьей “Анатомическое исследование нескольких рас овса в связи с вопросом о соотношении физиологических свойств с анатомическими коэффициентами”, которая была опубликована в “Журнале опытной агрономии”». [2, с. 76-77] Поэтому только в марте 1913 года Вавилов получает из Министерства иностранных дел открытый лист на поездку за границу и часть денег, а именно

625 рублей для начала поездки. О первом путешествии Николая Ивановича известно немного, хотя оно часто упоминается в историографии как системообразующее для его образования и мировоззрения ученого. Мы знаем, что до приезда во Францию Николай Вавилов в течение года работал у Бэтсона в Англии. Затем, в июне 1914 года, Вавилов отправился во Францию и несколько недель проработал в компании Vilmorin-Andrieux & Cie, где познакомился со знаменитым Филиппом де Вильмореном. Для Вавилова это знакомство было особенно памятным, поскольку Филипп де Вильморен умер в уже 1917 году, таким образом это была их единственная встреча. Многие авторы отмечают, что знания, полученные Вавиловым во время его первой поездки, важны не только для него самого как ученого, но и для развития всей агрономии в России. По словам историка науки и «вавиловеда» Есакова, именно благодаря этой поездке Роберт Эдуардович Регель принял решение об организации в Саратове отдела прикладной ботаники Сельскохозяйственного ученого комитета с Вавиловым во главе [2, с. 113-114].

В 1922 году Вавилов и Константин Чинго-Чингас организовали первую в России лабораторию по изучению мукомольных и хлебопекарных свойств пшеницы. [9] Это было новшеством для Советского Союза, но несомненно, что Николай Вавилов был вдохновлен Vilmorin-Andrieux et cie, которые были большими специалистами в области исследования пшеницы и ее практических свойств. Например, Вавилов много обменивался мнениями с Огюстом Мёнисье, который в то время был теоретическим директором Vilmorin-Andrieux et Cie, специалистом по пшенице и профессором генетики. Вавилов заказывал у Vilmorin-Andrieux et Cie семена, в том числе пшеницы, поскольку сам Вавилов был специалистом по пшенице. Более того, после экспедиции в Афганистан в 1924 году Вавилов придумал свое знаменитое учение о происхождении культурных растений, которое он подтвердил во время экспедиции в Средиземноморье в 1926-1927 годах. Известно также, что Огюст Мёнисье опубликовал выдержки из исследований Вавилова о происхождении культурных растений в журнале «*Journal d'agriculture traditionnelle et de botanique appliquée*». [10]

Вавилов и Мёнисье поддерживали переписку, которая продолжалась несколько лет: в основном они обменивались семенами, необходимыми для научных и практических нужд. Так, компания Vilmorin-Andrieux et cie. заинтересовалась предками культурных растений, то есть дикими растениями. Как показал Вавилов, дикая пшеница может быть полезна для селекции пшеницы в современных формах. Но верно и то, что Филипп-Андре де Вильморен (родился 30 ноября 1776 года - умер 21 марта 1862 года), который был специалистом по пшенице, понимал, что дикая пшеница может быть очень важна для селекции. Однако его идеи были забыты. Как отмечает Роже де Вильморен, Вавилов проводил много времени в библиотеке и в генетической лаборатории в их доме. Поэтому можно сказать, что Вавилов был вдохновлен работой знаменитой компании.

Таким образом, видно, что во время своей первой поездки Николай Вавилов установил тесные отношения с одной из крупнейших и наиболее успешных компаний по выращиванию семян во Франции. Поскольку Vilmorin-Andrieux et cie. была одной из крупнейших семенных компаний во Франции, а Вавилов был лидером в области ботаники, применяемой в сельском хозяйстве в СССР, мы видим, что научные обмены обогащают селекцию пшеницы на практике и в теории.

Литература

1. *Вишнякова М. А.* Лоскутов И. Г. Вавиловские сады во Франции: корни и крона // *Vavilovia*, 2018, 1(1). С. 40-50.
2. *Есаков В.Д.* Николай Иванович Вавилов: страницы биографии. М.: Наука, 2008. 286 с.
3. *Baumont M.* *Le blé*, Paris, Presses universitaires de France, 1949, 128 p.
4. *Graham L.R.* *Science in Russia and the Soviet Union: A Short History*, Royaume-Uni, Cambridge University Press, 1993, p. 321.
5. *Laurent C.* *L'Herbier Vilmorin: Deux siècles de passion pour les plantes comestibles et d'ornement*. Belin, Paris, 2015.
6. *Nabhan Gary Paul.* *Aux sources de notre nourriture : Nikolaï Vavilov et la découverte de la biodiversité*, Bruxelles, Éditions Nevicata, 2010, 298 p
7. *Шлунне П.Ф.* История фирмы Вильморенов // Труды по прикладной ботанике и селекции. 1929. Т.22. Вып.5. С. 571-623.
8. *Вавилов Н. И.* Научное наследие в письмах: международная переписка. Т.1-6. М.: Наука, 1994-2003. Т. 1: Петроградский период: 1921—1927 гг. 1994. 556 с.
9. ЦГАНТД СПб, Фонд Р-318, Описание 11, Дело 324.
10. *Meunissier A.* Des extraits des études de Vavilov sur l'origine des plantes cultivées, *Journal d'agriculture traditionnelle et de botanique appliquée*. 1926. № 61. pp. 555-561.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИКИ

О ЧИСТО МЕТАМАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ТЕОРЕМЫ ЛЁБА

В.В. Целищев

Доктор философских наук, научный руководитель

Института философии и права СО РАН

E-mail: leitval@gmail.com

В докладе рассматривается структура утверждения, дуального к гёделеву предложению G . Вопрос, поставленный Л. Генкиным, формулируется следующим образом: если G у Гёделя говорит о своей недоказуемости, является ли G доказуемой. Проблема оказалась трудной, и ее решение связано с рядом догадок и результатов о природе гёделевского доказательства. М. Лёб нашел решение проблемы Генкина, и это решение является чисто метаматематическим. В определенном отношении эта тенденция все большего разрыва реальной математики и метаматематики является крайне интересной. Дело в том, что парадоксы, имеющие прежде всего философский интерес, стали предметом чисто математических исследований, скажем, в аксиоматической теории множеств, с соответствующим угасанием собственно философского интереса к ним. Теорема Лёба возвращает интерес к парадоксам двояким образом: с одной стороны, она предлагает новый парадокс, напоминая об исходном интересе к ним, и во-вторых, она усиливает раскол между реальной математикой и метаматематикой.

Ключевые слова: теорема Лёба, теорема Гёделя, доказательство, проблема Генкина, метаматематика

ON THE PURELY METAMATHEMATIC NATURE OF LÖB'S THEOREM

V.V. Tselishchev

DSc in Philosophy, Scientific Supervisor

Institute of Philosophy and Law, RAS, Siberian Division

E-mail: leitval@gmail.com

The report examines the structure of the statement dual to the Gödel proposition G . The question posed by L. Henkin is formulated as follows: if Gödel's G says it is unprovable, is G provable. The problem turned out to be difficult, and its solution is connected with a number of conjectures and results about the nature of the Gödelian proof. M. Löb has found a solution to Henkin's problem, and this solution is purely metamathematic. In a certain respect, this trend of an increasing gap between real mathematics and metamathematics is extremely interesting. The fact is that paradoxes, which are primarily of philosophical interest, have become the subject of purely mathematical research, for example, in axiomatic set theory, with the corresponding extinction of philosophical interest in them. Löb's theorem returns interest to paradoxes in two ways: on the one hand, it offers a new paradox, recalling the original interest in them, and secondly, it strengthens the split between real mathematics and metamathematics.

Keywords: Löb's theorem, Gödel's theorem, proof, Henkin's problem, metamathematics

Наиболее известной особенностью гёделевых теорем о неполноте арифметики является существование неразрешимого, т.н. «гёделева предложения», которое говорит о том, что оно не доказуемо. Построение Гёделем такого самореферентного предложения осуществляется арифметизацией синтаксиса. Самореферентность напрямую связана с парадоксами, и конструирование гёделева предложения идет бок о бок с формулировкой Парадокса Лжеца. Наличие значительного числа других парадоксов подразумевает интересные метаматематические результаты, самым известным из которых последние десятилетия является теорема Лёба.

Ее мотивация связана с поиском некоторого рода симметрии по отношению к гёделевскому результату. Пусть имеется формальная система Σ , в которой рассматривается утверждение φ . По Гёделю,

$$\Sigma \vdash \varphi \leftrightarrow \neg \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner),$$

где угловые скобки обозначают гёделев номер утверждения φ , а Pr – предикат доказуемости в формальной системе. Эта формула может быть интерпретирована как утверждение φ о своей недоказуемости. Исходя из расплывчатых соображений о симметрии, рассмотрим очень похожую формулу

$$\Sigma \vdash \varphi \leftrightarrow \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner),$$

где утверждение φ говорит о своей доказуемости. Л. Генкин поставил вполне допустимый вопрос: если φ у Гёделя говорит о своей недоказуемости, и приведенные формулы похожи, является ли φ доказуемой. Проблема оказалась трудной, и ее решение связано с рядом догадок и результатов о природе гёделевского доказательства. Гёдель настолько удачно и изобретательно сконструировал свое уникальное неразрешимое предложение (далее G), что поначалу трудно было понять общность такого рода конструкций. Понадобилось острое внимание философа Рудольфа Карнапа, который заметил, что в основании гёделевских теорем лежит общая формула, ныне называемая Диагональной Леммой или Теоремой о Неподвижных Точках. Эта формула имеет следующий вид:

$$\Sigma \vdash \varphi \leftrightarrow \psi(\ulcorner \varphi \urcorner).$$

Как видно, отрицание гёделевского предиката доказуемости является частным случаем некоторой формулы ψ , которая является неподвижной точкой для φ . Общность определенного рода формулы ψ предполагает некоторую свободу в конструировании аналога гёделевского результата. Другими словами, вместо предиката доказуемости можно использовать другие выражения, смысл которых заключается в схватывании концепции доказуемости другими концептуальными средствами. Тогда ответ на вопрос, доказуема или нет формула φ , упирается в то, какие средства должны быть выбраны для этого «схватывания».

Как известно, сам Гёдель не привел ее доказательства, заметив просто, что его доказательство Первой теоремы о неполноте показывает $\Sigma \vdash \text{Con}(\Sigma) \rightarrow \neg \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner)$. Содержание этой формулы передается известной формулировкой о том, что если формальная система Σ непротиворечива (Con), тогда есть недоказуемая формула φ . Отсюда следует $\Sigma \vdash \text{Con}(\Sigma) \rightarrow \varphi$. Поскольку φ недоказуема, таковой является и $\text{Con}(\Sigma)$. Формализация этого заключения, осуществленная П. Бернайсом, потребовала формулировки т.н. Условий Выводимости Гильберта-Бернайса, которые включают положения, имеющие эпистемологический интерес. В частности, третье условие в этом списке имеет вид: $\Sigma \vdash \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner) \rightarrow \text{Pr}(\ulcorner \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner) \urcorner)$, то есть, если формула доказуема, то доказуемо, что она доказуема. Такая итерация может считаться как интуитивной, так и несколько искусственной. Несмотря на возможность такой искусственности, и опять-таки искусственность конструкции гёделева предложения, все-таки Вторая теорема может относиться к математическим поискам неразрешимых предложений, и уже есть несколько кандидатов на эту роль, в частности, Теорема Гудстейна [1, с. 13-14]. И здесь мы имеем глубокую дилемму, связанную с соотношением реальной математики и метаматематики. М. Лёб нашел решение проблемы Генкина, и это решение является чисто метаматематическим [2, р. 119]. В определенном отношении эта тенденция все большего разрыва реальной математики и метаматематики является крайне интересной. Дело в том, что парадоксы, имеющие прежде всего философский интерес, стали предметом чисто математических исследований, скажем, в аксиоматической теории множеств, с соответствующим угасанием собственно философского интереса к ним. Теорема Лёба возвращает интерес к парадоксам двояким образом: с одной стороны, она предлагает новый парадокс, напоминая об исходном интересе к ним, и во-вторых, она усиливает раскол между реальной математикой и метаматематикой.

Сама теорема формулируется так:

Если $\Sigma \vdash \text{Pr}(\ulcorner \psi \urcorner) \rightarrow \psi$, тогда $\Sigma \vdash \psi$.

Своей теоремой Лёб решил вопрос, поставленный Генкиным : если формальная система Σ доказывает «если Σ доказывает ψ , тогда ψ », тогда Σ доказывает ψ (так что предложение Генкина доказуемо в Σ).

Чисто метаматематический характер теоремы Лёба, в отличие от математического, виден в том, что эта теорема довольно странный принцип для доказательства теорем о натуральных числах. Для того чтобы доказать утверждение A , допустимо предположить в качестве посылки, что φ доказуемо в PA (Арифметике Пеано). Потому что если есть доказательство в PA «если есть доказательство в PA утверждения φ , тогда φ », тогда есть доказательство φ в PA . Этот принцип не имеет

известных приложений при доказательстве математических теорем о простых числах или других традиционных математических темах, но используется в метаматематике.

Этот принцип кажется больше помехой, чем просто странным. Как можно допускать в доказательстве φ , что φ доказуемо в PA? В конце концов, что доказуемо в PA, истинно, поэтому разве мы не можем заключить без дальнейшего добавления, что φ истинно, и таким образом, доказать φ без размышлений вообще? Существенно здесь то, что допустимо предполагать, что φ доказуемо в PA при доказательстве φ , только если размышление, ведущее от предположения, что φ доказуемо в PA, к заключению φ , может быть выполнено на самом деле в рамках PA.

Эта странность подчеркивается К. Смори́нски в сопоставлении со Второй теоремой Геделя:

Там, где гёделевская Вторая теорема просто утверждает недоказуемость непротиворечивости теории в самой теории, Теорема Лёба превосходит это, и характеризует эти примеры обоснованности, доказуемые в теории как тривиально доказуемые [3, p. 119].

Этот результат, по мнению Смори́нски, является в высочайшей степени именно метаматематическим. Его философская важность состоит, среди прочего, в том, что он возвращает нас к парадоксам, то есть, к философски мотивированному исследованию оснований математического мышления.

Литература

1. Пенроуз Р. Новый ум короля. М.: URSS, 2002.
2. Löb M. Solution of a Problem of Leon Henkin // Journal of Symbolic Logic. 1955. Том 20. №2.
3. Smoryński C. The Development of Self-Reference: Löb 's Theorem // Perspectives on the History of Mathematical Logic / ed. Drucker T. Birkhäuser, 1991. P. 110-133.

О ВОСТРЕБОВАННОСТИ ПОНЯТИЙ «ПАРАДИГМА» И «НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА» В ИСТОРИИ МАТЕМАТИКИ

Н.Г. Баранец

*Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
Ульяновский государственный университет
E-mail: n_baranetz@mail.ru*

А.Б. Верёвкин

*Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной математики
Ульяновский государственный университет
E-mail: a_yerevkin@mail.ru*

Авторы анализируют влияние концепций Куна и Лакатоса на исследования по философии и истории математики. Они отвечают на вопросы: почему историки математики редко используют эпистемологические концепты в своих исследованиях? Почему математики перестали интересоваться эпистемологическими проблемами? Каковы возможности применения концептов Куна к описанию истории математических дисциплин?

Ключевые слова: математическое сообщество, парадигма, научно-исследовательская программа, история математики

ON THE RELEVANCE OF THE CONCEPTS "PARADIGM" AND "RESEARCH PROGRAM" IN THE HISTORY OF MATHEMATICS

N.G. Baranetz

*DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Chair of Philosophy
Ulyanovsk State University
E-mail: n_baranetz@mail.ru*

A.B. Verevkin
DSc in Mathematics, Associate Professor
Ulyanovsk State University
E-mail: a_verevkin@mail.ru

The authors analyze the influence of the concepts of Kuhn and Lakatos on research in the philosophy and history of mathematics. They answer the questions: Why do historians of mathematics rarely use epistemological concepts in their research? Why did mathematicians stop being interested in epistemological problems? What are the possibilities of applying Kuhn's concepts to the description of the history of mathematical disciplines?

Keywords: mathematical community, paradigm, research program, history of mathematics

Невозможно очертить историю развития философии науки второй половины XX века без представления концепций Томаса Куна и Имре Лакатоса, и споров, которые вызывали их идеи. При этом очевидно, что во многом эти интеллектуальные баталии остались внутри сообщества философов науки, мало повлияв на профессиональных исследователей истории разных дисциплин, и тем более – на рефлексию работающих учёных, высказывавшихся на темы истории и философии своих дисциплин.

Сам факт широкого распространения терминов «парадигма», «дисциплинарная матрица», «научно-исследовательская программа» в историко-научных и эпистемологических исследованиях не свидетельствует, что их используют в том смысле, который имели в виду Кун и Лакатос. Как часто бывает в гуманитарных исследованиях, концепции имеют сугубо авторскую реализацию, и не могут быть полноценно продолжены в силу субъективности видения предмета и методологии. Хотя несомненной удачей является столь широкое распространение основных понятий-образов, так как это показывает, что их авторам удалось нащупать нечто очень значимое в понимании развития научного знания. По-существу, эти понятия-образы наполняются исследовательскими интерпретациями, мало связанными с тем концептуальным полем, где они появились. Конечно, есть дисциплины, к которым довольно легко и естественно применяются эти понятия Куна и Лакатоса – история физики, биологии, астрономии и медицины. История же развития математических дисциплин, с особым для математики кумулятивизмом, в принципе их не требует.

Почему историки математики редко используют эпистемологические концепты в своих исследованиях? При анализе отечественных работ по истории математики видно, что для описания истории развития дисциплин, научных идей и открытий авторам не нужны глобальные понятия. До конца 1980-х годов советские историки математики были идеологически прикованы к марксизму. Получив с 1990-х годов идейное «освобождение», и не имея нужды в прежних ритуальных темах, определяемых идеологическим заказом государства, исследователи предпочли жанр «малых историй», описывая эпизоды из жизни отдельных математиков и математических групп, редко обращаясь к эволюции идей. А частные истории не требуют обобщающих терминов.

Почему математики, за редким исключением, в последнее десятилетие не размышляют об эпистемологии своей дисциплины? Как нам представляется, ответ следующий. Если вторая половина XIX века и начало XX века связаны с революционными событиями в математике (открытие и признание неевклидовых геометрий, логическое обоснование математического анализа, создание символической логики и теории множеств, развитие теории вероятностей), то конец XX века и первая четверть XXI века не ознаменовались столь яркими событиями. Ведь в XIX веке возникла проблема обоснования правомерности и непротиворечивости новых отвлечённых теорий, появился набор задач и парадоксов, требующих решения. Поэтому среди математиков участились дискуссии и случались расхождения по поводу используемых математических понятий, методов и принципов. В начале XX века амбициозный поиск оснований математики привёл к появлению ключевых подходов в представлении природы, целей, методов математики (логицизма, интуиционизма, формализма). Основные аргументы были сформулированы, обсуждены, уточнены, и выбор той или иной позиции зависел от личной эволюции математика, области его специализации, вкуса, и в конечном счёте был произволен, – отчасти рационален, отчасти доктринален. Предложить что-то принципиально новое к вековой дискуссии сейчас весьма проблематично. И даже если математик искренно считает, что формулирует новое в этом вопросе, оказывается, что это лишь субъективная новизна, а не объективная.

Кроме того, мировоззрение математиков базируется на идее неизменности установленных истин и доказательств, и внутреннем единстве математического знания, что прекрасно подкрепилось реализацией программы Ленглендса или Теории Великого Объединения Математики. Напомним, что в конце 1960-х годов канадский математик Роберт Ленглендс предложил построить мосты между разными областями математики, даже если на поверхностный взгляд между ними нет ничего общего. Он сам нашёл связь между представлениями групп Галуа (объектами теории чисел) и автоморфными функциями. Позднее было найдено соответствие на языке кривых над конечными полями, где группы Галуа числовых полей были заменены группами Галуа этих кривых, и теорией римановых поверхностей – между геометрическими аналогами рассматриваемых объектов. Французский математик Андре Вейль предположил наличие связи между теорией чисел, кривыми над конечными полями и римановыми поверхностями, которая позволяет перевести достижения в одной области на язык другой. Доказательство этой идеи Б. Дворком, А. Гротендиком и П. Делинем распространило понимание единства математики. Напрашивается вывод, что чисто поступательное развитие математического знания без каких-либо потрясений и великих открытий в последнюю четверть XX века не стимулировало историко-философскую рефлексию математиков.

Каковы возможности применения концептов Куна к описанию истории математических дисциплин? В нашей историографии известен спор 1970-90-х годов о революциях в математике. Этот вопрос предполагает чёткое понимание смысла термина «революция в науке». Если рассматривать научную революцию как полное отрицание предыдущего массива теорий и концепций, то к математике это не применимо. М. Кроу выделил два типа развития научного знания: «трансформационное», с отбрасыванием предыдущих концепций, и «формационное», при котором новые области формируются без отбрасывания предшествующих теорий. Кроу считал, что для математики характерно формационное развитие. Он утверждал, что революционные изменения в математике возможны только в её надстройке, то есть – в математических обозначениях, символике, методологии, в изменении стандартов строгости. Дж. Даубен же полагал, что революции в математике связаны не с отбрасыванием, а с новым истолкованием в свете новых идей. М. Клайн называл революционным появление новой методологии математики, например, связанной со становлением аналитической геометрии.

Если революцией считать коренное переустройство математики по сравнению с традицией предыдущих столетий, то интуитионизм может считаться таким явлением. А. Френкель и И. Бар-Хиллел определили его как революционное направление, коренным образом перестраивающее основы математики и её методы.

Ф. Броудер утверждал, что была только одна научная революция XVII века, сформировавшая современную науку. Она дала описание космоса в терминах геометрии пространственных и числовых отношений, одинаково приложимое и к земным, и к небесным процессам. Новая математика была связана с созданием аналитической геометрии, посредством которой геометрическая структура пространства стала предметом алгебраического анализа и приложением интегро-дифференциального исчисления.

Если допустить возможность использования куновского концепта «научная революция», то насколько применима к описанию истории математики куновская «парадигма»? Наверное, возможно выделять господствующую теоретико-множественную парадигму, дополняемую парадигмами интуитионизма и конструктивизма, не составляющих серьёзной альтернативы теоретико-множественной математике.

Почему философы и историки науки, продолжают обращаться к концепциям Куна и Лакатоса, несмотря на многие критические уточнения, их «развещающие»? Причина в том, что и Кун и Лакатос зафиксировали важнейшую исследовательскую задачу историка и философа науки – не подменять прошлое науки современными интерпретациями, нерелевантными системам знания, вышедшим из употребления. Они зафиксировали факты эволюционного и революционного изменения способа мышления учёных о предмете своей дисциплины, и использования одобренных дисциплинарным сообществом методов решения стандартных и нестандартных проблем. А в ходе многочисленных дискуссий эта идея настолько глубоко вошла в обиход исследователей истории науки, что стала очевидной и тривиальной, но от этого не менее значимой.

ЛАКАТОС И ЗЕЛЬДОВИЧ

С.Н. Бычков

*Доктор философских наук, кандидат физико-математических наук,
профессор кафедры общественных связей, туризма и гостеприимства
Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: bytc@mail.ru*

В работе анализируется сходство критических взглядов выдающегося философа и выдающегося физика в отношении доминирующего в математике дедуктивного способа изложения учебного материала. Отмечается различие исходных принципов подобных критических воззрений. За критицизмом И. Лакатоса стоят его общефилософские взгляды. Негативное отношение Я.Б. Зельдовича объясняется озабоченностью ученого чрезмерными трудностями усвоения высшей математики, проистекающими не из ее сущности, а исключительно из способа преподнесения материала. Исходя из фундаментальных оснований лакатосовской концепции исследовательских программ, предлагается анализ объективных конкретно-исторических причин конфликта между профессиональными математиками и профессиональными физиками в отношении способов преподавания математической науки студентам-нематематикам. Обосновывается тезис, что концепция исследовательских программ Лакатоса способна стать философской основой продолжения начатой Я.Б. Зельдовичем работы по совершенствованию методов преподавания дифференциального и интегрального исчисления.

Ключевые слова: дедуктивный метод, дифференциальное исчисление, время, математическое моделирование

LAKATOS AND ZELDOVICH

S.N. Bychkov

*DSc in Philosophy, CSc in Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Public Relations, Tourism and Hospitality
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
E-mail: bytc@mail.ru*

The paper analyzes the similarity of the critical views of an outstanding philosopher and an outstanding physicist in relation to the deductive method of presentation of educational material dominating in mathematics. The difference in the initial principles of such critical views is noted. Behind the criticism of I. Lakatos are his general philosophical views. The negative attitude of Ya.B. Zeldovich is explained by the scientist's concern about the excessive difficulties of mastering higher mathematics, stemming not from its essence, but solely from the way the material is presented. Based on the fundamental foundations of the Lakatos concept of research programs, an analysis of objective concrete historical causes of the conflict between professional mathematicians and professional physicists regarding the ways of teaching mathematical science to non-mathematical students is proposed. The thesis is substantiated that the concept of Lakatos research programs can become a philosophical basis for continuing the work started by Ya.B. Zeldovich on improving the methods of teaching calculus.

Keywords: deductive method, calculus, time, mathematical modeling

И. Лакатоса и Я.Б. Зельдовича объединяло неприятие доминирующего в математике дедуктивного стиля изложения учебного материала.

«Математика... предстает как постоянно увеличивающееся множество вечных, непогрешимых истин. Эта авторитарная атмосфера в математике сохраняется путем тщательной маскировки возможных монстров и в реальности доказуемых теорем, а также подавлением элементарных догадок, относящихся к доказательствам, их критике и даже опровержениям. Дедуктивистский стиль скрывает борьбу, прячет приключение. Исчезает история получения конкретного результата, последовательность все более эффективных формулировок теорем в процессах поиска доказательств обречена на забвение, тогда как конечный результат возводится в ранг священной непогрешимости»

[1, с. 210]. В отличие от Лакатоса Зельдович к философии относился вполне позитивистски и исходил в критике дедуктивного изложения математики из совершенно иных оснований.

Задавшись целью как можно быстрее привести читателя к многообразным применениям математики в исследовании природных процессов, Зельдович начинает книгу «Высшая математика для начинающих и ее приложения к физике» «с эпатирующего определения производной как отношения приращений “в предположении, что они достаточно малы”. Это кощунственное с точки зрения ортодоксальной математики определение “физически”, конечно, совершенно оправдано, ибо приращения физической величины меньше, чем, скажем, 10^{-100} , являются чистой фикцией – структура пространства и времени в таких масштабах может оказаться весьма далёкой от математического континуума» [2, с. 230].

При подготовке 6-го издания выяснилось, что ряд коллег-математиков Зельдовича по Академии наук СССР настроен отрицательно к самой идее переиздания книги выдающегося физика. Правда, Зельдович получил поддержку со стороны двух ведущих математиков более молодого поколения: С.П. Новикова и В.И. Арнольда. Этой поддержки вместе с поддержкой академиков-физиков оказалось достаточно для выхода в свет нового издания (правда, с несколько измененным названием и в соавторстве со специалистом-математиком) [3], но конфликт двух воззрений – математического и физического – на способ изложения дифференциального и интегрального исчисления представителям естественных наук не исчез и продолжает существовать и поныне. Ясно, что за этим конфликтом стоят причины, выходящие за рамки математики как таковой и физики как таковой, и что поэтому искать их следует в философии науки. В осмысление же математики с философских позиций Лакатос внес в XX столетии наибольший вклад.

В последнем прижизненном издании книги в полной мере сохранилось критическое отношение к основному способу изложения основ высшей математики: «Учащихся первой половины XX века отпугивала теория пределов, язык «бесконечно малых», столь непривычный после обычной арифметики и школьной алгебры. При традиционном введении высшей математики на первом курсе высших учебных заведений именно математика становилась главной причиной отсева учащихся. Только изменив способ преподавания, можно изменить и отношение к предмету. Высшая математика должна превратиться из сухого и трудного предмета в комплекс ясных и естественных представлений, открывающих прямой путь к изучению физики, химии, инженерно-технических дисциплин» [Там же, с. 5].

В.А. Бажанов, реконструируя содержание первой диссертации Лакатоса (1947 г.), утверждает, что венгерский ученый уже тогда полагал необходимым принятие «исторического метода как имманентного развитию науки вообще и физики в частности» [4, с. 174]. В другой работе В.А. Бажанов пишет, что Лакатос обогатил «англо-американскую философию науки эффективным методом исторической реконструкции развития науки путем своего рода историоризации методологических категорий. Между тем траектория развития науки по И. Лакатосу вовсе не предопределена строго и однозначно. Это позволяет в общеполитическом смысле охарактеризовать его концепцию роста научного знания в терминах недетерминистического историзма» [5, с. 97].

Попробуем развить эти общие положения лакатосовской концепции применительно к описанному конфликту между математиками и физиками в отношении способов преподавания математического анализа.

Идея дедуктивного построения математического знания возникла в Древней Греции как результат слияния двух направлений развития мысли. Сначала усилиями Евдокса геометрия была преобразована в форму аксиоматической теории. Затем Аристотель обобщил приемы мышления геометров, создав логическое учение, охватывающие одинаково эффективным образом и геометрию, которая фактически применяла формально-логические приемы еще до создания логики как науки, и биологию, из которой она заимствовала свои основные понятия рода и вида. Другие математические дисциплины (арифметика, алгебра, математический анализ) в отличие от геометрии не обладают столь же прозрачной родовидовой структурой. По этой причине геометрия в качестве школьной дисциплины и по сей день остается наилучшим способом обучения детей приемам правильного логического мышления.

Особенно трудно навести логический лоск в основаниях дифференциального исчисления, в котором имеется одна выделенная переменная – время (это прекрасно сознавал Ньютон, но у Лейбница время было геометризовано и вместе с победой в математическом анализе его обозначений представление об особом месте «временной переменной» было позабыто). «Дедуктивизация» анализа происходила уже на базе лейбницеvской парадигмы, в результате чего логически понятая бесконечно малая величина стремится к нулю фактически бесконечно большое

время. За дедуктивный способ построения анализа приходится платить дорогую цену: время из реальной величины превращается в сугубо трансцендентальную переменную.

Вот это обстоятельство, которое математики рассматривают вполне позитивно, физиками рассматривается совершенно иным образом. При *построении* модели природного явления время не может превратиться из реальной величины в трансцендентальную. Она может стать таковой, когда вместо явления изучается уже его математическая модель (как в случае, например, уравнения Навье–Стокса).

Концепция исследовательских программ Лакатоса с ее «историоризацией методологических категорий» способна стать тем философским бэкграундом, который позволил бы продолжить начатую Я.Б. Зельдовичем работу по изменению привычных, но непонятных рядовым студентам способов преподавания дифференциального и интегрального исчисления.

Литература

1. *Лакатос И.* Дедуктивистский versus эвристический подход: пер. с англ. В. А. Бажанова // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20. № 2. С. 210–225.
2. *Арнольд В.И.* *ЯБ и математика* // Яков Борисович Зельдович (воспоминания, письма, документы). Изд. 2-е, доп. М., 2008. С. 225–231.
3. *Зельдович Я.Б., Яглом И.М.* Высшая математика для начинающих физиков и техников. М.: Наука, 1982. 512 с.
4. *Бажанов В.А. И. Лакатос и философия науки в СССР* // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 19. № 1. С. 172–187.
5. *Бажанов В.А.* Переосмысливая И. Лакатоса заново // Вопросы философии. 2009. №8. С. 92–97.

НЕПОСТИЖИМАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ МАТЕМАТИКИ: НОВЫЕ ЛИЦА

А.Н. Кричевец

Доктор философских наук, профессор

МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: ankrich@rambler.ru

В работе анализируется парадокс искусственного интеллекта: с одной стороны, его теоретическая невозможность, и с другой стороны, практический успех. Новая парадигма глубокого обучения нейросетей, возникшая в середине нулевых годов, породила лавинообразное расширение сферы успешного применения обучающихся систем. В то же время ограничительные теоремы (например, так называемая Теорема о невозможности бесплатных завтраков) говорят о том, что без априорного знания тех предполагаемых оснований классификаций, которые надлежит найти с помощью нейросети, эффективная работа алгоритмов невозможна. Анализ современной ситуации, в частности текстов современных учебных изданий по глубокому обучению, показывает, что данная область дает неожиданный пример «непостижимой эффективности» естественного интеллекта при решении поставленных задач.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, непостижимая эффективность, Кант, a priori

THE UNFATHOMABLE EFFICIENCY OF MATHEMATICS: NEW FACES

A.N. Krichevets

DSc in Philosophy, Professor

M.V. Lomonosov Moscow State University

E-mail: ankrich@rambler.ru

Our paper analyzes the paradox of artificial intelligence: on the one hand, its theoretical impossibility, and on the other hand, its practical success. The new paradigm of deep learning of neural networks, which emerged from the 2000th, gave rise to an avalanche-like expansion of successful applications of learning systems. At the same time, restrictive theorems (for example, the so-called No free lunch theorem for optimization) say that algorithms could not be effective

without a priori knowledge of the bases of classifications to be found using a neural network. An analysis of the current situation, in particular the texts of modern educational publications on deep learning, shows that this area provides an unexpected example of the "incomprehensible effectiveness" of natural intelligence in solving tasks.

Keywords: Artificial intelligence, incomprehensible effectiveness, Kant, apriori

В давней очень интересной книге М.М. Бонгарда «Проблема узнавания» [1] проведен анализ обучающихся распознающих систем. С тех пор индустрия шагнула далеко вперед. Я бы хотел обратить внимание читателей не только на тот очевидный факт, что в настоящее время решены многие задачи, которые в те времена казались нерешаемыми, но на здоровую критическую установку автора по отношению к анализируемым программам. Один из тезисов, сформулированных Бонгардом, звучит так: эффективная распознающая система должна заранее «знать» из какого типа классификаций множества объектов следует выбирать искомую классификацию. Например, это может быть ограничение по сложности разделяющих классы поверхностей (в современных терминах этому соответствуют процедуры регуляризации, повышающие цену коэффициентов высших степеней в полиномиальных функциях разделения классов [2]). Другой вариант – введение преобразований, которые определенным образом изменяют стимулы, но не меняют принадлежности к классам (например отождествления типа константности восприятия относительно сдвигов зрительных стимулов в зрительном поле, реализуемых сверточными сетями) [2].

В девяностые годы в рамках семинара под руководством С.Н. Бычкова «Естественный и искусственный интеллект» в РГГУ мы провели критический анализ некоторых вопросов подобного рода [3] и в конце концов натолкнулись на работу Уолперта и Макрэди «No Free Lunch Theorems for Optimization» [4] (Теорема о невозможности бесплатных завтраков, как перевели на русский язык это шутовское название), которая получила, в отличие от наших параллельных работ, довольно большую известность в мире. Это вполне понятно, впрочем, потому что такой глубине проработки при написании статей, какую мы видим у Уолперта и Макрэди, мы учились уже в нынешнем веке. Теорема говорит о том, что если алгоритм А работает лучше алгоритма В на некотором классе задач, то на остальных задачах (на дополнении к этому множеству относительно всех возможных задач) А неминуемо работает хуже В. То есть универсального алгоритма, хорошо работающего на всех задачах, не может быть.

Это возвращает нас к идее Бонгарда: на самом деле мы должны что-то знать о возможных классификациях или догадаться о них в процессе проб и ошибок. Как может идти этот процесс?

Ниже приведена цитата из очень известной книги I. Goodfellow, Y. Bengio, A. Courville, «Глубокое обучение» [5]

«Случайные фильтры нередко работают на удивление хорошо в сверточных сетях [ссылка на три работы]. В работе [ссылка на одну из них] показано, что слои, состоящие из свертки, за которой следует пулинг, естественно становятся частотно-избирательными и инвариантными относительно параллельного переноса, если им приписать случайные веса. Авторы предлагают следующий дешевый способ выбора архитектуры сверточной сети: сначала оценить качество нескольких архитектур, обучив только последний слой, а затем взять лучшую архитектуру и обучить ее целиком, применив более дорогой способ» [5, с. 307].

Выражение «нередко работают на удивление хорошо» много говорит о способах работы специалиста. Рекомендация «оценить качество нескольких архитектур» также красноречиво. Откуда читатель книги, решая свою задачу, может взять эти несколько архитектур? Речь-то идет о выборе лучшей из имеющихся, но не о конструировании хорошей.

Теперь поставим главный вопрос нашей работы. Я вижу определенное противоречие:

С одной стороны, в научной литературе преобладает весьма оптимистический взгляд на глубокое обучение и связанное с ним будущее Искусственного интеллекта. Еще более оптимистичны публикации, адресованные широкому образованному читателю. Дело выставлено так, как будто надо только собрать многослойную нейросеть, и она сама обучается решать нужную вам задачу на большой выборке примеров (которые все более доступны в наше время). В некоторых областях приводят примеры фантастические и ошеломляющие. Например программа AlphaGo, которая впервые выиграла у человека-мастера, сразу после этого выигрыша была описана как нейросеть, которая тренировалась в долгом спарринге с сетью, сконструированной и обученной с учетом правил игры, но с небольшими затратами. Сама же AlphaGo реализована универсальной сетью и не привязана именно к игре в го, а могла бы заниматься другими делами при соответствующем обучении. В современной статье в Википедии (14 мая 2022 г.) процесс выглядит далеко не так легкомысленно (см. статью AlphaGo).

С другой стороны, специальные тексты, такие как хорошо написанные книги [2] и [5], несмотря на господствующий оптимизм, предлагают огромное количество методов с разнообразными деталями и вариантами и с не очень ясными указаниями, когда эти варианты могут сыграть роль. Если добавить, что эти методы и эти книги предназначены для огромного числа работников весьма высокой квалификации и с весьма высокими зарплатами, то версия о само собой работающем глубоком обучении перестает выглядеть правдоподобной.

Вполне возможно, такая противоречивая комбинация помогает выбивать деньги на исследования и практически значимые проекты. Но я здесь займусь другим противоречием.

Теорема о невозможности бесплатных завтраков и наши параллельные результаты говорят о том, что априорные знания творцов алгоритмов должны соответствовать реальным свойствам объектов интереса. Однако понятие априорности придется смягчить, если учитывать, что каждую данную задачу пытаются решить люди, имеющие значительный опыт в решении более или менее похожих задач. Такому необходимому смягчению понятия *a priori*, было посвящено исследование в те же девяностые годы [3] о кантовской трактовке этой проблемы. В Критике чистого разума Кант утверждал, что априорные понятия и представления в процессе жизни эмпирического субъекта появляются в актах, порождаемых взаимодействием с явлениями, но по отношению к этим понятиям и представлениям опыт дает лишь случайные причины их возникновения [6]. То есть из содержания опыта логически никак не вытекают системы априорных понятий (в нашем случае представления авторов алгоритмов о сути задач). В таком смягченном виде понятие *a priori* продуктивно вписывается в проблематику «непостижимой эффективности математики» в исследованиях природы и практических применениях наук.

Таким образом, успехи области, легкомысленно названной Искусственным интеллектом, на самом деле в очередной раз свидетельствуют о непостижимой эффективности человеческого интеллекта, а не о возможностях интеллекта машинного. При подходящей формализации области интереса такой парадокс может быть выражен в теореме типа теоремы Геделя о неполноте, которая всегда и рассматривалась противниками разного рода формалистических представлений о человеческой деятельности как ставящая границы легкомысленному оптимизму технологов.

Литература

1. Бонгард М.М. Проблема узнавания. М.: Наука, 1967.
2. Николенко С., Кадурын А., Архангельская Е. Глубокое обучение. СПб.: Питер, 2018.
3. Кричевец А.Н. Априорность и адаптивность. М.: РПО, 1967.
4. Wolpert D. H., Macready W. G. No Free Lunch Theorems for Optimization // IEEE Transaction on evolutionary computation, V. 1, No 1, 1997.
5. Гудфеллоу Я., Бенджио И., Курвилль А. Глубокое обучение. М.: ДМК, 2018.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. в 6 томах, т. 3, м.: Мысль, 1964.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ПОНИМАНИЕ: СТРУКТУРАЛИСТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА*

А.В. Хлебалин

*Кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе
Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
E-mail: sasha_khl@mail.ru*

Анализируется современное состояние исследований концепции математического понимания. Показано, что традиционно такое исследование происходит в тесной связи с концепцией объяснения и зачастую представляет собой попытки экстраполировать общую модель объяснения-понимания из естественных наук в область математического знания. Аргументируется, что такой шаг может быть не более, чем предварительным и требует существенного уточнения и углубления для того, чтобы привести в удовлетворительной разработке содержания концепции математического понимания. Это может быть достигнуто посредством исследования математической практики как

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00723.

сложно организованной структуры и трактовки понимания как ее неотъемлемо элемента. Аргументируется, что структуралистская философия математика содержит необходимые концептуальные средства достижения такой цели.

Ключевые слова: структурализм, математическое понимание, математическая практика, объяснение

MATHEMATICAL PRACTICE AND UNDERSTANDING: A STRUCTURALIST PERSPECTIVE

A.V. Khlebalin

PhD in Philosophy, Deputy Director for Research

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: sasha_khl@mail.ru

The current state of research on the concept of mathematical understanding is analyzed. It is shown that traditionally such a study takes place in close connection with the concept of explanation and often represents an attempt to extrapolate a general model of explanation-understanding from the natural sciences to the field of mathematical knowledge. It is argued that such a step can be no more than preliminary and requires significant clarification and deepening in order to lead to a satisfactory development of the content of the concept of mathematical understanding. This can be achieved through the study of mathematical practice as a complex structure and the interpretation of understanding as its integral element. It is argued that the structuralist philosophy of mathematics contains the necessary conceptual means to achieve this goal.

Keywords: structuralism, mathematical understanding, mathematical practice, explanation

Одной из отличительных черт современной философии математики является смещение внимания от исследования математической теории или доказательства к математической практике, с особым вниманием к ее многообразию. Именно в этом контексте среди широко дискутируемых тем появляется проблематика понимания и объяснения, а также их взаимосвязи, в математической практике. Эти, казалось бы, классические для эпистемологии концепции оказались, при обращении к математической практике, окружены целым рядом других понятий, претендующих на экспликацию упомянутых прежде, вроде понятий глубины (доказательства), красоты и креативности. Последние становятся уже привычными при обсуждении классического вопроса о том, обеспечивается ли понимание должным образом выстроенным дедуктивным доказательством? Несмотря на то, что связь понимания и доказательства не оспаривается, общим мнением становится то, что она сложнее и многообразнее, чем представляется на первый взгляд. Исследование математической практики обнаруживает сложность концепции понимания, сталкиваясь с широким спектром вопросов, вроде следующих: почему некоторые системы нотации легче понять, чем другие, почему примеры и аналогии так востребованы в математической практике, в каком смысле и за счет каких средств рисунки и диаграммы облегчают понимание?

Примечательным обстоятельством является то, что обсуждение концепции понимания сейчас ведется в основном в педагогической области. Философия математики обратилась к этой теме гораздо позднее. Возможно, это явилось следствием хорошо усвоенного «антипсихологистского» урока Фреге. Нас здесь также не интересуют психологические или педагогические вопросы. Одним из образцов философского обращения к проблеме понимания в математике является А. Пуанкаре, утверждавший, что понимание направлено на доказательство в целом и не обеспечивается пониманием отдельных его частей, нуждается в знании исторических истоков определений, что не может быть заменено формализацией их использования. Пуанкаре [1] подчеркивает важность приобретаемых в результате понимания способностей, таких как способность «создавать новую математику», применять результат в других областях, например в физике, и воспринимать ключевые свойства доказательства, которые он считает центральными, такие как глубина, красота, общность и отношения с другими результатами.

Учет упоминаемых Пуанкаре концепций в рамках единой модели понимания является нетривиальной задачей. Особенно в связи с тем, что обсуждение интересующей нас темы, как правило, разворачивается в рамках традиционной тенденции применить результаты обсуждения из смежной области. Проблема понимания и объяснения «на материале» естественных наук имеет более длительную историю и содержит результаты, обещающие быть полезными и в области математики,

несмотря на то что они игнорируют нюансы, на которые обращает внимание Пуанкаре. В философии математики связь концепций понимания и объяснения представляется не менее тесной. М. Фридман, например, утверждает, что они неразрывно переплетены: «Когда я говорю, чтобы теория научного объяснения сообщает нам, что она говорит в отношении объяснения, порождающем понимание, я не думаю, что ‘научное понимание’ является ясным понятие. Я также не полагаю, что можно сказать, что такое научное понимание в перспективе теории объяснения. Неразумно требовать, чтобы теория объяснения строилась так, что сначала предоставляла бы определение ‘научному пониманию’ а затем демонстрировало то, как реконструируемое отношение объяснения порождает научное понимание. Мы можем прояснить, в чем состоит научное понимание, только выяснив, что представляет собой научное объяснение и наоборот». [2, р. 6]. Фридман выделяет три критерия теории объяснения: общность (она должна охватывать большинство теорий, считающихся объяснительными), объективность (она должна вне времени или интеллектуальной моды) и связь с пониманием («она должна сказать нам, какого рода понимание обеспечивают научные объяснения и как они это обеспечивают»). Если теория научного объяснения в целом должна прояснить идею научного понимания, то и математическое объяснение должно аналогичным образом прояснять идею математического понимания. Проблема в том, что не существует общепринятой и успешной версии математического объяснения. Это тема все еще находится на ранней стадии своего развития. П. Манкозу предполагает, что все существующие теории математического объяснения имеют проблемы, что заставляет задуматься над тем, действительно ли возможна теория математического объяснения: «Недавние исследования показали, что может быть более плодотворным будет действовать ‘снизу вверх’, т.е. сначала предоставить хороший образец тематических исследований, прежде чем предлагать единую всеобъемлющую модель математического объяснения. Такая работа может также привести к выводам о том, что математические объяснения неоднородны и что ни одна теория не в состоянии охватить их все». [3, р. 107].

Одним из заметных направлений современной философии математики, исконной ориентированной на анализ математической практики и в этой связи весьма чувствительной к упомянутой зависимости от контекста, является структурализм (здесь мы отвлекаемся от важных отличительных особенностей структурализма Шапиро, Хэлмана или Резника, имея в виду общую позицию, согласно которой математика направлена на исследование структур). Каким образом структуралистская позиция позволяет более ясно представить концепцию математического понимания? Вернемся к Пуанкаре, который утверждал, что математики должны понимать доказательство в целом, а не как сумму частей; таким образом, они должны быть в состоянии воспринимать то, что он называет единством доказательства. Кроме того, он считает, что историческое происхождение определений может обеспечить контекст и глубину, которые помогают понять формальные определения теории. Далее, согласно Пуанкаре, знание истории проблемы позволяет получить представление о «почему» ее содержание приобретает эту формулировку, а не только знание самого содержания. Не в меньшей степени важны способности применять математику и связывать различные разделы математики между собой. И как следствие, математик с глубокое понимание сможет создать новые математические результаты. Эти новые результаты в идеале будут глубокими, красивыми и общими, полагает Пуанкаре. Феферман повторяет это различие между способами понимания доказательств: «можно пройти все этапы доказательства и не понять само это доказательство. Есть совершенно другой уровень понимания, который в случае успеха позволяет сказать: ‘Ага, понятно!’. Другими словами, это «действительное понимание доказательства» представляет собой особый вид понимания того, как и почему доказательство работает». [4, р. 372]. Вслед за Пуанкаре, Феферман подчеркивает для этого важность понимания связей между различными фрагментами математического знания и способности создавать новое знание.

Пуанкаре и Феферман обращают внимание на важность плана доказательства; единство, которое находится в его «архитектуре»: как его различные части связаны друг с другом. Подчеркиваемая ими важность целостного видения и представления схемы аргументации доказательства переключается с точки зрения структуралистов. Каждая из этих точек зрения требует для подлинного понимания обзора максимально широкой перспективы, в которую помещен математический результат, что позволяет различить общую «архитектуру» знания. Структурализм созвучен этим воззрениям на математическое понимание очевидным образом. Если математика представляет собой исследование структур, а не самостоятельных элементов, то и понимание этой области знания должно соответствовать «природе предмета» и связано с представлением «историко-генетических», структурных и даже «архитектурных» особенностей организации математической практики и места доказательства/результата в такой глобальной и многоаспектной структуре.

Литература

1. *Poincaré H.* Intuition and logic in mathematics. In: From Kant to Hilbert, a source book in the foundations of mathematics (volumes I and II). Ed. W. Ewald. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 1012–1020.
2. *Friedman M.* Explanation and scientific understanding. // *The Journal of Philosophy.* 1974. Vol. 71. P. 5–19.
3. *Mancosu P.* On mathematical explanation. In: The growth of mathematical knowledge. Ed. E. Grosholz and H. Breger. Dordrecht: Kluwer, 2000. P.103–119.
4. *Feferman S.* And so on ...: reasoning with infinite diagrams. // *Synthese.* 2012. Vol. 186. P. 371–386.

Ж.-Э. МОНТЮКЛА ОБ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ КВАДРАТУРЫ КРУГА

Ю.В. Шевцова

*Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры геометрии
Саратовский государственный национальный исследовательский университет имени
Н.Г. Чернышевского,
E-mail: yv-shevtsova@mail.ru*

Доклад посвящен анализу непереуведенных на русский язык сочинений выдающегося историка математики XVIII века Жана-Этьенна Монтюкла, связанных с историей проблемы квадратуры круга. Основное внимание уделяется книге Монтюкла «История исследований квадратуры круга», которая явилась первым шагом на пути создания «Истории математики». Рассматриваются исторические реалии, обусловившие выбор тематики данного сочинения, и цели, которые преследовал автор при его создании. Отмечается научная ценность рассматриваемого произведения и приводятся оценки, данные ему современниками. Отдельно характеризуются исследователи проблемы, которым в первую очередь была адресована книга, а также ее структура и содержание. Проводится ее сравнение с заметками Монтюкла по проблеме квадратуры круга, приведенными им в качестве дополнения к переизданию «Физических и математических размышлений» Озанама.

Ключевые слова: Монтюкла Жан-Этьенн, эпоха Просвещения, история математики, квадратура круга, трисекция угла, удвоение куба, Озанам Жак

J.-E. MONTUCLA ON THE HISTORY OF INVESTIGATIONS OF THE SQUARE OF THE CIRCLE

Yu.V. Shevtsova

*CSc in Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Geometry
Saratov Chernyshevsky State University
E-mail: yv-shevtsova@mail.ru*

The report is devoted to the analysis of the works of the outstanding historian of mathematics of the 18th century Jean-Etienne Montucla, untranslated into Russian, related to the history of the problem of squaring the circle. The focus is on Montucla's book *Histoire des recherches sur la quadrature du cercle*, which was the first step towards the creation of the *Histoire des mathématiques*. The historical realities that determined the choice of the theme of this work, and the goals that the author pursued when creating it, are considered. The scientific value of the work in question is noted and the assessments given to it by contemporaries are given. The researchers of the problem, to whom the book was addressed in the first place, as well as its structure and content, are characterized separately. It is compared with Montucla's notes on the problem of squaring the circle, given by him as a supplement to the reprint of Ozanam's *Récréations mathématiques et physiques*.

Keywords: Montucla Jean-Etienne, Age of Enlightenment, history of mathematics, squaring the circle, trisection of the angle, duplication of the cube, Ozanam Jacques

Не будет преувеличением, если в качестве одной из самых знаменитых личностей в историографии математики назвать французского ученого Жана-Этьенна Монтюкла (1725 – 1799). Первым биографом Монтюкла выступил математик Август-Савиньен Леблон, написавший в 1799 некролог, в самом названии которого неразрывно связаны основной труд и имя его создателя [1]. Наиболее содержательной работой, посвященной жизни и сочинениям Монтюкла, является статья 1936 года крупнейшего историка науки Джорджа Сартона [2]. В России имя Монтюкла фигурирует в различных историографических обзорах (см., например, [3], [4]), биографических словарях-справочниках (см., например, [5, с.364-365], [6, с.332]), однако, характер этих источников не позволяет получить полное представление ни о его жизненном пути, ни о структуре его сочинений. Более того, не существует современных качественных переводов трудов Монтюкла на русский язык. Причина такого положения отчасти понятна: со времени их издания прошло более чем два с половиной столетия, за столь значительный период произошла трансформация не только самой математики и соответственно удлинение ее истории, но и накопление большого количества содержательных исследований, посвященных истории и методологии науки. Однако это не умаляет ценности работ Монтюкла: они заслуживают внимания не только как «почтенный труд» [7, с. 243], но и как написанный под влиянием философских размышлений и запросов времени уникальный проект эпохи Просвещения, благородная цель которого выделась в изложении истории математики «как истории человеческого разума» [8, р. VIII].

Первое сочинение Монтюкла «История исследований квадратуры круга» [9] было опубликовано в 1754 году. О признании этой работы малоизвестного на тот момент автора говорит факт избрания Монтюкла 3 июля 1755 года иностранным членом Берлинской академии наук. Интерес к «Истории исследований квадратуры круга» Монтюкла сохранялся долго. Она была переиздана в 1831 году [10], редактором нового издания выступил выдающийся математик С.Ф. Лакруа, который добавил в конце текста ряд замечаний и комментариев. Успех первой книги послужил стимулом для дальнейшей деятельности исследователя: в 1758 году были изданы первые два тома его «Истории математики». В 1778 году вышли в свет отредактированные Монтюкла «Математические и физические развлечения» Жака Озанама [11]. После революции, когда Монтюкла остался без средств к существованию, астроном Жозеф Лаланд убедил его подготовить новое издание «Истории математики». Переработка двух первых томов была опубликована в 1799 году, а также был подготовлен к печати новый третий том. Третий и четвертый том, посвященный астрономии, были изданы Лаландом уже после кончины Монтюкла.

В России первые два тома «Истории математики» Монтюкла были опубликованы в 1758 году, а их перевод был выполнен П.И. Богдановичем и публиковался с 1779 по 1781 гг. в «Академических известиях, содержащих в себе историю наук и новейшие открытия оных...», дальнейшие переводы отдельных глав из нее выходили вплоть до 1820-х годов [3, с. 359]. При этом книга Монтюкла, посвященная квадратуре круга, на русский язык не переведена, и поэтому малознакома современному русскоязычному читателю. Наиболее известно сочинение о состоянии исследований по квадратуре круга, написанное немецким математиком Ф. Рудио и переведенное на русский язык С.Н. Бернштейном в 1911 году [12], которое, несмотря на большое количество публикаций по данной тематике, не потеряло актуальности и в наше время. В предисловии к своему труду Ф. Рудио указал, что из работ, посвященных специально квадратуре круга, он использовал «Историю исследований квадратуры круга» Монтюкла [12, с. VI].

Это сочинение французского ученого занимает особое место в истории математики. Если бы не специфика рассматриваемой проблемы, можно было бы охарактеризовать эту работу как изложение истории решений определенной математической задачи. Причина, по которой Монтюкла начал свою деятельность с квадратуры круга, кажется достаточно очевидной: трудно найти в науке задачи, которые могли бы сравниться с классическими задачами на построение столь давним происхождением, известностью, простотой формулировок и, конечно, многочисленными безуспешными попытками решения. Историография этих проблем восходит к сочинениям древнегреческих авторов, прежде всего к «Истории геометрии» Евдема. Однако в контексте реалий эпохи Просвещения можно говорить о тщетных усилиях геометров как о своеобразном социальном явлении: культурная атмосфера этого времени распаляла интерес к знаменитым задачам и подстегивала к попыткам их разрешения. Квадратура круга, несмотря на ее более чем двухтысячелетнюю историю, в XVIII веке была не просто очень популярной, а находилась на самом пике моды. Научное общество Франции включало большое число самоучек, универсалов и любителей, стремившихся реализовать свои амбициозные планы получить членство в Академии наук. Данные деятели буквально забрасывали этот центр

интеллектуальной жизни огромным количеством мемуаров и трактатов. В [13, р. 217] со ссылкой на Мари Жакоб (см., например, [14]) указывается, что в 1740-х годах число поступивших в Академию мемуаров, посвященных решению проблемы квадратуры круга, составляло пять процентов от всего объема научной корреспонденции. Этот бум подогревался еще и слухами о большой премии, которая ожидала успешного «квадратора». Итогом такого ажиотажа стало решение Академии 1775 года об отказе в рассмотрении исследований по квадратуре круга и смежным задачам (трисекции угла, удвоении куба), а также о создании вечного двигателя, которое Мари Жакоб охарактеризовала как «авторитарное решение эпохи Просвещения» [15, pp. 89-90].

Цель проекта Монтюкла заключалась в попытке пресечь поток так называемых квадратур, а именно «уменьшить число тех, кто посвящает себя этим исследованиям, и собрать с той же точки зрения действительные открытия геометрии по этой знаменитой проблеме» [8, р. XX]. Д'Аламбер в Энциклопедии рекомендовал тем, кто захочет узнать подробнее о квадратуре круга «обратиться к труду г-на Монтюкла на эту тему. Они найдут там достоверный, ученый и систематический рассказ о трудах величайших геометров на эту тему, а также научатся ограждать себя от обещаний, бахвальства и нелепостей квадраторов» [16, р. 639]. Говоря об этом сочинении Монтюкла, Леблон назвал его «произведением высочайшего интереса, если подумать о множестве спекулянтов, которые до сих пор заблудились в этом обманчивом поиске», и указал, что автор «в описании ошибок нашел набор истин». Леблон сравнил «этот краткий очерк с консультацией врача, который, наблюдая за развитием эпидемии, дает оценку ее воздействию на больного в зависимости от его общего состояния, или, скорее, с точностью, с которой опытный штурман указывает в необъятном просторе морей на рифы и отмели, что не только не сулят безопасной передышки безрассудному моряку, взявшему курс в их сторону, но и грозят ему гибелью» [1, р. 9-10].

Уникальность «Истории исследований квадратуры круга» состоит, в частности, и в том, что она написана в период, когда многие математики, и в том числе Монтюкла, пришли к заключению о невозможности решения классических задач на построение и даже сделали первые попытки доказать этот факт [17]. Однако строгие доказательства были получены лишь в XIX веке. В 1837 году Пьер Вантцель первым доказал, что с помощью циркуля и линейки нельзя осуществить трисекцию угла и удвоение куба, а в 1882 году Фердинанд Линдемман доказал трансцендентность числа π , что поставило точку в многовековом споре о возможности квадратуры круга. Таким образом, содержащее самостоятельную попытку доказательства неразрешимости сочинение Монтюкла является не только своеобразным подведением итогов предыдущих эпох, но и предвещает открытия следующего столетия.

«История исследований квадратуры круга» издания 1754 года, в отличие от переиздания Лакруа, содержит подзаголовок «Работа, предназначенная сообщить о реальных открытиях, сделанных по этой знаменитой проблеме, и служить предостережением от новых попыток решить ее, с дополнением, касающимся проблем удвоения куба и трисекции угла». В обширном предисловии уже в первых строках автор относит проблему квадратуры круга к «исследованиям, которые по праву можно назвать ловушками человеческого разума» [9, р. III], и характеризует большинство тех, кто занимается ей, как не имеющих ясного представления об этом вопросе. Объяснение сути проблемы Монтюкла начинается с общей характеристики цели геометрии, которую он видит «в измерении различных видов протяженности, рассматриваемых разумом» [9, р. V], а само измерение сводится к сравнению одной известной меры с другой, более простой; в случае площадей фигур в качестве таковой выступает площадь квадрата. Проблема построения с помощью циркуля и линейки квадрата, равновеликого данному кругу, напрямую связана с нахождением отношения длины окружности к диаметру, то есть вычислению числа π . Монтюкла отказывается от рассмотрения нелепых решений проблемы («время слишком дорого для меня» [9, р. XII]) в пользу тех, которые стали поводом для других интересных открытий в геометрии, или отличаются новизной применяемых методов.

Он выделяет три типа людей, работающих над квадратурой круга, полностью уверенных в успехе и не понимающих истории состояния вопроса. Первый тип «квадраторов» не имеет ни малейшего представления о геометрии и пытается дать неверное механическое решение, предлагая, например, изготовить квадрат и круг из одного и того же количества материала. Однако эти незадачливые исследователи не столь несносны, как те, что принадлежат ко второму типу, утомляющему геометров и академии своей назойливостью с требованием проверки и оценки их мнимого открытия. Третий тип «квадраторов» менее неудобный, хотя тоже отличающийся своеобразием, – это те, кто отрицают сами принципы геометрии, утверждая, например, что целое не больше части. Монтюкла констатирует, что с удивлением обнаружил, «как мало те, кто посвящает себя исследованию квадратуры круга или полагает, что владеет ею, осведомлены в том, что нашли по

этому предмету геометры, едва ли они знают простейшие приближения. И, наверняка, путь, по которому мы дошли до него, им совершенно неизвестен» [9, р. XIX].

Сочинение Монтюкла состоит из шести глав. Первую из них автор посвятил понятию квадратуры и степени полезности ее, а также доказательству ошибочности утверждения о том, что эта задача связана с задачей определения долгот. Вторая глава содержит изложение истории поисков решения в античности (Анаксагор, Гиппократ, Бризон, Антифон, Архимед), в третьей главе приводится история вопроса со времен средневековья до XVII века (Метий, Снеллиус, Сен-Венсан и др.). Четвертая глава посвящена открытиям, связанным с созданием исчисления бесконечно малых и суммирования рядов (Валлис, Брункер, Ньютон, Эйлер и др.) В пятой главе приводится анализ отдельных видов квадратур, выполненных Николаем Кузанским, Дюшеном, Финеусом, Скалигером, Лонгомонтаном и др. В шестой главе рассматриваются проблема трисекции угла и удвоения куба. «История исследований квадратуры круга» содержит алфавитный указатель, включающий не только имена исследователей и их вклад в решение проблемы, но и некоторые специальные понятия (арифметика бесконечного, непрерывная дробь, интерполяция, ряд и др.). Наличие такого справочного аппарата в сочинении, посвященном хотя и знаменитой, но в целом частной геометрической проблеме, говорит о высоком научном уровне данного труда, нашедшем свое дальнейшее развитие в «Истории математики».

К вопросам, связанным с квадратурой круга, Монтюкла обратился, работая над переизданием «Математических и физических развлечений» Озанама. Этот сборник, первоначально опубликованный в 1694 году, был чрезвычайно популярен во Франции и даже, несмотря на свое своеобразное содержание, способствовал популяризации науки. Так, например, в разделе проблем механики в нем соседствовали вопросы конструирования кареты, бочки, фонтана или лампы, которую можно носить в кармане, или задачи об убегающем воре и слепой настоятельнице монастыря в арифметическом разделе. В геометрическую часть первого тома «Развлечений» Монтюкла добавил «любопытное и историческое отступление о квадратуре круга» [11, р. IX] со ссылкой на свое сочинение 1754 года. В нем он выделил уже два класса людей, занятых данной проблемой. Первых он назвал «искусными геометрами», которые не питают иллюзий и, признавая трудность проблемы или невозможность ее решения, ищут способы все более и более точной аппроксимации. Преимущество их исследований заключается в том, что они часто приводили к открытиям во всех разделах геометрии. Другие исследователи, которых Монтюкла назвал «простаками» (*bonnes-gens*), едва знакомы с геометрией, а их попытки решения суть нагромождение паралогизмов. Изложение истории вопроса в «Развлечениях» Монтюкла начинается по сложившейся схеме с исследований древних греков от Анаксагора до Аполлония и Филона из Гадары. Первым из современных геометров, добавившим свои заключения к выводам античных авторов, он называет Метия, а также говорит о приближениях Виета, Адриана ван Роомена, Людольфа ван Цейлена, Шарпа, Мэчина и, наконец, выделяет исследования Ланьи, указывая все 127 найденных им знаков числа π . Приведенный в «Развлечениях» обзор методов квадрирования соответствует изложению в «Истории исследований квадратуры круга».

Вопрос о поиске решения классических задач на построение, в том числе о квадратуре круга, в первых томах «Истории математики» Монтюкла уже не выделил, хотя, многократно обращался к нему при рассмотрении достижений математиков предыдущих эпох, и лишь в четвертый том, опубликованный Жозефом Лаландом, было включено приложение «История квадратуры круга» [18, р. 619-643].

Литература

1. *Leblond A.-S.* Notice historique sur la vie et les ouvrages de Jean-Étienne Montucla, auteur de l'«Histoire des mathématiques»... Paris, 1799. 24 p.
2. *Sarton G.* Montucla (1725-1799): His Life and Works // *Osiris*. 1936. Vol. 1. P. 519-567
3. *Старостин Б.А.* Становление историографии науки: от возникновения до XVIII века. М., 2021. 279 с.
4. *Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б.* Российские математики о науке и философии. Ульяновск, 2012. 160 с.
5. *Бородин А.И., Бугай А.С.* Выдающиеся математики: Биографический словарь-справочник. Киев, 1987. 656 с.
6. *Боголюбов А.Н.* Математики. Механики: Биографический справочник. Киев, 1983. 639 с.
7. *Боголюбов А.Н., Маркушевич А.И.* История математики с древнейших времен до начала XIX века (рецензия) // *Успехи математических наук*. 1973. Т. 28, вып. 3(171). С. 243–247
8. *Montucla J.-E.* Histoire des mathématiques. Tome 1. Paris, 1754. 638 p.
9. *Montucla J.-E.* Histoire des recherches sur la quadrature du cercle. Paris, 1754. 304 p.

10. *Montucla J.-E.* Histoire des recherches sur la quadrature du cercle. Nouvelle édition revue et corrigée. Paris, 1851. 301 p.
11. *Ozanam J.* Récréations mathématiques et physiques... Tome 1. Paris, 1778. 464 p.
12. *Бернштейн С.Н.* О квадратуре круга. С приложением истории вопроса, составленной Ф. Рудио. М.-Л., 1936. 236 с.
13. *Loveland J.* Panckoucke and the Circle Squarers // *Eighteenth-Century Studies*. 2004. Vol. 37. № 2. P. 215-236.
14. *Jacob M.* La quadrature du cercle. Un problème à la mesure des Lumières. Paris, 2006. 571 p.
15. *Jacob M.* Interdire la quadrature du cercle à l'Académie: une décision autoritaire des Lumières? // *Revue d'histoire des mathématiques*. 2005. № 11. P. 89-139.
16. *D'Alembert J.* Quadrature // *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / sous la direction de D. Diderot et J. Le Rond d'Alembert*. Tome 13. Paris, 1765. P. 639-642.
17. *Lützen J.* The Algebra of Geometric Impossibility: Descartes and Montucla on the Impossibility of the Duplication of the Cube and the Trisection of the Angle // *Centaurus*. 2010. № 52-1. P. 4-37.
18. *Montucla J.-E.* Histoire des mathématiques. Tome 4. Paris, 1802. 688 p.

О ВЛИЯНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА РЕЦЕПЦИЮ ИДЕЙ В ЛОГИКЕ И МАТЕМАТИКЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)*

V.A. Bazhanov

*Доктор философских наук, профессор, исследователь
Русское общество истории и философии науки
E-mail: vbazhanov@yandex.ru*

В статье предпринимается попытка постановки проблемы исследования воздействия социально-политических воззрений ученых на восприятие ими трудов своих коллег, которые открыто придерживаются иных политических взглядов. На примере из истории развития модальной логики показывается, что в некоторых случаях важные научные идеи могут отвергаться на основании несовпадения политических платформ тех, кому они, вообще говоря, предназначены.

Ключевые слова: идеологизированная наука, политические взгляды, рецепция научных идей, история науки, модальная логика

ON THE IMPACT OF POLITICAL VIEWS ON THE RECEPTION OF IDEAS IN LOGIC AND MATHEMATICS (TOWARDS THE STATEMENT OF THE PROBLEM)

V.A. Bazhanov

*DSc in Philosophy, professor, researcher
Russian Society for the History and Philosophy of Science
E-mail: vbazhanov@yandex.ru*

In the article an attempt is made to state the problem of social and political views of scientists influence upon their perception of the works of their colleagues who openly adhere to different political views. On the example of the history of the development of modal logic, it is shown that in some cases important scientific ideas can be rejected on the basis of inconsistency or mismatch of political platforms of those to whom they are intended.

Keywords: ideologized science, political views, reception of scientific ideas, history of science, modal logic

В философии и методологии математики обычно доминирует точка зрения согласно которой ученый воспринимает научные идеи, теории и концепции беспристрастно, на основании своего рода принципа объективности, согласно которому личность и ее социально-политические взгляды на этот процесс и результат, вообще говоря, сколько-нибудь заметно не влияют. Относительно естественных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестке философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки».

наук, имеющих дело, вообще говоря, с предметной реальностью, а не с математическими абстракциями, как известно, дело обстоит иначе. Нам известен феномен идеологизированной науки, который в первой половине XX столетия в государствах с тоталитарными режимами поразил и физику, и астрономию, и биологию, и психологию с педагогикой, и философию, и геологию, равно как и другие дисциплины («пролетарская наука», «арийская физика», «мичуринская биология» – наиболее известные термины, порожденные этим феноменом). Данный феномен коснулся и логико-математических разделов знания («дела Н.Н. Лузина и Д.Ф. Егорова»), но не приобрел тех масштабов и значения, которые были характерны для других областей знания. Феномен идеологизированной науки достаточно основательно рассмотрен. В некотором смысле он представляет собой экстремальную ситуацию, когда политика, проводимая государственной властью, открыто и энергично детерминировала рецепцию научных результатов. Экстремальные разновидности идеологии (национал-социализм или ортодоксальный коммунизм) ныне отброшены на далекую периферию политической жизни и не играют сколько-нибудь важной роли в политическом процессе. Между тем ученые, как и другие члены общества, различаются своими политическими воззрениями, симпатиями и антипатиями, и спектр такого рода взглядов весьма широкий, в общем случае не помещаемый между полюсами консерватизма и либерализма (хотя их характеристика с точки зрения «правого и левого», хотя и является относительной, но по-прежнему актуальной).

Влияют ли «неэкстремальные» политические воззрения, симпатии и/или антипатии на восприятие логико-математических идей, теорий, концепций? Если влияют, то при каких условиях? Можно ли найти в истории логико-математических наук примеры, которые позволяли бы утверждать присутствие политических предпочтений на выбор тех или иных идей или их отрицание, вплоть до категоричных вариантов?

В литературе по истории и философии математики мне не попадалось систематическое описание и анализ такого рода влияния. Между тем оно существует, и, обозначая проблему, я хотел бы привести пример, который, как мне кажется, говорит в пользу необходимости внимания исследователей к учету в некоторых случаях политических взглядов на выбор академических предпочтений или отказ от признания – имея в виду идеи, теории и концепции.

Довольно характерный случай – из области становления и развития модальной логики.

Основания современной модальной логики были заложены в начале XX века К. Льюисом, но в последующем в данном направлении работала большая группа исследователей [1], некоторые из которых – что вполне естественно – открыто придерживались определенных политических платформ и выражали свои политические взгляды. Так, крупный американский логик Р. Баркан-Маркус придерживалась отчетливых социалистических воззрений, принимала активное участие в акциях и демонстрациях левых движений [2]. Ею были предложены некоторые краеугольные идеи в квантифицированной модальной логике («принцип Баркан»). У. Перри, также успешно работал в области модальной логики. В частности, он вместе с М. Вайсбергом предложил аксиоматическую систему $S3$ [3]. Он был не просто социалистом, а даже членом коммунистической партии США, который даже посещал СССР. У. О. ван Куайн, напротив, являлся последовательным консерватором по своей политической платформе. Он поддерживал непопулярные в академических кругах Америки решения правительства (скажем, которые затрагивали войну во Вьетнаме).

Куайн также занимался модальной логикой. Особенно он интересовался проблемами интерпретации систем модальной логики с кванторами. Как раз такого рода системы находились в фокусе внимания Баркан-Маркус [4]. Между тем, отталкиваясь именно от своих политических симпатий, он не принимал ни принцип толерантности, предложенный своим учителем Р. Карнапом, ни результаты Перри, ни идеи Баркан-Маркус. Более того, по отношению к Баркан-Маркус Куайн выражался уничижительно, совсем, так сказать, не по-джентельменски, осуждая ее политические поступки [2]. Такое отношение заставило Баркан-Маркус отказаться от занятий диссертацией в университете Гарварда и перейти в Йельский университет, где ее руководителем стал Ф. Б. Фитч. Впоследствии достижения Баркан-Маркус получили признание и в Америке, и во всем мире [5].

Карьера У. Перри складывалась также далеко не столь гладко: он был вынужден дать показания перед специальной комиссией, которая была создана для реализации программы сенатора Дж. Маккарти. Академический статус Перри в университете Буффало был заморожен, но в отличие от известного математика и историка науки Д. Стройка, профессора Массачусетского технологического института, также коммуниста, обвиненного в шпионаже, все же он не был уволен из вуза.

Судьба О. Беккера, также оставившего заметный след в развитии модальной логики и довольно близкого приятеля и какое-то время коллеги М. Хайдеггера по университету во Фрайбурге, несмотря

на открытую поддержку идей национал-социализма, оказалась не столь зависимой, как Перри, от его политических симпатий [6].

Политические взгляды ученых, как известно, довольно часто вызывали реакцию со стороны властей. Между тем, история неприятия такого рода взглядов коллегами во многом остается terra incognita.

Литература

1. *Cresswell M.* Modal Logic before Kripke // *Organon F.* 2019. Vol. 26(3). P. 323–339.
2. Why Did W.V.O. Quine Hate Ruth Barcan Marcus, talk on January, 14, 2022 (Australasian Association for Logic YouTube channel: https://www.youtube.com/channel/UCTsZnGmAnW0e_ilbaafGW-A дата обращения: 14.01. 2022).
3. *Parry W.* The Postulates for ‘Strict Implication // *Mind.* 1934. Vol. 43(169). P. 78–80.
4. *Barcan Marcus R.C.* A Functional Calculus of First Order Based on Strict Implication // *Journal of Symbolic Logic.* 1946. Vol. 11(1). P. 1–16.
5. *Williamson T.* In Memoriam: Ruth Barcan Marcus (1921 – 2012) // *The Bulletin of Symbolic Logic.* 2013. Vol. 19. No. 1. P. 123 – 126.
6. *Sluga H.* Oscar Becker or the Reconciliation of Mathematics and Existential Philosophy // *Meta: Research in Hermeneutics, Phenomenology, and Practical Philosophy.* 2019. Vol. XI. No. 2. P. 569 – 588.

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И КОГНИТИВНЫХ НАУК

ИНТРОСПЕКЦИЯ И ТЕЛЕСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

М.Н. Атакуев

*Аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии
Пятигорский государственный университет
E-mail: atakuevmagomet@gmail.com*

Данная статья посвящена вопросам интроспекции в фокусе телесности. Подобная постановка вопроса позволит нам рассмотреть телесность в перспективе от первого лица, поскольку мы считаем, что при помощи интроспективного анализа возможно получить доступ к приватным процессам и переживаниям, локализованным внутри тела. Также будут рассмотрены аргументы против интроспекции, как достоверного способа познания. Несмотря на закрытость/приватность ментальных эпизодов, мы попытаемся ответить на вопрос, как качественные переживания, связанные с фактом «наличия тела у себя» влияют на агента и его способность воспринимать окружающую действительность. Телесность может рассматриваться как объект, находящийся одновременно в двух перспективах, где телесная концептуализация играет важную роль в восприятии внешнего мира.

Ключевые слова: интроспекция, взгляд от первого лица, телесное значение, ментальные эпизоды, телесная концептуализация, окружающая действительность

INTROSPECTION AND BODY MEANING

M.N. Atakuev

PhD Student

Pyatigorsk State University

E-mail: atakuevmagomet@gmail.com

This article is devoted to the issues of introspection in the focus of corporeality. Such a statement will allow us to consider body in the first-person perspective, since we believe that via introspective analysis, we gain access to private processes and experiences localized inside the body. Arguments against introspection as a reliable way of cognition will also be considered. Despite the private content of mental episodes, we will try to answer the question of how qualitative experiences associated with the fact of "having a body " affect the agent and his ability to perceive the external world. Corporeality can be considered as an object located simultaneously in two perspectives, where bodily conceptualization plays an important role in the perception of the external world.

Keywords: introspection, first-person view, bodily meaning, mental episodes, bodily conceptualization, external world

В философии сознания под интроспекцией чаще всего подразумевается анализ ментальных состояний, никак не связанных с сенсорной информацией, получаемой в процессе когнитивной обработки событий окружающей действительности. Посредством интроспекции, мы осведомлены о собственных ментальных состояниях. Доступ к данным состояниям возможно получить только в перспективе от первого лица, которой обладает сознательный агент. Сторонний наблюдатель может судить о наличии внутренних ментальных процессов интерсубъективно (в перспективе от третьего лица), однако, непосредственный доступ к особой перспективе *другого* у него отсутствует.

Данный вид познания, в силу своих особенностей, сопряжен с ментальными репрезентациями, непосредственно данными агенту. Подобная установка приводит к сложности эмпирической верификации приватных состояний. Непосредственный доступ человека к собственному ментальному содержанию от первого лица ставит вопрос о непогрешимости/безошибочности анализа данных состояний, в особенности если эти процессы протекают в настоящем времени. К примеру, человек

не будет испытывать сомнений по поводу того, что он переживает чувство страха, щекотки, холода, или думает о фиолетовом кенгуру, разноцветной зебре. В контексте самопознания (self-knowledge), начиная с Р. Декарта принято считать, что человек знает о существовании и обладает уникальным доступом к собственным ментальным состояниям при помощи «привилегированного доступа», который есть у агента и только у него [4]. Г. Райл, как и некоторые другие философы (к примеру, Д. Деннет) отрицали специфику и привилегированность интроспекции, которую он подразделял на: 1) постоянную осведомленность, называемую обычно «сознанием» (consciousness) и на 2) нечувственное внутреннее восприятие, называемое «интроспекцией» [7, с. 257]. Также Г. Райл указывает на то, что самопознание, в силу «привилегированности доступа» является более достоверным способом познания внешних вещей: «Я могу сомневаться в свидетельствах своих чувств, но не в свидетельствах сознания или интроспекции» [7]. Однако, если данные состояния носят ретроспективный характер, то в подобном случае, сложно говорить о непогрешимых свойствах ментальных состояний, поскольку специфика процессов запоминания каких-либо событий часто несет общий характер, поэтому есть возможность упустить детали.

Априорный статус внутренних состояний и сложность применения эмпирической верификации по отношению к данным состояниям, познаваемым интроспективным путем, также может критиковаться с позиции анти-индивидуализма и экстернализма [1; 5; 4]. Для этого Т. Бёрджем используется мыслительный аргумент Х. Патнема о «двойнике земли» [5, с. 139]. Оскар житель земли и думает, что вода мокрая. На земле-двойнике воды нет, но существует качественно аналогичная жидкость, обладающая иным химическим составом, которую можно обозначить как «твода» (twater). Тоскар абсолютно идентичный брат близнец Оскара, живущий на «двойнике земли», у которого отсутствует убеждение, что вода мокрая. В данном случае непротиворечивость и неverifiedруемость интроспективных пропозиций ставится под сомнение, поскольку внутренние эпизоды наших психических переживаний основаны, в том числе, на фактах окружающей действительности, т.к. вера Оскара в то, что вода мокрая основана на эмпирическом подтверждении. Однако мы не согласны, что внутренние убеждения не могут быть связаны с эмпирическими фактами, согласующимися с каузальной замкнутостью физического мира [4, с. 12]. В противном случае это могло бы привести к сомнению относительно влияния внешних факторов на тело, как если бы мы сомневались в том, что испытаем боль после удара по голове или «урчание» в животе во время голода. В результате мысли имеют физическую основу или связаны с фактами о физическом мире, что не элиминирует уникальной/привилегированной интроспективной перспективы. Априорное знание собственных ментальных событий приводит к априорному знанию о физическом мире, иначе это вело бы к противоречию, в котором сомнение о физическом мире затрагивало бы сомнение о собственных ментальных состояниях, что «стирает» интроспекцию как вид познания.

Вопросы по типу: откуда мы знаем, что мы сознаём? Поднимаются в работе Ф. Дрецке «Откуда вы знаете, что вы не зомби?» [2], в которой затрагивается эпистемический статус наших убеждений – да, мы знаем, что мы не зомби, но на каком основании у нас сформировалось это знание?

К примеру, мы чаще всего не осознаем себя, направляясь куда-либо. Мы обладаем проприоцептивной системой, с помощью которой мы осуществляем движение, однако факты о том, что мы находимся в определенной позе, или сохраняем баланс тела при ходьбе, не указывает на осознание самих себя. Данные факты связаны с «воплощенным я» (embodied self), однако мы не осознаем телесные состояния, связанные с проприоцептивной информацией [2, с. 2]. Данное рассуждение приводит к разделению воплощенного/соматического «я» и психического/сознающего «я», что можно было бы рассматривать как своеобразную модель дуализма. Разумеется, проприоцептивная активность, в широком смысле, не предполагает глубокой осознанности: нам не требуется каждый раз думать правильно ли ходим или какую позу тела нам лучше принять. Тот факт, что большая часть проприоцептивной активности доведена до автоматизма, позволяет нам одновременно с данными процессами не терять фокус восприятия фактов окружающей действительности, в противном случае, это бы приводило к вынужденной фиксации на телесной активности, что затрудняло бы процесс восприятия информации и социальной коммуникации. Тем ни менее, сложно согласиться с полной дистанцированностью проприоцептивной активности от психических процессов, поскольку то, в какой позе мы находимся во время анализа фактов окружающей действительности: сидим ли мы в кабинете (и на чем мы сидим) или прогуливаемся по лесной тропинке, влияет на качественные свойства полученной информации, иными словами, телесная активность оказывает прямое влияние на восприятие информации. Также свойства сознания, связанные с энантичностью предполагают физическое действие (ходить взад-вперед, пытаться что-либо сформулировать; щелкать пальцами во время процесса вспоминания) для улучшения когнитивной

активности. Упомянув в данном контексте, иной вид телесной активности – интероцепцию можно утверждать, что интероцептивные процессы связаны с психическими свойствами личности и затрагивают социальные аспекты (См. подробнее: [6]).

Интроспективная перспектива, с помощью которой мы можем получить доступ и проследить специфику собственных внутренних ментальных эпизодов, играет решающую роль в осознании факта наличия «тела у себя». Такие ментальные события как боль, ощущение холода, жара, чувство голода, щекотка, напрямую связаны с телесной организацией агента. Осознание ментальных категорий неразрывно сопряжено с «физической архитектурой» личности. Другими словами, опыт болевого переживания, является частью телесного нарратива. С помощью соприкосновения с деревом мы не только получаем доступ к факту тактильного контакта с деревом, но и можем получить доступ к фрагменту истории о самих себе. Являясь физическими агентами, мы «пропускаем» через телесную организацию факты об окружающем мире, декодируя затем данный опыт в языковые модели, что позволяет агенту перевести частные переживания в регистр социальной действительности.

Значение множества эпизодов нашего сознания укоренены в телесных взаимодействиях, т.е., укоренены в «воплощенном я», и воспринимаются от первого лица [3, с. 256]. Однако полнота частных переживаний раскрывается в социальном измерении, где с помощью языка мы достигаем «эффекта сопричастности», вовлекая адресата в контексты собственного внутреннего мира.

В заключении укажем на то, что ментальные содержания высшего порядка принято рассматривать в разрыве от «воплощенной» структуры личности. Тем не менее, восприятие фундаментальных категорий и то, как они выражены в языковой практике, основано на физических характеристиках агента. Через телесную концептуализацию ментальные категории обретают значение, становясь частью повседневного опыта.

Литература

1. *Burge T.* Foundations of Mind. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. pp. 82–100.
2. *Dretske F.* How Do You Know You are Not a Zombie? // Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge. London: Routledge, 2003. pp. 1–12.
3. *Johnson M.* The Meaning of the Body. University of Chicago Press, 2007. P. 328.
4. *McKinsey M.* Anti-individualism and privileged access // Analysis, 1991. № 1. vol. 51. pp. 9–16. DOI: 10.1093/analys/51.1.9.
5. *Putnam H.* The Meaning of "Meaning". University of Minnesota Press, 1975. pp. 131–192.
6. *Барышников П.Н., Атакуев М.Н.* Социальные функции интероцепции и глобальный рынок телесных данных // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021.(1). С. 83-98. <https://doi.org/10.17726/philIT.2021.1.5>
7. *Райл Г.* Понятие сознания // Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 408.

ОНТОЛОГИЯ ВНУТРИТЕЛЕСНЫХ ОЩУЩЕНИЙ И СЕМАНТИКА ФЕНОМЕНАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ

П.Н. Барышников

*Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры исторических социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии
Пятигорский государственный университет
E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru*

Языковое представление внутрителесных (интероцептивных) ощущений представляет собой ценный материал не только для исследования структур мышления, но и для концептуального анализа в рамках философии феноменального сознания. В данной работе речь пойдет о взаимосвязи механизмов концептуализации телесности и с логическими основаниями парадокса феноменальных суждений. Интероцептивные ощущения связаны с репрезентацией образа внутреннего тела, т.е. содержание данных репрезентаций извлекается не из физической информации перцептивных процессов, а из ментальных убеждений, которые сформированы прагматикой коммуникативной привычки (габитусом). Это позволяет, с одной стороны, отнести языковые выражения о внутрителесных ощущениях к одному из видов феноменальных суждений

(в терминологии Д. Чалмерса). С другой стороны, специфические свойства interoception (их обусловленность языковыми играми) переводят эти выражения в ранг описаний особого вида опыта, лежащего за пределами феноменального сознания.

Ключевые слова: interoception, парадокс феноменальных суждений, супервентность, габитус, ментальное содержание

ONTOLOGY OF INTEROCEPTION AND SEMANTICS OF PHENOMENAL JUDGMENTS

P.N. Baryshnikov

*DSc in Philosophy, assistant professor, Professor of the Department
of Historical Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology*

Pyatigorsk State University

E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

The linguistic representation interoceptive sensations is a valuable material not only for studying the structures of thought, but also for conceptual analysis within the framework of the philosophy of phenomenal consciousness. In this paper, we will talk about the relationship between the mechanisms of conceptualization of bodyness and the logical foundations of the paradox of phenomenal judgments. Interoceptive sensations are associated with the representation of the image of the inner body, i.e. the content of these representations is extracted not from the physical information of perceptual processes, but from mental beliefs, which are formed by the pragmatics of a communicative habit (*habitus*). This allows, on the one hand, to attribute linguistic expressions about interoceptive sensations to one of the types of phenomenal judgments (in the terminology of D. Chalmers). On the other hand, the interoception specific properties (their conditionality of language games) translate these expressions into descriptions of a special kind of experience that lies outside the phenomenal consciousness.

Keywords: interoception, paradox of phenomenal judgments, supervenience, *habitus*, mental content

Перед тем, как начать рассуждения, приведем определения некоторых терминов:

- *Интероцепция* - процесс восприятия человеком собственных внутрителесных сигналов. Важно указать на связь свойствами interoceptивных ощущений и содержанием языковых описаний. Примерами описания подобных ощущений могут быть такие выражения, как «покалывание в области подреберья», «чувство тяжести, распирания или опустошения в желудке», «субъективно ощущаемое перемещение сердца по внутрителесному пространству» и т.п. [1].

- *Феноменальные суждения* – языковые представления феноменальных свойств сознания, косвенные описания субъективного опыта, протекающие в самом сознании, выраженные в высказываниях в перспективе от первого лица в грамматическом режиме настоящего длительного времени в изъявительном наклонении.

- *Супервентность* – свойство отношений между мозгом и сознанием, при которых объект не может измениться в некотором ментальном отношении, не изменившись в каком-то физическом отношении. [2, 3]

Вместе с приведенными терминами применяется терминология, традиционная для аналитической философии сознания и когнитивных наук с отсылками к традиционным авторам и их толкователям. Ниже используются понятия сознания доступа и феноменального сознания в том смысле, в каком их понимал Н. Блок: *феноменальное сознание* – качественное содержание опыта («каково это быть в сознании»), *сознание доступа* – это некая когнитивная активность, достаточная для рационального поведения и использования языковых знаков в речи. [4] Также речь пойдет о Я-сознании как о мозговом трехуровневом процессе сопровождения сознания доступа в том смысле, в каком это подробно описано в работе А. Дамасио [5].

Итак, в чем же состоит так называемый парадокс феноменальных суждений и какова его связь с природой interoception? Парадокс феноменальных суждений состоит в том, что должно существовать физическое или функциональное объяснение причин, по которым носитель сознания высказывается о состояниях этого сознания тем или иным способом. Но такого строгого объяснения причин не существует. Так возникает мнение о том, что само сознание не связано с поведением и объяснительно нерелевантно. [6]. Действительно, единственное внешнее свидетельство того, что индивид осведомлен о содержании своего феноменального сознания, представлено в виде

языковых высказываний, с помощью которых выражаются убеждения «по поводу». Д. Чалмерс обосновывает тезис о том, что «семантическое содержание феноменальных убеждений *тонким образом отчасти* (курсив наш – П.Б.) конституируется самим сознательным опытом» [6, с. 224].

На наш взгляд, как только мы переводим фокус сознательного опыта в область внутрителесных ощущений (интероцепций), меняются семантические свойства феноменальных состояний. Переживание красного цвета и переживание непроизвольного сокращения мышц или почечной боли невозможно сводить к одному типу убеждений. Язык, применяемый для описания этих переживаний, используется в различных режимах. Феноменальные суждения – это языковые представления феноменальных свойств сознания, косвенные описания субъективного опыта, протекающие в самом сознании, выраженные в высказываниях от первого лица в грамматическом режиме настоящего длительного времени в изъявительном наклонении. Под языковым представлением мы понимаем не только пропозициональную форму, но и концептуальную. По сути, феноменальные суждения являются областью пересечения онтологии и семантики. Содержание этих суждений соотносится с концептуальной реальностью, формируемой в терминах этих же суждений.

В трехпорядковой классификации феноменальных суждений, предложенной Д. Чалмерсом, внутрителесные ощущения размещены во втором пункте наравне с опытом переживания красного цвета:

- суждения первого порядка характеризуют когнитивные состояния, порожденные опытом взаимодействия с внешним окружением или представлениями;
- суждения второго порядка при наличии достаточных понятийных ресурсов позволяют указывать на наличие некоего опыта: «Я переживаю опыт красного цвета / аромата розы / зубной боли»;
- суждения третьего порядка возникают тогда, когда мы пытаемся осмыслить природу суждений второго порядка, например, «Каковы состояния моего мозга, когда я переживаю опыт красного цвета / аромата розы / зубной боли?» [6, с. 225-226].

Специфические свойства интероцепции не позволяют разместить суждения о них в приведенной трехпорядковой классификации феноменальных суждений. Отличительной чертой интероцептивных ощущений является неразрывность каузального и функционального видов связи с Я-сознанием и сознанием доступа. Крайне значимой, на наш взгляд, в классификации Чалмерса является ремарка о суждениях второго порядка – «при наличии достаточных понятийных ресурсов». Одним из отличительных свойств внутрителесных ощущений является применимый к ним образный язык описания.

Парадокс феноменальных суждений указывает на то, что причина того, в каких формах мы описываем собственные феноменальные состояния и опыт восприятия, лежат вне поля причинной замкнутости физического мира. Феноменальные суждения второго порядка, описывающие внутрителесные ощущения, зависят, в первую очередь, от социальных норм употребления языковых выражений (для характеристики этих норм хорошо подходит термин П. Бурдьё «габитус»). Физические и функциональные объяснения причин поведения независимы от свойств сознания доступа. То есть семантика высказываний об интероцепции выражает в большей степени свойства языковой коммуникативной привычки, формируемой культурной средой, чем индивидуальное феноменальное содержание.

Для натуралистического редукционистского объяснения онтологических свойств феноменальных суждений необходимо снять противоречие между четырьмя посылками: 1) область физического каузально замкнута; 2) суждения о сознании логически супервентны на физическом; 3) сознание не является логически супервентным на физическом; 4) мы знаем о своём сознании. [5, с. 234]. То есть возникает вопрос, **как мы можем выносить суждения, супервентные на физическом, содержащие указание на то, что не супервентно на физическом?** Мы полагаем, что введение параметра социальной языковой привычки (габитуса), пусть и не вполне логически корректно, но снимает эти противоречия. При этом приходится отказаться от каузальной замкнутости физического.

В традиционной объективистской психологии функциональный подход вкупе с развитыми методами нейрофизиологической диагностики показал свою эффективность. Тождество материальных свойств нервной системы и свойств переживаемого качественного опыта стало онтологическим основанием для функционального и физикалистского подходов. раздражение, попадающее на периферийные интероцепторы, передается в подкорковые ядра, а затем в соответствующие рецепторные зоны коры; субъективные переживания являются естественным следствием этих стимулов. [7, с.15-16] Однако у интероцептивных дескрипций есть ряд специфических особенностей. В психологии телесности существует разрыв в физиологическом объяснении взаимосвязи качества и

интенсивности субъективного переживания с качеством и интенсивностью стимула. «Интрацептивное (один из вариантов написания термина на русском языке – П.Б.) восприятие не может быть однозначно определено свойствами раздражения, а зависит от оценки ситуации, значения телесного ощущения, его смысла, мотивации человека, принадлежности к определенной культуре, индивидуального опыта и множества других психологических факторов». [7, с. 4]. Из этого не следует, что ментальное содержание интероцептивного опыта в этом случае будет зависеть от набора доступных выразительных языковых средств. Но культурно обусловленная семантика языкового знака остается одним из наиболее эффективных средств доступа (пусть и не прямого) к тому, на что указывает содержание феноменальных суждений.

Специфика интероцептивных описаний (которые входят в особый класс феноменальных суждений) указывает на то, содержание внутрителесного опыта выразимо, если и только если социальная практика применения языковых выражений обладает достаточным набором метафор. Можно утверждать, что в этом случае интероцептивные суждения «логически супервентны» на социальном. Изменения в концептуальном содержании метафор в языковом узусе неминуемо ведут к изменению описаний внутрителесных ощущений, а иногда вслед за этим в случае с психосенсорными расстройства к изменению характера самих ощущений. Такая трактовка приводит к утверждению (несовместимому с редуктивным физикализмом) о том, что так называемая супервентность на социальном указывает на причинные зависимости, лежащие за пределами физической замкнутости.

Литература

1. *Нагорная А.В.* Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений // А.В. Нагорная. М.: URSS, 2014. 320 с.
2. *Davidson D.* Essays on Actions and Events / D. Davidson. Oxford, New York: Oxford University Press; Clarendon Press, 2001. 324 p.
3. *Бинги В.Н.* Аргумент Д. Чалмерса от логической супервентности в объяснении феноменального сознания // *Философская мысль*. – 2021. – №4. – С.1–10.
4. *Block N.* On a confusion about a function of consciousness // *Behavioral and Brain Sciences*. 1995. vol.18. С. 227–287.
5. *Damasio A.R.* Self comes to mind. Constructing the conscious brain. New York: Pantheon Books, 2010. –268 p.
6. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. М.: УРСС, 2013. 512 с.
7. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности / А.Ш. Тхостов. М.: Смысл, 2002. 282 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИЛЛЮЗИОНИЗМ В ОТНОШЕНИИ КВАЛИА

А.П. Беседин

*Кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
E-mail: a.besedin@hardproblem.ru*

В статье предлагается концепция методологического иллюзионизма в отношении квалиа. Для этого дается краткое изложение теоретического иллюзионизма К. Франкиша в отношении сознания, приводится аргументация в пользу этой позиции. С опорой на деление Ф. Каммерера иллюзий на насыщенные и обедненные обсуждается проблема иллюзии для иллюзионизма, предлагается так называемый Спинозистский подход к иллюзии. С точки зрения этого подхода переживаемые нами иллюзии квалиа конституируются пробелами принципиально неполных репрезентаций процессов, происходящих в нашем мозге и создаваемых им для самого себя. Формулируется позиция методологического иллюзионизма — умеренно оптимистической установки в отношении сознания, предполагающей, что иллюзионизм является лучшей теорией сознания в настоящий момент, однако сохраняющей надежду на открытие реалистического объяснения квалиа.

Ключевые слова: иллюзионизм, квалиа, сознание, интроспекция, схема внимания, методологическое сомнение

METHODOLOGICAL ILLUSIONISM REGARDING QUALIA

A.P. Besedin

*CSc in Philosophy, Associate professor of Department of History of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: a.besedin@hardproblem.ru*

The article develops a theory of methodological illusionism regarding qualia. The author gives a short explication of theoretical illusionism of Keith Frankish and an argument for this position. Author discusses Francois Kammerer's distinction of rich and sparse illusions and suggests a Spinozist approach to the problem of illusion. According to this approach, the illusion of qualia experienced by us is constituted by the unavoidable incompleteness of representations of the process in our brain. Those representations are created by our brain for itself. The thesis of methodological illusionism is explained: it is a moderately optimistic attitude towards consciousness that says that illusionism is the best theory of consciousness today, but this attitude retains the hope for a realist explanation of qualia in future.

Keywords: illusionism, qualia, consciousness, introspection, attention schema, methodological doubt

Иллюзионизм в философии сознания утверждает, что феноменального сознания не существует, однако у нас есть его иллюзия (феноменальное сознание, квалиа — состояния, для которых есть то, каково это, быть в этом состоянии). При этом иллюзионисты не отрицают существования сознания как предмета исследования когнитивных и нейронаук.

Термин «иллюзионизм» был введен Китом Франкишем в 2016 году, в статье «Иллюзионизм как теория сознания» [1], хотя в устных выступлениях Франкиш использовал его и раньше. Несмотря на то, что это слово в философии сознания появилось недавно, иллюзионистами себя признали Д. Деннет [2], Д. Перебум [3] и другие философы. Появились и иллюзионисты нового поколения — те, кто сформировал свою точку зрения в ответ на работы Франкиша; один из них Ф. Каммерер [4].

Теоретический иллюзионизм (ТИ)

Франкиш предполагает, что иллюзионизм является теорией сознания, то есть он исчерпывающе объясняет его природу. Следует два подхода к квалиа в иллюзионизме. Деннет считает, что понятие квалиа несостоятельно и они в принципе не могут существовать [5]. Франкиш же допускает возможность, но отрицает факт существования квалиа. Автор статьи согласен с Франкишем, что существование квалиа возможно, поэтому далее речь пойдет о втором типе теорий.

Ввести эту теорию можно методом исключения, через сравнение ее с другими теориями. Франкиш предлагает классификацию теорий сознания по двум основаниям [1]. Во-первых, мы должны различать реалистические и иллюзионистские теории. Реалистические теории предполагают, что объясняемый ими феномен (квалиа) реален, иллюзионистские теории отрицают его реальность и фокусируются на объяснении иллюзии этого феномена. Во-вторых, необходимо разделить радикальные и консервативные теории. Радикальные теории требуют фундаментального пересмотра существующих научных представлений о мире, тогда как консервативные теории ограничиваются имеющимися теоретическими ресурсами. Иллюзионизм является консервативной теорией, а реализм разделяется на радикальный и консервативный. Если показать несостоятельность реализма в отношении квалиа, иллюзионизм останется единственной доступной опцией.

Реализм распадается на радикальный и консервативный. К радикальным теориям можно отнести дуализм (как свойств, так и субстанций), панпсихизм со всеми его версиями и другие подобные теории. Все эти подходы требуют радикального пересмотра существующих представлений о мире, а именно — признания квалиа фундаментальными элементами реальности. Однако, иллюзионист будет настаивать, что, если у нас есть другой способ объяснения квалиа (собственно, иллюзионизм), не предполагающий пересмотра наших фундаментальных представлений о реальности, следует избрать именно его как наиболее экономный. Вероятность ошибочности нашей веры в существование квалиа кажется нам очень маленькой, но вероятность ошибочности наших фундаментальных представлений о мире представляется иллюзионистам еще меньшей.

Противники иллюзионизма указывают, что у нас имеется безошибочное знание о квалиа, получаемое при помощи интроспекции, и поэтому вероятность ошибки, принимаемая иллюзионистами, равна нулю. Тогда невозможно, чтобы квалиа не существовали [6]. Против этого иллюзионисты обращают наиболее разработанную часть своей теории – критику интроспекции (подробнее см. [7]). Не вдаваясь в детали этой аргументации, можно отметить, что тезис о наличии у нас безошибочной познавательной способности кажется слишком сильным. Если интроспекция может давать нам знание, то, по аналогии со всеми остальными способами познания, она может иногда и приводить к ошибкам.

Аргументируя против консервативного реализма (физикализма в различных проявлениях), иллюзионисты могут использовать некоторые из хорошо известных антифизикалистских аргументов. Иллюзионист не может прибегать к аргументам представимости, так как, с точки зрения этой теории у одинаковых в физическом плане существ будут возникать одинаковые иллюзии квалиа. Однако в руках иллюзионистов остаются концептуальные аргументы против априорного и апостериорного физикализма, успешно подрывающие главный тезис этой теории – утверждение о существовании необходимой связи между физическим и ментальным [8].

Таким образом, иллюзионизм остается единственным вариантом.

Спинозистский подход к проблеме иллюзии

Франкиш пишет: «Иллюзионизм заменяет трудную проблему проблемой иллюзии — проблемой объяснения того, как возникает иллюзия феноменальности и почему она так сильна» [1]. Объяснение иллюзии сознания, действительно, должно быть главной задачей иллюзионистов, ведь именно с тезисом о том, что сознание — это иллюзия, связана вопиющая контринтуитивность их теории, которую они и сами признают.

По Каммереру, мы переживаем иллюзию в тех случаях, когда положение дел *S* репрезентируется как обладающие характеристикой *X*, тогда как *S* лишено *X*, или как лишенное *Y*, тогда как *S* обладает *Y*. Особенность иллюзий состоит в том, что они производятся когнитивно непрозрачным процессом. Каммерер выделяет два типа иллюзий: насыщенные (*rich*) и обедненные (*sparse*). Насыщенные иллюзии характеризуются тем, что наличие *X* (или отсутствие *Y*) в *S* включено в само содержание репрезентации, производимой когнитивно непрозрачным процессом. Сторонниками насыщенного понимания иллюзии являются, например, Перебум, который выдвигает гипотезу качественной неточности [3]. В обедненных иллюзиях мы сталкиваемся с неполной репрезентацией *S*, не включающей репрезентации присутствия отсутствующего *X* или отсутствия присутствующего *Y*. Обедненную трактовку иллюзии защищает Грациано, а также автор этой статьи.

Теория насыщенных иллюзий кажется неудачной ввиду того, что она уязвима для наиболее прямолинейного аргумента противников иллюзионизма, основанного на утверждении, что казаться для квалиа значит существовать. Если в репрезентацию *S* вводится элемент, который представляет несуществующие черты *S*, то противники иллюзионизма смогут возразить, что иллюзионисты тем самым незаметно допускают в свою теорию квалиа. В теории обедненных иллюзий, с точки зрения Каммерера, репрезентация *X* или *Y* возникает в результате неосознанного вывода (*inference*), то есть опосредованно.

Спинозистский подход к проблеме иллюзии, предлагаемая в этой статье, утверждает, что у нас возникает обедненная непосредственная иллюзия квалиа и механизм ее возникновения, в целом, аналогичен механизму возникновения феноменологии свободного действия у Спинозы (автор опирается на интерпретацию Спинозы, предложенную Й. Меламедом [9]). Спиноза полагает, что иллюзия свободы воли возникает у нас из-за того, что мы не знаем причин наших действий. У нас имеются адекватные репрезентации самих действий и их ближайших причин – желаний, но нет репрезентаций предшествующих причин. Отсутствие этих репрезентаций и переживается феноменально как свобода: нам кажется, что предельный источник действия находится в нас самих.

Нечто похожее может быть верно в отношении квалиа. М. Грациано полагает, что наш мозг создает модель протекающих в нем процессов, связанных с распределением внимания. Эту модель Грациано называет схемой внимания и утверждает, что она принципиально неполна. Из-за этой неполноты у нас возникает представление об аномальных, качественных свойствах этой репрезентации. Однако, с точки зрения спинозистского подхода, иллюзия квалиа появляются не на этапе интерпретации схемы внимания, а в самой этой схеме как пробелы в репрезентации ей когнитивных процессов. Эти пробелы в схеме внимания представляют другие ее элементы

оторванными когнитивных процессов, как бы висящими в воздухе и обладающими аномальными свойствами. Эта аномальность и фиксируется характеристикой «каково находится в этом состоянии».

Методологический иллюзионизм (МИ)

Для формулировки тезиса МИ нет необходимости искать решающее подтверждение Спинозистскому подходу, достаточно, чтобы хотя бы какая-то трактовка квалиа как иллюзии была возможна. Автору этой статьи Спинозистская интерпретация кажется наиболее правдоподобной, хотя нельзя отрицать и того, что вера в существование квалиа во сто крат сильнее.

До определенной точки МИ идет рука об руку с ТИ. Сторонник МИ согласится, что квалиа возможны, однако реалистические попытки их объяснения не добиваются успеха: консервативный реализм опровергается антифизикалистскими аргументами, а радикальный реализм нужно поставить под сомнение ввиду его попыток пересмотреть наши фундаментальные научные представления о природе. Кроме того, интроспекция может нас обманывать и квалиа могут быть иллюзией (гипотеза иллюзионизма непротиворечива). Однако, далее пути ТИ и МИ расходятся. Следуя методу исключения, сторонник МИ не переходит к выводу о правильности ТИ. Главным основанием для принятия иллюзионизма является аномальность квалиа с точки зрения современных научных представлений. Но вполне может оказаться, что в ходе развития науки будет принята реалистическая теория, которая сейчас представляется радикальной. МИ требует только, чтобы утверждение о существовании квалиа не было единственным основанием для ее принятия. Такая теория должна иметь независимые основания.

МИ не претендует на роль теории сознания, то есть не пытается дать исчерпывающее объяснение этому феномену. Он является методологическим в том же смысле, в котором методологическим оказывается сомнение Декарта: мы сомневаемся до тех пор, пока не нашли решения. МИ утверждает, что сегодня мы должны принять тезис о том, что сознание — это иллюзия, как наилучший, хотя мы можем ожидать и даже надеяться на то, что в будущем квалиа получат реалистическое объяснение и мы сможем без затруднений признать их существование. МИ — это умеренно оптимистический подход к изучению сознания. В отличие от ТИ, МИ не предполагает, что изучение сознания обязательно должно завершиться иллюзионистской теорией. Этот неприятный вывод мы должны будем принять только тогда, когда у нас не останется никаких надежд на построение реалистической теории. И МИ признает, что сегодня такая надежда у нас есть.

Литература

1. *Frankish K.* Illusionism as a theory of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23, No. 11-12. Pp. 11-39.
2. *Dennett D. C.* Illusionism as the obvious default theory of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23, no. 11-12. Pp. 65-72.
3. *Pereboom D.* Illusionism and anti-functionalism about phenomenal consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23, no. 11-12. Pp. 172-185.
4. *Kammerer F.* How rich is the illusion of consciousness? *Erkenntnis*. 2019. Vol 87. Pp. 499-515.
5. *Dennett D. C.* Quining qualia. In: *Consciousness in contemporary science*. Eds. A. J. Marcel & E. Bisiach. Oxford: Clarendon Press. Pp. 42–77.
6. *Nida-Rümelin M.* The illusion of illusionism. *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23. No. 11-12. Pp. 160-171.
7. Интроспекция: современные подходы и проблемы / А. П. Беседин, Д. Б. Волков, А. В. Кузнецов и др. // *Эпистемология & философия науки*. 2021. Т. 58, № 2. С. 195–215.
8. *Levine J.* Anti-materialist arguments and influential replies. Second edition. In: *The Blackwell companion to consciousness*. Eds.: S. Schneider and M. Velmans. 2007. Pp. 393-403.
9. *Melamed Y. Y.* The Causes of Our Belief in Free Will: Spinoza on Necessary, ‘Innate,’ yet False Cognition. In: *Spinoza’s Ethics: A Critical Guide*. Ed.: Y. Y. Melamed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 121-141.

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЗНАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ И БУДДИЗМЕ*

В.В. Воробьёв

*Аспирант кафедры философии и культурологии
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
E-mail: aristoteleus@yandex.com*

В докладе будет рассмотрена проблема демаркации методов исследования сознания в западной философии и буддизме, подчёркивается разница в когнитивных установках Востока и запада в понимании проблематики сознания: западная философия более тяготеет к рассматриванию сознания от третьего лица, что влечёт за собой более теоретический характер исследования и соответствующий этому комплекс парадоксов, мысленных экспериментов и целей, в то время как буддизм рассматривает сознание с религиозно-практической и сотериологической точек зрения, что обуславливает акцент на подход от первого лица, раскрытие феноменологического аспекта и установку на раскрытие способов преобразования субъективного опыта посредством психодуховных техник. Что касается онтологии сознания, буддийский подход можно охарактеризовать как редукционистский, когда сложное явление субъективной реальности сводится к существованию объективно существующего потока мгновенно-возникающих дхарм - элементов опыта. В связи с этим, буддийскую теорию сознания характеризует глубокий психологизм, детальная проработанность в описании видов сознательного опыта, что могло бы найти применение при исследовании сознания от третьего лица, при экспериментальном установлении корреляции между ментальной активностью и работой мозга.

Ключевые слова: сознание, подход от первого лица, подход от третьего лица, феноменология, буддизм, опыт

APPROACHES TO STUDY OF CONSCIOUSNESS IN WESTERN PHILOSOPHY AND BUDDHISM

V.V. Vorobyov

*Postgraduate student, Department of Philosophy and Cultural Studies
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
E-mail: aristoteleus@yandex.com*

The report will consider the problem of demarcation of methods for studying consciousness in Western philosophy and Buddhism, highlighting the difference in the cognitive attitudes of the East and West in understanding the problems of consciousness: Western philosophy tends to consider consciousness from a third person, which entails a more theoretical nature of the study and the corresponding complex of paradoxes, mental experiments and goals, while Buddhism considers consciousness from the religious-practical and soteriological points of view, which determines the emphasis on the approach from the first person, the disclosure of the phenomenological aspect and the installation on the disclosure of ways to transform subjective experience through psycho-spiritual techniques. As for the ontology of consciousness, the Buddhist approach can be characterized as reductionist, when the complex phenomenon of subjective reality is reduced to the existence of an objectively existing stream of instantaneously arising dharmas - elements of experience. In this regard, the Buddhist theory of consciousness is characterized by deep psychologism, detailed elaboration in the description of the types of conscious experience, which could be used in the study of consciousness from a third person, in the experimental establishment of a correlation between mental activity and brain function.

Keywords: consciousness, first-person approach, third-person approach, phenomenology, Buddhism, experience

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00118 «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения».

Сегодня ученые все чаще обращаются к буддийскому мировоззрению, где неординарный метод и особый взгляд на природу сознания и его функционирования приводит западноевропейских исследователей к постановке гипотез, которые при дальнейшем анализе позволяют решить ряд как теоретических, так и прикладных задач в теории сознания. «Переложение материала (буддийских текстов) на западную понятийную структуру или творческий синтез восточных и западных концепций ... помогает раскрыть глубину буддийской мысли и религиозно-мировоззренческих ориентиров. Поэтому расширение понятий западной философии на основе использования буддийских идей очень перспективно. Феноменологический метод в исследовании сознания дает возможность не только понять направленность и трансцендентность восточных взглядов, но и объяснить наблюдаемые феномены, раскрыть новые законы» [1, с. 3].

Со времён Декарта стало понятно, что сознание есть особая реальность, природа которого нуждается в тщательном прояснении по многим вопросам. «Практически все крупные западные ученые так или иначе обращались к декартовскому «*cogito ergo sum*»» [2, с. 38]. Например, вопрос о соотношении сознания и тела, возможности редуцирования психических процессов к физиологическим, к мозговой деятельности, в частности. Можно ли обнаружить сознание экспериментальным путем или путем наблюдения, иными словами – подчиняется ли деятельность сознания тем же законам, что и явления физической реальности. К примеру, в рамках буддизма можно говорить об онтологизации сознания, наделению его отчетливо объективными характеристиками, потому что сознание - это прежде всего поток дхарм – сантана, а дхармы это суть объективные элемента бытия, хотя и существует их огромное множество разновидностей. И для обозначения сознания в буддийских школах использовались несколько терминов – прежде всего «читта», «манас» и «виджняна». «Учение о непрерывности потока сознания указывает на то, что буддисты с самого же начала полагали, что в сознании мы встречаемся с явлением более самостоятельным, более, можно сказать, «реальным», чем остальные элементы. Вполне понятно, что они, как и европейские философы, в дальнейшей истории философского мышления развивали понятие сознания, приписывая ему все большее значение. Древние школы останавливались на анализе потока сознательной жизни, ограничиваясь установлением трёх разновидностей элементов: чувственного, сознания и процессов. Данный на опыте факт сознательного переживания чего-то объективного рассматривается как состоящий или сложенный из трёх элементов, встретившихся по определенным законам. Различные названия элемента сознания – «читта», «манас» и «виджняна» - выражают только различные тонкости анализа: «читта» - единая дхарма сознания; «виджняна» - то же сознание, но рассмотренное с точки зрения его содержания; «манас» - сознание предыдущего момента, служащее опорой для сознания следующего момента; все эти термины употребляются, однако, и просто как синонимы» [3, с. 254].

В подходе от третьего лица, как известно, мы имеем дело с наблюдаемыми фактами физического мира, которые связаны с работой мозга, либо внешнего поведения. Этот подход выражает само понимание феномена сознания, как не отличающегося от других явлений окружающего мира, соответственно, с той же лёгкостью поддающегося методам научного наблюдения. «С этой точки зрения, сознание изучается как научная проблема, например как тепло, жизнь или ядерная физика, и поддаётся тем же методам исследования» [4]. Все науки, занимающиеся внешним наблюдением за деятельностью сознания, такие как, например, бихевиористская психология – относятся к этому подходу.

Следует заметить, что этот подход даёт ценный материал для построения абстрактных моделей работы мозга, объяснения поведения. Однако, всего лишь формальное алгоритмизирование интеллектуальной деятельности не способствует проливанью света на тайну природы сознательного опыта, квалиа, который не формален, но содержателен, семантический.

Западный подход к сознанию можно обозначить как научно-ориентированный и, по преимуществу, «от третьего лица» - он в некоторой степени предполагает, в качестве прессупозиции, постулат об объективной действительности окружающего мира, в который включено сознание, а восточный подход скорее «от первого», который предполагает действительность сознания, в котором переживаются те или иные факты.

Если проводить параллели между буддийской и западной философией сознания, то «квалиа» соответствует понятию «виджняна», так как выражает собой содержательно-семантический аспект ментального, а то что было взято на вооружение при создании искусственного интеллекта – формально-логический аспект ментального – скорее соответствует понятию «читта». «Наиболее трудноразрешимой проблемой в подходе от первого лица является то, что каждому субъективному ментальному состоянию существует соответствующее объективное (функционально выразимое) ментальное состояние» [4].

На данный момент нет оснований утверждать, что должным образом проанализированы все возможные аспекты ментальной активности. Буддийская философия заслужено отличается детальной проработанностью феномена сознания. Чего только стоит фундаментальное сочинение Васубандху «Энциклопедия Абхидхармы» (Абхидхармакоша) с её обширным изложением структуры и содержания разнообразия сознательного опыта. В этом смысле, буддизм может предоставить ценный материал и богатый опыт исследований разнообразных аспектов ментальной активности, которые так же нуждались бы в экспериментальных научных наблюдениях подхода от третьего лица, более характерных для западной парадигмы в объяснении природы сознания.

В целом, буддистский взгляд на сознание можно обозначить как редукционистский. Согласно философскому словарю: «редукционизм (от лат. Reduction – возвращение, отодвигание назад) – одна из методологических программ, определяющих направленность и способ организации научного исследования. Сущность редукции как познавательного приёма состоит в том, что для решения какой-то задачи учёный старается свести её к более простому варианту, разложить сложную структуру на составляющие элементы» [5, с. 812]. Таким образом, любое сложное явление, с точки зрения редукционистов, в том числе феномен сознания, сводится лишь к сумме простых элементов, лежащих в его основе, будь то, к примеру, совокупность всех нейронов, исключая фактор сложности, возникший в результате синергии между их взаимодействием.

Условно, в буддизме принято сознание называть «потоком» из-за иллюзии наличия континуальной непрерывной связи между качественными моментами опыта, которые, в силу причинно-следственных связей, объединены в единый смысловой ряд. Основой для формирования существования такого потока личности служит память, сохраняющая отдельные «вспышки» опыта подобно бусинам, квантам опыта, задним числом нанизывая их на воображаемую нить, реализующую их эфемерную связь в действительности. Учение о мгновенности дхарм называется кшаникавада. Таким образом, представление о сознании как о потоке является иллюзией и заблуждением ума, от которого необходимо избавиться путём медитации. «Главный признак буддизма – отрицание субстанциальности (анатмавады) и признание тотальной изменчивости (анитья) – обуславливает полное слияние времени и бытия, мгновенности и мгновенного. Времени как континуальной подоплёке изменчивости вещей противопоставляется временность, тождественная дискретности элементов бытия (дхарм), а реальности длительности – реальность момента, временного атома (кшаны). Однако если с точки зрения буддистских школ хинаяны моменты времени относительно реальны, то в буддизме время нереально, поскольку оно относительно» [6, с. 13].

Однако, в случае с нейронауками и сопутствующей её методологией физикализма и в крайней степени – эпифеноменализма – мы имеем дело с попыткой элиминировать проблему сознания путём сведения всей специфики сознательного опыта к материальным процессам в мозге, либо редуцировать сознание к поведению как это представлено в бихевиористской психологии. В случае с буддизмом мы имеем нечто похожее, но только на уровне метафизическом. Можно назвать это редукционизмом дхармическим, когда элиминируется специфика субъективного опыта потока и феноменологическая очевидность единства самосознания посредством логической операции. И хотя как в случае с эпифеноменологией, так и в случае кшаникавады опытные наблюдения и логические рассуждения дают нам подтверждение адекватности наших изысканий, тем не менее, они собственно не дают объяснения самому сознанию как феномену, репрезентированному в опыте субъекта от первого лица, в опыте, который имеет свои, ни к чему не сводимые, особенности – будь то ощущение течения времени, единства самосознания и наличие квалиа, предметную данную реальность как таковую.

Литература

1. Султанова Э.А. Феноменологический метод в исследовании сознания: феноменология и классический буддизм: автореф. дис. ... кандидата философских наук. М., 2001. 24 с.
2. Иванов А.В. Мир сознания. Барнаул: Изд-во АГИИК, 2000. 240 с.
3. Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: Наука, 1991. 254 с.
4. Chalmers D. Consciousness and Cognition». [Электронный ресурс] URL: <http://consc.net/papers/c-and-c.html> (дата обращения: 26.08.2020).
5. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
6. Лысенко В.Г. Ранняя буддийская философия // Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М.: Восточная литература РАН, 1994. 383 с.

ДИЛЕММА ИЛЛЮЗИОНИЗМА*

А.В. Кузнецов

*Кандидат философских наук, научный сотрудник
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: anton.smith@philos.msu.ru*

В данном докладе представлена критика иллюзионизма в философии сознания. Иллюционисты отрицают существование феноменального сознания. Однако можно говорить о дилемме иллюзионизма, где тезис отрицания феноменального сознания является либо необходимым, либо контингентным. Отдельно анализируются рога этой дилеммы. Показано, что последний разрушается под собственной тяжестью, а первый предъявляет неправдоподобные эпистемологические требования.

Ключевые слова: Иллюзионизм, феноменальное сознание, квалиа, интроспекция, прямой доступ

THE DILEMMA OF ILLUSIONISM

A.V. Kuznetsov

*PhD in Philosophy, researcher
Lomonosov Moscow State University
E-mail: anton.smith@philos.msu.ru*

This report presents a critique of illusionism in the philosophy of mind. Illusionists deny the existence of phenomenal consciousness. However, one can speak of the dilemma of illusionism, that the rejection of phenomenal consciousness either necessary or contingent. The horns of this dilemma are analyzed separately. It is shown that the latter collapses under its own weight, while the former makes implausible epistemological requirements.

Keywords: Illusionism, phenomenal consciousness, qualia, introspection, direct access

Иллюзионизм в философии сознания — это вид физикалистской позиции, которая распадается на два положения:

1. Феноменальное сознание не существует.
2. Феноменальное сознание является иллюзией

Несмотря на это, иллюционисты не являются радикальными элиминативистами, для них сознание – это сознание доступа. Иллюционистская позиция среди прочих физикалистских позиций отличается тем, что иллюционисты не приемлют наличия феноменального сознания и квалиа ни в каком смысле. В данной статье рассуждение будет основываться на представлениях двух самых известных сторонников этой позиции — Дэниела Деннета и Кита Франкиша. Это также связано и с тем, что эти философы открыто признают консенсус между собой.

Иллюционистская критика феноменального сознания строится прежде всего на анализе проблемы знания о сознании. На взгляд Деннета и Франкиша, наличие феноменального сознания требует прямого и безошибочного познавательного доступа к нему, другими словами — на тезисе безошибочности интроспекции в отношении феноменального сознания. Но такой доступ оказывается магическим и невыразимым, а в той мере, в какой можно знать о феноменальном сознании, открывается возможность ошибки или ситуаций неопределенности, когда агент не в состоянии интроспективно установить, в каком состоянии находится или каковы свойства его сознательного состояния. Опираясь на идеи Мартины Нида-Рюмелин [7], можно следующим образом сформулировать аргумент иллюзионизма:

1. Если возможно, что агент ошибается в отношении феноменального сознания, то возможно, что иллюзионизм истинен.
2. Возможно, что агент ошибается в отношении феноменального сознания.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

3. Если возможно, что иллюзионизм истинен, то он с необходимостью истинен — посылка иллюзионизма в версии Нида-Рюмелин

4. Возможно, что иллюзионизм истинен.

5. Иллюзионизм с необходимостью истинен

Рюмелин считает, что иллюзионизм разрушается под собственной тяжестью, если мы правильно определим понятие феноменального сознания. Я согласен с первым, но не нахожу привлекательным второе. На мой взгляд, непоследовательность иллюзионизма заключается в предъявлении неправдоподобных эпистемологических критериев. Иронично, что и здесь наше мнение с Рюмелин совпадает — что квалиа-реалисты принимают правила игры, которые им предлагают иллюционисты. Правда, повторюсь, на мой взгляд, дело больше не в том, какое понятие феноменального сознания принимают квалиа-реалисты (кажется, здесь больше спор о словах), а в том, что они разделяют избыточные эпистемологические критерии, за что их совершенно справедливо критикуют иллюционисты.

Хотя иллюционисты отрицают существование феноменального сознания, модальная сила этого отрицания может быть разной и представлена в виде дилеммы.

1. Феноменальное сознание не существует — контингентно истинно

2. Феноменальное сознание не существует — с необходимостью истинно

Из этого можно прийти к следующему:

1. Возможно, что феноменальное сознание существует.

2. С необходимостью феноменальное сознание не существует.

Первый рог дилеммы разрушает иллюзионизм, если соединить его с заключением аргумента иллюзионизма:

1. Возможно, что феноменальное сознание существует.

2. Иллюзионизм с необходимостью истинен

Произведем замену иллюзионизма на конъюнкцию двух его центральных положений:

3. С необходимостью феноменального сознания не существует и феноменальное сознание является иллюзией.

Из этой конъюнкции получаем:

4. С необходимостью феноменальное сознание не существует

5. Противоречие 4. и 1.

Отсюда следует, что только один рог дилеммы может быть истинным — что с необходимостью феноменальное сознание не существует. Именно на него следует обращать внимание реалисту в отношении феноменального сознания, поскольку, как было показано выше, первый рог не представляет никакой опасности.

Аргументы против существования феноменального сознания опираются на предложенное еще Деннетом [1] понятие феноменальных свойств или квалиа: они являются примитивными и приватными, а доступ к ним – прямым и безошибочным. Как я сказал, критика иллюционистами квалиа в первую очередь отталкивается от проблем, возникающих с постулированием особого вида доступа. Понятие прямого безошибочного доступа к феноменальным свойствам предполагает, что знание о квалиа не может быть ложным и не может быть неопределенным, то есть субъект всегда в состоянии сказать, в каком состоянии находится. Иллюционисты Деннет и Франкиш ориентируются именно на случаи неопределенности. Логика такова, что если в каких-то случаях могут быть неопределенность в отношении феноменальных аспектов сознательного опыта, значит, это так во всех случаях, поскольку согласно определению доступ к квалиа обязан быть безошибочным и прямым. Но если это так, то феноменального сознания не существует.

Предъявляемые эпистемологические требования иллюционистами к квалиа-реалистам являются явным и неявным. К явным относится упомянутый особый вид доступа — прямой и безошибочный. К неявным я бы отнес предписывание квалиа-реалистам неправдоподобной теории интроспекции — теории внутреннего чувства — и отождествление восприятия с интроспекцией. Оба вида требований являются непоследовательными.

В случае с интроспекцией дело обстоит так, что квалиа-реалисты прямо отрицают теорию внутреннего чувства и отождествление интроспекции с восприятием. Эта линия ярко проявляется в аргументе Картезианского театра Деннета, который предполагает интроспекцию в виде внутреннего чувства и в котором знание субъекта о сознании подобно знанию о внешних объектах. Из этого следует, что квалиа относятся к категории “объектов”, что является категориальной ошибкой. Я называю это инверсией категориальной ошибки. Более того, сам Деннет не может последовательно

разделять аргумент Картезианского театра, поскольку приписывает квалиа-реалистам совсем другую модель интроспекции.

На мой взгляд, непоследовательно иллюзионисты используют и понятия прямого и безошибочного доступа. На взгляд квалиа-реалиста Чалмерса, такой доступ есть, но он не находится на уровне формирования суждений. Иллюзионисты отвечают на это тем, что подобное понятие доступа невыразимо и эзотерично, а значит бессмысленно и должно быть отброшено. Получается, что осмысленное знание о сознании — это знание, которое может фигурировать в вербальном отчете. Непоследовательность заключается в следующем: иллюзионисты настаивают на том, что такой вид знания должен считаться квалиа-реалистами безошибочным и прямым. Однако нет никаких оснований, которые бы заставляли принимать квалиа-реалистов такую точку зрения. Знание, которое формируется посредством вербального отчета, неизбежно может быть ошибочным и непрямым. Поэтому связанные с таким видом знания ошибки и неопределённости не угрожают феноменальному сознанию.

Мое мнение близко к иллюзионистам в том отношении, что возможность эксплицировать особое познавательное отношение к сознанию стремится у нуля. Однако в противоположность им, как и их оппонентам, я не вижу причин, согласно которым такое особое познавательное отношение необходимо для обоснования существования феноменального сознания.

Это в том числе демонстрируется аргументом разоблачения Франкиша, когда вера в НЛЮ может быть объяснена без наличия НЛЮ. Убеждение в НЛЮ может быть объяснено атмосферными явлениями, создающими причудливые явления. Этот аргумент построен на аналогии, что феноменальное сознание аналогично НЛЮ. По мысли Франкиша феноменальные суждения и отчеты могут быть объяснены указанием на механизмы их формирования без постулирования феноменального сознания. Но аналогия здесь не выполняется. Я могу объяснить свою веру в то, что сейчас на улице идет дождь, отсылкой на то, каковы механизмы формирования моего убеждения. Однако это очевидным образом не приведет к тому, что на улице в действительности дождь не идет. Указание на когнитивные или неврологические механизмы образования убеждений ничего не говорит об их достоверности или недостоверности. Если взглянуть на этот довод последовательно, то мы должны спросить, а каким образом могли образоваться феноменальные суждения, если никаких феноменальных свойств никогда не было? Также надо заметить, что объяснение убеждения в НЛЮ и объяснение того, как формируются суждения об НЛЮ, — это разные вещи. Можно добавить, что мое убеждение в том, что передо мной находится змея, может быть объяснено тем, что передо мной веревка, которая обуславливает появление этого убеждения. Недостаток аргумента разоблачения состоит в том, что НЛЮ *действительно* может быть. И в этом смысле зеркально аргумент разоблачения не дезавуирует с необходимостью существования феноменального сознания, а в очередной раз показывает, что иллюзионистам ясна возможность существования феноменального сознания. Однако феноменального сознания ни в каком смысле не может быть, как же тогда может быть ясна возможность его существования? Более того аргумент разоблачения может быть применим и к физическому миру. Если в некоторых случаях физический объект оказывается иллюзией или галлюцинацией, то согласно логике аргумента разоблачения, мы должны прийти к абсурдному заключению, что физического мира нет. Очевидным образом онтологическая стратегия заключенная в правиле, если нечто не существует в некотором множестве случаев, то оно вообще не существует, является ошибочной. Таким образом, аргумент разоблачения разоблачает сам иллюзионизм.

Литература

1. Dennett D. C. Quining qualia //Consciousness in modern science. Oxford University Press, 1988
2. Dennett D. C. Illusionism as the obvious default theory of consciousness //Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23. №. 11-12. С. 65-72.
3. Dennett D. C. Welcome to strong illusionism //Journal of Consciousness Studies. 2019. Vol. 26. №. 9-10. С. 48-58.
4. Chalmers D. Debunking arguments for illusionism about consciousness //Journal of Consciousness Studies. 2020. Vol. 27. №. 5-6. С. 258-281.
5. Frankish K. Quining diet qualia //Consciousness and Cognition. 2012. Vol. 21. №. 2. С. 667-676.
6. Frankish K. Illusionism as a theory of consciousness //Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23. №. 11-12. С. 11-39
7. Nida-Rümelin M. The illusion of illusionism //Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23. №.11-12. С. 160-171.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТОЖДЕСТВА ЛИЧНОСТИ В ВОПРОСЕ О МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ*

А.В. Мерцалов

Редактор

Московский центр исследования сознания при философском факультете

МГУ имени М.В.Ломоносова,

E-mail: a.mertsalov@hardproblem.ru

В работе рассматриваются перспективы защиты стандартной психологической теории тождества личности от ряда случаев, традиционно считающихся для неё проблематичными, в контексте вопроса моральной ответственности: случаи ветвления, слияния, частичной пересадки, копирования, полного или частичного стирания, стремительного и невероятно длительного изменения личности. Отстаивается тезис, что подобного рода случаи разрешимы концептуальными средствами стандартной психологической теории. Демонстрируется, что с учётом трактовки отношения «быть той же самой личностью» как R-отношения, психологическая теория способна объяснить, почему в такого рода случаях соблюдаются или, напротив, нарушаются необходимые условия уместности возложения моральной ответственности, принимаемые во многих стросонианских теориях моральной ответственности, чем и определяется уместность или, напротив, неуместность возложения моральной ответственности в упомянутых случаях.

Ключевые слова: тождество личности, моральная ответственность, психологическая теория, R-отношение, психологическая связность, моральная агентность, агентность действия

PROSPECTS OF PSYCHOLOGICAL APPROACH TO PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF MORAL RESPONSIBILITY^{7**}

A.V. Mertsalov

Editor

Moscow Center for Consciousness Studies, Lomonosov Moscow State University

E-mail: a.mertsalov@hardproblem.ru

The paper discusses the prospects for the defense of standard psychological approach to personality identity problem in the context of moral responsibility from a number of cases traditionally considered as problematic for it: cases of fission, fusion, transplantation, duplication, complete or partial erasure, rapid and incredibly long change of a person. Author defends the thesis that such kind of problematic cases can be resolved by conceptual means of the standard psychological approach. If the “relation R” is to be considered as an equivalent to the relation “to be the same person”, then the psychological approach is able to explain the appropriateness or inappropriateness of the reactive attitudes in the mentioned cases by explaining why and how the necessary conditions of the appropriateness of moral responsibility are satisfied or violated.

Keywords: personal identity, moral responsibility, psychological approach, relation R, psychological connectedness, moral agency, agency

Хорошо известен ряд случаев, традиционно считающихся проблематичными для психологической теории тождества личности: ветвления [1, с. 199–201; 2, с. 52–6; 3, с. 76–81; 4, с. 52–3; 5, с. 240–5], слияния и частичной пересадки [1, с. 298–306; 4, с. 65–7], копирования [1, с. 199–201; 4, с. 53–9], полного или частичного стирания [1, с. 231–43; 6], стремительного и невероятно длительного изменения личности [7, с. 65–7; 8; 9] и т.п. Нередко они используются, чтобы показать, что психологическая теория ведёт к парадоксам возложения моральной ответственности (далее — МО). Я полагаю, однако, что эти случаи не столь проблемны, как порой считается, и что стандартная

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10044, <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>

** The present study has been conducted with the financial support from the Russian Science Foundation, Project 21-78-10044, <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>.

психологическая теория обладает всеми концептуальными средствами для их решения. В данной работе я кратко обсужу их.

Стандартным для психологической теории является разведение нумерического тождества, R-отношения, отношения психологической непрерывности (*continuity*) и психологической связности (*connectedness*) [1, с. 204–9; 10; 11]. Нередко источником затруднений служит трактовка отношения «быть той же самой личностью» как нумерического тождества, но сторонники психологического подхода не обязаны с ней соглашаться. Они могут утверждать, что «быть той же самой личностью» значит «быть связанной R-отношением». Нумерическое тождество личности является подтипом R-отношения: это неразветвлённое R-отношение. Можно настаивать, что условие неразветвлённости является исключительно внешним [4, с. 59–62] и не имеет значения для сохранения личности «той же самой» [1, с. 261–6; 7, с. 56; 12], а потому центральная роль должна отводиться именно R-отношению. Оно определяется [13; 14; 1, с. 204–9; 11] через психологическую непрерывность с «правильным» типом причины; психологическая непрерывность — через наличие пересекающихся цепочек сильной психологической связности; а психологическая связность понимается как непосредственное сохранение психологических элементов — черт характера, убеждений, воспоминаний и т.п. — степень которой будет достаточной для психологической непрерывности, «если количество прямых [психологических] связей изо дня в день будет составлять *по крайней мере половину* того количества связей, которые изо дня в день имеются в жизни практически каждой реальной личности» [1, с. 206].

При рассмотрении упомянутых случаев в контексте МО было бы неоправданно полагаться *лишь* на моральные интуиции — важно учитывать условия уместности возложения МО. Среди них можно выделить условия моральной агентности и агентности действия, которые признаются необходимыми (хотя и не обязательно достаточными) в большинстве (страсбургских) теорий МО [15; 16]. В различных теориях МО и для разных видов МО эти условия специфицируются по-разному; но во всех них их соблюдение зависит от наличия у личности определённых психологических черт: моральных способностей, конституирующих её статус морального агента — того, кто в принципе способен нести МО, быть полноценным участником моральных отношений и членом морального сообщества; и качества воли — качества характера, суждения или отношения, которые, каузально и содержательно обуславливая действие, определяют статус личности как агента этого действия [17, с. 192–9; 18, с. 208–13; 19; 20; 21]. В общем случае, чтобы возложение МО было уместно (здесь и далее я буду допускать, что иные условия уместности МО соблюдены), личность должна быть моральным агентом и агентом действия, т.е. обладать релевантными моральными способностями и качеством воли, выражаемым в действии [17, с. 192–9; 20, с. 16–9; 21]. Например, в случае МО в смысле приписываемости (*attributability*), характеризующегося аретическими реактивными установками, чтобы действие могло быть корректно атрибутировано личности как агенту этого действия, оно должно *выражать* черту её характера, т.е. быть каузально и содержательно от неё зависимо; а чтобы быть моральным агентом, в минимальном случае личность должна обладать чертами характера и способностью выражать их в действии [20, с. 58–63; 19]. Так, трусливый поступок трусливого Тома может вполне оправданно вызывать насмешки в силу того, что он выражает ту черту характера, которой Том обладает.

Момент совершения действия и момент возложения МО обычно не совпадают (что как раз и поднимает проблему тождества личности в контексте МО). Это не меняет условий уместности, но предполагает, что они должны соблюдаться в оба момента. Для этого 1) личность, на которую возлагается МО за некое действие, должна быть *той же самой*, что и личность, его совершившая; и 2) личность на момент возложения МО должна *сохранять* те же моральные способности и качество воли, которые конституировали её статус морального агента и агента действия в момент его совершения [21; 20]. В терминах психологической теории это означает, что в момент возложения МО личность должна 1) находиться в *R-отношении* с личностью, совершившей действие в прошлом, и 2) быть *психологически связна* с ней по моральным способностям и качеству воли [1, с. 325–6; 21; 22; 23; 24]. Так, если Том совершил свой трусливый поступок *5 лет назад*, насмешка над ним *теперь* будет уместна, только если Том ныне — та же личность, что и Том, совершивший этот поступок, *и* если он остаётся таким же трусливым и способным проявлять свою трусость в действии, что был тогда. Иначе, если за эти годы он утратил статус морального агента (скажем, вследствие приобретённого ментального расстройства) или статус агента того действия (если он более не обладает тем качеством воли, той чертой характера, которая каузально и содержательно связывала его с тем трусливым поступком), насмешка над ним будет неуместной (поскольку возложение МО на того, кто не является моральным агентом или не обладает тем качеством воли, которое одно только и определяет статус агента действия, признаётся неуместным [17, с. 192–9; 20]).

Но если теперь мы рассмотрим «проблемные» для психологической теории случаи, то обнаружим, что в них нарушение условий уместности возложения МО приводит к признанию такого возложения неуместным, и наоборот, их соблюдение (при допущении соблюдения иных условий уместности) обеспечивает уместность возложения МО; и психологическая теория не только не сталкивается с предполагаемыми трудностями, но объясняет, почему в одних ситуациях эти условия нарушаются, а в других соблюдаются: в каждом из них наличие R-отношения и связность по моральным способностям и качеству воли будет обеспечивать соблюдение указанных условий уместности МО, а разрыв одного из этих отношений — нарушение.

Рассмотрим случаи ветвления [2, с. 52–6; 3, с. 76–81]. Том совершил трусливый поступок 5 лет назад, а недавно стал донором полушарий своего мозга вместе со всем их психологическим содержимым для двух реципиентов. Если бы отношение «быть той же личностью» было отношением нумерического тождества, следовало бы сказать, что оно не сохраняется и возложение МО неуместно [4, с. 52–9; 5, с. 243], что явно контринтуитивно, если сопоставлять такую ситуацию с той, в которой выживает только один реципиент [1, с. 254–6]. Но поскольку психологическая теория трактует «быть той же личностью» как R-отношение, эта проблема снимается. Если R-отношение сохраняется между донором и каждым из реципиентов, то оба они в релевантном для МО смысле будут «той же личностью», что и Том [25]. Психологическая теория будет утверждать, что в таком случае уместность возложения МО будет зависеть от сохранения релевантной психологической связности: либо один из реципиентов будет психологически связан с Томом по моральным способностям и качеству воли — и тогда возложение МО на этого реципиента будет уместным; либо такая связность будет нарушена, одно из условий уместности не будет выполняться и возложение МО будет неуместным. Справедливость этого видна в ситуациях, где выживает только один реципиент, что демонстрирует, что «двойной успех» не является «провалом» [1, с. 255–6].

Аналогично в случаях слияния [1, с. 298–306; 5, с. 73–5]. Пусть от трусливого Тома и храброго Джона пересадили по одному из полушарий Нику. Если R-отношение при этом сохраняется, уместность возложения МО за трусливый поступок Тома на Ника будет определяться тем, имеет ли место их связность по моральным способностям и качеству воли: если Нику досталась Томова трусость, условия уместности будут выполняться, но если он будет обладателем храбрости Джона, он будет лишён трусости и насмешка над ним будет неуместна.

Представим случай частичной пересадки [1, с. 298–306; 4, с. 65–7]: храброму Джону взамен его храбрости пересадили Томову трусость, и наоборот. Джон не будет уместным объектом возложения МО за былое трусливое действие Тома, поскольку между ними нет R-отношения; но и Том более не будет таковым вследствие нарушения релевантной связности — он больше не будет агентом того действия, за которое была бы уместной насмешка.

В случаях копирования [1, с. 199–201; 4, с. 53–9], по предположению, соблюдается и R-отношение, и связность по моральным способностям и качеству воли. Но это означает, что возложение МО будет уместно и на оригинал, и на копию (Уокер приходит к тому же выводу, привлекая различие типов и токенов [25, с. 185–9], однако для этого достаточно стандартных средств психологической теории).

Схожие соображения применимы и к случаям полного или частичного стирания, стремительного или невероятно длительного изменения личности и т.п. [1, с. 231–43; 7, с. 65–7; 6; 8; 9]. Сохранение R-отношения и психологической связности по моральным способностям и качеству воли будет обеспечивать уместность возложения МО на итоговую личность за прошлые действия, тогда как нарушение либо R-отношения (предполагаемое при полном стирании и стремительном изменении личности), либо релевантной связности (предполагаемой во всех этих случаях) будет означать неуместность возложения МО.

Та же схема применима не только для приписываемости, но и для иных видов МО — отличие будет состоять лишь в более насыщенной трактовке моральных способностей и качества воли, конституирующих моральную агентность и агентность действия [19; 20].

Разумеется, предложенная схема не является панацеей. Она не спасает от случаев, проблематизирующих связность, сохранение психологических черт личности «теми же самими». По-видимому, для их решения психологическая теория нуждается в дополнении. И тем не менее для многих случаев, считающихся проблематичными, стандартных средств психологической теории оказывается достаточно.

Литература

1. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Clarendon Press, 1987.
2. Wiggins D. *Identity and Spatio-Temporal Continuity*. Oxford: Blackwell, 1967.
3. Williams B.A.O. *Problems of the Self*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
4. Kind A. *Persons and Personal Identity*. Maiden: Polity Press, 2015.
5. Волков Д.Б. Свобода воли. Иллюзия или возможность. М.: Карьера Пресс, 2018.
6. Кузнецов А.В. Случай Сайфера и проблема тождества личности // Финиковый Компот. 2018. № 13. С. 60–65.
7. Lewis D. *Survival and Identity // Philosophical Papers*. Vol. 1. New York: Oxford University Press, 1983. P. 55–72.
8. Кэмпбелл С. Стремительное психологическое изменение // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 3. С. 95–100.
9. Нехаев А. В. Перегрузка личности и выживание // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 3. С. 101–108.
10. Олсон Э.Т. Тождество личности // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. 2018. URL: <http://philosophy.ru/identity-personal/>.
11. Shoemaker D. *Personal Identity and Ethics*. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2021 Edition). Ed. E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/identity-ethics/>.
12. Shoemaker D. *Responsibility Without Identity // The Harvard Review of Philosophy*. 2012. Vol.18, №1. P. 109–32.
13. Perry J. *The Importance of Being Identical*. In: *The Identities of Persons*. Ed. A.O. Rorty. University of California Press. 1976. P. 67–90.
14. Shoemaker S. *Persons and their pasts // American Philosophical Quarterly*. 1970. Vol. 7. №4. P. 269–285.
15. Ананьев Д.А. Понятие и концепции моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 101–7.
16. Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100.
17. Strawson P.F. *Freedom and Resentment // Proceedings of the British Academy*. 1962. №48. P. 187–211. URL: <https://hardproblem.ru/posts/knigi/pervoe-izdanie-stati-p-strosona-freedom-and-resentment/>.
18. Стросон П.Ф. Свобода и обида // Финиковый Компот. 2020. №15. С. 204–221.
19. Watson G. *Two Faces of Responsibility // Philosophical Topics*. 1996. Vol. 24, № 2. P. 227–248.
20. Shoemaker D. *Responsibility From the Margins*. NY: Oxford University Press, 2015.
21. Мерцалов А.В. Агентность, тождество личности и моральная ответственность // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия (в печати).
22. Houry A. *Synchronic and Diachronic Responsibility // Philosophical Studies*. 2013. №165. P. 735–52
23. Matheson B. *Compatibilism and Personal Identity // Philosophical Studies*. 2014. №170. P. 317–34
24. Houry A., Matheson B. *Is Blameworthiness Forever? // Journal of the American Philosophical Association*. 2018. Vol.4. №2. P. 204–24.
25. Walker M. *Branching Is Not a Bug; It's a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility // Philosophy and Technology*. 2020. Vol. 33. № 2. P. 173–190.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ПУТЕЙ К ИЗУЧЕНИЮ СОЗНАНИЯ

А.И. Мусс

Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: albertwanderer@gmail.com

Данный текст раскрывает возможности и ограничения теорий сознания, опирающихся на философский натурализм, радикальный когнитивизм и философию здравого смысла. Важно подчеркнуть, что, прежде всего, эти теории позволили поставить многие важные вопросы, в том числе, вопрос об агенте субъективного опыта, о функциях

сознания и способах его описания. При этом эти теории продолжают развиваться в рамках сложившегося дискурса разграничения ментального и физического, пытаюсь привести философское исследование к уже принятому за аксиому результату, полученному в естественных науках. Этим подходам противопоставляется проект континентальной философии сознания, отличающейся от феноменологии объектом исследования. Континентальная философия сознания, таким образом, может расширить наши знания о сознании через обращение к истории развития изучаемой проблемы, а также через экспликацию и сопоставление исходных допущений. В результате выдвигается предположение, что путь к решению проблемы сознания может лежать не в апологетике существующих знаний, а в их критическом исследовании.

Ключевые слова: философия сознания, психофизическая проблема, трудная проблема сознания, философский натурализм, радикальный когнитивизм, философия здравого смысла, феноменология

AT THE CROSSROADS OF THE STUDY OF CONSCIOUSNESS

A.I. Muss

CSc in Philosophy, Senior Lecturer of Department of General Psychology

St.-Petersburg State University

E-mail: albertwanderer@gmail.com

This text reveals the opportunities and limits of the theories of consciousness based on philosophical naturalism, radical cognitivism, and the philosophy of common sense. These theories raise several important questions, including the problem of the agent of subjective experience, functions of mind, and the ways to describe these concepts. However, these theories use the existing naturalistic discourse and bring philosophical research to a certain expected result. In contrast to these approaches, there is the project of a continental philosophy of consciousness that is opposite to phenomenology in the research object. The continental philosophy of mind can expand our knowledge by studying the historical development of the mind-body problem, and comparing basic assumptions of the different approaches. As a result, this comparison shows that the solution of the mind-body problem needs not the apologetics of existing knowledge, but its critical revision.

Keywords: Philosophy of Mind, Mind-Body Problem, the Hard Problem of Consciousness, Philosophical Naturalism, Radical Cognitivism, Philosophy of Common Sense, Phenomenology

В настоящий момент в отношении исследований сознания можно выделить, как минимум, две тенденции. Согласно одной из них, путь к решению фундаментальной проблемы сознания в виде и психофизической проблемы, и трудной проблемы сознания лежит исключительно в поле нейрокогнитивных исследований, в рамках которых корректная постановка вопроса вместе с методами исследования отдельных нейронов, нейровизуализации и математического моделирования позволит получить работающее решение [1].

С другой стороны, существуют исследователи, проблематизировавшие само понятие сознания, и показавшие невозможность сопоставления через существующие теории и подходы индивидуального субъективного опыта и мозговых процессов [2], которые поставили вопрос о том, что приводит исследователя сознания к проблематизации сознания [3]. То есть, проблематизация изучения сознания приводит, в том числе к вопросу о том, почему такая проблема возникает в разуме исследователя. Оба пути предполагают, как минимум, возможность серьезного прояснения рассматриваемой проблемы, более того, исходная точка отсчета в исследованиях сознания — субъективный опыт человека не только не исключается из рассмотрения, но его онтологический статус не оспаривается, а сам такой опыт служит источником данных и гипотез для исследований.

Поскольку к настоящему моменту данные подходы только начинают реализовываться, в рамках данного текста я хотел бы обратиться к возможностям и ограничениям рассматриваемых подходов и их философских оснований, а также сравнить их с теми, которые опираются, прежде всего, на иной набор исходных допущений и понятий, поскольку, в виду многоаспектности проблемы сознания, развитие ее изучения видится мне в постоянном диалоге между различными концепциями, теориями, подходами, направлениями и философскими традициями [4]. Более того, в соответствии с ограничениями указанных подходов, мне хотелось бы обсудить другие возможные альтернативы.

Наиболее актуальной по времени теорией сознания в отношении процесса ее активной разработки и даты публикации является, по-видимому, теория сознания как нейронной гиперсети — когнитивиста К.В. Анохина [1, с. 65–66], которая опирается на диалектический материализм, биологию [1, с. 54], а также на теоретические и экспериментальные разработки школы системной психофизиологии П.К. Анохина и В.Б. Швыркова [1, с. 65-66]. В рамках этой теории в качестве критериев ее качества ставятся вопросы об устройстве, функции, содержании, времени возникновения, специфичности сознания, а также о связи сознания с процессами эволюции, развития и обучения [1, с. 52].

Такой подход имеет несомненные преимущества — автор отходит от традиционного для физиологии решения проблемы гомункула, фактически — агента субъективного опыта, и делает эту проблему одним из центральных вопросов своей теории [1, с. 61-63]. Также автор прямо обращает внимание и на место теории познания в исследованиях сознания [1, с. 48-50], и косвенно указывает на существенность изменений научной терминологии в процессе исторического развития [1, с. 42]. Однако на данный момент конечное решение, где строение сознания, в том числе, не только как субъективного опыта, но как действующего начала, определяется сложностью связей между звеньями нейронной сети — роль которых на верхнем уровне выполняют другие сети, а на нижних — отдельные нейроны, отвечающие за целостные образы удивительным образом сходно с идеями основателя физиологической психологии В. Вундта, для которого психика также являлась структурой, функционирование которой опирается на взаимодействие различных отвечающих за единицы субъективного опыта элементов [5]. Кроме того, представленное автором сопоставление теорий и характеристик сознания [1, с. 44], требует, как минимум, критического рассмотрения теорий и их оснований, знакомых специалисту-гуманитарии, например, в форме критики источников. При таком подходе к терминологии сложно ожидать, что в изящной структуре гиперсетей получится увидеть привычные нам разум и психику. Более того, подобный анализ не сравнивает также и оснований данной новой теории с предшествующими, которые автор рассматривает в качестве не удовлетворяющих всем установленным критериям теории сознания [1, с. 39].

Интересно, что на необходимость такого сопоставления косвенно указывает другой представитель отечественной когнитивной науки — В.М. Аллахвердов. В рамках своей теории сознания, опирающейся на методологию науки, формальную логику и психологию, он предлагает, альтернативу определению функции сознания и психики согласно натуралистическим подходам — познание вместо адаптации, а также выводит ряд проблем, на которые, на его взгляд должна отвечать теория сознания: вопрос о возникновении сознания, вопрос о возникновении в сознании нового знания, а также вопрос об активности сознания [6]. Не давая окончательного ответа о возникновении сознания, автор говорит об объекте своего изучения как о механизме проверки гипотез и одновременно как о «генеральном менеджере» психики (в более поздних работах). Также автор выводит способность сознания познавать через независимую проверку гипотез различными способами, а свободное действие как выбор в результате проверки гипотезы о своей свободе действия, выполнение которого не будет иметь однозначной причины [6].

Важно отметить, что достижения Виктора Михайловича и сильная сторона его теории заключается не только в проблематизации существующих подходов, создании теории сознания на собственных основаниях, альтернативных наиболее популярным сейчас натуралистическим концепциям, в постоянном развитии содержания данной теории и эмпирической базы, но также и в ее эвристической ценности, поскольку на фоне ее развития начинали свой научный путь многие исследователи-когнитивисты, в настоящий момент работающие по всему миру. Однако оригинальность и незаконченность данной теории часто препятствует ее пониманию и более широкому обсуждению в академической среде [7], поэтому вопрос сопоставления данного подхода с другими, альтернативными ему и сопоставимыми по уровню обобщения остается открытым. А опора на логику в качестве основания психологического знания, возвращает из прошлого вопросы организации философского познания XIX века.

Одним из авторов, работающих в настоящее время с проблемой сознания в рамках философии, является В.В. Васильев [8]. Его подход, опирающийся на аналитическую философию, философию здравого смысла, связывает изучение сознания и его проблематику с исследованием базовых онтологических установок, исследуя с помощью концептуального анализа наш способ рассуждений о нем. В результате он ставит вопросы о физической природе сознания, о возможности порождения сознания мозгом и механизмах этого порождения, о супервентности сознания на мозге, о каузальности сознания по отношению к себе и к поведению, а также вопрос о причинах сопровождения работы мозга функционированием сознания [8, с. 153].

Этот подход не только ставит ряд вопросов о сознании, но оценивает, в какой мере на указанные вопросы возможен обоснованный ответ, что дают данные ответы, а также то, как они соотносятся с другими теориями и концепциями сознания, возвращая нас от многообразия возможных и представимых миров к тому, что существует здесь и сейчас, в том числе, в виде нашего здравого смысла. Кроме того, автор показывает, насколько вопрос о своеобразии субъективного опыта оказывается связан с существованием такого опыта вне его осознания. С другой стороны, такой подход, поскольку он опирается на аналитическую философию, может быть ограничен в отношении неоднозначного словоупотребления и различий в контекстах. Более того, задача примирения здравого смысла и натурализма также является сведением рассматриваемой проблемы к набору готовых ответов, в отличие, например, от континентальной философии, основанной прежде всего, на порождении новых концептов [9].

Как можно видеть, рассмотренные выше подходы видят решение проблемы сознания в решении важных вопросов, более того, эти подходы, несмотря на схожую терминологию, опираются на теории и методы разных наук. Поэтому имеет смысл сопоставлять не только конкретные тезисы, но и те исходные допущения, на которые опираются их авторы.

Выявление и сопоставление таких исходных допущений, определение их места и контекста в истории развития изучаемой проблематики может стать основой для альтернативного подхода, который может быть противопоставлен апологии актуальных представлений как в форме здравого смысла, так и в форме научных знаний как устоявшихся истин.

При этом, если принять скептическую позицию по отношению к существующим теориям и отделяем на этом этапе наши знания от того, чем может быть сознание, для обоснования мы сможем опираться только на свой индивидуальный субъективный опыт, что возвращает нас к проблематике опытного и внеопытного в рамках трансцендентальной философии [10].

В качестве иллюстрации применения такого подхода взять вопрос о функциях сознания, поднимаемый в той или иной форме всеми рассмотренными выше авторами. Исходя из представленного выше, можно увидеть, что определение функций сознания связано с допущением о биологическом значении сознания или, напротив, с допущением о его отсутствии. Здесь мы имеем дело именно с допущениями, поскольку у нас нет возможности сопоставить функции, которые предлагают нам указанные подходы, с чем-то, что может быть представлено непосредственно в нашем индивидуальном субъективном опыте.

И это заставляет обратить внимание не на физиологию и методологию, но на трансцендентальную философию и феноменологию, тем более, что, взятые отдельно и вне последствий лингвистического и антропологического поворота, эти подходы оказываются серьезно ограничены с точки зрения самой возможности познания [10] и отказа от исследования разума [11] соответственно.

Таким образом, в рамках настоящего текста вместе с возможностями и ограничениями трех актуальных подходов к изучению сознания был представлен начальный набросок иного маршрута, возможности и ограничения которого еще предстоит оценить.

Литература

1. Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности, 2021, Т. 71, № 1, С. 39–71.
2. Мусс А.И. Концепт сознания как проблемное поле современной философии // Вопросы философии, 2021, № 2, С. 100–106.
3. Wundt W. Grundzuge der physiologischen Psychologie. Verlag von Wilhelm Engelmann, 1874.
4. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Издательство «Речь», 2003.
5. Аллахвердов В.М. Тернистый путь к сознанию (Ответ на «критический разбор» Д.И. Дубровского) // Вопросы философии, 2020, № 7, С. 68–77.
6. Васильев В.В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: УРСС, 2014.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. СПб.: Алетейя, 1998.
8. Brentano F. Psychologie vom Empirischen Standpunkt. Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1874.
9. Chalmers D.J. Idealism and the Mind-Body Problem // The Routledge Handbook of Panpsychism / ed. W. Seager. New York: Routledge, 2019. P. 353-373.
10. Chalmers D.J. The Meta-Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2018. Vol. 25. № 9–10. pp. 6–61.

НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ ДЭВИДА АРМСТРОНГА

T.N. Tarasenko

Аспирант кафедры истории зарубежной философии философского факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: tarasenko.tn.msu@gmail.com

Данная работа посвящена теории сознания Дэвида Армстронга. Вначале кратко изложены онтологические доктрины, фундирующие и ограничивающие метафизические построения Армстронга. Они сами также могут рассматриваться как основания в пользу его теории сознания. Затем, в основной части статьи, описывается сама эта теория, являющаяся представителем теорий тождества, а именно теорией каузальной роли. Раскрывается, какое именно тождество она предполагает, рассматривается обосновывающая эту теорию двухступенчатая аргументация Армстронга. После чего приводятся возражения Майкла Левина, угрожающие конкретно теории Армстронга, и Сола Крипке, опасные для любой теории тождества. Рассматриваются ответы, которые на них даёт Армстронг. Раскрываются основания отказа Армстронга от типовой теории тождества. В заключение приводится попытка альтернативной защиты идей Армстронга.

Ключевые слова: Армстронг, метафизика, сознание, теория тождества, теория каузальной роли, дуализм, тождество

SOME DIFFICULTIES IN DAVID ARMSTRONG'S THEORY OF MIND

T.N. Tarasenko

Postgraduate student of the Department of Foreign Philosophy

Lomonosov Moscow State University

E-mail: tarasenko.tn.msu@gmail.com

This paper is focused on David Armstrong's theory of mind. It begins by briefly outlining the ontological doctrines that fund and limit Armstrong's metaphysical constructions. They themselves can also be seen as grounds in favor of his theory of mind. Then, in the main part of the article, this theory itself is described, which is representative of identity theories, namely the causal role theory. Then I reveal what kind of identity Armstrong assumes, and consider Armstrong's two-step argumentation that substantiates this theory. This is followed by the objections of Michael Levine, which threaten Armstrong's theory specifically, and of Saul Kripke, which are dangerous to any identity theory. The answers Armstrong gives to them are considered. The reasons for Armstrong's rejection of the type identity theory are disclosed. Finally, an alternative defense of Armstrong's ideas is attempted.

Keywords: Armstrong, metaphysics, mind, consciousness, identity theory, causal role theory, dualism, identity

Три онтологические доктрины.

Метафизический проект Армстронга по-настоящему огромен, он охватывает едва ли не всё поле современной аналитической метафизики, в него включено обсуждение свойств, отношений, универсалий, причинности, законов природы, статуса абстрактных объектов, восприятия, истины, модальности, сознания и это всё ещё вряд ли можно считать полным списком проблем, рассматриваемых Армстронгом. При этом метафизика Армстронга является систематической, то есть его философские построения достаточно тесно переплетены и поддерживают друг друга. В данной работе, армстронговская теория сознания будет представлена практически автономно, но важно понимать, что в действительности она также подкреплена многими другими его идеями.

Некоторые предварительные разъяснения привести всё же необходимо, а именно указать, три онтологические доктрины, фундирующие и, одновременно, ограничивающие метафизические

построения Армстронга. Во-первых, его проект является разновидностью онтологии фактов или фактуализма. Он предполагает, что мир (всё, что существует) – это некоторое множество положений дел. Ярким образчиком фактуализма является проект Витгенштейна, представленный в логико-философском трактате. Положения дел Армстронга и факты Витгенштейна – это практически одно и то же. Во-вторых, Армстронг придерживается натурализма, который он понимает как тезис о том, что мир есть не что иное, как пространственно-временная система, ничего дополнительного в мире нет. Нетрудно понять, что для Армстронга система пространства-времени тождественна множеству всех положений дел. В-третьих, его проект удовлетворяет тезису физикализма, утверждающему, что единственными объектами, которые содержит система пространства-времени, являются физические сущности, управляемые ничем иным, как законами физики [1, с. 1-10]. Также значимым для понимания идей Армстронга является тот факт, что огромное количество вопросов он отдаёт на откуп идеальной науке будущего, многие фундаментальные истины, в том числе необходимые, должны быть открыты апостериорно. Таков фундамент метафизики Армстронга.

Это должно помочь вам понять, в какую рамку помещена теория сознания Армстронга, кроме того, если эти идеи кажутся вам привлекательным, то вы можете принять это как дополнительное основание в пользу её серьёзного рассмотрения.

Теория каузальной роли.

В юности Армстронг был сторонником теории сознания Гилберта Райла, но его всегда беспокоило отсутствие достаточного внимания к интроспекции, поэтому после знакомства с идеями Джека Смарта он отказался от райловского подхода и стал сторонником теории тождества [2, с. 105]. Чему же тождественно сознание, согласно Армстронгу? В первом приближении, грубо говоря, сознание тождественно мозгу. Иногда Армстронг прямо так и пишет [2, с. 105]. Но это, конечно, упрощение, поскольку в наших ментальных состояниях участвует не только мозг, точнее будет сказать, что сознание тождественно центральной нервной системе [3, с. 78-79]. Ещё точнее, ментальные *состояния* тождественны *состояниям* центральной нервной системы [3, 90].

Это не все уточнения, которые нужно сделать, но я вернусь к этому чуть ниже, сначала стоит ответить на вопрос, почему вообще мы могли бы всерьёз отнестись к такому отождествлению. Кажется, у нас есть убедительные интроспективные свидетельства, что сознание – это никоим образом не мозг: когда мы рассматриваем собственное сознание, буквально ничто не указывает, что наши ментальные состояния – это состояния мозга. Армстронг отвечает на это в остроумной манере, прибегая к иллюзионистской метафоре. Он предлагает рассмотреть иллюзию «обезглавленной женщины» [4]. Она заключается в следующем: девушка располагается на полностью чёрном фоне, при этом её голова скрывается за таким же чёрным материалом, из-за чего создаётся иллюзия, будто она лишена головы. Глядя на такое зрелище, мы будем склонны считать, что перед нами обезглавленная женщина, хотя это и не так, пока нам не раскроют трюк, либо она не выдаст себя как-то иначе. Но что не менее важно, даже когда мы узнаем правду, иллюзия не исчезнет, нам всё ещё будет казаться, что у женщины нет головы, хотя мы и будем знать, что дело обстоит иначе. По мнению Армстронга, таким образом мы получаем решение сразу двух проблем, во-первых, становится ясно, что из того, что мы не способны что-то заметить или распознать не следует, что это не так. Во-вторых, даже если указать нам, как дело обстоит на самом деле, наше восприятие может остаться прежним, ошибочным, что объясняет, почему интроспективные свидетельства не теряют своей убедительности.

Теория сознания Армстронга также является каузальной теорией, что возвращает нас к вопросу о тождестве. Совсем точно, Армстронг утверждает, что «ментальные состояния – это состояния человека, определяемые исключительно в терминах каузальных отношений», и эту же самую каузальную роль играют, как нам кажется в связи с современным состоянием науки, состояния центральной нервной системы. Именно на этом основании мы должны их отождествить.

Его аргументация, таким образом, состоит из двух уровней:

1. Концептуальный анализ различных видов ментальных понятий, включая их взаимосвязь, в результате которого получается тематически нейтральный отчёт, в котором ментальные процессы и состояния определяются с точки зрения их каузальной роли.

2. Контингентное отождествление этих процессов и состояний с процессами и состояниями в центральной нервной системе. Эта гипотеза отстаивается как наилучшая из имеющихся гипотез, учитывая научные данные. [5, с. 87]

В отношении первого уровня существует возражение Майкла Левина, который указывает, что, весьма вероятно, здесь мы сталкиваемся только с определёнными дескрипциями, которые

не открывают нам концептуальных истин в отношении ментальных процессов и состояний [6]. Армстронг готов согласиться, что если возражение Левина проходит, то каузальная теория из концептуальной становится эмпирической, и, как кажется, его самого это особенно не тревожит, так как она всё ещё может быть принята, но в новом логическом статусе [5, с. 88]. Но, строго говоря, стороннику Армстронга просто необходимо предложить защиту от этого замечания, потому что если мы теряем концептуальный статус теории, то открываемся дуализму свойств и угрозе эпифеноменализма, которой Армстронг пытается избежать.

На втором уровне мы можем с крипкианских позиций атаковать *контингентное* тождество [7]. Ответ Армстронга представляется мне весьма неочевидным: он замечает, что аргумент Крипке работает только с жёсткими десигнаторами, в то время как в случае каузальной теории, когда ментальное состояние отождествляется с физическими, физическое описание является нежёстким десигнатором этого состояния [3, с. xiv]. У меня нет уверенности, что этот ответ можно признать удовлетворительным. Но кроме этого, критика Крипке заставляет Армстронга отказаться от идеи типового тождества и занять позицию тождества токенов [3, с. xv]. Это важный переход, так как каузальная теория в своём ядре *кажется* функционалистской, а тезис о том, что функциональное состояние может быть реализовано совершенно разными состояниями центральной нервной системы и даже совершенно иными физическими системами представляется верным. Так что для Армстронга верным будет утверждение, что моё ментальное состояние M в момент времени t_0 тождественно состоянию P моей центральной нервной системы в момент времени t_0 , но одновременно неверно, что моё ментальное состояние M в момент времени t_0 могло бы быть тождественно ментальному состоянию M любой другой физической системы в t_x .

Альтернативная защита теории Армстронга.

Можно предложить альтернативную защиту каузальной теории Армстронга, не дополняя и не расширяя её. Первое, что стоит заметить – каузальная теория, на самом деле, не влечёт функционализм. Правдоподобным кажется утверждение, что любые одинаковые функции, могут быть реализованы разными каузальными схемами, во всяком случае, я не представляю, как можно было бы показать обратное (вероятно, можно постараться указать на физические и темпоральные ограничения, но они будут только номическими.) Из этого следует, что если мы принимаем тождество на основании совпадения каузальных ролей, мы не обязаны также придерживаться позиции, что идентичная функциональная организация должна давать нам совпадающие ментальные состояния. Но если мы требуем идентичной каузальной схемы, то при определённой детализации, мы с необходимостью получим центральную нервную систему. Таким образом, мы можем отказаться от контингентного тождества, при этом мы остаёмся с тождеством токенов, только теперь мы более строго переопределили их, функционализм нам всё также доступен на уровне типов, так как функции супервентны на каузальных схемах (это также можно попытаться оспорить, но мне совершенно не ясно, каким образом.) Также мы можем признать, что каузальная схема при должном уровне детализации является жёстким десигнатором, что избавляет нас и от возражения Левина.

Сам Армстронг, вероятно, не смог бы согласиться с таким прочтением его идей, так как в его представлении правдоподобная теория сознания должна оставлять открытой логическую возможность внетелесного существования, то есть согласовываться с аргументом представимости Декарта [8], именно поэтому он говорит о только лишь контингентном тождестве [9, с. 141]. Но, как мне представляется, попытка согласовать свою теорию с любым дуалистическим аргументом представимости неизбежно на концептуальном уровне приведёт нас к дуализму. Последовательный физикалист здесь должен предложить опровержение, а не попытаться удержать дуалистические интуиции.

Из всего вышесказанного можно сделать два основных заключения: во-первых, теория Армстронга до некоторой степени остаётся открыта для дуалистического прочтения. Во-вторых, наибольшие концептуальные трудности для теорий тождества сознания и тела, по всей видимости, представляет даже не вопрос конкретного отождествления, а, как это ни удивительно, само понятие тождества.

Литература

1. *Armstrong D.M.* A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 300 p.
2. *Armstrong D.M.* Sketch for a Systematic Metaphysics. Oxford University Press, 2010. 125 p.

3. *Armstrong D.M.* A Materialist Theory of the Mind. London: Routledge, 1968. 400 p.
4. *Armstrong D.M.* The Headless Woman Illusion and the Defence of Materialism. *Analysis*. 29. Pp. 48–49.
5. *Armstrong D.M.* The Mind-Body Problem: An Opinionated Introduction. Oxford, 1999. 170 p.
6. *Levin M. E.* Metaphysics and the Mind-Body Problem. Oxford: Clarendon Pres, 1979. 278 p.
7. *Kripke S.A.* Identity and necessity. In Milton Karl Munitz (ed.), *Identity and Individuation*. New York University Press, 1971. Pp. 135-164.
8. *Декарт П.* Рассуждение о методе с приложениями. Диоптрика, метеоры, геометрия. М.: АН СССР, 1953. 273 с.
9. *Mumford S.* David Armstrong, Acumen Publishing, 2007. 224 p.

О ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ И МАТЕРИАЛЬНОМ СУБСТРАТЕ ПСИХИКИ ПРОСТЕЙШИХ

И.Н. Ткаченко

Независимый исследователь

E-mail: intka-o@mail.ru

Психические проявления обнаруживаются у простейших, у которых соответствующие им материальные структуры и функции должны иметь значительно более простое строение, чем даже нервная система низших беспозвоночных. Как связан вопрос о соотношении психического и физического со сложностью организации в таком случае? Концепция панпсихизма относит психические проявления к фундаментальным свойствам материи, но предлагаемое ей решение психофизической проблемы не представляется удовлетворительным. Какой должен быть нейроморфофизиологический уровень сложности для появления сознания как высшей формы психики? Рассматриваемый вопрос имеет непосредственное отношение к моделированию различных психических процессов.

Ключевые слова: философия сознания, психофизическая проблема, поведение простейших, эволюционная психология, панпсихизм, моделирование психических функций

ABOUT THE PSYCHOPHYSICAL PROBLEM AND THE MATERIAL SUBSTRATE OF THE PSYCHE OF PROTOZOA

I.N. Tkachenko

Independent investigator

E-mail: intka-o@mail.ru

The psychic manifestations are found in protozoa, whose corresponding material structures and functions should have a much simpler structure than even the nervous system of low invertebrates. How is the question of the relationship between mental and physical related to the complexity of the organization in this case? The conception of panpsychism refers mental manifestations to the fundamental properties of matter, but the proposed solution to the psychophysical problem does not seem satisfactory. What should be the neuromorphophysiological level of complexity for the emergence of consciousness as the highest form of the psyche? The issue under consideration is directly related to the modeling of mental processes.

Keywords: philosophy of consciousness, psychophysical problem, behaviour of protozoa, evolutionary psychology, panpsychism, modeling of psychic functions

Нервная система обычно рассматривается в качестве биологической основы психических явлений, хотя простейшие тоже обладают своей психикой, не имея никаких образований, хотя бы в отдаленной степени ее напоминающих. Мы можем говорить только о некотором аналоге нервной системы, причем саркодовые и инфузории должны обладать совершенно разными структурами для выполнения ее функций. Эти структуры и их функции до сих пор остаются недостаточно изученными, в особенности, у амебодных, не имеющих постоянной формы тела. В настоящее время об этом

аналоге нервной системы мы знаем не больше, чем знали о ней самой до появления в конце XIX века нейронной теории, в соответствии с которой ее основной структурно-функциональной единицей является нейрон.

Конечно, можно говорить только о протопсихике простейших, но тогда необходимо определить, что такое протопсихика и чем именно она отличается от психики. Для эволюционной психологии несравненно больший интерес представляет вопрос, имеет ли психика простейших и многоклеточных животных общее происхождение или является результатом конвергентного развития. Предки современных простейших должны были иметь более примитивное строение. Можно ли сказать, что с морфофизиологической точки зрения логичнее считать, что возникновение психики у простейших и многоклеточных является именно следствием конвергенции? Возникновение психики представляется тогда более закономерным процессом, чем в случае общего происхождения. Альтернативной гипотезой может быть появление психики у прокариотов или крайне примитивных первых эукариотов.

Мы предполагаем, что психические проявления имеются у эукариотов, но некоторые виды бактерий, прокариотов, по своему поведению напоминают простейших, поскольку у них наблюдаются такие же таксисы. Колониальные бактерии способны образовывать еще очень сложные структуры, как и некоторые виды колониальных инфузорий, ведущих неподвижный образ жизни. Элементы сходства обнаруживаются и на физиологическом уровне. Распространение возбуждения внутри клетки у бактерий происходит как и у простейших по специальным каналам посредством обмена ионами Ca^{+} и K^{+} с внешней средой – аналога натрий-калиевого насоса нервной системы многоклеточных (1). С другой стороны, некоторые низшие многоклеточные, пластинчатые, не имеющие отчетливой дифференциации тканей, обходятся без нервной системы (2), как и губки, у которых не выявлено даже специальных чувствительных клеток.

До какого принципиально возможного уровня могла бы развиваться психика простейших в отсутствие нервной системы? Размеры тела в данном случае не имеют существенного значения. Некоторые виды инфузорий крупнее коловраток, имеющих уже ганглии, и сравнимы с пресноводной гидрой. Коловратки имеют относительно примитивное строение, но мельчайшие насекомые, например, мегафрагмы (осы!) схожи с ними по размерам и обладают редуцированной, но все же достаточно сложной нервной системой (3, 4). Тем не менее, какие ограничения должны существовать, поскольку за долгий путь эволюции простейшие не добились существенного успеха в психическом отношении. Возможно, большее значение имеет не размерность, а дифференциация органов или органелл, которая у простейших не могла получить необходимого развития в пределах одной клетки.

Нервная система почти всех многоклеточных имеет более или менее выраженное разделение на центральную и периферическую части. Однако у многоклеточных, не имеющих такого разделения, как у пресноводной гидры, психические проявления, например, выработка условных рефлексов, связаны если не с нервной системой в целом, то с ее отдельными слабо дифференцированными подсистемами. Иначе говоря, психика должна быть «распределена» по всей нервной системе, имеющей сетчатое строение, по крайней мере, по ее отдельным подсетям. Это не так просто представить. Это все равно как бы наша автономная нервная система, регулирующая перистальтические сокращения кишечника, имеющая также сетчатое строение, заявила о своих психических претензиях.

На первый взгляд, наш вопрос больше относится не к психофизической, а к психофизиологической проблеме, поскольку, независимо от материального субстрата, вопрос о соотношении психического и физического сохраняет свое значение. Однако морфологические аналоги простейших, должны иметь значительно более простое строение, чем даже нервная система низших беспозвоночных. Более того, оказывается, что появление психики в эволюции вообще не связано со сложностью строения и функционирования нервной системы, поскольку соответствующие морфофункциональные комплексы способны существовать даже на внутриклеточном уровне. Если психика может возникать только на определенном уровне организации материи, но какова должна быть степень этой самой организации? С позиции теории эмергентности вопрос приобретает принципиальное значение.

Если мы говорим о материальном субстрате психических явлений, то должны выделять следующие его компоненты: 1) физическую субстанцию, или «материал», из которого он состоит; 2) структуры, или формы, что она принимает; 3) функции этих структур; и 4) интегративные функции, обеспечивающие взаимодействие организма с окружающей средой. Кроме того, необходимо различать морфофизиологический, психофизиологический и психофизический аспекты данного вопроса. С морфофизиологической точки зрения он ставится чрезвычайно просто: как отдельная клетка, точнее, ее внутриклеточные структуры, способны выполнять функции целой нервной системы

в других случаях? И как таким относительно простым структурам и их функциям, переходя к его психофизиологической стороне, могут соответствовать психические проявления, обычно связанные с целой нервной сетью? Этот вопрос можно поставить и в психофизической форме: как вообще простым физическим структурам и процессам, отвлекаясь от их содержательной стороны, должны соответствовать психические процессы?

Может быть, решение проблемы следует искать на пути изучения подобных элементарных структур и их функций? Нельзя ли здесь найти «место соединения» психического и физического и способ этого соединения? Разумеется, речь не идет о каком аналоге шишковидной железы картезианской психологии, но должен быть некий морфофункциональный опосредующий агент, и с точки зрения теории взаимодействия, даже в современных интеракционистских вариантах, постановка подобного вопроса имеет смысл. Правда, этому мешает именно недостаточность наших знаний об этих структурах и функциях. Как быть с многоклеточными, имеющими относительно простую нервную систему? Нервная система виноградной улитки, бывшей удобным объектом для нейрофизиологических исследований благодаря наличию крупных нейронов, достаточно хорошо изучена, что несколько не продвинуло нас в данном направлении. Мы вряд ли найдем, как психические явления связаны с физическими с помощью инфузории тубельки или виноградной улитки.

Если элементарным психическим процессам соответствуют достаточно простые структуры и функции, то возникает естественный вопрос: не следует ли относить способность к психическим проявлениям к фундаментальным свойствам материи? Иначе говоря, не стоит ли в таком случае отдать предпочтение концепции панпсихизма? Концепции панпсихизма нельзя отказать в определенной последовательности. Правда, панпсихизм в различных его модификациях оставляет в стороне вопрос: если психические переживания, даже в элементарной форме, способны проявляться на атомарном уровне, или хотя бы на уровне «разумного термостата» (5), то зачем тогда нужен сложноорганизованный человеческий мозг? Концепция панпсихизма привлекается для решения психофизической проблемы, но оно не является удовлетворительным (6). Если даже допустить, что материя сама по себе обладает психическими свойствами, то все равно необходимо еще объяснить как физические свойства связаны с психическими. Разве понять, почему атом или термостат обладают некоторыми психосвойствами легче, чем понять почему мозг ими обладает? «Разрыв в объяснении» никоим образом не преодолевается таким способом. Альтернативный подход могла бы представлять концепция спиритуализма, вообще говоря, не пользующаяся в настоящее время особым спросом.

Это отнюдь не единственный и даже не самый провокационный вопрос, возникающий в данной связи. А не представляют ли сама психика по своей природе нечто элементарное, и ничего странного в том, что ей соответствуют элементарные структуры и функции? Еще Г.Т.Фехнер считал, что психические процессы являются значительно более простыми, чем физические, что вполне согласовалось с его панпсихистскими взглядами. Однако морфофункциональные образования простейших элементарны только в сопоставлении с нервной системой многоклеточных животных и несколько не элементарны по сравнению, например, с белковыми структурами или процессами биосинтеза белка с помощью ферментов.

Если элементарным психическим явлениям соответствуют относительно простые структуры и функции, то какая степень организации необходима для возникновения сознания как высшей формы психики? Какой должен быть нижний нейроморфологический и нейрофизиологический предел для появления сознания? Палеоневрологические данные позволяют проследить, как развивался головной мозг в процессе эволюции предков современного человека (7), но они не помогают ответить на вопрос, когда у них появилось сознание, хотя бы потому что его нельзя соотнести с определенными мозговыми структурами. С нейроморфофизиологической точки зрения совершенно не очевидно, что сознание должно было появиться только у человека. Например, насколько необходимо было для этого возникновение третичных ассоциативных зон коры больших полушарий?

Рассматриваемый вопрос имеет непосредственное отношение к моделированию психических процессов. Какой уровень структурно-функциональной сложности необходим для моделирования элементарных и даже не элементарных психических процессов? Действительно ли аргумент сложности имеет такое принципиальное значение? Или все дело не в самой сложности, а в особенностях организации, и какие тогда должны быть эти особенности?

Литература

1. Хаусман К., Хюльсман Н., Радек Р. Протистология. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 495 с.
2. Малахов В.В. Загадочные группы морских беспозвоночных. М.: МГУ, 1990. 144 с.
3. Макарова А.А., Полилов А.А. Особенности строения и ультраструктуры центральной нервной системы мельчайших насекомых. // Материалы международной научной конференции «Фундаментальные проблемы энтомологии в XXI веке». Санкт-Петербург, 16-20 мая 2011 г. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. С. 96.
4. Полилов А.А. Морфологические особенности насекомых, связанные с минитюрризацией. // Вестник МГУ. Сер. 16. Биология. 2015. №3. С. 37-43.
5. Чалмерс Д. Сознательный ум. М.: УРСС: «Либриком». 2013. 512 с.
6. Ткаченко И.Н. Что объясняет панпсихизм? // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентрическом мире». Секции (II). Сборник научных статей. М.: РФО – ИФРАН – МГУ. Издательство «Логос», 2020. С. 2282-2283.
7. Кочеткова В.И. Палеоневрология. М.: МГУ, 1973. 244 с.

РЕЛЯТИВИЗМ И ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ

Е.В. Ускова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии
Уральский гуманитарный институт Уральского Федерального университета им. Б.Н. Ельцина
E-mail: uskova80@mail.ru*

Реализм и релятивизм в философии науки и в философии сознания являются двумя противоположными позициями. Онтологический и гносеологический реализм в отношении сознания приводит нас к проблеме психофизического дуализма, либо к последовательной редукции сознания к мозгу, из которого неминуемо следует необходимость объяснения феноменальной природы сознания и качественной окраски ментальных состояний. Возможным вариантом выхода из этих затруднений, на наш взгляд является гносеологический релятивизм по отношению к сознанию, при этом мы отказываем сознанию в особом онтологическом статусе. Релятивизм такого рода предполагает соотнесение различных описаний сознания (прежде всего от 3-го и от 1-го лица), позволяющих нам принять во внимание как субъективные впечатления, переживания, чувства и т.д., являющиеся сутью сознания как такового, так и «объективную» картину», создаваемую с помощью когнитивных наук. Сознание – это наисложнейший феномен и его объяснение должно учитывать все возможные теории и описания, чтобы попытаться найти решение «трудной проблемы сознания».

Ключевые слова: реализм, релятивизм, сознание, редукция, «разрыв в объяснении», описание от 1-го и от 3-го лица, «трудная проблема сознания»

RALATIVITY AND THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS

Uskova E.V.

*CSc in Psychology, Associate Professor of Department of Personnel Management and Psychology
Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin
E-mail: uskova80@mail.ru*

Realism and relativism in the philosophy of science and in the philosophy of mind are two opposite positions. Ontological and epistemological realism in relation to consciousness leads us to the problem of psychophysical dualism, or to a consistent reduction of consciousness to the brain, from which the need to explain the phenomenal nature of consciousness and the qualitative coloring of mental states inevitably follows. A possible way out of these difficulties, in our opinion, is epistemological relativism in relation to consciousness, while we deny consciousness a special ontological status. Relativism of this kind involves the correlation of various descriptions of consciousness (primarily from the 3rd and from the 1st person), allowing us to take into account

both those subjective impressions, experiences, feelings, etc., which are the essence of consciousness as such, and "objective" picture, created with the help of cognitive science. Consciousness is the most complex phenomenon and its explanation must take into account all its possible theories and descriptions in order to try to find a solution to the "hard problem of consciousness".

Keywords: realism, relativism, consciousness, reduction, "gap in explanation", description from the 1st and 3rd person, "hard problem of consciousness"

Исследование сознания предстаёт как одна из фундаментальных проблем и, вместе с тем, насущных необходимостей, стоящих перед всеми учёными в настоящее время. По отношению к тому, что существует и может быть познано в современном научном поле существует две противоположные позиции: реализм и релятивизм.

Реализм: наука как предприятие, в основе которого – стремление к поиску истины. Онтологический и гносеологический реализм предполагает, что мы познаём мир таким, каков он есть на самом деле, а процесс познания позволяет нам разгадывать загадки об устройстве этого мира. Реализм исходит из материалистической (натуралистической) картины мира, в основе которой лежит редукционизм как познавательная стратегия.

Исходя из этой стратегии осуществляется интеллектуальный поиск и в когнитивных науках, частью которых выступает «философия сознания». «Трудная проблема сознания», сформулированная Д. Чалмерсом, предполагает, в частности и возможность ответа на вопрос о том, как ликвидировать познавательный разрыв между «мозгом» и «сознанием» [1]. Оставаясь в рамках натуралистических теорий сознания, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой психофизического дуализма, потому что выбор в пользу материалистической природы сознания не избавляет нас от необходимости объяснения принципов работы как самого сознания, так и соотношения между мозгом и сознанием [2]. Сознание представляет из себя сложный феномен, удивительные свойства которого не вписываются в «материалистическую» картину: оно не имеет чёткой пространственной локализации, феноменально и придаёт качественную окраску нашим ментальным состояниям [3]. Трактовка сознания как одного из свойств мозга позволяет нам остаться в рамках натурализма, но такого рода редукция ставит вопрос об онтологическом и гносеологическом статусе самого сознания [4].

Релятивизм: наука мыслится как предприятие, организованное и сознательно начатое людьми с целью разгадки тайн природы, где истина может оказаться как результатом договорённости, так и «удобства». Наука творится отдельными разумными индивидами, каждый из которых проходит свой собственный путь, часто находясь под влиянием страстей и будучи политически ангажированным; консенсус, достигаемый учёными по отдельным вопросам, оказывается временным и требует сознательных усилий. Наука сама по себе не является неким единообразным движением к заведомо известной цели, само «единство» науки ставится под сомнение. В этом смысле не только одна наука оказывается не сводимой к другой, но даже и в рамках отдельной науки возможны так называемые «провалы в объяснении», что не делает сами науки менее «полезными» или «жизнеспособными». С такими трудностями сталкивается даже физика, де факто выступающая как эталон науки (примеры такого рода разрывов в области физики мы находим в статье С. Хорста [5, Р. 207]). То же самое происходит и в области «философии сознания», когда мы сталкиваемся с «разрывом в объяснении» зависимости сознания от работы мозга: то, что мы можем зафиксировать на уровне процессов, происходящих в мозге (с позиции от 3-го лица, используя различные научные методы, такие как фМРТ, ЭЭГ и другие), не даёт нам достаточно данных, чтобы объяснить то, что происходит в нашем сознании (с позиции от 1-го лица, доступное нам как носителям феноменального сознания, субъективного по своей природе).

Выбор между позициями реализма и релятивизма как в области онтологии, так и в области гносеологии позволяет нам не только предпочесть тот или иной образ науки, но и найти подход к решению некоторых стоящих перед ней проблем. В частности, мы полагаем, что тот самый «разрыв в объяснении» работы мозга и сознания, возникающий как следствие методологической редукции, может быть устранён, если мы откажемся от этой установки. Отказ от нее возможен, если мы, оставаясь натуралистами относительно природы сознания, порождаемого мозгом, будем вести речь о гносеологическом релятивизме относительно сознания. То есть, с одной стороны мы признаём онтологическую реальность мозга, но не сознания, что позволяет нам избежать противоречий дуализма свойств, с другой стороны, выступаем за гносеологическую неоднозначность в описании этого феномена «мозг-сознание». Тогда можно понимать их как единый физический объект, но увиденный с разных сторон: «извне» и «изнутри». При этом как языки описания этого феномена, так и он сам, будут

принципиально различаться, что не говорит в пользу одного из этих описаний и не предполагает однозначный выбор между ними (это сходно с корпускулярно-волновой теорией частиц, позволяющей нам по-разному описывать один и тот же физический объект). В целом принцип релятивизма, трактуемый таким образом, может быть продемонстрирован на примере изучения одного объекта разными науками, каждая из которых специализируется в своей предметной области. Возможно ли последующее совмещение такого рода результатов теоретических и практических исследований, решается в каждом конкретном случае. Что касается проблемы исследования сознания, то мы полагаем, что такой подход даёт нам возможность получения наиболее полной картины того, что мы называем «сознанием», помогая избежать противоречий.

Литература

1. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. / Д. Чалмерс. Москва: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
2. Нагуманова С.Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии / С. Ф. Нагуманова. - Казань : Казанский университет, 2011. 221 с.
3. Ускова Е.В. Статус «квалиа» в натуралистических теориях сознания // Вестник Пермского университета, Серия: Философия. Психология. Социология. 2020. №2 С. 192–202.
4. Васильев В.В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 269 с.
5. Horst S. Beyond Reduction: From Naturalism to Cognitive Pluralism // Mind & Matter. 2014. Vol. 12(2). P. 197-244.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИЕРАРХИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УРОВНЕЙ ОБЪЯСНЕНИЯ СОЗНАНИЯ

Е.Б. Черезова

Аспирантка Институт философии и права

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

E-mail: e.cherezova@g.nsu.ru

Рассматривается идея иерархической концепции объяснений природы ментальной сферы на примере трехуровневой модели Д.Марра, выступающей в качестве парадигмальной. Анализируется возможность соотнесения уровней объяснения с конкретными дисциплинами и характер отношений между объяснениями разного уровня. Выявляются ограничения применения этой модели в ведущих исследовательских программах в области психологии и философии сознания. Выделяются горизонтальные и вертикальные объяснения внутри иерархии уровней объяснения и формулируется проблема взаимодействия этих уровней.

Ключевые слова: иерархия уровней объяснения, горизонтальные и вертикальные объяснения

THE INTERFACE PROBLEM IN THE HIERARCHICAL MODEL LEVELS OF EXPLANATION OF MIND

Y.B. Cherezova

*PhD Student Institute of Philosophy and Law
Novosibirsk National Research State University,*

E-mail: e.cherezova@g.nsu.ru

The idea of using the hierarchical concept of explaining the nature of the mental is on the rise of D. Marr's three-level model, which acts as a paradigm one. The possibility of correlating the provisions of explanation with physical disciplines and the nature of the relationship between explanations of different levels is analyzed. Examples of the application of this model in the consideration and study of the program in the field of psychology and philosophy of mind are revealed. Highlighted horizons and vertical explanations within the hierarchy explain and formulate the problem of different levels of interaction.

Keywords: hierarchy of levels of explanation, horizontal and vertical explanations

Исследования природы сознания могут вестись на разных уровнях: изучая молекулярные механизмы работы отдельных нейронов можно затем попытаться перейти от исследования клеточных структур к высшим психическим процессам, когнитивным функциям, а можно пойти от общих теорий мышления и познания, продвигаясь вглубь, исследовать церебральные механизмы обеспечения этих процессов. При любой стратегии исследователь будет прибегать к различным уровням объяснения, которые можно соотнести с отдельными научными дисциплинами. Общая идея иерархической концепции объяснений является естественным способом справиться с тем фактом, что изучение психики, ментальной сферы в целом осуществляется широким спектром академических дисциплин, каждая из которых имеет свои собственные специализированные цели, задачи и методы. В теоретической психологии и когнитивистике хорошо известна идея иерархии различных уровней объяснения [1]. Так, например, Д. Деннетт проводит различие между объяснением с интенциональной позиции, располагающимся на вершине иерархии, ниже которой находится структурное объяснение, а затем объяснение с физической позиции [2]. Сильное влияние как на ученых, так и на философов, исследующих природу научного психологического объяснения, оказал трехуровневый подход Дэвида Марра [3], который он использовал для увязки уровней объяснения в своей модели зрительной системы. Марр выделил три уровня, на которых может быть проанализирована зрительная система. Верхний вычислительный уровень задает общие ограничения. На этом уровне задача анализа состоит в том, чтобы (а) перевести общее описание когнитивного феномена в описание конкретной проблемы обработки информации, и (б) определить ограничения, в рамках которых должно действовать любое решение задачи обработки информации. Основная идея здесь заключается в том, что познание следует понимать в терминах обработки информации. Следующий уровень объяснения работы зрительной системы Марр называет алгоритмическим. На нем определяется подробный набор инструкций, которые обеспечат решение проблемы обработки информации, выявленные на вычислительном уровне. Основная задача на алгоритмическом уровне состоит в том, чтобы указать способ представления как входных, так и выходных данных, который позволит сформулировать алгоритм, т.е. серию вычислительных шагов для преобразования входных данных в выходные данные. Основная задача на третьем уровне состоит в том, чтобы найти физическую реализацию этого алгоритма, т.е. идентифицировать физические структуры и найти механизмы на нейронном уровне, которые можно правильно описать как вычисление рассматриваемого алгоритма.

Подход, предлагаемый Марром, является *парадигмальным примером* того, что называется нисходящим анализом (top down analysis) [1]. Он начинается с высокоуровневого анализа проблем обработки информации, с которыми сталкивается зрительная система. На каждом этапе анализа эти проблемы становятся более ограниченными и конкретными. Предположения, выдвигаемые на алгоритмическом и реализационном уровнях, обусловлены обсуждением ограничений и функций на вычислительном уровне, то есть рассмотрением того, какие особенности среды необходимо моделировать организму, и какие ресурсы он имеет в своем распоряжении. Марр пришел к выводу, что описание формы объекта должно быть сосредоточено на объекте, а не на эгоцентрической системе отсчета, ориентированной на зрителя. По сути, это и есть теория, возникающая на вычислительном уровне и она находится в предметном поле клинической нейропсихологии. При переходе на алгоритмический уровень анализа акцент смещается на экспериментальное изучение систем восприятия в область совершенно иной дисциплины – психофизики. Переходя к анализу уровня реализации необходимо учитывать базовую физиологию зрительной системы и это уже предметное поле нейрофизиологии и нейроанатомии, хотя собственная работа Марра содержит мало дискуссий о нейронной реализации. Таким образом, анализ зрительной системы, проведенный Марром, дает иллюстрацию не только того, как отдельные когнитивные явления могут быть изучены на разных уровнях объяснения, но и того, как различные уровни объяснения могут объединиться, чтобы обеспечить единый анализ. Нисходящий подход Марра четко определяет иерархию объяснений, разграничивая соответствующие области компетенции различных дисциплин, и определяя способы, с помощью которых эти дисциплины могут взаимодействовать друг с другом. Неудивительно, что анализ зрительной системы Марра часто воспринимается как *парадигма* того, как должна развиваться научная психология. Конечно же, необходимо учитывать, что иерархическая концепция Марра имеет очень ограниченное применение, она не претендует на полноту описания процесса зрительного восприятия. Эта концепция касается только первичной зрительной обработки, которая разбирает визуальный массив данных на трехмерные объекты, стоящие в определенном пространственном отношении друг к другу. Однако, независимо от того, возможно ли предоставить функциональную спецификацию, поддающуюся алгоритмической формулировке для когнитивных

процессов высокого уровня, это, безусловно, будет невозможно сделать для понимания психики в целом, к которому мы в конечном счете стремимся. Проведенный Марром анализ первичной зрительной системы дает четкую иллюстрацию общей идеи иерархии различных уровней объяснения. Но сама по себе эта теория не обеспечивает модель того, как мы могли бы понять общую идею иерархии объяснений, применяемую к психике в целом.

На сегодняшний день выделяются четыре исследовательские программы или четыре «картины сознания» [1], которые в своем ядре имеют концепции объяснения ментальных состояний на личностном уровне и связей, которые существуют между объяснением на вершине иерархии и объяснением на более низких субличностных уровнях. Действительно фундаментальные различия между программами возникают именно в объяснении этих связей. Бермудес идентифицирует эти картины следующим образом: автономное сознание, функциональное сознание, репрезентативное сознание и нейрокомпьютерное сознание. Э.Дж. Лоу оценивает их как четыре ведущие парадигмы для современных исследований и размышлений в области психологии [4]. Здесь важно отметить введенные Бермудесом разграничения двумя типами психологического объяснения: горизонтальным и вертикальным. Горизонтальное объяснение – это объяснение конкретного события или состояния в терминах отдельных и обычно предшествующих во времени событий или состояний. Пример такого объяснения показывает, что дендрит сработал потому, что одновременно поступило два нервных импульса в синапс соседнего нейрона, при том, что известно, что сила их объединенных потенциалов вызывает скачкообразный потенциал в соседнем дендрите. Но вопрос, почему объединенные потенциалы двух нейронов должны были вызвать всплеск потенциала в дендрите уже отсылает нас к вертикальному типу объяснения. Можно сказать, что вертикальное объяснение в широком смысле является объяснением оснований горизонтальных объяснений. Вертикальные объяснительные отношения существуют между различными уровнями объяснения. Вертикальное объяснение обычно апеллирует к более низким уровням объяснения. Таким образом, концепции вертикального объяснения будут сочетаться с различными концепциями отношений между различными уровнями объяснительной иерархии. Горизонтальные объяснения, лежащие на вершине иерархии психологических объяснений, чаще всего именуется психологией здравого смысла или народной/наивной психологией. Этот тип психологического объяснения в целом является стратегическим и прогностическим, он используется людьми для ориентации в социальном мире. Такое психологическое объяснение, основанное на здравом смысле включает в себя обращение на личностном уровне к определенному классу когнитивных состояний, которые не представлены на более низких уровнях иерархии. Это так называемые интенциональные состояния: восприятия, убеждения, желания, надежды, страхи и т.д. Они играют определенную роль в объяснении, потому что у них есть содержание, они представляют мир определенным образом. Также психология здравого смысла выделяет классы поведенческих закономерностей, которые не могут быть выявлены на других уровнях объяснения, они определяемы только в психологических терминах здравого смысла, эти закономерности сохраняются благодаря тому, как сознательные агенты представляют мир. Так понимаемая психология здравого смысла представляет собой парадигму горизонтального объяснения. В связи с этим возникает вопрос или даже проблема взаимодействия: как психология здравого смысла взаимодействует с уровнями объяснения, расположенными ниже в иерархии и представленными данными научной психологии, когнитивной науки и другими уровнями объяснительной иерархии, включая нейрофизиологию. Проблема взаимодействия является одной из ключевых проблем философии психологии, и четыре «картины сознания» предлагают различные ответы. Следует подчеркнуть, что проблема вертикального взаимодействия личностного и субличностного уровней психологического объяснения существенно отличается от традиционной проблемы разума и тела. Последняя носит метафизический характер и является проблема о том, как ментальные свойства связаны с физическими свойствами или как ментальные события связаны с физическими событиями, тогда как проблема взаимодействия – это проблема того, как разные уровни объяснения соотносятся друг с другом. Можно представить, что психофизическая проблема была бы решена таким образом, чтобы проблема взаимодействия оставалась полностью нерешенной.

Литература

1. *Bermudez J.L.* Philosophy of psychology : a contemporary introduction, New York, London: Routledge, 2005. 377 p.
2. *Dennett D.* The Intentional Stance, Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 388 p.

3. Marr D. Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information, New York: W. H. Freeman and Company. 1982. 393 p.

4. Lowe E. J. In Defence of the Autonomous Mind Ed. Carlo Gabbani. In Philosophy of Mind Review. 2006. Vol. 5. No. 3 P. 32-40.

ИДЕОМОТОРНАЯ ТЕОРИЯ ДЕЙСТВИЯ И ЕЕ НИША В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.С. Яшин

*Аспирант кафедры истории зарубежной философии философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: teridacs@yandex.ru*

Данная работа посвящена определению места идеомоторной теории действия в современной философии и когнитивной науке. Идеомоторная теория, обобщенная У. Джеймсом, стала объектом широкой критики в науке и философии первой половины XX века. Через десятки лет ее центральный принцип вернулся в науку в ослабленном виде. В современных теориях моторного контроля – например, в теории симуляции М. Дженнерода, место осознанных кинестетических образов заняли неосознаваемые репрезентации движения. В статье я показываю, что при рассмотрении идеомоторной теории без этой модификации обнаруживается область, где она истинна. Обычно мы не действуем так, как утверждает идеомоторная теория. Однако, развитие технологий породило класс действий, совершаемых в соответствии с ее центральным принципом. Эти действия порождаются агентами при использовании интерфейсов мозг-компьютер, работающих на представлении движения. Так, идеомоторная теория описывает специфический класс действий, которые должны учитываться наиболее общей теорией действия и исследованиями феноменологии агентности.

Ключевые слова: идеомоторная теория действия, феноменология агентности, кинестетическое представление движения, теория моторной симуляции, интерфейс мозг-компьютер, Джеймс

IDEOMOTOR THEORY OF ACTION AND ITS NICHE IN THE MODERN WORLD

A.S. Yashin

*Postgraduate student of the Department of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: teridacs@yandex.ru*

This paper is focused on defining the place of ideomotor theory of action in contemporary philosophy and cognitive science. Ideomotor theory, summarized by W. James, was widely criticized in science and philosophy in the first half of the XX century. Decades later its central principle reemerged in science in a weakened form. In modern theories of motor control, such as M. Jeannerod's motor simulation theory, conscious kinesthetic images have been replaced by unconscious representations of action. In this paper I demonstrate that if we considered ideomotor theory without this modification, an area where it is true could be discovered. We do not usually act in the way that ideomotor theory claims. However, the development of technology has given rise to a class of actions performed in accordance with its central principle. These actions are generated by agents using brain-computer interfaces working on motor imagery. Thus, ideomotor theory describes a specific class of actions, which should be taken into account by the most general theory of action and phenomenology of agency studies.

Keywords: ideomotor theory, phenomenology of agency, motor imagery, motor simulation theory, brain-computer interface, James

Идеомоторная теория действия и ее возвращение

Идеомоторный принцип – это утверждение о том, что моторные движения инициируются репрезентациями их сенсорных результатов. Похоже, к управлению произвольными движениями этот

принцип впервые применил философ и психолог И.Ф. Гербарт [1,2]. В «Принципах психологии» [3] У. Джеймс положил идеомоторный принцип в основание своей идеомоторной теории действия. Согласно теории Джеймса, действию всегда предшествует кинестетический образ («идея»), сопроводивший движение в тот момент, когда оно успешно совершилось впервые. Движения детей произвольны, но приводят к накоплению идей возможных движений, которыми агент пользуется для произвольной активности. Представление любого движения в некоторой степени вызывает это движение – и степень его выраженности зависит от присутствия других идей. Основная мысль теории Джеймса заключается в том, что совершение действия не требует никакого «динамического» компонента сознания в дополнение к представлению кинестетических ощущений [3, с. 526]. Ментальное содержание во время действия не включает никаких особых «активных» ощущений или репрезентаций. Следует заметить, что идеомоторная теория не стремится разъяснить, что есть действие, а только описывает то, как мы действуем, и каким ментальным содержанием сопровождается совершение движений.

Со временем идеомоторная теория Джеймса подверглась критике как в философии, так и науках о мозге. В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн подмечает [4, с. 269], что не обнаруживает кинестетического образа движения перед действием, а также не переживает действие пассивно, как нечто следующее само собой за неким ментальным актом. Интроспективный отчет Витгенштейна дополняют более ранние результаты Р. Вудворта, который провел эксперимент [5] с привлечением испытуемых, обученных интроспекции. Отчеты испытуемых шли вразрез с основной идеей Джеймса: они не замечали, чтобы движениям предшествовали образы их результатов. Кроме того, теория подверглась влиятельной критике со стороны бихевиористов, которым удалось задвинуть теорию на второй план более чем на 50 лет [6]. Значит ли все это, что идеомоторная теория представляет только исторический интерес для исследователей?

По прошествии десятилетий идеомоторный принцип вернулся в науку, но в ослабленном варианте. Произошло это в области исследований репрезентаций движений. Важной вехой в возрождении идеомоторного принципа стало появление теории моторной симуляции Марка Дженнерода [7], которую он сформулировал на основании новых МЭГ- и фМРТ-данных. Согласно этой теории, репрезентации движения как предшествуют его исполнению, так и сопровождают узнавание чужих движений или даже наблюдение за сподручными объектами. В отличие от идеомоторной теории Джеймса, теория моторной симуляции не предполагает, что эти репрезентации осознанны. Формирование намерения включает активацию репрезентации движения, но по умолчанию она всегда бессознательна. С оглядкой на идеомоторный принцип изучается и то, как движения и их результаты кодируются в коре мозга. Возможна ли отдельная активация их репрезентаций, или репрезентация движения всегда включает в себя его сенсорные и проприоцептивные последствия? Согласно теории кодирования событий Хоммеля и коллег [8], они всегда кодируются вместе – этот тезис является прямым наследником идеомоторного принципа. В своем обзоре современного состояния идеомоторных теорий Шин и коллеги классифицируют теорию Хоммеля и коллег как «сильную» идеомоторную теорию [6].

Тем не менее, современные идеомоторные теории более не имеют дела с ментальным содержанием каузальных antecedентов действия. Скорее, ученых интересует то, какие процессы в мозге сопровождают подготовку или восприятие движений. Место идей или ментальных состояний в их рассуждениях заняли неосознанные репрезентации и способы их кодировки, которые позволяют вовсе не говорить о содержании сознания. Так, идеомоторная теория смогла переродиться в одну из теорий генерации движений, ослабив свои утверждения. Но не торопится ли тот, кто утверждает, что обычная идеомоторная теория ложна, что она делает неправдоподобные утверждения о содержании сознания действующего агента? Не описывает ли она некий специфический способ действовать? Чтобы ответить на данный вопрос, нам следует разобраться с тем, какое место в содержании сознания занимают образы движений, и как они связаны с самими движениями.

Представление движения и интерфейсы мозг-компьютер

Осознанные кинестетические образы движений характерны не для реальных движений, но для их представления – моторного воображения. Такое представление противопоставляется зрительному, оно требует воспроизведения именно проприоцептивных ощущений. Представление движения стабильно приводит к увеличению активности мышц, выполняющих воображаемое движение [9]. Более того: давно известен феномен идеомоторного движения – произвольного перехода представления в реальное движение. Часто под идеомоторным движением имеют в виду [6] движение,

вызванное наблюдением за чужими действиями, но мы ограничимся каузацией через представление, поскольку нас интересуют произвольные движения. Анализируя поведение больных бешенством, еще в XIX веке врач Т. Лэйкок заключил, что одна мысль о мышечном спазме способна вызвать подлинный спазм [10]. В особых случаях мысленный образ движения и вправду приводит к сокращению мышц. Позволяет ли такая каузальная связь между ментальными и физическими событиями хотя бы иногда говорить о действии?

Рассмотрим агента А: пусть обычно он действует так же, как и мы – не представляя движение перед его совершением. Вместе с тем представление им движения иногда непредсказуемо каузирует физическое движение. Воспринимал бы агент А такие движения как свои собственные? Видимо, нет, и дело в первую очередь в том, что мы четко устанавливаем разницу между намерением представить движение и на самом деле совершить его. Когда мы намереваемся представить движение, мы не ожидаем реальной моторной активности. Даже если мы пользуемся представлением, чтобы точнее рассчитать траекторию движения и необходимую степень напряжения мышц [11], то всегда имеем в виду: представление должно остаться в нашем сознании. Ценность данной способности агента во многом заключается именно в том, что она позволяет симулировать действие без реальных последствий. Проникновения движения в мир в этом случае – несоответствие намерения полученному результату.

Но что если каузация движения его представлением предсказуема, и агент знает, в каких условиях и какие представления приводят к движениям? Резонно предположить, что он откажется от представления движений в этих условиях как от средства вообразить их без последствий. Оторванное от мира воображение движение перестанет быть для агента возможным ментальным действием. Быть может, в установленных условиях он будет прибегать к представлению для симуляции движения, но по ошибке. Намеренное представление с предсказуемой каузацией им движения станет новым способом действовать. Согласно каузальным теориям действия, данный способ будет описывать именно действие, поскольку между намерением совершить движение и самим движением имеется надежная каузальная цепь. С другой стороны, у такого движения будет отличная феноменология – оно иначе будет переживаться агентом, сопровождаться нетипичным для действия содержанием сознания. Наблюдая за собой, агент увидит, что движение следует за его представлением без ощущения физического усилия. Осталось сказать, что описанный способ действовать уже был реализован с помощью технических средств.

На сегодняшний день активно исследуются интерфейсы мозг-компьютер, работающие на основе представления движения. Первыми подобный интерфейс описали Уольпоу и коллеги [12]: в их работе испытуемые контролировали положение курсора с помощью изменения амплитуды μ -ритма – колебания биопотенциалов в сенсомоторной области коры. Одной из наиболее подходящих стратегий изменения амплитуды в процессе обучения оказалось представление движений. Уольпоу и коллеги пишут, что испытуемые сами предпочитали пользоваться представлением при обучении [12, с. 256], обретая таким образом контроль над курсором. Интерфейс, работающий на осознанном представлении движения, способен поместить оператора в условия, где он действует в соответствии с идеомоторным принципом. Допустим, такой интерфейс позволяет оператору управлять роботизированной рукой (как в работах [13,14]). Оператор представляет, как рука сгибает палец – и она делает это. Представление является причиной движения, которое агент на самом деле желал совершить. Движение – сгибание пальца роботизированной руки – опознается им как его собственное действие [15], пусть оно и не переживается так, как обычные моторные движения. Идеомоторная теория не охватывает наши повседневные действия, тем не менее, она описывает специфический способ действовать, который успешно реализуется в определенных условиях.

Заключение

Идеомоторная теория сохранилась в науках о мозге в измененном виде, отказавшись от указаний на сознательность кинестетических репрезентаций во время генерации движения. Если рассматривать идеомоторную теорию как общую теорию действия, она не описывает того, как мы обычно действуем. Идеомоторные движения встречаются у людей, но обычно они являются нежелательным эффектом представления движения. В то же время теория описывает редкий способ действовать, который успешно реализуется с помощью интерфейсов мозг-компьютер. Возможно, об идеомоторной теории следует говорить, как о частной теории действия. Она не ухватывает основные свойства действия, но описывает, как агенты действуют в малой части случаев, и что они переживают в эти моменты. Подобный способ рассуждать может оказаться перспективным в исследованиях агентной

осведомленности и феноменологии агентности [16,17], задача которых состоит в описании содержания сознания действующего агента: похоже, нам не стоит ожидать, что это содержание окажется аналогичным для всех видов действий.

Литература

1. *Herbart J.F.* Psychologie als Wissenschaft neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik. Königsberg: Unzer, 1824. 541 p.
2. *Каминский И.В., Леонов С.В.* Развитие взглядов на взаимосвязь произвольного движения и его мысленного образа // Российский психологический журнал. 2018. Vol. 15, № 3. P. 8–24.
3. *James W.* The Principles of Psychology // Am. J. Psychol. 1891. Vol. 3, № 4. P. 578.
4. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. Москва: Издательство АСТ, 2018. 352 p.
5. *Woodworth R.S.* The cause of a voluntary movement. // Studies in philosophy and psychology by students of Charles Edward Garman. 2012. P. 351–392.
6. *Shin Y.K., Proctor R.W., Capaldi E.J.* A Review of Contemporary Ideomotor Theory // Psychol. Bull. 2010. Vol. 136, № 6. P. 943–974.
7. *Jeannerod M.* Neural simulation of action: A unifying mechanism for motor cognition // NeuroImage. 2001. Vol. 14, № 1 П.
8. *Hommel B. et al.* The Theory of Event Coding (TEC): A framework for perception and action planning // Behav. Brain Sci. 2001. Vol. 24, № 5. P. 849–878.
9. *Guillot A. et al.* Muscular responses during motor imagery as a function of muscle contraction types // Int. J. Psychophysiol. 2007. Vol. 66, № 1. P. 18–27.
10. *Laycock T.* On the reflex functions of the brain // Br. Foreign Med. Rev. 1845. Vol. 19, № 37. P. 298–311.
11. *Mizuguchi N. et al.* Motor imagery and sport performance // J. Phys. Fit. Sport. Med. 2012. Vol. 1, № 1. P. 103–111.
12. *Wolpaw J.R. et al.* An EEG-based brain-computer interface for cursor control // Electroencephalogr. Clin. Neurophysiol. 1991. Vol. 78, № 3. P. 252–259.
13. *Onose G. et al.* On the feasibility of using motor imagery EEG-based brain-computer interface in chronic tetraplegics for assistive robotic arm control: A clinical test and long-term post-trial follow-up // Spinal Cord. 2012. Vol. 50, № 8. P. 599–608.
14. *Elstob D., Lindo Secco E.* A Low Cost Eeg Based Bci Prosthetic Using Motor Imagery // Int. J. Inf. Technol. Converg. Serv. 2016. Vol. 6, № 1. P. 23–36.
15. *Caspar E.A. et al.* How using brain-machine interfaces influences the human sense of agency // PLoS One. 2021. Vol. 16, № 1 January.
16. *Bayne T., Levy N.* The Feeling of Doing: Deconstructing the Phenomenology of Agency // Disorders of Volition. 2006. P. 49–68.
17. *Gallagher S., Zahavi D.* The phenomenological mind: An introduction to philosophy of mind and cognitive science // The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science. 2007. 1–244 p.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ КАК НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

И.Д. Невважай

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: igornevv@gmail.com*

Обсуждается гипотеза о гуманитарных (правовых) истоках естественнонаучного познания, показывается показываються гуманитарные истоки таких критериев научности, как объективность, истинность, обоснованность и системность, верифицируемость и фальсифицируемость. Раскрывается герменевтическая природа галилеевского эксперимента как метода естественнонаучного познания. Показывается, что практика систематизации римского права подготовила методологию научного исследования в будущем естествознании, практика судебного разбирательства требует всесторонности и объективности рассмотрения проблемы на основе доказательств. Прежде всего в юридической среде происходит формирование научных сообществ, каждое из которых несет коллективную ответственность за ведение исследований, набор новых кадров, распространение научного знания и удостоверение научных достижений человека внутри данной дисциплины и вне ее.

Ключевые слова: право, естествознание, эксперимент, герменевтика, системность, объективность, судебная процедура

JURISPRUDENCE AS THE BEGINNING OF CONTEMPORARY SCIENCE

I.D. Nevvazhay

*DSc in Philosophy, Head of Department
Saratov State Law Academy
E-mail: igornevv@gmail.com*

The hypothesis about the humanitarian (legal) origins of natural science knowledge is discussed, the humanitarian origins of such scientific criteria as objectivity, truth, validity and consistency, verifiability and falsifiability are shown. The hermeneutical nature of the Galilean experiment as a method of natural science cognition is revealed. It is shown that the practice of systematizing Roman law has prepared a methodology for scientific research in the future of natural science, the practice of litigation requires a comprehensive and objective consideration of the problem based on evidence. First of all, in the legal environment, the formation of scientific communities is taking place, each of which is collectively responsible for conducting research, recruiting new personnel, disseminating scientific knowledge and certifying human scientific achievements within and outside of this discipline.

Keywords: law, natural science, experiment, hermeneutics, consistency, objectivity, judicial procedure

Большинство историков науки считает, что именно естествознание сформировало и утвердило критерии научности, которые считаются общенаучными (объективность, истинность, обоснованность, верифицируемость, фальсифицируемость). Однако есть основания считать, что современная наука обязана своим возникновением западной традиции права. Аргументы в пользу этого тезиса мы находим в работах Г. Бермана [1] и Б. Латура [2]. В своей публикации я хотел бы привлечь внимание к этой позиции.

Существует известная традиция в истории науки (любой), в соответствии с которой специфика науки определяется ее предметом. Это отражено прежде всего в названиях наук. Мы говорим физика – значит речь идет о познании физических тел, их взаимодействия и т.п. Физику мы отличаем от химии

также по предмету. Во всех учебных курсах первая тема всегда посвящена знакомству с предметом науки. На предметном определении науки строится методология познания в соответствующей науке, метод познания определяется предметом. Но то, что приемлемо для учебного изложения содержания науки не годится для понимания природы, генезиса самой науки.

Соответствующая методология признает, что предметная область, на которую направлено познание, определяет набор методов, форм и средств познания. Предмет определяет метод. Ньютон продемонстрировал значимость системного характера знания для создания наиболее важной формы научного знания – научной теории. Принято считать, что такие критерии научности знания, как истинность, объективность, обоснованность, верифицируемость и фальсифицируемость сформировались в самом математическом естествознании, эти критерии рассматриваются в качестве универсальных, на которые должны ориентироваться и гуманитарные науки. И если какая-то гуманитарная дисциплина не удовлетворяет некоему критерию, например, объективности познания, то она не может считаться полноценно научной. При этом возникает естественный вопрос о том, чья интерпретация, скажем, объективности, является «правильной» – в гуманитарных науках, или науках естественных?

В соответствии с известной шуткой гениального физика Л.Д. Ландау о том, что есть науки естественные, неестественные и противоестественные, гуманитарные науки относятся к неестественным, а значит не соответствующим «естественным» критериям научности. В перспективе гуманитарные науки должны стать «естественными». Поэтому до сих пор отношение к гуманитарным наукам даже внутри большого научного сообщества есть отношение к как к чему-то ненастоящему, недоразвитому, бесполезному.

Я хотел бы протестировать и защитить другую позицию (против Л.Д. Ландау), согласно которой метод познания первичен, предмет познания вторичен. Аргументами в пользу такой позиции являются исторические обстоятельства, свидетельствующие о том, что формирование норм и идеалов научной рациональности, методов научного познания происходило в практике изучения и применения римского права и адаптации методов религиозной герменевтики к познанию природы.

Сначала я хотел бы обратить внимание на генезис главного метода современного естествознания – эксперимента. Традиционная точка зрения на истоки современной науки (естествознания) связывает возникновение современного естествознания с фактом изобретения Галилеем эксперимента как научного метода познания. Но давайте посмотрим в чем истоки идеи эксперимента. Ключевую роль в понимании этого вопроса является идея Галилея о том, что природа есть Книга (в Библии «Книги бытия»?), и написана эта Книга на языке математики, буквами которого являются числа и фигуры. В связи с этой метафорой внимание обычно акцентируют на математике как языке науки, меньше обращая внимания на то, что математика – это прежде всего язык природы, а поэтому и науки. Акцентируя внимание на языке природы, я хочу подчеркнуть, что физический эксперимент есть не что иное как герменевтическая процедура, в результате которой «Книга природы» может быть прочитана и истолкована. Метафорой «Книги природы» Галилей подтверждает свою приверженность семиотическому видению мира, которое было присуще средневековому мировоззрению. Вещи были знаками, символами божественной мудрости и смысла сотворенного им мира. Эксперимент – это своего рода диалог человека с богом посредством процедуры постановки вопросов, обращенного к богу как автору «Книги природы», относительно скрытых смыслов и значений наблюдаемых текстов, составленных с помощью языка природы. Ведь чтобы получить знание, скрытое в тексте, необходимо задать вопрос, ответ на который следует искать в тексте. Эксперимент есть практический способ задавания вопросов и получения ответов. Тривиальный пример. Чтобы узнать вес тела, необходимо поставить это тело в такие условия, в которых он давал бы ответ на поставленный вопрос. Эксперимент есть своего рода испытание, пытка, в результате применения которой тело дает признательные показания относительно своего веса. Но для этого его необходимо подвергнуть процедуре взвешивания с помощью специальных средств – весов и соответствующей методики (так как нужны разные методики определения веса при пользовании разных инструментов взвешивания). Важно при этом заметить, что вопросы, обращенные к «Книге природы», следует задавать на том же языке, на котором «написана» сама Книга, то есть вопрос должен быть сформулирован на языке математики. Например, сколько граммов весит данное тело. Граммы математически определяются как количество эталонов веса (вспомним знакомые со школы эталонные гирьки).

Таким образом, эксперимент в своем генезисе является герменевтической процедурой, свойственной гуманитарным наукам, играющей ключевую роль в истолковании символов природы.

Науку в нынешнем западном понимании можно определить тремя наборами критериев: 1) методологическими, 2) ценностными, 3) социологическими. По всем трем группам критериев правовая наука западноевропейских юристов XII в. была прародительницей всех современных наук Запада.

1) В методологических терминах науку в современном западном смысле можно определить как единую сумму знаний, в которой систематически объясняются частные проявления феноменов; в терминах общих принципов или истин (законов), знание которых получено путем наблюдения, гипотезы, проверки и эксперимента. Оригинальность вклада юристов XII в. в научную мысль лежала в таком построении ими общих принципов, которое согласовывалось с доказательствами, и использовании этих принципов для объяснения доказательств и дальнейшей экстраполяции. Первые из западных ученых, они увидели и разработали не только эмпирические способы проверки справедливости общих принципов, но и эмпирические способы использования этих принципов.

В дополнение к той методологии, которую разработало правоведение для раскрытия и проверки принципов, заключенных в решениях, нормах, понятиях и других данных права, была разработана и другая для открытия и проверки фактов в ходе судебного разбирательства. Доказывание фактов в суде было тесно связано с достижениями риторики. Риторика тогда еще не стала искусством убеждать путем апелляции к эмоциям и украшения речи; она все еще была аристотелевской и рассчитывала на убеждение путем апелляции к разуму. В XII в. особый упор делался на методы доказывания.

Правовое мышление было прототипом научного мышления на Западе. Обычно зарю науки нового времени датируют временем Галилея — это на пять веков позже. Более того, Галилей, Кеплер, Декарт, Лейбниц, Ньютон и другие передовые умы так называемого классического периода науки Нового времени, расходясь во многом, были едины в своей неприязни к "средневековой схоластике". Однако важно понять, что их неприязнь была направлена не на схоластику как таковую, а на неумение схоластов разработать математические рамки объяснения. Как показал А. Койре, Галилей и другие ведущие мыслители XVII в. считали математику моделью всех истинных научных объяснений. Именно математика и ее законы стали составлять идеальный язык науки Нового времени.

2) Исходные ценности науки права. Науку в западном смысле слова обычно определяют в том числе и с точки зрения убеждений, фундаментальных целей тех, кто вовлечен в научный процесс. Можно говорить даже о научном кодексе чести и ценностей: 1) обязательство ученых вести исследования объективно и честно, оценивая свою и чужую работу единственно на основании научной ценности; 2) требование, чтобы ученые занимали позицию сомнения и "организованного скептицизма" в отношении несомненности своих и чужих посылок и выводов вместе с терпимостью к новым идеям до их опровержения и готовностью публично признать ошибку, и 3) представление о том, что наука - "открытая система", "ищущая не столько окончательные ответы, сколько все более максимальное приближение к истине" и что "науку нельзя заморозить в ортодоксальные концепции, но она вечно меняющаяся сумма идеи различной степени правдивости. На деле само судебное разбирательство является в некотором смысле научным, ибо само состязание призвано привлечь внимание трибунала ко всем относящимся к делу соображениям. В тяжбе суд должен решить дело "объективно", на основе "доказательств", представленных от имени спорщиков.

3) Социологические критерии науки права. Имеются определенные социальные предварительные условия, которые помогают сформировать характер науки. Сюда входят: 1) формирование научных сообществ, обычно совпадающих по широте с научными дисциплинами, каждое из которых несет коллективную ответственность за ведение исследований, набор новых кадров, распространение научного знания и удостоверение научных достижений человека внутри данной дисциплины и вне ее; 2) сцепление разных научных дисциплин в более крупные научные сообщества, особенно в университетах, члены которых, кроме того что они разделяют общие цели продвижения знания и воспитания молодежи, также понимают, что в итоге все отрасли знаний зиждутся на одном фундаменте; и 3) привилегированный социальный статус сообществ ученых, который включает высокую степень свободы преподавания и исследования, соотносимую с их высоким уровнем ответственности в служении самой науке, ее методам, ценностям и общественной роли. Все это обеспечивалось корпорацией ученых-юристов, преподававших в средневековых университетах римское право.

Литература

1. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е издание. М.: Издательство Московского университета, 1998. 624 с.

ПОСТПОЗИТИВИЗМ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИНТЕЗА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ*

Г.Л. Тульчинский

*Доктор философских наук, профессор
НИУ «Высшая школа экономики» - Санкт-Петербург
E-mail: gtul@mail.ru*

Работа содержит попытку предложить основания для преодоления глубокой дивергенции научного знания. Речь идет о интеграции описаний, целей и нормативности научного знания, что соответствует полидискурсивной (полинарративной) структуре выражения и презентации научного знания. Предлагаемый подход открывает новые возможности анализа и объяснения динамики развития научного знания, роли в его формировании социально-культурных и личностных факторов, единства конструктивного характера формирования знания и исторического осмысления развития науки.

Ключевые слова: дискурс, личностное знание, наррация, нормативность, описания, постпозитивизм, проблемный подход тематический анализ

POSTPOSITIVISM AND PROSPECTS FOR THE SCIENTIFIC KNOWLEDGE SYNTHESIS

G.L. Tulchinskii

*DSc in Philosophy, Professor
NRU Higher School of Economics – St.Petersburg
E-mail: gtul@mail.ru*

The work contains an attempt to offer grounds for overcoming the deep divergence of scientific knowledge. We are talking about the integration of descriptions, goals and normativity of scientific knowledge, which corresponds to the polydiscursive (polynarrative) structure of the expression and presentation of scientific knowledge. The proposed approach opens up new possibilities for analyzing and explaining the dynamics of the scientific knowledge development, the role of socio-cultural and personal factors in its formation, the unity of the constructive nature of the knowledge formation and the historical understanding of the science development.

Keywords: discourse, personal knowledge, narration, normativity, descriptions, postpositivism, problematic approach thematic analysis

Современное научное знание все в меньшей степени напоминает предложенный М.М.Бахтиным образ целостного уходящего в бесконечность осмысляющего действительность диалога поколений, но во всё большей степени – вавилонское столпотворение. Речь идет о дисциплинарном огораживании: дивергенции школ и направлений, привязанных к определенным «теоретическим рамкам», методикам исследований, определяющим их предметное содержание. Эта тенденция закрепляется борьбой за «чистоту рядов» при отборе публикаций, в грантовых конкурсах, оценке планов исследований, защите диссертаций, прохождении конкурсов на вакансии. Крайним выражением этого тренда является противопоставление естествознания (science), и гуманитаристики (humanities).

Критерии демаркаций связаны с сохраняющей доминантность гипотетико-дедуктивной моделью научного знания, выработанной в рамках позднего позитивизма (неопозитивизма, логического эмпиризма). Согласно этой модели [1], научное знание представляет собой систему из двух языковых систем: описаний фактов и теоретических непротиворечивых высказываний. С помощью обобщения описаний можно от фактов перейти (подняться) к теории, с помощью логических операций вывести некоторые следствия и затем с помощью верифицирующих (или фальсифицирующих) наблюдений снова перейти к языку эмпирических описаний. Данная позитивистская модель науки привлекательна

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования».

опорой на эмпирическое знание, количественные методы, возможность обработки эмпирических данных, прослеживание зависимостей между ними, возможность предлагать различные модели, формулировать гипотезы, она достаточно ясно представляет процедуры объяснения, прогнозирования, их подтверждения и опровержения.

Однако, как хорошо известно, на материале естественных и точных наук в прошлом столетии на материале методологической рефлексии оснований естествознания и точных наук вызрело понимание ограниченности позитивизма, т.к. «эмпирика» предполагает определенные представления, консенсус относительно того, что есть «факт» – любой язык эмпирических описаний принципиально и неустранимо «теоретически нагружен». Была выявлена социально-культурная и политико-экономическая зависимость познавательных процедур в физике, химии, биологии [2; 3: 4]. В ряде работ [5; 6] была убедительно продемонстрирована роль личного фактора в формировании и развитии знания. В нашем столетии была выявлена общность этих методологических проблем и проблем в современных общественных науках, включая позитивистски ориентированные экономику и политологию [7; 8; 9; 10].

Что еще более существенно – наметился все ширящийся тренд меж-, кросс-и трансдисциплинарных исследований, если не конвергенции естественных, точных, социальных и гуманитарных отраслей знания. Примерами могут служить когнитивистика, сфера искусственного интеллекта, культурология, маркетинг. Это активизирует поиск оснований нового методологического синтеза научного знания, развивающего потенциал постпозитивизма прошлого столетия и учитывающего новые реалии [11].

Любое осмысленное знание представляет синтез знания сущего, нормативности и ценности (целесообразности). Как идеи либерализма и социализма содержат некое описание и объяснение реальности, ее оценку и программу преобразования, так и идея относительности или концепция струн содержат характеристику физической реальности, критику других концепций и программу определенных исследований.

Если научные знания, объяснения дают ответы на вопросы, решают проблемы, раскрывая суть происходящего, то уместно уподобление уровней их представленности нарративной структуре детектива: презентация ситуаций дополняется агрегацией паззла, в котором могут обнаруживаться смысловые, каузальные нестыковки целого. А завершает осмысление этого целого рефлексия, достраивающая осмысление до выявления мотиваций (в духе финального рассказа Э. Пуаро или мисс Марпл).

Аналогично, если рассматривать научное знание в терминах построения осмысленных дискурсивных разъяснений, в которых любое научное знание фиксируется и презентуется, то оно предстает как три уровня дискурсивности (наррации):

- (1) Уровень эмпирической фактологии, предъявления описаний, данных.
- (2) Уровень каузальных связей, взаимосвязей и детерминаций между фактами.
- (3) Уровень целевого контекста, раскрывающего замысел построения и использования

целостного конструктора.

Характерно, что Х. Р. Алкер, давая развернутую характеристику комплекса неполноценности методологии по состоянию на конец 1990-х годов, завершает свой обзор [12] апелляцией к перспективам реализации трехчастной модели науки, представленной ранее И. Галтунгом [13], согласно которой развитие социальной науки происходит в постоянном движении между тремя образующими треугольник «полюсами»: данными, теорией и ценностями. Осмысление эмпирических данных с ценностных позиций реализует критицизм. Синтез теории и эмпирических данных реализует эмпирицизм с его попытками объяснения и предвидения развития. Синтез теории и ценностей дает конструктивизм — как возможность алгоритма построения образа желаемого результата.

Полидискурсивная (полинарративная) модель вполне соответствует концепции И. Галтунга, также демонстрируя взаимосвязь эмпирики, теории и конструктивной целостности. Хотя второй уровень свойственен science, тогда как третий — humanities, уровни эти не разорваны, а взаимосвязаны. Так, роль третьего уровня проявляется даже на 1-м — при отборе фактов, их распознавании и обозначении. Это выражается не только в целевом контексте исследования, но и в базовых метафорах, лежащих в основе научной терминологии.

Важно, что третий уровень проявляется не только в humanities, но и в science – в ее контексте: в обоснованиях актуальности, практической значимости, важных для заявок на гранты, в популяризации, научной публицистике. Конструктивные (алгоритмически процедурные) объяснения интегрируют второй и третий уровни объяснительной наррации, раскрывая процесс порождения

феномена. Тогда как первый уровень выступает в качестве либо элементной базы построения, либо также как презентация «конечного продукта» всего построения.

В этой связи становится ясной ключевая роль для современной науки обоснованности преследуемых целей, проблемной ориентированности. Вне зависимости от подхода научное исследование предполагает конструктивный алгоритм: ясную формулировку проблемы, ее актуальность для данной отрасли знания и практическое значение; формулировку конкретной проверяемой цели (желаемого результата); конкретные задачи, которые решаются в данном исследовании для достижения цели; привлекаемые ресурсы: источники, концепции, эмпирическая база, методы, подходы и технологии; описание полученных результатов — достоверных и проверяемых, что гарантирует авторскую ответственность и авторское право.

Но тогда становится ясной зависимость методов и других средств от проблемы, а не их довление над нею! В связи с вышеизложенным, а также с нарастанием конструктивной междисциплинарной полинарративности можно ожидать и нового подъема интереса к исследованиям истории науки — не только далекого, но и совсем недавнего прошлого. Увязывание конструктивистского и исторического подходов тем более уместно, что любое научное исследование носит исторический характер, надстраиваясь над предыдущими и выявляя горизонты будущего анализа.

Методологию в гуманитарных и социальных науках нельзя сводить к методологии естественных и точных наук. Но нельзя не признать их общие основания в презентации получаемого и транслируемого знания, что открывает возможности представления об интегральной общности научного знания. Предлагаемый подход открывает новые возможности анализа и объяснения динамики развития научного знания, роли в его формировании социально-культурных и личностных факторов. При этом, немаловажно, что обе выявленные возможности методологического обобщения продолжают и развивают потенциал, заложенный в постпозитивистской парадигме.

Литература

1. *Hempel C. G. Science, Explanation, and Rationality: Aspects of the Philosophy of Carl G. Hempel.* New York: Oxford University Press, 2000. 342 p.
2. *Кун Т. Структура научных революций.* М.: Прогресс, 1977. 300 с.
3. *Тулмин С. Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки. Из бостонских исследований по философии науки.* М.: Прогресс, 1978. С. 170–189.
4. *Фейерабенд П. Наука в свободном обществе.* М.: АСТ, 2010. 378 с.
5. *Полани М. Личностное знание.* М.: Прогресс, 1977. 300 с.
6. *Холтон Д. Тематический анализ науки.* М.: Прогресс, 1981. 383 с.
7. *Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности.* М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
8. *Шапиро И. Бегство гуманитарных наук от реальности.* М.: ВШЭ, 2011. 368 с.
9. *Кламер А. Странная наука экономика. Приглашение к разговору.* М.; СПб.: Ин-т Гайдара, 2015. 336 с.
10. *Макклоски Д. Риторика экономической науки.* М.; СПб.: Ин-т Гайдара, 2015. 328 с.
11. *Тульчинский Г.Л. Ценностно-нормативный синтез знания. // Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма.* Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. С.226-243.
12. *Alker H.R., jr. Political Methodology, Old and New // A New Handbook of Political Science / ed. by Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann.* Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 787–799.
13. *Galtung J. Essays in methodology. Vol. 1: Methodology and ideology.* Copenhagen: Christian Ejlers, 1977. 387 p.

ПОНИМАНИЕ БЕЗ ОБЪЯСНЕНИЯ

А.А. Шевченко

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН

E-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Рассматривается соотношение ключевых понятий в философии науки

и эпистемологии – понимания и объяснения. Особое внимание уделено попытке ряда современных исследователей обосновать возможность альтернативных способов достижения понимания, не основанных на стандартных объяснительных моделях. Выделены контексты, наиболее перспективные для такой работы. Обоснована перспективность данного подхода, особенно при работе с объектами и процессами, обусловленными большим количеством возможных каузальных воздействий, а также в ситуациях, в которых понимание может быть продемонстрировано посредством решения конкретных задач в заданном контексте. Одним из преимуществ переноса акцента с объяснения на понимание можно считать возвращение в обсуждение субъекта понимания, что позволяет, среди прочего, формулировать определенные требования в отношении его интеллектуальных добродетелей и ограничений.

Ключевые слова: объяснительные модели, пропозициональное знание, рациональность, субъект понимания, интеллектуальные добродетели.

UNDERSTANDING WITHOUT EXPLANATION

A.A. Shevchenko

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

E-mail: shev@philosophy.nsc.ru

The paper looks into various possible correlations of two of the key concepts in the philosophy of science and contemporary epistemology – those of understanding and explanation. Special attention is paid to an attempt of a number of contemporary philosophers of science and epistemologists to justify the possibility of understanding which is not based on standard explanatory models. The author also analyses contexts that are most suitable for this kind of work and argues for the advantages of this approach, especially for objects and processes influenced by a complex network of causal forces and in practical problem-solving contexts where understanding is not propositional but is a matter of skill. One of the advantages of shifting the focus from explanation to understanding is bringing back into discussion the subject of understanding which allows, among other things to formulate certain requirements as to their intellectual virtues and limitations.

Keywords: explanatory models, propositional knowledge, rationality, the subject of understanding, intellectual virtues

Понятие «научная картина мира» предполагает возможность понимания окружающей нас действительности. Такое понимание может фиксироваться по-разному, в виде корректных реконструкций и интерпретаций или создания моделей. Так, У. Томсон (лорд Кельвин), писал: «Мне кажется, что когда мы спрашиваем себя, понимаем ли мы, или не понимаем соответственной физической проблемы, то смысл этого вопроса таков: в состоянии ли мы построить соответственную механическую модель» [Цит. по 1, с. 85]. В современной философии науки наблюдается рост интереса к проблемам и механизмам понимания в целом и, прежде всего, интерес к переосмыслению отношений между пониманием и объяснением в науке [2], где понимание традиционно принято связывать с возможностью объяснения. Э. Шредингер в Шермановских лекциях выразил это так: «Каковы своеобразные особые черты нашей научной картины мира? Относительно одной из этих основных особенностей не может возникнуть сомнений. Это гипотеза о том, что проявление Природы может быть понято. В этой связи следовало бы обсудить вопросы: что на самом деле означает постижимость и в каком смысле... наука дает объяснения» [3, с. 73].

Противопоставление объяснения и понимания имеет долгую историю и кроме научных аспектов здесь присутствует и научно-политический, это противопоставление часто было способом, с помощью которого представители гуманитарных наук пытались отстоять свой научный и методологический суверенитет. Здесь можно вспомнить знаменитую дискуссию между К. Гемпелем и У. Дреем о специфике «охватывающих законов» и рациональных объяснений, а также классическую дискуссию о понимании как специфическом методе “наук о духе”, начатую В. Дильтеем.

При этом в современных работах по философии науки объяснение продолжает занимать гораздо более видное место, чем понимание. Среди причин этого можно назвать методологическую инерцию, и, прежде всего, имеющий крепкие корни позитивистский настрой, предполагающий «объективную»

картину мира. Понимание же немедленно предполагает наличие субъекта понимания, что требует учета множества психологических и субъективных факторов. Хотя сам К. Гемпель и признавал, что дедуктивно-номологическая объяснительная модель может способствовать пониманию причин того или иного события «...при наличии определенных обстоятельств и соответствующих законов эта модель позволяет нам *ожидать* наступления события, в этом смысле объяснение позволяет нам *понять* почему это событие произошло» [4, р. 337], однако он весьма неохотно говорил о понимании, обосновывая это тем, что такие термины как «понимание» или «постижение» не входят в словарь логики, а относятся к психологическим или прагматическим аспектам объяснения [4, р. 413]. В дискуссиях о понимании мы основном говорится именно о таком виде понимания – понимании того, *почему* имело место то или иное событие, т.е., понимании причин событий и процессов или же понимании того как, каким образом нечто случилось, в отличие от объектного понимания. Объектное же понимание можно определить как понимание объекта в целом, это своего рода холистическое понимание «S понимает "P"» (в целом), в то время как пропозициональное понимание имеет вид «Я понимаю, что P». Второй и, возможно, основной причиной традиционно меньшей популярности понимания по сравнению с объяснением является возможность представления последнего в привычной и удобной пропозициональной форме, которая позволяет явно выделять эксплананс и экспланандум.

При этом понимание как эпистемическая категория и эпистемический императив имеет ряд преимуществ над объяснением. Так, Липтон выделяет четыре вида таких преимуществ: это может быть 1) знание причин, вызвавших то или иное событие; 2) знание о том, что событие случилось с необходимостью; 3) знание о том, что реализовалась возможность наступления события; и, наконец, 4) знание об «унификации», о том, что явление или событие вписываются в какую-то более общую объяснительную схему или картину мира [5, р. 13]. В качестве примеров возможности понимания без объяснения Липтон приводит несколько ситуаций – так, образы, визуальные модели (например, модель солнечной системы) и манипуляции с ними позволяют понять нам как устроен объект познания. Это также позволяет получить нам знание о причинах, хотя здесь оно знание будет неявным, в отличие от эксплицитного пропозиционального знания, представленного в объяснениях [5, р. 44–46].

Однако возможно и получение явной информации, также помогающей преодолеть разрыв между знанием и пониманием, при этом для получения такой информации мы также не нуждаемся в объяснении. Это, например, логические операции – так, дедуктивные умозаключения позволяют получить (дополнительное) и даже пропозициональное знание о необходимости (некоторого события). Мысленные эксперименты, содержащие даже некорректные предположения, могут позволить нам получить знание о «возможных мирах», опять же не прибегая к помощи объяснения, но способствуя пониманию диапазона возможных действий. Получить неявное знание о единстве мира помогут аналогии, также не содержащие объяснений [5, р. 46–52]. Понимание мира как единого целого, способность за видимым разнообразием отдельных явлений увидеть некоторое единое целое можно считать важным когнитивным достижением и шагом на пути к более глубокому пониманию. Пример здесь Липтон приводит довольно неожиданный – функционирование «нормальной науки», описанное Т. Куном, когда за внешним разнообразием индивидуальных действий отдельных ученых мы можем усмотреть объединяющие парадигмальные характеристики, определяющие развитие научного знания на некотором этапе.

Таким образом, помимо понимания, связанного со знанием причин, осознанием причинно-следственных связей, есть и другие его виды и способы. Действительно, значительная часть эмпирических исследований, способствующих пониманию, состоит в действиях по получению информации, таких как наблюдение, эксперимент, манипуляции с объектами и логическими операциями.

Еще одним критерием понимания может быть некоторый навык, знание о том, как решить ту или иную проблему. Такое понимание может, среди прочего, потребовать и создания моделей, о чем уже говорилось выше, и самых разных практических решений. Здесь нельзя не вспомнить классический, но возможно уже подзабытый пример Ф. Энгельса с ализарином, когда понимание мы демонстрируем на практике, в эксперименте, превращая «вещь в себе» в «вещь для нас». «Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой "вещи в себе" приходит конец». Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии [6, с. 284].

Перенос акцента на понимание открывает новые возможности для взаимодействия этих двух разделов философского знания, а также возвращает в пространстве обсуждения субъекта понимания,

заставляя, среди прочего, формулировать определенные требования в отношении его интеллектуальных добродетелей и ограничений.

Литература

1. Дюгем П. Физическая теория: ее цель и строение. М.: URSS, 2019.
2. de Regt H. W. Understanding and scientific explanation // Scientific Understanding: Philosophical perspectives / Ed. by H. W. de Regt, S. Leonelli, K. Eigner. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. P. 21–42.
3. Шредингер Э. Природа и греки. Ижевск: НИЦ «РХД», 2001.
4. Hempel C. G. Aspects of scientific explanation and other essays in the philosophy of science. N.Y.: Free Press, 1965.
5. Lipton P. Understanding without Explanation // Scientific Understanding: Philosophical perspectives / Ed. by H. W. de Regt, S. Leonelli, K. Eigner. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. P. 43–63.
6. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 269—317.

НАСКОЛЬКО СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ МОЖЕТ ПРЕДШЕСТВОВАТЬ СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ? (ОБ ОДНОЙ ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК)

А.М. Орехов

*Доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии
Российский университет дружбы народов
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru*

В 2019 году журнал “Philosophy of Social Sciences” опубликовал на своих страницах статью американского философа Ричарда Лауэра «Предшествует ли социальная онтология методологии социальных наук?». В ней Лауэр отстаивает прагматистскую интерпретацию связи социальной онтологии с социально-научной методологией. Эта статья вызвала оживленную дискуссию среди философов, занимающихся философскими проблемами социального знания, и в 2021 году на страницах этого же журнала Р. Лауэру ответили С. Лозе, Д. Литтл и Х. Кинкэйд. С.Лозе полагает, что позиция Лауэра ведет к операционализации социальной онтологии, Д. Литтл и Х. Кинкэйд критикуют его за непонимание до дистанции, что отделяет социальную онтологию от научной методологии в социальной науке. Автор статьи также полагает, что следует категорически выступить против инструментального, прагматистского подхода к социальной онтологии, - социальная онтология есть область философии и социального знания со своим особым статусом и своими принципами развития, и вполне возможно, некогерентными в отношении теорий, разрабатываемых социальными науками.

Ключевые слова: онтология, социальная онтология, Р.Лауэр, прагматизм, реализм, социально-научная методология

IS SOCIAL ONTOLOGY PRIOR TO SOCIAL SCIENTIFIC METHODOLOGY? (ON A CERTAIN DISCUSSION IN PHILOSOPHY OF SOCIAL SCIENCES)

A.M. Orekhov

*DSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Philosophy
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru*

In 2019 journal “Philosophy of Social Sciences” published on its pages the paper of American philosopher Richard Lauer “Is Social Ontology prior to Social Scientific Methodology? This paper led to lively discussion among philosophers engaging in philosophical problems of social knowledge, and in 2021 in pages of this journal S. Lohse, D. Little and H. Kincaid answered to Lauer. S. Lohse asserts Lauer’s position leads to operationalism, and D. Little and

H. Kincaid criticize him for incomprehension of a distance that separate social ontology from social scientific methodology. The author of this paper supposes it is necessary to oppose against pragmatist instrumental approach to social ontology; social ontology is sphere of philosophical and social knowledge with its specific status and principles of development, - and it is possible, they are non-coherent with relation in theories elaborated by social sciences.

Keywords: ontology, social ontology, R.Lauer, pragmatism, realism, social scientific methodology. In this paper R.Lauer insists pragmatic interpretation of correlation between social ontology and social scientific methodology

В 2019 году журнал “Philosophy of Social Sciences” опубликовал на своих страницах статью американского философа Ричарда Лауэра «Предшествует ли социальная онтология методологии социальных наук?» [1]. Эта статья вызвала оживленную дискуссию среди философов, занимающихся философскими проблемами социального знания, и в 2021 году на страницах этого же журнала Р. Лауэру ответили С. Лозе [2], Д. Литтл [3] и Х. Кинкэйд [4], а свои комментарии на их ответы написал сам Лауэр [5].

Суть позиции Лауэра относительно взаимоотношения между собой социальной онтологии и «социально-научной методологии» сводится к следующему: социальная онтология может играть лишь *инструментальную функцию* в отношении научной методологии (Лауэр обозначает это как «прагматистскую социальную онтологию» – в противовес общепринятой «реалистской онтологии»), – при этом совсем не обязательно, чтобы мы интерпретировали социальный мир как *реально существующий*, – достаточно того, чтобы мы имели эффективные научные результаты касательно постижения этого мира.

В частности, он подчеркивает:

«Я утверждаю, что прагматистская точка зрения может иначе характеризовать этот приоритет [социальной онтологии перед методологией социальных наук], – *в плане инструментальной ценности онтологических допущений для социально-научного теоретизирования*, без соответствующей приверженности реализму. Я также утверждаю, что мы можем правдоподобно интерпретировать онтологический выбор в социальных науках в прагматистских категориях. *Таким образом, социальная онтология может быть первична по отношению к методологии социальных наук, но это будет отнюдь не традиционно понимаемая социальная онтология*» [1, Р.187].

К примеру, при анализе современной эволюционной экономики, согласно Лауэру, можно занять следующую точку зрения:

«Следует ли тогда интерпретировать подразумеваемые здесь онтологические утверждения как *утверждения, расчленяющие социальный мир на составные части?* В этом, я полагаю, не видно никакой необходимости. Достаточно лишь определенных прагматических предпосылок, что у нас имеются. И даже сама наша способность к исследованию в области социальных наук гораздо лучше стимулируются именно прагматистским подходом. Странники реалистского ОВ! [онтология важна!]-аргумента, чтобы противопоставить этой точке зрения свою собственную, должны быть гораздо изобретательнее в отношении своих доказательств» [1, Р.186].

Свои возражения Лауэру представил, к примеру, С.Лозе, предъявив ему обвинение в «де-онтологизации» and «операционализме»:

«Почему социальным ученым вообще следует беспокоиться насчет того, как их рассуждения соответствуют тем шаблонам, что предлагают философы? К сожалению, следует отметить, что прагматистский подход, предлагаемый Лауэром, не дает жизнеспособной альтернативы для «ОВ!-аргумента». Правильный подход, как нам представляется, может быть реализован, если бы оставим в стороне прагматистскую социальную онтологию. Ведь, согласно Лауэру, наша задача состоит в том, чтобы обеспечить социальные науки (потенциально эффективными) средствами для новых предсказаний и объяснений. Если принять позицию Лауэра, это будет *радикальный прагматизм*, и в целом де-онтологизация всех онтологических дебатов, и единственное, на чем нам следует здесь сконцентрироваться – это операциональные вопросы теории и методологии» [2, Р. 5].

Критика Д. Литтла и Х. Кинкэйда основана на иных основаниях.

Первый из них, Д.Литтл, считает, что если вместе с Р. Лауэром, Д. Сёрлем и Б. Эпштейном следует признать, что «... социальная онтология - это область чисто философских рассуждений, которая касается природы социальных сущностей, и если мы спрашиваем, предшествует ли социальная онтология эмпирическим рассуждениям или социально-научной методологии, тогда мой ответ заключается в том, что в социальной онтологии нет интеллектуального или практического содержания, и она не имеет никакого отношения к методологии социальных наук вообще. ... Только при наличии

творческого взаимодействия между эмпирическим исследованием, формированием теории и онтологической рефлексией мы получим знания и понимание природы социального мира» [3, Р. 15].

Второй, Х.Кинкэйд, встает на примерно ту же позицию:

«"Социальная онтология" несчастливым образом часто воспроизводит бесперспективный тренд (о якобы тесном взаимодействии между онтологией и наукой) и он постоянно подается как полезный для социального исследования. Конечно, всякий концептуальный анализ будет весьма ценен для проведения в науке возможных различий концептов и утончения каких-либо областей и т.п. Однако, он полностью бесполезен в плане нашего реального эмпирического знания о социальном мире» [4, Р. 41].

Наш подход: во-первых, мы категорически отвергаем инструментальный, исключительно утилитарный подход к роли и значению социальной онтологии, за который ратует Р.Лауэр. Социальная онтология имеет собственную ценность и значимость, вне ее отношения к социальной науке. Полагать, что онтологическое знание имеет исключительно *операциональный, инструментальный, прагматический характер*, и является, как бы *метафизическим придатком* научного знания, в корне неверно. Мы также несогласны с тем, что социальная онтология должна *как-то подстраиваться* под всякую научную теорию.

Во-вторых, следует обратить внимание на крайнее аккуратное применение методов точных наук (методов естественных наук) в отношении социальных наук (на чем настаивает Р.Лауэр). Здесь немало классических работ, например, можно указать на одну из работ Фритца Махлупа [6]. Экспериментальный метод в социальном знании применим лишь в очень ограниченных пределах, и лишь в некоторых дисциплинах, – к примеру, существует экономический эксперимент (который в большей степени является *психологическим, чем экономическим*), психологический эксперимент, социологический эксперимент, педагогический эксперимент. Требование Р.Лауэра проверять методом эксперимента все знания в социальных науках абсолютно нереалистично, – социальное знание в большей степени верифицируется либо строгостью рациональных доказательств (к примеру, основанных на применении математического метода), либо наличием тех или иных *эмпирических фактов* (основанных, как правило, на *научных наблюдениях*).

И, наконец, в-третьих, как мы полагаем, относительно социальной онтологии следует разводить два типа фактов – *онтологические факты* и *эмпирические факты*. Если эмпирические факты – это зафиксированные путем наблюдения (проведенного по всем требованиям науки) эмпирические события, то *онтологические факты* – это *просто некоторые утверждения о событиях, высказанные социальным онтологом*.

И возвращаясь к нашему третьему аргументу «против Лауэра». Как он предлагает верифицировать социальную онтологию – эмпирическим фактами или онтологическим фактами? Одно сильно отличается от другого. Социальная онтология, – вся! – основана исключительно на *онтологических фактах*, – эмпирические факты здесь могут быть задействованы лишь косвенным образом и через множество опосредованных звеньев. А если я, к примеру, сторонник эссенционализма и полагаю, что за видимым миром социальных феноменов (фактов) существуют скрытые тайные социальные сущности? Тогда для меня любые факты – вообще не доказательство и меня интересуют только сущности, скрытые за фактами (пример – концепция Карла Маркса).

Поэтому, как мы полагаем, следует категорически выступить против инструментального, прагматистского подхода к социальной онтологии, – надо полагать, что она есть область философии и социального знания со своим особым статусом и своими принципами развития, – и вполне возможно, эти принципы являются *некогерентными* в отношении теорий, разрабатываемых социальными науками.

Литература

1. Lauer R. Is Social Ontology prior to Social Scientific Methodology? // Philosophy of Social Sciences. Vol.49. No.3, 2019. P.171-189.
2. Lohse S. Ontological Investigations of a Pragmatic Kind? A Reply to Lauer // Philosophy of Social Sciences. Vol. 51. No.1. 2021. P.3-12.
3. Little D. Social Ontology De-dramatized // Philosophy of Social Sciences. Vol. 51. No.1. 2021. P. 13-23.
4. Kincaid H. Concrete Ontology: Comments on Lauer, Little, and Lohse. // Philosophy of Social Sciences. Vol. 51. No.1. 2021. P.40-47.

5. *Lauer R.* Instrumentalizing and Naturalizing Social Ontology: Replies to Lohse and Little // *Philosophy of Social Sciences*. Vol. 51. No.1. 2021. P.24-39.
6. *Machlup F.* Are the Social Sciences Really Inferior? In: *Philosophy of Social Sciences: A Reader*. New York. Greenwood. 1963. P.158-180.

ФИЛОСОФИЯ И «ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Е.Н. Ищенко

*Доктор философских наук, профессор
Воронежский государственный университет
E-mail: ishchenkophilosophy@yandex.ru*

«Визуальный поворот» в гуманитарных науках способствовал переосмыслению философских подходов к интерпретации произведений искусства, новому пониманию взаимодействия визуального и вербального в культуре. С одной стороны, визуальный поворот позволил акцентировать внимание на визуальных образах, представленных в философских текстах. С другой стороны, анализ визуальных произведений приводит к новому пониманию философских концепций, составленному на основании интерпретаций вербальных источников, он существенно дополняет сложившееся понимание, расширяя границы устоявшихся представлений. Кроме того, специфика философской интерпретации позволяет увидеть в визуальном образе и смыслы, выходящие за рамки дисциплинарных матриц частных наук. Философский подход к анализу визуального обладает значительным эвристическим потенциалом, способствуя расширению концептуального пространства «визуальных исследований».

Ключевые слова: визуальный поворот, гуманитарные науки, философия, визуальные исследования, интерпретация

PHILOSOPHY AND VISUAL TURN IN HUMANITIES

E.N. Ishchenko

*DSc in Philosophy, Professor
Voronezh State University
E-mail: ishchenkophilosophy@yandex.ru*

Visual turn in the humanities contributed to the rethinking of philosophical approaches to the interpretation of pieces of art, new understanding the interaction between visual and verbal in culture. On the one hand, the visual turn made it possible to focus on visual images presented in philosophical texts. On the other hand, the analysis of visual works leads to a new understanding of philosophical concepts compiled on the basis of interpretations of verbal sources, it significantly complements the existing understanding, expanding the boundaries of established ideas. In addition, the specificity of philosophical interpretation allows us to visually see images and meanings that go beyond the disciplinary matrices of humanities. The philosophical approach to the analysis of the visual has a significant heuristic potential, contributing to the expansion of the conceptual space of visual studies.

Keywords: visual turn, humanities, philosophy, visual studies, interpretation

Феномен перехода от книжной к экранной культуре, ставший одной из причин «визуального поворота», стал предметом осмысления исследователей, представляющих различные отрасли гуманитарных и социальных наук. Особое отношение к визуальным феноменам, представленным в их исключительном многообразии – от объектов, традиционно входящих в сферу эстетического, до «неумышленных или непосредственных визуальных образов и опытов» [1, p. 178] – способствовало формированию и институционализации «визуальных исследований» как особой междисциплинарной отрасли социогуманитарного знания. По сути дела, визуальное, став предметом изучения, потребовало подчас довольно радикального пересмотра концептуальных и методологических установок целого ряда гуманитарных наук, прежде всего, теории и истории искусства, а также истории, социологии,

политологии. Подобного рода революционные подвижки в социогуманитарных исследованиях не могли не затронуть область философского знания.

С одной стороны, визуальные исследования способствовали формированию новой оптики, в которой взаимодействие вербального и визуального в различных феноменах культуры, включая философию, получило неожиданное прочтение. По справедливому замечанию У. Митчелла, «...такая вербальная традиция как философия, извечная обитель чистого логоса и невидимых истин, начинает выглядеть иначе с точки зрения визуальной культуры. <...> Платоновская пещера, восковая дощечка Аристотеля, камера-обскура Локка, чудо-блокнот Фрейда, утка-кролик Витгенштейна могут быть отнесены к разряду “метаизображений”, убедительных метафор, которые позволяют, говоря словами Витгенштейна, понимать сложные теории “с первого взгляда”. <...> По сути, это локусы изображения человеческой визуальности» [2, с. 506]. В самом деле, философские тексты не только не пренебрегают визуальными образами, напротив, последние являются важным способом разговора об абстрактных истинах. Возбуждая воображение читателя, философ включает различные механизмы восприятия, апеллируя к «возможным мирам», открывающимся за границами вербального. Неслучайно обращение к визуальным образам в философских исследованиях зачастую связано с разного рода мысленными экспериментами, прорабатывающими ино-бытие реальности. Кроме того, анализ человеческой чувственности, зрительных образов в их взаимодействии с ментальными процессами, является одной из важнейших составляющих проблемного поля современной философии сознания, а разработка когнитивной эстетики приводит к переосмыслению потенциала визуальных образов и объектов как способов человеческого познания.

С другой стороны, современные исследования осуществили некоторую «пересборку» отдельных открытий в области визуального, которые были сделаны в работах М. Мерло-Понти, Ж. Делеза, Р. Барта, М. Фуко, Х. Ортеги-и-Гассета и др. Интерес философов к живописи, фотографии, кинематографу оказался отнюдь не «причудой», маргинальным приложением интеллектуальных усилий или простой иллюстрацией собственных идей. Взгляд философа, сфокусировавшийся на объектах, исконно существующих в границах дисциплинарных матриц соответствующих гуманитарных наук, сегодня видится неким «взглядом из ниоткуда», способным разглядеть «силовые» линии пересечения линии слова и образа. В этом контексте философские интерпретации произведений искусства обладают значимым эвристическим потенциалом для гуманитарного знания. Для иллюстрации этого тезиса разберем два важных кейса, связанных с переосмыслением философского прочтения визуальных объектов.

Обратимся к примеру, представленному в работе Ж. Деррида «Истина в живописи» [3]. Он рассматривает две интерпретации – философскую и искусствоведческую – одного объекта, в качестве которого выступают знаменитые «Башмаки» Ван Гога. В интерпретации М. Хайдеггера картина становится полем демонстрации глубинных бытийных смыслов, которые он выражает в характерной для него поэтизированной манере. «Из темного истоптанного нутра этих башмаков неподвижно глядит на нас упорный труд тяжело ступающих во время работы в поле ног. Тяжелая и грубая прочность башмаков собрала в себе все упорство неспешных шагов вдоль широко раскинувшихся и всегда одинаковых борозд, над которыми дует пронизывающий резкий ветер. <...> Дельность изделия хотя и состоит в его служебности, но сама служебность покоится в полноте существенного бытия изделия. Мы это бытие именуем надежностью. В силу этой надежности крестьянка приобщена к немолчаливому зову земли, в силу этой надежности она твердо уверена в своем мире» [4, с. 66-67]. Интерпретация выдающегося искусствоведа М. Шапиро, основанная на анализе разнообразных источников, выделяет характерный для художника мотив одиночества, неприкаянности, скитаний. Он убедительно доказывает, что изображенные на картине башмаки совершенно точно не женские и не крестьянские. Означает ли это, что хайдеггеровская философская интерпретация дискредитирована, а попытки философа вторгнуться на территорию визуального обречены на неудачу? Деррида совершенно прав, когда утверждает, что обе интерпретации ценны, поскольку в них отражаются личности интерпретаторов. Как нам представляется, дело не только в том, что интерпретация предстает в качестве «зеркала для героя». В творчестве Ван Гога можно найти картины, которые, подобно «Башмакам» принадлежат к специфическому жанру натюрморта-автопортрета. Неживые, материальные предметы, становясь изображением, перевоплощаются в визуальный художественный образ жизни и судьбы своих владельцев. Философская интерпретация при ее очевидной «фактической» уязвимости в то же время открывает этот образ не только с точки зрения человека, но и целого мира, проступающего за частной, конкретной личностью.

Еще одним показательным кейсом являются исследования рецепции философских идей в творчестве известных живописцев. В качестве примера можно привести работу Дж. Райт, которая

посвящена анализу влияния картезианского дуализма на мировоззрение великого современника Декарта Рембрандта ван Рейна [5]. Полотна, находящиеся в фокусе внимания исследовательницы, разбирались с различных сторон историками искусства в течение нескольких веков. Казалось бы, обилие искусствоведческих исследований не дает возможности каких-либо фундаментальных открытий. Тем не менее, в работе убедительно показано, что проблема, именуемая в современной философии как *mind-body problem*, привела не только к дуализму Декарта, но послужила основанием для размышлений Рембрандта, нашедшим свое визуальное выражение в «Уроке анатомии доктора Тульпа», «Жертвоприношении Авраама» и других его работах. Как отмечает Райт, «и Декарт, и Рембрандт бросают вызов нашему пониманию природы и статуса личности, побуждая нас ставить новые онтологические и эпистемологические вопросы об искусстве и личности, представленной посредством искусства» [5, р. 291]. Пожалуй, мы легко можем согласиться с тем, что художник-философ, к числу которых, бесспорно, принадлежит Рембрандт, существует в смысловом контексте размышлений своих великих современников. Однако Дж. Райт не останавливается на выявлении конкретных обстоятельств формирования мировоззрения гениального художника. Принципиальным оказывается стремление прояснить «... понимание Декарта при его жизни. В свете этой интерпретации мы должны переоценить нашу *концепцию современной личности* (курсив наш. – Е.И.) как интериорезированного, нематериального, бестелесного разума» [5, р. 291]. Последнее замечание носит принципиальный характер. Анализ визуальных произведений может привести к новому пониманию философских концепций, составленному на основании интерпретаций вербальных источников, он существенно дополняет сложившееся понимание, расширяя границы устоявшихся представлений.

Философское осмысление как феномена визуального *per se*, так и его воплощения в культуре и повседневных практиках обладает существенными отличиями от частнонаучных и междисциплинарных «визуальных исследований». В то же время, взгляд философа открывает новые горизонты в понимании как предмета, так и метода, побуждая к расширению концептуального пространства научных исследований бытования визуального в культуре.

Литература

1. *Mitchell W.J.T.* Showing Seeing: a Critique of Visual Culture // *Journal of Visual Culture*. 2002. Vol. 1. No.2. P. 165-181.
2. *Митчелл У.* Что такое визуальная культура? // // Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры. СПб.; М.: Новое издательство, 2018. С. 504-513.
3. *Derrida J.* The Truth in Painting. Chicago: Chicago University Press, 1987. 402 p.
4. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 47-116.
5. *Wright J.L.* Reading Rembrandt: the influence of Cartesian dualism on Dutch art // *History of European Ideas*. 2007. Vol. 33. P. 275-291.

ИНСТРУМЕНТЫ КОМПАРАТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ СЕГОДНЯ: «ПАРАДИГМА» ИЛИ «ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»?

Н.А. Канаева

*Доктор философских наук, доцент Школы философии и культурологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: nkanaeva@hse.ru*

Несмотря на критику за многозначность, куновский концепт парадигмы получил большое распространение в философских исследованиях, поскольку отвечал на запрос об определении общезначимых правил производства знаний. Многозначность содержания концепта, с точки зрения автора настоящей статьи, была вызвана наличием у всякого знания множества детерминант, которые затронула, но оставила «за скобками» теоретической рефлексии концепция науки Т. Куна. Однако наличие проблематичных детерминант знания открыло перспективы для их разносторонних исследований, в том числе, для кросс-культурных исследований парадигм познавательной деятельности в не-западных культурах. Выявленные принципиальные различия западной и не-западных парадигм познания поставили вопрос об их причинах, далеко выходящий за рамки

куновской концепции науки. Получить на него ответ позволяет концепт «эпистемическая культура», поскольку он делает предметом исследования все детерминанты производства знания, такие как: эксплицированные парадигмы, неявное знание, формирование парадигм под влиянием релевантных социальных практик и пр. Его применение в историко-философском кросс-культурном исследовании позволило автору статьи проследить на религиозных, научных и философских текстах, созданных в Древней и Средневековой Индии, становление принципов индийской эпистемической культуры, определяющих ее самобытность в представлениях о познающем субъекте, о цели познания, идеалах и нормах познания. Выделенные принципы дают возможность преодолеть трудности понимания научных и философских текстов, созданных в Индии.

Ключевые слова: истина, методология компаративной философии, основания эпистемической культуры, праманавада, разум, рациональность, эпистемическая культура

WHAT ARE THE INSTRUMENTS OF COMPARATIVE PHILOSOPHY TODAY: “PARADIGM” OR “EPISTEMIC CULTURE”?

N.A. Kanaeva

*DSc in Philosophy, Associate Professor of School of Philosophy and Culture
National Research University “Higher School of Economics”*

E-mail: nkanaeva@hse.ru

The Kuhn's concept of the paradigm, despite its criticism for its ambiguity, has become widely used in philosophical studies, since it answered the request for the definition of generally valid rules for the production of knowledge. The ambiguity of the concept's content, from the point of view of the author of this article, was caused by a multitude of determinants of scientific and philosophical knowledge. In the Kuhn's concept of sciences those determinants were touched upon, but left "out of the brackets" of theoretical reflection. However, the presence of problematic determinants of knowledge has opened up prospects for their versatile research, including cross-cultural studies of paradigms of cognitive activity in non-Western cultures. The revealed fundamental differences between Western and non-Western paradigms of cognition raised the question of their causes, which went beyond the Kuhn's concept of sciences. The concept of "epistemic culture" allows us to get an answer to it, since it takes as the subject of research all the determinants of knowledge production, such as: explicit paradigms, implicit knowledge, the formation of paradigms under the influence of relevant social practices, etc. Its application in historical and philosophical cross-cultural research was an instrument for the author of the article to trace on religious, scientific and philosophical texts created in Ancient and Medieval India, the formation of the principles of Indian epistemic culture. Those principles determined its identity in the ideas of the cognizing subject, in the purpose of cognition, ideals and norms of cognition etc. The highlighted principles make it possible to overcome the difficulties of understanding scientific and philosophical texts created in India.

Keywords: epistemic culture, methodology of comparative philosophy, pramāṇavāda, rationality, reason, the foundations of epistemic culture, truth

Отвечая на многочисленные критические замечания в адрес концепта «парадигма» в Дополнении к изданию 1969 г. книги «Структура научных революций», Томас Кун признает, что он, действительно, использует термин двадцатью двумя различными способами [1, с. 233]. Как известно, эта неопределенность не препятствовала тому, что очень многие философы оценили его исследовательский потенциал, благодаря чему концепт парадигмы широко разошелся по текстам. С моей точки зрения, исследовательский потенциал концепта «парадигма» обеспечила формулировка Куном дефиниции его главного значения: как признанных всеми научных *достижений*, «которые в течение определенного времени дают научному сообществу *модель* постановки проблем и их решений» [1, с. 16]. Указанная модель включала то, что эмпирически известно не только всякому практикующему ученому, но и философу науки: «закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование», именно такая модель ставилась в основание конкретных традиций научного исследования [1, с. 35]. Западную традицию познавательной деятельности, начиная с Аристотеля, отличала установка на объективную истину и использование общезначимых правил

производства знаний. Концепт парадигмы позволял эти правила находить и оценивать, сохраняя надежду на возможность управлять процессом производства знаний, получая искомую истину.

Неопределенность содержания концепта парадигмы, за которую так многие критиковали Т. Куна, на самом деле обнаруживает его выходы в более широкие контексты, чем контекст западной науки, а именно: в контексты всех видов познавательной деятельности, рассматриваемой в тесной связи с разнообразными социальными практиками, потребности которых познавательная деятельность обслуживает, а также в контексты не-западных познавательных практик, в которых отношения науки и внеученных практик исторически складывались иначе. Эти выходы никогда ранее не прослеживались в рамках одной эпистемологической теории, но отмечались в различных областях социально-гуманитарного знания, например, в гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, в концепции этоса науки Р. Мёртона, в исследованиях по интеллектуальной истории, в социологических исследованиях науки К. Кнорр-Цетина. Не прослеживает влияние внеученных практик на научную парадигму и Т. Кун. Напротив, стараясь более строго очертить предметную область своей концепции науки и избежать, таким образом, критики, он предлагает заменить концепт парадигмы термином «дисциплинарная матрица» [1, с. 234] с «символическими обобщениями», облеченными в логическую форму [1, с. 235].

Сегодня такая концепция, позволяющая исследовать и объяснять парадигмы самых разных видов познания и знания, есть, хотя она замечена пока немногими эпистемологами, историками науки и компаративистами, – это концепция эпистемических культур (ЭК).

Под эпистемической культурой понимается все разнообразие культурных практик, связанных с производством, фиксацией и трансляцией знаний. Элементами названных практик выступают виды и типы знания, идеи, теории, идеалы (цели) и нормы (правила, принципы, парадигмы) познавательной деятельности, принципы текстовой деятельности и образовательных практик, этос эпистемических субъектов, и т.п., которые детерминируют своеобразие локальных ЭК. Приведенная дефиниция демонстрирует большой объяснительный потенциал концепта ЭК, позволяющего выйти «за пределы по существу менталистского понятия знания» [3, с. 19], и «расстаться с демаркационистским подходом», противопоставляющим науку иным формам познавательной деятельности [3, с. 27]. Оба ограничения – менталистское понимание знания и противопоставление таких видов познания как наука, религия и философия – характерны только одной культуре, западной, а значит, их экстраполяция на другие культуры искажает картину мира и создает поводы для критики западнцентристского понимания науки.

Эвристическая ценность концепта ЭК была обоснована автором статьи в исследовании становления принципов теоретического знания в Индии [4] на материале классических индийских текстов ведийско-брахманистской культуры: вед (II–I тыс. до н. э.), брахман (XI–VIII вв. до н. э.), упанишад (VIII–V вв. до н. э.), дхармашастр (I–IV вв. н. э.), грамматики Панини (V в. до н. э.) с комментарием Патанджали (II в. до н. э.), религиозно-философских текстов II–XIII вв., содержащих дискурс об инструментах достоверного познания (*праманах*, *pramāṇa*) и научного, медицинского трактата «Чаракасамхита» (I–II вв. н. э.). Предмет учения о *праманах* (*праманавада*) частично совпадает с предметами западных философских дисциплин: эпистемологии и логики. Тексты главных теоретиков классической *праманавады* – «Ньяя-сутры» Гаутама–Акшапады с главным комментарием «Ньяя-бхашья» Ватсьяяны (V в.) [5], сочинения буддистов-йогачаринов Дигнаги (ок. 450–520), его последователей Дхармакирти (ок. 580–650) и Дхармоттары (ок. 750–810) [6], Шантаракшиты и Камалашилы (VIII в.) [7], джайнов Умасвати [8] и Кундакунды (III–IV вв.) [9] – позволяют судить о парадигме традиционного индийского теоретического знания, а весь рассмотренный комплекс текстов дает объяснение причин формирования этой парадигмы в контексте своеобразной ЭК Индии.

Своеобразие индийской ЭК обусловлено более тесной связью познавательной деятельности с религиями (*дхарма*): с ведийской религией (*вайдика-дхарма*) и ее преемниками – брахманизмом и индуизмом, а также со шраманскими религиями – джайнизмом и буддизмом. Неразрывность этой связи стала продуктом индийской интеллектуальной истории, в которой рефлексия познания началась не философами (как это было в Античной Греции), а служителями ведийской религии – брахманами, выступившими также создателями первых наук (*видья*, *шастра*). Эти науки добывали не исключительно знания о природе, но знания, необходимые в ритуальной практике: о грамматике священного, литургического языка (ведийского санскрита), о правилах распевания гимнов, об этимологии, о правилах ритуала, о движении светил и знания правил математических расчетов для строительства алтаря, для определения подходящего времени ритуалов и т.п. Именно брахманы заложили основы индийской ЭК, высказавшись о познании и знании в священных текстах ведийской религии (*шрути*) – ведах, брахманах и упанишадах, а также в сочинениях по упомянутым

брахманистским наукам, и в литературе *смрити*, к которой относятся дхармашастры, развивающие идеи брахманизма. Парадигмальные для индийской ЭК теоретические учения логико-эпистемологического содержания (*праманавада*) оформились гораздо позже, в III–IV вв. н.э., в брахманистской школе ньяя, и затем уже были развиты в V–IX вв. в буддийской школе йогачара. Джайны в середине I тыс. до н. э. придерживались своей традиции критического дискурса, истоки которой – в сочинениях Бхадрабаху-старшего, жившего на рубеже IV–III вв. до н. э. После того как в общеиндийский контекст мировоззренческой полемики найякам была введена концепция инструментов достоверного познания – *праман*, мы находим ее джайнскую вариацию у известных теоретиков джайнизма Умасвати и Кундакунды (III–IV вв.).

Включённость эпистемологических концепций в религиозно-философские картины мира определила их подчиненность апологетическим интересам создателей этих картин мира, а не достижению какой-либо «объективной» истины. Синкретизм религиозно-философского мировоззрения детерминировал самобытное понимание идеалов познания. Если идеалами (целями и ценностями) познания в западной культуре с Античности были самоценные ментальные продукты: знание, тождественное истине, а с начала Нового времени – знание как средство социального прогресса, то в Индии целью познавательных практик с эпохи упанишад и до эпохи колониализма декларировалось достижение индивидом высшего блага, пользы (*артха*, *artha* / *прайоджана*, *prajojana*), определяемого религией (*дхарма*). Благо понималось отнюдь не материалистически, не как материальное благополучие в мире повседневности, как освобождение от страстей и страданий материального мира.

Освобождение, которое обещают индийские религиозно-философские системы, не является чисто ментальным продуктом. Этот продукт можно назвать новым способом бытия, или, вслед за М. Элиаде, «прорывом» на высший уровень бытия, за пределы профанного человеческого существования. Благодаря этому, конечный результат познания вписан не только в сетку эпистемологических целей и ценностей; он является одновременно экзистенциальной и религиозной целью и ценностью.

Освобождение в качестве главной цели познания лишает ценности физическую жизнь саму по себе, превращая ее пусть в неизбежный и иногда доставляющий радость, но все же этап, ведущий к подлинному бытию. В контексте эпистемической культуры освобождение как цель познания затмевает собой ценность всякого другого знания, что, несомненно, препятствует появлению позитивной науки с ее идеалом объективной истины. Место объективной истины как идеала познания в Индии занимает «высшая истина» (*paramārtha-satya*). Мы не можем назвать высшую истину индийской ЭК «абсолютной» в смысле ее однозначной выразимости, объективности и неизменности, потому что она не обладала перечисленными признаками; не была она и рациональной, потому что в Индии не было концепта разума как высшей познавательной способности. Высшей способностью, понимаемой как способность постичь высшую реальность, в традиционной индийской ЭК стало интуитивное схватывание, интуитивный опыт, непосредственное восприятие (*anubhava*). Принципиальная неконцептуализируемость такого схватывания разрешала кардинально несходным системам мысли считать свои метафизические учения высшими истинами и при этом не обсуждать их содержание, сохраняя в неприкосновенности их ядро. Не стремясь к абсолютной истине, индийская ЭК на уровне эмпирической реальности (*вьявахарика*) довольствовалась конвенциональной истиной (*вьявахара*).

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Издательство АСТ, 2003. 602 с.
2. Knorr Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge-London: Harvard University Press, 1999. 329 p.
3. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1999. 408 с.
4. Канаева Н.А. Становление принципов теоретического знания в Индии. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Специальность 09.00.03 – История философии. М.: ИФ РАН, 2021. 536 с.
5. Ньяя-сутры. Ньяя-бхашья. Историко-философское исследование, пер. с санскрита и коммент. В.К. Шохина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 504 с.

6. Дхармакирти. Краткий учебник логики, с комментарием Дхармоттары // Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. В 2-х ч. 2-е изд. СПб.: Издательство АСТА-ПРЕСС LTD, 1995. 395+292 с.

7. Śāntaraksīta. Tattvasaṃgraha, with the comment. Pañjikā of Shrī Kamalaśīla. In 2 vols. / Ed. E. Kṛṣṇāmācārya. With a Foreword by B. Bhattacharyya // GOS. Vol. XXX–XXXI. Varoda: Oriental Institute, 1926. Vol. I. P. 404–433.

8. Умасвати. Таттвартха-адхигама-сутра // Железнова Н.А. Дигамбарская философия от Умасвати до Немичандры: историко-философские очерки. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2012. С. 73–179.

9. Кундакунда. Правачана-сара. Панчастикая-сара. Нияма-сара. Самая-сара // Железнова Н.А. Учение Кундакунды в философско-религиозной традиции джайнизма. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. С. 214–299.

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА "ИНСТИТУТ" В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ И ПРЕДМЕТНОМ АСПЕКТАХ: ЧТО ЭТО ДАЕТ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ДИНАМИКИ СОЦИУМА

И.Э. Фролов

Доктор экономических наук, руководитель Центра «Исследования и прогнозирования высоких технологий и зарождающихся рынков»

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

E-mail: frolovecfor@gmail.com; i_frolov@ecfor.ru

Экономисты рассуждают об экономике в разных традициях: в рамках институциональных теорий действия экономических агентов рассматривает в поле, "заполненном" институтами. Исследователи по разному определяют объем понятия "институт", выделяя разные признаки и отношения между ними. Большинство стремятся его расширить, но некоторые, наоборот, - пытаются конкретизировать его содержание. Для ответа на вопрос, а насколько правомерны такие попытки, было проведено исследование историко- и социокультурного контекста развития понятия "институт", выполнена сборка структурных и содержательных определенностей. Определены семантические связи, выделяющие две группы контекстов употребления слова "институт": первый – "обычай" и "установление", второй – "учреждать", "учреждение", "организация". Это означает, что под концептом "институт" скрывается два разных типа общественных объективаций: первый тип выступают базисным условием порождения нового общественного субъекта, т.е. является инфраструктурным условием существования организации. Но уже функционирующие учреждения порождают и воспроизводят "внутри себя" субинституты, которые могут быть кодифицированы в виде устава, корпоративных правил и т.п., что и порождает иллюзии общности "правил".

Ключевые слова: институт, общественная объективация, семантические связи, предметные определенности

ANALYSIS OF THE CONCEPT "INSTITUTION" IN THE HISTORICAL AND CULTURAL AND SUBJECT ASPECTS: WHAT IT PROVIDES FOR UNDERSTANDING THE DYNAMICS OF SOCIETY

I.E. Frolov

*DSc in Economics, Head of the Center for High-Tech and Emerging Market Research and Forecasting
Institute of Economic Forecasting, RAS*

E-mail: frolovecfor@gmail.com; i_frolov@ecfor.ru

Economists reason about economics in different traditions: institutional theories consider the actions of economic agents in a field "populated" by institutions. Researchers define the scope of the concept of "institution" in different ways, highlighting different attributes and relations between them. Most seek to expand it, but some, on the contrary, try to specify its content. To answer the question of whether such attempts are legitimate, a study of the historical and sociocultural context of the development of the concept of "institution" was conducted,

the assembly of structural and substantive certainties is done. The semantic links were determined, distinguishing two groups of contexts for the use of the word "institute": the first is "custom" and "establishment", the second - "establish", "institution", "organization". This means that under the concept of "institution" there are two different types of social objectivations: the first type acts as a basic condition for the generation of a new social subject, that is, it is an infrastructural condition for the existence of the organization. But already functioning institutions generate and reproduce "within themselves" sub-institutions, which can be codified in the form of statutes, corporate rules, etc., which gives rise to the illusion of common "rules".

Keywords: institution, social objectivations, semantic links, subject definitions

Традиционное понимание трансформирования отдельных сфер общественной жизни тесно связано с изменениями институтов, которые в самом общем виде являются специфическими формами организации совместной деятельности людей. Однако, уже более столетия, начиная с основополагающих работ Т. Веблена (1899) [1], У. Гамильтона (1919) [2] и Дж. Коммонса (1924) [3], среди экономистов и исследователей иных общественных наук продолжается то затихающая, то вновь вспыхивающая дискуссия об основных коннотациях, признаках и предметных определенностях концепта "институт", и до сих пор нет единого понимания этого общественного феномена.

Развитие институциональных теорий сменило как минимум три поколении концептуальных моделей, с помощью которых исследователи пытались определить как смысловое ядро, так и денотат этого концепта. Так у Т. Веблена природа "институтов" связывается с "привычным образом мысли (habit of thought), руководствуясь которым живут люди" [1, р. 200], близко и у У. Гамильтона: "Институты – это словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев (conventions). Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы и превратился для народа в обычай... [2, р. 311], но уже у Дж. Коммонса происходит сдвиг в социально-правовую плоскость: действия экономических агентов в рамках институционального понимания превращаются в сделку (transaction), где возникает отчуждение и приобретение индивидуумами прав в отличие простого обмена товарами [3, р. 651-652]. В 1950-60-е гг. происходит новый сдвиг: развития институциональных теории фокусирует свое внимание на исследовании факторов и направлений трансформации вещественной и институциональной структуры экономики и общества в целом, так, например, Дж. Гэлбрейт выдвинул т. н. "теорию нового индустриального общества", где, в частности, для объяснения изменений внутренней природы крупных корпораций, за предшествующие десятилетия, ввел описание разветвленного аппарата носителей специализированных знаний, включающий менеджеров, инженеров, исследователей, который он назвал "техноструктурой" (technostructure) [4]. Техноструктура как институт устанавливает долговременные планомерные связи с техноструктурами других крупных корпораций, гармонизируя условия взаимных поставок, стратегию капиталовложения и специализации; тем самым рыночная конкуренция заменяется формированием особой регулируемой системы, охватывающей тысячи крупнейших корпораций. Экономические кризисы середины и конца 1970-х гг. вызвали новый поворот в сторону разгосударствления и децентрализации, а неоклассические школы перешли в контрнаступление, что породило целый блок новых произведений, называемый условно "неоинституционализмом", и в рамках которого представлен синтез некоторых идей традиционного институционализма и неоклассической теории. В качестве примера можно упомянуть транзакционную теорию организаций, центральным понятием которой является "институт транзакционных издержек", как некоего стабильного, но тормозящего рыночные процессы явления. Речь идет о совокупности расходов, связанных с финансовым обслуживанием деловых межфирменных сделок и контрактов (транзакций). Сами транзакционные издержки непосредственно связаны с "оппортунистическим поведением", которое выражается в уклонении от выполнения условий сделки или совершении действий, которые ведут к компенсационным или страховым выплатам [5, р. 44–52]. В новейшее время теоретическая мысль пытается найти синтез между теорией институтов и теорией рынка на путях разработки уже третьего поколения - институционально-эволюционной экономической теории. В качестве наиболее крупных авторов в этой сфере исследований можно указать Д. Норта [6] и Дж. Ходжсона [7], а среди российских ученых следует выделить А. Шаститко [8] и Г. Клейнера [9]. Д. Норт, в частности, впервые четко разделяет "институты и "организации", определяя институт как - "правила игры" [6, р. 19-20]. А. Шаститко добавляет такую форму ограничений как регулятор деятельности плюс "механизм контроля", а Г. Клейнер - аргументирует необходимость отказа от понятия "механизмы принуждения или контроля". Резюмируя, разные исследователи по разному определяют объем понятия "институт", выделяя разные признаки и отношения между ними.

Большинство пытаются его расширить, а некоторые, наоборот, сузить, конкретизировав его содержание. Для ответа на вопрос, а насколько правомерны такие попытки, было проведено исследование как историко- и социокультурного контекста развития понятия "институт", так и выполнена собственная сборка структурных и содержательных определенностей понятий "институт".

Теоретической и методологической основой авторского исследования послужили концепция объективации, развитая в традициях Д. Лукача и П. Бурдьё, где под объективацией понимается возникновение нового объекта, его появление "там, где его не было" и "фиксация структуры" [10, с. 29, 53-62]. Более полно, под *общественной объективацией* понимается фиксация структуры (т.е. сохранение некоторого инварианта) общественных феноменов, взаимодействий, практик, возникновение новой сферы деятельности людей, что взаимообусловлено, как воспроизводством самих общественных объектов, так и воспроизводством части условий, обеспечивающих их существование. Также надо понимать, что "объективация" может означать процесс становления объекта, а может – результат этого становления, т.е., в частном случае, сам общественный объект/общественная система [11, с. 80]. Сама схема специальной историко-методологической процедуры исследования наиболее общих общественных объективаций приведена в [11, с. 84-90]. "Ядром" историко-критического этапа исследования понятия "институт" является историко-культурный метод В. Романова – реконструкции "потенциального текста культуры" [12]. Суть метода Романова для исследования предметных определенностей предполагает, что трансформация общезначимых понятий в преддицирующие личность смыслы означает, что все они прямо или косвенно что-то сказывают о нашем Я, одновременно сказываясь и на наших индивидуальных возможностях в их конкретной содержательной определенности. При этом: область возможных автопредикаций ограничена и в разных социумах она имеет свои конкретные историко-культурные *очертания*, которую можно выделить как устойчивую и актуализирующуюся *смысловую зону*, обеспечивающую относительное единство коммуникаций сообщества; эту систему можно описать как набор основных опорных определенностей и концептов, определяющих содержательную специфику данной культуры. Ее можно представить в качестве непроявленного "потенциального текста", в котором понятия, благодаря изначально присущим им *семантическим связям*, заранее "ожидают" и "предполагают" друг друга с разной степенью вероятности. Слова могут вступать друг с другом в отношения обоюдного ожидания по самым различным поводам и на самых различных уровнях человеческой субъективности, начиная с вербально логического и кончая уровнем моторной топологии [13, с. 118-119]. Анализ семантических связей позволил выделить две основные группы контекстов употребления слова "институт": первый – "обычай" и "установление", второй – "учреждать", "учреждение", "организация". Связующим звеном выступила правовая традиция, которая на протяжении многих веков западноевропейской культуры и развивала, прежде всего, понятие "институт", откуда оно было заимствовано в другие общественные и гуманитарные науки.

Результаты исследования:

1. Институт является специфическим видом *транслокальной общественной объективации*, которая базируется на общности культурных норм общественных субъектов и образует *метауровень* по отношению к локальным общественным объектам, на которые они могут оказывать воздействие. Иначе говоря, институты *не* правила и *не* организации, а де-факто "площадка" на которой акторы сложным образом согласовывают *изменения* правил функционирования подотчетных организаций. В онтическом плане институт первичен по отношению к конкретному индивиду и выступает *механизмом трансформации* его действий в типовые формы деятельности, которые поддерживают воспроизводство как института, так и "включение" субъекта в общественные отношения. Типологизация действий индивидов позволяет им создавать новые опредмеченные возможности, которые в случае экономических институтов приводят к *сокращению издержек* воспроизводства материальных условий жизни хозяйствующих субъектов.

2. Под общим термином "институт" скрывается как минимум два принципиально разных типа общественных феноменов, т.е. разных объективаций. Институты первого типа выступают одним из базисных условий порождения (учреждения) нового общественного субъекта (например, регистрация юридического лица). Институты этого типа являются *инфраструктурным условием* существования учреждения (организации). Но уже функционирующие учреждения порождают и воспроизводят "внутри себя" субинституты, которые могут быть кодифицированы в виде устава, корпоративных правил и т. п. Общность одного из признаков этих двух типов объективаций и порождает иллюзии о том, что организации можно свести к институциональным объектам. Однако организации представляют собой более сложную общественную объективацию, одним из уровней которой,

в частности, обязательно является механизм управления, необходимый для руководства и контроля одновременной, но совместной деятельности индивидов, объединенных, в случае экономических видов деятельности, для производства и распределения какой-либо продукции.

3. В настоящее время происходит разрушение институтов как объективаций и возникает доминирование такого феномена как *конвенция*. Конвенция более изменчива и регулируема.

Последний вывод открывает перспективы для целого спектра действий элитных групп в рамках практик социальной инженерии или политехнологий массовой манипуляцией действий целых социальных групп, что можно продемонстрировать на актуальных примерах работы с общественным сознанием за последние два года, связанных, в частности, с внедрением "цифровых валют".

Литература

1. *Veblen T.B.* The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. N.Y.: MacMillan, 1899. 404 p.
2. *Hamilton W.H.* The Institutional Approach to Economic Theory // The American Economic Review. 1919. No 9. P. 309-318.
3. *Common J.R.* Legal Foundations of Capitalism. N.Y.: Macmillan, 1924. 394 p.
4. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: 2004. 602 с.
5. *Williamson O.E.* The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting. N.Y.: The Free Press, 1985, 450 p.
6. *North D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance, Cambridge University Press, 1990. 152 p.
7. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003. 464 с.
8. *Шаститко А.Е. и др.* Регулирование, предпринимательские риски и экономическое развитие. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2021. 86 с.
9. *Клейнер Г.Б.* Системная экономика: шаги развития. М.: Изд. «Научная библиотека», 2021. 746 с.
10. *Лукач Д.* Своеобразие эстетического. Т. 1. М.: 1985.
11. *Фролов И.Э.* Историческая реконструкция возникновения денег и рынка и их теоретико-систематическое описание как экономических объективаций // Экономика в переломные эпохи. История мировой экономики, вып. 6. Сборник статей. М.: ИЭ РАН, 2017. С. 75-127.
12. *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука. 1991. 192 с.
13. *Романов В.Н.* Исповедь научного работника, или утешение методологией // Сб.: Три подхода к изучению культуры. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 93—127.

ПОСТ МОДЕРНИЗМ КАК ДИАГНОЗ: «ПОТЕРЯ СОЗНАНИЯ»

А.И. Демидов

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: ademidov2014@mail.ru*

Пост модернизм, как достаточно разветвленная система мыслительных конструкций, фиксирует ряд социальных, культурных, методологических обстоятельств, характерных для современного общества и тенденций его развития. Становление цифровой среды оказывает не только мощное интеграционное и стимулирующее воздействие на экономику и коммуникационную среду, но оказывает дезинтеграционное влияние на социальные отношения, сознание и культуру. Нарастает необходимость поиска новой рациональности и новой логики, построенной на более сжатых и выразительных мыслительных конструкциях и формах, эффективных шагов по формированию понятийного мышления, логики и политики солидарности как антитезы дезинтеграции и обособления.

Ключевые слова: постмодернизм, логоцентризм рациональности, цифровизация, дезинтеграция, клиповое мышление, фрейм, иеролиф, солидарность

POST – MODERNISM AS A DIAGNOSIS: ‘THE LOSS OF CONSCIOUSNESS’

A.I. Demidov

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy

Saratov State Law Academy

E-mail: ademidov2014@mail.ru

Post-modernism, as a fairly ramified system of mental structures, captures a number of social, cultural, methodological circumstances that are characteristic of modern society and its development trends. The formation of the digital environment not only has a powerful integration and stimulating effect on the economy and communication environment, but also has a disintegrating effect on social relations, consciousness and culture. There is a growing need to search for a new rationality and a new logic built on more concise and expressive mental structures and forms, effective steps towards the formation of conceptual thinking, logic and a policy of solidarity as the antithesis of disintegration and isolation.

Keywords: postmodernism, logocentrism, rationality, digitalization, disintegration, clip impression, frame, hieroglyph, solidarity

Постмодернизм, как мыслительная традиция, сложившаяся в современной философии, культуре, политике, имеет свою историю, адептов и критиков. Литература о нем обширна.

Ясно, что в небольшой статье даже чисто схематическая классификация, анализ этой традиции невозможен, тем более, что в литературе этот анализ предпринимался неоднократно. Свою задачу мы видим в другом: увидеть в постмодернизме не экзотический «зигзаг ума», а своеобразную интерпретацию тех огромных бытийственных, мировоззренческих сдвигов, которые происходят в современном обществе, и попробовать обсудить альтернативные возможности их решения.

Уже с начала XX века все более значимым и ощутимым становится действие ряда культурных и идеологических предпосылок, делающих востребованной иррационалистическую мыслительную традицию, в рамках которой разум рассматривается как репрессивная сила.

Методологически важным для постмодернизма служит выдвинутое французским философом Франсуа Лиотаром положение о “тотальном недоверии к метанарративам целостности”, задающее приоритет технике дезинтеграции и волюнтаризации мира.

Составляющими этой техники служат процедуры

- критики логоцентризма – идеи связанности причины и следствия, смысла и цели;
- деконструкции – замена целостности плюрализмом, детотализация общественных структур;
- отрицания любой власти и централизованной политики [1, См.: С. 66-67].

По нашему мнению, пост модернизм, как достаточно разветвленная система мыслительных конструкций, в эпатажной форме фиксирует целый ряд социальных, культурных, методологических обстоятельств, характерных для современного общества и тенденций его развития.

И прежде всего, это новое состояние экономики и новые потребности, которые она порождает. В пост индустриальном обществе информация становится главным экономическим и социальным ресурсом. Ускоряя возможность создания и внедрения технических и экономических инноваций, оказывая решающее воздействие на изменение поведения человека, она придает высокий уровень динамизма изменению самой ткани социальных и экономических отношений, формирует новые требования к квалификации и культуре занятых в экономике людей.

Но, получается, что становление цифровой среды оказывает не только мощное интеграционное и стимулирующее воздействие на экономику и коммуникационную среду, но сопряжено и с все более ощутимым дезинтеграционным влиянием на социальные отношения сознание и культуру.

Постоянство нестабильности, текучесть норм, смена привычных жизненных ориентиров, естественно, требуют новых способов действия в этой сфере, новых, соответствующих столь быстрым изменениям форм регуляции социально-политических отношений, ставя под вопрос и самую их возможность и необходимость. Увеличивается степень виртуализации социальной и политической среды: многие явления находятся на грани возможного и реального, а их носителя часто не имеют выраженного онтологического статуса, твердых оснований существования.

Возникает весьма важный для влияния на поведение эффект «снятия», когда контакт с разнообразной и разрозненной информацией создает ощущение целостного видения ситуации, складывается в «картинку», пригодную для ориентации и направления действия («фрейм»). Так, «прежний линейный способ восприятия мира, основанный на логической последовательности,

аргументации и обосновании, уступает место целостному видению, когда даже мозаичное и нерегулярное чтение или просмотр TV быстро приобщает человека к происходящему» [2, С. 91].

Этот человек руководствуется «клиповым мышлением», вырастающим из длительного потребления информации в «мозаичном и препарированном виде через музыкальные каналы и СМИ». Окружающий мир в нем «превращается в мозаику разрозненных, мало связанных между собой фактов. Человек привыкает к тому, что они постоянно сменяют друг друга и постоянно требует новых. Если посмотреть со стороны анализа информации, то обладатель КМ оперирует только смыслами фиксированной длины и не может работать с семиотическими структурами произвольной сложности» [3. [http: shkolazhizni.ru/print/8011/](http://shkolazhizni.ru/print/8011/)]

Постоянная смена впечатлений, информационных рядов продуцирует отношение к действительности, выражающееся в отклике, поступке, реакции, а не позиции, устойчивом отношении, на основе которого выстраивается поведение как линия поступков.

В таком потоке «впечатлений» теряется видение причинных и иных связей и отношений, происходит их укорачивание, что оборачивается неспособностью предвидения последствий своих действий, а «наши социальные пространства становятся пустыми и холодными» [4, С. 105].

Осязаемым выражением такой пустоты служит деградация языка общения, замещение его умолчаниями, слэнгом, групповыми диалектами, непонятными для других. «Сигналы», которыми обмениваются люди, становятся все более короткими, примитивными, свидетельствующими о потере памяти, как важного свойства сознания и культуры, связывающего нас с прошлым опытом и создающего возможность его использования, включения в повседневность.

Очень красноречивой и емкой характеристикой такого отношения ко времени служит термин «схлопывание времени», предложенный британским социологом Джуди Вайсман [5, С.183], действительно отражающий смещение временных рядов, последовательности событий и действий, которые возникают в сознании и деятельности современного человека под воздействием разнообразия тех жизненных и технических обстоятельств, в которых разворачивается «биография». Ее горизонт в силу этого становится донельзя коротким и зауженным, способность предвидения, управления как системного целенаправленного действия, просто не формируется.

Виртуальная среда и значимость жизни в ней привычно оцениваются с некоторым неглижированием («гиперреальность»). Но этот феномен существует, и, по крайней мере, открывает новые проективные возможности и человеческие способности, о которых ранее их носители даже не подозревали. То же самое касается новых типов идентичности, которые значительно умножаются, как и возможности самовыражения, выбора нетривиальных занятий, форм поведения и образа жизни.

Как бы критично мы не относились к этой «гиперреальности» при формировании тактики жизни в ней следует принять некоторые важные обстоятельства:

- технику пост индустриальной эпохи и возможности, которые она открывает; прежде всего, речь идет о цифровой среде и последствиях преобразования на ее основе экономических и образовательных отношений;
- доминирование разнообразных форм сетевой коммуникации, «медиумом которой являются уже не книги, а сигналы – носители информации, подлежащей расшифровке и истолкованию на основе научного метода» [6. С.204-205].
- фундаментальную ценность индивидуальности, значение уважения человеческого выбора и возможностей его реализации;
- в новых обстоятельствах оказывается востребованным человек, обладающий выраженным динамизмом: профессиональным, образовательным, психологическим.

Сознание этого человека – результат мощных технологических, экономических, культурных и психологических изменений. Их общий «тренд» - диверсификация, разделение, обособление, нарастание многообразия ориентаций, привязанности к растущему многообразию интересов на фоне многих интегративных процессов. Это и «укорачивание» рациональности: разрыв логических цепочек в мышлении, сокращение горизонта видимых возможностей. Часто это выражается в примитивации языковых конструкций и лексики (результат господства «пост книжной культуры»).

Все это и многое другое – свидетельство нарастающей необходимости поиска новой рациональности и новой логики, построенной на более сжатых и выразительных мыслительных конструкциях и формах. Их широко распространенным выражением служит – фрейм – форма мысли и коммуникации, объединяющая в себе черты понятия, сигнала и образа.

Но использование фреймов – прерогатива не только современных форм коммуникации, культурная прародина фреймов – это иерографическая письменность, встречающаяся у многих народов не одно тысячелетие, и не разрушившая, ни их сознание, ни культуру, ни способность

к творчеству и объединению. Внимательное изучение логических, рациональных оснований иерографической культурной традиции может послужить серьезной предпосылкой преодоления кризиса сознания, столь красочно описанного в постмодернизме.

Обеспечение движения к интегративным практикам в образовании и социальной политике предполагает выбор мер, которые могут способствовать разрыву с логикой дезинтеграции, восстановлению духовной целостности. «Они начинаются с эффективных шагов по формированию понятийного мышления, которое складывается из умения выделять суть явления, видеть причину и прогнозировать последствия, систематизировать информацию и строить целостную картину ситуации». [7. <http://www.rosbalt.ru/main/2013/12/04/1207437.html>. Обращение 05.11.2015.].

Именно оно «является одним из важнейших факторов, формирующих личность человека, его интеллект и творческий потенциал. Ведь в любой сфере человеческой деятельности, помимо специальных знаний, зачастую требуются:

- умение логически мыслить, правильно и последовательно выстраивать аргументацию, ясно и отчетливо выражать свои мысли;
- умение критически оценивать созданное ранее, анализировать ситуацию, отделять важное от несущественного, связывать внешне далёкие друг от друга предметы» [8. <http://www.msu.ru/science/details/2013/mathobr.pdf>].

Получается, что целый ряд критически важных, доступных для восприятия каждым нормальным человеком сфер жизни, выстраивается по логическим, рациональным схемам, служащим объективным основанием и императивным требованием «логоцентризма».

Поэтому «логоцентризм» в наших суждениях и действиях сохраняется, несмотря на все усилия по его разрушению, под воздействием весьма существенных обстоятельств, не позволяющих срываться в хаос случайных впечатлений. Онтологической основой «логоцентризма» служат:

- причинно-следственные связи, в том числе и в деятельности человека, где результат следует за действием, а не наоборот;
- временная последовательность поступков и событий;
- устойчивая (пока) цикличность природных процессов;
- властные механизмы, вносящие целенаправленность во многие социальные процессы и ограничивающие тем самым их стохастические параметры;
- многие технические процессы (и технологии) состоят из взаимосвязанных, последовательно выполняющихся и дополняющих друг друга звеньев, этапов, а их нарушение оказывается явно разрушительным и опасным;
- соблюдение построенных на логике правил поведения обеспечивает нашу безопасность во всем многообразии ее аспектов от технологии до экологии.

Движение к возвращению системности, связанности в мышление и действие, укрепление их последовательности и логичности необходимо начинать с формирования критического отношения к пост модернистским технологиям деятельности, четко обозначив их основные характеристики:

- «радикальный скептицизм относительно поиска истины» [9, Р.291],
- стирание различий между реальностью и вымыслом,
- замещение объективности субъективизмом,
- отсутствие каких-либо привязок к определенному виду деятельности или мировоззрению.

Преодоление постмодернистских наслоений создает возможность формирования логики и политики солидарности как антитезы дезинтеграции и обособления. Укороченная (сигнальная) коммуникация, обмен короткими сообщениями не создает ощущения идентичности, принадлежности к единой общности, так как оно возникает не из непосредственных личных контактов (они сводятся в основном к самопрезентации, выражению собственной самости), а формируются из ощущения созависимости, взаимодействия с разными людьми, имеющими общие интересы.

Без этого возникает дефицит солидарности – деятельного сочувствия разных людей по отношению друг к другу, связанности с другими чем-то большим, нежели короткие сообщения. Фиксация такого дефицита порождает поиск ценностей – общих представлений о наиболее желаемых состояниях или качествах людей. Но структуру ценностей формирует идеология (Ж. Бодрийяр: «искажение реальности через знаки») [10 С.55], она их не создает, но именно оформляет, структурирует, так как их генезис связан с интересами, как раз формирующими поле представлений о желательности или необходимости чего-либо

Литература

1. Автономова Н.С. Жак Деррида // Философы двадцатого века. Кн. 3. М., 2009.
2. Коротникова Н.В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества // Социс. 2007.№2.
3. Фридман О. Клиповое мышление. Что это такое? // <http://shkolazhizni.ru/print/8011/>.
4. Марков Б.В. Политическая антропология. СПб. 2017. С.105
5. Вайсман Дж. Времени в обрест: ускорение времени при цифровом капитализме. М., 2019.
6. Марков Б.В. Политическая антропология. СПб., 2017.
7. Интервью с Людмилой Явсюковой – руководителем лаборатории социальной психологии СПбГУ // <http://www.rosbalt.ru/main/2013/12/04/1207437.html> . Обращение 05.11.2015.
8. Концепция развития математического образования в Российской Федерации. Проект МГУ // <http://www.msu.ru/science/details/2013/mathobr.pdf>.
9. Ball T. Reappraising Political Theory. Revisionist Studies in the History of Political Thought. Oxford Univ. Press, 1995.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2017.

СТОИТ ЛИ МОЛЧАТЬ О “ТРАДИЦИИ МОЛЧАНИЯ”?*

А.С. Зайкова

*Младший научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН
E-mail: Zaykova.a.s@gmail.com*

А.Ю. Мусеева

*Кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН
E-mail: ajuto@yandex.ru*

Миллс использует как аргумент против теории Джона Ролза концепцию «традиции молчания», по своей сути являющейся традицией замалчивания. Однако понимаемая в широком смысле традиция молчания может стать основой для критики любой теории. Возникает вопрос: в каких случаях мы можем говорить о традиции молчания, а когда о ней лучше «молчать»? Чтобы ответить на этот вопрос, мы рассматриваем основные случаи использования концепции «традиции молчания» в современном дискурсе, сравниваем их с прецедентом Чарльза Миллса и показываем, в чем состоит связь исследуемой концепции с концепцией перформативности как одного из элементов современной методологии социальной философии. Это позволяет нам сделать вывод, что возможность использования концепции «традиции молчания» в критике социальной теории должна быть ограничена, поскольку понимаемая слишком широко, она превращается из инструмента, способствующего развитию научного знания, в инструмент, препятствующий ему.

Ключевые слова: традиция молчания, перформативность, критическая расовая теория, несправедливость, социальная критика, Чарльз Миллс, Джон Ролз

SHOULD WE BE SILENT ABOUT “THE PATTERN OF SILENCE”?

A.S. Zaykova

*Junior Research Fellow
Institute of Philosophy and Law of the SB RAS
E-mail: Zaykova.a.s@gmail.com*

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект №18-78-10082П)

Mills uses against John Rawls's concept an argument of the "pattern of silence", which is essentially a tradition of deliberate understatement. However, tradition, tacitly understood in a characteristic sense, can become the basis for criticism of any theory. The question arises: in what cases can we talk about the silence of tradition, and when is it better to "be silent" about it? To answer this question, we observe the case of the discovery of an observable feature in private discourse, compare them with the precedent of Charles Mills, and evaluate the connection of the discovery with the concept of performativity as one of the elements of the modern analytic method. This allows us to conclude that the possibility of using the "pattern of silence" within the framework of the analytical method in the study of social practice should be limited, since, understood too broadly, it turns from an instrument that promotes the development of scientific knowledge into an instrument that hinders it.

Keywords: the pattern of silence, performativity, critical racial theory, injustice, social criticism, Charles Mills, John Rawls

В 2017 американский философ карибского происхождения Чарльз Миллс опубликовал книгу «Права чёрных / ошибки белых», где выступил с критикой теории справедливости Ролза, обвиняя его в приверженности так называемой «традиции молчания», по своей сути являющейся традицией замалчивания несправедливости – в данном случае расовой [1]. Ранее можно было встретить обвинение в молчании структур исполнительной власти, скрывающих преступление на почве расовой ненависти, но подобное обвинение в адрес философской концепции стало своего рода прецедентом в социальной критике, который широко изучается и зачастую повторяется в современном философском дискурсе, пусть и, возможно, в меньшем масштабе, чем хотелось бы сторонникам критической расовой теории.

Однако концепция традиции молчания может использоваться не только в узком смысле – исключительно против невнимания к проблемам расового характера – но и в широком, обращая внимание на проблемы других социальных несправедливостей, допустим, гендерных. В результате понимаемая в широком смысле традиция молчания может стать основой для критики любой теории. Возникает вопрос: в каких случаях мы можем говорить о традиции молчания, а когда о ней лучше молчать?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы рассмотрим основные случаи использования концепции традиции в современном дискурсе и сравним их с прецедентом Чарльза Миллса. После этого мы оценим связь исследуемой концепции с концепцией перформативности как одного из элементов современного аналитического метода. Это позволит нам определить возможность использования традиции молчания в рамках аналитического метода в исследованиях социальной практики.

В повседневной жизни пагубное влияние замалчивания проблем расовой несправедливости ярко проявляется в образовательных учреждениях. Так, Стейси А. Гибсон пишет про тиранию молчания в школах: «Системное замалчивание вопросов расы... поддерживает статус-кво, когда белые сохраняют привилегии, повторно травмируя цветных людей и подрывая любые усилия по значимому, преобразующему вмешательству» [2]. Про молчание говорят и в контексте проблем гендерной несправедливости. Сара Э. Дэвис и Джеки Тру, исследуя многочисленные конфликты в Мьянме, приходят к выводу, что наблюдаемая там модель молчания о сексуальном и гендерном насилии коренится в «широко распространенной дискриминационной гражданской и физической практике в отношении женщин» [3, р. 4]. Отсутствие сообщений о сексуальном и гендерном насилии, в свою очередь, приводит к отсутствию адекватного ответа на него.

Теперь обратимся к Чарльзу Миллсу, который и создал прецедент использования традиции молчания как аргумента против философской теории. Его критика была направлена на теорию справедливости Джона Ролза – который, в общем случае, создавал свою теорию исходя из принципа равенства для всех социальных классов, наций и гендеров. Тем не менее, Миллс высказывается относительно теории Джона Ролза резко и однозначно: «В любом случае они [работы Ролза] демонстрируют одну и ту же традицию молчания», он поясняет свою критику так: «Ни в одной из этих книг Ролз не обсуждает расовые взгляды, например, Локка, Юма, Канта, Гегеля, Милля или их отношение к европейскому колониализму» [1, р. 141]. В предыдущих книгах Миллс также обвиняет белых исследователей в «соучастии в молчании», а «социальный договор» – в том, что он предназначен

только для белых людей [4, р. 21]. Миллс предполагает, что только громкое озвучивание существующих проблем и признание, что вся европейская философия – это философия белых людей, может помочь исследователям создать актуальную и действенную теорию, которая бы действительно боролась с существующей несправедливостью.

Такая позиция напоминает позицию некоторых феминистских исследователей, убеждённых, что вся европейская философия – это философия мужчин. Похожей позиции, в частности, придерживается Н. Холланд в книге «Возможна ли женская философия?», обращающая внимание на тот факт, что вся англоамериканская философия культивирует стиль мышления, присущий мужчинам [5]. Однако в феминистской критике и гендерной критике современной философии присутствует важное отличие: феминистская теория, скорее, критикует стиль рациональности, присущий большинству философов, в то время как Миллс и его последователи критикуют недостаток внимания к проблемам расовой несправедливости.

В целом, если смотреть на традицию молчания более широко, то можно обнаружить тесные связи этой концепции с концепцией перформативности. Эта концепция в последнее время широко применяется для исследования социальной реальности и описывается следующим образом: перформативность проявляется в ритуалах и действиях, ретранслирующих и всякий раз заново воплощающих определённые культурные смыслы и убеждения. Например, объявление пола ребёнка при рождении можно отнести к перформативным актам, конструирующим гендер [6]. В расовых исследованиях концепция перформативности даёт столь же заметные результаты, как и в гендерных. (Так, С. Хаслангер считает, что расовая идентификация человека является способом перформативного закрепления за ним определённого места в социальной иерархии [7].) В частности, в приведённых выше примерах проявления расовой нетерпимости в образовательных учреждениях замалчивание проблем учителями и студентами также может рассматриваться как перформативный акт, который, во-первых, воплощает позицию, согласно которой такие проблемы являются вариантом нормы, и, во-вторых, ретранслирует эту же позицию, убеждая студентов и школьников, что проявления расовой нетерпимости допустимы. Молчание о сексуальном и гендерном насилии в тех случаях, когда оно инициировано не самой жертвой насилия, а навязывается жертве ее социальным окружением, обладает схожими признаками: представление о нормальности молчания является в таких случаях следствием представления о нормальности, по крайней мере, некоторых проявлений насилия в конкретном исследуемом обществе. Сторонники традиции молчания могут считать, что насилие плохо, но неизбежно, поскольку оно в человеческой природе; или что попытки пресечь подобные практики в обществе приведут к слишком большим социальным конфликтам и нестабильности; или что существуют простые предосторожности, позволяющие избежать насилия, которым жертва могла бы просто научиться, и т.д. К чему бы они не апеллировали, фактически их влияние способствует смуте и дезорганизации среди тех людей, который способны повлиять на предотвращение преступлений, вместе с тем, оно убеждает жертв насилия в «ненормальности» озвучивания проблемы.

В отличие от рассмотренных ситуаций, недостаточное, по мнению Миллса, обсуждение Ролзом расовой несправедливости является не следствием какого-либо варианта оправдания этой несправедливости и возведения ее в ранг нормы. Оно продиктовано основными теоретическими положениями, из которых исходит Ролз. Центральное понятие концепции Ролза – «занавес неведения» – предполагает, что изначально человек, принимающий решение о справедливости, не знает о своей гендерной, классовой и расовой принадлежности [8]. Именно поэтому проблемы отдельных социальных групп, дискриминируемых по расовому (а также по гендерному или какому-либо другому) признаку не являются приоритетной темой обсуждения в рамках данной теории. Обсуждая последствия идеальной теории, Ролз также не транслирует позицию, что расовая нетерпимость является нормой, более того, Ролз убеждён, что в обществе, построенном с помощью его концепции, на общественном уровне нет места для расовой нетерпимости.

Если же предполагать, что отсутствие в книгах Ролза обсуждений взглядов Канта на расовую проблему приводит к несправедливости его итоговой концепции, то сходный вывод можно сделать относительно концепции самого Миллса: отсутствие в его книгах обсуждения взглядов Канта на гендерную несправедливость приводит к несправедливости концепции Миллса для женщин. Это, конечно, является преувеличением: задача Миллса – уменьшение не гендерной, а расовой несправедливости, в то время как задача Ролза – построение общезначимой теории справедливости.

Таким образом, концепцию традиции молчания в целом можно отнести к последствиям перформативного поворота. Более того, использование концепции традиции молчания в случае исследований поведения в образовательных учреждениях, а также действий исполнительных властей даёт возможность провести исследования там, где замалчивание является частью исследуемой

проблемы. Однако использование этой концепции применительно к философским теориям, изначально рассматривающим всех людей как равных, как мы показали, может само рассматриваться как призыв к молчанию (то есть призыв отказаться от создания таких теорий вообще) – поскольку, согласно сторонникам критической расовой теории, если теория не поднимает проблемы расовой справедливости, она является несправедливой теорией и, возможно, вообще не должна существовать – или, если и существует, то быть переработанной так, чтобы удовлетворять требованиям определённой части дискриминируемых меньшинств. Тем не менее, поскольку в мире существует множество дискриминируемых меньшинств, часть из которых нельзя свести к «чёрным», «цветным» или «женщинам», такая риторика может привести к убеждению, что любая теория не должна существовать. И тогда концепция традиции молчания превращается из инструмента, способствующего развитию научного знания, в инструмент, препятствующий ему.

Литература

1. *Mills C. W.* Black rights/white wrongs: The critique of racial liberalism. Oxford University Press, 2017.
2. *Stacey A. Gibson.* When Silence Is a Sword: How Patterns of Silence Impact Equity Interventions. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ascd.org/el/articles/when-silence-is-a-sword-how-patterns-of-silence-impact-equity-interventions> (дата обращения 10.05.2022)
3. *Davies S. E., True J.* The Politics of Counting and Reporting Conflict-Related Sexual and Gender-Based Violence: the Case of Myanmar // *International Feminist Journal of Politics*. 2017. 19 (1). P. 4–21.
4. *Mills C. W.* The Racial Contract. Ithaca and London: Cornell University Press, 1997.
5. *Holland N. J.* Is Women's Philosophy Possible? Savage, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 1990.
6. *Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990.
7. *Haslanger S.* Gender and Race: (What) Are They? (What) Do We Want Them to Be? // *Nous*. 2000. 34 (1). P. 31–55.
8. *Rawls J.* A Theory of Justice: Original Edition. Belknap Press of Harvard University Press, 2005.

МЕЖДУ ПОСТПОЗИТИВИЗМОМ И ДИАЛЕКТИКОЙ: ПРИНЦИП ИСТОРИЧНОСТИ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ НАУЧНОСТИ В ЗАОЧНОЙ ПОЛЕМИКЕ И. ЛАКАТОСА И Э.В. ИЛЬЕНКОВА

О.А. Казанцев

Учитель

Южный федеральный университет

E-mail: koznew@bk.ru

В докладе реализуется попытка реконструкции постпозитивистской дискуссии о критериях научности и использование в маркировании принципа историчности со стороны английского философа науки Имре Лакатоса, ученика Карла Поппера, а также анализа позиции этого мыслителя в творчестве Эвальда Васильевича Ильенкова. Изначально в исследовании выделяются две исторические и логические линии понимания науки, одна из которых представлена Кантом, позитивистами, неопозитивистами и постпозитивистами соответственно, а другая представлена марксистскими школами, основанными на переосмыслении Гегеля. Далее обозначаются основные параметры в осмыслении научности со стороны позитивистской линии и те проблемы и противоречия, с которыми столкнулась данная парадигма. Затем в рамках введения историчности как способа решения этих пробелов раскрываются позиции Поппера, Куна, Фейерабенда и Лакатоса. В завершении исследования отмечаются те положительные черты, которые обозначил Ильенков в лакатовской концепции историзма в науке, вместе с негативными моментами. Тем не менее критика советского мыслителя признается недостаточной и необходимо расширяется, обращаясь ко всей продолжительности интеллектуальной линии позитивизма и постпозитивизма.

Ключевые слова: Лакатос, Ильенков, позитивизм, постпозитивизм, научно-исследовательская программа, историчность и историзм как принцип

**BETWEEN POSTPOSITIVISM AND DIALECTICS: THE PRINCIPLE OF HISTORICITY
AS A FUNDAMENTAL ELEMENT OF SCHOLARSHIP IN THE CORRESPONDENCE POLEMIC
OF I. LAKATOS AND E.V. ILYENKOV**

O.A. Kazantsev

Teacher

Southern Federal University,

E-mail: koznew@bk.ru

The report implements an attempt to reconstruct the postpositivist discussion about the criteria of scientificity and the use in labeling the principle of historicity by the English philosopher of science Imre Lakatos, a student of Karl Popper, as well as an analysis of the position of this thinker in the work of Ewald Vasilyevich Ilyenkov. Initially, the study distinguishes two historical and logical lines of understanding of science, one of which is represented by Kant, positivists, neopositivists and postpositivists, respectively, and the other is represented by Marxist schools based on Hegel's rethinking. Next, the main parameters in understanding scientific awareness from the positivist line and the problems and contradictions faced by this paradigm are indicated. Then, as part of the introduction of historicity as a way to solve these gaps, the positions of Popper, Kuhn, Feyerabend and Lakatos are revealed. At the end of the study, the positive features that Ilyenkov outlined in the Lakatos concept of historicism in science, along with negative points, are noted. Nevertheless, criticism of the Soviet thinker is recognized as insufficient and it is necessary to expand, turning to the entire duration of the intellectual line of positivism and postpositivism.

Keywords: Lakatos, Ilyenkov, positivism, postpositivism, research program, historicity and historicism as a principle

Наука как социальный институт и производство специфического, объективного, практического и универсального, знания добилась наибольшего успеха в прошедшем столетии. Появление новых отраслей промышленности, исследование и покорение космоса, многократное увеличение населения планеты – вереница грандиозных достижений двадцатого века стала повседневным опытом огромного количества людей в развитых и развивающихся странах. Но, с другой стороны, возникновение оружия массового уничтожения, мировые войны, геноциды и угроза экологической катастрофы заставляют в последние десятилетия философов и историков науки, эпистемологов и социологов начать осмысление самих оснований научной практики.

Проблему демаркации научного знания от остальных форм духовных практик пытались решить еще в античной Греции, при появлении философии как первого вида теоретического и рационального осмысления вообще [1]. Гораздо позднее, в ходе технологических революций Нового времени, когда стали формироваться естественные, опытно-экспериментальные, науки (вплоть до наших дней обозначаемые своими представителями как необходимый для подражания образец менее «научным» собратьям – социо-гуманитарным дисциплинам [2]), а также революций социальных и политических, в научное производство проникли разделение труда и дифференциация [3, с. 295]. Это привело к возрождению с большей интенсивностью изучения в философии вопросов природы и сущности познания, в т. ч. научного мышления. Наибольшей глубины это теоретизирование достигло в немецкой философии, начиная с Канта и заканчивая Гегелем. Во многом на основании двух этих столпов европейской мысли сформировались две линии понимания науки. При всех ограничениях и минусах обобщений, сформулируем эти позиции следующим образом. На особо трактуемой [4, с. 160] кантовской философии развились несколько волн и школ позитивизма, отождествляющие научность с эмпирическим характером знания [5], непротиворечивостью в логическом плане, критерию математизации знания [6, с. 23], конструированию особого языка [7] для удовлетворения этим параметрам. Альтернативным и во многом противоположным решением представлен марксистский проект, основанный на специфически понимаемой системе Гегеля, представляющий научную практику как часть общественного производства, теорию как таковую как разновидность практической деятельности вообще, исторически детерминированные заданным способом воспроизводства общества [8].

По различным причинам, на которых мы не будем останавливаться, доминирующей доктриной в научном разуме оказалась именно линия позитивистская. Но уже к началу предыдущего столетия, в период расцвета этой концепции научности, выявились значительные лакуны подобного понимания.

Например, Макс Вебер, отец-основатель современной социологии и автор теории модернизации как рационализации, в работе «Наука как призвание и профессия» показывает проблемы роста рациональности как «онаучивания» в позитивистском ключе. Будучи представителем неокантианцев [9], немецкий мыслитель строго разграничивал (ненаучные) ценности и (научное) знание, но вместе с тем утверждал, что научный анализ ценностных установок во многом невозможен и затруднителен. Более того, позитивистская рационализация оставляла нерационализируемый остаток, иррациональное поле, на которое во многом сама же рациональность и опирается [10]. Иррациональное, мистическое, необходимым образом оставалось и в философии другого значимого философа, неопозитивиста Людвиг Витгенштейна [11]. Притом отсечение Вебером научного от ценностного некоторым образом противоречит самому определению науки от него: «Но быть превзойденными в научном отношении — не только наша общая судьба, но и наша общая цель. Мы не можем работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас. В принципе этот прогресс уходит в бесконечность». Так понятая наука, как весьма суровый процесс забвения результатов и трудов каждого нового ученого, сама по себе подразумевает наличие определенной ценности, этической установки в виде верности и жертвенности вечному прогрессу. И это не единственные противоречия и проблемы, возникшие у позитивистской парадигмы.

Поэтому наследники этого движения, постпозитивисты, попробовали сохранить строгость, формализацию и некоторые другие характеристики научности, выдвинутые своими предшественниками, при этом выйдя из клубка противоречивости прошлого. Карл Поппер избрал тактику смены необходимости доказуемости идеи к необходимости потенциального опровержения для признания ее научной. Тем не менее концепция фальсификационизма не стала главенствующим решением как из-за собственной логической противоречивости, так и из-за несоответствия реальной практике ученых, для которых кроме фактов важна и сама по себе теория [12, р. 140]. Поэтому развернулась дискуссия с участием других постпозитивистских мыслителей. Томас Кун начал интеграцию принципа историчности в понимание развития и сущности научного знания, вводя понятия-оппозиции «нормальная наука» и «научная революция», «кумулятивное» и «некумулятивное» развитие, а также «научная парадигма». Куновский историзм верно критиковал формализованные критерии рациональности позитивистов и Поппера, «растворяя» их в исторической процессе парадигмальных смен через революционные прорывы [13]. Тем не менее к истории Кун добавляет и психологию, а также тот иррациональный, невыразимый остаток, который лежит в основании формирования парадигм. Во многом следующим, логическим, шагом в развитии стратегий решения проблем как позитивизма, так и постпозитивизма, как считает Моисеев В.И. [14], самими постпозитивистами стала модель Пола Фейерабенда, который довел критерий историзма в психологизм, к необходимому сведению науки к одной из форм духовной человеческой практики, не имеющий никаких привилегий к иным [15]. Отсутствие привилегий у научной практики перед религией и т. д. в какой-то мере совпадает с позицией «открытого общества» Поппера, хотя «открытость» и «свобода» у двух мыслителей как понятия у них различны [16].

Особо выделяется на фоне этой цепочки развития идей Имре Лакатос. Во-первых, изначально данный мыслитель был связан с иной, марксистской, линией понимания науки [17, с. 147]. Во-вторых, несмотря на расхождения и во многом отказ от марксизма (согласие с Поппером в плане непризнания научности за марксистской парадигмой [18]), именно Лакатоса особенно положительно отмечает один из самых значимых мыслителей советского марксизма, Эвальд Васильевич Ильенков в статье «Философия и "научность"». Ведь Лакатос наиболее последовательно использует историзм в философии науки среди остальных постпозитивистов, например, вместо отдельных теорий рассматривая «научно-исследовательские программы», которые благодаря прошедшей истории борьбы, конкуренции и полемики с себе подобными имеют помимо «жесткого ядра» еще и «защитный пояс», «положительную» и «отрицательную эвристики» и т. д. Поэтому «мгновенные» научные революции на деле, при детальном рассмотрении, оказываются постепенным переходом от вырождающейся к прогрессивной научно-исследовательской программе [18]. И, по Лакатосу, в конечном счете побеждает и вытесняет одну научно-методологическую программу другой не та из них, которая опровергла большей положений иной, а та, которая теоретически предсказала открытия большего числа эмпирических фактов. Суммируя все указанные положительные и прогрессивные штрихи концепции мыслителя, Ильенков отзывается о ней достаточно высоко [19].

Тем не менее у советского мыслителя есть и вопросы к Лакатосу. Например, насколько соблюдается философом науки выдвигаемый им критерий научности по отношению к собственным построениям? Применимость критерия к самому себе, на котором «споткнулся» в свое время Поппер. Насколько теории в рамках научно-исследовательской программы, начатые Поппером

и продолженные Лакатосом, в дальнейшем «превосходят своих прямых предшественниц», как выразился Ильенков? По Моисееву постпозитивизм, как традиция, завершился Фейерабендом, который аннигилировал саму необходимость в философии науки. В определенном смысле само «жесткое ядро» позитивизма-постпозитивизма, выстроенное на достижении непротиворечивости, от которой и Лакатос не смог отказаться до конца, довело себя до вырождения в необходимость эпистемологического анархизма. Притом можно покритиковать и самого Ильенкова за то, что он сводит Лакатоса лишь к постпозитивистам, избавляясь от их истоков у первых позитивистов и даже Канта. Мы ведь не зря выше отметили общие параметры у всех этих перечисленных школ и систем мысли, например, в виде необходимости эмпирического содержания и непротиворечивости, сводя их к одной линии, программе и традиции. Но насколько верно поступали сами (пост)позитивисты, восходя к Канту, но исключая Фихте, Шеллинга и Гегеля? Не говоря уже о Марксе. Эти немецкие мыслители были представители единой научно-исследовательской программы, продолжая и дополняя, с взаимной критикой, друг друга. Так же, как это делали и постпозитивисты. Тем не менее логику из и немецких идеалистов, и американских постпозитивистов можно вывести только как из исторической их совокупности. Т. е. до конца понять Поппера нельзя без Лакатоса, так же, как и Канта без Гегеля. Тем не менее американская философия науки прошлого века именно так и предлагал сделать.

Таким образом, обозначая сильные стороны историзма у Лакатоса в его философии науки, Ильенков критикует в его подходе отсутствие полноценного применения критерия к самому себе, а также отрицание конкретного, а, значит, по существу абстрактное [20, с. 30] в смысле Гегеля понимания собственной же научно-программной родословной, намеренные пробелы в ее историко-логическом контексте. Определение же потенциала марксистской научно-исследовательской программы в формулировании критериев научности, их отношение с непротиворечивостью и пониманию общественной практики – тема для иного исследования.

Литература

1. Ильенков Э.В. Античная диалектика как форма мысли [Электронный ресурс]. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/phc/antdia.html>. (дата обращения: 30.04.2022)
2. Павлов А. «Общественные науки значительно отстают от естественно-научных»: Николас Шристанакис о переменах в социальных дисциплинах [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/7548-social-studies>. (дата обращения: 30.04.2022)
3. Вайнберг С. Объясняя мир. Истоки современной науки. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 624 с.
4. Гусев Д.А. Социальные предпосылки зарождения античного скептицизма и специфика стоической теории познания // Философская мысль. 2015. № 1. С. 148-191.
5. Зотов А.Ф. Позитивизм [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0194da743c39902a61864994>. (дата обращения: 30.04.2022)
6. Архипьев Н.Л. Логический позитивизм и современная формальная философия науки // Манускрипт. 2017. №12-2 (86). С. 22-26.
7. Иванова А.С. Позитивистская методология социально-философского познания // Гуманитарный вестник. 2018. №9 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/positivistskaya-metodologiya-sotsialno-filosofskogo-poznaniya>. (дата обращения: 30.04.2022)
8. Ильенков Э.В. К вопросу о соотношении представления и мысли, практического сознания и науки. URL: <https://zarya.xyz/k-voprosu-o-sootnoshenii-predstavleni/>. (дата обращения: 30.04.2022)
9. Писарчик Л. Ю. Методология социального познания [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-sotsialnogo-poznaniya-m-vebera>. (дата обращения: 30.04.2022)
10. Вебер М. Наука как призвание и профессия [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5372>. (дата обращения: 30.04.2022)
11. Данько С.В. Кролик, шляпа и мистическое [Электронный ресурс]. URL: <http://articult.ruh.ru/articult-16-4-2014/s-v-danko-rabbit-hat-and-mystical.php>. (дата обращения: 30.04.2022)
12. Bunge M. Theory Meets Experience // Mind, Science and History. 1970. P. 138—165.
13. Порус В.Н. Кун [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d309b49b04a8994279a3d> (дата обращения: 30.04.2022)

14. *Моисеев В.И.* Пол Фейерабенд-6: самоубийство философии науки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KGJ6R16w0xw>. (дата обращения 30.04.2022)
15. *Мигла А.В.* Пол Фейерабенд и его критика понятия прогресса [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pol-feyerabend-i-ego-kritika-ponyatiya-progressa>. (дата обращения: 30.04.2022).
16. *Нарский И.С.* Пол Фейерабенд и кризис «постпозитивистской» методологии [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4745/4746>. (дата обращения: 30.04.2022)
17. *Бажанов В.А.* Диалектические основания творчества И. Лакатоса // Вопросы философии. 2008. №9. С. 147–157.
18. *Лакатос И.* Наука и псевдонаука [Электронный ресурс]. URL: <https://classics.nsu.ru/pythagoras/Lacatos.pdf>. (дата обращения: 30.04.2022)
19. *Ильенков Э.В.* Философия и «научность» [Электронный ресурс]. URL: <https://zarya.xyz/ilenkov-e-filosofiya-i-nauchnost/>. (дата обращения: 30.04.2022)
20. *Гегель Г.В.Ф.* Кто мыслит абстрактно? // Культурно-историческая психология. 2006. №2. С. 29-31.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО НАРРАТИВНОГО ПОДХОДА

Э.В. Барбашина

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии
Новосибирский государственный медицинский университет
Ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН
E-mail: linaba@mail.ru*

Современный нарративный подход (нарративная парадигма) является одним из направляющих векторов развития социогуманитарного знания. Его расширительное понимание привело к потере собственного содержания и размыванию признаков. Один из способов конкретизировать современный нарративный подход заключается в сравнении с нарративными исследованиями начала XX века. Последние были ориентированы на раскрытие неизменной сущности человека и социальной реальности. Современный нарративный подход ориентирован на выстраивание личностно-значимого смысла и социального контекста в процессе повествования. В отличие от прежних исследований современный нарративный подход имеет онтологическое измерение. Особенности современного нарративного подхода обусловили ряд сложностей: сложность спецификации собственно нарративного подхода, несоответствие предыдущих методов и тех, которые основаны на структуралистских, герменевтических и феноменологических основаниях, а также – применение методов текстуального анализа для понимания перформативного повествования.

Ключевые слова: современный нарративный подход, расширительное понимание нарратива, перформативное повествование, текстуальное повествование

FEATURES OF THE MODERN NARRATIVE APPROACH

E.V. Barbashina

*DSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy
Novosibirsk State Medical University
Leading Researcher
Institute of Philosophy and Law SB RAS
E-mail: linaba@mail.ru*

The contemporary narrative approach (narrative paradigm) is one of the guiding vectors for the development of socio-humanitarian knowledge. His broad understanding led to the loss of his own content and the blurring of signs. One way to concretize the contemporary narrative approach is to compare it with the narrative studies of the early 20th century. They were focused on revealing the base essence of man and social reality. The contemporary narrative approach is focused on building a personally significant meaning and social context in the process of

narration. Unlike previous studies, the contemporary narrative approach has an ontological dimension. The features of the modern narrative approach have caused a number of difficulties: the complexity of the specification of the narrative approach itself, the discrepancy between previous methods and those based on structuralist, hermeneutic and phenomenological grounds, as well as the use of textual analysis methods to understand performative narration.

Keywords: narrative approach, broad understanding of narrative, performative storytelling, textual storytelling

Содержательное и методологическое распространение нарративного подхода начинается в 80-е годы прошлого века и активно продолжается в настоящее время. За сравнительно краткий промежуток времени нарративный подход перешел от маргинального существования на окраинах социогуманитарного познания к статусу одного из основных методов, «обладающих высокой степенью легитимности» [1, VI]. Нарративный подход применяется практически во всех областях социогуманитарного познания, включая психологию, социологию, культурологию, историю, антропологию и во многих других. Наряду с активным применением нарративного подхода в социогуманитарных дисциплинах он играет большую роль в практической деятельности журналиста, социального работника, учителя, медицинского работника [2] и других. Более того, нарратив стал популярен на уровне общегуманитарной эрудиции и каждый (-ая) из нас, семья, клан, группа, и уже тем более этническая общность, выстраивает нарративы, и не иметь их уже просто не прилично.

Популяризация и расширительное понимание нарративного подхода приводят к размыванию его содержательных характеристик по принципу «все включено». Одним из способов зафиксировать его специфику и отделить от других видов текстуализации является сравнительный анализ современного нарратива и того нарративного подхода, который формировался в начале XX века.

Нарративный подход не является абсолютно новым. Уже в начале XX века он применяется в рамках психологии, социологии, а публикация фундаментального труда «Польский крестьянин в Европе и Америке» (Ф. Знанецкий, У. Томас) открывает серию эмпирических исследований представителей Чикагской школы социологии. Однако, начиная с середины XX века, явное предпочтение отдается количественным методам исследования, нарративный подход «маргинализируется» и вытесняется на периферию. Единственная область, где значимость нарративного подхода остается высокой – литературная критика. Его медленный возврат начинается в 70-е годы, что связано с методическими сомнениями относительно возможности количественных методов в таких областях как социология, психология, социолингвистика, педагогика ответить на вопросы о подлинном существовании человека.

Смена методологических оснований и возврат к нарративному подходу обусловлены также завершением смысловых сдвигов в континентальной философии. Предшествующая традиция рассматривала человека как существо преимущественно рациональное в контексте субъект-объектных отношений. Философия XX век иначе артикулирует понимание человека, стремясь раскрыть повседневность и предельные ситуации его существования. Человек рассматривается в аналитике *Da-sein* (экзистенциальная феноменология), как существо понимающее и интерпретирующее (герменевтическая феноменология), адаптирующееся (философская антропология Германии), принципиально свободное существо (экзистенциально-ориентированная философия) и т.д.

Предшествующая философия раскрывала историю (общества, человека) как движение по пути прогресса, от наихудшего к «всеобщему всемирно гражданскому состоянию». В работах французских просветителей, Гердера, Канта, Шеллинга, Гегеля идея прогресса раскрывается на основе разных предпосылок, но общим является идея движения к лучшему. Философия XX века высказывает сомнение, а в некоторых вариантах и отрицание возможности прогрессивного развития.

Следствием отказа от идей разумности человека и прогрессивности истории, становится новое местоположение человека в мире. Интерес к человеку как представителю человечества, участнику всеобщих процессов сменяется интересом к индивидуальному, повседневному, и даже к человеку, противостоящему всеобщему. И если предшествующая традиция «работает» с абстрактным человеком, трансцендентальным субъектом, классами, массами, то XX век внимателен к индивидуальному миру человека, к его уникальности и неповторимости.

Развитие нарративного подхода соответствует смысловым трансформациям в понимании человека, истории, которые были рассмотрены выше. Он развивается на новых содержательных и методологических основаниях и отличается от нарративных исследований начала XX века.

Основное методологическое отличие касается связи между процессами, явлениями и их представлением в повествовании. Изначально нарративный подход был ориентирован на

реконструкцию и отражение (воспроизведение) некоей объективизированной сущности вне рассказывающего или внутри него с помощью социоструктурных и социолингвистических методов. Первые были ориентированы на восприятие истории жизни как некоей картины жизни, а вторые – как образа личности. Повествование рассматривается как способ «пробиться» к тому, что уже существует и конкретизировать его понимание.

Современный нарративный подход изначально отказывается от попыток воспроизвести через тексты некую объективную (всеобщую) реальность, и ориентирован на личностно-значимую реальность, создаваемую в процессе повествования. Другими словами, речь идет о выстраивании собственного миропонимания в процессе повествования. Рассказывая истории, мы конституируем смыслы себя и мира [3], формируем свою личность [4]. Аналогичным образом каждый из нас и все мы со-творяем свою семейную, групповую, этническую или религиозную идентичности.

Разница между нарративным подходом начала XX века и современным, на мой взгляд, соответствует тематической разнице между сущностью и существованием в рамках экзистенциально-ориентированной философии. И, в более общем контексте, разнице между методологическими подходами к пониманию человека в нововременной философии и современной континентальной философии. Если традиционно человека рассматривался как существо, обладающее некоей сущностью (неизменной, самопричинной, первичной итд), то XX век рассматривает человека как становящееся в процессе, а подлинное существование – как стремление выйти за рамки существующего.

Следующее важное отличие современного нарратива от предшествующего проявляется в том, что он имеет онтологическое измерение и не является исключительно методологией (хотя ряд авторов так и его рассматривает). Любой нарратив существует во «временном» оформленном политическом, культурном, социальном мире, который изменчив и многогранен. Благодаря нарративу мы формируем идентичность и преемственность, взаимодействуем с другими, включаемся в культуру. Социальная реальность по своей сути также является нарративной на разных уровнях общности: семьи, круга друзей, этнического сообщества.

Особенности современного нарративного подхода провоцируют ряд сложностей. Наиболее значимые, на мой взгляд, представлены ниже. Первая, как уже было отмечено выше, это популяризация и размывание признаков нарратива. Современный нарратив многообразен настолько, что это становится его существенным признаком и грозит «уничтожить» определяемую им область и методологию. Следующая сложность связана с тем, что методы нарративного подхода, разработанные до 70-х годов, не соотносятся с теоретическими основаниями современного нарратива (постструктуралистскими, феноменологическими, герменевтическими). И наконец, непреодолимое препятствие связано с тем, что между текстуальной и перформативной формами нарратива существует принципиальная разница. Она заключается в том, что текстуальный нарратив целеориентирован и частично формализован, ориентирован на анонимного читателя, статичен. Перформативный нарратив – экзистенциальное событие, он выстраивается по критериям значимости и ориентирован на диалогичность его участников, процессуален. Однако для анализа перформативного нарратива применяются методы текстуального нарратива. Всшеприведенные сложности современного нарративного подхода не снижают его значимости для социогуманитарных исследований, а служат причинами для дальнейшего, более глубокого изучения и развития.

Литература

1. *Polkinghorne D.E.* Narrative knowing and the human sciences. New York: State University of New York Press, 1998. 248 p.
2. *Барбашина Э.В.* Проблемы медицинского нарратива // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 3, ч. 1. С. 152–163.
3. *Polkinghorne D.E.* Narrative knowing and the human sciences. New York: State University of New York Press, 1998. 248 p.
4. *McAdams D.P.* The stories we live by: Personal myths and the making of the self. New York: William Morrow, 1993.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИНГВОФИЛОЛОГИКИ, ЕЕ МЕСТА В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

В.Н. Бычков

*Кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: v-bichkov@list.ru*

А.А. Алтуфьева

*Кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе
Русская христианская гуманитарная академия*

В статье рассматривается целый ряд взаимосвязанных вопросов, решение которых актуально в современных информационных условиях. Новая информационная реальность требует введения ряда важных изменений в лингвистические и филологические исследования и их преподавание в высшей и средней школе. Одним из таких подходов может стать лингвофилология как важнейший логический инструмент в гуманитарных науках.

Ключевые слова: лингвофилология, образовательные технологии, киберпространство, символы и знаки, logos – слово – текст, лингвистика и филология

DEFINITION OF LINGUOPHILOLOGICS, ITS PLACE IN LINGUISTIC AND PHILOLOGICAL FOUNDING

V.N. Bychkov

*CSc in Philology, Associate Professor
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
E-mail: v-bichkov@list.ru*

A.A. Altufiev

*CSc in Pedagogy, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs
Russian Christian Humanitarian Academy*

The article deals with some most essential questions of building up new educational approaches in Russian high and higher schooling under modern information conditions. The new reality demands some important changes in linguistic and philological researches and teaching. One of such initiatives involves linguophilologies as a principle logical instrument in human studies and humanitarian education.

Keywords: linguophilologies, educational technology, cyberspace, symbols and signs, logos – word – text, linguistics and philology

Прежде всего необходимо обратить внимание и особо подчеркнуть в качестве принципиального тот факт, что в данном случае имеет место не какая-то случайная ошибка в написании одного слова «лингвофилология», в результате которой получился «словесный кентавр» лингво-фило-логия. Более того, здесь речь пойдет не об какой-то попытке окказионального объединения или, наоборот, их произвольного разграничения как отдельных слов-понятий. Дело в том, что в настоящее время для многих «де-факто», а для других – «де-юре» - филология и лингвистика, для многих специалистов не только в областях различных теоретических, в том числе и лингвофилософских исследований, но и исследователей собственно лингвистических вопросов, лингвистика и филология чаще всего представляются в качестве синонимичных, наряду с языкознанием и языковедением. Речь идет не о какой-то отдельной, специальной логике, а о некоторых основополагающих принципах и логически непротиворечивых переходах и последовательностях, формирующих некоторое обобщающее общенаучное пространство рассуждений. Это позволило бы реально анализировать с общих исходных теоретических и эмпирических позиций, а также решать «сквозные», переходящие друг в друга собственно прежде всего лингвистические и филологические проблемные вопросы, том числе в точках пересечения их интересов с широким полем в настоящее время практически «непереводимых» друг в друга теорий, школ и «трансгуманитарных» направлений как

отечественных, так и зарубежных философий, семиотик и логик.

Один из главных тезисов, который положен в основу данной статьи – это мысль о том, что в сложившейся к настоящему времени ситуации уже нельзя сколько-нибудь научно аргументированно утверждать логичность описания одного определенного объекта или же, наоборот, говорить о частичной или даже полной нелогичности, непоследовательности и неубедительности другого описания этого же объекта.. Проблема, как представляется, состоит в том, что сама содержательность и формализмы в ходе вербализации используемых логик уже давно сами по себе нуждаются в своем теоретическом обосновании. В современной же российской научной действительности после вынужденного «отступления марксистской диалектики» в качестве методологической общенаучной мета-основы - задавать такие вопросы с конца 80-х годов вообще стало считаться неприличным.

Наряду с этим, в роли универсальной методологической основы по-прежнему считается необходимым и достаточным фундаментализировать основания своих умозаключений в максимальной исторической древности.. В крайнем случае можно просто сослаться, например, на Аристотеля, его непосредственных учеников как если бы на своих современников. Такое «общение» через многие столетия и даже тысячелетия означало бы, что мы говорим на каком-то лингво-понятийном одном, общем для разных народов и времен языке. Вопрос только на каком. Сказать, что это происходит на уровне высоко-абстрактных терминов и понятий - ничего не проясняет как и то, что такие термины, которым ничто человеческое не чуждо, сохраняют свою «надчеловеческую» идентичность несмотря на пространства и время, разделяющих конкретных собеседников. Кто признается, кроме чистых логиков, что он или она действительно читал или читала в каких-либо реально существующих оригиналах, а не в многократно переведенных с одних новейших европейских языков на другие пересказов античных авторов, без разума и осмысления действительно аристотелевских постулатов действительно актуальных для «тогдашних и теперешних» дел и проблем. В наши дни сама логичность как главный и исходный признак чего-либо означает в лучшем случае констатацию факта минимальной последовательности в использовании заявленных, а чаще всего и недостаточно определенных терминов и логических процедур. Это является просто словесной оценкой и первичными вербальными признаками согласия одного автора с другим относительно какой-либо конкретной интерпретации еще более конкретного факта. Привычная, в былые времена, ссылка на диалектическую логику, которая ко многому обязывала автора в советские времена, теперь по своей сути стала элементарной дихотомией, которая перестала что-либо принципиально новое утверждать, кроме констатации единства противоположных идеальных и материальных начал, но без пояснений, как же такое единство реально существует. Или, быть может, его нужно как-то и кому-то – конкретному субъекту осуществить и зафиксировать.

Даже кантовское единственное чудо - абсолют звездного неба и морального закона в современных научных контекстах являет собой два разных, по своей сути идиоматических, то есть самодостаточных, уникальных утверждения, уже не более, чем обычную метафору, эмоциональное преувеличение. Это стало «логичным и естественным», а значит, и необходимым - так же как в новое, позитивистское время из научных интерпретаций в целях повышения корректности и объективности были принципиально «исключены» не только бог, как верховный космический субъект, но и его одно из его главных признаков подобий в человеке - человеческое богоподобие - сама познающая способность, выражаясь по-современному – когнитивная субъектность, а значит и, соответственно, познаваемая объектность, Кроме того, неотделимая от этого коммуникативность – слово, а также богоподобная креативность – созидательность внешних и внутренних миров.

Любопытно, что именно это в последующем и стало трактоваться в качестве первородного, то есть исходного, главного греха первочеловека, а также и бремени человеческого рода – человеческого познания – творения - говорения в их неразрывном единстве. При таком «логическом ходе событий» субъектность автоматически становится, а точнее - просто объявляется субъективностью, произвольностью. Соответственно, субъект-объектность взаимоотношений человека в конкретном с конкретным объектом окружающего мира-контекста не получает законного права быть самостоятельным, отдельным субъектом логически предшествующего порядка или объектом в последующем порядке.. Что же касается самих теологических канонов, то они были подвергнуты и продолжают подвергаться тотальному сомнению, а проще говоря, элементарному отрицанию. Иначе говоря, отрицается или подвергается сомнению их субъектность, или, по лингвофилологической терминологии, их социальная субъектность, прежде всего в части обязательности и первостепенности мировоззренческих, морально-этических законов и установок конституирующими признаками которого являются его когнитивность, коммуникативность

и конструктивность.

Так, например, в современных экономико-политических и социологических науках стали регулярной практикой и даже нормой многие псевдо-логические упрощенные «англо-американизмы» в форме так называемых прецедентных вербализованных, имеющих какой-либо смысл только для данного отдельного контекста терминов, понятий и целых утверждений без какого-либо необходимого и достаточного их теоретического доказательства и фактологического подтверждения. В таких ситуациях «оказывается» достаточно просто сослаться на ранее документированный в авторитетном источнике факт. Тем более так, если за этим стоит не менее авторитетный автор. Фактически же такая логическая процедура означает вообще полное вынесение познающего субъекта за скобки локального утверждения, так сказать – вообще вывести его за линию горизонта общих положений.

В условиях сложившейся терминологической толерантности и ничем неограниченной «свободы слова» и словотворчества именно здесь чаще всего незаметно происходит произвольное или намеренное нарушение самых фундаментальных понятий-принципов, детерминирующих речемыслительную деятельность человека. Дело в том слова как особые объекты по своей природе, все вербально выражения объекты идиоматичны, то есть специфичны, не похожи друг на друга. Они максимально неопределенны и только потенциально информативны, то есть способны переносить информацию от одного субъекта к другому. Но способностью снять, а точнее выражаясь, - понизить уровень неопределенности, еще точнее уровень недоопределенности словоформ, которой обладает в конкретном контексте. Это почти то же самое сказать - уменьшить меру употребляемых идиоматичности слов и словоформ, обладают только «живые, активно вербально и идиоматически совместимые» друг с другом, субъекты.

Проявившись со всей очевидностью, сначала в зарубежных художественных литературно-художественных произведениях, а затем и в других аудио-визуальных искусствах, а также и средствах массовых коммуникаций – конкретные ситуации все чаще вообще стали носить, на взгляд неискушенного читателя, откровенно скандальный характер. «Поток сознания», о котором в 60-е годы прошлого столетия стали не только писать и сочинять свои произведения Фолкнер, другие известные авторы в западном мире. В их числе и нобелевские литераторы и голливудские кинематографисты, философы и даже психологи. Позднее их ряды пополнили и наши отечественные коллеги. Все они, а под их влиянием и многие миллионы зрителей и читателей находили выражение действительно в потоке необычных образов, своеобразно аудио- вербализованных представлений. Такое положение вещей становилось особенно четко проявляться в переводах, чаще всего англоязычных текстов на разные языки, поскольку возникли реальные проблемы, ставящие под вопрос правомерность и саму возможность эквивалентности и адекватности не только самого полноценности перевода с одного языка на другой, но и вообще для и простого «меж-человеческого» понимания. Многие стало просто трудно критически воспринимать и осознавать. Проще говоря, стало практически очевидно, что человек, для которого английский язык родной и который живет в англоязычном социуме, будет «немного», а может быть совсем по-своему читать и воспринимать тонкости и нюансы даже кем-то профессионально сделанный перевод, в частности с русского на английский «Анны Карениной». Тем более так, если помнить, что таких разных переводов, то есть разных текстов существует не одна дюжина. Не меньшие сюрпризы ожидаются при ближайшем знакомстве с переводами современных философов, социологов и психологов.

Абсолютная свобода и понятийно-терминологическая толерантность, очевидная алогичность и абсурд во многих случаях становятся не просто нормой, но и специфическим социальным императивом. Более того, создается впечатление, что имеет место намеренное формирование новых умов не только зарубежной, но и отечественной научной общественности посредством путем систематического внедрения в индивидуальное сознание наукообразных и социально значимых различных симулякров и алогичных конструктами. Так или иначе, их основное назначение, как представляется, подготовить прежде всего новое поколение к новому восприятию и описанию всех форм окружающей действительности. С этих позиций профессиональный интерес представляет то, что такие установи стали материализоваться в официальных и неофициальных текстах и в событиях повседневной жизни, тем самым как бы подтверждая реальность нового миропорядка. Для этого используются самые разнообразные, проверенные повседневной практикой, в том числе простейшие лингво-программирующие приемы. Например, предпочтительное использование различных видов, казалось бы совершенно невинных так называемых безличных предложений, самих по себе обычных для любого регулярного носителя естественного языка, но в повышенном предпочтении которых скрывается важный смысл. «Ничего личного – только правда и объективность» - этот бренд всегда

обеспечивал облегченный доступ к сердцам неискушенных людей [1].

Такое положение вещей субъект-объектных отношений лучше всего, а главное наглядно иллюстрируются примерами из начертательной геометрии, где один и тот же физический объект в зависимости от геометрической проекции, то есть в зависимости от точки зрения наблюдающего субъекта и наблюдаемого объекта, предстает в совершенно различных «образах», а в предельном случае может «явиться» – даже в форме отдельной, практически исчезающей из поля зрения точки [2].

В социально-гуманитарном мире ситуация существенно иная. Здесь субъект-объектные отношения как правило вербально распределены в многочисленных образных реалиях и их описаниях другого плана. Соответственно, субъектность изложения, от которой полностью не удастся избавиться раз и навсегда и сама логика субъект-объектных и взаимоотношений отношений, ее реализация отличны от естественно-научной «повествовательной» текстологической логики. Роль основного субъекта-интерпретатора объектов общих образов - действующих лиц, их поступков, мыслей и чувств в таких ситуациях, как правило, принимает на себя сам читающий, даже если в таких ситуациях явно присутствует сам автор. Тем более, так само изложение преимущественно, если не всегда, ведется на основе родного естественного языка. В его лексико-семантической и грамматической системах уже предыдущими поколениями носителей этого языка уже «заложены» основные категориальные и классификационные признаки, при помощи которых естественный носитель языка как правило своевременно и последовательно понимает, о ком и о чем идет речь. Более так если, необходимость верификации на естественном языке и его логики не требует специальной постановки вопроса о рассмотрении конкретного вопроса с помощью логических основ собственно лингвистического, филологического и философского изложения в форме научного дискурса. Это потребовало бы со стороны читающего субъекта специальной компетенции – специализированных знаний, умений и навыков.

Можно закончить данное лингвофилологическое рассуждение на простейшем житейском примере, казалось бы с детства известных выражений – «ищите женщину», «шерще ла фам» или даже в его французской версии – «cherche la femme». Эти три фразы кажутся только в самой первой, в лучшем случае юмористической, перцепции синонимичными, инвариантными и поэтому абсолютно неидиоматичными. Но в самом- то деле это только лишь наша языковой иллюзия, а точнее, результат первичного восприятия нашего первичного субъект-предикат-объектного отношения – «принятой длины аналитического шага», приближающего к линии горизонта, более полного и правильного смысла.. что будет зависеть от нашей целевой установки [5]. Можно ограничиться самым буквальным представлением о женщине как о хомо женского рода «линии лингвологического горизонта». Она будет последовательно удаляться от нас. Но мы приблизимся к этой линии, если сделаем реальный шаг за пределы «старого» горизонта. Для этого необходимо уразуметь под словом «женщина» прежде всего некое обобщающее, логически и семантически более «высокое» представление о женщине как о «человеке» в его и ее социальном контексте, а далее – еще логически выше - как понятие социально-экономического субъекта плюс объекты его контекстуального взаимодействия. Более того, такое контекстуализированное субъект-объектное отношение само по себе может быть представлено как «самостоятельный», отдельный субъект или, соответственно, как и объект. Все будет зависеть от нашей «наблюдательной» позиции.

Общий смысл всего выше написанного о лингвофилологии состоял в том, чтобы подчеркнуть то, чем она, если не принципиально, то хотя бы в самых общих чертах, отличается от обычной или общепринятой логики, как пространства больших и малых рассуждений, а также и верифицированных выводов из них, во-первых, это логика осознанного и последовательного воплощения, реализации и движения субъект – объектных отношений в горизонтальной и вертикальной системе лингвологических координат, во всех гуманитарных сферах [6]. Во-вторых, человек, все глубже постигая свой язык и как мирозозидающую, и как миропостигающую силу обретает интегрирующие интеллектуальные философские и филологические ресурсы, а также способность изменять в высоких человеческих интересах не только внешний мир, но свой внутренний космос [7].

Литература

1. *Архипов И.К.* Язык и языковая личность. СПб. : ООО «Книжный Дом», 2008. 248 с.
2. *Барышников П.Н.* Философия для лингвистов. Язык, сознание, реальность : горизонты смысла. М.: ЛЕНАНД, 2013. 384 с.

3. *Галичкина Е.Н.* Компьютерная коммуникация. Лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство. М.: ФЛИНТА, 2019. 332 с.
4. *Пиотровский Р.Г.* Информационные измерения языка. Л.: «Наука», 1968, 216 с.
5. *Радченко О.А.* Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.; КомКнига, 2006. 312 с.
6. *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика. Классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 392 с.
7. *Сырица Г.С.* Филологический анализ художественного текста. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. 344 с.

О НЕСОИЗМЕРИМОСТИ И ОНТОЛОГИЗАЦИИ В ПОЗНАНИИ ПРАВА

М.А. Беляев

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: yurist84@inbox.ru*

В ходе обсуждения фундаментальных вопросов природы права, его предназначения и пределов правового регулирования, а также соотношения права с иными социальными регуляторами, мы сталкиваемся не только с многозначностью терминов, используемых в дискуссиях, но и с тем, что можно было бы вслед за Т. Куном назвать несоизмеримостью теорий. В настоящей работе выделены различные виды теоретической несоизмеримости, показано их соотношение с семантической неопределенностью, высказано мнение об особенностях парадигмальной организации юридического знания. Также в работе показана связь теоретической несоизмеримости и онтологизации, необходимой для практической работы в сфере юриспруденции. Автор предлагает различать преодоление неопределенности и констатацию теоретической несоизмеримости в познании права. Второе возможно лишь при условии выполнения первого, но никогда не заканчивается им.

Ключевые слова: парадигма, теоретическая несоизмеримость, семантическая неопределенность, философия права, юриспруденция, юридическая практика

ON INCOMMENSURABILITY AND ONTOLOGIZATION IN THE KNOWLEDGE OF LAW

M.A. Belyaev

*PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology
Kutafin Moscow State Law University
E-mail: yurist84@inbox.ru*

In the course of discussing the fundamental issues of the nature of law, its purpose and limits of legal regulation, as well as the relationship of law with other social regulators, we are faced not only with the linguistic ambiguity, but also with incommensurability of theories (T. Kuhn's concept). In this paper various types of theoretical incommensurability are identified, their relationship with semantic uncertainty is shown, and an opinion is expressed about the features of the paradigm organization of legal knowledge. The author shows the connection between theoretical incommensurability and ontologization, which is necessary for practical work in the field of jurisprudence. The author proposes to distinguish between overcoming uncertainty and ascertaining theoretical incommensurability in the knowledge of law. The latter is possible only if the former is fulfilled, but never ends with it.

Keywords: paradigm, theoretical incommensurability, semantic uncertainty, philosophy of law, jurisprudence, legal practice

В ходе обсуждения фундаментальных вопросов природы права, его предназначения и пределов правового регулирования, а также соотношения права с иными социальными регуляторами, мы сталкиваемся не только с многозначностью терминов, используемых в дискуссиях, но и с тем, что можно было бы вслед за Т. Куном назвать несоизмеримостью теорий [1, с. 254]. В работе будут выделены различные виды теоретической несоизмеримости, показано их соотношение

с неопределенностью, высказано мнение об особенностях парадигмальной организации юридического знания.

Автор этих строк, участвуя в одном из научных мероприятий, посвященных роли и значению искусственного интеллекта в юридической деятельности, столкнулся с довольно любопытным мнением. Говоря в своем докладе о Концепции машиночитаемого права, исследовательница (юрист и философ в одном лице – если судить по ученым степеням) обратила особое внимание на то, что разработчикам данного документа для понимания того, как переводить правовые тексты в машинный формат, потребовалась определенная онтология права, что в конечном итоге не может не выводить обсуждение проблематики на философский уровень. Однако, продолжила она, одно дело – онтология естественного права и совсем иное – позитивистская онтология: между ними нужно выбирать, но сами юристы так и не пришли к общему мнению на этот счет, что уж говорить об инженерах-программистах, они тем более не смогут прийти, не будучи сведущими в истории этих споров. Таким образом, подвела итог докладчица, без философского подхода развитие идей машиночитаемого правотворчества и электронного правоприменения невозможно.

Ожидаемое в этом мнении то, что философ желал бы быть полезным юристам, показав неочевидное в том, что для правоведов относится к разряду само собой разумеющегося – а это довольно значимая интеллектуальная помощь. Но правоведы зачастую не готовы сформулировать свой запрос на такую помощь. В частности, почти не бывает ситуаций, когда выбор конкретного решения юрист мотивировал бы именно своей философской симпатией, в свою очередь предполагающей и хорошее, далеко не поверхностное знакомство с противоборствующими установками философско-правового уровня. А иронический момент в этой ситуации порожден тем фактом (проигнорированным докладчицей), что как раз-таки инженеры, говоря об онтологии права, вообще не имеют в виду никакой философии, поскольку под онтологией в программной инженерии принято понимать не более и не менее как набор базовых сущностей, входящих в тот или иной проект [2]. В проекте могут быть такие сущности как «Заказчик», «Исполнитель», «Поставщик сырья», «Готовый продукт» и пр. Это своего рода роли или действующие лица, а затем обозначенные в проекте вакантные места заполняются конкретными субъектами и вещами. Место заказчика занимает, например, индивидуальный предприниматель Петров П.П., исполнителя – индивидуальный предприниматель Иванов И.И. и т.д. Схема, естественно, не меняется от замены конкретных исполнителей той или иной роли.

То же имеет место в концепции машиночитаемого права. Чтобы компьютер мог корректно работать с юридически значимой информацией, ему необходимо, например, располагать ячейкой «*обладатель субъективного права*» в общей схеме нормативного правового акта и знать весь набор допустимых значений для данной ячейки. В статье 19 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» сказано, что каждый имеет право на медицинскую помощь. Машина могла бы среди массива подзаконных актов найти документы, противоречащие данной норме, т.е. ограничивающие права отдельных категорий лиц на медицинскую помощь, если бы верно интерпретировала это формальное выражение «каждый», имея в памяти список исполнителей, подходящих под данную роль, т.е. различных обладателей права на получение медицинской помощи. Этим, в принципе, и ограничивается назначение онтологии, никакого учения о бытии или реальности, не зависящей от нашего ума, здесь не имеется. Более того, для инженеров такое учение было бы избыточным.

С моей точки зрения, приведенная иллюстрация демонстрирует нам несоизмеримость первого типа или внешнюю несоизмеримость. Философски мыслящий человек не может согласиться с техническим значением термина «онтология», тогда как инженер не видит никакого смысла заполнять данное понятие мировоззренческими (и плохо формализуемыми) конструктами. Я называю эту несоизмеримость внешней, поскольку главное действующее лицо – юрист – находится по ту сторону и от философских постулатов, и от инженерных формулировок. Он может занять одну сторону либо другую, но эти стороны неизменно остаются ему чужеродными.

Есть и несоизмеримость второго типа, она же внутренняя. Ее труднее зафиксировать, но она принципиально важна. Следует вспомнить о групповом характере производства научного знания и его организации и вытекающей отсюда неоднородности. Безусловно, в отношении несоизмеримости могут находиться только те парадигмы, проponentы которых работают над решением сходных проблем. Такие парадигмы следует называть сопоставимыми. К сопоставимым относятся теории правовых норм, одни из которых – лингвистические – рассматривают нормы как языковые феномены, а другие (скажем, эйдетические) исходят из того, что нормы являются автономно существующими объектами, которые лишь выражаются через конкретный язык. Очевидно, эти парадигмы различны, и их синтез невозможен. Но означает ли это, что выбор одной из двух парадигм будет произвольным или

иррациональным? И находится ли юрист повседневно в ситуации такого выбора, т.е. содержит ли его деятельность в себе момент неопределенности, склонной нивелироваться благодаря парадигмальному выбору?

С моей точки зрения, если семантически правовое предписание определено настолько, что может быть положено в основание решения, ни один практик не будет склонен размышлять об онтологической неопределенности права и искать подходящую теорию. Такой поиск начинается лишь в том случае, если правовой текст не определен в семантическом отношении. Снятие смысловой неопределенности вновь позволяет ссылаться на положения нормативного правового акта или прецедента в обоснование решения или рекомендации, и это создает впечатление, будто процесс познания права для данного казуса *завершен*. Взяв достаточно большое количество таких казусов, можно убедить себя и других, будто бы правовое регулирование – это в принципе не что иное, как действие языка или дискурса. Иногда эту точку зрения высказывают и философы [3, с. 260-265].

Из сказанного выше следует, что парадигмальный выбор, осуществляемый лицом, познающим право ради конкретного результата, характеризуется фундаментальной асимметрией, т.к. лингвистическое понимание нормы оказывается ближайшим и естественным, а эйдетическое – удаленным и несколько контринтуитивным. Более того, деконструируя эйдетическую парадигму, мы почти всегда обнаруживаем в основании права какие-либо психологические феномены (что автоматически ставит под сомнение «эйдетичность», но это предмет другого обсуждения). Их даже можно систематизировать: это следы действия либо воли, либо разума, либо интереса, причем разум наиболее глубок, но и консервативен одновременно, а интерес наиболее поверхностен, но одновременно и эвристичен, прогрессивен.

Таким образом, констатация парадигмальной несоизмеримости теоретических образов права происходит лишь тогда, когда в ходе практики под слоем непосредственных значений языковых выражений обнажается слой смыслов, не завершенных в своем лингвистическом оформлении. И только если такое завершение оказывается не бесспорным, в дело вступают собственно онтологические интуиции, завершающиеся абстракцией под названием «сущность права». Естественно, поскольку вычислительные машины не дискутируют с живыми людьми о применимом праве, они не нуждаются ни в какой онтологии, кроме той технической, которая помогает снимать (или не допускать) семантической неопределенности. Для человеческой же коммуникации этого технического снятия никогда не достаточно, нужен еще некий «экзистенциальный остаток», пустое место для последующего заполнения мировоззренческими установками и ассоциациями. Следовательно, если внешняя несоизмеримость предполагает разную онтологическую работу у юриста с философом и у юриста с инженером, то внутренняя – одну и ту же работу у юриста и другого юриста.

Литература

1. *Кун Т.* Структура научных революций: пер. с англ. / Сост. В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
2. *Fitsilis P., Gerogiannis V., Anthopoulos L.* Ontologies for Software Project Management: A Review // *Journal of Software Engineering and Applications.* 2014 (7). P. 1096-1110.
3. *Рикер П.* Справедливое: пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2005. 304 с.

ДИСКУРСИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА КАК СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОЗИТИВИЗМА В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Е.А. Баженова

*Кандидат юридических наук, независимый исследователь
E-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com*

В рамках дискурсивной теории права Юрген Хабермас предлагает стратегию преодоления позитивизма, свободную от недостатков возрожденной традиции естественного права, а именно – от представления об иерархии естественного и позитивного права, которое немецкий мыслитель считает социологически неправдоподобным. Хабермас обращается к концепции коммуникативного разума, перенесенной в сферу языка и освобожденной от исключительной связи с вопросами

морали. Данная концепция подвергается критике как зарубежными, так и отечественными социальными теоретиками с позиций философии личности, подчеркивающей важность дорациональных и внерациональных процессов в формировании субъекта. В статье обосновывается несостоятельность подобной критики, прибегающей к ненадежному стандарту человеческой природы в оценке права, от которого Хабермас решительно уходит. Дискурсивная теория права отказывается от презумпции разумности субъекта в пользу презумпции разумности результатов демократического процесса, которая возникает как коллективный результат дискурсивных структур – формальных и неформальных способов организации обсуждения.

Ключевые слова: дискурсивная теория права, Хабермас, позитивизм, коммуникативная рациональность

THE DISCURSIVE THEORY OF LAW BY JÜRGEN HABERMAS AS A STRATEGY FOR OVERCOMING POSITIVISM IN JURISPRUDENCE

E.A. Bazhenova

CSc in Law, Independent scholar

E-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com

With the discursive theory of law, Jürgen Habermas proposes a strategy for overcoming positivism, free from the shortcomings of the revived natural law tradition, namely, from the notion of a hierarchy between natural and positive law, which the German thinker considers sociologically implausible. Habermas refers to the concept of communicative reason, transferred to the sphere of language and freed from the exclusive connection with morality. This concept is criticized by both Western and Russian social theorists from the standpoint of the philosophy of person, emphasizing the importance of pre-rational and non-rational processes in the formation of the subject. The article argues that such criticism is inconsistent, since it refers to the unreliable standard of human nature in assessing the law, from which Habermas resolutely departs. The discursive theory of law abandons the presumption of reasonableness of the subject in favor of the presumption of reasonableness of the results of the democratic process, which arises as a collective result of discursive structures – formal and informal ways of organizing discussion.

Keywords: discursive theory of law, Habermas, positivism, communicative rationality

В предисловии к книге «Фактичность и значимость: к дискурсивной теории права и демократического правового государства» Юрген Хабермас пишет о том, что его исследование направлено против растущего скептицизма в среде теоретиков права, прежде всего, против того, что он считает ложным реализмом, недооценивающим эмпирическое воздействие нормативных предпосылок существующих юридических практик [1, р. xl]. Думается, что этот упрек полностью применим к позитивизму, который скептически относится к возможности рационального обсуждения вопросов нормативности и долженствования [2, с.133].

Ограниченность позитивизма как инструмента анализа права была наиболее полно осознана после Второй мировой войны. В стремлении преодолеть позитивистское мышление некоторые теоретики обратились к возрожденной традиции естественного права [3, 4]. Хабермас, со своей стороны, полагает, что такое обращение влечет специфические трудности, связанные с удвоением концепции права, которое он называет социологически неправдоподобным [1, р. 105]. Хабермас признает связь между моралью и правом, но не считает ее иерархической. Понятие высшего закона принадлежит, по его мнению, досовременному миру. В отличие от естественно возникающих норм, о значимости которых мы можем судить лишь с моральных позиций, нормы права имеют искусственный характер; они формируют сознательно выработанный слой норм действия, которые рефлексивны в том смысле, что применимы к самим себе [1, р. 111].

Хабермас выбирает иную стратегию преодоления позитивизма, свободную от недостатков теории естественного права. Он обращается к вопросам коммуникации и языка, а также к анализу дискурсивных практик. Вера в разум при таком подходе уступает место понятию процедурного (коммуникативного) разума, который не ориентируется на трансцендентные моральные стандарты, но сам себя судит и испытывает [1, р. xli]. Концепция разума, перенесенная в сферу языка и освобожденная от исключительной связи с вопросами морали, служит у Хабермаса описательным целям рациональной реконструкции нормативного самопонимания современности [1, р. 3, 82].

Коммуникативный разум отличается от практического разума, в первую очередь, тем, что он больше не выступает свойством индивидуального актора либо макросубъекта на уровне государства или общества в целом. Скорее, коммуникативный разум становится возможным благодаря языковой среде, в которой переплетаются взаимодействия и структурируются формы жизни [1, р. 3–4].

В отличие от практического разума, коммуникативный разум не является непосредственным источником предписаний. Он обладает нормативным содержанием лишь постольку, поскольку коммуникативно действующие индивиды следуют предположениям контрфактического характера. А именно, они должны предпринимать определенные идеализации, например, приписывать одинаковые значения выражениям, соединять высказывания с выходящими за пределы контекста притязаниями на значимость, рассматривать собеседников как ответственных, т.е. автономных и искренних как с самими собой, так и с окружающими (Хабермас характеризует подобные идеализирующие предположения как внутримирную трансцендентность) [1, р. 4–5].

Коммуникативное взаимодействие индивидов формирует пространство взаимопонимания, в котором озвучиваются и защищаются притязания тех или иных норм или принципов на значимость. Здесь действует дискурсивный принцип, выражающий смысл постконвенциональных требований обоснованности: «Действительны лишь те нормы действия, с которыми могли бы согласиться все лица, которых они могут затронуть, как участники рациональных дискурсов» [1, р. 107]. При взаимопроникновении дискурсивного принципа и правовой формы возникает демократический принцип, который придает легитимирующую силу законодательному процессу [1, р. 121]. Позитивное право, полагает Хабермас, тоже нуждается в легитимации, а законодательный процесс являет собой то место в правовой системе, в котором изначально достигается социальная интеграция [1, р. 31–32].

В критическом ключе обсуждает подход Хабермаса к праву С.В. Тихонова. По ее мнению, формулировка дискурсивного принципа «предполагает, что каждый индивид, которого коснется норма, достаточно рационален, чтобы осознать свои интересы, соотнести их с интересами Другого и принять их реализацию во имя их взаимного блага» [5, с. 31–32]. Такая «достаточная» рациональность, продолжает С.В. Тихонова, постулируется как универсальная, и в этом смысле соответствует пониманию, признанию и утверждению природы человека, поддерживаемой всеми версиями естественного права.

С.В. Тихонова, в свою очередь, не считает надежными охранительные барьеры рациональности, ограждающие публичный дискурс от вмешательства могущественных интересов, страстей, проникновения мифологизированных форм мышления и иных искажений. Кроме того, она связывает более глубокую уязвимость рациональности в теории Хабермаса с проблемой субъекта, подчеркивая важность дорациональных и внерациональных процессов в формировании последнего [5, с. 33]. По ее мнению, теория Хабермаса нуждается в конкретизации условий и пределов рационализации субъекта, уточнении ее связи с иррациональными компонентами, выяснении векторов их рассогласования и иных корректировок для преодоления отмеченной уязвимости.

Джеймс Боман и Уильям Рег так же указывают на неоднозначный статус предложенного Хабермасом демократического принципа. В качестве специфического принципа рационального дискурса демократический принцип, как кажется, выступает в роли идеализирующей предпосылки, презюмируя возможность принятия политических решений на основе консенсуса. Для Хабермаса рациональный политический дискурс должен, по меньшей мере, начинаться с допущения о том, что вопросы права в принципе допускают единственный верный ответ либо набор дискурсивно значимых ответов, по поводу которых возможен справедливый компромисс, приемлемый для всех участников. Как отмечают Боман и Рег, это в высшей степени когнитивистское, консенсуалистское предположение не могло не вызвать сомнений в своей осуществимости даже у благожелательно настроенных комментаторов [6].

По поводу высказанной критики следует заметить, что дискурсивная теория права уже содержит на нее ответ. Коммуникативный разум, как говорилось выше, не является свойством субъектов, но возникает в процессе коммуникации. Необходимость выносить суждения и критически оценивать суждения других рационализирует поведение участников коммуникативного взаимодействия. Задачей права в этом случае становится обеспечение доступности каналов коммуникации. Дискурсивная теория, по мысли Хабермаса, рассматривает конституционные принципы как последовательный ответ на вопрос о том, как могут быть институционализированы сложные коммуникативные формы демократического формирования мнений и воли [1, р. 298].

Хабермас намеренно подчеркивает, что его теория уходит от философии личности. При этом как индивидуальное Я, так и Я самоорганизующегося правового сообщества исчезает в бессубъектных формах коммуникации, регулирующих поток дискурсивно формируемых мнений и воли таким

образом, что ненадежные результаты этого процесса пользуются презумпцией разумности [1, р. 301]. Конечно, делиберативная политика внутренне связана с контекстами рационализованного жизненного мира. Политическая коммуникация зависит от ресурсов жизненного мира, таких как либеральная политическая культура, просвещенная политическая социализация и, прежде всего – инициатива формирующих мнение ассоциаций [1, р. 302]. Однако эти ресурсы способны накапливаться лишь в соответствующем институциональном окружении.

На то, что демократический принцип у Хабермаса выступает не только в качестве принципа рационального дискурса, но имеет другую сторону, обращают внимание и Боман с Регом. Данный принцип, согласно их анализу, связывает воедино все формы практического дискурса и определяет условия их внешней институционализации. В такой перспективе демократический принцип служит мостом, соединяющим когнитивные аспекты политического дискурса с требованиями институциональной реализации в сложных обществах. В этом качестве демократический принцип должен ассоциироваться не с консенсусом, а с чем-то вроде гарантированной презумпции разумности... Презумпция разумных результатов (демократического процесса) базируется не столько на индивидуальных способностях граждан действовать как участники идеального дискурса, сколько на совокупной разумности «бессубъектной коммуникации», которая возникает как коллективный результат дискурсивных структур – формальных и неформальных способов организации обсуждения [6].

Критика дискурсивной теории права с позиций философии личности должна, таким образом, учитывать риск самой оказаться в ловушке естественного права, рассматривающего «природу человека» в качестве стандарта для права позитивного. Длительная история правовой мысли продемонстрировала ненадежность такого стандарта, и Хабермас сознательно исключает его из своих рассуждений и как эксплицитный аргумент, и как неявное допущение. Думается, что Хабермасу в рамках дискурсивной теории права удалось предложить плодотворную стратегию преодоления позитивизма, тогда как критика этой стратегии нуждается в более тщательном анализе идей Хабермаса, а также в прояснении собственных методологических предпосылок.

Литература

1. *Habermas J. Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy.* Trans. from German by William Rehg. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1996. 631 p.
2. *Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / пер. с англ. В.В. Архипова // Правоведение. 2005. № 5. С. 102–136.*
3. *Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. 308 с.*
4. *Finnis J. Natural Law and Natural Rights.* NY: Oxford University Press, 2011. 494 p.
5. *Тихонова С.В. Теоретические основания западной коммуникативной теории права: Юрген Хабермас // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (144). С. 25–36.*
6. *Bohman J., Rehg W. Jürgen Habermas [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2017 Edition) / Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/habermas/> (дата обращения: 12.05.2022).*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ Ю. ХАБЕРМАСА

В.А. Копанева

Соискатель кафедры философии

ВолГУ

E-mail: leravalera5@mail.ru

В своей статье «Труд и интеракции. Заметки к гегелевской «Философии духа» йенского периода» Ю. Хабермас обращает внимание на выделяемую Гегелем систематику, которую позднее не стал развивать в «Феноменологии духа». Автор стремится продолжить и развить логику Гегеля, а также доказать тезис о роли духа и диалектической взаимосвязи языковой символизации, труда и интеракции. Хабермас также отмечает проблемы и препятствия в ходе коммуникации между индивидами: что мешает достичь понимания и

почему возникает ситуация разобщенности или даже враждебности? Исследователь с помощью сравнительного анализа текстов Гегеля, Фихте, Канта и Маркса, а также при помощи герменевтики выявляет основные препятствия в интеракции, а также выделяет взаимное признание как первичное условие для создания коммуникации и ее продолжения между индивидами.

Ключевые слова: коммуникация, взаимное признание, интеракция, диалектика, методология, герменевтика, сравнительный анализ

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF SOCIAL RECOGNITION IN PHILOSOPHY J. HABERMAS

V.A. Kopaneva

Applicant of the Department of Philosophy

VolSU

E-mail: leravalera5@mail.ru

In his article "Labor and Interactions. Notes on Hegel's "Philosophy of Spirit" of the Jena period" J. Habermas draws attention to Hegel's distinguished systematics, which he later did not develop in "Phenomenology of Spirit". The author seeks to continue and develop Hegel's logic, and to prove the thesis of the role of the spirit and the dialectical relationship of linguistic symbolization, labor and interaction. Habermas also notes the problems and obstacles in the course of communication between individuals: what prevents understanding and why a situation of disconnection or even hostility arises? Through a comparative analysis of the texts of Hegel, Fichte, Kant and Marx, and with the help of hermeneutics, the researcher identifies the main obstacles in interaction, and highlights mutual recognition as the primary condition for the creation of communication and its continuation between individuals.

Keywords: communication, mutual recognition, interaction, dialectics, methodology, hermeneutics, comparative analysis

В своей статье «Труд и интеракции. Заметки к гегелевской «Философии духа» йенского периода» Ю. Хабермас обращает внимание на выделяемую Гегелем систематику, которую позднее не стал развивать в «Феноменологии духа». Автор стремится продолжить и развить логику Гегеля, а также доказать тезис о роли духа и диалектической взаимосвязи языковой символизации, труда и интеракции: «Радикализация моего тезиса могла бы звучать следующим образом: не дух манифестирует себя в абсолютном движении саморефлексии, помимо всего прочего, в языке, труде и отношениях нравственности, но понятие духа впервые определяется диалектической взаимосвязью языковой символизации, труда и интеракции» [3, с. 9]. Хабермас также отмечает проблемы и препятствия в ходе коммуникации между индивидами: что мешает достичь понимания и почему возникает ситуация разобщенности или даже враждебности?

Хабермас проводит сравнительный анализ концепций самосознаний Гегеля и Фихте, а также понятия Я у Гегеля и Канта: «Если Фихте формулирует понятие Я как тождество Я и не-Я, Гегель с самого начала понимает его как тождество всеобщего и единичного. Я — это всеобщее и единичное в одном. Дух есть диалектическое развёртывание этого единства, а именно нравственная тотальность. Гегель выбирает этот термин не произвольно, поскольку дух, под которым в обыденном языке понимается дух народа, эпохи или команды, всегда выходит за пределы субъективности одинокого самосознания» [3, с. 13]. Еще одним методом, который позволяет исследователю разрабатывать материал Гегля, является герменевтика, с помощью которой Хабермас интерпретирует тексты Гегеля, а также способствует лучшему пониманию концепции интеракции.

В ходе статьи автор раскрывает два ключевых вопроса:

- 1) как формируется самосознание?
- 2) как образуется дух?

Отвечая на первый вопрос, Хабермас подчеркивает отход Гегеля от концепции «одиноким рефлексии» (Я вступает в коммуникацию с самим собой как своим Другим), которую развивал Фихте, а, по Гегелю, самосознание — это интеракция познающих самих себя и друг друга индивидов: «Гегелевская же диалектика самосознания выходит за пределы отношения одинокой рефлексии в пользу комплементарного отношения познающих самих себя индивидов. Опыт самосознания более не является первичным. Скорее, он вытекает у Гегеля из опыта интеракции, в которой я учусь видеть

себя глазами другого субъекта. Сознание моей самости производно от ограничения перспектив. Лишь на основе взаимного признания образуется то самосознание, которое должно проявиться в процессе моего отражения в сознании другого субъекта» [3, с. 11].

Не менее значимым вопросом является «что есть дух?», который Хабермас рассматривает через йенские лекции Гегеля: «Дух есть коммуникация единичных в среде всеобщего, которая напоминает отношение грамматики языка к говорящим индивидам или системы значимых норм к действующим субъектам, она не выделяет момент всеобщности в противоположность единичному, а устанавливает их своеобразную связь. В среде того всеобщего, которое поэтому было названо Гегелем конкретным, отдельные индивиды могут взаимно идентифицировать себя друг с другом и одновременно определять себя в качестве нетождественных. Первоначальная позиция Гегеля состоит в том, что Я как самосознание может быть постигнуто лишь в том случае, если оно есть дух, то есть если оно переходит от субъективности к объективности всеобщего, в котором на основе взаимности объединяются субъекты, осознающие себя в качестве нетождественных» [3, с. 14]. Для нас имеет значимость два признака «духа»:

- 1) Коммуникативная природа духа (его диалогичность), потому что это становится основанием для выделения социального признания как ценности,
- 2) Взаимность как основа возникновения духа, потому что позволяет определить механизм социального признания (то, как оно осуществляется).

Так, через данных два признака Хабермас продолжает исследование логики Гегеля и отмечает в процессе коммуникации связь логики и практики: «Это выявляется в диалектике отношений нравственности, которая разворачивается Гегелем под заголовком *борьбы за признание*. В ней реконструируется подавление и восстановление диалогической ситуации как нравственного отношения. В этом движении, которое только и имеет право называться диалектическим, логические отношения в рамках искажённой насилием коммуникации сами осуществляют практическое насилие. Лишь в результате этого движения насилие искупается и возникает ненасильственность диалогического познания-себя-в-Другом — любовь как примирение» [3, с.16]. Если попытаться схематично отразить процесс борьбы за признание, в частности режим «подавление», то получается примерно следующая схема: субъект признания нарушает конвенцию, которая была установлена между ним и Другим — тот же субъект начинает выражать враждебность по отношению к Другому — Другой отражает враждебность в ответ — как результат, дружественность утеряна — субъект признания, разорвавший комплементарность свободной от насилия коммуникации, ощущает нехватку/неполноценность своей жизни, что может привести к отчуждению от самого себя. Однако на этом цепочка не заканчивается, Гегель продолжает логику и допускает ситуацию примирения подавленных субъектов признания, но только в случае, если оба испытают тоску по утерянному, которая позволит осмыслить собственную отвергнутость и отделенность от совместной жизненной связи: «Результатом становится не непосредственное самопознание Одного в Другом, то есть примирение, а отношение субъектов друг к другу на основе взаимного признания, а именно на основании познания того, что идентичность Я возможна исключительно благодаря зависимой, в свою очередь, от моего признания идентичности Другого, который признает меня» [3, с. 18].

Хабермас отмечает приоритетность условия взаимного признания в формировании самосознания: «Опыт самосознания более не является первичным. Скорее, он вытекает у Гегеля из опыта интеракции, в которой я учусь видеть себя глазами другого субъекта. Сознание моей самости производно от ограничения перспектив. Лишь на основе взаимного признания образуется то самосознание, которое должно проявиться в процессе моего отражения в сознании другого субъекта» [3, с. 12]. Каков же основной посыл статьи Хабермаса? Главная идея заключена в идее освобождения, однако Хабермас видит множество препятствий на пути к «комплементарности свободной от принуждения коммуникации и взаимного удовлетворения интересов»:

- 1) Насилие, принуждение, которое возникает в рамках борьбы за признание,
- 2) Идея превосходства единичного над всеобщим, которая приводит к насилию и вынужденной борьбе за признание,
- 3) Культивирование техницизма и убежденность, что именно искусственный интеллект/ машины позволят достичь свободы и предотвратит процесс самоотчуждения, который приводит к распаду коммуникации между индивидами.

Поэтому Хабермас обращается к раннему Гегелю в поисках ответа на вопрос: какой есть альтернативный сценарий, при котором удастся предотвратить распад коммуникации? Идея интеракции, которая строится на идее взаимного признания, позволит в дальнейшем выработать принципы коммуникативных взаимосвязей, которые позволят индивидам жить «в свободной

от господства интеракции на основе возникающей без всякого принуждения взаимности». Если Маркс обнаруживал истоки отчуждения в труде и сводил все к экономике, то Хабермас проблематизирует этот вопрос и указывает на недостаточность экономического объяснения отчуждения в коммуникативных практиках, которое приводит к разобщенности, а значит необходимо рассматривать более детально сам процесс взаимодействия субъектов коммуникации. Таким образом, Хабермас с помощью сравнительного анализа текстов Гегеля, Фихте, Канта и Маркса, а также при помощи герменевтики выявляет основные препятствия в интеракции, а также выделяет взаимное признание как первичное условие для создания коммуникации и ее продолжения между индивидами.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 2002. 535 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 310 с.
3. Хабермас Юрген. Техника и наука как «идеология». Сборник статей / Пер. с нем. М. Л. Хорькова. М., 2007. С. 8-50.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ СУДЕБНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ: ПРАГМА-ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Д.А. Сошникова

*Аспирант по направлению «Юриспруденция»
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: daria-soshnikova@yandex.ru*

Со второй половины XX века в связи с развитием органов конституционной и конвенционной юстиции реалистический подход к судебной аргументации, допускающий апелляцию судей к метаюридическим аргументам, становится преобладающим. Несмотря на то, что в доктрине сформулированы и обобщены признаки реалистического подхода, они носят теоретический характер, и при этом отсутствуют эмпирические исследования судебной аргументации, направленные на выявление соответствующих признаков в судебных решениях. В связи с указанным, на основании результатов эмпирического исследования практики Европейского суда по правам человека, автором предлагается методология по идентификации признаков реалистического подхода к судебной аргументации, основанная на сочетании доктринальных признаков реализма, с одной стороны, и инструментария прагма-диалектического аргументативного подхода, представленного специфическими аргументами, с другой стороны. Также предлагаются собственно юридические критерии, которыми может быть дополнен прагма-диалектический подход для целей идентификации реалистического подхода к судебной аргументации.

Ключевые слова: Прагма-диалектический подход, судебное толкование и аргументация, реалистический стиль судебной аргументации, Европейский Суд по правам человека, судебный активизм, юридические аргументы

METHODOLOGY OF THE REALIST STYLE OF JUDICIAL ARGUMENTATION STUDY: A PRAGMA-DIALECTICAL APPROACH

D.A. Soshnikova

*PhD student in the field of «Jurisprudence»
St Petersburg State University
E-mail: daria-soshnikova@yandex.ru*

Since the second half of the XX century, due to the development of constitutional and conventional justice, the realist approach to judicial reasoning, allowing judges to appeal to meta-legal arguments, has become predominant. Although doctrine has formulated and summarized features of the realist approach, they are theoretical in nature, and there are no empirical studies of judicial reasoning aimed at identifying relevant attributes in judicial decisions. Based on the

above, the author offers a methodology to identify the features of realistic approach to judicial argumentation, based on a combination of doctrinal features of realism, on the one hand, and the tools of pragma-dialectical argumentative approach, represented by specific arguments, on the other hand on the basis of the results of empirical research of the European Court of Human Rights case-law. The proper legal criteria with which the pragma-dialectical approach can be supplemented for the purposes of identifying the realistic style of judicial argumentation are also proposed.

Keywords: Pragma-dialectical approach, legal interpretation and argumentation, realistic style of judicial argumentation, European Court of Human Rights, judicial activism, legal arguments

Развитие во второй половине XX века институтов конституционного и конвенционного правосудия обострило противостояние двух стилей (стратегий) судебной аргументации – формализма и реализма. Судебный формализм (например, в современном варианте К.Э. Альчуррона и Е.В. Булыгина), демонстрирует верность идеалу строгого нормативного обоснования решения, которое может быть реконструировано как дедуктивный вывод. Судебный реализм, напротив, считает возможным для судьи апеллировать к метаюридическим аргументам, пренебрегая идеалом нормативного обоснования решения и не усматривая в этом угрозы для его легитимности. Если формализм, с точки зрения его оппонентов, связан с риском вынесения несправедливых решений, то реализм в его нестесненном нормами права поиске справедливости провоцирует, по мнению формалистов, риски судебного произвола.

В современной доктрине в рамках реализма постепенно развивается тенденция к суверенизации судебной власти, сопряженная с освобождением судьи от связанности смыслом правовых текстов [1]. Реализм в его наиболее радикальной версии обоснован французским конституционалистом Мишелем Тропером [2, с. 93], согласно которому значение нормативному тексту придается в процессе его толкования уполномоченным органом, иное значение, отличное от придаваемого тексту в процессе толкования, отсутствует. Согласно Троперу, осуществляющие толкование субъекты наделены специфической властью [3, с. 137]. Так, конституционный суд выступает соучредителем конституции, поскольку обладает правом ее свободного истолкования, как в случае наличия, так и при отсутствии определенных формулировок (например, при провозглашении неписаных принципов) [3, с. 142]. Именно суды формируют правопорядок [4, с. 249].

В связи с этим большой интерес приобретает поиск в судебной аргументации признаков реалистического стиля, а также выявление факторов, сдерживающих на практике аргументацию судьи-реалиста – для достижения баланса между большей приближенностью толкования социальному контексту, в котором применяется норма права, и дискрецией правоприменителя [5, с. 1]. Хотя, анализу и обобщению доктринальных признаков стилей судебной аргументации посвящены теоретические исследования, эмпирическое изучение судебной аргументации, направленное на выявление в судебных решениях соответствующих аргументов, отсутствует. В настоящей работе предлагается методология, позволяющая идентифицировать реалистический стиль судебной аргументации в судебной практике, включая определение «аргументативных (юридических) сдержек», предотвращающих принятие судьей-реалистом как рациональным актором [6] произвольных решений.

Эмпирическую основу исследования составили 327 решений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд), отобранных в соответствии с несколькими принципами выборки (хронологический критерий, дела *High Importance* и др.). Выбор данной судебной инстанции обусловлен прежде всего тем, что реалистический стиль интерпретации наиболее явным образом проявляется в практике органов международной юстиции [7, с. 87, 89]. Как и иные международные судебные инстанции, ЕСПЧ представляет, в терминологии М. Тропера, орган аутентичного толкования, поскольку его решения порождают юридические последствия внутри правовых систем Совета Европы и не могут быть пересмотрены. В публикациях также распространено мнение о том, что доминирующим стилем толкования судей ЕСПЧ является реализм [8-10], при этом Суд нередко критикуется за утрату легитимности своих решений по причине «анархического расширения компетенции Суда», апелляции к «внешним средствам», к здравому смыслу [11] и т.п. Учеными и самим Судом отмечается «конституционный» характер деятельности ЕСПЧ, поскольку Конвенция представляет собой «конституционный» инструмент для европейского публичного порядка [12, §75; 13, с. 667-670; 14, с. 47]. Однако вопрос о том, какие именно аргументы, используемые Судом, позволяют сделать вывод о его реализме, остается за рамками исследований.

Поскольку прагма-диалектический подход является наиболее современным и наиболее комплексным, и, кроме того, данный подход, включая разработанные в рамках него аргументы, уже использовался в эмпирических исследованиях практики ЕСПЧ [15, с. 25], он и был положен нами в основу разработки методологии, позволяющей выявлять признаки реалистического стиля в судебных решениях.

Эмпирическое исследование проводилось в рамках гранта «Действительность и действенность права: теоретические модели и стратегии судебной аргументации: 2019 г. Этап 2» совместно с А.В. Грачевой (также изучалась практика Конституционного суда Российской Федерации) под руководством Е.В. Тимошиной. Задача эмпирического исследования состояла в том, чтобы на основе теоретических признаков реализма, с одной стороны, а также разработанных в рамках прагма-диалектического подхода Д. Уолтоном аргументативных схем, которые отражают структуру наиболее распространенных типов аргументов [16], и (совместно с Ф. Маканьо) интерпретативных аргументов, которые направлены на обоснование определенного результата толкования [17, с. 53] – с другой, выделить в судебных решениях ЕСПЧ аргументы в качестве индикатора реалистического стиля судебной аргументации и тем самым верифицировать их признаки, выделяемые в доктрине.

Соотношение интерпретативных аргументов с аргументативными схемами нацелено на приведение терминологии юридической аргументации к единству, а также на оценку оснований толкования нормативных текстов [19, с. 25-26]. Взаимосвязь интерпретативных аргументов и аргументативных схем позволяет, с одной стороны, выявить и уяснить способы юридической аргументации суда при толковании определенных нормативных положений, и, с другой стороны, оценить, насколько тот или иной аргумент был корректно использован, и не содержится ли ошибок в аргументации.

Поскольку в рамках прагма-диалектического подхода было разработано значительное количество аргументов, при анализе решений ЕСПЧ прежде всего требовалось выявить наиболее типичные аргументы и обосновать их соотношение с формалистским и реалистическим стилями аргументации. Для этого потребовалось изучить наиболее характерные для юридической аргументации аргументативные схемы [19, с. 35-73] и соотнести их с фактически используемыми Судом аргументами при анализе первичной выборки решений ЕСПЧ.

В результате исследования решений ЕСПЧ были выявлены аргументы, наиболее типичные для реалистического стиля судебной аргументации, а также смешанные аргументы, которые могут относиться как к реализму, так и к формализму в зависимости от контекста их использования в судебном решении. В частности, обосновано, что индикаторами реалистического стиля судебной аргументации являются аргументы из примера, из популярной практики / популярного мнения, из позиции знания, из доктрины, а также телеологический и справедливый аргументы. К смешанным аргументам отнесены аргументы из прецедента, из классификации или определения, из последствий (*extra legem* или *intra legem*), из аналогии, из авторитетного источника.

Аргументация ЕСПЧ представляет определенные сложности для анализа, зачастую Суд смешивает несколько аргументов – так, большинство тезисов Суда подкрепляется ссылкой на предыдущие правовые позиции и тем самым вовлекаются в форму аргумента из прецедента. Тем не менее, эмпирическое исследование решений ЕСПЧ с использованием прагма-диалектического подхода подтвердило гипотезу о возможности выявления эмпирически верифицируемых признаков реалистического стиля аргументации на основе доктринально сформулированных признаков реализма. Также при проведении эмпирического исследования практики ЕСПЧ в решениях Суда были выявлены факторы, сдерживающие его аргументацию. Так, в качестве примеров «юридических сдержек», проистекающих из системы конвенционного механизма, возможно выделить соблюдение выработанных в практике Суда принципов субсидиарности (*subsidiarity*) и свободы усмотрения государств (*margin of appreciation*), в основе которых – прямая демократическая легитимация национальной власти, способной лучше, чем международный суд, определить местные интересы и потребности. При обосновании отступления от указанных принципов Суд зачастую обращается к европейскому консенсусу (*european consensus*).

Методология, основанная на прагма-диалектическом подходе, была также дополнена тремя собственно юридическими критериями, позволяющими идентифицировать реалистический стиль судебной аргументации, – это критерии полномочия, последовательности правовых позиций и учета нормативного содержания. Соответственно выход суда за пределы полномочий, например, – ЕСПЧ при осуществлении эволютивного толкования, отступление суда от собственных ранее сформулированных правовых позиций, избирательный учет судом нормативного материала, релевантного фактам дела, будут указывать на практикуемый органом юстиции реалистический стиль.

Таким образом, на основе полученных в рамках исследования результатов предложена методология по идентификации признаков реалистического стиля судебной аргументации, основанная на сочетании доктринальных признаков реализма и инструментария прагма-диалектического аргументативного подхода. Указанная методология может быть использована в дальнейшем при проведении мониторинга правоприменения как практики ЕСПЧ, так и других судебных органов с целью выявления признаков реализма и присущей ему тенденции по произвольному толкованию правовых норм, фактическому отождествлению правоприменительной и правотворческой деятельности, а также в целях комплексного анализа и описания стиля аргументации соответствующего суда.

Литература

1. Тимошина Е.В. Судья как новый суверен: волюнтаристская теория толкования Мишеля Тропера // Вестник РУДН. 2016. № 2. С. 50–61.
2. Тропер М. Конституционное толкование / пер. с франц. М.В. Антонова // Правоведение. 2012. № 4. С. 88-103.
3. Тропер М. Реалистическая теория толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 136-143.
4. Луковская Д.И. Об эволюции взглядов на судебское право во французской юриспруденции (конец XVIII – первая четверть XX века) // Правоведение. 2014. № 4. С. 237–250.
5. Carbonell F. Reasoning by Consequences: Applying Different Argumentation Structures to the Analysis of Consequentialist Reasoning in Judicial Decisions, in Legal Argumentation Theory: Cross-Disciplinary Perspectives / ed. Dahlam Ch., Feteris E. Dordrecht: Springer, 2013. P. 1–21.
6. Crottet B. Une tentative de reformulation de la théorie des contraintes // Jus Politicum. 2012. No. 7. URL: <http://juspoliticum.com/article/Une-tentative-de-reformulation-de-la-theorie-des-contraintes-451.html> (дата обращения: 30.04.2022 г.)
7. Alland D. Théorie réaliste de l'interprétation et des contraintes juridiques à l'épreuve du droit international public // Presses Universitaires de France. 2012. No. 55. P. 85–102.
8. Соболева А.К. Судьи Европейского Суда по правам человека как «мужи-диалектики»: риторический контекст и платоновская теория именования // Международное правосудие. 2017. № 3 (23). С. 34–46.
9. Ковлер А.И. Сцилла и Харибда Европейского Суда: субсидиарность или правовой активизм? // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 6. С.90-100.
10. Ковлер А.И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // Международное правосудие. 2013. № 6. С. 52–63.
11. Lécuyer Y. Les critiques ataviques à l'encontre de la Cour européenne des droits de l'homme. Chronique classé dans Droit européen des droits de l'homme, no. 53, 2019, pp. 1, 4-6., 7 URL: <http://www.revuedlf.com/cedh/les-critiques-ataviques-a-lencontre-de-la-cour-europeenne-des-droits-de-lhomme/> (дата обращения: 30.04.2022 г.)
12. ECtHR. Loizidou v. Turkey. Application no. 15318/89. Judgment of 23 March 1995. § 75;
13. Greer S., Wildhaber L. Revisiting the Debate about 'constitutionalizing' the European Court of Human Rights. // Human Rights Law Review. 2012. No. 12. P. 667–670.
14. Герардс Я., Сенден Х. Структура основных прав и Европейский Суд по правам человека. // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 3(76). С. 36–63.
15. Mochales R., Ieven A. Creating an Argumentation Corpus: do Theories Apply to Real Arguments?: a Case Study on the Legal Argumentation of the ECHR. P. 21–30.
16. Walton D., Reed Ch., Macagno F. Argumentation Schemes. New York: Cambridge University Press, 2008. 443 p.
17. Macagno F. Arguments of Interpretation and Argumentation Schemes // *Studies on Argumentation and Legal Philosophy: Further Steps Towards a Pluralistic Approach* / ed. by M. Manzin, F. Puppò, S. Tomasi. Napoli: Editoriale scientifica, 2015. P. 51–80.
18. Walton D. Legal Argumentation and Evidence. PA: The Pennsylvania State University Press, 2002. 365 p.
19. Macagno F., Walton D. Arguments of Statutory Interpretation and Argumentation Schemes // International Journal of Legal Discourse. 2017. No. 2(1). P. 1–29.

МЕДИАОБРАЗ: ПОСРЕДНИЧЕСТВО И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

М.Б. Кузнецова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: gera2010.10@mail.ru*

В тезисах рассмотрены проблемы понимания эстетического и художественного в медиа – то есть медиаобраза. Как происходит детерминация медиаобраза техническими и информационно-коммуникативными основаниями. Как эти основания влияют на интерпретацию в медиа. Образы рассматриваются как посредники между обществом и миром, человеком и миром, между и внутри групп людей (социальная сеть). Если образы соединяют, то они влияют на возможные интерпретации как понимания друг друга. Это влияние амбивалентно: технически медиа соединяют людей, а с точки зрения качества соединения делают это в духе массовой культуры и негативных воздействий в большой части таких коммуникаций.

Ключевые слова: Медиаобраз, медиаобраз-посредник, амбивалентность медиавлияния, интерпретация как понимание, схема эстетического пространства времени в медиа, треш-стрим

MEDIA IMAGE: MEDIATION AND INTERPRETATION

M.B. Kuznetsova

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
Saratov State Law Academy
E-mail: gera2010.10@mail.ru*

The theses address the problems of understanding the aesthetic and artistic in the media – that is, the media image. How the media image is determined by technical and information and communication grounds. How these grounds affect interpretation in the media. Images are considered as intermediaries between society and the world, man and the world, between and within groups of people (social network). If images are connected, then they influence possible interpretations as understanding of each other. This influence is ambivalent: technically, media connect people, but in terms of the quality of the connection, they do so in the spirit of popular culture and the negative impacts in a large part of such communications.

Keywords: Media image, media image-intermediary, ambivalence of media influence, interpretation as understanding, scheme of aesthetic space-time in media, trash stream

Медиаисследования исходят из утверждения, что Медиа или посредник, все вместе и каждое новое из них есть сообщение, влияющее на общественную жизнь и жизнь человеческого духа.

Значимые послания, которые создают старые и новые медиа порождаются языком сообщений и сами являются пространством, в котором рождаются смыслы.

Образы являются также посредниками между обществом и миром, человеком и миром, человеком и человеком. Уже давно современное общество называют обществом визуальной культуры или культуры картинок. С другой стороны, внимательные исследователи отмечают огромное значение текстовых сообщений внутри медиакультуры. Образы всегда служили человеку и в то же время, подавляя его, управляли им. С появлением технических средств изображения, а позднее цифровых изображений, ситуация в культуре кардинально меняется. Усиливается воздействие на общество и человека, все становится цифровым – и первое, и второе.

Интерпретация – понимание, толкование, попытка сделать непонятное понятным. Задачей интерпретации является преодоление чуждости сообщений. Развилась как феномен, начиная с античности (когда господствовало убеждение в единственности истины), затем стоики заменили понятие имени на знак, создали учение о лектоне как смысле мира у человека и показали, что язык не сводится ни к вещам, ни к истине.

В средние века понимание – это переход от знака к внутреннему слову. В христианстве экзегеза – искусство истолкования священных текстов – важнейшая часть христианской культуры. Восточная церковь полагала, что нет прямой связи между Божественным смыслом и человеческими образами

мира, принимала «умную молитву» - молитву в молчании. Западная церковь углубляет понимание «внутреннего слова». Аквинский считал его зеркалом, в котором мы видим вещь. В конце средних веков толкование трактуют как понимание.

В XX веке герменевтика хочет увидеть формирование смысла в человеке – это и есть интерпретация. Постструктурализм утверждает неповторимость рождения текста, утверждает, что культура стала единой как текст, тем самым интерпретации текста признаются не бесконечными и субъективными. У.Эко развивал идеи бесконечности интерпретаций текста, но, возможно, это было провокативным приемом со стороны автора.

Если делается прямая презентация реальности или означающих, то становится невозможен критический отзыв о тексте, текст все поглощает. Тема смерти автора в постмодернизме, смерти субъекта в культуре понимается как то, что автор не распоряжается текстом в процессе его восприятия публикой. Чтение или выявление смыслов, (а также и смотрение, и слушание), направляет смыслы, возникающие у субъектов восприятия, к другим смыслам. Так на место автора встает сам читатель или слушатель.

В современной культуре регулярно пересматриваются произведения технических видов искусства и в момент пересматривания возникают новые смыслы. А.С. Мигунов [1; с. 656] пишет, что применительно к художественному тексту можно говорить о классическом и неклассическом искусстве. Классическое искусство всецело занято репрезентацией реальности, то есть удвоением реальности в форме художественных произведений. Прямые презентации реальности в XX веке были характерны для неклассического искусства: в постмодернизме (хеппининги, перформансы и т.д.) или же в наивном, примитивном искусстве.

Медиаобраз часто представляет собой такие прямые презентации реальности (этот признак в постмодернистской теории связан с неисчерпаемостью текста). Чем проще текст, тем больше у него интерпретаций.

А.С. Мигунов отмечал [1; с.656], что существует эстетическая дистанция как промежуток между дохудожественным и собственно художественным восприятием. Узнавание какого-либо события на полотне художника и отождествление его с реальным объектом – это лишь начало эстетического восприятия. В медиаобразе эта дистанция занимает особое место. Благодаря трансляции других видов искусства и родовым свойствам телевидения и интернета, таким как сиюминутность, публичность, интимность – откровенное общение «с глазу на глаз» (крупный план лица человека, который говорит с вами), массовость, вездесущность, прозрачность, способность собирать информацию о субъекте восприятия и т.д., возникает область эстетического в Медиа, где грань между эстетическим и художественным размыта, неопределенна, где рождаются новые формы – жанры медиального.

В медиаэстетике говорят о формуле или схеме эстетического пространства-времени внутри Медиа: артефакт + медиаинтерпретация = эстетическое переживание.

Б.Стиглер пишет, что изображение и визуальная интерпретация вступают в процесс «грамматизации» в медиаэстетике, то есть рожают новый феномен фармакона, где Медиа выступает как лекарство от болезней и в то же время как яд для общества [4].

По мнению Л. Мановича, одного из теоретиков языка медиа постмедиаэстетика эстетизирует сами технологии, а взаимодействие человека и техники воспроизведения и распространения образов (текстов) фундирует современный эстетический опыт, связанный и даже не связанный с Медиа.

Возьмем в качестве примера новомодные трэш-стриминги в Ютубе. Сам канал, руководство которого находится в США, не контролирует содержание стримингов. Юридических законов на эту тему в России долго не было принято, поэтому даже те, кто наносил увечья другим участникам (порой смертельные) в ходе трансляции, говорили, что это была ролевая игра, где все работали, получали деньги, и смерть наступила по неустановленным причинам.

Здесь мы видим слияние познавательного, этического, правового и эстетического контентов в том смысле, что эстетизация безобразного, шок-контента, игра на интересе к запретным темам – характерные черты культуры еще начиная с XX века, а сегодня они усилены той самой эстетизацией технологии медиа по В. Маневичу или изменением искусства в эпоху его технической воспроизводимости, согласно первому теоретику этих проблем В. Беньямину, написавшему свой знаменитый трактат еще в 1936 году.

К особенностям медиаинтерпретации можно отнести упрощение смысла текста (образа) в связи с демократизацией истины, о котором писал А.К. Секацкий [3], замечая, что идеи Просвещения реализованы в наши дни, а сама истина стала такой краткой, что может быть изложена в SMS формате.

Тот же А. Секацкий пишет о культуре «с доставкой на дом». Такая степень доступности культуры влияет на ее понимание или, точнее, непонимание. Ф.Гирёнок пишет об этой проблеме,

отмечая, что в обществе цифрового контроля все устремилось к дому. Надомная работа, дистанционное образование, лечение на дому, домашний арест заменяют больницы, школы, офисы и даже тюрьмы.

Интенсивная жизнь в доме – примета новой нормальности, жизни в цифровом обществе. Это доступность человека в доме лишает его доступа к самому себе. Он не есть теперь производство подлинности, а часто есть производство обмена пустыми знаками в симулятивных пустотах культуры. Лишаясь присутствия по отношению к себе, человек теряет внутреннюю жизнь и потребность в воображении. Человек теряет способность понимать смыслы, соединяя события разных областей между собой, впуская в свой дом Другого и Других. Тем самым он лишается интерпретации как понимания.

Медиа интерпретирует «страх и ненависть» в жизни в формах самой жизни в виде трэша, шока, ужаса и т.д. Если образ, по мысли Дерриды «ходит» от сокрытого к открытому и наоборот, стараясь сохранять меру в соотношении этих противоположностей, то он выполняет свою роль посредника в диалоге человека и мира, человека с самим собой, человека с человеком и обществом. Об этом писал М.Бахтин, теория которого сейчас обретает второе рождение на родине, в то время как на Западе его воспринимают как автора идей карнавализации, воплощенной в «цветных революциях», и идеи мультикультуризма.

На деле же ждет своего развития и интерпретации методология М.Бахтина, описывающая совокупность пространственно-временных границ того или иного сообщения, хронотоп культуры в целом. Слово должно быть сказано. Поэтому в диалоге, о котором писал Бахтин, в не монологичности культуры заложены продуктивные идеи будущей эстетики, в том числе и медиаэстетики.

Е.Г. Яковлев, рассматривая искусство в мире техники, делает вывод, что не так много дает техника для эстетического и художественного развития мира «для приращения вечных духовных ценностей, для погружения в атмосферу истины, добра, красоты... Сохранит ли оно мир идеальной природы и выйдет ли победителем в борьбе с массовой культурой и технотронной цивилизацией, покажет время» [5;257].

Литература

1. *Мигунов А.С.* Художественный текст // Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2007. XVI, С.656
2. *Мигунов А.С.* Художественный образ // Там же. С.656
3. *Секацкий А.* Последний виток прогресса. (От Просвещения к Транспарации). Исследования. СПб., 2012.
4. *Стиглер Б.* Дух Просвещения в эпоху философской инженерии [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (дата обращения: 02.11.2021).
5. *Яковлев Е.Г.* Эстетика: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2011. С. 257.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ: ПАРАДОКСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Р.Г. Липидин

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: Lipidinrg@yandex.ru*

В рамках данной статьи осуществляется попытка привести к общему знаменателю интенции изучения субъективности прошлого и настоящего. Выявить проблемные моменты и наметить перспективы дальнейшего исследования проблемных полей. В качестве задач можно определить концептуальный анализ субъективности в философской перспективе, изменения трактовки субъекта в неклассическую эпоху, определение перспектив изучения субъекта в настоящем и будущем. Выявление парадоксов не должно привносить деструктивный аспект. Наоборот, это послужит его всестороннему анализу.

Ключевые слова: субъект, индивид, личность, человек, общество, сознание

PROBLEMS OF SOCIAL SUBJECTIVITY: PARADOXES AND PERSPECTIVES

R.G. Lipidin

CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy

Saratov State Law Academy

E-mail: Lipidinrg@yandex.ru

Within the framework of this article, an attempt is made to bring to a common denominator the intentions of studying the subjectivity of the past and the present. Identify problematic points and outline prospects for further research of problem fields. As tasks, one can define a conceptual analysis of subjectivity in a philosophical perspective, changes in the interpretation of the subject in the non-classical era, and determination of the prospects for studying the subject in the present and future. Revealing paradoxes should not introduce a destructive aspect. On the contrary, it will serve its comprehensive analysis.

Keywords: subject, individual, personality, person, society, consciousness

Актуализация проблемы социального субъекта всё чаще обращает на себя внимание исследователей самых различных отраслей как социального, так и общегуманитарного знания. Целый ряд философов, социологов, психологов использует категорию «социальный субъект» в качестве ключевой, по новому позволяющей раскрывать привычные, давно, казалось бы, изученные сферы бытия человека и общества. [1] Однако этот теоретический ход сразу проявил целый ряд проблемных полей. Оставить их без внимания было бы не просто некорректно, но даже просто недальновидно в перспективе будущих исследований социально-философских проблем.

Во-первых, бросается в глаза сама трактовка социального субъекта в качестве индивида (иногда искусственным образом самодостаточного) и погружённого в систему механизмов социальных взаимодействий. Свойства субъекта при этом полностью определены свойствами системы. В результате получается своего рода компромиссная трактовка личности, которая, с одной стороны, определяется мерой своей социализации, но, с другой, сохраняет некоторую часть себя не детерминированной внешней средой.

Во-вторых, совершенно не берутся в расчёт достижения онтологии и гносеологии, многие века изучавшие содержательную и функциональную составляющие субъекта. Более того, как правило доминирует обыденная трактовка социального субъекта. Отсюда и поверхностность изучения, граничащая даже с нефилософским видением. Отсюда возникает иллюзия целостности социального субъекта, стремление постоянно видеть в субъекте какую-то форму активности, и через внешние проявления его деятельности описывать его самого [2].

В-третьих, совершенно отсутствует историческая перспектива проблемы. Это делает социального субъекта безликим, а саму концепцию бесполезной при обращении к различным культурно-историческим контекстам, так как динамика изменений субъекта совершенно не учитывается. Общие принципы развития субъективности, их характер, перспективные состояния оказываются совершенно не проявленными. Это особенно видно в номинальном отказе от формационной модели исторического развития, который в последнее время приводит к клишированию культурных образцов различных эпох, контекстов. Такое объяснение по сути и исследованием не является, а просто конституированием удобных данному контексту элементов. Не объясняя то, что было, укрепляет то, что есть. Это никак не увязывается с задачами исследования человека и общества.

В самой своей сути субъект неизменно должен заключать нормативный аспект. Это характеризует его сущность и специфику осуществления в мире. Вот «здесь» субъект есть, на «это» он имеет право посягать, а вот «это» уже противоречит самой его сущности. То есть в самой основе социальной субъективности заложена некая регламентация. Проблема в том, что не всегда она оказывается проявленной, понятной. То есть усматриваются некие правила игры, но смысл этой игры остаётся неясен. Субъективность сама становится неким клише на службе однодневных идей. В результате регламентация оказывается неустойчивой. Субъект оказывается нормой реагирования на изменяющуюся внешнюю ситуацию. К сожалению, именно в таком ракурсе социальный субъект в основном и рассматривается в современной литературе. Довольно быстро становится понятно, что такая субъективность в лучшем случае – это момент принятия «правил игры». В этом акте принятия субъект начинается и заканчивается. Именно поэтому субъективность нередко выражается в нежелании на чём-либо останавливаться, в постоянной смене правил, социальных деклараций. Такая активность субъекта становится ничем не обусловленным произволом. Самым недальновидным было

бы здесь пытаться привести субъекта к какой-то статике. Никаких внешних объективных точек отсчёта для него просто нет. Всё внешнее, что он принимает в качестве такового, лишь выглядит внешним. На самом же деле оно есть и есть лишь в том качестве, в котором оно соотносится со структурой субъекта. Именно структурные моменты почему-то всегда обходятся стороной, из-за чего социальный субъект не перестаёт удивлять своими новыми проявлениями в каждый новый период времени. Другая возможность более глубоко посмотреть на проблему – это увидеть саму субъективность в форме процесса, совокупности принципов преобразования каких-либо компонентов, которые изначально к нему не относятся.

Такая постановка проблемы не только проявляет генетический аспект социальной субъективности, но и позволяет отделить свойства собственно присущие, структурно определяющие, от свойств привходящих, посторонних для субъекта, лишь в определённых обстоятельствах наблюдаемых наряду с ним, создающих иллюзию, что именно определяют облик субъекта и даже то, что это именно он сам.

Одна из задач, стоящих перед социальной философией на данный момент, заключается в определении стратегий осуществления социальной субъективности, раскрывающих, а не сковывающих или подменяющих мнимыми, перспективами бытия человека в социальном мире. Выработать стратегию осуществления социальной субъективности – одна из задач социальной философии наших дней.

Обнаружение «Я» осуществляется в затрате внешних усилий. Характер и направленность этих усилий определяет сущность субъекта. Изначальная безусловная точка, в которой обнаруживает себя субъект – это осознание разницы между бытием, которое есть, и бытием, которое должно быть. В крике новорожденного младенца, в стоне умирающего на поле битвы солдата субъективность заявляет себя как несогласие с наличным бытием, отвержение его и устремление к бытию должному. Причем образ этого должного бытия не может иметь внешних оснований. Субъект создаёт этот образ сам. Кто-то может спросить: откуда ему там взяться как не из внешнего мира? Ведь субъект формируется во взаимодействии с ним – природным, культурным бытием. Но здесь можно ответить вопросом на вопрос: а что нам даёт редукция Я к не-Я, субъективного к объективному. Искусственно скроенный по образу и подобию объективного мира субъект – это всего лишь «зеркало», которое равнодушно к тому, что в нём отражается. Камю, Сартр, Хайдеггер с позиций экзистенциализма видели в такой ситуации трагедию субъекта. «Обреченность», «заброшенность» человеческого Я не могут быть компенсированы материальными благами запанного мира. Сохранение и развитие субъективности – это искусство, суть которого в умении вовремя сказать «нет».

В каждую переломную эпоху философия пытается как бы заново пересмотреть свои основания. И наш век не исключение. Меняется мир, меняется вместе с ним человек. Меняются нормы, характеризующие саму природу и облик социального субъекта. Многие привычные методы исследования человека уже показывают свою недостаточность, другим еще только предстоит завоевать свое место в системе социально-гуманитарного знания. И вот здесь мы сталкиваемся с первым (пожалуй, самым главным) парадоксом исследования мира субъекта. Дело в том, что рассмотрение его в социальной перспективе – казалось бы неотъемлемой первоосновы человека и разработка проблемы субъективности в онтологии – практически безотносительны друг к другу. Словно речь идет о совершенно разных сущностях.

«Самообнаруживающееся» Я индивида выступало изначально действенной единицей созидания особой социальной сферы в качестве социального феномена. В своей специфической отделенности-обособленности (через присвоение способности отражать соответствующим образом действительность и производить конструкты культурного пространства) от мира природы, с одной стороны, и, с другой — своего определенного (условного) ограничения внутри коллектива оно приобретало все новые социальные характеристики. Такое ограничение Я осуществлялось еще в его неразделенности, естественной связи с коллективом, когда Я индивида еще было «впущено» в «коллективное» первобытного общества и коллективный субъект и субъект индивид в своем воспроизводстве практически совмещались. «Человек действует в истории именно как индивид» [3], но осуществляется в системе общественных отношений — отношений субъектов социального действия, выполняющих культурно-исторический процесс — как субъект. Он в принципе определяется в этих отношениях в качестве индивида, субъекта, личности, а также определяет свое Я в соответствии с реальным уровнем и историческими характеристиками общества и, кроме того, в соотношении с общим историческим состоянием социума в пространственно-временном континууме социальной эволюции, прежде всего, с ведущими историческими системами, определяющими это состояние.

В этом движении общества обеспечивается развертывание Я, которое в своем бытии в историческом пространстве имело разные условия и разные уровни саморазвития — исторические, культурные и др. Я индивида как определяющий его феномен предстоит во все большей степени в своей развивающейся множественности, обнаруживая себя во все новых позициях и раскрывая в себе все новые смыслы, превращаясь в действительное «Я» — «Я» феноменальное, обладающее определенным уровнем самосознания, самопознания, самоопределения и возможностями их развития. Разделение субстанциальности и феноменальности сознания, признание того факта, что субъективность не есть субъективность сама по себе, что ее непосредственность отнюдь не выражает смысл объективности мира породило задачу прояснения динамики самого становления субъективности, а также выявления тех досубъективных неочевидных целостностей, порождающая энергия которых и позволяет субъективности выражать нечто большее, чем ее непосредственную природу.

Литература

1. *Кимелев Ю.А.* "Субъект" и "субъективность" в современной западной социальной философии. М., 2005.
2. *Сайко Э.В.* Субъект: созидатель и носитель социального. М., 2006
3. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. СПб., 2003, С.260.

ПОНЯТИЕ ПОЛЬЗЫ В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ П.К. ЭНГЕЛЬМЕЙЕРА*

И.А. Гапаров

Аспирант кафедры философии

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

E-mail: sarov-1@mail.ru

В докладе представлен анализ понятия пользы в системе философии техники П.К. Энгельмейера. На основании обзора ряда отечественных трудов, посвященных жизни и ключевым идеям П. К. Энгельмейера, отмечаются библиографические достоинства и методологические недостатки, связанные с неотчетливостью и неоднозначностью в использовании терминологии. Считается, что одним из оснований, которым не было уделено должного внимания в концепции П. К. Энгельмейера, является «польза». Сопоставимая с «благом», «истиной» и «красотой», она как ценность вбирает их в себя, представляя все то, что облегчает достижение цели и увеличивает производительность труда. Напротив, определенная как «реализованная цель», т.е. положенная в качестве принципа, «польза» является условием возможности претворения нового в форме коэффициента полезности изобретения. В зависимости от способа ее определения, представляется возможным сделать более ясным будущее инженерного мышления и технического производства в целом.

Ключевые слова: П. К. Энгельмейер, польза, инженерное мышление, техника, изобретение, треха́кт

THE CONCEPT OF UTILITY IN THE SYSTEM OF P.K. ENGELMEYER'S PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY

I.A. Gaparov

Postgraduate student of the Department of Philosophy

Samara National Research University,

E-mail: sarov-1@mail.ru

The report presents an analysis of the concept of utility in the system of P. K. Engelmeyer's philosophy of technology. Based on the review of a number of domestic works devoted to the life

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».

and key ideas of P. K. Engelmeyer, the bibliographic advantages and methodological disadvantages associated with indistinctness and ambiguity in the use of terminology are noted. It is believed that one of the grounds that has not been given due consideration in P.K. Engelmeyer's concept is "utility". Comparable to "goodness", "truth" and "beauty", it absorbs them as a value, representing everything that facilitates the achievement of the goal and increases labor productivity. On the contrary, defined as a "realized goal", i.e. laid down as a principle, "utility" is a condition for the possibility of implementing the new in the form of the utility coefficient of the invention. Depending on the way it is defined, it is possible to make the future of engineering thinking and technical production in general clearer.

Keywords: P. K. Engelmeyer, utility, engineering thinking, technique, invention, three-act

Петр Климентьевич Энгельмейер является одной из важных фигур в русской философской мысли. Будучи инженером, он был одним из основателей философии техники как теоретической дисциплины, практическая значимость которой была сведена к анализу изобретения, истоков его происхождения и места в мире. Такой способ определения творчества П. К. Энгельмейера свойственен большинству российских историков философии. Так В. Г. Горохов [1] затрагивает биографические аспекты П. К. Энгельмейера, где он предстает, как редактор-издатель журнала «Техник», как «пионер русского автомобилизма» и т.д. Только затем В. Г. Горохов переходит к анализу его учения, предполагающего краткий обзор основных идей. Напротив, В. М. Розин [2] останавливает внимание на идеях П. К. Энгельмейера в свете критики и прояснения им идеи «органопроекции» Э. Каппа. В один ряд с В. Г. Гороховым и В. М. Розиным можно поставить Б. В. Емельянова и Г. П. Петрович. Они попытались раскрыть понятие техники у П. К. Энгельмейера, приняв за основание возможные способы определения, основы и методологические аспекты технических знаний [3].

В отличие от вышепредставленных работ, существуют также произведения, в которых основное внимание уделяется методологическим аспектам философии техники и творчества П.К. Энгельмейера. В этом плане интересными являются идеи А.Ю. Нестерова [4], А. Э. Бахметьева [5], Е. П. Ильина [6] и др. Так, А. Ю. Нестеров рассматривает концепт техники П. К. Энгельмейера как совокупность проективных навыков. Правда, будучи сторонником аналитической традиции, он переводит их на язык семиотики. В результате техническое знание по-новому определяется в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах как «исполнение, выходящее за пределы сугубо фантазии или рассудка, то есть такая интерпретация, которая создаёт новые формы в субстрате физической действительности» [4, с. 116], в связи с чем представляется возможным вывод неизвестных структурных параметров. По сравнению с А.Ю. Нестеровым, А. Э. Бахметьев действует уже. Он предпринимает попытки определить «интуицию», в связи с чем в диссертации отводит важную роль П. К. Энгельмейеру. Следуя его трехактной модели, А. Э. Бахметьев приходит к научной новизне, заключенной в открытии трех разновидностей интуиции: чувственной, рассудочной и разумной. В противовес вышепредставленным исследователям, Е. П. Ильин анализирует феномен творчества П.К. Энгельмейера в психологическом плане. На его основе он сопоставляет различные психотипы.

Вторая группа работ богата в методологическом плане, но скудна в содержательно-понятийном. Исследователи все внимание направляют на систематизацию и формализацию отдельных понятий в ущерб определению других. В итоге возникает ситуация неопределенности, в связи с которой исследователи стремятся отнести П. К. Энгельмейера к конкретному направлению, закрепить за ним статус неокантианца или неопозитивиста и т.д. В целом, как показывает практика, уровень внешней референции должен быть заменен внутренним, который мог бы быть направлен на прояснение исходных оснований, предложенных ещё П. К. Энгельмейером.

Согласно П.К. Энгельмейеру всего этих оснований может быть четыре: истина, благо, красота, польза. В этом плане он действует наравне с Б. Кроче, который также выделил четыре формы (дистинкции) духа. Но, согласно итальянскому мыслителю, «введение четвертого термина было совершенно необходимо для преодоления дуализма духа и природы, души и тела, внутренней и внешней реальности» [7, с. 40]. Последний термин (польза) был призван устранить, а не узаконить область трансцендентного. Предполагалось, что путем введения витальности в философию можно будет образовать такую связь единого с индивидуальным, которая покончила бы с «триумфальным концом истории» Г. В. Ф. Гегеля, мыслимым также как торжество Духа. Напротив, по мнению Б. Кроче, жизнь немыслима как нечто статичное / завершенное. Витальность, закрепленная в понятии пользы, является исходным основанием, благодаря которому жизнь приобретает направление (целесообразность). Полагая под пользой рост физиологически здоровых сил, Б. Кроче определяет ее

«как форму чистой индивидуальности, самопорождающей и саморегулирующей, что и обуславливает ее право присутствия в диалектике духовного единства» [7, с. 40].

В противовес подходу Б. Кроче, П. К. Энгельмейер видит под пользой не некое побуждение или стремление, а форму направленности, т.е. то, к чему стремится познающий и действующий субъект. Побуждение тесно связано с каждой из четырех категорий, сумма которых определяется общей человеческой волей, по краям от которой расположена божественное (бесконечность со знаком +) и дьявольское (бесконечность со знаком -) воление. Определенная по отдельности, каждая из категорий образует специфический предмет исследования. Благодаря взаимосвязи категорий (истины, блага, красоты и пользы) образуется активизм / праксеология, т.е. учение о действии. Но поскольку разумное существо в противовес неразумному не приспособливает организм к окружающим природным условиям, а «окружающие природные условия прилаживает к потребностям своего организма» [8, с. 92], то без возможности их трансформации ни о какой красоте, благе и истине не может идти и речи. В таком случае исходным основанием становится техника, задающая темп и ритм жизни. Без нее категории становятся бессмысленными абстракциями.

Поскольку техника является выражением человеческого духа, представляющим «искусство целесообразного воздействия на природу» [8, с. 90], то быть открытой для рефлексии в качестве материального аспекта действительности она не может. Подобную задачу мог бы взять на себя атрибут, конституирующий технику. Под ним П. К. Энгельмейер понимает «пользу». Определяя ее как одну из форм значимости, он видит под ней «все то, что облегчает достижение намеченной цели» [9, с. 30] или «увеличивает производительность нашего труда» [9, с. 30]. Здесь «польза» выступает как понятие. В этом смысле она предстает как снятая цель (ценность), поэтому производимый ею разрыв между теорией и практикой становится наиболее заметным. Это также связано с тем, что в привычной обстановке человек действует рефлекторно, в то же время может думать о чем-то другом. Если бы «польза» была простым понятием, то переход между актами был бы невозможен, поскольку подчинялся законам логики, которые, согласно П. К. Энгельмейеру, в чувственно данной нам действительности, не работают. В качестве примера можно привести некорректность закона противоречия, опровергнуть который, значит принять релятивистскую установку, способную вместить в себя несколько противоположных положений. С другой стороны, интересными являются мысли по технической логике у Э. Гартига, который полагал, что «технология знает ещё и другое подчинение: в ней можно привести массу случаев, где технолог не задумывается признать одно понятие подчиненным такому другому, которое вовсе не является по отношению к первому ни понятием более общим и отвлеченным ни даже охватывающим первое» [10, с. 101].

Таким образом, то, что мыслится в качестве «пользы», не может быть однозначно дано в логической форме, т.е. в понятии. «Польза» есть принцип (функция), определенный как технический эффект или, по мысли отечественного мыслителя А. Н. Огнева, «снятая реальная множественность основания становления» [11, с. 45], данная в материально-вещественной форме. Согласно П. К. Энгельмейеру речь идет о том, что, выдержав испытания, новшество переводится в разряд рутины, т.е. отныне предстает как превращенная форма экономического отношения. Полностью удовлетворяя потребность и принося меньшие страдания, изобретение становится техникой. Образуя неотъемлемый компонент повседневной действительности, техника упрощает жизнь, т.к. избавляет от монотонных операций, способствует достижению целей более экономными путями, расширяет сферу досуга и отдыха и т.д. Она также отражает уровень инженерного мышления, определяемый в разнице двух потенциалов трехакта (интуитивным и рефлексным). Расстояние между ними определяется общественным прогрессом и регрессом. Чем ближе они друг к другу, тем более счастливым будет человек, общество. Здесь «польза» не выносится в качестве предмета для обсуждения, поскольку все то, что создано обществом, считается достаточным для удовлетворения потребностей. Но чем дальше друг от друга располагаются акты, тем более законным становится требование поставить вопрос о назначении техники и о месте «пользы» в ней.

Поскольку в последнее время прослеживается тенденция по упрощению технического производства и инженерного мышления, то в связи с этим закономерной была бы постановка вопроса об их будущем. Ведь их полным исходом могла бы стать самоликвидация, отдельные признаки которой уже присутствуют в производстве устройств с упрощенной системой управления и контролем доступа. В связи с этим и о «пользе» может вестись речь как о том, что упрощает алгоритмизацию, т.к. по П.К. Энгельмейеру человек выстраивает «цепь А-В-С-D-E, в которой видит явление А, доступное для его мускульной силы. Тогда он вызывает явление А, цепь вступает в действие, и явление Е наступает» [12, с. 91]. Измененное отношение к «пользе» и инженерному мышлению в целом наталкивает на мысль, что в скором будущем человечеству, возможно, предстоит решить, хочет ли оно

остаться техническим в первом смысле (тетически), образным выражением чего является «мастер, создающий универсально-востребованный продукт в экономическом отношении» [11, с. 46] или же техническим во втором смысле (нететически), направленном на слияние искусственной среды с естественной, воплощением чего мог бы выступить «мудрец, вносящий ценностный смысл в материал познавательного процесса» [11, с. 46]). В зависимости от найденного ответа, человечество придет, либо к миру, заполненному техникой разной функциональности, в котором усложнение и алгоритмизация станут тупиком разумной эволюции из-за информативной перенасыщенности, либо к миру, основанному на тотальной автоматизации, прототипом могла бы стать этикосфера С. Лема [12], где техника предстает в виде мельчайших автоматизированных микрочастиц (шустрах), которые направляют и осуществляют контроль над каждым действием живого существа [13].

Литература

1. *Горохов В.Г.* Петр Климентьевич Энгельмейер. Инженер-механик и философ техники. 1855-1941. М.: Наука. 1997. 223 с.
2. *Розин В.М.* Понятие и современные концепции техники. М.: ИФРАН. 2006. 255 с.
3. *Емельянов Б.В.* Петр Энгельмейер: философия техники и творчества. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2004. 164 с.
4. *Нестеров А.Ю.* Семиотические основания техники и технического сознания: монография. Самара: Издательство Самарской Гуманитарной Академии. 2017. 155 с.
5. *Бахметьев А.Э.* Онтогносеологические границы интуиции в структуре познания. Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Бахметьев Артур Эдуардович. Казань, 2021.
6. *Ильин Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер. 2009. 448 с.
7. *Кроче Б.* Логика философии // Антология сочинений по философии. СПб.: Пневма. 1999. С. 3-98.
8. *Энгельмейер П.К.* Вып. 1.: Общий обзор предмета // Философия техники: Вып. 1-4. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон. 1912. 96 с.
9. *Энгельмейер П.К.* Теория творчества. М.: Либроком. 2010. 208 с.
10. *Энгельмейер П.К.* Эволюция или всеобщая теория творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков: Мирный труд. Т.5. 1914. С. 76-108.
11. *Огнев А.Н.* Проблема ценностных прималитетов // Ценности как фактор мировоззренческого самоопределения личности: монография. Самара. КРУПТЕН. Волга. 2018. С. 38-47.
12. *Лем С.* Осмотр на месте // Собр. соч. в 10 тт. Т.8. М.: Текст. 1994. 478 с.
13. *Нестеров А.Ю.* Концепция искусственной культуры («синтуры») Лема в контексте философии техники и философии культуры // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема. Самара: Самарская Гуманитарная Академия. 2020. С. 73-81.

СОЦИАЛЬНАЯ НОРМАТИВНОСТЬ И ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

В.С. Ерохин

*Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: v.s.erohin@mail.ru*

Трансформация техногенной стороны социума мыслится автором как основание изменения образцов и векторов персональной самоидентичности. По этой причине важным представляется изучение процесса персональной идентификации с точки зрения нормативных оснований его реализации. Автором полагается, что социальная нормативность может быть понята как минимальное условие бытия человека в обществе, выраженное в совокупности требований к формированию самоидентичности личности. Она включает в себя единство аскриптивных и дескриптивных норм. Нормативная природа персональной идентификации может быть определена через единство активного и пассивного синтезов, что дает возможность снять противоречие коллективных требований и индивидуальных интенций личности и приводит к возможности достижения персональной идентификации нормативности. На примерах гендерной и политической идентификации демонстрируется возможность практического применения полученных результатов.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, нормативность, личность, активный

SOCIAL NORMATIVITY AND PERSONAL IDENTIFICATION

V.S. Erokhin

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
Saratov State Law Academy
E-mail: v.s.erohin@mail.ru*

The transformation of the technogenic side of society is conceived by the author as the basis for changing patterns and vectors of personal identity. For this reason, it is important to study the process of personal identification from the point of view of the regulatory grounds for its implementation. The author believes that social normativity can be understood as a minimum condition for a person's existence in society, expressed in a set of requirements for the formation of identity of a person. It includes the unity of ascriptive and descriptive norms. The normative nature of personal identification can be determined through the unity of active and passive syntheses, which makes it possible to remove the contradiction of collective requirements and individual intentions of the individual and leads to the possibility of achieving personal identification normativity. Examples of gender and political identification demonstrate the possibility of practical application of the results obtained.

Keywords: identity, identification, normativity, personality, active synthesis, passive synthesis, gender, political identification

В философии вопрос о сущности персональной идентичности и идентификации рассматривается представителями многих подходов, различие между которыми заключается в соотношении индивидуального и социального в самости персоны, а также предзаданных и формируемых свойств в структуре самости личности [1]. Общей чертой всех решений мыслится вопрос о соотношении персональной идентификации и нормативности как социального феномена. Иначе говоря, смысл вопроса о персональной идентичности и идентификации состоит в том, как будет решен вопрос о множестве норм, регламентирующих социальный статус и роли и формирующих личностную идентичность.

Нормативность как социальный феномен автором трактуется как средство формирования представления о социально и индивидуально допустимых, приемлемых и положительно оцениваемых моделях поведения человека в социальной действительности, а также их реализации в повседневности. Социальная норма есть возможность снятия противоречий между социальными ожиданиями и индивидуальными устремлениями, возможность достижения компромисса между коллективным и индивидуальным социальным субъектом, позволяющим обеим сторонам общественного процесса реализовать свои требования и возможности.

Социальная нормативность может быть понята как минимальное условие бытия человека в обществе, поскольку определяет содержание социального начала в человеке. Последнее же может быть понята как априорное свойство человеческой природы, задающие самые общие принципы бытия человека как существа социального. Использование такого свойства дает возможность формирования социальной нормативности в исторически, культурно и иначе обусловленных реалиях.

Соотношение понятий социальной нормативности и персональной идентификации реализуется автором в выделение идентификации нормативности и нормативности идентификации. В рамках первого понятия описывается индивидуальное самоотождествление персоны с системой норм и соответствующим ему набором свойств, позволяющих персоне отождествить себя с набором удовлетворяющего ее социально приемлемого поведения [2]. Нормативность идентификации понимается как репрезентация установок и способов поведения в группе, которые оцениваются как допустимые и приемлемые.

Анализ подходов к пониманию социальной нормативности дает основание полагать, что нормативность идентификации персоны может быть понята как единство аскриптивных и дескриптивных норм, подчиненное эволюционному принципу развития, в результате которого происходит уменьшение объема аскриптивных социальных норм и увеличение дескриптивных норм, регламентирующих самость личности [3]. Отметим, что эволюционный принцип предполагает необходимость сохранения минимального количества дескриптивных норм для корректного существования социального бытия персоны [4].

Нормативная природа персональной идентификации может быть определена через признание двух взаимодополняющих оснований: пассивного и активного синтеза [5]. Активный синтез представляет собой способность личности к самоконструированию, поскольку позволяет определить основные принципы идентификации нормативности персоны и сформировать в ней саму себя.

Пассивный синтез дает возможность увидеть во множестве Других личностей равных, а также выявить общие нормативные основания коллективного бытия, позволяющие определить общие принципы существования множества персон как идентификаций нормативностей. Представленный процесс дает возможность персоне определить свое место в структуре социальных интеракций, а также реализовать процесс персональной идентификации.

Единство двух этих синтезов приводит к достижению устойчивого процесса персональной идентификации нормативности и возможности избежать противоречий, с которыми так или иначе сталкивается персона в своем социальном бытии. Это способствует адаптации внешней самождественности к персональному бытию отдельной личности.

Среди форм проявления персональной идентификации можно выделить гендерные и политические их виды. Первые связаны с понятием гендер, которое выражает социальный пол, имеющий социальные, экономические и психологические основания формирования положения человека в обществе и отождествления персоной себя с социально приемлемыми образцами поведения.

Гендер выступает нормативным основанием регламентации общественных отношений, позволяющим достигнуть максимально устойчивого состояния социальной системы. Использование гендерных статусов и ролей позволяет упорядочить общественные отношения таким образом, чтобы использовать ресурсы личностей для достижения высокого уровня эффективности социальной интеракции. Гендер оказывается основанием осознания персоной необходимости выполнения желательных моделей поведения для корректного совместного существования и одним из факторов нормирования персональной идентичности [6].

Гендерные формы идентификации позволяют личности как субъекту социальной интеракции и коммуникации транслировать знания и представления о себе, усваивать традиционные и современные культурные, этнические, социальные ценности [7]. Последние усваиваются путем определенных социальных инициаций, позволяющих сформировать желательный образ мужчины и женщины и соответствующие формы и практики идентификации [8]. При этом гендерная коммуникация предполагает обмен соответствующими значениями, которые определяют не столько биологические и персональные свойства человека, сколько его включенность в гендерные отношения и ожидания.

Формирование гендерной идентификации позволяет персоне усвоить необходимые стереотипы поведения и мышления, что дает возможность сократить затраты на познание современных социальных процессов и оптимизировать процесс принятия необходимых решений. Кроме того, данные стереотипы становятся основанием оптимизации коммуникационного процесса личностей как участников социальной интеракции и, тем самым, определения и использования наиболее эффективных социальных практик, в том числе и практик персональной идентификации. Усвоение гендерных стереотипов поведения и практик персональной идентификации дает возможность вырабатывать сходные ценностные ориентации, позволяющие транслировать культурно-исторический опыт.

Политическая идентичность персоны имеет нормативную природу, которая реализуется в достижении персоной формально закрепленных статусов и ролей в политическом сообществе. Наиболее важным из формальных статусов представляется гражданская идентичность, выраженная в форме совокупности правовых норм, регламентирующих правовой, гражданский и политический статус человека, а также осознание себя в качестве социального существа, обладающего консолидирующими и дифференцирующими признаками. В рамках нормативной природы политической идентичности закрепляется правовой статус человека как гражданина, субъекта политических и иных отношений.

В целом, мы видим, что нормативная природа персональной идентичности и идентификации может быть понята как совокупность аскриптивных и дескриптивных норм, определяющих функционирование личности как социального субъекта. Нормативная природа персональной идентификации может быть сведена к единству активного и пассивного синтеза, который позволяет снять противоречие коллективного и персонального бытия личности как социального субъекта. На примерах гендерной и политической идентификации мы видим практическое воплощение регламентации персональной самождественности как на коллективном, так и на индивидуальном уровнях.

Литература

1. Parfit D. Personal identity // The Philosophical Review. 1971. Vol. 80. №. 1. pp. 3–27.
2. Ерохин В.С. Социальная нормативность и персональная идентификация: соотношение понятий и практическая реализация // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 125-129.
3. Ерохин В.С. Эволюционность развития социальных норм: от аскриптивности к дескриптивности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2020. Выпуск 3. С. 250-270.
4. Atkins K. Narrative identity, practical identity and ethical subjectivity // Continental Philosophy Review. 2004. №37. pp. 341-366.
5. Dryaeva E.D., Kanaev I.A. Individual and social determinants for the formation of identity: A comparative analysis of research strategies // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. №4. С. 621-633.
6. Архиреева Т.В. Образ идеального отца у мужчин, имеющих детей // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 70-84.
7. Семенова В.Э. Гендерная философия в поисках субъекта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. №3 (13). С. 139-144.
8. Хитрук Е.Б. «Мужчина становится»: проблема маскулинности в контексте гендерных исследований // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 52-57.

КОНСТРУКТИВНАЯ «ТЕОРИЯ НАУКИ» ОБ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

В.Т. Мануйлов

Кандидат философских наук

E-mail: manvict@yandex.ru

Рассматриваются методы обоснования научного знания в конструктивной и аналитической «теории науки» („Wissenschaftstheorie“). Проводится сравнительный анализ целей научной деятельности в естественных, технических и гуманитарных науках, роли этих наук в практической деятельности людей и в образовательном процессе с точки зрения конструктивной и аналитической «теории науки».

Ключевые слова: конструктивная теория науки, аналитическая философия науки, математика, физика, техника, история, практика, мораль, политика, диалектика, герменевтика

CONSTRUCTIVE "THEORY OF SCIENCE" ABOUT THE ANALYTICAL PHILOSOPHY OF SCIENCE

V.T. Manuylov

CSc in Philosophy

E-mail: manvict@yandex.ru

The methods of substantiating scientific knowledge in the constructive and analytical "theory of science" ("Wissenschaftstheorie") are considered. A comparative analysis of the goals of scientific activity in the natural, technical and humanitarian sciences, the role of these sciences in the practical activities of people and in the educational process is carried out from the point of view of a constructive and analytical "theory of science".

Keywords: constructive theory of science, analytical theory of science, normative judgments, mathematics, physics, technology, history, practice, morality, politics, dialectics, hermeneutics

«Конструктивная теория науки» («konstruktive Wissenschaftstheorie») или «Немецкий (эрлангенский, методический) конструктивизм» начинается в 60-х годах XX столетия, когда немецкие учёные – математик Пауль Лоренцен (1915–1994) и лингвист Вильгельм Камла (1905– 1976) – основали

Эрлангенскую школу философии науки (*Wissenschaftstheorie*), деятельность которой была продолжена Констанцской группой. Исторически эрлангенский период длился с начала 60-х до конца 70-х годов, Констанцкий период – в течение 70-х годов; с начала 80-х годов XX столетия методический конструктивизм разрабатывался почти исключительно в Марбурге и Гёттингене [1, Р. 173-190].

Немецкоязычный термин «*Wissenschaftstheorie*» П. Лоренцен в [2] разъясняет так.

«В истории философии науки математические и технические науки относятся к традиции «теоретической» философии. Ей противостоит с Аристотеля «практическая» философия, подразделяемая на этику, экономику и политику. Это различие «теоретического» и «практического» также имеет место у Канта в критике «теоретического» разума по отношению к критике «практического» разума.

С 19-го века во французском и английском словоупотреблении термин «*science*» утвердился исключительно для наук в следовании «теоретической» философии... Напротив, в немецком словоупотреблении термин «*Wissenschaft*» («наука») с 19-го века утверждается для дисциплин в следовании также «практической» философии.

«В современной рефлексии о науке, которая функционирует под названием «*Wissenschaftstheorie*» [«теория науки»], эта разница «*scientia*» и «*Wissenschaft*» сказывается так, что термин *аналитическая* «теория науки» [«*analytische Wissenschaftstheorie*»] есть перевод англо-американской «*philosophy of science*». Этика, экономика и политика поэтому здесь – это либо «ненаучные» дисциплины («понятийная лирика»), либо они действуют как естественные науки, действуют *в качестве* эмпирических наук: свободные от ценностей описания фактических мнений о добром и злом, о справедливом и несправедливом и т.д. с тщетными усилиями также здесь найти «законы движения» для этих «фактов».

Конструктивная «теория науки» отличается от *аналитической* благодаря тому, что для этико-политической области образец «*scientia*» не принимается. Эту противостоящую сциентизму позицию конструктивная теория науки разделяет с герменевтикой (от Шлеермахера и Дильтея до Гадамера) и с диалектикой (от Гегеля до Хабермаса). Методически, однако, конструктивная теория науки отличается от герменевтики и диалектики теоретико-языковым критическим поворотом («лингвистическим поворотом» [«*linguistic turn*»]): «конструктивная» обозначает задачу, сперва сконструировать языковые лингвистические средства для всех наук, по крайней мере, реконструировать их критически.

Главный вопрос, на который должна ответить «теория науки»: «Почему, то есть с какой целью, мы занимаемся логикой и философией науки?» Общее убеждение ученых, что они занимаются наукой, чтобы сделать возможным лучшее овладение нашей жизнью. Поэтому прежде всего по вопросу о возможности научного обоснования нормативных суждений «конструктивная» теория науки отличается от «аналитической» теорией науки.» [2, S. 228-229].

Как одна, так и другая «теория науки» берет в качестве исходного пункта анализа математическое знание; характерным для обеих направлений является ориентация на истолкование проблем философии науки как проблем философии языка. Однако аналитическая и конструктивная философия науки предлагают в принципе различные образы науки, а также пути, методы построения и обоснования научного знания. Это различие выражается терминами: «исследование» или «путь (метод) исследования» («*die Forschung*» [3]; «*the way of research*» [4]) – для аналитической философии науки и «представление» или «путь (метод) представления» («*die Vorstellung*» [3]; «*the way of representation*» [4]) – для конструктивной философии науки.

Представителями немецкого конструктивизма под аналитической «теорией науки» понимается традиция XX века, представленная тремя стадиями развития: эмпиризм («Венский кружок» – Карнап – Штегмюллер), рационализм (Поппер – Лакатос), историзм (Кун – Фейерабенд).

Историко-философским истоком и ориентиром для аналитической философии науки служит Просвещение с философскими системами классического рационализма (Декарт, Спиноза, Лейбниц) [5, S. 101], в области философии математики – Г.В. Лейбниц. В качестве образца науки здесь рассматривается физико-математическое естествознание, принимаются тезисы об аналитичности математики, о редуцируемости математического знания к логике (принимаемой как теория множеств), о «бесмысленности метафизики» (Р. Карнап), о научной философии как анализе языка точными формальными средствами. «Путь исследования» методологически обеспечивается корреспондентской теорией истины в формализованных языках (А. Тарский), концепциями «третьего мира» и «эпистемологии без субъекта знания» (К. Поппер), «научно-исследовательских программ» (И. Лакатос), «научных парадигм» (Т. Кун), «методологического анархизма» (П. Фейерабенд). Научные теории, проблемы, гипотезы и т.д. являются «обитателями» особого «платонистского» мира,

лишь «открываемого» исследователем так, как географ открывает новый материк (К. Гёдель). Субъект является лишь «исследователем», субъективное рассматривается как синоним неполного, ошибочного, одностороннего. «Рост научного знания» совершается «методом проб и ошибок»; история науки лишь убеждает «исследователя» в правомерности правила: «все позволено», или «делай, что хочешь» (П. Фейерабенд).

«Метод исследования» анализируется в [3, S. 349-359].

На первом этапе «метод исследования» предполагает принцип: научные теории создаются из эмпирических данных посредством логических операций.

Критика Поппером Венского кружка представляет второй этап: он заключается в разработке коллекции правил, соблюдение которых гарантирует отбор ложных теорий. Первый этап не закончился с началом второго, но жил в качестве альтернативного течения наряду с рационализмом школы Поппера: в то время как эмпиристы в основном стремились построить принятые теории «рационально» (условия верификации), рационалисты старались уточнить условия, при которых теория не принимается (условия фальсификации).

Третий этап был инициирован Куном, и в последующем был доведён до крайности Фейерабендом и Лакатосом.

Кун объявил рационалистическое учение о науке неадекватным. Теории как будто устанавливаются, удерживаются и устраняются аналогично историческим учреждениям: посредством борьбы, смещения власти, революции. Методологические правила Поппера или любого другого известного учения о науке при этом не будут сохраняться.

Фейерабенд продолжает дальше отказ от любых научных критериев как особых способов действия специальной процедуры, которые должны были бы с необходимостью сохраняться для того, чтобы деятельность могла бы считаться «научной». Только цель, к которой должна стремиться наука, обнаруживает Фейерабенда как представителя аналитической теории науки: плодотворные теории.

Но ничего не может быть определено из того, что кто-то может сделать, чтобы прийти к этой цели, или когда ему придется признать, что он не прибыл к цели с определенной попытки (то есть, когда кто-то должен отказаться от бесплодной теории): единственное для науки решающее «правило» есть скорее: «Все разрешено». Тем самым программа аналитической научной теории оказывается строго говоря невозможной.

Лакатос стремится к уточнениям, которые можно использовать для отличия плодотворных теорий от бесплодных. С этой целью у него речь больше не о «теориях», а об «исследовательских программах». Смысл концепции исследовательской программы заключается в том, чтобы отличить «твёрдое ядро» предположений и частичных теорий, которые при фальсифицирующих результатах не должны быть отброшены, от отбрасываемых при фальсификации гипотез и частичных теорий. Если исследовательская программа в течение длительного времени способствует не подтверждению, а только противоречию, тогда она дегенерирует. Тем не менее, внутренними средствами науки невозможно решить, нужно ли поэтому от неё отказаться или её необходимо расширить.

Вопрос Фейерабенда о границах времени, которые Лакатос должен установить, чтобы определить, когда должна быть отменена дегенеративная исследовательская программа, ярко показывает тщетность попытки на этом пути всё же ещё определить критерий научности как критерий исследования.

«Путь (метод) представления» имеет в качестве исторической предпосылки философию И. Канта (не случайно И. Канта называют «дедушкой немецкого конструктивизма»).

Конструктивная теория науки рассматривает предметы науки как *конструкции*, то есть продукты целенаправленной человеческой деятельности; «Все теории – это речевые инструменты для поддержки уже начатой практики. В соответствии с этим, математическое знание, с одной стороны, историческое знание с другой стороны, требуется как фундаментальное знание на службе техники и этической политики» [2, S. 17-18]. Теоретико-научная реконструкция исходит из того, что все философские усилия должны осуществляться «внутри [комплекса] (Жизнь, Мир, Язык и т.д.)» с тем, чтобы построить «язык науки» на прагматическом базисе, исходя из первых «жизненно-мировых» начал, и по правилам *методического* мышления, базирующимся на *методическом* и *диалогическом* принципах» [6, S. 746].

«Методический принцип» говорит, что обоснование должно предоставить «ученику» «метод» для последовательного выполнения стоящего под вопросом результата. Термином «ученик» [„Schüler“] адресат доказательства [обоснования] характеризуется постольку, поскольку он может понять и выполнять указания [инструкции] для выполнения действий. Доказывающий [обосновывающий] называется «учитель» [„Lehrer“].

Минимальные требования к доказательству [обоснованию]: оно должно быть последовательностью инструкций для ученика; инструкций представлять себе что-л, что -то принять к сведению, осознать некоторую цель, что -то сделать. Эти инструкции должны шаг за шагом, постепенно основываться друг на друге, что эквивалентны двум запретам: запрет «пробела [разрыва, Lücke]» и запрет «круга, [Zirkels]» [3, S. 361-365].

Стилизованное отношение «учитель-ученик», которое предполагается для представления методического принципа, называется «диалог» с учётом того, что к инструкциям также могут возникать возражения которые затем должны быть приняты во внимание. Ученик, поскольку он может выносить возражения, называется «Оппонентом» [‘Opponent’], учитель, поскольку он должен приспособлять свое представление к этим возражениям (в экстремальном случае: должен признать его как потерпевшее неудачу), называется «Пропонент» [‘Proponent’].

Ядро диалогического принципа, по которому происходит конструктивное доказательство [обоснование]: говорит, что утверждение доказано [обосновано] тем, что аргументация, ведущая к нему, может аннулировать все (ранее поднятые) возражения [3, S. 365-366].

Конструктивная теория науки строит свой метод обоснования нормативного знания на основе естественных наук как «техники» [2, S. 16-17] конструктивного метода и *исторического знания* как материала для выработки теории «этической политики».

В рамках каждого вида целенаправленной человеческой деятельности конструктивная теория науки выделяет *практическую* и *теоретическую* части. Естественные науки должны указать рекомендации для *технической* деятельности, исторические и гуманитарные науки – для выбора *высших целей* в *этико-политической* и *государственно-правовой* сферах жизни.

Конструктивная теория политического знания есть продолжение с позиций критики языка гегелевско-марксистской философии (в частности, реконструкции марксистской концепции удовлетворения потребностей и его организации), с одной стороны, методологии Макса Вебера, с другой стороны. «Конструктивная логика» (диалогическая логика) обязана в наибольшей степени Брауэру и Генцену, политика – Канту (и Платону!), теория математического знания – Пуанкаре и Вейлю, теория технического знания – Дюгему и Динглеру (и, вследствие этого, снова Канту и Платону). Теория исторического знания основана на диалектических концепциях от Гегеля до Хабермаса с приоритетом исторического материализма Маркса, наряду с влиянием герменевтики (Дильтей), на методологию «понимания» Макса Вебера»; в отличие от этих традиций конструктивная теория является концепцией критики языка, т.е. критическим приложением философии языка от Лейбница через Фреге и Пирса до Витгенштейна. В конечном счете, конструктивная теория науки призвана облегчить усвоение практиками достижений естественных и гуманитарных наук для построения более безопасного и справедливого мира» [2, S. 14].

Литература

1. Janich P. Methodical constructivism. In: Issues and images in the philosophy of science. – Dor-drecht, etc.: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 173–190.
2. Lorenzen P. Lehrbuch der konstruktiven Wissenschaftstheorie. Mannheim; Wien; Zürich: BI Wissenschaftsverlag, 1987. 332 S.
3. Wohlrapp H. Analytischer versus konstruktiven Wissenschaftsbegriff. In: Konstruktionen versus Positionen. Bd. II. Allgemeine Wissenschaftstheorie. Hrsg. von Lorenz K. Berlin; N. Y.: Bruyter, 1979. S. 348-377.
4. Lorenz K. Science, a rational enterprise? Some remarks on the consequences distinguishing science as a way of presentation and science as a way of research. In: Constructivism and science. Ed. by Butts R. E. and Brown J. R. Dordrecht etc.: Kluwer Acad. Publ., 1989. P. 3–18.
5. Lorenzen P. Aufklärung und Vernunft. In: Lorenzen P. Konstruktive Wissenschaftstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1974. S. 98-112.
6. Gethman C.F. Wissenschaftstheorie, konstruktive. In: Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Bd.4, Sp-Z. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1996. S. 746-758.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ К ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.Г. Мясников

*Доктор философских наук, профессор кафедры методологии науки,
социальных теорий и технологий
Пензенский государственный университет
E-mail: myasnikov-g@mail.ru*

В статье рассматривается актуальная социально-философская проблема мировоззренческой адаптации современных россиян к новым историческим и геополитическим вызовам 21 века. Новая ковидная эпоха активизировала ценности выживания для большинства россиян, и еще более усилила государствоцентристские тенденции в общественном сознании, ведущие к целесообразному ограничению гражданских прав и снижению уровня свободы в такой ситуации. Вместе с политической реакцией одновременно идет и возврат к традиционным консервативным ценностям, ориентированным именно на выживание человека, рода-народа в экстремальных социальных и политических условиях. В таких условиях происходит вынужденное отступление большинства членов общества от высших степеней свободы-самостоятельности: политической, нравственно-религиозной и творческой ради личного и группового выживания. Такая прагматическая целесообразность кажется вполне оправданной именно в экстремальных условиях пандемии и военно-политического и санкционного противостояния с враждебным окружением. В ходе исследования предлагаются варианты морально-психологической адаптации к резкому снижению уровня личной и общественной свободы, среди которых выделяется фаталистическое умонастроение как наиболее характерное для российского массового сознания. Вынужденные способы адаптации позволяют пережить кризисную ситуацию с наименьшими потерями, при этом сохраняя внутренний потенциал для поддержания личного достоинства, самоуважения, которое необходимо для последующего возвращения к нормальной жизни, для продвижения к высшим степеням свободы.

Ключевые слова: адаптация, современная Россия, степени свободы, фатализм, выживание

THE PROBLEM OF ADAPTATION TO EMERGENCIES: PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

A.G. Myasnikov

*DSc in Philosophy, Professor of Methodology of Science, Social Theories and Technologies Department
Penza State University
E-mail: myasnikov-g@mail.ru*

This article deals with the actual socio-philosophical problem of worldview adaptation of modern Russians to the new historical and geopolitical challenges of the 21st century. The new covidial epoch has intensified survival values for the majority of Russians and has further strengthened state-centered tendencies in public consciousness, leading to an expedient restriction of civil rights and a decrease in the level of freedom in this situation. This political reaction is accompanied by a simultaneous return to traditional conservative values aimed specifically at the survival of the individual, the tribe and the people under extreme social and political conditions. Under such conditions, the majority of society's members are forced to retreat from the highest degrees of freedom and autonomy: political, moral and religious and creative for the sake of personal and group survival. Such pragmatic expediency seems quite justified precisely in the extreme conditions of pandemic and military-political and sanctioned confrontation with a hostile environment. In the course of the study the options of moral and psychological adaptation to a sharp decrease in the level of personal and public freedom are offered, among which the fatalistic mindset stands out as the most characteristic of the Russian mass consciousness. Forced ways of adaptation allow to survive a crisis situation with the least losses, while maintaining the inner potential for the maintenance of personal dignity, self-respect, which

is necessary for the subsequent return to normal life, for the advancement to the higher degrees of freedom.

Keywords: adaptation, modern Russia, degrees of freedom, fatalism, survival

Вводная часть

Современная историческая ситуация, обусловленная уже двухлетней мучительной коронавирусной пандемией, новым геополитическим переустройством – возвращением к многополярному миру (конфликту национально-государственных интересов и ценностей стран Запада и евразийского Востока), а также чередой политических кризисов на постсоветском пространстве, ставит перед общественными науками практические задачи морально-психологической адаптации наших современников к этим и другим экстремальным условиям.

Новая ковидная эпоха активизировала ценности выживания для большинства россиян, и еще более усилила государствоцентристские тенденции в общественном сознании, ведущие к целесообразному ограничению гражданских прав и снижению уровня свободы в такой ситуации. Вместе с политической реакцией одновременно идет и возврат к традиционным консервативным ценностям, ориентированным именно на выживание человека, рода-народа в экстремальных социальных и политических условиях [1].

В таких условиях происходит вынужденное отступление большинства членов общества от высших степеней свободы-самостоятельности: политической, нравственно-религиозной и творческой ради личного и группового выживания. Такая прагматическая целесообразность кажется вполне оправданной именно в экстремальных условиях пандемии и военно-политического и санкционного противостояния с враждебным окружением.

О модульной системе современного мировоззрения

Для успешной адаптации к современным экстремальным ситуациям мы предлагаем модульную мировоззренческую систему, которая способна динамично реагировать на меняющиеся исторические и политические события, сохраняя при этом «каркас» базовых практических принципов, соответствующих общечеловеческим разумным понятиям о человеческом достоинстве, свободе воли, приоритете личного блага над государственными и иными внешними интересами и др.

Модульная структура современного мировоззрения обусловлена сложностью происходящих событий и быстротой перемен в разных сферах жизни. Особенно в экстремальных условиях человеку приходится отказываться от привычного образа жизни, снижать уровень своих потребностей и притязаний, соглашаться на существенные ограничения своей внешней свободы. Быстро адаптироваться к таким ограничениям не просто, но необходимо для выживания и продолжения своей жизнедеятельности.

Речь идет об основных мировоззренческих модулях: нравственно-метафизическом, властно-политическом и социально-экономическом, которые составляют основной каркас современного мировоззрения, и вместе с тем задают иерархическую структуру традиционного сознания, ориентированного на коллективное выживание [2]. На каждом из этих уровней (модулей) могут использоваться разные практические принципы, наиболее подходящие для конкретной жизненной, социальной ситуации и интересам человека или социальной группы. В экстремальных условиях выживания могут быть задействованы и традиционные постулаты. Например, на нравственно-метафизическом уровне долгое время доминировал принцип «Мы не свободны», так как всегда от чего-то зависим, и не можем делать всего, что хотим.

При этом мировоззренческие принципы могут заменяться или трансформироваться по усмотрению самого человека. Например, вместо ограниченного и даже опасного принципа «Мы не свободны» может быть использован новый практический принцип «Я всегда свободен в некоторой степени» [3]. Подобного рода трансформации можно проводить и на других мировоззренческих уровнях или модулях, в том числе можно применять временную блокировку отдельных принципов для обеспечения личной безопасности. Например, социально-политический принцип «Победа любой ценой» может быть разблокирован в период военного противостояния или в ситуации вынужденной самообороны, а затем снова заблокирован как неприемлемый для мирного времени.

Таким образом, модульная система современного мировоззрения позволяет выстраивать собственную конфигурацию практических принципов, понятий и установок, наиболее

соответствующую текущей историко-политической ситуации и моральным и прагматическим интересам самого действующего социального субъекта.

Рассмотрим некоторые возможные способы адаптации постсоветского человека к современным экстремальным военно-политическим ситуациям.

В утешительно-смирительных объятиях фатализма

В подобных чрезвычайных ситуациях у людей естественным образом обостряются животные инстинкты и интуиции, способствующие выживанию. Не последнюю роль в этом играет религиозно-мистическая интуиция фаталистического типа. Такого рода интуиция вполне соответствует вынужденному характеру политической лояльности нашего субъекта 6 уровня свободы («российского бюджетника»). Так, принимая все происходящее в политической сфере как «независящее от нас», человек будет нуждаться в соответствующей религиозно-мистической интуиции, т.е. в фаталистическом умонастроении, которое помогает принять любые события, все происходящее как неизбежную высшую волю, как судьбу или божественное Провидение [4].

В экстремальных условиях каждый новый прожитый день – большое благо, ведь жизнь продолжается, поэтому фаталистическое умонастроение способно поддерживать жизненную энергию человека для минимального сопротивления внешнему миру. Поэтому оно формирует вполне толерантное отношение ко всему, которое ясно проявляется в мировоззренческих установках «Только “да”» или «День прожит и слава Богу». Исходя из этой практической установки, внешнее сопротивление бессмысленно, лишние усилия приведут к большим трудностям и неприятностям, а возможно и ускорят завершение жизненного пути. Не стоит также забывать и о моральной мотивации религиозной фаталистической интуиции, ведь ожидание смерти предполагает ожидание справедливого божьего суда и последующего вечного воздаяния за земные деяния. Эти ожидания могут играть стимулирующую роль в процессе морально-практической мотивации поведения фаталиста, признающего над собой высшую волю.

Таким образом, фаталистическое умонастроение примиряет обычного взрослого человека (6 уровня свободы) с действительностью, и, как сказал бы Г.Гегель, приучает к законопослушности. Для переходных, кризисных периодов в развитии общества такое умонастроение может быть действительно полезным, как для отдельного человека, так и для всего общества, не позволяя ему дойти до полного беззакония и тотального произвола [5].

При этом нужно видеть и возможные негативные последствия массового фатализма, а именно консервативно-догматическую успокоенность, отсутствие долгосрочного планирования, низкую творческую активность и безынициативность. Еще 10 лет назад мы бы говорили, что это общество застоя и экономической отсталости, задорно ругали бы политические силы, которые провозглашали такого рода ценности и образцы поведения, но сейчас, в наступающую эпоху эгоцентризма и многополярного мира мы начинаем относиться к этим последствиям более вдумчиво и без торопливого осуждения [6].

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что прагматические способы адаптации к современным экстремальным ситуациям не сводятся к фаталистическому умонастроению, но некоторые его элементы или установки нередко используются для снижения морально-психологического напряжения, прежде всего, с помощью уменьшения личной ответственности человека за происходящее (типа, «мы солдаты – мы не виноваты»). Такой тактический прием позволяет пережить кризисную ситуацию с наименьшими потерями, при этом сохраняя внутренний потенциал для поддержания личного достоинства, самоуважения, которое необходимо для последующего возвращения к нормальной жизни, для продвижения к высшим степеням свободы.

Литература

1. Юревич А.В. Психологическое состояние современного российского общества: новые тенденции // Разработка понятий в современной психологии. Сборник статей. Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Издательство: Институт психологии РАН. 2019. С. 709-729.

2. Мясников А.Г., Константинов В.В., Чернецов М.А., Мясникова Т.А. Происхождение, структура и функции ловушек для свободы: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 2А. С. 158-170.

3. Мясников А. Г., Мясникова Т. А. Условия реализации политической свободы в постсоветском обществе: опыт социально-философского анализа и моделирования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 4. – С. 81–90.

4. Ушаков Д.В. Менталитет и социально-экономические достижения стран // Вестник Российской академии наук. 2020. Том 90. № 3. С. 224-231.

5. Балацкий Е.В. Общая теория социального развития и циклы принуждения // Общественные науки и современность. 2019. № 5. С. 156-174.

6. Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления // Сб. статей под ред. Н.В. Борисовой. М.: ИП РАН, 2020.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АГЕНТ МЕЖДУ РАЦИОНАЛЬНОСТЬЮ И ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬЮ

Т.О. Проволович

Кандидат философских наук, младший научный сотрудник

Институт экономики РАН

Преподаватель кафедры философии и методологии науки

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: tatiana.provolovich@gmail.com

В современной экономической науке происходит поляризация точек зрения на принцип рациональности экономического агента. В первую очередь постепенный переход от абсолютной рациональности к ограниченной рациональности и иррациональности связан с привнесением данных о поведении человека и способах осуществления экономического выбора из психологии. Поскольку классические экономические подходы не обладали способами формализации нерациональных факторов, поэтому они могли опираться исключительно на идеализированную модель агента, обладающего узким кругом экономических признаков. В современных подходах, которые получились в результате синтеза психологии и экономики изменился не только методологический аппарат, но и представление об агенте, как реально действующим субъекте, функционирующим в социокультурной среде. В результате появилась необходимость учитывать как физиологические и психологические факторы, так и социально-институциональные, которые так же могут влиять и на способ рационализации экономического выбора, и на иррациональные мотивы поведения (которые являются результатом закрепления многократного повторение какого-либо социального взаимодействия).

Ключевые слова: рациональность, ограниченная рациональность, иррациональность, экономический агент, междисциплинарный синтез, эпистемология, методология науки

THE ECONOMIC AGENT BETWEEN RATIONALITY AND IRRATIONALITY

T.O. Provolovich

CSc in Philosophy, Junior Research Scientist, research assistant

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Lecturer at the Department of Philosophy and Methodology of Science

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

E-mail: tatiana.provolovich@gmail.com

There is a polarization of points of view on the principle of rationality of an economic agent in modern economics. First of all, the gradual transition from absolute rationality to bounded rationality and irrationality is associated with the introduction of data on human behavior and ways of making economic choices from psychology. Since classical economic approaches did not have ways of formalizing irrational factors, therefore they could rely solely on an idealized model of an agent with a narrow range of economic characteristics. In modern approaches that have

resulted from the synthesis of psychology and economics, not only the methodological apparatus has changed, but also the idea of the agent as a real acting subject functioning in a socio-cultural environment. As a result, it became necessary to take into account both physiological and psychological factors, as well as socio-institutional ones, which can also influence the way economic choice is rationalized, and irrational motives of behavior (which are the result of the consolidation of repeated repetition of any social interaction).

Keywords: rationality, bounded rationality, irrationality, economic agent, interdisciplinary synthesis, epistemology, methodology of science

С конца XX века в экономической теории началась «радикальная деконструкция стандартной модели рационального выбора» [1, с. 35]. Классическая модель рационального экономического агента опиралась на ряд допущений об идеализированном экономическом агенте, выбор которого всегда связан с максимизацией субъективной полезности, а также избегание рисков. Но в последние несколько десятилетий начали активно развиваться такие направления экономики, как поведенческая экономика и новая поведенческая экономика. Их появление и распространение связано с переосмыслением принципа рациональности экономического агента, в сторону не только ограниченной рациональности [2, с. 16-38] (Р. Талер показал, что идеи Саймона об «ограниченной рациональности» в меньшей степени повлияли на развитие экономики, поскольку не предлагал способы объяснения «ошибок» в человеческом поведении [3, с. 34-35]), но и иррациональности экономического агента. Данные новые подходы предполагают через синтез экономики и психологии наиболее полно описать и главное классифицировать те факторы, благодаря которым человеческое поведение искажается (то есть не является постоянным во времени и полностью рациональным при любых обстоятельствах).

Центральным затруднением, для всех подходов является, во-первых, определение понятия выбора, и, во-вторых, определение факторов, которые влияют (а также степень влияния каждого из факторов) на поведение агентов. Если данное затруднение в основном касается методологических аспектов исследования поведения, то следующее затруднение вызвано онтологической непроясненностью статуса агента как в классическом, так и в современных подходах. Из-за отсутствия или пренебрежение онтологическим анализом обнаруживается эпистемологическая путаница (или эпистемологическая поляризация), которая заключается в том, что по мере трансформации исследований от рациональности к иррациональности поведения экономического агента происходит переход от традиционной эпистемологии, которая предполагает «конвенциональную» модель рационального выбора [4, с.12]), через натурализованную эпистемологию (которая через синтез (привнесение) психологии и экономики предложила объяснение поведенческих «ошибок», вызванных когнитивными ограничениями) к социальной эпистемологии (поиски истоков рациональности и иррациональности в специфике социальной среды, в которую погружен экономический агент).

Понятие иррациональности все чаще встречается в экономических исследованиях в совершенно разных контекстах. Например, Д. Ариэль, опираясь на постулат об иррациональности при принятии экономических решений агентами, провел ряд экспериментов для объяснения неслучайности как представляется на первый взгляд иррациональных поступков [5]. А российский экономист Вольчик В. В. предлагает способы формализации иррационального поведения [6, с. 6-12]. Современные нейроэкономические модели предлагают способ объяснения рациональности/иррациональности через нейробиологические механизмы [7, р. 6-19; 8, с. 220-241]. Поскольку самостоятельно экономическая теория не смогла в полной мере разрешить противоречия в объяснение поведения экономического агента, а синтез с психологией лишь указал на направление исследований, но не смог предложить полноценной замены принципу рациональности [1, с. 35], поэтому необходим философский анализ предметного поля для поиска возможных способов разьяснения противоречий между разными подходами.

Приоритетным направлением философского анализа должен стать концептуальный анализ понятия иррациональности. Если за долгое время существования принципа рациональности он приобрел строгие границы [9, р. 1214–1215], то использование понятия иррациональности излишне вариативно, и как правило связано с обозначением неочевидных для наблюдателя поведенческих реакций экономического агента. Поскольку поведенческая экономика выделила когнитивные факторы, как влияющие на поведение агента в ситуации неопределенности, поэтому такое поведение можно было бы обозначить как бессознательное, так как данное понятие является более репрезентативным и валидным в поведенческих науках. В результате противопоставление рационального (то есть разумного, сознательного) и иррационального (рефлекторного, бессознательного) становится более

пригодным для анализа, и предполагать рабочие механизмы классификации, с одной стороны, факторов влияющих, на поведение экономического агента (для решения прикладных задач по предсказанию и воздействию на агентов (индивидов)). С другой стороны, позволяет определить онтологический статус экономического агента (задать понимание предмета и очертить границы предметного, а в перспективе и методологического поля).

Поиск факторов, влияющих (а порой определяющих) на экономическое поведение, напрямую зависит от прояснения онтологического статуса экономического агента. Если классический принцип «абсолютной» рациональности предполагает формализованную модель агента в «социально-культурном вакууме» [10, с. 251], вписывающуюся в математический инструментарий, то современные нерациональные подходы предполагают антропологическую модель [8, с. 221], в которой агент является субъектом деятельности, а значит на него могут оказывать влияние не только когнитивные (физиологические, то есть связанные с телом), но и средовые факторы. Поскольку экономический агент перестает быть идеализированной, нереалистичной моделью, поэтому учет не только и не столько экономических факторов становится не только обоснованным, но крайне необходимым для понимания экономического поведения, и способов прогнозирования поведения, как конкретного индивида, так и социальной группы. В данном случае стоит отметить, что необходимо разделять те факторы, которые влияют на индивидуальное поведение конкретного субъекта, и факторы, которые задают модели поведения и способы принятия решений в сообществе. Поэтому из множества факторов, влияющих на поведение, необходимо выделять такое подмножество факторов, влияющих на конкретного субъекта, которое могут не учитываться в статистических прогнозах поведения социальной группы. Один из таких способов или мест пересечения обозначенных факторов может быть тип ментальности (например, [11, с. 3-13], который, с одной стороны, напрямую связан с субъективными, индивидуальными качествами человека, а с другой стороны, задает тип интерпретации восприятия внешних условий, обстоятельств, ситуаций для осуществления выбора [12, 162-163].

Переход от формализованной к антологической онтологии и привнесение к исследованиям экономического агента средовых факторов, позволит перейти от натурализованной (как это было в поведенческой экономике или в нейроэкономике) к социальной эпистемологии [13, с. 279-298], предполагающей влияние социально-институциональной среды на агента. Но данный переход не предполагает отказ от прежней методологии, а скорее междисциплинарный синтез практик и способов, которые позволят предложить не только наиболее реалистичное описание экономического агента, но и применимое, как для прогнозирования, так и воздействия на агентов. В качестве такого методологического междисциплинарного синтеза могут выступать, например, экспериментальная экономика (в данном случае необходимо разделять мысленные и «лабораторные» эксперименты, поскольку их результаты не могут считаться в полной мере идентичными [14, с. 124-139], поэтому область мысленных экспериментов необходимо отличать от «лабораторных» экспериментов), нарративная экономика [15, с. 49-69], дискурсивный анализ [16, с. 15-53; 17, с. 5-79], количественные методы [18] и др.

Таким образом, представляется необходимым продолжать исследование ситуаций и механизмом классификации действий агента на рациональные и иррациональные, с более детальным анализом не только специфики и особенностей иррациональных поступков (истоки которых пытаются обнаружить в психофизиологическом устройстве человека), а сколько в способах закрепления поведения, то есть поиски того, как некогда рациональное поведение при многократном его повторении становится рефлексивным и поэтому воспринимается, как иррациональное.

Литература

1. *Капелюшников Р.И.* Кто такой Homo economicus? // Экономическая политика. 2020. Вып. 15. №1. Р. 8-39.
2. *Саймон Г. А.* Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 16-38.
3. *Талер Р.* Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом зарабатывать. М. 2020. 384 с.
4. *Капелюшников Р. И.* Поведенческая экономика и новый патернализм. М., 2013. 76 с.
5. *Ариэль Д.* Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения. М., 2010. 296 с.
6. *Вольчик В.В.* Индуктивное мышление и экономическое поведение // Журнал институциональных исследований. 2014. Т. 6. № 3. С. 6-12.

7. *Koshovets O., Varkhotov T.* Neuroeconomics: New Heart for Economics or New Face of Economic Imperialism // Journal for Institutional Studies. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 6-19.
8. *Кошовец О. Б.* Homo oeconomicus: перезагрузка. Рациональность, Экономическое поведение и модель агента в нейроэкономике // Человеческие качества и человеческое поведение в экономической науке. СПб., 2022. С. 220-241.
9. *Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M.* Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and The Case for "Asymmetric Paternalism" // University of Pennsylvania Law Review. 2003. Vol. 151. No. 1. P. 1211–1254.
10. *Седова А. К.* Методические аспекты исследования рационального и иррационального поведения экономических агентов // Инновации и инвестиции. 2020. № 12. С. 251-254.
11. *Александров Ю. И., Кирдина С. Г.* Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 3–13.
12. *Балацкий Е. В.* Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 154-166.
13. *Улановский А.М.* «Новая парадигма» социальных наук: линия развития современного конструктивизма // Социальная эпистемология: Идеи, методы, программы. М., 2010. С. 279-298.
14. *Кошовец О.Б., Вархотов Т. А.* Эксперименты без материи: модели в теоретической экономике // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 124-139.
15. *Вольчик В.В.* Нарративы и понимание экономических институтов // Terra Economicus. 2020. Т. 18. № 2. С. 49-69.
16. *Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Journal of Economic Regulation. 2011. Т. 2. № 3. С. 5-79.
17. *Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 3. С. 15-53.
18. *Барлыбаев А.А., Барлыбаев У.А., Ситнова И.А., Юнусова Г.М.* Качественные и количественные методы исследования в экономической науке: ретроспективный и перспективный анализ их взаимодействия. Уфа, 2016. 208 с.

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ*

В.Ю. Перов

*Кандидат философских наук, доцент кафедры этики
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: vadimperov@gmail.com*

В работе анализируются потенциальные следствия концепций парадигмы (Т.Кун) и исследовательской программы (И.Лакатос) для особенностей понимания фактичности в контексте различения теоретических и нормативных наук. В исследовании показано, что благодаря их научному наследию признано, что нормативность является необходимой составляющей любого научного знания, но она является особо существенной при определении моральных фактов. Проведен анализ фактических и нормативных аспектов различных пониманий моральных агентов. В результате показано, что: а) от определения природы человека зависит, на кого распространяются моральные требования; б) называемые естественными свойства моральной природы человека (например, естественные права) являются нормативными; в) коллективные моральные агенты в виде юридических лиц есть результат нормативного определения; г) технологические разработки, даже если они называются искусственными моральными агентами, не являются таковыми в нормативном значении.

Ключевые слова: парадигма, научно-исследовательская программа, моральный агент, моральный факт, нормативные науки, нормативность, природа человека, искусственный моральный агент

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 22-28-00379.

THE MORAL AGENCY PROBLEM: THE NORMATIVE ASPECT

V.Y. Perov

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Ethics
Saint-Petersburg State University
E-mail: vadimperov@gmail.com*

The paper analyzes the potential implications of the concepts of the paradigm (T. Kuhn) and the research program (I. Lakatos) for the peculiarities of understanding facticity in the context of distinguishing between theoretical and normative sciences. The study shows that due to their scientific heritage, it is recognized that normativity is a necessary component of any scientific knowledge, but it is especially essential in determining moral facts. The analysis of actual and normative aspects of various understandings of moral agents is carried out. As a result, it is shown that: a) the definition of human nature determines who is subject to moral requirements; b) the properties of the moral human nature (for example, natural rights) that are called natural are normative; c) collective moral agents in the form of corporations (juridical entities) are the result of a normative definition; d) technologies, even if they are called artificial moral agents, are not so in the normative sense..

Keywords: paradigm, research program, moral agent, moral fact, normative sciences, normativity, human nature, artificial moral agent

Выдающиеся мыслители XX века Т.Кун и И.Лакатос, чей юбилей отмечается в 2022 году, оставили фундаментальное наследие во многих областях философии, но прежде всего в философии науки. Трудно переоценить значение их идей для последующего развития философской мысли. Не имея возможности даже кратко перечислить и рассмотреть достижения этих мыслителей, следует остановиться на их отношении к ценностно-нормативным аспектам научной деятельности и некоторых возможных следствиях. Одной из значимых трансформаций понимания науки, которую они сформулировали (каждый по-своему, в том числе и в ходе взаимной полемики по многим ключевым и принципиальным вопросам) – это если не полный, но частичный отказ от свойственной позитивизму установки на ценностно-нормативную нейтральность подлинного научного познания. Такая позиция была сформулирована при зарождении и становлении традиций логического позитивизма и аналитической философии во многом под влиянием дискуссий о различиях между теоретическими и нормативными науками (неокантианцы, Э.Гуссерль, П.А.Сорокин, М.Вебер и др.). В результате произошёл своеобразный «великий раскол» в среде философов науки, при этом доминирование позитивизма было во многом предопределено, поскольку сомнению в наличии научного статуса подвергалось именно социально-гуманитарное знание (нормативные науки), но не естественные науки (теоретические). Более того, возникали и до сих пор не прекращаются попытки создания социально-гуманитарных концепций по «модели» естественных наук для того, чтобы их можно было бы хоть в какой-то мере признать в качестве «настоящих» теоретических наук. Так, например, П.А.Сорокин полагал, что «Если социология и другие социальные науки хотят развиваться, они должны в этом отношении следовать естественным наукам. Это не означает недооценку моральных ценностей. Но это значит, что все хорошо на своем месте. Более того, я убежден, что чем больше эти науки будут прогрессировать в чисто научном отношении, тем больше будет у них возможностей служить нашим практическим потребностям и этическим целям». [1, с. 162]

Т.Кун и И.Лакатос в данном контексте совершают своеобразный «антропологический поворот» XX века. Они, подобно Сократу, сменившего ракурс античной мысли от натурфилософии к проблеме человека, обнаружили, что наука — это не только «чистые» факты, их рационально-логическое упорядочивание и теоретическое осмысление, но и организованная деятельность особых людей – учёных. При этом учёные наряду с тем, что они обладают необходимыми для занятия научно-исследовательской деятельности знаниями, ещё являются носителями определённых ценностей и правил (нормативность) этой научной деятельности. Более того, ими они показали, что даже приверженность учёных таким сущностным элементами науки как фактичность, проверяемость, достоверность, доказуемость и т.д. возможна только в рамках нормативной определенности соответствующих парадигм (Т.Кун) или научно-исследовательских программ (И.Лакатос). Конечно, это не завершило спор между «теоретическими» и «нормативными» науками, но позволило обратить внимание на то, что в противопоставлении сущего/ должного существующий факт (то, что есть, то есть «сущее») не является независимым от должного, то есть имеет нормативную определенность. Следует

отметить, что такая позиция оказывает существенное влияние на философское понимание не только «теоретических», но и «нормативных» наук. В частности, речь идёт об этике, хотя ни Т.Кун, ни И.Лакатос прямо этическими проблемами, в том числе проблемами этики науки на занимались.

В предельно обобщенном и упрощенном виде одним их исходных пунктов дискуссии по поводу различий между теоретическими и нормативными науками лежит проблема «факта». Например, если речь идет об этике, то вопрос в том, существуют ли «моральные факты» и являются ли они объективными? [2] Уже упоминалось, что существовали многочисленные попытки обосновать социально-гуманитарные науки, в том числе и этику, как равные или подобные теоретическим, то есть основанным на фактах. Сомнения в существовании моральных фактов хорошо иллюстрирует следующий казус. Сторонником их существования был Э.Дюркгейм, который в 1906 году на заседании Французского Философского Общества выступил с докладом, тезисы которого были потом опубликованы. Им была обозначена следующая проблема «...для того чтобы иметь возможность теоретически исследовать моральную реальность, необходимо предварительно выявить, в чем состоит моральный факт; ведь чтобы иметь возможность наблюдать его, нужно еще выяснить, что его характеризует, по какому признаку его можно узнать». [3, с. 25].

Казалось бы, чтобы установить моральные факты достаточно взять за отправную точку эмпирический факт существования людей в качестве моральных агентов (т.е. как субъектов нравственности, акторов моральных поступков и т.д.). Именно так пишут в самом начале своей известной рукописи «Немецкая идеология» К.Маркс и Ф.Энгельс: «Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путём. Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов [4, с. 18-19]. Стоит обратить внимание, что при этом они абстрагируются от возможных моральных (как и многих других «надстроечных») характеристик людей в качестве существенных, поскольку видят природу человека в способности «...производить необходимые им средства к жизни...» [4, с. 19], при том что указанные, в том числе и нравственные характеристики природы человека, так же являются эмпирически наблюдаемых фактами. Проблема в том, что у большинства авторов, которые прямо или косвенно затрагивают моральную природу человека, вольно или невольно происходит смешение фактического и нормативного аспектов.

1) От решения вопроса о природе человека непосредственно зависит, на кого распространяются моральные требования. Это вопрос о моральном агентстве в двух базовых смыслах: а) кому могут быть они вменены, то есть кто является/ может/ должен быть нравственным? б) кто попадает моральные требования, то есть к кому должно относиться морально?

2) Важным моментом является вопрос о включении свойства морального агентства («быть моральным») в существенные признаки природы человека. Следует констатировать, что это имеет не столько эмпирически- дескриптивный, сколько нормативный характер. В качестве иллюстрации можно обратиться к концепции «естественных прав». Во-первых, эти права не природные, а социально- исторические. Во-вторых, их классический обобщенный исходный тезис «все люди являются равными и свободными вне зависимости от...» не имеет фактического подтверждения. Это означает, что правильный смысл она приобретает именно в нормативно- долженствующей формулировке: «социальные взаимодействия и институты должны быть организованы так, чтобы к людям относились как к равным и свободным вне зависимости от...».

3) Долженствующая нормативность определения природы человека отчетливо проявляется в вопросах морального отношения к тем, кто в строгом смысле не является моральным агентом. Во-первых, речь идёт человеческих существах: о младенцах (ещё не моральные агенты) или потерявшие душевное здоровье (уже не моральные агенты). Во-вторых, проблемы возникают в отношении нечеловеческих моральных агентах. В данном случае вопросы о правах животных и природы затрагиваться не будет, а речь пойдет об Искусственных Моральных Агентах (ИМА), которые представлены следующим образом.

3.1) Коллективные моральные агенты, перечень которых очень разнообразен. Но главное в их отношении — это то, что в их основе лежит именно нормативная определенность. Хорошей иллюстрацией являются юридические лица. Последние как субъекты права возникают в XIX веке. Главной причиной их появления была потребность решения вопросов о том, как корпорации, принимающие форму акционерных обществ, могут и должны исполнять свои хозяйственные, долговые и другие обязательства. В XX веке юридическая ответственность корпораций постепенно расширяется до социальной и моральной ответственности. Правда, при этом остается принципиальный вопрос о том, может ли и в какой степени корпорация может считаться моральным агентом с

соответствующими личностными характеристиками или их аналогами. Например, любопытными являются дискуссии о том, обладает ли корпорация совестью или есть и у нее стыд. [5]

3.2) Чаще всего понятие ИМА используется в отношении технических устройств, особенно в рамках современных дискуссий о достижениях цифровых технологий (роботы, искусственный интеллект (ИИ), автономные системы и т.д.). Данное направление исследований и практик оказалось очень плодотворным как для понимания природы морального агентства, так и для соответствующих областей цифровых технологий. При это следует констатировать, что в настоящее время при многочисленности теоретических разработок и дискуссий, нормативные решения однозначны. Во всех существующих юридических и этических документах зафиксировано, что ни одно техническое устройство не является, не может и не должно рассматриваться в качестве морального агента.

Рассмотренные представления о моральных агентах демонстрируют, что вопросы об их моральной фактичности — это прежде всего нормативные решения, косвенно основанные на их эмпирической фактичности. (*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 22-28-00379*)

Литература

1. *Сорокин П.А.* Социология и этика // *Наследие*. 2017. №2(11). С. 158-162
2. *Максимов Л.В.* Квазиобъективность моральных ценностей// *Этическая мысль*. 2005. Вып. 6. С. 25-50.
3. *Дюркгейм Э.* Определение морального факта // *Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П.Баньковской.* М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С.25-69
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* *Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков* // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд.* М.: Государственное издательство политической литературы. С. 7-544.
5. *Прокофьев А.В.* Стыд и моральная ответственность организованных коллективов // *Знание. Понимание. Умение*. 2018. №3. С. 78-90.

ПОЛИТИЗИРОВАННОСТЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК ОТСУТСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ БИОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Ю.С. Шкурко

*Кандидат социологических наук, доцент
Ульяновский государственный университет
E-mail: yulishkurko@gmail.com*

Статус биосоциологической дискуссии в современной социологии определяется познавательными и коммуникативными практиками отсутствия: (1) активной или пассивной дистанцированностью от любого использования данных биологических наук, (2) преднамеренным или ненамеренным отказом от включения биологических объяснений в фокус социологии, (3) проведением социологических исследований свободных от биологии или бессодержательных в плане ее использования, (4) опусканием в социологических исследованиях любых биологических переменных или нерассмотрением их уместности. В числе причин отсутствия, такие как опасения биологического редукционизма, легитимации различных форм социального неравенства и дискриминации, биофобия, скептицизм по отношению к биосоциологическим исследованиям, приверженность альтернативному видению проекта социологии, ограниченность познания в области биологических наук, отсутствие понимания положительного влияния биологического знания на социологию и институционализированных практик биосоциологических исследований, неприятие и протест против таких работ. Указанные причины корнями уходят в историю биосоциологической дискуссии, когда идеи социал-дарвинизма были дискредитированы использованием их в политических целях. Сегодня тенденция к политизации социологии сохраняется. Явная или неявная приверженность социологов левым идеологиям зачастую

приводит к отказу от ориентации на открытие объективных знаний об обществе.

Ключевые слова: биосоциология, социал-дарвинизм, политизированность, социология ничто, практика отсутствия

THE POLITICIZATION OF RESEARCH AND COMMUNICATIVE PRACTICES OF ABSENCE IN THE CONTEXT OF BIOSOCIOLOGICAL DISCUSSION

Y.S. Shkurko

CSc in Sociology, Associate Professor

Ulyanovsk State University

E-mail: yulishkurko@gmail.com

The status of the biosociological discussion in modern sociology is determined by the research and communicative practices of the absence: (1) active or passive distancing from any use of data from the biological sciences, (2) intentional or unintentional refusal to include biological explanations in the focus of sociology, (3) conducting sociological research free from biology or meaningless in terms of its use, (4) omitting any biological variables in sociological research or not considering their relevance. Among the reasons for the absence, such as fears of biological reductionism and legitimation of various forms of social inequality, biophobia, skepticism towards biosociological research, commitment to an alternative vision of the project of sociology, limited knowledge in the field of biological sciences, lack of understanding of the positive impact of biological knowledge on sociology and institutionalized practices of biosociological research, rejection and protest against such work. These reasons are rooted in the history of biosociological discussion, when the ideas of Social Darwinism were discredited by their use for political purposes. Today, the trend towards the politicization of sociology continues. The explicit or implicit adherence of sociologists to leftist ideologies often leads to a rejection of the orientation towards the discovery of objective knowledge about society.

Keywords: biosociology, Social Darwinism, politization, a sociology of nothing, practice of absence

Современный статус биосоциологической дискуссии в социологии во многом детерминирован особенностями и последствиями включения биологических переменных в социологические концепции на ранних этапах развития дисциплины. Так, О. Конт помещал социологию сразу после биологии, подразумевая необходимость опоры на биологическое знание при построении позитивной (научной) социологической картины мира. Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и другие первые социологи развивали эволюционный подход и/или адаптировали идею естественного отбора к изучению социокультурного развития общества. В контексте обсуждаемой здесь проблемы, однако, наиболее поучительным является случай общественно-политической реакции на социал-дарвинизм (У. Беджгот, Л. Гумплович, Г. Ратценхофер и др.) и ее влияние на последующее развитие социологии.

Во-первых, произошла политизация социологических идей, опирающихся на эволюционные принципы и/или фиксирующих биологический фактор в социальных процессах. Во-вторых, идеи социал-дарвинизма были подвергнуты искажению и в таком виде использованы для оправдания идеологий тоталитарных политических режимов в XX веке. В-третьих, сами социологи некритично отнеслись к появлению псевдонаучных идей—например, представления об определении поведения людей исключительно наследственностью, неравноценности представителей социокультурных групп, вытекающей якобы из расово-антропологических различий—в построениях представителей расово-антропологической школы (А. де Гобино, Х. Чемберлен, Ж. Ваше де Ляпуж и др.).

Вышеперечисленное привело к безапелляционной дискредитации любых попыток включения биологических переменных в социологические исследования и создало соответствующие настроения в социологическом сообществе, преобладающие по сей день. Причем политические коннотации имели критическое значение для наследия некоторых социологов классического периода. Так, ложная атрибуция биологических смыслов понятиям «раса» и «расовая борьба», используемых польско-австрийским социологом Л. Гумпловичем, вероятно, является одной из основных причин негласного наложения табу на изучение его социологии.

Неудивительно, что при оценке современного состояния биосоциологических исследований, высказывается мнение, что «разделение между биологическим и социальным не является логически необходимым, а скорее случайным следствием специфической истории» [1, p.8], о некоторых

особенностях которой я упомянула. Статус биосоциологической дискуссии сегодня определяется как теми, кто открыто заявляет о своей позиции, так и теми, кто избегает это делать. Последние составляют большинство.

В Таблице 1 представлено описание познавательных и коммуникативных практик отсутствия и их причин в контексте биосоциологической дискуссии. При этом я опираюсь на характеристики четырех измерений ничто/отсутствия, предложенных С. Скоттом [2], а также результаты исследования А. Ариансен [3]. Мною также приняты во внимание высказывания и работы приверженцев биосоциологических исследований, в частности, Р. Хопкрофт, Дж. Тернера, Д. Мэси и др.

Если под биосоциологической дискуссией понимать активное и открытое обсуждение социологических работ, демонстрирующих связь биологических и социальных переменных в конкретных видах социального познания, восприятия и поведения (пример такой дискуссии двадцатилетней давности можно найти в журнале *American Sociological Review*, которая развернулась на его страницах после публикации статьи Дж. Р. Удри [4, 5] о связи пренатального тестостерона и гендерной социализации у девочек), то в современной социологии она зависит от практик отсутствия (Таблица 1).

Ариансен [3], принимая идею «Сакрального проекта» социологии К. Смита [6], высказывает предположение, что различные причины избегания включения биологических переменных в социологические исследования и активного участия в биосоциологической дискуссии вероятно поддерживаются политизацией левыми идеями социологической дисциплины с одновременным обращением общества к правыми идеологиям (идея восходит к работам М. Бурового). Иными словами, социология представляет собой науку, которая во многом построена на идеологии социальной справедливости и протеста против существующих систем социального доминирования, неравенства, дискриминации и т.п., которую социологи явно или неявно имплементируют в своих работах. Тогда как биосоциологические исследования рассматриваются как угроза такому видению социологии.

Таблица 1

Познавательные и коммуникативные практики отсутствия и их причины в контексте биосоциологической дискуссии

Типы ничто/отсутствия	Описание познавательной и коммуникативной практики в биосоциологической дискуссии		Причины отсутствия
	Активная	Пассивная	
Отсутствие идентичности	Дистанцированность (деидентификация) от любого использования данных биологических наук, несмотря на их потенциальную полезность	Вовлеченность в исследовательские области, которые не ставят на повестку дня вопрос об отсутствующем в них биологическом знании	Опасения биологического редукционизма, легитимации сексизма, расизма и др. форм дискриминации; нет понимания положительного влияния биологического знания на социологию
Бездействие и инертность	Самоцензура, отказ от оценки полезности биологических данных для социальных наук	Биологические объяснения ненамеренно остаются вне фокуса внимания социологов	Скептицизм по отношению к биосоциологическим исследованиям; ограниченность познаний в области биологических наук
Отсутствие, невидимость, бессодержательность	Свободная от биологии социология	Социологические исследования без компетентного и ответственного использования биологического знания	Альтернативное видение проекта социологии как науки; отсутствуют институционализированные практики биосоциологических исследований
Молчание и замалчивание	Опускание в социологических рассуждениях полезных	Уместность обращения к биологическим исследованиям не рассматривается	Биофобия;

	и значимых данных биологических наук		неприятие и протест против биологических тенденций в социологии
--	--------------------------------------	--	---

Представители различных сторон биосоциологической дискуссии базируют свою позицию на разных ценностных основаниях. Эти основания в общем могут быть описаны как ориентация на научное понимание и объяснение фактов об обществе (какими бы они ни были) и ориентация на политические интересы общества, собственные идеологизированные обязательства не разжигать социальное неравенство и делать общество лучше (на опасность подобной позиции указывает Дж. Тернер [7] в дискуссии с М. Буровым [8]). Однако политизация социологических исследований приводит к обратному ожидаемому эффекту—мешает достижению целей участия в общественной дискуссии и влияния на социально-политические решения.

Литература

1. *Meloni M., Williams S., Martin P.* The biosocial: sociological themes and issues // *The Sociological Review Monographs*, 2016. Vol. 64. No 1. Pp. 7–25.
2. *Scott S.* A sociology of nothing: understanding the unmarked // *Sociology*, 2018. Vol. 52. No 1. Pp. 3–19.
3. *Ariansen A.M.S.* “Quiet is the New Loud”: The Biosociology Debate’s Absent Voices // *The American Sociologist*, 2021. Vol. 52. Pp. 477–504
4. *Udry J.R.* Biological limits of gender construction // *American Sociological Review*. 2000. Pp. 443–457
5. *Udry J.R.* Feminist critics uncover determinism, positivism, and antiquated theory. *American Sociological Review*, 2001. No 66. Pp. 611–618
6. *Smith C.* The sacred project of American sociology. Oxford University Press, 2014.
7. *Turner J.H.* Is public sociology such a good idea? // *American Sociologist*. 2005. No 36. Pp. 27–45
8. *Burawoy M.* 2004 American Sociological Association presidential address: for public sociology // *The British Journal of Sociology*. 2005. No 56. Pp. 259–294

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСТИЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ МИСТИКИ ХРИСТИАНСТВА: РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОД*

М.В. Шугуров

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: shugurovs@mail.ru*

В ситуации функционирования масштабного предметного поля, а также многочисленных дисциплинарных спецификацией в сфере исследования религиозно-мистического опыта христианства возникает потребность не только в дифференциации дисциплинарных подходов, реализуемых социогуманитарными науками, но и в их продуктивной интеграции. В этом случае востребовано рефлексивное углубление в специфику реализуемых дисциплинарных подходов и их ценностных оснований, в также проведение мета-рефлексивного подхода к их взаимодействию. Он находится в компетенции философии религии, отсюда важнейшим содержательным аспектом мета-рефлексии выступает постижение великого таинства приобщения к Богу на пике наиболее интенсивных психоэмоциональных переживаний как особого опыта, в котором обнажаются новые бытийные перспективы человека «исхищаемого» в горний мир.

Ключевые слова: христианство, мистический опыт, мета-рефлексия, науки о религии, междисциплинарный синтез

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»)

INTERDISCIPLINARY AREA OF COMPREHENDING THE RELIGIOUS MYSTICISM OF CHRISTIANITY: A REFLEXIVE APPROACH

M.V. Shugurov

DSc in philosophy, Professor of the Department of philosophy

Saratov State Law Academy

E-mail: shugurovs@mail.ru

In the situation of the functioning of a large-scale subject field, as well as numerous disciplinary specifications in the field of the study of the religious and mystical experience of Christianity, there is a need not only for differentiation of disciplinary approaches implemented by the socio-humanitarian sciences, but also for their productive integration. In this case, a reflexive deepening into the specifics of the implemented disciplinary approaches and their value bases is required, as well as a meta-reflexive approach to their interaction. It is within the competence of the philosophy of religion, hence the most important substantive aspect of meta-reflection is the comprehension of the great sacrament of communion with God at the peak of the most intense psycho-emotional experiences as a special experience in which new existential perspectives of a person "exterminated" are exposed to the mountain world.

Keywords: Christianity, mystical experience, meta-reflection, sciences of religion, interdisciplinary synthesis

В настоящее время продолжает сохраняться значимый интерес к процессам, происходящим в духовном мире современного человека, к которым, например, относятся новые религиозные движения. В них осуществляются идейные поиски и одновременно происходит культивирование религиозного чувства, в том числе в его мистической ипостаси [1]. Однако не менее важные процессы происходят и в сфере изучения религиозно-мистического опыта, свойственного мировым религиям, в том числе христианству.

Как таковой, религиозно-мистический опыт христианства, представляет собой духовное наследие прошлого, содержащее вечно актуальные смыслы. Отсюда непрекращающийся поток усилий по его изучению, осуществляющийся как в рамках отдельных социогуманитарных дисциплин, так и в междисциплинарном пространстве, в том числе в зарубежной науке [2]. Практическое предназначение этого постижения заключается в раскрытии смысловых ресурсов, столь необходимых современному человечеству. Рост новых знаний во многом зависит от ситуации в мультидисциплинарном пространстве, а именно от результатов, полученных конкретными науками (религиоведение, психология, философия, теология), в том числе на поприще междисциплинарного взаимодействия.

Мультидисциплинарное познавательной деятельности в интересующей нас предметной области, которое, по сути, есть подсистема более обширного пространства изучения религии и феномена мистического опыта, сформировалось еще во втор. пол. XIX в. Возникло многообразие концепций, которые находятся в поле тяготения тех или иных социогуманитарных дисциплин, а также присущих им дисциплинарных подходов. Предметом специального изучения стали теории понимания религиозно-мистического опыта как такового, т.е. его природы и содержательной структуры [3]. Эти концепции предстают в качестве исходных теоретических подходов, без которых сегодня невозможно научное исследование феноменологии религиозно-мистического опыта в рамках конкретных отраслей социогуманитарного знания и познания, а также формирование концепций, как научно-дисциплинарных, так и междисциплинарных. Предметное пространство религиозно-мистического опыта не может не быть «втянуто» в различные интерпретации, которые дисциплинарно заданы, что, разумеется, предполагает в качестве исходного пункта положительное решение вопроса относительно самой интерпретируемости данного опыта [4]. Однако отдельные науки, имеющие совпадающую предметную область, не могут осуществлять ее постижение самостоятельно и изолированно.

Достигнутый уровень познания христианского религиозно-мистического опыта, а также открытие новых перспектив его постижения побуждает акцентировать внимание на закономерностях формирования и функционирования мультидисциплинарного пространства. Вполне обоснованным представляется введение в научный оборот представления о теоретических подходах к его исследованию. Подчеркнем, что постижение феномена мистического опыта занимает умы целого рода наук, причем каждая из них рассматривает его сквозь призму собственного дисциплинарного подхода,

задаваемого ее предметным полем, методологией исследования, а также свойственным ей категориальным аппаратом. Не меньшую значимость имеет ценностный фактор, который может быть более или менее проявлен. Как показывает анализ огромного массива научной литературы, посвященного феномену мистики, в том числе религиозной, ее исследования проводятся в рамках того или иного научно-дисциплинарного пространства достаточно спонтанно: направление и методы постижения заданы научной специальностью исследователя, но зачастую они неотрефлексированы в контексте сравнения с дисциплинарными подходами других наук. У их представителей наук о религии имеется совокупность взглядов о том, что к данной области исследований представителями иных наук применяется другой дисциплинарный подход, который, в частности, ведет к росту знания. Ревностное отстаивание истинности именно своего подхода и, как следствие, исключительность истинности знания, полученного именно в рамках своей дисциплины, имеет ограниченное значение.

Актуализация дисциплинарной рефлексии – важное условие роста знания, так как это позволяет, во-первых, увидеть еще не задействованный дисциплинарный потенциал; во-вторых, избежать дублирование исследований, так как в аналогичном, но, разумеется, полностью не идентичном русле могут идти представители других дисциплин; в-третьих, наметить возможный междисциплинарный синтез. Но все это, как нам представляется, должно быть дополнено актуализацией рефлексии над самим пространством мультидисциплинарного изучения данного опыта.

При проведении исследований феномена мистического опыта в целом и мистического опыта христианства в частности в конкретном научно-дисциплинарном пространстве у представителей тех или иных наук возникают представления о том, *что* и *как* они должны исследовать с точки зрения присущего им предмета и метода. Однако можно видеть, что подчас имеет место увлечение самим предметом без должной рефлексии в отношении дисциплинарных рамок проводимого исследования. В этой связи сама идея мультидисциплинарного пространства призвана активизировать данного рода теоретическую рефлексию в рамках конкретных наук. Но все это должно дополняться мета-рефлексией, которая ни в коем случае не подменяет собой рефлексию на уровне конкретных дисциплин – психологии, теологии, религиоведения, культурологии, моральной философии, философии религии. Напротив, здесь должна происходить актуализация/реконструкция данных дисциплинарных подходов с точки зрения их предмета и метода.

Таким образом, возникает многослойное теоретико-рефлексивное пространство. Над теоретико-дисциплинарной рефлексией надстраивается мета-рефлексия. Без нее мультидисциплинарное пространство, в принципе, невозможно: мета-рефлексия есть своего рода аттрактор данного пространства. Однако, как нам представляется, дисциплинарная и междисциплинарная рефлексия также дополняется само-рефлексией исследователя: он может придерживаться вероучения данной конфессии, либо придерживаться иной религиозной доктрины, либо не придерживаться никакой, тем сам как бы создавая в этом случае условия для собственной беспристрастности. Поэтому дисциплинарная рефлексия переплетена здесь с саморефлексией исследователя. Одновременно с этим следует признать, что мета-рефлексия, о которой мы упоминали выше, все же имеет свою дисциплинарную соотнесенность.

Вряд ли целесообразно предлагать формирование какой-то специальной дисциплины, которая исключительно занималась бы теоретической рефлексией мультидисциплинарного пространства и процессов, в нем происходящих. Этим вполне может заняться философия религии, а именно эпистемология религиозно-мистического опыта [5]. А это открывает новые перспективы философии религии в аспекте ее позиционирования в качестве мета-рефлексии мультидисциплинарного пространства, в рамках которого функционируют зоны междисциплинарного взаимодействия.

Литература

1. Золотухина-Аболина Е.В. Мистический опыт человека современной культуры: способы описания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1. С. 25-36.
2. *Bawter J.M.* An Introduction to Christian Mysticism: Recovering the Wildness of Spiritu-al Life. Grand Rapids: Baker Academic, 2021. 208 p.
3. Малевич Т.В. Теории мистического опыта: историография и перспективы. М.: ИФРАН, 2014. 175 с.
4. Малевич Т.В. Мистический опыт и интерпретация // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2011. № 2. С. 340-343.
5. Карпов К.В. Эпистемология религиозной веры как дисциплинообразующая часть философии религии // Эпистемология и философия науки. 2017. № 3. С. 8-18.

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

**НЕ-МЕНТАЛИЗИРУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ –
НОРМАЛИЗАЦИЯ КЛИНИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ**

Е.Т. Соколова

Доктор психологических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

E-mail: etsokolova@yandex.ru

Исходя из парадигмы культурно-исторической психологии, описаны три вида (режима) функционирования до-категориальных структур ментализации как форм социального познания. Первый определяется снижением уровня ментализирования до синкрета и комплекса, когда понимание субъективных детерминант поведения возможно лишь в пределах конкретной ситуации. Второй режим ментализирования связан с дефектом установления каузальных связей, с искусственными, аутистическими или фантастическими интерпретациями причин событий в межличностном общении, с укороченной временной перспективой, с иррациональными каузальными представлениями, не позволяющими адекватно понимать психологические причины коммуникативных провалов. Третий режим ментализирования характеризуется дефицитом эмпатии, низкими эмоциональными инвестициями в самопознание и общение, объективацией и обесцениванием Другого, использованием примитивной ментализации для контроля, управления Другим (манипулятивно) и нанесением последнему ущерба, равнодушного к своим и чужим страданиям, пренебрегающего другими людьми во имя собственного блага. Отмечающаяся в последние десятилетия тенденция роста нарциссизации индивидуального сознания имеет свои корни (в том числе) в общественной пассивности и моральной легализации агрессивной вседозволенности и манипулятивности («моральная слепота» и «текущее зло»), нормализующих феномен не-ментализирующего человека.

Ключевые слова: неопределенность, до-категориальные режимы ментализирования, дефекты когнитивные, эмоциональные, адиафоризация, моральная слепота

**A NON-MENTALIZING PERSON IN A WORLD OF UNCERTAINTY
– NORMALIZATION OF CLINICAL PHENOMENA**

E.T. Sokolova

DSc in Psychology, Professor

Lomonosov Moscow State University

E-mail: etsokolova@yandex.ru

Proceeding from the paradigm of cultural-historical psychology, three types (modes) of functioning of pre-categorical structures of mentalization as forms of social cognition are described. The first is determined by a decrease in the level of mentalization to a syncretistic and complex, when understanding the subjective determinants of behavior is possible only within a specific situation. The second mode of mentalization is associated with the defect of establishing causal connections, with artificial, autistic or fantastic interpretations of the causes of events in interpersonal communication, with a shortened time perspective, with irrational causal representations that do not adequately understand the psychological causes of communicative failures. The third mode of mentalization is characterized by a lack of empathy, low emotional investment in self-knowledge and communication, objectification and devaluation of the Other, the use of primitive mentalization to control, control the Other (manipulatively) and causing damage to the latter, indifferent to his own and others' sufferings, neglecting other people in the name of his own good. The growing trend of narcissization of individual consciousness observed

in recent decades has its roots (including) in social passivity and moral legalization of aggressive permissiveness and manipulateness ("moral blindness" and "fluid evil"), normalizing the phenomenon of a non-mentalizing person.

Keywords: uncertainty, pre-categorical modes of mentalization, cognitive, emotional defects, adiahorization, moral blindness

Современная общественная ситуация с ее тотальной неопределенностью, непрогнозируемостью, амбивалентностью порождает феномен экзистенциального шока, интенсивных тревог и переживания прекарности во всех слоях населения, в силу чего становится одним из триггеров явлений «культурной патологии» [1; 2]. К таким явлениям принадлежит, в частности, нарушение ментализации как формы социального познания в сфере межличностных отношений, характеризующихся высоким накалом эмоций и неизбежной эпистемологической неопределенностью. Под ментализацией понимается способность эмпатически откликаться, сопереживать и конструировать в воображении мир субъективных переживаний – своих и другого человека. Показано, что эта способность может повреждаться и даже блокироваться у психически здоровых людей сразу после пережитого психологического или сексуального насилия, в эмоционально-стрессовых и сверх-тревожных ситуациях и даже в высоко-насыщенных интимных отношениях [3], но также и при шизотипических и нарциссических расстройствах личности и у людей с «хрупкой» идентичностью, интолерантностью к неопределенности, неоднократно прибегавших к парасуицидальным попыткам при переживании невыносимого конфликта [4; 5; 6].

Обобщая ряд эмпирических и теоретических исследований и интерпретируя их в парадигме культурно-исторической психологии Л.С. Выготского [7], мы выделяем следующие виды структурно-функциональных нарушений ментализирования.

1. Регресс режима ментализирования к до-ментализационным и до-категориальным формам социального познания («натуральным психическим функциям») в виде синкрета и/или комплекса. Ментализирование ограничено неуправляемым флуктуирующим аффектом и возможно исключительно в пределах ограниченной ситуации. Ментализация конкретна, как буквальная фотографическая слепок наличной ситуации, когнитивно уплощена и упрощена, есть ограничения в символизации ее содержания, ригидна, догматична, не предполагает альтернативных представлений, содержит множество стереотипов и штампов, лишена индивидуального почерка ментализирующего, в ней бессознательно отождествляются представления о себе и Другом («одно тело, одна душа на двоих»), а также ставится знак равенства между собственными представлениями и реальностью.
2. Функционирование в режиме атаки на связи - причинно-следственные, смысловые и эмоциональные. Связь между событиями и возможными объяснениями их причин разрушена и/или искусственна, непоследовательна и хаотична, пробелы заполняются фантастическими теориями (в том числе «теорией заговора», «образом врага») без какой-бы то ни было критики и правдоподобной аргументации. Отсутствует адекватное «тестирование реальности», события внешнего и внутреннего мира легко объясняются на основе архаики магического мышления, где все может быть всем и подвластно моей воли. Применительно к межличностным отношениям этот феномен проявляется «пропуском» психологических детерминант своих и чужих поступков (чувств, мыслей, намерений). Мир чувств как таковой обесценивается, каузальность строится исключительно на основе видимых «фактов» - поведенческих, материальных, телесных или физиологических. Сопровождающая любые межличностные отношения известная степень неопределенности, переживаемая как непереносимая, а единство взаимозависимости и автономии - отвергается. В отдельных случаях это – часть устойчивых защитных стратегий и обыденных представлений «героя» современной культуры, человека-нарцисса (с заледеневшим заколдованным сердцем мальчика Кая из андерсеновской сказки), может сопровождаться расщеплением идентичности, где чувствующее Я бессознательно маркируется как «слабое», а самоидентификация происходит исключительно с бесчувственной и разрушительной частью Я («сильной» и «могущественной»).
3. Функционирование в режиме отсутствия эмпатии и тотального безразличия к переживаниям - как своим, так и других людей. Другие не воспринимаются как чувствующие, думающие, страдающие люди со своим автономным субъективным миром, скорее представляются чем-то «вещным» и неодушевленным. В мир Другого морально допустимо «влезть», нарушить, минуя сознание Другого как субъекта, его личные границы, подчинить своей власти, использовать в качестве средства в реализации эгоцентрических целей. Ментализирование здесь ставится на

службу обнаружения слабости другого и причинения ему вреда, т.е. место ментализирования занимает манипуляция псевдо-ментализированием как средством психологического насилия. Еще одной чертой этого режима функционирования является подмена эмпатического, сочувствующего, теплого разделения переживаний Другого аутистическими фантазиями и «теориями», не имеющими ни малейшего отношения к живым, во плоти и крове людям, присутствие которых псевдоментализирующему человеку в тягость. Если же речь идет о близких эмоциональных отношениях, то способность к ментализированию здесь может особенно серьезно ухудшаться в конфликтных ситуациях или накала эмоций.

Подводя итоги сказанному выше, мы вынуждены согласиться с Зигмунтом Бауманом и его горькими выводами о пораженности современного человека «адиафоризацией сознания» и «моральной слепотой». Следствием же этого злокачественного недуга становится феномен нементализирующего человека, бездумно и безразлично относящегося к общественным событиям, окружающей среде, лишённого способности к солидарности и сотрудничеству, девальвирующего мир чувств, состояний, интенций, «материалиста», доверяющего только «фактам», а не эфемерной субъективности. Приземленного и нерелексирующего, с короткой временной перспективой, равнодушного к своим и чужим страданиям, а потому с легкостью пренебрегающего другими людьми во имя собственного блага. Отмечающаяся в последние десятилетия тенденция роста нарциссизации индивидуального сознания имеет свои корни (в том числе) в общественной пассивности и моральной легализации агрессивной вседозволенности и манипулятивности («текущее зло»). Эти тенденции и становятся той культурной средой, которая производит многообразные виды культурных патологий. Не-ментализирующий человек, по сути, феномен-оксюморон, становится естественным порождением нашего времени, когда бездумность, мировоззренческая примитивность и архаика, эмоциональная тупость и пренебрежение этическим измерением событий общественно культивируются, поощряются и нормализуются.

Литература

1. *Соколова Е.Т.* Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд. Психол. исслед.: электрон. науч. журн. 2015. Т. 8. № 40. С. 5. URL: <http://psystudy.ru>
2. *Соколова Е.Т.* Утрата Я: клиника или новая культурная норма // Эпистемология & философские науки. 2014. Т. 41. №3. С. 190-210.
3. *Бейтман Э., Фонаги П.* Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию. Практическое пособие. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014.
4. *Зигмунт Б., Леонидас Д.* Моральная слепота. СПб. Издательство Ивана Лимбаха, 2019.
5. *Preckel K., Kanske P., Singer T.* On the interaction of social affect and cognition: empathy, compassion and theory of mind // In Current Opinion in Behavioral Sciences February. 2018. Vol. 19. P. 1—6. doi:10.1016/j.cobeha.2017.07.010
6. *Target M.* Mentalization within Intensive Analysis with a Borderline Patient // British Journal of Psychotherapy. 2016. Vol. 32 (2). P. 202-214. doi: 10.1111/bjpr.12211
7. *Выготский Л.С.* Нарушение понятий при шизофрении. В кн.: Избранные психологические исследования. М.: АПН, 1956. С. 481–495.

СИСТЕМНО-ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Р.М. Шамионов

*Доктор психологических наук, профессор
СГУ имени Н.Г.Чернышевского
E-mail: shamionov@mail.ru*

Намечены некоторые проблемы применения системно-диахронического подхода в социальной психологии личности. Предложены уровни анализа – от эволюционного к ситуационному, от пространства «Я» к пространству «Мы» (Я и Другой/Другие). Особое внимание обращено проблеме социальной изменчивости и принципиальным диахроническим изменениям личностных образований, отражающихся на взаимодействии.

SYSTEM AND DIACHRONIC APPROACH IN THE SOCIAL PSYCHOLOGY OF THE PERSONALITY

R.M. Shamionov

DSc in Psychology, professor

Saratov State University

E-mail: shamionov@mail.ru

Some problems of applying the system-diachronic approach in the social psychology of personality are outlined. The levels of analysis are proposed – from evolutionary to situational, from the space "Me" to the space "We" (Me and the Other/Others). Special attention is paid to the problem of social variability and fundamental diachronic changes in personal formations that affect interaction.

Keywords: personality, system, diachrony, social psychology

Социальная психология личности как область психологической науки сложилась в результате многочисленных дискуссий о тех психических явлениях, которые требуют привлечения научного аппарата сразу нескольких отраслей психологии. Традиционно эту область относят к социальной психологии. Это не случайно, поскольку проблематика социальной психологии личности сходится в исследовательском поле явлений, одновременно относящихся к личности и общности. Если быть точнее – к личности сквозь призму бытия человека в социуме, не только в смысле обретения социотипичных характеристик или паттернов поведения, но и «распространения» личности на общность, ее объективации в ней. Необходимость анализа социально-психологических явлений личности как динамичных и системных, обладающих сложной структурной организацией исходит не только из объективной динамики жизни, но и внутренней динамики личности, характеризующейся весьма противоречивыми и сложными внутри- и межфункциональными изменениями.

Становление этих характеристик личности происходит неравномерно и не только поступательно. Б.Г. Ананьев отмечал, что различные составляющие личности изменяются гетерохронно, т.е. разновременно [1]. Это значит, что они обладают разной динамикой. Но это касается и каждого конкретного явления: в своей динамике оно может ускоряться и замедляться, и даже ситуативно возвращаться на прежние уровни. Поэтому одним из важнейших принципов является принцип диахронии психических явлений. Диахрония означает разнонаправленность изменений тех или иных явлений. Если ранее рассматривалась диахрония на уровне развития и социализации личности, то сейчас требуется распространить этот принцип на более широкий круг явлений. Нам представляется уместным раскрыть диахронию на разных уровнях – эволюционном (применительно к социальной психологии личности, - это уровень социализации), бытийном, ситуативном и пр.

Несмотря на популярное определение личности через совокупность различных «Я» и даже «разведение» личности и «Я» как способ решения дилеммы познаваемого и познающего начала (по У.Джеймсу [2]) в психологии человека, очевидно, «Я» и является тем ядром личности, которое одновременно объединяет и обособляет его от общества. Оно содержит разные грани как социального начала, так и индивидуального. Для того, чтобы стать личностью, человеку приходится обрести социальную конгруэнтность, поскольку личность – это и результат культурно-исторического развития человека [3], и социально-психологического развития [4. С.54] и пр., на основе которого возникает возможность (или способность) к личностной конгруэнтности (не конгруэнтности своим переживаниям как в детстве, а именно, личностной).

Поскольку современная социализация проходит в условиях сверхсильной общественной транзитивности, приходится признать, что социальная конгруэнтность не означает единства социального «Я». Напротив, социализация современного поколения, как отмечает Т.Д. Марцинковская, конвергируется в систему конструирования собственной картины мира [5]. Это значит, что межпоколенная трансмиссия занимает все меньшее временное пространство (например, в раннем возрасте) и постепенно уступает место процессу даже не горизонтальной трансмиссии, как предсказывала М. Мид [6], а в силу крайней пестроты различных инстанций, претендующих на истинность и авторитаризм, Я-центрированному практически закрытому процессу выработки собственной весьма гибкой системы координат, которая каждый раз может трансформироваться в силу меняющейся ситуации. Такие метаморфозы обеспечиваются благодаря

включению личности в две системы, а вернее, встраиванию в систему личности метасистемы динамического социума (по А.В. Карпову, 2015, [7.С.289], благодаря чему происходят постоянные движения (прогрессивные и регрессивные) на уровне отдельных элементов личности, хотя, казалось бы, «социум воспроизводит себя в структуре личности», но не только на надиндивидуальном уровне, но и на «индивидуальном», т.к. личность, по сути, творчески репрезентирует его [7. С.290-291]. Практически это происходит за счет внутренней диахронии различных элементов системы личности. Диахрония обеспечивает не просто динамическое равновесие – «кажущуюся устойчивость системы», - в интерпретации Т.Д. Марцинковской [5.С. 18], но и внутренние противоречия, знаменующие побуждение к включению в новые группы (реальные, условные или мнимые), возникновение ситуации ресоциализации личности, на которую человек часто идет вполне осознанно, меняя обстоятельства своей жизни (бытийный уровень).

Наконец, в условиях отсутствия четких нравственных ориентиров, незыблемых констатаций на уровне культуры и общества, на уровне межличностного пространства, изменчивость становится нормой времени. Это касается, в том числе, таких консервативных прежде систем, как экономическая, политическая и даже спортивная. Изменение ситуации может происходить в угоду сиюминутных целей определенных групп или личностей. Естественно, это требует «выхода» на уровень анализа ситуативных изменений, ситуативной диахронии личности. Важно раскрыть ситуативную диахронию регуляторов социального поведения личности. Принятие принципа диахронии в исследованиях социальной психологии личности позволяет глубже понять ситуативную изменчивость социального поведения человека. Вполне очевидно то, что чем более однородны в своей значимости инстанции личности – тем менее предсказуемо поведение человека. Это вновь нас возвращает к учению о доминанте А.А. Ухтомского [8]: наличие определенной доминирующей личностной инстанции способно делать поведение более стабильным. Однако выбор этой инстанции зависит от системы саморегуляции личности – автономной или социальной [9]. Наличие доминанты среди личностных образований может не только блокировать другие, менее значимые или противоречащие данной, но и обеспечить диахронию этих образований, благодаря которой возникает известная напряженность, служащая катализатором социальной активности.

Диахрония личностных образований, очевидно, служит и развитию взаимодействия с Другим/Другими и с социальной средой – начиная с формального уровня и завершая субъект-порождающим (по В.И. Панову). Важнейшим здесь является наличие единства между субъектами и одновременно «таких различий, которые ... позволяют им обмениваться действиями, эмоциями» и пр. [10.С.186]. Это значит, что для установления продуктивных взаимоотношений с Другим/Другими, диахрония их личностных образований должна в определенные моменты достигать единой фазы, а их длительность, очевидно, зависит от «попадания» в единую фазу высших личностных образований.

Таким образом, различные уровни диахронии личностных образований, задающийся благодаря внутренним движениям подсистем и встраиванию в систему личности метасистемного уровня социума в разных ипостасях, обеспечивают социальную активность личности, включение в различные социальные образования и регуляцию поведения и деятельности.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб., Питер, 2001. 288 с.
2. *Джеймс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3 Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
4. *Журавлев А.Л., Соснин В.Л., Красников М.А.* Социальная психология. М.: Форум: ИНФРА-М, 2006. 416 с.
5. *Марцинковская Т.Д.* Социализация в эпоху транзитивности: методологический аспект // Психологический журнал, 2016. Т.37, №5. С. 14-21.
6. *Mead M.* Culture and commitment: a study of the generation gap. N. Y.: Doubleday & Comp., 1970. 113 p.
7. *Карпов А.В.* Психология деятельности. В 5 т. Т.1 Метасистемный подход. М.: РАО, 2015. 546 с.
8. *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
9. *Шамионов Р.М.* Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 94–112. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>.
10. *Панов В.И.* Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.; СПб.: Психологический ин-т РАО; Нестор-История, 2014. 304 с.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ДАННОСТЬ И ЗАДАННОСТЬ ДРУГОГО

Е.В. Рягузова

*Доктор психологических наук, заведующий кафедрой
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского
E-mail: rjaguzova@yandex.ru*

В статье представлено современное развитие исследовательской программы М.М.Бахтина применительно к новым цивилизационным вызовам. Изложено «жесткое ядро» концепции, связанное с экзистенциальной моделью Я–Другой и архитектурикой межличностных взаимодействий. Показано, что пандемия COVID-19 трансформировала отношения внутри дихотомии Я–Другой, изменив статус Другого и переводя коммуникацию с ним в режиме реальной опасности собственному здоровью и личному благополучию. Утверждается, что без отклика Другого, личность не может интегрировать разные части собственной индивидуальности в единую когерентность и сформировать универсальные нравственные нормы и этические императивы. Констатируется, что карантинные меры (ношение масок, социальное дистанцирование, самоизоляция) также формируют новую парадигму общения, одним из эффектов которого становится снижение персональной ответственности личности за собственную жизнь-поступление и социальной ответственности перед Другим / Другими.

Ключевые слова: исследовательская программа, данность Другого и заданность, архитектурика межличностных отношений, пандемия COVID-19, трансформация дихотомии Я–Другой, новая парадигма общения

A MODERN VIEW OF THE GIVENNESS AND PREDESTINATION OF THE OTHER

E. V. Ryaguzova

*DSc in Psychology, Head of Department
Saratov State University
E-mail: rjaguzova@yandex.ru*

The article presents modern development of the research program of M.M. Bakhtin in relation to new civilizational challenges. The "hard core" of the concept associated with the existential model of the Self-Other and the architectonics of interpersonal interactions is outlined. It is shown that the COVID-19 pandemic has transformed relations within the dichotomy I-Other changing the status of the Other and transferring communication with it in the mode of real danger to own health and personal well-being. It is argued that without the response of the Other, a person cannot integrate different parts of his own individuality into a single coherence and form universal moral norms and ethical imperatives. Quarantine measures (wearing masks, social distancing, self-isolation) also form a new paradigm of communication, one of the effects of which is a decrease in the individual's personal responsibility for one's own life-accomplishment and social responsibility to the Other / Others.

Keywords: research program, givenness and predestination of the Other, architectonics of interpersonal relations, COVID-19 pandemic, transformation of the Self-Other dichotomy, a new paradigm of communication

Современный мир, стремительно изменяясь, сталкивается с новыми неожиданными и малопресказуемыми глобальными вызовами, рисками и опасностями. Если Э. Тоффлер прогнозировал развитие суперцивилизации к 2025 году [1], обусловленное глобальной информатизацией и цифровизацией, приводящим к тектоническим экономическим, политическим, антропологическим, культурным, психологическим сдвигам, то мы, приближаясь к этой дате, можем констатировать наличие тотальных угроз, связанных с рисками существования планетарной цивилизации и выживания всего человечества. К ним относятся: мировая пандемия COVID-19 и ее малоизученные последствия разных уровней; передел существующего миропорядка и трансформация культурно-антропологических матриц; рост нестабильности и эскалация военных конфликтов на

разных территориях; непримиримые противоречия между государствами и установление «красных линий», маркирующих точки не возврата к мирному сосуществованию; реальная вероятность экологической катастрофы и ядерной войны.

Неужели прав был О.Шпенглер, говоря о «метафизической усталости цивилизации» [2]? Что происходит с современными людьми? Почему они перестали слышать и понимать Другого? В чем причина нарциссического и этноцентрического фаворитизма одних и аутгрупповой дискриминации других? В чем заключается данность и заданность Другого? Как «разомкнуть» сознания людей навстречу друг другу и организовать равноправный диалог между ними? Какова персональная и социальная ответственность современных людей за собственные поступки?

Эти и многие другие проблемные вопросы находятся в фокусе внимания всех гуманитарных наук, требуют консолидации и объединения совместных усилий ученых для их разрешения, предполагают опору на четкую исследовательскую программу (по И.Лакатосу), продемонстрировавшую свою ценность, плодотворность и прогрессивность [3].

В контексте данного исследования в качестве подобной исследовательской программы предлагаются идеи М.М.Бахтина – яркого ученого, мудреца и новатора, нашедшего для своей оригинальной философско-антропологической теории относительно безопасное место в пространстве филологии – металингвистики и сумевшего изложить свою концепцию, включающую религиозно-философские (этические и эстетические), социальные и психологические аспекты со-бытийствования людей. Исследовательский проект М.М.Бахтина обладает значительной эвристической силой, способен не только пополнять научные знания и наиболее общие представления о реальности, но и предсказывать прогрессивные сдвиги проблем, поскольку «пункт насыщения» данной исследовательской программы еще не пройден.

Экзистенциальная модель Я и Другого у Бахтина включает следующее «жесткое ядро»: Я как этически действующий и эстетически созерцающий незавершенный субъект жизни и поступка (единственное Я–для–себя) нуждается в присутствии Другого (Я–для–Других, Другие–для–меня), который утверждает и ценностно завершает бытие личности [4]. Личность – конкретный, реально существующий человек со своим именем, биографией, историей, взглядами и укорененностью в бытии, «занимает позицию и ценностно устанавливается в каждом моменте жизни», при этом не совпадая со своей внешней выраженностью и даже не делая попыток с нею совпадать [4, с.63]. (Заметим в скобках, что именно на таком рассмотрении личности совсем недавно настаивали отечественные психологи, обсуждая смену исследовательской оптики с абстрактного индивида на живого человека в его телесной воплощенности [5]). Личность опирается на «единую эмоционально-волевою познавательную-этическую установку» – «неслучайное в человеке», благодаря которой происходит интеграция, очеловечивание и персонификация ее отдельных характеристик, качеств и свойств, а результирующим выступает ее «не–алиби–в бытии». Внутренняя целостность личности гарантирована единством ответственности и проявляется в этической плоскости, в поступках: «все во мне, каждое движение, жест, переживание, мысль, чувство» [6]. Личность выступает субъектом и автором своей жизни-поступления, которое не может получить полное, однозначное и окончательное завершение, поскольку именно Другой, занимая более ценное место в архитектонике межличностных взаимодействий, формирует и устанавливает личность, заставляя ее искать и находить новые этические универсалии.

По М.М.Бахтину, существуют два способа отношения личности с миром. Первый совершается изнутри действительной причастности, участия личности в событии бытия, единство смысла и ценности которого не даны, а заданы [4, с.121]. Я локализовано в смысловом ряду собственной жизни, являясь при этом точкой отсчета времени и пространства, оно определимо в терминах еще–не–бытия, категориях личностных целей и персональных смыслов. Второй способ взаимодействия и установления отношений с миром осуществляется извне – через Другого, в единстве и совместно с ним, поскольку бытие личности – это всегда со–бытие с Другими, происходящее в контексте напряженной всенаходимости, которая завоевывается [4, с.41], а любые поступки личности неизбежно включают ответственность за себя и Другого / Других.

Опираясь на архитектонику взаимодействий Я и Другого, представленную М.М.Бахтиным, сфокусируем внимание на одном из современных цивилизационных вызовах и связанных с ним трансформациях и метаморфозах, происходящих в антропологической константе Я–Другой.

В качестве такого вызова рассмотрим пандемию COVID-19, которая затронула все сферы функционирования общества и вызвала активный рост научных исследований. По данным Fraser N. Et al, в течение 10 месяцев после первого подтвержденного случая COVID-19 было опубликовано более 125 000 научных статей, связанных с вирусной пандемией [7].

Психологический дискурс научных изысканий в связи с COVID-19 касался и касается изучения роли, влияния, эффектов и последствий пандемии. Приведем лишь некоторые из них: снижение доверия к социальным институтам и психологическая травматизация населения [8]; социально-экономические и социально-психологические риски и последствия пандемии и инфодемии [9, 10, 11, 12]; снижение удовлетворенностью жизни при разных волнах пандемии [13, 14, 15, 16]; изменения потребностных и ценностных профилей и ослабление чувства безопасности личности [17]; динамика социальных страхов на разных стадиях пандемии [18].

Одним из непредвиденных и долговременных последствий пандемии является изменение отношений к Другому – реальному, воображаемому, символическому. Трансформация отношений обусловлена тем, что Другой, включая близких, значимых, референтных Других, в условиях пандемии воспринимается как возможная угроза собственному здоровью и личному благополучию, а коммуникации с ними рассматриваются в режиме реальной опасности, тем самым личность добровольно ограничивает и сужает круг непосредственного общения до минимума, переводя часть коммуникаций в он-лайн пространство с использованием цифровых медиа. При этом имеются опасения, обусловленные тем, что личность, осваивая новые методы цифровой связи, появившиеся в условиях пандемии, может предпочесть их непосредственным контактам и в дальнейшем, трансформировав тем самым структуру повседневного общения [19]. Важным эффектом ограничения контактов с Другим выступает то, что в отсутствии Другого / Других или, вернее, в недостаточном их присутствии в событийном пространстве личности, она ни только не может достроить себя до целостности и интегрировать разные части собственной индивидуальности в единую когерентность, принять персональную ответственность за собственную жизнь-поступление, но и сформировать универсальные нравственные нормы и этические императивы, поскольку они конструируются только в процессе коммуникации, а мораль и нравственность – это всегда отклик на присутствие Другого.

Карантинные меры – обязательное ношение масок, социальное дистанцирование, самоизоляция, дистанционное осуществление различных видов деятельности, запрет на публичные мероприятия – установлены правительствами и учреждениями здравоохранения во всем мире и направлены на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции. Вместе с тем эти вынужденные профилактические меры также формируют новую парадигму общения и взаимодействия людей друг с другом, модифицируя вербальные и невербальные средства коммуникации и трансформируя коммуникативную, интерактивную и перцептивную стороны общения. Например, доказано, что медицинские маски, выступая в качестве фильтра низких и ослабления высоких частот, тем самым затрудняют понимание речевых высказываний и даже развитие коммуникативных и языковых навыков у детей [20]. Закрывая нижнюю часть лица, они уменьшают количество воспринимаемых мимических маркеров и снижают воздействие транслируемых сообщений [21]. Защитные маски мешают точной интерпретации социальных и эмоциональных сигналов, поступающих от Другого / Других; позволяют скрывать себя, актуализируя при этом высокую социальную тревожность [22] и социальные фобии. Заметим, что в некоторых случаях отсутствие маски у другого человека на массовых мероприятиях или в публичных местах вызывает враждебные и агрессивные реакции. Восприятие Другого в маске способствует его обезличиванию и приводит к снижению социальной ответственности перед Другим / Другими.

Таким образом, обращение к философии и истории науки, научно-исследовательским программам, не исчерпавшим своего эвристического потенциала и обладающим предсказательной силой, позволяет принять вызовы современного общества и достойно ответить на них.

Литература

1. *Тоффлер Э.* Третья волна [пер. с англ. К. Ю. Бурмирова и др.]. М.: АСТ, 2009. 795 с.
2. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль. (1993) 663 с.
3. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки / Перевод с англ. И.Н.Веселовского, А.Л.Никифорова, В.Н.Поруса. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. 475с.
4. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / сост. С.Г. Бочаров. СПб: Азбука, 2000. С. 3-226.
5. Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения // Человек. 2020. Т. 31, № 4. С. 7–40. DOI: 10.31857/S023620070010929-8.
6. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7-68.

7. *Fraser N., Brierley L., Dey G., Polka J.K., Pálffy M., Nanni F., et al.* The evolving role of preprints in the dissemination of COVID-19 research and their impact on the science communication landscape // *PLoS Biol.* 2021. 19(4): e3000959. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.3000959>
8. *Нестик Т.А.* Переживание эпидемиологической угрозы россиянами как социально-психологический феномен: результаты серии эмпирических исследований // *Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия.* Сб. науч. ст. М.: ИП РАН, 2021. С. 19-125
9. *Ушаков Д. В., Юревич А. В., Нестик Т. А., Юревич М. А.* Социально-психологические аспекты пандемии COVID-19: результаты экспертного опроса российских психологов // *Психологический журнал.* 2020. Т. 41. №5. С. 5–17. <https://doi.org/10.31857/S020595920011074-7>
10. *Юревич А.В., Ушаков Д.В., Юревич М.А.* COVID-19: результаты второго экспертного опроса // *Психологический журнал.* 2020. Т. 41. №6. С. 78–85. <https://doi.org/10.31857/S020595920012591-6>
11. *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.* Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // *Консультативная психология и психотерапия,* 2020. Т. 28. №2. С. 70–89. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204>
12. *Журавлев А.Л., Кумова Д.А.* Отношение жителей России к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем Интернета) // *Психологический журнал.* 2020. Т. 41. №4. С. 5–18.
13. *Zacher H., Rudolph C. W.* Individual differences and changes in subjective wellbeing during the early stages of the COVID-19 pandemic // *American Psychologist.* 2020. Vol. 76. No. 1. Pp. 50–62. <https://doi.org/10.1037/amp0000702>;
14. *Bono G., Reil K., Hescox J.* Stress and wellbeing in college students during the COVID-19 pandemic: Can grit and gratitude help? // *International Journal of Wellbeing.* 2020. Vol. 10. No 3. Pp. 39–57. <https://doi.org/10.5502/ijw.v10i3.1331>
15. *Kanekar A., Sharma M.* COVID-19 and mental well-being: Guidance on the application of behavioral and positive well-being strategies // *Healthcare.* 2020. Vol. 8. No 3. P. 336. <https://doi.org/10.3390/healthcare8030336>
16. *Marmarosh C.L., Forsyth D.R., Strauss B., Burlingame G.M.* The psychology of the COVID-19 pandemic: A group-level perspective // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice,* 2020. Vol. 24. No 3. Pp. 122–138. <https://doi.org/10.1037/gdn0000142>
17. *Kruglanski A.* 3 ways the coronavirus pandemic is changing who we are. *The Conversation.* 2020. Retrieved from: <https://theconversation.com/3-ways-the-coronavirus-pandemic-is-changingwho-we-are-133876>
18. *Ермолаев В. В., Воронцова Ю., Насонова Д. К., Четверикова А. И.* Динамика социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19 // *Национальный психологический журнал.* 2021. № 1 (41). С. 27–38. doi: 10.11621/npj.2021.0103
19. *Nguyen M.H., Gruber J., Fuchs J.* Changes in Digital Communication During the COVID-19 Global Pandemic: Implications for Digital Inequality and Future Research // *Social media +Society.* 2020 <https://doi.org/10.1177/2056305120948255>
20. *Charney S.A., Camarata S.M., Chern A.* Potential Impact of the COVID-19 Pandemic on Communication and Language Skills in Children // *Otolaryngology – Head and Neck Surgery,* 2020 <https://doi.org/10.1177/0194599820978247>
21. *Mheidly N., Fares M.Y., Zalzale H., Fares J.* Effect of Face Masks on Interpersonal Communication During the COVID-19 Pandemic // *Front. Public Health.* 2020. 8:582191. doi: 10.3389/fpubh.2020.582191
22. *Sidney A., Moscovitch D.A.* Effects of mask-wearing on social anxiety: an exploratory review // *Anxiety, Stress & Coping,* 2021. Vol. 34. No 5. Pp. 487-502. DOI: 10.1080/10615806.2021.1929936

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ЗЛА В ПСИХОЛОГИИ XX СТОЛЕТИЯ*

Д.А. Хорошилов

*Доктор психологических наук, заведующий кафедрой, доцент
Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: d.khoroshilov@gmail.com*

* Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта № 22-18-00140 «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределенности».

В докладе предлагается обсуждение онтологической проблемы социального зла в религии, философии, психологии и искусстве. Предельным выражением социального зла считается политический режим и идеология фашизма в Германии 1933 – 1945 гг., который после классических работ Х. Арндт стал рассматриваться в перспективе оповседневливания и банализации насилия. Стремление осмыслить причины установления фашизма в обществе следует считать важным историческим фактором превращения социальной психологии в экспериментальную научную дисциплину, в рамках которой были проведены исследования К. Левина, С. Аша, С. Милгрэма, Ф. Зимбардо и других ученых, так или иначе реализующих цель экспериментального моделирования зла в социальных отношениях. Результаты их научных экспериментов сравниваются с перформансом М. Абрамович и кинематографом.

Делается вывод, что междисциплинарные исследования социального зла могут раскрыть латентные институциональные предпосылки возникновения феномена нового фашизма, как его обозначает Дж. Батлер.

Ключевые слова: социальное зло, старый и новый фашизм, банальность зла, социальная психология, эксперимент, эстетическая парадигма в психологии

THE PROBLEM OF SOCIAL EVIL IN THE PSYCHOLOGY OF THE TWENTIETH CENTURY

D.A. Khoroshilov

DSc in Psychology, Head of Department, Associate Professor

Russian State University for the Humanities

E-mail: d.khoroshilov@gmail.com

The report proposes a discussion of the ontological problem of social evil in religion, philosophy, psychology and art. The ultimate expression of social evil is considered the political regime and ideology of fascism in Germany in 1933-1945, which, after the classic works of H. Arendt, began to be considered in the perspective of the everydayization and banalization of violence. The desire to comprehend the reasons for the establishment of fascism in society should be considered an important historical factor in the transformation of social psychology into an experimental scientific discipline, within the framework of which research was carried out by K. Levin, S. Asch, S. Milgram, P. Zimbardo and other scientists, one way or another realizing the goal experimental modeling of evil in social relations. The results of their scientific experiments are compared with the performance of M. Abramovich and cinema. It is concluded that interdisciplinary studies of social evil can reveal the hidden institutional prerequisites for the emergence of the phenomenon of new fascism, as J. Butler refers to it.

Keywords: social evil, old and new fascism, banality of evil, social psychology, experiment, aesthetic paradigm in psychology

Проблема зла в теологии, философии и психологии заключается в определении его онтологического статуса: является ли зло самостоятельной силой, действующей в мире (как считали, допустим, последователи еретических учений гностиков, манихеев, катаров), или только искажением бытия (победившая в европейской цивилизации позиция христианского богословия). Только в XIX столетии преимущественно теологический ракурс рассмотрения зла дополняется социокультурным. Главный источник зла локализуется в иррациональной структуре усложняющегося массового общества эпохи раннего модерна.

В «Трех разговорах» В.С. Соловьева, наследующих художественным интуициям Ф.М. Достоевского, социальная детерминация зла персонифицируется Антихристом – не исправителем (в отличие от Христа), а благодетелем человечества, который устанавливает идеальный институциональный порядок, решающий острые экономические, политические, религиозные проблемы. Однако за пределами внимания Достоевского и Соловьева остается включенность зла в повседневную жизнь общества, о чем пронзительно предупреждала А.А. Ахматова: «Достоевский знал много – но не все. Он, например, думал, что если убьешь человека, то станешь Раскольниковым. А мы сейчас знаем: можно убить пятьдесят, сто человек – и вечером пойти в театр».

В словах поэтессы можно усмотреть новое измерение проблемы зла, дополняющее онтологическое и социокультурное, – обыденное сознание палача-убийцы.

Общепринятым объяснением зла в современной социальной и политической теории считается концепция Х. Арендт, созданная по итогам наблюдения за судебным процессом над А. Эйхманом [1]. Вводимый ею принцип банальности зла означает оповседневливание насилия, олицетворяющее фашистский режим. Арендт воспроизводит не гностическое, а христианское признание зла как несущего – за ним отсутствует какая-либо онтологическая глубина, только плесень, быстро распространяющаяся по поверхности, но ничего под собой не скрывающая, как позднее напишет она Г. Шолему.

Основной пафос работы Арендт заключался в анализе социально-психологических предпосылок политической идеологии фашизма, которая не ограничивается временными рамками между мировыми войнами. «Понять фашизм – значит понять, как во имя, казалось бы, высоких идеалов современности люди творили зло, которому нет оправдания» [2]. Стремление понять и объяснить внезапное установление фашизма в Германии 1930-х гг. во многом определило превращение социальной психологии в экспериментальную научную дисциплину, перед которой теперь стояла масштабная задача – смоделировать социальные ситуации в исследовательских лабораториях таким образом, чтобы предсказать принятие зла обыденным, наивным сознанием и тем самым не допустить возвращения фашизма ни в каких формах (предостережение У. Эко в его знаменитом эссе «Вечный фашизм» [3]).

Методологическим основанием экспериментального моделирования «банальности зла» выступила теория психологического поля К. Левина, ему принадлежит один из первых психологических экспериментов по воссозданию политических режимов (либерального и тоталитарного) в ситуациях управления совместной деятельностью. Новаторский принцип динамического взаимодействия личности и окружения противостоял психоаналитической интерпретации фашизма по аналогии со структурой индивидуального характера, который проецировался на общество и культуру в целом (исследования сторонников критического подхода Франкфуртской школы Э. Фромма и Т. Адорно). А в наши дни стало возможным говорить об отдельном научном направлении: *социальной психологии добра и зла* [4], [5], в рамках которого изучаются причинение вреда другим людям, групповые представления о добре и зле, взаимосвязь Я-концепции и социального действия, стратегии противостояния злу и т.д.

Проблема социального зла – сквозной сюжет классических экспериментов С. Аша (1951 г.), С. Милгрэма (1963 г.) и Ф. Зимбардо (1971 г.), перформанса М. Абрамович «Ритм Ноль» (1974 г.) и фильма «Мадемуазель» с Жанной Моро в главной роли (1966 г.). В логике эстетической парадигмы в психологии доказано, что ученые и художники приходят к одним и тем же темам и выводам, работая независимо друг от друга [6]. Аш удивлялся результатам собственного эксперимента, что образованные и умные молодые люди склонны называть белое черным при решении, казалось бы, простейшей задачи с отрезками, а изощренные по своему дизайну исследования Милгрэма и Зимбардо, напоминающие арт-перформансы и ставшие достоянием массовой культуры, раскрыли еще более радикальные трансформации поведения человека под влиянием авторитета и власти. Почти одновременно с научными экспериментами появляются яркие и провокационные художественные высказывания об иррациональности зла, заключенной в самой структуре социальных отношений.

Так, в перформансе «Ритм Ноль» случайные посетители галереи обнаруживали стол с множеством различных вещей: от булавок до пистолета с разложенными рядом пулями, а «инструкция» при входе разрешала совершать любые действия над телом художницы. На шестой час действия она была физически изничтожена: ее одежда – порвана, тело порезано и изрисовано. «Когда я утром посмотрела в зеркало, целая прядь моих волос поседела. В этот момент я поняла – публика может убить», – вспоминала Абрамович в автобиографии.

В фильме «Мадемуазель» в деревню приезжает молодая учительница (Жанна Моро), которая одержима идеей причинения зла и боли: отравляет воду в колодце, провоцирует падеж скота и бессмысленные поджоги, одновременно устанавливая садомазохистические отношения с местным лесорубом. Как и Абрамович, персонаж Жанны Моро тоже попадает в психологическое пространство, мотивирующее наносить ущерб и вред другим людям.

Рискованные эксперименты и арт-проекты подтверждают главную гипотезу Арендт, согласно которой зло не является радикальным негативным началом, якобы заключенном в неизменной природе человека, а социальной и политической конструкцией, производной от структуры общества, следовательно, злу можно положить этический предел [7]. Такой тезис согласуется с выводом Милгрэма о том, что «человеческий тип, которого воспитывает американское общество, не в состоянии обезопасить граждан от жестокого обращения со стороны бесчеловечного авторитета» [8, с. 247].

Работы Милгрэма и Зимбардо намечают анализ не просто взаимодействия личности и ситуации, а целой макросистемы социальных институтов, устанавливающих символические права и обязанности, которые мгновенно считываются и принимаются акторами как руководство к действию по оповседневливанию зла и насилия. Этот социальный контекст представляет собой, по словам Зимбардо, систему власти, способной поддерживать и воспроизводить себя [9].

Экспериментальное моделирование социального зла в психологии и искусстве после Второй мировой войны является не только ретроспективным историческим исследованием «старого фашизма» в Германии, но и предостерегает о распространении так называемого «нового фашизма» в современных обществах. Различие между двумя названными формами фашизма проводит Дж. Батлер в многочисленных интервью и научных работах [10]. Новый фашизм, *во-первых*, легализирует свободу ненависти и актуализирует чувство уязвленного национального величия, *во-вторых*, выступает предлогом для уничтожения демократии и демократических прав через установление солидарности против этнических меньшинств, *в-третьих*, призывает представителей бедных слоев населения ненавидеть себе подобных и при этом не стыдиться своих предубеждений. Таким образом, психология может стать, метафорически говоря, «экологией» повседневной жизни общества, предотвращающей разрастание «плесени» банальности зла, которая считается конституирующим признаком фашизма.

Литература

1. *Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. New York: Viking, 1965. 275 p.*
2. *Манн М. Фашисты: социология фашистских движений. М., 2019.*
3. *Эко У. Пять эссе на тему этики. М., 2012.*
4. *Миллер А.Г. (Ред). Социальная психология добра и зла. Харьков, 2022.*
5. *Шоу Дж. Психология зла: почему человек выбирает темную сторону. М., 2021*
6. *Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М., 2017.*
7. *Каспэ С.И. Определяя политическое зло // Полития. 2014. № 3 (74). С. 6–29.*
8. *Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль. М., 2016.*
9. *Зимбардо Ф. Эффект Люцифера: почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2013.*
10. *Жеребкина И.А., Жеребкин С.В. Война и мир Джудит Батлер. СПб., 2018.*

СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ГРУПП: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К.М. Гайдар

*Доктор психологических наук, заведующая кафедрой
общей и социальной психологии
Воронежский государственный университет
E-mail: marlen_lora@mail.ru*

Представлены история становления и современное состояние субъектного подхода в российской социальной психологии групп. Раскрываются методологические, внутринаучные и культурно-исторические предпосылки возникновения в российской социальной психологии субъектного подхода. Анализируется ведущая роль в этом процессе работ таких российских ученых, как С.Л. Рубинштейн, В.М. Бехтерев, Г.Г. Шпет. Характеризуются основные этапы его формирования на протяжении XX столетия: предварительный, категориальный, концептуальный. Намечены перспективы дальнейшей разработки социальной психологии группового субъекта в XXI веке: продолжение понятийного оформления субъектного подхода к группе, расширение его границ на разные уровни организации общества (от малых групп до средних и больших), изучение различных субъектных характеристик групп, разработка психологической типологии групповых субъектов и другие.

Ключевые слова: субъектный подход, группа, малая группа, социальная психология групп, групповой субъект, предпосылки, этапы становления

SUBJECT APPROACH IN RUSSIAN SOCIAL PSYCHOLOGY OF GROUPS: HISTORY AND MODERNITY

K.M. Gaidar

*DSc in Psychology, Head of the Department
of General and Social Psychology
Voronezh State University
E-mail: marlen_lora@mail.ru*

The history of formation and the current state of the subjective approach in the Russian social psychology of groups are presented. The methodological, intra-scientific and cultural-historical prerequisites for the emergence of the subjective approach in Russian social psychology are revealed. The leading role in this process of the work of such Russian scientists as S.L. Rubinstein, V.M. Bekhterev, G.G. Shpet. The main stages of its formation during the 20th century are characterized: preliminary, categorical, conceptual. The prospects for further development of the social psychology of the group subject in the 21st century are outlined: continuation of the conceptual design of the subjective approach to the group, expanding its boundaries to different levels of social organization (from small groups to medium and large ones), the study of various subjective characteristics of groups, the development of a psychological typology of group subjects, and others.

Keywords: subject approach, group, small group, social psychology of groups, group subject, group subject, background, stages of formation

В современной психологической науке, в том числе такой ее отрасли, как социальная психология, субъектный подход является одним из базовых теоретико-методологических оснований. Основная задача субъектного подхода состоит в разработке и применении принципов, методов и средств изучения психологии людей как субъектов (индивидуальных и групповых).

Что касается социальной психологии, то субъектный подход впервые зародился в таком ее разделе, как психология группы. Как показывает историко-теоретический анализ, становление социальной психологии группового субъекта происходило сложно, противоречиво и во многом парадоксально. Достаточно отметить, что первоначально субъектный подход утвердился как теоретико-методологический базис в других разделах социальной психологии – психологии общения и социальной психологии личности. И лишь в 80-90-е годы прошедшего века стал постепенно оформляться в социальной психологии групп.

Можно выделить три основных этапа становления в российской социальной психологии субъектного подхода к группе на протяжении XX столетия. Первый этап – предварительный, содержанием которого являлось появление соответствующих предпосылок. Своеобразна последовательность их формирования. Исходные предпосылки субъектного подхода к группе можно найти в историко-культурных традициях российского менталитета, обусловленных сложнейшей историей России, которой веками приходилось отстаивать свою независимость и суверенность и строить себя самостоятельно, без какой-либо помощи извне, а подчас вопреки внешним обстоятельствам. Все это формировало общинные, соборные, коллективистические отношения, базирующиеся на нравственных критериях. Они всегда считались решающим фактором успеха в любом сложном деле, где усилия одиночки оказывались тщетными. Не случайно в русском языке много пословиц и поговорок, отражающих эту черту российской ментальности. Вслед за этим появились внутринаучные предпосылки, связанные со становлением самой российской социальной психологии в 1910–1920 гг. Речь идет о трудах ее основателей – В.М. Бехтерева и Г.Г. Шпета, которые, по всей видимости, первыми стали употреблять понятие «коллективный субъект» по отношению к различным объединениям людей. Не дав его точного определения, эти ученые выделили основные психологические характеристики группы как субъекта: «совокупное действие», «соборный ум», «волевое единство», «общее настроение» [1, 2]. И лишь затем в работах С.Л. Рубинштейна были разработаны методологические предпосылки субъектного подхода к группе [3, 4]. Автор, не употребляя понятия группового субъекта, впервые сформулировал методологический принцип субъекта: утверждал, что самостоятельность человека отнюдь не противостоит совместности, характеризовал человечество как целостное единство, считал, что только в единстве человечества возможно говорить об этическом субъекте, т.е. допускал применение понятия субъекта относительно объединения людей, вплоть до всего человечества.

Второй этап становления субъектного подхода к группе датируется 60–70-ми гг. XX века, ознаменованными возрождением социально-психологических исследований в стране после

нескольких десятилетий практического забвения. В трудах Б.Ф. Ломова и Л.П. Буевой появились категории «совокупный субъект», «коллективный субъект деятельности», «групповое сознание» [5, 6]. По их мнению, субъектом деятельности может быть как индивид, так и группа, в том числе общество в целом, а психология группового субъекта имеет системную природу. Вместе с тем стоит признать, что категориальный аппарат психологии группового субъекта в этот период получил начальное развитие, однако это развитие не было завершено.

Третий этап берет своего начало со второй половины 1970-х гг. и продолжается по настоящее время. Первыми концепциями группового субъекта можно считать параметрическую концепцию Л.И. Уманского – А.С. Чернышева и концепцию интеграции коллектива А.И. Донцова, хотя в них понятие «групповой (коллективный) субъект» практически не применяется [7, 8]. Тем не менее в названных концепциях представлены теоретически и эмпирически обоснованные психологические характеристики группового субъекта. После довольно длительного «затишья» новые концепции группового субъекта в продолжение и развитие указанных стали складываться в конце XX и первые десятилетия XXI века (О.А. Артемьева, К.М. Гайдар, А.Л. Журавлев, С.В. Сарычев, А.В. Сидоренков и др.). Это было обусловлено потребностями в определенном «прорыве» в социальной психологии групп на новой методологической основе – субъектной парадигме, – а также запросами общества на новые научные факты о групповых формах человеческой жизни, поскольку именно они (эти формы) представляют собой ключевой психологический ресурс дальнейшего прогресса человечества.

Таким образом, практически за столетний период произошло обогащение методологического фундамента социальной психологии группы за счет включения в него субъектного подхода. Это послужило основой создания нового научного направления – социальной психологии группового субъекта, в рамках которого стало возможным теоретико-методологическое осмысление феномена групповой субъектности, получившее свое оформление в виде ряда концепций группы как целостного субъекта. Очевидно, что субъектный подход к группе имеет мощные эвристические возможности, что сопряжено с дальнейшим его развитием в следующих направлениях:

- продолжение понятийного оформления субъектного подхода к группе (уточнение содержания понятий «групповой субъект», «коллективный субъект» и ряда производных от них – «групповое сознание», «групповое самосознание», «групповая идентичность» и др.),

- расширение границ субъектного подхода в направлении разных уровней социальной организации. Сложившись на основе исследований психологии малых групп, сегодня субъектный подход распространяется как на микрогруппы (в качестве неотъемлемых составляющих малых групп), так и на средние и большие группы (в том числе организации) и вплоть до государственных образований (не случайно в настоящее время стали все чаще говорить о субъектности государств),

- изучение различных субъектных характеристик групп, в том числе тех, которые не были ранее в центре внимания социальных психологов: групповое поведение, Мы-концепция группы, нормативная субъектность группы и др.,

- разработка психологических типологий групповых субъектов, к примеру групп как субъектов принятия и исполнения решений, групп как субъектов управления, познания, межгруппового поведения и других форм совместной активности.

В заключение подчеркнем, что субъектный подход к группе открывает широкие перспективы в изучении групповой феноменологии, углубленном понимании специфики функционирования и развития групп различного масштаба, осмыслении психологии группы в качестве ведущей детерминанты развития человека как индивидуального субъекта в составе субъекта группового.

Литература

1. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Птг, 1921. 431 с.
2. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб, 1996. 155 с.
3. Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 230–259.
4. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности. Учен. зап. высш. шк. г. Одессы. 1922. Т. 2 // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–107.
5. Боева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М. 1968. 268 с.
6. Ломов Б.Ф. Совместная (групповая) деятельность людей, формирование трудовых коллективов и психологические аспекты управления ими // Ломов Б.Ф. (ред.) Правовые и социально-психологические аспекты управления. М., 1972. С. 211–240.

7. Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Параметрическая теория малых групп и коллективов. Курск, 2019. 245 с.

8. Донцов А.И. Психологические основы интеграции коллектива: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1988. 39 с.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ: ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИРА ИЛИ ЕГО ПРОЕКЦИЯ?

Е.П. Белинская

Доктор психологических наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: Elena_belinskaya@list.ru

Рассматриваются гносеологические и онтологические основания возникновения экзистенциальных тем в фотоизображениях, а также ставится вопрос о возможном влиянии на них состояний общественного сознания. Отмечается, что в целом экзистенциальный смысл фотоизображений зависит от общих трендов в построении образа мира, существующих в конкретный социо-исторический момент. Рассматриваются социо-культурные и профессионально-специфические причины нарастания экзистенциальных тем в современной фотографии вне зависимости от ее принадлежности к тому или иному жанру. Подчеркивается амбивалентный характер экзистенциальных переживаний Зрителя, теряющего возможность идентификации с Героем в силу фрагментации и неоднозначности смысла предьявляемого образа.

Ключевые слова: экзистенциальные переживания, образ мира, визуальный поворот, фотоизображение, психотерапевтический поворот, самоидентификация

EXISTENTIAL PHOTOGRAPHY: A REFLECTION OF THE SOCIAL WORLD OR ITS PROJECTION?

E.P. Belinskaya

DSc in Psychology, Professor

Lomonosov Moscow State University

E-mail: Elena_belinskaya@list.ru

The epistemological and ontological grounds for the emergence of existential themes in photographic images are considered, and the question of the possible influence of states of public consciousness on them is also raised. It is noted that, in general, the existential meaning of photographic images depends on the general trends in the construction of the image of the world that exist at a particular socio-historical moment. Socio-cultural and professionally-specific reasons for the growth of existential themes in modern photography, regardless of its belonging to a particular genre, are considered. The ambivalent nature of the existential experiences of the Viewer, who loses the possibility of identification with the Hero due to the fragmentation and ambiguity of the meaning of the presented image, is emphasized.

Keywords: existential experiences, image of the world, visual turn, photo image, psychotherapeutic turn, self-identification

Вынесенная в название дихотомия в определенной степени искусственна: с позиции Зрителя (напомним здесь, что Spectator, по мнению Р.Барта, имеет право на достаточно упрощенные эмоциональные реакции [1]), практически любое изображение может стать пространством проекции бесконечного количества индивидуальных интроектов, создавая неминуемый «разброд во вкусах». Тем самым и возможность/невозможность насыщения зрителем воспринимаемого им образа классическими экзистенциальными темами, - такими, как смерть, одиночество, свобода и бессмысленность существования, - оказывается всего лишь индивидуально возникающей интерпретацией изображения, имеющей основания в текущих особенностях когнитивно-аффективной сферы субъекта и отражающей его внутреннюю логику категоризации. Однако, если учесть тот факт, что изображение есть результат деятельности некоего Operator'a, с одной стороны, обладавшего

намерениями запечатления объективной действительности, а с другой – также являющегося Зрителем (то есть, смотрящим на мир через объектив субъективно), то возможная экзистенциальность фотоизображения становится более проблемной. Представляется, что тогда возникает два других следующих вопроса. Во-первых, как именно воплощается экзистенциальная тема в фотографии; более конкретно – насколько на этот процесс влияют те или иные актуальные тенденции состояния общественного сознания: например, степень «симулякрности» экзистенциального в нем, того, насколько реальность экзистенциальных переживаний сведена к знакам, потерявшим смысл, то есть проблема выражения, а во-вторых – насколько в момент рассматривания изображения, диалога Зрителя и Автора, каждый из них готов к восприятию экзистенциального, насколько подобная форма выражения не становится для них одновременно способом «поглощения» (уничтожения) события, имеющего экзистенциальное значение, то есть проблема потребления экзистенциальных смыслов. И очевидно, что оба этих процесса в конечном счете зависят от общих трендов построения образа мира, существующих в конкретный социально-исторический момент.

Различные жанры современной фотографии (от стрит-фото и репортажной съемки до постановочных портретов и фуд-фото) содержат сегодня в себе примеры нарастающего развития экзистенциальных доминант в силу, как минимум, двух разноуровневых, но взаимосвязанных причин.

В качестве первой отметим тот факт, что «визуальный поворот» в западной культуре сопровождался и продолжает поддерживаться «психотерапевтическим поворотом» в повседневных жизненных практиках: выраженная визуальность современности неотделима от повышенного внимания человека к своим переживаниям и их детальной рефлексии. И, заметим, «психотерапевтический поворот», будучи разнонаправленным с точки зрения конкретных методов работы, тяготеет сегодня к экзистенциальному полюсу, предполагая феноменологический анализ переживаний клиента и помощь в конструировании его диалога с самим собой и с миром.

Второй же причиной является, как представляется, сама логика развития фотографического изображения: начавшись с фиксации события (фотография-как-документ, стремящаяся к «достоверности» мгновенного схватывания) и продолжившись как поиск аффективной кульминации, «подлинности» переживаемого (фотография-как-момент, где акцент ставится на возможной идентификации Зрителя с действиями и чувствами Героя), сегодня она все более и более тяготеет к отражению отдельных и разрозненных фрагментов повседневности, «обыденности и случайности» (фотография-как-фрагмент, где исчезает однозначность смысла изображаемого, нарушаются возможные ожидания общепринятой символики, а сам характер видения мира центрирован не на объекте и/или субъекте, а на их отношениях с миром, акцентируя для Зрителя контекстуальность изображаемого).

Именно в последнем случае Зритель, потерявший возможность для идентификации с Героем и, тем самым, основания для самоидентификации, оказывается наедине с собой, превращенным в Ничто, заполняя своими проекциями пространство изображения, неминуемо приходя к экзистенциальным переживаниям, не имеющим возможности отреагирования и потому бесплодным: ведь сложившийся образ, по меткому наблюдению Бодрийера, «останавливает речь и потому противостоит императиву смысла» [2].

Литература

1. *Барп Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem Press, 2011. 272 с.
2. *Baudrillard J.* La Photographie ou l'Écriture de la Lumière: Litteralite de l'Image // Baudrillard J. L'Échange Impossible. Paris: Galilee, 1999. P. 175–184

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА*

Т.Д. Марцинковская

*Доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии им. Л.С. Выготского
Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: tdmartsin@gmail.com*

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ №22-18-00140 «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределенности».

Раскрывается значение таких инструментов анализа исторической психологии как социальная ситуация и оппонентный круг для исследования одного из самых актуальных вызовов современности – цифрового общества. Показывается необходимость создания новой трансдисциплинарной методологии с гибкой и открытой парадигмой, являющейся по сути гешталтом, способным трансформироваться под влиянием новых вызовов науки и общества. Представлены основные когнитивные и эмоциональные характеристики цифрового общества: необходимость формирования новых способностей и умений, позволяющих работать в различных пространствах (реальном, интернет, виртуальном, дополнительном) и позиционированию себя в этих пространствах, а также высокая тревожность, связанная с неопределенностью ситуации, страх потери работы, потери эмоционального контакта с близкими. Доказывается, что для изучения психологической феноменологии и закономерностей цифрового общества и интерпретации данных необходимо соединение социального и эпистемологического подходов.

Ключевые слова: цифровое общество, историческая психология, парадигма, когнитивные и эмоциональные характеристики

HISTORICAL PSYCHOLOGY: CHALLENGES OF THE MODERN DIGITAL SOCIETY

T.D. Martsinkovskaya

DSc in Psychology, Professor, Director of the Vygotsky Institute of Psychology

Russian State University for the Humanities

E-mail: tdmartsin@gmail.com

The importance of such tools of historical psychology analysis as the social situation and the opponent circle for the study of one of the most pressing challenges of our time – the digital society is revealed. The necessity of creating a new transdisciplinary methodology with a flexible and open paradigm, which is essentially a gestalt, capable of transforming under the influence of new challenges of science and society, is shown. The main cognitive and emotional characteristics of the digital society are presented: the need to form new abilities and skills that allow working in various spaces (real, Internet, virtual, additional) and positioning oneself in these spaces, as well as high anxiety associated with the uncertainty of the situation, fear of job loss, loss of emotional contact with loved ones. It is proved that in order to study the psychological phenomenology and patterns of digital society and data interpretation, it is necessary to combine the social and epistemological approaches.

Keywords: digital society, historical psychology, paradigm, cognitive and emotional characteristics

Сложность современного мира, его изменчивость, вариативность и неопределенность, стали предметом исследования в разных дисциплинах и с различных позиций. Не осталась в стороне от этого вызова современности и психология, в которой исследования неопределенности и изменчивости затронули различные области психологического знания. При этом важным моментом становится не только методологическая рефлексия ситуации, но и возможность найти какие-то устойчивые связи в этой текучей современности и сконструировать новую методологию. Поэтому в настоящее время главной особенностью современной методологии становятся разнообразные исследовательские конструкты, которые меняются, модифицируются, вбирая в себя новые факты и новые аспекты действительности. Ценность этих конструктов определяется гармоничным сочетанием в их содержании постоянства и изменчивости. Их важной характеристикой является гибкость и соотнесенность и с транзитивной действительностью, и друг с другом. То есть можно говорить скорее не о разных, отдельных конструктах, но о гибком гешталте с разными полями: когнитивным, социальным, эстетическим. Таким образом, можно утверждать, что в современной методологии парадигма представляет собой не замкнутый эталон, но открытый гешталт с проницаемыми границами и возможностью переструктурирования.

Методологические проблемы при изучении транзитивного мира связаны не только с необходимостью постоянной оценки и переоценки теоретических и исследовательских парадигм, но и с необходимостью постоянной переоценки и ре-интерпретации полученных материалов [1]. С этой точки зрения, можно говорить о том, что транзитивность общества может рассматриваться по аналогии

с микромиром в точных науках. И с этой точки зрения актуализируется значение исторической психологии науки М.Г. Ярошевского [2; 3].

В свое время М.М. Бахтин отмечал, что авторская речь строится с учетом «чужого слова» и без него была бы другой. В связи с этим М.Г. Ярошевский отмечал, что текст, по которому история науки воссоздает движение знания, следует рассматривать как эффект не только интеллектуальной (когнитивной) активности автора этого текста, но и его коммуникативной активности. Подход, который лежит в основе исторической психологии, рассматривает развитие психологии в русле трех координат - логика развития науки, личность ученого и социальная ситуация. Таким образом, предмет исторической психологии можно определить как исследование эволюции психологических теорий, детерминированной тремя факторами - историко-культурной ситуацией, логикой научного познания и качествами личности ученого, их стремлениями и установками. Его концепция предполагала учет социально-исторических условий, определивших появление и развитие психологических концепций, а также изучение идеогенеза, когнитивного стиля, оппонентного круга, категориальной апперцепции, надсознательного.

Особенно ясно необходимость новой методологии и нового исследовательского инструментария видна при изучении цифрового общества. Вопрос о границах изменений человека при серьезных трансформациях окружающего мира не нов. Главная проблема, которую необходимо решать в этой ситуации – насколько эти границы должны быть подвижными и проницаемым для воздействия окружающего и насколько человек должен откликаться на эти воздействия. Данная ситуация по-новому поставила проблему сохранения эмоционального благополучия и самореализации.

Негативные коллективные переживания связываются с амбивалентной оценкой новых эталонов поведения, общения, работы, учебы. Эмоциональная нестабильность сопровождается и когнитивными барьерами, связанными, прежде всего, с неумением распределять активность между разными пространствами, в том числе между разными платформами интернет-пространства, виртуальным и дополнительными пространствами. Важным аспектом здесь является отношение к технологиям, а также необходимость переучиваться, исходя из новых форм обращения с технологиями. Когнитивные барьеры по отношению к цифровому обществу и высоким технологиям тесно связаны со страхом потери работы в ситуации цифровой среды.

Сегодня необходимо изучение не только тех факторов, которые помогают поддержанию эмоциональной стабильности, но и того, что серьезно ее нарушает. И это одно из ведущих направлений новых исследований.

Литература

1. *Марцинковская Т.Д.* Новая методология исследования жизненного пространства изменяющейся личности // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 31–45.
2. *Марцинковская Т.Д.* История психологии. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 544 с.
3. *Ярошевский М.Г.* История психологии. От античности до середины XX века: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 1996. 416 с.

ФИЛОСОФИЯ СИСТЕМАТОЛОГИИ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КРИСТЕНА БЕНТА МАДСЕНА)

И.Е. Гарбер

*Доктор психологических наук, профессор
Саратовский государственный университет
E-mail: Ilya.Garber@gmail.com*

Статья посвящена столетию со дня рождения выдающегося теоретика в области педагогики и психологии Кристиана Бенга Мадсена (1922–2003). Представлена биография К.Б. Мадсена – его академическая карьера и высшее научное достижение – систематология. Значительная часть биографической информации предоставлена старшим сыном К.Б. Мадсена Биргером. Показано, что идеи теоретической психологии, предложенные К.Б. Мадсеном для интеграции психологического знания и мета-подход, развитый им, опередили свое время и оказались востребованы в начале XXI века. Обсуждается критический анализ концепции К.Б. Мадсена, проделанный Т. Ватанабе, Р. Мерфи и Б. Сливерски. Подобно другим метатеоретическим конструкциям,

систематология К.Б. Мадсена может найти приложения за пределами психологии и педагогики в других социальных науках и, хотя и в меньшем объеме, в естественных и формальных науках.

Ключевые слова: теоретическая психология, интеграция психологии, метатеория, метанаучный анализ, систематология, гипотетическое отношение, Кристен Бент Мадсен

PHILOSOPHY OF SYSTEMATOLOGY (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF KRISTEN BENT MADSEN)

I.E. Garber

DSc in Psychology, Professor

Saratov State University

E-mail: Ilya.Garber@gmail.com

The article is dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding theoretician in the field of pedagogy and psychology Kristen Bent Madsen (1922–2003). The biography of K.B. Madsen, his academic career, and the highest scientific achievement – systematology – are presented. Much of the biographical information is published for the first time thanks to the courtesy of his eldest son Birger. It is shown that the ideas of theoretical psychology proposed by K.B. Madsen for the integration of psychological knowledge and the meta-approach developed by him were ahead of his time and became in demand at the beginning of the 21st century. A critical analysis of K.B. Madsen's conception and its development by Tsuneo Watanabe, Raegan Murphy, and Bogusław Śliwerski are discussed. Like other metatheoretical constructions, K.B. Madsen's systematology can find applications beyond psychology and pedagogy in other social sciences and humanities, and, albeit to a lesser extent, in natural and formal sciences.

Keywords: Theoretical psychology, integration of psychology, metatheory, metascientific analysis, systematology, hypothesis quotient, Kristen Bent Madsen

Сто лет назад, в 1922 году, родились выдающиеся философы науки: 5 июня – Кристен Бент Мадсен (Madsen, 1922–2003), 18 июля – Томас Сэмюэл Кун (Kuhn, 1922–1996) и 9 ноября – Аврум Липшиц, впоследствии известный как Имре Лакатос (Lakatos, 1922–1974). Последние двое заняли достойное место в истории науки. Например, труд Куна «Структура научных революций», впервые изданный в 1962 г. [1], когда ему исполнилось 40 лет, является одной из наиболее часто цитируемых научных книг [2]. Согласно Google Scholar, посмертно изданная в 1976 г. статья Лакатоса «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ» [3] была процитирована 15970 раз. Такое внимание к ним научного мира во многом объясняется их многолетней дискуссией как с выдающимися учеными предыдущего поколения – сэром Карлом Раймундом Поппером (Popper, 1902–1994) и Майклом Полани (Polanyi, 1891–1976), так и между собой и с ровесником Полом Карлом Фейерабендом (Feuerabend, 1924–1994).

Монография Мадсена на английском языке [4] – высшее его научное достижение – появилась в 1988 г. как итог его академической карьеры. Она была замечена специалистами, но не была оценена так высоко, как того заслуживала. Отчасти критика идей Мадсена была основана на предпочтении им количественного анализа в отличие от качественного анализа Куна и Лакатоса. Сверстник Мадсена, профессор Льюис Вольфганг Брандт (Brandt, 1921–) из канадского университета Рeginy, писал: «Лично я предпочитаю анализировать качественные различия между теориями, между людьми, между жизненными опытами. Мне не удастся побудить какого-либо психолога отказаться от теории, которой он или она придерживается. Мадсену это тоже не удастся» [5, с. 209]. Быть может, пик интереса к подобным исследованиям был позади, возможно, идеи Мадсена опередили свое время.

Так или иначе, его имя сегодня забыто даже на родине в Дании. В марте 2018 г. в поисках информации о нем, я обратился в Датскую психологическую ассоциацию, почетным членом которой он был. Официальный ответ гласил: «У нас нет никакой информации о нем в нашей базе данных». Более того, лаборатория общей психологии в Королевской Датской школе педагогических исследований, в которой он работал профессором и которая могла бы носить его имя, слилась с другими учреждениями и больше не является самостоятельным подразделением [6, с. 62].

Ситуация ненамного лучше за пределами Дании. Одна из причин заключается в том, что многие труды Мадсена не переведены на английский язык [6, с. 63]. С другой стороны, есть множество переводов на чешский, голландский, финский, итальянский, норвежский, польский, испанский

и шведский языки. Однако первые последователи Мадсена, принявшие и критически оценившие его подход, появились лишь в начале XXI в. [6, 7]. Важной особенностью модели Мадсена является ее универсальность. Как и другие метатеоретические конструкции, она может найти применение помимо психологии в других социальных и гуманитарных науках и, хотя и в меньшей степени, в естественных и формальных науках.

Основными источниками информации о жизни Мадсена служат Датский биографический лексикон [8], автобиография [9] и воспоминания его старшего сына Биргера, основанные на рассказах отца, представленные автору в личной переписке и не подкрепленные документами. К сожалению, дневники Мадсена на датском языке не доступны исследователям.

В понедельник, 5 июня 1922, в семье датчан – предпринимателя Амброзиуса Мадсена (Madsen, 1892–1981) и учительницы Кирстины Катрины Кристенсен (Kristensen, 1892–) родился первенец. 5 июня – необычный день в Дании. С 1849 г. это День Конституции. Кристен Бент Мадсен родился в деревне Убберуп, расположенной на острове Зеландия примерно в 110 километрах от Копенгагена. Его родители были религиозными людьми, отсюда имя Кристен, означающее «Христианин». К.Б. Мадсену оно не очень нравилось. В отличие от авторов, заменявших фамилию псевдонимом, он предпочитал изменять свои первые два имени, подписывая книги как Кирстен Бент, Крестен Бент или Кай Берг. У него было два младших брата. Кристен посещал школу, в которой преподавала его мать. В старших классах он летом работал на фермах и посещал школу только зимой. В юности Кристен стал скаутом и гордился этим.

Переломным для профессионального становления будущего психолога оказался возраст 16–17 лет. Он увлекся девушкой, но родители воспротивились продолжению отношений. Это причинило юноше тяжелую травму. Тогда же он заинтересовался философией и психологией, заочно освоил американский курс по психологии и заслужил поощрение от преподавателя. После школы Кристен поступил в педагогический колледж, где встретил будущую жену. Затем, совмещая временные учительские работы с учебой, закончил университет. В 1959 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную сравнительному анализу теорий мотивации, опубликованную и переведенную на несколько иностранных языков, принесшую международную известность.

С 1964 г. до выхода на пенсию в 1989 г. Мадсен работал профессором общей психологии. Был вдохновляющим учителем в психолого-педагогической магистратуре, которую открыл в 1965 г. Читал гостевые лекции в университетах Скандинавии, США, Канады, Японии, Польши и Чехословакии. Был членом редакционных коллегий международных журналов. Избегал административных постов, но сотрудничал с Государственным советом по гуманитарным исследованиям и принимал участие в международном проекте «История наук в XX веке». В своем творчестве испытал влияние философа Йоргена Йоргенсена (Jorgensen, 1894–1969) и упоминавшегося выше историка науки Томаса Куна. Свою книгу [4] К.Б. Мадсен посвятил Генри Мюррею (Murphy, 1893–1988) и Джозефу Ройсу (Royce, 1921–1989).

Систематология была разработана Мадсеном после более чем 30 лет работы, посвященной сравнительным метанаучным исследованиям примерно 50 психологических теорий. В предисловии к монографии [4] Мадсен утверждает, что с ее помощью можно показать, что:

1) Куновская парадигматическая теория может быть применена к истории психологии;

2) можно выделить два «нормальных» периода в развитии психологии (период классической экспериментальной психологии примерно с 1860 по 1900 гг. и период объединенной психологии примерно с 1933 по 1960 гг.) и два «кризисных» периода, приведших к формированию школ (первый период примерно с 1900 по 1933 гг. и второй, начавшийся в 1960 г.) [4, с. 63].

С моей точки зрения, оба утверждения ложны. История психологии может быть описана в терминах синтагмы, но не парадигмы [10].

Слабость результатов, однако, не уменьшает важности предложенной Мадсеном методологии. Его систематологическая таксономия основана на представлении психологической теории как текста, содержащего три уровня дискурса: мета-страта (М), гипотетическая страта (Н) и страта данных (D), где:

– мета-страта содержит мета-тезис, философские утверждения о теоретических предположениях;

– гипотетическая страта содержит гипотезы и объяснительные модели;

– страта данных содержит общие и специфические данные-тезисы (описательные утверждения), а также дескриптивные классификации [4, с. 26].

Мадсен анализирует эти уровни дискурса на основе:

– активности или процесса, продуктом которых являются тезисы (философские размышления, теоретическое мышление, эмпирическое исследование);

- лингвистических категорий, использованных в тезисах;
- цели (или функции) тезисов [4, с. 25].

Как правило, любой психологический текст (эмпирический, обзорный, теоретический, методологический, кейс-стади) содержит все три уровня дискурса и может быть охарактеризован отношением М:Н:Д [4, с. 69].

Мадсен принял тестируемость (testability) в качестве критерия различения научных психологических текстов и ненаучных и предложил количественный инструмент для этой цели – гипотетический коэффициент (Hypothesis Quotient) [4, с. 61]. Он основан на пропорциональном отношении между теоретическими и эмпирическими гипотезами. Чем меньше гипотетический коэффициент, тем более тестируемой является теория.

Мадсен рассчитал гипотетический коэффициент для 36 психологических теорий и обнаружил, что он изменяется от 0.00 (бихевиоральная теория Скиннера) до 2.00 (психоаналитическая теория Фрейда) [4, с. 61]. Этот результат может показаться тривиальным в отличие от следующего. В систематологии не делается различия между «обратной» и «прямой» формулировкой функциональных отношений. Обе они рассматриваются как варианты вероятностной функциональной связи [4, с. 365].

Главным достижением Мадсена, на мой взгляд, является то, что на основе индуктивного анализа существующих психологических теорий он предложил новый количественный подход к истории психологии и проиллюстрировал его конкретными примерами. К сожалению, тестируемость слабо связана с другими важными характеристиками теории и, прежде всего, с ее качеством и полезностью, влиянием на научный прогресс. Очевидно, что многообещающую теорию может быть трудно подтвердить, а тупиковую – легко проверить.

Литература

1. *Kuhn T.S.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 264 p.
2. *Bird A.* Thomas Kuhn. In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition). Ed. E.N. Zalta. [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/thomas-kuhn/>. (дата обращения 12.05.2022).
3. *Lakatos I.* Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In: Can Theories be Refuted? / Ed. S.G. Harding. Dordrecht: Springer, 1976. https://doi.org/10.1007/978-94-010-1863-0_14
4. *Madsen K.B.* A History of Psychology in Metascientific Perspective. Amsterdam: North Holland, 1988. 604 p.
5. *Brandt L.W.* Logic and Psycho-logic of Science // Annals of Theoretical Psychology. Vol. 2. New York: Plenum Press, 1984. P. 203–209.
6. *Murphy R.* Dynamic Assessment, Intelligence and Measurement. New York: John Wiley & Sons, 2011. 292 p.
7. *Watanabe T.* Metascientific Foundations for Pluralism in Psychology // New Ideas in Psychology. 2010. Vol. 28. Issue 2. P. 253–262.
8. *Harding M., Lauridsen P.* K.B. Madsen // Dansk Biografisk Leksikon. [Electronic resource]. URL: https://biografiskeleksikon.lex.dk/K.B._Madsen (Accessed: 7 January 2022) (in Danish).
9. *Madsen K.B.* Selvbioграфи. In: Festschrift udgivet af Københavns Universitet i anledning af universitetets årsfest november 1959. København: Akademisk Forlag, 1959. Pp. 189–190. (In Danish).
10. *Гарбер И.Е.* Социогуманитарная альтернатива естественнонаучной парадигме // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во ИП РАН, 2012. С. 258–277.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

Г.В. Акопов

*Доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии
Самарский государственный социально-педагогический университет
E-mail: akopovg@gmail.com, akopov@pgsga.ru*

В статье рассматривается проблема сознания в контексте современных философских и психологических исследований. Представлены различные точки зрения, связанные

с разными подходами к идентификации сознания. Анализируется решение проблемы единства как самого сознания, так и его объяснений в современной англоязычной философской и психологической литературе. Получившая широкую известность «трудная проблема сознания», ранее обозначавшаяся как «психофизическая проблема», связана, главным образом, с хорошо известным для философов понятием «феноменальное сознание». В то же время, параллельно выделяемое «психологическое сознание» (Д.Чалмерс), отнесено к относительно легким проблемам, более или менее успешно решаемым психологами когнитивной ориентации. Другой корпус текстов, преимущественно англоязычных, связан с множественной идентификацией сознания (Т. Хондерих). В психологии соотносимые с философскими дефинициями сознания вопросы решаются в связи с различными видами и типами сознания. Философская градация уровней сознания (высшего-низшего порядка) ассоциируется с теорией Л.С. Выготского, однако по содержанию она отчетливо не связана с социальной детерминацией. Проблемы функциональной связи или интеграции различных типов сознания (БНД-проблема), по-видимому, инициированная нейронаучными исследованиями, в философском (феноменальном), психологическом (когнитивном) и нейрональном дискурсах номинируется также, как проблема единства сознания (А. Revonsuo, Т. Bayne). В статье обозначена также возможность широкой актуализации проблемы единства сознания не только на индивидуальном уровне, но и в макрогрупповом измерении.

Ключевые слова: проблема сознания, дефиниции сознания, феноменальное сознание, когнитивное сознание, интенциональность, субъективность, репрезентация, языки сознания

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN MODERN PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL DISCOURSES

G.V. Akopov

DSc in Psychology, Head of the Department of General and Social Psychology

Samara State University of Social Sciences and Education

E-mail: akopovgv@gmail.com, akopov@pgsga.ru

The article deals with the problem of consciousness in the context of modern philosophical and psychological research. Various points of view related to different approaches to the identification of consciousness are presented. The solution of the problem of the unity of both consciousness itself and its explanations in modern English-language philosophical and psychological literature is analyzed. The well-known "difficult problem of consciousness", previously designated as a "psychophysical problem", is mainly associated with the well-known concept of "phenomenal consciousness" for philosophers. At the same time, the parallel "psychological consciousness" (D. Chalmers) is attributed to relatively easy problems that are more or less successfully solved by psychologists of cognitive orientation. Another corpus of texts, mainly in English, is associated with multiple identification of consciousness (T. Honderich). In psychology, questions related to philosophical definitions of consciousness are solved in connection with various types of consciousness. The philosophical gradation of the levels of consciousness (higher-lower order) is associated with the theory of L.S. Vygotsky, however, its content is clearly not related to social determination. The problems of functional connection or integration of various types of consciousness (the BND problem), apparently initiated by neuroscientific research, are also nominated in philosophical (phenomenal), psychological (cognitive) and neuronal discourses as the problem of unity of consciousness (A. Revonsuo, T. Bayne). The article also indicates the possibility of a broad actualization of the problem of unity of consciousness not only at the individual level, but also in the macro-group dimension.

Keywords: problem of consciousness, definitions of consciousness, phenomenal consciousness, cognitive consciousness, intentionality, subjectivity, representation, languages of consciousness

Современные представления о сознании определяют широкую палитру философских идей и биологических трактовок, когнитивных теорий и нейросетевых обоснований, социокультурных детерминаций и биоэволюционных подтверждений, а также ряд более узко ориентированных направлений [1; 2; 3 и др.]. Психология традиционно опирается на множество междисциплинарных представлений, однако центральной задачей для нее, как можно предположить, становится так называемая «перспектива от 1-го лица» (достаточно распространенное в работах по сознанию разделение подходов к исследованию), определяющая в полной мере явления субъективности, в то время как объективизация представлений о сознании («перспектива от 3-го лица») все более переходит к естественным наукам. Современный тренд объективизации, т.е. поиска строгих естественно-научных оснований и объяснений явления сознания, упирается в необъяснимость реципрокной и взаимно детерминирующей связи психического (ментального) и физического (в прежней версии – проблема души и тела).

Психофизическая проблема, получившая свое решение в советской психологии с позиций диалектического материализма, в современной англоязычной философской и научной литературе в области науки о сознании (Science of Consciousness) получила статус «трудной» (Hard Problem) и стала камнем преткновения во многих исследованиях сознания [2; 4 и др.]. Неустанные попытки субстанцирования сознания посредством нейрокогнитивных исследований и поиска нейронных коррелятов сознания, при всех позитивных результатах, часть которых находит практическое применение в интерфейсах «мозг-компьютер», а также в программах «искусственного интеллекта», тем не менее, не сближают противоположные точки зрения на природу сознания. Эволюционные и социокультурные подходы позволяют отчасти снять «накал» конфронтационности в решении этой проблемы [3]. Методологическое решение, предложенное М. Велмансом, названо автором дуальным и комплексирует онтологический монизм с бинарной эпистемологией [4].

Постулирование идеальной природы психики основано на методологических положениях диалектического и исторического материализма, что позволяет «снять» дуальность проблемы. Такое решение вполне обоснованно в логике представлений о специфике научных менталитетов и традиционных установок в различных странах [5; 6; 7]. Как считает Ю.М. Лотман, «гетерогенность является исконным свойством человеческого сознания, для механизма которого существенно необходимо наличие хотя бы двух не до конца «взаимопереводимых систем» [8, с. 534]. Следует отметить, что к «взаимопереводимым системам», помимо феноменов культуры, автор относит также ментальные структуры, основанные на языковом сознании, т.е. речевом, а также сенсорно-перцептивном, когнитивном, эмоциональном, поведенческом и других модусах сознания.

Новые дефиниции сознания, в частности, с использованием категорий «квалиа», «интенциональность», «субъективность», «репрезентация», «сознание доступа» (access-consciousness) и др. обусловили возможности монокатегориальной, реже поликатегориальной, т.е. множественной оформленности постановок и соответствующих решений проблемы сознания. В этом контексте отметим работы Т. Honderich'a [9] и R. Gennaro [10]. В первой, с позиций физикализма, отстаивается единство сознания в универсальном варианте фактического (actual consciousness) или «обычного» сознания (ordinary consciousness) [9]. Противоположная версия отстаивается в работе Gennaro, продолжающего линию Д. Розенталя в развитии метапсихологической теории сознания, основанной на идее о «мышлении высшего порядка» (higher – order thought) наряду с явлениями сознания низкого порядка. О высших психических функциях, как известно, писал Л.С. Выготский, рассматривая возникновение и развитие сознания с позиции культурно-исторической психологии. Работа Gennaro основана на положениях репрезентационализма, обновленного проблематикой сознания нового времени. Репрезентационализм, по-нашему мнению, позволяет ответить на вопрос о единой форме множества языков сознания: телесное, сенсорно-перцептивное, когнитивное, аффективное и др. виды сознания, существующие параллельно с речевым сознанием, на который не всегда легко «перевести» содержание иных языков сознания [11; 12]. В отечественных и зарубежных работах по проблеме сознания довольно редко встречается тема различных языков сознания, исключая публикации В.П. Зинченко [13].

Принятие категории «репрезентация» в качестве «центрального понятия когнитивной науки, философии, логики и психологии может дать ключ к тайне сознания» [14]. И в этом случае, как нам представляется, единство сознания обеспечивается монокатегориальной основой репрезентационной теории сознания.

В междисциплинарных комплексных исследованиях, в частности, нейрокогнитивного характера, возникла необходимость интегративного описания процессов возникновения и проявления сознания. В англоязычной литературе в качестве такого понятия используется термин “binding”, не имеющий

аналогов в русскоязычной литературе по проблеме сознания. Не калькируя данный термин, мы далее используем аббревиатуру БНД-проблема, подразумевая процесс, либо механизм обеспечения связности, целостности, интегрированности мозговой (субстантивной) и преднамеренной, т.е. сознательной (идеальной) активности в сенсорной, перцептивной, аффективной, когнитивной и других формах, идентифицируемых исследователями в качестве тех или иных типов и видов сознания. Как пишет А. Revonsuo, некоторые исследователи считают решение БНД-проблемы ключом к решению проблемы сознания, отмечая также различные аспекты БНД-проблемы: комплексированность, интегрированность и единство как целостность [15]. Различные объекты восприятия могут быть не связаны между собой в физическом пространстве, оказываясь объединенными в некоторую целостность в перцептивном сознании индивида. В этом случае БНД-проблема аналогична проблеме единства сознания. Однако БНД-проблема существует и в нейронауке, не в полной мере дающей ответ на вопрос как интегрируется активность огромного числа нейронов, процессов в нейросетях для обеспечения перцепции, мышления и других модусов сознания [15]. В когнитивной науке этот же вопрос интеграции в контексте БНД-проблемы связан с процессами интеграции информации, поступающей от различных сенсорных модулей, независимых друг от друга (цвет, форма, движение и т.д.), а также для функций селективного внимания, принятия решений, воспроизводящей памяти, контроля взаимодействия с окружающей средой, репрезентации объектов и др. [16].

Не дифференцируя проблем БНД и единства сознания, Ревонсуо выделяет локальное и глобальное единства, акцентируя отсутствие объяснения процессов, обеспечивающих единство, главным образом, в отношении феноменального сознания [15].

В связи с понятием феноменального сознания, центральным в философской литературе о сознании и, так называемым «объяснительным пробелом», т.е. невозможностью объяснить возникновение и проявления феноменального сознания, отталкиваясь исключительно от закономерностей физического мира, возникает двойственная система знаний о Мире, нарушая тем самым глобальное единство человеческого знания.

В многоаспектной работе Т. Вауне, посвященной проблеме единства сознания, изначально обсуждается вариативность единства (различные виды) и в качестве основополагающего вида рассматривается «феноменальное единство» сознания, означающее связанность или «объединенность сознания» [17]. Следует отметить, что автор относит себя к тем исследователям сознания, которые не считают необходимым выделять помимо феноменального сознания также «рациональное», т.е. когнитивное (психологическое по Чалмерсу) сознание. Однако, философские определения феноменального сознания представляются не вполне ясными, в частности, в логике его связи с когнитивным сознанием. В глоссарии книги Ревонсуо [1] феноменальное сознание определяется как «базовая форма сознания», состоящая из субъективных переживаний и квалиа, существующая независимо от языка и более высоких когнитивных функций [там же, с. 326]. В свою очередь «квалиа» определяется как «простейшие компоненты феноменального переживания». Термином «переживание» в этих определениях, как правило, обозначается то, что в англоязычной философской и научной литературе по проблеме сознания обозначается термином “experience” (опыт, а в отнесенности к сознанию – ментальный или психический опыт сознания, возможно, осознания). Как отмечает Ревонсуо, все сознательные состояния, согласно репрезентационализму, суть репрезентативные состояния, т.е. «состояния, несущие информацию о внешних объектах или событиях» [там же, с. 217]. Вместе с тем репрезентации могут носить внутренний характер (inner representation), в частности, саморепрезентации (self-representation).

В работе Чалмерса феноменальное сознание противопоставлено психологическому сознанию и, таким образом, проводится непреодолимая граница между философской и психологической идентификацией сознания [2].

Некоторую ясность в определении феноменального сознания можно найти у I. Kriegel [18]. Ссылаясь на N. Block [19], автор констатирует множественность трактовок исходного понятия «сознание»: «феноменальное сознание», «сознание доступа», «аттенционное сознание», «самосознание [18, с. 2]. Заметим, что к этому перечню можно также добавить «пять ведущих идей», определяющих сознание в книге Honderich’a: квалиа, интенциональность, субъективность, «то, на что это похоже» (What it is like) и, конечно, феноменальное сознание [9]. Критически относясь к плюрализму в трактовках сознания, Kriegel считает, что полное описание феноменального сознания должно включать «две основополагающие характеристики сознания: качество ментального опыта и его субъективность» [18, с. 1]. Качественная характеристика связана с репрезентацией внешнего

окружения, а субъективная характеристика сознания определяется репрезентацией субъектом самого себя тем или иным подходящим способом [18, с. 2].

Возвращаясь к работе Вауне, рассматривающего все проявления сознания в категориальном пространстве феноменального сознания, а также вводящего понятие «феноменальное единство», отметим позицию автора в отношении противопоставления сенсорно-перцептивного (как и аффективного) модуса феноменального сознания и мышления (модус когнитивного сознания), которое некоторые теоретики не считают «феноменальным сознанием» как таковым [17, с. 6]. Мышление, согласно этому взгляду, может «сопровождаться различными феноменальными состояниями сознания – внутренняя речь и визуализация того или иного вида», однако отрицается то, что мышление само по себе является модусом феноменального сознания, и что «оно имеет иной или особенный феноменальный характер сравнительно с телесными или перцептивными состояниями» [17, с. 6].

Далее Вауне отмечает, что различие между двумя взглядами на феноменальное сознание важно для определения подходов к единству сознания. Консервативная точка зрения, согласно которой феноменальное сознание и нефеноменальное сознание это два существенно разных вида сознания и в решении вопроса о единстве сознания «нуждается в объяснении единства» не только для каждого из двух видов сознания, но также единства между ними [17, с. 7]. Принимая «либеральную» точку зрения, согласно которой все виды сознания по сути феноменальное сознание, Вауне выделяет в этой логике три типа единства: а) субъективное единство, определяемое отнесенностью ментального опыта к своему «Я» в синхронии и диахронии; б) репрезентативное единство, объединяющее ощущаемые, воспринимаемые, переживаемые, мыслимые и т.д. объекты в одном интенциональном поле»; в) феноменальное единство, связанное, согласно Вауне, со всем объемом проявлений сознания («fully unified») и обозначенное автором понятием «ко-сознание» (co-consciousness) [17, с. 9-10]. По приведенным в книге характеристикам ко-сознание весьма сходно с рефлексией, однако сам Вауне не использует этого понятия, предпочтя ему известную метафору потока сознания.

Несмотря на выше обозначенные различия в философской и психологической трактовках категории сознания, в частности, таких модусов, как феноменальное и психологическое (когнитивное) сознание, отметим высокую прикладную востребованность изысканий, связанных с явлениями сознания. В частности: 1) Проблемы осознанности и единства сознания в жизни человека и сообществ становятся все более актуальной в условиях современных глобальных динамичных изменений в экологии, политике, экономике, здравоохранении, образовании, социальной и культурной сферах во всем мире; 2) Подготовка и принятие управленческих решений на всех уровнях власти и их исполнение предполагает множество согласованных позиций, обусловленных диспозиционными, социально-перцептивными, аффективными, когнитивными и поведенческими характеристиками лиц, готовящих и принимающих решения, а также исполняющих эти решения. Вопросы единства сознания в этом контексте приобретают главенствующее значение; 3) Индивидуальная психологическая жизнь человека состоит из периодической смены привычных, не вполне или не в полной мере осознаваемых форм активности. Нарушения единства сознания, как правило, вызывают когнитивный диссонанс, аффективную амбивалентность, нервные срывы и т.д. Особые или измененные состояния сознания как формы поддержания единства сознания личности в ряде случаев требуют релевантной психологической интерпретации и, возможно, социальной перспективы. Современная наука о сознании представляет обширный материал для соответствующей практической работы; 4) Технологические достижения в изучении мозга и нейронных коррелятов сознания позволяют полагать, что единство сознания человека обеспечивается и достигается не только социальными, социально-психологическими, индивидуально-психологическими факторами, но также нейропсихологическими. Разработка программ искусственного интеллекта, а в постановочном плане – искусственного сознания, определяет необходимость моделирования ситуации единства vs дезинтеграции искусственно стимулируемого и/или поддерживаемого сознания; 5) Категориальный и типологический подходы к постановке и проектированию решений проблемы сознания [20; 21] позволяют выявлять качественные отличия в англоязычных и русскоязычных исследованиях сознания, в том числе, в вопросе единства сознания.

Литература

1. Ревонсуо А. Психология сознания / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2013.
2. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

3. *Whitehead Ch.* The Original of Consciousness in the Social World / Edited by Charles Whitehead. Imprint Academic, UK, USA, 2008.
4. *Velmans M.* How Could Conscious Experiences Affect Brains? // Journal of Consciousness Studies. 2002. Vol.9, № 11. Special Issue. P. 3-29.
5. *Александров Ю.И., Александрова Н.Л.* Комплементарность культуроспецифических типов познания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. № 3. 2010. С. 18-35.
6. *Юревич А.В.* Российская психология в мировом мейнстриме // Вопросы психологии. 2010. №1. С. 3-14.
7. *Holden C.* Russians and Americans gather to talk psychobiology // Science. 1978. 200. Pp. 631-634.
8. *Лотман Ю.М.* Семьюсфера. СПб: Искусство – СПб, 2010.
9. *Honderich T.* Actual Consciousness. Oxford University Press, 2014.
10. *Gennaro R.J.* The Consciousness Paradox. Consciousness, Concepts, and Higher-Order Thoughts. A Bradford Book. Cambr., Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2012
11. *Акопов Г.В.* Неречевые языки сознания: постановка проблемы и возможности ее решения // Ученые записки Института психологии РАН. 2021. Том 1. № 1. С. 23-29.
12. *Акопов Г.В., Белоус А.В.* Внутренняя коммуникация личности: типы сознания и осознания // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2021. Т.1. № 2. С.79-85
13. *Зинченко В.П.* Живое знание. Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 1998.
14. *Dienes Z., Perner J.* Representation problems // The Oxford Companion To Consciousness / Ed. By Tim Bayne, Axel Cleeremans, Patrick Wilken. University Press, 2009. P. 567-571.
15. *Revonsuo A.* Binding problem // The Oxford Companion Consciousness / Ed. By Tim Bayne, Axel Cleeremans, Patrick Wilken. Oxford University Press, 2009. P. 101-105.
16. *Integrated Information Theory* // Journal of Consciousness Studies. 2019. Vol.27. № 11-12.
17. *Bayne T.* The Unity of Consciousness. Oxford University Press, 2012.
18. *Kriegel U.* Subjective Consciousness. A Self- Representational Theory. New York: Oxford University Press, 2011.
19. *Block N.* Confusion about a Function of Consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18, № 2. P.227-247.
20. *Акопов Г.В.* Категория сознания в современной психологии. Самара: Изд-во ООО «Порто-принт», 2019.
21. *Акопов Г.В.* Типология проблем в новом познании сознания // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016 № 2 (86). Апрель-июнь. С. 178-191.

ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ВИДОВ НАУЧНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

С.В. Фролова

*Доктор психологических наук, профессор кафедры консультативной психологии
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: frolovasv71@mail.ru*

В статье намечаются пути решения проблемы систематизации разнообразных видов научного психологического знания с опорой на накопленный опыт анализа его структуры, уровневой организации, факторов развития, взаимодействия традиций и новаций. Предложено выделение основных видов научного психологического знания в зависимости от: 1) содержания производимого компонента в структуре научного знания (научные факты, теории, методы, технология получения знания) – эмпирическое, теоретическое, инструментальное, эпистемологическое знание, 2) степени выраженности новационно-преобразующего потенциала – трансмиссионное, инкрементальное, прогностическое, действенно-преобразующее знание, 3) источника возникновения – реактивное и проактивное психологическое знание. Разработана модель системной организации выделенных видов научного психологического знания. Описаны возможные варианты взаимодействия между тремя классами видов знания, образующие 32 качественно специфических типа научного психологического знания.

Ключевые слова: эмпирическое, теоретическое, инструментальное,

эпистемологическое, трансмиссионное, инкрементальное, прогностическое, действенно-преобразующее, реактивное и проактивное психологическое знание

ISSUE OF SYSTEMATIZATION OF TYPES OF SCIENTIFIC PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE AND WAYS TO SOLVE IT

S.V. Frolova

*DSc in Psychology, Professor of the Department of Counseling Psychology
Saratov State University
E-mail: frolovasv71@mail.ru*

The article proposes possible ways of systematizing various types of scientific psychological knowledge, relying on the analysis of its structure, tier organization, development factors, interplay between traditions and innovations. The author puts forward identification of major types of scientific psychological knowledge depending on: 1) the content of a produced component in the structure of the scientific knowledge (scientific facts, theories, methods, a technology of knowledge acquisition) – empirical, theoretical, instrumental, epistemological knowledge, 2) the degree of manifestation of innovative and transformative potential – transmissive, incremental, prognostic, efficaciously transforming knowledge, 3) the origin – reactive and proactive psychological knowledge. The researcher designed a model of system organization of the types of scientific psychological knowledge under consideration. The author described possible options of interaction between the three classes of the knowledge types that form 32 essentially specific types of scientific psychological knowledge.

Keywords: empirical, theoretical, instrumental, epistemological, трансмиссионное, transmissive, incremental, prognostic, efficaciously transforming, reactive and proactive psychological knowledge

Постоянный рост объема производимого научного психологического знания приводит к тому, что оно перестает восприниматься как нечто единое и целостное и ассоциируется с пестрым «лоскутным одеялом» [1, с. 8]. Это делает все более актуальным эпистемологический анализ научно-психологического знания и решение задач его упорядочивания, структурной организации и понимания путей выстраивания его в целостную систему.

Наряду с тенденциями синтеза [2, с. 10; 3, с. 17], внешней и внутренней интеграции [4] в современном психологическом знании проявляется и особенность изоляционизма [5]. А.Л. Журавлёв и А.В. Юревич на основе историко-эпистемологического рассмотрения пришли к выводу о том, что для психологической науки характерно устойчивое сочетание процессов дифференциации и интеграции [1, с. 6].

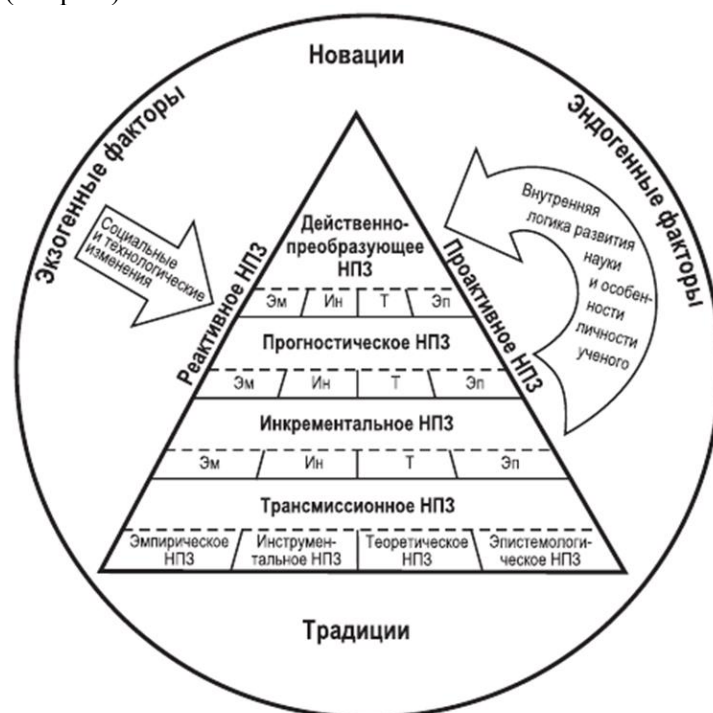
Эффективным способом логической организации совместного действия разнонаправленных процессов дифференциации и интеграции знания является процедура его систематизации и видовой классификации на основе осмысления и описания разнообразных по форме и содержанию критериальных параметров. Для выделения видов научного знания в психологии полезным может являться опыт философского анализа строения и развития науки, осмысления её различных программ и уровней знания, особенностей взаимодействия её традиций и новаций. В качестве оснований для выделения видов и систематизации научного психологического знания нами были предложены три основных параметра: 1) содержание производимого компонента в структуре научного знания, 2) степень выраженности новационно-преобразующего потенциала, 3) источник возникновения психологического знания [6].

В соответствии с производимым структурным компонентом научного знания – научным фактом, теорией, методом, рефлексирующей психотехнологией получения знания – можно выделять эмпирический, теоретический, инструментальный и эпистемологический виды научного психологического знания. Эмпирическое знание служит обнаружению научных фактов; теоретическое – установлению научных законов, объясняющих сущностные связи выявленных фактов об изучаемой психической реальности; инструментальное – разработке способов, методов и технических средств получения знаний и преобразования изучаемой реальности; эпистемологическое – изучению строения, структуры, функционирования, производства, развития и прогнозирования процесса построения психологического знания.

В качестве ещё одного важного критерия для выделения видов научного психологического знания может служить характер и степень выраженности их новационности и способности получения преобразующих социально значимых эффектов. Научное знание рассматривалось М.А. Розовым с соавторами как взаимодействие традиций и новаций [7, с. 66-52]. Многие научные результаты возникают в рамках вполне традиционной работы. Наука не только служит производству знаний, но и является особым механизмом централизованной социальной памяти. Вид научного знания, решающий задачи сохранения, распространения и передачи определённых традиций, принципов и способов организации научной деятельности в сообществе ученых, может называться *трансмиссионным*. Трансмиссионные задачи могут решаться в ряде историко-психологических исследований.

Как отметил М.А. Розов с соавторами, основная масса повседневно производимых знаний в рамках устойчиво существующих научных программ по существу ничего в них не меняет [7, с. 108], а лишь служит увеличению числа подтверждений уже установленных научных фактов. Но именно вполне традиционные процессы повседневного накопления знаний часто приводят к качественным изменениям в научных программах. Данный вид научного знания можно назвать накопительным, или *инкрементальным* (от лат. *incrementum* – рост, увеличение чего-либо посредством очень малых приращений). Пособством инкрементального вида знания психологическая наука может постепенно развиваться, накапливая огромную информацию и опыт решения задач.

Достаточно яркими примерами таких инкрементальных работ являются *репликационные исследования*, представляющие собой повторение, копирование прошлых исследований с целью подтверждения или опровержения выявленных научных фактов, достаточно широко распространенные в современной зарубежной психологии [8, с. 256, 292]. По критерию степени выраженности новационности инкрементальное знание располагается на ступень выше, чем трансмиссионное (см. рис.).

Примечание: НПЗ – научно психологическое знание, Эм – эмпирическое знание, Ин – инструментальное знание, Т – теоретическое знание, Эп – эпистемологическое знание.

Рис. Модель системы основных видов научного психологического знания

Следующая ступень развития новационности в научном производстве связана с завершением целостного процесса или отдельного этапа в построении той или иной области знания, позволяющей использовать полученные результаты для прогнозирования изменений в изучаемой психологической реальности и их последствий для социальной практики. Данный вид знания может быть назван *прогностическим* в связи с теми основными функциями, которые им осуществляются. Прогностическое знание в психологии может быть представлено получением проверенных эмпирических данных о закономерно проявляющихся связях между изучаемыми психологическими явлениями, созданием новых надежных и валидных психодиагностических комплексов, разработкой

теоретических моделей и практических программ прогнозирования развития микро-, меза- и макро-психологических явлений, построением прогнозов для развития научного знания. Успешное решение прогностических задач является достаточно сложным процессом, поскольку практически любые психологические и социально-психологические явления полидетерминированы.

Наиболее высоким уровнем использования новационного потенциала обладает *преобразующее*, или *действенно-преобразующее*, психологическое знание, способное создавать теоретические, методологические, эмпирические и инструментальные основания для преобразования отдельных психологических и социально-психологических процессов и состояний с целью разрешения актуальных и социально значимых проблем. Понятие действенно-преобразующего знания использовал в своей теории этапов развития научно-психологического знания Я.А. Пономарёв [9].

Действенно-преобразующее психологическое знание, находясь на самой высокой ступени развития новационного потенциала, способного запускать изменения, служащие решению актуальных практических задач, сталкивается с рядом особых требований к его производству. Формирование такого знания сталкивается со сложными этическими, мировоззренческими, ценностными вопросами, а также проблемами, касающимися социальных ожиданий и запросов. Трудности производства действенно-преобразующего научного продукта могут отражаться в наименьшем объеме его представленности в системе всего разнообразия видов знания в психологии (см. рис.1).

Ещё одним важным критерием для выделения видов научного психологического знания может являться источник, или причина, их возникновения. По критерию источника, или причины, возникновения можно выделить реактивное (способное реагировать и откликаться на ситуационно возникающие в обществе проблемы) и проактивное психологическое знание.

Процесс разработки научного знания, построения замысла для проведения исследования может запускаться внешними – экзогенными, или внутренними – эндогенными, факторами. К *внешним* факторам развития психологии традиционно относится социальная ситуация развития науки [2, с. 12]. Реактивное психологическое знание может возникать, например, в ответ на резко возникающие технологические и социальные изменения (например, пандемия коронавируса в 2020 г.), существенно меняющие характер жизни общества и личности.

К *внутренним* факторам инициации процесса разработки психологического знания может быть отнесена внутренняя логика развития науки [2, с. 14], определяемая актуальным проблемным полем, изменением предмета, методов и парадигмальными трансформациями [10]. Внутренними детерминантами развития знания могут становиться свойства и состояния индивидуальных и групповых субъектов научной деятельности. Научное знание, построение которого инициируется его внутренними факторами, может быть названо *проактивным*. Понятие проактивности отражает представление о свободной независимой воле субъекта. Проактивность может становиться важнейшим потенциалом в разработке и реализации долгосрочных стратегий производства нового научного знания.

Виды трех выделенных классов научного психологического знания взаимосвязаны между собой и организуются в единую систему, в которой выполняют свои уникальные и ничем незаменимые функции для существования и развития целостного знания.

В результате сочетания выраженности новационного потенциала и производимого структурного компонента научного знания образуются 16 типов научно-психологического знания: трансмиссионно-эмпирическое, трансмиссионно-инструментальное, трансмиссионно-теоретическое, трансмиссионно-эпистемологическое, инкрементально-эмпирическое и т.д. (см. рис). Каждый из этих 16 типов может быть дополнен характеристиками реактивности / проактивности в процессе получения знания, в результате чего число выделяемых типов научно-психологического знания возрастает до 32.

Процедуры систематизации и видовой классификации психологического знания способствуют преодолению проблем неупорядоченности, мозаичности, раздробленности в его восприятии, решению задач его структурной, целостной организации и главное – поиску и пониманию сущностной, смысловой направленности его развития. Предложенная модель систематизации видов научного психологического знания может быть полезна в качестве инструмента для мониторинга его актуального состояния с целью определения и осмысления зон его дефицитности и ресурсности, ближайшего и долгосрочного развития.

Литература

1. Журавлёв А.Л., Юревич А.В. Вместо введения: Основные типы тенденций развития психологии // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 5–8.
2. Марцинковская Т.Д. История психологии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002.
3. Смит Н. Современные системы психологии / Пер. с англ. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК., 2003.
4. Бэрн Р., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология: ключевые идеи. СПб.: Питер, 2003.
5. Мироненко И.А. Интегративные и изоляционистские тенденции в современной российской психологии: истоки и перспективы // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 196–219.
6. Фролова С.В. Проблема систематизации и мониторинга видов научного психологического знания // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 42–64.
7. Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: учеб. пособие для вузов. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.
8. Фролова С.В. Актуальное проблемное поле и перспективы психологии в публикациях одного года // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 242–296.
9. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983. 206 с.
10. Журавлёв А.Л., Купрейченко А.Б. Парадигмальные изменения в психологических исследованиях личности и группы // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 217–239.

ПРОЕКТ ДУХОВНОЙ ПСИХОЛОГИИ С.Л. ФРАНКА: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ОРДЕРНОГО ПОДХОДА

Л.Н. Аксеновская

*Доктор психологических наук, декан факультета психологии
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: Liudmila_aksenovskaya@mail.ru*

Обсуждается актуальность развития идей духовной психологии С.Л. Франка в условиях трансформации ценностных оснований российского общества. Выделены две составляющие духовной психологии Франка – преимущественно социально-психологическая (анализирующая путь духовного восхождения личности и общества в контексте исторических катаклизмов начала XX века) и философско-психологическая (анализирующая психологическую природу феномена духовности). Подчеркивается идея Франка о нравственном сознании как форме объективации духа и значимость предложенного им метода научного самоанализа. Показана связь ордерного подхода к социально-психологическому изучению феномена культуры с духовной психологией С.Л. Франка. В ордерном подходе культура определяется как этикодетерминированный сложный порядок, исследования которого оказываются одним из ключей к изучению духовной сущности культуральных явлений. Новым объектом эмпирических исследований в рамках ордерного подхода, согласно Франку, становится нравственный идеал. Объектом духовной психологии может стать духовная психика человека и ее активность в историческом развитии российского общества. Делается вывод об актуальности духовно-психологической парадигмы в современной психологической науке.

Ключевые слова: духовная психология, Франк, ордерный подход, этические смыслы, нравственный идеал

S.L. FRANK'S SPIRITUAL PSYCHOLOGY PROJECT: PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION AND DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE ORDER APPROACH

L.N. Aksenovskaya

*DSc in Psychological Sciences, Dean of the Faculty of Psychology
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky
E-mail: Liudmila_aksenovskaya@mail.ru*

The relevance of the development of the ideas of S.L. Frank's spiritual psychology in the context of the transformation of the value foundations of Russian society is discussed. Two components of Frank's spiritual psychology are identified – mainly socio-psychological (analyzing the path of spiritual ascent of the individual and society in the context of historical cataclysms of the early twentieth century) and philosophical-psychological (analyzing the psychological nature of the phenomenon of spirituality). Frank's idea of moral consciousness as a form of objectification of the spirit and the significance of his proposed method of scientific introspection are emphasized. The connection of the order approach to the socio-psychological study of the phenomenon of culture with the spiritual psychology of S.L. Frank is shown. In the order approach, culture is defined as an ethically determined complex order, the research of which turns out to be one of the keys to the study of the spiritual essence of cultural phenomena. According to Frank, the moral ideal becomes a new object of empirical research within the framework of the order approach. The object of spiritual psychology can be the spiritual psyche of a person and its activity in the historical development of Russian society. The conclusion is made about the relevance of the spiritual-psychological paradigm in modern psychological science.

Keywords: spiritual psychology, Frank, order approach, ethical meanings, moral ideal

Возвращение в российскую психологию в 90-е годы XX столетия философско-психологического наследия С.Л. Франка привлекло внимание и к его «проекту духовной психологии». Духовная психология С.Л. Франка, рожденная в катаклизмах начала XX века – как общественных, так и личных для ее автора, – в наше время обретает особую актуальность, поскольку, *во-первых*, российское общество в последние десятилетия вновь проходит трудный путь жестких кризисов и трансформаций. В существенных чертах повторяются условия, в которых рождалась духовная психология. Тогда Франк предпринял философско-психологический анализ накопленного духовного опыта поколений с целью объяснения причин социально-политических потрясений и выработки мировоззренческих оснований для стабильного существования и развития как российского общества в целом, так и для отдельного человека. Сегодня существует объективная потребность в научном осмыслении опыта, накопленного в нашей стране в период ее истории, неохваченный анализом С.Л. Франка. *Во-вторых*, метод, используемый Франком в своих работах (например, «Крушение кумиров» [1]), является образцом применения заявленного им для своей духовной психологии метода «научного самоанализа» и является демонстрацией того, как жизненный и духовный путь исследователя становится анализируемым «кейсом». Анализ осуществляется в логике постпозитивизма и приводит к выводам, в которых сливаются воедино теоретические результаты и результаты личных поисков смысла жизни автора.

В духовной психологии Франка можно выделить две части: первая часть – это хорошо отрефлексированная история восхождения мыслящей личности от материалистического миропонимания к духовно-религиозному миропониманию путем проживания наиболее влиятельных идей/идеалов («кумиров») своей эпохи и последовательного отказа от них. Эта часть духовной психологии является своего рода социальной психологией духовной личности, которая формирует модель человека как «образа Божьего». Ее завершает концепция «сверхиндивидуальной души», которую в контексте социальной психологии можно связать с группой различной размерности. Вторая часть посвящена философии и психологии феномена духа, духовности. Социально-психологический аспект этого явления Франк связывает с нравственным сознанием общества и человека, через которое дух репрезентирует себя.

Разрабатываемый нами ордерный подход к социально-психологическому изучению культуры [2] восприимчив к некоторым идеям С.Л. Франка о природе духовности. В частности, в ордерном подходе культура понимается в широком смысле слова как этико-детерминированный порядок. Это понимание акцентирует связь культуры и духовности, ибо у Франка в этическом компоненте объективируется

духовное начало. Эмпирические исследования этического ядра культуры осуществляются на уровне этико-смысловых подсистем смысловой системы культуры. Однако дробление этико-смысловых подсистем до отдельных этических смыслов не позволяет увидеть в них действие «духа». Индуктивный способ исследования имеет свои ограничения. Дедуктивное движение от Целого к части ставит в качестве первоочередного вопрос о природе духа (свет? энергия? мыслящая энергия?) и природе духовности как атрибута культурного человека (результат аккультурации и социализации?) и духовности как атрибута общества.

Развитие российской духовной психологии может идти разными путями. В том числе, и тем, который предложил С.Л. Франк, - от религиозного идеала (в его случае – православного). В рамках ордерного подхода духовная психология развивается скорее всего путем сотворения «кумира» нравственного идеала (если пользоваться терминологией Франка). Однако речь не идет о «сотворении» и тем более о «кумире»: необходимо исследовать собственные тенденции российского общества и характерные для него образы «нравственного идеала». В иерархии выявленных идеалов религиозный уровень, очевидно, будет самым высоким, являясь своего рода мета-позицией и мета-нарративом для интегрирующих интерпретаций содержания других уровней иерархии.

Предметом духовной психологии могут быть как духовная психика человека, так и духовный исторический опыт России, анализ которого начал Франк. В перспективе будет интересен сравнительный анализ с духовным опытом разных стран и выявление универсальных закономерностей. Бинарная оппозиция «материализм - идеализм» в рамках методологии духовной психологии естественнее и продуктивнее всего проявит себя в применении методологического принципа отказа от конфликта бинарных оппозиций. Развитие духовной психологии позволит сделать шаг в постижении духовности как одного из самых необъяснимых явлений («непостижимое» по Франку); социально-психологическое изучение истории духовного пути конкретного общества даст возможность фиксировать исторические уроки и закономерности действия духа в историческом плане.

Существует необходимость духовно-психологической парадигмы в научной психологии, которая будет включать в себя разные теории, подходы, в том числе ордерный подход. В перспективе разные линии исследования феномена духовности смогут интегрироваться и выводить исследователей на продуктивные концепции.

Литература

1. Франк С.Л. Крушение кумиров. Сочинения. М., 1990. С. 111- 180.
2. Аксеновская Л.Н. Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии. Саратов, 2005. 348 с.

ПРОТИВОРЕЧИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

А.В. Сидоренков

Доктор психологических наук, профессор

Южный федеральный университет

E-mail: avsidorenkov@sfedu.ru

Следуя идеям диалектики, предметные противоречия понимаются как универсальный источник активности и самоизменения личности. Философское осмысление предметных противоречий необходимо дополнить их психологической интерпретацией, что позволит расширить представления о них. В статье описано несколько аспектов проявления противоречий во внутриличностной сфере в зависимости от их взаимодействующих сторон и связей. Разные противоречия относятся либо к имеющимся и новым представлениям (образам) индивида, либо к его потребностям и возможностям, либо к требованиям деятельности, ситуации и возможностям, потребностям индивида, либо к его отношениям с другими людьми или группами.

Ключевые слова: личность, противоречия, связи, представления, переживания

CONTRADICTIONS: PSYCHOLOGICAL MEANING

A.V. Sidorenkov

DSc in Philosophy, professor

Southern Federal University

E-mail: avsidorenkov@sfedu.ru

Contradictions are a universal source of activity and self-change of personality. Philosophical understanding of contradictions must be supplemented with their psychological inter-pretation, which will expand the understanding of them. The article describes several aspects of in-trapersonal contradictions, which are based on their certain sides and connections (internal and/or external). Contradictions are associated either with the existing and new ideas (images) of the individual, or with his needs and capabilities, or with the activity (situation) and capabilities (needs) of the individual, or with his relations with other people or groups.

Keywords: personality, contradictions, connections, representation, experiences

Категория противоречия развивается в диалектике как философской теории и методологии научного познания, в которой центральным законом является борьба и единство противоположностей. В философском значении предметное противоречие понимается как взаимодействие противоположностей (сторон, свойств объекта), обуславливающих и отрицающих друг друга [1]. Это значит, что объект может взаимодействовать не только с другим объектом, но также с собой. Следовательно, объекты содержат в себе внутреннюю противоположность, а потому они самопротиворечивы, что является источником их самодвижения и саморазвития. Такое понимание противоречия является избыточно общим, которого недостаточно для операционализации и верификации противоречий в психологических исследованиях.

В психологии противоречия рассматривают в контексте движущих сил психического развития [2], типов противоречий личности [3] и группы [4], когнитивных процессов [5] и др. Одним из основополагающих вопросов является определение психологической сути противоречий личности. А именно: противоречия проявляются во внутреннем, субъективном плане индивида. В качестве взаимодействующих сторон в противоречии индивида выступают его потребности и образы (представления, идеи) относительно чего-то / кого-то (персональных целей, внешних событий, выполняемой деятельности, намерений другого человека и др.). Противоречие обусловлено восприятием индивидом несоответствия или противоположности между этими сторонами. Противоречие актуализируется тогда, когда воспринимаемая индивидом связь и одновременно несоответствие этих сторон имеет для него личностную значимость.

Мы можем предложить несколько ракурсов понимания противоречий в зависимости от того, что рассматривать в качестве их взаимодействующих сторон и связей, лежащих в их основе:

1. Когнитивно-центрированные противоречия: ощущение и переживание индивидом связи между некоторыми представлениями (образами, идеями), отнесенными к одному и тому же объекту (предмету), и одновременно восприятие им несоответствия или радикального отличия между этими представлениями (образами, идеями).

2. Потребностно-центрированные противоречия:

- ощущение и переживание индивидом несовместимости и недостижимости одновременно нескольких актуальных желаний;

- ощущение и переживание индивидом несовместимости разных последствий (как позитивных и негативных) планируемой или совершенной реализации некоторого актуального желания;

- ощущение и переживание индивидом связи между актуальным желанием и отсутствием представления о релевантном предмете этого желания;

- ощущение и переживание индивидом несоответствия между актуальным желанием и оцениваемой им низкой возможностью по овладению предметом (достижению статуса, материального достатка и др.), релевантного этому желанию.

3. Деятельностно-центрированные противоречия: ощущение и переживание индивидом связи с выполняемой деятельностью (ее условиями), с одной стороны, и восприятие несоответствия между своими желаниями, возможностями и содержанием этой деятельности (ее условий) – с другой.

4. Интерактивно-центрированные противоречия: ощущение и переживание индивидом связи (например, личностной, профессиональной) с другим индивидуальным или коллективным субъектом,

с одной стороны, и восприятие несоответствия, отличия или несовместимости с ним по каким-то важным признакам (например, интересам) – с другой.

Возникновение и развитие одного и того же противоречия может происходить по разным основаниям. Каждое противоречие может иметь разное содержание в зависимости от персональных характеристик индивида и внешнего контекста. Кроме того, многие противоречия могут быть определенные разновидности, например, интерактивно-центрированные противоречия в связи «индивид–индивид» [4].

Представление о психологическом значении противоречий создает фундамент для изучения насущных вопросов, таких как основные эффекты противоречий, проявление противоречий во внутреннем психическом и внешнем предметном плане, динамика противоречий и ее влияние на процессы интеграции и дезинтеграции во внутренних и внешних связях личности и др. Изучение таких вопросов будет способствовать более глубокому пониманию поведения и развития личности и группы.

Литература

1. *Вяккерев Ф.Ф.* Предметное противоречие и его теоретический «образ» // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. С. 59-77.
2. *Ломов Б.В.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
3. *Запорожец А.В.* Избранные психологические труды: В 2-х т. Т.1. М.: Педагогика, 1986.
4. *Сидоренков А.В., Шититько О.Ю.* Внутригрупповые противоречия, конфликты и эффективность групп в организации: монография. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2017.
5. *Спиридонов В.Ф., Логинов Н.И., Мухутдинова А.О., Лифанова С.С.* Противоречие в структуре репрезентации задачи как условие возникновения инсайта // Психологический журнал. 2016. Т.37, №1. С. 61-68.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ**

Н.А. Акимова

*Кандидат философских наук, доцент
Саратовский государственный медицинский университет
им. В.И. Разумовского Минздрава России
E-mail: not@bk.ru*

С.А. Киреева

*Кандидат социологических наук, доцент
Саратовский государственный медицинский университет
им. В.И. Разумовского Минздрава России
E-mail: kireeva.sa@bk.ru*

В данной работе проводится анализ проблем адаптации представителей старшей возрастной группы к кризисным и чрезвычайным ситуациям. Понимание уникального опыта пожилых людей во время пандемии может способствовать разработке адекватной политики и мер по защите пожилого населения от рисков пандемии Covid-19 со стороны институтов общественного здравоохранения и представителей органов государственной власти. Необходимость анализа механизмов адаптации пожилых людей к введенным ограничительным мерам в ситуации распространения коронавирусной инфекции, позволит оценить социальные, психологические и экономические последствия и то, каким образом они сказались на качестве жизни пожилого населения в России. Данные, относящиеся к потребностям пожилых людей в контексте современной ситуации имеют важное значение не только для исследователей в области социологии медицины и геронтологии, но могут быть полезны для принятия административных решений.

Ключевые слова: пожилое население, адаптация, коронавирусная инфекция, качество жизни, коронофобия

**ACTUALIZATION OF THE ELDERLY POPULATION ADAPTATION PROBLEM
IN A PANDEMIC SITUATION**

N.A. Akimova

*PhD in Philosophy, Associate Professor
Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky
E-mail: not@bk.ru*

S.A. Kireeva

*PhD in Sociology, Associate Professor
Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky
E-mail: kireeva.sa@bk.ru*

This paper analyzes of the elderly population adaptation problem in to crisis and emergency situations. Understanding the unique experience of older people during a pandemic can contribute to the development of adequate policies and measures to protect the elderly population from the risks of the Covid-19 pandemic by public health institutions and government officials. The need to analyze the mechanisms of older people adaptation to the introduced restrictive measures in the situation of the coronavirus infection spread – will allow us to assess the social, psychological

and economic consequences and how they affected the quality of the elderly population life in Russia. Data relating to the older people needs in the current situation context are important not only for researchers in the field of medicine sociology and gerontology, but can be useful for making administrative decisions.

Keywords: elderly population, adaptation, coronavirus infection, quality of life, coronaphobia.

Изоляция и защитные меры, введенные после начала пандемии Covid-19 правительствами разных стран усугубили проблемы, ранее имевшиеся у пожилых людей, такие как одиночество, дискриминация по возрасту и чрезмерное беспокойство. Физическое дистанцирование неизбежно ведет к некоторой степени социальной изоляции, что оказывает серьезное негативное влияние на психическое здоровье, повседневную деятельность и способствует снижению качества жизни пожилых людей. Пандемия COVID-19 может также усилить дискриминацию по возрасту, отрицательно сказавшись на доступе к информации, медицинским услугам и другим социальным благам.

Пожилые люди испытают более серьезные негативные последствия, связанные с пандемией COVID-19, учитывая их повышенную изоляцию и риск осложнений хронических заболеваний, что неизменно образом влияет на качество их жизни. Анализ влияния таких факторов как самоизоляция, снижение физической активности, коронофобия, падение доходов, ограничение доступа к медицинским услугам, качественным продуктам питания, возрастание роли онлайн коммуникации и новых информационных технологий в жизни пожилых людей имеет практическую значимость для понимания избираемых способов адаптироваться к сложившейся пандемической ситуации представителями данной возрастной группы. Ситуация пандемии способствует не только тому, что пожилые люди подвержены более высокому риску заражения, опасности для физического и психического здоровья, но и влиянию потенциально негативных последствий в экономической и социальной сферах жизни (эйджизм, потеря дохода, социальная изоляция). Существующие в этой области эмпирические исследования носят локальный характер и в полной мере не отражают сложившуюся в обществе ситуацию в отношении образа жизни и состояния различных социальных групп в период пандемии.

В период пандемии COVID-19 пожилое население старше 65 лет стало считаться группой риска. Во всем мире возросла обеспокоенность по поводу физического и психического здоровья пожилых людей в связи с наложенными на них ограничениями и изоляцией. Всемирная организация здравоохранения, прогнозируя развитие ситуации, отмечает, что воздействие пандемии на психическое и психосоциальное благополучие уязвимых групп населения, таких как пожилые люди, будет длиться продолжительное время и иметь серьезные последствия [1]. В аналитической записке ООН отмечается [2], что если не будут предприняты соответствующие меры, то пандемия может привести к серьезному кризису психического здоровья, особенно для определенных групп населения, таких как пожилые люди.

Коронавирус оказал существенное воздействие на систему социального обслуживания и ухода, как формального (государственного и частного), так и неформального (частные сиделки, родственники). Пожилые люди, которым нужен уход, независимо от места проживания имеют более слабое состояние здоровья, множество хронических заболеваний и зависят от помощи других лиц, которые не обязательно живут вместе с ними и, соответственно, могут выступать источником распространения коронавируса. Введенный режим самоизоляции ограничил возможность оказания услуг по уходу со стороны раздельно проживающих родственников и соседей. Согласно данным сотрудников НИУ ВШЭ, несмотря на усилия волонтерских организаций и социальных служб, на сегодняшний день достаточно сложно оценить влияние коронавируса и режима самоизоляции на состояние здоровья, риски инфицирования и общее качество жизни тех пожилых людей, которые получают помощь на дому [3].

Негативная реакция на введенные правительством ограничения молодого работающего населения, подпитываемая средствами массовой информации, связана с распространившимся в обществе мнением, что пандемия в значительной степени является «проблемой» пожилых людей. Данный факт может способствовать усилению эйджизма и дискриминации пожилых людей в обществе. Таким образом ситуация пандемия поставила новые проблемы перед научным сообществом и актуализировала развитие фундаментальных и прикладных исследований в области изучения социальной геронтологии.

Несмотря на то, что пандемия COVID-19 затронула все человечество, в зарубежной научно-исследовательской литературе уже насчитывается немало исследований посвященных физическому,

а также социальному и психологическому воздействию пандемической ситуации на пожилых людей. В большинстве стран пожилые люди принудительно или добровольно вынуждены были изолироваться дома. Это отразилось не только на их социальном и психологическом состоянии, но и на физических возможностях. Результаты проведенных во многих странах исследований, оценивающих негативное влияние COVID-19 на пожилых людей, обращают внимание на анализ таких параметров как физическое состояние, качество жизни, уровень физической активности, доступность безопасного и диетического питания, витамина D, удовлетворенность жизнью. Кроме того, некоторые исследователи отмечали, что существенно возрос риск падений, депрессивных синдромов, обострения хронических болезней, проблем со сном, коронофобии и вторичных заболеваний.

Ученые отмечают, что физическое состояние пожилых людей ухудшается по мере того, как им приходится все дольше оставаться дома. В ряде исследований подчеркивалось, что пожилым людям необходимо выполнять упражнения для поддержания своего физического состояния [4; 5].

Основным предметом множества исследований стало усиление у пожилых людей симптомов депрессии. Усугубление депрессивного состояния связывается с недостаточной физической активностью, оказывающей значительно воздействие на психическое здоровье пожилых людей [6]. Исследователи отмечают, что ухудшение физического состояния и психического здоровья закономерно привело к снижению качества жизни пожилых людей [7].

Кроме того, во время пандемии обострились такие проблемы как социальная несправедливость и неравенство. Трудности с доступом к средствам гигиены, с обеспечением продуктами питания и финансовое неравенство выявили дистанцию между пожилыми людьми и другими возрастными группами [8].

Отсутствие возможности поехать в больницу, недостаточная медицинская поддержка, финансовые проблемы, коронофобия и депрессивные мысли изменили отношение пожилых людей к боли. Например, пациенты, нуждающиеся в физиотерапии, были вынуждены прервать свое лечение в период введения ограничений. В исследовании, проведенном с участием пациентов с болезнью Паркинсона, было обнаружено, что у пациентов, прервавших физиотерапию, усилилась депрессия [9].

Целый ряд исследований был посвящен такому негативному последствию ухудшения психического состояния и нарастания коронофобии как проблемы со сном. Так, согласно онлайн-опросу с участием 700 человек у людей, находящихся в изоляции, по сравнению с работающими усиливается бессонница. Также было обнаружено, что уровень коронофобии был выше у тех пожилых людей, которые вынуждены оставаться дома. [10]. Поскольку у пожилых людей в период пандемии значительно снизился уровень физической активности, это приводило к увеличению риска возникновения вторичных заболеваний [7; 11]. Подобные изменения образа жизни наносят серьезных вред социальному, физическому и психологическому благополучию пожилых людей.

В российской научной литературе пока существует незначительное число исследований, посвященных влиянию пандемии COVID-19 на образ жизни пожилых людей. Так, можно отметить исследования, проводимые в г. Санкт-Петербург, где посредством качественного социологического исследования (интервью) делается вывод об основных отрицательных и положительных моментах, связанных с короновирусной инфекцией у представителей позднего возраста. Так, отмечается, что «наиболее тяжело и критично информанты воспринимали необходимость изоляции в пределах квартирах, и невозможность совершать прогулки, поддерживать живое общение, недостаток проверенной и надежной информации» [12; 13].

Многие пожилые люди испытывали трудности, связанные с медицинским обслуживанием (плановые операции, стоматологические процедуры, получение лекарств). Согласно исследованию О.А. Парфеновой были также выявлены некоторые положительные моменты, отмеченные пожилыми информантами, например – взаимоотношения с родственниками, увеличение объемов помощи от волонтеров, а также «освоение мобильных устройств и онлайн способов общения» [12].

Результаты существующих исследований достаточно неоднозначны: во-первых, это объясняется их проведением на ранних этапах пандемии, когда мировые правительства по-разному отреагировали на сложившуюся ситуацию; во-вторых, отсутствием на момент исследований статистической информации по уровню заболеваемости и смертности среди пожилого населения. При этом важное значение имеет исследование правового поля, сложившегося в результате принятия нормативно-правовых документов и введения административных мер, а также их роли для снижения рискогенности и негативного влияния последствий пандемии.

Таким образом, существует актуальная задача комплексного исследования необходимости адекватной изоляции и защитных мер в отношении пожилого населения. Следует учитывать индивидуальные, организационные и институциональные стратегии для обеспечения поддержания

пожилыми людьми социальных контактов, сохранения семейных уз и способности оказывать или получать помощь во время пандемии. При этом основное внимание необходимо уделять конкретным потребностям пожилых людей, подвергающихся повышенному риску. Изучая механизмы адаптации пожилых людей к новой для них кризисной ситуации и анализируя их опыт, можно сделать выводы об устойчивых реакциях на социальные, психологические, экономические последствия пандемии.

Литература

1. Health care considerations for older people during COVID-19 pandemic [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/publications-and-technical-guidance/vulnerable-populations/health-care-considerations-for-older-people-during-covid-19-pandemic> (дата обращения 17.02.2022).
2. COVID-19 and the Need for Action on Mental Health [Электронный ресурс]. URL: <https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-05/UN-Policy-Brief-COVID-19-and-mental-health.pdf> (дата обращения 17.02.2022).
3. COVID-19 и смертность в домах престарелых в мире и в России // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире от 14 мая 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/368505085.pdf> (дата обращения 25.02.2022).
4. Killgore W.D.S. et al. Loneliness during the first half-year of COVID-19 Lockdowns // *Psychiatry Res.* 2020. № 294. P. 113551.
5. Karos K. et al. The social threats of COVID-19 for people with chronic pain // *Pain.* 2020. №161. P. 2229–2235.
6. Machado C.L.F. et al. COVID-19 pandemic is an urgent time for older people to practice resistance exercise at home // *Exp Gerontol.* 2020. 141:111101
7. De La Cámara M.Á. et al. Falls in older adults: The new pandemic in the post COVID-19 // *Med Hypotheses.* 2020. № 145. P. 110321.
8. Schirinzi T. et al. Physical activity changes and correlate effects in patients with Parkinson's disease during COVID-19 lockdown. *Mov Disord Clin Pract.* 2020. № 7. P. 797–802.
9. Malek Rivan N.F. et al. The impact of poor nutrient intakes and food insecurity on the psychological distress among community-dwelling middle-aged and older adults during the COVID-19 pandemic. *Nutrients.* 2021. № 13. P. 353.
10. Martinez-Ferran M. Et al. Metabolic Impacts of confinement during the COVID-19 pandemic due to modified diet and physical activity habits. *Nutrients.* 2020. № 12. P. 1549.
11. McArthur C. et al. Evaluating the Effect of COVID-19 Pandemic Lockdown on Long-Term Care Residents' Mental Health: A Data-Driven Approach in New Brunswick. *J Am Med Dir Assoc.* 2021. № 22. P. 187–192.
12. Парфенова О.А. Самоизоляция пожилых в городе во время пандемии COVID-19 (на примере Санкт-Петербурга) // *Успехи геронтологии.* 2020. Т. 33. № 6. С. 1027–1031.
13. Евсеева Я.В. Пожилые люди во время пандемии COVID-19 (Обзор) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал.* 2021. С. 75–92.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ В МЕДИЦИНЕ

Е.А. Андриянова

*Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, гуманитарных наук и психологии
Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского
E-mail: elena-andriyanova@yandex.ru*

Е.В. Чернышкова

*Доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков
Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского
E-mail: chervy@mail.ru*

Экспертиза понимается как один из фундаментальных способов встраивания в практику научного проекта. В XX веке происходит институционализация экспертизы – она превращается в институт-посредник, подтверждающий легитимность действий других институтов в спорных случаях и опирается на установку следовать принятым стандартам научной деятельности в деятельности социальной. Типичными примерами институционализации экспертизы в медицине являются судебная и военно-врачебная и экспертиза качества медицинской помощи. К современным принципам государственной судебно-экспертной деятельности относятся независимость эксперта, объективность, всесторонность и полнота исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. В отечественной практике военно-врачебная экспертиза проводится в мирное и военное время в целях определения категории годности граждан Российской Федерации по состоянию здоровья к военной службе, службе в органах, а также для установления связи полученных гражданами увечий различной тяжести, заболеваний с прохождением ими военной службы. Введение в России системы обязательного медицинского страхования актуализировало вопрос формирования института специалистов, профессиональная деятельность которых сосредоточена на экспертизе качества медицинской помощи.

Ключевые слова: экспертиза, судебная экспертиза, военно-врачебная экспертиза, экспертиза качества медицинской помощи, институционализация

INSTITUTIONALIZATION OF EXPERT KNOWLEDGE IN MEDICINE

E.A. Andriyanova

DSc in Sociology, Professor,

Head of the Department of Philosophy, Humanities and Psychology

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky

E-mail: elena-andriyanova@yandex.ru

E.V. Chernyshkova

DSc in Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky

E-mail: chervy@mail.ru

Expertise is understood as one of the fundamental ways of integrating a scientific project into practice. In the 20th century, institutionalization of expertise takes place, it turns into an intermediary institution confirming legitimacy of other institutions actions in controversial cases and relies on installation to follow accepted standards of scientific activity in social activity. Typical examples of expertise institutionalization in medicine are forensic and military medical expertise and expertise of medical care quality. Modern principles of state forensic activity include independence of an expert, objectivity, comprehensiveness and completeness of research conducted using modern achievements in science and technology. In domestic practice, a military medical examination is carried out in peacetime and wartime in order to determine category of fitness of citizens of the Russian Federation for health reasons for military service, service in the authorities, as well as to establish a connection between injuries of varying severity and diseases received by citizens with their military service. Introduction of a compulsory medical insurance system in Russia has actualized the issue of formation of an institution of specialists whose professional activities are focused on examining quality of medical care.

Keywords: expertise, forensic expertise, military medical expertise, expertise of medical care quality, institutionalization

Экспертиза в любой сфере практики в традиционном ее понимании тесно связана с наукой, а также с идеей специализации и с высоким статусом специалиста в индустриальном обществе. В Словаре иностранных слов само слово «экспертиза» объясняется как «исследование какого-либо вопроса, требующего специальных знаний, с представлением мотивированного заключения» [1, с. 799].

Примерно с XIX века единственно легитимным представителем истины становится именно ученый, который выполняет в обществе роль эксперта от науки. Экспертиза – один из

фундаментальных способов встраивания в ту или иную область сущего научного проекта. Экспертиза входит в существо науки Нового времени, а вместе с тем и в структуру самой модернити, полагающей себя современностью: через экспертизу субъект, получает возможность предписывать ходу линейной временности, заменившей круговорот вечности, свои правила и нормы. Однако характерная для модернити связь капитализма, технологии и науки приводит к тому, что экспертом становится тот, кто получил базу теоретических знаний и применяющий ее на практике. Экспертом становится ученый. Такое развитие событий усиливалось возрастающей специализацией науки, позволяющей ученому настаивать на компетенции в ее локальной области.

Специальный характер медицинского знания создает закрытый мир, в котором основным видом контроля выступает взаимная оценка эффективности деятельности самими врачами-экспертами. Так возникает практика, исключаящая из экспертного поля профанов, не принадлежащих к научному сообществу.

Интересным в этой связи представляется утверждение Л.Г. Ионина: «поскольку сущность экспертизы – вынесение объективных обоснованных суждений, не полагаясь на мнение непрофессионалов, в каждой специализированной экспертной сфере имеются методологические, т.е. процессуальные правила – своего рода фильтры, отсеивающие людей, попавших «не по тому ведомству» [2, с. 55].

В качестве примеров институционализации экспертизы рассмотрим судебную и военно-врачебную экспертизы. Институционализация судебной экспертизы в царской России связана с учреждением судебной реформой 1864 года состязательного процесса [3, с. 12]. Это событие резко повысило требования к экспертизе, которая стала проводиться значительно чаще. Положение эксперта в судебном процессе проф. И.И. Нейдинг в 1884 году определил так: «Врачу лучше спокойно оставаться на строго медицинской точке зрения; никогда не выходить из роли сведущего лица, тем более что эксперт имеет право отклонить неуместные вопросы... Дело эксперта – совершенно объективное «объяснять известные факты или отношение их между собой; что же касается дальнейших из них заключений, то это принадлежит суду» [4].

В советское время судебно-медицинская экспертиза ведет свое начало от учреждения Народного комиссариата здравоохранения РСФСР 11 июля 1918 года. В нем был организован отдел гражданской медицины с подотделом медицинской экспертизы, задачами которого являлись разработка законоположений и инструкций по медицинской экспертизе, окончательное разрешение спорных и сложных дел, относящихся к ней. В 1921 году судебно-медицинская экспертиза была отделена от социально-трудовой и стала самостоятельной службой в системе здравоохранения. В 1924 году была определена организационная структура судебно-медицинской экспертизы, сохранившаяся до настоящего времени [5, с. 12].

В современный период деятельность судебной экспертизы регулируется Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31 мая 2001 года [6]. К важнейшим принципам государственной судебно-экспертной деятельности относятся независимость эксперта, объективность, всесторонность и полнота исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

Закон определяет статус государственного судебного эксперта, профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к нему, объекты исследований, круг судебно-экспертных учреждений. Как видим, эта экспертиза «обслуживает» легитимность судебных решений, но представляет собой не представителя научного сообщества, о котором говорят Кастель и Ленуар, а разветвленный социальный институт, опирающийся на профессиональные практики и их внутренние экспертизы, гарантирующие контролируемое качество заключения эксперта.

Что касается военно-врачебной экспертизы, то она проводится в мирное и военное время в целях определения категории годности граждан Российской Федерации по состоянию здоровья к военной службе, службе в органах, а также для определения причинной связи полученных гражданами увечий (ранений, травм и контузий), заболеваний с прохождением ими военной службы (военных сборов), службы в органах [7]. Для проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в Вооруженных силах Российской Федерации создаются военно-врачебные комиссии и врачебно-летные комиссии.

На военно-врачебные комиссии возлагаются следующие функции:

- организация и проведение медицинского освидетельствования граждан, поступающих на военную службу по контракту, военнотружущих и т.д.;

- методическое руководство военно-врачебной экспертизой и контроль в части, касающейся военно-врачебной экспертизы, за организацией, проведением и результатами лечебно-диагностической работы в военно-медицинских учреждениях;
- контроль за проведением медицинского освидетельствования, медицинского обследования (лечения) граждан при первоначальной постановке на воинский учет и призыве на военную службу;
- определение причинной связи увечий, заболеваний у военнослужащих, граждан и т.д., а также увечий, заболеваний, приведших к смерти военнослужащих, граждан, проходящих военные сборы и т.д.;
- определение категории годности граждан по состоянию здоровья к военной службе (службе в органах) на момент их увольнения с военной службы (из органов);
- участие в научных исследованиях проблем военно-врачебной экспертизы;
- подготовка врачей-специалистов по военно-врачебной экспертизе.

Введение в России системы обязательного медицинского страхования (ОМС), создание новых независимых структур, таких как территориальные фонды обязательного медицинского страхования (ТФОМС) и страховые медицинские (СМО) сопровождалось формированием и развитием систем обеспечения качества медицинской помощи (КМП). В связи с этим актуализировался вопрос формирования института специалистов, профессиональная деятельность которых сосредоточена на экспертизе КМП.

Экспертиза КМП – это исследование случая (случаев) оказания медицинской помощи, выполняемое экспертом, в задачи которого входит выявление нарушений, описание реальных и возможных последствий; выяснение причин возникновения нарушений; обоснование заключения и составление рекомендаций по их устранению и предотвращению [8]. Из состава профессиональной среды медиков выделяется большая профессиональная группа специалистов-медиков, которые, в дополнение к своим основным обязанностям, занимались бы исследованием проблем и задач, поставленных компетентными органами и лицами, заинтересованными в результатах экспертизы [9]. Поскольку экспертиза КМП весьма сложный и многогранный процесс, все более актуализируется вопрос создания института врачей-экспертов из числа высококвалифицированных специалистов-медиков и всесторонней их подготовке по экспертизе КМП [10, с. 98].

Очень важную роль среди медицинских экспертиз играют экспертизы этические, направленные на научные и практические продукты медицинской деятельности. Проводятся они в двух формах: этические комитеты и этическое консультирование [11, с. 120].

Специальные структуры этического контроля впервые возникли в 50-х годах в США и первоначально осуществлялись лишь коллегами. По мере расширения практики биомедицинских исследований, совершенствовалась структура деятельности этических комитетов. В настоящее время вопросы их структуры, функций, статуса, состава, полномочий разработаны до мельчайших деталей. В разных странах действуют различные схемы взаимодействия комитетов различных уровней – местных, функционирующих на уровне лечебного или исследовательского учреждения, региональных и национальных. В последние годы значительное внимание уделяется вопросам организации экспертизы исследований, проводимых одновременно в разных странах; особые сложности при этом возникают тогда, когда дело касается развивающихся стран [12, с. 10].

Мы солидарны с профессором Б.Г. Юдиным в том, что область биомедицинских исследований, а, следовательно, и этического регулирования, неуклонно расширяется, включая и такие воздействия, которые вовсе не имеют целью улучшить здоровье человека. Научно-технический прогресс, направленный на непосредственное удовлетворение потребностей человека, непрерывно создает новые материалы, окружающие нас в быту, приборы, устройства, предметы одежды, продукта питания, средства косметики и многое другое. Таким образом, все более предметов вовлекается в орбиту этического регулирования.

Фактически существование экспертиз как институтов посредников опирается на расширение подведомственного науке пространства, свойственного программе позитивизма. В ходе этого процесса утверждалась ценностная установка следовать принятым стандартам научной деятельности в деятельности социальной при сохранении гарантий функциональной целостности и автономности науки.

Формализация правил отбора экспертов предполагает наличие ясных представлений о том, что они собственно должны делать, что вполне отвечает характеру общества, в котором функционирует огромное количество институционализированных медицинских экспертиз.

Таким образом, в XX веке происходит институционализация экспертизы – она превращается в институт-посредник, подтверждающий легитимность действий других институтов в спорных

случаях. Этот процесс опирается на установку следовать принятым стандартам научной деятельности в деятельности социальной.

Литература

1. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.И. Петрова. 4-у изд. М., 1954.
2. *Ионин Л.Г.* Понимание и экспертиза // Вопросы философии. 1991. № 10. С.
3. *Маслов А.В.* А.П.Чехов–судебно-медицинский эксперт // Судебно-медицинская экспертиза. 1991. № 4. С. 48-55.
4. *Черваков В.Ф., Матова Е.Е., Шершавкин С.В.* 150 лет кафедры судебной медицины 1-го Московского ордена Ленина медицинского института (1804-1954). М., 1955.
5. Судебная медицина: Учебник / В.Н. Крюков, Л.М. Бедрин, В.В. Томилин и др.; Под ред. В.Н. Крюкова. М., 1990.
6. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31 мая 2001 г. // Парламентская газета 12.06.01. № 100.
7. Положение «О военно-врачебной экспертизе» Положение «О военно-врачебной экспертизе» // Российская газета 2003 13 марта. № 47 (3161.)
8. *Федоров В.В., Привалова В.Ю.* Эксперт качества медицинской помощи, его роль в системе современного здравоохранения // Здравоохранение РФ. 1995. № 1. С. 54-56.
9. *Чавпецов В.Ф., Павлов В.В., Гридасов Г.Н. и др.* Перспективы дальнейшего развития системы экспертизы качества медицинской помощи на территории Самарской области // Бюллетень научно-исследовательского института социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н.А. Семашко. М., 1996. С. 130-135.
10. *Кузин В.Ф.* Комментарий к приказу от 24.10.96 № 363 / 77 «О совершенствовании контроля качества медицинской помощи населению Российской Федерации » // Здравоохранение. 1997. № 1. С. 42-46.
11. *Седова Н.Н.* О статусе этических комитетов // Философия биомедицинских исследований: Этнос науки начала третьего тысячелетия. М., 2004. С. 141-153.
12. *Юдин Б.Г.* О возможности этического измерения науки // Человек. № 5. 2000. С. 5-12.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.В. Гришечкина

Кандидат философских наук, доцент

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И.Разумовского

E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

В статье анализируется трансдисциплинарность как фактор развития науки в современном обществе в целом и медицинской науки в частности. Под трансдисциплинарностью понимается способ производства знания, характеризующийся активным взаимодействием с внешними по отношению к науке социальными агентами. Выделяются характеристики трансдисциплинарного знания, такие как контекстуальность, прикладной характер, коммуникативная природа. В качестве формы трансдисциплинарного способа производства научного знания в современном обществе рассматривается гражданская наука. Она основана на участии непрофессионалов в научных исследованиях. В качестве специфического результата деятельности гражданской науки рассматривается персонализированное знание. Развитие современной медицинской науки в контексте трансдисциплинарных стратегий рассматривается как процесс формирования персонализированной медицины, то есть ориентированной на пациента как основного субъекта взаимодействия.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, трансдисциплинарное знание, гражданская наука, институт медицины, персонализированное знание, персонализированная медицина

TRANSDISCIPLINARITY AS A FACTOR OF MEDICAL SCIENCE DEVELOPMENT IN MODERN SOCIETY

N. V. Grishechkina

CSc in Philosophy, Associate Professor

Saratov State Medical University n.a. V.I. Razumovsky

E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

The article analyzes transdisciplinarity as a factor of science development in modern society in general and medical science in particular. Transdisciplinarity refers to a way of producing knowledge characterized by active interaction with social agents external to science. Characteristics of transdisciplinary knowledge are distinguished, such as contextuality, applied focus, communicative nature. Civil science is considered as a form of transdisciplinary way of producing scientific knowledge in modern society. It is based on the participation of lay people in scientific research. Personalized knowledge is considered as a specific result of the activities of civil science. The development of modern medical science in the context of transdisciplinary strategies is seen as the process of shaping personalized medicine, that is, patient-centered as the primary subject of interactions.

Keywords: transdisciplinarity, transdisciplinary knowledge, citizen science, institute of medicine, personalized knowledge, personalized medicine

Социальная реальность современной науки характеризуется активным взаимодействием с внешними по отношению к ней социальными агентами. Вследствие этого происходит размывание границ науки и нарастающая фрагментация научного знания, что порождает потребность выработки нового комплексного подхода к решению проблем и производству знания. Такой подход качественно отличается от принятых в академических научных направлениях, ему свойственны нелинейность и рефлексивность, а в основе производства знания лежит трансдисциплинарность. Спецификой трансдисциплинарного знания является его контекстуальность и потеря практической значимости вне контекста. Оно является продуктом коммуникации и зависит от действий агентов коммуникации и их взаимодействия. Трансдисциплинарное знание является прикладным, оно должно работать, в этом его ценность. Оно устраняет разрыв между теоретическим описанием реальности и фактической ее данностью. [1, p. 399]

Перечисленные характеристики трансдисциплинарного способа производства научного знания присущи гражданской науке. Это новая форма научного знания, которая отражает процесс его демократизации и представляет собой пространство диалога между учеными и гражданами. Гражданская наука своим названием указывает на наличие социоэпистемологической конфигурации современной науки, которая основана на участии непрофессионалов в научных исследованиях. Это открывает новые функциональные отношения, в которых знание – является продуктом совместного (соучастного) производства профессионалов и непрофессионалов, таким образом, тестируются новые формы разделения труда и установленных ролей в производстве научных знаний. Социальные медиа являются технологическим драйвером современной гражданской науки, включая участие через новые инфраструктуры и интерфейсы. Гражданская наука, таким образом, отвечает научным стратегическим ожиданиям в отношении демократизации науки, а также становится средством решения социальных проблем.

Развитие новых информационных технологий, глобализация качественно преобразуют современное общество, определяя такие его черты как фрагментированность социальной структуры, сетевые принципы организации экономики, повышение значения гражданского общества, риск, формируемый избыточностью технологического и научного прогресса. На сегодняшний день это особенно актуально для профессионального пространства медицины, представляющего собой уникальный синтез институциональных оснований науки, образования и профессии.

Эффект трансдисциплинарности в медицине демонстрирует биоэтика как результат взаимодействия дискурсов науки и общества. Как отмечается в исследовании коллектива авторов Андренко О. В., Киященко Л. П., Кудашов В. И., Моисеев В.И., в области биоэтики ярко проявляет себя трансдисциплинарный статус научного знания, который выражается в нарушении дисциплинарных границ [2, с.72], формировании открытого диалогического пространства обсуждения проблемных ситуаций, определением в качестве основного субъекта принятия решения трансдисциплинарных сообществ (биоэтических комиссий, комитетов и др.), которые включают в свой

состав как экспертов профессионалов так и представителей общественности, политических групп и др. Феномен биоэтики, с точки зрения Киященко Л.П., должен рассматриваться как рождение меж- и трансдисциплинарного образа самого медицинского знания и практики [3, с.21]. При этом трансдисциплинарный вектор развития для медицины является не только внешне определенным процессами трансформации научного знания в целом, но и внутренне согласованным с основным объектом исследования. Изучение человека на различных уровнях его бытия требует интеграции усилий научных дисциплин и выхода за пределы научного знания. В этом отношении медицина способна выступить основой формирования трансдисциплинарной парадигмы научного знания.

Трансдисциплинарные стратегии развития медицинского знания в современном обществе задают условия для развития персонализированного знания. Процесс производства данного знания не ориентирован на массового потребителя, а замкнут на конкретном субъекте. Удовлетворение критерию интерсубъективности данного знания возможно на уровне выбора методологии исследования и его проведения, в ходе обсуждения результатов исследования в медиасреде. При этом медиаопосредованность определяет возможности контроля и управления направлением развития и применения данного знания. Мобильные цифровые технологии экстернализируют, делают видимыми, непроявленные характеристики нашего тела, делая его доступным для оптимизации [4, р.262]. Являясь одновременно и исследователем и испытуемым, гражданский ученый, например, биохакер, производит новый тип знания. Оно имеет, с одной стороны, характеристики научного, так как его производство основано на использовании научной методологии и научных критериев, а с другой стороны, это знание является персонализированным, так как предназначено для личного практического применения и обладает эффективностью только в отношении конкретного субъекта. Персонализированное знание отличается от личного опыта, так как основано на практиках получения количественной информации, которая была недоступна в личном опыте и формирования на ее основе новых стратегий жизнедеятельности. Персонализированная наука становится платформой развития новой формы биополитики – на уровне субъекта, когда субъект одновременно является и объектом контроля и контролирующей инстанцией. В рамках этой формы биополитики начинается контроль за самим собой, через контроль своих способностей, активности и производительности труда.

В современном обществе процесс производства знания становится распределенным между различными институтами. Это проявляется и в медицине. Механизм регулирования производства медицинского знания распределяется между множеством социальных институтов. Но социальному распределению подвергается также и экспертная деятельность, приобретая все более персонализированный характер и проявляясь в форме гражданской экспертизы. Особенно наглядно это проявляется в развитии проекта персонализированной медицины, одной из характеристик которого является «партисипация», то есть активное участие пациентов в принятии решений, касающихся собственного здоровья.

Включение внешних социальных агентов в процесс производства и оценки научного знания является стратегией развития науки в современном обществе. В системе развития медицинского знания и практики данная стратегия становится эффективным способом формирования превентивных установок. Трансдисциплинарность как способ производства знания способствует более эффективному принятию социальных решений в ситуации неопределенности. Это определяет необходимость взаимодействия конкретных научных дисциплин и преодоление фрагментации научного знания. В то же время происходит необратимый процесс включения в производство научного знания этических, аксиологических, прагматических оснований, что с одной стороны позволяет решать сложные проблемы современного общества (например, биоэтические), а с другой стороны требует выработки новых критериев истинности научного знания.

Литература

1. *Lawrence Roderick J., Despres C.* Futures of Transdisciplinarity // *Futures*. Vol. 36. 2004. P. 397–405.
2. *Андренко О.В., Киященко Л.П., Кудашов В.И., Моисеев В.И.* Медицина как трансдисциплинарный феномен // *Сибирское медицинское обозрение*. 2010. №5. С.69-72.
3. *Киященко Л.П.* Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа // *Santalka. Filosofija*. Vilnius, 2006. Т. 14. № 1. С. 17-38.
4. *Ruckenstein M., Schüll N.D.* The datafication of health // *Annual Review of Anthropology*. 2017. Vol. 46(1). P. 261–278.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ

А.Д. Кампос

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии
Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского
E-mail: campos1985@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности парадигмы паллиативной помощи, традиционно воспринимаемой как капитуляция перед болезнью; специфика коммуникации в паллиативной помощи, дефекты клинической коммуникации, вопросы рассогласования систем означивания в официальном медицинском дискурсе и в пациентской наррации. Ставятся проблемы реабилитации «субъективной» пациентской интерпретации боли, ее роли в самоидентификации пациента; непродуктивности медицинского монополизма в дескрипции боли. Эксплицируются проблемы обезболивания как базовой потребности паллиативного пациента, как залога стабилизации его состояния; фиксируются барьеры обезболивания. Определяются направления дальнейшего междисциплинарного исследования вопросов признания боли как коммуникативного измерения паллиативной помощи.

Ключевые слова: паллиативная помощь, клиническая коммуникация, пациентская наррация, боль, обезболивание, хоспис, реабилитация субъективности

INSTITUTIONAL AND COMMUNICATIVE ASPECTS OF PALLIATIVE CARE

A.D. Campos

*CSc in Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy, humanitarian science and psychology
Saratov State Medical University n.a. V.I. Razumovsky
E-mail: campos1985@mail.ru*

The article discusses the features of the palliative care paradigm, traditionally perceived as a surrender to the disease; the specifics of communication in palliative care, defects in clinical communication, issues of mismatch of signification systems in official medical discourse and in patient narrative. The article raises the problems of rehabilitation of the "subjective" patient interpretation of pain, its role in the patient's self-identification; the unproductiveness of medical monopolism in pain description. The article explicates the problems of anesthesia as a basic need of a palliative patient, as a guarantee of stabilization of his condition; the barriers of anesthesia are fixed. The article defines the directions of further interdisciplinary research on the recognition of pain as a communicative dimension of palliative care.

Keywords: palliative care, clinical communication, patient narrative, pain, anesthesia, hospice, rehabilitation of subjectivity

Востребованность паллиативной медицинской помощи актуализирует потребность междисциплинарного исследования данного явления как на институциональном, так и на социокультурном уровнях.

Несмотря на то, что до 60% всех умерших от неинфекционных заболеваний и внешних причин, по оценке ВОЗ, нуждались в оказании паллиативной помощи, несмотря на то, что в мире лишь один из каждых 10 человек, нуждающихся в паллиативной помощи, получает ее [1], долгие годы паллиатив был на *периферии* медицинской помощи.

Традиционно медицинская наука и практика уделяли основное внимание именно борьбе с болезнями и профилактике заболеваний. И хотя антитеза лечения как *борьбы* и паллиативного ухода как *прекращения борьбы* сохраняется в массовом сознании, постепенно общество признает, что институт хосписа — это не поражение медицины.

Известно, что валидным индикатором качества медицинской помощи выступает количество *жалоб* пациентов в отношении оказанных услуг. Анализ структуры жалоб подтверждает: «до 90% конфликтов возникает из-за неумения или нежелания врача *объяснить* пациенту или его близким информацию о состоянии здоровья» [2, с. 3].

Вопросам влияния клинической *коммуникации* на клинический исход посвящено множество статей, пособий, фундаментальных исследований. Однако в *паллиативе* пациент-ориентированное общение имеет особую роль: ведь если в куративной медицине мы можем вполне точно определить корреляцию эффективного пациент-ориентированного общения с улучшением клинически значимых исходов лечения, то как оценить эту результативность в паллиативе, с безнадежным пациентом?

Перед врачом встает множество вопросов, базовыми среди которых можно назвать вопросы *что? зачем? когда? и как говорить?* Этическая острота и нагруженность, мы полагаем, особенно очевидна при постановке вопроса о том, *как* говорить с пациентом о смене установки с «всё под контролем» на «мы всё еще можем контролировать симптомы»? Зачастую и сам медицинский работник, и пациент, и его семья воспринимают отказ от куративной позиции и обращение к ресурсам паллиатива как капитуляцию, признание бессилия.

Зачастую врачи не знают, как реагировать на эмоции пациента, например, на плач или на агрессию. Врач не имеет алгоритма поведения в ситуации бурных эмоций пациента. Тактика игнорирования эмоций пациента создает иллюзию подконтрольности ситуации. При этом в паллиативе ситуация еще острее, поскольку именно внимание к эмоциям, чувствам, мыслям, страхам умирающего пациента могут положительно сказаться на динамике его *качества жизни*.

Постепенно медицинское сообщество обращается к обучению коммуникативным навыкам, которые становятся автоматическими. Стратегия – научить врачей «на автомате» подбирать алгоритм работы с трудной ситуацией (экономя при этом не только время, но и свой эмоциональный ресурс, предохраняя себя от выгорания). Такой автоматизм позволяет врачам оставаться людьми, способными к сопереживанию, эмпатии, открытыми событию патоса пациента.

Подробнее остановимся на таком дефекте клинической коммуникации, как перебивание. Перебивание речи пациента объясняется самым, пожалуй, распространенным страхом врачей – что пациент может «захватить» время консультации. Врачи перебивают пациентов в среднем спустя 18 секунд, хотя среднее время спонтанной речи пациента составляет всего 92 секунды [3]. Вероятно, перебивание пациента объясняется особенностями врачебного мышления. Мозг медика привык *решать* врачебные задачи, он «заточен» на объективные показатели, фиксирует *факты* из речи пациента, определенные маркеры, анализирует, укладывает их в схему. Врач видит себя борцом и роль пассивного слушателя ему не органична.

Однако определенные трудности в коммуникации испытывают не только медики, но и сами пациенты. Хотя в определенном смысле *коммуникация* может функционировать как *обезболивание* (легче становится и врачу – не надо скрывать, отгораживаться и притворяться; легче и пациенту, который выговорился, которого выслушали).

Медийный контент пациентской наррации в виртуальном пространстве форумов, пабликов, соцсетей представляет интерес как социокультурный феномен медицинской антропологии, биоэтики, философии медицины. Наррация эпохи «экстаза рассказа» [Жан Бодрийяр] в определенном смысле легитимирует, дает онтологический статус рассказываемому.

Итак, рассогласование «объективной» картины (задокументированной истории болезни, анализов, обследований) и «субъективной» версии (пациентского повествования от первого лица) зачастую принимает форму конфликта интерпретаций. И может привести «не только к неблагоприятному эмоциональному фону лечения, но и прямо влияет на протекание болезни, силу болевого синдрома, самочувствие и время выздоровления» [4].

Мы полагаем, что реабилитация пациентской наррации особенно эффективна при терапии *болевого* синдрома вообще и в частности – при купировании боли в паллиативе.

В мире принято определять болевой синдром 5-балльной шкалой, через *субъективное* восприятие пациентов. И это не менее важный показатель, чем *объективные* показатели жизнедеятельности человека, будь то давление или частота сердечных сокращений.

Боль мешает и забирает последние силы. Но зачастую пациенты не жалуются на боль, считают ее нормой в своем тяжелом состоянии. И этот аспект проблемы болевого поведения пациентов требует, мы полагаем, междисциплинарного исследования. Встает вопрос, а как закрепился в культуре этот образ «идеального» больного – того, кому больно, кто испытывает боль. Отсутствие боли у пациента воспринимается порой как некая профанация, симуляция.

Опыт институционализации боли в практике западной системы здравоохранения может оказаться полезным: их «Pain Clinic» («Отделение лечения боли», «Центр управления болью») как структурные подразделения больниц занимаются оценкой состояния пациента с болевым синдромом и разработкой плана его купирования.

В паллиативе стабилизация (и по возможности положительная динамика) качества жизни безнадежного пациента – приоритетная задача, реализуемая прежде всего через обезболивание. Боль — такой же симптом, как температура, слабость, одышка, а для лечения любого симптома в медицине есть очень четкие протоколы терапии.

При этом руководитель Московского многопрофильного центра паллиативной помощи Департамента здравоохранения г. Москвы Анна Федермессер подчеркивает, что сегодня в обезболивании безнадежных пациентов основная проблема не регуляторная: созданы вполне рабочие механизмы по своевременному получению обезболивания. «Главная сложность лежит не в законодательной сфере, а в сфере менталитета» [5, с. 6], – нужно заниматься информированием, обучением и пациентов, и врачей, и родственников. При этом эксперт указывает, что даже центральные регионы не могут похвастаться стабильной положительной динамикой в обезболивании пациентов хосписов: в 2021 году расчетный уровень обезболивания «снизился с 70 до 20 %. Ни один пациент не получил обезболивания так скоро, как позволяет законодательство», – такова, к примеру, ситуация в Подмоскovie [6].

Но паллиативный пациент должен знать о своих правах, уметь описывать свою боль – и быть обезболенным. Причем не всегда это достигается исключительно фармакологическими средствами. К примеру, в психотерапии есть методики, позволяющие пациенту повысить порог болевой чувствительности.

Специалисты по паллиативной помощи отмечают, что высокий уровень *тревоги* оказывает влияние на индивидуальную *переносимость* боли пациентом. *Психологическая* поддержка паллиативных пациентов неравномерна в разных странах мира, в разных регионах внутри страны. Отработка тревожности, депрессивных состояний, снижение дистресса заболевания, изучение копинг-стратегий и реакций горя, проявленное внимание к экзистенциальным проблемам пациента – стабилизируют эмоциональное состояние наравне с фармакологическим обезболиванием. И в определенном смысле демедициализируют боль.

То рассогласование врачебной и пациентской историй болезни, при котором пациент не чувствует себя услышанным – это рассогласование вполне может быть снято при участии опытного психолога. Ведь психолог никогда не противопоставляет врача и пациента – понимая, что только их сотрудничество решит проблему.

Говорение, наррация помогает пациенту структурировать свои мысли, страхи, претензии. Но для разговора нужен внутренний ресурс, который зачастую исчерпан за долгое время болезни и боли.

Также стоит отметить, что боль сопровождает не только паллиативного пациента, но и его родных и близких – они буквально инвалидизируются от осознания собственной беспомощности, бессилия. Мы полагаем, что изучение бремени семьи больных – это тоже отдельное направление исследования.

Стоит обратить внимание и на переживания медика: переход от куративной медицины к паллиативу по-прежнему воспринимается в обществе как капитуляция, как утрата контроля. И формализм в работе зачастую связан с эмоциональным выгоранием врачей, психологическим истощением. Им самим нужна поддержка, тренинг внутреннего ресурса.

Тотальность боли паллиативных пациентов трансформирует их жизненный мир, меняя смыслы и расставляя новые, выверенные этой болью акценты. Реабилитация субъективности болевого опыта позволяет нам гуманизировать медицинскую науку и практику, вводя в смысловое поле современной медицины субъективные системы означивания.

Есть основания полагать, что именно паллиативная медицина обратит наше внимание на *смысловое* измерение болезни, на то *экзистенциальное* событие, каковым является болезнь для пациента. И тогда, можно надеяться, фигура медика, излечивающего, потом лишь контролирующего обезболивание, станет восприниматься пациентом не как фигура власти, а как «фигура этики» [7, с. 48–49].

Литература

1. ВОЗ предпринимает шаги по устранению вопиющего дефицита качественных услуг паллиативной помощи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/05-10-2021-who-takes-steps-to-address-glaring-shortage-of-quality-palliative-care-services>. (дата обращения 08.05.2022)
2. Навыки эффективного общения для оказания пациент-ориентированной медицинской помощи. Российский опыт симуляционных тренингов в сфере клинических навыков общения. М., 2018. 23 с.

3. *Langewitz W., Denz M., Keller A., Kiss A., Rüttimann S., Wössmer B.* Spontaneous talking time at start of consultation in outpatient clinic: cohort study // *BMJ (British Medical Journal)*. 2002. Sep 28. 325(7366). Pp. 682–683.
4. *Лехицер В.Л.* Семизис болезни: дихотомия культурологизма и персонализма (преодолевая стереотипы биомедицины) // *Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология»*. 2009. №2 (6). С. 85–111.
5. *Федермессер А.* Сегодня главные проблемы в головах врачей и пациентов // *Московская медицина*. 2016. №6 (15). С. 5–10.
6. 72% пациентов в Подмоскowie недополучили паллиативную помощь в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2022/01/11/nyuta-federmesser-72-pacientov-v-podmoskove-nedopoluchili-palliativnuyu-pomoshh-v-2020-godu/> (дата обращения 08.05.2022)
7. *Дернер К.* Хороший врач. М., 2006. 554 с.

ОРФАННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ, САМООРГАНИЗАЦИЯ И ФЕНОМЕН ГАРАЖНОЙ НАУКИ*

О.В. Попова

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики
Институт философии РАН
E-mail: J-9101980@yandex.ru*

В статье рассмотрена проблема самоорганизации вовлеченных лиц (пациентов и их близких, исследователей, врачей) в контексте борьбы с орфанными заболеваниями и исследован процесс формирования альтернативных академической науке исследовательских структур с целью получения новых знаний об орфанных болезнях. Показано, что специальные меры по обеспечению прав пациентов с орфанными болезнями являются отражением не только серьезных достижений современной медицинской генетики в разработке методов их диагностики и лечения, но и высокой степени зависимости больных от социально-политических, экономических и технологических шагов конкретного сообщества, а также конвергенции усилий множества акторов.

Ключевые слова: орфанные болезни, редкие заболевания, конвергенция усилий, самоорганизация, биосоциализация, этос науки

ORPHAN DISEASES, SELF-ORGANIZATION AND THE PHENOMENON OF GARAGE SCIENCE

O.V. Popova

*DSc in Philosophy, Leading Researcher,
Head of the Sector for Humanitarian Expertise and Bioethics
Institute of Philosophy RAS
E-mail: J-9101980@yandex.ru*

The article considers the problem of self-organization of involved persons (patients and their relatives, researchers, doctors) in the context of the fight against orphan diseases and investigates the process of formation of research structures alternative to academic science in order to obtain new knowledge about orphan diseases. It is shown that special measures to ensure the rights of patients with orphan diseases reflect not only the serious achievements of modern medical genetics in the development of methods of diagnosis and treatment, but also the high degree of dependence of patients on the socio-political, economic and technological steps of a particular community, the convergence of efforts of many actors.

Keywords: orphan diseases, rare diseases, convergence of efforts, self-organization, biosocialization, ethos of science

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00880.

На протяжении нескольких последних десятилетий во всем мире отмечаются повышение социальной озабоченности проблемой орфанных заболеваний и выработки особых мер медицинской помощи таким больным.

Специальные меры по обеспечению прав пациентов с орфанными болезнями являются отражением не только серьезных достижений современной медицинской генетики в разработке методов их диагностики и лечения (орфанные болезни, как правило, имеют генетическую природу), но и высокой степени зависимости больных от социально-политических и технологических шагов конкретного сообщества. Такая зависимость обусловлена отсутствием инновационных медицинских препаратов и технологий, позволяющих осуществлять процесс лечения «орфанных» пациентов, необычайно высокой стоимостью лечебных и реабилитационных мер, а также необходимостью их применения в течение всей жизни пациента.

Все чаще осознается, что проблему орфанных заболеваний невозможно рассматривать исключительно в рамках медицинской модели здоровья и инвалидности. Релевантным является исследование социального среза проблемы.

Изучение орфанных болезней в этой связи подразумевает анализ проблемы в контексте развития современных трендов медиализации и связанных с нею таких тенденций, как генетизация, стратификация пациентов и формирование биосоциальных групп. Все они порождают новые нормативные практики, охватывающие взаимодействие различных акторов: врачей и пациентов, исследователей, организаций и системы государственного управления и новые формы социальных отношений, сформированных по биологическому (генетическому) признаку.

На наш взгляд, в последние годы все большее значение приобретает фактор влияния пациентских групп (биосоциальных структур) на формирование новых способов организации научных исследований и развитие особых эпистемологических режимов, в которых в процесс получения знания вовлекаются как ученые, так и непрофессионалы.

Ситуацию демократизации процесса получения знаний в области редких болезней можно рассматривать как пример воплощения идеологии гражданской науки, движения «Сделай сам» (Do it yourself) в биологии и других подобных инициатив, где важным становится опыт самоорганизации и конвергенции усилий различных акторов, заинтересованных в новом знании об орфанных болезнях, внедрение практик дарообмена, как в отношении полученного знания, так и полученных биоматериалов.

Показательны в этой связи два казуса - история Д. Файгенбаума, врача и одновременно пациента, страдающего редкой болезнью Кастлемана, и история Ш. Терри, у детей которой было обнаружено редкое заболевание - эластическая псевдоксантома (РХЕ). Их казусы демонстрируют процесс противостояния отдельных граждан профессиональной науке применительно к области знаний о конкретных орфанных нозологиях. Он проявляется в попытке изменить стиль и методы научных исследований орфанных заболеваний, разделяемые научным сообществом ценности и способы интеграции членов научного сообщества, создав новые формы управления наукой.

Д. Файгенбаум после одного из рецидивов своей болезни и столкновения с проблемой постановки правильного диагноза начинает изучать проблему формирования корпуса знаний об орфанных болезнях. Он видит ряд препятствий, сдерживающих прогресс в области понимания орфанных болезней: коммерциализацию научного знания, отсутствие грамотного научного менеджмента и научного этоса, определяемого интеграцией усилий и дарообменом, а не конкуренцией в получении значимых результатов в области орфанных заболеваний.

По словам Д. Файгенбаума, «Недостаток финансирования лишь усугубляет непродуманную координацию и плохое сотрудничество в области медико-биологических исследований и побуждает ученых работать независимо и даже конкурировать, а не решать проблему редких заболеваний сообща. Некоторые специалисты стараются припрятать полученные у пациентов образцы, вместо того чтобы поделиться ими с другими» [1, с. 131].

Он указывает на отсутствие регистров и биобанков для централизованного хранения данных и образцов, а также систематического описания клинических и лабораторных патологий и необходимой координации исследований. Все это создавало искаженное представление о его орфанном заболевании, демонстрируя отсутствие единого, согласованного понимания заболевания [1].

К аналогичному выводу приходит и Ш. Терри, столкнувшаяся с недостатком научной информации о редком заболевании своих детей - эластической псевдоксантоме (РХЕ). Она отмечает равнодушие биомедицины, где господствует ориентация на личный успех исследователя, к индивидуальности самих пациентов, описывая ситуацию бесконечного взятия биоматериалов у граждан, страдающих орфанными заболеваниями: «Спустя пару дней после Рождества приехали исследователи из университета Бостона, чтобы взять кровь у нас и наших детей для поиска гена, ответственного за болезнь. Через несколько дней прибыли учёные из медицинского центра Нью-Йорка,

тоже за образцами крови. «Это же дети. Им пять и семь лет. Зачем вынуждать их видеть иглу ещё раз? Попросите тех исследователей поделиться материалом». Они снисходительно усмехнулись: «Поделиться?» Так мы узнали, что в биомедицинских исследованиях редко делятся материалами... Кроме того, нежелание делиться данными, с которым мы столкнулись, было массовым. Исследователи конкурировали друг с другом, поскольку «экосистема» была создана для поощрения конкуренции, а не для облегчения страданий больных» [2].

Казусы Ш. Терри и Д. Файгенбаума интересны не столько указанием на недостатки организации биомедицинских исследований, где подвергаются критике конкурентноспособность и коммерциализация научного знания, то есть факторы, препятствующие развитию знаний об орфанных болезнях, но прежде всего описанием способов противостояния этой ситуации. Речь идет о конвергенции усилий в различных направлениях развития биомедицинского знания в области орфанных болезней. Здесь оказываются возможными разносторонние формы гражданского участия. Так, Ш. Терри является человеком, не причастным миру науки, в то время как Д. Файгенбаум - врач и исследователь, имеющий определенный научный опыт.

Тем не менее Ш. Терри, являясь своего рода профаном, «человеком с улицы» стремится воплотить новый сценарий функционирования института биомедицины и запустить новые формы организации процесса получения знания. Вместе со своим мужем она основывает некоммерческую организацию PHE International, призванную инициировать и проводить исследования PHE, а также поддерживать людей с эластической псевдоксантомой. Они объединяют пациентов с PHE, собирают их биоматериалы для исследований и в дальнейшем воплощают в жизнь «гаражный» подход в биологии: снимают в аренду лабораторию в Гарварде и вместе с профессорами-волонтерами занимаются поиском гена, отвечающего за PHE, находят его, патентуют и предоставляют свободный доступ к информации о нем, создают исследовательский консорциум и открывают научно-инновационный центр.

Д. Файгенбаум также обращает внимание на важность координации усилий и самоорганизации пациентов. Как пациент, врач и исследователь (то есть выступая от лица науки), он также сталкивается с ригидной структурой организации науки и бросает ей вызов, учреждая Совместную сеть по болезни Кастлемана, и начинает проводить исследования, на которые ранее не выделялось финансирование. Он выявляет недостатки в научном менеджменте, оказывающие влияние на процесс получения знания об орфанных заболеваниях, указывая на то, что «В области редких болезней отчаянно необходим лидер — тот, кто будет формировать сообщество ученых, консолидировать знания, выявлять пробелы в понимании, определять, какие исследования наиболее перспективны, налаживать сотрудничество между подходящими друг другу партнерами и в итоге двигать общий разум к цели» [1, с. 156].

Примеры Ш. Терри и Д. Файгенбаума демонстрируют попытку создания исследовательской альтернативы коммерциализированной науке посредством создания самоорганизующихся исследовательских структур, подобных структурам, формирующимся в рамках «гаражного подхода» в науке. Они являются открытыми зонами обмена информацией и полученными от носителей орфанных болезней биоматериалами.

Это демократичная наука, обращенная к правам пациента и его потребностям, несущая ценности солидарности и конвергенции усилий, взаимопомощи и добровольности участия. Она вовлекает и глубоких профессионалов, и профанов, исполненных познавательного энтузиазма граждан и пациентов - носителей орфанных заболеваний, а также их неравнодушных близких. О человекообразности этой науки прекрасно выразилась Ш. Терри на конференции TED: «Наука — это сложно, сложны и регулирующие нормативы. В деле много акционеров с самыми разными интересами и с перекосами в системе поощрений: публикации, карьера, авторское право. Я не обвиняю учёных за то, что они выбрали такой путь, но я бросаю вызов им и нам ради изменения системы. Чтобы признать, что главное — это люди» [2].

Литература

1. *Файгенбаум Д.* В погоне за жизнью. История врача, опередившего смерть и спасшего себя и других от неизлечимой болезни / Дэвид Файгенбаум; пер. с англ. В. Горохова; науч. ред. А. Сакерин. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020.
2. *Терри Ш.* Наука не понимала редкое заболевание моих детей, пока я не решила исследовать его сама // https://www.Ted.Com/talks/sharon_terry_science_didn_t_understand_my_kids_rare_disease_until_i_decided_to_study_it/transcript?Language=ru

3. *Филатова А.А.* DIY biology: переустанавливая границы науки // Гуманитарные и социальные науки. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diy-biology-pereustanavlivaya-granitsy-nauki> (дата обращения: 02.06.2022).

«ФИЛОСОФИЯ МЕДИЦИНЫ» ИЛИ «ФИЛОСОФИЯ И МЕДИЦИНА»?

Н.Н. Седова

*Доктор философских наук, доктор юридических наук,
руководитель Высшей школы медицинской гуманитаристики
Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России
E-mail: nns18@yandex.ru*

Современная ситуация пандемии COVID19 в мире продемонстрировала резкое изменение потребностей в медицине в обществе. Традиционная для последних лет в разных странах, а особенно в России, критика систем здравоохранения и медицинских работников сменилась героизацией медиков и оживленным интересом к прогнозам развития медицины. Но, чтобы их делать, надо выходить за рамки медицины и рассматривать происходящее с позиций обобщенного тренда, с позиций философии. Необходимо понять – новые биомедицинские технологии меняют природу человека или форму проявления этой природы? По сути, вмешательство естественного отбора обнаруживает недостаточность, а, возможно, и общую несостоятельность этих технологий. Медицина старается приспособиться, но не идет по пути заказа объяснительных гипотез философского уровня, а идет по пути абсолютизации собственных направлений.

Ключевые слова: медицина, философия, трансляционная медицина, 4П-медицина, пандемия, лекарство

"PHILOSOPHY OF MEDICINE" OR "PHILOSOPHY AND MEDICINE"?

N.N. Sedova

*DSc in Philosophy, DSc in Law, Head of the Higher School of Medical Humanities
Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of Russia
E-mail: nns18@yandex.ru*

The current situation of the COVID19 pandemic in the world has demonstrated a dramatic change in the needs for medicine in society. Traditional for recent years in different countries, and especially in Russia, criticism of healthcare systems and medical workers has been replaced by the glorification of doctors and a lively interest in the forecasts of the development of medicine. But in order to do them, it is necessary to go beyond medicine and consider what is happening from the standpoint of a generalized trend, from the standpoint of philosophy. It is necessary to understand – are new biomedical technologies changing human nature or the form of manifestation of this nature? In fact, the intervention of natural selection reveals the insufficiency, and possibly the general failure of these technologies. Medicine tries to adapt, but does not follow the path of ordering explanatory hypotheses of the philosophical level, but follows the path of absolutization of its own directions.

Keywords: medicine, philosophy, translational medicine, 4P-medicine, pandemic

С конца XX века мода на определенные направления менялась 4 раза. Разрабатывались и внедрялись в практику концепции качества жизни (КЖ), доказательной медицины (ДМ), персонализированной медицины, 4П-медицины, трансляционной медицины (ТМ). Ничего не спасло от пандемии. Почему? Потому что был выбран неправильный путь развития медицины. Он философски не обоснован и, следовательно, не систематизирован. Отсюда – методологические ошибки: вместо того, чтобы изучить закономерности иммунной связи человека и среды, изучают симптомы конкретных заболеваний; вместо того, чтобы акцентировать внимание на внутренних возможностях организма и способах управления ими, разрабатывают новые лекарства. И в каждом направлении детерминантой исследований и доминантой практики является Таблетка. Современная медицина существует, преимущественно, в пространстве фармакологического вмешательства, даже

когда речь идет о принципиально новых биотехнологиях, их конечная цель – создание новых лекарственных препаратов. Параметры такого подхода задаются финансовыми интересами фармкомпаний. Возникает вопрос, нужна ли такой медицине философия и, если да, то в какой форме – в форме философии медицины или в форме отдельных интерпретаций медицинских проблем в категориальном поле наиболее подходящего философского направления?

Почему медицина, даже в такой исключительной ситуации, как пандемия коронавируса, не обращается за помощью к философии? Можно назвать несколько причин.

Причина 1. Незнание. Медики не знают, что спросить у философов. Поэтому философы не отвечают.

Причина 2. Философия медицины, как прикладная философия, сейчас не существует. Есть проработка отдельных тем (геномика, технологии совершенствования человека). Нет философского портрета медицины. Нет медицинской онтологии, гносеологии, есть медицинская аксиология (представлена биоэтикой как самостоятельной дисциплиной, критерии интеграции ее в философию медицины пока только обсуждаются), нет медицинской праксеологии.

Причина 3. Существование социальных ограничений на обращение медиков за философской поддержкой. Идеология цифровой цивилизации (если такая идеология есть) базируется на количественных критериях увеличения объема и сокращения времени на получение и обработку информации. Это непосредственно связано с ростом доходности от цифровых операций. Те же операции с большими данными (БД) становятся целью, а не средством развития науки. Но это не является предметом философской рефлексии. Поэтому ее и нет.

Таким образом, в медицине нет философского базиса, обращение к которому помогло бы представить интерпретацию новых достижений в концептуальной форме. Дело в том, что сама медицина носит бинарный характер – это и теория, и практика. Более того, теория в медицине – это весьма условное интеллектуальное образование, поскольку нет медицинской науки как специфического феномена. В медицине есть отдельные науки, есть дисциплины, но больше всего в теоретической ее части распространены обобщения эмпирического материала, использующие в своем генезисе законы других наук.

Кроме того, медицина обладает еще одним специфическим свойством – она содержит в качестве связующего звена теории и практики оценочные суждения, природа которых весьма дифференцирована. Оценки в медицине могут иметь разные смыслы: физиологический, клинический, этический, психологический. А в фармацевтической отрасли наиболее существенными являются оценки экономические. Вообще связку «знания-оценки-практика» в медицине представляет классический вариант такой ее области как клиническая фармакология. В ней сконцентрированы и фундаментальные знания, и эмпирия, и ценностные ориентации в виде пациентоориентированной модели лечения [1, с.34-38]. Хотя вызывает сомнения понятие «пациентоориентированность». Если ориентироваться не на пациента, то это будет уже не медицина.

Но в истории философии достаточно примеров обращения ее представителей к вопросам медицины. Причем, все, как обычно в философии, началось с Аристотеля! [2]. Можно представить довольно длинный список имен великих философов, заканчивая М.Фуко [3], которые в той или иной степени высказывались на медицинские темы. Правда, в последние годы интерес к данной проблематике в философии снизился. Вероятно, повлияла ситуация смены парадигм в науке, которую мы переживаем, и, соответственно, переориентация размышлений в сторону спекулятивных наук. Хотя Т.Куна и любят критиковать, он такую ситуацию очень точно описал [4]. Во всяком случае, бесспорным является тот факт, что многие ученые, работавшие в области философии и медицины, стали активно исследовать проблемы биомедицинской этики.

Видимо, следует признать правильной формулировку о философах, которые «высказывались на медицинские темы», потому то, помимо высказываний, общую концепцию философии медицины пока никто из философов не разработал. Необходимо поэтому четко определить предмет того, что называют «философией медицины» – либо это «философские мысли на медицинские темы», либо это, действительно, философия, пусть даже ее статус «прикладной философии» не всеми признается. О.Г.Дробницкий писал о том, что философия не может быть прикладной [5, с. 290-291], и эта точка зрения имеет полное право на существование.

Говоря о медицине, стоит сказать, что в отдельных ее направлениях используется именно философский подход в структурировании основной цели, как, например, в клинической фармакологии: «Правильная доза Правильного препарата Правильному пациенту в Правильное время». По сути дела, здесь работает гегелевский принцип перехода количественных изменений в качественные с акцентом на понятие «норма» как физиологическая мера здоровья. В понимании клинических фармакологов

«правильное», значит находящееся в границах нормы. Беда в том, что они шли к приведенной формулировке не от философии, а от клинической практики. А это, как всегда в таких случаях, метод проб и ошибок, долгий и опасный путь, в конце которого оказалось, что применение философского знания могло бы помочь решить задачу оптимизации клинико-фармакологической деятельности быстрее и, возможно, точнее.

Это важно отметить именно сейчас, когда актуальной стала эпидемиологическая проблема, связанная с COVID19. Все усилия медицинских работников направлены на поиски более эффективных вакцин и лекарственных препаратов. Это объяснимо, потому что нет задачи более важной, чем сохранение жизни и здоровья – здесь и сейчас. Двигаемся, порой, наощупь, тем же методом проб и ошибок. Решаем конкретные сиюминутные задачи – снять симптомы, облегчить состояние больного, обеспечить изоляцию и т.п. И все равно есть ощущение того, что вирус живет по своим законам, которые мы изменить не можем. Почему? Потому что воздействуем на явление, а воздействовать надо на сущности второго порядка. У клиницистов такой терминологии нет. Они называют такие сущности просто причинами заболевания. Наше знание о них весьма ограничено. Нужно подняться на уровень выше и рассмотреть больше факторов. В медицинском понимании – нужно воздействовать на иммунитет. Попробовали. Получили цитокиновый шторм. Стали искать способы бороться с ним, вернее, предотвращать, т.к. купировать его нельзя. Получается дурная бесконечность: лечим одно, потом лечим от побочных эффектов этого лечения, потом – от эффектов побочных эффектов и т.п. И очень нужно целостное представление о происходящем, а сама медицина его дать не может – в полном соответствии с принципом дополнительности Н.Бора [6, с.53].

Анализируя современные отношения философии и медицины, можно сделать вывод, что медицина нуждается в философском обосновании, в гуманитарной экспертизе своих достижений и в социальном прогнозе своего развития. В самой медицине существуют попытки концептуализации ее основных направлений (концепции качества жизни, доказательной медицины, 4П-медицины, трансляционной медицины), но они не достигают уровня философского обобщения. Наибольшее соответствие философской методологии представляет модель трансляционной медицины, но она должна быть дополнена исходным компонентом – блоком фундаментальной науки.

Поиски философских оснований современной медицины представляются полезными, но малоэффективными. Целесообразна разработка философии медицины как особого направления. В такой разработке должны принимать участие и специалисты в области философии, и специалисты в области медицины.

Литература

1. Шахабов И.В., Мельников Ю.Ю., Смышляев А.В. Ключевые аспекты пациент-ориентированной модели управления медицинской организацией // Научное обозрение. Медицинские науки. 2020. №3. С. 34-38. URL: <https://science-medicine.ru/ru/article/view?id=1112> (дата обращения: 10.09.2020).
2. Аристотель. Метафизика, пер. с греч., М.-Л., 1934; Аристотель. О душе, пер. с греч., М., 1937; Аристотель. О возникновении животных, пер. с греч., М.— Л., 1940
3. Фуко М. Рождение клиники / Пер. с французского, научная редакция и предисловие А. Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998. 310 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
5. Дробницкий О. Г. Научная истина и моральное добро // Наука и нравственность. М., 1971. С. 290–291.
6. Бор Н. Избранные научные труды, т. 2. М., 1970. С. 53.

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ БИОЭТИКИ

С.И. Андреев

*Кандидат философских наук, доцент
Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова*

Б.Б. Дондокова

*Кандидат философских наук, доцент
Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова*

М.А. Односталко

Старший преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах)

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

E-mail: lira-81@mail.ru

В статье рассматриваются онтологические основания биоэтики как рефлексивной практики биополитики. В качестве такого основания авторы анализируют онтологию множества как наиболее оптимальный подход в свете современных социальных процессов. С этой целью авторы приводят различные концепции множества в современной социальной философии. Возможности такого подхода обусловлены гетерархическим характером социальных отношений. Плоская онтология позволяет соотносить онтологические статусы различных субъектов биоэтики. Наиболее интересным авторам представляется формирование различных структур субъектности в свете экстерности социальных отношений субъектов биоэтики. Созидание уникального морального опыта индивидом в процессе совершения биоэтического выбора позволяет ему завершить процесс индивидуации. Биоэтика как рефлексивная практика современного общества позволяет индивиду не подчиняться автоматически различным формам биополитики.

Ключевые слова: биоэтика, биополитика, дискурс, принятие решений, онтология множества, субъектность

ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF BIOETHICS

S.I. Andreev

CSc in Philosophy, Associate Professor

Military Medical Academy

B.B. Dondokova

CSc in Philosophy, Associate Professor

Military Medical Academy

М.А. Односталко

Senior Lecturer of Department of Military-Political Work in the Troops (Forces)

Military Medical Academy

E-mail: lira-81@mail.ru

The article deals with the ontological foundations of bioethics as a reflexive practice of biopolitics. As such a basis, the authors analyze the ontology of the set as the most optimal approach in the light of modern social processes. To this end, the authors present various concepts of the set in modern social philosophy. The possibilities of such an approach are due to the heterarchical nature of social relations. A flat ontology allows one to correlate the ontological statuses of various subjects of bioethics. The most interesting authors seem to be the formation of various structures of subjectness in the light of the exteriority of social relations of subjects of bioethics. The creation of a unique moral experience by an individual in the process of making a bioethical choice allows him to complete the process of individuation. Bioethics as a reflective practice of modern society allows the individual not to automatically submit to various forms of biopolitics.

Keywords: bioethics, biopolitics, discourse, decision-making, ontology of the set, subjectness

В современной социально-философской и политической мысли особую актуальность приобретает проблема исследования процессов принятия решения в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и связанных с управлением и вмешательством в человеческую телесность. Вмешательство в жизнь тела на теоретическом уровне реконструируется в представлениях о биополитике. Формы же биополитики чрезвычайно многообразны, от контроля над процессами рождаемости и смертности на фенотипическом уровне популяции до технологий генно-инженерной модификации отдельных индивидов.

Биополитика как управление жизнью тела реализуется не только в классических моделях управления политическими процессами на территории отдельного государства, как наглядной иллюстрации сути биополитики, но и более тонко присутствует в базовых моделях экологии и современных технологий и институций медицины. На это указывает Ю. Такер, утверждая, что медицина лишь одна из форм биополитики внутри более широкого контекста управления голой жизни суверенной властью [1, с. 38]. С помощью современных биотехнологий и доминирования языковых практик в институциональных основаниях современная биомедицина неуклонно и последовательно реализует свой биополитический потенциал [2, с. 266].

Критическую функцию в отношении последствий технологического вмешательства в телесную целостность человека осуществляет биоэтика как рефлексивная практика биополитики, реабилитирующая субъектность индивида не только как телесного единства, единицы голой жизни, но и как субъекта нравственной жизни. Более того, биоэтика в ситуации бессилия классических философских систем становится практикой сборки этического субъекта, способного на принятие политического решения открытых моральных проблем.

Согласно 18 статье Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека основной целью принятия решений является организация общественных обсуждений биоэтических проблем на плюралистической основе [3]. Это достигается благодаря особому типу социальной организации биоэтики, представленному междисциплинарной областью научных исследований, академической дисциплиной и политическим институтом. К числу таких политических институтов биоэтики традиционно относят систему этических комитетов, целью которых является регулирование взаимодействия между представителями учреждений здравоохранения, научных организаций и институтов в сфере биомедицины на всех уровнях политической организации. Также к ним относятся общественные организации, защищающие интересы отдельных субъектов биоэтического процесса, пациентские сообщества. В рамках такой трактовки биоэтика в политическом измерении реализует функцию согласования интересов различных групп и индивидов, участвующих так или иначе в биополитической социальной организации. Процесс коллективного принятия решений в биоэтике отражает общую биополитическую социальную организацию, где индивид и множество как единицы анализа имеют неравные онтологические возможности и ограничения. Очевидно, что выявление онтологических оснований процессов принятия решения субъектов коммуникации в биоэтике позволит достичь более глубокого и ответственного понимания этого сложнейшего феномена.

Иллюстрацией актуальности данного исследования служит феномен нарушения равновесия в традиционных моделях отношений власти и подчинения. В отличие от трансцендентной модели унитарного суверенного субъекта власти, биополитическая социальная организация подразумевает взаимодействие в одной плоскости. В биоэтических дискуссиях невозможна власть внешнего авторитета, навязывающего обществу определенные моральные нормы, сообщество, трактуемое как множество, способно совместно организовывать общественный процесс обсуждения тех или иных биоэтических проблем. Понятие множества, основанное на математическом прочтении, в политической мысли предстает как поиск антиэссенциалистской перспективы в познании социальных процессов. Познание, которое не ставит своей целью достижение целостного взгляда на природу социальных процессов и явлений, по сути своей представляет собой наброски к новой социальной онтологии без принудительного синтеза. Эти наброски отражают бесчисленную совокупность сочетания различных оснований социальных отношений, суть которых состоит в их несовпадении и различии. Общество как множество не представляет собой неуправляемое сборище или толпу, которые на самом деле уже обозначают определенную модель социальной структуры.

В этом вопросе наиболее перспективной представляется гетерархическая модель общества М. Деланда [4]. Гетерархия представляет собой плоскую онтологию вложенных множеств индивидуальных сущих (индивиды – институты – города – национальные государства) в противовес иерархическим моделям социальной структуры. Индивидуальное сущее оказывается более адекватным онтологическим определителем по сравнению с индивидуумом как результат исторической индивидуации, поскольку не допускает абстрактной тотальности одних сущих (государств, например) и потери уникальности других (индивидов) [4]. Именно это и делает гетерархическую модель наиболее приемлемой для анализа специфики биоэтической практики коммуникации. Соответственно, плоская онтология позволит рассмотреть онтологические статусы субъектов коммуникации, таких как государство, сообщества, отдельные индивиды в одной плоскости, что позволит содействовать более эффективному процессу принятия решений в биоэтическом дискурсе и учесть, насколько это возможно, все факторы.

Противостоянием биополитике становится любая свободно проявляемая способность пережить духовный опыт, создать уникальный стиль жизни, основанный на практиках заботы о себе, осваивать философский этос посредством развития концептуального мышления. Однако иллюзорность таких попыток противостояния проникновению власти в тела подданных разоблачает Дж. Агамбен: «индивид оказывается связанным собственной идентичностью и собственным сознанием и одновременно подчиненным внешнему контролю» [5, с. 12]. Рассмотрим субъективацию более подробно.

Рефлексия многообразия мировоззренческих позиций по отношению к различным биоэтическим проблемам реализует трансдисциплинарный статус самой биоэтики и определенную открытость индивида по отношению к различным системам биоэтики [6, с.114-115]. Возникает вопрос об субъектной позиции как качественной характеристики отдельного индивида в рамках этих коммуникаций: от чего она зависит, каким образом она проявляется, как экстериторность отношений соотносится с субъектностью индивида? Важно понять, что экстериторность социальных отношений и сингулярность индивидов в биоэтике устраняется в процессе принятия решений посредством введения не учтенной ранее важнейшей переменной – степенью проявления субъектности конкретного индивида, которая лежит в основании биоэтического выбора и совершения нравственного действия – поступка.

Обратимся к модели субъектности агента, принимающего решения в биоэтике, разработанную Гребенщиковой Е. и Кияценко Л. Модель описывает структуру субъектности, образованную позициями отстраненного субъекта, множественной субъективности и участного субъекта. Субъектность интерпретируется как «виртуальный эффект, проецируемый в среду живого человеческого общения в качестве конкретного образа» [6, с.113]. Каждая позиция представлена конкретным парадигмальным прочтением позиции субъекта в процессе принятия решения в зависимости от специфики социально-политического пространства. Так, позиция отстраненного субъекта построена на классическом прочтении единства многообразия предполагает «принятие решения в категориях выбора действия с инертным материалом, чистым средством для поставленных целей» [6, с.117].

Неклассическая множественная субъективность в принятии решений требует коммуникации с различными агентами, принимающими решения. П. Вирно при анализе множественной субъективности указывает на два тезиса французского философа Симондона: тезис о принципиальной незавершенности процесса индивидуации, согласно которому любой субъект всегда содержит в себе доиндивидуальные (анонимная универсальность) и индивидуализированные (неповторимая уникальность) элементы [7, с. 94] и тезис о коллективном опыте как субстрате, обеспечивающим не сколько растворение индивидуального начала, а напротив, более радикальную индивидуацию. В коллективе отдельный субъект расширяет и углубляет собственную единичность. В то же время И. Красавин утверждает, что степень и форма субъектности участника коммуникации становится дополнительным эффектом внешних отношений, которые могут зависеть или нет от его свободы в этих отношениях [8, с.185].

Множество не становится основой государственного единства и не создает целостную социальную сущность, но способствует дальнейшей индивидуации доиндивидуального. Самоорганизация развивающихся внешних отношений в процессах коммуникации обозначается П. Вирно с помощью понятия *General Intellect* — всеобщего интеллекта, индивидуацию доиндивидуального в его социально-историческом измерении через призму знания, науки, производственной кооперации [7, с.95). Так, субъектность индивида порождает коллективную самоорганизацию только в таких сферах жизнедеятельности, где рациональность является необходимым условием.

Участный субъект, или аттестованное конкретным моральным опытом единство, осуществляется в принятии решения и совершении ответственного поступка: «На месте всеобщего анонимного единого мы видим опыт единства, основанием которого выступает ответственный поступок уникального человека» [8, с.118-119].

Итак, рассмотренная структура субъектности агента принимающего решения описывается в категориях единого и многого. Соответственно, именно третья ипостась субъектности позволяет перевести принятие решения в биоэтике из плоскости анонимных индивидов и не определившегося в способности ответственно действовать в пространство совершения нравственного действия. Институциональная плоскость множества биоэтических систем преодолевается вовлеченностью субъекта в совершение личностного поступка и создание посредством этого нового порядка. Итак, процесс принятия решений в биоэтике является именно такой сферой, где разумность, возможность

свободного выражения ценностной позиции и совершения нравственного действия, являются ключевыми факторами процесса принятия решений.

Литература

1. *Такер Ю.* Три текста о заражении. Пермь: Гиле пресс, 2020. 120 с.
2. *Фуко М.* Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Колледж до Франс в 1975-1979 учебном году/ пер. с фр. А. Дьякова. СПб: Наука, 2005.
3. Всеобщая декларация по биоэтике// Декларация Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/pdf/bioethics_and_hr.pdf (дата обращения: 20.03.2022)
4. *Деланда М.* Новая онтология для социальных наук (пер. с англ. М. Потапова и С.Гавриленко) // Логос. 2017. Т. 27. №3. с.35-56.
5. *Агамбен Дж.* Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.
6. *Гребенщикова Е.Г., Киященко Л.П.* Философия принятия решения в ситуации трансдисциплинарности // Ценности и смыслы. 2011. №7 (16). С. 109–124.
7. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни: [пер. с ит. А. Петровой под ред. А. Пензина]. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
8. *Красавин И.* Гетерархия множества // Логос. 2017. Том 27. №3(118). С. 173-198.

СЕЛФ-ТРЕКИНГ В МЕДИЦИНЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗДОРОВЬЕ

А.В. Антипов

*Кандидат философских наук, младший научный сотрудник
сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики
Институт философии РАН
E-mail: nelson02@yandex.ru*

Носимые устройства, способные собирать данные, и алгоритмы, задача которых состоит в обработке получаемых данных, становятся неотъемлемой частью повседневности человека. Одним из способов применения получаемых данных является их использование в процессе медицинских наблюдений и вмешательств. В рамках социокультурного измерения медицины сбор, обработка и использование данных с носимых устройств позволяет включить как эти устройства, так и непрофессионалов в процедуру анализа состояний и выявления соматических и психических «неисправностей». Механицистская метафора «неисправности» иллюстрирует редукционистскую трактовку тела как набора данных, посредством которых возможно управление телом и исправление его недостатков. Сбор данных выступает как один из трендов цифрового здравоохранения и является частью изменения понимания того, что значит быть здоровым.

Ключевые слова: селф-трекинг, цифровое здравоохранение, ответственность, безопасность, здоровье, экспертиза

SELF-TRACKING IN MEDICINE AND PERCEPTIONS OF HEALTH

A.V. Antipov

*CSc in Philosophy, Junior Research Fellow
Department of Humanitarian Expertise and Bioethics
Institute of Philosophy RAS
E-mail: nelson02@yandex.ru*

Wearable devices capable of collecting data and algorithms whose job it is to process the resulting data are becoming an integral part of human daily life. One way in which the resulting data can be used is in the process of medical observations and interventions. Within the

sociocultural dimension of medicine, the collection, processing, and use of data from wearable devices makes it possible to include both these devices and laypeople in the procedure of analyzing states and identifying somatic and mental "malfunctions. The mechanistic metaphor of "malfunction" illustrates a reductionist interpretation of the body as a set of data through which the body can be managed, and its defects corrected. Data collection acts as one of the trends of digital health and is part of the changing understanding of what it means to be healthy.

Keywords: self-tracking, digital health, responsibility, safety, health, expertise

Познание себя и улучшение представлений о том, кем мы являемся, заставляет человека искать новые способы анализа себя. Принципиальная невозможность завершения процесса понимания собственной сущности выступает основанием, на котором поколения людей выстраивают варианты идентификации. Современный мир стремительно наполняется носимыми устройствами, под которыми понимаются фитнес-браслеты, умные часы, смартфоны и т.д. — все то, что способно количественным образом фиксировать различные аспекты состояния и поведения человека. Возможным это стало вследствие удешевления производства таких технологий и постоянном увеличении их мощности. Как указывает Т. Шэрон, «появление недорогих цифровых инструментов самоотслеживания, которые сделали сбор и анализ данных проще, точнее и, возможно, веселее, привело к головокружительному росту феномена самоотслеживания для здоровья» [1, р. 96]. Генерирование большого количества данных о состояниях человека не могло обойти стороной медицину, для которой данные, получаемые в процессе селф-трекинга, имеют большое значение, связанное как с непосредственной клинической практикой, так и с трансформациями представлений о том, что такое здоровье и что значит быть здоровым.

Подходя к определению селф-трекинга следует сделать уточнение, что практики самоотслеживания и самонаблюдения являются еще становящейся областью, в которой теоретические работы преобладают над эмпирическими. Отчасти это связано с разнообразием и децентрализацией практик селф-трекинга, которые проявляются в большом количестве устройств, зачастую дублирующих друг друга по набору функций, а также способов анализа данных и представления результатов. Отслеживание тренда развития и социо-гуманитарное сопровождение опережают появление работ, фиксирующих эмпирические результаты, поскольку направлены на выявление потенциальных рисков, связанных с развитием технологий.

Поскольку область сбора данных и их использования в медицине разворачивается здесь и сейчас, появляется большое количество терминов, описывающих различные его аспекты: селф-трекинг, лайфлоггинг, жизнепоток, самонаблюдение («слежение сверху» (surveillance) и «слежение снизу» (sousveillance)), квантифицированная личность и др. В данном случае, вслед за Е. Ним [2, с. 173], все эти термины рассматриваются синонимично, поскольку каждый из них описывает ситуацию переведения опыта человека в количественный вид и превращения его в данные, которые возможно подвергнуть анализу, с помощью носимых устройств. Отличие такого вида селф-трекинга (или цифрового селф-трекинга) от традиционных способов фиксации измерений состоит в том, что «[...] гаджеты позволяют одновременно собирать информацию о различных показателях — о весе, массе тела, физической активности, психическом состоянии, настроении, частоте сердечных сокращений, уровне глюкозы в крови, температуре тела [...]» [3, с. 158], а «телесный опыт до появления цифровых селф-трекеров переживался в основном как качественный, а не количественный [2, с. 174]. Так, цифровой селф-трекинг сочетает многообразие получаемых данных с минимальными усилиями по использованию, поскольку достаточно, например, носить и периодически заряжать фитнес-браслет. При этом сами носимые устройства могут выступать фасилитаторами для принятия ответственности за собственные состояния [1, р. 97]. Опосредуя взгляд на состояния организма, устройства для селф-трекинга способны выступать посредником, через которого человек получает информацию, не доступную в других случаях.

Селф-трекинг, основанный на использовании мобильных медицинских технологий, вписан в более широкий контекст изменений, происходящих в самой медицине. Отмечается, что «мобильность» как тренд современной медицины «предполагает как институциональную динамичность медицины как сферы общественной жизнедеятельности, подвижность ее основных акторов, так и новые модели медицинской практики и поведения в отношении здоровья, основанные на использовании мобильных технологий» [4, с. 1694]. При этом в здравоохранении выделяются следующие формы: e-Health (электронное здравоохранение) предполагает дистанционное консультирование, персональный мониторинг; m-Health (мобильное здравоохранение) основано на использовании «мобильных устройств и беспроводных технологий в целях медицинской помощи»;

«d-Health — цифровое здравоохранение, предполагающее все возможности использования цифровых технологий в поддержании здоровья населения, объединение e-Health и m-Health» [3, с. 156].

Распространение и популярность носимых устройств, которая в некоторых случаях связывается с возможностью делиться данными с другими людьми [2, с. 181], «в корне меняет традиционные представления о здоровье и болезни» [5, р. 14], что позволяет исследовать новые формы этих представлений. Использование данных, полученных с носимых устройств отслеживания, формирует способы мониторинга, размывающие границы между частным и публичным наблюдением. Т. Шэрон выделяет три аспекта («обещания», «надежды»), раскрытию которых способствует распространение селф-трекинга в медицине. Первый заключается в расширении прав и возможностей; второй состоит в улучшении системы здравоохранения; третий предполагает увеличение сферы знания и его точности, в том числе о самом себе [1, pp. 98-102]. Однако «цифровые устройства не занимают место медицинских специалистов и не участвуют в решении проблем, связанных со здоровьем, но помогают пользователям в поддержании хорошего самочувствия» [6, с. 95], что обозначает еще один аспект, связанный с психологическим комфортом пользователей носимых устройств.

Увеличение сферы знания раскрывается через определение цели практик селф-трекинга для получения знания, которое можно использовать для повседневной жизни [7, р. 125]. Предлагается концептуализировать селф-трекинг как самопознание в следующем ключе: знание связано с конкретным человеком, то есть с его телом и/или жизненным миром производителя знаний; знание применимо практически, то есть актуально для управления повседневной деятельностью того, кто производит наблюдение; знание должно быть верифицируемо для использования в качестве основания для изменения поведения [7, р. 130]. Помимо формирования знания из данных, получаемых от носимых устройств, меняется и представление о телесности. Тело начинает пониматься как ансамбль данных и механизм (машина), которым можно управлять и который необходимо обслуживать. Однако такое управление позволяет не только обрести большую власть над собой, но и создает варианты контроля извне. Как справедливо указывает Е.В. Брызгалина, «социальные практики селф-трекинга» позволяют увеличить контроль над своим здоровьем, но могут приводить к появлению новых способов управления поведением человека [8, с. 76].

Управление осуществляется не только государством и органами власти. Примером контроля поведения с использованием инструментов селф-трекинга является кейс компании Oscar Health, которая быстро стала активным игроком на довольно консервативном американском рынке медицинского страхования. Компания начала продвигать продукты, позволяющие уменьшать страховые взносы в зависимости от выполнения определенной нормы активности (одним из видов являлась ходьба) [9, р. 66]. Так желание снизить ставку страховых взносов может толкать человека к корректировке собственного поведения в пользу того варианта, который считается правильным компанией, предлагающей свои услуги.

Здоровье и представление о том, что значит быть здоровым, изменяются, что позволяет использовать инструменты селф-трекинга в цифровом здравоохранении. Здоровье, понятое в качестве ресурса для полноценной жизни, формирование биоответственного индивида и устранение возможных рисков [3, с. 158-159] становятся основаниями для распространения практик селф-трекинга для контроля над собственными состояниями.

Анализ селф-трекинга с помощью концепта текущей современности З. Баумана объясняет самоотслеживание «как никогда полностью не реализуемое стремление к самопознанию и счастью» [10, р. 3]. Оставаясь заинтересованными в увеличении сферы знания о самих себе и ответственности за собственные состояния, невозможно дойти до конца в их обретении. Селф-трекинг и его использование в медицине потенциально обладает позитивными характеристиками, позволяющими человеку обрести уверенность в определенной траектории будущего посредством прогнозирования рисков. Но для его применения представляется необходимым элиминировать собственные риски использования: непрозрачность, предрасположенность к выбору отдельных стратегий, утечки данных, контроль над поведением.

Литература

1. Sharon T. Self-Tracking for Health and the Quantified Self: Re-Articulating Autonomy, Solidarity, and Authenticity in an Age of Personalized Healthcare. *Philos. Technol.* 2017. 30. P. 93–121.
2. Нум Е. Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // *Антропологический форум.* 2018. No 38. с. 172–192.

3. Богомяжкова Е.С., Дупак А.А. Цифровой селф-трекинг здоровья в дискурсе социальных наук // Социология науки и технологий. 2021. Том 12. No 2. С. 155-174.
4. Добринская Д.Е. Мобильные технологии как новый тренд в развитии здравоохранения / Д.Е. Добринская, А.В. Лядова // Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 1686-1696.
5. Smith G., Vonthehoff B. Health by numbers? Exploring the practice and experience of datafied health. Health Sociology Review. 2017. Vol. 26. No 1. P. 6-21.
6. Богомяжкова Е.С., Дупак А.А. Мобильное здравоохранение в действии: практики цифрового селф-трекинга студентов России и Европы // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, No 2. С. 88-101.
7. Heyen N. B. From self-tracking to self-expertise: The production of self-related knowledge by doing personal science // Public Understanding of Science. 2020. Vol. 29. No 2. P. 124-138.
8. Брызгалкина Е.В. Селф-трекинг как скетч цифровой медицины и объект эпистемического анализа // ПРАЭНМА. 2021. №3 (29). С. 55-82.
9. McFall L. Personalizing solidarity? The role of self-tracking in health insurance pricing // Economy and Society. 2019. Vol. 48. No 1. P. 52-76.
10. Lupton D. Self-tracking, health and medicine // Health Sociology Review. 2017. Vol. 26. No 1. P. 1-5.

ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ БИОБАНКОВ: THICK CONCEPTS И СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ*

Р.Р. Беляетдинов

Старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: roman_rb@mail.ru

Социальное доверие – основа развития биомедицинских технологий, затрагивающих ценностные и моральные сферы современного общества. Аксиологические факторы, внешние для науки, являются определяющими в формировании легитимации научных исследований и могут рассматриваться как источник трансформации формальных процедур, необходимых для проведения биомедицинских исследований в более широкий контекст социокультурного феномена, возникающего в ответ на развитие технологии. За счет обращения к ценностным установкам, биоэтика позволяет проводить «акклиматизацию» достаточно спорных научных разработок, добываясь с помощью публичного обсуждения признания новых научных методов, напрямую воздействующих на жизнь человека.

Необходимость получения информированного согласия у доноров биобанков связана с общепринятой процедурой проведения клинических исследований. В более широком смысле биоматериалы в контексте исследований рассматриваются как неотъемлемая собственность пациентов, из чего вытекает их право на контроль за тем, что происходит с образцами биоматериалов. Однако, учитывая нагрузку биобанков, в которых могут проходить десятки исследований, процесс информирования всех доноров по каждому отдельному исследованию является крайне затруднительной задачей, требующей ресурсов как технических, так и временных.

Сегодня форма расширенного информированного согласия рассматривается как наиболее подходящая модель взаимодействия доноров и депозитариев биоматериалов. Таким образом, правовой подход к проблеме информированного согласия для биобанков, казалось бы, выглядит полностью функциональным. Между тем необходимость учитывать моральные принципы доноров биобанков сохраняет актуальность как условие сохранения доверия к науке.

Ключевые слова: биобанки, информированное согласие, автономия, thick concept

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №19-18-00422).

TRAJECTORIES FOR THE DEVELOPMENT OF BIOBANKS: THICK CONCEPTS AND SOCIAL TRUST**

R.R. Belyaletdinov
Senior Research Fellow
Institute of Philosophy RAS
E-mail: roman_rb@mail.ru

Social trust is the basis for the development of biomedical technologies that affect the value and moral spheres of modern society. Axiological factors external to science are decisive in shaping the legitimation of scientific research and can be considered as a source of transformation of the formal procedures necessary for conducting biomedical research into a broader context of a sociocultural phenomenon that arises in response to the development of technology. By appealing to values, bioethics allows for the "acclimatization" of rather controversial scientific developments, achieving through public discussion the recognition of new scientific methods that directly affect human life.

The need to obtain informed consent from donors of biobanks is associated with the generally accepted procedure for conducting clinical trials. In a broader sense, biomaterials in the context of research are considered as the inalienable property of patients, which implies their right to control what happens to samples of biomaterials. However, given the workload of biobanks, which can host dozens of studies, the process of informing all donors about each individual study is an extremely difficult task, requiring both technical and time resources.

Today, the form of extended informed consent is considered as the most appropriate model for the interaction of donors and depositories of biomaterials. Thus, the legal approach to the problem of informed consent for biobanks would seem to be more functional, while the need to take into account the moral principles of biobank donors remains relevant as a condition for trust in science.

Keywords: biobanks, informed consent, sociotechnical imaginaries, autonomy, thick concept

Социальное доверие – основа развития биомедицинских технологий, затрагивающих ценностные и моральные сферы современного общества. Аксиологические факторы, внешние для науки, являются определяющими в формировании направления, финансировании развития и легитимации научных исследований. Если ружье висит, оно выстрелит: то есть в значительной степени доверие можно определить как гарантию того, что создаваемые учеными биомедицинские технологии не являются угрозой обществу. Биоэтику, возникшую в ответ неэтичным исследованиям с участием человека, нередко обвиняют в том, что она через этические комитеты и регламенты, внедренные в научные программы, затормаживает развитие науки. Эта вполне ожидаемая видимость влияния биоэтики на науку скрывает процесс дискуссии, оперирующую ценностными и понятийными концептами (thick concepts) [1], позволяющий проводить «акклиматизацию» спорных научных разработок, добиваясь подлинного признания и доверия новых научных методов, напрямую воздействующих на жизнь человека.

Биобанки относятся к сфере таких разработок и представляют собой крайне важное для науки и амбивалентное для общества явление. Вероятность опасений и недоверия к биобанкам кроется в их новизне, глобальном характере системы организации биобанков, а также в неопределённости целей и задач, которые могут быть решены с использованием биоматериалов доноров биобанков.

Социальное доверие является актуальной проблемой развития биобанков, а ее решение стало предметом дискуссий в части определения того, как следует вводить норму информированного согласия в практику работы биобанков

Проблема доверия и вовлеченности общества в работу биобанков

Необходимость получения информированного согласия у доноров биобанков связана с общепринятой процедурой проведения клинических исследований, регламентированных

** The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 19-18-00422.

Хельсинской декларацией и Правилами должной клинической практики [2]. В более широком смысле биоматериалы в контексте исследований рассматриваются как неотъемлемая собственность пациентов, из чего вытекает их право на контроль за тем, что происходит с биообразцами. Биоматериалы после проведения необходимых клинических исследований, связанных с конкретным клиническим или исследовательским эпизодом, в буквальном смысле должны быть либо утилизированы, либо отданы пациенту.

Учитывая нагрузку биобанков, в которых могут проходить десятки исследований, процесс информирования всех доноров по каждому отдельному исследованию является крайне затруднительной задачей, требующей ресурсов как технических, так и временных. Следование процедуре полного информированного согласия – сообщение донору о целях и рисках, связанных с каждым отдельным проектом, разъяснение этих рисков специалистами, письменное заполнение форм информированного согласия – приведет к замедлению работы биобанков и сокращению числа исследований. Кроме того, возможный отзыв биоматериалов грозит исследовательским депозитариям биоматериалов существенными издержками.

Вместе с тем, по словам английского исследователя Т. Колтфильда, «участники обладают постоянным правом контролировать свои исследовательские биоматериалы», что является частью их «биоправ» [3, с. 3]. Колтфильд отмечает прямую связь между автономией и правом принятия решений: «В реальности биобанков автономия – это установление контроля над тем, что составляет персональную целостность. Из этого вытекает, что доноры биобанков должны сохранить право на контроль своей генетической и персональной информации. Это в некоторой степени касается уважения фундаментальных прав человека» [4, с. 223].

Полное информированное согласие определяется как «предоставление информации пациенту о том, что планируется сделать, и о последствиях, которые наступят после этого» [5, с. 1278]. Расширенное информированное согласие подразумевает в достаточно сжатом виде лишь первую часть этого обязательства – информирование о том, что планируется сделать (проводить множественные биомедицинские исследования), но полностью оставляет в стороне вторую часть определения, каковы цели каждого конкретного исследования в биобанке, каковы риски каждого исследования, которые наступят в результате реализации научных проектов. Причем регулятивный документ ИСН 8 [6] допускает получение информированного согласия на множественное использование биоматериалов как в отдельной форме информированного согласия, так и внутри общей формы (что может сбить пациента с толку и не позволить ему разобраться, для каких именно целей забираются биоматериалы).

При этом в работе биобанков выполняются самые различные биомедицинские исследования и биоматериалы используются для разработки лекарств или биомедицинских технологий, которые могут не совпадать с убеждениями и ценностями доноров биоматериалов, особенно в свете умаления роли общества в инклюзии людей с различными генетическими особенностями [7].

Со временем, когда практика биобанкинга станет более развитой, проблема нежелательного или неэтичного использования биоматериалов окажется столь же острой, как и исследования на человеке во времена Таскиги [8] или использование клеток Генриетты Лакс без ее личного одобрения и одобрения ее наследников.

Признавая проблему желательности или нежелательности отдельных исследований и права доноров биобанков определять, какие типы исследований допустимы, расширенное информированное согласие признается наиболее подходящей формой взаимодействия доноров и депозитариев биоматериалов. Таким образом, формально правовой подход к проблеме информированного согласия для биобанков сегодня выглядит более функциональным, в то время как уважение моральных представлений пациента и его рациональное отношение к рискам остается вне биоэтического поля биобанкинга.

Интересно отметить, что причиной для интерпретации биобанков в качестве квазиисследований с участием человека служит то обстоятельство, что риски, грозящие пациенту в обычном исследовании в случае биобанков можно рассматривать как ничтожные. Таким образом, статус исследований в биобанках, несмотря на то что он опирается на биоматериалы человека, воспринимается как лабораторный, далекий от пациентов. Поэтому и согласие, которое требуется от доноров биобанков, является лишь легальным одобрением, а иногда оно рассматривается как вообще необязательный и бюрократический атрибут, навязанный ученым извне [9].

Ученые вступают здесь в противоречие в оценке статуса исследований на человеке, проводимых в биобанках. С одной стороны, формально, за донорами сохраняются права на принятие решений, например, право отзыва биоматериалов, отказ от определенных типов исследований. Однако, с другой стороны, признается техническая неисполнимость и практическая ничтожность информированного

согласия (в силу его неинформативности) на использование биоматериалов для исследований. В частности, возможным решением проблемы считается введение в форму информированного согласия предоставление права руководству биобанков решать, какие именно исследования могут проводиться в биобанке. Но насколько альтернативная система оценки рисков, построенная на основе представления информации о проводимом исследовании (подобно тому, как это происходит в полном информированном согласии) применима для расширенного информированного согласия для биобанков, где риски для доноров не являются прямыми (то есть телесными), пока остается вопросом без ответа.

Биобанки как депозитарии биоматериалов прежде всего являются научным институтом. Однако их социальная роль значительно шире – они могут рассматриваться как первый конкретный шаг к биотехнологическому бегству от социальных вызовов, как начало «жестокой утопии» или идеологии «медицинского колониализма», оформленной по правилам расширенного информированного согласия на проведение исследований с использованием биообразцов доноров биобанков.

Роль науки в современном обществе определяется не только целями исследований, но и присущими обществу этическими представлениями. Кроме того, захваченность общества социотехническими «мнимостями» накладывает на науку и экспертизу научных исследований еще большие обязательства по поддержанию доверия к научным исследованиям.

Траектории научных исследований традиционно определяются рисками и угрозами прежде всего телесного характера. Между тем современная наука усложняется и риски приобретают характер столкновения приоритетов, доходящих до конфликтов, проистекающих из различных представлений о благе, основанных на принципах и ценностях общества, с одной стороны, и благе, возникающем из измеряемых результатов (например, сокращение доли моногенетических заболеваний) – с другой. Установление доверия к институту биобанков через поддержку практики информированного согласия и сохранение его сути (прежде всего информационной открытости научных исследований) сохраняет свою ценность как инструмент формирования траекторий развития биомедицины на основе взаимного доверия ученых, испытуемых и общества и позволит избежать в будущем фрагментации системы глобального биобанкинга, а также будет способствовать успешности избранных траекторий социально-ориентированных научных исследований, связанных с биобанками.

Литература

1. *Alexandrova A., Fabian M.* Democratising Measurement: or Why Thick Concepts Call for Coproduction // *European Journal for Philosophy of Science*. 2022. Т. 12. №. 1. С. 1-23.
2. *Власов В.В.* Правила должной клинической практики против Хельсинской декларации // *Казанский медицинский журнал*. 2011, Т. 92. №. 5. С. 748-752.
3. *Manson N. C.* The ethics of biobanking: Assessing the right to control problem for broad consent. *Bioethics*. 2019. V. 33, №. 5. P. 540-549.
4. *Caulfield T.* Biobanks and blanket consent: The proper place of the public good and public perception rationales // *Kings Law Journal*. 2007. No 18. Pp. 209–226.
5. *Planned Parenthood of Central Missouri v. Danforth*, 1976. *Encyclopedia of Bioethics*. USA: Macmillan Reference, 2004. P. 1278.
6. ICH guideline E18 on genomic sampling and management of genomic data, 2017. URL: <https://www.ema.europa.eu/en/ich-e18-guideline-genomic-sampling-management-genomic-data>
7. Intersex people urge ban on non-consensual 'sex-normalisation' surgeries, 2021. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-10-17/intersex-reform-sex-normalisation-surgerychildren/100538054?fbclid=IwAR1mGFoTkMKp1aUazQNXRjT0uxMpQ41TfmnYBEWZTGicfj4ONbtN9n6H58c>
8. *Baker R.* Before bioethics: A history of American medical ethics from the colonial period to the bioethics revolution. Oxford University Press, 2013.
9. *Брызгалова Е.В., Аласания К.Ю., Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е.М.* Биобанкинг. Социально-гуманитарные аспекты. М.: Изд-во Московского университета. 2018. 232 с.

ДРАМАТИЗАЦИЯ И ПРИЕМ «ОСТРАНЕНИЯ» КАК НАРРАТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В КОММУНИКАЦИИ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

С.В. Лаврентьева

Младший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: sonnig89@gmail.com

Болезнь может оказаться сложным опытом, переворачивающим жизнь человека и разрушающим его прежде связный рассказ о себе. Тело пациента постоянно напоминает ему о том, что настоящее уже не неизменно, будущее становится неопределенным, а сам человек чувствует кризис идентичности. Одним из возможных инструментов работы в выстраивании новой истории о себе и преодоления кризиса идентичности в такой ситуации могут стать практики драматизации. В данной статье раскрыты три возможных инструмента в рамках данной практики: рефлексивность, ненапряженное восприятие, остранение. Показано, как остранение может помочь пациенту в выстраивании непривычного нарратива о себе в условиях неопределенности, а рефлексивность и ненапряженное восприятие - преодолеть кризис идентичности за счет восприятия себя как условного героя нового сюжета.

Ключевые слова: остранение, рефлексия, драматизация, театр, коммуникация врача и пациента, нарратив

DRAMATIZATION AND "DEFAMILIARIZATION" AS NARRATIVE TOOLS IN DOCTOR-PATIENT COMMUNICATION

S.V. Lavrentyeva

Junior Researcher

Institute of Philosophy RAS

E-mail: sonnig89@gmail.com

Illness can be a complex experience that turns a person's life upside down and destroys their previously coherent account of themselves. The patient's body constantly reminds him or her that the present is no longer immutable, the future becomes uncertain, and the person himself or herself feels an identity crisis. One of the possible tools of work in constructing a new story about oneself and overcoming the identity crisis in such a situation can be practices of dramatization. This article reveals three possible tools within the framework of this practice: reflexivity, unstressed perception, defamiliarization. It is shown how defamiliarization can help the patient to construct an unfamiliar narrative about himself under uncertainty; and reflexivity and uninhibited perception can help him to overcome the identity crisis through the perception of himself as a conditional hero of a new plot.

Keywords: defamiliarization, reflexion, dramatization, theater, doctor-patient communication, narrative

В своей книге «Раненый рассказчик...» Артур Франк описывает свой опыт проживания болезни и также приводит примеры нарративов других «раненных рассказчиков», пытаясь выявить некоторые общие у этих черты историй. Болезнь (и тут, конечно, подразумевается либо достаточно тяжелое хроническое заболевание, либо заболевание, которое может представлять явную угрозу для жизни человека), отмечает Франк – это опыт, к которому нельзя подготовиться и который скорее всего перевернет историю жизни, сделав ее при этом неопределенной и дробной [1, с. 56-60.].

В условиях, когда прежде связный рассказ о себе теряет свою целостность, а сам человек чувствует кризис идентичности, встает вопрос о том, какие инструменты помогут с одной стороны осмыслить опыт болезни, а с другой встроить его в повествование о своей жизни. Этот вопрос не является чисто умозрительным - и для врача, и для пациента он обладает конкретной ценностью и имеет практические последствия. Ведь освоение нового опыта и изменение своей истории в ходе заболевания является важной ступенью на пути к признанию необходимости сотрудничества с врачом и другими специалистами в процессе лечения/выздоровления (что непосредственно сказывается на здоровье пациента), и также дает подсказки в поиске новых перспектив в условиях неопределенности.

Одним из возможных инструментов работы с нарративом в такой ситуации могут стать практики драматизации. Данные практики имеют свою историю применения в медицинском образовании – это одно из ответвлений нарративного подхода в медицине, который предполагает чтение и/или разыгрывание небольших сценок, воспроизводящих ситуации общения врача с пациентом и его семьей [2]. Практики драматизации с одной стороны используются как инструмент для тренировки медицинских специалистов в коммуникации, а с другой подталкивают к проблематизации и дает пищу для размышления насчет возможных этических дилемм, возникающих в ходе общения врача и пациента [3, с. 1]. Являясь, изначально, своеобразным упражнением для врачей, они также могут сослужить хорошую службу и для пациентов в деле создания коммуникативной платформы и набрасывания ориентационного комплекса, который позволит им действовать в новой для них ситуации.

Здесь я бы хотела обратить на те стороны практики драматизации, который особенно важны для формирования пациентом новой нарративной идентичности.

Сначала посмотрим, какие именно особенности театрального действия могут быть значимыми в таком процессе. Первая особенность состоит в том, что и игру актеров, и восприятие ее зрителями мы можем рассматривать как своеобразное упражнение в рефлексии. Здесь я сошлюсь на концепцию А.В. Ахутина, который говорил о театре как о способе подойти к перипетиям собственной судьбы с отстраненной, зрительской точки зрения: «Театр по-гречески *θέατρον* — *зрелище*, смотреть зрелище — *θεωρεῖν*, а зрение зрелища — *θεωρία* — *теория*. Человек становится *теоретиком* всего (*τά πάντα*), когда занимает положение всеобщего зрителя» [4, с. 194-195]. Театр, таким образом, позволяет зрителю, отступив назад, взглянуть на вещи со стороны, сделав их «теоремами» [там же]. В книге «Драма ДНК: нарративная геномика», авторы Карен Х. Ротенберг, Линн Вейн Буш отмечают, что драматический нарратив является отличным средством для стимулирования саморефлексии и, «пробуждая моральное воображение», дает участникам по-новому взглянуть привычные ситуации и приспособиться к непривычным обстоятельствам [3, с. 1].

Вторая важная особенность, тесно связанная с первой, состоит в том, возможности создания ненапряженной позиции зрителя (о которой говорит В. Беньямин в контексте теории эпического театр Б. Брехта) делающей возможной извлечение урока из драмы [5, с. 270.]. Эта ненапряженность способствует рефлексивному взгляду на ситуацию и за счет освобождения от тяжести принятия реальных решений помогает проиграть разные варианты развития коммуникации и выстраивания собственного будущего.

Третьей особенностью, которая не является характерной для театра в общем, но может быть предложена им, является «эффект отчуждения». О данном эффекте говорит Б.Брехт, описывая свою теорию эпического театра. Эффект отчуждения проявляется, когда сам актер сам отстраняется от играемой им роли и показывает эмоции героя не непосредственно выражением своего лица и своим телом, но некоторыми механическими и при этом понятными всем приемами. В ходе игры актер дает понять, что сопереживает герою вместе со смотрящей спектакль публикой, а не просто играет его. Таким образом, публика и актеры как бы вместе участвуют в представлении, и актеры реагируют на восприятие публики, сопереживая происходящему на сцене вместе с ней [6].

«Эффект отчуждения» можно сравнить с близким ему по духу «приемом остранения», изложенным одним из представителей формалистской школы В. Шкловским [7, с. 40-43]. Данный литературный прием был призван освободить читателя от автоматизма восприятия. Прежде привычные факты и вещи вследствие этого приема должны предстать перед читателем в новой, трудной для восприятия форме, что возвращает ощущение воспринимаемого. Это снимает те оковы, которые накладывает на наше восприятие повседневность. Она легка и текуча, автоматизирована, в то время как рефлексия спотыкается в своем движении [там же]. Здесь, так же, как и актер, использующий эффект отчуждения на сцене, не стремится быть реалистичным и понятным, а просто указывает на конкретные эмоции, побуждая публику испытать ее вместе с ним, так и прием остранения должен запустить реакцию на факты, слова или ситуации у самого читателя вместо того, чтобы просто прибегать к простому описанию действительности.

Все эти черты театрального действия (рефлексивность, ненапряженное восприятия, остранение, деавтоматизация) могут быть использованы в практиках драматизации при работе с пациентами.

А. Франк, описывая опыт заболевшего, говорит о том, как постоянно хаотично меняющееся настоящее в ходе болезни сказывается на восприятии будущего. Тело пациента постоянно напоминает ему о том, что настоящее уже не незыблемо, а будущее становится неопределенным. И в этой ситуации одной из проблем является двойственность опыта: с одной стороны, пациент пытается восстановить порядок повествования, разрушенный прерыванием, с другой - он должен понимать, что такие

прерывания будут продолжаться и четкой и само собой понятной перспективы у его истории не будет [1, с. 56-60]. Прием остранения и деавтоматизации кажутся логичными инструментами, которые с одной стороны дают в выстраивании непривычного нарратива о себе.

Еще одной важной проблемой «раненного рассказчика» является кризис идентичности. Необходимость продолжения повествования, отмечает Франк, заключается также в том, что пациент пытается нащупать самого себя в новых для себя обстоятельствах, понять есть ли герой в этой истории. Особую трудность здесь составляет то, что даже если человек всю жизнь предполагал возможность или ожидал заболевание (если оно наследственное) или соприкасался с заболеваниями на примере других (будучи врачом или третьим лицом в чужой истории), реальность болезни всегда будет для него новой и неожиданной [1, с. 53-56]. И именно ненапряженное восприятие может помочь нащупать пациенту нового «себя» во всей этой новой и непривычной для него истории.

Литература

1. *Frank A.* The Wounded Storyteller: Body, Illness and Ethics. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1997. 231 p.
2. *Hoffman A., Utley B., Ciccarone D.* Improving medical student communication skills through improvisational theatre // *Medical education.* 2008. 42(5). P. 537-538.
3. *Rothenberg K.H., Bush L.W.* Drama DNA. Oxford: Oxford University Press, 2014. 247 p.
4. *Ахутин А.В.* Театр теории // Статьи и наброски. 1975-2003. СПб.: Наука, 2005. С. 194-217.
5. *Вицисла Э.* Беньямин и Брехт - история дружбы / Пер. с нем. под ред. С. Ромашко. М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2017. 456 с.
6. *Брехт Б.* «Эффект отчуждения» в китайском сценическом искусстве // Бертольт Брехт. О театре. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 229-240.
7. *Левченко Я.С.* Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 304 с.

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ БОЛИ В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ МЕДИЦИНЫ

Ф.Г. Майленова

Доктор философских наук,

ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики

Институт философии РАН

E-mail: Farida.mailenova@gmail.com

Проблема восприятия боли, борьбы с нею и осмысления ее роли в нашей жизни в последнее время стала особенно актуальна. Современная медицина, все более технологизируясь, фокусируется на симптомах, которые можно наблюдать, а посредством современных приборов можно заметить и не видимые невооруженным глазом симптомы. Однако техническая оснащённость постепенно вытесняет непосредственное общение врача с пациентом, страдающего не только от боли, но и от сопутствующих его недугу обстоятельств: невозможности продолжать учиться и работать по-прежнему, ухудшению внешнего вида, падению уровня доходов, одиночеству.

Философия и этика наравне с психотерапией способны исцелить боль или хотя бы утешить, предлагая дополнительные ракурсы ее понимания и расширяя наше знание о себе и мире. Как современный человек воспринимает боль, изменились ли нормы ее восприятия и оценки, каким должен быть подход к человеку, страдающему от боли и зачастую находящимся в тотальном одиночестве, наедине со своей болью - вопросы, находящиеся в компетенции целого ряда наук о человеке и не оставляющие никого равнодушным.

Ключевые слова: восприятие боли, страдание, медицинские технологии, биоэтика, технологизация медицины

THE SPECIFICITY OF PAIN PERCEPTION IN THE ERA OF TECHNOLOGISATION OF MEDICINE

F.G. Mailenova

*DSc in Philosophy, Research Associate, Humanitarian Expertise and Bioethics Sector
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: farida.mailenova@gmail.com*

The problem of perceiving and combating pain and analysing its role in our lives has recently become a particularly relevant issue. Modern medicine, more and more technologically advanced, focuses on symptoms that can be observed, and through modern devices, symptoms that are not visible to the naked eye can also be noticed. But technical equipment is constantly replacing face-to-face contact with the patient, who suffers not only from pain but also from the circumstances that accompany the illness: the inability to continue studying and working as before, the worsening of physical appearance, the falling of incomes, the loneliness of the patient.

Philosophy and ethics, along with psychotherapy, can heal pain or, at least, console it by offering additional angles of understanding and expanding our knowledge of ourselves and the world. How pain is perceived by the modern man, have standards of pain perception and evaluation changed, what should be the attitude towards a person suffering from pain and often being totally alone and confronted with his pain - questions that are in the competence of a number of human sciences and leave no one indifferent.

Keywords: perception of pain, suffering, medical technology, bioethics, technologisation of medicine

Проблема боли, ее восприятия, борьбы с нею и осмысления ее роли в нашей жизни всегда была актуальна, однако в связи с пандемией, которая воочию показала всем, что медицина, увы, не всесильна даже в самых развитых странах с высокой степенью медикализации, и все ещё существуют смертельные болезни с мучительными симптомами, которые человечество вряд ли победит, мы вынуждены вновь пересматривать нашу позицию относительно боли. Многие, кому повезло выздороветь после ковида, тем не менее не избавились от остаточных болей, к тому же их хронические болезни вследствие разрушительного влияния вируса обострились и стали проявляться намного более явно и остро. А перегруженная система медицинской помощи, вынужденная по сей день основные ресурсы тратить на то, чтобы спасти жизни тех, кто находится на грани, не может полноценно заниматься лечением пациентов, у которых «всего лишь» хронические боли, слабость, апатия или депрессия. Таким образом к физическим страданиям в ситуации отсутствия надежды на эффективную медицинскую помощь прибавляется чувство безысходности и одиночества. К тому же, как отмечают специалисты, в последние два года количество неврологических нарушений (возможно также являющихся последствием ковида) также увеличилось, и такие больные часто сами могут не догадываться о том, что они больны, в то время как изменяются их мысли, эмоции, способы реагирования на окружающих, и постепенно болезнь меняет саму личность. Насколько необратимы эти личностные изменения, и можно ли их предвидеть и предотвратить - вопрос, касающийся всех аспектов нашего бытия. Как современный человек воспринимает боль, изменились ли нормы ее восприятия и оценки, каким должен быть подход к человеку, страдающему от боли и зачастую находящимся в тотальном одиночестве, наедине со своей болью. Можно ли понять чужую боль так, как ее испытывает тот, чье тело и душу она терзает и исподволь меняет его личность? Что же такое человек, страдающий от боли, остаётся ли он той прежней личностью, какой он был до болезни, или же он претерпевает модификацию по мере развития его болезни? Понимание боли другого человека зачастую приравнивается к глубинному пониманию его сущности. Видимо, можно рассматривать боль и способность к сопереживанию боли другого как важнейший аспект взаимопонимания.

Проблемы понимания боли

Кроме физической боли, которая постоянно сопровождает человека, и с которой он неизменно борется на протяжении веков средствами колдовства, молитв, медицинских практик и психотерапии, есть ещё боль души, которая болит от несправедливости и жестокости, даже если тело не затронуто. Известно, что длительное пребывание в ситуации боли изменяет не только тело человека, он постепенно меняется весь, как личность.

Однако медицина склонна воспринимать лишь ту боль, которую можно наблюдать посредством видимых симптомов и измерить с помощью приборов. Если же видимых нарушений в жизнедеятельности организма нет, то и боли быть «не должно», в таких ситуациях жалобы пациента игнорируются, в лучшем случае применяют обезболивание. Между тем известно, что существуют как боли физические, связанные с повреждением тела, так и невротические, например фантомные боли, когда есть ощущение боли или дискомфорта, но повреждения в теле нет. Ситуация затрудняется также тем, что зачастую человек не может описать свою боль, он просто говорит «мне больно».

Наш человеческий язык приспособлен прежде всего для того, чтобы обозначать объекты, существующие в мире. В результате то, что не имеет объекта, не может быть адекватно выражено в привычном нам языке. Потому в языке не существует слов, которые бы могли точно описать боль, которую мы испытываем, другому человеку, мы вынуждены либо описывать боль через метафору, пытаясь ее как-то «ухватить», либо, когда она невыносима, мы уже выражаем боль через крики, стоны - звуки, напоминающие нам о нашей животной природе. Такой языковой регресс, присущий тяжелобольным пациентам, вынуждает терапевтов придумывать способы, как их понять, минуя выученный человеческий язык. Более того, боль сложно не только выразить и описать другому человеку, она с трудом поддается описанию и для самого страдающего от боли человека. Таким образом безусловная субъективная реальность боли оказывается неуловимой для языка и анализа. Между тем без этого описания и анализа сложно понять боль и лечить ее.

Правда когда речь идёт о неврологических повреждениях, пациенты часто могут о ней рассказать, но врачу приходится расшифровывать это, так как человек пытается описать свою боль через образы или сравнения, так что зачастую этот рассказ - метафора. Свойство человеческой психики создавать сходство между различными классами объектов по самым порой неожиданным основаниям всегда использовалась для передачи мыслей, идей, эмоций. Язык метафор является зачастую самым успешным в общении, когда буквально не хватает слов для объяснения и понимания - в таком случае образный язык метафор может помочь наладить взаимопонимание. Язык метафор способен как наиболее полно объяснить телесные ощущения одного субъекта другому, так и наладить непосредственный контакт между интуитивной бессознательной частью личности каждого участника диалога.

Боль разделяющая

Согласно исследованию Скэрри [1] физическая боль больше любых других состояний обозначает абсолютную разделённость между индивидами, между тобой и мной. Когда я ощущаю физическую боль, она для меня несомненна, моя боль ощущается с такой степенью уверенности, какую я вряд ли могу испытывать по какому-нибудь другому поводу. Моя физическая боль неотделима от меня.

Сильная боль принуждает нас спускаться к уровню элементарного физического существования, она оттесняет собой то, что было значимо и важно, когда мы были здоровы, все социальное: работу, учебу, карьеру, творчество, любовь. Все личностное содержание видоизменяется под воздействием боли, а когда боль чрезмерна, личность начинает разрушаться, и это разрушение касается не только тела, но и ее социальной жизни. Люди, страдающие от мучительных хронических болей, могут чувствовать, как будто их жизнь редуцируется до этой боли и их жизнь отныне состоит лишь из боли... И здоровые люди, которые существуют в другой реальности, в которой боль - лишь эпизод, а отнюдь не вся жизнь, оказываются отчуждёнными именно этой физиологической разницей в ощущениях.

Воспринимать боль другого, видеть, слышать о боли другого, по мнению Скэрри [1], — типичный пример феномена, порождающего сомнение, потому что каждый из нас заперт в «темницу собственного тела». Отсюда и двойственный характер этого феномена: если я испытываю боль, она несомненна, если боль испытывает другой, в неё ещё нужно поверить, представить ее - то есть в ней легко можно усомниться. Потому повествование о боли - это прорыв через непонимание, от одного отдельного бытия к другому.

Можно пожалуй добавить, что боль, будучи, с одной стороны, сугубо личным переживанием, в то же время является универсальным свойством всего живого, и именно способность сопереживать, сострадать чужой боли является одним их признаков развитой личности.

Жизнь без боли - мечта?

С одной стороны, вся история медицины может быть рассмотрена как попытка справиться с болью, которая постоянно сопровождает человека - будь то боль от ран, полученных в сражениях,

драках или вследствие несчастных случаев, или боль от различных заболеваний. Тем не менее именно боль является тем языком, с помощью которого тело сообщает о проблеме, и ее характер может дать информацию, чтобы поставить диагноз.

Так что является ли идеальной жизни без боли? Существуют люди, которые вовсе не испытывают боль, они полностью лишены этого свойства организма. В 1981 году в США появился мальчик по имени Стивен Пит [2] и, когда у него прорезались зубы, он стал жевать свой язык. Когда перепуганные родители это заметили и отвели его в больницу, они узнали, что у Стивена врожденная нечувствительность к боли. Вскоре у Стивена родился брат Кристофер, у которого обнаружили ту же особенность. Однако жизнь братьев нельзя назвать благополучной. Не зная боли, они не могли заметить у себя не только симптомы заболеваний (по этой причине родителям приходилось постоянно их обследовать), но и, не испытывая боли, они могли драться до переломов и, не замечая этого, так и ковылять... Из-за тяжёлых травм они часто оказывались в больнице. Так что жизнь без боли оказалась намного сложнее, чем жизнь обычного человека, так как боль - это данный от природы механизм, помогающий нам выжить. К тому же несмотря на то, что боль приносит страдания и порой мешает наслаждаться жизнью, в то же время именно она позволяет нам ощутить, что мы живы.

Это двойственное отношение человека к боли отмечает Ветлесен А.Ю., автор книги «Философия боли»: «Жизнь без боли – это не жизнь. Жизнь с болью практически невыносима. Когда боль становится слишком сильной, мы умираем заживо и мечтаем лишь о том, чтобы боль прекратилась, хотя полное прекращение боли равнозначно в конечном счёте прекращению жизни. Но если боль – это единственное, что есть в жизни, то встаёт вопрос о том, стоит ли это того, чтобы жить» [3; с. 5]. Так что говоря об успехах медицины в борьбе с болью, мы скорее всего имеем в виду мучительные изнуряющие хронические боли, которые убивают в нас любовь в жизни и порой провоцируют думать о смерти как об избавлении...

Однако полное изгнание боли (даже если допустить, что это возможно) из жизни человека равносильно убийству всех ощущений, а соответственно, и эмоций, и мы вряд ли захотим выбрать себе такую жизнь.

Литература

1. Scarry E. The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World. Published by Oxford University [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books/about/The_Body_in_Pain.html?id=NEaz8I0Kak4C (дата обращения 15.05.2022)
2. Барановская В. Возможна ли жизнь без боли: Как люди чувствуют боль и для чего она нужна организму. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2016/07/19_a_9690797.shtml
3. Ветлесен А.Ю. Философия боли / Пер. с норв. М. 2010. С.5
4. Bergen B.K. Louder Than Words: The New Science of How the Mind Makes Meaning. URL: <https://www.amazon.com/Louder-Than-Words-Science-eaning/dp/0465028292> (дата обращения 11.05.2022)

КАРАНТИНИЗМ И САНИТАРИЗМ: СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В ЕВРОПЕ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ЭПИДЕМИЯМИ*

Д.В. Михель

*Доктор философских наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Ассоциированный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: dmitrymikhel@mail.ru*

Карантинизм и санитаризм представляли собой две основные стратегии борьбы с эпидемиями и обеспечения социального порядка в Европе вплоть до XX в. Истоки

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00314 «Социальный порядок в условиях эпидемии: социально-философский анализ»

карантинизма восходят к Новому времени, когда монархические власти Италии, Франции и Англии для борьбы с эпидемиями стали создавать органы санитарного надзора, основывать больницы для бедных и ограничивать движение людей и товаров (карантины). В первой трети XIX в. во Франции и Англии идеологи торгово-промышленной буржуазии стали продвигать в качестве наилучшей стратегии борьбы с эпидемиями санитаризм. На волне недовольства карантинизмом самые известные санитаристы этой эпохи — Александр Паран-Дюшатле, Луи Виллерме и Эдвин Чедвик — стали требовать улучшения санитарного состояния открытых и закрытых пространств (тюрем, фабрик, борделей) и охраны общественного здоровья. Развитие транспортных сообщений Европы с колониальными странами и распространение холеры во второй половине XX в. вновь сделало актуальной стратегию карантинизма, хотя она и шла вразрез с интересами приверженцев свободной торговли. Лишь в XX в. вследствие развития микробиологии противоречия между двумя стратегиями исчезли.

Ключевые слова: Европа, эпидемии, социальный порядок, карантинизм, санитаризм, торговля

QUARANTINISM AND SANITARISM: SOCIAL ORDER STRATEGIES IN EUROPE IN THE CONTEXT OF EPIDEMIC CONTROL

D.V. Mikhel

DSc in Philosophy, Professor

Russian Presidential academy of national academy and public administration

Associate

Institute of philosophy of Russian Academy of Sciences

E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Quarantinism and sanitarium were the two main strategies for epidemic control and social order in Europe until the twentieth century. Quarantinism has its origins in Modernity, when the monarchical authorities of Italy, France and England began to introduce sanitary authorities, establish hospitals for the poor and restrict the movement of people and goods (quarantines) to control epidemics. In the first third of the 19th century in France and England the ideologists of trade-industrial bourgeoisie began to promote sanitarium as the best strategy in the fight against epidemics. On the wave of dissatisfaction with quarantinism, the most famous sanitarians of that era — Alexandre Parant-Duchatlé, Louis Villerme and Edwin Chadwick — began to demand better sanitation of open and closed spaces (prisons, factories, brothels) and public health protection. The development of transport between Europe and colonial countries and the spread of cholera in the second half of the twentieth century again made the quarantinism strategy relevant, although it was at odds with the interests of free trade advocates. It was not until the twentieth century, due to advances in microbiology, that the contradictions between the two strategies disappeared.

Keywords: Europe, epidemics, social order, quarantinism, sanitarium, commerce

Эпидемии являются типичным случаем нарушения социального порядка. В XV–XVIII вв. для обеспечения социального порядка монархические власти Италии, Франции и Англии использовали стратегию карантинизма, включающую в себя (1) органы санитарного надзора, (2) больницы для бедных и (3) ограничения свободного движения людей и товаров (карантины). В первой трети XIX в. стратегия карантинизма стала вызывать серьезную критику со стороны зарождающегося буржуазного общества. Во Франции и Англии выразителями этих настроений стали идеологи торгово-промышленной буржуазии — философы, писатели, юристы, врачи. Критикуя карантинизм, они высказывались в пользу более мягких методов борьбы с эпидемиями и вошли в историю как «санитаристы», а предложенная ими стратегия — как санитаризм. Предлагаемые санитаристами меры были только частью социальных преобразований, удовлетворяющих интересам торгово-промышленной буржуазии.

Во Франции недовольство карантинизмом стало хорошим тоном в буржуазной среде после Наполеоновских войн и Реставрации монархии. В 1821 г. в Испании вспыхнула эпидемия желтой лихорадки, в ответ на которую реставрированная монархия отправила свою армию к испанской границе. В 1823 г. уже по решению Священного Союза эти войска были введены в самую Испанию.

Французская буржуазия восприняла эти меры как типично авторитарное решение, не имеющее ничего общего с завоеваниями революции. «Тирания» монархии, уничтоженная в конце XVIII в., вновь возрождалась в карантинах, принудительной изоляции и ограничительных мерах, поэтому французские санитаристы всячески ее порицали.

Одним из лидеров французских санитаристов в первой половине XIX в. стал Александр Паран-Дюшатле. В работах «Исследования и соображения о реке Бьевр» (1822) и «Очерк выгребных ям и коллекторов Парижа» (1824) он поставил вопрос о необходимости предупреждения инфекционных болезней посредством организации безопасного водоснабжения и удаления нечистот применительно к городам. Наряду с описанием опыта водоснабжения и канализации в Древнем мире он прибегнул к экспериментальным исследованиям, которые касались того, как исходящие с городских свалок зловония (миазмы) влияют на состояние здоровья парижан. В работе «Проституция в Париже» (1836), он рассмотрел вопрос о том, как парижские бордели влияют на порчу общественных нравов и распространение венерических заболеваний. По его мнению, в интересах общественного здоровья властям следовало взять проституцию под контроль, поручив надзор за борделями и их постоянным обитательницами полиции и городским врачам.

Другим видным санитаристом во Франции был Луи Виллерме. В работе «О тюрьмах» (1820) он подверг критике нездоровые условия содержания в парижских тюрьмах, призвав отменить пытки и жестокое обращение с заключенными, а также привилегии для богатых заключенных. По его мысли, властям следовало заняться оздоровлением тюремных учреждений и добиться того, чтобы заключенные могли возвращаться в обычную жизнь полноценными гражданами. В 1826 г. в одном из районов Парижа Виллерме провел исследование, указывающее на связь между состоянием смертности и уровнем бедности и богатства: в нем он показал, что бедные умирают раньше. В 1829 г. он провел очередное исследование, в котором пришел к выводу, что более низкий рост у бедных является следствием их плохого питания и нехватки денег. В работе «О физическом состоянии рабочих хлопчатобумажных, суконных и шелковых фабрик» (1840) он рассмотрел влияние условий труда в текстильной промышленности на физическое и психическое здоровье рабочих, призвав к борьбе с пьянством в среде рабочих и созданию более здоровых условий для их труда. В 1829 г. он основал журнал «Анналы публичной гигиены и судебной медицины», ставший рупором идей санитаризма в Европе. Он доказывал, что улучшение условий жизни всего населения будет способствовать улучшению эпидемиологической ситуации и обеспечению социального порядка. Пика своей популярности это издание достигло в начале 1830-х гг., когда Европу захлестнула холерная эпидемия, и читающая общественность стала воспринимать публикации Виллерме как откровение. Он был противником создания крупных промышленных предприятий, считая, что они способствуют скученности населения и распространению инфекций. Вместо этого он призывал к созданию мелкой промышленности и небольших фабричных поселков, а также к наделению рабочих небольшими земельными участками. Французские санитаристы критиковали правительственные меры в области борьбы с эпидемиями и были вовлечены в реформы по улучшению состояния городских территорий и закрытых учреждений. Несмотря на то, что многие их идеи в 1830-е гг. так и остались на бумаге, многое из их рекомендаций было воплощено в жизнь лишь с началом санитарной революции 1870-х гг.

В отличие от Франции британские санитаристы не проводили параллели между карантинизмом и монархизмом, поскольку их страна формально оставалась монархией и следовать французскому стилю в этом вопросе казалось недопустимым. Вместо этого они возвели в абсолют ценность свободной торговли, утверждая, что ограничения на перемещение людей и товаров, являются злом для коммерции и поэтому должны быть устранены. Эта идея родилась в годы войны с Наполеоном, когда французы попытались заблокировать Англию с моря, прервав ее торговые отношения с континентом.

Британские санитаристы фокусировались на двух вопросах. (1) Они требовали, чтобы рабочие могли получать врачебную помощь, и поэтому предлагали создавать «лихорадочные больницы». (2) Они выступали за исполнение Закона о бедных 1834 года. Исполнение этого закона, не пользовавшегося популярностью в обществе, привело к необходимости создания специальной парламентской комиссии во главе с Эдвином Чедвиком, одним из лидеров британских санитаристов. В начале 1840-х гг. Чедвик предпринял исследование условий жизни британских рабочих, представив его результаты в «Отчете о санитарном состоянии рабочего населения Великобритании» (1842). В нем шла речь о тяжелых условиях жизни рабочего Средней и Северной Англии, но акцент делался не на проблемах бедности или иных социальных факторах, а на состоянии естественной среды их обитания. Отказываясь следовать французскому опыту и желая повлиять на решение правительства, Чедвик

предложил улучшить санитарное состояние промышленных городов, рассматривая их как центры экономического роста страны. Предлагаемые меры включали в себя проведение дренажа почв, очистки улиц, удаления нечистот и строительство общественных туалетов.

Чедвик не требовал выделения государственных средств на проведение санитарных преобразований. Он допускал, что деньги для реформ сумеет предложить общественность, ибо улучшение здоровья рабочих в Англии должно быть общественным делом. Вскоре после появления отчета Чедвика на Британские острова вновь пришла эпидемия холеры. В 1848 г. уже не санитарист Чедвик, а сама холера дала начала санитарным реформам в стране. Когда летом холера уже вплотную приближалась к границам королевства, парламент принял Закон об охране общественного здоровья, который стал первым в мире правовым актом такого рода. С принятием закона правительство приняло на себя ответственность за здоровье подданных королевства. В своей деятельности оно предполагало опираться на помощь общественности и санитарных советов, которые во многом бездействовали все это время. В Лондоне и других больших городах назначались специальные санитарные врачи, ответственные перед правительством за охрану общественного здоровья. Эти медицинские специалисты на государственной службе стали кирпичиками, положенными в будущее здание национальной системы здравоохранения. По прошествии времени можно утверждать, что принятием этого закона и введением должности санитарных врачей сделано было еще очень мало, но наметилась очень важная тенденция: общественное здоровье стало предметом внимания правящей элиты и всего государства.

Укрепление политической власти буржуазии во Франции и Англии способствовали усилению идей санитаризма в европейском общественном сознании, их распространению в других европейских странах, а также в США и России. Однако победа санитаризма не была окончательной. Развитие торговли на дальние расстояния и усиление коммерческой активности Франции и Англии в их заморских колониальных владениях со временем вновь выявили актуальность стратегии карантинизма. В середине XIX в. британцы в своих индийских владениях начали строительство железных дорог, что создало условия для более быстрого распространения холерной инфекции по территории Индии, а с появлением пароходного сообщения между Индией и Европой выросла угроза заноса холеры в порты европейских стран. В 1860-е гг. в Индии началась очередная волна холерных эпидемий, и в связи с этим власти Франции и других европейских стран высказались за возвращение к стратегии карантинизма с целью не допустить появления холеры на своей территории. На Международной санитарной конференции в Константинополе (1866) Франция и ее союзники призвала Англию ввести карантины в портах Средиземноморья. Отказываясь исполнять решение конференции, Англия заявила о том, что стратегия карантинизма идет вразрез с интересами свободной торговли. В целом, последующая история борьбы с эпидемиями в Европе продемонстрировала, что ни одна из стратегий так и не смогла обрести решающего перевеса. В зависимости от степени эпидемической угрозы и наличия у власти ресурсов за основу всякий раз бралась то одна, то другая стратегия. Лишь в XX в., когда в основу противоэпидемической работы были положены новые научные знания (микробиология, вирусология) организаторы борьбы с эпидемиями пришли к пониманию того, что обе эти стратегии могут быть объединены в одну большую стратегию.

О БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ СОЦИАЛЬНО РАСПРЕДЕЛЁННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ГРАНИЦ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

П.Д. Тищенко

Доктор философских наук, главный научный сотрудник

Институт философии Российской академии наук

E-mail: pavel.tishchenko@yandex.ru

Человеческое в человеке понимается как основополагающая проблематизация (М. Фуко) человеческого бытия вопросом «Что такое человек?». В биомедицине как технонауке проблематизация осуществляется в пограничных зонах фазовых переходов между ещё-нечеловеческим существованием и уже-человеческим (рождением на свет), между ещё-человеческим и уже-нечеловеческим (жизнью и смертью), между человеком и машиной, человеком и животным (Б. Г. Юдин). Нестабильность зон фазовых переходов порождается прогрессом биомедицинских технологий, сдвигающих человеческое существо из относительно стабильного «есть» в существенно нестабильное состояние

«может быть». Во внутреннем контуре науки человек проблематизирован как предмет биотехнологического действия - самопреобразования (лечения или улучшения, enhancement). Во внешнем – человек проблематизирован в качестве субъекта предметного действия, включающего профессиональные и моральные качества. Внешний и внутренний контуры технонауки представляют собой делокализованные в сетях аутсорсинга, возникающие ad hoc, распределённые между множеством человеческих и нечеловеческих акторов производства контингентных (открытых к переопределению) границ человеческого в человеке. Биоэтика играет во внешнем контуре технонауки роль коммуникатора и фасилитатора социально распределённых взаимодействий. Будучи делокализован в своём «бытии в возможности» человек с необходимостью опознаёт себя (человеческое в себе) «по ту сторону» истины и заблуждения, добра и зла, могущества и немощи, т. е. внутри необходимости полагания нового порядка против хаоса (М. Хайдеггер).

Ключевые слова: биомедицинские технологии, бытие, бытие в возможности, жизнь, зоны фазовых переходов, машина, проблематизация, рождение на свет, смерть, технонаука, человеческое в человеке

ON THE BIOTECHNOLOGICAL SOCIALLY DISTRIBUTED PRODUCTION OF HUMAN FRONTIERS

P.D. Tishchenko

DSc in Philosophy, Chief Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: pavel.tishchenko@yandex.ru

Humanity in human beings is understood as a fundamental problematization (M. Foucault) of human existence produced by the question "What is human being?". In biomedicine as a technoscience problematization is carried out in the border zones of phase transitions between still-non-human existence and already-human existence (birth to light), between still-human and already-non-human (life and death), between human and machine, human and animal (B.G. Yudin). The instability of phase transition zones is generated by the progress of biomedical technologies, which are shifting the human beings from a relatively stable "is" to an essentially unstable "could be" state. In the inner contour of science, human beings are problematized as subjects of biotechnological actions - self-transformation (treatment or enhancement). In the external, - human beings are problematized as actors of actions, possessing professional and moral qualities. The external and internal contours of technoscience are delocalized in outsourcing networks that are emerging ad hoc, distributed between a multitude of human and non-human production actors of contingent (open to redefinition) boundaries of the human in human beings. Bioethics plays the role of communicator and facilitator of socially distributed interactions in the external technoscience contour. Human beings delocalized in their "being-in-possibility" identify themselves (the human itself in themselves) "on the other side" of truth and error, good and evil, power and weakness, that is, within the necessity of assuming a new order against chaos (M. Heidegger).

Keywords: biomedical technology, being, being in possibility, life, phase transition zones, machine, problematization, birth, death, technoscience, human

Введение. Эпоха как основополагающая энигма

Человек - существо уникальное. Его существование обращено к себе с вопросом о *смысле* своего, собственно человеческого (одомашненного) бытия, который одномоментно выступает как критерий отличия от нечеловеческого дикого мира, несущего угрозу, как граница между миром людей и миром вещей. При этом он (смысл) не дан в некотором единственно истинном понимании пути *обретения себя* (спасения), а загадан как *осново-полагающая* тайна. Тайна, *заставляющая* мысль мыслить и, фатально, *ускользающая* от попыток уловить этот искомый смысл. На протяжении тысячелетий человек пытался понять себя мифологично, богословски, философски, научно или иными интеллектуальными средствами. Если, воспользовавшись приёмом Э. Гуссерля, мы расчистим поле сознания, заключив исторически особенные практики вопрошания и ответствования в скобки, то в этом поле сознания раскроется *динамически* напряжённая оппозиция основополагающего вопроса и всегда

особенного ответа. Она – различающая оппозиция вопрошания и ответствования, как раз и предьявляет *собственный смысл* человеческого в человеке: смысл как тайну, проблему, загадку или головоломку – в зависимости от особенностей используемых дискурсивных ресурсов.

Каждая эпоха по-своему загадывает основополагающую загадку, предлагая свои ресурсы понимания как ответствования, свой особый *свет* разума, в котором перманентно *становящийся иным* мир обретает определённые различимые черты устойчивости и оформленности *неинного*, если воспользоваться понятием Н. Кузанского. Эпохи не следуют одна за другой, а в сложных синхронических и диахронических конфигурациях *соседствуют* друг с другом, образуют *границы* друг с другом. Эпохи не снимают свои различия по-гегелевски в *дедуктивном* разворачивании той или иной обобщающей системы разума. Они так же не растворяют эти различия в *индуктивистских* дискурсах эмпиризма. Их коммуникативная *общность* (общение) осуществляется в формах *трансдукции* тогда, когда они начинают осознавать себя в качестве *особых* формулировок основополагающей загадочности бытия. Мыслящие люди и эпохи мысли обращены друг к другу не как герои всегда особенных исторических нарративов, но как горцы, неспешно беседующие, сидя вокруг костра и глядя не в глаза друг-другу (там светятся особенные смыслы), а на огонь изначального вопрошания.

В сегодняшнем мире особое место занимает, как я полагаю, эпоха биотехнологий [1]. То, как человек формулирует сам для себя загадку собственного бытия в *свете эпохи* биотехнологий и ищет её разгадку, не просто выражается в языке биологического или медицинского знания, но доопределяется технологическими схемами и *программами*. Язык, ориентированный на *истину*, доопределяется языком, ориентированным на *эффективность*. Гибридизация истины и эффективности – специфика современной биомедицины как *технонауки* [2]. Поэтому, сама технонаука как собственно научная деятельность выступает органичной частью биотехнологических производств. Биотехнологические компании производят в качестве *товаров* не только традиционно понимаемыми изделия (например, тесты), но и технологии - знания о способах преобразования биоматериалов в форме патентов.

Биомедицина как технонаука

Спецификум биомедицины как технонауки заключается в том вполне естественном обстоятельстве, что предметом исследования и действия в ней выступает сам человек. Причём он выступает в качестве предмета и в своей натуральной (естественной) данности (например, как пациент или клиент) и своей представленности в качестве деятеля - субъекта преобразования. Горшечник вылепливает из глины горшок одновременно вылепливая из «глины» человеческих способностей себя как горшечника. Пишущий создаёт не только текст, к примеру описывающий героев какого-то события, но и себя как автора. Создающий скульптору создаёт *себя* как скульптора, крадущий чужое – как вора, убивающий другого – как убийцу, подающий милостыню – как милосердного человека, врачующий пациента – как врача и т.д. *Эффективность* преобразования удостоверяет и соответствие *изменения состояния* человека (пациента, испытуемого) предполагаемой цели, и качество *самореализации* действующего субъекта (врача, учёного, биотехнолога). Поэтому, в предметном действии врача или биотехнолога человек *дважды заступает за границы себя*, сдвигая своё существо из состояния сущего (существующего) *есть* в мыслимое состояние *может быть*. В этой перспективе не мысль определяет существование мыслящего, а действие вводит в существо человека *различие* на существующего *реально* как некое *есть* и существующего виртуально (*мысленно*) в горизонте *бытия в возможности*.

Удвоенная интенция предметного биотехнологического действия на себя как деятеля и себя как претерпевающего воздействие преобразования выступает, с моей точки зрения, *основанием различения* внутреннего и внешнего контура биомедицинской технонауки в концепции Б.Г. Юдина [2].

Данное обстоятельство позволяет преодолеть естественную созерцательную установку сознания в философии и биоэтики. Они не просто отображают происходящее в науке, но и соучаствуют в самопреодолении себя в качестве думающего и морально действующего.

Второй особенностью биомедицины как биотехнологии выступает трансформация аксиологической ориентации технонаучного действия. Ценностью традиционного врачевания является здоровье, а само врачевание понимается как исцеление (купирование страдания) – возвращение некоторой утраченной целостности. Можно сказать, что классическая идея врачевания имеет существенно *реконструктивный* смысл. В новоевропейской культуре *свет* знания, попадая на расщепляющий кристалл психофизического параллелизма, раздваивается, предьявляя в качестве

обособленных предметов мысли идею *свободы* как высшего блага морального (политического) блага и идею *здоровья* как блага физического. Биоэтика 70х годов прошлого века, если вспомнить В.Р. Поттера, предложила *«новый синтез»* идей истины и блага, претендуя на роль «моста», связывающего научное познание и философию морали. Её функции носят защитный характер: защитить человеческое достоинство и автономию пациентов, восстановить нарушенную справедливость распределения жизнеспасаящих реанимационных ресурсов или ресурсов органов для пересадки, защитить медицинскую тайну или неприкосновенность частной жизни. Так же, как и в классической медицине, в биоэтике на начальном этапе её развития господствовала *реконструктивная* установка сознания.

Биомедицина как технаука, а вместе с ней и биоэтика, совершают важнейший апгрейд. Реализуется *ницшеанская*, по своему смыслу, идея человека, *преступающего* свои границы. Как высказано у Цветаевой: «Каждое поступить: есть преступить чей-то закон: человеческий, божеский или собственный». Причём это «преступить» не следует понимать нигилистически как отрицание основ научных знаний и морали. Биомедицинские и другие современные технологии постоянно *проблематизируют* границы человека, ставят их под вопрос. Задача биоэтики путем фасилитации общественных, политических и внутринаучных профессиональных *дискуссий* способствовать *временной* стабилизации границ между миром людей и миром вещей путем их моральной и правовой регламентации.

«Место» биоэтического полемоса с необходимостью должно мыслиться «по ту сторону» традиционно различных форм добра и зла, истины и заблуждения, могущества и немощи – «внутри *необходимости* нового полагания другого порядка против хаоса (курсив мой – П.Т.)» [4, с.107]. Внутри основополагающего повтора установления различий (интервалов осуществления морального чувства и научной мысли), а не в особенных различностях истины и заблуждения, добра и зла (естественнонаучных, гуманитарных, традиционных, религиозных или философских), немощи и могущества мысль встречается с «общим», которое не *обобщает* их, по-гегелевски снимая различия (превращая в диалектически соотнесенные моменты сконструированной логической системы), а *сообщает* друг другу, создает между замкнутыми мирами различно различных идей «по-ту-сторонний» (в философском смысле) коммуникативный канал.

В этом смысл специфического ответа на вопрос - “что есть человек?” в философской антропологии Б. Г. Юдина.

Человек становящийся в антропологии Б.Г. Юдина

Б. Г. Юдин разрешает проблему, «разрешая» ей (проблеме) остаться в центре философского понимания человеческого в человеке. Его антропологическая мысль фундаментально *проблемоцентрична*. Проблема, как мысль, осознающая свою недостаточность на границе с предметом мысли, оказывается той *сущностью* человека, которая на протяжении веков остаётся инвариантной, постоянно самовозобновляющейся. Она и определяет целостность трансдуктивно связанных философских и научных антропологий.

Иными словами, в горизонте проблематизма обобщающим основанием выступает не рационально обосновываемое всеобщее или многообразие позитивных описаний, а *граница* с непознанным как общая для всех участников обсуждения - проблема природы человека. В работах Б.Г. Юдина таких границ, обозначаемых им как «зоны фазовых переходов», выделено четыре – между *собственно* человеческим существованием и *пока ещё не* существованием в качестве человека (проблемы начала жизни), человеческим существованием и *уже не* существованием (смертью), между человеком и животным, человеком и машиной.

Он пишет: “Мне хотелось бы обсудить такой *фундаментальный* вопрос: что есть человек? Конечно, я вовсе не намерен претендовать на то, чтобы дать какое-то новое определение человека — было бы верхом самонадеянности покушаться на это. Моя задача намного *скромнее* — я хочу зафиксировать тот факт, что развитие биомедицинских технологий делает этот извечный философский (а стало быть, как нередко считают, абстрактно отвлеченный) вопрос вполне *прагматическим* вопросом нашей повседневной жизни. С ним приходится сталкиваться не только исследователям, занимающимся разработкой новых биотехнологий, но и тем, кто эти технологии использует, иначе говоря, рядовым гражданам, которым так или иначе приходится с ними соприкасаться (курсив мой – ПТ)” [2, с.103]. К примеру, одной из наиболее острых и принципиальных проблем является проблема демаркации границы между миром людей и миром вещей. Пересекая эту границу в момент рождения, человеческое существо получает особый моральный статус человека, исключаящий

инструментальное отношение допустимое для вещей. Умирая – теряет этот статус, превращаясь (в принципе) в набор запчастей для трансплантологов. Б.Г. Юдин обращает внимание на тот *факт*, что не теоретические определения устанавливают эту границу, а стихия *социальных взаимодействий*, которые результируются в моральных (биоэтических) и правовых нормах. Что бы человек ни мыслил о рождении и смерти в глубине своих философских, богословских или научных усмотрений, в современных сообществах эти экзистенциальные границы определяются достаточно формальными моральными и правовыми нормами.

Таким образом, технонаука включает два взаимодействующих социальных контура, обеспечивающих конструирование жизни. Внутренний контур образует лаборатория (в смысле Б. Латура) как сложное пересечение многоаспектных отношений науки и технологий при проведении экспериментов, участии науки в разработки собственных технологических средств, зависимости направлений научных исследований от технических средств визуализации, социально определённых общественных потребностей, аутсорсинга различных этапов исследования и т. д.

Внешний контур конструируется биоэтическими и другими социогуманитарными технологиями, обеспечивающими контингентную нормативную стабилизацию научно-технологических исследований в «зонах фазовых переходов», превращение научных открытий и изобретений в социально приемлемые и востребованные инновации.

Поэтому не только наука становится особого рода технологической практикой, но и философия. Философ получает роль инициатора и фасилитатора (модератора) совместных коммуникативных усилий, результатами которых становятся контингентные, т. е. открытые к переопределению, границы человеческого мира – реальные прагматические ответы на вопрос – «Что есть человек?».

Литература

1. *Тищенко П. Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М. ИФ РАН. 2000. 177 с.
2. *Юдин Б. Г.* Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории 2011. Том V. С. 102 -118.
3. *Юдин Б. Г.* Об этосе технонауки. Философские науки. 2010 № 12. С. 58-66.
4. *Хайдеггер М.* Время и бытие / пер. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ ТЕОРИИ И ИСТОРИЯ

ПАРАДИГМЫ, ФРЕЙМЫ И ГАБИТУС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.М. Бекарев

*Доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородский национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского*

E-mail: Adrian.bekarev@yandex.ru

На основе произведений Т. Куна, И. Гофмана и П. Бурдьё анализируются понятия парадигмы, фрейма и габитуса. Полагая, что все они есть результат обобщения эмпирического опыта, мы утверждаем: что вряд ли путь муравья и путь паука могут быть соединены. Сам Кун полагал, что парадигма стала результатом обобщения. Но даже теория находится по ту сторону от фактов. Мы против обобщения, но за абстрагирование. Думается, что парадигма описывает такую ситуацию, когда подобие отсутствует. Между тем фреймы и габитусы требуют подобия целого и его частей. Привычка думать, что эмпирия и теория следуют друг за другом – это вредная привычка. Они (эмпирия и теория) идут разными путями. Теория, в частности, предполагает феномен интерпретации. Для фактов это не важно. Интерпретированный факт это уже теория.

Ключевые слова: габитус, парадигма, фрейм, обобщение, дисциплинарная матрица, теория

PARADIGMS, FRAMES, AND HABITUS: COMPARATIVE ANALYSIS

A.M. Bekarev

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of General Sociology and Social Work
Lobachevsky University*

E-mail: Adrian.bekarev@yandex.ru

Based on the works of T. Kuhn, I. Hoffman and P. Bourdieu, the concepts of paradigm, frame and habitus are analyzed. Assuming that all of them are the result of generalization of empirical experience, we assert: that the way of the ant and the way of the spider can be connected. Kuhn himself believed that the paradigm was the result of generalization. But even theory is on the other side of the facts. We are against generalization, but for abstraction. It seems that the paradigm describes a situation where there is no similarity. Meanwhile, frames and habitus require the similarity of the whole and its parts. The habit of thinking that empiricism and theory follow each other is a bad habit. They (empiricism and theory) go different ways. The theory, in particular, assumes the phenomenon of interpretation. It doesn't matter for the facts.

Keywords: habitus, frame, generalization, discipline matrix, theory

По пути обобщения – а тот ли это путь?

Вот что писал Т. Кун: «Парадигма как общепризнанный образец составляет центральный элемент того, что я теперь считаю самым новым и в наименьшей степени понятным аспектом данной книги. Поэтому именно образцы требуют здесь большего внимания, чем другие компоненты дисциплинарной матрицы. Философы науки обычно не обсуждали проблемы, с которыми сталкивается студент в лабораториях или при усвоении учебного материала, все это считалось лишь практической работой в процессе применения того, что студент уже знает. Он не может, говорили философы науки, решить никакой проблемы вообще, не изучив перед этим теорию и некоторые правила ее приложения. Научное знание воплощается в теории и правилах; проблемы ставятся таким образом, чтобы обеспечить легкость в применении этих правил. Я попытался доказать тем не менее, что такое ограничение познавательного содержания науки ошибочно. После того как студент уже решил множество задач, в дальнейшем он может лишь усовершенствоваться в своем навыке. Но с самого начала и еще некоторое время спустя решение задач представляет способ изучения закономерности явлений природы. В отсутствие таких образцов законы и теории, которые он предварительно выучил, имели бы

бедное эмпирическое содержание» [1, с. 241]. Американский мыслитель и предлагает путь обобщения: от эмпирических фактов к теории, от нее к дисциплинарной матрице, а уж затем – к парадигме. Мы полагаем, что путь обобщения едва ли существует. Из факта не вытянуть теорию, не говоря уже о матрице, парадигме или картине мира. Путь паука и путь муравья – это разные пути. Любой теории предшествует интерпретация. А факт не требует интерпретации. И, стало быть, теория находится по ту сторону от фактов.

Без чего логический круг невозможен?

Проведем мысленный эксперимент. Для этого наделим эритроциты (красные кровяные тельца) сознанием. Можно наделим сознанием и лейкоциты. Мы полагаем, что их основная функция (эритроцитов) – собирать из воздуха кислород и распределять в организме. Теперь допустим, что они находятся в организме студента. Он спозаранку отправляется на лекцию. Как всегда, опаздывает. В суматохе эритроциты поднимаются из области пятки в область колена. Можно допустить, и в область головы. Но они едва ли знают, что студент опаздывает. Их что-то гонит, они не знают что. Их может гнать не только лекция, но и болезнь. Их может гнать что угодно, лекция, театр, или поездка в другой город. Они едва ли догадаются. Стало быть, принадлежность к телу студента их не делает сведущими о причине подъема эритроцитов. Они по-прежнему переносят кислород по телу и пути студента им неизвестны. Они едва ли известны другим клеткам организма. Можно исходя из эмпирического факта вытянуть теорию, но думаю, что они несопоставимы – как перенос кислорода и желание студента не опоздать на лекцию. Желая определить целое через часть, мы получаем логический круг. Вот что об этом пишет сам Т. Кун: «Термин «парадигма» вводится на первых же страницах книги, причем способ его введения таит в себе логический круг. Парадигма — это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму. Хотя не всякий логический круг является порочным (я буду защищать подобный аргумент ниже), однако в данном случае логический круг является источником реальных трудностей. Научные сообщества могут и должны быть выделены как объект без обращения к парадигме; последняя может быть обнаружена затем путем тщательного изучения поведения членов данного сообщества [1, с.223]. Другими словами, не надо изучать каждое дерево в отдельности, чтобы в итоге представить себе лес.

Понятие фрейма (рамки) требует подобия целого и частей [2]. Но мы полагаем, что рамки могут задаваться не только одним участником игры, рамочная конструкция может формироваться не одним художником. Хотя юный художник чертит границу на листе, а затем заполняет его пространство. Может, и ученый сначала формирует целое, а затем вносит туда отдельные элементы. И. Гофман, судя по всему, попался на тот крючок, что и Кун, то есть он поверил в процедуру обобщения. На тот же крючок и попался П. Бурдьё, когда по образу и подобию целого конструировал части (габитус). Но нам представляется, что бог не конструировал человека по образу и подобию «нашему», иначе бы эритроциты догадались бы о том, что студент спешит на лекцию.

В философской традиции термин габитус обозначает сумму индивидуальных телесных навыков — походка, жестикуляция, манеры, — цельное осажение опыта конкретного человека в «глубине» телесного сознания. Габитус тоже требует подобия целого и частей. В социологии в широкий научный обиход слово габитус введено П. Бурдьё: «Габитус — система прочных приобретенных предрасположенностей (dispositions), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т.е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства» [3, с. 67].

Парадигма есть совокупность убеждений, ценностей и техник, характерных для данного научного сообщества; 2) один из элементов в этой совокупности, т. е. конкретные решения «головоломки» или проблем науки.

Таким образом, парадигмы не только не соизмеримы друг с другом. Они не требуют подобия ни с фактами, ни с теориями, ни с дисциплинарными матрицами. Их может быть превеликое множество, подобно тому, как студент опаздывает не только на лекцию, но спешит и в другую страну. Они несопоставимы ни с фактами, ни друг с другом. Фреймы и габитус более сопоставимы с фактами, но мы думаем иначе. Они требуют подобия, но это надо еще доказать.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. // Т. Кун. Сост. В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
2. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
3. Бурдье П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: изд-во Новосибирского уни-та, 1995. 120 с.
4. Пьенкова А. В. Понятие «габитус» в социологии Пьера Бурдье. // Социальные и гуманитарные науки. Реферативный журнал, Социология. М., 1996. С. 27-42.

КРИТИКА ПОЗИТИВИЗМА И ЗНАЧЕНИЕ НАУКИ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ: К ИСТОРИИ ОПЫТА РУССКОГО КРИТИЦИЗМА

П.А. Владимиров

Кандидат философских наук, старший преподаватель

Российский университет дружбы народов

Доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

E-mail: vladimirov-pa@ranepa.ru

На основании актуальных дискуссий о значении позитивизма для науки и философии, предлагается обратиться к имеющемуся опыту российских ученых и философов, которые выстраивали последовательную критику всеобщности положений классической парадигмы научной рациональности. Основное внимание уделено традиции русского критицизма, где наиболее ярко представлены исследования А.И. Введенского, сконцентрировавшегося на критике догматизма и позитивизма в составе естествознания и теории познания. Сквозь призму парадигмального подхода к науке раскрывается актуальность критики русских философов и ученых. В частности Г.И. Челпанов, указывая на положительную роль позитивизма и материализма в естествознании, обозначал необходимость их критической и логической проверки на наличие спорных и дискуссионных положений. Кроме того, всеобщность и универсальность принципов не достигается за счет аналитики совокупности фактов, предполагая иные методы, в частности абстрагирования и идеализирования исходных ограниченных в пространстве и времени данных. На тех же позициях выстраивается и анти-догматическая критика А.И. Введенского и Л.М. Лопатина. Положения русского критицизма во многом предвосхитили критику классической науки и структурализма, но не нашли поддержки в переходный период от классической к неклассической парадигме рациональности.

Ключевые слова: русская философия, критика позитивизма, русский критицизм, наука, философия науки

CRITICISM OF POSITIVISM AND THE IMPORTANCE OF SCIENCE FOR PHILOSOPHY: ON THE HISTORY OF THE EXPERIENCE OF RUSSIAN CRITICISM

P.A. Vladimirov

CSc in Philosophy, Senior Lecturer

Peoples' Friendship University of Russia

Associate Professor

Russian Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: vladimirov-pa@ranepa.ru

Based on the current discussions about the importance of positivism for science and philosophy, it is proposed to turn to the existing experience of Russian scientists and philosophers, who have built a consistent critique of the universality of the provisions of the classical paradigm of scientific rationality. The main attention is paid to the tradition of Russian criticism, where the research of A.I. Vvedensky, who concentrated on the criticism of dogmatism and positivism

as part of natural science and the theory of knowledge, is most vividly presented. Through the prism of a paradigmatic approach to science, the relevance of criticism of Russian philosophers and scientists is revealed. In particular, G.I. Chelpanov, pointing to the positive role of positivism and materialism in natural science, indicated the need for their critical and logical verification for the presence of controversial and debatable provisions. In addition, the universality and universality of the principles is not achieved by analyzing the totality of facts, assuming other methods, in particular abstracting and idealizing the original data limited in space and time. The anti-dogmatic criticism of A.I. Vvedensky and L.M. Lopatin is based on the same positions. The provisions of Russian criticism largely anticipated the criticism of classical science and structuralism, but did not find support in the transition period from the classical to the non-classical paradigm of rationality.

Keywords: Russian philosophy, criticism of positivism, Russian criticism, science, philosophy of science

Проблематика преодоления позитивизма стала предметом формирующейся философии науки и детально рассматривалась ведущими российскими учеными, среди которых Т.И. Ойзерман, В.С. Стёпин, В.А. Лекторский и другие [4]. Во многом позитивизм как научно-ориентированная мировоззренческая позиция неизменно включала инструментарий философии и исключительно философские методы объяснения тех или иных закономерностей. Выявление факта, его описание и последующая система фактологического знания представляется только частью того обширного процесса, который можно назвать построением картины мира и конструированием мировоззрения. Поскольку позитивизм, который сложно однозначно охарактеризовать как традицию, основывается на точности фактов и эмпирическом уровне знания, то теоретизация и концептуализация неизменно выходят за его методологические пределы. В то же время позитивность как свойство практической направленности исследовательской деятельности, – с той же степенью неизменности составляет часть науки. Как итог позитивизм в науке, при всей своей критике по отношению к методам абстрагирования, конструирования и теоретического моделирования, неизбежно возвращается в поле деятельности философии, так как не способен самостоятельно охватить уровень концептуализации и привести к системности абстрактных представлений. Приведение множественности эмпирических данных и неоднородности отдельных фактов или событий в единство идеализированного многообразия посредством абстрагирования от конечной действительности для всеобщей системности, приводит исследователей к открытию сложнейшей проблемы соотношения единичного и всеобщего в структуре научного знания.

Критический анализ позволяет выявить догматические положения практической ориентированности науки и привести к объективной концептуализации накопленного исследовательского опыта, без создания абстрактных представлений, противоречащих достижениям точного естествознания [1]. Необходимость инструмента корреляции между эмпирическим и теоретическим знанием в форме критического осмысления раскрывается во множестве положений, из которых приведем только три.

Первое – нет действенных и абсолютно достоверных методологических принципов и адекватных теоретических методов устанавливающих минимальное количество опытов и экспериментов для подтверждения универсальности тех или иных закономерностей или процессов. В истории науки и философии универсальные и всеобщие законы и принципы по мере перехода от классической к неклассической парадигме теряют свой статус и становятся только частным случаем. От того, что действие законов признается частным случаем всеобщего многообразия, не устраняется их достоверность или объективность применения, но предполагается, что возможны ситуации и заданные условия, когда они перестают быть универсальным теоретическим знанием. Подобная ошибочность или скорее неточность возникает вследствие отсутствия механизмов выявления количественного показателя для экспериментальных исследований. С данной позиции, позитивизм как традиция в науке во всем своем многообразии уже не может приводить к абсолютной истине, а ориентируется на конвенциональные знания, которые в строгом смысле слова представляют наиболее достоверное представление, а не знание, в собственном смысле слова, которое приближено к истине.

Второе – существует методологическая необходимость преодоления классического позитивизма в науке и философии, при сохранении практической ориентированности прикладных дисциплин. Традиционно позитивизм в истории философии и науки появляется как позиция, основанная на модели структурализма, где рассматриваются линейные и последовательные структуры, имеющие точно определенные элементы и неспособные к саморазвитию до появления качественно новых параметров.

При этом предполагается, что экспериментальные исследования могут выявить все параметры и свойства изучаемых объектов, что исходит из стационарной модели мира и классических представлений в науке Нового времени, например, теории эфира. На сегодняшний день стало очевидным, что существуют релятивистские принципы, динамические системы со скрытыми параметрами, которые не поддаются верификации, а само понятие структуры не всегда приложимо к объектам естественнонаучного и социального знания. Современные попытки реабилитации позитивизма, используя методологические основания предшествующей модели развития науки к новейшим достижениям практических дисциплин, приводят к противоречию оснований, причин и следствий. Частным случаем подобной ситуации можно выделить признание возможности объективного познания при имплицитном отрицании существования точного, неизменного и всеобщего знания (теория конвенциональной и релятивистской истины в строгом смысле слова отрицают само значение истины и знания).

Третье – ограничение позитивизма аналитическим подходом не может быть распространено на все области высшей духовной деятельности человека, но неизменно остается одним из оснований теории познания. Область искусства, художественного творчества, возможность созерцания и «интуитивного схватывания» объектов познания, наличие «беспредпосылочного знания», процесс изменения интенциональности сознания на новые объекты, проблема субъективности и объективности при определении универсальных категорий и понятий, – показатели того, что аналитический подход не может быть единственным, но всегда дополняет процесс познания. В то же время позитивизм в первой половине XX века начинает ассоциироваться с аналитическим подходом, что дает основания определять его результаты только как «частный случай» во всеобщем многообразии явлений, фактов, процессов, событий и отношений между ними.

В российской философии в начале XX века, вследствие перехода от классической к неклассической научной парадигмы и в призме кризиса естествознания, были предложены пути преодоления позитивизма при сохранении его положительных следствий – ориентированность на точное знание, факты, эмпирическое знание и аналитический подход. Но, актуальность данных решений раскрывается только в современности, когда неклассические релятивистские принципы, отрицание абсолютности категорий пространства и времени, положения строго детерминизма и редукционизма стали критически переосмысливаться в науке и философии. В первую очередь заслуживает внимание появление русского критицизма, который остается для русской философии предметом дискуссий при признании объективности данного факта в истории философии.

Основания критицизма позитивистской модели как всеобщей были обозначены в труде А.И. Введенского «Опыт построения теории материи на принципах критической философии». В работе подвергается сомнению догматизм позитивной рациональности, которая в свете ориентированности исключительно на факты, доступные для конкретного периода истории развития экспериментальных дисциплин, использующиеся учеными без критической рефлексии в качестве неизменных положений [1]. В свою очередь неизменный элемент субъективизма в познании редуцируется из поля рассмотрения, при сохранении отсылок к индивидуальному опыту и доступным для чувственного восприятия предметам опыта. Однако при критике позитивизма и неопределенности понятия материи в противоположность терминам вещество, поля и энергия, русский философ указывает на положительность позитивизма как раздела всеобщего знания, особенно в области экспериментальных дисциплин, например, психологии и классической механике. Г.И. Челпанов, получивший известность благодаря своему вкладу в развитие российской школы логики, так же обозначил позитивизм как часть всеобщего знания, но лишь в пределах доступной для восприятия эмпирической данности [5]. В единой интенции находились исследования, Л.М. Лопатина, А.С. Лаппо-Данилевский и даже И.И. Лапшина, приоритетом которого стала проблематика рационализации творчества и эстетики. Более поздние коллеги А.И. Введенского – А.В. Вейдеман, В.Э. Сеземан, Б.А. Фохт и С.Л. Рубинштейн использовали методы критической рационализации накопленного знания, как в философии, так и в естествознании с целью обозначения универсальных методологических оснований. При этом логика и инструменты аналитического подхода выделялись как неотъемлемые составляющие объективности процесса познания [3]. Таким образом, позитивизм как ориентированность на точность фактов не элиминировался, но приобретал статус частного случая эмпирических исследований, что не является подлинным содержанием философии, стремящейся к раскрытию многообразия в единстве рационального знания, преодолевая редукционизм прикладных дисциплин и проблему корреляции единичного и всеобщего.

Литература

1. Введенский А.И. Новое и легкое доказательство философского критицизма. СПб., 1909. 25 с.
2. Введенский А.И. Опыт построения теории материи на принципах критической философии. СПб., 1888. 340 с.
3. Вейдеман А.В. Мышление и бытие (логика достаточного основания) Ригь\а, 1927. 335 с.
4. Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Степина; отв. ред. и сост. И.Т. Касавин; ред. Г.М. Богард-Левин, В.В. Казютинский, Л.Н. Митрохин, Т.И. Ойзерман [и др.]. М., 2004. 816 с.
5. Челпанов Г.И. Мозг и душа (критика материализма и очерк современных учений о душе). Публичные лекции, читаемые в Киеве 1898-1899 г. СПб., 1900. 371 с.

ПРИНЦИП СУПЕРПОЗИЦИИ МОДУЛЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧИСЛА

М.Г. Годарев-Лозовский

Руководитель Лаборатории-кафедры прогностических исследований

Институт исследований природы времени

МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru

Предложено основное исходное допущение: целое бесконечное множество $|A|$ и его правильная часть $|B|$ логически могут быть эквивалентны только в случае существования равномогущего им множества $|C|$, элементы системы которого находятся в состоянии суперпозиции по отношению к элементам множеств $|A|$ и $|B|$. На базе этого допущения обоснован принцип: абсолютная и переменная величина всякого действительного числа находится в состоянии суперпозиции по отношению к числовой прямой, а эффектом математической системы абсолютных величин является множество всех действительных чисел.

Ключевые слова: числовая прямая, множество действительных чисел, состояние суперпозиции, правильная часть бесконечного множества, абсолютная величина числа

THE PRINCIPLE OF SUPERPOSITION OF THE MODULUS OF A REAL NUMBER

M.G. Godarev-Lozovsky

Head of the Laboratory-department of Predictive Research

Institute for Research on the Nature of Time

Lomonosov Moscow State University

E-mail: godarev-lozovsky@yandex.ru

The basic initial assumption is proposed: the whole infinite set $|A|$ and its correct part $|B|$ can logically be equivalent only in the case of the existence of an equally powerful set $|C|$, the elements of the system of which are in a state of superposition with respect to the elements of the sets $|A|$ and $|B|$. On the basis of this assumption, the principle is justified: the absolute and variable magnitude of any real number is in a state of superposition with respect to the numerical line, and the effect of the mathematical system of absolute quantities is the set of all real numbers.

Keywords: numerical line, the set of real numbers, the state of superposition, the correct part of an infinite set, the absolute value of a number

Фундаментальный вопрос оснований математики

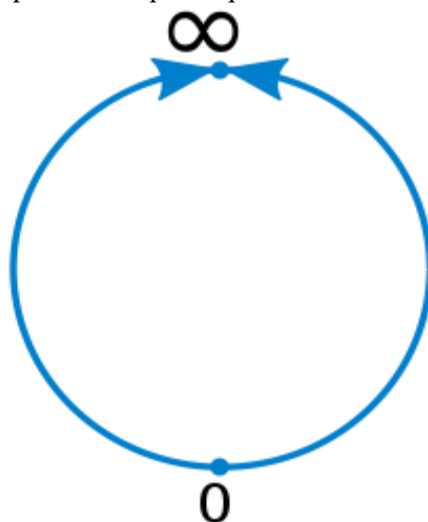
Каким образом в актуально бесконечном множестве правильная часть эквивалентна целому? Мы полагаем: *целое бесконечное множество $|A|$ и его правильная часть $|B|$ могут быть эквивалентны только в случае существования равномогущего им множества $|C|$, элементы которого находятся в состоянии суперпозиции по отношению к элементам множеств $|A|$ и $|B|$.*

Таким образом, мы непротиворечиво имеем следующие возможности: «либо A , либо B »; «то A , то B » – все это при условии, что еще существует некоторая возможность C , которая логически последовательно и органически включает в свою систему A и B *одновременно*.

Понятие числовой прямой

Если рассматривать проективно расширенную числовую прямую с одной выколотой точкой, отождествляющей положительную и отрицательную бесконечности (см. рис.1), то вполне допустимо рассматривать такую числовую прямую на проективной плоскости как окружность, имеющую хорды.

Рис. 1. Проективно расширенная числовая прямая

Понятие числа, величины и модуля

Один из крупнейших российских философов математики В.А. Бажанов метко замечает, что: «О числе нельзя говорить как о «бирке», которая репрезентирует какие-то множества предметов... Число – это ... снятая определенность, ставшая безразличной для предмета» [1, с.57].

Существенным свойством как действительного, так и комплексного числа является постоянство координат этих чисел на числовой и мнимой осях комплексной плоскости. Однако, понятие величины более широкое понятие и можно согласиться с не общепринятым мнением А. Н. Колмогорова, что: «...числа, как и длины, объемы и т.п., являются частными случаями величин и, как всякие величины, могут быть переменными и постоянными» [2, с.112-113].

Мы полагаем, что модули действительных чисел, более непротиворечиво мыслить *вне* числовой прямой как переменные величины. Ведь, действительные числа на числовой прямой не могут быть равны, а их модули могут быть равны – в этом заключается сущностное различие действительного числа и его модуля. «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань...», заметил еще великий русский поэт А.С. Пушкин.

Понятие суперпозиции

Термин суперпозиция составлен из латинских *super* (над) и *position* (положение) и означает наложение одного на другое. Широко известен принцип суперпозиции в физике и квантовой механике. В математике суперпозиция функций – это композиция функций, т.е. составление из двух функций сложной функции [2, с.570].

Главная идея

Правильными частями множества всех действительных чисел, являются подмножества как отрицательных, так и положительных действительных чисел. Но как все эти множества могут быть эквивалентны друг другу? Примем весьма неординарное допущение: *число – это одно из возможных состояний его абсолютной переменной величины (модуля)*. Мы полагаем, что при обозначенном условии *переменной* модуль, в отличии от *постоянного* действительного числа, можно представить

как имеющий два противоположных знака *одновременно*: $|a| = |-a| = |-+a|$ – это обстоятельство и объясняет известную эквивалентность целого и его части.

Геометрическая интерпретация модуля действительного числа

- 1) На числовой прямой каждому действительному числу соответствует единственная точка, а каждой точке соответствует единственное действительное число (см. рис.1).
- 2) Не существует действительного числа, которому соответствовало бы на числовой прямой более одной точки и которое совпадало бы с другим действительным числом.
- 3) Не существует двух действительных чисел, которые бы соответствовали на числовой прямой одной и той же точке, т.е. не существует двух действительных чисел, которые бы совпадали в одной и той же точке.
- 4) Совпадающий с величиной неотрицательного действительного числа модуль – не есть действительное число.
- 5) Допустим, что модуль – это величина действительного числа, которой может соответствовать точка в проективной плоскости, расположенная *вне* числовой прямой.
- 6) В проективной геометрии существует принцип двойственности и в соответствии с ним точка может рассматриваться как прямая, а прямая может рассматриваться как точка.
- 7) В проективной геометрии не существует понятия «расстояние» между точками, а прямая в ней может быть изометрична отрезку из \mathbb{R} .
- 8) Допустим, что в нашей модели числовая прямая есть окружность, тогда модулям двух противоположных действительных чисел будут соответствовать хорда этой окружности.
- 9) В этом случае модули чисел $|a|$ и $|-a|$ как единая прямая (хорда) в проективной плоскости соединяет точки окружности, соответствующие двум противоположным действительным числам на числовой прямой, т.е. числам: a и $-a$.
- 10) В соответствии с принципом двойственности точки модулей противоположных действительных чисел, в проективной плоскости допустимо рассматривать как одну и ту же прямую – хорду или как проекцию точек $|a|$ и $|-a|$ на числовую прямую (окружность).
- 11) Итак, в предлагаемом контексте, гипотетически, модули $|a|$ и $|-a|$ вполне могут рассматриваться как *единая переменная величина* в состоянии суперпозиции её по знаку, обозначим это допущение следующим образом: $|a| = |-a| = |-+a|$.

Суперпозиция модуля действительного числа по знаку

Известно, что модуль действительного числа x в теории функций определяется через аналитическую функцию вида: $|x|=(x^2)^{1/2}$. Интересно то, что в этой теории абсолютная величина действительного числа может рассматриваться как *суперпозиция* квадратичной функции и функции извлечения квадратного корня, а значение её определено на неотрицательной части числовой прямой. Но *если допустимо определять модуль действительного числа через суперпозицию функций, то почему нельзя определять само действительное число через одно из состояний суперпозиции модуля?*

Универсальность принципа суперпозиции модуля числа

Р. Дедекинд утверждал: «Если система \mathbb{R} всех вещественных чисел распадается на два класса A_1 и A_2 такого рода, что каждое число a_1 класса A_1 меньше каждого числа a_2 класса A_2 , то существует одно и только одно число a , производящее это разложение... Я решительно не в состоянии привести какое-либо доказательство справедливости этого принципа...» [3, с.18-25].

Итак: иррациональное число a разделяет числовую ось на два класса, т.е. может производить два разных сечения числовой прямой, но само оно при этом может быть произвольно по воле математика отнесено только к одному из разделяемых классов. Мы полагаем, что логически такое допустимо только в случае нахождения модуля этого числа в состоянии суперпозиции по двум возможным его состояниям в отношении числовой оси, разделенной на два класса: A_1 и A_2 .

Предлагаемую нами концепцию можно распространить и на модуль комплексного числа. Ведь известно, что на числовой прямой присутствует несчетное множество мнимых точек, которые, как справедливо полагает Л.Г. Антипенко – это те же действительные, но только «осциллирующие» точки, населяющие числовую и мнимую оси комплексной плоскости [4].

Известно, что множество, с учетом допустимых операций, вполне рассматриваемо как система, а всякая система может иметь свойственные ей эффекты. Сформулируем универсальный принцип суперпозиции модуля действительного числа: *абсолютная и переменная величина всякого действительного числа находится в состоянии суперпозиции по отношению к числовой прямой, а эффектом системы абсолютных величин, является множество всех действительных чисел.*

Литература

1. *Бажанов В.А.* Число и кантианская исследовательская программа в современной нейронауке // Вопросы философии. 1921. № 7. С. 50-60.
2. Математический энциклопедический словарь // Математический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1988. С. 570.
3. *Дедекиндр Р.* Непрерывность и иррациональные числа. М.: URSS. 2015. С.18-25.
4. *Антипенко Л. Г.* Онтологический подход к обоснованию математики в свете неевклидовой геометрии Лобачевского [Электронный ресурс]. URL: <http://beskonechnost.info/mathematic/146-antipenko.html> (дата обращения 02.02.2022).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ, ЭМПИРИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ И МЕНТАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ И. ЛАКАТОСА И У. СЕЛЛАРСА

М.В. Гончаренко

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

E-mail: markgon73@rambler.ru

В данном докладе рассмотрен процесс конструирования реальности познающим субъектом с учётом применения доступных для него базовых и научных схем, которые являются предметом пристального исследования в современной эпистемологии и когнитивистике; в таком контексте анализ взаимодействия теоретических установок и эмпирических критериев представляет особый интерес как с точки зрения формирования ментального объекта, так и с точки зрения дальнейшего функционирования этого ментального объекта. Помимо этого, в работе рассмотрена проблема эпистемологических сдвигов, которые происходят в результате использования различных исследовательских схем в процессе формирования теории; вариативность исследовательских схем становится неизбежностью вследствие активного использования познающим субъектом механизма метафоры как одного из возможных инструментов формирования нового знания.

Ключевые слова: теоретическая установка, эмпирический критерий, ментальный объект, метафора, исследовательская программа, теория

THEORETICAL ATTITUDES, EMPIRICAL CRITERIA AND MENTAL OBJECTS IN THE CONTEXT OF RESEARCH APPROACHES BY I. LAKATOS AND W. SELLARS

M.V. Goncharenko

DSc in Philosophy, Professor

National Research Tomsk Polytechnic University

E-mail: markgon73@rambler.ru

This report discusses the process of constructing reality by a cognizing subject, taking into account the use of basic and scientific schemes available to him, which are the subject of close research in modern epistemology and cognitive science; In this context, the analysis of the interaction of theoretical attitudes and empirical criteria is of particular interest both from the point of view of the formation of a mental object and from the point of view of the further functioning of this mental object. In addition, the paper considers the problem of epistemological shifts that occur as a result of the use of various research schemes in the process of theory formation; the variability of research schemes becomes inevitable due to the active use by the cognizing subject of the mechanism of metaphor as one of the possible tools for the formation of

new knowledge.

Keywords: theoretical setting, empirical criterion, mental object, metaphor, research program, theory

Рассмотрение отношений между теоретическими установками и эмпирическими критериями представляется перспективным с точки зрения возможных эпистемологических сдвигов, которые обуславливают новые теоретические подходы в изучении реальности. В этой связи концепция исследовательских программ И. Лакатоса [1] предоставляет необходимый инструментарий для анализа взаимодействия теоретического и эмпирического компонентов знания, которое так или иначе апеллирует к Мифу о данном. Очень кратко определимся с тем, что такое теоретическая установка и эмпирический критерий. Что касается первого, это некая системная (концептуальная) организация представлений, обусловленная понятийно-категориальной структурой и логической зависимостью между элементами, применение которой к изучаемому объекту позволяет познающему субъекту надеяться на возможность понимания этого объекта. Что касается второго, то это так называемая эмпирическая проверяемость тех или иных пропозиций, за появление которых ответственны теоретические установки. Если принять позицию У. Селларса относительно того, что данное – это эпистемологическая категория, то взаимодействие теоретического эмпирического компонента знания становится очевидным: «Термин «данное», как часть... эпистемологического – жаргона, предполагает определённое теоретическое допущение, и мы вполне можем отрицать существование каких-либо «данных»..., не рискуя при этом впасть в противоречие.» [2, с. 32].

Однако перманентная трансформация данного, фиксируемая в бесконечном теоретическом многообразии, говорит об эпистемологических сдвигах, обусловленных необходимостью новых ответов. Чтобы продемонстрировать процесс эпистемологического сдвига, обратимся к примеру ботаника-миколога М. Шелдрейка, который описывает как в биологии случился переход от господствовавшей в эволюционной теории идеи дивергенции организмов к конвергенции (вернее, как в глобальном контексте дивергенции стала допустимой и конвергенция): «...гипотеза о двойственности предполагала, что лишайники были телами,,,,, составленными из организмов разного происхождения. ... В 1877 году немецкий ботаник Альберт Франк выдумал слово «симбиоз» для описания совместной жизни грибного и водорослевого компонента (речь идёт о лишайнике – *прим. моё. -М.Г.*)» [3, с. 92], и «Эндосимбиотическая теория, или теория симбиогенеза... переписала историю жизни. Это был один из самых драматических сдвигов в биологической картине мира XX века.» [3, с. 102 - 103]. Этот реальный пример демонстрирует, почему появилось новое понятие «симбиоз» и какие последствия произошли в теории эволюции в результате *появления* того данного (объединение организмов разных видов), которое теперь стало таковым. Эпистемологический сдвиг, который профессионалами был принят далеко не сразу, стал одним из величайших достижений эволюционной биологии прошлого века. Таким образом, лишайники – такие организмы, которые выводят нас за рамки бинарной системы [3, с. 114], поэтому теоретическая схема, которая сможет объяснить такого рода конвергенцию, это схема, поиском которой заняты многие современные эволюционисты. Как соотносятся теоретические установки и эмпирические критерии в этом случае, предположить с высокой степенью уверенности едва ли представляется возможным.

Тем не менее, в распоряжении познающего субъекта, создающего контексты мнений, имеется такой одновременно сложный и важный инструмент как метафора, с помощью которого, по утверждению Л. Витгенштейна, происходит организация новых (иногда абсолютно новых) эпистемологических полей / континуумов и создание новых отношений [4, с. 208]. И эти новые континуумы актуальны для когнитивных схем различного назначения (как для базовых, так и для научных): «Метафора позволяет нам осмыслить области опыта, не имеющие своей собственной доконцептуальной структуры. Таковыми являются очень многие области опыта. Приобретение способности осмысления опыта посредством метафоры является одним из величайших творческих триумфов человеческого ума.» [5, с. 393]. К подобному заключению приходит И. Касавин, проанализировав формирование истории электролиза в контексте взаимодействия философии науки и химии стараниями У. Хьюэлла: «Коммуникация, нацеливаясь на создание нового междисциплинарного языка <...>, приобретает концептуальный характер и задаёт границы теории.» [6, с. 67]. Постоянно эволюционирующая теоретическая система (непрекращающиеся эпистемологические сдвиги) всегда пытается уйти от уже обнаруженных парадоксов путём создания новых инструментов, в обязательный арсенал которых входят и новые понятия, методы и пр.

Продвигаясь в направлении эпистемологических сдвигов исследовательских программ, важно отметить реакцию И. Лакатоса на тезис Куайна-Дюгема: «По словам Куайна, «любое предложение

может сохранить свою истинность, если пойти на решительную переделку той системы, в которой это предложение фигурирует.» [1, с. 152]. Важным здесь является возможность реконструирования системы, против которой И. Лакатос принципиально не против, потому что универсум фактов не может устоять перед воображением человека [1, с. 157]. В этой связи вывод Я. Хакинга относительно того, что И. Лакатос был уверен, что математическая реальность не открывается, а создаётся [7, с. 52], является дополнительным аргументом зависимости эмпирического критерия от теоретических установок и ментальных объектов [8, с. 30]. Анализируя взаимодействие ментальных объектов с физическим объектом и с чувственно воспринимаемым объектом, У. Селларс достаточно точно определил свою позицию относительно *пересекаемости* теоретического и эмпирического компонентов знания: «Истолковав в качестве *данных* те партикулярии и их совокупности, которые он (субъект, - прим. моё – М. Г.) научился наблюдать, он посчитал их изначальными объектами знания, которые уже каким-то образом присутствовали в этой концептуальной рамке с самого начала. Именно поэтому он говорит о *данном* в акте *схватывания*.» [2, с. 145]. И эта позиция может быть объяснительной по отношению к эпистемологическим сдвигам, природа и периодичность которых весьма подробно была описана И. Лакатосом.

Литература

1. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. 2003. С. 380.
2. *Селларс У.* Эмпиризм и философия сознания. СПб. 2021. С. 218.
3. *Шелдрейк М.* Запутанная жизнь. Как грибы меняют мир, наше сознание и наше будущее. М. 2021. С. 416.
4. *Wittgenstein L.* Blue book. In Wittgenstein, The blue and brown books. New York: Harper & Row, 1965. 208 p.
5. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга I: Разум вне машины. М. 2011. С. 512.
6. *Касавин И.Т.* Роль Уильяма Хьюэлла в формировании зоны обмена «философия - физика» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 64–69.
7. *Хакинг Я.* Почему вообще существует философия математики? М. 2020. С. 400.
8. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. М. 2022. С. 368.

МЕТОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛОНДОНСКОМ МЕТРОПОЛИТЕН УНИВЕРСИТЕТЕ (LONDON METROPOLITAN UNIVERSITY)

В.А. Денисов

Аспирант философского факультета

МГУ имени М. В. Ломоносова

Продюсер

ВГТРК

E-mail: deniis6517@yandex.ru

Курс «Метод исследования» преподается в университетах Великобритании для написания магистерской диссертации. В Лондонском Метрополитен Университете данный курс для экономических специальностей проводил доктор наук Роб Карти. Он разработал новую программу этого курса, включив в него дополнительные модули, а именно: исследовательский процесс, формулирование темы, философия исследования, оценка шаблона. Показателем успешного прохождения данного курса служит диссертация исследования, которая завершает обучение в университете. Роб Карти, безусловно, последователен и аккуратен в своей методологии исследования. Философией, на которой базируются исследования, является позитивизм или феноменология. На курсе обучаются методам исследования, таким, как интервью, кейс-анализ, обзор, этнографическое исследование, экономическое исследование, в том числе экономическое исследование по финансовому менеджменту. Качественный и количественный анализы считаются не методами, а моделями, поэтому рассматривать их в рамках методологического поля некорректно. В курсе «Метод исследования» уделяется большое внимание понятиям

«надежность», «валидность» и «обобщенность». Исследования проводятся в соответствии с несколькими типами: описательным, объяснительным, исследовательским, предсказательным. Результатом магистерской работы служат рекомендации для компании.

Ключевые слова: метод исследования, позитивизм, феноменология, триангуляция, экономика, кейс-стади, количественные и качественные исследования, валидность

ECONOMIC RESEARCH METHODS AT LONDON METROPOLITAN UNIVERSITY (LONDON METROPOLITAN UNIVERSITY)

V.A. Denisov

PhD student of the Faculty of Philosophy

Lomonosov Moscow State University

Producer

VGTRK

E-mail: deniis6517@yandex.ru

The course «Research Method» is taught at universities in the UK for writing master's thesis. At London Metropolitan University, this course is for economic specialties were conducted by Dr. Rob Carty. He developed a new program of this course, including additional modules, namely: research process, topic formulation, research philosophy, evaluation template. The indicator of successful completion of this course is the thesis of research, which completes the studies at the university. Rob Carty is certainly consistent and accurate in his research methodology. The philosophy on which research is based is positivism or phenomenology. The course teaches research methods such as interview, case analysis, survey, ethnographic research, economic research, including economic research on financial management. Qualitative and quantitative analyzes are not considered methods, but models, therefore it is incorrect to consider them within the framework of the methodological field. The course "Research Method" pays great attention to the concepts of "reliability", "validity" and "generalization". Research is carried out in accordance with several types: descriptive, explanatory, exploratory, predictive. The result of the master's work are recommendations for the company.

Keywords: research method, positivism, phenomenology, triangulation, economics, case analyses, quantitative and qualitative research, validity, generalizability, reliability

Стандарты образования в университетах Великобритании

Результатом обучения в университетах Великобритании по специальности бизнеса и менеджмента является диссертация, в отличие от университетов США, где диплом выдается после сдачи всех учебных дисциплин. Для написания диссертации в английских колледжах, университетах студенты изучают несколько семестров курс «Метод исследований». Исследование студентом проводится по той же специализации, которая была выбрана им при поступлении им в учебное заведение. После изучения вышеназванного курса экзамен не проводится. Результатом успешного освоения курса и обучения в целом служит написание диссертации. Она состоит из двух отдельных, самостоятельных работ: формулирование темы (Proposal research) и последующего диссертационного исследования (Research). Причем, формулирование темы исследования емкостью 4500 слов входит своей основной частью в исследование, составляющее 15000 слов. Успешная сдача первой части служит залогом успешной сдачи всего исследования. Для оценки работы используется стобалльная шкала. Отличной оценкой служит набор восемьдесят баллов, а удовлетворительной – более пятидесяти баллов.

Существует много статей, книг, рассматривающих методы исследования в разных областях научного знания, по-разному описывающих и объясняющих эти методы. Обилие всевозможных учебников и статей по данному вопросу запутывают студента, отнимают у него много времени. Полного единого учебника по методам исследования создать невозможно, так как дисциплина все время развивается и разделяется по многим направлениям, она бесконечна по сути. Но во многом методы исследования универсальны и могут применяться как в разных областях научного знания, так и в прикладной деятельности.

Еще одной существенной проблемой являются различные стандарты преподавания дисциплины «Метод исследований». Доктор наук Роб Карти разработал свой метод преподавания в Лондонском

Метрополитен Университете, в котором отошел от требований, предъявляемых ранее. В своем курсе он обозначил новые направления обучения, такие, как «процесс исследования», «формулирование темы», «наиболее распространенные методы», «философия исследования». Процесс исследования объясняет написание диссертации как поэтапный мыслительный процесс, в котором важно наметить все этапы наметить и ни один не пропустить. Формулирование темы (Topic generation) - один из самых важных этапов. Исследователь здесь до тех пор, не приходит к окончательному итогу пока процесс продолжается. Все этапы исследования можно представить в виде схемы прохождения по кругу.

Эти этапы содержат такие названия, как формулирование темы, литературный обзор, развитие существующего исследования, формулирование исследовательских вопросов, методология, анализ данных и выводы.

В Лондонском Метрополитен Университете применяется обновленный способ обучения, который содержит этапы исследовательского процесса. Работа ведется как серия процедур, без прохождения одной из которых, нельзя перейти к последующей. Каждый этап работы требует серьезного, подетального обдумывания. Такой стиль работы проводится при разработке всех методов исследования. Роб Карти пишет: «С точки зрения содержания курса «Метод исследования» новый модуль фокусируется на двух методах: интервью и кейс-стади» [Carty, 2007, p. 101]. Интервью широко известно менеджерам и экономистам, вследствие чего часто используется студентами в написании диссертаций. Кейс-стади (анализ случая) также рассматривается на курсе, поэтому многие студенты пишут диссертацию, основываясь на данном методе. Он хорошо описан Йин Р. (Yin R.) и представляет собой построение картины какого-либо случая на данных, взятых из многих источников: научной теории из учебной литературы, записей лекций, студенческих исследований, отчетов внешних экспертов, изучения практики других учреждений. Природа экономических исследований предполагает использование многих дисциплин. «Одной из важных характеристик признали их междисциплинарную (то есть выходящую за рамки одной дисциплины) сущность. Это согласуется с утверждением, что в экономических исследованиях используются знания, понятия и методы других дисциплин» [Сондерс, 2006, с. 21].

Модель процесса исследования напоминает луковичу со сферическими оболочками, уменьшающимися к сердцевине: чем ближе к центру, тем больше поступающей информации, которую нужно описывать. Существенное, важное находится в первых внешних слоях в данной модели и затрагивает философию, в рамках которой будет проходить исследование. Написание диссертации по экономике и менеджменту основывается на позитивизме или феноменологии. Мы воспринимаем мир через линзу. Линзу, через которую мы видим действительность, можно называть парадигмой - системой представлений о реальности.

Литература

1. Carty R. Teaching Research Methods: a pragmatic approach // Investigations in university teaching and learning. 2007. vol. 4 (2) summer. P. 101. URL: <https://www.londonmet.ac.uk/> (дата обращения 29.04.2022).
2. Сондерс М. Методы проведения экономических исследований / Пер. с англ. В. Лавриненко. М.: Эксмо, 2006. 640 с.
3. Yin R.K. Case Study research: design and methods. Sage Publications, Inc. 2009. p. 220.
4. Словари и энциклопедии Академии. Философский словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/120199> (дата обращения 06.05.2022)
5. Мотрошилова Н.В. Феномены воспоминания о смерти и любви в «Лекциях о Прусте» // Произведенное и названное. М., 1998. 354 с.
6. Митрополит Илларион (Алфеев). Иисус Христос. Жизнь и учение. Нагорная проповедь. Книга 2 / book24.ru Алфеев. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Parion_Alfeev/iisus-hristos-zhizn-i-uchenie-nagornaja-propoved-kniga-2/13_3 (дата обращения 06.05.2022).

ОБЩЕСТВО И ПОЗИЦИОННАЯ НУМЕРАЦИЯ

Г.А. Зверкина

Кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник

Институт проблем управления им. В.А.Трапезникова РАН

E-mail: zverkina@gmail.com

В настоящее время повсеместно используется позиционная десятичная нумерация. Известно, что позиционные нумерации возникали в разных местах Земли и в разное время. Но было ли что-то общее в социальном устройстве общества, в уровне его образованности и вовлечённости в вычисления в тот период, когда формировались позиционные нумерации? Анализ того, насколько должны были быть образованы лица, занимавшиеся учётом и торговлей в предполагаемый период становления позиционных нумераций, подтверждает тезис о том, что значительное распространение необходимости многочисленных вычислений ведёт к упрощению системы нумерации, т.е. к позиционности. Феномен древнегреческой математики в том, что математика стала модной в аристократических кругах, и её видимая часть «застыла» в части упрощения математической нотации – хотя именно в этот период «застоя» Диофант создал систему записи алгебраических уравнений, которая затем была благополучно забыта...

Ключевые слова: позиционная нумерация, уровень образования, распространение знаний, история математики, 60-ричная нумерация, 20-ричная нумерация, десятичная нумерация, система экзаменов для чиновников

SOCIETY AND POSITIONAL NUMERATION

G.A. Zverkin

CSc in Physical and Mathematical Sciences, Senior Researcher

V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences

E-mail: zverkina@gmail.com

Positional decimal numeral system is now commonly used. We know that positional numeral systems arose in different places on the Earth and at different times. However, was there anything in common in the social structure of society, in the state of its education and the demand for counting at the time when positional number systems created? An analysis of the quality of education of people involved in calculations in production and trade in the expected period of the formation of positional numeral systems confirms the thesis that a significant spread of the need for numerous calculations leads to a simplification of the numeral system, i.e. to positional numeral systems. The phenomenon of ancient Greek mathematics is as follows. In ancient Greece, mathematics became fashionable in aristocratic circles, and its visible part 'froze'. Therefore, 'official' mathematics did not simplify the mathematical notation. However, it was during this period of 'stagnation' that Diophantus created a system for writing algebraic equations. Later this system forgotten...

Keywords: positional numeral systems, education of the people, propagation of knowledge, history of mathematics, vigesimal numeral system, sexagesimal numeral system, decimal numeral system, examination system for officials

Напомним, что позиционная система счисления, или позиционная нумерация – это система счисления, в которой значение каждого числового знака (цифры) в записи числа зависит от его позиции (разряда).

При этом вполне сформированной позиционной нумерацией можно называть эту систему записи чисел только в том случае, когда в записи используется символ нуля, который обозначает то, что некоторый разряд в записи числа отсутствует.

В истории человечества позиционная нумерация «с пустого места» формировалась неоднократно.

Самая древняя из известных – это шумеро-вавилонская клинописная система записи чисел: используя символы для 1 и 10 (вертикальный и горизонтальный клин), древние жители Месопотамии записывали числа в 60-ричной системе; для обозначения пропущенного разряда сначала использовался пропуск в записи, затем – точка (или маленький кружок) – [1].

Развитая 20-ричная система нумерации использовалась в империи Майя, причём существовали два вида «цифр». Это были «сакральные» символы для чисел от 1 до 19, выполненные в виде человеческих фигур или голов, а также «бытовая» символика, или символика для вычислений – цифры от 1 до 19 обозначались наборами точек и черт, где черта равнялась 5, а точка – 1; для обозначения нуля использовался рисунок черепашого панциря.

Также в империи Инков использовалась позиционная десятичная нумерация, реализованная в верёвочной письменности («кипу») с помощью узелков – число узелков от 1 до 9 соответствовало цифре; о наличии символа для нуля судить сложно, но, вероятно, пропуск позиции обозначался пропуском в «записи» числа – последовательности групп узелков [2].

О том, как сформировались позиционные нумерации в Южной Америке, сложно судить, не имея достаточного числа письменных источников.

Также позиционная нумерация сформировалась и в Юго-Восточной Азии; известно, что в Европу оттуда она попала замысловатым путём: на рубеже 1-го и 2-го тысячелетия н.э. она была завезена с арабоязычного Востока, куда, в свою очередь, она попала из Индии – персидский учёный Аль-Бируни называл её «индийским счётом». В свою очередь, впервые в индийских источниках позиционная нумерация (только её описание) встречается в «Ариабхатии» (499 г., [3]), но в этом регионе она начинает применяться в вычислениях существенно позже.

Однако некоторые исследователи высказывали гипотезу о китайском происхождении позиционной нумерации, обнаруженной позднее в Индии [4].

Рассмотрим эту гипотезу.

Как известно, в середине 1-го тысячелетия до н.э. в Китае начало развиваться конфуцианство, как система взглядов на мироустройство и социальный порядок. Продуктом конфуцианской мысли стало становление и развитие системы государственных экзаменов на занятие чиновничьих должностей – начиная примерно с 3-го в. до н.э. – [5]. Эта система со временем ветшала, коррумповалась, и примерно в середине 1-го тысячелетия была реорганизована; затем повторилась та же история...

Тем не менее, с появлением экзаменационного фильтра многие простолюдины получили возможность достичь высокой должности, – хотя и подготовка к экзамену, и путешествие на экзамен требовали определённых затрат. Но практически каждый желающий мог попробовать свои силы. Поэтому учились (готовились к экзамену) сотни и тысячи человек, а сдавали эти экзамены единицы.

В программу входило историко-философское эссе, знание законов, и со временем была введена математика, как необходимый в работе чиновника навык.

Таким образом, в Китае было огромное количество людей, знающих (в той или иной степени) математику.

При этом, как и везде в древности, для счёта использовались специальные приспособления (счёты, но чаще специально расчерченные на земле/бумаге), в ячейки (клетки) которых помещался счётный материал (палочки), и затем с помощью этих палочек проводились вычисления; при этом возникли символы для цифр от 1 до 9: палочка горизонтальная=5, вертикальная=1 – т.н. «научная» нумерация. При переносе вычислений на бумагу (а первая бумага появилась задолго до официально признанного изобретения в 105 г.) пустые клетки обозначались кружочками. Таким образом, возник символ 0.

При словесной записи использовались обозначения для разрядов: например, число 1234 в иероглифической «письменной» записи: **一千二百三十四(一)** – одна тысяча две сотни три десятка четыре (единицы) – здесь использованы современные знаки; исторически изображения иероглифов существенно менялись. Отбросить название разрядов – и вот вам позиционная нумерация.

Отметим, что числа **二(2)** и **三(3)** – при скорописи превращаются в «2» и «3», а «1» соответствует вертикальная палочка в «научной» нумерации.

Обратившись к древнеегипетской математике, мы заметим, что там было три варианта записи чисел: иероглифическая, иератическая (для культовых текстов) и демотическая (народная); к эпохе Нового царства демотическая нумерация начала упрощаться в том же направлении, что и китайская «письменная» нумерация – [4], и её естественное дальнейшее превращение в позиционную было прервано эллинизацией.

Далее, если обратиться к Шумеро-Вавилонскому опыту, мы также обнаружим там очень развитое математическое образование с целью воспитания чиновничества – [7].

Что касается империй Майя и Инков – это были достаточно развитые цивилизации, производившие большие объёмы товаров, и, естественно, города империй торговали – т.е. требовалось большое подготовленных количество счетоводов. Т.е. и здесь можно предположить, что становление позиционной нумерации было связано с широким применением арифметических расчётов и естественным стремлением их упрощения (но не будем забывать и о сакральных символах для нумерации у майя!).

Возникает вопрос, почему в образованной Греции не произошло перехода к позиционности?

Полагаю, тут дело в том, что в Греции математика *вошла в моду* у аристократии, она стала частью образования в связи с необходимостью обучения будущих правителей риторике, а обучение умению стройно излагать свои мысли и делать логически обоснованные выводы проще делать на примерах из геометрии, а не на обсуждении реальных юридических казусов.

При этом собственно искусство вычислять в алфавитной системе нумерации также требовало определённых навыков, и Папп Александрийский во 2-й книге своей «Математической Коллекции» демонстрирует умение перемножить буквы-цифры целой фразы – здесь важно то, что при переходе из разряда в разряд способ записи чисел существенно менялся – [8], с.13. Видимо, именно в среде аристократов – а именно для них писалось большинство математических сочинений – предпочитали следовать традиционной, неизменной форме записи чисел.

Примерно та же ситуация была и в средневековой Европе: астрономы и математики всю использовали позиционную нумерацию, но все документы и счета оформлялись исключительно в *традиционной* римской, крайне неудобной нумерации.

И так длилось до тех пор, пока Лука Пачоли в 1494 г. не издал свою знаменитую «Сумму» математических знаний, и не распространил её по крупным европейским городам. А учитывая то, что примеры заполнения финансовой отчётности в «Трактате о счетах и записях» [9], части этой «Суммы», приводились в позиционной нумерации – а позиционной нумерацией уже давно пользовались для «внутренних» расчётов коммерсанты (но были обязаны отчитываться по налогам в римской нумерации) – и, ссылаясь на эту книгу, вся торговая отчётность в считанные годы перешла на позиционную «арабскую» нумерацию, и именно тогда позиционная нумерация вошла в обиход всего цивилизованного мира.

Литература

1. Вайман А.А. Шумеро-вавилонская математика III-I тысячелетия до нашей эры. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961.
2. Куприенко С. А. (ред.). Источники XVI-XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма / под ред. С.А. Куприенко. Київ.: Видавець Купрієнко С.А., 2013, 418 с.
3. Âryabhata. The Âryabhatîya. An ancient Indian work on mathematics and astronomy. Tr. W. E. Clark. Chicago, 1930.
4. Georges Ifrah. Histoire universelle des chiffres, l'intelligence des hommes racontées par les nombres et le calcul: Coffret 2 volumes. Paris, 1994.
5. Elman B.A. A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China, University of California Press, 2000.
6. Жаров В.К. Развитие методов преподавания традиционной китайской математики. М., 2002.
7. Robson E. Mesopotamian Mathematics 2100-1600 BC: Technical Constants in Bureaucracy and Education. Clarendon Press, 1999.
8. Pappus D'Alexandrie. La collection mathématique (Œuvre traduite pour la première fois du grec en français, avec une introduction et des notes par Paul Ver Eecke), Tome Premier, Paris, 1933.
9. Пачоли Л. Трактат о счетах и записях. Финансы и статистика, 2009.

ЦЕННОСТНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ФИЛОСОФИИ НАУКИ Т. КУНА

М.А. Иванов

Кандидат философских наук, доцент

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

E-mail: ivanovmikhailh@gmail.com

В статье рассматриваются специфика, функционирование, виды ценностей в концепции философии науки Т. Куна. Акцент делается на внутринаучных ценностных регулятивах. Они специфичны тем, что, выступая общей основой для решения познавательных задач, не обладают в этой функции однозначностью и определенностью. Указанные функциональные свойства, как полагает Кун, характерны и для «стандартных критериев оценки адекватности теории» (точность, непротиворечивость, простота и др.), что позволяет ему отождествить их с ценностями. С точки зрения автора статьи, это дает основу для выявления корреляции и единства между гносеологическими и ценностными

асpekтами в научном познании. В статье показана антиномичность концепции ценностей Куна и ее реальные основания. Это связано, по мнению автора, с тем, что в ценностях своеобразно преломляются онтологические и нормативные составляющие познания.

Ключевые слова: Кун, философия науки, парадигма, ценности, научное познание, описательное и нормативное

VALUE COMPONENTS OF T. KUHN'S PHILOSOPHY OF SCIENCE

M.A. Ivanov

PhD in Philosophy, associate professor

Moscow Aviation Institute (National Research University)

E-mail: ivanovmikhailh@gmail.com

The article discusses the specifics, functioning, types of values in the concept of T. Kuhn's philosophy of science. The emphasis is on intrascientific value regulators. They are specific in that, acting as a general basis for solving cognitive problems, they do not have unambiguity and certainty in this function. These functional properties, as Kuhn believes, are also characteristic of "standard criteria for assessing the adequacy of a theory" (accuracy, consistency, simplicity, etc.), which allows him to identify them with values. From the point of view of the author of the article, this provides a basis for identifying the correlation and unity between epistemological and value aspects in scientific knowledge. The article shows the antinomy of Kuhn's concept of values and its real foundations. This is due, according to the author, to the fact that ontological and normative components of cognition are refracted in values in a peculiar way.

Keywords: Kuhn, philosophy of science, paradigm, values, scientific knowledge, descriptive and normative

В Дополнении (1969) к «Структуре научных революций...» (1962) Т. Кун затрагивает важную проблему соотношения гносеологических и аксиологических факторов в научном познании. Критики обвиняли его в недопустимом смешении фактуальных и нормативных положений в научном познании. Так, П. Фейерабенд называет указанное смешение намеренной «двусмысленностью», которая ведет к субъективизму в его концепции [1, с.110-111]. Возражая оппонентам, Кун называет теорему разграничения: «*есть*» не может предполагать «*должно быть*» - «избитой фразой» [2, с. 270].

Мы полагаем, что аксиологическая составляющая философии науки Куна явно демонстрирует связь описательного и ценностного, и эта взаимосвязь не является, как полагал Фейерабенд, сознательной двусмысленностью.

В Дополнении Кун рассматривает дисциплинарную матрицу (или парадигму в ее расширенном смысловом контексте). В ее структуре он выделяет: 1. «символические обобщения», 2. «метафизические части парадигмы», 3. ценности (общепринятые ценности), 4. конкретные образцы - общепринятые предписания, конкретные решения проблем, примеры решения задач в учебных целях [2, с. 238-244].

Если исходить из общего понятия «ценность», в котором фиксируется любого вида значимость объекта для субъекта, то все указанные элементы матрицы представляют собой ценность, являются познавательными ценностями. Вопрос заключается в специфике этих элементов и других ценностных составляющих концепции Куна, их гносеологическом и аксиологическом статусе, их системном взаимодействии и адекватном именовании [см. 3, с. 25-27].

Выделяя группу ценностей (3), Кун отмечает, что такие ценности как *точность, простота, способность решать головоломки, непротиворечивость* и др. функционируют постоянно в познании, их особая роль проявляется при выборе парадигмы, ее разработке, устранении аномалий. Один из главных признаков ценностей этой группы – неоднозначность функционирования: они «сами по себе еще не являются достаточными, чтобы обеспечить полное согласие» в выборе между конкурирующими теориями или зафиксировать различие между обычной аномалией и аномалией, таящий в себе начало кризиса [2, с. 241- 242]. Эта неоднозначность отличает их от «символических обобщений», то есть формул, которые используются членами научной группы без сомнений и разногласий [2, с. 238]. То же самое можно сказать и относительно 4-й группы, ее составляющие - конкретные образцы - обладают сравнительно жестким предписательным характером.

Кун допускает и другие виды ценностей, среди них - социальная значимость науки: «наука должна или не должна быть полезной обществу» [Там же]. Такого рода ценности, выполняют

внешнюю по отношению к познанию функцию. Они, как отмечают современные исследователи, регулируют науку как социальное образование, взаимоотношения науки и общества [4, с. 231].

В статье «Объективность, ценностные суждения и выбор теории» (1973) Кун детализирует свой подход к ценностям, пытаясь рассмотреть их системно и в определенной динамике. Он фиксирует пять правил, которые характеризуют добротную научную теорию, это — «стандартные критерии оценки адекватности теории». Теория должна быть *точной, непротиворечивой, иметь широкую область применения, простой, плодотворной*. Эти правила, поскольку они обладают отмеченной ранее неоднозначностью (или неопределенностью), Кун фактически отождествляет с ценностями: они «функционируют не как правила, которые определяют выбор, а как ценности, которые влияют на выбор» [5, с. 44]; «... мой список ценностей, направляющих выбор в науке, близок почти до тождественности с традиционным списком правил, диктующих выбор» [5, с.45].

Указанный список правил-ценностей не является исчерпывающим, на выбор ученого могут повлиять достаточно разнообразные виды ценностей, в том числе: мистические, метафизические, эстетические, социальные, практические и др. Однако стандартным ценностям он придает основополагающую познавательную роль – это критерии адекватности теории [5, с. 38].

Отмеченные стандартные правила-ценности Кун выстраивает по *иерархическому принципу* на основе познавательной эффективности. Наиболее важной является *точность* (следствия, дедуцируемые из теории, должны обнаруживать согласие с результатами существующих экспериментов и наблюдений) [Там же].

Этот критерий наиболее близок к решающему, является менее неопределенным, чем другие. От этой ценности «зависит объяснительная и предсказательная силы, составляющие такие критерии, которыми ученые не склонны поступиться» [Там же]. Фактически этот критерий говорит о соотношении знания и реальности, применения теории к природе. Как отмечает В.С. Степин, этот критерий тесно связан с принципом наблюдаемости, в котором физическое явление регистрируется в эксперименте и наблюдении [4, с. 544-547]. Однако этот критерий, с точки зрения Куна, не абсолютен. «Он ... редко (или никогда) является достаточным для выбора теории» [5, с. 39].

На последнем месте из названных стандартных критериев Кун фиксирует плодотворность - теория должна быть плодотворной, открывающей новые горизонты исследования; она должна раскрывать новые явления и соотношения, ранее оставшиеся незамеченными среди уже известных. Кун оценивает ее как менее стандартную, но весьма важную для реальных научных решений [5, с. 38].

Предписания *непротиворечивости, широты области применения, простоты* – также весьма важны. Противоречивость, как внутренняя, так и по отношению к другим видам родственного знания, требует внутреннего согласования элементов теории, логичности, когерентности.

Критерий *широты области применения теории* означает, что «следствия теории должны распространяться далеко за пределы тех частных наблюдений, законов и подтеорий, на которые её объяснение первоначально было ориентировано». Это своего рода критерий внешнего оправдания теории.

Иллюстрируя функционирование первого и третьего вида стандартных критериев на примере «Начал» Ньютона, Кун замечает: «Ни одна другая работа в истории науки не испытала столь быстрого расширения области применения и такого резкого возрастания точности» [2, с. 55-58].

Критерий «теория должна быть простой» (вносить порядок в явления, которые в её отсутствие были бы изолированы друг от друга), как отмечает Кун, тесно связан с предыдущими, но менее плодотворен, чем точность [2, с. 268]. Отметим онтологический характер этого критерия для многих ученых. Как замечает Степин, принцип простоты реализует установку на минимизацию фундаментальных теоретических положений, объясняющих факты, выражает «внутреннее совершенство теории» [4, с. 545].

Отмеченные стандартные правила, как видно, имеют и гносеологическую и аксиологическую составляющие – они фиксируют соотношения знания и реальности, правила построения знания и выражают его гносеологическую специфику. Одновременно они являются ценностью для исследователя, научной группы, выступают в виде предписаний, то есть в модусе должного.

Стандартные критерии выбора теории должны быть дополнены, с точки зрения Куна, субъективными. Субъективные ценности связаны с индивидуальностью ученого, его предпочтениями, образованием и др. Реальный выбор теории определяется смесью объективных и субъективных ценностей.

Большое значение Кун придает эстетическим ценностям научного познания. «Значение эстетических оценок может иногда оказаться решающим» [2, с. 205]. Выделение эстетических

ценностей Куном не случайно. Они непосредственно коррелируются с ценностями, обозначенными им как стандартные критерии оценки теории и являются их чувственно-интуитивной фиксацией.

Весьма важным является исследование Куном ценностей в динамике. «Используемые вместе, они время от времени входят в конфликт друг с другом; точность, например, может предполагать выбор одной теории, область приложения – ее конкурента» [5, с. 38].

Рассмотрение динамики ценностей, с одной стороны, дает возможность соотнести их с реальным историческим процессом в науке, с другой – обосновывает их неоднозначность.

Кун затрагивает не только познавательную значимость ценностей. Ценности выступают и социальными детерминантами: «единство сообщества ученых-естественников возникает во многом благодаря общности ценностей» [2, с. 241]. Собственно, и парадигма как общепризнанный образец является и социальной ценностью или совокупностью ценностей, которые определяют поведение научного сообщества, в том числе и в аспекте научных решений.

Таким образом, рассмотрение ценностных составляющих в научном познании показывает их сложный, многоаспектный, до конца не проясненный функциональный характер. Кун выделяет различные виды ценностей: внутринаучные и вненаучные, стандартные (общезначимые) и нестандартные, объективные и субъективные и др.

Из всей совокупности ценностей Кун отмечает определенную группу - стандартные правила оценки адекватности теории, которые являются наиболее важными в познавательном отношении, выступают родовой характеристикой науки как вида деятельности. Именно эти ценностные предписания в наибольшей степени свидетельствуют о связи аксиологического и познавательного аспектов науки.

Описание Куном ценностей характеризуется специфичной антиномичностью: они не определяют однозначный познавательный выбор, но являются общей основой такого выбора. Является ли эта антиномичность сознательной «двусмысленностью», как полагал Фейерабенд? Мы считаем, что в этой антиномичности имеются реальные основания. С одной стороны, «научное знание, подобно языку, по своей внутренней сути является общим свойством группы, или ничем вообще» [2, с. 273] и в условиях, «если отсутствуют критерии, способные диктовать выбор каждому ученому, мы, я настаивал, были бы правы, доверяя коллективным суждениям членов научного сообщества» [5, с. 37], то есть опирались бы на ценностные убеждения группы. С другой, - в ценностных суждениях научного сообщества опосредованно преломляются свойства реальности, и описательные, а также ценностные составляющие находятся в своеобразном единстве.

Литература

1. *Фейерабенд П.* Утешение для специалиста // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. 1986. С. 109-124.
2. *Кун Т.* Структура научных революций. М. 1977. 300 с.
3. *Иванов М.К.* О функциональной специфике ценностей в научном познании // История и философия науки в эпоху перемен сборник научных статей. В 6 томах. Т. 6. М., 2018. С. 25-27. [Электронный ресурс]. URL: <http://rshps.ru/books/congress2018t6.pdf> (дата обращения 07.05.22).
4. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М. 2003. 744 с.
5. *Кун Т.* Объективность, ценностные суждения и выбор теории. // Современная философия науки. Хрестоматия. М. 1994. С. 37-51.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ И. ЛАКАТОСА

О.В. Колесова

Доктор философских наук, доцент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

E-mail: kolesovaov@yandex.ru

В статье даётся понимание методологического подхода И. Лакатоса как осуществление диалектики в двух аспектах. Во-первых, диалектика позиционируется как сущностная характеристика научно-исследовательской программы. «Твердое ядро» и «отрицательная эвристика» представлены тезисом, антитезисом выступает «положительная эвристика», новые возможности научного прогнозирования позиционируются как синтез. Во-вторых, методология

И. Лакатоса показана как диалектическое решение противостояния научных парадигм. Автор привлекает контекст традиции глубинной психологии, осмысленной Р. Тарнасом как осуществление архетипов, находящихся в основании всех представлений человека о мире. Умственная деятельность позиционируется определяемой архетипами. В рамках эпистемологии реализация архетипов показана как осуществление двух типов парадигм: картезианско-кантианской и континентально-европейской. Автор трактует методологию И. Лакатоса в качестве синтеза картезианско-кантианской парадигмы и континентально-европейского историзма.

Ключевые слова: научно-исследовательская программа, твердое ядро, отрицательная эвристика, положительная эвристика, диалектика, спекулятивный момент

DIALECTICAL READING OF I. LAKATOS' METHODOLOGY

O.V. Kolesova

DSc in Philosophy, Associate Professor

Lobachevsky University

E-mail: kolesovaov@yandex.ru

In the article there has been given the understanding of the methodological approach by I. Lakatos as the implementation of dialectics in two aspects. Firstly, dialectics is presented as an essential characteristic of the research programme. “Hard core” and “heuristics” are presented with a thesis, antithesis is “positive heuristics”, new opportunities of scientific forecasting are positioned as synthesis. Secondly, the methodology of I. Lakatos is shown as a dialectical solution to the confrontation between scientific paradigms. The author attracts the context of deep psychology tradition interpreted by R. Tarnas as the implementation of archetypes at the base of all human visions of the world. Intellectual activity is stated to be defined by archetypes. Within epistemology the realisation of archetypes is demonstrated as the implementation of two paradigm types – Carthusian-Kantian and Continental-European. The author interprets the methodology of I. Lakatos as the synthesis of Carthusian-Kantian paradigm and Continental-European historicism.

Keywords: research paradigms, hard core, negative heuristics, positive heuristics, dialectics speculative moment

Столетний юбилей И. Лакатоса стал новым поводом для определения значимости его творческого наследия, в котором особого внимания, на наш взгляд, заслуживает осмысление диалектического метода.

Цель нашего исследования – показать осуществление диалектики:

1. в реализации научно-исследовательской программы;
2. в методологии науки, где научно-исследовательская программа представляет синтез двух типов рациональности.

Рассуждая о диалектической подоплёке метода И. Лакатоса, мы будем опираться на исследование его наследия В. А. Бажановым, считающим, что творчество учёного пропитано диалектическими мотивами, переплавленными в методологию научно-исследовательских программ [1, с. 147]. Видение метода Лакатоса с позиций синтеза двух типов научных парадигм представляется возможным, в связи с предложенным Р. Тарнасом прочтением развития науки [5].

Отправной позицией в размышлениях И. Лакатоса является исследовательская программа. Она, согласно Лакатосу, представляет собой теорию, защищённую от противоречащих ей экспериментальных данных.

«Концептуальным каркасом» исследовательской программы является «отрицательная» эвристика – правила, указывающие какие пути следует исключать, и «положительная» эвристика – правила, указывающие какие пути надо избирать. Значимость «отрицательной эвристики», с точки зрения Лакатоса, сводится к тому, чтобы ложность «опровержений» не затрагивала «твёрдое ядро» – априорно принятые фундаментальные допущения – до тех пор, пока «защитный пояс» вспомогательных гипотез прирастает подкреплённым эмпирическим содержанием [2, с. 325].

Лакатос видит назначение «положительной эвристики» в её формировании из предположений, направленных на развитие «опровержимых вариантов» исследовательской программы, совершенствовании и модифицировании, уточнении «опровержимого» «защитного пояса».

В. А. Бажанов считает, что метод доказательств и опровержений Лакатоса можно описывать в буквальном смысле посредством знаменитой гегелевской триады [1, с. 154]

В. А. Бажанов называет своего рода «самоприменением» методологию исследовательских программ, когда методология проверяет себя на материале собственного генезиса [1, с. 153]. Таким образом, диалектика позиционируется как сущностная характеристика научно-исследовательской программы. Мы можем констатировать осуществление диалектики внутри научно-исследовательской программы, где тезисом являются «отрицательная эвристика» и «твердое ядро», антитезисом выступает «положительная эвристика», синтез определяется новыми возможностями научного предвидения.

Новый методологический подход, предлагаемый Лакатосом, назван им утончённым методологическим фальсификационизмом. Этот подход, по мысли Лакатоса, объединил в себе различные традиции. От эмпирицистов унаследовал стремление учиться у опыта. У кантианцев взял активистский подход к теории познания. У конвенционалистов почерпнул понимание важности методологических решений [2, с. 310]. Лакатос считал, что для учёного, занимающегося историей науки, важно понимать проблемы методологии, которую он избирает как основу, создаваемой внутренней истории познания [3, с. 457].

В. А. Бажанов замечает, что Лакатос уделял историографии первостепенное значение. Он определяет концептуальную значимость подхода Лакатоса в «терминах недетерминистического историзма». Он считает, что Лакатос внёс в англо-американскую философию эффективный метод, заключающийся в исторической реконструкции развития науки, когда результат достигается путём историзации методологических категорий [4, с. 97].

Солидаризируясь с мнением В. А. Бажанова, мы представляем значимым обратиться к версии развития западного мировоззрения американским учёным Р. Тарнасом. Анализируя европейскую культуру и историю мысли, Тарнас усматривает в ней две сюжетные линии. Первая нашла реализацию в поступательном развитии рационального освоения мира со всеми сопутствующими процессу последствиями. Вторая, выраженная в иррациональных проявлениях, на время как бы оставалась в тени, позволяя рационализму дойти до предела своих возможностей. Однако она, будучи выразительницей сущностных характеристик человека, оказалась востребованной и постепенно возвращающей свои на время покинутые позиции.

Развитие культуры и науки её части Тарнас представляет в контексте традиции глубинной психологии. Значимость такого подхода связана, по Тарнасу, с возможностью понимания тех архетипов, которые, с его точки зрения, являются основой всех человеческих представлений о мире и определяют любую умственную деятельность [5, с. 329]. Наиболее важными для философии познания Тарнас считает труды С. Грофа – основателя психодинамической теории [5, с. 361]. Гроф описывает реализацию архетипов, связанных с перинатальными феноменами как мощную диалектику. Движение идёт от нерасчленённого единства – тезиса, к состоянию подавления – антитезису. На этом этапе чувствуется разобщение и отчуждение. Следующий этап связан с ощущением полного исчезновения, после которого наступает синтез, заключающийся в восстановлении изначального единства, на более высоком уровне, вбирающем опыт прошлого [5, с. 363, 364]. Подобная диалектика, по Грофу, осуществляется не только в индивидуальной судьбе человека, но судьбе человеческой культуры как таковой. Тарнас акцентирует внимание на этой эмпирической цепочке во многих областях знания. Он позиционирует базовое субъект-объектное взаимодействие, являющееся сутью современного сознания, как основу отчуждения, связанную с архетипическим состоянием, обусловленным травмой человеческого рождения, когда было разорвано первородное сознание единства с матерью. Этот разрыв сознания Тарнас трактует как источник раздвоенности мышления, имеющий место, как у всякого индивида, так и в культуре в целом. Наиболее явные свидетельства этой раздвоенности обнаруживаются в рамках онтологии и эпистемологии [5, с. 365].

Тарнас приходит к выводу о том, что заведшая в тупик современную эпистемологию науки картезианско-кантианская парадигма не была заблуждением. Она является воплощением глубокого архетипического процесса, достигшего высокой критической стадии преобразования [5, с. 369]. Он полагает, что дуалистическая эпистемология Канта и Просвещения не противостоит эпистемологии сопричастности, сформированной Гёте и Романтизмом, но служит ей подспорьем. Она являет необходимый опыт развития в эволюции человеческого мышления [5, с. 370].

Размышляя о проблемах, поставленных эпистемологией, таких как смена парадигм, соотносимость познавательных подходов, критерии научной рациональности, Тарнас связывает свои надежды на их решение с подходом, предложенным Грофом. В соответствующем ключе Тарнас

формулирует своё понимание проблемы истины в научном познании. Он считает, что в понимании истины проявляется «архетип текущего состояния развивающегося сознания» [5, с. 372].

Продуктивность рассуждений Тарнаса усматривается нами в том, что его видение даёт диалектический вариант развития методологии науки. В нём в качестве тезиса выступает рационалистическая традиция картезианско-кантианской парадигмы, антитезисом является методология, сформированная континентальной Европой, а спекулятивным моментом становится их синтез.

Интересно в этом контексте мнение В. А. Бажанова о том, что диалектические основания творчества Лакатоса позволяют воспринимать его как своего рода троянского коня по отношению к англо-американской философии. В особенности он подчёркивает заслуги Лакатоса в привнесении на Запад исторического метода в области философии науки [1, с. 155]. Таким образом, методология Лакатоса предстаёт как синтез двух типов рациональности: картезианско-кантианской парадигмой и элементом философской традиции континентальной Европы – историзмом.

С нашей точки зрения методологический подход И. Лакатоса реализует две диалектические версии. Одна осуществляется в рамках «самоприменения» методологии исследовательских программ, когда через доказательства, опровержения и новые возможности научного предвидения реализуется гегелевская триада.

Вторая связана с привнесением историзма в методологию научного познания. Таким образом, И. Лакатос привносит в установки науки стиль мышления, идеалы и нормы соответствующей эпохи [6], выраженные в диалектическом осуществлении двух типов научных парадигм, что вполне отвечает общему контексту культуры [7].

Литература

1. *Бажанов В.А.* Диалектические основания творчества И. Лакатоса // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 147-157.
2. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Структура научных революций. М., 2002. С. 269-453.
3. *Лакатос И.* История науки и её рациональная реконструкция // Структура научных революций. М., 2002. С. 455-524.
4. *Бажанов В.А.* Переосмысливая И. Лакатоса заново // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 92-97.
5. *Тарнас Р.* История западного мышления. М. 1995. – 448 с.
6. *Стёпин В.С., Горохов В. Г., Розов М. А.* Философия науки и техники. [Электронный ресурс] Электронная библиотека bookz.ru: http://bookz.ru/authors/vitalii-gorohov/filosofi_410/1-filosofi_410.html (дата обращения: 20.04.2022)
7. *Колесова О.В.* Метод И. Лакатоса как выражение ментальных характеристик постнеклассической науки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 103-107.

НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К РАСПАДУ СССР

М.Б. Конашев

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: mbkonashev@mail.ru*

А.А. Федорова

*Кандидат социологических наук, научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: An-f@list.ru*

На основании анкетного опроса, проведенного группой авторов в 2021 г., получены данные, свидетельствующие об отношении российских ученых к истории и предпосылкам

распада Советского Союза. Исследование было приурочено к 30-летию подписания Беловежских соглашений и окончания существования СССР и к 100-летию образования СССР в 2022 г. Согласно полученным данным, большинство респондентов в возрасте старше 30 лет негативно относятся к факту прекращения существования Советского Союза и полагают, что его ресурсов было бы достаточно для дальнейшего существования с учетом существенной модернизации ключевых сфер общественной жизни. Наиболее распространенными причинами распада СССР научные работники считают слабость политической системы страны и кризис экономической системы.

Ключевые слова: научные работники, СССР, распад СССР, экономика, политика, социальная сфера, эмпирическое исследование

SCIENTISTS AND THEIR ATTITUDE TOWARDS THE COLLAPSE OF THE USSR

M.B. Konashev

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS,

St.Petersburg Branch

E-mail: mbkonashev@mail.ru

A.A. Fedorova

CSc in Sociology, Research Fellow

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS,

St.Petersburg Branch

E-mail: An-f@list.ru

Based on a questionnaire survey conducted by a group of authors in 2021, data were obtained indicating the attitude of Russian scientists to the history and prerequisites of the collapse of the Soviet Union. The study was timed to coincide with the 30th anniversary of the signing of the Belovezhskaya Agreements and the end of the existence of the USSR and the 100th anniversary of the formation of the USSR in 2022. According to the data obtained, the majority of respondents over the age of 30 have a negative attitude to the fact of the termination of the existence of the Soviet Union and believe that its resources would be sufficient for further existence, taking into account the significant modernization of key areas of public life. Scientists consider the weakness of the country's political system and the crisis of the economic system to be the most common reasons for the collapse of the USSR.

Keywords: scientists, USSR, collapse of the USSR, economy, politics, social sphere, empirical research

Проблематика восприятия истории СССР со времен распада Советского Союза прочно обосновалась в исследованиях политологов, социологов, философов [1]. В числе прочего исследователи обращают внимание на эмоциональную окраску суждений респондентов об истории СССР [2], обращаются к экспертным оценкам и высказываниям [3]. Согласно данным опросов Левада-центра, все чаще россияне разных возрастов испытывают ностальгию по СССР [4].

Вместе с тем, важным, но малоисследованным фактором развития гражданского общества в России, является отношение научных работников, их общественных организаций и политических партий и движений к истории Отечества и наиболее актуальным современным проблемам его состояния и тенденциям его дальнейшей эволюции.

Для изучения данной проблемы авторы статьи в рамках деятельности Научно-просветительского центра «Эволюция» (НПЦ «Эволюция») с 20 по 30 декабря 2021 г. провели опрос, целью которого являлось определение некоторых основных ценностей и идеалов, характерных для научных работников, а также сравнение ценностей и идеалов, характерных для научных работников, с ценностями и идеалами, характерными для различных групп активных граждан, и выяснение их отношения к новой и новейшей отечественной истории, наиболее актуальным современным проблемам настоящего и прогнозам вероятного будущего страны. Все предоставленные сведения были конфиденциальны и использованы только в обобщенной форме в виде статистических данных.

Основная часть опроса включала 21 вопрос:

1. Ваше отношение к прекращению существования СССР?

2. Ваше мнение о том, было ли прекращение существования СССР неизбежно?
3. Ваше мнение о причинах прекращения существования СССР?
4. По Вашему мнению, какие причины сыграли главную роль в прекращении существования СССР?
5. По Вашему мнению, какое понятие (и термин) применимы к прекращению существования СССР?
6. Ваше отношение к октябрьским событиям 1917 г., приведшим к возникновению СССР?
7. По Вашему мнению октябрьские события 1917 г являлись: ...?
8. По Вашему мнению, царская Россия была: ...?
9. Ваше отношение к возникновению СССР?
10. Ваше отношение к СССР, если Вы были советским гражданином.
11. Ваше отношение к СССР, если Вы получили уже российский паспорт.
12. Ваше отношение к современной России?
13. На Ваш взгляд, какие существуют реальные отношения между людьми, и являются ли они естественными и нормальными?
14. Какие ценности, на Ваш взгляд, какими могли бы быть и должны лежать в основе отношений между людьми?
15. Что для Вас наиболее важно в жизни?
16. Какой доктрине Ваши убеждения, жизненные ценности и идеалы соответствуют полностью или больше, чем другим?
17. Если Вы родились и жили в Советском Союзе, считали ли Вы себя и остаетесь ли сегодня советским человеком?
18. Если Вы не родились и не жили в Советском Союзе, считали ли Вы себя тем не менее, советским человеком?
19. Почему Вы стали ученым?
20. Ваше любимое занятие в свободное время? (допустимо несколько ответов)
21. Как обычно Вы проводите отпуск? (допустимо несколько ответов)

Второй раздел опросного листа относился к личным данным респондентов и включал несколько блоков личных вопросов, посвященных возрасту, полу, рабочему и семейному положению, а также религиозной и национальной принадлежности опрошенных.

В опросе приняло участие 240 человек, из них:

- 62,5% мужчины, 37,5% - женщины.
- 61,7% - специалисты в области точных наук, 30,4% - в области гуманитарных, 7,9% заняты в сфере междисциплинарных исследований.

Проведение исследования было приурочено к 30-летию подписания Беловежских соглашений и окончания существования СССР и к 100-летию образования СССР в 2022 г.

Согласно полученным данным, 57,9% респондентов негативно относятся к распаду СССР как историческому и социополитическому событию. При этом, только каждый пятый респондент (22,1% от выборки) отнесся к распаду СССР положительно, и только 18% из общей выборки – нейтрально.

Нельзя не отметить, что только в группах до 30 лет количество ответов «отношусь положительно» превалировало над отрицательной оценкой, что можно связать с отсутствием реального опыта жизни в Советском Союзе у людей, родившихся в конце 80х-начале 90х. При этом, женщины в два с половиной раза чаще занимали нейтральную позицию, чем мужчины, выражая тем самым типичную для данной социальной группы конформность.

Немногим менее трети от общего числа респондентов полагают, что распад СССР был неизбежным событием, при этом 58,8% ответивших считают, что СССР мог бы и дальше продолжать свое существование и развитие. Вполне ожидаемо, респонденты, относящиеся к распаду СССР с негативом, в большинстве своем (92%) полагают, что у Советского Союза еще были ресурсы для продолжения своего существования. Напротив, молодежь (до 40 лет) без явных корреляций с отношением к распаду СССР в основном (68,7%) придерживается мнения, что к моменту развала он уже исчерпал все возможные ресурсы своего развития.

Проверка гипотезы о том, что представители точных и гуманитарных дисциплин будут по-разному оценивать ситуацию распада СССР и перспективы его развития, показала, что среди представителей всех специальностей (равно как и среди респондентов с разными учеными степенями), наблюдается сходное распределение ответов. Таким образом, можно предположить, что академические характеристики респондентов оказывают значительно меньшее влияние на их представления о ситуации распада Советского Союза, нежели пол и возраст.

Анализ ответов на вопросы о причинах распада СССР позволил выделить ряд тенденций, свойственных выборке научных работников:

1. Более половины респондентов полагают, что причиной распада СССР стало неблагоприятное сочетание внутренних и внешних причин (социальных, политических и экономических). При этом 40,1% ответивших обозначили, что к этому событию привели исключительно внутренние причины, связанные с межнациональными отношениями в союзных республиках, финансовым обеспечением и слабостями политического руководства страны. В целом, ученые не склонны «перекладывать вину» за распад СССР на другие страны: лишь 6% респондентов указали, что решающую роль в прекращении существования Советского Союза сыграло внешнее давление, в том числе со стороны Западных стран.

2. Говоря об основных причинах распада СССР, более половины респондентов (54,6%) считают, что корнем проблем послужила политическая обстановка в стране. Из них – каждый пятый предположил, что коммунистическая система в принципе была нежизнеспособной к концу 80х годов, однако по мнению каждого второго респондента у политической системы СССР был шанс на продолжение своего существования в новой форме (благодаря постепенному переходу власти к Советам народных депутатов или трансформации в многопартийную систему).

3. По мнению 35,4% респондентов основной причиной распада СССР стала его экономическая несостоятельность, при этом в описании возможных перспектив развития экономики ответы распределились следующим образом:

- 25,9% респондентов в данной категории - Плановая экономика была в принципе неэффективной, не могла обеспечить дальнейшее существование страны и не могла быть модернизирована.
- 8,2% - Плановая экономика в том виде, как она существовала в позднем СССР, требовала модернизации, но без существенного добавления рыночных механизмов, с сохранением государственной (общенародной) собственности в основных областях народного хозяйства.
- 29,4% - Плановая экономика в том виде, как она существовала в позднем СССР, требовала модернизации с добавлением рыночных механизмов под контролем государства и с сохранением государственной (общенародной) собственности в основных областях народного хозяйства.
- 37,6% - Плановая экономика в том виде, как она существовала в позднем СССР, требовала модернизации со значительным добавлением рыночных механизмов под контролем государства и с сохранением государственной (общенародной) собственности только в тех областях народного хозяйства, которые обеспечивают национальную безопасность (как в Китае).

4. Лишь 10% респондентов посчитали, что основной причиной распада СССР стали социальные причины, при этом 45,8% респондентов были уверены в том, что хотя социальная система страны нуждалась в преобразовании, это должно было произойти на принципах социального равенства и справедливости, с сохранением всех социальных достижений. Только каждый пятый респондент в данной категории посчитал, что социальная система времен позднего СССР не могла обеспечить дальнейшее существование страны и не могла быть модернизирована.

В целом, большинство респондентов в выборке научных работников нашей страны полагают, что разрушение (или – саморазрушение) Советского Союза было вызвано именно чередой внутренних кризисов, которые, однако, могли бы быть преодолены, если бы руководство страны приложило больше усилий для качественной модернизации страны.

Литература

1. *Абрамов Р.Н.* Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // *Общественные науки и современность.* ОНС.– 2019. № 5. С. 108-120.
2. *Миронов Б.Н.* Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 132–147.
3. *Ядова М.А.* «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР // *Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2021. Т. 14. № 5. С. 231-246.
4. *Ностальгия по СССР // Левада-Центр URL: <https://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgiya-po-sssr-2/> (дата обращения: 02.06.2022).*

УЧЕНИЯ О МАТЕМАТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В КЛАССИЧЕСКОЙ, НЕКЛАССИЧЕСКОЙ И ПОСТ-НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е.В. Косилова

*Доктор философских наук, доцент философского факультета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: implicatio@yandex.ru*

Математику можно разделить на классическую и неклассическую. Для классической математики характерна интуитивная ясность и связь с миром, будь то физический мир или мир мысли. Неклассическая математика начинается с неевклидовых геометрий и разрывает связь с интуицией. Единственное требование к ней – строгость и непротиворечивость. Проводится связь между идеей Дж. Грея о модернистской математике и идеей неклассической математики. Философские теории математического творчества можно разделить на классические, неклассические и пост-неклассические. Классические теории, примером которых служит феноменология Э. Гуссерля, говорят об интуиции и идеальном математическом мире. Гуссерль описывает «логические переживания» и конституирование математического смысла в актах созерцания и «осуществления смысла», реактивации смысла при традировании. Для неклассического автора Л. Витгенштейна математика представляет собой деятельность по правилам, родственную языковой игре. Пост-неклассические теории можно рассмотреть на примере фикционалиста Х. Филда. Предлагается применить теорию смыслопорождения Ж. Делеза к математике.

Ключевые слова: классическая математика, неклассическая математика, математическое творчество, пост-неклассическая философия, Гуссерль, Витгенштейн, Делез

THEORIES OF MATHEMATICAL ACTION IN CLASSICAL, NON-CLASSICAL AND POST-NON-CLASSICAL PHILOSOPHY

E.V. Kosilova

*DSc in Philosophy, Associate Professor of the Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: implicatio@yandex.ru*

Mathematics can be divided into classical and non-classical. Classical mathematics is characterized by intuitive clarity and connection with the world, whether it be the physical world or the world of thought. Non-classical mathematics starts with non-Euclidean geometries and breaks the connection with intuition. The only requirement for it is rigor and consistency. A connection is made between J. Gray's idea of modernist mathematics and the idea of non-classical mathematics. Philosophical theories of mathematical action can be divided into classical, non-classical and post-non-classical ones. Classical theories, exemplified by E. Husserl's phenomenology, speak of intuition and an ideal mathematical world. Husserl describes "logical experiences" and the constitution of mathematical meaning in acts of intuition, the reactivation of sense during tradition. For the non-classical author L. Wittgenstein, mathematics is an activity according to the rules, akin to a language game. Post-non-classical theories can be considered on the example of the fictionalist H. Field. It is proposed to apply Deleuze's theory of generation of sense to mathematics.

Keywords: classical mathematics, non-classical mathematics, mathematical action, post-non-classical philosophy, Husserl, Wittgenstein, Deleuze

Разделение математики на классическую и неклассическую, как кажется, вполне понятно и очевидно. Дж.Грей в книге «Призрак Платона: модернистская трансформация математики» называет неклассическую математику модернистской [1]. В классической математике играла большую роль интуиция, аксиомы были очевидны. Не ставилось под сомнение, что математика описывает некий мир – или наш окружающий мир, или особый платонический мир, где пребывают математические сущности. Аналогично классической математике можно рассматривать классическую логику.

Переход от классической к неклассической математики можно рассматривать если не как революцию, то во всяком случае как изменение парадигмы в математике.

Вот как описывает Грей «модернизм» в математике: «... в то время как в 18 веке простота правил исчисления компенсировала тот факт, что не было удовлетворительного объяснения того, почему исчисление работало, то когда, наконец, были достигнуты строгость и интеллектуальная ясность, интуитивные аспекты исчисления были утеряны. ... Это парадигмальный образец модернизма. Он удовлетворяет значимой цели, он готов поставить строгость выше непосредственной постижимости... Прежде всего, он похвально тем, что не полагается на интуицию» [1, с. 84].

В качестве неклассической математики рассмотрим теорию множеств и программу формализма Гильберта. Первоначальная («наивная») теория множеств кажется интуитивно очевидной. Даже странно, что она не появилась раньше, во времена средневековых споров номиналистов и реалистов. Однако при дальнейшем ее развитии она далеко ушла от очевидности. Было установлено, что все счетные множества имеют одинаковую мощность, что часть множества может иметь такую же мощность, как и все множество, и совсем странные вещи, как например, возможность приравнять между собой множества точек отрезка и квадрата. Были введены кардинальные числа, и между ними вводятся операции – сложение, умножение, возведение в степень и так далее. Все это делается на в высшей степени формальном уровне.

Центральная фигура формализма – Д. Гильберт. Он яркий адепт крайнего формализма. Вейль писал о нем: «В наши дни Давид Гильберт довел аксиоматический метод до горького конца, когда суждения математики, включая аксиомы, превратились в формулы и игра в дедукцию свелась к выводу из аксиом тех или иных формул по правилам, не учитывающим смысла формул» [2, с. 23]

Таким образом, неклассическая математика становится как бы «нечеловеческой», «математикой-в-себе». Правда, надо сказать, что в определенном смысле математика всегда была в-себе. Например, появление «мнимой» единицы тоже произошло по чисто математическим соображениям, против интуитивной очевидности. Поэтому семя неклассической математики было в ней заложено изначально.

Я буду основывать свое видение классического творчества в математике на основе идей Э. Гуссерля. Он писал больше о логике, чем о математике, однако имел в виду и то, и другое. В «Логических исследованиях» он вводит понятие *логического переживания* [3, с. 11]. Переживание смысла основано на созерцании, причем на воспроизводимом созерцании. Когда мы мыслим в области логики и математики, мы *переживаем смысл*. Гуссерль рассматривает два уровня понимания и переживания смысла. На первом уровне мы полагаем смысл, причем это происходит формально и, можно сказать, поверхностно. Второй уровень Гуссерль называет «осуществлением» смысла. Другими словами, мы можем оперировать значениями выражений по формальным правилам. Мы «придаем» им смысл, мы можем действовать с ними. Однако это не полное понимание. Полное понимание, то есть переживание – это «осуществление смысла». В нем наше мышление как бы полностью сливается с мыслимым. Не остается чувства, что что-то не понято. Именно это и является созерцанием: мы созерцаем внутри себя полный смысл логического выражения. Мы «живем в смысле», говорит Гуссерль [3, с. 42]. Причем именно такое полное переживание является познавательно ценным, полупонимание, даже если оно ведет к формальным результатам, лишено именно ценности.

В неклассических теориях понимания математики она релятивизируется. Больше нет места единственной и трансцендентной математике, есть только человеческая практика. Л. Витгенштейн на первый план выдвигает субъекта и его деятельность, причем это социальный субъект. Математика для него является «антропологическим феноменом» [4, с. 190]. Пафос Витгенштейна – антиплатонизм. Нет никакого особого «мира математики», каких-то высших правил проникновения в этот мир. Он много пишет о практиках, и это практики счета. Они сложились исторически, в ходе обживания нашего физического мира. Причем у них нет какой-то особой правильности, у других племен могли сложиться другие практики, не хуже и не лучше. Он пишет: «Необходимо видеть, как мы делаем выводы в языковой практике, чем является процесс умозаключения в языковой игре» [4, с. 10]. В «Замечаниях по основаниям математики» он явным образом хочет отделить субъективное переживание от практики: «Отдели чувства (жесты) согласия от того, как ты действуешь с доказательством!» [4, с. 12]. То есть он не отрицает, что есть «чувство согласия», но не считает его чем-то важным для практики логики и математики.

Не совсем понятно, как рождаются новые практики, потому что в философии Витгенштейна принципиально нет правила, как порождать новые правила. Тем более остается не объяснена витгенштейновская проблема применимости математики, если учесть, что математика начинает применяться в физике уже после того, как новые теории будут разработаны внутри самой математики.

И здесь можно перейти к новому взгляду на математику и математическое понимание из перспективы уже пост-неклассических теорий. Мы можем так назвать такие течения философии математики, как фикционализм. Его наиболее видным представителем является Х. Филд [5]. Согласно фикционализму, таких вещей, как математические объекты, вообще не существует. В этом фикционализме опирается на известный аргумент П. Бенасеррафа: объекты математики для нас эпистемически недоступны. Они по определению должны быть внепространственными, вневременными, не материальными. Следовательно, они не оказывают каузального воздействия на наш мозг. Следовательно, мы ничего не можем о них знать.

Однако математический дискурс существует, с этим фикционалисты не спорят. Каким образом дискурс доступен для нас, они не говорят, но определенно как-то доступен. И математические объекты имеют свое онтологическое место именно в этом дискурсе. Дискурс, и только он, определяет, будет ли математическое выражение истинным или ложным и даже будет ли он иметь существование. Таким образом, математика релятивизируется еще больше, чем в неклассике. Недаром параллельно с европейской математикой возникает интерес к математическим практикам разных народов (этноматематика). Предполагается, что эти практики сущностно другие.

Я теперь предложу такое понимание математической деятельности, которое будет базироваться на типично пост-неклассической философии, а именно на философии Ж. Делеза, изложенной в книгах «Логика смысла» [6] и «Что такое философия?» (совместно с Ф. Гваттари) [7]. Он не писал о математике, но его идеи можно приложить к ней.

Главная идея Делеза – отсутствие автономного субъекта и самостоятельная сила дискурса. Смыслы, по Делезу, рождаются на так называемой «поверхности», под которой понимается как раз язык в чистом виде. Субъект является только служебной сущностью, благодаря которой язык и дискурс выговаривают себя. Это немного напоминает «третий мир» К. Поппера, только субъект еще больше нивелируется. «Субъектом здесь выступает свободная, анонимная и номадическая сингулярность...» [6, с. 145]. В [7] Делез и Гваттари вводят понятие «имманенции», которую можно отождествить с «поверхностью». В плане имманенции рождаются новые концепты. Математику можно рассматривать здесь в таком же духе, что и философию: она также работает в плане имманенции, целиком внутри собственного дискурса.

Откуда берутся новые математические результаты – проблема, которую было трудно разрешить в философии Витгенштейна? В философии Делеза это объясняется очень легко. Одни смыслы порождают другие смыслы внутри «поверхности» языка. Слова ведут за собой другие слова, в одних словах потенциально заложены целые цепочки других слов. Математика тоже работает с концептами – математическими объектами. В математических высказываниях и объектах уже заложены другие высказывания, порождают другие объекты. Скажем, в квадратных и кубических уравнениях уже заложены комплексные числа.

Конечно, появление принципиально нового по-прежнему не слишком легко объяснить, как и применимость математики к физике. Ни в классике, ни в неклассике, ни в пост-неклассике объяснения этому вигнеровскому чуду нет. Этот факт объясняет только трансцендентальная философия, идущая от Канта, но ее трудно применить к современной математике, поскольку у Канта требуется созерцание, а неклассическая математика от него ушла. По-настоящему математика остается необъясненной, а может быть, и необъяснимой.

Литература

1. *Грей Дж.* Призрак Платона: модернистская трансформация математики. М.: Канон-Плюс, 2021. 624 с.
2. *Вейль Г.* Математическое мышление. М., Наука, 1989. 400 с.
3. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Академический Проект, 2011. 565 с.
4. *Витгенштейн Л.* Замечания по основаниям математики / Витгенштейн Л. Философские работы. Часть II. М.: Гнозис, 1994. 206 с.
5. *Balaguer M.* Fictionalism in the Philosophy of Mathematics [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/fictionalism-mathematics/> (дата обращения: 13.02.2022).
6. *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 480 с.
7. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. 260 с.

ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ МЕТОДА АБСТРАКЦИИ

С.М. Кускова

*Кандидат философских наук
Московский институт психоанализа
E-mail: adiafora@tut.by*

В статье рассмотрены условия абстрагирования как метода намеренно неполного познания предмета. Мы выделяем аспект реальности из многообразия данных и делаем его предметом познания, игнорируя остальные аспекты. Не каждый ментальный акт различения содержания есть абстракция. Абстракция в математике и естествознании порождает идеальный объект более высокого онтологического ранга, чем обобщаемые предметы. Абстракция не утрачивает информацию о вещах, а конструирует новую информацию о существенных закономерностях класса вещей. Ч. Пирс различал приемы, похожие на абстракцию, но обусловленные другими познавательными способностями. Это дискриминация объектов чистого мышления и диссоциация чувственных данных. Каждый способ различия регулируется своими правилами. Отделенные друг от друга свойства являются предметами только мышления или только чувства. Чтобы абстрагировать одни свойства от других, надо иметь свойства разных типов, познаваемые a priori и a posteriori.

Абстракция применяется к понятиям синтетическим a priori, рассмотренным в теории познания Канта. Научные понятия конструируются рассудком и применяются к опыту.

Ключевые слова: абстракция, конструирование объекта, Ч.С. Пирс, различение, дискриминация, диссоциация, синтетические суждения a priori

LIMITS OF APPLICABILITY OF THE ABSTRACTION METHOD

S.M. Kuskov

*CSc in Philosophy
Moscow Institute of Psychoanalysis
E-mail: adiafora@tut.by*

The paper deals with the conditions of abstraction as a method of deliberately incomplete knowledge. One extracts the aspect of reality from the variety of data and implements its use of cognition, without paying attention to other aspects. Some mental acts of discerning content are not an abstraction. Abstraction in mathematics and natural science generates a real object of a higher ontological rank than generalized objects. Abstraction does not lose information about things, but constructs new information about the essential properties of the class of things. Ch. Pierce distinguished methods similar to abstraction, due to other cognitive abilities. This is the discrimination of objects of pure thought and the dissociation of sense data. Each method of distinction is governed by its own rules. Properties separated from each other are objects only of thought or only of feeling. In order to abstract one property from another, one must have properties of different types, known a priori and a posteriori. Abstraction is applied to synthetic concepts a priori, considered in Kant's theory of knowledge. Scientific concepts are constructed by the intellect and applied to experience.

Keywords: abstraction, object design, Ch. S. Peirce, distinction, discrimination, dissociation, a priori synthetic judgments

В теоретическом познании ведущую роль играет метод абстракции, выделяющий определенные стороны объекта, конструирующий его заново в свете новой информации о системе объектов.

Условием возможности достоверного знания оказывается намеренная неполнота познания, когда субъект сам отказывается принимать во внимание часть информации об объекте. Одни аспекты многомерного объекта исключаются из рассмотрения, а все внимание фокусируется на одном аспекте. Можно отвлечься от одного или нескольких аспектов объекта, не имеющих отношения к задаче. Например, при выявлении логической формы суждения отвлекаются только от эмпирического

содержания, или от информации о структуре частей суждения, или от всякой информации о структуре суждения. Результаты представлены выражениями разных языков:

SaP – все элементы одного класса являются элементами другого класса,

aRb – два класса находятся в определенном отношении,

или p – имеет место определенное положение дел.

Понимание абстракции зависит от порядка действий: отвлечения чего-то или отвлечения от чего-то. Если заведомо знать, какая информация безразлична и требует невнимания, можно получить аспект, на который направлено внимание. Его и называют абстракцией. А можно действовать в ином направлении: зафиксировать существенные свойства объекта, а вынесенные за скобки свойства окажутся несущественными.

Намеренно неполное, избирательное отражение объекта, согласно М.М. Новосёлову, носит творческий характер, выявляет новую информацию о системе объектов, которая недоступна эмпирическому опыту. «В сущности, это уже не только абстракция-отвлечение – усвоение лишь части из множества данных, но и абстракция-пополнение – прибавление к этой части новой информации, не вытекающей из этих данных» [4, с. 55].

Простейший акт отвлечения выполняется ради определенной цели – познания того или иного аспекта реальности. Мы отвлекаемся от одного аспекта, чтобы без помех воспринимать другой аспект. Удаление, игнорирование информации как нерелевантной – это средство, а не цель абстракции. «К примеру, отождествляя, как правило, выбирают лишь такие основания для отождествления, которые наделили бы абстракцию отождествления определенным гносеологическим смыслом. Обычно это определяется целью или задачей или какой-либо другой установкой» [4, с. 54].

Если цель – познание материального мира, то приходится обосновывать метод абстракции применительно к чувственным данным. С позиции реализма и материализма результат абстракции упрощает, схематизирует, огрубляет реальность, искажает информацию о ней так, чтобы она стала доступна субъекту. Учёный вынужден оправдывать каждый акт абстрагирования перед авторитетом эмпирического познания чувственных данных.

Д. П. Горский разрабатывал проблему согласования абстракции с пониманием познания как отображения реального мира. Неустранимость идеальных объектов из научной теории подрывает её претензии на описание материального мира. «Более того, приходится пользоваться и такими абстракциями, как «мнимое число», «пружины, не имеющие массы», «частицы, имеющие массу, но не имеющие объема». Этим абстракциям нельзя непосредственно в материальной действительности найти прообраза. Правомерно ли в таком случае использование таких абстракций в науке? Если да, то как обосновать с позиций марксистской теории отражения введение их в науку?» [2, с.4]. Горский поднимает более общую проблему связи понимания абстракции с философскими установками о познавательных актах и познаваемых объектах. Так, если познание понимается как отражение, то акцент делается на затемнении и игнорировании не имеющих отношения к делу сторон реальности, на уменьшении информации о предмете.

Но если познание понимать как конструирование объекта, то абстракция выделяет новую информацию о предмете, на которой сосредоточено внимание субъекта. Субъект заранее знает, чего следует искать в объекте, блокируя сигналы, не связанные с целью.

В первом случае акцент на результате – абстрактном объекте, который подлежит осмыслению, оправданию, редукции к эмпирическому уровню. Тогда резонна критика абстракций и установление границ их применимости в науке.

Во втором случае акцент на самом действии ума по абстрагированию одного типа информации от другого типа информации. Это не замещение исходного материала живой реальности фикциями. «Если же мы не знаем, что представляют из себя объекты «сами по себе», то о каком именно искажении идет речь и в силу каких оснований мы можем судить, что свойства, которые мы им приписываем, – это чисто воображаемые свойства, и к тому же совершенно у них отсутствующие?» [4, с.58-59].

Мы не знаем самих по себе объектов, а конструируем их. Корректность конструирования стала целью интервального подхода Новосёлова к абстракциям прикладной математики и естествознания, когда отождествление объектов зависит от способности к различению эмпирических свойств. Объекты отождествляются с точностью до такого-то значения, с допустимой погрешностью измерения.

Интеллектуальные операции с чувственными данными – это не искажение и подмена, а сама суть дела науки. Она работает не с сырыми фактами, а с подготовленными, расчлененными на компоненты данными. Один компонент отделяется от другого разными способами, задействующими разные познавательные способности субъекта.

Новосёлов определяет интервалы абстракции изнутри предметной области науки. Но важен и внешний интервал применимости самой процедуры абстракции к одним типам информации, и неприменимости к другим. Границы самой способности абстрагирования связаны с тем, какого рода информация (логическая, предметная, эмпирическая) от какого типа информации отделяется. На каком универсуме могут быть абстрактные объекты.

Обобщение способов выделения частей объекта проводит Ч.С. Пирс. Его феноменология основана на корреляции актов и объектов самого широкого класса. «Следовательно, знание способности абстрагирования можно вывести из абстрактных объектов, подобно тому, как знание способности зрения выводится из окрашенных объектов» [5, с. 40]. Пирс обосновывает введение абстрактных объектов природой знака. Знак имеет три измерения.

- 1) Знак предназначен для некоторой мысли, которая его интерпретирует;
- 2) Знак замещает некоторый объект;
- 3) Знак вступает в отношение к объекту некоторым способом.

Для выполнения функций знака нужны общие идеи (человек вообще) или абстракции (человечность). «Сильным доводом в пользу номинализма является то, что нет человека, если это не какой-то особенный человек... Хотя и не существует человек, в отношении которого можно было бы отрицать все дальнейшие определения, однако человек, абстрагированный от всех своих дальнейших определений, все же есть. Имеется реальное различие между человеком, рассматриваемым вне зависимости от того, каковы могут быть другие определения, и человеком, рассматриваемым с тем или иным особенным рядом определений, хотя, вне сомнения, это различие относится только к уму и не существует *in re*» [5, с. 90].

Конструкции «человек вообще», «треугольник вообще» - не чисто логические и не эмпирические. Общие имена связываются с их значениями – конкретными людьми или треугольниками – путем выделения априорной информации о типичных свойствах предмета, используемой при конструировании предмета в уме.

Единичные вещи и абстракции отличаются гносеологическим статусом, ролями в знаковой ситуации. Единичные вещи замещаются, репрезентируются знаками, а абстрактные объекты задают способ отношения выраженной знаком мысли к объекту. Способ установления отношений типа эквивалентности между предметами выступает основанием называть предметы общим именем.

Когда знак указывает на объект, он его не характеризует, а выделяет актом внимания. Первоначальные образы должны быть не полностью охарактеризованы, чтобы в них выделялись общие признаки, по которым их объединяют в понятие. Понятие сводит к единству многообразие чувственных данных. Они должны быть подготовлены к объединению: отделены от ситуации, в которой они были обнаружены, и друг от друга, представлены как многообразие. «Прежде, чем произвести любое сравнение или различение составляющих настоящего, то, что является настоящим, следует признать как таковое, как *это*. Затем *этому* приписываются метафизические части, которые выявляются посредством абстракции, однако само *это* не может стать предикатом» [5, с. 94]. Таким образом, направление внимания на *это* сопровождается невниманием к его характеристикам и предполагает умышленную неполноту информации. Отвлечение от многих свойств предмета необходимо для его дальнейшего подведения под понятие и рационального познания *этого* как чего-то определенного.

В работе «О новом списке категорий» Пирс устанавливает градации видов различения по типу свойств объекта, независимых от других его свойств.

«Термины «точность» и «абстракция», которые в прошлом применялись к любому виду различений, в наше время применяются только к ментальным различениям, и причем только к тем из них, которые вызваны вниманием к одному элементу и пренебрежением к другому. Такое исключительное внимание заключается в определенном понятии или предположении одной части объекта без какого-либо предположения другой» [5, с. 98].

Идея Пирса в установлении пределов применения абстракции в области между чистой логикой и эмпирическими восприятиями.

До образования понятий субъект проводит различия между выделенным предметом и фоном, когда воспринимает «это». На уровне ощущений выделение предмета при невнимании ко всему остальному – это еще не абстракция. Простое отсутствие восприятия каких-то аспектов – это не абстрагирование от этих аспектов.

Образованию понятий логически предшествуют категории как основания для различения разных аспектов явления. Они не получены путем отвлечения параметра от предмета, а выступают инструментами рассудка, с помощью которых он различает аспекты предмета.

Различия имеют градацию по типу выделяемой и игнорируемой информации: логической, предметной, эмпирической.

Пирс выделяет три вида различений:

Дискриминация;

Абстракция;

Диссоциация.

Дискриминация – это установление границы смыслов. Можно дискриминировать логически независимые однородные свойства: красное от синего, пространство от цвета. Но нельзя дискриминировать свойство от более широкого свойства: красное от цвета.

Дискриминировать можно то, что можно помыслить независимо от другого.

Абстракция – отвлечение свойства от независимых в предметном плане свойств. Можно абстрагировать красное от синего, пространство от цвета. Но нельзя абстрагировать цвет от пространства и красное от цвета.

Абстрагировать можно то, что согласно условиям опыта можно представить независимым от другого.

Диссоциация – отвлечение эмпирически независимых свойств. Можно диссоциировать красное от синего. Нельзя диссоциировать пространство от цвета и цвет от пространства, а также красное от цвета.

Заметим, что в первом различении – дискриминации – нельзя отрицать, что красное есть цвет. Но можно мыслить цвет сам по себе без отнесения к пространственной форме, цвет и пространство – это независимые параметры объекта мысли.

Во втором различении уже нельзя отрицать, что цвет занимает пространство. Это запрещают априорные правила опыта.

В третьем различении нельзя отрицать даже, что пространственная форма имеет цвет. Потому что в нашем опыте не наблюдается форма без того или иного цвета.

В каждом следующем случае налагаются дополнительные ограничения на независимость свойств.

На наш взгляд, это различие лежит в основе выделенных И. Кантом аналитических суждений, синтетических *a priori* и *a posteriori*.

«Отбрасывайте постепенно от вашего эмпирического понятия тела все, что есть в нем эмпирического: цвет, твердость или мягкость, вес, непроницаемость; тогда все же останется пространство, которое тело (теперь уже совершенно исчезнувшее) занимало и которое вы не можете отбросить. Точно так же если вы отбросите от вашего эмпирического понятия какого угодно телесного или нетелесного объема все свойства, известные вам из опыта, то все же вы не можете отнять у него то свойство, благодаря которому вы мыслите его как субстанцию или как нечто присоединенное к субстанции (хотя это понятие обладает большей определенностью, чем понятие объекта вообще). Поэтому вы должны под давлением необходимости, с которой вам навязывается это понятие, признать, что оно *a priori* пребывает в нашей познавательной способности» [3, с. 109].

Для синтетических или аналитических, априорных и апостериорных форм понятий существенно, что от чего можно отделить, а что от чего отделить нельзя.

Дискриминация не применима к субъекту и предикату аналитического суждения, потому что предикат нельзя отделить от субъекта: Красное есть цвет.

Абстракция не применима к субъекту и предикату синтетического суждения *a priori*: Цветное есть протяженное. Невозможно построить цветное пятно без его пространственной формы. Хотя для чистого мышления цвет и форма независимы.

Диссоциация не применима к субъекту и предикату синтетического суждения *a posteriori*: Протяженное есть цветное. Отделить в эмпирическом восприятии цвет тела от его формы невозможно.

Все операции не обратимы: если предикат отделяется от субъекта, то отсюда не следует, что субъект отделяется от предиката. Например, цвет можно мыслить независимо от красного, но не наоборот. «Абстракция не является обратимым процессом. Часто бывает так, что А нельзя абстрагировать от В, но В можно абстрагировать от А» [5, с. 99].

Пирс включает абстракцию в более широкий класс различий. Различия устанавливаются тремя способами:

Дискриминация – на эмпирическом уровне.

Дискриминация – акт, направленный на некоторый аспект без прослеживания связей с другими аспектами.

«Абстракция, или точность, поэтому предполагает большее различие, чем дискриминация, и меньшее различие, чем диссоциация» [5, с. 98]. Например, нарисованный треугольник дан в опыте. У него есть свойства, имеющие отношение к цели исследования (сумма углов), и несущественные (размеры углов и сторон). Понятие треугольника можно абстрагировать от понятия треугольника с данными сторонами и углами. А наоборот – нельзя.

Когда мы обобщаем понятие треугольника, мы опускаем посылки, использованные при доказательстве на отдельном примере свойств любого треугольника вообще. Использование операции абстракции при обобщении понятий обосновывает М.М. Новосёлов. «Точнее и конкретнее, обобщение – это ограничение исходного разнообразия данных путем построения некоторого его гомоморфного образа, являющегося самодовлеющим и полноценным абстрактным знанием «внутри себя»» [4, с. 125]. Это разнообразие данных, которые сознательно не принимают во внимание, задает интервал абстракции – условия, при которых объекты считаются теми же самыми.

Различение – это фундаментальное действие, предшествующее отождествлению. Нельзя считать различие отрицанием тождества «А не есть В». «Различие каких-либо объектов в широком смысле означает, вообще говоря, их несовпадение по некоторым (дискриминирующим) признакам, так, что факт различия по этим признакам не исключает сходства объектов по другим признакам. Поэтому для различия в широком смысле более адекватной следует считать положительную форму выражения с помощью суждения «А другое, чем В». Если «А не есть В», то А, конечно же, другое, чем В. Но обратное, вообще говоря, неверно» [4, с. 105].

Объекты А и В могут быть различными, различимыми или различенными в разной мере. Не каждый вид различия служит основанием для отрицания.

Отечественный логик Н.А. Васильев показал зависимость отрицания от гносеологических предпосылок нашей логики. «Отрицание – это то, что несовместимо с утверждением. Красное мы называем отрицанием синего и говорим: красный предмет не синий, потому что красное несовместимо с синим. Там же, где нет несовместимости, мы не имеем права говорить об отрицании» [1, с. 59]. Он приводит пример простого различия: сухое нельзя называть отрицанием синего. Это различие в классификации Пирса есть дискриминация. Она не служит основанием для отрицательных суждений.

Поэтому из того, что «синее» и «сухое» – разные понятия, нельзя заключать, что синее не есть сухое.

В случае абстракции можно выносить отрицательные суждения. Треугольник вообще не есть прямоугольный или остроугольный или тупоугольный. Но это внешнее отрицание предикации треугольнику определенного признака.

На шкале способов различения абстракция выделяется особо, потому что она не просто различает понятия или элементы их объемов, а обуславливает разные отношения между понятиями. Абстракция является собственно актом мышления, действием с чистыми понятиями.

Дискриминация сравнима с заданием типов свойств до установления связей между ними.

Диссоциация обращена к предметам понятий, их различиям.

Дискриминация подготавливает инструменты понятийного мышления, диссоциация упорядочивает материал, к которому применяют понятийное мышление.

И только абстракция составляет сущность понятийного мышления. Это замещение одного объекта другим, избирательная интерпретация отдельной части информации при игнорировании другой части информации. Результатом выступает абстрактный объект, репрезентирующий любой элемент класса.

Результатом дискриминации являются средства описания объекта указание его разных аспектов, какими объект характеризуется.

Основанием для различения измерений объекта оказывается их отношение к познавательной способности субъекта, способу отношения субъекта к тому или иному аспекту реальности.

Метод абстракции имеет границы применимости. Чтобы создать абстрактный объект, необходимы предметы, «средние», характеризующиеся априорными и внелогическими свойствами, но не чисто логические и не чисто эмпирические.

В самом предмете есть свойства, напрашивающиеся быть подведенными под некоторую способность восприятия, и свойства, не связанные с данной способностью восприятия. Так образуются классы «синих предметов» или «круглых предметов». Но чтобы получить понятия о нечувственных свойствах, например, понятия индивидов и классов, свойств и отношений, рассудок должен применить к предмету уже априорные формы в смысле Канта. Образование абстрактного понятия по правилам рассудка отличается от введения или обнаружения абстрактного объекта. В первом случае познание носит нормативный характер, упорядочивает содержание по правилам деятельности субъекта. Сначала строится понятие, а затем определяются свойства потенциальных элементов его объема.

Во втором случае выделяется сам объект из системы связей с другими явлениями по его функции в этой системе. И наши операции с объектом зависят от структуры его свойств.

Таким образом, область, на которой выполняется абстракция, ограничена понятиями предметов возможного опыта. Сырой материал ощущений, хотя и подвергается различению и выделению из многообразия заданного феномена, не образует абстракции. Говоря словами Канта, это различие «слепое». В сфере чистой логики нет предметного содержания, а различаются операции над какими угодно возможными понятиями. В терминологии Канта это различие «пустое». На допонятийных уровнях чистой логики или чистого многообразия материала выполняются различения, которые абстракцией не являются.

Подлинная абстракция осуществляется при наличии и логического, и предметного содержания понятий.

Литература

1. *Васильев Н.А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989. 264 с.
2. *Горский Д.П.* Вопросы абстракции и образования понятий. М.: Издательство академии наук СССР, 1961. 353 с.
3. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 800 с.
4. *Новосёлов М.М.* Логика абстракций. Часть первая. М.: ИФРАН, 2003. 191 с.
5. *Пирс Ч.С.* Избранные произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.

МЕТАФИЗИКА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ: НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СОБСТВЕННОСТИ ДЖ. ЛОККА

И.С. Селезнев

Аспирант кафедры философии

Волгоградский государственный университет

Старший преподаватель кафедры философии, биоэтики и права

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: seleznev-is@mail.ru

В данной работе проводится критический анализ трудовой теории собственности Джона Локка. Отталкиваясь от идеи Имре Лакатоса о «твердом ядре», содержащемся в любой научной теории и методологически неотличимым от метафизических оснований научного знания, автор эксплицирует такие основания построений Локка. Анализ текста «Двух трактатов о правлении» показывает, что Локк в своих рассуждениях смешивает два различных понятия собственности и под видом логического и эмпирического обоснования права частной собственности отдает предпочтение одному из понятий по политическим и метафизическим причинам. Утверждается, что трудовая теория собственности Локка способствовала трансформации понимания собственности в Новое время, когда собственность была приравнена к процессам владения и присвоения, утратив свой традиционный для античности и Средневековья смысл неотъемлемого места человека в мире.

Ключевые слова: собственность, владение, Локк, Новое время, «твердое ядро», метафизика

METAPHYSICS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF MODERN TIMES: ON THE EXAMPLE OF THE LABOR THEORY OF PROPERTY BY J. LOCKE

I.S. Seleznev

Postgraduate student of the Department of Philosophy

Volgograd State University

Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Bioethics and Law

Volgograd State Medical University

E-mail: seleznev-is@mail.ru

This paper provides a critical analysis of John Locke's labor theory of property. Starting from the idea of Imre Lakatos about the "hardcore" contained in any scientific theory and methodologically indistinguishable from the metaphysical foundations of scientific knowledge, the author explicates such foundations of Locke's ideas. The text analysis of "Two Treatises of Government" shows that Locke mixes two different concepts of property and prefers one of the concepts for political and metaphysical reasons although trying to show their logical and empirical connection. It is claimed that Locke's labor theory of property contributed to the transformation of the understanding of property in Modern Times: property was equated with the processes of possession and appropriation and lost its traditional meaning of the inalienable place of human in the world.

Keywords: property, possession, Locke, Modern Times, "hardcore", metaphysics

Характерной чертой мышления Нового времени является поиск «естественных» оснований как научного знания, так и социальных явлений. Как известно, большинство, если не все, успешные гуманитарные теории Нового времени родились в борьбе с метафизикой средневековой и античной мысли. Отталкиваясь от критики «сверхъестественных» (метафизических) оснований схоластических, идеалистических теорий прошлого, нововременные мыслители стремились обнаружить «естественные» основания своих построений. Результатом такой работы становилось, по слову историка и философа науки Имре Лакатоса, формирование «твердого ядра» гуманитарных теорий, обеспечивавшего их устойчивость.

В труде Лакатоса «Истории науки и ее рациональных реконструкций» читаем: «У всех исследовательских программ есть «твердое ядро». Отрицательная эвристика запрещает использовать *modus tollens*, когда речь идет об утверждениях, включенных в «твердое ядро». Вместо этого мы должны напрягать нашу изобретательность, чтобы прояснять, развивать уже имеющиеся или выдвигать новые «вспомогательные гипотезы», которые образуют защитный пояс этого ядра; *modus tollens* своим острием направляется именно на эти гипотезы». [1, с. 323]. Лакатос приходил к выводу о том, что с методологической точки зрения, «твердое ядро» научных теорий невозможно отличить от метафизических оснований научного знания.

Именно таким образом и тем же путем построена трудовая теория собственности Джона Локка — одна из наиболее влиятельных гуманитарных теорий Нового времени, во многом до сих пор определяющая наше понимание собственности. В тексте «Два трактата о правлении», ставшем классическим, Локк ведет борьбу с теократическим обоснованием собственности, делающим ее преимущественно аристократическим правом меньшинства. Стремясь уйти от метафизических необоснованных спекуляций схоластики, как видится это Локку, он задается целью обнаружить ее естественные основания и сформировать эмпирически благонадежное «твердое ядро» своей теории.

Локк выводит собственность из двух предпосылок: 1) мир изначально является общей собственностью всех людей (ибо мир был создан Богом для человека); 2) каждый индивид в отдельности является собственником самого себя, в т.ч. своего тела и своего труда, присваивающих вещи мира по необходимости для выживания.

Здесь видно, что Локк говорит о собственности в двух разных смыслах: как о праве собственности-на вещи и как о факте субстанциональной собственности чего-либо, например, тела. Первое опирается на авторитет Священного писания в интерпретации Локка. Второе — плод эмпирических наблюдений, претендующих на неоспоримую достоверность.

Локк утверждает, что право собственности или собственность-на-вещи появляется в результате труда, превращающего природную вещь в продукт человеческой деятельности. Именно в той мере, в какой вещь выступает продуктом человеческого труда, она является его собственностью. Это так потому, что труд и трудящееся тело человека уже есть его неотъемлемая и неизбежная собственность: «Хотя земли и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему». [2, с. 277]

Однако из рассуждений самого Локка следует, что тело и труд есть собственность не потому, что они продукт человеческой деятельности. Локк объявляет труд «неоспоримой собственностью» трудящегося, т.е. безусловной собственностью, которая не нуждается в доказательствах ее статуса продукта деятельности. Это значит, что в случае с телом и трудом вовсе не их статус продукта делает их собственностью. Но собственность тела и труда выступает у Локка условием возможности собственности-на продукты труда.

Однако внутри этой теории Локка нельзя по своей сущности приравнять эту безусловную собственность №1 и условную собственность №2. Собственность-на является собственностью только в силу того, что она продукт, т.е. иными словами эта «трудовая» собственность и есть продукт человеческой деятельности. Собственность безусловная и субстанциональная является собственностью в силу ее неотъемлемости от лица – неотъемлемости тела от носителя тела и также его труда.

Неотъемлемость как основание собственности и «продуктность» как другое ее основание составляют просто два разных феномена собственности. Из того факта, что тело и труд неотъемлемы от индивида не следует, что продукты его творчества являются его собственностью в том же смысле, т.е. что они тоже неотъемлемы. Напротив, как известно из исследований Маркса, продукт труда по самой своей сути отчужден от того, кто его произвел. Если же признать, что основание собственности составляет не ее неотъемлемость, а ее характер продукта, тогда мы должны будем признать, что тело и труд – не собственность человека, ибо, как и говорит сам Локк, это Бог внушил человеку необходимость труда и создал его тело.

Мы вправе спросить, что же такое исходно собственность, по Локку, - неотъемлемость от человека или продукт человеческого труда? Если быть заодно с Локком, ответить легко: собственность есть, конечно, продукт. Именно этот тезис есть цель построений Локка, а обращение к безусловной собственности тела и труда – средство. Локк не столько выводит свою трудовую теорию собственности из субстанционального характера «первособственности» тела и труда, сколько использует убедительность аргумента к этой безусловной собственности для обоснования идеи собственности как продукта, затем просто отбрасывая и забывая о субстанциональной собственности.

Иными словами, трудовая теория собственности Локка строится на подмене субстанционального характера собственности тела и труда на деятельностно-производительную собственность под видом выведения второй из первой. Однако, если мы последуем за Локком до конца, то его уверенность в неоспоримой истинности субстанциональной собственности тела и труда заставит нас отдать этому пониманию собственности преимущество. В самом деле, ведь именно субстанциалистское понимание собственности обладает у Локка аподиктической достоверностью, а собственность как продукт труда еще нужно доказывать. Но в таком случае вряд ли имеет смысл называть собственностью то, что описывает Локк, ибо продукт труда не может быть субстанционально присущ человеку как его тело.

Представляется убедительной точка зрения Ханны Арендт, что под видимостью оправдания и легитимации частной собственности, Локк, прежде всего, ведет борьбу с традиционным взглядом на собственность *per se*, как и многие другие мыслители Нового времени. «Для целей Локка недостаточно было ни традиционной интерпретации труда, <...> ни старинного объяснения истоков собственности <...>. Дело шло о том чтобы отыскать деятельность, которая сама по себе имеет „присвоительный“ характер, способна овладевать вещами мира, оставаясь тем не менее вполне приватной природы» [3, с. 142]. Однако в отличие от Прудона или Маркса, дискурс Локка устроен изощреннее: он не отрицает собственность, а подменяет ее сущность, сохраняя прежнее имя.

В этом отношении Локк является ключевой фигурой, способствовавшей радикальной трансформации понимания собственности в Новое время. Если традиционно – в античности и еще в Средневековье, собственность понималась как неотъемлемое вещное место человека в мире, в Новое время происходит своеобразная антропоцентрическая редукция собственности, сводящая ее к возможностям человека овладевать миром. Арендт справедливо указала на экономико-политические причины этого события, а именно выход на историческую сцену капиталистического общества, в котором «ведущий интерес направлен уже не на собственность а на присвоение, на приращение владения и на процесс накопления как таковой» [3, с. 148].

Однако мы увидим и метафизические основания теории Локка, если зададим вопрос: почему Локк считает тело и труд безусловной собственностью человека? На этот вопрос у Локка будет лишь метафизический по своей сути ответ: человек изначально – владелец своей личности. «Из всего этого очевидно, что хотя предметы природы даны всем сообща, но человек, будучи господином над самим собой и владельцем своей собственной личности, её действий и её труда, в качестве такового заключал в себе самую великую основу собственности» [2, с. 287]

Если до этого пассажа Локк не видел необходимости объяснять, почему тело и труд – безусловная собственность человека, теперь он показывает как труд и даже сама личность выступают собственностью: человек ими владеет. Исток трудовой теории собственности Локка, рассматривающей собственность как процесс владения и овладения миром, кроется в метафизике Нового времени, увидевшей владение как сущностный характер бытия человека в мире. Сам мир в нововременной

метафизике оказался, в сущности, сведен к возможностям человека; также и собственность утратила свой вещно-фактический характер и была отождествлена преимущественно с одной возможностью человеческого бытия в мире, в которой метафизика Нового времени увидела онтологическое и антропологическое первенство.

Литература

1. *Лакатос И.* История науки и её рациональные реконструкции // Прил. к кн.: Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001.
2. *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137-405.
3. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; Под ред. Д. М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000 г. 437 с.

НАУЧНЫЙ ПРОГРЕСС: ПАРАДИГМЫ КУНА VS ПЕРЕОПИСАНИЯ РОРТИ

О.И. Целищева

*Кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН
E-mail: oxanatse@gmail.com*

Понятие «парадигма» Т. Куна и ее аналог у Р. Рорти в виде концепции словаря и переописания, играют важную роль в отнесении обоих мыслителей к релятивизму. Сопоставление двух концепций, однако, раскрывает важные различия между ними. Если у Куна смена парадигм является движущей силой развития науки, то у Рорти смена словарей не ограничивается сферой науки, а распространяется на каждый аспект и проект человеческого существования, что находит завершение в переописании условий существования человека. Показано, что поскольку языки в прошлой и новой парадигмах не эквивалентны, а переописание - это неизбежный возврат к текущим описаниям, оно не может обеспечить концептуального обоснования для объяснения революционного научного прогресса. Это означает, что намеренное использование Рорти концептуальной машинерии Куна не позволяет установить сходства обоих версий релятивизма.

Ключевые слова: наука, прогресс, парадигма, переописание, Кун, Рорти

SCIENTIFIC PROGRESS: KUHN'S PARADIGMS VS RORY'S RE-DESCRIPTIONS

O.I. Tselishcheva

*CSc in Philosophy, scientific worker
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
E-mail: oxanatse@gmail.com*

The concept of "paradigm" by T. Kuhn and its analogue by R. Rorty in the form of the concept of vocabulary and re-description, play an important role in attributing both thinkers to relativism. A comparison of the two concepts, however, reveals important differences between them. If Kuhn's paradigm shift is the driving force behind the development of science, then Rorty's vocabulary change is not limited to the sphere of science, but extends to every aspect and project of human existence, which finds completion in the re-description of the conditions of human existence. It is shown that since the languages in the past and new paradigms are not equivalent, and the re-description is simply an inevitable return to the current descriptions, it cannot provide a conceptual justification for explaining the revolutionary scientific progress. This means that Rorty's deliberate use of Kuhn's conceptual machinery does not allow us to establish similarities between both versions of relativism.

Keywords: Science, progress, paradigm, re-description, Kuhn, Rorty

Введенное Т. Куном для анализа научного прогресса понятие «парадигма» приобрело широкое хождение у представителей гуманитарных наук. В частности, «аналогом» этому понятию стала

концепция словаря и сопутствующего ей процесса переописания Р. Рорти. Оба мыслителя являются наиболее известными представителями т.н. релятивизма. Если Куну приписывается релятивизм в понимании роли объективности и истины в науке, то Рорти приписывается более общая установка на релятивизм в философии. Последнее обстоятельство не удивительно, поскольку Рорти использовал «машинерию» Куна в критике философского метода как такового [1]. Сам Рорти полагал свой релятивизм родственным релятивизму Куна, с чем последний решительно не соглашался.

Движущей силой развития науки, по Куну, является смена парадигм. По Рорти, это смена словарей. Но механизм смены словарей у Рорти весьма своеобразен, не ограничиваясь сферой науки, а распространяется на каждый аспект и проект человеческого существования. Любая практика, действие, идея или заявление сделаны в рамках специфического словаря, культурных и личных основ, на которых основаны убеждения, действия и практики. Такого рода смена словарей именуется Рорти переописанием. Эта концепция играет важнейшую роль в философии Рорти, поскольку его занимает не столько сама наука и ее усилия по пониманию внешней реальности, а рефлексия человека по поводу своего места в мире. Если цель науки состоит в получении правильного или истинного описания реальности, претендующее на единственность, то исследование человека не может ограничиваться поисками объективного описания. Больше того, такое ограничение приводит к интеллектуальной, культурной и личной стагнации. Дабы избежать этого, Рорти вводит концепцию иронизма и иронического переописания [2]. Иронист переделывает свой словарный запас, изменяя и модифицируя его до тех пор, пока он не будет работать в его текущей ситуации. Ясно, что этот процесс, как и постоянная смена парадигм, является сменой переописаний.

Хотя Рорти утверждает, что для него нет онтологического различия между человеком и природой, и стало быть, между социальными и естественнонаучными знаниями, в его произведениях последнее занимает весьма скромное место. Это выглядит довольно парадоксально в свете того, что Рорти действительно заимствовал методологию Куна в описании истории физики для своей категориальной системы [3]. Но при этом Рорти уверен в том, что концепция переописания будет при необходимости работать и в объяснении научного знания.

Однако концепция переописания Рорти далека от того, чтобы объяснить реальную концептуальную динамику роста знания в естественных науках. Это обстоятельство не было бы таким важным для Рорти, если бы концепция переописания не претендовала на некоторого рода универсальность. С легкой руки постмодернистской философии термин «иронический» перешел из литературной критики в науку, и видный научный обозреватель Дж. Хорган говорит об «иронической науке» [4], да и сама история культуры обретает «иронический» характер.

Переописание буквально означает новое описание, и трудно было бы ожидать от последнего успеха в более полном понимании внешней реальности, если при этом не было бы гарантии, что переописание сохраняет дисциплинарную матрицу. Поскольку переописание имеет дело со сменой словарей, или с расширением словаря, в конечном счете оно апеллирует к некоторого рода языковым играм. Это обстоятельство вряд ли можно оспаривать в отношении Рорти, поскольку его приверженность философии позднего Витгенштейна играет важную роль в его собственной философии. И хотя, как это подчеркивалось выше, как Кун, так и Рорти являются релятивистами, вопрос о влиянии концепции Витгенштейна «формы жизни» или языковых игр на Куна до недавнего времени представлялось проблематичным.

Релятивизм Куна и Рорти различается в ряде аспектов. Рорти полагает, что аргументы Куна подтверждают его собственные теории переописания, показывая, что любое революционное изменение в теории - это просто вопрос «изменения терминологии, в которой [формулируются] кандидаты на истину» [3, Р. 176]. Эта точка зрения в значительной степени релятивистская, поскольку Рорти обосновывает, что «не существует единой модели хорошей работы в академической дисциплине, что критерии хорошей работы менялись на протяжении всей истории и будут продолжать меняться» [3, Р. 181]. Рорти описывает реализацию этого процесса во всех дисциплинах как «кунизацию».

Фундаментальное расхождение физических и гуманитарных наук различается, среди прочих причин, наличием разных онтологий. С точки зрения Рорти, для физика такой онтологией выступают «скалы», то есть, мир физических вещей, объективность которых является для того бесспорной. Другой онтологией является мир человеческих репрезентаций, включающих множество пропозициональных установок в отношении к онтологии физика. Соотношение этих двух типов онтологий рассматривается самыми разнообразными способами, в соответствии с теми или иными предпочтениями, но антиэссенциалист Рорти делает более сложный ход. Он, следуя Д. Дэвидсону [5, Р 107], аргументирует в пользу единой онтологии, в которой есть «артефакты» сознания и «скалы» физического мира.

Переописание Рорти, есть по сути процесс введения новых понятий в старую концептуальную схему, причем это расширение не является консервативным, и поэтому новые понятия вводятся метафорами, аллюзиями, аналогиями, и временами совершенно иррациональными средствами. Фактически, иррационализм сдвига парадигм Куна имеет у Рорти аналог в виде приспособления нового словаря к старому, в виде процессов, которые гораздо более свойственны гуманитарным наукам, нежели естественным. Что касается Куна, то его «схождение» в гуманитарный дискурс ограничивается аналогией между сдвигом парадигм и гештальт-переключением. Языки в прошлой и нынешней парадигмах не эквивалентны, и, таким образом, переописание – это просто неизбежный возврат к текущим научным описаниям. Как лаконично выразился Кун, «нельзя перейти от старого к новому, просто добавив к тому, что уже было известно» [6, Р. 15]. То есть, переописание в конечном счете не может обеспечить концептуального обоснования для объяснения революционного научного прогресса, поскольку оно утверждает, что можно прийти к новому, добавив к старому. Кун способен объяснить эту неудачу тем, что его сдвиг парадигм не допускает простого добавления знаний, но вместо этого требует пересмотра и переформулирования ранее принятых представлений в рамках конкретных дисциплин, а также тех, которые лежат в основе науки как самой культурной практики. В этом случае мы не просто добавляем новые знания, но и меняем сам способ, которым мы понимаем и интерпретируем результаты в мире через научное повествование.

Литература

1. *Целищева О.И.* Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2021.
2. *Rorty R.* Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
3. *Rorty R.* Thomas Kuhn and the Laws of Physics // Philosophy and Social Hope. London: Penguin, 1999.
4. *Хорган Дж.* Конец науки. СПб: Амфора, 2001.
5. *Davidson D.* Radical Interpretation // Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 107.
6. *Kuhn et al.* The Road Since Structures // PSA 1990: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association / eds. Fine F. et al. University of Chicago Press, 1991. P. 15.

НАУЧНЫЕ ПОЛЯ КАК ВЛАСТНЫЕ ИНСТИТУЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

А.А. Шестаков

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой «Философия и социально-гуманитарные науки»
Самарский государственный технический университет
E-mail: ShestakovAlex@yandex.ru*

Опираясь на методологический инструментарий изучения познания, получивший апробацию в исследованиях П. Бурдье (научное поле, габитус, инаугурационная революция), автор предпринимает попытку рассмотреть исторические и методологические аспекты дисциплинарного самоопределения философии науки. На основе изучения конкретных кейсов восприятия выдающимися естествоиспытателями философских идей в статье обсуждается наиболее адекватный формат диалога науки и философии.

Ключевые слова: философия науки, гносеология, основания науки, предпосылки познания, предмет науки, когнитивные исследования

SCIENTIFIC FIELDS AS POWERFUL INSTITUTIONS: HISTORICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE DISCIPLINARY SELF-DETERMINATION OF THE PHILOSOPHY OF SCIENCE

A.A. Shestakov

DSc of Philosophy, Professor,

Head of the Department "Philosophy and Social Sciences and Humanities"

Samara State Technical University

E-mail: ShestakovAlex@yandex.ru

Using the methodological tools for studying science, which was tested in the works of M. Foucault (history, episteme, observation) and P. Bourdieu (scientific field, habitus, induction revolution), the author makes an attempt to consider the historical and methodological aspects of the disciplinary self-determination of the philosophy of science. Based on the consideration of specific examples of the dialogue of prominent naturalists with the ideas of the philosophical community, the article discusses the most acceptable format and promising ways of interaction between science and philosophy.

Keywords: philosophy of science, gnoseology, foundations of science, prerequisites of knowledge, subject of science, cognitive research

Ни для кого не является секретом, что в современной исследовательской практике так называемый «диалог» представителей специально – научного знания, с одной стороны, и философии, с другой, протекает, по преимуществу, в различных категориальных «срезах». Что, в принципе, можно считать вполне объяснимым, поскольку интерес к прояснению философско-мировоззренческих оснований собственного интеллектуального творчества у ученых-практиков, всех тех, кто реально работает в лаборатории, проводя эксперименты и скрупулезным образом обрабатывая полученные данные, в существенной степени отличается от соответствующих идейных интенций методологов познания, настойчиво препарирующих живую ткань исследовательского дискурса в жестких рамках выработанной в той или иной метафизической доктрине совокупности теоретических конструкторов. Вряд ли будет корректным описание данного объективным образом сложившегося обстоятельства в терминах соперничества или, тем более, конкуренции. Адекватней, скорее, будет характеристика этой коммуникативной ситуации как знакомства, или встречи, с философско-мировоззренческими позициями каждого из субъектов, кто в этом диалоге участвует. Что, в общем-то, само по себе уже немаловажно, поскольку для обеих коммуницирующих сторон может иметь весьма существенный провокативный и инспирирующий характер. Понятно, что приведенные выше рассуждения носят сугубо «рамочный», абстрактный характер.

Именно поэтому обратимся к конкретным примерам, чтобы обосновать высказанные выше предварительные интуиции. Для начала, думается, следует согласиться с утверждением, что в «вечном» споре философов и естествоиспытателей сама философская составляющая коммуникации мыслилась, что греха таить, исключительно в виде абстрактно-теоретической конструкции, исторически облачающейся, правда, в различные академические «мантии» – будь-то натурфилософскую, абстрактно-метафизическую или гносеологическую. Функциональное предназначение именно такого рода философских «идей» в рамках описанной схематики «взаимодействия», думается, вполне очевидно – «обобщать» результаты частных наук и уже с этих, так сказать, генерализованных позиций решать собственно научные задачи.

Впрочем, если именно в таком ключе понимать предназначение философии, то, безусловно, был прав Ричард Фейнман, высказавший в одной из своих лекций по физике очень верное наблюдение: «Эти философы всегда топчутся около нас, они мельтешат на обочинах науки, то и дело порываясь сообщить нам что-то». Подводя итог своим рассуждениям в этом направлении, выдающийся физик делает весьма нелицеприятный для «философов» вывод: «Но никогда на самом деле они не понимали всей глубины и тонкости наших проблем» [1, с.24]. Что можно сказать по этому поводу? Строго говоря, вовсе не беда, если, скажем, профессионально занимающийся философией человек не в полной мере адекватно ориентируется в тонкостях какой-либо естественнонаучной теории. В равной степени, видимо, также нет ничего страшного, когда, положим, профессиональный математик или физик не столь глубоко и последовательно разбираются в тонкостях философской проблематики. Необходимо отдавать себе отчет, что названные выше формы освоения мира имеют все-таки существенно отличающиеся друг от друга предметные области и выступают, соответственно,

различными сферами профессионального самоопределения. Что и говорить, время столь разносторонних исследователей, которые были бы одинаково продуктивными в целом ряде отраслей научного поиска безвозвратно ушло! И тут, судя по всему, уже ничего не поделаешь!

Проблема, как кажется, заключается совсем в другом! Когда сами профессиональные адепты философского знания не отдают отчет в глубине и своеобразии собственной проблематики! Философия как специфическая сфера метафизического поиска с необходимостью полагает и соответствующее качество интеллектуального труда. Эта отличительная опция присущего ей дискурса традиционно квалифицируется ёмким термином «философичность». Примеры, свидетельствующие о наличии этой специфической характеристики, привести будет несложно: там, где естествоиспытатель предельно корректно и тонко работает с понятиями, концептуализируя в рамках принятого методологического протокола вопросы такого предельно общего, я бы сказал, метафизического плана, (1) что вообще означает понимать (=знать), чем, собственно говоря, (2) является та реальность, которую мы пытаемся отобразить в своих понятиях, какова (3) вероятность получения адекватного знания относительно этой реальности и т.п., – он самым непосредственным образом движется в индуктивном поле философской рефлексии.

Следует подчеркнуть, что история науки дает множество подтверждений этому обстоятельству. Именно этот план обсуждаемой проблематики, надо полагать, имел ввиду Вернер Гейзенберг, когда, к примеру, характеризовал выдающегося физика Нильса Бора прежде всего «как философа, не физика...» [Цит. по.: 2, с.366]. В данном контексте нельзя не вспомнить и показательную характеристику ещё одного великого естествоиспытателя – Эрвина Шредингера, данную другим не менее знаменитым ученым, лауреатом Нобелевской премии Хидэки Юкавой: «...У Шредингера склонность к философии была выражена особенно сильно <...>. Он – талантливый физик, имевший очень хорошие работы по термодинамике и статистической физике, – в действительности хотел заниматься философией» [3, с.24-25]. Ну и, конечно, в этом ряду проницательных естествоиспытателей особое место занимает уже упомянутый выше Вернер Гейзенберг. Здесь же ограничимся лишь указанием названий его основополагающих методологических трудов – «Философские проблемы атомной физики» и «Физика и философия» [4], а также содержательных в философско-мировоззренческом плане статей «Открытие Планка и основные философские проблемы атомной теории», «Роль феноменологических теорий в системе теоретической физики», «Развитие понятий в физике XX столетия» [См.: 5, 6, 7].

Если же отвлечься от фамилий конкретных ученых и обсуждаемых ими реальных научных проблем, и предпринять попытку порассуждать, так сказать, в более общем плане, то лишь в самых общих чертах рассмотренный выше исторический период в развитии физики, предметно связанный с созданием квантовой теории, отличался просто поразительным по глубине проникновением в существо философских проблем, напрямую связанных с развитием исследований в данной отрасли естествознания. В этой связи не будет преувеличением утверждение, что тот высочайший интеллектуальный уровень творческих дискуссий, свойственный архитекторам неклассической физики, само идейно-теоретическое содержание обсуждаемых проблем сближает этот весьма непродолжительный исторический отрезок XX века со столь принципиально значимым для становления классической науки XVII столетием, когда перед учеными в полный рост встали проблемы обоснования научного метода, экспликации субъект – объектной природы познавательной деятельности, сущности причинности и т.д. Нет сомнений в том, что только запредельно высокое «энергетическое» напряжение научного поиска, характерное рассматриваемой исторической эпохе, могло породить столь редкую для специализированного научного познания фигуру ученого-философа! Идейные интенции подобного типа исследователей удачно характеризуют слова Гейзенберга: «Мне и в голову не могло прийти видеть в естествознании и технике нашего времени мир, принципиально отличный от философского мира Пифагора или Евклида» [Цит. по.: 2, с.372].

Подведем некоторые итоги. Проведенный анализ показал, что принципиальную значимость в процедуре корректной экспликации собственного предметного поля философии науки приобретает позиционирование этой дисциплины в рамках более общего научного поля — философии познания. По сути, подобный методологический посыл означает, что в контексте дисциплинарного самоопределения философии науки как специальной философской дисциплины необходимо принимать во внимание всю совокупность культурно – исторических предпосылок и мировоззренческих оснований научного познания, предметно рассматриваемых гносеологией. В соответствии с этим представляется ясным, что корректное осуществление самой процедуры самоопределения философии науки можно обеспечить лишь посредством осмысления самого способа постановки данной проблематики в философском сознании. В работах представителей весьма

отличных друг от друга метафизических доктрин сам научно – исследовательским процесс и инструментальные формы его реализации получают интерпретацию в более емком контексте осмысления человеческого мироотношения.

Литература

1. *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. Т.2. Пространство, время, движение. М.: Мир, 1965. 168 с.
2. *Ахутин А.В.* Вернер Гейзенберг и философия// Гейзенберг Вернер. Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое. СПб.: Наука, 2005. С. 363-394.
3. *Юкава Х.* Лекции по физике. М.: Энергоиздат, 1981. 128 с.
4. *Гейзенберг В.* Философские проблемы атомной физики. М.: ИЛ, 1953. 136 с.; он же: Физика и философия. М.: ИЛ, 1963. 132 с.
5. *Гейзенберг В.* Открытие Планка и основные философские проблемы атомной теории// Успехи физических наук. Т. 66. Вып.2. М.,1958. С. 163-175.
6. *Гейзенберг В.* Роль феноменологических теорий в системе теоретической физики // Успехи физических наук. Т. 91. Вып.4. М.,1967. С. 731-733.
7. *Гейзенберг В.* Развитие понятий в физике XX столетия//Вопросы философии. 1975. №1. С. 79-90.

РИТОРИКА НАУКИ

ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОШИБКИ

A.P. Karimov

*Доктор философских наук, зав. кафедрой социальной философии
Казанский федеральный университет
Профессор Лаборатории взаимодействия человека и компьютера
Университет Иннополиса
E-mail: anthropology.ksu@mail.ru*

D.E. Faizihodjaeva

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и логики
Национальный университет Узбекистана
E-mail: fayzdilbarhon@mail.ru*

В данной статье обосновывается релевантность качеств личности, таких как эпистемические добродетели и эпистемические пороки, для интерпретации неформальных ошибок в аргументации. Предлагается подход к аргументации с точки зрения эпистемологии добродетелей. С этой точки зрения, «хорошая» аргументация определяется как «добродетельная», а ошибочная аргументация как «порочная». Рассматривается интерпретация некоторых неформальных ошибок аргументации в контексте теории добродетелей: *ad hominem*, «соломенный человек», аргумент к авторитету. Показано, что обращение к концептуальному аппарату теории добродетелей позволяет выявить оправданные и неоправданные случаи использования этих аргументов. Также рассматриваются некоторые критические замечания к использованию добродетельного подхода к аргументации в целом.

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, теория аргументации, неформальные ошибки, аргументативные ошибки, интеллектуальные добродетели, интеллектуальные пороки

Virtuous Argumentation And Informal Fallacies

A.R. Karimov

*DSc of Philosophy, Head Department of Social Philosophy
Kazan Federal University
Professor of Laboratory of Human-Computer Interaction
University of Innopolis
E-mail: anthropology.ksu@mail.ru*

D.E. Faizihodjaeva

*CSc in Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Logic Department
National University of Uzbekistan
E-mail: fayzdilbarhon@mail.ru*

This article substantiates the relevance of personality qualities, such as epistemic virtues and epistemic vices, for the interpretation of informal fallacies in argumentation. An approach to argumentation from the perspective of a virtue epistemology is proposed. From this perspective, “good” argumentation is defined as “virtuous” and faulty argumentation as “vicious”. The interpretation of some informal errors of argumentation in the context of virtue theory is considered: *ad hominem*, “straw man,” argument to authority. It is shown that reference to the conceptual apparatus of virtue theory allows us to identify justified and unjustified uses of these arguments. Some critical arguments for the use of the virtue approach to argumentation,

in general, are also discussed.

Keywords: virtue epistemology, argumentation theory, informal errors, argumentative errors, intellectual virtues, intellectual vices

Несмотря на то, что научная теория стремится быть максимально формализованной, достичь полной формализации не представляется возможным (за исключением, пожалуй, областей математики и формальной логики). И даже когда мы говорим о вполне формализованных дисциплинах, презентация и распространение научных идей в этих областях могут быть сопряжены с совершением неформальных ошибок. Например, существуют исследования, которые показывают, что математики склонны рассматривать некоторые доказательства как более убедительные, если их приписывают известным и именитым математикам [1]. Что уж говорить о социально-гуманитарных дисциплинах, где аргументация не является строго формализованной? Классификация неформальных ошибок хорошо известна, но дискуссия о том, что именно делает аргумент «хорошим» или «плохим» продолжается.

В последнее время в литературе по теории аргументации (преимущественно англо-американской) появился новый подход, который предлагает применить теорию интеллектуальных добродетелей (или эпистемологию добродетелей) к аргументации [2, 3, 4, 5, 6]. Кратко суть эпистемологии добродетелей заключается в том, чтобы переопределить все традиционные концепты эпистемологии (знание, обоснование и т.д.) в терминах добродетелей и пороков. Наиболее известными разновидностями эпистемологии добродетелей являются релейбиллизм (Э.Соса) и респонсибиллизм (Л.Загзебски). Релейбиллизм определяет интеллектуальные добродетели в терминах надежных познавательных способностей [7]. Респонсибиллизм определяет интеллектуальные добродетели как стабильные превосходные черты интеллектуального характера (интеллектуальная открытость, интеллектуальное мужество, интеллектуальная скромность и т.д.) [8]. Соответственно, интеллектуальные пороки являются противоположностями добродетелей. Для релейбилистов это какое-то расстройство наших когнитивных функций (память, зрение, слух и т.д.). Для респонсибилистов это качества интеллектуального характера, которые препятствуют достижению истины (догматизм, интеллектуальная лень, интеллектуальное высокомерие и т.д.).

Если применить добродетельный подход к аргументации, то вкратце это означает, что «хороший» аргумент определяется как «добродетельный», а «плохой» аргумент как «порочный». Как поясняет современный американский философ Х.Баттали: «Если теория добродетелей в эпистемологии верна – если интеллектуальные добродетели необходимы для знания – тогда интеллектуальный характер говорящего действительно имеет значение для оценки его утверждений и аргументов. Это важно, потому что утверждения, которые являются результатом интеллектуальных пороков, вряд ли будут истинными, а значит, не являются знанием. Точно так же аргументы, которые являются результатом интеллектуальных пороков, вряд ли будут валидными (если они дедуктивные) или сильными (если индуктивные), вряд ли приведут к истинным выводам и, следовательно, не являются знаниями. Таким образом, я буду утверждать, что если мы узнаем, что врач S [...] пришел к своему диагнозу догматически, то мы не должны верить ее заключению о том, что "у пациента бактериальная инфекция", только на основании ее слов. Точно так же, если мы узнаем, что говорящий страдает пороком дальтонизма, мы не должны верить его утверждению, что "машина, уезжающая с места происшествия, была красной", только с его слов. Мы не должны верить этим утверждениям, потому что они являются следствием интеллектуальных пороков (или порочных действий), а не интеллектуальных добродетелей, и поэтому вряд ли могут быть истинными» [5, p. 362-363].

В данной статье мы не собираемся рассматривать ни саму по себе эпистемологию добродетелей, ни даже добродетельный подход к теории аргументации в целом (о последнем см. подробнее [9]). Нас интересует эвристический потенциал интерпретации неформальных ошибок в контексте теории добродетелей. А именно, вопрос о том, можно ли говорить о том, что неформальные ошибки являются порочными интеллектуальными практиками? Т.е. насколько правомерно атрибутировать «ошибочность» неформальных ошибок определенным свойствам субъекта, а именно интеллектуальным порокам? В частности, мы рассмотрим с этой точки зрения несколько неформальных ошибок, такие как *argumentum ad hominem*, аргумент к авторитету, соломенный человек и некоторые другие. А именно, насколько продуктивно говорить об оценке роли субъекта как адресата и адресанта аргументации (об этом авторы также писали в [10]).

Возьмем в качестве примера *argumentum ad hominem*. Традиционно с этим аргументом возникает проблема, как определить правомерные и неправомерные случаи его применения. Теория добродетелей в этом случае предлагает, что правомерное применение этого аргумента возможно, если речь идет об

интеллектуальных (эпистемически значимых) качествах личности. Например, если взять вышеприведенный отрывок из Х.Баттали, то апелляция к тому, что субъект догматичен (в случае, если у нас нет возможности самостоятельно перепроверить все доказательства) вполне оправдана для обоснованного недоверия к субъекту. А например, апелляция к тому, что субъект является жестоким (или имеет иные нравственные изъяны), не является оправданной. Действительно, можно вполне представить себе каузальную связь между догматизмом и ложным убеждением, и гораздо труднее представить каузальную связь между ложностью убеждения субъекта и его жестокостью. При этом авторы отмечают, что и в этом случае следует быть осторожным и не смешивать оправданное сомнение в аргументации и утверждение ложности тезиса исключительно на основании недоверия к личности говорящего.

То же самое касается аргумента к авторитету. Вопрос о легитимности апелляции к авторитету в каждом конкретном случае (а без нее невозможна никакая академическая научная работа), помимо объективных критериев, может рассматриваться в контексте таких добродетелей, как интеллектуальное смирение, интеллектуальное мужество, и соответственно, их противоположностей – интеллектуальной трусости и интеллектуального высокомерия.

Также аргумент «Соломенный человек» может рассматриваться как следствие отсутствия, с одной стороны интеллектуальной открытости, а с другой – интеллектуального великодушия (*charity*). В каком-то случае искажение точки зрения оппонента может быть даже быть намеренным и оправданным и дает ему шанс лучше определить собственную позицию [11].

В заключение рассмотрим вопрос, возможно ли, что добродетельный субъект совершит аргументативную ошибку и, наоборот, интеллектуально порочный субъект продуцирует безукоризненный аргумент. Вкратце, ответ, разумеется, да, и связь здесь, на наш взгляд, не является такой однозначной, но с оговоркой, что интеллектуальная порочность в целом является неплохим предиктором наличия заблуждений. О последнем в 2021 г. было опубликовано интересное эмпирическое исследование о наличии корреляции между интеллектуальными пороками и заблуждениями по поводу вируса COVID-19 [12]. Еще одно возражение состоит в том, что ошибки можно рассматривать как в некотором роде добродетели, потому что они в целом, необходимы для практической рациональности. Например, поспешное обобщение является стандартным примером ошибки, но оно дает нам некоторый дополнительный информационный ресурс для принятия решений [13, p. 93].

Литература

1. *Inglis M., Mejía-Ramos J. P.* The effect of authority on the persuasiveness of mathematical arguments // *Cognition and Instruction*. 2009. No 27. P. 25–50.
2. *Aberdein A.* Virtue in argument // *Argumentation*. 2010. Vol. 24. No 2. P. 165-179.
3. *Aberdein A.* Fallacy and argumentational vice // *Dima Mohammed & Marcin Lewinski (eds.), Virtues of argumentation: Proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA), May 22–25, 2013. OSSA*.
4. *Ball A.* Are Fallacies Vices? // *Topoi* 2016. No 35. P. 423–429.
5. *Battaly H.* Attacking character: Ad hominem argument and virtue epistemology // *Informal Logic*. 2010. Vol. 30. No. 4. P. 361-390.
6. *Bowell T., Kingsbury J.* Virtue and argument: taking character into account // *Informal Logic*. 2013. Vol. 33, No. 1. P. 22-32.
7. *Sosa E.* A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Oxford Scholarship Online. 2007.
8. *Zagzebski L.* Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge University Press, 1996.
9. *Каримов А.Р.* Глубокое разногласие и аргументативные добродетели // *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 1. С. 21-24.
10. *Лисанюк Е.Н., Файзиходжаева Д.Э.* Ложный аргумент, три лжеца и эффективное завершение спора // *Философский журнал*. 2022. №1. С. 85-101.
11. *Aikin S.F., Casey J.P.* Straw Men, iron men, and argumentative virtue // *Topoi*. 2016. No 35. P. 431–440.
12. *Meyer M., Alfano M., De Bruin B.* Epistemic vice predicts acceptance of Covid-19 misinformation. *Episteme*, 2021. Pp. 1-22.

13. Gabbay D.M., Woods J. Fallacies as cognitive virtues. In Ondrej Majer, Ahti-Veikko Pietarinen & Tero Tulenheimo (eds.), *Games: Unifying Logic, Language, and Philosophy*. Springer Verlag, 2009. P. 57-98.

ОЦЕНКА ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГРУППЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ «РЕЛЕВАНТНО-ДИСТИНКТИВНОЙ» ВЕРСИИ ИНТЕРРОГАТИВНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

А. Ю. Моисеева

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН

E-mail: ajumo@yandex.ru

Рассматривается понятие потенциального группового знания, определяемое содержательно и формально в рамках релевантно-дистинктивной версии интеррогативной эпистемологии (А. Бэлтаг, Р. Бодди и С. Сметс). Показано, в чем состоит преимущество использования этого понятия для оценки эпистемического потенциала группы перед использованием таких более традиционных понятий как понятия общего и распределенного знания. Дается очерк перспектив подхода как почвы для схождения формальной эпистемологии с социальной эпистемологией и социологией науки.

Ключевые слова: мультиагентные модели познания, знание группы, интеррогативная эпистемология

EVALUATION OF THE EPISTEMIC POTENTIAL OF A GROUP IN TERMS OF “RELEVANT-DISTINCTIVE” VERSION OF INTERROGATIVE EPISTEMOLOGY

A. Yu. Moiseeva

CSc in Philosophy, Research Fellow

Institute of Philosophy and Law SB RAS

E-mail: ajumo@yandex.ru

The paper is devoted to the concept of potential group knowledge, which is defined meaningfully and formally within the framework of a ‘relevant distinctions’ version of interrogative epistemology (A. Beltag, R. Boddy, S. Smets). The advantage of using this concept to assess the epistemic potential of a group over using such more traditional concepts as common and distributed knowledge is shown. An outline of the perspectives of the approach as a basis for the convergence of formal epistemology with social epistemology and the sociology of science is given.

Keywords: multi-agent models of cognition, group knowledge, interrogative epistemology

Процессы и явления, связанные с социальным измерением знания, в последнее время становятся объектом исследования в рамках тех или иных общеэпистемологических теорий. Иногда для этого используются формально-логические подходы, позволяющие строить модели, которые обладают большой объяснительной силой. Один из таких подходов изложен в статье А. Бэлтага, Р. Бодди и С. Сметс «Групповое знание в интеррогативной эпистемологии» [1]. Рассмотрим этот подход и его результаты.

Задачей, которая решается в упомянутой статье, является определение понятия *потенциального группового знания* с опорой на интеррогативную эпистемологию Я. Хинтикки [2], [3]. Согласно авторам, понятия общего знания и распределенного знания, обычно используемые в многоагентных теоретико-игровых моделях познания, не вполне адекватно отражают эпистемический потенциал группы. Чтобы понять, какую проблему они здесь видят, следует вспомнить, что собой представляют общее и распределенное знание. *Общее знание*, т.е. знание, которым обладает каждый член группы без коммуникации с другими ее членами, представляет собой тот минимальный объем знания, на который группа способна опираться в согласованных действиях. Так, если каждому из участников встречи известно, что она назначена на полдень, то можно рассчитывать, что все участники придут одновременно. Напротив, *распределенное знание*, т.е. знание, которым обладает хотя бы один член группы, отражает тот максимум, который был бы доступен группе как целому, если бы каждый из

членов группы усвоил все знание, доступное остальным. Бэлтаг, Бодди и Сметс утверждают, что реальный эпистемический потенциал группы, члены которой способны коммуницировать друг с другом, обычно лежит между этими двумя идеализациями и связан с тем, насколько знание, имеющееся у других членов группы, соответствует тем вопросам, которыми задается каждый отдельно взятый ее член (т.н. *исследовательской агенде*).

Сами авторы называют свой подход «релевантно-дистинктивной» версией интеррогативной эпистемологии ('Relevant Distinctions' version of Interrogative Epistemology). Начальный пункт этого подхода – идея Я. Хинтикки о том, что поиск знания осуществляется с помощью вопросов. Но здесь идея развернута наоборот: не вопрос определяется тем, какое знание необходимо получить, а возможное знание фильтруется посредством вопросов.

Авторы формулируют Принцип селективного обучения, который гласит:

(ПСО) *Никто не может найти то, чего он не искал.*

Соответственно, вся неизвестная эпистемическому агенту информация должна быть разделена на ту, которая релевантна его исследовательской агенде, и ту, которая нерелевантна. Согласно ПСО, только первая может быть усвоена агентом при встрече с ней, вторая же проигнорируется.

Как доказал Я. Хинтикка [3, р. 55], любой вопрос можно переформулировать в виде закрытого вопроса; а его, в свою очередь, можно переформулировать в виде последовательности бинарных вопросов «Истинно ли, что P ?», где P – некоторая пропозиция. В семантике возможных миров такой вопрос может быть представлен как сечение множества возможных миров на два подмножества, в одном из которых P истинно, а в другом – ложно. Таким образом, каждый вопрос соответствует бинарному отношению \approx^P на мирах, которое выполняется для тех миров, в которых на этот вопрос истинен одинаковый ответ. Всю релевантную для агента a информацию можно тогда представить как его отношение неразличимости

$$\approx_a = \approx^P \cap \approx^{P'} \cap \dots,$$

где пропозиции P, P', \dots являются возможными ответами на вопросы его исследовательской агенды.

Эпистемическая исследовательская модель для группы агентов G задается как кортеж $\mathbf{S} = (S, \rightarrow, \approx, \parallel)$, где S – множество миров, \rightarrow – функция, ставящая в соответствие каждому агенту a отношение эпистемической достижимости на мирах \rightarrow_a, \approx – функция, ставящая в соответствие каждому агенту a отношение неразличимости на мирах \approx_a, \parallel – функция валуации, ставящая в соответствие каждой пропозиции P множество $\parallel P \parallel \subseteq S$.

Условие истинности приписывания знания агенту a формулируется для этой модели так:

$$K_a P := [\rightarrow_a]P,$$

где $[\]$ – функция, переводящая бинарные отношения на мирах в соответствующие модальности Крипке.

Авторами принимается система аксиом, одной из которых является формализованная версия ПСО:

$$K_a P \Rightarrow Q_a P,$$

где Q – модальность искомого знания, определяющаяся как $Q_a P := [\approx_a]P$. Соответствие аксиоматической системы свойствам модели (т.е. метатеоремы для нескольких вариантов аксиоматики) доказано в приложении к статье. Фактически, как пишут авторы, их модель поддерживает даже ограничение

$$K_a P \Rightarrow K_a Q_a P,$$

которое отражает мысль, приписываемую ими Шафферу [Schaffer J. Contrastive knowledge]: знать P означает знать, что P является ответом на один из ваших вопросов.

Общее и распределенное знание определяются для этой модели как

$$CkP := [\rightarrow_{Ck}]P, \text{ где } \rightarrow_{Ck} = \left(\bigcup_{a \in G} \rightarrow_a \right)^+ \quad (CK)$$

и

$$DkP := [\rightarrow_{Dk}]P, \text{ где } \rightarrow_{Dk} = \left(\bigcap_{a \in G} \rightarrow_a \right), \quad (DK)$$

соответственно.

(Символ $+$ в первой формуле означает, что рассматривается транзитивное замыкание заданного отношения достижимости. Это соответствует свойству рефлексивности общего знания: иметь общее знание, что P , означает для каждого из агентов знать, что P , и для каждого из агентов знать, что каждый из агентов знает, что P , и т.д.)

Эпистемический потенциал группы определяется тем, каково «знание, которым члены группы могут совместно обладать (и, таким образом, действовать как группа скоординированным образом), (селективно) узнавая друг от друга всю доступную информацию, имеющую отношение к их собственным проблемам)». Формализацией является понятие потенциального группового знания:

$$GkP := [\rightarrow_{Gk}]P, \text{ где } \rightarrow_{Gk} = \left(\bigcup_{a \in G} \rightarrow_{Dk \approx a} \right)^+. \quad (\text{GK})$$

(Комбинация $\rightarrow_{Dk \approx a}$ представляет собой индивидуальный эпистемический потенциал агента a в группе – распределенное знание, «отфильтрованное» по релевантности для a .)

Характерно, что отношение \rightarrow_{Gk} , как и отношение \rightarrow_{Ck} , транзитивно: иметь потенциальное групповое знание, что P , означает иметь потенциальное групповое знание, что имеется потенциальное групповое знание, что P , и т.д. Иначе говоря, выполняется аксиома $GkP \Rightarrow GkGkP$, даже если для индивидуального агента мы не приписываем $K_aP \Rightarrow K_aK_aP$.

Как показано в статье А. Бэлтага, Р. Бодди и С. Сметс, «релевантно-дистинктивная» версия интеррогативного подхода хорошо объясняет некоторые явления в познавательной практике различных групп и сообществ. Так, из истории науки известно, что научное сообщество склонно не принимать те открытия, которые слабо соответствуют исследовательским запросам, существующим в нем на данном историческом этапе – в качестве примера в статье приводятся астрономические открытия Галилея. С современной точки зрения эти факты выглядят довольно нелепо, однако, согласно ПСО, в них нет ничего удивительного.

Другая сфера приложения «релевантно-дистинктивного» подхода – объяснение так называемого «проклятия комитетов», которое состоит в том, что несколько человек, каждый из которых обладает знаниями в какой-то своей сфере, в группе, при условии свободной коммуникации зачастую действуют так, как действовал бы агент, обладающий меньшим объемом знания, чем сумма индивидуальных объемов членов группы. Понятие потенциального группового знания дает возможность оценить, почему и насколько меньшим будет этот объем.

Из приведенной выше формулы (GK) ясно, что распределенное знание действительно представляет собой максимальный эпистемический потенциал группы – ее потенциал при условии, что для каждого члена группы вся информация, которую он может получить от других ее членов, является релевантной. При таком условии потенциальное групповое знание будет также равняться общему знанию группы после того, как все агенты поделятся друг с другом всей информацией. Если же исследовательские потребности членов группы «ортогональны», потенциальное групповое знание равно начальному общему групповому знанию, т.е. коммуникация между агентами не дает познавательного эффекта.

Резюмируя, понятие потенциального группового знания выглядит как теоретически обоснованная и согласующаяся с данными опыта идеализация, которая обладает интересными логическими свойствами. Она предполагает, что структура исследовательской группы оказывает решающее воздействие на ее эпистемический потенциал. Чем лучше отвечают друг другу исследовательские интересы одних и компетенции других членов группы, тем большего эффекта группа может добиться как целое. Здесь видится обширное поле для теоретизирования в области социальной эпистемологии, а также для применения данных, уже накопленных социальными эпистемологами и социологами науки, в деле проверки выдвинутых общеэпистемологических предположений. Таким образом, «релевантно-дистинктивный» подход способен выступать почвой, на которой теоретические и эмпирические направления, существующие в рамках современной эпистемологии, могут сойтись вместе и послужить на пользу друг другу там, где это возможно.

Литература

1. Baltag A., Boddy R., Smets S. Group Knowledge in Interrogative Epistemology. In: Jaakko Hintikka on Knowledge and Game-Theoretical Semantics. By Hans van Ditmarsch, Gabriel Sandu (eds). Cham, 2018. Pp. 413–431.
2. Hintikka J. Inquiry as Inquiry: A Logic of Scientific Discovery. Dordrecht, Boston, 1999.
3. Hintikka J. Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questioning. New York, 2007.

НАРРАТИВНО-РИТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

Г.В. Сорина

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии языка и коммуникации философского факультета, заместитель декана по научной работе факультета педагогического образования
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail:gsorina@mail.ru*

И.Н. Грифцова

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии
Института социально-гуманитарного образования
Московский педагогический государственный университет
E-mail: in.griftsova@mpgu.su*

В статье анализируется Предисловие к «Структуре научных революций» Т. Куна, обосновывается тезис, что его можно рассматривать как предвосхищающий идеи нарративного поворота в методологии науки, как нарратив, утверждающий идентичность автора по отношению к результатам его научно-исследовательской работы. Кун показывает значение его личной истории для последующего развертывания истории и методологии науки, которая будет представлена затем в новом концептуальном аппарате. Текст Предисловия также намечает линии, по которым формируются проблемы так называемой публичной науки: показывает, как способ подачи научного материала может стать запускающим механизмом для новых идей, в том числе и в другой области научного знания; демонстрирует значение как для развития науки, так и для ее популяризации взаимодействия специалистов из разных научных областей, а также риторики научного педагогического текста.

Ключевые слова: предисловие к «Структуре научных революций» Т. Куна, нарратив, метанарратив, риторика науки, отчуждение, публичная наука, история и методология науки

NARRATIVE-RHETORICAL TURN IN THE HISTORY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

G.V. Sorina

*DSc of Philosophy, Professor at the Department of Language Philosophy and Communication
Deputy Dean of the Faculty of Pedagogical Education
M.V. Lomonosov Moscow State University
E-mail:gsorina@mail.ru*

I.N. Griftsova

*DSc of Philosophy, Head of the Department of Philosophy
Institute of Social and Humanitarian Education
Moscow Pedagogical State University
E-mail: in.griftsova@mpgu.su*

The article analyzes the Preface to the "Structure of Scientific Revolutions" by T. Kuhn. It is shown that it can be viewed as anticipating the ideas of a narrative turn in the methodology of science, as a narrative that affirms the identity of the author in relation to the results of his research work. Kuhn shows the significance of his personal history for the subsequent deployment of the history and methodology of science, which will then be presented in a new conceptual apparatus. The text of the Preface also outlines the lines along which the problems of the so-called public science are formed: it shows how the method of presenting scientific material can become a trigger for new ideas, including in another area of scientific knowledge; demonstrates the importance both for the development of science and for its popularization of the interaction of specialists from different scientific fields, as well as the rhetoric of a scientific pedagogical text.

Keywords: preface to "Structure of Scientific Revolutions" by T. Kuhn, narrative, metanarrative, rhetoric of science, alienation, public science, history and methodology of science

Риторические практики всегда присутствовали в системе научной коммуникации, однако их легитимация произошла только в 20 веке, когда риторика стала официально рассматриваться в качестве инструмента объяснения и интерпретации особенностей научного знания и в качестве инструмента представления методологии науки. Большую роль в придании такого качества риторике придал основатель неориторики Х. Перельман, который, в частности, пересматривает соотношение между риторикой и аргументацией [1]. Отдельное место в этом процессе занимает, на наш взгляд, Т. Кун с его предисловием к знаменитой «Структуре научных революций» [2].

Обычно при описании вклада Т. Куна в методологию науки анализируют его основной концептуальный аппарат, ориентированный на исследование парадигмального знания, особенностей научного сообщества, научных революций и их структур. Мало кто обращает внимание на предисловие к «Структуре научных революций», которое он написал в Беркли, Калифорнии в феврале 1962 года. Между тем именно в предисловии можно увидеть личные установки исследователя. Именно здесь формируется, на наш взгляд, особый нарратив, обращенный к читателю; фактически задается тон по использованию риторических форм в истории и методологии науки [см. подробнее: 3]. Происходит преодоление безличных, неподвижных структур, в которых представлялась наука в рамках позитивистской методологии. В Предисловии Кун вводит своих читателей в проблематику методологии науки через рассказ (нарратив) об основных этапах своей интеллектуальной биографии. Этот рассказ о прошлом, о научной биографии автора оказывается живым и личностно ориентированным. Такой способ изложения является классическим типом нарратива. Прошлое уже отчуждено от автора, и сам автор занимается реконструкцией этого прошлого. Через повествование Кун показывает значение его личной истории для последующего развертывания истории и методологии науки, которая будет представлена затем в новом концептуальном аппарате.

Кун как бы «попадает» в тот образ нарратива, который будет теоретически обоснован позже Й. Брокмейером и Р. Харре [4]. Для них нарратив включает в свой состав особенности организации памяти, идеи «самости» человека, поиска персональной идентичности. Оказывается, что нарратив позволяет вернуть, присвоить себе уже отчужденные от человека воспоминания и формы знания. Мир науки, который начинает представлять Кун, сразу оказывается субъектно, личностно нагруженным; предисловие оказывается психологически нагруженным в стиле классического психологизма [см. подробнее: 5], нарративом, утверждающим идентичность автора по отношению к результатам его научно-исследовательской работы. Об автобиографическом характере своей работы Кун пишет и сам: «Я начал это предисловие с некоторых автобиографических сведений с целью показать, чем я более всего обязан как работам ученых, так и организациям, которые способствовали формированию моего мышления» [6, с. 14].

Предложенное Куном описание личного эмпирического опыта, в отличие от позитивистских установок, не требует эмпирической проверки. По сути, Кун использует идею «метанарратива», которую позже Ж.Ф. Лиотар сформулирует в своей работе «Состояние постмодерна» [7]. Кун, как это и положено в соответствии с установками метанарратива, реконструирует реальные события, а не вымышленные. Но интерпретирует он их по-своему. Кун хочет быть понятым, а для этого легитимирует свою личную историю через нарратив и риторические приемы. Дискурсивный, нарративный поворот в разных областях гуманитарного знания, включая методологию науки, Брокмейер и Харре, другие исследователи связывают с 80-ми годами прошлого века. Однако, на наш взгляд, фактически идею такого поворота можно увидеть уже в 1962 году в куновском предисловии к «Структуре научных революций». И если существует длительная традиция исследования нарратива в литературоведении и лингвистике, то мы предлагаем в своем докладе исследование истоков нарратива в методологии науки.

Текст Предисловия также намечает линии, по которым формируются проблемы так называемой публичной науки. Сама возможность публичной науки самым тесным образом связана с риторикой науки, с ее трактовкой не как чисто внешнего оформления научных идей, но как имманентного свойства науки. Кун отмечает в качестве счастливого обстоятельства то, что он, специализирующийся по теоретической физике аспирант, получил возможность прослушать университетский курс по физике для *неспециалистов*. И это «знакомство со старыми научными теориями», которые ему уже давно были известны [8, с. 6] но которые были изложены теперь на другом языке, понятном для неспециалистов, и стали в результате «другими теориями», позволившими увидеть физику в другом свете, как пишет Кун, «...в корне подорвало некоторые из моих основных представлений о природе науки и причинах ее достижений» [8, с. 6], «Результатом всего этого был решительный поворот в моих планах, касающихся научной карьеры, поворот от физики к истории науки...» [8, с. 7]. Таким образом, способ подачи научного материала может стать запускающим механизмом для новых идей, в том числе и

в другой области научного знания. В Предисловии же Кун отмечает и другую важную для понимания роли риторики науки в популяризации науки и в то же время опять-таки для развития собственно науки (такой своеобразный «круг») ступень в своей научной биографии, как чтение лекций, педагогическую деятельность. Говоря о том, что он в течение десяти лет читал лекции по истории науки, которой ранее никогда систематически не занимался, Кун подчеркивает, что тем не менее, эти идеи, с одной стороны, «служили проблемной структурой большей части курса» [8, с. 10], а с другой, получили свое развитие именно благодаря курсу, за что он благодарит своих студентов. И, наконец, последнее важное замечание из Предисловия касается той роли, которую играет как в развитии науки, так и в ее популяризации взаимодействие специалистов из разных научных областей, междисциплинарность. Кун отмечает, насколько важным для него оказался год, проведенный в 1958/59 гг. в Центре современных исследований в области наук о поведении, состоявшем в основном из специалистов в области социальных наук, в результате чего он «столкнулся с проблемой различия между их сообществом и сообществом ученых-естественников». «Попытки найти источник этого различия привели меня к осознанию роли ... того, что я впоследствии стал называть «парадигмами» [8, с. 11].

Тезисы доклада подготовлены в рамках двух проектов, руководителями которых являются авторы доклада. Проекты выполняются при финансовой поддержке РФФИ:

Г.В. Сориной – проект № 20-011-00710 «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)»,

И.Н. Грифцовой. - проект № 20-011-00937 «Публичная философия: понятие, проблемы, подходы (философско-методологический анализ).

Литература

1. *Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л.* Из книги «Новая риторика. Трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 207–259.
2. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
3. *Сорина Г.В.* Отчужденный характер риторических форм: античность и современная риторика науки // Наука как общественное благо: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавина: В 7 томах. Т. 4. Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. С. 50-54.
4. *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С. 29-42.
5. *Сорина Г.В.* Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». 2013. Т. 3. Вып. 2. URL: <http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t3v2/index.php> (Дата обращения 12.05.2022).
6. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
7. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб: Алетейя, 1998. 160 с.
8. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.

Т. КУН ОБ ИНТУИЦИИ В СТРУКТУРЕ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

О.А. Останина

*Доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии
Вятский государственный университет
E-mail: ostanina125@gmail.com*

В периоды кризисов в развитии науки актуализируются вопросы о предпосылках как науки, так и научной революции. Одним из таких вопросов является вопрос о месте и роли интуиции в научном творчестве. Т. Кун не занимался специальным исследованием интуиции, но в его работах есть положения, раскрывающие как понятие интуиции, так и ее роль в науке. Нередко подход Т. Куна к пониманию процесса выбора научной теории, смены парадигм и функционированию нормальной науки определяется как иррациональный, что, с нашей точки зрения, неверно. Трактовка Т. Куном интуиции вполне рациональна; он стремится вскрыть рациональные основания функционирования

нормальной науки и деятельности научного сообщества, автоматизм проявления которых позволяет говорить о неявном, интуитивном знании. Интуитивное знание формируется через обучение, воспитание будущих членов научного сообщества. Интуиция обеспечивает взаимосвязь контекста открытия и контекста обоснования, противоречие между которым, по Т. Куну, иррелевантно. С интуицией связано решение проблем несоизмеримости парадигм и перевода теорий, выбора между конкурирующими теориями.

Ключевые слова: Т. Кун, интуиция, парадигма, нормальная наука, несоизмеримость, перевод

T. KUHN ON THE INTUITION IN THE STRUCTURE OF SCIENTIFIC REVOLUTIONS

O.A. Ostanina

*DSc of Philosophy, Professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy
Vyatka State University*

E-mail: ostanina125@gmail.com

In times of crises in the development of science, questions about the prerequisites of both science and the scientific revolution are actualized. One of such questions is the question of the place and role of the intuition in the scientific creativity. T. Kuhn was not engaged in a special study of intuition, but his works contain statements that reveal both the concept of intuition and its role in science. Often, T. Kuhn's approach to understanding the process of choosing a scientific theory, changing paradigms and functioning of the normal science is defined as irrational, which, from our point of view, is incorrect. T. Kuhn's interpretation of intuition is quite rational; he aspires to reveal the rational foundations of the functioning of normal science and the activities of the scientific community, the automatism of the manifestation of which allows us to say about implicit, intuitive knowledge. The intuitive knowledge is formed through training, education of future members of the scientific community. Intuition provides the relationship between the context of discovery and the context of justification, the contradiction between which, according to T. Kuhn, is irrelevant. Intuition is associated with solving the problems of incommensurability of paradigms and the translation of theories, the choice between competing theories.

Keywords: T. Kuhn, intuition, paradigm, normal science, incommensurability, translation

Современное общество находится в ситуации глубокой трансформации. Очевидно, что изменения в науке и обществе коррелируют друг с другом. Ситуация в науке может быть охарактеризована как кризисная: возникают новые модели научного исследования, в том числе междисциплинарные и трансдисциплинарные, наука становится технаукой, появляются новые, гибридные, конвергентные, технологии; меняется организация научных исследований и управление ими и т.д. Поэтому не случаен интерес к вопросам о том, что такое наука, как осуществляется научный поиск, какой станет наука. Вопросом, сохраняющим, можно сказать, перманентную актуальность, является вопрос о роли интуиции. О месте интуиции в научном творчестве писали М. Вебер, А. Пуанкаре, ее исследованию посвящены работы В. Асмуса, А. Кармина. Ряд проблем, относящихся к анализу «механизма» интуиции, ее видов, самому процессу интуитивного познания, наконец, понятия интуиции, требуют более основательной разработки.

Т. Куна нередко критиковали за иррационализм и интуитивизм (например, К. Поппер, И. Лакатос) в его описании структуры научных революций, функционировании нормальной науки и научного сообщества. Отвечая своим критикам, Т. Кун формулирует положения, существенные, на наш взгляд, для исследования интуиции и ее роли в научной деятельности. Более того, представляется, что Т. Кун подходит к объяснению и пониманию места интуиции в функционировании и развитии науки рационально.

Во-первых, он говорит не об индивидуальных интуитивных основах, а о проверенных и находящихся в общем ведении научной группы принципах, которые данная группа успешно использует; новички приобщаются к принципам благодаря тренировке [1, с. 241]. Важно обратить внимание на то, что эти принципы могут быть проанализированы, и в рамках парадигмы они выступают как «знание, закрепленное в правилах, законах или критериях идентификации» [1, с. 242], это знание используется на основе применения аналогии, уподобления образцу, то есть парадигме. Интуиция, таким образом, обнаруживает себя в способности правильно увидеть аналогю, в частности, при решении задач-головоломок. Процесс нахождения аналогий, процесс узнавания

может быть произвольным, как бы не контролируемым. Дело не бессознательности данного процесса, а в его автоматизме.

Во-вторых, Т. Кун затрагивает вопрос о роли интуиции при выборе парадигмы. Здесь он обращается к психологическому объяснению, опираясь на исследования Дж. Брунера. Т. Куна интересует связь между стимулом и осознанием ощущения, преобразованием стимула в ощущение. Он подчеркивает, что дело не в стимулах самих по себе: за ними стоят объекты, вещи, не которые возникает определенная реакция, формируется их определенное видение, что имеет значение в том числе и для выживания. Само видение обусловлено воспитанием, образованием, когда члены сообщества учатся видеть похожими одна на другую «ситуации определенного рода». Такая способность узнавания определенных ситуаций обеспечивает адекватную и полную коммуникацию внутри научного сообщества. С другой стороны, научное сообщество готовит свои кадры или кооптирует их соответствующим образом, что обеспечивает intersubjectivity и взаимопонимание, идентичность в определении и решении проблем. Разная подготовка, обучение и воспитание создают предпосылки для непонимания между научными сообществами, для несоизмеримости парадигм, что обусловлено и разными интуитивными установками, которые, повторим, тем не менее, формируются.

Несоизмеримость, по Т. Куну, и это в-третьих, связана с языком, так как в ходе выбора новой парадигмы исследуемые объекты перегруппируются в разные системы, меняется язык. Участники «процесса ломки коммуникации должны осознать друг друга как членов различных языковых сообществ и выступить затем в роли переводчиков с одного языка на другой» [1, с. 254]. Следовательно, проблема несоизмеримости может быть разрешена через перевод, который «представляет собой мощное средство и для убеждения, и для переубеждения, но не всегда удается» [1, с. 255]. В переводе теории с языка одного сообщества/парадигмы на другой язык важны понимание и интуиция. Т. Кун верно замечает, что проблема перевода является не только лингвистической, но и социокультурной, и психологической. С психологической точки зрения, механизмы нервной системы людей, реагирующие на стимулы, являются общими, но они по-разному запрограммированы (воспитанием, обучением); эта общность создает основу для понимания. С социокультурной точки зрения, у людей общая история, общий обыденный, повседневный мир, что также формирует предпосылки для интуитивного понимания и перевода.

Кроме того, в процессе перевода осуществляется переключение гештальта, формируются новые мыслительные схемы [1, с. 257]. Это психологический процесс, но он имеет место в ходе образования. Перевод может обеспечить условия для преобразования работы нервной системы, что становится основой переубеждения.

Идея перевода важна для исследования ситуации смены парадигм, перевод, как полагает Т. Кун, не свойственен нормальной науке, он характерен для кризисных периодов, когда осознается нерелевантность прежних теорий, способов познания и картины мира и идет поиск новых объясняющих или описывающих моделей и способов исследовательской работы. Например, такого рода ситуацию переживают современные социально-гуманитарные науки – социология, политология, экономические науки и др.; можно в качестве примера рассмотреть, как осуществлялся перевод формационного подхода в исторической науке на язык цивилизационного подхода.

В-четвертых, для превращения неявного знания в явное нужна теория, с помощью которой можно узнать, как стимул преобразуется в ощущение, иначе говоря, как получается, что в опыте мы видим это, а не другое. Теория определяет и объясняет, что мы делаем научным фактом, что именно мы фиксируем в явлении, вещи как результат опыта и почему какие-то данные просто не замечаем. Знание теории мы также приобретаем в процессе образования (и упражнений, решая задачи определенного типа). Здесь уже речь идет о функционировании нормальной науки, а не об обнаружении аномалий и возникновении кризиса.

В-пятых, Т. Кун указывает на то, что эффективное решение о выборе теории дает именно сообщество, а не его индивидуальные члены. «Нет никакого нейтрального алгоритма для выбора теории» [1, с. 251], который бы мог привести отдельного представителя научного сообщества к правильному решению в отношении выбора теории. Чтобы понять, почему наука развивается, нужно «уяснить способ, посредством которого специфическая система общепринятых ценностей взаимодействует со специфическими опытными данными...» [1, с. 251]. Критерии выбора, очевидно, работают как ценности, интуитивно [см.: 2, с. 71-72] и, добавим, в коммуникации. Ценности, в свою очередь, усваиваются из опыта и эволюционируют вместе с ним.

В-шестых, место интуиции определяется и в контексте решения проблемы соотношения субъективного и объективного в науке, или в проблеме соотношения контекста открытия и контекста

обоснования. Согласно Т. Куну, данные контексты взаимосвязаны, в том числе благодаря интуиции. Причем интуиция не трактуется как некое озарение или прямое усмотрение, это, скорее, неявное знание правил, ценностей, критериев, способность к аналогии и узнаванию определенных ситуаций в соответствии с регулятивными принципами.

Таким образом, в теории развития науки Т. Куна интуиция представлена на всех ее этапах: в нормальной науке интуиция проявляется в следовании научного сообщества определенным принципам; в период научной революции, когда меняется парадигма и осуществляется выбор теории, методов, видения мира; в контекстах открытия и обоснования. Интуиция может быть объяснена и с психологической, и с социокультурной точек зрения, наиболее же существенную роль в ее формировании и трансформации играет образование.

Возникает вопрос, чем вызвано внимание Т. Куна к интуиции и неявному знанию. Напомним, что в это же время – 50-70-е годы XX века – в США разрабатываются идеи социальной феноменологии, социального конструирования реальности/конструирования социальной реальности, в аналитической философии осуществляется поворот к исследованию речевых актов и взаимосвязи сознания и языка. Тематика исследований разная, но проблематика близкая, что неслучайно. Наверное, можно согласиться с С. Фуллером, который пишет о том, что идеи Т. Куна складывались в определенный исторический период («холодной волны») и выполняли идеологическую функцию, хотя и в специфической форме [3].

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Издательство «Прогресс», 1975. 288 с.
2. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. М.: «Логос», 1996. С. 61-82.
3. Фуллер С. Кун против Поппера: Борьба за душу науки / пер. с англ. Целищева В.В. М.: Канон+РООИ»Реабилитация», 2020. 272 с.

ФИЛОСОФСКАЯ РИТОРИКА: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВАЦИИ И СУБЪЕКТНОСТИ*

Н.Ю. Козлова

*Кандидат философских наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su*

Развитие публичной философии закономерно упирается в проблему артикуляции, а именно в поиск и анализ таких риторических форм, которые бы соответствовали специфике философского знания – его особой концептуальной сложности и неоднозначности. Проблема субъективации и субъектности, в свою очередь, лежит в основе данного поиска, актуализируя этическое измерение публичной философии: сообщение философского знания отличается особым грузом ответственности. Передача философского знания проблематизируется в античности в рамках дискуссий об истине, знании и субъективности и путях обретения добродетели. В контексте противостояния риторического и философского дискурсов рассматривается идеи «заботы о душе» и самопознания. Со ссылкой на точки зрения Цицерона и М. Фуко рассматривается возможность философской риторики, оформляющейся техникой парресии.

Ключевые слова: публичная философия, философская риторика, парресия, субъективация, субъектность, античность

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00937.

RHETORIC OF PHILOSOPHY: THE PROBLEM OF SUBJECTIFICATION AND SUBJECTIVITY

N.Yu. Kozlova

CSc in Philosophy, Associate Professor

Moscow Pedagogical State University

E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su

The development of public philosophy naturally rests on the problem of articulation, namely, on the search and analysis of such rhetorical forms that would correspond to the specifics of philosophical knowledge - its special conceptual complexity and ambiguity. The problem of subjectivity, in turn, underlies this search, actualizing the ethical dimension of public philosophy: the message of philosophical knowledge is distinguished by a special burden of responsibility. The transfer of philosophical knowledge is problematized in antiquity in the framework of discussions about truth, knowledge and subjectivity and ways to acquire virtue. In the context of the confrontation between rhetorical and philosophical discourses, the ideas of "care for the soul" and self-knowledge are considered. With reference to the points of view of Cicero and M. Foucault, the possibility of philosophical rhetoric, which takes shape in the technique of parrhesia, is considered.

Keywords: public philosophy, rhetoric of philosophy, parrhesia, subjectification, subjectivity, antiquity

Одной из важных проблем публичной философии является поиск риторических форм. Очевидно, что философское знание, характеризующееся особой концептуальной сложностью и неоднозначностью, оказывается более требовательным к форме своей передачи, чем, например, естественнонаучное, популяризация которого успешно проводится различными путями метафорической концептуализации. Данная требовательность обусловлена, прежде всего, этическим измерением философии. Последствия сообщения философского знания и естественнонаучного различны по своей сути: первые в идеальном случае преобразуют мышление и мировоззрение человека на глубинном уровне, вторые – расширяют представления о возможностях науки и ее вкладе в повседневную жизнь общества. Соответственно, груз ответственности, лежащий на публичном философе и, например, публичном биологе так же различен, поскольку, если не каждый поклонник биотехнологий ринется строить домашнюю лабораторию и проводить эксперименты, то каждый участник философского диалога своей практикой мышления и действия так или иначе влияет на социальный климат.

Проблема субъективации и субъектности в контексте публичной философии – того, как протекает интериоризация философского знания, в итоге трансформируя «способ быть» познающего субъекта – стоит у истоков поиска эффективных форм философской риторики. Естественно, данная проблема восходит своими корнями к античности, в которой через противопоставление риторической и философской традиций актуализируется ее этическое измерение.

Лейтмотивом, пронизывающим античные познавательные стратегии, являются размышления о необходимости «заботы о душе» как главном условии добродетельной жизни [1, 2]. «Забота о душе», к которой упорно призывает Сократ, заключается в ежедневном интеллектуальном и философском усилии – чутком анализе субъектом своей мыслительной практики и стремлении к познанию самого себя – в результате которого человек обретает власть над собой и своей жизнью. Сутью риторики, с точки зрения сократо-платоновского идеализма, является лесть и угодничество [1]: красноречие целенаправленно лишает человека истинного знания, вселяя ложные убеждения в чем-либо без анализа сути вещей и явлений. По этой причине считалось, риторика мешает человеку заниматься самопознанием, а значит, делает практически невозможным для него обретение добродетели. Вопрос об этике высказывания знания, таким образом, оказывается в основе размежевания риторики и философии.

Цицерон, активно выступавший против риторико-философского конфликта, обращает внимание на то, что философское знание не может обходиться без риторической формы, так же как и эстетика слога оборачивается «пустым звоном фраз», если ее исток не связан с философским познанием – истина, если она не может быть «хорошо сказана», бессильна и обречена на бесплодное существование [3]. Преобразование способа бытия субъекта – цель философского наставничества – оказывается недостижимым вне учета проблем коммуникации и артикуляции философского знания. Намечается

возможность смягчения противостояния риторического и философского дискурсов: философская речь, не заботящаяся о форме, не раскрывает своего этического измерения и тем самым теряет свою функциональность – возникает философская риторика.

М. Фуко, рассматривая античную практику философского наставничества, отмечает, что между учителем, сообщавшим истину, и его учеником устанавливались определенные личностные отношения, выступавшие необходимым условием для передачи-субъективации знания и оформлявшиеся техникой парресии («свободного слова»). Данная техника характеризовалась тремя основными принципами: а) парресия противоположна лести, «мешающей человеку узнать себя таким, как он есть» [4, с. 406], главной целью сообщения истины является трансформация ученика в независимый субъект истинной речи [4, с. 406], обретший знание себя, а потому самостоятельный в установлении собственного отношения к себе, удовлетворяющего именно его; важно подчеркнуть необходимое посредничество честного, прямо высказывающего самую неприглядную истину учителя-парресиаста в развивающемся психоаналитическом диалоге ученика с самим собой – философская речь только тогда считается парресией, когда она вторгается в привычное для ученика бытие и нарушает его [5]; при этом парресия избегает риторических уловок вроде искусственной красоты и «полноты слога», позволяющих незаметно завладеть вниманием слушающего и корыстно им манипулировать [4]; б) сообщение истины характеризуется тактичностью – чутким наблюдением за учеником, проявляющимся не только в выборе языковой формы, но и в анализе его духовного и интеллектуального состояния, готовности к субъективации нового знания и трансформации своего «способа бытия» (изменению субъектности); в) принцип «свободного слова» означает безусловную искренность сообщаемого знания, проявляющуюся в том, что его идеи не расходятся с реальностью – наставник своей практикой и образом жизни манифестирует провозглашаемую истину [4, 5].

Подобный взгляд на взаимоотношения наставника и ученика фактически отождествляет сообщение философского знания с искусством. Неслучайно парресия считается «техникой» – способностью, умением выбирать среди «истинных познаний то, что полезно, что помогает в работе с учеником... что нужно для преобразования, воспитания, выздоровления субъекта» [4, с. 269]. Необходимо отметить, что «искусство» философской речи во многом разделяет принципы риторического искусства – например, сконцентрированности на объекте речи, что подразумевает учет его психологических и социальных особенностей, обстоятельств и контекстов при сообщении знания. По сути, оба «искусства» подразумевают манипуляцию сознанием слушающего. Однако если целью философии является побуждение объекта речи к осознанному мышлению, то в случае риторики – наоборот, объект речи не должен отдавать себе отчета в своих мыслях, чувствах и поведении.

Парресия оформляет определенную взаимосвязь знания и субъективности, субъективации и субъектности. Сообщение философской истины, в результате которого происходит интеллектуальное и духовное преобразование слушающего, естественным образом отражается и на самом субъекте истинной философской речи. Чуткое наблюдение за воспринимающим философское знание, отслеживание подходящего для субъективации знания момента и эффективной языковой формы могли означать пересмотр, переоткрытие сообщаемой истины, что означало трансформацию «способа бытия» сообщавшего истину. К тому же парресия всегда оборачивалась риском для бравшего «свободное слово» [5]: сколько бы на словах ни чтилась истина и стремление к добродетели, последствия ее высказывания, как показывает историческая практика, довольно трагичны (например, опыт Сократа). Парресия, таким образом, выступает «нериторично» риторическим принципом, методологическим и этическим условием духовного преобразования субъекта.

Литература

1. Платон. Диалоги. Книга первая и вторая / Платон; Пер. с древнегреч. М.С. Соловьева, С.А. Ошерова, С.А. Ананьина и др.; вступит статья А.Ф. Лосева; примеч. к диалогам А.А. Тахо-Годи. М.: Эксмо, 2008.
2. Наедине с собой / Сенека, Марк Аврелий; пер. с лат. С. Ошерова; пер. с греч. С. Роговина. 2-е изд. М.: Манн, Иванов Фербер, 2016. 432 с.
3. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве // Под редакцией М. Л. Гаспарова. Москва, Издательство «Наука», 1972. [Электронный ресурс]. URL: (<http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423777001#11>) (дата обращения: 18.04.2021)
4. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.

5. Фуко М. Управление собой и другими: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: Наука, 2011. 431 с.

РИТОРИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

О.В. Малиукова

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: o.maliukova@list.ru*

Современная наука прошла длинный путь от идеального представления о некоем бескорыстном ученом, занятым поиском объективной истины, до более реалистичного представления о том, что научная деятельность и ее результат в виде научной теории находятся под влиянием сложной системы отношений внутри научного сообщества. Следствием подобных взаимоотношений становятся серьезные разногласия между отдельными учеными и научными школами, доходящие до уровня соперничества. Причина соперничества – это появление нового знания. Сама наука породила целую совокупность факторов неприятия нового. Например, временной фактор или фактор сложности.

Бюрократизация науки является еще одним фактором неприятия нового. Сама организация науки, т.е. запутанное соподчинение степеней, званий и чинов как нельзя лучше приспособлена для полного неприятия великих открытий и новых положений. В большинстве случаев натиск на новое положение ведется далеко не научными методами. Традиционно эти методы называются риторическими, не потому что риторика не считается наукой, а потому что именно риторика эти методы изучает. Современная риторика основана на двух фундаментальных конструкциях, а именно, на монологе и диалоге. В статье раскрываются риторические методы ведения современного научного диалога.

Ключевые слова: аргументация, научная дискуссия, аргументационные нормы, уловки в споре, софистика

RHETORICAL ARGUMENTATION IN SCIENTIFIC DISCUSSION

O.V. Maliukova

*DSc of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Sociology
Kutafin Moscow State Law University
E-mail: o.maliukova@list.ru*

Modern science has come a long way from the ideal notion of some disinterested scientist engaged in the search for objective truth to a more realistic notion that scientific activity and its result in the form of a scientific theory are influenced by a complex system of relations within the scientific community. The consequence of such relationships are serious disagreements between individual scientists and scientific schools, reaching the level of rivalry. The reason for the rivalry is the emergence of new knowledge. Science itself has given rise to a whole set of factors of rejection of the new. For example, the time factor or the complexity factor. The bureaucratization of science is another factor in the rejection of the new. The very organization of science, i.e. the intricate subordination of degrees, titles and ranks is the best suited for the complete rejection of great discoveries and new positions. In most cases, the onslaught on a new position is carried out by far from scientific methods. Traditionally, these methods are called rhetorical, not because rhetoric is not considered a science, but because it is rhetoric that studies these methods. Modern rhetoric is based on two fundamental constructions, namely monologue and dialogue. The article reveals rhetorical methods of modern scientific dialogue.

Keywords: argumentation, scientific discussion, argumentation norms, tricks in dispute, sophistry

Современная наука прошла длинный путь от идеального представления о некоем бескорыстном ученом, занятым поиском объективной истины, до более реалистичного представления о том, что научная деятельность и ее результат в виде научной теории находятся под влиянием сложной системы отношений внутри научного сообщества. Следствием подобных взаимоотношений становятся серьезные разногласия между отдельными учеными и научными школами, доходящие до уровня соперничества. В большинстве случаев разногласия носят научный характер, т.е. связаны с недостатками теории, но, и таких немало, разногласия возникают и по причинам, не имеющим ничего общего с самой наукой и ее проблематикой. Например, разногласия могут возникать по причине соответствующей методологии, или принадлежности научной школы к определенной профессиональной организации или стране, что накладывает ограничения на интерпретацию фактов или включение фактов в поле рассмотрения. По мнению Энтони Хэллема, высказанному им в книге «Великие геологические споры»: «Если согласиться с тем, что важной стороной научной деятельности являются критическая оценка и проверка концептуальных моделей, то к спорам следует отнести как к неотъемлемой части этой деятельности; что же касается манеры ведения подобных споров каждым отдельным ученым, то она во многом зависит от его склонностей и темперамента» [5. с.5]. Для подтверждения важности аргументационной составляющей научной деятельности Хэллем ссылается на мнение одного из основоположников геологии Джеймса Геттона, который в 1795 году в трактате с сомнительным названием «Теория Земли» писал: «Теория, основанная на новом принципе, теория, вынужденная завоевывать себе признание, опровергая общепринятые мнения теоретизирующих ученых, и тот, кто в качестве ее рекомендации может указать лишь на точность исходных принципов..., неизбежно сталкиваются с сильнейшей оппозицией, вызванной предубеждениями ученых и предрассудками тех, мнение которых формируется не в соответствии с собственными суждениями, а с оглядкой на авторитет людей науки. Поэтому, чтобы завоевать общественное признание, теории мало быть правдоподобной или даже безупречной; скорее всего, потребуется отстаивать каждый из ее пунктов, объявляемый другими теоретиками несостоятельным, и показывать ошибочность каждого возражения, которое может быть выдвинуто против нее. В ходе развития науки истина и заблуждение вынуждены, таким образом, сражаться друг с другом; и лишь в той мере, в какой наука изживает ложные концепции, которые также заключены в самой природе человеческого знания, в естественных науках утверждается истина» [5. с.7].

Классический научный спор, вне зависимости от того, реализуется ли он в форме дебатов, дискуссии, диспута или полемики, имеет вполне определенный вид. Это подтверждение (доказательство) или опровержение (критика) основного тезиса, или аргументов, или демонстрации. Самым распространенным видом аргументации можно считать приведение опровергающего примера [2. с.81-83].

Предметом классического научного спора чаще всего становятся научные открытия. Все, что мы знаем сегодня об устройстве окружающего нас мира, когда-то кем-то было открыто. Были открыты отдельные объекты макро- и микромира, были объяснены явления природы, были открыты, наконец, законы, управляющие материей.

История научных открытий и их внедрений всегда драматична и эмоциональна. Как же воспринимаются открытия в науке? Оказывается, почти всегда без радостного энтузиазма, поскольку, чем крупнее открытие, тем сложнее его влияние на дальнейший прогресс науки. Как известно, наука развивается неравномерно во времени: есть отдельные периоды более интенсивного прорыва в неизвестность (научные революции) и периоды менее интенсивного развития, когда наука наращивает новое знание эволюционным путем, когда в науке существует некая ключевая идея, определяющая направленность развития науки, ее тренд. Томас Кун и выделил этот своеобразный инвариант и назвал его парадигмой, символом эволюционных отрезков развития науки. Смена парадигмы представляет собой достаточно редкое явление. С появлением эволюционной теории Чарльза Дарвина в 1859 г. произошла смена парадигмы в биологии. Рождение квантовой теории привело к смене физической парадигмы. А, например, открытие периодического закона химических элементов парадигму науки не пошатнул. Не дрогнула и парадигма физики, когда была открыта радиоактивность.

Смена парадигмы взрывает годами складывавшееся здание науки. Сторонников нового пока мало. Приверженцев же старых истин – большинство. Это, как правило, влиятельные силы, занимающие ключевые посты в науке, кафедры в университетах, лаборатории в академических институтах. У них, чаще всего, уже нет ни сил, ни желания осваивать новое, ибо они прекрасно понимают, что на их жизнь хватит и старых истин.

Сама наука породила целую совокупность факторов неприятия нового. Например, временной фактор или фактор сложности. Наука в среднем должна дозреть до понимания нового. Крупное фундаментальное открытие всегда резко опережает основной фронт развития науки. Именно по этой причине его и не понимают и не принимают.

Бюрократизация науки является еще одним фактором неприятия нового. Сама организация науки, т.е. запутанное соподчинение степеней, званий и чинов как нельзя лучше приспособлена для полного неприятия великих открытий. Большой чиновник от науки, обремененный к тому же академическим званием, никогда, ни под каким видом не допустит инакомыслия в своей вотчине.

В большинстве случаев натиск на новое положение ведется далеко не научными методами. Традиционно эти методы называются риторическими, не потому что риторика не считается наукой, а потому что именно риторика эти методы изучает. Современная риторика основана на двух фундаментальных конструкциях, а именно, на монологе и диалоге. Монологическая конструкция представлена классическим риторическим каноном, который состоял и поныне состоит из пяти частей – это инвенция, диспозиция, элокуция, мемория и акция. Вторая или диалогическая конструкция – это межличностная коммуникация, которая представляет собой различные виды споров, а именно, диспут, дискуссию, полемику, дебаты и т.д.

Диалогическая (в форме диалога) риторическая конструкция может быть рассмотрена, хотя это и не исчерпывает ее содержание, как совокупность различных приемов, методов и уловок, которые используются в процессах аргументации или спора. Аргументационные уловки делятся на допустимые (оттягивание возражения, перекладывание бремени доказательства на противника, возвратный удар, обоснование вразброс и анти-довод) и недопустимые (уловки, основанные на нарушении логических правил аргументации, уловки, основанные на нарушении коммуникативных правил дискуссии). Все эти уловки действуют на самом поле дискуссии, т.е. внутри дискуссионной площадки. Особняком стоят так называемые уловки апеллирования, которые выводят спор за пределы его содержания. Большинство этих аргументационных приемов известны с античных времен и хорошо описаны в любом пособии по риторике. В совокупности они представляют собой софистические приемы ведения дискуссии, ставят своей целью победу в споре и, чаще всего, не используют логические методы доказательства, а базируются на убедительности и на заведомом обмане оппонента и публики. Собственно говоря, риторика, лишённая логики, становится софистикой. Именно появление логики в античности положило конец софистическому «беспределу» в области судопроизводства [3]. Теоретическое обоснование этих уловок обычно оказывается ничтожным, т.е. они не базируются на некоем философском или общенаучном знании. Попытки построения строгого доказательства не фигурируют в риторическом знании.

Использование риторических приемов, допустимых и недопустимых, в научном споре стало широко распространенной практикой. Объявление оппонента еретиком, несведущим человеком, врагом народа, предателем приносило и приносит хорошие результаты. Например, в XVIII веке дискуссии в Академии наук Российской империи, кстати, по инициативе М.В. Ломоносова, часто заканчивались драками, оскорблениями и арестами. Основным противником М.В. Ломоносова в ряде дискуссий являлся немецкий ученый Август Шлецер, претендент на создание русской истории [4, с. 532]. Эти события подробно описаны С.М. Соловьевым в его «Истории России», ведь, в конечном счете, М.В. Ломоносов оказался победителем: количество немецких ученых в Академии наук стало сокращаться, хотя, неясно, пошло ли это на пользу самой науке.

В Советский период было распространено явление т.н. «пролетарской» или идеологизированной науки. В условиях постоянных трудностей в сельском хозяйстве и агропромышленных реформ основным объектом идеологизации оказалась генетика в противостоянии с мичуринской биологией Т.Д. Лысенко.

История «разгрома генетики» хорошо изучена и освещена в литературе. Как известно,

31 июля - 7 августа 1948 года происходила сессия ВАСХНИЛ, на которой большинство докладчиков поддержали сомнительные биологические взгляды Т. Д. Лысенко и указали на практические успехи лысенковцев, что можно легко объяснить опасениями палочных аргументов. Ошибочные взгляды Лысенко на генетику, а также политизированные высказывания в адрес оппонентов существенно затормозили развитие отечественной биологии.

Сессия ВАСХНИЛ проходила по сценарию игры во внутривластную демократию, которая была внедрена во многие сферы жизни советского общества того времени. Это игра в партийный съезд и демократический централизм. Последовательность действий выстраивалась следующим образом:

- Решение избранного представительного органа имело намного больший вес, чем индивидуальное мнение;

- Фракции, оппозиция, дискуссии были разрешены лишь до финального голосования;
- Финальное голосование делало дальнейшие споры запрещенными.

Будучи примененным к биологии, сценарий дал «отличные» результаты. По аналогичному сценарию 21–25 июня 1948 года в Москве было проведено Всесоюзное Собрание по логике с аналогичными результатами [1]. Готовилось подобное совещание и по физике, однако интересы обороноспособности страны оказались важнее сомнительных внутринаучных разногласий.

Литература

1. *Анисов А.М., Малюкова О.В.* Становление отечественной логики: дискурсы и судьбы. М.: РГ-Пресс, 2019. 672 с.
2. *Малюкова О.В.* Становление риторики науки. *Argumentum ad decretorium experimentum.* В сб.: История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавина, Т.Д. Соколовой, Н.С. Автономовой, И.Н. Грифцовой, М.С. Киселевой, И.Д. Невважая, И.Е. Сироткиной, Г.В. Сориной, Л.Б. Сукиной: В 6 томах. Т. 5. [Электронный ресурс]. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2018. 130 с.
3. *Пономарев Д.Е.* Право и рациональность: у истоков юридического мышления // Российский юридический журнал. 2020. №3.
4. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Том 22 // Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1963. Книга 9. 532 с.
5. *Хэллем Э.* Великие геологические споры / Пер. с англ. М.: Мир, 1985. 216 с.

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ: РЕЧЕВОЙ ДЕФЕКТ ИЛИ ПРОДУКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Е.Б. Кузина

Кандидат философских наук, доцент кафедры логики

МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: elenakuzina@yandex.ru

Двусмысленность – это такое построение языкового выражения, обусловленное обычно лексическими и стилистическими его особенностями, которое дает возможность истолковать это выражение двояко. В реальной речевой коммуникации сами по себе речевые погрешности редко порождают двусмысленность. Они лишь дают потенциальную возможность альтернативного выбора интерпретации. Двусмысленность в большей степени можно считать продуктом понимания фразы. Содержащийся в предложении потенциал двусмысленности актуализируется, а часто намеренно порождается интерпретатором, когда тот привлекает внимание к неопределенности значения слова или прочтения фразы. Понимание текста или устной речи определяется, с одной стороны, индивидуальными знаниями, интересами, ценностями интерпретатора. А с другой стороны – его чувством языка, тем, насколько многогранен для него общепринятый в данное время смысл выражения, и тем, насколько точно интерпретатор способен выбрать нужную ему грань.

Ключевые слова: понимание смысла, контекст, двусмысленность, интерпретатор, речевые ошибки, языковая игра

AMBIGUITY: A SPEECH DEFECT OR THE PRODUCT OF INTERPRETATION

E.B. Kuzina

CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Logic

Lomonosov Moscow State University

E-mail: elenakuzina@yandex.ru

Ambiguity is such a construction of a linguistic expression, usually due to its lexical and stylistic features, which makes it possible to interpret this expression in two ways. In real speech communication, speech errors themselves rarely generate ambiguity. They only provide a potential alternative choice of interpretation. Ambiguity to a greater extent can be considered a product of understanding the phrase. The potential of ambiguity contained in a sentence is

actualized, and often intentionally generated by the interpreter when he draws attention to the uncertainty of the meaning of a word or the reading of a phrase. The understanding of a text or oral speech is determined, on the one hand, by the individual knowledge, interests, and values of the interpreter. And on the other hand, his sense of language, how multifaceted the currently accepted meaning of expression is for him, and how accurately he is able to choose the face he needs.

Keywords: understanding of meaning, context, ambiguity, interpreter, speech errors, language game

Двусмысленностью (многосмысленностью) обычно называют такое свойство фразы, когда ее можно истолковать по-разному. Такое понятие двусмысленности, на мой взгляд, связывает ее главным образом с объективной характеристикой некоторых языковых выражений (предложений), и весьма незначительно – с адресатом, истолкователем этого выражения. Поэтому более адекватным определением двусмысленности мне представляется следующее: двусмысленность – это «семантический эффект, порождаемый определенными текстовыми характеристиками, которые допускают одновременно несколько равноправных интерпретаций, позволяя реципиенту сделать выбор в пользу одной из них» [См. 3, с. 25].

При восприятии языковых конструкций, которые называют двусмысленными, сначала кажется, что слово или предложение в целом имеет один смысл, но потом адресат понимает, что смысл может быть совсем другим. Например, телевизионную рекламу мази «Капсикам», которую я слышала, и которая на интернет-сайте написана буквально так: «Болят мышцы, а ты скажи боли нет» – я воспринимала как рекомендацию сказать себе для самовнушения, что боли нет, но потом склонилась к интерпретации, что говорить нужно просто «нет», и не себе, а боли. Конечно, в грамотной записи этот рекламный слоган не несет потенциала двусмысленности, но будучи предназначенным для восприятия на слух, он не может быть интерпретирован однозначно.

Такой семантический эффект двусмысленности может быть вызван очень многими причинами, причем часто различающимися в устной речи и в тексте. Эти причины, несколько огрублено, можно разделить на две группы: лексические, связанные, прежде всего, с полисемией, которая существует в любом естественном языке, и стилистические, обусловленные выбором слов и способом конструирования из них фраз, иначе говоря, использованием языка.

Для пояснения этих приемов порождения двусмысленности текста приведу два примера высказываний известного ратора современной Украины, мэра Киева В. Кличко, которые трудно понять однозначно: «*Я не разбрасываюсь словами: мне потом их трудно подбирать...*» Эта двусмысленность, очевидно, порождена полисемией слова «подбирать». А вот – двусмысленность, возникшая по причине синтаксической (стилистической) некорректности: «Когда был ребенком, я мечтал стать футболистом. Но видимо, у меня пытались забрать мяч некоторыми неспортивными способами. Потому и стал боксером». Непонятно, стал ли Кличко боксером, потому, что не получилось стать футболистом, или он стал боксером, чтобы впредь уметь давать отпор тем, кто попытается воздействовать на него неспортивными способами [См. 4]. Такого же рода двусмысленности в изобилии встречаются в речах В. С. Черномырдина («Наш народ будет жить плохо, но не долго», «Правительство — не тот орган, где, как говорят, можно одним только языком») [См. 5]. Считается, что причиной такой речи Виктора Степановича является чрезмерная сокращенность ее, своеобразная энтимематичность, приводящая к существенным смысловым пропускам, что, естественно, дает возможность трактовать его высказывания как двусмысленные.

Однако речевые погрешности – как лексические, так и стилистические – сами по себе редко порождают двусмысленность. Они лишь дают потенциальную возможность альтернативного выбора интерпретации. Существуют точка зрения, что вообще все сложные языковые выражения (предложения и группы предложений) содержат потенциал двусмысленности, всегда имеется возможность их множественной интерпретации. Однако этот потенциал далеко не всегда реализуется (даже при желании любителей языковой игры), потому что в большинстве случаев многозначность слов и неясность построения предложения нивелируется контекстом, здравым смыслом интерпретатора, его «чувством языка».

Например, синтаксис (построение) предложения: «Он пошел жарить шашлык в сад и сжег его» дает все основания считать предложение двусмысленным – человек сжег шашлык или сад – однако можно все-таки считать, что большинство склонится к интерпретации, что сожжен был шашлык, а сад остался цел.

Двусмысленность можно считать продуктом понимания фразы не менее, чем порожденной построением этой фразы или использованием в ней неоднозначных слов. Потенциал двусмысленности актуализируется, а часто намеренно порождается интерпретатором, когда он привлекает внимание к неопределенности значения слова и недостаточности контекста для устранения этой неопределенности. Ведь тот, кто подмечает и высвечивает игру смыслов, считается человеком остроумным, с высокоразвитым чувством языка. С другой стороны, потенциал двусмысленности языкового выражения может намеренно использовать его автор как креативный риторический прием для привлечения внимания, оживления коммуникации, для эстетики речи и просто для развлечения.

Интересно отметить, что двусмысленность некоторых контекстов временна и ситуативна. Многие шутки и анекдоты, построенные на двусмысленности, непонятны представителям другой культуры, равно как они становятся непонятными новому поколению, у которого уже нет тех, прежних фоновых знаний, которые и определяют интерпретацию текста. Вся социальная реальность, фоновые знания, ценности, интересы предыдущего поколения позволяли интерпретировать используемые в тексте выражения так, что в них виделась двусмысленность, что и порождало комический эффект, а когда все это изменилось, ушли и те смыслы, которые были интересны и юмористичны. Два примера анекдотов, которые в свое время воспринимались как содержащие двусмысленности, а сейчас в нашей стране их мало кто поймет, мало, кто увидит эту двусмысленность (в других странах они, вероятно, не были понятны и прежде).

(1) – Что унаследовала Германия от Маркса?

– Восточная – коммунистический манифест, западная – капитал.

(2) – Правда ли, что после ввода советских войск в Чехословакии наступил коммунизм?

– Правда. Электрификация в Чехословакии осуществлена уже давно.

Придерживаясь точки зрения, что двусмысленность языкового выражения – это во многом продукт его понимания, его интерпретации, коснемся вопроса о понимании речи, а вместе с тем и о том, отчего одни люди готовы подмечать двусмысленность чуть ли не в каждом пятом предложении, а другие ее не видят совсем.

Как, наверное, многие логики, я отождествляю понимание языкового выражения с интерпретацией этого выражения, а интерпретацией называю придание ему смысла. Естественный язык формировался так, что его слова предназначались, прежде всего, для называния, обозначения предметов, явлений, событий, действий – для них первичны денотаты, а не смыслы. Можно также сказать, что выражения естественного языка связаны со значениями часто напрямую, а не посредством смыслов. Формирование, а затем и фиксация смыслов выражений естественных языков осуществляется в процессе их использования, в процессе функционирования языка. Естественно, что эти смыслы всегда остаются не вполне определенными, такими, что предполагают их декодирование или Сотворение адресатом (совместное с автором творение).

В этом – отличие их от знаков языков искусственных, и прежде всего, формализованных языков, где при построении языка явно и строго задаются смыслы всех допустимых (если скаламбурить – «осмысленных») выражений. В естественном языке люди, склонные к «осмыслению», к сотворению смыслов более или менее свободны в этом творчестве. Таким путем естественный, неточный язык развивается в направлении уточнения смыслов его слов и сложных выражений. И этот процесс никогда не может закончиться. Носители языка и пользователи всегда будут видеть необходимость и возможность уточнения смысла употребляемых выражений.

Интерпретация выражений языка, конечно, во многом определяется тем смыслом слов и предложений в целом, который на данный момент считается принятым в сообществе носителей языка. Часто этот смысл очень многогранен, а по существу – не совсем определен. В каждом конкретном случае понимания выражения языка из всего его богатого общепринятого смысла интерпретатор берет некоторую часть, которую считает в данном контексте важной, а «в еще большей степени с тем, что представляется ему «возможным»» [См. 1, с.140]. То, какая часть общепринятого смысла будет определять понимание этого выражения, зависит от знаний интерпретатора, его интересов, от того, какая информация представляется ему важной. Иначе говоря, интерпретация (понимание) выражения во многом личностна и субъективна. Вероятно, можно говорить о личном контексте понимания. У разных людей, даже живущих в одной культуре, в одно время, получившими одинаковое образование, контексты понимания не могут быть одинаковыми. Но именно в эти личные контексты человек вписывает новую информацию, ими определяется интерпретация вновь поступающей информации [2, с. 52-53].

Например, название водки «Зимняя дорога», вызывает у многих людей (думаю, и у автора этого названия водки) ассоциации с заснеженным полем, лошадью,пряженной в возок, или подобной

элегической картиной. А городской житель, пользующийся машиной, рассматривает такое название как черный юмор, потому что для него зимняя дорога – это, прежде всего, – опасность даже для трезвого водителя, водка же с зимней дорогой абсолютно не совместима.

Вернемся к вопросу: чем объяснить, что одни люди готовы подмечать двусмысленность всюду, а другие ее не видят нигде. Это зависит, прежде всего, от широты того, что было названо выше личным контекстом понимания. Чем обширнее знания человека вообще, и в области знаний богатства смыслов выражения родного языка, а также, чем более он склонен к творчеству, тем более он способен подмечать и порождать двусмысленности. Может быть, стоит сказать проще: чем лучше человек владеет языком, тем богаче смысл, который он может вложить в слово или предложение и тем больше у него возможностей обнаружить ту грань, тот оттенок смысла, который можно обыграть.

В жизни естественного языка процесс двусмысленных интерпретаций никогда не завершится, и никогда не переведутся люди, которые готовы видеть двусмысленность почти в любом выражении, иначе говоря, намеренно порождать двусмысленности. Так они способствуют развитию языка.

Литература

1. Гусев С.С. Метафизика текста. СПб, 2008. 351с.
2. Никифоров А.Л. О связи смысла и понимания. // Эпистемология & философия науки. 2013. Т. XXXVIII. №4. С. 44-54.
3. Южанникова М.А. Феномен двусмысленности как основание стилистических приемов в современном русском языке. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Красноярск, 2015, 208с.
4. <https://citatnica.ru/vyrazheniya/krylatye-vyrazheniya-vitaliya-klichko-70-vyrazhenij> (дата обращения 20.04.2022).
5. <https://minutapozitiva.ru/bessmertnye-tsitaty-chernomyrdina-polnoe-sobranie.html> (дата обращения 20.04.2022).

РИТОРИКА НАУКИ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ

Г.В. Гриненко

*Доктор философских наук, профессор
Всероссийская академия внешней торговли
E-mail: loglingw@mail.ru*

Риторический текст имеет особую форму организации, сходную с организацией художественного текста. Общим для них является способность воздействия на эмоции и убеждения слушателей и, следовательно, на принятие решения в спорных ситуациях. Но риторические приемы не относятся к области строгих научных доказательств, поэтому не принимаются в науке.

Ключевые слова: риторика, риторический текст, наука, доказательство, принятие решений

RHETORIC OF SCIENCE AND DECISION MAKING

G.V. Grynenko

*DSc of Philosophy, Professor
All-Russian Academy of Foreign Trade
E-mail: loglingw@mail.ru*

The rhetorical text has a special form of organization, similar to the organization of the artistic text. Common to them is the ability to influence the emotions and beliefs of listeners and, consequently, to make decisions in controversial situations. But rhetorical techniques are not strictly scientific proofs, so are not accepted in science.

Keywords: rhetoric, rhetorical text, science, evidence, decision making

Риторика – одна из древнейших гуманитарных дисциплин. Она начала формироваться уже в древности, что свидетельствует об её важности для общества. В самом деле, рассматривая историю развития науки, мы видим, что первыми стали развиваться те области знания, которые обладали явной и очевидной практической значимостью. Арифметика требовалась для учета и правильного распределения имеющихся запасов продовольствия, скота, инструментов и т.п., а потом и сбора налогов, для создания календаря. Геометрия была важна для ориентации в пространстве, определения границ территорий племен и народов, измерения и распределения участков земли подходящих для выпаса и земледелия, участков для застройки и много другого. Астрономия позволяла ориентироваться в сезонах, погодных изменениях, а тем самым и организации различных видов деятельности, направленных на выживание, и т.п. Не вызывает сомнений тот факт, что именно социальная потребность в каких-то знаниях и умениях стимулировала развитие тех или иных сфер науки. В связи с этим возникает интересный вопрос: а чем состояла практическая польза риторики?

Ведь риторика – это наука или учение об ораторском искусстве, о красноречии, о том, как убедительно представить и обосновать свою позицию. Хороших раторов уважали и ценили, их речи доставляли удовольствие слушателям, украшая дни праздников и утешая в дни печали. Умело построенная речь, украшенная метафорами и сравнениями, воздействовала на эмоции слушателей, вызывая у них по воле ратора то гордость, то сочувствие, то обиду, гнев, ненависть и другие чувства. В этом отношении речь могла воздействовать почти как поэзия, музыка и другие виды искусства, не случайно многие речи известных ораторов несут явные признаки организации художественного текста. Риторический текст и риторическая структура по мнению Ю.М.Лотмана «не возникает автоматически из языковой, а представляет решительное переосмысление последней», что она «вносится в словесный текст извне, являясь дополнительной его упорядоченностью» [3, с.66]. При этом текст, согласно Ю.М. Лотману, «кроме коммуникативной... выполняет и смыслообразующую функцию, выступая уже не в качестве пассивной упаковки данного смысла, а как генератор смыслов» [2, с.80]. В этом смысле организация риторического текста ближе к художественному. Художественный же текст обладает способностью разрушать рациональные барьеры сознания слушателей и воздействовать на эмоции. (Отметим, что данный прием активно и сознательно используется в Черной риторике, считаясь в ней одним из сильнейших.)

Анализируя вопрос о причинах социальной значимости риторики необходимо указать на то, что умелое использование риторических приемов и, тем самым, способов воздействия на публику играло особую роль в ситуациях, когда группа людей должна была принимать какое-то важное и неоднозначное в социальном плане решение!

Именно поэтому риторика получила особенно активное развитие в обществах с демократическими формами правления, где решения принимались народным собранием (например, в древних Афинах), в эпохи революционных потрясений, когда народ (или толпа) становился реальной силой, которую можно направить на врага, играла она важную роль в тех странах, где значительную роль приобретал парламент, а еще в юридической практике всех стран, но особенно там, где стал действовать суд присяжных.

Чтобы сила риторики проявила себя по-настоящему, нужна социально значимая проблема, для решения которой возможны несколько различных и неочевидных решений, каждое из которых связано с интересами различных групп людей. При этом выбор решения осуществляется именно группой людей, на которых можно в той или иной степени воздействовать как рациональными аргументами, так и риторическими. Уже Аристотель выделял три группы людей, на которых надо воздействовать по-разному: на малообразованных – в основном эмоционально, на диалектиков – с помощью несложных рассуждений и на ученых, которые принимают только безусловные доказательства тезиса. И при этом риторические аргументы не оказывают никакого влияния на научный вывод, т.е. на доказательство.

Но что считать безусловным доказательством в разные эпохи развития науки понималось по-разному. Образцом строгости доказательства много веков считалась математика и в частности геометрия Эвклида, где каждая теорема выводилась из имеющихся аксиом. Но этот образец был недостижим для большинства наук, особенно гуманитарных. Под влиянием логики Аристотеля в эпоху Средневековья идеальным доказательством считался правильный полисиллогизм, основанный на истинных предпосылках, например, цитатах из Священного Предания или Священного Писания, но и здесь риторические приемы не влияют на результат.

С возникновением классического естествознания в науке утвердился новый критерий истины – эксперимент. И на его результаты риторические приемы не могли подействовать в принципе. Именно с этим связано то обстоятельство, что в Новое время наука полностью уходит из сферы действия

риторика и наблюдается общее уменьшение роли риторики в обществе. Риторика все еще может подействовать, например, на мотивацию ученого, но не работает в сфере доказательства и убеждения в самой науке. Так что в 18-19 веках само слово «риторика» в научной среде становится чуть ли не ругательством, синонимом «пустословия» и «краснобайства». Она все еще сохраняет свое значение в преподавании наук, в работах научно-популярного жанра, частично – в дискуссиях ученых, в псевдонаучных дискурсах, но не в научных работах как таковых.

Неожиданное применение риторики в науке получила в наши дни. Так как многие научные исследования осуществляют ныне по грантам, а решения об их выдаче принимаются в том числе людьми, далекими от данной конкретной науки, то исследователи, желающие получить грант, иногда используют риторические приемы в своих заявках для воздействия на тех, кто эти гранты распределяет.

Литература

1. *Гриненко Г.В.* Риторика науки и научные дискурсы // Материалы VIII Российского философского конгресса «Философия в полицентричном мире». Секции. Сборник научных статей. М: ЛОГОС, 2020. Т.1. С.132-133.
2. *Лотман Ю.М.* Риторика - механизм смыслопорождения // Ю.М.Лотман. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1996. С. 66.
3. *Лотман Ю.М.* К современному понятию текста // Ю.М. Лотман. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 80.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ТРАНСЛЯЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

О.А. Шапиро

*Кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания
Воронежский государственный университет
E-mail: Shapiro.olha@gmail.com*

В докладе анализируются проблемы трансляции научного знания в высшей школе, связанные с изменением способа восприятия и мышления, а также со сменой типа текстовой культуры. Автор полагает, что 1) формирование клипового типа восприятия требует изменить преподавательскую риторику в сторону большей визуализации материала и дробления его на мелкие блоки; 2) паранепротиворечивость квантового мышления и формирование устно-письменной речи в рамках электронной текстовой культуры ведет к смене превалирующих в научно-педагогической риторике аргументативных структур. Убедительными и эффективными в студенческой аудитории становятся убеждение как persuasion (в терминологии Х. Перельмана), обращение к эмоциональной сфере, использование аналогий. Однако обращение к ним ставит под вопрос возможность формирования у студентов критического мышления и, как следствие, навыков научной деятельности, а также возможность сохранения, трансляции и развития научного знания в его классическом понимании.

Ключевые слова: клиповое восприятие, квантовое мышление, высшая школа, аналогия, электронная текстовая культура, аргументация, убеждение

TO THE QUESTION OF TRANSLATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN HIGHER SCHOOL PROBLEM

O.A. Shapiro

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge
Voronezh State University
E-mail: Shapiro.olha@gmail.com*

The report analyzes the problems of translation of scientific knowledge in higher school, associated with a change in the way of perception and thinking, as well as with a change in the type of text culture. The author thinks that 1) the formation of the clip perception requires changing the teaching rhetoric towards more visualization of the material and breaking it up into

small blocks; 2) the paraconsistency of quantum thinking and the formation of oral-written speech within the framework of electronic textual culture leads to a change in the argumentative structures prevailing in scientific and pedagogical rhetoric. Persuasion (in the terminology of H. Perelman), appeal to the emotional sphere, and the use of analogies become convincing and effective in the student audience. However, turning to them calls into question the possibility of students developing critical thinking and, as a result, the skills of scientific activity, as well as the possibility of preserving, translating and developing scientific knowledge in its classical sense.

Keywords: clip perception, quantum thinking, higher school, analogy, electronic text culture, argumentation, persuasion

Начало XXI века ознаменовалось целым рядом смысловых переломов, касающихся непосредственно вопросов бытия научного знания. В их числе – и смена типа текстовой культуры как способа хранения и трансляции информации [1], и формирование так называемого клипового (или, в другой терминологии, «квантового») мышления [2,3,4], и появление новых моделей университета – 2.0, 3.0 и даже 4.0 [5]. Все эти процессы, несомненно, взаимосвязаны: электронная текстовая культура способствует изменению когнитивных стратегий ее носителей, а господствующий в обществе тип мышления влечет за собой трансформацию социальных институтов. Такая ситуация требует не только теоретического осмысления, но и формирования соответствующих практик, включая создание новых стратегий передачи научного знания. С первого взгляда эта вроде бы локальная практическая проблема кажется сугубо педагогической, однако я полагаю, она значительно шире и требует включенности широкого круга специалистов из разных областей. Здесь я очерчу круг проблем, которые стоят сегодня перед преподавателем высшей школы в процессе трансляции научного знания; при этом я не буду претендовать на полноту приведенного перечня вызовов высшей школе, а остановлюсь только на тех из них, которые считаю, во-первых, наиболее острыми, во-вторых, универсальными и в-третьих, требующими именно философского осмысления.

Я полагаю, что в основе всех практических проблем лежат три базовых вызова современности:

А. Формирование клипового типа восприятия, которое требует изменить преподавательскую риторику в сторону большей визуализации материала и дробления его на мелкие блоки.

В. Квантовое мышление как следствие клипового восприятия, которое является паранепротиворечивым [3, 4]. Соответственно, значительная часть научных доказательств кажется носителю клипового мышления попросту необидительной.

С. Переход к электронной текстовой культуре, который привел к формированию так называемой устно-письменной речи [6], и, соответственно, возврат к аргументативным структурам, которые использовались в публичном дискурсе устной текстовой культуры [1, 4]. В первую очередь это рассуждения по аналогии.

А. Идея клиповой культуры принадлежит Э. Тоффлеру [7]. Основополагающая метафора здесь – череда сменяющих друг друга клипов, т.е. визуально-аудиальных коротких блоков, не связанных между собой. Соответственно клиповый тип восприятия предполагает постоянное переключение внимания между блоками разнородной информации без их сопоставления. Современный пример клипового информационного потока – лента социальной сети, в которой пользователь черпает актуальную информацию о мире, причем каждый информационный блок имеет визуальное оформление, которое во многом определяет его удельный вес в новостном потоке. Похоже, что привычка к такому способу организации информации способствует снижению качества произвольного внимания и приводит к необходимости любую информацию упаковывать в такого рода смысловые блоки. Как это может быть учтено в учебном процессе? Кроме визуального сопровождения (сегодня это чаще всего слайды) имеет смысл явным образом обозначать границы каждого смыслового блока, в первую очередь, при помощи использования интерактивных методик.

Примером клипово организованного учебного занятия может служить тренинг. Тренерам настоятельно рекомендуется избегать длинных монологов, максимально использовать интерактивные методики, чередовать разные формы работы, делать акцент на визуализации информации. Обратим внимание на то, что те же рекомендации обычно даются при работе со старшими дошкольниками, т.е. с людьми, у которых не сформировано еще в полной мере произвольное внимание. И эти же принципы – короткие блоки, визуализация, максимальное включение адресата – лежат в основе концепта продающего текста.

В. Переключение между блоками информации без их сопоставления имеет серьезное следствие: возможность принимать как истинную противоречивую информацию. Нарушается закон противоречия, однако нарушение это относительно, поскольку носитель квантового мышления не

считает, что в разных блоках информации суждения берутся «в одно и то же время <...> в одном и том же отношении», как это уточнялось Аристотелем [8, с. 125]. Соответственно одно и то же событие может обрастать множественными противоречивыми интерпретациями и оценками. Эта ситуация ведет к общей нечувствительности к непротиворечивости носителей квантового мышления.

Исторически сложилось так, что в печатной текстовой культуре наиболее валидными способами рассуждения являются дедукция и научная индукция. Эти же схемы лежат в основании аргументации, используемой как при написании научных текстов, так и в процессе преподавания. Однако, для когнитивного агента, мыслящего квантово, эти схемы не являются убедительными! Т.е. привычные способы объяснения научного знания характеризуются как «неубедительная доказательность» в терминологии В.Н. Брюшинкина [9, с. 18]. Но нельзя забывать, что передача знания – процесс всегда личностный, и нам недостаточно передать некоторый объем информации (с этим справился бы и Интернет), нам важно сформировать определенный тип мышления, видение мира. Соответственно, важно, чтобы научное знание находило отклик у нашего адресата, а используемые аргументативные конструкции были, во-первых, понятны, и во-вторых, убедительны.

В работе «Новая риторика» Х. Перельман и Л. Олбрехт-Тытека разделяют два вида убеждения: *persuasion* и *conviction* [10] первое направлено на эмоциональную сферу («Когнитивную систему 1» в терминологии Д. Канемана [11]) и должно учитывать специфику целевой аудитории, а второе направлено на сферу рационального («Когнитивную систему 2» соответственно) и может применяться к так называемой универсальной аудитории. В современном публичном дискурсе, особенно в он-лайн коммуникации, эффективно используется *persuasion*; именно этот тип убеждения востребован в «продающих текстах» в широком смысле этого слова [12]. Но, похоже, в студенческой аудитории – та же ситуация; в частности, использование провокаций и эмоционально значимых примеров оказывает на студентов более сильное воздействие, нежели рациональные объяснения и корректные эксперименты. Таким образом, научный материал усваивается, только если он имеет яркую эмоциональную окраску.

С. Виртуальная коммуникация, которая вытесняет сегодня многие другие виды человеческого общения – эпистолярный жанр, живой диалог, традиционные формы публичной дискуссии etc. – является специфическим литературным жанром. Филологи определяют то, что мы видим в Интернете, как «устно-письменную речь», говоря о том, что письменный текст начинает жить по характерным для устной речи законам. Однако мы помним, что «язык есть дом бытия» [13, с. 314], и серьезные трансформации в речи ведут к изменениям гораздо более масштабным. Так, мы видим, что электронная текстовая культура апеллирует к тем же аргументативным структурам, что и текстовая культура устная: наиболее используемым способом рассуждения здесь является аналогия, и даже уловки, используемые в современной рекламе (*story telling*, аргумент к авторитету, приведение примеров) также работают по принципу аналогии [1]. Соответственно, именно проведение аналогий оказывается наиболее эффективным инструментом с одной стороны для пояснения научных концептов, а с другой – для создания целостной картины научного знания в качестве связующего звена между различными его фрагментами.

Итак, если мы хотим сделать формат лекции воспринимаемым и эффективным для поколения носителей *quantum mind*, то нам необходимо: а) привести текст лекции с соответствие специфике клипового восприятия, т.е. раздробить на короткие разнородные блоки и максимально усилить долю визуализации материала; б) использовать *persuasion*, эмоционально воздействуя на аудиторию и в) обратиться к аргументативным традициям устной текстовой культуры, прибегая к аналогии при пояснении и систематизации материала.

И здесь возникает вопрос более фундаментальный. Возможно ли сохранение научного знания в полном объеме при «переписывании» его на язык, понятный носителю квантового мышления?

Традиционно условием возможности осуществления научной деятельности считается сформированное у когнитивного агента критическое мышление [14, с. 20]. При этом в основе его лежит способность к логически корректным рассуждениям, анализу, выявлению и исправлению логических ошибок. Научное знание зиждется на основе дедуктивных структур как способа теоретического обоснования и научной индукции как эмпирического обоснования знания. Научная риторика со времен Гуттенберга также следует идеалам дедукции и научной индукции. Замена этих структур на аналогию и эмоционально окрашенные примеры, по-видимому, должна привести трансформации института науки, причем настолько глубокой, что речь должна будет идти уже не о научном в привычном для нас понимании этого слова, а каком-то качественно ином знании.

Альтернативным способом решения возникших проблем кажется приложение всех возможных усилий для блокировки развития квантового мышления и формирования навыков критического

мышления начиная со школьной скамьи. Но тогда педагогика должна будет вступить в противоречие с изменившейся внешней средой и привести к снижению адаптации индивида к вызовам объективной реальности. Очевидно, необходимо искать компромиссные стратегии между подстройкой к «квантовому» студенту и его вербовкой в ряды критических мыслителей, если целью образовательного процесса является подготовка обучающихся к дальнейшей научной деятельности; для подготовки практиков, по-видимому, должно быть достаточно стратегии подстройки.

Литература

1. Рыскельдиева Л.Т., Зарапин О.В., Шапиро О.А., Шкорубская Е.Н. Коммуникация и смысл в текстовой культуре. Симферополь: Ариал, 2018. 276с.
2. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 256с.
3. *Visemeyer J.R., Bruza P.D.* Quantum Models of Cognition and Decision. New York: Cambridge University Press, 2012. 407 p.
4. Шапиро О.А. Аргументативные паттерны электронной текстовой культуры // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. 2019. №3. Том 5(71). С. 30-41.
5. Ефимов В.С., Лантева А.В. Университет 4.0: философско-методологический анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 1. Том 21. С. 16-29.
6. Лутовинова О.В. Интернет как «устно-письменная» система коммуникации // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 71. С. 5-65.
7. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 800 с
8. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 1. Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1975. С. 63-367.
9. Брюшинкин В.Н. Логика, мышление, информация. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. 152с.
10. *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1971. 566 p.
11. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. М.: АСТ, 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc-180589301_521869169?hash=6396f868b4a990a224&dl=6d2e45de2c11768509 (Дата обращения: 15.05.2022)
12. Цокало О.А. Тексты «не для всех»: целевая аудитория в фокусе теории аргументации // Вестник Воронежского государственного университета. 2021. № 3(41). С. 47-56.
13. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в современной западной философии / под общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 314-356
14. Поппер К. Р. Учение о науке с точки зрения теории развития и логики // Поппер К. Вся жизнь – решение проблем. О познании, истории и политике. Ч.1: Вопросы познания природы. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. С. 12–48.

НАУКА И ОБЩЕСТВО

ТЕЗИС НЕСОИЗМЕРИМОСТИ Т. КУНА И ЕГО РЕКОНСТРУКЦИИ*

А.М. Дорожкин

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com*

О.И. Соколова

*Кандидат философских наук, ассистент кафедры философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: lesyabelikova@mail.ru*

В докладе рассматривается специфика парадигмальной концепции Т. Куна, приводится обращенная в его адрес критика, обозначается тезис несоизмеримости. Отмечается, что принцип несоизмеримости содержания разных парадигм, введенный Т. Куном для характеристики особенностей роста научного знания, не распространяется на отношение между его концепцией и иными моделями роста научного знания. Авторами подчеркивается, что идея несоизмеримости должна иметь определенные границы применения, причем не только в области философии, но и для рационального описания отношения между концепциями науки. Для выявления таких границ проводится анализ определений (реконструкций) понятия несоизмеримости в современной философии науки. Делается вывод о том, что именно накопление в рамках действующей парадигмы аномального научного содержания побуждает к процессу смены парадигмы.

Ключевые слова: наука, философия, парадигма, несоизмеримость, рост научного знания, аномалия

INCOMMENSURABILITY THESIS OF THOMAS KUHN AND ITS RECONSTRUCTION

A.M. Dorozhkin

*DSc of Philosophy, professor of the Department of Philosophy
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com*

O.I. Sokolova

*CSc in Philosophy, assistant of the Department of Philosophy
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: lesyabelikova@mail.ru*

In this report the authors regard the specificity of the Concept of Paradigm of T. Kuhn and its criticism. There is also a defined thesis of incommensurability. It is noted that the principle of incommensurability of the content of different paradigms, which has been put into scientific circulation by T. Kuhn for describing the features of the grows of scientific knowledge does not apply to the relations of his concept and other models of the growth of scientific knowledge. The authors highlight the fact that the idea of incommensurability should have defined application limits, not only in the philosophical area, but also for a rational describing of the relations between the scientific concepts. For the search of such limits the analysis of definitions (reconstructions)

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства "Приоритет 2030" № темы Н-424-99_2022-2023.

of the incommensurability concept in the modern philosophy of science is carried out. It is concluded that the accumulation of anomalous scientific content within the current paradigm prompts the process of paradigm shift.

Keywords: science, philosophy, paradigm, incommensurability, growth of scientific knowledge, anomaly

Прошло уже более полувека с того времени, как научный мир познакомился с парадигмальной концепцией развития науки Томаса Куна, а единого мнения о том, к какой группе концепций современной науки относится его теория, нет. Конечно, самым распространенным мнением ныне является определение Куна как «буревестника» научных революций: ведь именно так называется его самая известная книга. По этой версии, Т. Куна необходимо причислить к сторонникам антикумулятивизма; более того, некоторые авторы считают его наиболее ярким представителем этого направления, например [10]. Но вот в работе И.Т. Касавина и В.Н. Поруса [3] авторы представляют Куна не как представителя антикумулятивизма, а как сторонника «нормального» этапа развития науки. Существует также мнение, что основной акцент в своих исследованиях Т. Кун сделал на антисциентизме и интернализме [2]. В существующей литературе можно найти и другие точки зрения на основной смысл этой знаменитой работы Т. Куна.

Такой разброс мнений чаще всего трактуется на основе того обстоятельства, что определение парадигмы в работе Куна размыто, многозначно: содержит порядка 60 различных смысловых значений [8, с. 225].

Мы полагаем, что различие в оценках значения Куна, и как следствие, причисление его к различным, порою противоречащим друг другу направлениям в философии науки, равно как и попытки автора представить парадигму в чрезвычайно широком аспекте, объясняются добросовестностью Т. Куна как исследователя. Свою парадигмальную концепцию он постарался связать или соотнести с как можно большим количеством иных, до него выдвинутых концепций и таким образом показать, что его парадигмальная теория есть не смена философской парадигмы, а логичное продолжение всех, или, по крайней мере, большинства существующих в то время концепций роста научного знания. То есть содержание «Структуры научных революций» и содержание предшествующих концепций роста научного знания соизмеримы. Еще конкретнее: принцип несоизмеримости содержания разных парадигм, введенный Т. Куном для характеристики особенностей роста научного знания, не распространяется на отношение между его концепцией и иными моделями роста научного знания.

Сам Кун в предисловии к своей книге довольно осторожно выражается по поводу отношения своей концепции к другим: «Наконец (и возможно, что это самое важное), ограничения, связанные с недостатком места, помешали вскрыть философское значение того исторически ориентированного образа науки, который вырисовывается в настоящем очерке... Я обычно воздерживался от подробного рассмотрения различных позиций, на которых стоят современные философы при обсуждении соответствующих проблем. Мой скептицизм, там где он проявляется, относится, скорее к философской позиции вообще, чем к какому-либо из четко развитых направлений в философии» [4, с. 13].

Однако следует учесть, что Кун довольно активно реагировал на ряд замечаний, выдвинутых его коллегами по поводу содержания первого варианта его работы. Хорошо известно, что критика первого варианта его работы (в основном со стороны К. Поппера и И. Лакатоса) вынудила Куна определенным образом конкретизировать представление о парадигме путем введения еще одной ее экспликации - дисциплинарной матрицы [4, с. 245]. Об этом понятии сам Кун говорит следующее: она учитывает «во-первых, принадлежность ученых к определенной дисциплине и методологических положений, во-вторых, систему правил научной деятельности, которые состоят из символических обобщений (законов и определений основных понятий теорий); методологических положений, задающих способ видения универсума и его онтологию; ценностных установок, влияющих на выбор направлений исследования; «общепринятых образцов» - схем решения конкретных задач «головоломок», дающих ученым методику разрешения проблем в их повседневной научной работе» [1]. С нашей точки зрения, это свидетельствует как раз о том, что порывать с предшествующими представлениями о росте научного знания, Кун не намеревался.

Вот еще одно свидетельство в пользу нежелания Куна формировать отношение несовместимости его концепции с предшествующими: «Является ли чувственный опыт постоянным и нейтральным? Являются ли теории простым результатом интерпретации человеком полученных данных? Эпистемологическая точка зрения, которой чаще всего руководствовалась западная философия в течение трех столетий, утверждает прямо и непосредственно — да! За неимением сколь-нибудь

развитой альтернативы я считаю невозможным полностью отказаться от этой точки зрения. Но она больше не функционирует эффективно, а попытки улучшить ее путем введения нейтрального языка наблюдения в настоящее время кажутся мне безнадежными» [4, с. 162]. То есть здесь Т. Кун критикует основной тезис логического позитивизма, касающийся попыток формирования нейтрального языка наблюдения, но в то же время, не порывает полностью с идеями своих предшественников, а предлагает некое дополнение к ним, и не более.

Наконец, отметим чрезвычайно важное замечание В.Н. Поруса, касающееся принципиальной возможности провозглашения тезиса несоизмеримости. «Н.Т. может быть истолкован как аргумент против «рациональной реконструкции» истории науки рассмотрения исторической эволюции научного знания как процесса следующего определенным рациональным принципам [6, с. 602-603]. Здесь автор указывает, что безграничное использование идеи несоизмеримости привело бы Куна к отрицанию своей собственной концепции, поскольку она сама по себе является попыткой именно рациональной реконструкции роста научного знания. Следовательно, идея несоизмеримости должна иметь определенные границы применения, причем не только в области философии, но и для рационального описания отношения между концепциями науки. Для хотя бы примерного выявления таких границ, прежде всего, необходимо проанализировать попытки определения понятия несоизмеримости.

Начнем с мнения, высказанного по этому поводу самого, пожалуй, яркого сторонника идеи несоизмеримости научных теорий - П. Фейерабенда. «Поскольку несоизмеримость зависит от глубинных классификаций и предполагает важные концептуальные изменения, постольку вряд ли можно дать ее явное определение. Обычные «реконструкции» не способны извлечь ее на поверхность. На феномен несоизмеримости следует указать, а затем с помощью разнообразнейших примеров подготовить читателя к тому, чтобы он сам мог судить о нем» [9, с. 375]. Именно так и поступают большинство исследователей [7, с. 374]. Между тем, некоторые попытки интерпретации смены научной парадигмы на основе аналогий, действительно способствуют формированию мнения о том, что Кун - сторонник жесткого и всестороннего действия тезиса несоизмеримости. Так для лучшего понимания смены парадигмы и принципа несоизмеримости С.Ю. Коломийцев предлагает такую наглядную аналогию: деятельность ученого, - как заявляет автор, - можно сравнить с поведением человека, оказавшегося в совершенно незнакомой и абсолютно темной комнате. Человек наощупь пытается понять, где он находится, и действует методом проб и ошибок. Нащупав стол с лежащей на столе тряпкой, а затем стул, он решает, что это кухня. Но затем, нащупав на столе тетрадь и некоторые другие объекты, не соответствующие его представлениям о кухонных принадлежностях, он изменяет свой вывод, заявляя, что это рабочий кабинет и так далее [5, с. 153-154]. С такой демонстрацией можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, метод проб и ошибок, используемый для описания научной деятельности, свойственен, по нашим сведениям, прежде всего Попперу, а не Куну. И далее, если на каждом новом этапе развития науки необходимо действовать только и только этим методом, то тогда, действительно, все предшествующие методологические наработки, а также все предшествующие концепции роста научного знания, обосновывающие такие наработки, должны быть отброшены. Действительно, все необходимо начинать сначала. Поэтому такая интерпретация, скорее, выражает мнение не Куна, а П. Фейерабенда, который, как известно, всячески усиливал значение тезиса несоизмеримости [9, с. 500-501]. А вот И. Лакатос полагал, что отношение несоизмеримости является намеренно введенным для достижения определенных целей [11, р. 179]. И кстати, Л. Лаудан утверждал, что в науке не одна парадигма сменяет другую, а смена научной парадигмы является результатом нескольких конкурирующих теорий. Вместе с тем, смену парадигм можно подвергать объективной оценке, поскольку ценности и нормы, лежащие в ее основе, могут быть объяснены рациональным способом. Кроме того, теории оценивают по их способности решать проблемы, поэтому они могут сравниваться между собой [12, р. 24]. Сам же Кун в Дополнении к своей работе в части, посвященной идее несоизмеримости, откровенно сетует на то, что «философы серьезно исказили действительные намерения этой части моей аргументации» [4, с. 249-250].

На наш взгляд, в вышеприведенной модели интерпретации отсутствует важный фактор — накопление в рамках действующей парадигмы аномального научного содержания, что и побуждает, в конце концов, процесс смены парадигмы.

Здесь мы рискнем предложить несколько иную интерпретацию процесса смены парадигмы и тезиса несоизмеримости. Используем для этого содержание старого анекдота. На слабоосвещенной одиночными фонарями улице полицейский заметил подвыпившего мужчину, ползущего по земле под одним из фонарей. Выяснилось, что он неизвестно где потерял ключи, а на вопрос о том, почему он ищет именно в этом месте, последовал ответ: так ведь здесь светло! При всей нелепости такого

ответа здесь по нашему мнению, присутствует логика. Во-первых, если действительно неизвестно, где ключи потеряны, то разумнее всего вначале попытаться искать их там, где они легче всего могут быть обнаружены, то есть в освещенных местах, а лишь затем «ползти в темноту». Да и в последнем случае, легче, очевидно делать это с фонарем. Анимальное содержание знания — отсутствие искомым ключей, фиксируется для каждой определенной парадигмы — освещенного места, но эти освещенные места не выключаются, то есть полностью парадигма не отбрасывается, не забывается. Ведь не отбрасываем мы полностью достижения классического естествознания. Более того, определенные методологические наработки классики используются в современной неклассической науке.

Ограниченные рамки работы не позволяют нам в необходимой степени рассмотреть вопрос о конкретных границах применения принципа несоизмеримости. Однако мы надеемся, что данный материал может послужить достаточным основанием для дальнейших рассуждений по этому поводу.

Литература

1. Дисциплинарная матрица / Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2001 [Электронный ресурс] // URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/index-196.htm> (дата обращения: 20.04.2022)
2. Иванова А.А., Пухликов В.К. Методологические проблемы философии науки (историко-философский аспект). М.: Спутник, 2008. 418 с.
3. Касавин И.Т., Порус В.Н. Возвращаясь к Т. Куна: консервативна ли «нормальная наука»? // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. №1. С. 6-19.
4. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
5. Коломийцев С.Ю. Демонстрация научных революций и несоизмеримости парадигм в концепции Т. Куна // Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. П.: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. С.152-156.
6. Несоизмеримости тезис // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон, 2009. С. 602-603.
7. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Ч.1. СПб.: Мир, 2011. 502 с.
8. Тетерин В.В. Парадигма: от наивысшей идеи Сократа к дисциплинарной матрице Т. Куна // Вестник ИрГТУ. 2013. №3 (74). С. 222-226.
9. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.
10. Философия науки / под ред. Ю.В. Крянева и Л.Е. Моториной. М.: Альфа ИНФРА-М, 2010. 416 с.
11. Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // Lakatos I. and Musgrave A. Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge, 1970. pp. 91-96
12. Laudan L. Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debate. University of California Press, 1984. 160 p.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ НАУЧНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ П. ФЕЙЕРАБЕНДА*

Н.Н. Воронина

*Кандидат философских наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: voronina-nn@voronina-nn.ru*

А.М. Фейгельман

*Кандидат философских наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: artf1986@gmail.com*

Авторы, размышляя о проблематике креативности, обращаются к работам Пола Фейерабенда, который выдвигает оригинальную концепцию научного творчества,

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства "Приоритет 2030" № темы Н-424-99_2022-2023.

призванную не только прояснить истоки креативности, но и связать патологии разума с социальными патологиями. Субъект-центрированная модель разума и креативности должна, по мнению американского философа, уступить место пониманию органичной включенности ученого в социокультурную среду. Критика классической рациональности с всепильным субъектом в центре творческого процесса перекликается с идеями Франкфуртской школы. У Фейерабенда главным действующим элементом творческого процесса становится совокупность социокультурных влияний, которую и воплощает художник или ученый. Авторы полагают, что для того, чтобы создавать новое, субъект креативности должен обладать особой сущностью своей индивидуальности, только тогда он сможет создавать подлинно новые миры.

Ключевые слова: креативность, научное творчество, научное сообщество, рациональность, П. Фейерабенд, субъект креативности

SOCIOCULTURAL ORIGINS OF SCIENTIFIC CREATIVITY IN P. FEYERABEND'S PHILOSOPHY

N.N. Voronin

*CSc in Philosophy, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
E-mail: voronina-nn@voronina-nn.ru*

A.M. Feigelman

*CSc in Philosophy
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
E-mail: artf1986@gmail.com*

The authors reflect on the problems of creativity. They turn to the works of Paul Feyerabend, who puts forward an original concept of scientific creativity. This concept clarifies origins of creativity and also links pathologies of the mind with social pathologies. According to Feyerabend the subject-centered model of reason and creativity should give way to the understanding of the organic involvement of a scientist in the socio-cultural environment. The critique of classical rationality with an all-powerful subject at the center of the creative process echoes the ideas of the Frankfurt school. According to Feyerabend, the main active element of the creative process becomes a set of socio-cultural influences, which the artist or scientist embodies. The authors believe that in order to create something new, the subject of creativity must have a special essence of his individuality, only then he will be able to create "new worlds".

Keywords: creativity, scientific creativity, scientific community, rationality, P. Feyerabend, subject of creativity

Вопрос об истоке творческого начала в человеке выходит далеко за пределы философии искусства. Сама возможность ответа на него подразумевает опору на ту или иную онтологию и антропологию, на ту или иную систему иерархий и ценностных координат. Поэтому, например, сторонникам божественного происхождения творчества трудно примириться с его фрейдистской или марксистской интерпретацией. Спор о креативности, таким образом, неизбежно превращается в спор о фундаментальных основаниях существования мира и человека.

Разговор о научной креативности особенно заостряет проблему рациональности и роли разума в процессе познания. Критикуя субъект-объектную матрицу классической рациональности, Фейерабенд высказывает сомнение в релевантности теории, согласно которой расстояние между субъектом и объектом познания преодолевается лишь «чудом», инсайтом, чей исток находится внутри человеческой субъективности и чье появление зависит от человеческой воли и воображения. Американский философ считает неправомерным отделение человека от познаваемого им мира и призывает в союзники неклассическую эпистемологию, включившую субъективный момент в само «тело науки»: «...Физика элементарных частиц... заставляет нас признать тот факт, что невозможно провести границу между Природой и факторами (включая мышление), направленными на ее изучение» [1, с. 184]. Постулируя отказ от стремления к абсолютной объективности, постнеклассическая оптика наносит удар по всевластию субъекта, возвышающегося над природой.

Альтернативой классической рациональности у Фейерабенда становится архаическое мироощущение с его синкретизмом и неразрывной спаянностью субъекта и окружающего его мира. Как отмечает американский философ, люди архаики не обладают духовно-интеллектуальной целостностью и в буквальном смысле «функционируют в качестве транзитных станций для столь же слабо связанных событий — сновидений, мыслей, эмоций, божественных вмешательств» [1, с. 180]. Если субъект классической науки торжественно провозглашал свою целостность и индивидуальность, то его древний визави представлял собой площадку для развертывания бесконечного количества субъективностей, грозивших растворить его в окружающем природном и социальном мире.

Обращение к архаической субъективности призвано подчеркнуть связь субъекта креативности с его социокультурным окружением. Отрицание этой связи, по мнению Фейерабенда, может привести к болезненным социальным последствиям. Вполне в духе чуть более ранних размышлений Франкфуртской школы [2], американский философ видит причинно-следственную связь между эпистемологическими патологиями классической рациональности и актуальными социальными патологиями. Отчужденный от мира субъект познания создает теории, легитимирующие политику, которая «ведет к войнам и иным социальным и природным потрясениям». [1, с.183]. Субъект-центрированная модель разума и креативности должна, по мнению американского философа, уступить место пониманию органичной включенности ученого в социокультурную среду. Именно эта включенность, а не самовластный, базирующийся исключительно на индивидуальной воле творческий акт являются подлинной основой креативности. Осознание ученым подлинной специфики своей деятельности, а также контроль со стороны гражданского общества призваны «дать место менее агрессивным формам жизни», свободным от тоталитарного и милитаристского мышления.

В этом контексте целостность нововременного субъекта предстает опасной иллюзией, чреватой эпистемологическими и социальными аберрациями. Сама идея целостности подразумевает прозрачность субъекта для самого себя, возможность самоконтроля и лишеного лакун самопознания. В частности, картезианский субъект не встречает препятствий в процессе интроспекции - собственная душа прозрачна для него, также как рано или поздно станет прозрачна природа, раскрыв свои тайны под нажимом всемогущего *cogito*. Для такого субъекта не существует ни бессознательного с его скрытым воздействием изнутри, ни супер-эго, запечатлевшее влияние извне. Игнорирование этих влияний создает ложное ощущение всевластия, затрудняет критическую рефлекссию. Знание, рожденное в состоянии подобного когнитивного оцепенения, отчуждено от реальности, однако претендует на абсолютную истину. Поэтому оно несет угрозу, как для самого субъекта, так и для мира вокруг него.

Фейерабенд полагает, что проблема преувеличения своих возможностей человеком сводится лишь к недостаточному учету социокультурных влияний на субъект, и, если социокультурность учитывается, то эпистемические и социальные проблемы разрешатся. Однако, принимая позицию Фейерабенда, нужно признать, что и образ нововременного субъекта с его преувеличенными возможностями появляется, благодаря социокультурному влиянию. И признание этих влияний само по себе не избавляет от иллюзий и патологий.

Фейерабенд подчеркивает, что подлинный процесс научного творчества носит не индивидуальный, а интерсубъективный характер. Это связано с тем, что обычно ученый работает в коллективе, а этот коллектив, добавив от себя, действует в различных социокультурных контекстах, не обязательно пересекающихся с наукой. Также как архаический человек становился напряженным пространством для взаимодействия различных природных и социальных сил, так и современный ученый, по мнению Фейерабенда, в своей деятельности как бы проговаривает открытия и изобретения, уже назревшие в культуре.

Отказываясь ставить индивидуальность в центр творческого процесса, рассматривая последний как проявление культуры, Фейерабенд, тем не менее, не превращает человека в автомат для слепого воплощения ее тенденций. Напротив, социокультурный контекст, как бы пропуская себя сквозь линзу человеческой индивидуальности, преломляется в зависимости от *стиля* последней. Стиль ученого или художника воплощается в том, что Фейерабенд называет манифестивированными мирами (*manifestworlds*), то есть теориями или произведениями, часто претендующими на точное схватывание бытия, но на самом деле всегда являющимися результатом его реакции на вмешательство человека [3, с. 27]. И так же, как разнообразны миры, которые творят представители различных художественных течений, так и разнообразны миры, которые создают ученые-представители различных дисциплин, школ и методологических подходов. В этом смысле художественная вселенная сюрреалиста так же будет отличаться от художественного мира представителя реализма, как видение (*view*) астронома будет отличаться от видения физика-теоретика.

Однако у Фейерабенда остается непонятным, каким образом создаются новые миры, если индивидуальность не является центром творческого процесса, а лишь проявлением культуры? Оставив субъекту только «стиль», Фейерабэнд лишает его основания для влияния на социум, и это представляется столь же необоснованным, как «всевластие» картезианского субъекта. Множественность не бывает следствием какого-то одного центра, ни индивидуальности, ни социокультурной среды. Множественность предполагает много центров. Потому не индивидуальность невыводима (целиком) из социокультурной среды, ни социокультурная среда (целиком) не выводима из индивидуальности.

По Фейерабенду, единое бытие становится множественным, сталкиваясь с разнообразием человеческих субъективностей. Причина этого в том, что сам человек является перекрестком, местом встречи различных бытийных сил, особым онтологическим пространством, вмещающим и продуцирующим множественное.

Если человек это только особое онтологическое пространство, то есть место для чего-то, а не некая особая онтологическая сущность, то откуда тогда взяться новым мирам? – Даже чтобы создать гармоничную комбинацию из данного материала, недостаточно только разнообразных влияний, необходимо то сущее, что приводит их в гармонию,

Специфика элементов этого множественного – начиная от социокультурного контекста и заканчивая элементами биографии ученого или художника – не могут порождать его индивидуальный стиль, который, в свою очередь, порождает особый (*манифестированный*) мир теорий и художественных произведений. Для того, чтобы органически вырасти из природно-социальной тотальности, субъект креативности должен обладать особой сущностью своей индивидуальности, только тогда он сможет создавать новые миры не теряя, тем не менее, «лица необщего выраженья».

Литература

1. *Фейерабэнд П.* Прощай, разум / Перевод с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: Астрель, 2010. 477 с.
2. *Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно. М. СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 311 с.
3. *Feyerabend P.* Theoreticians, Artists and Artisans / Leonardo. 1996. Vol. 29. No. 1 pp. 23-28.

КРЕАТИВНОСТЬ В НАУКЕ И НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ*

А.В. Сахарова

*Младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Наука, технологии, общество» кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: hanna.lazareva@gmail.com*

Согласно литературе, креативной можно назвать деятельность, результат которой оценивается как новый и ценный. Кто участвует в этой оценке и какие еще факторы оказывают на нее влияние? Оценка новизны креативного результата происходит в рамках научного сообщества, обладающего экспертизой и достаточной квалификацией. Одним из факторов, влияющих на оценку креативного результата в науке как нового, помимо «объективной» новизны и исторического первенства, оказывается внутренняя научная коммуникация. А при определении ценности креативного результата в науке мы не можем ограничиться только мнением научного сообщества и не учитывать мнение всего общества. На характеристику результата креативной деятельности как ценного оказывает существенное влияние внешняя научная коммуникация, направленная на научных администраторов и общество в целом. То есть на оценку креативного научного результата (как нового и ценного) влияет и коммуникация внутри научного сообщества, и внешняя научная коммуникация.

Ключевые слова: креативность, научная коммуникация, наука, социальная

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» № темы Н-424-99_2022-2023.

CREATIVITY IN SCIENCE AND SCIENTIFIC COMMUNICATION**

A. V. Sakharova

*Junior Researcher at the Research Laboratory «Science, Technology, Society»
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: hanna.lazareva@gmail.com*

According to the literature, the result of creative activity should be evaluated as new and valuable one. Who is involved in this assessment and what other factors influence it? The evaluation of the novelty of a creative result takes place only in the scientific community, which has sufficient qualification. One of the factors influencing the assessment of a creative result in science as new one is internal science communication (in addition to “objective” novelty and historical superiority). And when determining the value of a creative result in science, we cannot take into account opinion of the scientific community only, we should also consider the opinion of the whole society. The evaluation of the result of creative activity as a valuable one is influenced significantly by external scientific communication aimed at scientific administrators and society. That is, the evaluation of a creative scientific result (as new and valuable one) is influenced both by communication inside the scientific community and by external science communication.

Keywords: creativity, science communication, social epistemology, science

Когда мы говорим о деятельности, которую мы характеризуем как «креативную» (или «творческую»), в настоящей статье мы используем эти характеристики как синонимы), мы можем иметь в виду процесс или оценивать таким образом результат. Креативный процесс обычно нам не виден, или явлен лишь частично: мы не можем заглянуть креативной личности в сознание в тот момент, когда она создает что-то новое. Поэтому в настоящей статье мы обратимся, в первую очередь, к характеристике результатов, тем более что этот подход является довольно распространенным. Креативной мы можем назвать деятельность, результатом которой является создание чего-то ценного и нового. В статье Matthew Kieran приводится множество ссылок на литературу, использующую этот подход: «What is it for an action to be creative? The standard thought is that it must issue in something **new and valuable**» [1, p. 1] (здесь и далее выделение моё – А.С.). Иногда к характеристике креативности присоединяется еще такая характеристика как «неожиданное»: «Creativity is the ability to come up with ideas or artefacts that are *new, surprising and valuable*» [2, p. 1] или указывается на необходимость подчеркнуть осмысленный и целенаправленный характер креативной деятельности (в противовес случайному неожиданному результату): «Epistemic creativity, however, is not just a matter of drawing on epistemic states and know-how. It is a matter of **aiming at and realizing epistemic goals**. Traditionally, for an ability, process or trait to constitute an epistemic virtue, it must aim at knowledge or, more weakly, truth via justification » [1, p. 4].

Понятия «ценности» (value condition) и «новизны» (novelty condition), очевидно, здесь ключевые: на них указывает абсолютное большинство исследователей. Если мы принимаем указанное выше определение за рабочее, для дальнейшего рассуждения нам необходимо «приземлить» это определение на сферу науки: что такое креативность, если мы говорим о науке? Какой результат в науке может быть назван новым и ценным? Кто определяет эти ценность и новизну? Какие еще факторы оказывают влияние?

Для того, чтобы говорить о **новизне** в науке, полезно принять типологию, предложенную Margaret Boden в книге «The Creative Mind: Myths and Mechanisms». Она предлагает выделять психологическую (субъективную) креативность (P-creativity): здесь нам ценен сам акт креативности, результат которого должен быть новым, ценным и неожиданным только для самой креативной личности. И неважно, за кем историческое первенство: «P-creativity involves coming up with a surprising, valuable idea that's new to the person who comes up with it. It doesn't matter how many people have had that idea before» [2, p. 2]. Второй тип креативности назван историческим (H-creativity): – результатом такого

** The research was carried out as a part of the implementation of the Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030" no.N-424-99_2022-2023.

креативного акта становится действительно новая идея: «But if a new idea is H-creative, that means that (so far as we know) no one else has had it before: it has arisen for the first time in human history» [2, p. 2].

Когда речь идет о науке мы рассматриваем, конечно, в первую очередь, историческую креативность: оценку такого первенства в случае науки проводит научное сообщество, которое (и мы знаем множество тому примеров) не всегда способно объективно оценить «новое» в исследовании, особенно если оно «неожиданное» и модифицирует общую систему знаний и ожиданий научного сообщества. Это довольно обычная для науки и искусства история – признание открытия/научного результата постфактум.

Оценка новизны исследования происходит в профессиональном сообществе: необходимо знать историю развития научной мысли по определенной теме, чтобы оценить, не дублирует ли полученный результат предыдущие открытия: нужны специальные глубокие знания, которых нет у широкой публики. Борьба за первенство открытия или исследования происходит внутри научного сообщества. Кроме реальной новизны, здесь важен фактор внутренней научной коммуникации: исследования, которые не известны коллегам по цеху, как бы и не существуют для них. Здесь можно вспомнить о теории «множественных открытий»: некоторые новаторские научные результаты были получены несколько раз независимо друг от друга. Множество примеров приведены, например, в [3] и в главе «Multiple discoveries in Science» в [4]. Кстати, «настоящему» первооткрывателю далеко не всегда удавалось дать имя своему открытию или изобретению, часто они были названы по имени того, кто был более успешен в научной коммуникации и был лучше встроен в научное сообщество. Вспомним, например, Генри Кавендиша, который, по воспоминаниям коллег, был очень скрытным и явно недооценивал важность научной коммуникации: «Его эксперименты с электрической проводимостью на столетие опережали время, но, к сожалению, оставались неизвестными, пока это столетие не прошло. На самом деле, большая часть проделанного им не была известна до конца XIX века, когда кембриджский физик Джеймс Клерк Максвелл взял на себя задачу подготовки бумаг Кавендиша к печати; к тому времени почти все его открытия уже принадлежали другим ученым» [5, с. 62–63].

Если «новизна» может пониматься как минимум в двух значениях, указанных нами выше (историческом и психологическом), то вопрос о **ценности**, вероятно, может решаться десятком разных способов. Ценности науки сложно определимы и культурно-обусловлены: они зависят от контекстов, на них оказывает влияние множество различных факторов. Здесь же мы сталкиваемся с проблемой «продвижения» или «пиара» полученного креативного нового, публичного обоснования его ценности. Научный результат вынужден «отвоевывать себе место под солнцем» и обосновывать свою ценность, даже если его новаторство не вызывает сомнений: «To understand whether a research program is well-adapted we need to answer both the value question and the promotion question» [6, p. 2].

Как мы уже указывали ранее, в случае новизны этот «promotion question» касается коммуникации внутри научного сообщества: ведь именно научное сообщество обладает необходимой экспертизой, чтобы говорить об абсолютной (исторической) новизне в какой-либо сфере. А если мы говорим о ценностном критерии, то речь в первую очередь идет о «внешней» научной коммуникации: с научными администраторами и, главное, с обществом в целом. Они могут и не обладать достаточной экспертизой, но в итоге они оказывают существенное влияние на оценку исследования по ценностному критерию. От «раскрученности» темы зависит и коммерциализация и государственное финансирование научных проектов, от запросов общества зависит популярность не только исследований, но и целых научных направлений. В качестве примера можно вспомнить сверхпопулярный «космический проект», который можно назвать скорее социальным (влияющим и формирующим мировоззрение общества), чем собственно научным: он основан в большей степени на особой системе ценностей, чем на научной или социальной необходимости [7].

Подводя итог, еще раз отметим, что при разговоре о креативности в науке на первый план выходят критерии новизны и ценности результата творческой деятельности. Новизна научного исследования в большей степени определяется научным сообществом, обладающим достаточными компетенциями и историческими знаниями в конкретной научной области. Научное сообщество проводит анализ известных им данных и определяет историческое первенство того или иного исследования. В качестве одного из факторов успешности теории здесь (помимо «объективного новаторства») выступает внутренняя научная коммуникация.

На критерий ценности, помимо экспертного сообщества в большей степени, чем на оценку новизны, оказывает влияние «promotion question»: в этом случае важен вопрос влияния и утверждения ценности научного исследования не только для научного сообщества, но и для научных администраторов и общества в целом. Крупные научные проекты, для того чтобы им хватало ресурсов

на развитие, должны быть не просто новаторскими, они должны оказывать влияние на формирование мировоззрения и ценностей всего общества, часто даже не ограничиваясь пределами одной страны.

Литература

1. *Kieran M.L.* Creativity as an Epistemic Virtue. In: Battaly, H, (ed.) The Routledge Handbook of Virtue Epistemology. Routledge Handbooks in Philosophy. Abingdon: Routledge. 2018.
2. *Boden M.* The Creative Mind: Myths and Mechanisms, second ed., London: Routledge, 2004.
3. *Ogburn W.F., Thomas D.* Are Inventions Inevitable? A Note on Social Evolution // Political Science Quarterly. 1922. Vol. 37, No. 1. Pp. 83-98.
4. *Merton R. K., Sztompka P. (ed.)*. On Social Structure and Science, USA: The University of Chicago Press, 1996.
5. *Брайсон Б.* Краткая история почти всего на свете. М.:Гелеос, 2007. 576 с.
6. *Currie A.* Creativity, conservativeness & the social epistemology of science // Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2019. Vol. 76, Pp. 1–4.
7. *Касавин И.Т.* Космос: большой вызов и глобальный проект // Эпистемология и философия науки 2022. Т. 59. No 1. С. 6–16.

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО И НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ*

Е.А. Жарков

*Младший научный сотрудник лаборатории «Наука, Технологии, Общество»
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: flash45@yandex.ru*

С.В. Шибаршина

*Старший научный сотрудник лаборатории «Наука, Технологии, Общество»
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: svet.shib@gmail.com*

Акцентирована проблематика рассмотрения коллективного творчества (в научной деятельности) с использованием представления о «творческой лаборатории». В роли подобных «лабораторий» могут вступать научный семинар и внелабораторные встречи как локации коллективного научного творчества. В качестве примера приводится семинар, проводимый под руководством Л.Д. Ландау, а также рассказывается о результатах *in vivo* исследований лабораторий психологом К. Данбаром. Высказываются предположения, что (1) апелляция к творческой лаборатории позволяет по-новому взглянуть на «лабораторию» как предмет исследований *laboratory studies*, (2) данный концепт способен пролить свет на возможное понимание «контекста открытия» в процессе работы творческого коллектива; (3) повседневные встречи ученых, происходящие за рамками «лабораторных взаимодействий», являются одними из важнейших составляющих научных открытий.

Ключевые слова: коллективность, творческая лаборатория, контекст открытия, исследования лабораторий, подход *in vivo*

SCIENTIFIC CREATIVITY, SCIENTIFIC COMMUNICATION, AND A CREATIVE LABORATORY

E.A. Zharkov

*Junior research assistant
National Research Lobachevsky State University
E-mail: flash45@yandex.ru*

* Тезисы подготовлены в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства "Приоритет 2030", № темы Н-424-99_2022-2023.

S.V. Shibarshina
Senior research assistant
National Research Lobachevsky State University
E-mail: svet.shib@gmail.com

In this paper, the authors emphasize the problems of considering collective creativity (in science) using the idea of a "creative laboratory". They illustrate their considerations referring to the cases of a scientific seminar and out-of-laboratory meetings as possible locations for collective scientific creativity. As examples, the authors focus on the seminar directed by L. D. Landau and the results of in vivo studies of laboratories by psychologist K. Dunbar. It is suggested that (1) the appeal to the creative laboratory allows a new look at the "laboratory" as a subject of laboratory studies, (2) this concept is able to shed light on a possible understanding of the "context of discovery" in the process of the creative team; (3) everyday meetings of scientists, taking place outside the laboratory interactions, are a most important component of scientific discoveries.

Keywords: collectivity, creative laboratory, context of discovery, laboratory studies, in vivo approach

Понятие «творчества» в настоящее время нередко используется для характеристики научной деятельности и ее разнообразных, более тонких и детальных аспектов. Зададимся вопросом, в каких именно локациях, пространствах науки возможно обнаружение творческого процесса?

Одной из существенных социо-эпистемических особенностей современной науки является коллективность. Здесь полезно вспомнить понятие «творческого коллектива». Речь идет о решении какой-либо научной проблемы группой ученых. Важно подчеркнуть, что в данном случае мы не говорим о творческом коллективе как о некой формальной структуре. В чем может состоять реализация «творческого процесса» в рассматриваемом случае?

Если коллектив действительно совершил открытие, получившее признание и оценку мирового научного сообщества, то это открытие и есть результат сложно устроенного и, как правило, неалгоритмизируемого совокупного «творческого процесса». Но что, собственно, такое открытие может нам сказать о самом [творческом] процессе, его внутренних деталях? Таким образом, мы встречаемся с проблемой, выражаемой, в частности, известной контроверзой «контекста открытия и контекста обоснования». Сфокусируем внимание на контексте открытия и особенностях «эпистемических культур» научных сообществ.

В 1970-ые и 1980-ые годы были осуществлены первые этнографические исследования науки, сфокусированные на проблеме понимания «истинного механизма» [процесса] производства знания в научных *лабораториях* (Б. Латур, С. Вулгар, К. Кнорр-Цетина и др.). В результате данных исследований понятие научного факта приобрело смысловые оттенки, связанные с самим процессом его конструирования, в котором важная роль принадлежит «неявному знанию» (М. Полани, Г. Коллинз) [3, p. 108-112]. Как подчеркивает С. Сисмондо, рассмотрение процесса производства знания и конструирования фактов в лаборатории представляет этап «первого раунда» исследования лабораторий (*laboratory studies*) [ibid, p.107].

Вместе с тем, «актуализация» понятия лаборатории, осуществленная пионерами направления STS, позволяет рассмотреть его использование и в иных, примечательных и заслуживающих внимания контекстах. С одной стороны, сегодня исследование лабораторий представляет собой отдельное научное направление. С другой стороны, для самих ученых (естественно, с учетом дисциплинарной специфики) лаборатория является одним из понятий, составляющих их «жизненный мир». Знакомство с рядом историко-научных фрагментов показывает, что ситуативность употребления термина «лаборатории» связана не только с ее популярным образом – помещения, в котором ученые «в белых халатах» ставят эксперименты, совершают разнообразные манипуляции с приборами и установками. Речь также идет о самих коммуникациях между учеными.

Исследования показывают важность регулярных внутринаучных коммуникаций в деятельности лабораторий. В данной связи любопытными представляются результаты исследований К. Данбара, который использует в том числе подход "in vivo" (изучение научного творчества изнутри, в относительно естественных условиях). Здесь исследуется процесс решения научных задач на основе непосредственного наблюдения ученых в лабораториях. К примеру, в течение года К. Данбар наблюдал и описывал процесс работы ученых из ведущих мировых лабораторий молекулярной

биологии, фиксируя относительно реальную, а не искусственно моделируемую научную деятельность [1, p. 53-55]. К. Данбар пишет: «Мы снимали на видео и аудио процесс того, как рассуждают ведущие молекулярные биологи и иммунологи на своих лабораторных собраниях. (...) Мы исследовали ведущие лаборатории США, Канады и Италии. Каждая лаборатория изучалась, таким образом, от трех месяцев до года» [2, p. 334].

Было отмечено, что важные открытия обычно делались не в одиночку и не просто в лаборатории, а в ходе повседневных собраний ученых, на которых они обменивались информацией, обсуждали возникшие проблемы или необычные находки [ibid, p. 337-338]. Это, конечно, едва ли можно однозначно назвать «творческой лабораторией», однако подобные встречи являются существенным элементом процесса научного творчества. Более того, можно предположить, что именно повседневные собрания ученых, происходящие за рамками лабораторных взаимодействий, являются важнейшей составляющей научных открытий.

Также К. Данбар с коллегами исследовали феномен «распределенного (коллективного – Е.Ж., С.Ш.) мышления» среди ученых (было исследовано “in vivo” пять лабораторий) и пришли к мнению о том, что «более 50% рассуждений, произведенных на собраниях, являются распределенными» [1, p. 55]. Имеется в виду следующее. «Например, трое ученых, анализирующих данные, могут сделать три разных вывода из одних и тех же данных, или один ученый может предоставить одну предпосылку для индуктивного обобщения, другой – вторую предпосылку, а третий – заключение», - так описывает он процесс коллективного мышления [ibid, p.55]. На собраниях многие ученые предлагают различные альтернативные обобщения из одних и тех же данных, и большая часть последующего обсуждения состоит из оценки конкурирующих обобщений. Как отмечает К. Данбар, это позволяет ученым генерировать различные репрезентации проблемы. Однако следует иметь в виду, что данный инструмент зачастую оказывается неэффективным в дискуссиях между учеными с одинаковым исследовательским опытом (к примеру, изучающими один и тот же биологический организм) либо с совершенно различным и далеким исследовательским опытом, а также целями [ibid, p. 56]. И все же в целом сделанные К. Данбаром выводы подтверждают важность коллективной составляющей в современном научном творчестве.

Важнейшими для научного творчества форматом встреч ученых являются коммуникационные процессы, генерирующие состояние «творческой атмосферы». Одной из выдающихся личностей науки 20-ого века является Л. Д. Ландау. Он известен не только ценнейшими научными результатами и знаменитым «курсом теоретической физики», но также созданием научной школы мирового уровня. Согласно воспоминаниям ученых, имеющих близкое отношение к «школе Ландау», одним из ключевых факторов ее становления и развития был семинар, проводимый под руководством великого физика и играющий роль «творческой лаборатории» [4, с. 268-272]. В отличие от традиционного образа лаборатории как локации экспериментирования (восходящего еще к «алхимическим практикам») в данном случае речь идет о «теоретической лаборатории». Весьма интересно, что здесь мы имеем дело с реализацией именно «творческой коллективности» и, кроме того, с особым свойством соответствующего коммуникативного пространства – «творческой атмосферой», способствующей плодотворной научной работе.

Мы полагаем, что концепт «творческой лаборатории» заслуживает дальнейших исследований по двум причинам: во-первых, апелляция к «творческой лаборатории» позволяет выйти за тематические рамки, обозначенные первым раундом *laboratory studies* (по С. Сисмондо); во-вторых, данный концепт способен пролить свет на возможное понимание «контекста открытия» в процессе работы творческого коллектива.

Литература

1. Dunbar K. How Scientists Think in the Real World: Implications for Science Education // Journal of Applied Developmental Psychology. 2000. Vol. 21. Iss. 1. P. 49-58.
2. Dunbar K., Blanchette I. The in vivo / in vitro Approach to Cognition: the Case of Analogy // TRENDS in Cognitive Sciences. 2001. Vol. 5. № 8. P. 334-339.
3. Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. Oxford: John Wiley & Sons, 2010. 256 p.
4. Халатников И. М. Как создавалась школа Ландау // Воспоминания о Л. Д. Ландау / под ред. И. М. Халатникова. М.: Наука, 1988, С. 267-274.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПУБЛИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Г.Н. Иванов

Студент

Университет ИТМО

E-mail: gleb.ivanov.00@list.ru

Статья посвящена экологическому сознанию, которое трактуется как характеристика общественных взаимодействий, включающих отношение социальных субъектов к природным условиям их существования. Рассматриваются три характеристики экологического сознания, определяющие его отношение с окружающей средой, его гетерогенность и связь с публичной научной коммуникацией. В первом случае подчеркивается роль информационных посредников социального взаимодействия. Поясняется в каком смысле социальные медиа представляют собой как вызов, так и дополнительную возможность такой коммуникации. Указанная общая проблема раскрывается через два направления исследований, фокусирующихся на поляризации позиций участников взаимодействия и роли научных визуализаций. Выдвигается перспективный исследовательский вопрос о способности научных визуализаций способствовать переводу поляризации позиций в ситуацию диалога при формировании экологического сознания.

Ключевые слова: экологическое сознание, социальные медиа, научная коммуникация, диалог, поляризация, визуализации

ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS AND PUBLIC SCIENCE COMMUNICATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES OF SOCIAL MEDIA

G.N. Ivanov

Student

ITMO University

E-mail: gleb.ivanov.00@list.ru

The article deals with ecological consciousness, interpreted as a characteristic of social interactions, including the attitude of social subjects to the natural conditions of their existence. The author considers three characteristics of ecological consciousness, which determine its relationship with the environment, its heterogeneity and its connection with public science communication. In the first case, he emphasizes the role of information intermediaries of social interaction and explains in what sense social media is both a challenge and an additional opportunity for science communication. Then, he reveals this general problem through two areas of research focusing on the polarization of the participant's positions in the interaction and the role of scientific visualizations. In conclusion, he puts forward the future research question on the ability of scientific visualizations to contribute to the translation of this polarization into a situation of dialogue in the formation of ecological consciousness.

Keywords: ecological consciousness, social media, scientific communication, dialogue, polarization, visualizations

Экологическое сознание мы понимаем, как характеристику общественных взаимодействий, предполагающих отношение различных социальных субъектов к условиям их существования, а именно, к естественным условиям, подвергаемым техногенным и антропогенным трансформациям. Важным в определении экологического сознания являются несколько взаимосвязанных аспектов. Во-первых, экологическое сознание представляет собой элемент рекурсивной петли, в которой природные условия существования как определяют сознание, так и зависят от него. При этом посредниками влияния как в первом, так и во втором случае оказываются средства массовой информации, предоставляющие актуальные формулировки проблем, а также субъекты власти (политической или научной), отвечающие за содержание этих формулировок и за принятие решений по самим проблемам.

Во-вторых, экологическое сознание является принципиально негомогенным, множественным. Его дифференциация зависит от различных заинтересованных субъектов, на жизнедеятельность которых так или иначе влияют результаты климатических изменений или загрязнения окружающей среды. Скажем, субъекты бизнеса могут быть не заинтересованы в признании антропогенного фактора климатических изменений или трансформации норм загрязнения среды, которые могут привести к дополнительным вложениям в переоборудование предприятий. Тогда как граждане, проживающие в экологически небезопасных районах, особо остро реагируют на соответствующие приняты решений или их отсутствие, коль скоро, например, увеличение вредных выбросов с промышленных предприятий непосредственно определяет состояние их здоровья. Кроме того, еще одна дифференциация, не совпадающая с первой, определяет позиции вокруг более или менее выраженного научного консенсуса о климатических изменениях. В этом контексте существует поляризация тех, кто доверяет научным суждениям и тех, кого называют климат-скептиками или климат-отрицателями. Таким образом, речь может идти о дифференциации интересов и дифференциации эпистемических позиций.

В-третьих, экологическое сознание во многих смыслах зависит от науки: от достигнутого научного консенсуса по соответствующим проблемам, от открытости научных дискуссий, не оставляющей почвы для скепсиса и «теорий заговора», от честности ученых, раскрывающих неполноту консенсуса и признающих адекватность различных моделей описания изменений климата с различными последствиями для принятия решений, от изучения учеными проблем формирования экологического сознания. И если в первом случае речь идет о профессиональной работе самих ученых, например климатологов, а в последнем – об исследованиях социологов и антропологов, изучающих способы трансформации общественного сознания, то остальные способы влияния науки раскрываются в коммуникации ученых и публики.

Именно этими аспектами обусловлена актуальность представленной темы. Общий тезис состоит в том, что особое значение в осуществлении публичной научной коммуникации по поводу формирования экологического сознания имеет функционирование социальных медиа, в которых, в отличие от классических средств информации, предположено взаимодействие различных участников и, в случае специально организованных ресурсов, имеющих профессиональную ориентацию, обратная связь с воспринимающими информацию субъектами. (В этом отношении показательным является сайт Skeptical Science [1], организованный группой заинтересованных специалистов – от профессоров до студентов – в области наук о земле, физики, компьютерных наук, и т.д., имеющих целью обсуждение скептических аргументов о климатических изменениях, а также объясняющих методы отрицания результатов научных исследований. На этом сайте, как и на многих подобных, предположена обратная связь и комментирование размещаемых публикаций). Сам по себе такой тезис имеет общий характер и звучит почти тривиально, однако он позволяет далее конкретизировать исследовательское поле.

В этом поле интерес представляет одна теоретическая проблема, вынесенная в заглавие, и два эмпирических направления исследований в рамках этой проблемы. Социальные медиа, обладая ресурсом организации быстрой и эффективной коммуникации между пользователями, представляют собой одновременно как вызов, так и условие для формирования экологического сознания, особенно если второе осуществляется более менее организованным научным образом. Вызов, связанный с трансформацией содержания научной информации посредством цифровых технологий, возрастает в социальных медиа. Состоит он в деконтекстуализации информации, вырывании ее из непосредственного научного контекста [2], попадающий в поле дискуссий в социальных сетях. Доступность информации, скорость ее восприятия и объемы ее комментирования находятся как правило в обратной зависимости от точности и обоснованности научного языка, ее выражающего, что не может не продуцировать эпистемические искажения. Однако с этим связана и возможность эффективного воздействия научной информации, которая, привлекая воспринимающего простотой и краткостью изложения, может способствовать последующему погружению его в более обстоятельное изучение вопроса.

Два эмпирических аспекта уже существующих исследований раскрывают эту проблему. Во-первых, речь идет о выраженной поляризации, которая с большей или меньшей очевидностью присутствует в различных социальных сетях в дискуссиях по поводу климатических изменений [3]. Такая поляризация в условиях открытости дискуссий представляет собой одновременно как вызов, так и возможность. Поляризация выявляет аргументы сторон, позволяет при желании соотносить указанные аргументы с научной информацией и, обсуждая позиции друг друга, формировать пространство диалога. Однако возможно и возникновение эхо-камер и закрытых информационных групп, в которых позиции не обсуждаются, а только подкрепляются аргументами, часто имеющими

скорее эмоциональный, но не обоснованный посредством экспертизы характер. Во-вторых, важным элементом коммуникации в социальных сетях являются визуализации, в том числе взятые из научных источников или опосредованно отсылающие к научным выводам. Часто эти визуализации трансформируются в социальных медиа в мемы, представляющие собой отдельный информативный предмет изучения [4]. Будучи изученными, такого рода представления, характеризующие восприятие научной информации, могут оказаться условием направленного научного и образовательного формирования экологического сознания. В этой связи особо показательным является исследование, выявляющее принципиальное различие влияния визуальной информации о климатических изменениях, которая может как мотивировать экологический активизм, так и рождать ощущение пассивности, связанное с переживанием невозможности стать субъектом конструктивных трансформаций природных условий человеческого существования [5].

Два указанных уже существующих направления эмпирических исследований могут быть представлены в своей связи. Тогда они актуализируют вопросы о том, насколько научные визуализации по поводу климатических изменений, представляемые в дискуссиях в социальных сетях, могут быть поводом поляризации позиций? Могут ли такого рода научные визуализации способствовать переводу поляризованных позиций в поле диалога и каково условие для такого перевода? Эти вопросы, сформулированные как исследовательская перспектива, могут быть обоснованы концептуально, а также изучены эмпирически в русскоязычном сегменте социальных медиа. Это поле представляется недостаточно проанализированным и может дать дополнительный материал для сравнений и обобщений. Представленное же исследование служит обоснованием такой постановки исследовательских вопросов.

Литература

1. Web. Skeptical Science. <https://skepticalscience.com/> (Дата доступа 16.05.2022)
2. *Rigutto C.* The landscape of online visual communication of science // *Journal of Science Communication*. 2017. Vol. 16 (02). C06_en. P. 1-9.
3. *Treen K., Williams H, O'Neill S., Coan T.G.* Discussion of Climate Change on Reddit: Polarized Discourse or Deliberative Debate? // *Environmental Communication*. 2022. DOI: 10.1080/17524032.2022.2050776
4. *Al-Rawi A., Blackwell B., Kane O., O'Keefe D., Bizimana A-J.* COVID-19 in the Time of Climate Change: Memetic Discourses on Social Media // *Environmental Communication*. 2022. DOI: 10.1080/17524032.2022.2053181
5. *O'Neill S. J., Boykoff M., Niemeyer S., Day S. A.* On the use of imagery for climate change engagement. // *Global Environmental Change*. 2013. Vol. 23. P. 413-421.

АНАЛИЗ СВЯЗИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ «ВНУТРЕННЕЙ» И «ВНЕШНЕЙ» ИСТОРИИ НАУКИ И ФЕНОМЕНА НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ПОЗИЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ НАУКИ*

Н.Н. Погожина

*Старший преподаватель философского факультета
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
E-mail: nat60089784@yandex.ru*

Автор обращается к анализу ряда методологических оснований исследования научного знания в постпозитивистской традиции, определяя некоторые пределы стратегической значимости и непосредственное влияние данного концептуального подхода на дальнейшее развитие современных исследований науки. Приводятся соображения об организации научной коммуникации и предлагается вариант проблематизации коммуникативных границ и потенциальной смены наблюдательной перспективы. Используя частичную реконструкцию ключевых позиций и теоретический базис подхода «исследовательских программ», выделение «внешней» и «внутренней» истории науки, а также потенциал сетевого анализа и системно-коммуникативного

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-00804 «Наука как коммуникативная система и научная политика в социально-сетевую эпоху».

подхода, демонстрируется принципиальная важность рассмотрения характера и свойств научной экспертизы, особенно в ее сетевом варианте. Обосновывается точка зрения на сетевую экспертизу как специфическую по своему характеру коммуникативную практику систем науки и политики.

Ключевые слова: эпистемология, социальная теория науки, коммуникация, сетевой анализ, научная экспертиза, рациональная реконструкция, история науки

ANALYSIS OF THE CONNECTION BETWEEN THE DISTINCTION OF "INTERNAL" AND "EXTERNAL" HISTORY OF SCIENCE AND THE PHENOMENON OF SCIENTIFIC EXPERTISE FROM THE STANDPOINT OF THE SOCIAL THEORY OF SCIENCE**

N. N. Pogozhina

Senior Lecturer

Lomonosov Moscow State University

E-mail: nat60089784@yandex.ru

The author refers to the analysis of a number of methodological grounds for study of scientific knowledge in the postpositivist tradition, defining some limits of strategic significance and the direct impact of this conceptual approach on the further development of modern research in science. Considerations on the organization of scientific communication are given and an option is proposed for the problemization of communicative boundaries and a potential change in the observational perspective. Also the author uses the partial reconstruction of key positions and the theoretical basis of the approach of "research programs," highlighting the "external" and "internal" history of science, as well as the potential for network analysis and a system-communicative approach. The fundamental importance of considering the pattern and properties of scientific expertise is demonstrated, especially in its network version. The point of view on network expertise as a specific communicative practice of science and policy systems is justified.

Keywords: epistemology, social theory of science, communication, network analysis, scientific expertise, rational reconstruction, history of science

В своем исследовании мы рассматриваем феномен конституирования социального измерения научного знания и изучение коммуникации в науке через осмысление дихотомии «научного» и «ненаучного», а также возникающей в этой связи проблематики экспертизы с учетом тех информационных и сетевых средств, которые трансформируют и расширяют понимание «экспертности» в современности. Принципиально значимым в этом отношении выступает, на наш взгляд, обращение к наследию И. Лакатоса: включение некоторых аспектов методологической программы, предложенной им, и наработок по истории и философии научного знания – в частности, метода рациональной реконструкции и разделение (используя язык коммуникативной теории – «различения») «внутренней» и «внешней» истории науки.

Исходя из позиции системного анализа социального и понимания социального, прежде всего, через длящуюся и возобновляемую коммуникативную практику, мы с необходимостью обращаемся к проблеме наблюдения [1]. Принимая посылку замкнутости коммуникативных систем (их аутопойетического характера), важно обратить внимание на следующий парадокс наблюдения: отсутствие последовательной связи между наблюдением *способов познания, конструируемых с позиции наблюдателя*, и наблюдения *наблюдателей себя в качестве субъектной точки наблюдательной перспективы*, то есть самих *наблюдающих наблюдение*. Этот важный для нас в дальнейшем исследовании тезис вполне соразмерен и даже в определенной степени продуцирован методологическим базисом рациональной реконструкции И. Лакатоса. Если отвлечься от некоторых современных наработок, а с ними и тех проблемопостановок, которые связаны с социальными и коммуникативными коннотациями понятия научной истины и уходом от гипертрофированной роли исключительно рационального элемента в знании, можно заметить, что в пределах метода рациональной реконструкции фактически заявляется следующее – базовая необходимость учета исторического поля научного знания и соотнесение его с определенными «шагами» внутреннего концептуального изменения той или иной научной области [2]. Позиция Лакатоса по ключевым

** This article has been prepared for publication with the financial support from Russian Science Foundation, Project № 22-28-00804 «Science as a communicative system and the science policy in the social-network era».

вопросам, безусловно, предполагает серьезное обращение к исторической фактуре научного знания, с одной стороны, и фундаменту рациональных оснований, с другой. Однако выявление регрессивной рекурсии оснований научности фальсификационизма, довольно свободная конкурентная среда программ исследования и различие «внутренней» и «внешней» истории науки позволяют говорить о более гибких представлениях модели научного знания, а также о возможности включить данные теоретические измышления в концептуальную рамку рассмотрения специфики наблюдательных перспектив и их смен в ходе исследовательской практики (или научной коммуникации). По сути, внутренняя логика развития научного знания с необходимостью помещена в контекст социальных, политических, экономических, психологических и иных обстоятельств, разным образом влияющих на ход исследования.

В этой связи интересным продолжением обозначенной линии обсуждения представляется наблюдательная перспектива (и, соответственно, перспектива различения), используемая в акторно-сетевой теории. Эта наблюдательная перспектива, грубо говоря, различает внутреннюю научную логику изменения природного объекта и естественный процесс его изменения. Примером может послужить выставка в музее естественной истории, посвященная эволюции лошадей [3]. Оказываясь на данной выставке, мы сталкиваемся как минимум с двумя перспективами наблюдения, хотя зачастую не проводим такое различие. Во-первых, основной перспективой, фактически «предъявленной», выступает цепь изменений (эволюционного характера) природного объекта. В данном примере – это столкновение исследовательских программ изучения эволюции лошадей как линейного и нелинейного ходов. Эта перспектива репрезентирует себя с позиции «реальности». Но также можно занять иную позицию различения, которая конституируется не на основе порой противоречивых взглядов исследователей, имеющих принадлежность к разным по времени и направлению научным школам, на «собственную» эволюционную «логику» изменений животных, а на параллельно развивающийся фактический процесс трансформации объекта. Выходит, что научная трактовка и объект разнятся не просто онтологически, что вполне естественно, но и в принципе не совпадают процессуально и пошагово. Природный объект изменяется согласно собственному ходу, включая факторы мутации, эволюционные скачки, внешнее вмешательство иных агентов, случайности. Научный взгляд на объект претерпевает изменения, детерминированные чередой абсолютно иных фактов – споров в среде ученых, уровня технической оснащенности исследований, тех или иных примет времени, наконец, степени популярности концепций, «подсвеченности» их в научном сообществе, экономических ресурсов, отведенных для исследований. Однако две выделенные линии трансформации могут и имеют пересечения как раз в тех точках, где конкретные ученые «сталкиваются» с конкретными артефактами. Отсюда может, к примеру, следовать изображение подобного процесса в виде модели сети, имеющей гетерогенную природу своего полотна, а также узлов как точек пересечения акторов – артефактов и исследователей.

При обсуждении означенных выше направлений анализа рациональных посылок и расширения поля исследования включением разных наблюдательных перспектив, исходящих как из собственной среды научного знания, так и фиксированных вне, на первый план выходит вопрос не только генезиса, но и распространения знания, а следовательно, вопрос коммуникативного и эпистемологического *статуса экспертизы*. Феномен экспертизы занимает важное место в современности, это различие (экспертности/неэкспертности) можно рассматривать как сравнимое по значимости с различием научного/ненаучного для дискурса разных этапов становления позитивистской традиции. Экспертиза может исследоваться с точки зрения фундирования этическими посылками, через призму социального института науки, следовательно, комплексно позиционироваться частью «этоса науки» [4], или иметь выделенное место экспертного этоса [5]. Но особый интерес в связи со своей относительной новизной, на наш взгляд, представляет анализ экспертизы, базирующейся на сетевых коммуникативных практиках, которые менее институализированы, обладают полицентричностью и большей гетерогенностью. Именно здесь видится разведение экспертного и собственного научного знания – выявления структурных характеристик и точек слияния – принципиально необходимым для оценки взаимного влияния научной и политической коммуникаций. В частности, в таких неконвенциональных позициях как профессиональный протестный дискурс в науке (обличительные интернет-издания, журналы и газеты, базы исследовательских работ, содержащих самоцитирование и тд.) Понимание сущностной характеристики протестной коммуникации как «протеста ради протеста» помогает исследовать механизм присоединения новых сторонников, который работает с помощью смещения фокуса внимания на острую тему, но не влечет за собой условное «решение». А также благодаря сетевому характеру абсолютизируется возможность подсоединения к коммуникации и расширения проблемного поля за счет относительно не строгой тематической определенности, что позволяет

протестной коммуникации продолжаться, а не «затухать», то есть совершать те же маятниковые коммуникативные движения, но часто без определенных различий «больших» социальных систем (истина/ложь, власть/безвластие и тд.).

Таким образом, была предпринята попытка содержательно продемонстрировать влияние постпозитивистской методологии на развитие не только дисциплинарного знания в рамках истории и философии науки, но и как дающей импульс современному полю исследований социальной и коммуникативной практики научного знания, а также представлен вариант иной принципиальной дихотомии – смещение полюса с выделения научного и ненаучного знания на постановку проблемы экспертности.

Литература

1. *Луман Н.* Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
2. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проспект, 2008. 423 с.
3. *Latour B.* A Textbook Case Revisited. Knowledge as a Mode of Existence // The Handbook of Science and Technology Studies. Third Edition. Cambridge, Mass, MIT Press, 2007. P. 83–112.
4. *Merton R.K.* Social theory and social structure [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/robert_k_merton_social_theory_and_social_structure/page/n5/mode/2up (дата обращения 19.03.2022).
5. *Shapin S.* Here and everywhere: Sociology of scientific knowledge // Annual Review of Sociology. 1995. Vol. 21. P. 289-321.

НАУКА И ФИЛОСОФИЯ КАК «БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ» КУЛЬТУРНОЙ ЭПОХИ

В.П. Барышков

Доктор философских наук

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

E-mail: dvladipetr@mail.ru

Наука и философия есть не только самосознание, но и бессознательное (иррациональное) выражение определенной культурной эпохи. Если для XVI, XVII и XIX веков была характерна устремленность к освоению физического (в географическом смысле) мира, то для начала XX века столь же пассионарным было стремление к освоению социального и культурного мира, что также порождало широкий интерес к познанию. Правда, освоение воспринималось уже заведомо в конструктивистском смысле.

Проводится различие между знанием и отношением к знанию, что может быть выражено в радикальной дидактической установке: следует учить не столько знанию, сколько отношению к нему. Значение именно отношения к знанию в процессе его социокультурного восприятия, воспроизводства и развития нуждается в более полном раскрытии. Современные научные знания адаптируются к становой национальной культуре, где реально функционирует отношение к знаниям традиционное, архетипичное (коллективное когнитивное бессознательное). Это отношение доминирует в ходе трансляции знания, одновременно перенимая терминологию и встречным образом мимикрируя под новейшие образы мира и образцы мысли. В тех научных знаниях, которые преподаются в школах, выбираются устойчивые сочетания, кластеры, приспособленные для восприятия в границах традиционного ментального уклада (ньютонова механика в отечественном среднем образовании). В любых воплощениях знания проявляется нечто иное, чем их непосредственное содержание, а именно, их духовный контекст.

Ключевые слова: знание, отношение к знанию, бессознательное, эпоха, дух эпохи, культурная эпоха, духовный контекст

SCIENCE AND PHILOSOPHY AS THE «UNCONSCIOUS» OF THE CULTURAL ERA

V.P. Baryshkov

DSc of Philosophy

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

E-mail: dvladipetr@mail.ru

Science and philosophy are not only self-awareness, but also an unconscious (irrational) expression of a particular cultural age. If the XVI, XVII and XIX centuries were characterized by an aspiration to master the physical (in the geographical sense) world, then for the beginning of the twentieth century the desire to master the social and cultural world was equally passionate, which also generated a wide interest in knowledge. True, the development was already perceived obviously in the constructivist sense.

A distinction is made between knowledge and attitude to knowledge, which can be expressed in a radical didactic attitude: it is necessary to teach not so much knowledge as the relation to knowledge. The importance of the attitude to knowledge in the process of its socio-cultural perception, reproduction and development needs to be more fully disclosed. Modern scientific knowledge is adapted to the national culture, where the traditional, archetypal (collective cognitive unconscious) attitude to knowledge is really functioning. This attitude dominates in the course of the translation of knowledge, at the same time adopting terminology and counter-mimicking the latest images of the world and patterns of thought. In those scientific knowledge that are taught in schools, stable combinations are chosen, clusters adapted for perception within the boundaries of the traditional mental order (Newtonian mechanics in domestic secondary education). In all incarnations of knowledge, something other than their immediate content, namely, their spiritual context, is manifested.

Keywords: knowledge, attitude to knowledge, unconscious, epoch, spirit of the epoch, cultural epoch, spiritual context

Социально-психологические черты «народной культуры», прагматизм связанной с ней культуры элит, конкретные цивилизационные особенности национального развития, а также коллективное когнитивное бессознательное, оказывают влияние на формы дисциплинарного знания и познания. Опосредованно такая связь осуществлялась через субъектов интеллектуальной деятельности в науке и философии. Воплощение подобных предпосылок и такой их включенности в историческую судьбу открытий и достижений научного и философского творчества заслуживает внимания

Наш тезис состоит в том, что и наука, и философия есть не только самосознание, но и бессознательное (иррациональное) выражение определенной культурной эпохи.

В продуктах духовного производства и процессах его стихийно-творческой реализации иногда в скрытой, а порой в явной форме проявляются базисные векторы развития национальной культуры. Некоторые из тенденций лишь обозначают себя на поверхности событийной истории, воспринятые как казусы и малообъяснимые недоразумения. В силу «исторической конспиративности» остаются неразгаданными творческие усилия эпохи, не воплощенные в очевидностях. Но именно такие явления могут свидетельствовать об имевшейся и не реализовавшейся возможности.

Другой, состоявшийся, вариант заключён в незамеченных поворотах истории, о которых имеется немного свидетельств. Своеобразная сокрытость волевыражения эпохи заключается в таких духовных и культурных процессах, которые оказались маргинальными, но имели подспудный радикальный смысл, воплотивший культурную эпоху, которая «приспособилась», уступив довлеющим социальным обстоятельствам.

Объектами подобной археологии могут быть, например, перипетии с введением логики в программы учебных заведений (1946 г.), эстетическая программа М.А. Лифшица во второй половине 30-х гг. XX в.; не вполне реализовавшиеся усилия русских правоведов и философов права к прояснению «тайн русской души» накануне Октябрьской революции. Каждый из этих фактов дает представление об этнокультурной идентичности не столько личности, сколько цивилизационного сообщества в определенный исторический период. Подобный социально-эпистемологический аспект прослеживается в историко-научных и историко-философских сюжетах.

В своей статье «Наука и дух эпохи» А.Л. Никифоров обосновывает мысль о том, что включение последовательности научных результатов в более широкий социальный контекст даст более адекватную картину развития науки [1]. Под эпохой он понимает периоды общественной жизни, когда

«широкими слоями населения овладевало стремление к познанию, открытию нового, когда очередной шаг в познании окружающего мира привлекал всеобщий интерес».

Тут мы можем вспомнить Э. Кассирера, который утверждал, что «отношение явления к душевному содержанию в нём выраженному, отношение слова к смыслу, этим словом представленному, наконец, отношение сколь угодно абстрактного знака к значению, на которое знак указывает, – всё это не имеет себе аналога в том, как вещи соотносятся в пространстве, а события следуют друг за другом во времени» [2, с.87].

Отметим, что И.Т. Касавин, откликом на статью которого и стало выступление Никифорова, писал о рождении науки из «духа эпохи». Речь, таким образом, изначально шла о духовном содержании эпохи. А.Л. Никифоров также подчёркивает духовный подъём определенного периода общественной жизни нации, особую духовную атмосферу. «Особая» духовность некоторой эпохи заключается, с его точки зрения, в стремлении широких слоев населения к познанию, также как образованных и состоятельных слоев населения к познанию и освоению открывшегося нового мира. Представляется, что замечание о стремлении именно к освоению нового огромного неисследованного мира становится в такой ситуации первичным мотивом интереса к познанию.

Если для XVI, XVII и XIX веков была характерна устремленность к освоению физического (в географическом смысле) мира, то для начала XX века столь же пассионарным было стремление к освоению мира социального и культурного, что также порождало широкий интерес к познанию. Правда, освоение воспринималось уже заведомо в конструктивистском смысле.

Представляется уместным провести различие между знанием и отношением к знанию, что может быть выражено в радикальной дидактической установке: следует преподавать не знание, а отношение к знанию. Например, в Новое время люди восторгались не только знаниями, но и своей способностью к познанию. Также как неизбежно в самом факте межпланетных полётов, например, земляне демонстрируют не только знания, но и отношение к знанию. Это означает, что в любых воплощениях знания проявляется нечто иное, чем их непосредственное содержание, а именно, духовный контекст.

В методических разработках преподаваемых дисциплин принято выделять знания; умения; навыки. Содержание знания, с необходимостью должно быть дополнено умением использовать это знание (в чём уже проявляется отношение к нему), а также приёмами различного использования знания (навыки).

Познание, как процесс, связано с пониманием субъектом (личностью, сообществом, обществом) проблем науки как своих, в той степени, в какой он отождествляет себя с предметом познания и обнаруживает себя в поставленных темах. В таком случае знание носит личностный характер (для человека и культуры; для человека культуры). В противном случае знание имеет номинативный (безличный) характер и представляет собой способ ухода от знания, форму невосприятия знания, форму отказа от знания, когда не требуется ответственности и обязательств знающего за воспринятые знания.

Современные научные знания адаптируются к становой национальной культуре, где реально функционирует отношение к знаниям традиционное, архетипичное. Оно доминирует в ходе трансляции знания, одновременно перенимая терминологию и встречным образом мимикрируя под новейшие образы мира и образцы мысли. Так, в научных знаниях, которые преподаются в школах, выбираются устойчивые сочетания, кластеры, приспособленные для восприятия в границах традиционного ментального уклада (ньютонова механика в отечественном среднем образовании).

Так же, приверженность и подверженность влиянию «корневых» потоков культуры относится к носителю, субъекту новаторской научной деятельности. В России учёные традиционно включались в социальную группу, социальную «прослойку» - интеллигенцию. М. Лифшиц в своё время задавался вопросом: можно ли сказать, что культура высших классов, культура интеллигенции в России была, как полагали славянофилы, своего рода островом в народном океане, колонией иностранцев, что она имела обособленный от народа характер? Он опровергает подобное утверждение [3].

Древние, исторически запечатленные в допетровской Руси черты русской культуры оказались в ходе истории чрезвычайно стойкими, несмотря на последующие наслоения, сохранились во многом до сих пор. М. Лифшиц связывает эти черты с архаической, примитивной крестьянской демократией. Следы эти можно найти в том глубоком радикализме, в той свободе от всякой узости, ограниченности, которые приобрело революционное движение в нашей стране благодаря тому, что революционный рабочий класс получил могучую поддержку крестьянской массы. Народная стихия в нашей стране является вместе с тем и революционной силой, способной к наибольшему революционному размаху. Но, с другой стороны, полагает он, сила европейской формы (связанная главным образом с верхами

послепетровского общества) не была чем-то чуждым, она в ходе развития уже с самого начала приобретала национальный характер.

Относительно европейской формы, и формы вообще, следует заметить, что это также хороший пример встречной адаптации знания и социально-духовного контекста. В логической науке значению формы, формального мышления в нормативных областях социальной реальности, и в праве в частности, уделил внимание В. Н. Брюшинкин. Людям зачастую предоставляется возможность действовать двояко: 1) в соответствии с правилами, 2) в соответствии с непосредственными интересами, зачастую противоречащими правилам. Отечественный логик, как видим, связывает формальное поведение с правилами: «Формальное поведение — это последовательность внешних действий людей, происходящих в соответствии с заранее заданными правилами» [4, с. 10].

Он замечает, что ни Аристотель, ни Кант не употребляли слово «формальный» в уничижительном смысле. В западноевропейской философии такой смысл за этим словом закрепил Гегель, стремившийся противопоставить «пустой» формальной логике содержательную диалектическую логику. В русскую культуру этот смысл слова «формальный» был внесен славянофилами, следовавшими гегелевской традиции словоупотребления. Славянофилы таким способом выражали свое несогласие с традициями рационального мышления и правового общества, которые, по их мнению, были характерны только для западного типа развития.

Гегельянский стиль философствования, пишет В. В. Целищев, с его «немыслимо туманным жаргоном, эти категориальные системы, споры о «правильной» интерпретации Маркса, навевали невероятную скуку». Как он полагает, «поколения ученых в нашей стране, которым преподается философия, подвержены таким же эмоциям, поскольку при таком понимании философии теряется всякий здравый смысл. Быть может, - продолжает учёный, - логика обладала для моего поколения притягательной силой как раз в силу того, что является олицетворением рациональности и того самого здравого смысла, который присущ науке» [5].

Разработка темы отношения к знанию в различных цивилизационных обстоятельствах и факторов, обуславливающих развитие знания в социуме, выступает актуальной задачей в свете акцентированных А.Л. Никифоровым вопросов о составе «духа эпохи».

Литература

1. *Никифоров А.Л.* Наука и дух эпохи// Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 1. С. 34–38.
2. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т.3. Феноменология познания. М., СПб. Университетская книга, 2002. 398 с.
3. *Лифшиц М. А.* Очерки русской культуры. М., Культура; Академический проект. 2015. 751 с.
4. *Брюшинкин В. Н.* Практический курс логики для гуманитариев. М., Новая школа. 1996. 319 с.
5. *Целищев В. В.* Логика и философия (записки семидесятника)// Вопросы философии. № 5. 2012. С. 124-133. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=528 (дата обращения 10.05.2022)

ПОЗИЦИИ КУНА И ЛАКАТОСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

А.О. Зиновьев

Кандидат политических наук, доцент

Петербургский государственный университет путей сообщений

E-mail: azin73@mail.ru

В работе предлагается анализ теоретических позиций Томаса Куна и Имре Лакатоса по истории научных сообществ с точки зрения идей Майкла Манна и Юргена Хабермаса. Две позиции в понимании историчности науки анализируются с точки зрения социологического взгляда на политическую историю как диалектику стратегической рациональности и коммуникативной рациональности в функционировании государств. Использование понятия «революции» Томасом Куном сближает его с историческими исследованиями государств Майклом Манном. А «рациональная реконструкция истории науки» Имре Лакатоса сближает его с двумя типами рациональности по Юргену

Хабермасу. Реальная властная конкуренция между государствами позволяет представить реальную историю научных сообществ как рациональную «эволюцию» научного знания в духе Лакатоса. Но данная «эволюция» носит фиктивный характер и скрывает драматические последствия борьбы за власть между государствами для различных научных сообществ.

Ключевые слова: научные сообщества, стратегическая рациональность, коммуникативная рациональность, властная конкуренция, эволюция, государства

POSITIONS OF KUHN AND LAKATOS FROM THE POINT OF VIEW OF HISTORICAL POLITICAL SOCIOLOGY

A.O. Zinovev

*CSc in Politics, Associate professor
St. Petersburg state transport university
E-mail: azin73@mail.ru*

The paper proposes an analysis of the theoretical positions of Thomas Kuhn and Imre Lakatos on the history of scientific communities from the point of view of Michael Mann' and Jurgen Habermas' ideas. The author analyzes two positions in understanding the historicity of science from the point of a sociological view on political history as a dialectic of strategic rationality and communicative rationality in the functioning of states. The using the concept of "revolution" by Thomas Kuhn brings him closer to the historical studies of states by Michael Mann. In the same time, the "rational reconstruction of the history of science" by Imre Lakatos brings him closer to the two types of rationality according to Jurgen Habermas. Real power competition between states makes it possible to present the real history of scientific communities as a rational "evolution" of scientific knowledge in the spirit of Lakatos. However, this "evolution" is fictitious and hides the dramatic consequences of the struggle for power between states for various scientific communities.

Keywords: scientific communities, strategic rationality, communicative rationality, power competition, "evolution", states

Для социологического анализа, по мнению Пьера Бурдьё, важной является процедура «объективации объективирующего субъекта». В духе данной процедуры, моя оценка теоретических позиций Томаса Куна и Имре Лакатоса опирается на идеи таких представителей исторической политической социологии как Юрген Хабермас и Майкл Манн. При сходстве общей направленности идей Куна и Лакатоса, по моему мнению, Кун ближе к проблематике роли власти в обществе.

Хотя реальная история существенно шире «политической истории», но не случайно историки с древнейших времен и до наших дней начинают описание истории с «политической истории». Ключевая роль «политической истории» в реальной истории становится более обоснованной благодаря исследованиям роли государства и власти в исторической политической социологии. Многие современные социологи приходят к пониманию «общества» как побочного эффекта функционирования государства. При этом, существование «общества как системы» в духе классической социологии Т. Парсонса является побочным эффектом функционирования государства в режиме «либеральной демократии», а для других типов политических режимов классическое социологическое понимание общества плохо соотносится с наблюдаемой социальной реальностью. Другая проблема заключается в отделении общества от психологии людей в духе Эмиля Дюркгейма и Никласа Лумана. Многие социологи и психологи приходят к пониманию интегрированного сосуществования общества и психики людей в нем, зависимости психики людей от культуры и общества, психологии личности от социальной психологии. В исследованиях Майкла Манна [1] государства выступает фундаментальным пересечением сетей военной власти, экономической власти, политической власти и идеологической власти, которое лежит в основе феномена «общества» в Европе. Данные сети социальной власти образуют различные типы властвующих элит (например, военную элиту или экономическую элиту), с особой психикой членов данных властвующих элит. Переход Куна к историческому пониманию научных сообществ сближает историю науки и историю властных элит в виде государств. И не случайно, идеи Куна были популярны в общественных науках, о которых Кун не писал, но данные науки всегда были близки к проблемам истории власти. Важным дополнением к данному изучению истории научных сообществ выступает синтез социологии и психологии в исследованиях «социологии философий» американского социолога Рэндалла Коллинза

[2]. По его мнению, существует специфическая микросоциология философии, для которой характерна специфика повседневных разговоров. Желание вести разговоры о серьезном «культурном капитале», то есть о новых идеях по поводу устройства мира, является специфической психологической мотивацией для философии и научной деятельности. Обычная человеческая тяга к разговору, которая является основой микросоциологии, в результате научной значимости «культурного капитала», превращается в научную коммуникацию. Простое желание участвовать в «умных разговорах» мотивирует человека, становится философом или ученым. По данной причине, для философов и ученых характерна высокая оценка значимости научных идей как содержания «культурного капитала», эмоционального «топлива» для «умных разговоров» (основы научной коммуникации, социального «признания» и мотивации к научной деятельности). Можно сказать, что для философов и ученых характерна особая «повседневность», которая требует существования особых социальных условий в рамках политической истории. Существование научной деятельности требует «финансирования» (в самом широком смысле слова поддержки и «признания» ученых) со стороны властных элит. Данное «финансирование» является необходимым для существования научных сообществ, и оно влияет на научное содержание (научный дискурс) научных сообществ. Реальная история науки, в духе Куна, показывает зависимость научных сообществ от властных элит. С позиции Лакатоса (и отчасти Куна), научное содержание (научный дискурс и научные изделия-вещи) оказывается более важным по сравнению с реальной историей научных сообществ. Будущие научные сообщества берут хорошие научные результаты и забывают реальную историю прошлых научных сообществ и их реальную роль в жизни их государств. В конечном итоге действительно можно констатировать «эволюцию» научного знания в духе Лакатоса и Карла Поппера.

Наука в интерпретации Лакатоса действительно нужна для государств, и они стараются ее «финансировать». С опорой на идеи Юргена Хабермаса [3], можно понимать государство как диалектику стратегической рациональности и коммуникативной рациональности. Властвующие элиты используют стратегическую рациональность для достижения своих целей и используют коммуникативную рациональность для легитимации своей деятельности по достижению своих целей (а также для приобретения стратегической рациональности). Именно наука позволяет властным элитам приобретать наиболее передовые умения по достижению своих целей (то есть стратегическую рациональность) и навыки поддержания «диалога» с населением (то есть коммуникативную рациональность). Хотя для властных элит более важно научное содержание естественных наук, которое дает основание для стратегической рациональности в военной сфере и в экономической сфере, важны для них и знания социальной герменевтики (наук об обществе) для стратегической рациональности и коммуникативной рациональности в «диалоге» с населением. Причем, значение данного «диалога» постоянно растет в условиях роста сложности современных государств и обществ. По данной причине растет и значимость наук об обществе для современных властвующих элит. Для управления современными государствами, властвующие элиты должны успешно справляться с диалектикой стратегической рациональности и коммуникативной рациональности. И для этого им нужны «хорошие» научные содержания (научные дискурсы и научные изделия-вещи), желателен от «своих» научных сообществ. История науки в Европе тесно связана с политической историей конкуренции между государствами в Европе за создание наиболее совершенных механизмов «финансирования» «своих» научных сообществ. Первоначально, данная конкуренция была связана с гонкой вооружений между государствами, а позднее с конкуренцией в экономической сфере. Вероятно, сохранилась идеологическая конкуренция между государствами и конкуренция за человеческий капитал. Можно утверждать, что стратегическая рациональность конкуренции между государствами поддерживает стратегическую рациональность конкуренции между научными сообществами и отдельными учеными. В условиях данной многомерной конкуренции между множеством государств в итоге получается постоянный рост «хорошего» научного содержания, то есть «эволюции» научного знания по Карлу Попперу.

К сожалению, для отдельных научных сообществ в отдельных государствах, их упадок может вытекать из неспособности властных элит, данного государства, справиться с диалектикой стратегической рациональности и коммуникативной рациональности в управлении государством. Иначе говоря, «рациональная реконструкция истории науки» Лакатоса касается только «эволюции» научного содержания (в виде научных идей), но не описывает реальную историю научных сообществ. В реальной «политической истории» бывают только политические революции, и не бывает политической «эволюции». Только конкуренция множества государств дает социальный механизм поддержания «эволюции» научного содержания, прироста научного знания. Реальная история научных сообществ может разрушить данный механизм за счет политического упадка сразу нескольких

передовых государств, и отказа более простых государств конкурировать за «финансирование» своих научных сообществ. Упадок роли и возможностей суверенных государств может разрушить их способность «финансировать» научные сообщества, что также приведет к разрушению социального механизма «эволюции» научного знания. История падения Западной Римской империи является хорошим примером возможности временного прекращения «эволюции» научного знания в Европе. Современная концентрация передовой науки в нескольких государствах является предпосылкой возможного повторения сценария падения Западной Римской империи. Важно понимать, что «рациональная реконструкция истории науки» находится только в головах потомков, по сути дела это «фиктивная» история науки. А реальная история научных сообществ совпадает с реальной историей государств и властных элит, и ближе к истории науки в духе Томаса Куна.

Литература

1. An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann. Eds. J.A. Hall & R. Schroeder. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 420 p.
2. Коллинз Р. Социология философий. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1281 с.
3. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. Band I. 534 s.

ТОМАС ГОББС: СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ НА СТЫКЕ ПАРАДИГМ

А.С. Маслаков

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Института социально-гуманитарного образования
Московский педагогический государственный университет,
E-mail: as.maslakov@mpgu.su*

Концепция Т. Гоббса (1588-1679) родилась на стыке двух парадигм – парадигмы Аристотеля и механицизма Нового времени. Фундаментальной чертой этой концепции стала радикальная переоценка функции языка в бытии человека, в том числе – в познавательной деятельности и повседневной практике. Ее внутренний характер парадоксально-противоречив. С одной стороны, пытается построить новую картину мира на новых основаниях, однако наука Нового времени на тот момент еще не была готова к тому, чтобы обрести строго-парадигмальный характер. С другой стороны, свою работу Гоббс вынужден проводить в период незавершенности демонтажа парадигмы Аристотеля. Это и приводит к парадоксам: концепция, стремящаяся к полноте и всеохватности, обнаруживает невозможность полного описания мира единичных вещей, а теория тотальной государственной власти и суверенитета, вытекающего из общественного договора, вынуждена ограничить власть правом на жизнь единичного человека.

Ключевые слова: парадигма, эмпиризм, рационализм, язык, общественный договор, суверен, закон

THOMAS HOBBS: SOCIAL THEORY AT THE INTERSECTION OF PARADIGMS

A.S. Maslakov

*CSc in Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy
Moscow Pedagogical State University
E-mail: as.maslakov@mpgu.su*

The concept of T. Hobbes (1588-1679) was born at the junction of two paradigms – the paradigm of Aristotle and the mechanics of Modern times. The fundamental feature of this concept was a radical reassessment of the function of language in human existence, including in cognitive activity and daily practice. Her inner character is paradoxically contradictory. On the one hand, he is trying to build a new picture of the world on new foundations, but the science of the New Time at that time was not yet ready to acquire a strictly paradigmatic character. On the other hand, Hobbes is forced to carry out his work during the incomplete dismantling of the

Aristotle paradigm. This leads to paradoxes: a concept striving for completeness and inclusiveness reveals the impossibility of a complete description of the world of individual things, and the theory of total state power and sovereignty arising from a social contract is forced to limit power to the right to life of an individual.

Keywords: paradigm, empiricism, rationalism, language, social pact, sovereign, law

Как известно, Г. Гегель в своей истории философии категорически отказал всему эмпиризму XVII века в какой-либо спекулятивности (диалектичности). Под эту нелестную характеристику попал и Томас Гоббс, удостоившийся замечания, что в его системе нет ничего философского в собственном смысле слова [3, с. 392]. Однако в XX веке один из последователей Г. Гегеля, Ф. Фукуяма, увидел в гоббсовской теории прообраз гегелевской «борьбы не на жизнь, а на смерть», лежащей в основании знаменитой «диалектики господина и раба» - то есть то, чего автор этой знаменитой диалектики обнаружить у Т. Гоббса категорически не захотел [6]. Теория вдруг постфактум обнажила скрытый смысл, не особенно, впрочем, скрывая его изначально. Налицо парадокс. Но в чем же его причина?

В целом, вся концепция Т. Гоббса как раз пример некоего парадоксального «невезения» в историко-философской и научной традиции. Тот, о ком невозможно не вспомнить в связи с генезисом либерализма, эмпирического сенсуализма, тотальной секуляризации (впрочем, с сильным действенным духом) и обоснования социального равенства, почти забыт в контексте истории становления науки раннего Нового времени, ее систематизации и популяризации.

Это выглядит тем более странно уже потому, что сам Т. Гоббс видел свою исследовательскую задачу как раз в построении единой связной научной системы – и если в естественных науках он сам, по его словам, лишь систематизировал и упорядочивал уже имеющийся массив знания, то в области социогуманитарного и политического знания он, опять же по его мнению, занимался достройкой общего здания науки на уже заложенных основаниях. Он неоднократно подчеркивал, что его концепция государства и закона лишь дополнение к учению о природе (телах) и учению о человеке. Однако и сегодня редко можно увидеть анализ гоббсовской связи политики и естествознания, математической динамики и эволюции форм социальности, физики и рождения и смерти *Common Wealth*. Такое странное невнимание вполне объясняется парадоксальной непоследовательностью самого Т. Гоббса, непоследовательностью, присутствующей даже в выстроенном вполне целостно и логично «Левиафане», и необъяснимой только лишь длительными сроками, разделяющими публикации гоббсовских работ или влиянием «духа эпохи» со всеми ее революционно-переломными составляющими.

Думается, указанные выше моменты и парадоксы могут быть связаны с тем, что Т. Гоббсу довелось жить и творить в то время, когда старой, аристотелевской парадигмы, как парадигмы в куновском смысле, уже не было, новой же парадигмы еще не было – она лишь складывалась в новых открытиях, дискуссиях, спорах, того же Г. Галилея, Р. Декарта, П. Гассенди, а затем Р. Бойля и И. Ньютона, смешивая физику с метафизикой, а метафизику с мистикой и даже магией – о чем тонко заметил Е. Дюринг [5, с. 53-97].

Т. Гоббс, как и многие его современники и предшественники категорически разрывает с Аристотелем, – точнее, тем самым «Аристотелем с тонзурой», господствовавшим в науке до XVI-XVII вв., – чем многократно открыто заявляет. Однако полного разрыва у него все равно не получается, да и не может получиться, поскольку вопреки его весьма оптимистическому мнению, наука семнадцатого столетия еще только находится в стадии своего парадигмального оформления. Последнее делает принципиально невозможным решение одной из задач, поставленной Т. Гоббсом – создания единой системы наук или ее «достройки» путем дополнения науки о природе наукой о человеке и государстве [4]. С другой стороны, как раз такого рода «плодотворная неудача» может позволить по новому взглянуть на процесс оформления науки раннего Нового времени, ее существенные достижения и неизбежные промахи и потери.

Главный интересующий нас в контексте заявленной темы радикальный разрыв с аристотелевской парадигмой Т. Гоббс осуществляет в пункте формирования «человека самодостаточного», того самого, который имеет право на все и выступает в качестве основания «войны всех против всех» (в противовес традиционному «политическому животному»). Сама фигура человеческого атома, взятая в качестве принципиального основания, не вызывает вопросов – здесь Т. Гоббс выступает как последовательный сын своей эпохи, следуя за тем же Р. Декартом и Ф. Бэконом. Человек заявляет о себе как о субъекте, причем в самом буквальном, эмпирическом смысле – в качестве тела, обнаруживаемого в опыте и существующего, прежде всего, в опыте. Здесь нет тонкой редукции декартовского метода, да она и не требуется, поскольку присутствует ее главный компонент: сомнение

и недоверие – в человеке и к человеку. Тезис «человек человеку волк» напрямую следует из тотального недоверия к авторитету, а, в целом, и любому человеку, являющемуся, в конечном счете, источником различных ошибок. Человек не имеет от ошибок никаких гарантий, и даже высоким умам свойственно ошибаться. Более того, человек склонен к обману и намеренному введению в заблуждение, для него естественнее казаться, чем быть. Таким образом, социальное пространство гоббсовского естественного состояния отсылает уже не столько к декартовскому субъекту, находящему основания истины в самом себе, сколько к макиавеллевскому «Государю» [1, с. 170-200] – правда, такими «государями» выступают в естественном состоянии все члены общества.

Описанная выше модель Т.Гоббса общеизвестна, однако у нее имеется фундаментальная проблема, на которую в историко-философской традиции обращали внимание многие авторы (напр.: [2, с. 169-171]). Речь идет об основании договора, в который вступают указанные «субъекты-государи». Ведь для того, чтобы заключить договор, люди уже должны обладать неким первичным взаимопониманием, некоторой первичной прото-общностью. Чувство (инстинкт) самосохранения здесь ничего само по себе не определяет, поскольку заключение подобного договора есть дело разума, а не чувства, а гоббсовская его реконструкция есть реконструкция абсолютно рациональная. Другая сторона этой проблемы также общеизвестна: поставив во главу угла единичное как нечто само по себе данное и само собой разумеющееся, практически невозможно выйти к всеобщему в любой его форме – хоть научного закона, хоть Абсолютного духа, хоть морального долженствования.

Т. Гоббс решает эти проблемы, сопоставляя человека и животное, однако, вновь вопреки тому же Аристотелю, не находя ничего общего между естественной животной и искусственной человеческой социальностью. Вторая создается в мире, а не задается им. Основанием для такого различия выступает особое человеческое качество, на которое Т. Гоббс постоянно указывает практически в каждой работе – это специальная знаково-символическая система (язык), построенная человеком на абсолютно произвольных основаниях. Языковые знаки обозначают не вещи, а представления о вещах; общие понятия это имена классов, а не единичных представлений. Язык, таким образом, создает особую реальность – не существующую в эмпирическом смысле, но вполне «реальную» в смысле человеческих представлений и действий, которые этими представлениями вызываются.

Здесь Т. Гоббс идет даже дальше Р.Декарта, подчеркивающего наличие творческого начала у человека именно через анализ языка [7, с. 22-30]. Язык для Т. Гоббса является не просто творческим началом, но путем, ведущим как к абсолютной истине, так и к абсолютному абсурду. В этом смысле животное, в отличие от человека, не может ошибаться, а природа как система механических взаимосвязей всех тел в пространстве и времени (включая и человеческое тело со всеми его ощущениями и представлениями) не может обманывать. Человек же – существо ошибающееся, и первую свою ошибку он делает тогда, когда пытается сам по себе сформулировать общее суждение о самом себе: я имею право на все. Такое суждение неизбежно вступает в противоречие с требующим стремиться к миру естественным законом. Разрешается же это противоречие в договоре-отказе от своих прав в пользу суверена – онтологически такого же единичного субъекта, как и сам единичный субъект-отказник, но при этом выступающего уже не в качестве «второго тела короля», а как репрезентация всех субъектов, вступивших в договорные отношения, что и дает ему право на всеобщие суждения, то есть, установления законов, любая сверхъестественная трактовка которых выносятся за скобки.

Язык, таким образом, становится как основой «войны всех против всех», так и договора, «войну всех против всех» завершающего. При этом следует помнить, что цель закона не установление истины, а установление мира (как, например, и задача арбитра в споре), а цель тех, кто закону подчиняется – тот же мир, который можно рассматривать как финал войны, так и как межвоенный период.

Эта картина оказывается тесным образом связана с естествознанием, хотя ни о какой единой субстанции, подобно рационалисту Б. Спинозе, Т. Гоббс не говорит. Гоббсовская наука о природе – не описание вещей и фактов, а лишь упорядочивание наших представлений и экстраполяция наших выводов на будущие возможные случаи в силу всеобщности и необходимости научного закона. Именно этому посвящена работа «О теле», где нет никаких фундаментальных открытий, зато в избытке представлена систематизация понятий и имен, напоминающая знаменитые «древа» Боэция и Порфирия. В этом смысле Т. Гоббс вполне остается в аристотелевской парадигме, несмотря на то, что избранные им принципы совсем не аристотелевские: общий закон описывает только общие случаи и неприменим со всей полнотой к бесконечному множеству случаев единичных. На этом, в частности, Т. Гоббсом строится различие между геометрией и динамикой, описывающими чистое движение

и покой как акциденции тел в контексте интеллектуальной конструкции, и физикой, оперирующей чувственными характеристиками тех же тел.

Но ведь и социально-государственный закон у Т.Гоббса тоже замолкает, когда речь заходит о жизни единичного человека, оставляя за последним право на сопротивление даже в случае его абсолютной виновности. Принципиальным свойством всеохватной теории вполне диалектически оказывается ее принципиальная незавершенность – а точнее, автономность миру вещей, противостоящему миру слов и представлений.

Литература

1. *Баткин Л. М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. 272 с.
2. *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2-х тт. Т.1: От Возрождения до Просвещения. М., 2007. 640 с.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 3. Изд. 2-е. СПб., 2006. 477,[2] с.
4. *Гоббс Т.* Левиафан. Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil. Введение. [Электронный ресурс]. URL: https://librebook.me/leviathan_or_the_matter_forme_and_power_of_a_common_wealth_ecclesiasticall_and_civil/vol1/1 (дата обращения 08.05.2022)
5. *Дюринг Е.* Критическая история общих принципов механики: Пер. с нем. Изд 2-е. – М., 2011. 552 с.
6. *Фукуяма Ф.* Конец истории [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/fuku/04.php. (дата обращения 08.05.2022).
7. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли: Пер. с англ. М., 2005. — 232 с.

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ПОЗИТИВИЗМОМ И ПОСТПОЗИТИВИЗМОМ?

О.Е. Столярова

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии
Институт философии РАН
E-mail: olgastoliarova@mail.ru*

В докладе рассматривается противостояние позитивизма и постпозитивизма с точки зрения альтернативных концепций, трансцендирующих данное противостояние. Показано, что в рамках концепции парадигмы осмысленный выбор между позитивизмом и постпозитивизмом возможен только при условии их соизмеримости друг с другом. Рассмотрены три вида соизмеримости – методологическая, перцептуальная и семантическая соизмеримость. Показано, что позитивизм и постпозитивизм как метанаучные подходы разделяют общую исследовательскую методологию, фактологическую базу и фундаментальную онтологическую схему, описывающую отношение познания к реальности. Выделены три направления в эпистемологии и философии науки, претендующие на выход за пределы данной концептуальной схемы, – контактная эпистемология, критический реализм, аналитический прагматизм. Их объединяет альтернативный по отношению к позитивизму/постпозитивизму взгляд на историю науки, ключевой особенностью которого является сочетание историзма и реализма.

Ключевые слова: позитивизм, постпозитивизм, история и философия науки, парадигма, онтологические допущения, (не)соизмеримость

WHAT DO POSITIVISM AND POSTPOSITIVISM HAVE IN COMMON?

O.E. Stolarova

*CSc in philosophy, Senior Researcher of Department of Social Epistemology
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: olgastoliarova@mail.ru*

The paper examines the confrontation between positivism and postpositivism from the point of view of alternative doctrines that go beyond this confrontation. It is shown that within the framework of the paradigm concept, a meaningful choice between positivism and postpositivism is possible only if they are commensurate with each other. Three types of commensurability are considered – methodological, perceptual and semantic commensurability. It is shown that positivism and postpositivism as meta-scientific approaches share a common research methodology, a factual basis and a fundamental ontological scheme describing the relationship of knowledge to reality. The paper identifies three trends in epistemology and philosophy of science that claim to go beyond this conceptual scheme – contact epistemology, critical realism, analytic pragmatism. They are united by an alternative view of the history of science, the key feature of which is the combination of historicism and realism.

Keywords: positivism, postpositivism, history and philosophy of science, paradigm, ontological presuppositions, (in)commensurability

Заявленная тема Конгресса – *После постпозитивизма* – предполагает, что существует или может существовать социогуманитарный (философский) дискурс, критически преодолевающий постпозитивизм и открывающий новые перспективы исследований науки и знания. Такое предположение вполне себя оправдывает. Мы хорошо знаем из истории философской мысли, что любая значительная школа, или традиция возникает как радикально новое начало, переживает расцвет, реализуя максимум своих обещаний, и в своем относительно законченном виде становится объектом осмысления и критики последующих мыслителей и традиций. Постпозитивизм не исключение. Организаторы Конгресса, возможно, фиксируют становление нового дискурса, приходящего на смену постпозитивизму, и предлагают участникам поразмыслить о теоретических установках, принципах и практиках этого нового дискурса. Возможно также, что организаторы учреждают интеллектуальное пространство Конгресса как фронтир, ступая на территорию которого мы сознательно оставляем за спиной уже освоенные земли, чтобы повысить нашу восприимчивость к *иному*, к различиям и с новой точки зрения осмыслить наше прошлое, настоящее и будущее. В любом случае, – наблюдаем ли мы за теми, кто устанавливает новые границы или сами устанавливаем новые границы, или делаем и то, и другое – мы находимся в зоне неопределенности и пересечения традиционных исследовательских парадигм, с одной стороны, и формирующихся новых исследовательских практик, с другой стороны. Оставляя постпозитивизм за границей, отделяющей прошлое от настоящего, мы отчасти продолжаем пользоваться оптикой постпозитивизма. Мы используем эту оптику для того, чтобы посмотреть на объекты, процессы и дискурсы, которых прежде никогда не было, и сделать их точкой отсчета или новой мерой по отношению к тому, что осталось в прошлом, и тому, что ожидает нас в будущем.

Лестница парадигм

Один из главных исследовательских инструментов в методологическом арсенале постпозитивизма – это понятие парадигмы, концептуальной схемы относительно которой выраженные в суждениях познавательные данные приобретают истинностные значения. В широком смысле парадигма мыслится как заместитель реальности, или *картина* мира, которая сообщает нам познавательные, ценностные, практические ориентиры. Будучи полным заместителем реальности (или какого-то ее региона), парадигма отождествляется с ней до тех пор, пока у нее нет альтернативы; как только появляется альтернатива, парадигма проблематизируется, и встает вопрос о соответствии одной из альтернативных парадигм реальности (или заместителю последней – еще одной парадигме). Исходно понятие парадигмы было полемически направлено против позитивизма (нео- или логического позитивизма; далее – «позитивизм» относится преимущественно к логическому позитивизму), который полагал, что мы конструируем объективную (верифицируемую и безальтернативную) картину мира на основании данных познавательного опыта. В противоположность этой точке зрения постпозитивисты считали, что данные опыта не имеют объективного значения сами по себе, но приобретают значение в зависимости от интерпретации, которая, в свою очередь, зависит от парадигмы. С точки зрения постпозитивизма, рациональная дискуссия между постпозитивизмом и объектом его критики – логическим позитивизмом – возможна только в рамках общей парадигмы, которая позволяет сделать осмысленный выбор в пользу одной из двух соперничающих метанаучных теорий (и методологий). Если бы позитивизм и постпозитивизм принадлежали принципиально разным концептуальным схемам, рациональный выбор между ними был бы невозможен в силу их несоизмеримости друг с другом. Следовательно, конфликт позитивизма и постпозитивизма должен

иметь некие (эксплицитные и имплицитные) разделяемые обеими сторонами конфликта основания – общую парадигму [1; 2]. Эта парадигма ставится под вопрос в том случае, если мы занимаем или хотим занять внешнюю по отношению к данному конфликту позицию, предполагая, что конфликт позитивизма и постпозитивизма имеет собственную альтернативу, трансцендирующую данный спор.

Соизмеримость.

Позитивизм и постпозитивизм – это два метанаучных подхода, или две метанаучные теории, претендующих на описание и объяснение знания. Главным объектом их исследований и аналитики выступают факты, репрезентирующие состояние и развитие наук о природе и обществе. Попробуем рассмотреть оба подхода с целью того, чтобы заключить об их соизмеримости или несоизмеримости. Мы будем отталкиваться от видов несоизмеримости, выделяемых Куном – методологической, перцептуальной, семантической несоизмеримости [3; 4].

Можно говорить о методологической соизмеримости обоих подходов: их задача состоит в том, чтобы на основании или с учетом фактического состояния дел предложить нормативный образ науки, сформулировать принципы и методы ее функционирования, определить ее границы, объяснить ее прошлое и предсказать ее возможное будущее.

Можно говорить также о перцептуальной соизмеримости (соизмеримости наблюдений) обоих подходов: они описывают и объясняют одни и те же факты из истории науки. Они согласны в том, что новоевропейская наука бросила вызов традиционной метафизике и схоластике; они согласны относительно основных вех развития и поворотных моментов истории новоевропейской науки и т.п. Фактологический материал, предоставляемый историками науки, в общем, не оспаривается ни одной из конфликтующих сторон.

Наконец, мы констатируем третий (и наиболее важный) вид соизмеримости между позитивизмом и постпозитивизмом – семантическую соизмеримость. Семантическая соизмеримость или несоизмеримость выявляются в рамках концепции семантического холизма. Эта концепция утверждает, что значение индивидуальных терминов или суждений задается их связью с более общим сегментом языка, поэтому изменение значения одного из терминов приводит к изменению соотносимых с ним значений вплоть до перестройки всей системы. Смысл единичных терминов и высказываний определяется, в конечном счете, всей совокупностью высказываний – дискурсом о мире в целом. Традиционно дискурс о мире в целом относится к области философской онтологии (метафизики). Поэтому, когда мы говорим об общей для позитивизма и постпозитивизма семантической мере, мы имеем в виду онтологические предпосылки обеих концепций, на фоне которых разворачивается их спор.

Предмет спора – отношение научного знания (кодифицированного, выраженного в пропозициях) к реальности, которая лежит за пределами этого знания. Единство научного знания, основанное на общем для всех научных теорий языке наблюдения, с точки зрения позитивизма, указывает на его объективный характер. Множественность научного знания (его локальность, историчность и несоизмеримость, на которых настаивает постпозитивизм), соответственно, опровергает предполагаемую объективность научного знания.

Что подразумевается (не оспаривается) в этом споре? Конфликт между позитивизмом и постпозитивизмом разыгрывается на общем фоне дуалистической метафизики картезианско-кантовского извода, в рамках которой (научное) познание, полностью отрезанное от реальности, косвенным образом свидетельствует о соответствии (позитивизм) или несоответствии (постпозитивизм) реальности. История науки выступает фактологическим свидетельством в пользу одной из конфликтующих позиций.

Альтернативы

Каковы возможные альтернативы данной метафизической конструкции? Мы выделяем три направления в эпистемологии и философии науки, претендующие на выход за пределы дилеммы позитивизма-постпозитивизма: контактная эпистемология [5], критический реализм [6], аналитический прагматизм [7]. Их объединяет альтернативный по отношению к позитивизму/постпозитивизму взгляд на историю науки, ключевой особенностью которого является сочетание историзма и реализма.

Литература

1. *Laudan L.* Beyond Positivism and Relativism: Theory, Method, and Evidence. Westview Press, Inc., 1996. 277 p.
2. *Patomäki H.* After Postpositivism? The Promises of Critical Realism // International Studies Quarterly. 2000. Vol. 44. P. 213-237.
3. *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions, Chicago: University of Chicago Press, 1962. 187 p.
4. *Bird A.* Thomas Kuhn. In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition). Ed. E.N. Zalta. [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/thomas-kuhn/>. (дата обращения: 05.05.2022).
5. *Dreyfus H., Taylor Ch.* Retrieving Realism. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 2015. 171 p.
6. *Bhaskar R.A.* Realist Theory of Science. Routledge, 2008. 304 p.
7. *Kaplan M.A.* Science, Language and the Human Condition. N.Y.: Paragon House, 1984. 394 p.

ТЕОРИЯ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ ПОСЛЕ ТОМАСА КУНА

А.А. Аргамасова

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: argamakova@gmail.com

Доклад посвящен вопросу развития теории научных революций после Томаса Куна. Он обращается к постпозитивизму и к более современному этапу философии. Основное внимание уделяется осмыслению научных революций без несоизмеримости и концептуализации их социологической стороны. Это также становится продолжением размышлений Куна о природе научных сообществ. В таком случае научные революции относятся к способам оценки научных открытий, а не объективным событиям в интеллектуальной истории и не должны рассматриваться эссенциалистски. Они говорят о том, как структурировано знание и как организована работа внутри коллективов ученых.

Ключевые слова: научная революция, несоизмеримость, семантика научных понятий, научное сообщество, социальная эпистемология

THEORY OF SCIENTIFIC REVOLUTIONS SINCE THOMAS KUHN

A.A. Argamakova

Research Fellow

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: argamakova@gmail.com

Report is concerned with the development of scientific revolution theory after Thomas Kuhn. It takes into account not only postpositivism, but also contemporary stage of philosophy. The main attention is paid to understanding scientific revolutions without thesis of incommensurability and conceptualizations of their sociological dimension. Kuhn's thinking over the nature of scholarly communities can be continued on this way. Therefore scientific revolutions are attributed to the ways of evolution of scientific discoveries, but not to the objective events in intellectual history and must not be treated essentialistically. They tell us how knowledge is structured and how the work within scientific collectives is organized.

Keywords: scientific revolution, incommensurability, semantics of scientific notions, scientific community, social epistemology

(1) Благодаря постпозитивизму появилось множество реконструкций истории науки: критический рационализм К. Поппера, натурализованная эпистемология У. Куайна, концепция исследовательских программ И. Лакатоса, эволюционная модель науки С. Тулмина, методологический анархизм П. Фейерабенда, неопрагматизм Р. Рорти, философия науки Н. Хэнсона. За недавнее время были созданы многослойная концепция П. Галисона, разработаны теории технауки в STS, проведено

различие между академической vs. постакадемической наукой Дж. Зиманом, изучены первый и второй способ производства знания М. Гиббонсом и др. Между философскими образами науки стало возможно «переключаться» словно между куновскими парадигмами или гештальтами в психологии.

(2) П. Галисон замечает в данном отношении, что философия науки нуждается в микроисториях прежде прибегания к генерализациям и несовершенным абстракциям [1]. Меганарративы в истории науки — не менее обманчивый мираж, чем в социальной истории.

(3) Практически каждое основоположение теории научных революций явилось объектом критического изучения. Практически каждое из них было пересмотрено или модифицировано в постпозитивизме и последующих традициях.

(4) Холизм и несоизмеримость — казалось бы, необходимые спутники научных революций — даже они становятся точкой дивергенции внутри философии науки. В настоящем докладе внимание уделяется поиску ответа на следующий вопрос: можно ли помыслить научные революции без допущения несоизмеримости?

(5) В соответствии с философией Т. Куна, научная революция означает радикальный разрыв с прошлой традицией мышления. В нормальной науке, которая представляет собой одну из фаз в истории познания, происходит накопление фактов и усовершенствование найденных прежде теорий. Вместе с накоплением аномальных данных увеличивается потребность в нетривиальных объяснениях и обновленной методологии. Происходит неравномерный переход к следующей фазе — революционной науке. Научная революция характеризуется эпистемическими и социологическими изменениями. Она разделяет две противоположные, несоизмеримые научные парадигмы, по-другому — традиции мышления.

(6) Для Т. Куна тезис о научной революции неотделим от постулирования несоизмеримости (научных теорий, понятий, методологий и исследовательских культур). Бытие одного без другого представляется абсурдом. Они внутренне связаны по определению. Прежде всего, революция означает радикальный разрыв в фундаментальных теориях, которому дается описание в семантических терминах. Революция предполагает несовпадение словарей и концептуальных каркасов при переходе от одной парадигмы к другой [2].

(7) Но представим ситуацию, когда предметная область только обнаружена учеными. После выдвижения гипотез о носителях генетической информации, происходит экспериментальное открытие гена как участка ДНК и формируется область молекулярной биологии. У новой науки нет прошлого, нет предыдущей научной парадигмы. В приведенном примере научная революция характеризуется радикальной новизной теорий и открытием предметной области, но не несоизмеримостью. Представления о генах, аллелях, хромосомах, гаметах, фенотипе, законах наследственности, делении клеток последовательно накапливаются и экспериментально уточняются от классических работ Г. Менделя [3] до современной молекулярной генетики. Фундаментальное понятие «гена» показывает преемственность в значении. В молекулярной биологии его спекулятивное понимание не столько радикально трансформировалось, сколько конкретизировалось и дополнилось в отношении функций, структуры, материального базиса и понимания соотношений с наследуемыми признаками. В книге «Философия экспериментальной биологии» генетические теории Г. Менделя, У. Бэтсона, В. Иогансена и Т. Моргана представлены как описания, отражающие экспериментальные эффекты, с которыми имели дело ученые [Weber 2005, 212]. Значит, понятие гена проявляло свойства операционального понятия. Хотя М. Вебер прав в том, что отдельные характеристики гена были элиминированы, но научные понятия такие как «ген» отличаются семантической пластичностью (*semantic flexibility*), которая описана в концепции референциального потенциала Ф. Китчера (*reference potential*) и вариабельного «плавающего» значения (*floating reference*) [4, с. 214—215].

(8) В книге М. Мизрахи «Образ науки Томаса Куна» [5] обсуждается идея о том, что несоизмеримость не является обязательным атрибутом научных революций. Научная революция модифицирует структуру фундаментальных теорий, но нет решающих теоретических доводов в пользу того, что концептуальные изменения сопровождаются несоизмеримостью, а значит, несовместимостью словарей и искажениями в понимании предшествующих традиций мышления. Строгой индуктивной поддержкой тезис о несоизмеримости также не обладает при том условии, что получают обоснование случаи концептуальной преемственности, сопутствующие трансформациям научных теорий [5, с. 25–44]. Не удивительно, что переход от системы Птолемея к Копернику кажется менее революционным и более последовательным, если допустить наличие гибридных моделей подобных системе Т. Браге в качестве связующего звена между древним и последующим пониманием космоса. Соответственно, И. Ньютон изменил не физическую картину мира Аристотеля, но его работа

противопоставлена физике Декарта [5, с. 31]. Другие релевантные примеры находятся в истории медицины, биологии, математики [5].

(9) П. Галисон предложил модель науки, основывающуюся на дифференциации трех уровней научного познания в физике (теория, эксперимент, методология) [6]. Изменение каждого «слоя» науки не подчиняется универсальной логике, не следует неизменному алгоритму. Они зависят от уникального контекста, в который исследование погружено. Следовательно, историю науки нельзя объяснить как смену несоизмеримых парадигм, разделяемых точками бифуркации — научными революциями. Хотя по-прежнему представляется возможным объединение научных теорий, экспериментов и методологий в исследовательские программы, доминирующие на произвольном интервале времени либо конкурирующие друг с другом. Для Куна научная парадигма равно «дисциплинарная матрица», которая представляет собой единое целое и функционирует в качестве единого целого [2, с. 233]. Для сравнения — исследовательская программа может функционировать на стыке областей и дисциплин, она обладает более поисковым характером и менее догматична [7]. Но главное заключается в том, что методология Лакатоса позволяет отделить концептуальное ядро от периферии, т.е. анализировать иерархии и конstellации научных теорий, складывающиеся в процессе приращения знания.

(10) Даже если наука не развивается следуя модели Куна, представление о научных революциях признается важным для обозначения наиболее значимых открытий и фундаментальных перемен в структуре научного знания. Оно создает основания для периодизаций интеллектуальной истории. Пролиферация критериев закономерно выражается в альтернативных списках научных революций. Поэтому сравните описание НТР в [7], [2], [8], [5] и [9]. Например, в список в [8] включены только те теории, которые представляют живой интерес для науки сегодня, но не учитываются достижения прошлого как в [2, с. 225]. К числу научных революций можно относить достижения древней науки и философии, или не делать этого. Брать во внимание присуждение научных наград или упоминание в профессиональной литературе, либо учитывать исключительно теоретические доводы [10]. В замечательной статье для Американского журнала по микробиологии сказано [8, с. 2], что такой список научных революций отчасти субъективен и дискуссионен.

(11) Предположим, что научные революции больше относятся к социальной, чем интеллектуальной истории науки. Что это может значить на практике? Когда Т. Кун описывает социологическую сторону научных революций, для него это означает: 1) переход к следующему поколению исследователей [2, с. 77, 353]; 2) роль новых личностных и исторических факторов в формировании убеждений [2, с. 27]; 3) новые оценки значимости/правильности для научных проблем и решений [2, с. 30, 155, 256]; 4) изменения в структуре публикаций и цитирования литературы [2, с. 18]; 5) трансформация образцов научной деятельности [2, с. 232]; 6) легитимация парадигмы внутри сообщества ученых [2, с. 243]; 7) интенсификация споров и коммуникаций между учеными [2, с. 128]; 8) достижение коммуникативного консенсуса и взаимопонимания по результатам кризиса [2, с. 228, 255]; 9) изменение мировоззрения на фундаменте новой парадигмы [2, с. 29, 151]; 10) пересмотр стандартов научного образования и индоктринации [2, с. 152, 268]; 11) выбор между несовместимыми моделями жизни сообщества [2, с. 131]; 12) переписывание интеллектуальной истории [2, с. 181]. Кризис парадигмы начинается под влиянием когнитивных факторов, но завершается вместе с имплементацией новой парадигмы в сообществе ученых. По этой причине параллели между социальными и научными революциями не просто красивая метафора, но важная составляющая взгляда Куна на науку [11].

(12) Значит, научные революции зависят от точки зрения научного сообщества: «Научное знание, подобно языку, по своей внутренней сути является или общим свойством группы, или ничем вообще» [2, с. 268]. Научное достижение в каждой области устанавливается посредством социальных механизмов признания и одобрения. Как определение лауреатов Нобелевской премии представляет собой процедуру коллективного согласования и утверждения кандидатур в зависимости от степени признания научного вклада. Можно осмыслить, соответственно, каким *регулятивным* и *перформативным* значением обладают революции в контексте научной практики и измерения ее результатов. Научная революция является оценкой научного открытия, она имеет отношение только к пониманию того, как структурировано знание и организована работа в коллективах ученых.

Литература

1. Galison P. Ten Problems in History and Philosophy of Science // Isis. 2008. Vol. 99, No. 1. pp. 111–124.

2. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
3. Мендель Г. Опыты над растительными гибридами. М., Ленинград: ОГИЗ-СЕЛЬХОЗГИЗ, 1935. 113 с.
4. Weber M. Philosophy of Experimental Biology. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 374 pp.
5. Mizrahi M. (ed.) The Kuhnian Image of Science: Time for a Decisive Transformation? L., N.Y.: Rowman & Littlefield International, 2018. 217 p.
6. Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 955 p.
7. Lakatos I. The Methodology of Scientific Research Programmes. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 250 p.
8. Casadevall A., Fang F.C. Revolutionary Science // American Society for Microbiology. 2016. Vol. 7(2). pp. 1–6.
9. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
10. Britannica, The Editors of Encyclopaedia. "Nobel Prize". Encyclopedia Britannica, Invalid Date, <https://www.britannica.com/topic/Nobel-Prize>. Accessed 28 May 2022.
11. Аргамакова А.А. Философия науки Т. Куна с точки зрения социальной истории // Бараш Р.Э., Вострикова Е.В., Куслий П.С. (ред.) Философия науки и семантика. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020. 328 с.

КАК ВОЗМОЖНА ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ?

Г.А. Антипов

Доктор философских наук, профессор

Новосибирский государственный университет экономики и управления – «НИИХ»

E-mail: dr-eji2@yandex.ru

В философии науки второй половины двадцатого века сложились две, на первый взгляд, альтернативных позиции в трактовке процессов развития науки и научного познания. Одна из них восходит к «Структуре научных революций» Томаса Куна, другая – к эволюционной модели развития науки Стивена Тулмина. Дело, однако, не в радикальных отличиях позиций, как подавалось некоторыми критиками, а в различии их оснований. Теория научных революций представляет науку как деятельность, осуществляемую в рамках научного сообщества, а у оппонентов основным фигурантом научного познания выступает отдельно взятый учёный и присущие ему формы рационального мышления. Общей перспективой дальнейшего анализа должна стать здесь разработка научной исследовательской программы эволюции науки и научного мышления.

Ключевые слова: научные революции, эволюция, наука, парадигма, философия, исследовательская программа

HOW IS AN EVOLUTIONARY THEORY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE POSSIBLE?

G.A. Antipov

DSc in Philosophy, Professor

Novosibirsk State University of economics and management

E-mail: dr-eji2@yandex.ru

In the philosophy of science of the second half of the twentieth century, two, at first sight, alternative positions have developed in the interpretation of the processes of development of science and scientific knowledge. One of them goes back to the "Structure of scientific revolutions" by Thomas Kuhn, the other - to the evolutionary model of the development of science by Stephen Toulmin. The point, however, is not in the radical differences in positions, as some critics have presented, but in the difference in their foundations. The theory of scientific revolutions presents science as an activity carried out within the framework of the scientific community, while for opponents, the main person involved in scientific knowledge is a single scientist and his inherent forms of rational thinking. The general perspective of further analysis here should be the development of a scientific research program for the evolution of science and

scientific thinking.

Keywords: scientific revolutions, evolution, science, paradigm, philosophy, research program

В современных науковедческих исследованиях вопросы подобным образом, как правило, не ставятся, а концепт эволюции звучит достаточно размыто и неопределённо. Чаще всего – как альтернативный концепту революции. Но, и с последним, дело обстоит ненамного лучше.

Начальным пунктом движения Куна по его «структуре научных революций» служит понятие парадигмы. Заметим, попутно, что с его лёгкой руки, данное понятие вольно распространилось, помимо собственно философско-научных дискурсов, по всему культурологическому пространству. Научная революция – смена парадигмы, отношение же старой и новой парадигм подчиняются принципу несоизмеримости. Со сменой парадигмы меняется весь мир учёного, ибо не существует объективного языка научного наблюдения. «...Нормальная наука, – говорит Кун, – в конце концов приводит только к осознанию аномалий и кризисов. А последние разрешаются не в результате размышлений и интерпретаций, а благодаря в какой-то степени неожиданному и неструктурному событию, подобно переключению гештальта. После этого события учёные часто говорят о «пелене, спавшей с глаз», или об «озарении», которое освещает ранее запутанную головоломку, тем самым приспособлявая её компоненты к тому, чтобы увидеть их в новом ракурсе, впервые позволяющем достигнуть её решения» [1, с.165].

Любопытно, что несколько в других словах, но уже не о научной, а совершенно другой революции, однако, по сути, одно и то же, говорил русский философ Н. Бердяев: «Революция иррациональна, она свидетельствует о господстве иррациональных сил в истории. Деятели революции сознательно могут исповедовать самые рационалистические теории и во имя их делать революцию, но революция всегда является симптомом нарастания иррациональных сил. И это нужно понимать в двояком смысле: это значит, что старый режим стал совершенно иррациональным и не оправдан более никаким смыслом, и что сама революция осуществляется через расковывание иррациональной народной стихии... Слишком часто бывает так, что в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, тогда на небесах постановляется неизбежность революции, тогда происходит разрыв времени, наступает прерывность, происходит вторжение сил, которые для истории представляются иррациональными и которые, если смотреть сверху, а не снизу, означают суд Смысла над бессмыслицей...» [2, с. 106, 107].

Стоит предварительно заметить, что это, могущее показаться чисто внешним совмещение приведённых интерпретаций на уровне эпистемологических оснований эволюционизма означает их совпадение по существу. Во всяком случае, и Кун, и Бердяев, рассматриваемые ими ситуации революций трактуют, в их возникновении, как независимые от их смысловой идентификации, как объективные по их статусу.

Но это, совершенно однозначно означает крах «структуры научных революций», считая их содержанием смену парадигм в их несоизмеримости. Достаточно вспомнить куновскую дефиницию парадигмы: «Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» [3, с. 261]. Таким образом, бытие парадигмы – это бытие смыслов, она есть форма идентификации научного сообщества, и не имеет прямого отношения к решению проблем в том или ином научном предмете. Не случайно Кун, в конце концов, отказался от использования данного концепта, заменив его «дисциплинарной матрицей», состоящей из упорядоченных элементов разного рода.

1. «Символические обобщения» - выражения, используемые членами научного сообщества без сомнений и разногласий. Они имеют формальный характер или легко формализуются, приобретая форму типа $(x) (y) (z) \Phi (x, y, z); F=ma; I=V/R$. В других случаях речь может идти о словесных выражениях вроде: «элементы соединяются в постоянных весовых пропорциях» или «действие равно противодействию».

2. «Метафизические части парадигмы» - специфические концептуальные модели, имеющие, допустим, форму: теплота представляет собой кинетическую энергию частей, составляющих тело и т. п.

3. Общие ценности. Скажем, количественные предсказания должны быть предпочтительнее по сравнению качественными; в любом случае следует постоянно заботиться в пределах данной области науки о соблюдении допустимого предела ошибки и т. п.

4. Образцы конкретного решения проблем, в университетском обучении – примеры того, как «делается» наука.

В целом позиция Куна, её основания, вполне поддаются реконструкции, что делает понятными и слабости его концепции, и направленности критики его оппонентов.

Во-первых, исходно наука помещается в контекст человеческой деятельности, это «нормальная наука», решение задач-головоломок: есть образец решения, есть правила решения, известно, что задача разрешима. На долю учёного выпадает попробовать свою личную изобретательность при заданных условиях.

Во-вторых, и это связано с предыдущим, деятельность отдельно взятого учёного осуществляется в достаточно жёстких рамках научного сообщества. Кун отмечает, что нет ни одного другого профессионального сообщества, которое бы было так хорошо изолировано от запросов непрофессионалов и повседневной жизни, как научное сообщество. Работа учёного обращена, прежде всего, к его коллегам, в то время как поэт или теолог обращаются к непрофессиональной аудитории и очень зависит от её оценок.

Из приведённого хорошо видны принципиальные отличия позиции, занятой его оппонентами: Карлом Поппером, Имре Лакатосом, Полом Фейерабендом, Стивенем Тулмином и др. Здесь основным фигурантом научного познания выступает отдельно взятый учёный и присущие ему способности рационального мышления. У Поппера это выглядит как «движение» проблем в поле рационального мышления. Обратим внимание, у Поппера речь вовсе не идёт о «науке». Его модель такова: проблема (1) – пробная теория ТТ – устранение ошибок ЕЕ – новая проблема (2).

В третьих, для Куна доминантным вектором его анализа выступает не, собственно, познание, а коммуникация, трансляция стандартов научной деятельности от поколения к поколению.

Наконец, хотя Кун и ссылается на Александра Койре как на философа, оказавшего особенно сильное влияние на его становление в качестве исследователя, присущая тому трактовка отношения философии и науки прошла мимо автора «Структуры». Позиция Койре хорошо просматривается в его словах: «По моему глубокому убеждению, «философская субструктура» сыграла чрезвычайно существенную роль, и влияние философских концепций на развитие науки было столь же существенным, сколь и влияние научных концепций на развитие философии. Можно было бы привести множество примеров этого взаимовлияния» [4, с. 12]. Но именно для оппонентов Куна характерно стремление реабилитировать роль «метафизики» в научном познании, то есть обращение к «философской субструктуре», говоря словами Койре. У Куна же подобные интенции отнюдь не просматриваются. Один из характерных ему упрёков со стороны оппонентов – упрёк в «социологизме».

Альтернативная, по видимости, позиция в трактовке механизмов развития науки в постпозитивизме представлена эволюционной моделью Стивена Тулмина. Он выступил против общей, имеющей, как он говорил, «несчастную судьбу» идеи революции, против самого концепта «революция», применимого «только в качестве классификационного термина, лишённого объяснительной силы». Его общий вывод таков: «Теория «научных революций» основывается на логическом трюизме и в качестве такового вообще не является больше теорией концептуальных изменений» [5, с. 128].

Эволюционная модель Тулмина строится по аналогии с теорией Дарвина и пытается объяснить развитие науки через взаимодействие процессов «инноваций» и «отбора». Выделяются следующие черты данной модели:

1. Интеллектуальное содержание научной дисциплин, с одной стороны, подвержено изменениям, а, с другой – обнаруживает явную преемственность.

2. В содержании дисциплины постоянно появляются пробные идеи или методы, однако только немногие из них завоёвывают прочное место в системе дисциплинарного знания. Таким образом, непрерывное возникновение новаций уравнивается процессом критического отбора.

3. Этот двухсторонний процесс производит заметные концептуальные изменения только при наличии определённых дополнительных условий. Необходимо наличие, во-первых, достаточного количества акторов, способных поддержать поток нововведений; во-вторых – «форумов конкуренции», на которых пробные нововведения могут существовать длительное время, чтобы обнаружить свои достоинства и недостатки.

4. «В любой проблемной ситуации дисциплинарный отбор «признаёт» те из конкурирующих нововведений, которые лучше всего отвечают требованиям местной «интеллектуальной среды». Эти «требования» схватывают как те проблемы, которые каждый концептуальный вариант непосредственно предназначен решать, так и другие упрочившиеся понятия, с которыми он должен сосуществовать» [5, с. 148]. Таким образом, проблема развития науки сводится к двум группам вопросов: во-первых, какие факторы определяют появление теоретических новаций (аналог проблемы

происхождения мутантных форм в биологии) и, во-вторых, какие факторы определяют признание и закрепление того или иного концептуального варианта (аналог проблемы биологического отбора).

Движение в плане сопоставления двух данных, воспринимаемых как альтернативные, концепций не может не подводить к вопросу об их эпистемологическом статусе.

Обозначим, вслед за Поппером данный тип концептуальных структур «метафизическими исследовательскими программами». И как, в частности, он замечает, «теория естественного отбора является не проверяемой научной теорией, а метафизической исследовательской программой» [6, с. 163]. Функция подобных программ – репрезентировать основания возможного конструирования собственно научных теорий в той или иной области научного познания. Метафизические исследовательские программы являются «не проверяемыми, но оспариваемыми», чему, надеюсь, и может служить иллюстрацией всё вышеизложенное.

Всё рассмотренное и позволяет, как представляется, поставить вопрос о возможности разработки теории эволюции науки и научного познания. Понятно, что теория подобной направленности не может быть сформирована вне дискурса общей теории социальной эволюции, о чём, собственно и должна идти речь. Теории, которые, начиная с XIX века (О.Конт, Г.Спенсер, К.Маркс), зачастую идентифицируются как теории социальной эволюции, конечно, не должны приниматься во внимание. Они не соответствуют критериям научности, демонстрируя способы социософского мышления. Если же иметь в виду, допустим, научную теорию эволюции науки, то её эпистемологический вектор хорошо просматривается в словах Роберта Мертона: «Фактически одна из мер по развитию социологии науки как раз и состоит в решении проблемы определения условий и процессов, вызывающих преемственность и непрерывность в науке» [7, с. 28].

Наука представляет собой одну из форм культуры, поэтому задача заключается в том, чтобы разработать категориальный аппарат социальной наследственности. В синтетической теории эволюции (СТЭ) произошло объединение классического дарвинизма и достижений генетики, чего-то подобного следует ожидать и для теории социальной эволюции, однако в существенно ином концептуальном оформлении. Один из вариантов подобного движения можно усмотреть в предложенном Ричардом Докинзом концепте «мема». Мемы выполняют ту же функцию в передаче культурного наследия, что и гены как репликаторы в биологической наследственности [8, с. 176-186].

Ещё одно принципиально важное условие в плане формирования теории культурной эволюции – интерпретация гносеологического статуса бытия культуры в аспекте отличия с бытием природы.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс. 1977. 300 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство» АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. 365 с.
4. Койре А. Очерки истории философской мысли. М.: «Прогресс». 1985. 286 с.
5. Тулмин Ст. Человеческое понимание. – М.: «Прогресс». 1984. 327 с.
6. Поппер К.Р. Неоконченный поиск: Интеллектуальная биография. М.: «Праксис», 2014. 290 с.
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
8. Докинз Р. Эгоистический ген. М.: Мир, 1993. 318 с.

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ПОСТПОЗИТИВИЗМА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

А.М. Конопкин

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова
E-mail: amkonopkin@yandex.ru*

Статья посвящена оценке того, как в современной философии науки осмысливается определение научности гипотез и теорий, что связано с идеями об относительности научного знания, зависимости понимания научности от историко-социальных обстоятельств, невозможности определения научности той или иной из развивающихся,

конкурирующих теорий, выдвинутых в постпозитивистской философии науки, прежде все-го, Т. Куном и И. Лакатосом. К этим выводам приводили идеи о несоизмеримости научных теорий-парадигм, сменяющих друг друга в истории науки (Т.Кун), и понимание И. Лакато-сом как исследовательских программ самых разных культурно-исторических явлений, науч-ность которых, по его мнению, невозможно определять иной раз и по итогам векового раз-вития. Противоречия в постпозитивистском проекте в современности преодолеваются разными способами, в частности, предлагаются концепции «мягких» и «жестких» наук, «зон обмена» между научными и культурными практиками, строятся модели развития научной теории по аналогии с самообучением искусственного интеллекта и т.д.

Ключевые слова: философия науки, научная теория, постпозитивизм в философии науки

THE GENERAL IDEAS OF POSTPOSITIVISM IN THE LIGHT OF MODERN IDEAS ABOUT SCIENTIFIC THEORY

A.M. Konopkin

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov
E-mail: amkonopkin@yandex.ru*

The article is devoted to the assessment of how the modern philosophy of science comprehends the definition of the scientific character of hypotheses and theories; that is connected with the ideas of the relativity of scientific knowledge, the dependence of the understanding of scientific character on historical and social circumstances, the impossibility of determining the scientific character of one or another of the developing (competing) theories, put forward in the postpositivist philosophy of science, first of all, by T. Kuhn and I. Lakatos. These conclusions were led by the ideas about the incommensurability of scientific theories (paradigms) that replace each other in the history of science (T. Kuhn), and I. Lakatos' understanding of various cultural and historical phenomena as research programs, the scientific nature of which, in his opinion, cannot be determined sometimes for a long time (many ages). In modern philosophy contradictions of the postpositivist project are over-come in various ways, in particular, the concepts of "soft" and "hard" sciences, "exchange zones" between scientific and cultural practices, models for the development of scientific theory which are built by analogy with the self-learning of artificial intelligence and etc.

Keywords: philosophy of science, scientific theory, post-positivism in the philosophy of science

Позитивизм и постпозитивизм стали в своё время не только философскими направлениями, но и заметными общекультурными явлениями, а книга Т. Куна стала одним из бестселлеров. Однако после постпозитивизма была пусть и менее известная для широкой публики, но методологически и концептуально весьма содержательная история, в рамках которой происходило критическое осмысление основных концептов постпозитивистов («парадигма», «научная революция» и др.), поиск новых оснований научного реализма и натурализма, переосмысление проблем границ научного знания и его сущности.

Постпозитивизм оставил после себя немало вопросов, несмотря на, казалось бы, детальный анализ случаев из реальной истории науки, большое внимание к теоретическим выводам и взаимной критике. Так, И. Лакатос полагал, что «история науки уже опровергла и Поппера, и Куна. При более детальном рассмотрении критические эксперименты Поппера и революции Куна оказались мифами: вырожденные исследовательские программы обычно замещаются прогрессивными постепенно»; «Критика — это не обсуждавшееся Поппером мгновенное уничтожение путём опровержения. Критика должна быть конструктивной: при опровержении одной теории должна предлагаться лучшая. Кун ошибался, думая, что научные революции всегда связаны с внезапными, иррациональными изменениями представлений» [1]. И. Лакатос, образно говоря, боялся выплеснуть ребенка вместе с водой и полагал необходимым наличие и конкуренцию нескольких исследовательских программ и даже в случае явного вырождения исследовательской программы в псевдонауку её приверженцы не должны подвергаться остракизму. Их приверженность такой программе должна признаваться

рациональной, так как, по мнению Лакатоса, есть вероятность, что кажущаяся безнадежной программа вдруг «догонит» актуальную программу; если же создавать препятствия такой конкуренции, требовать от всех учёных безусловного перехода (а это может быть в случае идеологизации, политизации науки), то научная истина окажется под угрозой.

В этих словах важно предостережение от политизации науки и научных парадигм, теорий, попыток решить внутринаучные дискуссии вмешательством властей. Это действительно имело место и приводило к тому, что развитие науки сходило с естественного пути и возвращалось к нему только после длительных блужданий в коридорах власти. Однако подход своеобразной «методологической осторожности» Лакатоса в то же время ведёт к невозможности оценить научность «здесь и сейчас», вследствие чего, к примеру, фактически приравниваются друг к другу астрология и астрономия, химия и алхимия. Некоторое подобие осторожной оценки, по И. Лакатосу, можно дать лишь по итогам анализа вековой конкуренции этих областей знания; по мнению же П. Фейерабенда, такая оценка и вовсе невозможна, даже в наши дни.

Развитие постпозитивизма в этом пункте пришло к явному противоречию научной практике, ведь достаточно точное различие перспективных программ и не перспективных, рациональных и мистических на практике всё же происходит как «здесь и сейчас», так и ретроспективно. Так же возникает вопрос, не происходит ли приписывание исследовательских качеств идеям, которые в принципе и не были ориентированы на рациональное рассмотрение, развитие и критическую проверку по научным стандартам. Поэтому, как можно полагать, постпозитивисты в целом рельефно и ясно выявили позицию демаркационной осторожности, приблизили упрощенную позитивистскую концепцию научного знания к реальности, имеющей релятивистские черты. Метафизика, третируемая позитивистами, именно в постпозитивизме стала осознаваться частью науки, компонентом научных парадигм или исследовательских программ. Однако, начиная свой постпозитивистский проект с обращения внимания на разрыв реальной истории науки и её явно упрощенного образа в позитивизме, в конечном итоге постпозитивисты пришли к отказу от хотя бы приблизительного решения вопроса о критериях выбора теории «здесь и сейчас» и демаркации от перспективных научных программ от хотя бы явно ненаучных верований, что вызывает недоумение у многих практикующих учёных. И то, и другое, постоянно происходит в научной практике, и произошел методологический разрыв постпозитивистской философии и научной практики. Известно и то, что вопросы о различении хорошей научной теории от плохой или вовсе ложной важно для общества и становится, к примеру, предметом судебных разбирательств. В 1981 г. происходило разбирательство относительно преподавания креационизма в школах, и эпистемолог М. Русе давал судебные показания о том, можно ли преподавать креационизм как научную биологию. Л. Лаудан, считавший определение научности теории праздным занятием, критиковал показания М. Русе для суда за опору на критерий фальсифицируемости К. Поппера, однако в целом согласился с решением суда о недопустимости преподавания креационизма, таким образом на практике осуществил-таки и когнитивный выбор, и определение научности теории [2, с. 111-112].

Противоречия постпозитивистского образа научной теории не остались незамеченными, и в последние десятилетия сделано немало тонких работ, авторы которых выдвигают идеи как касательно методологии выбора перспективных теорий, так и о критериях научности знания. Так, показывается, к примеру, что научность знания может быть вопросом степени эпистемической обоснованности (С. Хэнссон), а не дуального противопоставления научного и ненаучного, что критерий семейных сходств для научных теорий Витгенштейна может быть усовершенствован, как и байесовские вероятностные модели для научных гипотез и процесса изменения теорий. Иерархические байесовские модели строятся для научных гипотез и процесса изменения теорий, при котором возможно получать количественные оценки вероятности, плодотворности конкурирующих теорий, построенных на множестве допущений, исходя из возможности изменений в этих допущениях-гипотезах. Такой подход позволяет внести количественную оценку в традиционные историко-социологические исследования и позволяет надеяться на построение самокорректирующейся модели научной теории. Оценка вероятностей интересовала и К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, однако исследования с тех существенно продвинулись и получили выражение в рабочих проектах искусственного интеллекта, нейросетей, которые показывают впечатляющие результаты в задачах на самообучение.

Развиваются представления о «частично верных теориях» (Н. Кипнис), «зонах обмена» (П. Галисон, А. Дорожкин), различение «мягких» и «жестких» наук (К. Клиланд, Ш. Бринделл), когнитивные стили, характерные для учёных и отклоняющиеся стили (Д. Уилкинс). Получают развитие исследования системной организации науки, которая в середине XX века еще виделась

совокупностью в значительной мере изолированных дисциплин, в то время как современное системное развитие науки облегчает оценку методологии и самих гипотез или теорий, которые находятся в донаучной стадии и по представлениям И. Лакатоса или П. Тагарда могли быть оценены в лучшем случае после долгого развития. Всё это говорит о том, что после постпозитивизма происходит полнокровное развитие когнитивных представлений, в том числе, интерналистского толка, хотя такое развитие не ожидалось на фоне явного перевеса историко-социологического экстернализма в постпозитивизме. Позитивизм и постпозитивизм стали частью спирали познания, в которой радикально сциентистские идеи были преодолены радикальной релятивизацией, связанной с социологизацией знания постпозитивистами. Это позволило преодолеть явно упрощенный взгляд на научные теории как тестирование отдельных гипотез или поиск решающих экспериментов, однако сейчас происходят новые исследования, которые вносят элементы статистического подхода, показывают переход в высокоуровневых теориях как вызванный критическим множеством низкоуровневых изменений, как рациональный процесс, а не как смену веры при смене парадигмальной теории (в терминах Т. Куна).

Литература

1. *Lakatos I.* "Science and Pseudoscience" BBC Radio Talk [Электронный ресурс]. URL: (<https://www.lse.ac.uk/philosophy/science-and-pseudoscience-overview-and-transcript/>). (дата обращения 1.05.2022)
2. *Nickles Th.* The problem of demarcation // Philosophy of pseudoscience: reconsidering the demarcation problem / ed. by M. Pigliucci and M. Boudry. The University of Chicago Press, 2013. P. 111-112.

КУН И ОППЕНГЕЙМЕР: ДВА НАПРАВЛЕНИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУКИ В STS И В МУЗЕЕ

А.А. Писарев

*Младший научный сотрудник сектора социальной философии
Институт философии РАН
E-mail: topisarev@gmail.com*

В начале холодной войны Фрэнк Оппенгеймер и Томас Кун оказались у истоков двух способов репрезентации науки, развивавшихся в разных институциональных средах: музей и центры науки и техники – с одной стороны, STS и история науки – с другой. Если первый способ ориентируется на нормативные самоописания ученых с элементами философии науки, то второй – на изучение того, что ученые в действительности делают, а не того, что они говорят, что делают, то есть, на практики и контексты. Эти два способа, апологетический и критический, оказались слабо совместимыми в рамках одного нарратива, что проявилось впоследствии в научных войнах 1990-х годов и игнорировании музеями науки результатов критической части STS. В докладе будут кратко описаны особенности этих способов репрезентации, причины их расхождения и возможности синтеза в рамках экспозиционной формы, близкой к кунсткамере.

Ключевые слова: музей науки; центр науки и техники; STS; история науки; научная картина мира; натурализация; кунсткамера

KUHN AND OPPENHEIMER: TWO WAYS OF REPRESENTING SCIENCE IN STS AND IN MUSEUM

A.A. Pisarev

*Junior Research Fellow, Sector of Social Philosophy
Institute of Philosophy, Russian Academy of Science
E-mail: topisarev@gmail.com*

At the beginning of the Cold War, Frank Oppenheimer and Thomas Kuhn happened to be at the origins of two ways of representing science that developed in different institutional environments: museums and centers of science and technology on the one hand, STS and

the history of science on the other. The first way focuses on the normative self-descriptions of scientists with elements of the philosophy of science, the second one focuses on the study of what scientists actually do, and not what they say they do, that is, on practices and contexts. These two methods, apologetic and critical, turned out to be poorly compatible within the same narrative, which was later manifested in the Science wars of the 1990s and the fact that science museums ignored the results of the critical part of the STS. The report will briefly describe the features of these ways of representation, the reasons for their divergence and the possibilities of synthesis within the framework of an exposition form close to the *Kunstkammer*.

Keywords: science museum; science and technology center; science and technology studies; history of science; scientific image of the world; naturalization; *kunstkammer*

Для публичной (само)репрезентации науки характерна асимметрия возможных подходов, особенно наглядная в случае музеев науки (от музеев естественной истории до центров науки и техники). С одной стороны, преобладающая ее форма подчинена интересам научно-технической сферы и как правило опирается на самоописания ученых с элементами философии науки. С другой – результаты *профильных* исследований науки и техники (STS) и истории науки в основном остаются достоянием социально-гуманитарного научного сообщества и чаще игнорируются сферой *public understanding of science*. Это расхождение можно обозначить как символическое противостояние двух фигур, находящихся у истоков STS и истории науки и музеев науки в их современном изводе: Томаса Куна и Фрэнка Оппенгеймера. Контекст их работы задавали два мощный фактора. Во-первых, технологическая гонка холодной войны. Во-вторых, новые условия *Big Science*, когда неоднозначные последствия научных открытий (особенно в сфере оружия массового поражения), тесный союз с крупным бизнесом, государством и военной промышленностью, возросшая сложность научных теорий и объемы финансирования подрывали доверие общественности к науке и ее понимание. Требовалось изобрести новые способы изучения и (само)репрезентации науки.

В «Структуре научных революций» (1962) Куна был заложен критический заряд, во многом задавший ориентиры последующего развития STS и истории науки и их отдаления от распространенной (само)репрезентации науки.

Понятие науки, выведенное из них [готовых научных достижений, содержащихся в классических трудах или позднее в учебниках – *А.П.*], вероятно, соответствует действительной практике научного исследования не более, чем сведения, почерпнутые из рекламных проспектов для туристов или из языковых учебников, соответствуют реальному образу национальной культуры [1, с. 17].

...член зрелого научного сообщества напоминает персонажа из книги Оруэлла «1984 год», ставшего жертвой истории, переписанной властями. <...> Подобное предположение не является таким уж нелепым. В научных революциях есть потери, так же, как и приобретения; а ученые склонны не замечать первых [1, с. 219].

Смещением внимания с готовых результатов на процессы производства научного знания он обязан Джеймсу Конанту, президенту Гарвардского университета, который пригласил молодого ученого читать один из курсов по истории науки в рамках своей программы *General Science*, оказавшей серьезное влияние на развитие истории науки. Задачей последней была популяризация науки среди тех, от кого в перспективе зависело ее финансирование – будущих политиков, чиновников и бизнесменов [2]. Конант предполагал, что наилучший способ сделать это – разбор экспериментов из истории классической науки, причем акцент на *чистой* науке должен был дистанцировать науку в целом от ее неоднозначных прикладных последствий. Готовя этот курс, летом 1947 года Кун пережил так называемый аристотелевский опыт: Аристотель предстал перед ним не как плохой и ошибающийся по современным меркам физик, а как хороший «физик», но занимавшийся чем-то другим, чем Ньютон [3, с. 24]. Этот опыт обратил его к историзму, идеям несоизмеримости и дисконтинуальности истории и осмыслялся им на протяжении всей жизни (подробнее см. [4]).

Предложенная Куном в концепция научных революций и парадигм внесла вклад в то, что история науки к концу века стала *историей* науки, усвоив историзм, освободившись от телеологических нарративов философов и ученых и обратившись к изучению действительного поведения ученых [5, с. 72]. Такая практико-ориентированная и контекстуальная история науки предстала чередой интеллектуальных проектов, зачастую имевших только отдаленное сходство с тем, что мы сегодня привыкли называть наукой. В результате ученые все меньше узнавали себя в этих образах и все меньше обращались к истории науки как источнику легитимации (и саморепрезентации).

Та же концепция спровоцировала социальный поворот в изучении науки, стала одной из точек отсчета «сильной программы» социологии знания и STS [6, р. 14]. Критически настроенное крыло STS

расходилось с в целом апологетическими и нормативными философией и (само)репрезентацией науки. Исследователи обращались к разнородным процессам, в которых конструировались (исполнялись, осуществлялись) научные факты и объекты, научная картина мира и то, что называлось природой; отмечали перформативность научных методов, значительную роль риторики и социальных интересов, необходимость обширных сетей воспроизводства, которые бы постоянно *поддерживали* существование как научных фактов, так и техники. Многие фундаментальные оппозиции, на которые опиралось традиционное (само)понимание науки (напр., репрезентация – репрезентируемое, внутреннее – внешнее, природа – культура) теряли предельный характер: они уже не объясняли, а требовали объяснения – обнаруживались конкретные материально-дискурсивные механизмы, производившие их в качестве фундаментальных.

Словом, возможно, основной точкой расхождения между нормативными самоописаниями ученых, (само)репрезентацией науки и результатами STS и истории науки было несоответствие между тем, что ученые говорят о том, что они делают, и тем, что ученые в действительности *делают* [7, с. 240].

В 1956 году глава Комиссии по атомной энергии США бизнесмен Льюис Стросс объявил, что США ведут против СССР «холодную войну в школах». 1950–60-е годы стали временем бурного развития институтов и форм научной педагогики, в том числе центров науки и техники, появившихся в начале 1960-х годов в США и позднее во многих странах мира. Образцовым и наиболее влиятельным на долгие годы стал Эксплораториум, созданный в 1969 году в Сан-Франциско Фрэнком Опенгеймером, бывшим участником Манхэттенского проекта, впоследствии одной из заметных фигур в разработке методик преподавания естественных наук и музейной системе. Свой методический опыт, а также практики европейских музеев науки он и объединил в новом институте.

Центры открыто противопоставляли себя традиционным научным музеям (девиз Эксплораториума – *We Broke the Science Museum Mold*). Во-первых, не будучи отягощенными архивом, они дистанцировались от истории науки и рассказывали практически исключительно об актуальных научных идеях, принципах и знаниях. Во-вторых, в коммуникативном плане экспозиции центров были акцентированно демократичны и интерактивны, ориентированы на диалог, а не однонаправленную коммуникацию. Большое внимание уделялось опыту посетителей. Что важно, новые институции были значительно более ориентированы на детскую аудиторию и не только просвещение, но и привлечение в научно-техническую сферу. Благодаря этим моментам центры оттянули внимание аудитории и потеснили музеи в задании стандартов научной коммуникации. Впоследствии научные музеи при перестройке экспозиции как правило ориентировались на экспозиции центров и перенимали многие их элементы и принципы. Впрочем, и те, и другие создавались и создаются в основном представителями естественных наук, а наука в них – прежде всего science.

В этих институциях исторически сложилась репрезентация науки, построенная вокруг идеи научной картины мира. Вкратце, ее утверждения и умолчания предполагают: (1) акцент на чистой науке в ущерб прикладной и на ее результатах; (2) стирание науки как производства идей и знаний с присущими ему неоднозначностью, множественностью, разногласиями; (3) отождествление науки с автономным и квазиестественным движением Разума/Человека к истине, для которого социальные, культурные и др. факторы являются внешними, а отвергнутые теории – следствиями внешних влияний; (4) стирание музея как производства, то есть, факта и критериев отбора научных содержаний, попадающих в экспозицию (подробнее см. [8, с. 134–164]).

Таким образом, двойная произвольность/сделанность в основании научной экспозиции – сначала научного знания, затем музея – стирается в пользу объективности научного знания (и экспозиции) как репрезентации, его реалистичности и, в конечном счете, неотличимости от репрезентируемого. Происходит натурализация научного знания, поддерживаемая рядом упрощающих отождествлений: знание – продукт применения научного метода, техника – продукт применения знания. Позволяя посетителям «видеть» сквозь экспозицию «саму» природу, музей науки как точка зрения остается невидимым для них и как правило необъективируемым изнутри экспозиции (нигде не сообщается, что «может быть иначе», не говорится о принятых в ходе производства экспозиции решениях). Подобно храмам, музеи науки выполняют «вневременную и универсальную функцию – использование структурированной модели реальности не только в режиме отсылки, но и в качестве объективной модели, с которой необходимо соизмерять индивидуальные представления» [9, р. 23].

Музейная (само)репрезентация науки (близкая к иным ее публичным репрезентациям) резко расходится с тем, как наука проблематизируется и изучается в посткуновской истории науки и STS. Реалистичность, репрезентациональность и объективность знания при стирании его производства

против методологического релятивизма и конструктивизма с пристальным вниманием не к результату, а к траекториям его получения и механизмам его натурализации.

Одним из путей к снятию обсуждаемого противостояния может быть разработка *двойного видения*: удержание вместе реалистического и критического модусов. Не только научное, но технонаучное просвещение. Заявления о необходимости такой оптики звучат давно [10], но Харауэй еще в 1988 году отмечала, что «все составляющие этого желания парадоксальны и опасны, а их сочетание одновременно противоречиво и необходимо» [7, с. 245]. Возможно, стоит последовать за STS и, тематизируя местоположенность знания, обратить внимание на музейную экспозицию как способ совместить приверженность научным объяснениям мира и демонстрацию их сконструированности и контингентности в одном пространстве. Такая экспозиция, организованная не только вокруг монолита картины мира, но и вокруг проблематизаций и дискуссий, по своему устройству может оказаться ближе к кунсткамерам (см. подробнее [8, с. 164–185]).

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
2. Hamlin C. The Pedagogical Roots of the History of Science: Revisiting the Vision of James Bryant Conant // *Isis*. 2016. Vol. 107. P. 282–308.
3. Кун Т. После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014. С. 19–44.
4. Писарев А.А. «Все мы посткунианцы»: эпизоды необыкновенной истории «Структуры научных революций» // *Логос*. 2020. № 3. С. 135–137.
5. Дастон Л. История науки и история знания // *Логос*. 2020. № 1. С. 63–90.
6. Sismondo S. Science and Technology Studies and an Engaged Program // *The Handbook of Science and Technology Studies* / E. Hackett et al. (eds). 3rd ed. Cambridge; L.: The MIT Press, 2008.
7. Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // *Логос*. 2022. № 1. С. 237–271.
8. Писарев А.А. STS и возможное будущее науки: к новой кунсткамере // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 4 (30). С. 131–185.
9. Cameron D. F. The Museum, a Temple or the Forum // *Curator: The Museum Journal*. 1971. Vol. 14. № 1. P. 11–24.
10. Shapin S. Why the Public Ought to Understand Science In-The-Making // *Public Understanding of Science*. 1992. Vol. 1 (1). P. 27–30.

О ФРАКТАЛЬНОЙ ФОРМЕ НАУЧНОСТИ: К ПОЛЕМИКЕ Т. КУНА И И. ЛАКАТОСА О РАЦИОНАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ НАУКИ

М.Ю. Морозов

Преподаватель

Гуманитарно-социальный институт (г. Люберцы)

E-mail: maxdiscovery@mail.ru

В докладе представлена попытка определения значения полемики Т. Куна и И. Лакатоса о рациональной реконструкции науки в контексте интенции саморефлексии научного знания, предпринимаемой в рамках постпозитивистского проекта историографического направления в философии науки. Утверждается, что значение это не может быть понято как изнутри парадигмы философии науки, так и в рамках анализа философии или науки и их истории как отдельных и самосущих областей знания в совокупности со способами его получения. Альтернативный способ рассмотрения предполагает их понимание как определённых мнимонезависимых форм общественного сознания. Показывается, что именно отсутствие взгляда на проблемы философии науки из перспективы этого способа, восходящего к трудам представителей философской классики, обеспечивает воспроизводство нерешаемых проблем в границах позитивистской парадигмы в современных дискуссиях. Такое воспроизводство рассматривается через призму авторской концепции фрактальности.

Ключевые слова: фрактальная форма, постпозитивизм, Гегель, Маркс, диалектика, идеальное, Ильенков

ON THE FRACTAL FORM OF SCIENCE: TOWARDS A POLEMIC OF T. KUHN AND I. LAKATOS ON THE RATIONAL RECONSTRUCTION OF THE HISTORY OF SCIENCE

M. Y. Morozov

Lecturer

Humanities and Social Institute (Lyubertsy)

E-mail: maxdiscovery@mail.ru

The paper presents an attempt to define the meaning of T. Kuhn's and I. Lakatos' polemics on the rational reconstruction of science in the context of self-reflexive scientific knowledge, undertaken within the framework of the post-positivist historiographical project in the philosophy of science. It is argued that this meaning cannot be understood either from within the paradigm of philosophy of science, or within an analysis of philosophy or science and its history as separate and self-contained fields of knowledge, together with the ways in which it is obtained. An alternative way of looking at them involves understanding them as certain pseudo-independent (imaginary, ideal) forms of social consciousness. It is shown that it is the absence of such a perspective on the problems of philosophy of science, which goes back to the works of representatives of the philosophical classics, that ensures the reproduction of the unresolved within the boundaries of the positivist paradigm in contemporary debates. Such reproduction is viewed through the prism of the author's concept of fractality.

Keywords: fractal form, postpositivism, Hegel, Marx, dialectics, ideal, Ilyenko

Противостояние новой моде требует, возможно, не меньше мужества, чем требовалось для её создания.

К. Поннер

«История учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы». Эта фраза, которую обычно приписывают Г. Гегелю, великому мастеру соединять противоположности, могла бы послужить прекрасным лейтмотивом к полемикам внутри «исторического направления в философии науки» хотя бы потому, что заложенное в ней противоречие выступает отправной точкой для мышления, которое хочет действительно разобраться в поставленной проблеме. В соответствии с диалектической концепцией развития, которое формировалось в классической философии начиная с античности, **противоречие** – это подлинный источник всякого движения, его «мотор», его живая душа. Философия Гегеля и является «суммой, итогом, выводом» этой традиции; в его идеях она получает наиболее полное выражение. Впрочем, дословная цитата об истории заключает в себе гораздо больше содержания, которое было бы интересно поместить в контекст споров о «рациональных реконструкциях»: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из неё. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего» [1, с. 7-8].

Очень контрастно по сравнению с этим звучит известная в своей ироничности фраза Лакатоса о реальной истории, её реконструкциях и карикатурах [2, с. 517]. Гносеологическое содержание и различие позиций Гегеля и Лакатоса сводится к различию **чистой** и **превращенной** форм. Если первая позиция выявляет противоречие, разворачивающее себя в мышлении, порождает богатство своих определений, то вторая ограничивается шуткой о всеобщей «фейковости», из которой невозможно вывести никакого знания, следствия этой позиции не «уходят в основание» (Гегель), они бесплодны. Эта «шуточность» (вовсе не смешная в пессимистичной содержательности собственного вывода), эта игра-розыгрыш есть черта вполне постмодернистская, несмотря на то, что, согласно утвердившемуся мнению, постпозитивисты на постмодернистов вовсе не похожи и расположены от них достаточно далеко на строго упорядоченных полочках академических библиотек-каталогов. Объясняется это, конечно, господствующей овеществленностью академического сознания, которое проявляет себя в определениях дисциплинарности наук, что заставляет рассудочно

классифицировать мыслителей по категориям вместо конструктивного анализа поставленных ими проблем и предложенных способов решения.

Эта «дисциплинарность», понятая гносеологически как **фрагментарность**, вообще является наибольшей проблемой в процессе достижения истины [3]. С тем обстоятельством, что Т. Кун и И. Лакатос являются влиятельными философами, которые внесли существенный вклад в дело человеческого познания, спорить не принято, пожалуй, на конференциях вроде запланированной: т.е. в среде историков, методологов и философов науки **ex professo**. Однако оценка как представителей учёного сообщества естественников [4], так и сторонников классической линии философии разительно отличается от упомянутой: она простирается в диапазоне от безразличия до гневных обвинений в некомпетентности. Подобное отношение вряд ли можно назвать конструктивным: чтобы критика не останавливалась на абстрактном отрицании, она должна затрагивать существо дела, т.е. быть критикой внутренней. Это значит, что теоретический ум должен встать на позицию критикуемого мыслителя, чтобы понять проблемы, которые он пытается решить. При таком подходе этот ум, коль скоро он решает действительно **всеобщие** проблемы, с неизбежностью увидит в этом мыслителе и самого себя; понятно, что в той степени, в какой критикуемый этих всеобщих проблем касается сам. Увидеть фрагмент истины и условия, которые привели к «распуханию» этого фрагмента так, что он вышел за свою меру и стал заблуждением – вот задача теоретико-познавательного анализа.

И с точки зрения такого анализа выглядит непродуктивным и довольно искусственным ставшее уже традиционным в философии науки абстрактное разделение на **внутреннюю** и **внешнюю** историю, а также на **историю** и **философию** науки. Такой тезис может быть рассмотрен как неуважение к «парадигме» позитивизма, однако, как справедливо замечает Л. В. Шиповалова: «Для того, чтобы возникло значимое новое, в том числе впоследствии отменяющее старое знание, необходимо обращение к прошлому, укоренение в традиции» [5, с. 53-54]. Именно отсутствие самостоятельного обращения к традиции мышления является бичом современных концепций истории вообще и истории науки в частности (в качестве примера такого успешного обращения можно привести статью Э.В. Ильенкова о научности, где обсуждаются указанные проблемы [6]). Показательна в этом отношении глава I главной работы Куна, где он говорит о своём философском образовании [7, с. 13-17], а также глава XI, где он рассматривает традиции написания учебников, не применяя, впрочем, полученных выводов о деформации понимания к себе самому (аналогичное, яркое и поучительное, исследование диатрибической традиции в философии проведено советским философом А.В. Потёмкиным [8]). Не менее показательны одиозные заявления Лакатоса о Гегеле, которые сформированы под влиянием его учителя, К. Поппера [2, с. 513].

Классическая традиция, которая заканчивается Гегелем и уже вне рамок собственно философии продолжается Марксом, приходит к очень ясному пониманию того, что **философия** (науки, познания, развития вообще) и есть **история** и **диалектика** своего предмета, есть **теория развития** этого предмета («не надо трёх слов»). В научном сознании сегодня, напротив, господствует представление об их разделении. К счастью, в том числе в результате дискуссии, начатой Куном и Лакатосом, и это представление не остаётся несомненным: сегодня также активно дискутируется вопрос об их отношении. Так, Шиповалова утверждает: «Осуществляется ли историзация эпистемологии, т. е. возникает необходимость исследования категорий познания в историческом контексте, или историческое знание разворачивается к исследованию концептов, определяющих научную деятельность? Иначе говоря, является ли историческая эпистемология видом истории или видом эпистемологии? <...> Самым же важным в этой двусмысленности является то, что в движении к желаемому, но еще далеко не реальному союзу истории и философии науки, задачи работы над достижением взаимопонимания оказываются различными. <...> Работа над сочетанием этих движений, составляющих общее стремление к добродетельной золотой середине исторической эпистемологии, еще не завершена» [9, с. 20-21].

Содержательного понимания тезиса о совпадении диалектики, логики и теории познания очень не хватает сегодня философам науки, и поэтому они попадают в ловушку мышления, которую обнаружил польский философ М. Щемек: «...Идеологическое давление со стороны торжествующего сциентизма и позитивизма во второй половине XIX века, как в философии, так и в массовом сознании надолго закрепили миф о тождестве **познания** и **науки**. <...> ...Соглашаясь с полным поглощением старых «теоретико-познавательных» проблем научно-позитивистским самосознанием современной науки, её теорией и методологией, <исследователи> отрезали себе путь к подлинно марксистскому, т.е. диалектико-историческому пониманию самой **науки** как своеобразного, исторически и культурно обусловленного типа познавательного поведения обобществлённого человека» [10]. Именно **тотальность** рассмотрения всей области общественных отношений определяет диалектический

подход к релятивности, потому эта последняя остаётся лишь моментом познания (хотя и необходимым). Релятивность, которую опасаются получить исследователи в результате снятия противоположности внешней и внутренней истории [9, с. 21] включается в **монизм** исследовательской позиции. К слову, уже и сам ход полемик постпозитивистов даёт понимание того, насколько граница между внутренней и внешней историей подвижна и условна.

«Урок инновационности» (словами Шиповаловой), который стоит взять у Гегеля и Маркса, заключается в том, что науку невозможно понять, рассматривая её историю изолированно, в отрыве от **истории** действительного человечества в его многочисленных определениях, **теория развития** которого и выступает единственно возможной «научной философией» [10]. В этом грандиозном процессе проясняются все главные пункты, вокруг которых сосредоточена полемика Лакатоса и Куна [2; 11; 12]: высвечиваются (взаимо)переходы внешней истории во внутреннюю, обнаруживаются условия и причины смены парадигм, определяется рациональность «иррациональности» поведения учёных, которое (пост)позитивисты просто относят к ведомству психологии, отказываясь от его понимания (это представление следует из ложного отождествления **познающего субъекта** с **индивидом**. Непонимание общественной природы познания заставляет Куна останавливаться в объяснении процесса научной революции на аномальном поведении учёных, которые в определённый момент почему-то начинают вести себя «как-то иначе»). Более того, сама психология меняет свою форму: именно на фундаменте материалистического понимания истории она обретает вид систематической науки (этот результат достигнут и закреплён в работах культурно-исторической школы Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева); все проблемы и феномены «второго» и «третьего мира» получают разрешение в грамотно поставленной и решённой проблеме идеального, что развернута в теоретических определениях Э.В. Ильенковым [13]. В основании различия внешней и внутренней истории лежала предпосылка автономии «третьего мира», как указывает Шиповалова [9, с. 21]. Это важное с гносеологической стороны замечание, ведь попперовская концепция «третьего мира» появляется как неудачная попытка решения вопроса об объективности идеального, с которой смог справиться только Маркс. Непонимание категории идеального – ещё одна причина теоретических блужданий Лакатоса и Куна; и это притом, что это действительно передовые представители философии науки вообще.

Фрактальность формы научности, которую безуспешно пытаются теоретически «оплодотворить» Лакатос и Кун заключается в предположенном **разрыве**, следовательно, во **внешности** её собственной истории себе самой и истории общества в целом. Из изначально разрозненных частей не «склеить» непрерывное целое, потому следует противопоставлять этому подходу **генезис** этого разделения, которое, конечно, имеет место в действительности (получая отражение в головах учёных), и которое, конечно, является особенной формой проявления общей диалектики логического и исторического [14, с. 307-337].

Гегель не зря указывает, что «в сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего» [1, с. 8] О том же пишет и Чернышевский (чьё понимание и истории, и науки очень удивило бы своей содержательностью многих современных философов и методологов), ставя в основание познания **жизнь** как таковую [15, с. 87]. Из этой жизни, например, в теорию «возводится» принцип конкуренции; т.е. сам принцип наличного бытия начинает «деформировать» теорию [16, с. 132-133]. И чтобы такая теория не «ломала» собой последующую практику, необходимо выстраивание её по логике чистых, а не фрактальных форм. Что, разумеется, возможно лишь при глубоком погружении в классическую теоретическую мысль.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Г.В.Ф. Гегель. Сочинения. Т. VIII. М.: Государственное социально-экономическое издание, 1925. 470 с.
2. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 455–524.
3. Морозов М.Ю. Противоречие непрерывности и дискретности как существенное определение фрактального // Проблемы современного образования. 2021. № 5. С. 9–22.
4. Манин Д.Ю. Наука в кривом зеркале: Лакатос, Фейерабенд, Кун // Бюллетень Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. М.: Наука. С. 45–61.

5. Шиповалова Л.В. Научная революция – разрыв с прошлым или его возобновление? О двусмысленном ответе современной историографии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 49–57.
6. Ильенков Э.В. Философия и научность // Ильенков Э.В. Идеальное. И реальность. 1960–1979. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2018. С. 118–135.
7. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
8. Потёмкин А.В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Пособие для студентов и преподавателей. Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2003. 576 с.
9. Шиповалова Л.В. Стоит ли мыслить науку исторически? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 18–28.
10. Щемек М.Я. Познание как практика [Электронный ресурс]. URL: <http://propaganda-journal.net/10618.html>. (дата обращения 29.04.2022)
11. Кун Т. Замечания на статью Лакатоса // Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 577–592.
12. Лакатос И. Ответ на критику // Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 593–605.
13. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // «Логос». 2009. № 1. С. 6–62.
14. Мареев С.Н. Конкретный историзм: Монография. М.: Изд-во СГУ, 2015. 352 с.
15. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Н.Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. II. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. 944 с.
16. Лобастов Г.В. Философические эссе. Монография. Усть-Каменогорск, 2018. 282 с.
17. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. М.: Издательство политической литературы, 1968. 587 с.

РАЦИОНАЛЬНОЕ, ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ И НЕУМЫШЛЕННОЕ НЕЗНАНИЕ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ЭПИСТЕМОЛОГИЮ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ*

А. О. Костина

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: alinainwndrind@gmail.com

В статье рассматривается проблема незнания с точки зрения социальной эпистемологии, в частности эпистемологии добродетели. Описываются и подвергаются критическому осмыслению такие его варианты как рациональное, иррациональное и неумышленное незнание. Рациональное незнание ассоциируется с экономическим подходом как к познанию, так и к политике. В его основе лежит представление о «затратах» и эффективности субъекта в осуществлении познавательной деятельности. Иррациональное незнание связывается при этом с наличием эпистемических предрассудков, препятствующих получению необходимого знания. Последний вариант – неумышленное незнание, связано с нейтральной ситуацией искренних познавательных действий субъекта, когда последний не получает «вторичных выгод» в процессе своей деятельности. Рассмотрение представленных вариантов незнания тесно связано с построением в рамках эпистемологии добродетелей нормативной системы, способствующей продвижению к истине. В центре как прежде остается познающий субъект, который теперь можно проанализировать на новом уровне. Он опирается на дополнительные характеристики субъекта с набором рациональных и иррациональных мотиваций, ускоряющих или замедляющих его эпистемическую активность. В статье также показано, как раскрытая в рамках политического незнания проблематика находит отражение в практике научной деятельности.

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, рациональное незнание, иррациональное незнание, неумышленное незнание, политическое незнание, социальная

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-011-00397 «Эпистемология добродетелей: ценностно-нормативный образ субъекта познания».

**RATIONAL, IRRATIONAL AND INADVERTENT IGNORANCE:
THE WAYS OF OVERCOMING WITH THE USE OF VIRTUE EPISTEMOLOGY****

A.O. Kostina

*CSc in Philosophy, Research Fellow
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: alinainwndrln@gmail.com*

The main focus of the following article is the issue of ignorance, analyzed from the standpoint of social epistemology in general and virtue epistemology in particular. The rational, irrational and inadvertent versions of ignorance are being scrutinized. Rational ignorance is associated with economic approach not only for cognition, but also for politics itself. The most important point is the “costs” cognitive agent has to pay for acquiring knowledge along with efficiency he/ she performs during the process. Irrational ignorance is related to cognitive biases preventing the agent from becoming knowledgeable. The last presented option is inadvertent ignorance, which demonstrates, at first glance, the least harmful option of all. It is the only type of ignorance not related to secondary benefits of the activity. Profound analysis of different types of ignorance shows its importance in the framework of the normative base of virtue epistemology. It accelerates the receiving of true knowledge. The epistemic agent is the central figure, once again levelled up with the help of scrutiny of its rational and irrational motivations, which either slow down or foster the epistemic activity. Connection between the analysis of political and scientific ignorance is also highlighted as of crucial importance in the following research.

Keywords: virtue epistemology, rational ignorance, irrational ignorance, inadvertent ignorance, political ignorance, social epistemology

Вопрос о том, что такое знание, идет ли речь о естественных и гуманитарных науках или практиках обыденной жизни, не теряет своей актуальности для исследований как прикладного, так и фундаментального характера. Особое место он занимает и в исследованиях социальной эпистемологии.

В рамках эпистемологии добродетелей и критической эпистемологии разработано множество перспективных подходов, пытающихся найти ответ на данный вопрос. Они в собственном развитии и взаимной критике направлены на разработку теоретических оснований, подкрепленных практическими иллюстрациями в поисках того, что можно определить как знание, а что – нельзя.

Как известно, в рамках эпистемологии добродетелей поляризация методов связывается с той степенью ответственности, которая приписывается познающему субъекту. При этом углубление в проблему знания приводит к необходимости постоянного переопределения качеств, свойств и навыков, присущих последнему. В своей «строгой» версии, представленной респонсibiliстами, эпистемический агент (здесь приравнивается к познающему субъекту) несет всю полноту ответственности за каждый свой шаг в познании. В данном случае предполагается, что субъект инструментально и фундаментально мотивирован исключительно на получение истинного знания. Исключительность мотивации не позволяет допущения каких-либо «вторичных выгод» на пути агента. Однако попытка обозначить столь строгую систему эпистемологических норм еще не говорит о степени их выполнимости в практике познания.

Посмотрев на данные процессы из другой перспективы, мы можем отметить, что рассмотрение проблемы незнания обогащает существующую традицию. Если знание может и должно быть мотивировано, то можно ли говорить о мотивированном незнании? Как такая постановка вопроса сказывается на представлении о познающем субъекте?

Одна из самых крупных дилемм связана с возможностью определить незнание как рациональное, иррациональное и неумышленное.

«Личность рационально несведуща («rationally ignorant» – англ.) если он или она решили, что изучение какого-либо корпуса знаний не оправдано при условии, что затраты на его приобретение превышают потенциальные выгоды, соответствующие целям принимающего решение» [1, p. 241].

** The article is written with the support of Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00397 “Virtue Epistemology: value-normative approach to a cognitive agent”.

Данное утверждение указывает на подход, связывающий политику и экономику (не)знания, также определяет мотивации познающего субъекта. Практическое отражение такого поведения агента находит в области политики. Политическое незнание проблематизируется в исследованиях политической и социальной эпистемологии. Однако один из его критиков, Джеффри Фридман [2], придерживается идеи, что политическое незнание представляет наибольший интерес для изучающих социологические опросы и сторонников экономического подхода к политике. Сам же исследователь призывает не сводить мотивацию политического актора только реализации его личных амбиций. Иначе теряется само различие между политической и экономической сферами общества.

Среди потенциальных «затрат» может оказаться не только время, которое можно потратить на некоторую альтернативу, но психологический комфорт. На первый взгляд кажется, что если в рамках политического незнания можно говорить о психологических факторах, то в области научных исследований они должны быть исключены. Когда речь заходит о естественных науках, сами принципы работы в них сопряжены с допущением возможности ошибки, выдвижения смелых гипотез и их публикации в рамках исследований с риском быть опровергнутыми. В социальных науках труднее говорить об «опровержении», но критика, как и прежде, остается неотъемлемой частью процесса научной коммуникации. В подтверждение значительного психологизма не только политического участия, но и научного, Д. Турри [3] приводит следующий аргумент. Если наши убеждения, даже будучи обоснованными, наталкиваются на критику, какая именно ее часть нас так задевает или какую часть нас задевает она?

«Неумышленное незнание» («inadvertent ignorance» – англ.) – самый естественный, по мысли Д. Фридмана, вид незнания. Оно возникает, когда исследователь (необходимо заметить, что Д. Фридман в равной степени заинтересован в рассмотрении «политики незнания» как в естественных, так и социальных науках) искренне не знает о существовании корпуса информации, потенциально полезном для его работы. Здесь следует сделать замечание. Не всегда можно точно определить, что в процессе исследования, являющегося помимо прочего, творческим процессом, можно обозначить как релевантный или полезный корпус знаний. Можно допустить, что полезные для исследования находки могут не казаться такими в соответствии с тематическим каталогом или нормативным установкам. Как раз самым ожидаемым шагом, встроенным в алгоритм исследования, может являться знакомство с наиболее значимыми для данной области источниками. Если же исследователь этого не осуществляет, то трудно обозначить такое незнание как неумышленное.

Система, построенная на существовании рационального и неумышленного незнания, заметно усложняется, когда к ней добавляется иррациональное незнание. По определению И. Сомина «оно возникает в ситуациях, когда индивид избегает полезной для себя информации из-за когнитивных предрассудков, приводящих его к действиям, противоречащим его собственным целям» [1, p. 242].

Область когнитивных предрассудков («cognitive bias» – англ.) представляет собой отдельное поле исследований эпистемологии. Это сложный феномен еще и потому, что не все свойства мышления можно однозначно оценить как негативные. В разных ситуациях догматизм может стать как серьезной преградой для развития системы взглядов, так спасением, служащим на благо ее стабилизации. Эпистемологический патернализм может способствовать выстраиванию преемственности знания, а может и помешать рождению принципиально новых методов и подходов в научной работе.

Исследователи социальных вопросов, на которых указал Д. Фридман, в действительности сталкиваются с рядом неразрешимых дилемм в оценке результатов, в частности, связанных с политическим незнанием. Главный из них связан с тем, в какой мере информационная доступность, если исторически проблема заключалась в дефиците информации, увеличила осведомленность как граждан в их общественной жизни и осуществляемых выборах, так и исследователей. Сопряжен ли «информационный прорыв» с прорывами исследовательскими?

Несмотря на довольно радикальную и, возможно даже некорректную постановку вопроса, в политических опросах (также приводимых в [4,5]), можно найти свидетельства либо рационального, либо иррационального незнания, но с трудом его можно назвать «неумышленным».

Обозначенная перспектива анализа того, каким образом можно классифицировать незнание является важным для определения границ знания. Еще важнее – определение стратегий, используемых эпистемическим агентом на пути достижения истины.

На рассмотренных примерах мы видим, что формирование изначальных установок эпистемологии добродетелей, связанных с выработкой эффективной нормативной базы познания, является одной из ключевых задач для будущего эпистемологии. Это послужит способом преодоления незнания, связанного, по крайней мере, с его мотивированной частью. Хотя ряд аргументов

в предложенных рассуждениях связан с политическим незнанием, очерченные контуры позволяют заметить, что многие из проблем характерны и для исследовательской деятельности. Хотя бы по тому основанию, что и первую и вторую осуществляет познающий субъект. Также, как подсказывают исследования эпистемологии добродетели, обыденное знание также затруднительно (а зачастую и более затруднительно) нормировать, чем научное.

Литература

1. *Somin I.* Is political ignorance rational? // Routledge handbook of political epistemology. Ed. M. Hannon, J. de Ridder, New York: Routledge. 2021. Pp. 241–252.
2. *Friedman J.* Popper, Weber, and Hayek: The Epistemology and Politics of Ignorance // *Critical Review* 17(1–2). 2005. Pp.1–58.
3. *Turri J.* Virtue Epistemology and Abilism on Knowledge // Routledge handbook of virtue epistemology. Ed. Battaly H. New York: Routledge. 2019. Pp. 309–316.
4. *Somin I.* Jury Ignorance and Political Ignorance. *William and Mary Law Review*. 2014. Vol. 55. No 3. Pp. 1167–1193.
5. *Somin I.* Rational Ignorance // *Routledge International Handbook of Ignorance Studies*. Eds. M. Gross, L. McGoey. London: Routledge. 2015. Pp. 274–81.

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И УНИВЕРСИТЕТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ*

Р.И. Галлямов

*Магистр философии, младший научный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: gallyamovri@gmail.com*

В статье рассматривается проблема концептуальной и практической связи расширенного сознания, включающего цифровую среду познающего интеллекта, а также эпистемической ответственности субъекта за собственные знания и действия на их основании. Предполагается, что такая ответственность возможна в случае объективных и субъективных условий свободного выбора конкретного поля информационной среды, в которой формируются убеждения познающего. Утверждается, что цифровые технологии, несмотря на двусмысленность, могут поддерживать и реализовывать такие условия. Акцент делается на субъективных условиях, формирующихся в Университете и предполагающих, в частности, развитие способности сомнения в собственных убеждениях. Ставится вопрос о том, какая модель университетского образования может поддерживать цифровые технологии в их возможности отвечать такой задаче. Предлагаются аргументы против и за классическую модель университета, объединяющую образовательные практики и научное исследование.

Ключевые слова: расширенное сознание, высшее образование, цифровая эпоха, интеллектуальные добродетели

EPISTEMOLOGICAL RESPONSIBILITY AND UNIVERSITY IN THE DIGITAL ERA

R.I. Gallyamov

*Master of Philosophy, Junior Research Fellow
Institute of Philosophy RAS
E-mail: gallyamovri@gmail.com*

The article deals with the problem of conceptual and practical connection of expanded mind, including the digital environment of the cognition, as well as the epistemic responsibility of the actor for his/her own knowledge and actions based on them. The author assumes that such responsibility is possible in the case of objective and subjective conditions of free choice of

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

the information environment that forms the beliefs of the knower. The author argues that digital technologies, despite the ambiguity, can support and implement such conditions. He focuses on the subjective conditions formed at the University and presuppose the development of the ability to doubt one's own beliefs, and discusses the question about which model of university education can support digital technologies in their ability to meet the implementation of such a task.

Keywords: extended mind, higher education, digital era, intellectual virtues

Исследователи отмечают современную тенденцию актуализации проблематики эпистемической ответственности как интеллектуальной добродетели. Связана эта тенденция с соотношением понятия эпистемической ответственности и концепта расширенного сознания (*extended mind*), предполагающего возможность передачи ряда когнитивных функций сознания внешним техническим средствам, например, компьютерной памяти. Действительно, распределенность ограничивает поле контроля за информацией как основанием действий и увеличивает риски недостаточно обоснованных суждений. При этом возможность реализации различных эпистемических добродетелей, понятых в контексте как респонсбилизма, так и релейбилизма, оказываются под вопросом. В случае эпистемической ответственности одним из аргументов в пользу ее возможности оказывается то, что субъект познания может отвечать не за собственные убеждения, которые могут быть сформированы когнитивной цифровой средой, частью которой он оказывается, но за выбор самой среды [1]. Понятно, что в этом случае должно быть предположено, что у субъекта есть техническая, когнитивная, информационная, а также социально-политическая возможность выбора и способность выбирать. Скажем, если речь идет об информационной интернет-среде, то должна присутствовать возможность доступа к альтернативным источникам информации, умение организовывать информационный поиск таким образом, чтобы обходить возникающие эхо-камеры, развитая способность критического мышления, допускающая сомнение к собственным уже сформированным убеждениям. То есть должны быть реализованы объективные и субъективные условия эпистемической ответственности. Вопрос состоит в том, какую роль в этой реализации играет сама цифровая среда?

В первую очередь стоит отметить, что цифровая среда оказывается, как источником ошибок и манипулирования сознанием, так и полем для решения проблемы, коль скоро ее потенциальная неисчерпаемость предоставляет возможность обнаружения и производства альтернативных интерпретаций информации. С одной стороны, цифровые технологии не представляют собой качественно нового средства, лишь увеличивая возможные объемы информации, подлежащие овладению, распределению и контролю, а также ускоряя процессы коммуникации [2]. С другой стороны, они обеспечивают принципиальную открытость социально-информационным взаимодействиям, проницаемость границ между публичным и частным, возможность, которая конечно еще далека от актуализации, выравнивания иерархий в доступе к приобретению знания. Тем самым цифровые технологии обеспечивают объективное условие эпистемической ответственности, предоставляя возможность миграции по различным информационным пространствам и ответственности за то поле, которое принимается в качестве «домашнего». Могут ли они внести вклад и в формирование субъективного условия?

Представляется, что в этом случае речь идет о синтезе цифровых технологий с образовательным пространством, в котором и формируются необходимые способности. Мы оставим в стороне развернутую критику трансформации современного Университета под воздействием цифровизации, указывающую на нарушение непосредственности и развернутого диалогового режима образовательной коммуникации, связь внедрения онлайн и дистанционного образования с неолиберальными экономическими контекстами, а также требованиями академического капитализма. Любой актуальный феномен может и должен раскрываться в собственной двусмысленности. Существует также достаточно актуальных исследований, демонстрирующих и конструктивность цифровизации в системе высшего образования, позволяющей студенту работать в «многозадачном режиме, обучаясь распределению привилегий, приоритетов и времени», формировать «культуру участия» и совместного решения поставленных задач [3, с. 7]. Наш интерес формируется вокруг концептуальной проблемы - определенности той модели университета, которая позволяет, учитывая возможности, предоставляемые цифровыми технологиями, создавать субъективные условия для эпистемической ответственности как интеллектуальной добродетели.

В докладе рассматриваются критические аргументы относительно модели исследовательского университета, звучащие как в первой половине XX века (Х. Ортега-и-Гассет), так и в конце XX века (Б. Риддингс). В этом контексте подчеркивается проблематичность трех элементов, составляющих

эту модель: идея объединения образования и исследования, «одинокость душевной жизни» как характеристика образовательной и научной практики, а также включенность в формирование национального сознания. Показывается в каком отношении эти элементы подвергаются критике или сохраняют свою значимость и в современности. Также эксплицируется специфика нового образовательного идеала «в эпоху предпринимательства» [4]. В качестве альтернативы и дополнения к изложенным аргументам будет показано, в каком отношении цифровизация образования может поддерживать практики объединения образования и научного исследования. Также будет обосновано, что именно сопровождение так организованных университетских практик с цифровизацией может быть субъективным условием формирования эпистемической ответственности, понятой не только в интерналистском, но и в экстерналистском ценностном ключе.

Литература

1. Шевченко С.Ю. Расширенный разум и эпистемическая ответственность в цифровом обществе // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 4. С. 209–227
2. Масланов Е.В. Вызовы цифровизации для техногенной цивилизации // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. № 5(1). С. 6-21.
3. Игнатова Н.Ю. Образование в цифровую эпоху. НТИ (филиал) УрФУ, 2017. 128 с.
4. Фуллер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства // Высшее образование. 2005. № 2. С. 50–76.

ДИНОЗАВРЫ, МАМОНТЫ, СТРАНСТВУЮЩИЕ ГОЛУБИ: ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ «ВТОРОГО ПРИШЕСТВИЯ»

Е.Э. Чеботарева

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники

Санкт-Петербургский университет

E-mail: e.chebotareva@spbu.ru

В статье рассматриваются вненаучные факторы идеи «воскрешения» вымерших и истребленных видов животных с помощью современных биотехнологий. Автор анализирует многочисленные дебаты в области философии биологии и биоэтики, посвященные вопросам возрождения биологических видов и связанным с ним вызовам. Во-первых, это вопрос соответствия «воскрешенных» животных своим естественным вымершим предкам. В статье показывается, как эта проблема соответствия запускает процесс переосмысления понятия «биологического вида» и какова роль вненаучных факторов в этом процессе. В частности, используется работа С. Бойм, в которой, с одной стороны, динозавр показан как воплощение американского величия, а с другой – как «идеальное животное для индустрии ностальгии». Кроме того, затронут вопрос экономических аналогий в понимании эволюции биологических видов и феномен чувства вины перед истребленными видами в контексте постгуманистической парадигмы.

Ключевые слова: Научное «воскрешение», вымершие виды, биоинженерия, биологический вид, вненаучные факторы, биоэтика

DINOSAURS, MAMMOTHS, PASSENGER PIGEONS: PHILOSOPHICAL ISSUES OF THE SECOND COMING

E.E. Chebotareva

CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of Science and Technology

Saint Petersburg University

E-mail: e.chebotareva@spbu.ru

The article deals with non-scientific factors contributing to the idea of “resurrecting” extinct animal species with the help of modern biotechnologies. The author analyzes numerous debates in the field of philosophy of biology and bioethics, devoted to the issues of de-extinction of biological species, and the challenges associated with it. Firstly, it is a matter of matching the

"resurrected" animals with their natural extinct ancestors. The article shows how this problem of correspondence triggers the process of rethinking the concept of "biological species" and what the role of non-scientific factors in this process is. In particular, the author analyzes the work of S. Boym, in which, on the one hand, the dinosaur is shown as the embodiment of American greatness, and on the other, as "an ideal animal for the nostalgia industry". In addition, the author examines the issue of economic analogies in understanding the evolution of biological species and the phenomenon of guilt towards extinct species in the context of the posthumanistic paradigm.

Keywords: Scientific "resurrection", de-extinction, species, bioengineering, non-scientific factors, bioethics

Стремительный рост биотехнологий породил как новые возможности инженерного применения знаний о живой природе, так и мечты о ещё больших возможностях. Среди таких мечтаний – возрождение былого биоразнообразия планеты, прежде всего, вымерших видов животных, среди которых как массово вымершие до активной хозяйственной деятельности человека, так и непосредственно истреблённые им за последние столетия. Среди первых речь идет, прежде всего, о шерстистых мамонтах и динозаврах, среди последних – о таких животных, как квагга, маврикийский дронг, морская корова, странствующий голубь... Воскрешением исчезнувших видов занимается ряд биотехнологических стартапов, в частности известна деятельность такой некоммерческой организации из Калифорнии как Revive & Restore. Вопросы возрождения исчезнувших видов порождают многочисленные дебаты как в науке, так и в философии, и именно этот феномен поразительного интереса к проблеме и предлагается исследовать в данной статье.

С точки зрения философии биологии попытка возрождения вымерших видов ставит много концептуальных вопросов: что такое вид, что значит принадлежать к виду? Что такое размножение, с учетом искусственных вмешательств? В статье Моника Пиотровска «Встречайте нового мамонта, такого же, как старый? Воскрешение *Mammuthus primigenius*» подробно рассматриваются теоретические вызовы, которые ставят биоинженерные технологии современной биологической науке [1]. В первую очередь это вопрос о принадлежности к конкретному виду. В данной статье не стоит задача подробного анализа биоинженерных методов воссоздания существ вымершего вида, поэтому перечислим их предельно кратко, без претензии на полноту и точность терминологического описания. Во-первых, мы можем «собирать» необходимые нам гены исчезнувших видов по смежным видам путем селекции, во-вторых, можем использовать доступные нам ДНК из останков животных, в-третьих, можем попробовать синтезировать эту ДНК; в последних двух случаях планируется использовать самку близкого вида (в данном случае слона) как суррогатную мать для эмбриона, полученного искусственным путем.

Пиотровска перечисляет известные сомнения в том, что возможно возродить мамонта с поведенческими, генетическими и физиологическими чертами оригинала. В самом деле, можем ли мы объявить животное с чертами мамонта, внешне похожее на мамонта, мамонтом? «... Сходство между членами вида является случайным и не является существенным признаком видовой принадлежности. Из этого следует, что определение того, сможем ли мы возродить представителей вымершего вида, не будет зависеть от того, будут ли новые особи похожи на своих прародителей» - подчеркивает Пиотровска [1]. Она утверждает, что «принадлежность к виду требует пространственно-временной преемственности между членами отдельно развивающейся линии» и отмечает, что ответ на вопрос, сможем ли мы создать животное, пространственно-временно неразрывное с вымершим видом, зависит от того, как мы понимаем «воспроизводство» [1].

В данной точке дискуссии возникает широкий круг возможных контекстов рассмотрения проблемы, например, новой актуальности средневековой проблемы «универсалий», или принципов ТКН (теории конструирования ниш), которая провозглашает активную роль индивидуума в конструировании собственной среды обитания, из которой мамонты, как и другие вымершие животные, оказались безнадежно выброшены. Очевидно, что изменившаяся климатическая среда не позволит возрожденным животным продолжить своё существование в дикой природе, наоборот, они имеют все шансы нанести экологический ущерб существующим видам, что является одним из биоэтических аргументов против идеи «воскрешения» [2]. Нельзя не отметить, что эта идея и порожденная ею дискуссия о новых концептах вида и репродукции обостряют старый вопрос редуцирования биологической науки до химико-физических взаимодействий. Принцип уникальности всего живого, на всех уровнях организации, несводимой к физико-механическим основам, провозглашенный известным ученым Э. Майром, одним из творцов синтетической теории эволюции,

остаётся исключительно значимым в данной дискуссии. Однако наша задача – не участвовать в дискуссиях об онтологии биологии, а проанализировать связь этой научной повестки с общественными проблемами.

Научные вопросы возрождения исчезнувших видов и их связь с культурными, экономическими и социальными проблемами – тема междисциплинарная, многоплановая, дающая простор исследовательским интуициям и интерпретациям. Важно оценить роль вымерших видов в современной культуре, и эта роль для некоторых животных оказывается заметно значима. Так, исследователь Светлана Бойм отмечает, что «воссоздание динозавра в его величавой славе имеет свою собственную историю и перекликается с растущим процветанием Америки. Динозавр становится воплощением американского величия» [3]. Социальная история динозавров начинается с выставки их реконструированных скелетов в гигантских залах недавно созданного Американского музея естественной истории (речь идет о начале XX века), когда для их размещения потребовались специальные металлические каркасы (серьёзное достижение американской промышленной революции), пишет Бойм. Во время Первой мировой войны музейные скелеты динозавров были защищены как национальное наследие и охранялись от возможной атаки немцев не менее ревностно, чем президент и конституция Соединенных Штатов [3]. В другом исследовании первой экспозиции динозавров в Американском музее отмечается важность извлечения выгоды из популярности динозавров и стремление показать их не абстрактными, а реальными существами, используя в скульптурах подлинные окаменелости, что подчеркнуло «культовость» этих скульптур [4].

Бойм прямо связывает отражение динозавра в культуре с развитием американской промышленности. Постепенно динозавр сходит со своего стального каркаса и превращается в пластиковую игрушку, - отмечает она, - затем на подкрепление приходят компьютерные технологии. «По мнению одного из критиков, динозавр Тираннозавр-рекс стал своего рода «хищником-предпринимателем, юрким и быстрым, монстром глобального капитализма» [3]. Новейшие же экспозиции представляют новый тип «чувственного динозавра» - душевного и семейно-ориентированного: экспозиции теперь повествуют о яйцах, воспитании детёнышей, дилеммах учёных [3].

Смысл рассмотрения культурной истории динозавров С. Бойм видит в новом вопрошании о сущности ностальгии. Может ли человек ностальгировать по дому, которого у него не было? В чём причина того, что веку глобализации сопутствует не менее глобальная эпидемия ностальгии? - спрашивает она [3]. Бойм приходит к выводу, что «ностальгия — это не только влечение к покинутому дому или оставленной родине, но и тоска по другим временам — периоду нашего детства или далёкой исторической эпохе». В этом смысле динозавры, как полагает Бойм, «идеальные животные для индустрии ностальгии, потому что их никто не помнит» [3].

Исследование Бойм, на наш взгляд, проливает свет на культурные и экономические обстоятельства истинного интереса к возрождению вымерших видов. Ещё одну экономическую аналогию понятия биологического вида можно обнаружить в довольно старой статье, где вид биологических существ, с целью прояснения этого понятия, сравнивается с фирмой, или корпорацией [5]. «Фирмы состоят обычно из гетерогенных элементов, которые необязательно появляются из одного источника. Как бы то ни было, экономика природы конкурентна от начала до конца...» [5, 539]. Развивая эту аналогию, мы, вероятно, можем сделать вывод, что вымирание видов – это смерть фирм, а их возрождение – своеобразные антикризисные меры, которыми мы хотели бы в совершенстве овладеть. Капитализм, как известно, развивается через экономические кризисы, а биологическая эволюция, если следовать этой аналогии – через расставание с видами.

Но экономическими и «ностальгическими» факторами идея «воскрешения» вымерших животных не ограничивается. В дебатах по биоэтике в контексте обсуждения этой возможности встречается такая ожидаемая причина как осознание вины за истребление видов. Учитывая этот фактор вины, мы можем предположить, что он создает специфическую рамку для концептуального понимания «вида». Ведь, если мы не воссоздадим «тот самый» уничтоженный нами вид, например, степную зебру кваггу или странствующего голубя, а сконструируем лишь некое существо с чертами этих животных, «подобие», «симулякр», то наше чувство вины не будет изжито и продолжит своё преследование. Развитие таких мировоззренческих парадигм, как эоцентризм и постгуманизм делает акцент на переживании вины особенно острым, и вклад этого чувства в трансформацию биологических понятий, судя по дискуссиям, не выглядит иллюзией [6].

Кроме того, не следует забывать и о стремлении к власти над природой, в данном случае – к торжеству над эволюцией, над пространством и временем, вопреки законам которых планируется

воссоздать линию жизни. Невозможно представить, чтобы этот опыт не был приложен к контексту человеческой истории и индивидуального бытия.

Резюмируя, подчеркнем, что в организации фундаментального научного эксперимента по возрождению исчезнувших видов внеученные факторы играют одну из ведущих ролей, несмотря на то, что это не всегда осознается.

Литература

1. *Piotrowska M.* Meet the new mammoth, same as the old? Resurrecting the *Mammuthus primigenius* // *Biology and Philosophy*. 2018. Vol 33. No 1-2. P. 5.
2. *Diehm C.* De-extinction and Deep Questions about Species Conservation. *Ethics, Policy and Environment*. 2017. Vol. 20. No 1. Pp. 25-28.
3. *Бойм С.* Будущее ностальгии. https://polit.ru/article/2019/08/11/ps_boym/ (дата обращения 21 апреля 2022)
4. *Rieppel L.* Bringing Dinosaurs Back to Life: Exhibiting Prehistory at the American Museum of Natural History // *Isis*. 2012. Vol. 103. No 3. Pp. 460-490.
5. *Ghiselin M. T.* A Radical Solution to the Species Problem // *Systematic Zoology*. 1974. Vol. 23. Pp. 536-544.
6. *Jebari K.* Should Extinction Be Forever? // *Philosophy and Technology*. 2016. Vol. 29. No 3. Pp. 211-222.

КРИТИКА АУТЕНТИЧНОСТИ ТРАНСГУМАНИЗМА КАК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Н.И. Петев

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: cyanideemo@mail.ru*

В данной работе анализируется аутентичность трансгуманизма как новой парадигмы. В этом случае возникает не только вопрос о том, парадигмой какой именно отрасли науки он является, но и может ли он вообще претендовать на данный статус в целом. Трансгуманизм по своему внутреннему содержанию антропоцентричен, что невозможно утверждать в отношении науки и различных её областей. Он пользуется достижениями современной науки и техники, часто интерпретируя их в прагматическом ключе как собственный продукт, а не достижение конкретной научной области. При поверхностном рассмотрении отмечаются некие общие черты между ним и парадигмой. Однако, при более глубоком анализе, выявляются расхождения между структурой, спецификой и содержанием парадигмы и трансгуманизма.

Ключевые слова: трансгуманизм, парадигма, «головоломки», полиморфность, плюрализм, «панпарадигма»

CRITICISM OF THE AUTHENTICITY OF TRANSHUMANISM AS A NEW PARADIGM

N.I. Petev

*CSc in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Religious Studies
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
E-mail: cyanideemo@mail.ru*

This paper analyzes the authenticity of transhumanism as a new paradigm. In this case, there is not only the question of which particular field of science it is, but also whether it can even claim this status as a whole. Transhumanism is anthropocentric in its inner content, which is impossible to assert in relation to science and its various branches. He uses the achievements of modern science and technology, often interpreting them in a pragmatic way as his own product, rather than the achievement of a specific scientific field. On a cursory examination, some common features between it and the paradigm are noted. However, a deeper analysis reveals discrepancies between the structure, specifics and content of the paradigm and transhumanism.

Keywords: transhumanism, paradigm, «puzzles», polymorphism, pluralism, «pan-paradigm»

Интенсификация развития науки и техники за последний век указывает не только на ускоренный рост производства знаний и технологий, но и отмечает тенденцию ускорения данного процесса к максимальной или даже потенциально бесконечной величине. На фоне подобной эскалации возникают различные гипотетические взгляды на то, как изменится мир, человек и общество, а также отдельные их сегменты. Новый цифровой уклад общества диктует новые правила, инструменты и принципы в различных сферах человеческой деятельности (начиная от экономической, и заканчивая быденной). В академических кругах всё чаще звучат темы связанные с проблемами виртуального пространства, цифровизации, трансгуманизма и т.д. Такое положение вещей заставляет исследователей по-новому рассматривать мир, иногда с нежеланием принимать/отрицать как новые эмпирически существующие, так и потенциально возможные его компоненты и особенности. Для другой части научного сообщества новые условия и возможности являются не только принимаемыми, но и желаемыми.

Трансгуманизм в настоящее время в рамках собственной риторики не только претендует на новизну собственных идей, но и имплицитно предполагает установление для себя статуса теории или комплекса теорий высшего порядка, и даже новой научной парадигмы. Но действительно ли идеология данной международной организации может претендовать на данный статус? Даже при поверхностном анализе можно заметить, что если и возможно условно практическую реализацию идей трансгуманизма назвать наукой, то только чрезмерно экстраординарной и экзотической. Можно отметить ряд черт, которые при поверхностном исследовании могут указывать на трансгуманизм как новую парадигму. Парадигма является общим предписанием/разрешением, которое предполагает не только конкретные правила, методики и инструменты исследования, но и формирует взгляд на мир и природу, т.е. устанавливает, как он устроен и из чего состоит. У данной концепции есть основные положения, которые можно рассматривать как общие теоретические, идеологические и практические предписания. К ним можно отнести положения «манифеста трансгуманизма» [1, с. 21]. Любая научная парадигма предполагает наличие круга лиц (научное сообщество), которые в рамках её основных положений проводят научные исследования. У трансгуманизма наличествует определённый круг исследователей, которые руководствуются его положениями в рамках своих научных изысканий. Более того, в 1998 году была основана «Всемирная трансгуманистическая ассоциация» (англ. «World Transhumanist Association», сокр. WTA), объединяющая исследователей и мыслителей, придерживающихся положений данной организации. Сама ассоциация разрабатывала вопросы, начиная от проблем колонизации космоса до возможностей технического усовершенствования жизни индивида [2]. С 2008 года организация реформируется и получает новое название – «Humanity+». Она стоит на позиции безопасного и этического использования технологий, а также улучшение жизни человека [3]. Таким образом, диапазон проблем и исследований стали более узкими, и сконцентрировались вокруг вопросов связанных собственно с проблематикой улучшением качества жизни индивида (некий антропологический поворот).

Любая парадигма всегда порождает «головоломки». Некий аналог решения таких отдельных актуализированных проблем в трансгуманизме присутствует, но в достаточно абстрактной форме. Для парадигмы характерным и обязательным является наличие конкретного набора правил, инструментов и методов. Новая парадигма порождает новые комплексы принципов, средств исследования и решений проблем. Трансгуманизм несомненно обладает всем вышеуказанным. Однако существует несколько важных моментов. Во-первых, под новым необходимо понимать модернизированное «старое». Таким образом, на данном этапе невозможно говорить об изменениях фундаментального и революционного характера инициированных трансгуманизмом. Во-вторых, если и возникают действительно новые инструменты/методы/принципы, то они находятся в данный момент на стадии апробации и формировании. В-третьих, если рассматривать максимум трансгуманизма о необходимости преодоления человека, т.е. выхода за пределы установленных границ человеческого для улучшения его существования, то возникает неоднозначное положение вещей. С одной стороны, основная цель не только представляет собой нечто действительно благородное, но и обладающее экзистенциальной необходимостью. С другой, если выход за рамки является необходимым условием, то в данном случае возникает вопрос, какие рамки устоявшегося и в какой степени необходимо преодолеть. Такой подход может принести как позитивные плоды, так и негативные последствия. Неизвестно на какой почве окажется трансгуманизм, устраняя стоящие перед ним ограничения, в том числе этического (нравственного) характера.

Указанные выше и ряд других черт демонстрируют условную аналогичность, но не тождественность трансгуманизма как некоего общего принципа исследования и парадигмы. С одной стороны, если абстрагироваться от того факта, что в настоящее время уже наличествует наука как совокупность областей знаний, то комплекс идей данного философско-культурного и практического течения схож с допарадигмальным состоянием науки. Но о подобном, учитывая объективный факт существования науки, можно было бы говорить, с большими поправками и оговорками, и лишь при условии, если бы трансгуманизм представлял собой некую новую автономную область исследования, находящуюся в поиске состояния нормальной науки. В настоящее время представляется невозможным положительное утверждение вышесказанного заключения. С другой стороны, абстрактный, синкретический и полиморфный характер трансгуманизма напоминает период кризиса нормальной науки. Как некая система он представляет собой множество разнородных теорий и гипотез (иногда противоречащих и исключающих друг друга), которые могут решить поставленную проблему. Иными словами, на одну проблему существует несколько возможностей/способов решения. Такая полиморфность скорее характерна для принципа пролиферации теорий эпистемологического анархизма [4, с. 53-53], чем для парадигмы [5, с. 115]. Но и в этом случае невозможно утверждать, что кризис наличествует собственно в трансгуманизме как науке/научной области. Можно предположить, что данное течение объединяет в себе все возможные аномалии современной науки, и является некой репрезентацией её кризиса. Однако по причине узкого (антропогенного) диапазона проблем невозможно принять справедливость вышесказанного. В лучшем случае можно указать, что трансгуманизм является катализатором актуальности имеющихся «головазломков». Последнее является неоспоримым его плюсом, так как он поднимает важные для социума и индивида проблемы, которые может или гипотетически будет в состоянии решить наука.

Реализация идеалов трансгуманизма, в частности, которые предполагают абсолютную полноту познания, если не поставит под вопрос необходимость такой области человеческой деятельности как наука, то исключает возможность научных революций (смену парадигм). Дело в том, что в гипотетическом представлении сторонников данного комплекса идей человечество обретёт абсолютное знание. Таким образом, для нашего познания не останется ничего тайного и скрытого. Новая парадигма включает в себя возможность решения части проблем старой, а также инициирует новые вопросы и «головазломки». Однако, трансгуманизм предполагает такое состояние, при котором любая кризисная ситуация уже перманентно решена, таким образом пресекая возможность формирования и становления новых проблем. Однако признаком парадигмы является возможность поиска и выявления нерешённых проблем любого вида [5, с. 28].

Важно также отметить субъективный аспект реализации идеалов трансгуманизма. Особенности психики и личности исследователя являются важным аспектом как в вопросе принятия парадигмы [5, с. 126-127], так и аспекте приобретения знаний [6]. Вопрос заключается в том, сможет ли научное сообщество психологически принять установку на то, что социуму и человеку нет больше необходимости в науке как области деятельности и творчества индивида. Является сомнительным, что подобная риторика будет позитивно встречена всеми членами различных научных объединений. Ещё один аспект имеет чисто логико-идеологический (обращение к логике имеет спекулятивный и прагматический примат, в соответствии с установленными целями, но не действительным положением вещей) характер. Если трансгуманизм предполагает преодоление человека и человеческого, тогда он должен отрицать науку и технику, и все достижения в рамках научно-технического прогресса. Поэтому в своём чистом виде он не должен иметь какой-либо минимальной приемлемости прошлого опыта. А подобное положение вещей противоречит понятию парадигмы и науке в целом.

Можно предположить, что трансгуманизм в его собственной интерпретации представляет собой нечто объединяющее в одно монолитное целое парадигмы различных областей науки и знаний, т.е. является некой абсолютно общей для всей науки парадигмой. Во-первых, такое утверждение является сомнительным и чрезмерно позитивным, учитывая разность самих областей наук (методы, принципы и т.д.). Поэтому возникает неоднозначное отношение к консолидирующей способности трансгуманизма. Во-вторых, даже если и существует вышесказанная возможность некой «панпарадигмы», то учитывая вышесказанные черты трансгуманизма, она не будет являться парадигмой в собственном смысле данного термина. Хотя он и стремится к обретению некоего всеобщего статуса в науке.

Стоит отметить, что из-за нехватки эмпирического материала для подтверждения собственных идей, а также по причине несоответствия теорий и имеющегося опыта, трансгуманизму приходится обращаться к иным, в частности, не собственно научным областям. Аналогичное положение вещей

соответствует и кризису парадигмы [5, с. 140-144]. Но в трансгуманизме эти заимствования могут обретать доминирующий по отношению к науке характер. В настоящее время наличествует ярко выраженная мода и популярность трансгуманистических идей. Зрелая наука же склонна к элитарности и профильности [5, с. 29, 42-45]. С одной стороны, популяризация идей трансгуманизма может быть индикатором редукции и маргинализации (кризиса) науки как таковой, в рамках потребительской идеологии общества. С другой стороны, это может быть связано с его чисто прагматическими целями: увеличение числа членов ассоциации, возможность внешнего инвестирования средств, попытка утвердить собственную аутентичность и т.д.

Подводя итоги, стоит указать, что парадигма является специфической цензурой, за границей которой невозможно собственно научное исследование. Она определяет то, что можно отнести к области научного знания и факта, а также буквально формирует то, каков для учёного мир. Подобное в настоящее время невозможно отнести к прерогативе трансгуманизма, хотя у него и есть некоторые сходные черты с парадигмой. Подобное может быть объяснено его стремлением добиться подобия и аналогичности с ней. Кроме того, наличие сходных черт трансгуманизма и парадигмы можно объяснить тем, что он инициализирует в своей аутентичности имитацию научности, реализующейся через принятие некоторых критериев научности. В практическом аспекте трансгуманизм опирается на достижение различных областей наук, так как не обладает собственными необходимыми данными (или они могут вообще отсутствовать). В целом, для эмпирической его части характерен рецептурный и синкретический характер. Всё вышесказанное указывает, что на данном этапе, как с практической, так и теоретической точки зрения трансгуманизм не может быть некой целостной парадигмой.

Литература

1. *Bostrom N.* A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. I. 1. pp. 1-25 [электронный ресурс]. URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html> (дата обращения: 25.04.2022)
2. Website of the «World Transhumanist Association» [электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20071010082352/http://www.transhumanism.org/index.php/WTA/index/> (дата обращения: 25.04.2022)
3. Website of the «Humanity+» [электронный ресурс]. URL: <https://www.humanityplus.org/about> (дата обращения: 25.04.2022)
4. *Фейерабенл П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.
5. *Кун Т.* Структура научных **революций**. М.: АСТ, 2020. 320 с.
6. *Полани М.* Личное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

РАСШИРЕННЫЕ МОДЕЛИ ПРЕДСКАЗАНИЯ ДИНАМИКИ РОСТА ХЕШТЕГОВ

С.П. Сидоров

Доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой теории функций и стохастического анализа

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.

Чернышевского

E-mail: sidorovsp@sgu.ru

А.Р. Файзлиев

Кандидат экономических наук, доцент кафедры теории функций и стохастического анализа

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.

Чернышевского

E-mail: faizlievar@sgu.ru

Д.В. Мельничук

Ассистент кафедры теории функций и стохастического анализа

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.

Чернышевского

E-mail: melnichukdv@sgu.ru

В данном докладе предлагается новый класс моделей динамики использования хештегов, которые являются расширениями стандартной логистической модели, модели Басса и модели Гомперца для случая, когда наблюдаемый процесс является результатом взаимодействия нескольких ненаблюдаемых процессов, например для случая, когда процесс допускает возможность многократного использования одного и того же хештега каждым пользователем во времени. Для проверки жизнеспособности моделей и их способности адекватно описывать и прогнозировать динамику роста хештегов в статье используются хештеги в реальных сетях. Эти данные используются для сравнения эффективности предлагаемых моделей с классическими моделями. Эмпирические результаты показывают, что на реальных данных расширенные модели превосходят классические модели.

Ключевые слова: хештег; логистическая модель; модель Басса; модель Гомперца; социальная сеть

EXTENDED MODELS FOR PREDICTING THE GROWTH DYNAMICS OF HASHTAGS

S.P. Sidorov

*DSc of Physical and Mathematical Sciences,
Head of the Department of Functions and Approximations Theory
Saratov State University
E-mail: sidorovsp@sgu.ru*

A.R. Faizliev

*CSc of Economy, Associate Professor of Department
of Functions and Approximations Theory
Saratov State University
E-mail: faizlievar@sgu.ru*

D.V. Melnichuk

*Assistant of Department of Functions and Approximations Theory
Saratov State University
E-mail: melnichukdv@sgu.ru*

This article proposes a new class of hashtag usage dynamics models that are extensions of the standard logistic model, the Bass model, and the Gompertz model for the case where the observed process is the result of the interaction of several unobserved processes, for example, for the case when the process allows for the possibility of multiple use of the same hashtag by each user over time. To test the viability of the models and their ability to adequately describe and predict the growth dynamics of hashtags, the article uses hashtags in real networks. These data are used to compare the effectiveness of the proposed models with classical models. Empirical results show that extended models outperform classical models on real data.

Keywords: hashtag; logistic model; Bass model; Gompertz model; social network

В последние несколько лет значительно возросло внимание к изучению и анализу проблем моделирования диффузии информации (новостей, идей и т.п.) в социальных сетях. Ученые изучают распространение тем, интересующих пользователей, анализируя частоту использования в текущий момент определенных хештегов (ключевых слов) в публикациях, в постах и блогах, размещаемых в социальных сетях. Многие работы посвящены анализу динамики использования конкретных хештегов в той или иной сети [1-5]. Так, например, есть множество статей с описанием полного цикла жизни хештегов в социальной сети twitter, за счет простоты получения информации и наглядной статистики, а также большого числа пользователей со всего мира. Популярность данные исследования (медийные замеры через хештеги) приобрели в особенности, после продемонстрированной эффективности применения и анализа хештегов в президентских выборах в США в 2016 году и распространении новостей о COVID-19 [6-7].

График динамики использования хештегов пользователями в социальных сетях может иметь вид S-образной кривой. Кривую можно разделить на три сегмента. Первый сегмент называется экспоненциальным режимом. Здесь кривая начинает медленно расти от начала отрезка к его концу. На втором сегменте скорость

роста кривой значительно увеличивается. Затем кривая переходит в так называемый режим насыщения, предполагающий снижение скорости роста и достижение момента насыщения.

Понятие хештэга или хэштег (англ. hashtag от hash — знак решётки (#) и tag — метка) несет в себе какое-либо ключевое слово или несколько слов сообщения, тег (пометка), используемый в микроблогах и социальных сетях, облегчающий поиск сообщений по теме или содержанию и начинающийся со знака решётки. Хештег является полезным и удобным инструментом для пользователей социальных сетей, позволяющий быстро найти отдельные сообщения, относящиеся к какой-либо группе, определённой теме или «каналу». Хештеги стали популярными в 2007 году во время лесных пожаров в Сан-Диего, когда Нейт Ритгер использовал хештег «#sandiegofire», чтобы быть в курсе всех обновлений, связанных с катастрофой. В настоящее время популярность и важность хештегов только возрастает. Хештеги главным образом используются в качестве немодерируемого приглашения к обсуждению; любая комбинация символов, начинающихся со знака #, представляет собой хештег, а любой хештег, поддержанный достаточным количеством людей, может создать тенденцию и привлечь ещё больше пользователей к обсуждению. В связи с этим важно моделировать динамику хештегов, которые основаны на использовании хештегов в реальных социальных сетях.

В связи с этим основными исследовательскими вопросами данной работы являются:

- как можно расширить модели, чтобы они могли учитывать неоднократное использование одним пользователем один и тот же хештег?

- какие новые идеи и выводы могут дать расширенные модели?

- имеют ли новые модели преимущества в прогнозировании динамики роста хештегов по сравнению с классическими моделями?

Наиболее часто используемые модели для предсказания динамики роста какого-либо процесса — логистическая модель, модель Басса и модель Гомперца, которые показывают высокие показатели эффективности на реальных наборах данных. Однако, если наблюдаемый процесс является результатом взаимодействия нескольких ненаблюдаемых процессов, эти модели могут привести к неточному прогнозу. В связи с этим в докладе предлагаются расширенные модели, чтобы более точно описать, смоделировать и предсказать эту динамику. Для тестирования предлагаемых моделей были взяты реальные данные о размещении хештегов в различных социальных сетях.

Литература

1. *de Oliveira J. F., Marques-Neto H. T., Karsai M.* Measuring the effects of repeated and diversified influence mechanism for information adoption on twitter // *Social Network Analysis and Mining*. 2022. Vol. 12. No 1. doi:10.1007/s13278-021-00844-x.
2. *Jiang, Q., Liu S., Hu Y., Xu J.* Social media for health campaign and solidarity among chinese fandom publics during the COVID-19 pandemic // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 12. doi:10.3389/fpsyg.2021.824377.
3. *Torene S., Howald B.* Automated hashtag hierarchy generation using community detection and the shannon diversity index // *Paper presented at the Proceedings - 16th IEEE International Conference on Semantic Computing, ICSC 2022*. 2022. p. 59-66. doi:10.1109/ICSC52841.2022.00016.
4. *Darius P., Stephany F.* How the far-right polarises twitter: 'Hashjacking' as a disinformation strategy in times of COVID-19. 2022. doi:10.1007/978-3-030-93413-2_9.
5. *Cui H., Kertész J.* Attention dynamics on the chinese social media sina weibo during the COVID-19 pandemic // *EPJ Data Science*. 2021. Vol. 10. No 1. doi:10.1140/epjds/s13688-021-00263-0.
6. *Schmidbauer H., Rösch A., Stieler F.* The 2016 US presidential election and media on instagram: Who was in the lead? // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 81. p. 148-160. doi: 10.1016/j.chb.2017.11.021.
7. *Gruzd A., Mai P.* Going viral: How a single tweet spawned a COVID-19 conspiracy theory on twitter // *Big Data and Society*. 2020. Vol. 7. No 2. doi:10.1177/2053951720938405.

ОТЧУЖДЕНИЕ И ПРИСВОЕНИЕ КАК АСПЕКТЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАУКИ

М.В. Заладина

Кандидат философских наук, доцент

Нижегородский государственный технический университет им. П.Е. Алексеева

E-mail: marina.zaladina@yandex.ru

Е.Д. Шетулова

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

E-mail: shetulowa@yandex.ru

В статье рассматривается диалектика отчуждения и присвоения как аспектов саморазвития науки. Отмечается, что основными проявлениями отчуждения в сфере современной научно-познавательной деятельности выступают институциализация науки, её эпистемологическая исключительность, преимущественно практическая направленность науки, имеющая своим конечным продуктом техногенную цивилизацию, существенным последствием которой является отъединение от природы. Одновременно каждое из этих проявлений отчуждения содержит в себе элемент присвоения в экономическом, социальном, познавательном смысле. Институциализация науки эмансипирует учёного от покровителей и меценатов, делает его труд оплачиваемой профессией. Эпистемологическая исключительность науки защищает человека в социальном, культурном и ряде других планов, делая этот мир понятным, предопределяя возможность устранения негативных сторон и факторов реальности. Практическая направленность науки делает возможной духовную, теоретическую, нравственную сторону познавательной деятельности, непредставимую без развитого материально-вещественного мира.

Ключевые слова: социальный институт науки, труд, эпистемологическая исключительность науки, техногенная цивилизация, коммодификация

ALIENATION AND APPROPRIATION AS ASPECTS OF THE EXISTENCE AND FUNCTIONING OF SCIENCE

M.V. Zaladina

CSc in Philosophy, Associate Professor

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev

E-mail: marina.zaladina@yandex.ru

E.D. Shetulova

DSc in Philosophy, Professor

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev

E-mail: shetulowa@yandex.ru

The article deals with the dialectic of alienation and appropriation as aspects of the self-development of science. It is noted that the main manifestations of alienation in the sphere of modern scientific and cognitive activity are the institutionalization of science, its epistemological exclusivity, and the predominantly practical orientation of science. The end product of science is technogenic civilization, the essential consequence of which is separation from nature. Simultaneously, each of these manifestations of alienation contains an element of appropriation in the economic, social, cognitive sense. The institutionalization of science makes the scientist independent of patrons and Maecenas, makes his work a paid profession. The epistemological exclusivity of science protects humanity in social, cultural and a number of other ways, making this world understandable, predetermining the possibility of eliminating the negative aspects and factors of reality. The practical orientation of science makes possible the spiritual, theoretical, moral side of cognitive activity, which is unimaginable without a developed material world.

Keywords: social institution of science, labor, epistemological exclusivity of science, technogenic civilization, commodification

Наука, как и социокультурное бытие общества в целом, пронизана многообразными проявлениями отчуждения и одновременно процессами присвоения. Целью данной статьи является анализ диалектики отчуждения и присвоения как аспектов саморазвития научного познания. В современной отечественной философии под отчуждением понимается философская категория для обозначения общественного процесса, в границах которого происходит превращение результатов

и продуктов деятельности людей в независимую силу, становящуюся выше своих творцов и подавляющую их [1, с. 599]. Однако относительно парной отчуждению категории нет единой общепринятой точки зрения. В качестве таковой предлагаются, к примеру, справедливость, равенство, прогресс, свобода [2]. Однако, по нашему мнению, более правомерно считать парной категорией понятие «присвоение». Общепризнанной парой свободы является необходимость, что означает, что отчуждение выступает формой проявления необходимости, а свобода сама содержит в себе отчуждение, являясь его своеобразным проявлением [3, с. 67-70].

Временем появления отчуждения в сфере науки является позднее Возрождение и раннее Новое время, т. е. момент институализации науки [4]. Сегодня в её сфере мы можем фиксировать развёрнутую систему отчуждённых состояний. Перейдём к их рассмотрению.

Во-первых, институализированный статус науки предопределяет, что научно-познавательная деятельность, как и ряд других видов человеческой деятельности, стала разновидностью наёмного труда, а учёный получил статус наёмного работника. Кроме того, научный труд подвергается операциональному разделению, на место универсальности приходит частичность, определяющим становится не процесс научного познания, а результат. Господство частичности ведёт к появлению специфических форм отчуждения, выраженных во взаимном обмене результатами познания как внутри науки, так и среди различных наук, а также в обмене с существующими внеучными формами знания. Для характеристики особенностей «взаимообмена между научными и внеучными средами» А.М. Дорожкин вводит термин «полуотчуждение» [5, с.20].

Научная деятельность как наёмная работа профессионализируется. Статус наёмного работника предполагает наличие несвободы выбора (проблем и направлений деятельности). Несвобода возрастает по мере исторического движения науки вперёд. А.А. Скворцов отмечает: «происходит грандиозная трансформация академической среды ... в такой ситуации – отчуждения работников от целей развития их сообщества, – они фактически превратились в безмолвных клерков, от которых требуется исключительно повиновение» [6, с. 39].

Во-вторых, наука обрела то, что определяется термином «эпистемологическая исключительность», порождающее отчуждение знания от познавательной полноты. Эта исключительность ставит под сомнение значимость иных видов знания – мифа, магии, религии, обыденного знания и т. п. Такое отчуждение особенно нежелательно в современную эпоху, которая предъявляет новые требования к человеческому разуму и поведению. По мнению И.Т. Касавина, «чем более развитым и сложным становится разум, чем более сложные задачи ему предлагается решать, чем больше информации разного свойства приходится обрабатывать, тем он должен быть более раскованным и рискованным, рефлексивным и самокритичным, способным к отклонению от проторенной дороги, свободным от навязываемых предпосылок и ограничений» [7, с. 6-7].

Одно из проявлений отчуждения человеческого знания от познавательной полноты – лженаучная псевдорациональность, сущность которой – в отчуждении идеальных конструкций от действительной целостности реального существования. Это, по сути, процесс деконструкции, подстраивания реальности под рациональные реконструкции, или приспособление реконструкций к утилитаристскому пониманию действительности [4]. Примеров её конкретного проявления в сфере социально-гуманитарного знания достаточно. И.Н. Тяпин считает, что «монетаризм, правый либертаризм..., гендерология, ... подкрепляемые идеологическими доктринами „философского“ плана, такими как анархо-капитализм, транс- и постгуманизм, либеральная биоэтика, квир-феминизм» являются собой ярчайшие формы лженаучной рациональности [8, с.167].

В-третьих, техногенная цивилизация, как продукт научно-познавательной деятельности, предопределяет отчуждение как от природы, так и от искусственной среды, замену естественноисторических связей искусственной виртуальной жизнью. Отчуждение от природы выражает себя в экологических проблемах, в безразличном отношении к тем природным объектам, которые не приносят непосредственной пользы [7, с. 9].

Отчуждение проявляется в том, что созданная интеллектом искусственная среда начинает жить независимой жизнью, оказывая на индивида обратное воздействие, заменяя естественноисторические связи виртуальными, с помощью которых всевозможные аномальные фантазии могут реализоваться аморальными или преступными субъектами, могут использоваться против человека. В.А. Кутырев пишет, что предметно-вещевая реальность «вступает в реальность головную, а потом от головы отчуждённую, полностью искусственную, информационную, интеллектуально-техническую. В когнитивно реализованный трансцендентализм» [9, с.38-39].

Но «темная» сторона научно-познавательной деятельности не существует без «светлой». Отчуждение диалектически взаимосвязано с присвоением. Г.В. Сорина и Ю.К. Ярмак констатируют

процессуальность отчуждения, возможность его превращения в свою противоположность [10, с. 25-26], то, что и «присвоение происходит в ходе осуществления познавательной деятельности» [11, с. 85].

Соотнесение процессов отчуждения и присвоения приводит к формулированию следующих положений.

Во-первых, профессионализация научной деятельности означает коммодификацию научного познания. Если отбросить сугубое морализирование по этому поводу, то можно обнаружить универсализирующее и эмансипирующее значение процесса коммодификации, как предлагает, например, Л.Г. Фишман [12, с. 6]. В экономическом и социальном положении учёного это означает переход от науки как любительства и связанного с этим бесплатного труда к труду оплачиваемому, уход от зависимости от меценатов.

Во-вторых, эпистемологическая исключительность науки всё же предопределяет важный аспект социально-культурной и индивидуальной жизни представителей традиционных и развитых обществ (в последних функционирует и развивается современная наука). Как отмечено Н.С. Автономовой, превращённые, иллюзорные формы деятельности и познания – миф, религия и т. д. носят весьма утончённый характер, но любые изощёренные практики медитации не спасают людей от элементарных инфекций [13].

В-третьих, практическая направленность современной науки отчуждает человека от природы и от искусственно созданной среды, сильно преобразуя мир. Но эта выраженная практическая направленность в то же время означает духовную, теоретическую, нравственную направленность современного познания, ибо невозможно реализовать последнее «без развитого культурно-исторического мира вещей – предметных посредников жизнедеятельности людей» [14, 238].

Литература

1. Отчуждение // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. Сост. и общ. ред. С.Ю. Солодовникова. Мн.: МФЦП, 2002. С. 599.
2. Гароди Р. Марксистский гуманизм. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 294 с.
3. Шетулова Е.Д. Отчуждение в историческом процессе и будущее России. К методологии проблемы. Н. Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2009. 157 с.
4. Заладина М.В. Социально-философский анализ духовного отчуждения. Автореферат дис. ... кандидата философских наук. Н. Новгород, 2020. 26 с.
5. Дорожкин А.М. Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 20-29.
6. Скворцов А.А. «Утопия» академической этики и «антиутопия» университета // Вестник прикладной этики. Вып. 52. Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. 182 с.
7. Касавин И.Т. Постигая многообразие разума (Вместо введения) // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 5-28.
8. Тяпин И.Н. Концепция цифровой экономики: методологические и социально-гуманитарные аспекты в контексте проблемы псевдорациональности // Труды II Всероссийской научной конференции. Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 166–169.
9. Кутырёв, В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.
10. Сорина Г.В., Ярмач Ю.К. Отчуждение в социуме // Проблемы современного образования. 2021. № 4. С. 19-29.
11. Сорина Г.В. Интеллектуальная деятельность: присвоение, отчуждение, способы хранения // Ценности и смыслы. 2020. № 4 (68). С. 85-103.
12. Фишман Л.Г. Коммодификация как фактор морального и политического прогресса // Полития. 2019. № 2 (93). С. 6-27.
13. Автономова Н.С. Миф: Хаос и логос // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 30-57.
14. Быстрицкий Е.К. Практическое знание в мире человека // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 210-238.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ И СРЕДОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Н.Д. Асташова

*Кандидат философских наук, старший преподаватель
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: nadya.astashova@mail.ru*

Статья посвящена проблеме использования пространственного и средового определения научной деятельности. Перед исследователем встает задача систематического анализа понятий «научная среда» и «научное пространство». В ходе исследования рассматриваются концепции рационалистического определения пространства, сущностных оснований модальности, когнитивных карт пространства, ментальных моделей. Делаются выводы о принципиальных различиях понятий «научная среда» и «научное пространство». «Научная среда», как обозначение коммуникативной и стратификационной общности ученых, гораздо более социологическое понятие. Научная среда обладает наиболее подходящими условиями для воспроизведения общественных отношений. Понятие «научного пространства» носит глубоко философский характер, так как является выражением сложной системы ментальных и психических установок исследователей. «Научное пространство» определяет, как внутренний, так и внешний порядок отношений исследователя с миром, становится базисом его восприятия, а также форм научной активности. В качестве мировоззренческой системы научное пространство определяет развитие науки и общества в целом.

Ключевые слова: научное пространство, научная среда, модальность, ментальные модели, когнитивная карта

SPACE AND ENVIRONMENTAL DEFINITION OF SCIENTIFIC ACTIVITY

N.D. Astashova

*CSc in Philosophy, senior teacher
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: nadya.astashova@mail.ru*

The article is devoted to the problem of using spatial and environmental definitions of scientific activity. The researcher faces the task of systematic analysis of the concepts of "scientific environment" and "scientific space". In the course of the research, the concepts of the rationalistic definition of space, the essential foundations of modality, cognitive maps of space, mental models are considered. Conclusions are drawn about the fundamental differences between the concepts of "scientific environment" and "scientific space". "Scientific environment", as a designation of the communicative and stratification community of scientists, is a much more sociological concept. The scientific environment has the most suitable conditions for reproducing social relations. The concept of "scientific space" contains a deeply philosophical character, as it is an expression of a complex system of mental and mental attitudes of researchers. The "scientific space" determines both the internal and external order of the researcher's relations with the world, becomes the basis of his perception, as well as forms of scientific activity. As a worldview system, the scientific space determines the development of science and society as a whole.

Keywords: scientific space, scientific environment, modality, mental models, cognitive map

С древности человеком движет любопытство первооткрывателя, и даже в XXI веке он продолжает тянуться к неизведанному, получая удовольствие от полученных знаний. В процессе освоения новой информации ключевое значение приобретает пространство науки. В современных исследованиях «пространство» стало одним из самых часто упоминаемых понятий, так как подразумевается, что любая деятельность или процессы происходят в пространстве, которое

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства "Приоритет 2030" № темы Н-424-99_2022-2023.

приобретает специфические характеристики. Такая популярность связана, не только с тем, что «пространственные термины выступают как метафоры, обязанные интеллектуальной моде и предназначенные для придания теоретикоподобной формы суждениям о предметах, не попадающих в контекст традиционной теоретической рефлексии» [1, с. 6]. Но и гораздо более с тем, что в сознании человека пространство представляется чем-то очевидным, из этого следует распространенность убеждения, что бытие проистекает в пространстве, которое вечно и всеобъемлюще. Не смотря на активное использование в научной литературе понятия «пространство», оно по-прежнему обладает «метафизической многозначностью и неопределенностью» [1], которые распространяются в том числе и на «научное пространство», очень часто подменяемое понятием «научной среды». Так в чем же принципиальная разница средового и пространственного определения научной активности?

Российская социологическая энциклопедия определяет «научную среду» как «совокупность ученых, научно-руководящего и научно-вспомогательного персонала и других категорий работников, непосредственно участвующих в исследованиях» [2]. Исследователи [3, 4, 5] отмечают, что она представляет в первую очередь коммуникативную общность и имеет как официальную, так и неофициальную структуру. В условиях научных учреждений, без деятельности которых невозможно развитие «большой» науки, официальная структура статусов и ролей может не совпадать с социальной и метальной и институционализацией. В научной среде ученый одновременно вступает в формальные, направленные на общие, коллективные цели получения научного знания и регламентируемые законом инструкциями, отношения, а также неформальные, основанные на личной инициативе и имеющие цели достижения индивидуальных научных приоритетов. По мнению Тыняновой О.Н., именно среда обуславливает превращение знания в идеологию и политизирует ученого [6, с. 12]. Таким образом, научная среда обладает наиболее подходящими условиями для воспроизведения социальных отношений власти и доминирования.

Если с понятием «научной среды» более-менее понятно, то в отношении «научного пространства» мы не сможем обнаружить непротиворечивости в определениях. Не смотря на частоту использования, оно по-прежнему остается размытым. В рамках рационалистической традиции пространство трактуется на основе «сохранения инвариантности определенных законов относительно пространственных преобразований» [7, с. 180], при этом допускаются различные интерпретации. Вслед за Г.В. Лейбницем, пространство понимается как «общий порядок *всех* сосуществующих [объектов]», а также «*возможное* расположение тел» [8, с. 189], то есть существуют все предпосылки для того, чтобы говорить о модальных свойствах.

Согласно традиции, берущей начало в работах Аристотеля, модальность пространства может быть выражена через соотношение понятий «возможного» и «действительного». При этом «сущее в возможности» гораздо шире, его проявления «в действительности», так как «всякая возможность чего-то есть в одно и то же время возможность его противоположности» [9, 1050b5]. Рассматривая «возможное» как то, что логически непротиворечиво, Г.В. Лейбниц отождествляет его с «идеальным» предметом интеллектуального познания мира. При таком подходе, модальность выступает наиболее важным условием для максимально полного раскрытия представлений о пространстве. С одной стороны, действительное пространство как порядок существующих вещей лишь «частичная реализация сущности» [10, с. 322] по отношению к пространству как «возможному». Однако с другого ракурса, все вещи стремятся к осуществлению в действительности, для которой «осуществлена наибольшая часть возможных вещей» [10, с. 135], – при такой оценке реальная действительность находится на уровень выше мира возможного. Через отношения модальности пространство предстает неким диалектическим единством, в котором не все мыслимое реально, но тем не менее все мыслимое возможно.

П. Бурдьё описывает пространство как систему связей, полей ментальной и физической деятельности, которые пересекаясь, образуют «габитус» – средство превращения внутреннего опыта в практики действительности [11, с. 68]. В качестве ориентиров для жизнедеятельности человека во внешнем по отношению к нему мире выступают психические установки, носящие образный характер, – это «то, что мы знаем о мире, и то, чем непосредственно располагаем» [12, с. 251], – пишет К.-Г. Юнг. Пространство, с которым имеет дело человек, не воспринимается напрямую, а возникает в процессе создания ментальных моделей.

Соответственно, об аналогичных процессах мы можем говорить и по отношению к научному пространству. Никифоров А.Л. отмечает, что рационально мыслящий ученый пытается сформулировать и обосновать многообразные мировоззренческие вопросы, связанные с понимаем реальности во всей ее противоречивости. В процессе ответа на эти вопросы «в его голове складывается мысленная конструкция, которую он затем излагает» [13, с. 266]. Сумма представлений о реальности,

сформированная как при помощи отдельных ученых, так и так научных течений, образуя сложную систему связей и отношений – «научное пространство». Научное пространство в качестве модальной системы содержит не только концепции и теории, ставшие обоснованием современной картины мира, но и ресурсы потенциально «возможного» развития научного знания.

Сложность восприятия современной научной парадигмы нуждается в специфической системе координат. Очевидно, что «человек, не имеющий адекватной ориентировочной схемы, чувствует себя «потерянным» [14, с. 125–126]. В научном пространстве направления, школы и концепции образуют специфические «когнитивные карты» (И. Толмен, К. Линч) – схемы и алгоритмы мышления, ориентированные на систематизированный поиск информации и обеспечивающие прирост нового знания о мире [15, 16]. Таким образом, «действительное» и «возможное» получают свое обоснование в научном пространстве. Мы можем говорить о том, что научное пространство на основе современных представлений о мире формирует ментальную систему координат, выступающую базой для анализа настоящего, прошедшего, а также различных прогнозов на будущее. Из этого следует, что «научное пространство» определяет, как внутренний, так и внешний порядок отношений исследователя с миром, становится базисом его восприятия, а также форм научной активности.

В качестве выводов необходимо отметить принципиальное различие понятий «научная среда» и «научное пространство». «Научная среда», как обозначение коммуникативной и стратификационной общности ученых, гораздо более социологическое понятие. Понятие «научного пространства» носит глубоко философский характер, так как является выражением сложной системы ментальных и психических установок исследователей. В качестве формы мировоззрения научное пространство определяет развитие науки и общества в целом.

Литература

1. *Касавин И.Т.* Пространство: бытийственная основа знания // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVIII, № 4. С. 5–15.
2. Российская социологическая энциклопедия / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед.; Под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 664 с.
3. *Парыгин Б.Д.* Социально-психологический климат коллектива: пути и методы изучения. Л.: Наука, 1981. 192 с.
4. *Майданов А.С.* Процесс научного творчества. М. : Наука, 1983. 207 с.
5. *Чичулин Л.А.* Микросреда в системе социальных связей и отношений ученого. Новосибирск : Наука, 1989. 238 с.
6. *Тынянова О.Н.* В поисках ускользающего пространства: система отношений как абсолютная система координат // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 10-14.
7. *Сторожук А.Ю.* К вопросу о происхождении представлений о пространстве // Философия науки. 2007. №1 (32). С. 180-199.
8. *Лейбниц Г.В.* Замечания к общей части Декартовых начал // Соч. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 165–218.
9. *Аристотель.* Метафизика / Аристотель // Соч. в 4 т. Т.1. М.: Мысль, 1975. 552 с .
10. *Лейбниц Г. В.* Избранные философские сочинения. М. : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1908. 364 с.
11. *Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии : Алетейя, 2005. 288 с.
12. *Юнг К.-Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Академический проект, 2007. 286 с.
13. *Никифоров А.Л.* Стили философского мышления // Личность. Культура. Общество. 2010. Том XII. Вып. 4 (№№ 59–60) С. 265–276.
14. *Найссер У.* Познание и реальность. М. : Прогресс, 1981. 230 с.
15. *Tolman E.* Cognitive Maps in Rats and Men // Psychological Review. 1948. No 55. Pp. 189-208.
16. *Lynch Ch.* The Image of the City. N.Y., 1960. 194 p.

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНО-ЦЕЛЕВЫХ ИМПЕРАТИВОВ НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Д. Бакулов

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой
Южный федеральный университет
E-mail: vdbakulov@sfnu.ru*

С.В. Силенко

*Кандидат философских наук, доцент
Южный федеральный университет
E-mail: svsilenko@sfnu.ru*

В статье анализируются причины и факторы трансформации ценностно-целевых императивов научной и образовательной деятельности. Обозначается различие между ценностно-целевыми императивами модерна (концепция «онаучивания» общества, гуманистический потенциал науки, реализация творческих возможностей личности) и постмодерна (прагматизм, коммерциализация, приоритетность технологических результатов, создание социотехнических систем). К существенным факторам трансформации ценностно-целевых императивов можно отнести социальную нестабильность, возникшую вследствие интенсивного развития и внедрения технологий, а также ускорение процесса глобализации. Выявляются особенности и сложности взаимодействия глобальных образовательных тенденций и национальных образовательных традиций. Глобализация оказывает сложное и неоднозначное воздействие на национальную культуру. Университет как социокультурный феномен, с одной стороны, глубоко укоренен в национальной культуре, с другой стороны, участвует в глобальной трансформации. Сохранение баланса между достоянием национальной культуры и конструктивными глобальными изменениями – одна из приоритетных задач.

Ключевые слова: ценностно-целевые императивы, «онаучивание» общества, образовательные практики, глобализация, университет, корпоративная наука

ON THE QUESTION OF THE TRANSFORMATION OF VALUE-TARGET IMPERATIVES OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES

V.D. Bakulov

*DSc of Philosophy, Head of Department
Southern Federal University
E-mail: vdbakulov@sfnu.ru*

S.V. Silenko

*CSc of Philosophy, Associate Professor
Southern Federal University
E-mail: svsilenko@sfnu.ru*

The article analyzes the causes and factors of transformation of value-target imperatives of scientific and educational activities. The difference between the value-target imperatives of modernity (the concept of "learning" society, the humanistic potential of science, the realization of creative possibilities of the individual) and postmodernity (pragmatism, commercialization, priority of technological results, the creation of sociotechnical systems) is indicated. The significant factors of transformation of value-target imperatives include social instability, which arose as a result of intensive development and introduction of technologies, as well as the acceleration of the globalization process. The features and complexities of the interaction of global educational trends and national educational traditions are revealed. Globalization has a complex and ambiguous impact on national culture. The University as a socio-cultural phenomenon, on the one hand, is deeply rooted in national culture, on the other hand, participates in global transformation. Maintaining a balance between the heritage of national culture and constructive global changes is one of the priorities.

Keywords: value-target imperatives, "on-learning" of society, educational practices, globalization, university, corporate science

Социокультурный контекст, в котором существует и развивается современная наука, претерпел значительные изменения в течение последних десятилетий. В частности, ускорение темпов технологического развития и связанных с ним социальных трансформаций, заставляя в очередной раз задуматься о тех глубинных структурах, благодаря которым формируется тот или иной проект развития науки и, непосредственно зависящие от него образовательные практики, характеризующие прежде всего университетское образование, поскольку в течение веков университет обеспечивал воспроизводство и трансляцию традиций научной деятельности.

К таким глубинным структурам, на наш взгляд, можно отнести ценностно-целевые императивы, обуславливающие развитие науки и образования на определенном историческом этапе; а также доминанты социального развития, присущие определенной эпохе.

Ценностно-целевые императивы могут быть поняты как своего рода социокультурные и мировоззренческие установки, задающие приоритеты и определяющие результаты научного и технологического прогресса, а следовательно, и специфику тех образовательных практик, посредством которых осуществляется воспроизводство научной деятельности. В качестве ценностно-целевых императивов эпохи модерна можно рассматривать необходимость «онаучивания» общества (данная концепция основательно разработана крупным представителем Ростовской науковедческой школы М.К.Петровым) [1]; реализация гуманистического потенциала науки в процессе познания реальности и трансформации социума; раскрытие творческих возможностей личности.

Применительно к эпохе постмодерна можно говорить о значительных изменениях ценностно-целевых императивов, выразившихся в ориентации научной деятельности в значительной степени на технологические, коммерческие, в целом, прагматические результаты, что способно приводить к формированию социотехнических систем, не обладающих необходимой «человекомерностью».

К современным доминантам социального развития можно отнести, во-первых, интенсивное развитие технологий, являющихся основным фактором социальной нестабильности; во-вторых, обретение многими видами социальной деятельности глобального характера, в том числе научной и образовательной деятельностью.

Образовательная деятельность в современных условиях подвергается существенным трансформациям как на мировом уровне, так и на уровне национальных образовательных систем. Такая трансформация образования напрямую связана с нарастанием глобалистских тенденций в культуре, в основе которых лежит технологический прорыв, совершившийся в последней четверти XX века, приведший к интенсивному межкультурному взаимодействию и значительному изменению социальных структур, в том числе и образовательных. Исследование изменений, происходящих в современном образовании, требует понимания особенностей тех изменений, которые происходят в культуре под влиянием глобализации.

Анализ развития культуры в контексте процесса глобализации является темой, важнейшее значение которой очень часто недооценивается, или трактуется весьма поверхностно. Кроме этого, осмысление глубинных, сущностных закономерностей этого развития предполагает преодоление ряда укоренившихся стереотипов, мнений, приобретших статус аксиом.

Прежде всего, вопреки утвердившемуся в качестве неоспоримого постулата утверждению о глобализации как, прежде всего, исключительно современной ситуации качественно особого состояния общества, связанного с определяющей ролью мирохозяйственных связей в сфере экономики, процессов всемирной интеграции и унификации в политике и культуре, это состояние общества имеет уже длительную, даже многовековую, историю. При этом процесс глобализации проходит определенные фазы, циклы, некоторые из которых имеют кризисный характер. Исходными основаниями кризисного характера определенных циклов глобализации выступают не только факторы объективного плана, проявление социально-экономических закономерных, каузальных взаимосвязей, но и факторы, определяемые духовной культурой, факторы ментально-когнитивные, и даже личностно-экзистенциальные, связанные с особенностями восприятия, осмысления и понимания событий и процессов коллективными и индивидуальными субъектами социально-исторической жизнедеятельности.

Современный кризисный цикл в развитии процесса глобализации разворачивается в новейшее время, непосредственно на наших глазах. Его когнитивно-ментальной составляющей выступает восприятие сложившейся ситуации как несущей неотвратимую угрозу утраты идентичности для самых различных коллективных и индивидуальных субъектов, понимания ими процесса глобализации как

тотальной унификации культуры, нивелирования ее уникальных форм и своеобразных сущностных спецификаций.

В эпоху глобализации предпринимаются попытки реформирования образовательных систем различных государств в направлении стирания национальных различий и формирования некоей унифицированной наднациональной образовательной модели, концептуальные основания которой закреплены в международных документах (Болонская декларация 1999, Инчхонская декларация 2015). Существенной трансформации в современных условиях подвергается классическая модель университета, принципы которой сформулированы В. фон Гумбольдтом как своеобразный итог развития мировоззренческого проекта эпохи Просвещения.

Предложенная Гумбольдтом модель университета оказала значительное влияние на европейскую и отечественную университетские традиции в новое и новейшее время. Основными компонентами данной модели являются стремление к энциклопедичности (широте охвата различных областей знания) в процессе обучения, единству преподавания и исследования, сбалансированности интересов университета (сохранение академических свобод, получение материальной поддержки), с одной стороны, и государства и общества с другой стороны, оказывающих поддержку университету и обеспечивающих автономию его деятельности вследствие признания культурного и социального значения университетского образования и науки как для общества в целом, так и для отдельно взятой личности [2].

В течение XX в. гумбольдтовская модель университета подвергалась определенным трансформациям в связи с динамичными социокультурными изменениями, происходившими в этот период. К числу таких «вызовов» можно отнести профессионализацию, массовизацию и стандартизацию высшего образования, применение квалиметрических методик в оценке результативности научной и образовательной деятельности, усиление бюрократического влияния на университетскую систему, требование экономической эффективности от университета в целом. Исследованию этих сложных тенденций в жизни университета посвящены работы Х. Ортеги-и-Гассета, Ф. Рингера, Б. Риддинга, С. Фуллера, Й. Виссема и др.

В настоящее время настойчиво высказывается мнение о том, что эпоха классического университета закончилась. Университету придется кардинально измениться под влиянием новых технологий, на основе которых совершается глубинная трансформация социальности. Глобализация в университетской сфере понимается, прежде всего, как формирование мирового научного и образовательного пространства, регулируемого международными соглашениями и нормативами [3]. Применительно к национальному университету, влияние глобализации заметно в увеличении роли международных рекомендаций в организации и оценке университетской деятельности.

Наука всегда существовала как явление интернациональное (за исключением тех случаев, когда государственные интересы требовали обстановки секретности), в то время как образование теснейшим образом связано с национальной культурой, и, именно в процессе образования происходит трансляция не только традиций научной деятельности, но и системы ценностей, присущей данной культуре [4].

Нельзя не отметить отчетливо проявляющуюся тенденцию к унификации научно-образовательной деятельности со стороны международных организаций, как, например, требования Болонской системы, международные рейтинги университетов, международные индексы цитирования, унифицированные требования к научным публикациям в научных изданиях, входящих в международные базы данных, унификация образовательных программ и т.д. Может ли такое стремление к унификации рассматриваться как своего рода культурная экспансия?

Акторами процесса нивелирования культурного своеобразия в современном глобализирующемся мире во многом выступают транснациональные корпорации. С возрастанием могущества ТНК, и формированием под их влиянием корпоративной науки, университеты утрачивают монополию на исследование и образование. «Свидетельства о высшем образовании, полученные не в традиционных университетах, постепенно получают все более широкое признание... За последние пять лет создано столько программ бизнес-инкубаторов и бизнес-акселераторов, что уже составлены их официальные рейтинги» [5, с. 191]. Изменившиеся обстоятельства требуют нестандартной реакции со стороны университетов.

Анализ культуры как сложносоставного целого, как органической системы предполагает, с одной стороны, анализ ее системных свойств. С другой стороны, анализ ее элементов и компонентов как в их взаимосвязи с целым, с другими элементами, так и относительно выражения в отдельном элементе свойств всего целого, выполнением отдельным элементом определенных функций целого и других отдельных составляющих данную систему частей.

Сказанное выше о специфике анализа культуры как сложноорганизованной системы, в полной мере применимо и к пониманию университета как социокультурного феномена, сформировавшегося в специфической социокультурной среде и требующего для своего функционирования соблюдения ряда условий, во многом связанных с исследовательскими и образовательными традициями национальных государств. Для национальных образовательных систем, оказавшихся под влиянием социокультурных трансформаций, стала актуальной проблема построения баланса между конструктивными тенденциями глобального характера (прежде всего, расширение возможностей международного сотрудничества в науке и образовании) и сохранением того интеллектуального и педагогического потенциала, который создавался в течение длительного времени на основе собственных культурных традиций. Суверенный характер национального образования является одной из необходимых предпосылок государственного суверенитета в целом, что, в свою очередь, обуславливает сохранение вектора цивилизационного развития, присущего данному народу.

Литература

1. *Петров М.К.* Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М.: РОССПЭН, 2006.
2. *фон Гумбольдт К.В.* О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. №2(22). [Электронный ресурс]. URL:<http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/gumb.html> (Дата обращения: 12.05.2022).
3. *Wihlborg M.* Critical viewpoints on the Bologna Process in Europe: Can we do otherwise? // European Educational Research Journal. 2019. Vol. 18(2). P. 135–157.
4. *Миронов В.В.* Болонский процесс и национальная система образования. // Вестник ОГУ. 2006. №2. Т.1. Гуманитарные науки.
5. *Барбер М., Доннелли К., Ризви С.* Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. №3.

НАУКА КАК ПРОЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО МИРА

В.А. Лобастова

Кандидат философских наук, доцент

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
E-mail: beshent@bk.ru*

В данной статье рассматриваются представления Макса Вебера о науке, ее роли и значении в жизни человека и общества. Классик немецкой социологии понимает науку как профессиональную деятельность специалиста, ориентированную на строго очерченный и непрерывно расширяющийся круг задач, имеющих общечеловеческую значимость, а также обращает свое пристальное внимание на внутреннее призвание исследователя, живущего среди людей и взаимодействующего с ними. Специфика феномена науки проясняется через критический анализ деятельности ученого. Личность ученого раскрывается в двух аспектах - эксперт и эрудит. Такое противоборствующее сочетание исследующих стратегий важно в сознании ученого привести к гармоническому единству, которое достигается благодаря построению разумно согласованной системы ценностей. Становление и развитие научной деятельности имеет ярко выраженный социальный характер. Наука как социальный институт формируется в обществе организованными усилиями многих увлеченных своим делом людей.

Ключевые слова: специализация и прогресс в научной деятельности, идеальный тип учёного, ценности, Макс Вебер (1864–1920)

SCIENCE AS A PROJECT OF INTELLECTUALIZATION OF THE SOCIAL WORLD

V.A. Lobastova

CSc of Philosophy, Associate Professor

*St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
E-mail: beshent@bk.ru*

This article examines Max Weber's ideas about science, its role and significance in the life of man and society. The classic of German sociology understands science as a professional activity of a specialist focused on a strictly defined and continuously expanding range of tasks of universal importance, and pays close attention to the inner vocation of a researcher living among people and interacting with them. The specifics of the phenomenon of science are clarified through a critical analysis of the scientist's activities. The personality of a scientist is revealed in two aspects - an expert and a polymath. Such an opposing combination of research strategies is important in the mind of a scientist to lead to a harmonious unity, which is achieved through the construction of a reasonably consistent system of values. The formation and development of scientific activity has a pronounced social character. Science as a social institution is formed in society by the organized efforts of many people who are passionate about their work.

Keywords: specialization and progress in scientific activity, the ideal type of scientist, values, Max Weber (1864-1920)

Макс Вебер жил и работал в эпоху глубоких социальных перемен, вызванных антагонизмом между капитализмом и демократией. Размышления над судьбой европейского общества, над истоками и перспективами его культурно-исторического развития остаются сквозной линией всего творческого наследия немецкого социолога, юриста, экономиста, культуролога, историка, философа. Неслучайно Карл Ясперс назвал Макса Вебера «"макроантропосом" нашего мира» [1, с. 556], который «обладал сознанием мира и самого себя в настоящем» [1, с. 557]. «Наука как призвание и профессия» представляет собой доклад, прочитанный в 1918 году студентам Мюнхенского университета, в юношеском энтузиазме которых автор видел актуальные силы и будущие перспективы развития научной традиции. Это выступление многие исследователи творчества немецкого ученого оценивают как программный манифест научной позиции Макса Вебера.

С точки зрения Макса Вебера, феномен науки обретает универсальное значение исключительно в европейской культуре, так как «лишь Западу известна рациональная и систематическая, то есть профессиональная научная деятельность, специалисты-ученые в том специфическом современном смысле, который предполагает их господствующее в данной культуре положение, прежде всего в качестве специалистов-чиновников — опоры современного западного государства и современной западной экономики» [2, с. 46]. Активно развивающиеся процессы рационализации набирают вес в обществе и подчиняют себе многие сферы совместной жизнедеятельности людей — экономику, государство, науку, искусство.

Наука формулирует различные идеально-типические средства ориентации человека в окружающем мире. Рациональная систематизация картины мира структурирует мир в соответствии с конституируемой в человеческом сознании идеей космоса как упорядоченного единства. Макс Вебер пишет, что «интересы (материальные и духовные), а не идеи непосредственно господствуют над деятельностью людей; но и «образы мира», создаваемые «идеями», очень часто служили вехами, указывающими путь, по которому следовала динамика интересов. Картина мира определяла ведь, «от чего» и «в чем» искали спасения и - об этом надлежит помнить - могли его обрести» [3, с. 55]. Последовательно и непротиворечиво сконструированная теоретическая модель мира предполагает с большей или меньшей степенью гарантии эффективную жизненную практику людей. Существование научного исследования, по мнению Мартина Хайдеггера, состоит в том, что «познание учреждает само себя в определенной области сущего, природы или истории в качестве предприятия» [4, с. 42]. Сформированная в процессе теоретического исследования научная картина мира образует многоуровневую, замкнутую в себе систему каузальных связей как «набросок», как «всеобъемлющую схему» [4, с. 43] представлений о мире, в котором вещи, события и сам человек с необходимостью соотносены с методом, формирующим и определяющим целостность и устойчивость научного знания.

Увлеченность наукой представляет основное неизъяснимое состояние ученого, выражающееся в страстном упоении, которое в качестве проявления экстаза вдохновения испытывает исследователь. Для ученого служить делу науки означает быть преданным своей исследовательской задаче. По тернистому пути к научному открытию ученого ведет созидаящая смысл воля к познанию. Сущность человека как разумного существа состоит именно в том, чтобы вносить смысл во все, вызывающее у него удивление, неизменно стремясь к очевидности понимания. Макс Вебер с уверенностью утверждает, что «без странного упоения, вызывающего улыбку у всякого постороннего человека, без страсти и убежденности в том, что «должны были пройти тысячелетия, прежде чем появился ты, и другие тысячелетия молчаливо ждут», удастся ли тебе твоя догадка, —

без этого человек не имеет призвания к науке, и пусть он занимается чем-нибудь другим. Ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью» [5, с. 708-709].

Призвание к научной деятельности выражается прежде всего в вдохновенной увлеченности всем тем, что связано с научным исследованием. Глубокий и устойчивый интерес, который проявляет ученый к предмету и теме научных изысканий, перерастает в бескорыстное служение научному делу и вызывает искреннюю преданность поставленной задаче – поиску объективного знания. Научно-исследовательская работа дает импульс и направление движению интеллектуального развития человечества, смысл которой состоит в незавершенности из-за бесконечного стремления к осознанию истинного бытия вещей, процессов, космоса в целом. По мнению Макса Вебера, «всякое совершенное исполнение замысла в науке означает новые «вопросы», оно по своему существу желает быть превзойденным» [5, с. 712]. Стратегия научной мысли разворачивается таким образом, что любая научная теория или концепция неизбежно преодолевается последующими теориями и концепциями, так как научная теория своим появлением вызывает отклик в сообществе ученых, заостряя проблему и побуждая полученными результатами последующее продвижение мысли вперед, чтобы выявлять новые проблемы, расширять возможные достижения и преодолевать допущенные заблуждения. Научный прогресс усиливает и ускоряет процесс интеллектуализации, постепенно охватывающий социальный мир.

Наука стремится рационализировать все сферы человеческой жизни, как личной, так и общественной. Процесс интеллектуализации усиливается и возрастает, захватывая все больше регионов бытия человека, поэтому распространяется убеждение, что со временем можно познать абсолютно все, а для осуществления такого проекта нужно только страстно пожелать этого. Рациональный расчет вместе с многообразными технологиями помогает овладеть разного рода вещами, подчинив их текущим практическим потребностям человеческой жизни, а также позволяет преодолеть страх и вину перед таинственными силами сакрального мира, расколдовывая его благодаря наполнению смыслами, понятными человеку, и ограничивая рамки человеческой жизни в процессе секуляризации. Возможно, научная деятельность способствует угасанию духовного интереса, вытеснению его чисто технологическими открытиями, которые сделали грандиозные прорывы в области пространственных и временных ограничений.

Однако наука не способна ответить на глубокие мировоззренческие вопросы: как существовать в данном мире и что делать в этой жизни, в какой перспективе развиваться, так как научный взгляд на мир подчиняется, а значит ограничен добровольно принятыми и конвенционально разделяемыми предпосылками. Прежде всего научное исследование регулируется логическими законами и методологическими принципами, позволяющими ориентироваться в постепенно выстраиваемой научной картине мира. Кроме того, важность и ценность результатов научной деятельности не может быть доказана научными средствами и предполагается как «само собой разумеющееся» жизненной или естественной установкой исследователя. Такое положение дел не может устраивать строго мыслящего ученого, поэтому возникает задача сначала прояснить границы изначальной предпосылочности научной работы, а затем преодолеть их или хотя бы расширить, расшатывая уверенность в их существовании.

Важно строго различать объективную и субъективную стороны научной мысли. Во многом проведение этого различения вызвано требованием поиска истины, которое пробуждает критическую позицию исследователя, раскрывающуюся в контроле актов мышления и оценке их результатов. Личность ученого, его самосознание и идентификация в качестве интеллектуала как идеального типа формируется в пространстве критики и самокритики, направленной на поиск теоретического обоснования и прояснения предполагаемых возможностей и допустимых границ научного исследования. Однако помимо внутренней организации научного дискурса, как излагает интенцию мысли Макса Вебера Т.А. Дмитриев, «идеи воздействуют на ход мировой истории не непосредственно, но исключительно через своих социальных носителей, в роли которых выступают различные конкретно-исторические слои интеллектуалов» [6, с. 21]. Каждый ученый стремится принести пользу научному сообществу приобретенными знаниями, методологическим инструментарием и способами его использования, однако он не может допустить навязывания личной позиции несмотря на убедительную публичную демонстрацию, тем самым он содействует самостоятельному движению мысли, которое возможно благодаря обретению отчетливого и ясного осознания существующего положения дел. Одной из приоритетных задач ученого выступает осознание и утверждение смысла собственной профессиональной деятельности, имеющей социальное и культурное значение. Рациональное понимание социального порядка формируется с помощью создания новых форм научного описания в рамках смыслополагающих рефлексий гуманитарного дискурса - социальных,

экономических, исторических, правовых. Научный интеллектуализм состоит в объективном ценностном признании деятельности научного сообщества.

Неизбежными следствиями противоречий человеческой культуры становятся сдерживаемые конфликты и открытые столкновения как за внешние блага, так и за духовные ценности. Различные ценностные приоритеты в мире находятся в непримиримой борьбе. В статье «Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке» Вебер подчеркивал, что «из культурной жизни нельзя исключить борьбу. Можно изменить ее средства, ее объект, даже ее основное направление и носителей, но только не борьбу как таковую» [7, с. 575–576]. Несовместимость ценностей, утверждаемых человечеством, показывает, что в значительной мере истина не совпадает с добром и не пересекается с красотой, выдвигая разницу в ценностных позициях и необходимость свободного выбора, который отличит познавательную ценность от ненаучных ориентаций: политических, религиозных, моральных. Поэтому, по утверждению Макса Вебера, в непримиримой борьбе безличных сил «индивид должен решить, кто для него Бог и кто дьявол. И так обстоит дело со всеми сферами жизни» [5, с. 726]. Ценность научного творчества тесно связана с принятием предпосылки существования научной истины. Интеллектуальная честность как подлинная добродетель научной работы состоит в бескорыстном поиске и утверждении научной истины.

Литература

1. *Ясперс К.* Речь памяти Макса Вебера // Вебер М. Избранное. Образ общества, М.: Юрист, 1994. С. 553–566.
2. *Вебер М.* Предварительные замечания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Наука, 1990. С. 44–60.
3. *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий. Введение // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 43–77.
4. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41–63.
5. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М. 1990. С. 707–735.
6. *Дмитриев Т.А.* Макс Вебер: вехи интеллектуальной биографии // Социология власти. 2020. Т. 32. № 4. С. 8–44.
7. *Вебер М.* Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. М.: Наука, 1990. С. 547–601.

О МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДАХ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: О «КРИЗИСЕ» КАКИХ НАУК ПИСАЛ ГУССЕРЛЬ*

О.А. Сомова

Аспирант философского факультета

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского

E-mail: oksanasomova@mail.ru

Настоящее выступление являет собой рефлексивный анализ парадигмальных оснований междисциплинарных исследований в области применения математизации философского, в частности гуманитарного, знания. Критике подвергаются позитивные моменты междисциплинарности, суть которых выстраивается на идее о преодолении границ отдельных наук. В качестве контраргументов заявлены специфика математического абстрагирования в исследованиях и компромиссный способ привлечения наук. Формализация социальных процессов через абстрагирование формирует феномен в математический объект, что позволяет в ходе исследования элиминировать существенные горизонты раскрытия явления. Компромиссность выражается

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

в редуцировании вовлекаемых в исследовании наук к одной из граней, в связи с чем результирующее знание лишается самодостаточности. На основании чего делается предположение об альтернативной оптике параллельного исследования.

ON MATHEMATICAL METHODS IN THE HUMANITIES: ABOUT WHAT SCIENCES WROTE HUSSERL

O.A. Somova

*Postgraduate student of the Faculty of Philosophy
Saratov State University*

*Assistant of the Department of Philosophy, Humanities and Psychology
SSMU named V.I. Razumovsky
E-mail: oksanasomova@mail.ru*

This presentation is a reflexive analysis of the paradigm foundations of interdisciplinary research in the field of mathematization of philosophical, in particular humanitarian, knowledge. The positive aspects of interdisciplinarity, the essence of which is built on the idea of overcoming the boundaries of individual sciences, are criticized. As counterarguments, the specifics of mathematical abstraction in research and a compromise method of attracting sciences are stated. The formalization of social processes through abstraction formats the phenomenon into a mathematical object, which allows us to eliminate the essential horizons of the phenomenon disclosure during the study. Compromise is expressed in the reduction of the sciences involved in the study to one of the facets, in connection with which the resulting knowledge is deprived of self-sufficiency. On the basis of which an assumption is made about the alternative optics of a parallel study.

Для сегодняшней науки, суть которой выражается постнеклассической рациональностью, междисциплинарные исследования представляются естественно возникшей тенденцией в развитии знания. Помимо интенсивного взаимопроникновения областей естественных наук, активно развивается сфера междисциплинарных исследований, синтезирующих гуманитарное и математическое знание. В силу ряда причин, обоснование которых само по себе отдельное изыскание, широко известен успех интеграции социальных и экономических наук и математических методов, в частности теории игр, что создает позитивный прецедент для дальнейшей математизации. В то же время, прививание гуманитарного основания математическим методам в теории должно породить комплексное знание, наиболее полно охватывающее сферу общественного блага и его проектирования [1].

Математика на протяжении своего развития не редко сопоставлялась с философией на основании универсальности используемого языка, которым могут быть зафиксированы фундаментальные законы бытия. Однако означает ли общая всеохватность дискурса потенциально успешную конвергенцию математического и философского знания, как на то надеялся Бадью в «Манифесте философии»? Основанием сомнения послужат некоторые позитивные ожидания от междисциплинарных исследований. Оговоримся, что из рассмотрения исключена философия математики, поскольку в них математика не применяется к нематематическим областям знания, а сама подвергается осмыслению на предмет философского обоснования собственных категорий (множества, бесконечности и т.п.) [2].

1. Тезис: Гуманитарная прививка возвращает негуманитарное знание в лоно жизненного мира. Усилившаяся специализация научных отраслей обозначила глубокий раскол между научной теорией и повседневной жизнью. Проектная деятельность, как форма междисциплинарного взаимодействия, переориентирует различные науки в сферу конкретной исторической действительности.

Антитезис: Природа математической абстракции позволяет свободно оперировать гуманитарными понятиями, не касаясь их сути. Усмотрение математических свойств в явлениях мира есть результат идеализации [3, с.10], а именно отсечения свойств, не удовлетворяющих квантору всеобщности. Предварительное форматирование фактов философского/ гуманитарного знания берет за скобки историческую фактичность, вне рамок которой общественный процесс феноменально не дан. Последующее моделирование и калькуляция предполагает перевод наличного формата текста в совокупность лингвистических единиц, что представляет собой отдельную дискуссию в отношении способности философского языка выступать в качестве математического объекта. Иными словами, социальная реальность или факт раскладывается на исчислимые показатели, в сумме не равных

изначальному объекту [4, с. 157]. Спорность применения подобного анализа широко освещена ещё в дискуссии о Kulturwissenschaften и Naturwissenschaften.

Примером «избегания» объекта послужат исследования, посвященные математическому моделированию социализации [5; 6]. Предпосылкой для моделирования принимается структурно-функциональная теория Т. Парсонса, поскольку структурное понимание функции тождественно математическому: форма зависимости между величинами, при которой изменение аргументов сопровождается изменением других переменных [4, с. 115]. Опорным понятием моделирования выступает пассионарное напряжение, сформированное Л. Гумилевым, которое в преломлении структурного видения обосновывает цикличность процессов, а также задаёт периоды нестабильности поведения графика функции. Полученная модель отражает количественные взаимосвязи определенных переменных, безразлично к содержанию оных [см. 7, с.111].

Абстрагирование математического метода воплощает одно из возможных пониманий позитивности наук, в том специфическом смысле, при котором обнаружение причин явлений замещаются конечным знанием о нём.

2. Тезис: Междисциплинарный проект совмещает сильные стороны каждой науки. Синтетическое знание объективно по форме и значимо по содержанию.

Антитезис. Синтезирование в рамках исследования методов математических и гуманитарных наук, помимо преодоления эпистемологических пределов, выявляет границы их применимости. Суть междисциплинарности заключается в специфическом преломлении вовлекаемых в синтез наук, накладывающее ограничение на область применения. Речь идет о преформатировании запроса со стороны гуманитарного знания, заранее предполагающего возможность беглого ознакомления с текстами. Примером может служить исследования о формировании философского канона немецкого идеализма в учебной литературе в XIX века [8]. По указаниям авторов исследования, помимо прочего, за скобками осталось оригинальное прочтение вводимых персоналий, что объяснимо целями исследования, но довольно далеко от назначения самих текстов. Иными словами, для исследования пригоден конкретный фрагмент далеко не любой гуманитарной проблемы, философское содержание которой максимально сведено к экзотерическим показателям.

Возражение верно и для математики. Обращение к математическому аппарату для формальной репрезентации явления предполагает использование определенной части науки как инструмента, что также создает неверное впечатление о её сути. Историческая подчиненность математики эмпирике, её физикализация на протяжении Нового времени [9, с.198] предполагает понимание математики как подсистемы науки, без связи с вопросами о её собственных началах и имманентных проблемах.

Междисциплинарность – обоюдоострая бритва, иногда создающая только иллюзию сущностного взаимного переплетения наук. Ориентирование на практическое общественное благо идёт рука об руку с увлеченностью самим синтезом. Представляется, что в некоторых случаях, более корректным было бы представление о параллельном развитии наук, в траектории которых имеют место подобные друг другу отрезки, как то можно наблюдать в вопросах изучения природы и специфики математической интуиции. В то же время, усмотрение тотальной слабости междисциплинарности снимается осознанием существования последней в качестве элемента сюбытной исторической картины мира, а также успешностью подобных проектов в иных сферах.

Литература

1. Черникова И.В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 26-35.
2. Грэхэм Л., Кантор Ж.-М. Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 232 с.
3. Жуков Н.И. Философские основания математики. Минск: Университетское, 1990. 107 с.
4. Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 416 с.
5. Лаптев А.А. Математическое моделирование социальных процессов // Математические структуры и моделирование. 1999. №. 1. С. 109-124.
6. Гуц А.К., Коробицын В.В. Компьютерное моделирование этногенетических процессов. // Рукопись деп. в ВИНТИ 24.09.97. N 2903-B97. Омск: Омск. гос. ун-т, 1997. 23 с.

7. Давыдов А.А. Об одной математической модели социальной динамики // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2001. Том. 0. № 13. С. 97-113
8. Демин М., Куприянов А. Доминанты, субдоминанты и рецеденты: формальный анализ изменений канона истории немецкой философии в XIX веке // Логос. 2020. Т.30. № 6. С.173-207.
9. Беляев Е.А., Перминов В.Я. Философские и методологические проблемы математики. М.: Изд-во Московского унив-та.1981. 217 с.

ИСТОРИКИ АКАДЕМИИ НАУК В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: Ю.Х. КОПЕЛЕВИЧ И А.В. КОЛЬЦОВ

Т.И. Юсупова

*Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: ti-yusupova@mail.ru*

В докладе мы сфокусируемся на проблеме изучения истории Академии наук в социально-идеологических контекстах второй половины XX века. В качестве объектов нашего анализа мы рассматриваем работы известных историков – Ю.Х. Копелевич (1921–2009) и А.В. Кольцова (1927–2000). Их труды внесли значительный вклад в познание деятельности Академии наук в XVIII и XX веках. Кратко осветим научные биографии ученых, их мотивы выбора исследовательских программ, конструкций объяснительных моделей, а также использование идеологической риторики в научных текстах. Проанализируем значение работ Копелевич и Кольцова, написанных в разные социальные периоды в стране, для развития новых методических подходов к проблематике истории отечественной науки на современном этапе.

Ключевые слова: история Академии наук, социально контексты, идеологическая риторика, объяснительные модели

HISTORIANS OF THE ACADEMY OF SCIENCES IN IDEOLOGICAL CONSTRUCTS SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY: YU.KH. KOPELEVICH AND A.V. KOLTSOV

T.I. Yusupova

*DSc in History, Chief Researcher
Institute for the History of Science and Technology RAS, St.-Petersburg Branch
E-mail: ti-yusupova@mail.ru*

In the report, we will focus on the problem of studying the history of the Academy of Sciences in the socio-ideological contexts of the second half of the 20th century. We consider the works of well-known historians – Yu.Kh. Kopelevich (1921–2009) and A.V. Koltsova (1927–2000) as objects of our analysis. Their work made a significant contribution to the history of the Academy of Sciences in the 18th and 20th centuries. We will consider briefly the ways of Kopelevich and Koltsova to this topics, motivations for choosing research programs, constructs of explanatory models, as well as the use of ideological rhetoric in their scientific texts. Let us analyze the most significant works of their works written in the pre-perestroika period for the study of issues of the history of Russian science at the present stage.

Keywords: history of the Academy of Sciences, socio-ideological contexts, ideological rhetoric in texts, factual narratives

Проблема «наука и общество» имеет богатую историографию, в которой рассматриваются ретроспективные и современные, общие и частные вопросы взаимодействия альянса, методологические и методические особенности его изучения, а также многочисленные микроистории, детализирующие проблемы этого симбиоза, освещающие конкретные институциональные и персональные сюжеты, иллюстрирующие разнообразие и инструменты этого взаимодействия. В докладе мы сфокусируемся на одной из таких микроисторий – деятельности историков Академии

наук и их адаптации к условиям социума второй половины XX века, рефлексии на вызовы социума и, с другой стороны, современную рецепцию их трудов.

В качестве объектов исследования рассмотрим труды двух известных специалистов – к. филол. Н. Ю.Х. Копелевич (1921–2009) и д. ист. н. А.В. Кольцова (1927–2000). Их работы стали значимым вкладом в изучение деятельности Академии наук в XVIII и XX в. Мы рассмотрим пути становления научных биографий Копелевич и Кольцова, мотивации выбора исследовательских программ, конструкторов объяснительных моделей, использовании идеологической риторики в научных текстах в зависимости от хронологических рамок исследований, личностных качеств авторов и их административных позиций.

Выбор наших героев определяется двумя причинами: во-первых, они являются одними из самых цитируемых отечественных специалистов по истории Академии наук; а во-вторых, они использовали в своих исследованиях огромный массив архивных документов, и их труды сами стали ценными историографическими источниками. Самые плодотворные годы деятельности Копелевич и Кольцова проходили в условиях постоянного контроля государства за научной деятельностью и методологической унификации истории советской науки в рамках постулатов марксизма-ленинизма. Пути в историю науки Ю.Х. Копелевич и А.В. Кольцова были разными, но они сошлись в Ленинградском отделении (с 1951 г. – СПб Филиале) ИИЕТ РАН, созданном в 1953 г. Здесь Ю.Х. Копелевич работала с 1955 по 2003 г., а А.В. Кольцов с 1953 по 2000 г. Они проработали вместе 45 лет. Кольцов – историк по образованию, пришел в ИИЕТ как секретарь Комиссии по истории Академии наук, созданной целенаправленно для подготовки многотомного издания по этой тематике. Впоследствии он стал автором десяти книг (семь из которых – индивидуальные монографии, три – написаны в соавторстве) по истории Академии наук 1920-1960-х гг. Копелевич – выпускница кафедры классической философии ЛГУ, участник Великой Отечественной войны. Она была приглашена в ЛО как латинист для широко развернувшей подготовки юбилея Л. Эйлера. Вскоре от чисто переводческой работы она перешла к изучению истории Академии наук XVIII в. Копелевич автор более 200 научных трудов, в том числе восьми монографий (индивидуальных и в соавторстве, одна переведена на немецкий язык) и 19 сборников документов (семь из них на немецком и французском языках), где она была одним из составителей, переводчиков, авторов комментариев и статей), изданных в России, Германии и Швейцарии.

Кольцов был парторгом ЛО, периодически исполнял обязанности руководителя Отделения (в 1963–1966 и в 1972–1973 г.). Административные и партийные позиции обязывали контактировать с директивными органами и государственными функционерами. В силу необходимости он принимал устоявшиеся ритуалы общения, но низводил их к формальным отношениям, необходимым для урегулирования организационных вопросов. Его административные позиции (в 1960 г. он стал также заведующим сектор Истории Академии наук) налагали на него ответственность за координацию тематики сектора, а особенно, личных исследований с текущими задачами советского культурного строительства и памятные даты. Тем не менее, Кольцов не был склонен к комплементарным отношениям с властью и лишь вынужденно использовал в своих трудах идеолого-политическую риторику (которая, кстати, ограничивалась как правило вводным параграфом (за исключением книги [1]). Изложение материала у Кольцова отличается высочайшей точностью, выверенностью фактов, продуманным логичным построением материала. К сожалению, по стилю изложения он придерживался исключительно фактологического «линейного» нарратива.

В последнем своем интервью (опубликованном уже после его смерти) Кольцов говорил: «Книги суше, чем я сам, потому что не только [моя] тема [Советская академия наук], но и время было такое. Надо было обязательно начинать с <...> пленума ЦК КПСС. Уже корректура идет, <...> а состоялся пленум – надо вносить изменения». Тем не менее, в двух своих последних книгах (опубликованных уже в постперестроечный период, в 1997 и 1999 г.), ему удалось преодолеть линейный стиль. В изложении материала он считал, что был «более раскован» и «ближе к истине» [2, с. 80].

Что касается Копелевич, то вопросы, затрагиваемые в ее исследованиях, касались XVIII в. – истории основания Петербургской Академии наук и ее раннего периода. К этой проблематике она пришла через работу с многочисленными архивными материалами, связанными с деятельностью Л. Эйлера. Именно архивный источник всегда был для нее главным критерием истинности. Ее отличала высочайшая культура работы с источниками, как правило на латыни или других иностранных языках. Чем детальнее она изучала деятельность Академии наук, тем проблематичнее для нее становились линеаризованные модели ее изложения. Копелевич первая из советских историков Академии наук отошла от сухого нарратива и положила начало новому этапу в разработке истории Академии наук — ее социальным аспектам. В своей первой монографии она отмечала: «При той

большой и с каждым днем все возрастающей роли, которую играет наука в современном обществе, усиливается стремление и необходимость познать науку в ее логических, психологических и социальных аспектах» [3, с. 3]. История, построенная на таком основании может быть адаптирована к той или иной философской схеме (прежде всего, к постпозитивизму), однако, как справедливо считает И.С. Дмитриев, «развитие истории науки требует более гибкого и нелинейного мышления» [4, с. 41]. Такой подход особенно ярко проявился в главной монографии Копелевич «Основание Петербургской Академии наук» (1977 г.).

Несомненно, историк принадлежит определенной эпохе. Нашим героям приходилось адаптироваться к внешним условиям; мы, используя их работы, анализируем, прежде всего, спектр личностных интерпретаций, спектр личностных оценок, зачастую сквозь адаптационную оптику. И одним из основных инструментов такой адаптации являлось в тот период использование идеологической риторики. Тем не менее, присущие Копелевич и Кольцову собственные мировоззренческие позиции, приверженность исторической правде, умение формализовать внешние обстоятельства позволили им подготовить труды, которые стали классическими не только в российском, но международном научном сообществе.

Литература

1. *Кольцов А.В.* Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л.: Наука, 1969.
2. «*Вся моя жизнь связана целиком и полностью с Институтом ...*» (Интервью с д. и. н. Анатолием Васильевичем Кольцовым) / Публ. О.А. Вальковой, А.О. Жидковой // ВИЕТ. 2003. № 3. С. 68-781.
3. *Копелевич Ю.Х.* Возникновение научных Академий. Середина XVII - середина XVIII в. Л.: Наука, 1974.
4. *Дмитриев И.С.* «*Это логика, а не мышление*» // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 39-41

ВОСПРИЯТИЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: ФОРМЫ, КАНАЛЫ, КОНТЕКСТЫ*

А.Ю. Скрыдлов

*Кандидат исторических наук, заведующий сектором
Санкт-Петербургский филиал*

*Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: askrydlov@gmail.com*

Общественный запрос на изучение статистики начал формироваться в начале XIX в. В этот период господствующей формой изложения статистической информации были описательные труды, выполненные в традициях немецкого государственоведения. Важнейшими каналами распространения статистических знаний стали Академия наук и высшие учебные заведения, в программы которых были включены статистические курсы. Эволюция государственоведения от описательной к аналитической форме проявилась в трудах К.Ф. Германа и К.И. Арсеньева. Их идеи оказались востребованы в оппозиционной дворянской среде. Отмечено влияние лекций Германа на формирование мировоззрения лидеров декабристских организаций. Выявлены параллели между идеями Арсеньева об экономическом районировании России и формами территориального деления России в программных документах декабристов.

Ключевые слова: статистика и общество, статистика и власть, история статистики, К.Ф. Герман, К.И. Арсеньев, декабристы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00407

PERCEPTION OF STATISTICAL KNOWLEDGE BY RUSSIAN SOCIETY IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY: FORMS, CHANNELS, CONTEXTS

A.Yu. Skrydlov

CSc of History, Head of Sector

Saint-Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology

E-mail: askrydlov@gmail.com

Public demand for the study of statistics began to appear at the beginning of the 19th century. In that period descriptive works were the main form of presentation of statistical information. The most important means of disseminating statistical knowledge were the Academy of Sciences and higher educational institutions, whose programs included statistical courses. The evolution of statistics from descriptive to analytical form was manifested in the works of Carl Theodor Hermann and K.I. Arseniev. Their ideas were in demand in the opposition noble community. The influence of Hermann's lectures on the formation of the worldview of the leaders of the Decembrist organizations is noted. The connection between Arseniev's ideas about the economic zoning of Russia and the forms of territorial division of Russia in the program documents of the Decembrists is revealed.

Keywords: statistics and society, statistics and state power, history of statistics, Carl Theodor Hermann, Konstantin I. Arseniev, Decembrists

Зарождение статистики как самостоятельной отрасли знаний принято относить ко второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Ранняя форма статистических исследований – государствоведение, представляла собой сбор и систематизацию сведений о т.н. «государственных достопримечательностях» – природном, демографическом, политическом и экономическом состоянии государства. Работа с эмпирическими данными, которые извлекались из официальных отчетов или собирались в результате обследований местности, первоначально сводилась к накоплению и систематизации сведений. Основатели государствоведения немецкие ученые Г. Конринг и Г. Ахенваль подчеркивали важность достоверности данных и их расположения в логической последовательности, при этом какой-либо причинно-следственный анализ, оценки и выводы из собранных фактов от статистика не требовались [1, с. 41-88].

Немецкая описательная традиция государствоведения начала проникать в Россию во второй половине XVIII в. Первые отечественные работы в этом направлении, принадлежавшие И.К. Кирилову, В.Н. Татищеву, Л.Ю. Крафту, И.Ф. Герману представляли собой изложение доступных авторам сведений о «государственных достопримечательностях» Российской империи. Ученые систематизировали количественные и качественные данные, сравнивали состояния разных государств, однако не выходили на теоретический уровень обобщения. Важный шаг в этом направлении сделал ученик Ахенваля А.Л. Шлецер, который потребовал от статистиков не только описывать конкретные факты, но и исследовать причины явлений «в целях подтверждения статистической достоверности приводимых фактов и придания им жизненности и интереса». Шлецер пришел к выводу о том, что статистику следует изучать в политико-экономическом ключе, т.к. она является неотъемлемой частью политики, а основная доля потребителей статистического знания – люди, занятые государственным управлением. Идеи Шлецера нашли продолжение в работах К.Ф. Германа и К.И. Арсеньева, которые заложили основы политико-экономического направления российского государствоведения [2, с. 30-32].

Общественный и государственный запрос на изучение статистики начал проявляться в начале XIX в. Если ранее «каждое сведение, даже о хозяйственном или физическом состоянии губернии, делалось государственной тайной», то с учреждением министерств регулярной практикой стала публикация отчетов, содержащих актуальные данные по разным отраслям государственного управления. Важным каналом распространения статистических данных стали ведомственные журналы и газеты, которые выходили с начала XIX в.: «Санкт-Петербургский журнал», «Северная почта», «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», «Санкт-Петербургские коммерческие ведомости».

Первым научным центром распространения статистических знаний стала Санкт-Петербургская Академия наук, где в 1803 г. была создана кафедра политической экономии и статистики. В феврале 1804 г. ординарным академиком по этому классу был избран А.К. Шторх, а в мае 1805 г. должность адъюнкта занял К.Ф. Герман. По инициативе Германа в 1806-1808 гг. при Академии наук издавался

Статистический журнал - первое в России научное издание по статистике и политической экономии. В отличие от ведомственных статистических публикаций, в журнале выходили статьи по теории статистики и политэкономии, статистические обзоры и информационные материалы. Аудиторию журнала позволяет охарактеризовать список подписчиков, который был опубликован во втором выпуске. В перечне поименно названы 97 человек разного социального происхождения. Здесь упомянуты как виднейшие сановники того времени - В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцов, А.С. Строганов, А.С. Шишков и др., так и служащие средних чинов, купцы, священнослужители, служащие гимназий. Разнородный состав подписчиков журнала свидетельствует об интересе к новой науке со стороны разных социальных слоев [3, с. 265-270].

Популяризации государственного управления способствовало включение статистических курсов в программы высших учебных заведений. Университетские уставы 1804 г. предусматривали создание в структуре Московского, Казанского и Харьковского университетов кафедр по всемирной истории, статистики и географии, а также истории, статистики и географии Российского государства. С 1816 г. самостоятельная кафедра статистики появилась в Главном Педагогическом институте, преобразованном впоследствии в Петербургский университет. Знаменитый указ от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе...», устанавливавший образовательный ценз для чиновничества, среди «испытаний для производства в коллежские асессоры и статские советники» называл «первоначальные основания статистики, особенно Российского государства» [4, с. 101]. При университетах образовывались особые «комитеты испытаний», в обязанности которых входила аттестация чиновников в том числе и по статистическим курсам. Согласно «Уставу заведений, подведомых университетам» 1804 г. в гимназиях также вводился курс общей и частной статистики Российского государства. К статистическим исследованиям привлекались преподаватели гимназий, на которых было возложено ведение статистических записей «о губерниях, включая в оные сведения о земледелии, времени посева и жатвы, о свойствах земли, употребляемых орудиях и других предметах, потребных к точному познанию общего хозяйства» [5].

Ведущую роль в создании первых учебных программ по статистике сыграл академик Герман. С 1806 г. он преподавал политическую экономию в Педагогическом институте, а после его преобразования в Главный педагогический институт в 1816 г. занял первую в России кафедру статистики. В 1808–1809 гг. он опубликовал два учебных пособия по общей теории статистики, а в 1817 г. вышла его книга по истории изучения статистики Российской империи [6-8]. В своих работах Герман развивал идеи Шлецера о том, что статистик должен не только собирать фактический материал, но обобщать и анализировать факты, выявлять закономерности. Ученый требовал от своих учеников сопровождать статистические таблицы «историко-политическим истолкованием», выявлять преимущества и недостатки «достопримечательностей государства», устанавливать причинно-следственные связи между явлениями, влияющими на их использование.

Показательным примером рецепции идей государствоведов в оппозиционной дворянской среде стала история взаимоотношений Германа и членов тайных обществ. Будущий лидер декабристов П.И. Пестель впервые познакомился с Германом в годы обучения в Пажеском корпусе, где последний читал лекции по основам политических наук. В 1816-1817 гг., помимо Пестеля, публичные лекции Германа посещали видные члены декабристских организаций С.П. Трубецкой, Ф.Н. Глинка, Н.М. Муравьев С.П. и А.П. Шиповы, И.А. Долгоруков. О значении лекций Германа в формировании идеологии декабристов можно судить по сохранившимся протоколам допросов декабристов. Отвечая на вопрос о наставниках, Пестель счел нужным назвать именно Германа и признался, что до встречи с ним «не имел ни малейшего представления» о политических науках, и «пристрастился к ним» именно в Пажеском корпусе. Из сохранившихся конспектов лекций Германа видно, что описания «государственных достопримечательностей» европейских государств он сопровождал рассуждениями об идеальной форме государственного устройства, соотношении интересов государства и общества в духе теории общественного договора [9, с. 43-45]. Такая методика изучения статистики помогала его ученикам познакомиться с фактическим материалом и создавала почву для самостоятельной рефлексии над актуальными вопросами политической жизни.

Определенный отклик в декабристской среде приобрели исследования ученика Германа К.И. Арсеньева. Ученый развивал идеи Германа о необходимости изучения причинно-следственных связей между статистическими фактами. Он уделял большое внимание рассмотрению условий экономического развития страны, причинам и перспективам роста городов, значению путей сообщения. В своих работах Арсеньев предложил оригинальную концепцию экономического районирования России, разделив территорию страны на 10 пространств исходя из совокупности географических и хозяйственных особенностей [10]. Труды Арсеньева стали предметом первой

в России публичной дискуссии о статистике, которая развернулась на страницах российских журналов в 1818-1820 гг. Критики ученого, помимо замечаний фактического характера, оспаривали право ученого-статистика на собственные выводы и обобщения, ставили под сомнение его политическую благонадежность. В защиту Арсеньева выступил журнал Н.И. Греча «Сын Отечества», где в эти годы печатались члены тайных обществ и близкие к ним по общественно-политическим взглядам авторы. Взгляды Арсеньева относительно районирования России, очевидно, привлекли внимание будущих декабристов. Разработанная им карта экономических районов во многом совпадает с проектом разделения России на 10 областей и 3 удела, предложенным в Русской правде П.И. Пестеля. В Конституции Н.М. Муравьева предполагалось более дробное разделение страны на 14 держав и 2 области, но в основу также был положен экономический признак [11, с. 45].

Как известно, Герман и Арсеньев оказались под ударом в ходе «дела профессоров» Санкт-Петербургского университета в 1821 г. Ученых обвинили в том, что они превратили статистику «из науки весьма простой и имеющей определенные границы» в «умствования о религии и праве естественном», способствовали распространению антихристианских и антиправительственных идей. Их отстранили от преподавания, написанные ими учебные пособия были запрещены. «Дело профессоров» стало переломным событием во взаимоотношениях государства, общества и статистической науки. Консервативно настроенная часть правительственной элиты, ощутив опасность вольной интерпретации статистических данных, затормозила развитие политико-экономического направления российского государственоведения более чем на два десятилетия. Высшие учебные заведения России лишились возможности использовать передовые учебные пособия, а методика преподавания статистики вернулась к устаревшим формам. За ней закрепился статус «науки политической», а значит требующей особого надзора со стороны государства.

Литература

1. *Елисеева И. И., Еременко Т. В., Соколов Я. В.* Идеи государственоведения в становлении статистической науки // *Взаимосвязи европейской и западной экономической мысли: опыт Санкт-Петербурга. Очерки.* СПб.: Нестор-история, 2013. С. 41–88.
2. *Скрыдлов А.Ю.* Российская школа государственоведения о предмете и методе статистической науки (конец XVIII – первая половина XIX в.) // *Социология науки и технологий.* 2021. Т.12. № 2. С. 26-43.
3. Статистический журнал. СПб.: при Императорской Академии наук, 1806. Т. I. Ч. 2. 272 с.
4. *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики в СССР. В 2 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 476 с.
5. Высочайше утвержденный Устав учебных заведений, подведомых университетам. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 28. № 21501.
6. *Герман К.Ф.* Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского государства. СПб.: Императорская Академия наук, 1817. 80 с.
7. *Герман К.Ф.* Краткое руководство ко всеобщей теории статистики для употребления в училищах Российской империи. СПб.: Главное правление училищ, 1808. 22 с.
8. *Герман К.Ф.* Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке. СПб.: Императорская Академия наук, 1809. 107 с.
9. *Сыроечковский Б.Е.* Из истории движения декабристов. М.: Издательство московского университета, 1969. 374 с.
10. *Арсеньев К.И.* Начертание статистики Российского государства. Ч. 1-2. СПб.: Типография Императорского воспитательного дома. 1818-1819.
11. *Скрыдлов А.Ю.* Ученый-статистик и государственная власть в первой половине XIX в.: к биографии К.И. Арсеньева (1789-1865) // *Genesis: исторические исследования.* 2020. № 11. С. 37-47.

ИСТОРИЯ АЭРОДИНАМИКИ И СИЛЬНАЯ ПРОГРАММА В СОЦИОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ

З.А. Сокулер

*Доктор философских наук, профессор философского факультета
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
E-mail: zasokuler@mail.ru*

Книга Дэвида Блур «Загадка аэродинамического профиля: Соперничающие теории в аэродинамике, 1909 – 1930» - не только исследование одного эпизода истории науки, но и сильный аргумент в пользу «сильной программы» в социологии научного познания. Блур показывает, что в Британии и в Германии в первой трети XX века разрабатывались разные аэродинамические теории. Хотя плодотворность немецкой аэродинамики в 20-е гг. становилась все более очевидной, сопротивление ведущих британских ученых продолжалось до начала 30-х гг. Блур дает социологическое объяснение: среди британских аэродинамиков доминировали выпускники Кэмбриджского университета, воспитанные в университетских представлениях о том, какой должна быть наука, а в Германии аэродинамика развивалась в социальных институтах другого типа - Высших Технических Школах. Блур подчеркивает, что и британские, и немецкие ученые-аэродинамики действовали на основе принципов научной рациональности. Однако у них были разные «научные рациональности», что вполне объяснимо различием социальных институтов, в рамках которых шло развитие аэродинамики.

Ключевые слова: Д. Блур, сильная программа в социологии знания, аэродинамика, прикладная математика, истина, идеальная жидкость

THE HISTORY OF THE AERODYNAMICS AND THE STRONG PROGRAM IN THE SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE

Z.A. Sokuler

DSc in Philosophy, Professor of Philosophy

Lomonosov Moscow State University

E-mail: zasokuler@mail.ru

David Bloor's book "The Enigma of the Aerofoil: Rival Theories in Aerodynamics, 1909 – 1930" is not only a study of an episode in the history of science, but also a valuable argument for the "Strong Programme" in the sociology of scientific knowledge. Bloor shows that different aerodynamic theories were developed in Britain and in Germany in the first third of the twentieth century. Although the fruitfulness of German aerodynamics became increasingly evident in the twenties, the resistance of leading British scientists continued until the early thirties. Bloor gives a sociological explanation: the British aerodynamicists were dominated by Cambridge University graduates, brought up in the university concept of what science should be, whereas in Germany aerodynamics was developed in social institutions of another type – the Highest Technical Schools. Bloor points out that both British and German aerodynamic scientists operated on the principles of scientific rationality, but they had different "scientific rationalities", which can be explained by the difference in the social institutions within which the development of aerodynamics took place.

Keywords: D.Bloor, Strong Program in sociology of knowledge, aerodynamics, applied mathematics, truth, ideal fluid

Книга Дэвида Блур «Загадка аэродинамического профиля: Соперничающие теории в аэродинамике, 1909-1930» [1] представляет интерес для философа науки по ряду причин.

1. Блур представил здесь мощную защиту своей «сильной программы». Защита выстроена на солидной конкретной работе историка и социолога науки. Данная книга поэтому важнее для понимания программы Блур, чем полемика его с Латуром (быстро перешедшая на личности). Мне кажется, сторонникам АСТ не просто будет ответить Блур *относительно данного кейса*, в котором ученые, развивающие различные теории, имеют дело с одной и той же объективной реальностью, но по-разному реагируют на нее.

2. Материал, с которым работает Блур – история аэродинамики, - раньше, насколько мне известно, не попадал в поле внимания философии науки. А жаль, потому что тут мы встречаемся со сферой, в которой математика не показывает «непостижимой эффективности». История гидро- и аэродинамики не располагает к «пифагорейскому» взгляду на мир. Блур цитирует специалиста по аэродинамике, утверждавшего, что «необходимо сделать самые радикальные упрощающие предположения, прежде чем мы сможем даже думать о потоке газа и прийти к уравнениям, которые поддаются решению» [1, p.437].

3. Карл Поппер доказывал, что ради прогресса познания научные теории должны интерпретироваться реалистически, к ним обязательно надо предъявлять требование быть истинными описаниями, а не инструментами предсказаний. Поппер писал, что если бы в XVII в. восторжествовала инструменталистская интерпретация системы Коперника, мы до сих пор оставались бы с аристотелевской физикой. Однако Блур в данной работе показывает яркий пример, когда именно инструментализм способствовал росту знаний в аэродинамике, а требование к аэродинамической теории быть истинным описанием действительности тормозило развитие этой науки.

Как известно, первые самолеты создавались энтузиастами методом проб и ошибок. Они не опирались на какие-либо научные разработки. Однако общество и правительства быстро осознали значение авиации, в первую очередь для военного дела. Начались активные научные исследования, которые были призваны помочь авиаинженерам. Исследования велись в разных направлениях, но в фокусе внимания Блура стоит история аэродинамических исследований подъемной силы, создаваемой воздухом и крылом самолета.

В начале XX в. в этой области складывалась следующая ситуация. Аэродинамика еще не выделилась в отдельную дисциплину и выступала как подобласть гидродинамики. Теоретической основой последней были уравнения Эйлера. Они были выведены, исходя из предположения, что жидкость не обладает никакой вязкостью (так называемая идеальная жидкость), т.е. при ее движении отсутствует трение. При таком предположении получались *решаемые* уравнения. Но из того же предположения следовало, что движение твердого тела сквозь жидкость не создает сопротивления, и, кроме того, в такой жидкости не могут возникнуть вихри, а если вихрь уже имеется, он не может разрушиться. Понятно, что на такой теоретической основе невозможно было объяснить, откуда у крыла берется подъемная сила. Кроме уравнений Эйлера, существовали более реалистические уравнения Навье-Стокса (учитывавшие вязкость жидкости), однако общего аналитического решения для них не найдено до сих пор.

Блур в подробностях прослеживает историю развития аэродинамики в Великобритании и в Германии в начале прошлого века. Немецкие концепции не просто отличались от британских, но были несовместимы с ними. Блур объясняет различие британской и немецкой аэродинамики социологическими факторами.

В Великобритании правительство, озабоченное развитием авиации в Германии, создало специальный комитет, призванный координировать все развитие самолетостроения в стране. Комитету была придана необходимая инфраструктура, включая физическую лабораторию, оборудованную аэродинамическими трубами. Формируя подобный Комитет, правительство призвало в него наиболее авторитетных математиков и физиков, известных работами по гидро- и аэродинамике. В результате, в Комитете доминировали и задавали тон выпускники Кембриджа, которые в юности занимали одни из первых мест на самых сложных и престижных кембриджских экзаменах, так называемых Tripos (в рассматриваемый период существовали Tripos по чистой математике, физике, прикладной математике и др.). Блур пытается показать сходство между задачами математического экзамена Tripos и тем, как члены Комитета формулировали ряд задач, связанных с конструированием самолетов.

Что касается объяснения подъемной силы крыла, то тут британские ученые так и не смогли продвинуться. Прогресс аэродинамики был осуществлен прежде всего немецкими учеными (хотя автор первой версии объяснения подъемной силы циркуляцией воздуха вокруг крыла был британцем, и даже членом Комитета, но он был инженером, не был питомцем Кембриджа и в Комитет введен был как специалист по моторам; его идеям его коллеги по Комитету не придали значения, и оценили их только немецкие специалисты). Интересно, что британские ученые, зная о работах немецких исследователей и о работах Жуковского, не проявляли к таким работам интереса и были о них невысокого мнения.

Блур объясняет это культурной традицией, в которой формировались ведущие члены Комитета, и особенностями поддерживавшего эти традиции социального института – Кембриджского университета. Эти ученые считали развитием науки только появление общей физической теории, правильно объясняющей движения воздушных масс, а теория идеальной жидкости не могла быть истинной. Далее, им требовался такой математический аппарат, который позволял бы, подставляя в его уравнения данные, предоставляемые правильной физической теорией, делать правильные выводы. Однако ни построить подобную теорию, ни найти решение уравнений Навье-Стокса им не удалось.

Тогда как в Германии аэродинамические исследования развивались в таких специфически немецких институциональных структурах как Высшие Технические Школы. В отличие от Кембриджа, они были ориентированы не на поиск чистого знания, а на разработку математического аппарата и приемов расчета, удобных и полезных для инженеров. Тут принимались инструменталистские установки, которые давали немецким исследователям большую свободу, позволяя, например, в одной

и той же работе и использовать уравнения Эйлера, и полагать вязкость сколь угодно малой, но отличной от нуля, а также использовать массу других, эвристических и продуктивных, но сомнительных с точки зрения обоснованности приемов.

Подытоживая свое исследование, Блур подчеркивает, что «социальное» и «рациональное» не являются взаимоисключающими понятиями. Научная рациональность сама имеет социальную природу, формируется и поддерживается определенными социальными институтами.

Литература

1. *Bloor D. The enigma of the aerofoil. Rival theories in aerodynamics, 1909 – 1930. Cambridge and London: The University of Chicago Press, 2011. 547 p.*

ЭПИДЕМИОЛОГИЯ ГИППОКРАТА И ФУКИДИДА: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ТРАКТОВКИ ЭПИДЕМИИ*

К.А. Куксо

Кандидат философских наук, доцент

*Санкт-Петербургский Государственный Университет промышленных технологий и дизайна
Ассоциированный сотрудник*

*Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук*

E-mail: korsbai@mail.ru

Исследование посвящено прояснению специфики парадигмальных моделей определения эпидемии, представленных в наследии Гиппократов и Фукидида. В «Истории» Фукидида сущностной характеристикой эпидемического опыта становится уникальный сложный рисунок социальных обстоятельств, вызвавших распространение тяжелой болезни и порождаемых ее давлением. Тогда как для Гиппократов и его последователей характер массового заболевания определяется общими природными причинами, провоцирующими его распространение и обострение. Анализируются теоретические установки, задавшие своеобразие этих образцовых для исторически позднейших артикуляций природы эпидемии подходов. Показывается, в какой теоретической рамке результаты социально-исторической «физиогномики» эпидемии, набор уникальных обстоятельств ее протекания и эксклюзивных воздействий, становится столь же существенным измерением данного явления, что и ее природная основа.

Ключевые слова: эпидемия, парадигмальные модели осмысления эпидемии, Гиппократ, Фукидид, общие причины, социальное окружение, насыщенное описание

EPIDEMIOLOGY OF HIPPOCRATES AND THUCYDIDES: THE PARADIGMATIC CONCEPTIONS OF EPIDEMIC**

Kukso K. A.

CSc in Philosophy, Associate Professor

*St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Associate Professor
Associate co-worker.*

*The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences*

E-mail: korsbai@mail.ru

The study is represented the clarifying of specifics of the paradigmatic models of epidemic's defining, presented in the works of Hippocrates and Thucydides. The essential characteristic of the epidemic experience is the unique complex pattern of circumstances that caused the spread of serious illness and generated with its pressure in History of the Peloponnesian

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00314 «Социальный порядок в условиях эпидемии: социально-философский анализ».

** The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00314.

War of Thucydides. Whereas for Hippocrates and his followers the nature of the mass disease is determined with the common natural causes that provoke its spread and exacerbation. Theoretical approaches that set the originality of these exemplary approaches for historically later articulations of the nature of the epidemic are analyzed. It is shown in what theoretical framework the results of the socio-historical «physiognomy» of the epidemic, a set of unique circumstances of its course and exclusive effects, become as significant characteristic of this phenomenon as its natural basis.

Keywords: epidemic, paradigm models of conceptions of epidemic, Hippocrates, Thucydides, common causes, social environment, intense description

В классической Античности были определены парадигмальные для осмысления природы эпидемии подходы. Один из них изложен в наследии Гиппократов и гиппократиков, представляющий эпидемию как естественный феномен, связанный с общими переменами в мире природных явлений. Другой содержится в «Истории» Фукидида, где филигранно выполненный клинический отчет о страшном бедствии, постигнувшем Афины в 431 г. до н.э., дополняют объемные по содержанию свидетельства социального опыта проживания этой эпидемии «чумы», на сегодняшний день опознаваемой чаще исследователями как брюшной тиф. Крайне интересно, что Фукидид, разделяя при описании эпидемии некоторые теоретические установки гиппократовской традиции, отклоняется от ее сугубо натурализующей рационализации и представляет эпидемический опыт в единстве с реакциями на него большого коллективного мира, уничтожаемого бедствием эпидемии. Так в организации свидетельства об эпидемии Фукидида хорошо просматривается, каким образом теория с достаточной объяснительной мощью может быть дополнена иной теоретической проработкой феномена. Своеобразие и соседство, характер целей базовых масштабных для истории культуры трактовок стихии массово ослабляющих и уничтожающих жизни болезней – в центре представленного исследования.

Итак, в наследии Гиппократов и гиппократиков есть произведение, где с вхождением в детали излагаются результаты врачебного опыта эпидемических заболеваний. Так, в «Эпидемиях» анализ условий возникновения массовых заболеваний сопровождается изложением их конкретных случаев.

Чтобы понять характер этого только возникающего эпидемиологического дискурса, обратимся к особенностям восприятия массовых заболеваний, изложенным в первой и третьей книги «Эпидемий», исторически связываемыми с клиническим опытом самого Гиппократов. В данном сочинении представлены заключения из практики массовых заболеваний населения самого северного из островов Эгейского моря Фасос и случаи болезней жителей Абдер, Кизика, Лариссы. Согласно ему, тяжелые недуги из довольно обширного нозологического перечня регулярно возмущали повседневность жителей Фасоса. В нем упоминаются «самая трудная и наиболее уносящая людей» чахотка, дизентерия, тенезмы, лиентерея, лихорадки, френиты, горячки, рожа с гангренозными разрушениями, карбункулы, неконкретизированные септические заболевания, катаральные болезни глаз. При этом фиксируется и их вездесущность: им подвержены представители самых различных социальных групп – рабы, подростки, носители неясных социальных статусов.

В основе развернутого здесь осмысления природы одолевающих целые общества болезней – рассмотрение их зависимости от метеорологических условий, задаваемых комплексами влажности, характера осадков, тепла, силы и направления ветра. Так массовые недуги отслеживаются во взаимосвязи со своеобразием каждого сезона года, в свою очередь, также определяемого качественным составом. Постольку очевидно, что в данном эпидемиологическом подходе разворачивается характерная для гиппократовской медицины космологическая перспектива понимания болезней. Так усилением выделения общих природных причин объясняется возникновение и массовое распространение сезонных лихорадок, чахотки, дизентерии и других опасных заболеваний.

Кроме этого, в данной традиции в отношении запутанной и разрастающейся фактичности болезней выделение общего в характере болезней наделяется и терапевтическим значением. Речь о различных теоретических процедурах, способных обнаружить в неопределенной реальности опасных заболеваний единство признаков, логики развития, исхода. Так, важнейшим приемом медицинского искусства объявляется способность предугадывать будущее развивающегося заболевания на основании сравнения сходной симптоматики. Со знанием типичных признаков болезни и изменения ее характера при проявлении таковых связывается понимание последовательности, фаз ее развития [1, с. 348–349], а при благоприятном прогнозе – установление благотворного для выздоровления режима [1, с. 348].

Иное рассмотрение эпидемического опыта представлено в «Истории Пелопонесской войны» Фукидида. Разностороннее по содержанию и довольно подробное в деталях описание Фукидида

катастрофичной для классических Афин эпидемии, исторически известной как эпидемия чумы, оказалось не только влиятельным в Античности (к нему обращались Лукреций, Дионисий Галикарнасский, Марк Манилий, Плутарх, Гален), но послужило и устойчивым образцом для позднейших исследований и освещений эпидемического опыта. Постольку рассмотрим, какое именно измерение эпидемического бедствия выделил Фукидид, и что в специфике его теоретической оптики разомкнуло данный взгляд на эпидемию.

Уже одиозная манифестация уникальности и целей «Истории» позволяет заключить об особом характере выстраиваемого в ней смыслового поля. Позиционируя свой труд как полностью избавленный от произвольности, фикционального характера сочинений логографов и очищенный от тяжести монументальных моделей прошлого, Фукидид провозглашает авангардизм разворачиваемого исторического исследования. В содержательном плане оно объявляется актуальной историей настоящего, по форме – трудом, способствующим исследованиям достоверности прошлых и возможности будущих событий. Фукидид прямо заявляет об уникальности предмета своего рассмотрения, говоря о Пелопонесской войне как о наиболее примечательной из состоявшихся, и обозначает особую волю к истине, присущую его исследованию. Эта установка на достоверную реконструкцию уникального события ориентирует на крайне сложное удержание во внимании различных обстоятельств войны и скрупулезное отслеживание возможных связей между ними.

Именно данный подход делает понятным, почему Фукидид при обращении к эпидемии не останавливается на клиническом отчете о ней, а сопровождает последний артикуляцией эпидемии именно как коллективного феномена, утопленного в традицию и базовый способ жизни сообщества. И постольку повествование об изменениях коллективной экзистенции под давлением страшного заболевания становится настолько же важным, как натуралистический отчет о траектории распространения, симптомах, характере протекания заболевания и уровне смертности от него.

Так реконструкция пережитого самим Фукидидом эпидемического опыта имеет два взаимодополняющие уровня. Тщательно выполненный клинический отчет об эпидемии собственным натуралистическим характером, прежде всего, а также использованием представления о переломе при течении болезни и определенных риторических клише позволяют заключить о солидарности Фукидида с ведущими медицинскими установками своего времени. При этом в заметках о бедствии присутствует его загадочное суждение о расположенности к суждению каждого из свидетелей эпидемии о ее причинах и колоссальности физиологического воздействия [2, с. 84]. Высказываемой здесь полной лояльностью историк, вероятно, маркирует ограниченность любого возможного для его современников знания в отношении экзотизма болезни.

Следующий план освещения катаклизма представлен тщательным различением изменений социальной жизни, происходящих в его условиях. Он составлен из реконструкции обстоятельств, усиливающих разрушительную силу эпидемии. Так отдельным образом Фукидид отмечает первоочередную заболеваемость среди врачей, оказывающим помощь пораженным [2, с. 84]. Ему же принадлежит описание особо бедственной ситуации в местах скопления беженцев – хаоса из «полуживых» и мертвых в местах возведения временных лачуг, заполненность трупами святилищ и храмов, давшим приют беженцам [2, с. 86].

В еще одну группу свидетельств об эпидемии как коллективном феномене можно выделить все сделанные историком замечания о ее катастрофическом воздействии на социальный порядок и человеческие способности. Так Фукидид отмечает типичность полного уныния еще только недомогающих, феномен вынужденного одиночества при натиске болезни, разнообразные проявления беззакония, прерывание базовых коллективных традиций, проявленного, например, в несоблюдении обрядов погребения, влияния эпидемии на ход войны, обусловившей отступление спартанцев и осложненность осады Потидеи афинянами.

Насыщенность описаний проявлений распада социального, которыми пестрит свидетельство Фукидида, связано и с тем, что здесь повествование о социальной деструктивности эпидемии сгущает и образы войны. Фукидид проводит ёмкие реконструкции упадка центральных социальных традиций и радикальной разобщенности, разъедающих пораженные чумой Афины. Он выразительно описывает регресс социального мира к полной аморфности. Все эти описания в случае Фукидида усиливают выразительность его основного предмета – милитаристской стихии.

Задающая предметность данного повествования установка на показ своей эпохи именно как выдающейся в истории и воля к ее достоверной реконструкции обуславливает концентрацию внимания именно на социальных обстоятельствах эпидемии. Так данные теоретические выборы ведут к выписыванию подробностей и их уточнению, тонкой нюансировке всех обстоятельств эпидемии, что формирует определенный способ видения этого явления, при котором оно определяется

историческими эксклюзивами, уникальными социальными реакциями на натиск болезни, своеобразием места ее распространения и его локальных традиций.

В «Истории» Фукидида таким образом оформляется модель определения эпидемического опыта через прояснение уникальности запутанного узора обстоятельств, обусловивших распространение исключительно тяжелой болезни и порождаемых при давлении эпидемии. Тогда как в наследии Гиппократов и его последователей постижение скрытой природы массовых заболеваний предполагало определение общих причин, вызывающих таковые. Данные модели выступят образцовыми и для понимания реальности исторически более поздних эпидемий.

Литература

1. *Гиппократ*. Эпидемии, книги I и III // Гиппократ. Избранные книги. Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. С. 329–392.
2. *Фукидид*. История. Ленинград: Издательство «Наука», 1981. 544 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-СЕТИ И ФОРМЫ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В.А. Куприянов

Кандидат философских наук

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

В статье рассматриваются формы проявления властных отношений, которые возникают в связи с применением социальных академических интернет-сетей. Автор на основе социологии М. Вебера предлагает широкое понимание власти как способности влиять на поведение некой группы людей. Выделяются три характеристики современных социальных академических интернет-сетей, связанных с их экономическими, технологическими и идеологическими аспектами. Указывается, что устройство социальных сетей позволяет их владельцам и менеджерам занимать по отношению к пользователям сетей позицию, которую в традиционной научной коммуникации имеют редакции журналов, что дает им властный статус. Показано, что технологически социальные сети строятся на наукометрии, которая функционирует на основе определенных алгоритмов. Система рейтингов позволяет сети как обезличенной машине играть роль властной инстанции по отношению к своим пользователям. Также обращено внимание и на идеологические аспекты работы социальных сетей, которые также выполняют властную роль, определяя поведение пользователей.

Ключевые слова: открытая наука, социальные сети, власть, рейтинги, открытые платформы

SOCIAL ACADEMIC NETWORKING WEBSITES AND FORMS OF POWER UNDER THE CONDITIONS OF THE DIGITALIZATION

V.A. Kupriyanov

CSc in Philosophy

*Saint-Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute
for the history of science and technology of the RAS*

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

The article deals with the forms of manifestation of power relations arising in connection with the use of the social academic networking sites. Based on the sociology of M. Weber, the author offers a broad understanding of power as the ability to influence the behavior of a certain group of people. There are three characteristics of the modern social academic networking sites in relation to their economic, technological and ideological aspects. The author points out that the social networks allows owners and managers to take a position in relation to

network users, which in traditional scientific communication have editorial offices of journals, which gives them an authoritative status. It is shown that technologically social networking sites are built on scientometrics operating on the basis of certain algorithms. The rating system allows the network, as an impersonal machine, to play the role of an authority in relation to its users. Attention is also drawn to the ideological aspects of the work of social networks, which also play an authoritative role determining the behavior of users.

Keywords: open science, social academic networking sites, power, ratings, open platforms

Одной из важнейших технологий, определившей облик современного общества, являются социальные сети. Экспансия социальных сетей наблюдается во всех сферах жизни современного общества. Наука как социальный институт не осталась в стороне от этого процесса. С начала 2000-х гг. специально для целей научной коммуникации создаются академические социальные интернет-сети, в качестве примеров которых можно упомянуть такие популярные ресурсы как «Academia.edu» и «Research.gate». Сегодня социальные академические интернет-сети охватывают миллионы частных и корпоративных пользователей по всему миру и при условии развития глобализационных процессов перспективы их дальнейшей экспансии не вызывают сомнений. В этом контексте необходимо признать, что развитие социальных академических интернет-сетей (как и развитие любой новой технологии) вызывает такие изменения, которые с необходимостью заставляют по-новому ставить вопросы, связанные с их социальной ролью. Социальные сети, как репрезентанты современных цифровых технологий, оказывают заметное влияние буквально на все социальные феномены, включая и фундаментальные стороны общественной жизни. Цель данной статьи – обозначить комплекс проблем, которые связаны с трансформацией власти как одного из таких фундаментальных социальных феноменов в контексте влияния на современные общественные отношения социальных академических интернет-сетей. С точки зрения социологии, социальной группой, внутри которой можно наблюдать данные изменения, является научное сообщество. Наши выводы опираются на результаты эмпирического исследования среди российских пользователей академических-социальных сетей, проведенного в 2018–2019 гг. на базе Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН [1].

Социальные академические интернет-сети устроены также, как и все социальные сети, в качестве примеров которых можно привести «Фейсбук» и «ВКонтакте». Они представляют собой открытые платформы, интернет-сайты, которые предоставляют своим пользователям-ученым возможность свободно выкладывать любую информацию. Среди характеристик этих платформ можно выделить, с одной стороны, такие, которые представляют преимущественно их идеологическое оформление, а с другой – те, которые обусловлены особенностями их экономического и технологического устройства. Причем очевидно, что обе стороны предстают в данном случае неразрывно связанными друг с другом, т.е. идеология социальных сетей определяет технологию и их экономическое использование, а это предполагает и свойственное только им идеологическое оформление. *С идеологической точки зрения*, важнейшими характеристиками этих сайтов является концепция открытости, требующая свободы коммуникации, то есть возможности беспрепятственного пользования размещенной на этих сайтах информацией. Данные особенности позволяют говорить о социальных сетях как об институтах *открытой науки* ([2]; [3]), понимаемой в качестве общественного движения, главной целью которого постулируется идея беспрепятственного распространения научной информации, путем снятия финансовых и административных барьеров для обмена научными данными.

С экономической точки зрения, социальные сети следует понимать в качестве платформ (интернет-сайтов), предоставляющих своим пользователям набор услуг, связанных с распространением некой информации в соответствии с их нуждами [3]. Соответственно, у социальных сетей, как и у любого другого предприятия, есть собственники, управляющие-менеджеры и пользователи, выступающие потребителями предоставляемых услуг. Таким образом, свободный обмен информацией опосредуется в социальных сетях также и комплексом экономических интересов всех, кто так или иначе к ним причастен. Данный факт существенным образом влияет на понимание свободы доступа к информации и ставит вопрос о характерных особенностях идеологии открытости, которая положена в основу современных социальных сетей. Однако возможность свободы обмена информацией связана не только с экономическими интересами их участников и собственников, но также опосредуется и *техническими возможностями* самих сетей, т.е. их устройством именно как технологии. Таким образом, совокупность технических факторов (технологическое устройство самой социальной сети), с одной стороны, и интересов собственников и пользователей сетей, с другой, обеспечивает то, каким образом социальные сети функционируют

в реальном обществе, т.е. каким образом они влияют на офлайн-поведение всех, кто к ним причастен. В итоге в данном случае можно говорить о взаимодействии технических, экономических и идеологических аспектов социальных-академических интернет-сетей. Именно от совокупности этих факторов зависит то, каким образом социальные сети оказывают влияние на реальный социум, т.е. онлайн и офлайн поведение их пользователей.

В данном контексте, говоря о фундаментальных социальных феноменах, мы предполагаем сфокусироваться на феномене властных отношений в обществе. Учитывая многообразие философских концепций власти и говоря о власти как об универсальном социальном феномене, для нас имеет смысл опираться на ее наиболее широкое понимание. Власть понимается нами как отношения зависимости между индивидами, когда агент А может оказывать влияние на поведение агента Б, задавать для него некие нормы поведения в той или иной ситуации. Для прояснения нашего понимания феномена власти можно сослаться на известное определение М. Вебера: «Власть – это любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась» [4, с. 109]. В данном широком понимании властных отношений главное заключается именно в способности определенной группы людей повиноваться чужой воле, что может достигаться разными средствами и опираться на разные основания. Сам Вебер выделял, как известно, в качестве особого типа власти господство и развил широко принятую концепцию типов легитимного господства [4, с. 252–292]. Тем не менее очевидно, что если считать власть в указанном нами смысле одним из базовых социальных феноменов, то она является универсальной характеристикой общественных отношений и пронизывает их (см. также: [5]), проявляясь в разных формах и с разной степенью интенсивности (т.е. сила властных связей может варьироваться в зависимости от тех или иных обстоятельств). В этом отношении в фокусе нашего внимания оказываются *специфические формы* власти как влияния воли одного субъекта общественных отношений на другого в том виде, как они проявляют себя при использовании ими социальных интернет-сетей. То есть мы рассматриваем проявление власти в той форме, как она опосредуется этой специфической цифровой технологией. Исходя из данного общего понимания проблемы можно выявить конкретные формы проявления власти, опосредованные социальными академическими интернет-сетями.

Во-первых, с экономической точки зрения, в случае социальных сетей власть проявляет себя как обычный институт рыночной экономики. Современная глобальная наука представляет собой открытый рынок (который, однако, может иметь разную степень развитости в зависимости от региона) (см.: [6], [7]), в котором в свободном обращении находятся не только рабочие места и финансирование, но также и символический капитал, ценность которого во многом основывается на коммуникации. С последней связан, прежде всего, рынок научных публикаций. Очевидно, что именно в этой области специализированные академические интернет-сети оказываются наиболее востребованными, занимая нишу, в которой активны традиционные средства научной коммуникации в виде журналов. В данном случае можно видеть, что социальные академические интернет-сети стремятся заместить или дополнить собой традиционные журналы, заимствуя и в определенном направлении трансформируя сложившуюся вокруг научных публикаций систему властных отношений, определяющуюся отношениями между автором, редактором, рецензентом и читателем. Зачастую редакторы и рецензенты журналов рассматриваются в качестве привратников (*gatekeepers*), которые отвечают за верификацию качества публикации, что в зависимости от репутации журнала, может наделять ее некой ценностью, от которой зависят финансирование и карьерный успех. Тем самым редакции журналов приобретают статус властной инстанции по отношению к авторам. Каким образом этот механизм работает в случае публикации на открытых платформах? Казалось бы, идеология открытости должна предотвращать значимое влияние редакций. Однако, на наш взгляд, в данном случае можно говорить лишь о перераспределении власти пользу владельцев и менеджеров социальных сетей, которые в случаях, когда социальные сети полностью замещают собой традиционные средства научной коммуникации, выполняют функции привратников и тем самым, контролируя публикационный процесс, наделяются властью по отношению к своим пользователям. Развитие социальных сетей показывает, что любую функцию, которую они предлагают своим пользователям, можно монетизировать и превратить тем самым в инструмент получения прибыли (см.: платные функции в «Academia.edu»). Возможность владельцев и менеджеров сетей по своему усмотрению управлять пользовательскими настройками позволяет им непосредственно влиять на поведение своих клиентов. А в случае роста значимости сетей как средства научной коммуникации дает им и гипотетическую возможность определять профессиональные судьбы своих пользователей-ученых.

Во-вторых, с технологической точки зрения, социальные академические интернет-сети функционируют по своим особым правилам, которые также заставляют их пользователей менять свое

онлайн и в некоторых случаях и оффлайн поведение. В этой связи в литературе справедливо указывается, что социальные интернет-сети функционируют подобно финансовым рынкам [8]. Главным критерием, определяющим репутационный вес публикации, размещенной в социальной сети, является система количественных показателей, на основе которых подсчитывается рейтинг статьи и затем и рейтинг автора. Это может быть количество упоминаний, пересылок, рекомендаций, отзывов, словом, всех интеракций, в которые определен набор данных вступает, когда он находится в сети. Любой рейтинг исключительно в силу своей внутренней сущности задает некую норму поведения, то есть дает ориентир для поведения и тем самым сам по себе выступает в качестве властной инстанции. В случае социальных сетей рейтинги функционируют сами по себе на основе заложенных в них алгоритмах. В результате безличная машина, функционирующая на основе своей собственной логики, выступает в роли руководящей поведением пользователей инстанции. Эмпирические исследования подтверждают, что именно числовые показатели и рейтинги являются одной из наиболее привлекательных для пользователей сторон социальных интернет-сетей [1].

В-третьих, нельзя игнорировать и идеологический аспект, заложенный в социальные сети. Сама по себе идеология открытости, беспрепятственного обмена информацией и свободного ничем не опосредованного рынка знаний может выступать в качестве притягательного идеала, задающего поведение пользователей сетей. Хотя верно будет сказать, что идеология в данном случае оказывается второстепенной.

Таким образом, можно сделать вывод, что власть как способность влияния на поведение предстает в социальных сетях в как минимум трех формах. Первая касается статуса владельцев и менеджеров сетей, с чем связаны и их экономические интересы. Вторая обусловлена самой технологией функционирования сетей и именно машинный алгоритм выступает в данном случае значимой инстанцией, влияющей на поведение пользователей. И, наконец, третья форма касается комплекса идеологических аспектов, которые сопровождают экспансию академических социальных сетей.

Литература

1. Душина С.А., Куприянов В.А., Хватова Т.Ю. Ученые в сетях открытой науки. СПб.: Политехника-сервис, 2019. 200 с.
2. Душина С.А., Куприянов В.А., Хватова Т.Ю. Социальные академические интернет-сети как репрезентация «открытой науки» // Социология науки и технологий. 2018. №3. С. 80–98.
3. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
4. Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Т. 1. Социология. М.: Изд-во ВШЭ, 2016. 445 с.
5. Алексеева Т.А. Власть // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 418–419.
6. Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009 г. 384 p.
7. Münch R. Academic Capitalism: universities in the global struggle for excellence. New York: Routledge, 2013. 314 p.
8. Delfanti A. The financial market of ideas: A theory of academic social media // Social studies of science. 2021. Vol. 51. Issue 2. P. 259–276.

COMPUTER SCIENCE КАК ЛАБОРАТОРИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ «КОЛЛЕКТИВНОЙ НАУКИ»

А.С. Милославов

*Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: miloslavov-as@mail.ru*

Феномен «коллективной науки» представляет собой несомненный вызов для специалистов, занятых исследованием научных практик. В представленной работе осуществляется соотнесение современной научной ситуации с познавательными традициями прошлого и демонстрируются перспективы обращения к опыту computer science как сфере современной интеллектуальной практики, имеющей общие черты

с «коллективной наукой». На примере «проблемы византийских генералов» показано, что результаты, полученные в IT-сфере, могут выступать в качестве отправных моделей для философского-методологического анализа внутри-научных взаимодействий.

Ключевые слова: коллективная наука, «пранаука», коммуникация, computer science, многоагентная система, «проблема византийских генералов»

COMPUTER SCIENCE AS A LABORATORY FOR THE STUDY OF THE OF "COLLECTIVE SCIENCE"

A.S. Miloslavov

CSc in Philosophy, Associate Professor

Saint-Petersburg State University

E-mail: miloslavov-as@mail.ru

The phenomenon of "collective science" is an undeniable challenge for professionals involved in the study of scientific practices. The presented work correlates the modern scientific situation with the cognitive traditions of the past and demonstrates the prospects for turning to the experience of computer science as a field of modern intellectual practice that has common features with "collective science". Using the example of the "problem of Byzantine generals", it is shown that the results obtained in the IT field can serve as starting models for the philosophical and methodological analysis of intra-scientific interactions.

Keywords: Collective Science, "ancient science", communication, computer science, multi-agent systems, "the problem of Byzantine generals"

В последние годы все больше ученых и философов обращают своё внимание на проблемы, связанные с исследовательскими практиками больших научных коллективов и научных сообществ: проблематизируется классическое понятие «субъекта» [1] и [2], обсуждаются проблемы авторства и организации научных публикаций [1], предпринимаются попытки выявить закономерности научных коммуникаций и прояснить критерии их эффективности [3].

Однако, значительная часть текстов, посвященных анализу разнообразных аспектов феномена «Коллективной науки» [4], опирается на традицию рефлексии над интеллектуальными практиками, которые реализовывались в период классической науки [5]. Другим источником являются события, развернувшиеся в науке в первой половине XX в. Отсюда проистекают попытки привлечь к осмыслению современной научной ситуации такие понятия как «трансцендентальный субъект» (И. Кант), «научное сообщество» (Т. Кун), «этос науки» (Р. Мертон) и т.д.

Заметим, однако, что новоевропейская наука сформировалась в значительной мере, под влиянием традиций античной рациональности, которая характеризуется стремлением к теоретическому выражению знания. Это означает, во-первых, сведение исходных принципов к некоторому минимальному базису (аксиомы, постулаты, фундаментальные законы и т.п.). А, во-вторых, теоретический характер знания, в идеале, предполагает разработанную систему процедур приобретения, обоснования, или, в некоторых случаях, интерпретации результатов познавательной деятельности. Отсюда проистекают многочисленные попытки разработать метод познания и представить в явном виде набор правил и приемов, с помощью которых ученому следует осуществлять интеллектуальную деятельность.

Известно, что указанная выше традиция осуществления интеллектуальных практик не является единственной из реализованных в истории. В письменных источниках, относящихся к периоду, так называемой, «пранауки», - Древний Египет и государства Междуречья, - мы не встречаем свидетельств о наличии теоретического знания в указанном выше смысле. Данное обстоятельство нередко трактуется как свидетельство «неразвитости» опыта научного познания в древних культурах. При этом факты того, что «интеллектуалы» первых цивилизаций умели решать многочисленные, важные для них задачи обычно излагаются на других страницах. Каков рацион войска на марше? Сколько нужно кирпичей для постройки платформы заданных размеров? Как поставить на пьедестал большую статую? Эти вопросы характеризуют компетенции древнеегипетских писцов [6]. При этом от человека, занимающегося интеллектуальным трудом, не требовалось знать фундаментальные законы природы.

Обратим внимание на еще одну характеристику «пранауки», отмечаемую специалистами – отсутствие понятия «авторства». У нас нет возможности соотнести результаты, полученные жрецами

и чиновниками древнего мира, с именами каких-либо реальных исторических персонажей. При этом интересным оказывается тот факт, что в нашем распоряжении есть документы, свидетельствующие о конкурентной борьбе на интеллектуальных площадках той эпохи. Научный результат не соотносился с лицом его получившим, но овладение этим результатом свидетельствовало об уровне профессионализма [6].

Приставка «пра-» перед звонким словом «наука» вызывает ассоциации с чем-то преодоленным, ушедшим в далекое прошлое. Но так ли это? Нельзя ли обнаружить в современных научно-технических практиках черты, сходные интеллектуальной жизнью давно ушедших времен? Обратим внимание на ту сферу деятельности, которая связана с разработкой и применением современных информационных технологий.

В IT-сфере мы увидим ориентированный в значительной мере на практику характер исследований и образовательных программ при нередко встречающемся равнодушии представителей этой области к фундаментальным результатам. Можно вслед за Ст. Шапиро утверждать, что computer science базируются на двух важнейших теоретических результатах: тезисе Черча-Тьюринга и теореме Бома-Якопини [7]. Но автор этих строк встречал в своей жизни достаточно успешных сотрудников IT-отрасли, которые «кажется, что-то слышали о тезисе» и ничего не знали о «структурной теореме».

Кроме того, современные IT-специалисты нередко проявляют различные формы равнодушия к принципу «авторства»: от незаконной деятельности хакеров до благородного опыта создания программных продуктов с открытым кодом с целью их дальнейшего совершенствования представителями программистского сообщества.

Конечно, представители науки, работающие в сфере computer science, публикуют авторские статьи и монографии, учреждают премии, отмечая заслуги отдельных ученых, но эта деятельность осуществляется, как результат следования академической традиции, порывать с которой многие специалисты по разным причинам не хотят. Но вопрос «что ты умеешь делать?», гораздо более важен для работы в IT-отрасли, чем вопросы «сколько у тебя публикаций?» или «какой у тебя индекс цитируемости?».

Менеджеры, отвечающие за реализацию проектов, программисты, тестировщики, занятые выявлением ошибок, дизайнеры создают совокупными усилиями программное обеспечение, в котором находят своё воплощение знания человека, относящиеся к разнообразным практикам – от управления ядерным реактором до игры в футбол. При этом квалифицированная работа специалиста важна на каждом этапе реализации проекта, хотя о предполагаемом конечном результате работы её отдельный участник может иметь лишь самое общее представление. Таким образом, мы имеем дело с достаточно развитой традицией социальных взаимодействий, сходной по внешним признакам с тем, что имеет место быть в ситуациях «коллективной науки».

Если определять науку как деятельность, направленную на получение знаний, то представляется разумным рассматривать совместную работу создателей программного обеспечения, и как деятельность «научную». Причастность к науке здесь выражается не только в том, что специалисты используют знания из некоторых областей, например, из математики в процессе написания компьютерных программ. Компьютерную программу можно рассматривать как способ представления знаний о той области, в которой машина будет работать. Эти знания в случае выбора соответствующих языков программирования могут быть выражены в виде декларативных предложений, в других случаях – в виде описания процедур, которые необходимо выполнить над набором символов для получения желаемого результата. При этом к способам описания предъявляются достаточно жесткие требования относительно корректности, невыполнение которых приведет к сбоям в работе устройств. Ошибки при разработке software, конечно, случаются. Но разве история науки не знает ошибочных концепций? Нередко декларируемый тезис о принципиальной ошибочности современного сложного программного обеспечения вполне коррелирует с почтенной концепцией фаллибилизма.

Обратим внимание также и на то, что в computer science были получены результаты, которые могут представлять интерес для философа, занимающегося проблемами «Коллективной науки». К этим результатам можно отнести решение Л. Лэмпорт и его коллегами «проблемы византийских генералов».

Коллектив специалистов, осуществляющих исследовательскую деятельность, можно рассматривать как многоагентную систему. Отметим, что в качестве элемента такой системы может выступать и техническое устройство. Одной из фундаментальных проблем для распределенных систем является проблема достижения общей надежности системы при наличии некоторых некорректно работающих элементов. Так, например, часть процессоров может осуществлять вычисления с ошибками, однако совокупность вычислительных устройств должна обеспечивать согласованный

результат. Для решения данной проблемы можно рассмотреть простую и интуитивно понятную модель – ситуацию «византийских генералов», которым требуется, на основе обмена информацией, принять решение: «атаковать» или «отступить». Совместная атака приведет к победе. Совместное отступление позволит сохранить армию. Если же военачальники будут действовать рассогласованно, то это приведет к катастрофе. При этом среди генералов могут быть «предатели», т.е. неправильно работающие элементы распределенной системы. В работах [8] и [9] были проанализированы условия, при которых данная проблема является разрешимой, и найден алгоритм достижения консенсуса. Было показано, что алгоритм достигает консенсуса при более чем $3m$ генералов и максимум m предателях. Число m может быть любым. Это означает, что алгоритм может достичь консенсуса пока $2/3$ участников обмена сообщениями выполняют свои действия корректно. Если некорректно работающих элементов («предателей») больше $1/3$, то консенсус не достигается, система не может скоординировать свои действия («атака» или «отступление»). Этот результат в дальнейшем нашел своё применение при разработке систем blockchain. Но он может быть рассмотрен в качестве простой модели для исследования взаимодействий в ситуации «Коллективной науки». Действительно, обмен научной информацией постоянно осуществляется между учеными и коллективами исследователей. Часть сведений поступает от приборов, функционирующих в автоматическом режиме. Люди могут делать ошибки, а приборы могут работать некорректно. В связи с этими обстоятельствами возникает проблема согласования действий и обеспечения надежной работы системы. Решение проблемы «византийских генералов» описывает минимальные условия, при которых положительный результат взаимодействия может быть достигнут.

Во второй половине XIX – начале XX столетий в области математической логики были разработаны формализованные языки, которые явились упрощенным аналогом естественных языков. Как показал ход дальнейших событий результаты, полученные в данном направлении, оказались мощным инструментом для философско-методологического анализа науки. Можно ожидать, что обращение к моделям, применяемым в computer science окажется бесполезным при исследовании части проблем феномена «Коллективной науки». А изучение опыта организации интеллектуальных практик, осуществляемых IT-специалистами, может служить источником для построения механизмов корректного взаимодействия в научном сообществе.

Литература

1. Галисон П. Коллективный автор // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 93–113.
2. Пронских В.С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 88–92.
3. Шиповалова Л.В. Проблемы научной коммуникации в эпоху цифровых технологий. От распределенного познания к распределенной морали // Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2020. Философия. Этика. Практика. СПб.: ООО «Сборка», 2020. С. 102–103.
4. Крушанов А.А. В чем смысл проекта «Философии коллективной науки» // Вопросы философии. 2020. № 20. С. 115–123.
5. Касавин И.Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 46. № 4. С. 5–18.
6. Монтэ П. Египет Рамсесов: повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. М.: Наука, 1989. 376 с.
7. Shapiro St. Computer Science: The Study of Procedures [Электронный ресурс]. URL: (<https://cse.buffalo.edu/~shapiro/Papers/whatiscs.pdf> (дата обращения 08.05.2022)).
8. Lamport L., Shostak R., Pease M. The Byzantine Generals Problem // ACM Transactions on Programming Languages and Systems. 1982. Vol. 4, No. 3. pp. 382-401.
9. Lamport L., Shostak R., Pease M. Reaching Agreement in the Presence of Faults // Journal of the Association for Computing Machinery. 1980. Vol 27, No 2. pp. 228-234.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ В ПОЛИТИКЕ

Л.В. Шиповалова

Профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: ladaship@gmail.com

Историческая наука специфическим образом включается в процессы взаимодействия с обществом. Указывается три направления такого взаимодействия. Первое связано с более или менее выраженным присутствием политической позиции в исторических исследованиях и выступлениях историка как ученого. Второе отсылает к использованию истории в исторической политике, предполагающей формирование общественного сознания на основании содержания исторической памяти. Третье касается вхождения историка в поле политики, не только в качестве эксперта, но в качестве политического деятеля. Утверждается, что во всех этих случаях речь идет о проблеме идентичности – научного исследования, историка как ученого, общественного сознания, формирующего посредством исторической науки. Описываются три возможные конструктивные стратегии формирования таких идентичностей и приводятся примеры.

Ключевые слова: история как наука, историческое сознание, идентичность, политика, рефлексия, вариативность

HISTORY AND HISTORIANS IN POLITICS

L. V. Shipovalova

Professor of Philosophy,

Saint Petersburg University

E-mail: ladaship@gmail.com

Historical science specifically involves in political interactions. The author determines three directions of such interaction. The first refers to the more or less pronounced presence of a political position in historical research and speeches of the historian as a scientist. The second relates to the use of history in historical politics, which presupposes the formation of public consciousness based on the content of historical memory. The third concerns the entry of the historian into the field of politics, not only as an expert, but also as a political figure. The author claims that in all these cases we are talking about the problem of identity – scientific research, the historian as a scientist, public consciousness, forming through historical science. The paper offers three possible constructive strategies for the formation of such identities and demonstrates them.

Keywords: history, historical consciousness, politics, identity, reflection, variation

История как наука находится в сложных отношениях с политикой, понимаемой как борьба за власть в государстве. Можно отметить как минимум три области, в которых эти отношения обнаруживаются, создавая проблематичность как для научности истории, так и для формирования общественного сознания как предмета интереса политической власти. Первая область связана с выражением в исторических научных исследованиях определенной идеологической установки. Проблему и интерес здесь представляет не только и не столько очевидная непосредственная политизация исследований, исходящая из требования представления фактов с точки зрения передового класса или текущей государственной повестки дня, но и рефлексия присутствия таких аргументов в исторической науке. Так, М. Гурный, анализируя участие ученых гуманитариев в «войне духа» в период Первой мировой войны, поддерживающих своими выступлениями и исследованиями национальные позиции воюющих сторон, отмечает различное отношение к этому участию со стороны историков 90-х годов XX в. Так, в отличие от немецких и французских исследователей, подвергших критике политическую ангажированность интеллектуалов начала XX века, их коллеги историки науки из Юго-Восточной и Центрально-Восточной Европы как правило относились к этому иначе, не в последнюю очередь в связи с актуальным контекстом создания независимых государств в этом регионе [1, с. 19].

Вторая область – это использование исторической науки в политических целях для формирования общественного сознания, основанного на определенном содержании исторической памяти. Истоки такого политического использования гуманитарной науки и ее роли в формировании национального, с том числе исторического самосознания можно связать еще с обоснованием значения для государства немецкого классического университета. Однако актуальной проблема становится именно в эпоху, названную марксистским английским ученым и историком науки Дж. Берналом научно-технической революцией (начало XX века), когда становится очевидным существенное и, одновременно, неоднозначное воздействие науки на общество. Причем не только в материальном смысле (что демонстрирует связь научных изобретений и военно-промышленного комплекса), но и в идеологическом. Вторая мировая война еще больше провоцирует идейные противостояния, ее отчасти готовящие и сопровождающие. Ю. Хабермас будучи участником известного спора немецких историков, пишет в 1987 году о публичном использовании исторических наук национальным государством как уже о само собой разумеющемся факте [2]. То есть, несмотря на позднее возникновение термина «историческая политика», предполагающего планируемую работу по формированию исторической памяти общества, его содержание можно возводить еще к организации научной политики с середины XX века.

Третья область – реализация историком одновременно двух ролей: ученого и политика. В истории науки можно обнаружить несколько достаточно ярких случаев, например, Ф. Гизо, П.Н. Миллюков и др. О проблематичности подобного совмещения пишет Ю. Хабермас, обращаясь не к политической, но к экспертной деятельности, которую также может осуществлять ученый и которая представляет собой медиацию между двумя властями – знания и общественного принятия решений [3]. Даже в этом случае разделение труда оказывается конструктивным, хотя и не решающим проблему перевода языков, а также различия целеполаганий. В нашем же случае, такое совмещение представляется практически не реализуемым, а политический активизм и, тем более, непосредственное включение в управление государством, по-видимому, предполагают принесение в жертву незаинтересованности научного поиска.

Во всех трех случаях речь идет о формировании идентичности. В первом – об идентичности исторической научной деятельности, которая предполагает объективность, но не должна впадать в объективизм, являющийся оборотной стороной политической ангажированности. Во втором, об идентичности научного исследования как социального института, который должен сохраняться в своей автономии, что выдвигается в качестве требования самими учеными, однако может быть востребован в формировании национальной идентичности. В третьем – об идентичности историка, играющего две роли – ученого и политика и, возможно, приносящего успех одной роли в жертву другой. При этом можно говорить о возможности двух способов идентификации – назовем их интегративный, предполагающий определение собственного места в контексте целого, и оппозиционный, задающий собственное через противопоставление другому. Проблема идентичности ученого, науки и общественного сознания, формируемого с использованием исторической научной деятельности, возникает тогда, когда интегративный способ идентификации уходит в тень по сравнению с оппозиционным. В науке это означает, что ученый или эпистемолог настаивает на автономии или отдельности его исследовательских практик, но не рефлексировать дополнительно свою неоднозначную роль в общественном взаимодействии. В этом случае мы имеем дело с впадением в крайности объективизма или симметричной ему политической ангажированности. Удержание в связи интегративной идентификации и оппозиционной может быть условием «добродетельной середины». Ниже я предложу три стратегии такого удержания.

Первая относится к задаче преодоления субъективности в собственной идентификации исследователя, в том числе, связанной с определенностью его гражданской позиции, провоцирующей, в конечном итоге, конфликты идентификаций. Эту стратегию можно прояснить через образовательный контекст, на который, в частности указывает М. Вебер, в своей знаменитой лекции о науке как призвании и профессии, прочитанной в 1917 году в Мюнхене. Вебер призывает убеждать аудиторию принять неудобные для ее позиции факты, а самому лектору представлять такие факты относительно своей позиции. Однако это не всегда просто в политизированной аудитории, которая была и в ситуации Вебера. Один актуальный пример описывает отечественный историк А. И. Миллер о грузинском студенте, услышавшем на лекции тезис об истоках грузинской государственности, противоречащий его убеждениям, и переставшим из-за этого посещать курс [4]. Что делать в такой ситуации? Мне видится, что путем к такому преодолению субъективности может быть присутствие в событии исследования и образования именно выраженного вопроса, скажем, относительно истоков идентичности какой-либо общности, который поставит ищущего ответ в позицию готовности к поиску,

то есть к сомнению. Эту стратегию я предлагаю называть «проблематизирующее связывание», посредством которого идентичность науки и обсуждаемого в науке предмета разоотождествляется и возникает возможность интеграции их в отношении с другим, а не только установления оппозиции.

Вторая стратегия демонстрирует движение от крайности научного объективизма, который можно проинтерпретировать как партикулярность и неполноту, состоящую в отделении науки от общества. Назову соответствующую стратегию «рефлексивное связывание», предполагающую выражение в самом историческом исследовании его связи с политическими интересами и возможность его определенного влияния на общественное сознание. В качестве примера упомяну одну статью К. Гинзбурга [5], в которой он как историк рассуждает о несовместимости стилей, отталкиваясь при этом от искусства и науки. Однако далее такая, казалось бы, политически нейтральная тема соотносится автором с высказываниями идеологов национал-социализма о несовместимости немецкой и еврейской национальных культур. Так, историческое исследование, сохраняя свою научную строгость, внимание к деталям и обоснованность выводов, предстает в своей связи с политической задачей формирования национальной идентичности, показывает, как опасности соответствующих процессов, так и исследовательские акценты позволяющие их избегать.

Третья стратегия ориентирована на преодоление крайности политической ангажированности, а именно распространение однозначности политического дискурса на связанный с ним научный. Эту стратегию можно назвать «варьирующее связывание». В чем она состоит? Во-первых, речь может идти об обнаружении вариативных историографий одного и того же события, на первый взгляд оппозиционных друг у другу и идентифицирующихся через противника. Скажем, можно продемонстрировать два подхода в истории науки – один настаивает на том, что научная революция XVII века начинается как разрыв с прошлым. Второй – что первой стадией научной революции следует считать Возрождение. Историк науки может остановиться на одном из подходов, обосновывая им свой образ события революции. Исторический эпистемолог может сделать второй шаг – связывать вариации: обнаруживать то, что обе историографии обращаются к одним и тем же «героям» для подтверждения своих идей; обосновывать необходимость для полного образа научной революции двух историографий; показывать значение совместимости образов для современного существования науки, а также связь таких образов относительно как научной, так и социально-политической революции. Можно усомниться в том, что такого рода совмещение противостоящего может способствовать идентификации, кроме того, историко-научное исследование вряд ли может быть основанием для политических аргументов. Отмечу, что примеры такого рода связывания можно обнаружить и в самой исторической науке, а регулятивный характер идеи не отменяет ее значения.

В докладе будут приведены дополнительные примеры как успехов, так и провалов реализации стратегий проблематизирующего, рефлексивного, и варьирующего связывания в историческом исследовании в поле политики. Важно, что данные стратегии позволяют выстраивать идентичность, как научного исторического исследования, так и самого ученого, не столько противопоставляя ее идентичности другого, сколько обнаруживая ее связь с различными научными подходами и политическими интересами.

Литература

1. *Гурный М.* Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912-1923. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 414 с.
2. *Хабермас Ю.* Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ // Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 114-137
3. *Хабермас Ю.* Онаученная политика и общественное мнение // Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М.: Праксис, 2007. С. 136-166.
4. *Миллер А.И.* «Историческая политика» в Восточной Европе. Плоды вовлеченного наблюдения. Электронный ресурс. URL: <https://polit.ru/article/2008/05/07/miller/> (дата доступа 15.05.2022).
5. *Ginsburg C.* Style as Inclusion, Style as Exclusion // *Picturing Science, Producing Art*/Ed. by C.A. Jones, P. Galison. N. Y.; L.: Routledge, 1998. P. 27-54.

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ В РАЗНЫХ МОДЕЛЯХ ЭПИСТЕМОКРАТИИ

С.А. Хмелевская

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов
философского факультета*

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

E-mail: xmelevsk@mail.ru

В работе обосновывается подход к эпистемократии как утопическому проекту. Это следует из того, что, во-первых, сложно сформулировать единое определение, что такое эпистемократия; во-вторых, разработчики концепции эпистемократии не раскрывают, каковы механизмы формирования такой власти, как она сочетается с демократическими началами; в-третьих, непонятно, как измерить объем, которым должны обладать наиболее компетентные, с тем, чтобы делегировать им властные полномочия; в-четвертых, остается непроясненным вопрос, о каких знаниях идет речь. В статье предпринята попытка представить вариативные модели эпистемократии, рассмотрев в каждой из них роль научного знания. Вместе с тем эпистемократия вовсе не предполагает, что при распределении властных полномочий речь должна идти именно о научных знаниях.

Ключевые слова: с эпистемократия, знания, научное знание, эпистемические добродетели, алетическое право, компетентность

SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN DIFFERENT MODELS OF EPISTEMOCRACY

S.A. Khmelevskaya

DSc in Philosophy, Professor at the Department of Philosophy of Natural Science

Lomonosov Moscow State University

E-mail: xmelevsk@mail.ru

The article substantiates the approach to epistocracy as a utopian project. This follows from the fact that, firstly, it is difficult to formulate a single definition of what epistocracy is; secondly, the developers of the concept of epistocracy do not disclose what the mechanisms of formation of such power are, how it is combined with democratic principles; thirdly, it is unclear how to measure the volume that the most competent, with in order to delegate authority to them; fourthly, the question of what kind of knowledge we are talking about remains unclear. The article attempts to present variable models of epistocracy, considering the role of scientific knowledge in each of them. At the same time, epistocracy does not at all assume that in the distribution of power, it should be about scientific knowledge.

Keywords: epistocracy, knowledge, scientific knowledge, epistemic virtues, aletic law, competence

Что такое эпистемократия?

Несмотря на то, что проекты эпистемократии имели место еще в античной философии (как, например, в идеальном государстве Платона), Новое время (в частности, в «Новой Атлантиде» Ф.Бэкона), сам термин «эпистемократия» трудно считать устоявшимся (причем в некоторых источниках употребляется понятие «эпистократия» [1]). В литературе сформулированы разные его определения. Так, некоторые авторы исходят из того, что это власть, обладающих информацией (Мендес М. [1]); другие - утверждают об особой компетентности тех, в чьих руках находится власть (Фюрштайн М. [2]); третьи - обосновывают тезис о специфических условиях получения истинного знания и управления на основе этих знаний (Альстром-Вий К. [3]); четвертые - называют ее формой экспертного правления (в этом случае эпистемократия заменяется экспертократией). Свой подход к эпистемократии представил Н.Талеб, отмечая, что «этим обществом управляют, опираясь на понимание силы невежества, а не знания» [4, с. 317].

Хотя М.Фуко не использовал термин «эпистемократия», но в ряде своих работ он писал об истине, используемой властью предрешающими. Так, в «Политической функции интеллектуала» (1976) он отмечал, что «каждое общество имеет свой режим истины, свою "общую политику" истины, то есть типы рассуждений, которые оно принимает и использует в качестве истинных; механизмы и органы,

позволяющие отличать истинные высказывания от ложных; способ, каким те и другие подтверждаются; технологии и процедуры, считающиеся действительными для получения истины; статус тех, кому поручено говорить то, что функционирует в качестве истинного» [5, с. 208]. В связи с этим можно утверждать, что и при эпистемократии устанавливается особый режим истины.

Анализируя приведенные ранее определения эпистемократии, следует отметить, что в них акцентируется внимание на разных ее аспектах. Это власть тех, кто:

- обладает информацией /истинными знаниями;
- наделен эпистемическими добродетелями;
- помещен в особые условия, дающие возможность получать истинное знание и управлять на его основе.

Попыткой представить широкое определение эпистемократии, следует считать определение, сформулированное Дж.Бреннаном, одним из разработчиков концепции эпистемократии: «система называется эпистократической в той мере, в какой она формально распределяет политическую власть на основе знаний или политической компетентности» [6, с. 55].

Однако если акцентировать внимание на понятии «эпистема», то эпистемократия - это власть людей, обладающих надежными и обоснованными знаниями. Вместе с тем и предыдущее, и это определения весьма абстрактные и требуют уточнений: как сформирована данная власть, на основе каких механизмов; какого рода знаниями обладают власть предержащие; можно ли утверждать, что это, действительно, знания; насколько открыт доступ к знаниям для не принадлежащих к властной элите и пр.

Модели эпистемократии

Эпистемократия не предполагает единой модели при ее реализации, так как в этих моделях по-разному рассматриваются субъекты эпистемократии и роль научных знаний.

Модель 1: правят те, кто обладает большим объемом знаний и необходимыми компетенциями (если исходить из того, что распределение политической власти происходит на основе обладания знаниями и соответствующими компетенциями, то власть предержащие ими обладают в большей степени, чем прочие члены общества, компетентность остальных граждан здесь не важна). Казалось бы, при таком подходе политическая власть должна принадлежать ученым, однако оказывается, что это вовсе необязательно. Хотя эпистемократия строится на знаниях, но, во-первых, не уточняется, что это за знания (научные знания, религиозные знания или какие-то еще.); во-вторых, понятие истинного знания здесь может толковаться в совершенно ином смысле, нежели оно трактуется в науке. Вероятно, как вариант этой модели может быть и такой, когда именно ученые наделены большей полнотой политической власти.

Модель 2: правят с помощью компетентных экспертов (эпистемократия на основе экспертократии). В качестве экспертов здесь опять же могут быть ученые, а под знанием подразумеваться научное знание. Однако возникает вопрос, насколько эксперты участвуют во всех решениях, принимаемых властью предержащими. Они могут, например, только предлагать средства для реализации целей, хотя сами цели формулируются властью элитой.

Модель 3: все общество компетентно («умная толпа» [7]). Вероятно, такой подход заложен в понимание общества знания, построение которого было объявлено ЮНЕСКО как общемировой тренд [8]. Кроме того, в демократическом обществе власть распространяется и на избирателей. Отсюда, фактически все общество должно обладать необходимыми компетенциями. Но опять же остаются открытыми вопросы, что это за компетентность, какими знаниями обладает «умная толпа» и как они соотносятся с научными знаниями.

Понятие «компетентность» в эпистемократии

Опять же это понятие по-разному раскрывается авторами. Например, по Дж.Бреннану, это наличие эпистемических добродетелей (эпистемическая дееспособность), обладание необходимым объемом достоверных знаний (наличие надежной эпистемической диспозиции) [6]. Эпистемические добродетели здесь - развитые познавательные способности (память, восприятие, интуиция), но нужны еще добродетели характера (добросовестность, непредубежденность), умение создать благоприятные условия получения знаний. В узкой трактовке компетентность - свойство власти предержащих, в широкой - достояние всех граждан.

Проблема «плохого» избирателя

Наличие эпистемических компетенций особо значимо на выборах, поскольку эпистемократию разработчики этой концепции пытаются сочетать с демократией. Хотя в представленных ранее первой и второй моделях эпистемократии, да, собственно и в третьей, это вовсе необязательно.

Гражданин С может голосовать тогда и только тогда, когда С (i) достаточно морально дееспособен и (ii) достаточно эпистемически дееспособен. В избирательном процессе применяются стандартные критерии компетентности (как они используются, например, в медицинской этике: пациенты должны быть осведомлены о соответствующих фактах; они должны понимать соответствующие факты; пациенты должны понимать актуальность этих фактов для их собственного конкретного случая; пациенты должны уметь рассуждать об этих фактах надлежащим образом).

Дж.Бреннан предлагает разделить электорат на компетентный и некомпетентный [9]. В связи с этим он даже предлагает назначить экзамен (квалификационный экзамен избирателя) для электората с тем, чтобы отделить компетентный от некомпетентного (ограниченный электорат). Некомпетентный электорат может сформулировать свои чаяния, но не может правильно установить средства для их удовлетворения. Политики обслуживают невежественный электорат, а это означает высокий риск того, что они будут проводить плохую политику, предпочитаемую электоратом.

Но здесь же возникает некий эпистемический парадокс. Отсекая часть электората, власть предрасположенная не будут знать о его чаяниях, что может привести к плачевным политическим последствиям.

Право на истину (алетическое право)

Это право должно иметь особое значение в эпистемократии. Граждане государства, политическим устройством которого является эпистемократия, должны обладать правом получать надежное и проверенное знание. Причем такое право рассматривается как естественное право человека, так как у него наличествует потребность в получении истинного знания [10, с. 2]. Но и с реализацией этого права, да и с его формулировкой возникает ряд проблем: вариативность понимания истины, отсюда, о потребности в какой истине идет речь. Непонятно, присуща ли эта потребность всем людям?

Выводы:

1. Тема эпистемократии все чаще стала подниматься в работах по социальной эпистемологии, что связано, в том числе с общемировым трендом перехода к обществу знаний. Знания становятся одной из высших ценностей. Но сразу возникает сложность с атрибуцией, что такое знание: либо знание - это информация, и тогда эпистемократия - разновидность информационного общества, тема, в общем-то достаточно разработанная; либо знание - это особая эпистемологическая ценность (надежное, обоснованное знание, сродни научному знанию), но тогда нужны строгие дефиниции, а их нет, как и нет и критериев такого знания.

2. Опасность здесь в том, что политический режим вписывает в свою модель и модель получения знаний, что чревато негативными последствиями (наука становится сервисной наукой [11], а выражение «знание - сила» обретает смысл в том аспекте, что обладающие знаниями имеют преимуществами, которых нет у других. Такая трактовка в духе Стива Фуллера [12, с. 12]).

3. Большинство разработчиков концепции эпистемократии исходят из того, что общество не представляет собой «умную толпу». Отсюда и проблема рационального невежества (часть электората предпочитают оставаться невежественными, плохо информированными, потому что быть информированным слишком дорого и требует много времени, учитывая то незначительное влияние, которое может иметь их голос). При этом эпистемический проект по дифференциации электората на основе компетентностного подхода - утопичен. Что предлагается на экзамене электората? Проверка знаний. Но это еще ничего не говорит о том, как будет голосовать электорат (цепочка намного сложнее: знания-убеждения-действия).

4. Речь идет о знаниях, но о каких - рефлексивных или валюативных? Можно ли прийти к единым валюативным ценностям на базе рефлексивных знаний? Что будет, если эпистемические ценности будут идти вразрез с валюативными, иначе говоря, два вида добродетелей - эпистемические и моральные будут противоречить друг другу?

5. Можно было бы согласиться с тем, что эпистемократия - это утопия, если бы к данной теме не возвращались в ракурсе ее современного практического воплощения. Так, в международных

документах обозначен поворот к построению общества знания [8]: но можно ли считать, что это и есть общество, в котором правят те, кто обладает знаниями? Причем согласно этим документам, речь идет не об информации вообще, а именно об информации проверенной и надежной, что, собственно, и мыслится, как правило, под знаниями.

Но даже если предположить, что такое общество будет построено, и в нем производство, накопление и распространение знаний является важнейшей ценностью, то означает ли это, что управлять им будут именно те, кто обладает необходимыми дианоэтическими добродетелями, по Аристотелю? Можно ли утверждать, что в основе механизмов власти при эпистемократии всегда находятся демократические процедуры? Ответ отрицательный, так как и при тоталитарных режимах возможно существование эпистемократии.

Кроме того, в обладании знаниями не только расширение возможностей действия знающего, «но и сокращение возможных действий других» [12, с. 11], а отсюда, знание выступает как позиционное благо.

В нормативных правовых актах многих современных государств закреплено право на информацию, на доступ к ее источникам. Но в мире постправды, симулякров можно ли утверждать, что полученная информация является истинной?

Эпистемократия имеет целый ряд положительных сторон (что, собственно, отражено в концепции общества знания), но в плане практического воплощения остается утопией, в ракурсе теоретического осмысления - требует прояснений основных понятий.

Литература

1. Méndez M.P. An Epistemic Problem for Epistocracy // Social epistemology. 2021. 15 ноября. С. 1-27.
2. Fuerstein M. Epistemic Democracy and the Social Character of Knowledge // Episteme. 2008. № 5 (1). С. 74-93.
3. Ahlstrom-Vij K. The Epistemic Benefits of Democracy: A Critical Assessment // The Routledge Handbook of Social Epistemology. New York, 2019. 115 с.
4. Талёб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2018. С.317. 736 с.
5. Фуко М. Политическая функция интеллектуала / В кн. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 201-210.
6. Brennan J. Does the Demographic Objection to Epistocracy Succeed? // Res Publica, 2018. № 24. С. 53-71.
7. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006. 416 с.
8. Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания» [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf>. (дата обращения 30.04.2022).
9. Brennan J. The Ethics and Rationality of Voting. Princeton University press, 2011. 185 с.
10. D'Agostini F. Alethic Rights. Preliminaries of an Inquiry into the Power of Truth // Social Epistemology. 2021. № 35 (1). С. 1-18.
11. Хмелевская С.А. Сервисная модель науки, или к вопросу об изменении статуса науки в обществе // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17 № 3. С. 389-398.
12. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М., 2018. 384 с.

КОНКУРЕНЦИЯ В НАУКЕ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ)

Ю.В. Буртовая

Аспирантка кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки»

Самарский государственный технический университет

E-mail: julia-08@inbox.ru

Наука всегда была соревновательным занятием. Несмотря на признание преимуществ сотрудничества и коллективной науки, сокращение доступности финансирования и рабочих мест сделало науку более конкурентоспособной, чем когда-либо. В данной статье мы рассматриваем преимущества конкуренции в предоставлении стимулов ученым и неблагоприятные последствия конкуренции. История науки показывает, что трансформирующие открытия часто происходят в отсутствие

конкуренции, которая возникает только после того, как определены задачи и цели.

Ключевые слова: научный капитал, престиж, научное соперничество, конкуренция, Нобелевская премия

COMPETITION IN SCIENCE (INTERNATIONAL ASPECT)

J.V. Burtovaya

PhD student of the Department of Social Sciences and Humanities

Samara State Technical University

E-mail: Julia-08@inbox.ru

Science has always been a competitive pastime. Despite the recognition of the benefits of collaboration and collective science, increasing the availability of funding and workplaces has made science more competitive than ever. In this article, we consider the benefits of competition in providing stimulus to scientists and the dysfunctional consequences of competition. The history of science shows that transformative discoveries often occur in the absence of competition, which occurs only after tasks and goals are defined.

Keywords: scientific capital, prestige, scientific competition, competition, Nobel Prize

Тенденция перемещения отечественных учёных в зарубежные страны не только сохраняется, но и растёт с каждым годом. По данным статистического центра Finanz: «Если оценивать «утечку мозгов» по статистике принимающих стран, то ежегодно Россию покидают 100 тысяч человек, подсчитали в РАНХиГС. Это почти в 7 раз больше официальной цифры от Росстата (15,5 тысячи человек)» [1]. Примечательно, что это внушительное количество людей обладает, как правило, учеными степенями и званиями, что фактически свидетельствует о размерах потерь не только человеческого, но и научного капитала.

Рассматривая данную проблематику, следует, как кажется, отказаться от традиционно присущей этой теме политической ангажированности и анализировать исключительно объективные показатели, среди которых, к примеру, можно выделить уровень коммерциализации научных разработок. В ежегодно публикуемом Национальном докладе об инновациях в России утверждается, что доля участия промышленных производств в кооперации с университетами и научными центрами стремительно падает каждый год. Отечественная продукция, как правило, характеризуется невысоким уровнем конкурентоспособности, даже несмотря на то, что институт патентирования в Российской Федерации значительно изменился за последние 5 лет. На фоне общего положительного тренда, касающегося процедуры патентования в России в ней отмечается низкая активность в международном контексте. Иначе говоря, большинство отечественных патентов не проходят репатентирования в зарубежных комиссиях. В этом смысле отечественным учёным будет крайне проблематично отстаивать свои права на использование зарегистрированных «know how» в случае их использования какой-либо зарубежной компанией в собственных интересах. Понятно, что здесь сказывается и специфическое разделение технологий в патентном праве, что позволяет отечественным учёным регистрировать даже идейные алгоритмы (однако подобного рода технологии не котируются в международном праве). Проблема также и в экспорте технологий, что заставляет учёного из России менять своё местоположение, чтобы интегрироваться в какое-либо иное научное сообщество, которое с большим желанием примет его разработки.

Однако данную проблематику можно рассмотреть и с другой стороны. Речь идёт о международном контексте взаимодействия, который может проявляться как в публикациях на иностранном языке, так и в участии в международных (зарубежных) конференциях. Данный фактор является чрезвычайно важным в развитии отечественной науки и многократно подчёркивался в программных документах развития Российской Федерации. Так, например, в Национальном проекте «Наука» особо отмечается важность формирования целостной системы подготовки и профессионального роста научных и научно-педагогических кадров, обеспечивающей условия для осуществления молодыми учеными научных исследований и разработок, создания научных лабораторий и конкурентоспособных коллективов. О значимости данного направления говорит и изменившаяся тенденция рейтингового поощрения в высших учебных заведениях, где публикации в высших квартилях журналов, входящих в Scopus и WoS, оцениваются гораздо выше, чем уже привычные статьи и монографии со статусом ВАК Российской Федерации.

Общеизвестен факт, что наука всегда отличалась соревновательным характером. Несмотря на акцентирование преимуществ научного сотрудничества и коллективного исследования, сокращение доступности финансирования и рабочих мест сделало науку в ещё большей степени жесткой в плане конкуренции, чем когда-либо. Здесь мы ведём речь о преимуществах конкуренции, заключающихся в предоставлении стимулов ученым, поощрении честности и верифицированности исследований. История науки показывает, что трансформирующие миропонимающие открытия часто происходят в отсутствие конкуренции, которая возникает только после того, как определены задачи и цели исследования.

В спорте, как известно, победитель получает все, тогда как в науке ученые соревнуются, прежде всего, за приоритет, признание того, что именно они первыми делают открытие. «Правило приоритета» дает ученым стимул делиться знаниями о своих открытиях с сообществом, но также предполагает, что отдельные лица и исследовательские группы должны соревноваться друг с другом за право цитирования. Основное достижение в сфере науки – это престиж, который получают учёные на основании своих открытий. Престиж, в свою очередь, может привести к занятости, финансированию, наградам, членству в различных почетных обществах и т.п. Часто некритически воспринимается идея, что конкуренция выгодна любому предприятию, потому что она дает людям стимул к успеху. В своем главном произведении «Социальная теория и социальная структура» Роберт К. Мертон рассматривал конкуренцию в качестве благоприятного фактора, влияющего на научную деятельность. Поскольку этот фактор способствует быстрому распространению научных открытий и мотивирует ученых. В истории имеется множество исторических примеров интенсивного научного соперничества: Ньютон и Лейбниц оспаривали изобретение математического анализа; Ч. Дарвин был в серьёзной степени обеспокоен, когда узнал, что А. Рассел опубликовал идеи, близкие его собственным; Уотсон и Ф. Крик дискутировали с Л. Полингом о структуре ДНК. Количество примеров можно расширить. Таким образом, тезис, что конкуренция интенсифицирует научные исследования, в целом вполне оправдан и подтвержден исторической практикой. Также есть основания предполагать, что научное соперничество может внести изменения в фактор предубеждения – распространенной в сфере науки тенденции отдавать предпочтение именно тем свидетельствам, которые подтверждают или поддерживают ранее существовавшие убеждения. Хотя ученые в целом достаточно неохотно проверяют свои собственные идеи, то их соперники вряд ли проявляют такую же сдержанность. Как видим, конкуренция защищает науку от застоя и догматизма.

Некоторое время назад Маргарет Хеффернан издала книгу под названием «A bigger prize: how we can do better than the competition», в которой привлекается внимание к пагубным последствиям конкуренции во всех сферах жизни общества, в особой степени в деловом мире [2]. В ней, в частности, обсуждается идея что в науке имеет место так называемая «турнирная структура», связанная с резким падением вознаграждений для тех, кто не оказался первым. Впрочем, проблема заключается даже не в этом: получается, что пресловутые «призы» за первенство в науке стали гораздо более интересными, чем сам живой интерес к ней. Не говоря уже о том, что подобные «гонки за призами» обходятся очень дорого в совершенно любых смыслах этого слова, особенно для научных исследований, которые критически зависят от сотрудничества.

Изложенное выше не раз подтверждалось примерами. Наиболее резонансным было увольнение Нобелевского Лауреата Сусуму Тонегавы из Массачусетского технологического института из-за получивших огласку случаев намеренного отказа вузовских кафедр от новых сотрудников – молодых учёных. Сами эти отказы были предоставлены суду одним из пострадавших в формате электронной переписки, в которой прямо говорилось, что основная проблема, препятствующая найму на кафедру адресата письма в том, что его исследовательские интересы слишком схожи с автором письма. Вот один из показательных фрагментов представленных писем: «У меня есть серьезные опасения по поводу того, что Вы сейчас будете в одном здании со мной и выступать в качестве коллеги по факультету. Винаваты не Вы, конечно же, а совпадения в исследованиях и подходах в науке. <...> Мы кратко обсудили возможность сотрудничества. Но это всё сложно реализуемо <...> Дополнительный недостаток в логистике связан с общими ресурсами и оборудованием <...> Я, как директор Института, взял на себя основную роль в обеспечении безопасности и разработке условий содержания, поведения трансгенных грызунов <...> Я боюсь, что размещение Вас в лаборатории будет трудным <...> Мне очень жаль, но я должен сказать вам, что в настоящее время и в данных обстоятельствах мне совсем некомфортно видеть Вас здесь» [3]. Отметим, вскоре после этого молодой претендент занял другую исследовательскую позицию, однако возможность совместной работы двух научных деятелей с общими интересами была упущена. О мотивах поступка директора нам остается только догадываться. Тем не менее, у данного, казалось бы, рутинного эпизода были серьёзные

репутационные издержки. После того, как институциональный комитет вуза обнаружил, что коллега из института «вел себя ненадлежащим образом», ему пришлось уйти с поста директора.

Объективно существующая взаимосвязь между конкуренцией за финансирование и неправомерным научным поведением приобретает в современных условиях все большую значимость. Понятно, с той важной оговоркой, что большинство ученых всё-таки сохраняют научную честность, несмотря на объективно трудные обстоятельства. Приведём факты. Так, например, Эрик Полман, сотрудник Университета Вермонта, отсидевший 12 месяцев в федеральной тюрьме за фальсификацию полученных в исследовании данных, отчасти объяснил собственные действия сложившейся системой, когда именно сумма грантов в основном и определяет самооценку человека. Как выразился сам учёный «я был на беговой дорожке, и уже не смог с неё сойти» [4]. Многие ученые в этой связи отмечают, что доминирующая корпоративная культура «издавай или погибай» в современной науке напрямую способствует процветанию предвзятости, а в ряде случаев просто халтуры в научной литературе. Примечательным в данном контексте является тот факт, что некоторые исследовательские направления в рамках даже одной научной дисциплины являются порой более популярными и участие в них предоставляет учёному большие возможности, чтобы сделать себе имя. Показательным примером в области физики является «теория струн», которая является, как известно, далеко не единственной теоретической концепцией, стремящейся объединить все актуальные физические знания, но почему-то именно она наиболее популярна при номинировании на гранты в США.

Можно вспомнить, что конкуренция также дала неоднозначные результаты, когда Китасато Сибасабуро и Александр Йерсен в 1894 году встретились в Гонконге, озаботившись поисками возбудителя чумы. Хотя Китасато успешно сотрудничал с фон Берингом несколькими годами ранее, он не был настроен на сотрудничество. Имеются сведения, что он даже заплатил местным властям, чтобы они не допускали Йерсена к телам жертв чумы. Страстно желая выиграть эту «битву» за лидерство, японский учёный поспешил опубликовать объявление об открытии чумной бациллы. Однако его описание бациллы по многим параметрам противоречило содержанию последующих публикаций и вызвало стойкие споры о том, могли ли изучаемые им образцы вообще быть инфицированы. О Йерсене же известно, что его отчёт (вышедший, к слову, всего на шесть дней позже, чем работа его бывшего коллеги) останется в памяти человечества навсегда, а возбудитель чумы будет назван в его честь («*Yersinia pestis*»).

В таком случае, как быть с аргументом, что конкуренция снижает фактор предвзятости? Представляется ясным, что не вступившие в конкурентное противостояние друг с другом ученые с меньшей вероятностью будут активно вкладываться в подтверждение собственных теорий, в то время как жесткая конкуренция усиливает фактор предвзятости, побуждая ученых активно защищать свои позиции. Частично данный аспект реальной жизни науки был обстоятельно протестирован Томасом Куном на примере принципа сменяемости научного знания и революций в науке, однако со времени обнародования этих идей (книга Куна вышла в свет в 1962 г. В Чикаго) современные цифровые технологии существенно обновили повестку в этой проблематике, что делает необходимым вновь поставить вопрос о том, как и какое же знание выживает в научной конкуренции. Хотя серьезные трансформирующие научное поле открытия, ведущие к принципиально новым положениям, могут происходить и в отсутствие конкуренции, они впоследствии порождают острую конкуренцию. Широкое признание в научном сообществе мировоззренческой и методологической важности нового открытия может стимулировать конкурирующие усилия по развитию новой теории. Как только цели исследования четко определены, ученые осознают, что их достижение может привести к признанию, и что первый, кто решит научную проблему, получит наибольшее вознаграждение.

Наглядный тому пример – обоснование факта, что наследственность передается по ДНК. Первоначальные предположения о химической природе генов были естественным образом ограничены технологическими возможностями того времени. Ключевые исследования принципа трансформации проводились в лаборатории, заинтересованной в понимании взаимосвязи между различными бактериальными штаммами с целью разработки более эффективных методов лечения и соответствующей вакцины. Таким образом ДНК была связана с наследственностью, однако потребовалось еще несколько лет, чтобы убедить в этом достаточное количество ученых. Именно в этот момент началась гонка, в которой участвовали именитые учёные, но победителями, как известно, вышли Уотсон и Крик, сообщившие о своих открытиях в знаменитой публикации 1953 года. Именно они и разделили Нобелевскую премию 1962 года («за открытия, касающиеся молекулярной структуры нуклеиновых кислот и их значение для передачи информации в живой материи») с Морисом Уилкинсом.

Приведенные выше примеры приводят к заключению, что проблематично однозначным образом утверждать, является ли конкуренция важным стимулом в науке. Понятно, что Нобелевская премия – самая престижная награда в науке, однако немногие её лауреаты имели в виду эту почетную награду, когда делали получившие существенно позже общественное признание открытия. Большинство лауреатов уже получили признание ещё до того, как их пригласили на торжественное событие Нобелевского Комитета. Можно заключить, конкуренция, по всей видимости, работает эффективнее тогда, когда цели исследования четко определены, а его поле технологически подготовлено. Показательным примером в этой связи является проект «Геном человека», в котором конкуренция между командами, получившими государственную и коммерческую поддержку, привела к успеху на годы ранее запланированного срока [5]. Однако конкуренция сама по себе не обязательно ведет к прогрессу и доказательным примером этому обстоятельству могут послужить популярные исследования в области клонирования, на которые некоторые организации выделяли колоссальные деньги.

Литература

1. Finanz.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/utechka-mozgov-iz-rossii-prevysila-10-millionov-chelovek-1028587894>. (Дата обращения: 20.02.2022).
2. *Heffernan M.* A bigger prize: how we can do better than the competition. PublicAffairs. New York, 2014. 416 с.
3. Научный журнал «Science» // MIT Neuroscientist Steps Down Following Hiring Controversy <https://www.sciencemag.org/news/2006/11/mit-neuroscientist-steps-down-following-hiring-controversy> (Дата обращения: 20.02.22)
4. New York Times // An unwelcome discovery // http://www.nytimes.com/2006/10/22/magazine/22sciencefraud.html?pagewanted=all&_r=0. (Дата обращения: 20.02.22)
5. *Shendure J., Mitra R.D., Varma C., Church G.M.* Advanced sequencing technologies: methods and goals // Nature Reviews Genetics. 2004. № 5. P. 335–344.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

**ИДЕЯ ТВОРЕНИЯ МИРА ИЗ НИЧЕГО В ИСТОРИИ НАУКИ, ФИЛОСОФИИ
И ХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛОВИЯ: ЕДИНСТВО НАУЧНОЙ
И РЕЛИГИОЗНОЙ КОСМОЛОГИИ**

Д.В. Воробьев

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: phil30@mail.ru*

Содержание статьи состоит в исследовании научной и религиозных космологий на предмет выявления их общих фундаментальных оснований и закономерностей. Речь идет о таких ключевых положениях, как, например, идея возникновения мира из ничего, о том, что же нам следует понимать под этим ничто, о спонтанном возникновении Вселенной без привлечения Бога-Творца. И, наконец, о наличии самого Творца. Именно эти фундаментальные положения и образуют область нашего исследования. Именно в области этих фундаментальных положений и предполагается искать общие черты, точки соприкосновения научной и религиозной космологий. Особую роль, в плане сближения двух космологий, отводится идее возникновения (сотворения) из ничто.

Ключевые слова: бытие, теология, космология, сотворение из ничто, Вселенная, наука, религия

**THE IDEA OF CREATING THE WORLD OUT OF NOTHING IN THE HISTORY
OF SCIENCE, PHILOSOPHY AND CHRISTIAN THEOLOGY:
THE UNITY OF SCIENTIFIC AND RELIGIOUS COSMOLOGY**

D.V. Vorobev

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
E-mail: phil30@mail.ru*

The content of this article consists in the study of scientific and religious cosmologies to identify their common fundamental foundations and patterns. It's about such fundamental provisions as, for example, an idea of the world emerging from nothing. about an idea of nothing and the idea of spontaneous emergence of Universe without the involvement of God the Creator. And finally, it's about the existence of a Creator. These fundamental ideas form the area of our research in which we try to find common features of scientific cosmology and religious cosmology. The special importance for the convergence of the two cosmologies is given to the idea of the emergence (creation) from nothing.

Keywords: being, theology, cosmology, creation from nothing, Universe, science, religion

В настоящее время недостаточно разработан вопрос относительно связи различных вариантов космологий в науке и теологии по целому ряду существенных положений. Речь идет о таких ключевых положениях, как, например, идея возникновения мира из ничего, о том, что же нам следует понимать под этим *ничто*, о спонтанном возникновении Вселенной без привлечения Бога-Творца. И, наконец, о наличии самого Творца. Анализ современной научной литературы на предмет того, каким образом соотносятся и соотносятся ли вообще религиозная и научная космологии, не дает однозначных ответов. Последнее обусловлено неоднозначностью современной научной космологии, существованием множества разных теорий, порой не совместимых друг с другом в каких-то своих положениях, а порой и не совместимых вообще. Словом, той самой неоднозначностью, которая не позволяет сформировать единую, общую научную картину мира и, как следствие, не позволяет связать ее с религиозной картиной мира, что называется, в целом.

Идея происхождения мира из ничто является ключевой для всего христианства и впервые встречается в Ветхом Завете. В первой главе первой книги Моисеева Пятикнижия говорится о сотворении Богом земли и неба буквально из ничего. Используемый в данном конкретном случае глагол «ברא» («бара»), в отличие от другого древне-арамейского глагола «аса», который, в свою очередь, предполагает изготовление из уже готовой материи (материала), говорит нам о сотворении из ничего. Предполагает сотворение нового, то есть того, чего ранее не было *нигде, никогда и ни в каком-либо виде*. Далее мы встречаем ее во Второй книге Маккавеев и в Символе Веры. Являясь, по сути своей, ключевой, она находит себя в трудах самых видных представителей христианского богословия. А именно: Афанасия Александрийского, Григория Нисского, Августина Аврелия, Иоанна Дамаскина, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквината, Майстера Экхарта, Йохана Таулера и Генриха Сузо.

Идея творения мира из ничего (из ничто) говорит нам о том, что мир производится не из чего-то. «Не из чего-то» здесь означает, что мир возникает не из какого-то «что-то». То есть не существует какого-то «что-то», где бы сам мир (как и все сотворенное сущее в нем) могли бы присутствовать до начала возникновения. До своего сотворения. При этом местоимение «что» (или «что-то») предполагает, с одной стороны, наличие какого-то места в пространстве (наличие «где-то»), а с другой – наличие какого-то места во времени (наличие «когда»). Так, если мы говорим, что какой-то предмет существует в пространстве и времени, в какой-то точке (месте) пространства и времени, то полагаем под этим, что этот предмет существует (существовал) *когда-то и где-то*. Соответственно, «никогда» и «нигде» говорят об отсутствии места во времени и в пространстве, где бы этот предмет мог находиться. Таким образом, можно сказать, что идея творения мира из ничего (не из чего-то) означает, что мир (как и всякое тварное сущее в нем) до своего сотворения не существуют *нигде, никогда* и, соответственно, ни в каком-либо виде [1, с. 78]. Она исключает любую возможность существования какого-то «что-то» в каком-либо «где-то», в каком-либо «когда-то» и в каком-либо виде до сотворения нашего мира.

Создание современной единой космологической картины мира представляет собой достаточно сложную задачу. Что, впрочем, не отрицает, с другой стороны, наличие точек соприкосновения между двумя (научной и религиозной) космологиями. Не означает разрыв между одним и другим. Наличие множества, так называемых, частных, научных теорий является подтверждением этому. Речь идет о целом ряде теорий-гипотез, возникших в 70-80-х годах прошлого века в рамках научной космологии, которые прямо-таки предполагают существование Творца (или, по крайней мере, Оформителя-Демиурга, пользуясь терминологией древних греков). Одной из таких служит теория, вошедшая в современную научную космологию, как теория (или гипотеза) предельно точного подбора параметров исходного состояния нашей Вселенной. Но что это значит? Это значит буквально следующее: чтобы возникло то самое распределение вещества, которое мы наблюдаем сейчас, чтобы в нашей Вселенной возникли те самые локальные неоднородности в виде галактик, звезд и планет, на одной из которых сформировались условия для возникновения разумной жизни, Ее исходное состояние должно характеризоваться высокой степенью организованности [4, с. 346]. Кто-то должен был вложить в исходное состояние нашей Вселенной именно эти параметры. Без введения четких параметров в исходное состояние нашей Вселенной получить то самое распределение вещества, которое мы наблюдаем сейчас, было бы попросту невозможно.

Проблема предельно точного подбора параметров исходного состояния тесным образом связана с теорией тонкой настройки Вселенной. Сам факт существования в нашей Вселенной разумной жизни, с точки зрения сторонников этой теории, говорит нам о том, что Вселенная не только создана, но и кем-то тонко настроена. Кто-то с математической точностью вложил в нашу Вселенную именно эти физические законы, а в эти законы вложил именно эти величины физических постоянных. Если были бы в нашей Вселенной другие законы с другими физическими постоянными, разумная жизнь никогда не возникла бы.

Наличие Бога в сотворении мира предполагает Стив Хокинг, рассуждая, однако, с позиции чистого деизма. В своей пятой лекции «Теории Всего» он говорит нам о том, что Бог производит Вселенную из ничего. При этом Бог позволяет Вселенной развиваться в соответствии с теми законами, которые Он в Нее и вложил. Он ни в чем не участвует, чтобы не нарушать те самые законы, которые Сам же и создал. Тем не менее, право завести «часовой механизм» и запустить Вселенную, остается за Ним [6, с. 36], как и право решать, каким будет начало нашей Вселенной. Таким образом, Хокинг выступает как чистый деист, предполагая наличие Бога. В другой своей работе «Высший замысел» он полностью отрицает Его существование, утверждая, что в происхождении Вселенной из ничего Бог просто является лишним. В своих рассуждениях он опирается на теорию струн, а, точнее, на одну из ее разновидностей – теорию многомерных суперструн, так называемую, М-теорию [2, с. 203],

предполагающую множество параллельных вселенных, возникающих буквально из ничего, возникновение которых не требует вмешательства Бога.

Аналогичной точки зрения придерживается Лоуренс Краусс в своей книге «Вселенная из ничего». Согласно Крауссу, для возникновения мира из ничего в существовании Бога нет никакой необходимости. Существование Бога, иными словами, не может являться необходимым условием для возникновения Вселенной. В обосновании своей точки зрения он прибегает к инфляционной теории Алана Гута [3, с. 145] и, в частности, к идее флуктуации квантово-механического вакуума, который и есть то ничто (или почти ничто), из которого происходит (опять-таки без участия Бога-Творца) спонтанное возникновение нашей Вселенной. Само слово *флуктуация* происходит от латинского слова *fluctuatio* – колебание, отклонение. В данном случае оно означает отклонение от обычного или исходного состояния вакуума в форме неких неоднородностей, к примеру, в форме элементарных частиц.

Согласно такой точке зрения, в какой-то момент из вакуума может спонтанно возникнуть пара частиц: частица и ее античастица (например, электрон-позитрон), которые фактически сразу же исчезают, друг друга аннигилируя [5, с. 25]. Однако, если такая частица возникнет в условиях расширяющейся Вселенной, то в ходе дальнейшего инфляционного расширения этой Вселенной, она может раздуться до размеров звезды или целой галактики. Стать звездой, галактикой или даже Вселенной. Таким образом, в одной Вселенной могут быть сразу несколько разных Вселенных, в каждой из которых будут свои физические законы или те же законы, но в них будут «вложены» другие величины физических постоянных.

В последнее время предпринимается ряд безуспешных попыток совместить идею возникновения из ничего с сингулярной теорией А.А. Фридмана, согласно которой наша Вселенная имеет свое временное начало около 13,7 миллиардов лет назад, однородна во всех направлениях [7, с. 27] и имеет в качестве исходного своего состояния сингулярную точку [6, с. 11]. «Сингулярная точка» – это такое понятие, которое характеризует то самое положение вещей, когда расстояния между всеми существующими ныне во Вселенной объектами стремятся к нулю. То есть все, что существует сейчас, обладает какой-либо формой и каким-либо отличием друг относительно друга – находилось в одной, так называемой, сингулярной точке. Такая точка имеет бесконечно малые размеры, должна обладать бесконечно большой плотностью, бесконечно большой внутренней энергией [4, с. 247], а значит, быть бесконечно горячей [6, с. 30], поскольку температура это всего лишь мера энергии (отсюда, кстати, и название, «Большой Горячий Взрыв» – термин, который впервые ввел в 1946 году Георгий Гамов, ученик А. Фридмана). Разного рода попытки совместить идею возникновения из ничего с сингулярной теорией А.А. Фридмана находят прямое свое выражение в мыслях о том, что сингулярная точка – это и есть то самое ничто, откуда произошла Вселенная.

Проблема соотношения научной и религиозной космологии исследуется в работах Стивена Хокинга («Высший замысел», «Теория всего. Происхождение и судьба Вселенной», «Краткая история времени от большого взрыва до черных дыр»), Мориса Клайна («Математика: утрата определённости»), Брайана Грина («Элегантная Вселенная»), Роджера Пенроуза («Мода, вера, фантазия и новая физика Вселенной»), Харуна Яхья («Сотворение Вселенной»), Леонарда Млодинова («Высший замысел»), Лоуренса Краусса («Всё из ничего: Как возникла Вселенная»), Александра Виленкина («Теория «космической инфляции». «Антропный принцип и космология Августина Блаженного»).

В работах современных российских ученых: Павленко А.Н. («Философские проблемы космологии. Вселенная из «ничего», или Вселенная из «небытия»), Малова И.Ф. («Проблемы современной астрофизики и космологии»), Фокина А. Р. («От разумного творения к разумному Творцу: античные и патристические аналоги аргумента от «тонкой настройки»).

Литература

1. *Воробьев Д.В.* Виртуальная реальность: бытие и ничто: монография. Н. Новгород: ННГАСУ, 2007. 217 с.
2. *Грин Б.* Элегантная Вселенная. СПб.: Либроком, 2013. 288с.
3. *Краусс Л.* Всё из ничего: Как возникла Вселенная. М.: Альпина Нон-фикшн, 2019. 452 с.
4. *Пенроуз Р.* Мода, вера, фантазия и новая физика Вселенной. СПб: Питер, 2020. 513 с.
5. *Харун Яхья.* Сотворение Вселенной. СПб.: Ансар, 2001. 205 с.
6. *Хокинг С.* Теория всего. Происхождение и судьба Вселенной. СПб.: Амфора, 2009. 48 с.
7. *Хокинг С.* Краткая история времени от большого взрыва до черных дыр. СПб.: Амфора, 2015. 110 с.

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИН МИРА (НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ)*

И.А. Герасимова

*Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: home_gera@mail.ru*

В статье обсуждаются актуальные проблемы техногенной цивилизации в перспективах научной и древнерусской религиозной картин мира. В современном мире активных акторов увязаны наука, технологии, промышленность, экономика, политика (геополитика) и сферы культуры - образование, философия, религия, искусство. Основная трудность в создании общенаучной схемы мира состоит в том, что при всех достижениях научно-технического прогресса, остается неизвестным сам человек, природа его сознания, его назначение в жизни. В эволюции религиозной картины мира упрощались изначальные смыслы, пренебрегали символическими интерпретациями. Инструментарий современной науки позволяет реконструировать древние космологические модели, учитывая многомерность пространства. Новые смыслы вносит проблематизация цифровых трансформаций, биомедицинских технологий, экологии человека с точки зрения религиозной антропологии. Трансдисциплинарные коммуникации представляются перспективными в построении общекультурной картины мира. Эпистемическая культура Древней Руси уникальна синтезом духовности, науки, искусства и опыта. Учение о спасении ориентирует в вопросах о назначении человека.

Ключевые слова: древнерусская книжность, эпистемическая культура, наука, религия, интерпретации, заблуждения, технологии

PROBLEMS OF SCIENTIFIC AND RELIGIOUS WORLDVIEW (ON THE EXAMPLE OF THE OLD RUSSIAN BOOK CULTURE)

I.A. Gerasimova

*DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: home_gera@mail.ru*

The article discusses the actual problems of technogenic civilization in the perspective of scientific and ancient Russian religious worldview. Science, technology, industry, economics, politics (geopolitics), as well as cultural spheres - education, philosophy, religion, art are interconnected in the global active actors. The main difficulty in creating a general scientific scheme of the world is that with all the achievements of scientific and technological progress, the person himself, the nature of his consciousness, his purpose in life remains unknown. In the evolution of the religious picture of the world, interpreters simplified the original meanings, neglected symbolic interpretations. The tools of modern science allow us to reconstruct ancient cosmological models, taking into account the multidimensionality of space. Consideration of the problems of digital transformations, biomedical technologies, human ecology from the point of view of religious anthropology introduces new meanings. The author considers transdisciplinary communications as promising in building a general cultural picture of the world. The author draws a conclusion about the uniqueness of the epistemic culture of Ancient Russia, which is based on the synthesis of spirituality, science, art and experience. The doctrine of salvation guides in questions about the purpose of man.

Keywords: Old Russian bookishness, epistemic culture, science, religion, interpretations, misconceptions, technologies

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21 – 011 – 44073 «Диалог науки и религии: исторические традиции, современные тенденции, проблемы и перспективы».

Под картиной мира (схемой мира) понимают обобщенные представления о мироздании, человеке и его жизненном мире. Бросается в глаза множественность и научных, и религиозных картин мира. Дискутируется вопрос о возможности построения общенаучной картины мира, не оспаривая факты наличия конкретно-научных картин мира. Правомерен вопрос о построении общекультурной картины мира. Вклад может внести изучение эпистемической культуры Древней Руси, которую отличает синтез духовности на началах нравственности, искусства как способа творчества, науки как метода и опыта как наблюдения и практической проверки идей. Литературная обобщенность книжной культуры дополнялась многомерностью «умозрения в красках». Символическое, образное и понятийное познание – разные аспекты единого процесса.

Наука как детище западноевропейской цивилизации со времен Нового времени сосредоточила внимание на изучение доступного чувствам и проверке на опыте окружающего мира, постепенно убирая из своей сферы сакральное и непонятное. К началу XVII в. сакральное и естественно-научное в Древней Руси разделились, продолжая существовать параллельно [1, с. 331 – 337]. Когда изучаешь историю науки, равно как историю религий, нельзя не заметить, как упрощениями искажалась мысль древних учений. В учебниках по концепциям современного естествознания первая научная картина мира Аристотеля-Птолемея (точнее – натурфилософская) квалифицируется как геоцентрическая. При этом то, что писал Аристотель о стихиях в трактате «О небе», выбрасывается как «умозрительное». Но именно сакральное начинает проявлять себя, когда изучаешь рецепты античных идей в древнерусских космологических концепциях.

Космогенез и космоустройство описывались в толкованиях на шесть дней творения, так называемых «Шестодневах». Экзегеты космологические концепции стремились согласовать с ортодоксальными взглядами, но концепциям не придавался статус официальной доктрины. Строение мироздания мыслилось дуально: земной чувственный мир соединен с небесным сверхчувственным миром («небо небес»). Видимое воздушное небо отделено от «неба небес», где пребывает Господь, перегородкой (*твердь* или вторым небом). Это схема входила в два варианта космоустройства – плоскостно-комарную концепцию и геоцентрическую [2; 3]. При различии геометрий этих концепций у них есть общая черта – сакральность. С современной точки зрения правильней рассматривать пространства космологических моделей в контексте геометрии мнимостей П.Флоренского. Оставаясь на плоскости или мысля сферы введением иных измерений можно визуализировать сложную топологию пространства. Например, сферы Аристотеля представить в четырехмерном пространстве. Тогда проявится мысль о структуризации стихий: земля, вода, воздух, огонь – до Луны, Луна – граница, а планеты и звезды – из эфирной субстанции. Схожий сакральный смысл прочитывается в «Тимее» Платона, где демиург настраивает мироздание по гармонической пропорции (А.В.Волошинов) стихий земля и огонь – крайние сферы (мир плотный с воздушным небом и мир огненный или «небо небес»), а вода и воздух – промежуточные. Древнерусская традиция в силу дуализма мышления не раскрывает «промежуточность», хотя и была дискуссия о статусе небесных вод на границе. Получается, что и в аристотелевской модели и, особенно, в ее древнерусских вариантах космос – антропоцентричен. Геоцентризм связан только с физической частью пространства.

Антропоцентризм особенно проявляется в плоскостно-комарной модели, которая была понятна простому человеку. Плоскостно-комарная модель строится по образу скинии Моисея. Очевидный смысл – космос дом человека. Космос как физически видимый, так и невидимый, но ощутимый связью с Иерархией Сил Небесных в архитектуре и росписях храма. Вопрос: почему же все-таки Земля – плоская? Можно объяснить это положение натуралистически, здравым смыслом повседневности. Но возможна и другая интерпретация, основанная на забытом языке символов древнего знания. Задача квадратуры круга имеет двойное прочтение – математическое и сакрально символическое. Телесный человек, проходя опыт жизни, символизируется земным началом квадрата (прямоугольника, конечного), тогда как духовный человек – символом круга (бесконечного). Плоскость – указание на уровень сознания телесного человека, тогда как вертикальный храм – символ духовного восхождения души.

Религиозные космологические модели должны были сочетать пророчества, наблюдаемые факты и теоретические объяснения. Откуда возникли идеи шарообразной земли и ее положения в космическом пространстве? По текстам можно сделать вывод: из пророчеств. У Иова Бог «повесил землю ни на чем» (Иов 26, 7), у Исаяи Бог «восседает над кругом земли» (Ис 40, 22). В интерпретации геоцентристов круг означал срез сферы. Но почему Господь смотрит на Землю глазами человека? При символическом прочтении круг мог означать цель пребывания человека на Земле, совершенного человека, созданного по божественному образу и подобию.

Для христианской картины мира есть проблема, которую ставит современная космология, помещая фокус связанных космических систем в центр галактики, где происходит интенсивное звездообразование.

Много неопределенного в дискуссиях о современных биомедицинских технологиях, в частности, трансплантологии. Неопределенность и непредсказуемость в фундаментальной медицине заключается в незнании фундаментальных процессов за пределами видимого, нет ключей к пониманию глубинных пластов сложной реальности, невозможно предсказать поведение организма как целого и главное, последствий внедрения технологий. До сих пор медицина, равно как и позитивная наука в целом, сосредоточена на телесной составляющей человека. Биомедицинская этика рассматривает человека как социальное существо, но этого недостаточно. Если принять во внимание религиозную антропологию, то встает вопрос о соотношении тела, души, духа (в индийской и буддийской традициях – более сложных составах человека) при широкомасштабном применении биомедицинских технологий. Как уровень сознания влияет на телесные проявления? Каковы корреляции телесного, душевного и духовного уровней при повреждениях и операциях? Каковы закономерности сочетаемости телесной природы у разных людей (переливание крови, трансплантация и пр.). Наконец, как сказывается увечье при переходе в иной мир?

В Средневековье на последний вопрос давался отрицательный ответ. Исключая воинов, к увечным относились негативно, могли и не хоронить. Было стойкое убеждение в проблемах души при переходе в иной мир, если тело дефектно. В православной энциклопедии антропологии Средневековья «Диоптре» Филиппа Монотропа [4] находим ответ на вопрос о назначении человека на Земле.

Внешний человек – воплощенная душа, внутренний – сама душа, обладающая свободой воли и самовластная. Душа может склоняться к телесной жизни, но может восходить к жизни духа. В земной жизни человеческая душа закаляется на поле брани, взращивая в себе элементы духа и выявляя естественные, изначально присущие ей добродетели, такие как смысл и праведность. Прошедшая опыт и очищенная душа готова принять в себя Божественную Троицу и стать богоподобной. Следуя неоплатонической традиции автор «Диоптры» выделяет две части души – словесную и несловесную. Словесная часть охватывает умственные чувствилища или силы (ум, разум, вера, воображение, понимание, память), весь комплекс когнитивных способностей. Бессловесные части души – желание как побуждение к действию и ярость как сила, дающая возможность действовать при противодействии. В «Диоптре» поясняется, что индивидуация (эго), «я» относится к душе, а эгоистичное «мое» – к телу [4, 238]. Что ждет человеческую душу в горнем мире? Согласно «Диоптре» желательная и яростная части души в условиях божественного, гармоничного мира любви отпадут, но на земном поле брани они порождают семена божественных качеств. Способность пожелания порождает целомудрие и любовь, а способность к ярости – мужество. Согласно энергийной эпистемологии «Диоптры», язык, телесные чувства, память как временная способность в мысленном мире не нужны. Созерцание (видение высшего) как синтетическая способность вбирает в себя остальные. В ином мире духовный человек творит «огненной мыслью». В «Палее Толковой» [5] есть замечательный текст о мысли как энергийной сущности внутренних пространств. Порожденная человеком (душой, мозгом, сердцем) мысль отлетает в невидимые сферы. Чистая, светоносная мысль может долететь до ангелов и получить совет, возвращаясь к породившему ее человеку [5, 127–128].

Картина мира, охватывающая внутренние миры как продолжение земной жизни, представляет интерес для понимания ускоренных трансформаций современной жизни. С точки зрения древнерусской ноуменальной антропологии (В.В.Мильков), искусственный интеллект, в основу которого заложены вычислительные алгоритмы, представляет собой органопроекцию (Э.Капп, П.А.Флоренский), продолжение способностей «ума-тела». «Ум-души» с фундаментом нравственного начала не может быть механическим. В то же время информационно-коммуникационные технологии дают представление об информационной связности мироздания на внутренних мирах и пространственной сущности мысли (ментальной ноосферы). Трансформации сознания в цифровых реальностях коррелируют с некоторыми идеями существования разума в ином мире.

Остро стоят проблемы экологии человека. В перспективе религиозной антропологии любое невежественное воздействие на телесные структуры, общее отравление среды, электромагнитный смог составляют прямую угрозу высшим способностям восприятия архетипов духовного мира. Реализация сценариев технологогической сингулярности (технологический детерминизм) означает разрушение культуры (в научной картине мира) и божественного замысла назначения человека (в религиозной картине мира).

Ответы на многие злободневные вопросы современности во многом определяются построением общекультурной картины мира, в создании которой важная роль отводится диалогу науки и религии.

Литература

1. Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А. Сокровенные знания Древней Руси. М.: Кнорус, 2015.
2. Космологические произведения в книжности Древней Руси. В 2-х ч. Ч. I. Тексты геоцентрической традиции / Изд. Подг. В.В.Мильков, С.М.Полянский. СПб.: ИД «Мирь», 2008.
3. Космологические произведения в книжности Древней Руси. В 2-х ч. Ч. II. Тексты плоскокомарной и других космологических традиций / Изд. Подг. В.В.Мильков, С.М.Полянский. СПб.: ИД «Мирь», 2009.
4. «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья / Изд. подг. Г.М.Прохоров, Х.Миклас, А.Б.Бильдюг. М.: Наука, 2008.
5. Палея Толковая / Пер. А.М. Камчатнов, комм. В.В.Мильков. М.: Согласие, 2012.

НАУКА И РЕЛИГИЯ В КОНТЕКСТЕ МНОЖЕСТВЕННЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ

Е.А. Степанова

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник
Институт философии и права УрО РАН
E-mail: stepanova.elena.a@gmail.com*

В тезисах рассматривается точка зрения, согласно которой наука и религия имеют четко очерченные зоны компетенции, которые не совпадают и не пересекаются; следовательно, противоречия между ними нет. Такие концепции существуют в интеллектуальной истории человечества длительное время. Эти зоны компетентности могут быть обозначены как множественные реальности. Противоречия между наукой и религией могут возникать тогда, когда они переходят свои собственные границы и попадают в пространство другого. В целом это противоречие есть в значительной степени современный феномен, поскольку до XIX в. наука не претендовала на создание концепций, объясняющих всеобщий порядок вещей. В качестве примеров рассмотрена дискуссия Фомы Аквинского и Сигера Брабантского, а также соотношение религии и науки с миром повседневной жизни.

Ключевые слова: множественные реальности, мир повседневной жизни, религия, наука, «двойственная истина», историко-культурный контекст, типы репрезентации

SCIENCE AND RELIGION IN THE CONTEXT OF MULTIPLE REALITIES

Е.А. Stepanova

*DSc in Philosophy, Principal Research Fellow
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
E-mail: stepanova.elena.a@gmail.com*

In the thesis, the point of view is considered according to which science and religion have clearly defined areas of competence that do not intersect; therefore, there is no contradiction between them. Such concepts have existed in the intellectual history of humankind for a long time. These areas of competence can be referred to as multiple realities. Contradictions between science and religion may arise when they cross their own boundaries and interfere into the space of the other. In general, this contradiction is a modern phenomenon, since until the 19th century science did not claim to create concepts that explain the general order of things. In the thesis, the discussion between Thomas Aquinas and Siger of Brabant, as well as the relationship of religion and science with the world of everyday life, are considered.

Keywords: Multiple realities, the world of everyday life, religion, science, “double truth”, historical-cultural context, types of representation

Проблему соотношения науки и религии часто рассматривают через их противоположность, которая предполагает занятие позиции по принципу или/или. В этом смысле наука и религия похожи на воду и масло: они никогда не смешиваются и не образуют гомогенную среду, поскольку наука основана на наблюдении и соответствующих выводах, а религия предполагает, что люди способны достигнуть более глубокого уровня познания, которое не зависит ни от наблюдения, ни от рациональных умозаключений. Следовательно, истинной может быть лишь одна из них. При этом отмечается, что ни наука, ни религия не могут похвастаться полнотой описания реальности, хотя каждая создает свое собственное ее описание, стремясь ответить на основные вопросы, касающиеся природы вселенной и смысла жизни.

Существует противоположная точка зрения, согласно которой наука и религия имеют четко очерченные зоны компетенции, которые не совпадают и не пересекаются; следовательно, противоречия между ними нет, а диалог избыточен. Противоречия могут возникать тогда, когда наука или религия переходят свои собственные границы и попадают в пространство другого. Часто наука и религия отвечают на одни и те же вопросы, хотя и различным образом. Так, наука отвечает на вопрос «как», тогда как религия – на вопрос «почему». Существуют ученые, которые заявляют о том, что их открытия вполне способны заменить религию (например, «научные атеисты» или «новые атеисты», и наоборот (например, сторонники креационизма), однако такого рода позиции являются крайними. В большинстве случаев наука и религия держатся в рамках нейтралитета [6, с. 3-4].

В истории человеческой мысли существовали и существуют концепции, элиминирующие противоречие между наукой и религией. Их основания во всех случаях определяются как культурно-историческим контекстом, так и теоретическими постулатами. В прошлом религия и наука далеко не всегда воспринимались как противоположности, потому что на протяжении столетий то, что в те времена было наукой, на Западе существовало в университетах, основанных религиозными орденами и другими учреждениями католической церкви, и воспринималось как часть большой религиозной культуры, а не как ее противник. Так, согласно Св. Фоме Аквинскому, вера и знание (философия как компендиум наук), будучи правильно понятыми, не могут противоречить друг другу. Между ними есть сущностная связь: интеллект можно назвать «доверительным мышлением», а веру – «знанием о недоказуемом». Они образуют строгую иерархию, которой соответствует иерархия наук. Предметом философии являются истины разума, а предметом теологии – истины откровения: «Ибо в философском учении, которое рассматривает творения в них самих и от них восходит к Богопознанию, в самом начале рассматриваются творения и лишь в конце Бог; напротив, в вероучении, которое рассматривает творения лишь в их соотнесенности с Богом, вначале рассматривается Бог и затем творения. И такая последовательность более совершенна, ибо обнаруживает больше сходства с процессом познания самого Бога; ведь Бог, познавая самого себя, через это созерцает и остальное» [4, с. 860]. Другими словами, теология (вера) использует философию (знание) не в силу необходимости, а потому, что, вследствие недостаточности человеческих интеллектуальных способностей, познанию более естественно начинаться с тех предметов, которые открыты естественному разуму, и двигаться к истинам, которые от разума ускользают.

Важное значение для выяснения природы рационального и откровенного знания имел спор Фомы с Сигером Брабантским и его теорией «двойственной истины». И у того, и у другого речь шла о том, что истины разума и истины откровения относятся к разным сферам реальности – к земному миру и к Богу. Однако это сходство двух учений обманчиво: Фома настойчиво утверждал, что, хотя к истине можно идти двумя путями – разумом и верой, – сама истина от этого не раздваивается, поскольку имеет общее основание в Боге. Она, в силу бесконечности божественной природы, проявляется по-разному, но не может опровергать саму себя. Именно поэтому ничто, обнаруженное наукой, не может противоречить вере, и наоборот. Как писал Э. Жильсон, «истины веры сверхъестественны – поэтому они находятся вне досягаемости науки. Не стоит опасаться за их сохранность, так как всякая научная истина относится к природе и принадлежит ей по своей сущности; тогда как истины веры в свою очередь неотчуждаемо относятся к своей области, так как никакие доводы естественнонаучного характера не могут быть приняты во внимание, если речь идет о том, что по определению трансцендентно по отношению к природе» [2, с. 179]. Позиция Сигера была совершенно иной: истины знания и веры могут иметь совершенно противоположный смысл. Пока мы находимся в сфере науки, мы можем забыть об истинах христианства, и наоборот: «Если же мы случайно вспомним, что мы – христиане, нам придется признать, что наша вера хоть и чужья, но истина. Другими словами, Сигер раскалывает нашу голову надвое, провозглашая, что у человека два сознания: одно может верить, другое – не верить» [5, с. 304]. Такая позиция с социологической точки зрения она означает, что человек может жить одновременно в двух мирах: в мире церкви и в земном мире,

и в каждом вести себя соответственно его правилам. С эпистемологической точки зрения она означает, что в вере и разуме можно исходить из совершенно различных оснований, которые в конечном счете человек определяет сам, и не заботиться об их согласовании. В целом концепция «двойственной истины» фиксирует возникающую особенность человека при переходе к модерности. Этот человек одновременно существует в двух отношениях: как познающий субъект, стремящийся постигнуть смысл бытия и своего существования в нем и сомневающийся в своей способности найти истину, и как экзистенциальное существо, ощущающее собственную уникальность, которая всегда находится под угрозой ее утраты, а потому нуждается в поддержке.

О фундаментальном сходстве науки и религии писал Роберт Белла, основываясь на концепции множественных реальностей, предложенной Альфредом Шюцем [7, pp. 226-228]. Для Шюца высшей реальностью является мир повседневной жизни, который воспринимается как естественный. Однако убеждение в том, что этот мир является единственно реальным, само по себе является фикцией, поддержание которой требует особых усилий. Как и остальные множественные реальности, мир повседневности является социальной конструкцией. Каждая культура и каждая эпоха создают свой собственный мир повседневной жизни, который никогда полностью не идентичен другим мирам, включая значения «стандартного» времени и пространства. В этом его коренное отличие от миров науки и религии, для которых сомнение в том, что мир является таким, каким он перед нами предстает, оказывается основополагающим [1, с. 4]. Научные понятия основаны на ясном определении и точном наблюдении, являясь концептами чего-то определенного. Комбинация логики и наблюдения передает знание, «эпистему» (*episteme*), по определению греческих философов, противоположную мнению (*doxa*). Знание основано на демонстрации; нарратив не демонстрирует; риторика может убеждать, но не демонстрировать. Обычно мир повседневной жизни конституируется мнением, нарративом и риторикой, а не демонстрацией. Мир строгой демонстрации, мир науки (греческое слово *episteme* может быть также переведено как «наука») в той же степени альтернативен реальности мира повседневной жизни, как музыка и религия [1, с. 42]. В свою очередь, религия оказывается способностью выходить за пределы сферы повседневной жизни и репрезентировать этот опыт различными способами: унитивным (основанным на первичном опыте ощущения целостности бытия), знаковым (достигаемым через телесное выражение религиозного значения), символическим (выражаемым посредством символов, самопроизвольно возникающих в повседневной жизни, специально созданных символов, а также нарративов в форме истории или мифа) и концептуальным (существующим в форме абстрактного религиозного размышления и доказательства, сопровождающего и подвергающего критике изначальные религиозные действия и другие способы репрезентации) [3]. Следовательно, по мнению Беллы, в контексте множественных реальностей религия и наука не слишком отличаются друг от друга, поскольку обе являются альтернативами миру повседневной жизни, который как мир рационального ответа на непосредственные человеческие нужды, есть мир механической необходимости, а не радикальной автономии.

Наука вплоть до XIX в. была всего лишь одним из разделов философии и до возникновения космологии и в особенности дарвиновской эволюционной биологии практически не разрабатывала метафизические концепции всеобщего порядка существования. Противоречие науки и религии – это в значительной степени современный феномен. Можно утверждать, что наука и религия есть две разные «культурные системы», действующие разными способами для достижения разных целей.

Литература

1. Белла Р. Религия в человеческой эволюции: от палеолита до осевого времени. М. ББИ, 2019. 741 с.
2. Жильсон Э. Философ и теология. М: «Гнозис», 1995. 192 с.
3. Степанова Е. А. От игры к универсальной этике: размышления о книге Роберта Беллы «Религия в человеческой эволюции» // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 98–109.
4. Фома Аквинский // Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 2. М. 1969. С. 823–862.
5. Честертон Г. Святой Фома Аквинский // Честертон Г. Вечный человек. М.: Политиздат, 1991. С. 305-410.
6. Alister E. McGrath. Science & Religion: A New Introduction. John Wiley & Sons, 2020. 272 p.
7. Alfred Schutz. "On Multiple Realities". In Schutz's Collected Papers, vol. 1, The Problem of Social Reality. The Hague: Martinus Nijhoff, 1967. Pp. 226–228.

СЮЖЕТНО-ИГРОВАЯ ПАРАДИГМА КАК ФИЛОСОФСКИЙ СИНТЕЗ НАУКИ И РЕЛИГИИ

О.В. Шимельфениг

*Кандидат физико-математических наук, доцент
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Shim.ov@mail.ru*

Предлагается синтез научного и религиозного миропониманий на основе сюжетно-игровой парадигмы, которая отражает духовно-психо-физическую целостность реальности. Вместо поверхностных, мало адекватных действительности крайностей «объективности» или «субъективности» предлагается на основе отношения «субъект-иносубъект», онтологическая модель Коммунальной Реальности (как Космической Игры вечного неопределимого Творческого Начала Вселенной с Самим Собой через все свои подобию-воплощения), совместно делаемой всеми участниками, но воспринимаемой индивидуально, хотя и близким образом определёнными сообществами.

Тогда целью воспитания и образования должно стать понимание зависимости всего происходящего (прежде всего с самим собой) от каждого из нас, знание о хрупкости, мимолетности, эфемерности Бытия, откуда следует необходимость развития внимательного, чуткого, бережного и сострадательного отношения к его проявлениям; формирование высокого стандарта «качества жизни» на Земле на основе картины мира, типа сюжетно-игровой, согласно которой мы все совместно, планируя наше общее будущее, интерпретируем прошлое и «разыгрываем» настоящее, что даёт возможность осознанно строить оптимальную стратегию выхода из глобального системного кризиса современной цивилизации.

Ключевые слова: картина мира, сюжет, сценарий, игра, наука, религия

THE PLOT-GAME PARADIGM AS A PHILOSOPHICAL SYNTHESIS OF SCIENCE AND RELIGION

O.V. Shimelfenig

*CSc in Physical and Mathematical Sciences, associate professor
Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky
E-mail: Shim.ov@mail.ru*

A synthesis of scientific and religious worldviews is proposed based on a story-game paradigm that reflects the spiritual, psycho-physical integrity of reality. Instead of superficial extremes of "objectivity" or "subjectivity" that are not adequate to reality, an ontological model of Communal Reality (as a Cosmic Game of the eternal indefinable Creative Principle of the Universe with Itself through all its likenesses-embodiments) is proposed on the basis of the "subject-inosubject" relationship, which is jointly made by all participants, but perceived individually, although close in a manner defined by communities.

Then the goal of upbringing and education should be to understand the dependence of everything that happens (first of all with oneself) from each of us, the knowledge of the fragility, transience, ephemerality of Being, which implies the need to develop an attentive, sensitive, careful and compassionate attitude to its manifestations; the formation of a high standard of "quality of life" on Earth based on a picture of the world, such as a story-game, according to which we all together, planning our common future, interpret the past and "act out" the present, which makes it possible to consciously build an optimal strategy for overcoming the global systemic crisis of modern civilization.

Keywords: worldview, plot, scenario, game, science, religion

В условиях глобальных кризисных ситуаций – военных, экономических, экологических, социальных – возрастает общественная потребность в формировании мировоззренческого консенсуса, который опирался бы на набор исходных, базовых, онтологических посылок, обще приемлемых для представителей разных сфер культуры: науки, религии, искусства и практической жизни. В качестве такой онтологической основы автор предлагает сюжетно-игровую парадигму [1], которая органично

интегрирует, как древнейшие представления о мире (шаманизм, индуизм, буддизм, даосизм, нагуализм, иудаизм, христианство, ислам, суфизм и др.), так и достижения наук и искусств до наших дней [2-5].

Эта картина мира не является очередной метафизической доктриной, навязывающей свои догмы, поскольку одной из её существенных исходных посылок является фиксация наличия множества «индивидов» (от частиц до организмов, сообществ и космических образований) как базисных элементов модели Универсума, каждый из которых неизбежно уникален и чем-то отличается от представителей даже своего вида, при этом они все находятся в тотальном взаимодействии друг с другом, и в той или иной степени подобны между собой, поскольку подобны Целому, являясь его образами, фракталами. Предлагаемая концепция опирается на апробированные результаты в разных сферах деятельности [6-8].

Проблематизируется понятие «объективности» реальности (или её описания, истины, знания), но предлагается не противоположная – солипсистская альтернатива, а, напротив, третий, *ещё более строгий, рациональный подход*, подвергающий анализу не только изучаемое явление, методы и условия исследования, но и **главный инструмент познания** – аппарат восприятия и *интерпретации всего воспринимаемого* – **фундаментальные установки исследователя**, во многом не осознаваемые им, которые, тем не менее, оказывают *определяющее* влияние на результат и последствия его использования.

«Вопросы о том, что является истинным или ложным, зависят от принятия того или иного концептуального каркаса. Нельзя допустить, что кому-то даны объекты сами по себе и этот кто-то может решать, чьи утверждения являются истинными» [9, с. 238]. Вместо поверхностных, мало адекватных реальности крайностей «объективности» или «субъективности» предлагается на основе отношения «субъект-иносубъект», онтологическая модель Коммунальной Реальности (как Космической Игры вечного неопределимого Творческого Начала Вселенной с Самим Собой через все свои подобия-воплощения), совместно делаемой всеми участниками, но воспринимаемой индивидуально, хотя и близким образом определёнными сообществами.

Взаимодействие между собой всех подобий Абсолюта образует поток взаимосвязанных событий (со-бытие – совместное бытие) – Сюжет Миропроявления или Партию Космической Игры. Порождающей основой её является вечный игровой бинер: неопределимое Творческое Начало Вселенной и Его Космическая Игра; это взаимопереходящее, пульсирующее двуединство воспроизводится в каждом Его подобии-индивиде в процессе «зашнуровки» разыгрывающихся сценариев в психике и попытках их реализации в действиях, то есть, в явных взаимодействиях индивидов и групп.

Каждое воплощение Духа Единого (Брахмана) – самое малое «я» (от частиц до организмов, сообществ и космических структур) – имеет, в каком-то виде воспринимаемое им свое окружение – «не-я», которые составляют вместе органичное зримое двуединство – новый *игровой бинер* – своеобразное «мигающее» целое: «любая вещь совмещает, сопрягает свои состояния несуществования и существования, поскольку божественность и мир взаимно отражают друг друга: вещь не может существовать, не будучи одновременно не существующей, и не может быть несуществующей, если одновременно не существует» [10, с. 220].

С каждым «миганием» изменяется и «я» и «не-я», трансформируется граница (по сути, квазиграница) между ними. Например, индивид что-то поглощает из якобы «внешнего» мира, как бы перемещая это в себя (пищу, воду, воздух...) и выделяет в окружающую среду элементы тех же субстанций-«игроков» – «земли», «воды», «воздуха»; под воздействием окружения на основе своей памяти он *разыгрывает* возможные сценарии, а его попытки их реализации, в свою очередь, трансформируют ежесекундно становящийся поток событий... По прошествии определенного количества разнообразных сюжетов, в том числе и квазициклических, зацепляющихся друг за друга, исчерпывается сюжетный цикл его жизни. Из гигантской иерархии зацепляющихся друг за друга циклов жизни множества индивидов – явлений-подобий Единого – и состоит очередной цикл Миропроявления. Таким образом, понятиям *игры, сюжета и сценария* в предлагаемой концепции придается *универсальный философский статус*.

Универсализм сюжетно-игрового комплекса можно сравнить с понятием материи в субстанциальной картине мира, то есть, исследуемая в нашей модели **реальность как бы ВСЯ соткана из сюжетно-игровой «материи»**, и попытки искать в ней «не игровые» части – не имеют смысла: «Любая деятельность всегда идёт в режиме игры, даже когда она таковой не является» – для кого-то другого [11, с. 399]. Поэтому восприятие – либо только *каких-то* ситуаций, либо *всякой*, как игровой (которые тогда отличаются друг от друга лишь спецификой игроков и правилами игры), –

определяется *миропониманием* воспринимающего, что становится очевидным при условии выхода за пределы поверхностных претензий на принятие одинаковой для всех «объективной» картины мира.

Сюжетно-игровое миропонимание в определённом смысле перекликается с новыми философскими концепциями, общую характеристику которых даёт Е. Князева в начале своей книги [12, с. 5]: «Сейчас мы находимся именно на этом повороте к синтезу и эволюционному холизму, и энактивизм в эпистемологии и когнитивной науке находится именно в этой методологической и концептуальной струе».

С одной стороны, сюжетно-игровое миропонимание, вроде бы, находится в этой же, набирающей силу, «струе», но, с другой стороны, синтез его различных аспектов производится на принципиально другой основе – представлении о *духовно-психо-физической целостности реальности*, которая порождается *вечным неопределимым разумным Творческим Началом Вселенной*. Доктрины же энактивизма опираются на «биокибернетическое понимание мира, или понимание его с точки зрения сложных самоорганизующихся адаптивных систем» [12, с. 4].

Сюжетно-игровая парадигма, опираясь на достижения науки, продолжает духовные традиции Индии. Абсолютная недвойственность – основной принцип философии кашмирского шиваизма [13]. Даже западные пантеисты, имеющие некоторое сходство с этой традицией, не воспринимают Бога как абсолютную реальность, пребывающую во всех явлениях. Кашмирский шиваизм утверждает, что существует только одна извечная реальность неограниченного чистого Сознания, не доступная ни речи, ни уму, ни интеллекту: «*Это состояние очень трудно понять. Поэтому говорится, что оно есть та форма трансцендентной реальности, за пределами которой ничего не существует*» (Тантралока, 11.28).

В книге говорится о божественной благодати, побуждающей обыкновенных людей превзойти свои ограничения. И в православии благодать – одно из ключевых понятий, рассматривается как дар для человека от Бога, предназначенный для его спасения и освящения, изменяющий сердце человека. В традиционном представлении о благодати сочетается понимание ее одновременно как деяния и как силы.

Таким образом, в противовес распространённому представлению о том, что мир творится якобы «объективно», без нашего существенного участия, – целью воспитания и образования должно стать понимание зависимости всего происходящего (прежде всего с самим собой) от каждого из нас, знание о хрупкости, мимолетности, эфемерности Бытия, откуда следует необходимость развития внимательного, чуткого, бережного и сострадательного отношения к его проявлениям; формирование высокого стандарта «качества жизни» на Земле на основе картины мира, типа сюжетно-игровой, согласно которой мы все совместно, планируя наше общее будущее, интерпретируем прошлое и «разыгрываем» настоящее. Такова, на взгляд автора, оптимальная стратегия выхода из глобального системного кризиса современной цивилизации.

Литература

1. Шмельфениг О.В. Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов: Научная книга, 2005. 688с.
2. Шмельфениг О.В., Солодовниченко Л.Я. Роль мировоззренческих парадигм интеллигенции в ситуации глобального кризиса // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2012. № 2. С. 62-78.
3. Суфизм – глобальная картина мира. Философские и практические аспекты: Руководители проекта, составители и редакторы: Солодовниченко Л. Я., Шмельфениг О. В. Саратов: ООО Издательство «Научная книга», 2013. 357 с.
4. Солодовниченко Л.Я., Шмельфениг О.В. Философско-религиозное осмысление понятий жизни и смерти. // Сборник материалов Третьего конгресса российских исследователей религии, (7-9.10.2016) в шести томах. Т. 6. Владимир: «Аркаим», 2016. С. 104-125
5. Шмельфениг О.В. О личностном опыте постижения религиозно-философских текстов // Религиоведение. 2018. № 3. С. 140-151.
6. Герасимов Б.Н., Шмельфениг О.В. Сюжетно-игровой подход в управлении качеством // Качество и жизнь. 2018. № 4(20). С. 88-93.
7. Шмельфениг О.В. Интеллигенция Саратова на рубеже тысячелетий // Интеллигенция и мир: Российск. Междисц. журнал социально-гуманитарных наук. 2019. № 3. С.30-48.
8. Шмельфениг О.В. Трансдисциплинарная стратегия в научном познании и образовании // Философия образования. 2020. Т. 20, № 1. С. 54-67

9. Марков Б.В. Философия: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2013.
10. Ибн Араби. Избранное. Т. 2 / Перевод с арабского, вводная статья и комментарии А.В. Смирнова. М.: Языки славянской культуры: ООО «Садра», 2014.
11. Апинян Т.А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал. Сон, искусство и другое. СПб, 2003.
12. Князева Е. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.
13. Пандит Б. Кашмирский шиваизм. Наслаждение и освобождение. М., Изд-во «Ганга», 2010. 352 с.

ПАРОДИЙНЫЕ РЕЛИГИИ И ПРОДВИЖЕНИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАСТАФАРИАНСТВА)*

Н.С. Поляков

*Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: n.poljakov@spbu.ru*

Доклад посвящен анализу такого явления как пародийные религии. В докладе приводится краткая история возникновения этого феномена, рассматриваются терминологические дискуссии относительно обозначения подобных движений в качестве пародийных или вымышленных религий. Особое внимание сфокусировано на пастафарианстве или Церкви Летающего Макаронного Монстра (ЛММ), которое рассматривается как движение, направленное не только на гротескное и сатирическое изображение религиозных положений с целью наглядной демонстрации научной несостоятельности их содержания, но и продвижения научного мировоззрения в целом. Например, пастафариане активно полемизировали с т.н. «антиваксерами». Однако, по мере развития Церкви ЛММ, имитируя и пародируя другие религии, это движение все больше приобретает религиозные черты, становясь в один ряд с другими вымышленными религиями (термин К. Кьюзак), что отражается в борьбе ряда пастафариан с обозначением Церкви ЛММ как пародийной религии.

Ключевые слова: НРД, пародийные религии, вымышленные религии, Церковь Недомудреца, пастафарианство

PARODY RELIGIONS AND THE PROMOTION OF A SCIENTIFIC OUTLOOK (BY THE EXAMPLE OF PASTAFARIANISM)**

N.S. Polyakov

*CSc in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies
Saint Petersburg State University
E-mail: n.poljakov@spbu.ru*

The paper is devoted to parody religions phenomenon. It provides a brief history of the emergence of parody religions and treats terminological discussions regarding the designation of such movements as parody or invented religions. Special attention is focused on Pastafarianism or the Church of the Flying Macaroni Monster (LMM), which is considered as a movement aimed not only at grotesque and satirical depiction of religious positions, in order to demonstrate the scientific inconsistency, but also to promote the scientific worldview as a whole. Thus, Pastafarians fought the so-called "anti-vaxerism". However, as the LMM Church develops, imitating and parodying other religions, this movement increasingly acquires religious features, becoming similar to other invented religions (K. Cusack's term), which is reflected in the struggle of a number of Pastafarians with the designation of the LMM Church as a parody religion.

Keywords: NSD, parody religions, fictional religions, the Church of the Non-Wise, Pastafarianism

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-28-00920

** The research is supported by the grant of RSF № 22-28-00920

Современный религиозный мир многолик, и один из его интересных феноменов – так называемые пародийные религии, которые можно относить как к проявлениям атеизма, так и к проявлениям новой религиозности. Первым подобным движением принято считать Церковь Недомудреца (*Church of the SubGenius*), возникшую в США в 1979 г. после появления памфлетов о Дж. Р. «Бобе» Доббсе (чьё имя должно писаться в кавычках, написание без них рассматривается последователями как оскорбление их религиозных чувств), которому якобы было откровение божества Иегова 1. Далее Церковь Недомудреца получила широкую огласку благодаря изданию в 1983 г. «Книги Недомудреца» [1].

Кэрол Кьюзак, анализируя это и другие подобные явления, предложила обозначать их как «вымышленные религии» (*invented religions*) [2]. Однако изначально она ввела этот термин для обозначения движений, возникающих на основе религий, описанных в художественной литературе, в первую очередь, Церкви всех миров (*The Church of All Worlds*) основанной на описанной вымышленной организации в романе Р. Хайнлайна «Чужак в чужой стране». Кьюзак также рассматривает как вымышленные религии дискордианизм, пастафарианство, джедаизм и матриксизм. Между тем, вымышленные религии – это новые религии, в основе которых лежат различные художественные произведения, будь то литературные или кинематографические, и они вовсе не обязательно подразумевают гротескный или сатирический взгляд на религию. Пародийные религии – термин, вероятно, не самый удачный, поскольку вызывает закономерные возражения самих представителей этих религий, не считающих их пародийными. Тем не менее, представляется, что стоит согласиться с Этаном Квиллером, который отмечает что, подобные религии представляют собой новый тип вымышленных религий. Он пишет: «"пародийная религия", призвана сделать заявление о необоснованных верованиях религиозных людей, о том, что эти верования на самом деле никогда не могут быть подтверждены» [3, 206]. При этом Квиллер подчеркивает, что пародийные религии одновременно функционируют и как другие вымышленные религии, то есть, «мы не можем считать их убеждения "фальшивыми", "глупыми" или "шутками", независимо от того факта, что они используют название "религия" чтобы указать, что все религиозные убеждения на самом деле "фальшивые", "глупые" или "шутки"» [3, 206].

Пожалуй, самая известная на данный момент пародийная религия – пастафарианство или религия Летающего Макаронного Монстра (ЛММ). Пастафарианство возникло, после того как в 2005 г. американский физик Бобби Хендерсон отправил сатирическое письмо в департамент образования штата Канзас в знак протеста против планировавшегося введения преподавания раздела по теории разумного замысла в состав программы по естественной истории в государственных школах Канзаса. В своем письме Хендерсон замечал: «Я обеспокоен тем, что студенты услышат только одну теорию Разумного Замысла. Давайте вспомним, что существует множество теорий Разумного Замысла. Я и многие другие люди по всему миру твердо убеждены в том, что Вселенная была создана Летающим Макаронным Монстром» [4]. Эта история получила широкую огласку в СМИ, в результате чего через год было издано написанное Хендерсоном «Евангелие Летающего Макаронного Монстра» [5], вызвавшее еще больший резонанс.

Анализу этого текста следует посвятить отдельное подробное исследование, однако стоит упомянуть, что в нем рассматриваются «грубые ошибки науки», приводятся доказательства существования Летающего Макаронного Монстра, преподносится пастафарианская история творения мира, очевидным образом пародирующая библейскую, и основы пастафарианства. Последние кратко сформулированы в восьми ключевых доктринальных принципах, называемых «заповедями», которые гласят следующее. 1). Лучше бы ты не вёл себя как самовлюблённый осёл и святоша, когда проповедуешь Мою макаронную благодать. Если другие люди не верят в Меня, в этом нет ничего страшного. 2). Лучше бы ты не оправдывал Моим именем угнетение, порабощение, шинкование или экономическую эксплуатацию других, ну и сам понимаешь, вообще мерзкое отношение к окружающим. 3). Лучше бы ты не судил людей по их внешнему виду, одежде, или по тому, как они говорят. 4). Лучше бы ты не позволял себе действий, неприемлемых для тебя самого или твоего добровольного и искреннего партнёра. 5). Лучше бы ты не боролся с фанатическими, женоненавистническими и другими злыми идеями окружающих на пустой желудок. 6). Лучше бы ты не тратил уйму денег на постройку церквей, храмов, мечетей, усыпальниц во имя прославления Моей макаронной благодати, ведь эти деньги лучше потратить на прекращение бедности, излечение болезней, мирную жизнь, страстную любовь и снижение стоимости Интернета. 7). Лучше бы ты не рассказывал всем окружающим, как Я говорил с тобой. 8). Лучше бы ты не поступал с другими так,

как хочешь, чтобы поступили с тобой, если речь заходит об огромном количестве латекса или вазелина [5, с.78-79].

Эти принципы содержат бросающуюся в глаза очевидную сатиру на христианство. Чего стоит сентенция, раскрывающая третью пастафарианскую «заповедь» «не суди»: «Женщина – это личность, Мужчина – это личность. А зануда – это всегда зануда. Никто из людей не лучше других, за исключением умения модно одеваться – извини уж, но Я одарил в этом смысле только женщин и лишь кое-кого из парней – тех, кто отличает пурпурный от пунцового». Совершенно очевидно, что они также несут и отчетливый этический посыл, в числе прочего, отражая и ключевые современные этические вопросы – о равенстве полов и, напротив, социальном неравенстве.

Весьма примечательно, что «Евангелие ЛММ» начинается следующим образом: «Наступают восхитительные времена для святости – политики спорят, нации воюют, а наука постепенно исчезает» [5, с. XIII]. Возникнув как метод борьбы с преподаванием в американских школах креационистских взглядов на происхождение мира и как метод распространения научной картины мира, пастафарианство остается приверженным этой задаче. Например, и мировое, и российское пастафарианское сообщество (последнее официально зарегистрировано в России как религиозная группа "Русская пастафарианская церковь Макаронного пастриархата" 12 июля 2013 г.) во время пандемии COVID-19 активно боролись с движением так называемых «антиваксеров» и пропагандировали необходимость прививок от коронавируса. Сообщество РПЦМП в сети VK насчитывает 34 тысячи участников, что делает его заметным движением, а 236 тысячи пользователей VK указывают пастафарианство, отвечая на вопрос о своем мировоззрении.

Хотя в целом пастафарианство в лице своих активистов занимается популяризаторством научного мировоззрения, причем делает это разными привлекающими внимание способами, поскольку религия ЛММ широко освещается в СМИ, и просто весьма примечательна за счет используемого ею юмора, стоит отметить, что внутри движения пастафариан присутствует полемика относительно «серьезности» и «пародийности» этого движения. Ряд последователей пастафарианства не согласны с определением пастафарианства как пародийной религии. Так, многие российские пастафариане направляли письма послу Австралии в РФ из-за отказа Южно-Австралийского Гражданского и Административного Трибунала признать сообщество пастафариан религиозной организацией на основании того, что оно является пародийной религией. В этих письмах указывалось, что «пастафарианство является настоящей религией, признанной во многих странах и имеющей последователей по всему миру. Каким образом религия, являющаяся настоящей в одной стране, может оказаться пародийной в другой? Каким образом в принципе можно признать религию пародийной? Вера в Творца является сугубо личным делом, и человек со стороны не может оценивать реальность личностных религиозных воззрений. Именно это заложено в принцип свободы вероисповедания, без которого немислимо свободное демократическое общество» [6]. Известный российский пастафарианин Владимир Ситников, тщетно пытавшийся добиться разрешения иметь в паспорте гражданина РФ фотографию с дуршлагом на голове также категорически не согласен, что пастафарианство - пародийная религия. Он отмечает: «Спросите у любого пастафарианина и он ответит вам, что никакой пародийности с нашей стороны нет. Просто есть непривычные для широких кругов особенности. А представьте на минуточку, что вы забыли обо всех смешных нелепостях так называемых "традиционных" религий и взгляните на них свежим взглядом! Вам сразу станет ясно, кто кого на самом деле пародирует» [7].

Таким образом, изначально религия ЛММ появилась как способ продемонстрировать нелепость преподавания креационистских теорий в рамках школьного курса биологии, и развивалась далее Хендерсоном в том же русле, высвечивая и высмеивая как доводы поборников креационизма, так и в целом религиозные представления, как недоказуемые научно. В целом пастафарианское сообщество пытается продвигать научный подход не только в противовес религиозному, но и просто антинаучному, что было ясно видно на примере борьбы пастафариан с антиваксерством. Между тем, многие пастафариане протестуют против попыток представить их в роли атеистов, занимающихся религиозной сатирой, утверждая, что они истинно верующие. Так движение, возникшее как антирелигиозное и пронаучное, постепенно становится вымышленной религией, обрастающей доктринальными и ритуальными особенностями. Последователи религии ЛММ встречаются и среди религиоведов, их легко опознать среди докладчиков на международных научных конференциях по дуршлагам на голове. Имитируя и пародируя другие религии, пастафарианство постепенно все больше приобретает религиозные черты, становясь в один ряд с другими вымышленными религиями, что и отражается в борьбе ряда пастафариан с обозначением Церкви ЛММ как пародийной религии. Вопреки этим «играм в религию», которые потенциально могут превратить Церковь ЛММ в НРД,

стоит подчеркнуть, что в целом пастафарианство остается движением, пропагандирующем науку и борющимся с разными формами мракобесия.

Литература

1. "Bob" Dobbs J.R. and The SubGenius Foundation The Book of the SubGenius. New York: McGraw-Hill, 1983. 194 p.
2. *Cusack C.M.* *Invented Religions: Faith, Fiction, Imagination.* Surrey, Burlington: Ashgate Publishing Company, 2010. 179 p.
3. *Ethan G. Quillen.* *The Satirical Sacred: New Atheism, Parody Religion, and the Argument from Fictionalization // New Atheism: Critical Perspectives and Contemporary.* Ed. by C.R. Cotter, P.A. Quadrio, J. Tuckett. *Sophia Studies in Cross-cultural Philosophy of Traditions and Cultures Debates.* Volume 21. P. 193-220.
4. *Henderson B.* Open Letter // The Flying Spaghetti Monster Website. URL: <http://www.venganza.org/about/open-letter> (дата обращения 12.04.2022).
5. *Хендерсон Б.* Евангелие Летящего Макаронного Монстра. М.: Издательские решения, 2016. 192 с.
6. URL: https://vk.com/wall12174408_38185?ysclid=l2j1w45z5o (дата обращения 14.04.2022).
7. Комментарий В. Ситникова к статье «Верующих в Летящего Макаронного Монстра ущемляют в России» https://vk.com/wall-68372674_6849?ysclid=l2jlu2iwgt

ПОСТСЕКУЛЯРНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ПОПУЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА: РЕЛИГИОЗНЫЕ СЮЖЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ПЕВИЦ*

О.К. Михельсон

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: o.mihelson@spbu.ru*

В последние годы наука о религии все больше обращается к исследованию популярной культуры, поскольку она отражает важные социальные процессы, происходящие в обществе. Один из интересных примеров – прослеживаемая в современной популярной музыке тенденция к переосмыслению роли женщины в религии, что можно заметить уже по творчеству Мадонны. В последние годы все больше популярных певиц, например, Леди Гага, Кэти Перри, Ники Минаж, Игги Азалия и др., используют религиозные мотивы в своем творчестве. Квинтэссенцией этого тренда можно считать песню «Бог – это женщина» и снятый на нее музыкальный клип Арианы Гранде, в которых религиозные мотивы играют первостепенную роль. Данный доклад посвящен роли религиозной тематики в творчестве современных популярных певиц, и тому, как популярная культура пытается переосмыслить роль женщины в религии.

Ключевые слова: популярная культура, популярная музыка, феминизм, женщины в религии

POST-SECULAR RELIGIOSITY AND POPULAR CULTURE: RELIGIOUS THEMES IN THE WORKS OF POPULAR FEMALE SINGERS**

O.K. Mikhelson

*CSc in Philosophy, associate professor of the chair of Philosophy of Religion and Religious Studies
Saint-Petersburg State university
E-mail: o.mihelson@spbu.ru*

In recent years, the science of religion has increasingly turned to the study of popular culture, as it reflects important social processes taking place in society. One of the interesting

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-28-00920.

** The research is supported by the grant of RSF № 22-28-00920.

examples is rethinking the role of women in religion presented in contemporary popular music. It can be seen already in Madonna's works, but in recent years, more and more popular female singers, for example, Lady Gaga, Katy Perry, Nicki Minaj, Iggy Azalea, etc., use religious motifs in their songs and videos. Ariana Grande's song "God is a woman" and the music video for it where religious motives play a primary role can be considered the quintessence of this trend. The paper is devoted to the role of religious themes in the works of modern popular female singers, and investigates how popular culture is trying to rethink the role of women in religion.

Keywords: popular culture, popular music, feminism, women in religion

Одна из особенностей постсекулярной религиозности – заметная роль, которую в ней играет популярная культура. Та, в свою очередь, постоянно обращается к религиозным образам и символам, поскольку они помогают быстро выразить сложные и емкие концепты и считываются аудиторией, одновременно провоцируя зрителя. В последние несколько лет и до этого актуальный дискурс о месте женщины в религии особенно обострился. Интересно, что популярная музыка, выступает своеобразной лакмусовой бумажкой этого процесса. Идеи феминизма и до этого были присущи популярной музыке, более того, во-многом, именно благодаря попкульту происходило их продвижение и популяризация. Достаточно вспомнить пример иконы американского феминизма – Мадонны, которая с самого начала своей музыкальной карьеры пропагандировала ценности женской свободы и силы. Выбор сценического псевдонима певицы весьма симптоматичен: подобным образом Мадонна не просто эпатировала публику, но и предлагала новую религиозную повестку, что дополнительно подтверждается невероятным количеством религиозных коннотаций в ее клипах и текстах песен, а также в сценических образах.

В настоящее время все больше популярных певиц используют религиозные мотивы в своем творчестве (Леди Гага, Кэти Перри, Ники Минаж и др.). Один из ярких тому примеров – клип Леди Гаги на песню «Alejandro» с альбома *The Fame Monster*, снятый в 2010 г. режиссером Стивеном Клейном. В нем певица предстает в кроваво-красном платье с белым платком, напоминающих образ монахини, затем в белой мантии с капюшоном и красным крестом, наконец, в конце песни певица стоит на фоне распятия. Клип имеет провокационный характер, поскольку наполнен сексуальными сценами. Закономерно, что он подвергся критике, в том числе и со стороны американских католиков. Причем, видео критиковали не только за прямолинейную эксплуатацию сексуальной и религиозной символики, но и за его вторичность по сравнению с клипами Мадонны [1]. Однако, отсылки к классическому творчеству Мадонны – песням *Like a prayer*, *La Isla Bonita* и др., видимо, были сделаны в этом клипе сознательно. В своем интервью каналу MTV Стивен Кляйн объяснил, что религиозная символика предназначалась не для обозначения чего-либо негативного, а для демонстрации борьбы двух начал в персонаже Леди Гаге: темного и светлого. То, что в конце клипа она снова изображена в одеянии монахини, по мысли режиссера призвано символизировать победу добра. В какой-то момент в клипе у певицы исчезают рот и глаза, Кляйн поясняет, «что так она отвлекается от мира зла и погружается внутрь, к молитве и созерцанию», а сцена, в которой Гага пожирает четки, была ее «актом теофагии, желанием поглотить тело Божье», а четки его символизируют [2].

Другая работа Леди Гаги, пронизанная религиозной тематикой, – песня «Джудас» т.е. Иуда, с альбома 2011 г. «*Born This Way*». Клип на эту песню был снят самой певицей и ее хореографом Лориэнн Гибсон. Видео начинается демонстрацией группы из 12 байкеров, курсирующих по автостраде в куртках, на которых написаны имена Иисуса и его апостолов. Сюжет клипа таков: герои приезжают в клуб, где персонаж, на чьей куртке написано «Иуда», провоцирует драку. Пытаясь защитить персонажа с надписью «Иисус», певица встает между ним и Иудой, направляя на Иуду пистолет, но вместо пули в оружии оказывается кроваво-красная губная помада. В какой-то момент Иисус поднимается на сцену в окружении своих сторонников, а Иуда целует его. Видео заканчивается не смертью Иуды или Иисуса, а смертью персонажа Леди Гаги; толпа забивает ее камнями. На протяжении всей песни певица поет: «*I'm just a Holy Fool*», то есть юродивая. Этот клип повторяет некоторые идеи «Александр», поскольку мы также видим героиню в метаниях между добром и злом, не способную сделать нравственный выбор из-за любви и страсти. Примечательно, что в этих клипах Гага фактически оказывается центральным женским религиозным персонажем среди множества мужчин и пытается найти свое место в этом мужском мире.

Еще один показательный пример – работа Ники Минаж и Таши Гоббс Леонард «*I'm Getting Ready*» 2017 г. В этой песне, присутствует эмоциональная рэп вставка Минаж в середине, где она сообщает слушателям, что она не будет молчать, а должна говорить, и продолжает: «Господь защищает меня. Я смотрю, как они все падают из-за того, что идут против меня. Потому что я и мои ангелы

застрелили дьявола». Заканчивает свой монолог Минаж словами: «Сила жизни и смерти снисходит с моего языка», уже не только ссылаясь на заступничество Бога, но фактически приписывая себе божественные функции.

В клипе на песню Игги Азалия 2018 г. «Savior» «Спаситель», режиссером которого был Колин Тиллей, нам показывают различные христианские образы: иконы, статуи Иисуса и святых, горящие свечи, огромный католический собор с прихожанами. В какой-то момент певица идет в монашеском одеянии по проходу в соборе, над ее головой горит неоновый нимб, а вокруг неоновые кресты. Азалия подходит к группе белых женских фигур, напоминающих монахинь, тоже с неоновыми нимбами, в центре среди которых стоит темная фигура в капюшоне. Певица подходит к этой фигуре и пытается снять капюшон, под которым оказывается лишь пустота. Это перекликается и с текстом песни, в которой рефреном звучит: «Я искала Спасителя», но «кажется, Бог разыгрывает меня». Лирическая героиня не слышит ответа от Бога. Главный меседж работы очевиден: не стоит искать спасения в других, следует искать его в себе. То, что видео начинается со сцены спящей в соборе певицы может означать, что, с одной стороны, все происходящее в клипе – фантазмагория, типичная для сна, но с другой стороны, можно рассматривать образ католического собора как образ внутреннего мира певицы, и подобно гностику, она пробуждается от сна и видит истину. Это подтверждается словами певицы. В интервью Игги Азалия сообщает, что «это песня о том, что вы являетесь своим собственным спасителем» [3]. То, что певица в клипе предстает в образе, похожем на монахиню или святую, с прекрасным ликом, напоминающим католические статуи Мадонны, с нимбом над головой, видимо, призвано продемонстрировать ее собственную религиозную силу и святость.

Пожалуй, наиболее ярким проявлением современной религиозной и феминистической повестки в популярной музыке – работа Арианы Гранды «Бог это женщина» 2018 г., клип на которую был снят Дейвом Мейерсом. В самом тексте песни лирическая героиня обращается к возлюбленному, обещая, что после того, как он проведет с ней время, он поверит, что бог – женщина. Но видео ряд многократно дополняет этот нехитрый текст. Он наполнен религиозной символикой, причем, в отличие от других клипов, христианская символика здесь не доминирует, в клипе множество отсылок и к другим религиям. Видео начинается с того, что персонаж певицы крутит на своей талии Млечный путь. Затем мы наблюдаем, как певица находится в мировом первоокеане, что сменяется зрелищем гигантской певицы, сидящей на огромной книге и окруженной маленькими фигурами агрессивных мужчин, бросающих в нее различные обвинения. Она же лишь бесстрастно взирает на них. Клип Арианы Гранде однозначно живописует женщину, как создательницу жизни, что дополнительно подчеркивается фрагментами с завуалированной символикой женских детородных органов, а также кадрами, когда рисованный персонаж певицы ступает по земле, после чего вся природа расцветает, а сама певица оказывается беременной. В середине музыкального видео есть фрагмент, где Ариана Гранде в образе Тора с молотом цитирует книгу Иезекииля 24:17. Сам этот текст, кстати, в видео читает Мадонна. Он звучит в варианте перевода Библии короля Якова и весьма показательно то, что слово «братья» в нем заменено на «сестры»: «И я обрушу на тебя великую месть и яростным гневом поражу тех, кто попытается отравить и уничтожить моих сестер». Таким образом Бог в женском обличье представляется далеко не только милостивым и дарующим жизнь, но и карающим. Посыл певицы достаточно очевиден – женщина, подобно Богу, создает жизнь и не нуждается в мужчинах, которые могут быть ничтожными на ее фоне.

Таким образом, мы видим, что религиозная тематика и раньше значительно представленная в популярной культуре, в последнее время приобретает все более феминистский оттенок, что отражает не только стремление женщины обрести равное с мужчинами место не только в мире, но и в религиозной жизни. Женщины все больше примеряют на себя ключевые для религии роли, либо переосмысляя традиционные религиозные фигуры и наделяя их большей значимостью, либо вообще выступая в роли божества. Так популярная культура подхватывает тенденции, намечающиеся в обществе, переосмысляет их и в результате генерирует новые религиозные смыслы.

Литература

1. Lady Gaga Mimics Madonna // Catholic League: For Religious and Civil Rights // Catholic League. URL: <http://www.catholicleague.org/release.php?id=1881> (дата обращения 15.04.2022)
2. Montgomery J. Lady Gaga's 'Alejandro' Director Defends Video's Religious Symbolism // MTV News. June 9, 2010.
3. New Music: Iggy Azalea feat. Quavo – 'Savior' // Rap-Up. 1 February 2018. URL: <https://www.rap-up.com/2018/02/01/new-music-iggy-azalea-quavo-savior/>

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ АНАЛИЗА ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

М.А. Чернецов

Аспирант кафедры «Методология науки, социальные теории и технологии»

Пензенский государственный университет

E-mail: mseqtor@gmail.com

В статье исследуется эволюция подходов к анализу религиозно-метафизических представлений россиян в постсоветский период. Дается характеристика условий, сложившихся в сфере исследования религии на фоне преобразований государственной власти и идеологии. Перечисляются задачи, новые области исследования и методологические проблемы, которые встали в данный период перед российскими учеными и мыслителями. Описывается эволюция подходов к изучению религиозности, которые объединяются в три группы: структурный анализ с точки зрения формальной конфессиональной принадлежности, изучение различных типов религиозности, философский анализ религиозных взглядов как элемента национального самосознания. Рассматриваются методики конфессионального деления на основе самоопределения (В.Ф.Чеснокова, Ю.Ю.Синелина), на основе духовных практик (Д.Е. Фурман, С.Б. Филатов, Л.Н. Лункин), по национальному признаку. Раскрывается понятие типа религиозности как интегральной характеристики, включающей в себя различные количественно и качественно измеряемые показатели духовной жизни. Излагаются перспективы социально-философского осмысления постсоветской религиозности через понятие свободы. В качестве методологической базы предлагается концепция десяти степеней свободы-самостоятельности, разработанная профессором А.Г.Мясниковым.

Ключевые слова: постсоветская религиозность, религия, конфессиональная структура, типы религиозности, степени свободы, эволюция свободы, постсекулярность

HISTORY AND MODERN TRENDS IN THE ANALYSIS OF POST-SOVIET RELIGIOSITY

M.A. Chernetsov

Postgraduate student of the department

"Methodology of science, social theories and technologies"

Penza State University

E-mail: mseqtor@gmail.com

This paper deals with evolution of approaches to analysis religious and metaphysical ideas of Russian people in the post-soviet period. The characteristic of conditions prevailing in the scientific research of religion against the background of transformations of government authority and ideology is given. Goals, new research areas and methodological problems, which are Russian scientists and philosophers faced, are listed in this article. The study describes evolution of approaches to analysis of investigation religious, which distinguish for three groups: the structure analysis from the point of view of formal confessional affiliation, research of different types of religiosity, philosophical analysis of religious opinions as an element of national self-awareness. Methods of confessional division based on self-determination (V.F. Chesnokova, Y.Y. Sinelina), based on spiritual practices (D.E. Furman, S.B. Filatov, L.N. Lunkin) and on separation by nationality, are considered. The study reveals the concept of religiosity types as an integral characteristic which includes different quantifiable and qualitatively measurable indicators of spiritual life. The prospects of socio-philosophical understanding of post-Soviet religiosity through the concept of freedom are presented. The socio-philosophical concept of 10 degrees of freedom-independence, developed by the Doctor of Philosophical Sciences Professor A.G. Myasnikov is proposed as a methodological basis.

Keywords: post-Soviet religiosity, religion, confessional structure, types of religiosity, degrees of freedom, evolution of freedom, postsecularism

Исторический контекст

Изменения в отечественном религиоведении на рубеже 80-х и 90-х годов XX века произошли стремительно. Не в последнюю очередь данная ситуация сложилась в силу того, что, говоря в терминах Имре Лакатоса, основным элементом предохранительного пояса советской научно-исследовательской религиоведческой программы была не какая-либо научная гипотеза, а государственная идеология и цензура. Когда последние сошли со сцены, для исследователей открылась возможность не просто изучать духовную жизнь общества с новых позиций, а во многом начать работу с чистого листа. Метафизические представления современников, статистическая картина религиозности, философское выражение духовных триггеров и исканий эпохи — лишь часть областей исследования, которые прежде были обойдены вниманием учёных и мыслителей.

Перед отечественной религиоведческой наукой был поставлен вопрос определения путей своего развития и выбора методологического аппарата, который она предполагала использовать. Причём выбор этот касался как концептуальных оснований, так и сугубо практических аспектов, например, сбора эмпирических данных. С самого начала стало очевидно, что ответ «православие» на вопрос интервьюера о вероисповедании респондента несёт в себе минимум информации для исследователя. Православным мог назвать себя и неверующий, вкладывающий в этот ответ сведения о происхождении из соответствующей духовной среды, и экзальтированный искатель мистического опыта, впитавший в себя все изощрения «народного православия» и слабо представляющий себе действительные основы верования.

При этом история религиозной жизни в России (какое бы название ни носило государство в тот или иной момент) интересна тем, что идеально вписывается в триадологическую концепцию традиционной, секулярной и постсекулярной эпох, границы которых в отечественной истории прослеживаются чуть ли не с точностью до года. Представители множества концепций описания современной религиозности, получают широчайшую эмпирическую базу для верификации своих выводов — и каждый в той или иной степени оказывается удовлетворен полученными результатами.

И, наконец, следует отметить ещё одну существенную характеристику эпохи. Широкое распространение получило утверждение, что с завершением советского периода исследование столь резонирующего вопроса, как религиозность, вышло из-под идеологического контроля [1]. Действительно, в прошлое ушла необходимость увязывать результаты своих исследований с положениями диалектического материализма и атеизма. Однако влияние личных религиозных взглядов и социальный заказ часто оказывали существенное влияние на работу религиоведов, социологов религии и религиозных философов.

Заметную роль накладывала и насыщенная политическая жизнь. Так, в эпоху «религиозного ренессанса» конца 1980-х — начала 1990-х годов восстановление религии в своих правах воспринималось как один из аспектов либеральных преобразований в противовес позиции ретроградных прокоммунистических сил. И напротив, в конце 2000-х и на протяжении 2010-х церковь стала прочно ассоциироваться с государственной властью и борьбой с «несистемной» оппозицией (хотя отдельные представители РПЦ и придерживаются вполне либеральных взглядов). Поляризация мнений усилилась рядом общественных конфликтов, таких как панк-молебен «Pussy Riot», протесты против передачи Исаакиевского собора в собственность РПЦ и строительства Екатерининского собора в Екатеринбурге, «Дело Соколовского», упоминание Бога в Конституции РФ и т.д. [2, с. 69]

На этом фоне любопытным представляется проследить эволюцию исследований постсоветской религиозности. Интерес представляют не только различные подходы как таковые, но и изменение акцента исследовательского интереса во времени.

Постсоветская религиозность: от количественных исследований к качественному анализу

Религиозный состав Российской Империи поддавался строгому учёту уже в силу того, что духовные учреждения (как православные, так и относящиеся к иным исповеданиям) выполняли не только культовые, но административные функции (например, регистрацию рождений, браков и смертей, фактически исполняя работу современных органов ЗАГС). В советскую эпоху ситуация изменилась. После признанной «дефектной» переписи населения 1937 года вопрос о религиозных предпочтениях на многие годы пропал из опросных листов последующих демографических исследований.

Разрешённые советской властью празднования 1000-летия Крещения Руси в 1988 году вызвали неожиданно широкий отклик у граждан официально атеистического государства. Это факт

и последующее развитие событий создали потребность определения численного состава действующих в стране конфессий. В силу политической и идеологической значимости этих данных фокус исследовательского интереса был сосредоточен во многом на получении статистических результатов, что ставило вопрос, кого можно считать православным. Различные ответы на этот вопрос давали принципиально отличающиеся результаты.

Наибольшую популярность снискал подход, предложенный В.Ф.Чесноковой и развитый Ю.Ю.Синелиной. Предполагалось, что любой респондент, назвавший себя православным (мусульманином, лютеранином и т.д.), может быть учтён «в пользу» этой конфессии. Такому подходу противоречили данные соцопросов, согласно которым, абсолютное большинство заявленных сторонников православия практически никогда не причащаются, посещают церковь реже раза в год, а часть из них даже не верит в бога. Таким образом, «православность» их являлась не более чем маркером культурной, национальной или гражданской идентичности и не была подкреплена соответствующими духовно-метафизическими воззрениями. Компенсировать этот разрыв В.Ф.Чеснокова пыталась за счёт введения индекса воцерковлённости, позволявшего оценить вовлечённость человека в духовные практики по 5 критериям, каждый из которых оценивался по 5-балльной шкале. Однако даже «нулевые» или «невоцерковлённые» респонденты продолжали в итоге учитываться как православные [3]. Ю.Ю.Синелина уточняла, что даже человек, не посещающий церковь, склонный к оккультизму, занимающийся восточными духовными практиками, должен считаться православным, если называет себя таковым [4, с. 95]. Оппоненты, помимо содержательной критики метода, указывали, что и В.Ф.Чеснокова, и Ю.Ю.Синелина являются глубоко верующими людьми, что влияет на объективность их оценок [5].

Альтернативный подход был предложен такими учёными, как Д.Е. Фурман, С.Б. Филатов, Л.Н. Лункин. Он предполагал избрать в качестве критерия участие в духовных практиках и, более того, сосредоточиться на регулярности посещения религиозных учреждений. С этой точки зрения отнести респондента к последователям той или иной церкви позволяет положительный ответ на вопрос вида «посещали ли вы церковную службу в прошлое воскресенье / в течение прошлой недели / в течение последнего месяца?». Сами исследователи отмечали, что результаты, полученные таким образом, слишком резко расходятся с официальной позицией РПЦ, поэтому вряд ли могут стать общепризнанными в российском обществе [6, с. 42].

Один из недостатков данной методики состоит в том, что на частоту посещения церкви (мечети, синагоги) влияют и нерелигиозные признаки. Так, малочисленные религиозные общины предполагают более тесное вовлечение человека в свою внутреннюю жизнь, особенно если последняя сформирована также и на основе национального признака. По этой причине сторонники данного подхода обвинялись оппонентами в симпатиях к нетрадиционным для России конфессиям и даже протестантских настроениях.

В широком общественном дискурсе имели место также обращения к «национальному» подходу, когда численность конфессий определялась равной численности представителей народов, для которых она является традиционной. Однако в научной среде он в силу очевидных причин всерьёз не обсуждался [7, с. 60].

Углубленные социологические исследования постепенно сформировали понимание, что простое конфессиональное деление не отражает структуры метафизических взглядов в обществе по существу. На этом фоне предпринимаются неоднократные попытки выработать представление о типах религиозности. Это понятие, которое включает в себя, помимо самоопределения, ряд других количественных и качественных характеристик, таких как:

- догматическая грамотность;
- согласие с догматическими установками или их отвержение;
- нравственное преобразование под влиянием религиозных взглядов;
- степень вовлечённости в культовую деятельность;
- авторитетность для респондента духовных лидеров;
- влияние религиозных взглядов на социальную активность;
- отношение к представителям других конфессий;
- иные критерии [8, с. 142].

Однако на сегодняшний день не сложилось общепринятого перечня типов религиозности. Более того, описывая тот или иной из них, авторы часто говорят не о выделении отдельной группы носителей данного типа, а указывают на некую интегральную характеристику духовной жизни общества в целом. Так были сформированы концепции внецерковной, гражданской, замещающей и иных типов

религиозности. Данный подход соответствует вектору философских и социологических изысканий западных исследователей [9].

Однако классификацией и групповым делением не исчерпываются задачи изучения постсоветской духовной жизни. Анализ на концептуальном философском уровне предполагает возможность понять динамику взглядов членов общества, определить их взаимное влияние с другими аспектами жизни — тем более, что наличие такового не раз было продемонстрировано в самом разном ключе представителями западной философии и науки (Р.Инглхар, П.Фрёзе и др.) [10; 11]

Перспективным в этом отношении представляется осмысление постсоветской религиозности через призму понятия свободы в её практическом аспекте. Религиозно-метафизическая свобода здесь рассматривается как одна из степеней развития человеческой личности, иерархически соотносимая со свободой экономической, политической, творческой и т.д. Теоретической основой метода служит концепция, изложенная в ряде публикаций профессора А.Г.Мясникова и возглавляемого им коллектива авторов [12].

Нравственно-религиозная свобода-самостоятельность представлена здесь как восьмая из десяти ступеней свободы-самостоятельности человека. Индикаторами её выступают механизмы и среда формирования личных представлений, овладение информацией об альтернативных взглядах, сложность метафизических конструкций и их внутренняя логика, влияние на социальное поведение и другие факторы. Данный подход позволяет отойти от конфессиональной принадлежности как основного критерия религиозности индивида или большой социальной группы. В ходе анализа рассматриваются исторический контекст и общая ситуация в духовной жизни общества, влияние общественных, политических и экономических институтов на духовный выбор граждан, внутренняя логика и потенциал развития в том или ином направлении доминирующих религиозно-метафизических доктрин.

Данный подход позволяет сформировать содержательную картину религиозного самосознания россиян в постсоветскую эпоху как в моментальном срезе, так и в исторической ретроспективе, а также обладает высоким прогностическим потенциалом, что делает его потенциальным теоретическим фундаментом для разработки программ и проектов в сфере государственного и муниципального администрирования.

Литература

1. *Чжан Си*. Традиция изучения религии в России: краткий исторический анализ // *Инновационная наука*. 2016. № 5. С. 67–73.
2. *Чернецов М.А.* Религиозные аспекты эволюции свободы в постсоветском обществе // *Эволюция свободы: теория и практика социально-философского конструктивизма* : монография / под науч. ред. А. Г. Мясникова. Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. С. 32–102.
3. *Чеснокова В.Ф.* Воцерковленность: феномен и способы его изучения // *Десять лет социологических наблюдений* / сост. А. А. Черняков. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 112–145.
4. *Синелина Ю.Ю.* О критериях определения религиозности населения // *Социологические исследования*. 2001. № 7. С. 89–96.
5. *Митрохин Н.* 30 % православных считают, что Бога нет [Электронный ресурс]: URL: <https://takiedela.ru/2017/04/takaya-rossiya-cerkov/> (Дата обращения: 30.04.2022 г.).
6. *Филатов С. Б., Лункин Р. Н.* Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // *СоцИс*. 2005. № 6. С. 35–45.
7. *Вигилянский В. Н.* Русская Православная Церковь: итоги двадцатилетия религиозной свободы // *Двадцать лет религиозной свободы в России* / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. Моск. Центр Карнеги. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 41–69.
8. *Чернецов М. А.* Опыт социально-философского исследования постсоветской религиозности: специфика и методологическая основа // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2022. № 1. С. 135–146. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-1-135>.
9. *Каргина И. Г.* Новые религиозности: социологические рефлексии // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 2 (23). С. 186–193.
10. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития // М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
11. *Froese P.* Religion and American Politics from a Global Perspective. In: *Current Studies in the Sociology of Religion*. Ed. by K. R. Kerley. University of Alabama at Birmingham, 2015. P. 255–269.

12. Мясников А. Г., Константинов В. В., Чернецов М. А., Мясникова Т. А. Происхождение, структура и функции ловушек для свободы: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 2А. С. 158–170.

СУДЬБА ЭВОЛЮЦИОННОГО УЧЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБЩЕСТВЕ СОЗНАНИЯ КРИШНЫ

А.С. Тимощук

*Доктор философских наук, доцент
Владимирский юридический институт ФСИН
E-mail: human@vui.vladinfo.ru*

Один из антиэволюционистских мемов изображает два образа – пещерный человек и рядом египетский чиновник 3 тысячелетия до нашей эры. Комментарий к этому образу такой – «Как возможен скачок?». Сторонники инопланетного воздействия полагают, что технологии человечество могло получить от цивилизаторов. Вместе с тем, наблюдение за тем, как происходят открытия сегодня (компьютер, пенициллин, электромобиль) позволяют считать, что мы идём путём медленных улучшений миллионы лет. Эволюционная парадигма на пальцах – это вся наша история за последние 10 тысяч лет. Сельскохозяйственные культуры и домашние животные, ремёсла и технологии, технические устройства и приборы, транспортные системы и средства связи, компьютеры и реактивные двигатели – всё это не возникло спонтанно, но есть результат долгих процессов совершенствования. Многие другие естественные процессы также вполне фиксируемы и укладываются в эволюционную парадигму, например, геологические и климатические изменения, почвообразование, этногенез, дивергенция языков одной семьи. В статье представлены антиномии эволюционной парадигмы в перцепции индуистской религиозной организации ИСККОН.

Ключевые слова: ИСККОН, International society for Krishna consciousness, МОСК, Международное общество сознания Кришны, ИБ, Институт Бхактиведанты, Свами Бхактиведанта, эволюционизм, дарвинизм

THE FATE OF EVOLUTIONARY TEACHING IN THE INTERNATIONAL SOCIETY FOR KRISHNA CONSCIOUSNESS

A.S. Timoschuk

*DSc in Philosophy, Associate Professor
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service
E-mail: human@vui.vladinfo.ru*

One of the anti-evolutionist meme depicts two images, a caveman and an Egyptian official from the 3rd millennium B.C. The commentary on this image is, "How is this leap possible?" Proponents of alien influence believe that humanity may have received technology from civilizers. At the same time, observation of how discoveries occur today (the computer, penicillin, the electric car) suggests that we have been following a path of slow improvement for millions of years. The evolutionary paradigm on our fingers is our entire history over the past 10,000 years. Crops and pets, crafts and technology, technical devices and appliances, transportation and communication systems, computers and jet engines—all these did not arise spontaneously, but are the result of long processes of improvement. Many other natural processes are also quite fixable and fit into the evolutionary paradigm, such as geological and climatic changes, soil formation, ethnogenesis, and divergence of languages of the same family. The article presents the antinomies of the evolutionary paradigm in the perception of the Hindu religious organization ISKCON.

Keywords: ISKCON, International Society for Krishna consciousness, ISKCON, MOSK, Swami Bhaktivedanta, BI, Bhaktivedanta Institute, evolutionism, Darwinism, synthetic theory of evolution

Цель исследования – продемонстрировать, что при внешнем отрицании дарвинизма и синтетической теории эволюции, традиционная индуистская парадигма эмерджентизма во многом схожа с эволюционизмом и, что «ведический креационизм» является новоделом, полученным в результате заимствования программы христианского креационизма.

Казалось бы, ИСККОН представляет однозначно антиэволюционное учение, если судить по доминирующему дискурсу и публикуемой литературе. Прабхупада преподносится как рьяный антидарвинист, а учёные воспринимают ИСККОН как оплот антиэволюционистского «ведического креационизма». Однако это далеко не так. Конечно, кришнаит в своей массе – это антидарвинист, однако в идеологическое единство пост-харизматического индуистского движения время вносит разнообразие.

«Ведический креационизм» – это слишком упрощённое понимание сложных процессов происхождения мира в источниках Древней Индии. Даже самый известный критик дарвинизма со стороны ИСККОН, такой как Майкл Кремо, в своих презентациях исходит из того, что происхождение мира – это комплексный процесс, где имеет место на разных этапах не только креационизм, но и эволюционизм, панспермия и разумный замысел.

Институт Бхактиведанты сделал ставку на антидарвинизм, что соответствует общему пониманию в ИСККОН, что Бхактиведанта Свами, основатель общества, выступал последовательно против учения Ч. Дарвина. Поэтому его издательство поддерживало работы в развитие этой идеи [1-3]. Вместе с тем, антидарвинизм никогда не входил в программу Свами Бхактиведанты, который боролся с атеизмом, научным фундаментом которого, благодаря Т. Гексли, К. Марксу и Ф. Энгельсу, стал дарвинизм. В своих книгах и комментариях Прабхупада как раз демонстрирует открытость к эволюционной парадигме, указывает на её ведические параллели и религиозные возможности для интерпретации.

Самым крупным проектом ИСККОН стала совместная работа ряда сотрудников Института Бхактиведанты, обобщённая и описанная Ричардом Томпсоном и Майклом Кремо в книге, с конспирологическим заголовком «Forbidden archeology», несколько смягчённом в русском переводе [4]. Их труд заключался в опровержении эволюции через примеры существования разумного человека в палеогене.

В научном мире не остались незамеченными их усилия, они попали в профильные рецензии. Однако выпущенная «Запрещённая археология» восприятие антропологов не изменила. Ряд учёных восприняли нападки против дарвинизма как работу в истории науки, оценив большое количество источников XIX и начала XX века. Критики ранних находок явно недостаточно, чтобы изменить парадигму. Всё-таки, современные находки ещё больше подтверждают эволюционное учение. Затем, специалистам всегда бросается в глаза то, что авторы пишут книгу с сильной убеждёностью, далёкой от нейтральной научной рациональности. Что порождает те же проблемы, как и в любой идеологизированной науке, например, марксистской или христианской. Нужные сведения поднимаются, например, ранние отчёты, а современные – игнорируются. Авторы верят в религиозный идеал древнего существования на Земле человека, хотят продвинуть эту гипотезу и ради неё закрывают глаза на всё, что им мешает [5].

Комплексный подход авторов был воспринят как креационизм научными обозревателями: «Ведическая альтернатива теории эволюции Дарвина лишь продолжает американский христианский фундаментализм... склонность к креационизму – это, похоже, заводские настройки человека, отгородившегося от науки» [6].

Водак и Олдройд указали на необычность ведического креационизма, который, в отличие от христианского, согласен в принципе с датировкой Земли [7]. Майкл Кремо в своем сиквеле не замечает критики, а лишь отмечает то, что рецензенты признают значимость «Запрещённой археологии» для истории науки, воспроизводят подробную информацию о Международном обществе сознания Кришны, приводят множество ссылок на Ригведу, Веданту, Пураны и оперируют концептами «атма», «йога» и «карма» [8, с. 2].

Российские антропологи не обратили внимание на ведический креационизм, не увидев в нем никакой парадигмальной ценности. Так, С.В. Дробышевский признает состаривание человека с 40 до 200 тысяч лет, что было сделано в рамках нормальной науки в критических публикациях. Однако отнесение человека к третичному периоду, существование сапиентных людей в мезозое – это лишь плод воспалённого воображения креационистов [9]. В целом, реакция ученых на ведический креационизм была вполне предсказуемой, антропологи раскрыли вполне понятный смысл организации – продвижение на рынке религиозности своей концепции, фундированной отсылками к науке.

Я считаю, что многолетний общественный образ ИСККОН на Западе как организации за гранью

нормы (at the fringes) не является её сущностью. Средневековый индийский старт движения в Бенгалии (Гаудадаш, Маяпур), Ориссе (Джаганнатха Пури) и Северной Индии (Матхура, Вриндаван) обнаруживает тенденцию к занятию мейнстрима в культурной среде. Основатель гаудия вайшнавизма, Чайтанья, сам принял посвящение в уважаемой традиции в санньясу от Кешава Бхарати, что означало получение престижного духовного статуса в индийском обществе. Обращенные в традицию гаудия правители, философы и религиозные деятели, такие как Сарвабхаума Бхаттачарья, Махараджа Пратапарудра, Рупа и Санатана Госвами, Гопал Бхатта Госвами, принадлежали к культурной элите. Иначе говоря, Чайтанья взаимодействовал с культурным центром. Бхактиведанта Свами, распространивший гаудия вайшнавизм на Западе, постоянно проводил встречи с учёными, политиками и журналистами, демонстрируя стремление к культурному центру. В то время как после смерти Бхактиведанта Свами ИСККОН тяготеет к культурной маргинальности, что, в частности, проявляется в прямой или косвенной поддержке идей заговора, рептилоидов, деволуции и т.п. В некоторых лавках храмов ИСККОН и в коллекциях электронных библиотек, распространяемых вайшнавами, можно встретить книги, которые востоковед С.В. Пахомов назвал «фейковой индологией»: «Виманика шастра», «Иисус в Индии», «Ведическая империя», «Русские веды» и т.п. [10] ИСККОН как раз имеет имидж маргинального движения и обращение к паранауке не улучшает общекультурный уровень организации

Вместе с тем, существуют скромные попытки примирить эволюционизм и Сознание Кришны, хотя голоса тех, кто ведёт диалог с эволюционной парадигмой, практически, не слышны. Так, биохимик из Манипура Тудам Дамодар Сингх (Бхакти Сваруп Дамодара Госвами), – один из немногих высокопоставленных вайшнавов, который вел диалог с эволюционной парадигмой [11]. Австралийские философы Оливер Замбон и Том Эхтнер подвергли критике ведический креационизм, указав на основании традиционных текстов, что ведический эволюционизм имеет не меньше прав на существование [12-14].

Таким образом, «ведический креационизм» – это слишком упрощённое понимание сложных процессов происхождения мира в источниках Древней Индии. Веды описывают происхождение мира как комплексный процесс, где имеет место не только креационизм, панспермия и разумный замысел, но и постепенная адаптация видов жизни к условиям обитания.

Литература

1. *Leif A. Jensen Rethinking Darwin - A Vedic Study of Darwinism and Intelligent Design.* Bhakti Vikas Trust; 2017th edition (April 1, 2017) 270 p.
2. *Tasi I., Hornyanszky B.* Nature's I.Q. Torchlight Publishing, 2009. 160 p.
3. *Urmila Devi Dasi Education and evolution* // Nov 1, 2009. Volume-43 Number-06// <http://www.backtogohead.in/education-and-evolution-by-urmila-devi-dasi/>
4. *Кремо М., Томпсон Р.* Неизвестная история человечества. М.: Философская книга, 1999. 496 с.
5. *Tarzia W.* Forbidden Archeology: Antievolutionism outside the Christian Arena by Michael A. Cremo and Richard L. Thompson // *Creation/Evolution.* Summer 1994. Issue XXXIV. P. 13-25.
6. *Khan R.* Vedic Creationism // <https://www.discovermagazine.com/the-sciences/vedic-creationism>
7. *Wodak J., Oldroyd D.* 'Vedic Creationism': A Further Twist to the Evolution Debate // *Social Studies of Science.* 1996. P. 192-213.
8. *Кремо М.* Деволуция человека: ведическая альтернатива теории Дарвина. М.: Философская книга, 2006. С. 2.
9. *Дробышевский С.В.* О стадияльной концепции и «Запрещенной археологии» // <https://antropogenez.ru/interview/252/>
10. *Пахомов С.В.* Мифы об Индии: 2400 лет «фейковой индологии» // «Проблемы интерпретации традиционного индийского текста» XLII Зографские чтения (Санкт-Петербург, 18-21 мая 2021 г.)
11. *Singh T.D.* Life and Spiritual Evolution, Bhaktivedanta Institute, 2005.
12. *Zambon O., Aechtner Th.* Vaishnavism, antievolutionism, and ambiguities: revisiting ISKCON's Darwin skepticism // *Zygon. Journal of Religion and Science.* 2018. N 53 (1). P. 67-94.
13. *Zambon O., Aechtner Th.* Convergent Antievolutionism and the Hare Krishnas // *Theology and Science.* 2019. Volume 17. P. 292-296.
14. *Zambon O., Aechtner Th.* Evolving Religion-Science Perspectives of the Bhaktivedanta Institute and ISKCON // *Nova Religio.* 2022. Volume 25. Number 3 (February). pp. 57-86.

«НОВЫЙ АНИМИЗМ» И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИИ

А.А. Зубковская

Кандидат философских наук, библиограф

Российская национальная библиотека

E-mail: zubkovskaya_a@mail.ru

В статье представлена концепция «нового анимизма», разработанная в рамках деколониальной критики гуманитарного знания (Г. Харви, Х. Фихте, Ф. Дескола, Э. Вивейруш де Кастру, Э. Кон, Т. Ингольд, Б. Латур и др.) и ее влияние на характер современных исследований религии. В первой части кратко рассматривается происхождение термина «анимизм» и классическая анимистическая теория Э. Тайлора, а также ее последующая критика. Во второй части описывается концепция «нового анимизма» и анализируется ее влияние на современное гуманитарное знание и, в частности, на исследования религии. В заключении выводится идея о том, что «новый анимизм», укрепляя постмодернистскую критику науки о религии, предлагает множественную исследовательскую оптику для исследований религиозных феноменов и действий.

Ключевые слова: анимизм, новый анимизм, Тайлор, эволюция религии, эволюционное религиоведение, деколониализм, этнометафизика, наука о религии, эстетический поворот, онтологический поворот

THE “NEW ANIMISM” AND APPROACHES TO THE STUDY OF RELIGION

A.A. Zubkovskaya

CSc in Philosophy, bibliographer

Russian National Library

E-mail: zubkovskaya_a@mail.ru

In this paper author represents the concept of “new animism”, developed by decolonial critics of humanities (G. Harvey, H. Fichte, Ph. Descola, E. Viveiros de Castro, E. Kohn, T. Ingold, B. Latour, etc.) and analyses its impact on contemporary studies of religion. The first part contents brief description of genesis of the term “animism” and represents classical animistic concept by E. Tylor, also his critics. The second part describes the concept of the “new animism” and analyses its impact on contemporary humanities, in particular, on religious studies. The conclusion leads to the idea that the “new animism”, consolidating postmodern critics of religion, offers multiple research optics for examining religious phenomena and actions.

Keywords: animism, new animism, Tylor, evolution of religion, evolutionary studies of religion, decolonialism, ethnometaphysics, science of religion, aesthetic turn, ontological turn

Термин «анимизм» был предложен в XVIII веке немецким врачом Георгом Эрнстом Шталем, изобретателем теории флогистона. В своих трудах по физиологии он следовал витализму, веря в то, что живые организмы наделены нематериальной «жизненной силой» (*vis vitalis*), душой (*anima*), которая выступает принципом организации материального тела [1; 01]. Представление об одушевленности материи, безусловно, не было новым для науки XVIII века, анимистические верования прослеживаются вглубь истории человеческого мышления, связывая религиозные и натурфилософские формы мировоззрения. Так, например, в древнегреческой натурфилософии анимизм был частью размышлений о природе: «Аристотель и Гиппий говорят, что он [Фалес] наделял душой даже неодушевленное» [2; с. 100], схожим образом Левкипп и Демокрит представляли атомы одушевленными [3; с. 91].

Английский антрополог Эдуард Тайлор первым представил критическое исследование анимизма, открыв тем самым целую эпоху анимистических теорий. В книге «Первобытная культура» (1871) Тайлор определил анимизм как «доктрину душ и других духовных существ в целом» [4; с. 23], полагая эту формулировку «минимумом религии» [4; 426]. В его теории анимизм является первоначальной формой верований, «спиритуалистической философией» (в противопоставлении материалистической), которая лежит в основании цепи эволюционного развития религиозных

представлений. Этот подход характеризуется монолинейностью и градуализмом эволюционных траекторий человека и культуры, характерным для антропологии XIX века, которая рассматривала эволюцию как развитие «от дикаря к цивилизованному человеку» [4; с. 426].

Анимистическая теория происхождения религии была предметом обсуждений и критики в последующем веке. Так, в 1920-1930-х годах советские исследователи занимались изучением теоретических подходов к проблеме возникновения религии, одним из которых стала анимистическая теория [5; с. 29]. Отечественные антропологи по большей части поддерживали анимистическую теорию, рассматривали анимизм как часть эволюционных теорий религии. С другой стороны, анимизм («душеверие») подвергался тщательному пересмотру, в частности, с точки зрения материалистической философии.

Во вступительной статье к русскому переводу «Первобытной культуры» Э. Тайлора В.К. Никольский критиковал автора за «метафизическое понимание эволюции» [6; с. 22]. Он писал: «нельзя переносить на эволюцию общества законы, которым подчинена эволюция в природе» [6; с. 23], и в этом он был солидарен с распространенной критикой эволюционного подхода в культурной антропологии. Так, критикуя классический эволюционизм, американский антрополог Франц Боас отмечал, что «линия мысли, лежащая в теории развития животных, была бессознательно перенесена на теорию развития культурных типов» [7]. Граница между природой и культурой, животным и человеком была центральным аспектом классической западноевропейской мысли.

Прошло некоторое время, прежде чем были открыты новые перспективы для эволюционных исследований религии. Современный эволюционизм, в частности – в науке о религии, сопряжен с набором разных дисциплин, в том числе с теми, которые стягивают методологический и концептуальный разрыв между гуманитарным знанием и естественными науками. Этот аспект позволяет переработать и дополнить старые теории новой исследовательской оптикой, и одним из факторов «поворотов» в современной антропологии религии стал целый кластер концепций «нового анимизма» [8].

Квир-исследователи и деколониальные критики (Грэм Харви, Хуберт Фихте, Филипп Дескола, Эдуарду Вивейруш де Кастру, Эдуардо Кон, Тим Ингольд, Бруно Латур и др.) проводят определяющую границу между «старым» анимизмом и анимизмом «нового типа» [9]. В отличие от «старого» «новый анимизм» определяет горизонтальный, связный, локальный, множественный, семиозисный, мультинатуралистический характер изучаемых в антропологии онтологий, тем самым устанавливая субъектность и агентность каждого актанта, вовлеченного в любой процесс взаимодействия, в том числе исследовательский. Завершение деантропологизации гуманитарного знания вкупе с деколониальной критикой выводят критические исследования религии за рамки привычных форматов и делают науку о религии еще более дискуссионным полем, чем прежде [10].

Критикуя разделение Тайлора на «спиритуалистическую» и «материалистическую» философию, теоретики трактуют анимизм, напротив, как *связующую* эпистемологическую установку охотников-собирателей [10; с. 121], способность «быть с другими» [10; с. 122], а не просто наблюдать за объектом своего исследования. Антропологи, тем самым, «вступают в отношения с представителями локальных онтологий (в т.ч. с шаманами, а, значит, с их духами и божествами) как со своего рода коллегами – инокультурными учеными, работающими со своими антропологическими моделями» [8; с.49], а антропология становится этнометафизикой [11]. Какими бы жесткими ни были границы между религией, философией и наукой, они моментально стираются благодаря методологическому монизму «новой» эпистемологии и этнометафизики.

Итак, «новый анимизм» меняет эпистемологические и методологические правила для любого современного исследователя религии, призывая предварительно указать ту исследовательскую установку, которая используется в том или ином научном проекте. Здесь возрастает напряжение между внутренним и внешним дискурсом, или «эмическим» и «этическим» подходом, несмотря на то, что наука о религии определяется как «нейтральное, научное, культурное изучение религии, которое отличается от внутренних религиозных позиций, исключает вопросы религиозной истины» [10; с. 126]. В этой перспективе классическое религиоведение представляется как модернистский западноевропейский проект, помещенный в строгие дискурсивные и эпистемологические рамки, дальнейшее существование и развитие которого ставится под вопрос постмодернистскими критиками.

Анимизм как мировоззренческая позиция фиксируется не только извне, как предмет исследования в современной антропологии религии, она превращается во внутреннюю установку антрополога. Так, например, один из теоретиков Грэм Харви пишет, что «анимисты – это люди, которые *осознают*, что мир полон личностей, и только некоторые из них являются людьми» [9; xi, курсив мой]. Можно согласиться с тем, что замечает Изабель Лаак: термин *осознают* выдает

внутреннюю установку Харви, и если бы он следовал нейтральному академическому подходу, то использовал привычное для антропологов слово *верит* [10; с. 129].

В связи с «новым анимизмом» она фиксирует эстетический, пространственный, визуальный, материальный, телесный «повороты» в современном религиоведении [10; с. 130]. По словам профессора Лаак, в поле зрения исследователей оказываются вопросы эстетики, чувственного восприятия, материальных аспектов религиозности, при обращении к которым все еще требуется тщательная процедура по поиску языка описания. Можно добавить, что в определенных вопросах обозначенные выше «повороты» в исследованиях религии оказываются концептуально не отделенными от контекстуальных теологий XXI века – например, феминистской, экотеологии и т.д.

«Новый анимизм» преодолевает антропоцентризм в исследованиях человеческого и нечеловеческого мышления. Так, если следовать мысли профессора Стюарта Гатри о том, что религиозность структурируется на когнитивных и перцептивных стратегиях, то мы не можем отказать животным в наличии религиозного мышления. Он пишет: «Как и мы, другие животные, по-видимому, приписывают неодушевленному миру характеристики жизни и свободы действий. В этом смысле другие животные – анимисты. Это происходит потому, что все мы реагируем на неоднозначность восприятия стратегическим образом, вызванным естественным отбором: когда мы сомневаемся в том, является ли что-то живым или преднамеренным, или является результатом действие чего-то одушевленного или преднамеренного, мы предполагаем, что это так. Поскольку любое восприятие неоднозначно, а природные и человеческие обманы усиливают эту двусмысленность, и мы, и другие животные всегда должны предполагать, что в мире есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд» [12; с. 38-39]. Стоит заметить, что, вероятно, эта теория нуждается в более детальном исследовании, однако в этой перспективе когнитивные теории религии расширяют потенциал использования анимизма как модельной системы для изучения особенностей человеческого и нечеловеческого мышления.

Можно заключить, что концепция «нового анимизма» оказывает большое влияние на теорию и метод исследований религии. Прежде всего, антропологи здесь работают с собственной исследовательской установкой, определяющей подходы к изучению религиозных феноменов и действий, в которых исследователь может принять активное соучастие. Такие подходы основываются на постмодернистской критике религиоведения и не отвечают строгости позитивистских методов науки о религии как нейтрального объективного знания, детерриториализуя и деантропоцентрируя как полевые, так и теоретические исследовательские сферы. Наиболее интригующим представляется исследование человеческого и нечеловеческого религиозного мышления в перспективе «нового анимизма».

Литература

1. Borck C. Animism in the Sciences Then and Now // e-Flux. 2012. N 36. P. 01-08.
2. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А.В. Лебедева. М.: Наука, 1989. 575 с.
3. Шахнович М.М. Атомизм, анимизм и когнитивная наука // Вопросы философии. 2014. № 6. С. 89-94.
4. Tylor E.B. Primitive Culture. Researchers into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom. In 2 Vol. / E.B. Tylor. London: John Murray, Albermarle Street, W. 1920. Vol.1. 502 p.
5. Метель О.В. Проблема происхождения религии в советской историографии 1920-30-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета История. 2017. № 4. С. 28-33.
6. Никольский В.К. Место Эдуарда Тэйлора в исследовании первобытной культуры // Первобытная культура / Э.Б. Тэйлор. М.:Госсоцэкониздат, 1939. 568 с.
7. Lewis H.S. «The Relation of Darwin to Anthropology»: A Previously Unpublished Lecture by Franz Boas (1909) // History of Anthropology: [Электронный ресурс]. 2018. No 4. URL: <http://histanthro.org/cliio/the-relation-of-darwin-toanthropology-a-previously-unpublished-lecture-by-franz-boas-1909/> (дата обращения: 06.05.2022).
8. Маничкин Н.А. «Открыть заколдованность мира». Антропология на пути к новому анимизму // Хабаршы Эл-Фараби КҮУ (Вестник КазНУ). 2021. № 4 (78). С. 44-56.
9. Harvey G. Animism. Respecting the Living World. New York: Columbia University Press, 2006. 248 p.
10. Laack I. The New Animism and Its Challenges to the Study of Religion // Method and Theory in the Study of Religion. 2020. N 32. P. 115-147.

11. *Viveйруи de Кастру Э.* Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 404 с.
12. *Guthrie S.* Animal Animism: Evolutionary Roots of Religious Cognition // Current Approaches in the Cognitive Science of Religion. 2002. P. 38-67.

ИЗУЧЕНИЕ «КАРТИНЫ МИРА» ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Т.В. Чумакова

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: chumakovatv@gmail.com*

Доклад посвящен новым подходам к изучению картины мира православного духовенства Российской империи. В докладе духовенство рассматривается как субкультура, на формирование которой значительное влияние оказывали многочисленные информационные источники (книги, периодическая печать, протоколы заседаний). Для обозначения всей совокупности информационных источников предлагается использовать понятие «инфосфера». Термин инфосфера был введен в научный оборот Лучиано Флориди в конце XX в., и сейчас является одним из ключевых понятий в философии информации. В докладе доказывается, что важную роль в инфосфере играла библиосфера (совокупность книжных коллекций). Книжные коллекции (библиотеки) играли ключевую роль в системе религиозного образования Российской империи. Основу многих из них составляли личные коллекции епископов и преподавателей. Интересным феноменом российских духовных школ были студенческие библиотеки.

Ключевые слова: картина мира, православное духовенство, Российская империя, инфосфера

STUDYING THE "IMAGE OF THE WORLD" OF THE ORTHODOX CLERGY OF THE RUSSIAN EMPIRE

T.V. Chumakova

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies
Saint Petersburg State University
E-mail: chumakovatv@gmail.com*

These talk abstracts are devoted to new approaches to the study of the picture of the worlds of the Orthodox clergy of the Russian Empire. The report considers the clergy as a subculture, the formation of which was significantly influenced by numerous information sources (books, periodicals, minutes of meetings). To denote the totality of information sources, it is proposed to use the concept of "infosphere". The term noosphere was introduced into scientific circulation by Luciano Floridi at the end of the XX century, and is now one of the key concepts in the philosophy of information. The report proves that the bibliosphere (a collection of book collections) played an important role in the infosphere. Book collections (libraries) played a key role in the system of religious education of the Russian Empire. The basis of many of them were the personal book collections of bishops and teachers. Student libraries were an interesting phenomenon of Russian theological schools.

Keywords: image of the world, orthodox clergy, Russian empire, infosphere

Благодаря тому, что за последнюю четверть века российскими и западными исследователями была проделана огромная работа по изучению различных аспектов деятельности духовенства православной церкви в Российской империи, мы имеем возможность, опираясь как на эти

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX - нач. XX вв.»

исследования, так и на многочисленные источники, попытаться реконструировать картину мира православного духовенства.

К началу XIX в. духовенство Российской империи приобрело черты субкультуры. В немалой степени этому способствовала законодательная деятельность императрицы Екатерины II, которая юридически закрепила понятие «сословие». Однако, исследователи отмечают, что в отличие от Франции XVIII века, в России сложилась полиморфная социальная структура с конкурирующими социальными иерархиями, основанными не только на правовом статусе, но и на множестве других характеристик. Дело здесь не в том, понимается ли дореволюционное российское общество как «ни классовое, ни сословное» или как «сословия и классы» (формула, возможно, более созвучная запутанным сложностям поздней имперской России), а в том, что социальные идентичности оставались в высокой степени двусмысленными и изменчивыми, колеблясь между юридическим сословием, экономическим статусом и родом занятий. Несмотря на то, что события и условия революции 1905-07 годов частично разрушили систему "сословий", она в значительной степени осталась нетронутой в сознании и законодательстве, даже когда "сословия" были переосмыслены как культурно-бытовые группы, то есть социальные группы, определяемые их субкультурой, особым стилем жизни [1, р. 33]. Способствовало обособлению духовенства и государства, которое, желая разделить сферы деятельности светской и религиозной власти, фактически создало структуры, которые «дублировали деятельность государственных институтов, тем самым отделяя ее от них . Так у Церкви имелся свой аппарат цензуры..., собственные духовные училища..., собственные духовные суды... и собственный светский бюрократический аппарат» [2, с. 56].

Частично эта субъективная общность сохранялась даже теми выходцами из этой среды («поповичами» и «поповнами»), которые получили светское образование, «ушли в мир» [3], и стали неотъемлемой частью российской интеллигенции.

На формирование субкультуры духовенства большое влияние оказывало множество факторов, одним из которых была та инфосфера, в которую были погружены члены этого сословия.

Термин «инфосфера» активно используется в философии информации, которая возникла в конце прошлого столетия, когда «дигитальные» технологии стали стирать границы между реальным и виртуальным мирами [4]. Этот переворот в культуре Luciano Floridi назвал «Четвертая революция» [5]. Для обозначения нового явления в культуре им в конце XX в. был предложен термин «инфосфера». Сам Флориди писал, что этот термин был им сконструирован по образцу «биосферы». Термин «инфосфера» удачно встраивается в цепочку терминов, обозначающих некую реальность, природную или сконструированную человеком. Тут можно вспомнить «прижившийся» в российском интеллектуальном пространстве еще с советских времен термин «ноосфера», предложенный в 1927 г. Эдуардом Ле Руа, математиком, который стал натурфилософом, пытаясь понять эволюцию духовности. Вместе со своим другом Тейяром же Шарденом он пытался примирить науку и религию, в поисках «целостных отношений между биосферой и ноосферой [6, р. 66]. Термин «ноосфера», который вслед за ними стал использовать В.И. Вернадский, все же обладает достаточно сильной «духовной» составляющей, и для научного исследования на наш взгляд более приемлем термин «инфосфера».

Исследователи отмечают, что термин «инфосфера» можно интерпретировать двояко, поскольку он имеет экологическое и метафизическое измерение. Экологическое понимание отождествляет инфосферу с окружающей средой наряду со всеми существующими вещами, будь то цифровые или аналоговые, физические или нефизические, и отношениями, происходящими между ними, а также отношениями между ними и окружающей средой. Лучиано Флориди рассматривает инфосферу как среду, вместе со всеми населяющими ее сущностями, а также их отношениями, наблюдаемыми с информационной точки зрения [7]. Ученые также подчеркивают, что инфосферу не следует путать с киберсферой, поскольку последняя является лишь частью первой. Метафизически инфосфера относится ко всей сфере реальности бытия, и основывается на предположении об информационной онтологии. В данном случае инфосфера - это совокупность того, что существует, как только раскрывается его информационная природа. [8, р.363]. Поэтому мы можем под термином «инфосфера» в данном случае понимать совокупность источников разного происхождения (например, записи вербальных источников, воспоминания, периодические издания, библиотечные коллекции). Библиотечные коллекции в данном исследовании играют одну из центральных ролей. Их можно рассматривать как важнейшую часть инфосферы – библиосферу. Ее изучением начали заниматься еще в античности, но пик интереса к библиотекам как тем местам, где сходятся различные коммуникативные каналы, пронизанные сложными семиотическими связями, подобными ризоме Ж. Делеза и Ф. Гваттари, пришлось на конец XIX в.

Библиотеки, связанные с нашей темой, это в первую очередь библиотеки духовных учебных заведений, монастырские библиотеки, а также личные библиотеки духовных лиц (епископов, священников). Структура и состав этих библиотек помогают нам приблизиться к пониманию того образа мира, который формировался в субкультуре духовенства. Библиотеки при духовных учебных заведениях первоначально формировались из библиотек епископов (требование снабжать учащихся книгами из личной библиотеки епископа было прописано в «Духовном регламенте»). Поэтому книжный репертуар отражал интересы собирателей библиотек. Так одной из самых интересных духовных библиотек стала библиотека Новгородской духовной семинарии, в основе которой была библиотека Феофана Прокоповича, в которую при жизни епископа вошли не только многочисленные книги из его личной коллекции, но и книги из нескольких западных библиотек, это были «книги немецкоприбалтийских библиофилов XVII — начала XVIII века, конфискованные у них в ходе Северной войны» [9, с.1]. Интересным феноменом российских духовных школ стали студенческие «нелегальные библиотеки», которые составлялись самими учащимися. Их состав ярко отражал динамику интересов будущего духовенства, туда попадали работы позитивистов, сочинения, отражающие современные естественнонаучные идеи, и сочинения авторов, которые не были рекомендованы учащимся российских духовных училищ, в частности можно назвать произведения Н.Г. Чернышевского и В.Г. Белинского [10].

Другим важнейшим источником является религиозная периодическая печать. Ее репертуар значительно расширился со второй половины XIX в. Это были и епархиальные издания (газеты), и журналы, издававшиеся духовными академиями и частными лицами. В данном случае интерес представляет не только оригинальные произведения, которые публиковались там, но и рецензии на философские и научные труды, литературная критика.

Еще одним чрезвычайно важным, но не слишком часто используемым источником являются журналы заседаний конференций Духовных академий.

Скруплезный анализ этих источников показывает, что картина мира православного духовенства формировалась под влиянием множества современных идей, и, несмотря на кажущуюся изолированность этой социальной общности, была подвержена тем же веяниям, что и светское общество. Исследование инфосферы православных учебных заведений Российской империи позволяет не только воссоздать картину миру православного духовенства Российской империи, но и лучше понять культурные и религиозные трансформации, которые происходили в российском обществе в XIX – начале XX вв.

Литература

1. Freeze G. L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review*. 2008. Vol. 91. No 1. Pp.11–36. <https://doi.org/10.2307/1867233>
2. Фриз Г.Л. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сборник статей. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2019. 350 с.
3. Manchester L. Holy fathers, secular sons: Clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia. Northern Illinois Univ. Press, 2008. 288 p.
4. Simone C., Cerquetti M., La Sala A. Museums in the Infosphere: Reshaping Value Creation // *Museum management and curatorship*. 2021. Vol. 36 (4). Pp. 322– 341.
5. Floridi L. The 4th Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 272 p.
6. Le Roy E. The origins of humanity and the evolution of mind // *The biosphere and noosphere reader: Global environment, society and change* / Ed. D. Pitt , P. R. Samson Routledge. 2012. Pp. 60–70.
7. Floridi L. The method of abstraction. In: *The Routledge Handbook of Philosophy of Information* / Ed. L. Floridi. Routledge, 2016. Pp. 66-72.
8. Taddeo M. The moral value of information and information ethics // *The Routledge Handbook of Philosophy of Information* / Ed. L.Floridi. Routledge, 2016. Pp. 377-390.
9. Салоников Н.В. Книги и книжные собрания профессоров и студентов Дерптского университета XVII века: к вопросу об интеллектуальных контактах Балтийского региона (на материале библиотеки Феофана Прокоповича) // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2019. № 5(23). 10 с. DOI 10.34680/2411-7951.2019.5(23).10.
10. Рушанин В. Я. Нелегальные библиотеки уральской учащейся молодежи (60-80-е гг. XIX в.) // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2012. № 1(29). С. 7-11.

ПРОФЕССОР-ПРОТОИЕРЕЙ ПАВЕЛ СВЕТЛОВ О РЕЛИГИИ, НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Г.Е. Боков

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: bokovg@gmail.com*

Протоиерей П. Я. Светлов (1861-1941) – ярчайший представитель православной апологетики конца XIX – начала XX в. Крупный богослов и публицист, он уделял большое внимание проблемам религии, науки и образования в России. Он критиковал русскую неверующую интеллигенцию за «религиозное невежество» и требовал введения богословских факультетов в светских университетах. Протоиерей полагал, что это будет полезно и для самого университета, и для Русской Церкви, и для Российского государства.

В работе «Религия и наука» и других своих публикациях Светлов настаивал на том, что между религией и наукой конфликта никогда не было, и не может быть. По его мнению, учение о «конфликте» между ними было следствием идеологизации науки и явилось важнейшей частью антирелигиозной пропаганды. В действительности, писал он, почти все выдающиеся ученые были людьми религиозными. По мнению Светлова, «враждебна вере не наука, а плохая философия, ложно прикрывающаяся именем науки».

Ключевые слова: протоиерей П. Я. Светлов, религия, наука, образование, богословие, дарвинизм, позитивизм, атеизм

PROFESSOR ARCHPRIEST PAVEL SVETLOV ON RELIGION, SCIENCE AND EDUCATION IN RUSSIA IN THE LATE 19-TH – EARLY 20-TH CENTURY

G.E. Bokov

*CSc in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies
Saint Petersburg State University
E-mail: bokovg@gmail.com*

Archpriest Pavel Svetlov (1861–1941) is the most prominent representative of Orthodox apologetics in the late 19th – early 20th centuries. He was a distinguished theologian and essay writer and he paid great attention to the problems of religion, science and education in Russia. He criticized the Russian unbelieving intelligentsia for “religious ignorance”. In his opinion, the introduction of theological faculties in secular universities will be useful both for the University itself, and for the Russian Church and for the Russian state.

In his book “Religion and Science” and other publications archpriest Pavel Svetlov insisted that there never was and there cannot be any conflict between religion and science. In his opinion the doctrine of the “conflict” between them was the result of ideologization of science and was an important part of anti-religious propaganda, while almost all the outstanding scientists were religious people. According to Fr. Pavel Svetlov “it is not science that is hostile to faith, but bad philosophy, falsely hiding behind the name of science”.

Keywords: Archpriest Pavel Svetlov, religion, science, education, theology, Darwinism, positivism, atheism

Профессор богословия Киевского университета св. Владимира протоиерей Павел Яковлевич Светлов (1861-1941) – крупный православный мыслитель, публицист, церковный и общественный деятель конца XIX – начала XX в. На сегодняшний день его имя практически забыто, хотя он был автором значительного количества публикаций и неопубликованных работ. Многие его труды имели полемический характер и были ориентированы на русскую интеллигенцию. Светлов писал, что «величайшее бедствие нашей православной церкви, от которого ей необходимо избавиться, это разделение церкви и интеллигенции, разобщение духовенства и паствы» [1, с. 17]. Главную причину этого «разобщения» он усматривал в «религиозном невежестве» интеллигенции, которая не относится «вдумчиво» к религиозным вопросам. Богослов считал, что только христианское просвещение и распространение религиозного образования может спасти Россию от катастрофических

социальных потрясений, от духовного нигилизма и дегуманизации. По этой причине Светлов критиковал Синодальную церковь за бюрократизм, выступал против сословного характера духовного образования [2, с. 2], требовал необходимых, по его мнению, реформ церковной и образовательной системы.

В конце XIX в. Светлов явился главным инициатором общественных дискуссий о введении богословских факультетов в российских императорских университетах, посвятив этому вопросу целый ряд публикаций [1, 2, 3, 4 и др.]. Выступая на заседании Предсоборного Присутствия Православной Российской Церкви 1906 г., он предложил проект реформы всей системы отечественного образования, который, однако, не получил одобрения других участников из числа духовенства [5]. Ученый протоиерей критиковал «схоластичность» существовавших в духовных академиях богословских курсов. Он утверждал, что богословие должно развиваться в светских университетах как «наука в полном и точном смысле этого слова» в тесном взаимодействии со всеми другими науками [3, с. 2-3]. При этом Светлов понимал под богословием не только «*религиозное знание*» в качестве «крупной» и «важнейшей» области гуманитарных наук, но и, вместе с тем, «знание о религии» [3, с. 14-15]. С отсутствием такой обязательной дисциплины в светских учебных заведениях он связывал значительные пробелы в религиозных вопросах, которые приводят русскую неверующую интеллигенцию к неправомерному, с его точки зрения, противопоставлению религии и науки.

П. Я. Светлов был одним из первых, кто обратил внимание на идеологизацию науки в России. В своей книге «Религия и наука» [6] и многих других работах он писал, что тех, кто критикует религию с якобы «научных» позиций, в первую очередь интересует не сама наука, а политическая повестка дня. По мнению богослова, не ученые, а чаще всего такие политические оппозиционеры как социалисты пытаются представить религию каким-то «тормозом» абстрактно понятого «прогресса», «антикультурной силой мрака и застоя», при этом многие из них знакомы с христианством только лишь по работам А. Бебеля, Ф. Энгельса, К. Каутского, М. Горького и проч. [6, с. 170]. С другой стороны, их интерес к теории эволюции Ч. Дарвина обусловлен, в первую очередь, лишь попыткой применить ее к социальной жизни («Дарвин и социализм» Каутского и др.) и использовать в качестве очередной антирелигиозной теории.

На протяжении всей жизни П. Я. Светлов интересовался не только христианским богословием и философией, но и научными и общественными дискуссиями вокруг новых открытий в биологии, геологии, палеонтологии, антропологии и т. д. Он постоянно читал на нескольких иностранных языках научную литературу. Особое внимание Светлов уделял распространению идей дарвинизма в России. Богослов вспоминал, что серьезно занялся этим вопросом еще в молодости, когда написал очерк в 70 страниц, посвященный разбору труда антидарвиниста Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» [7]. По словам Светлова, Данилевским затрагивался «наличный кодекс идей и верований интеллигенции, обеспечивающих в общем мнении за интеллигентом репутацию передового человека!» [8, с. 7]. Опираясь на Данилевского, Светлов отмечал, что прослыть «дарвинистом» в среде неверующей и так наз. «прогрессивной» русской интеллигенции стало «модно». Дарвинизм по названию, социал-дарвинизм по существу, по его мнению, стал в России формой антирелигиозного политического эпатажа (как «нигилизм», «социализм», «прогресси́зм»), превратился в броское слово и был крайне вульгаризирован.

Говоря о происхождении органической жизни, Светлов не критиковал эволюционизм и даже положительно отзывался о протестантских натуралистах-эволюционистах. Он отмечал, что в науке существует достаточно большой спектр мнений и отсутствует единый и общепринятый ответ на все те вопросы, которые затрагивает дарвинизм, однако в России об этом мало кому известно. Здесь, по его мнению, дарвинизм, как и марксизм, превращается в «единственно верную» доктрину, которая отстаивается фанатично и агрессивно. Например, Светлов обращал внимание на то, с каким воодушевлением среди русской неверующей интеллигенции была воспринята «философия монизма» Э. Геккеля. Богослов критиковал этого немецкого дарвиниста за научные подтасовки и особенно за его труд «Мировые загадки» в большой критической статье под заголовком «Лженаука в борьбе с христианством» [9] и в других публикациях. Светлов понимал под «лженаукой» в данном случае именно «геккелизм». Он подчеркивал, что это наглядный пример того, как плохая философия выдается за «науку» и противопоставляется христианству. За несколько десятилетий до этого, в 1880-е гг., подобным образом он высказывался о позитивизме. Светлов считал, что сам по себе позитивизм не является наукой, но выступает от имени науки и выдает себя за науку, хотя является только философией [10, с. 530]. Поэтому богослов писал, что «враждебна вере не наука, а плохая философия, ложно прикрывающаяся именем науки» [6, с. 167-168].

Следует отметить, что эпоха модерна была ознаменована всеобщим увлечением наукой

и техникой, что очень беспокоило Светлова. Он писал, что в России отношение к науке среди неверующей интеллигенции носит почти «религиозный» характер. Понимаемая отвлеченно, абстрактно, наука берется как некий идеал, становится даже «фетишем» в этой так наз. «прогрессивной» интеллигентской среде [6, с. 3; 11]. При этом, как указывал ученый протоиерей, говоря о науке, там обычно восхищаются всего лишь достижениями техники, слагают стихи и песни про поезда и аэропланы. Но таким образом «технически» понятая наука, то есть не теоретическая, а исключительно прикладная, инженерная, есть лишь «полунаука». Равным образом «полунаукой», по мнению Светлова, можно считать попытки социалистов представить марксизм единственно верной «научной» теорией. Рассуждая так, он ссылаясь на Ф. М. Достоевского, который писал в романе «Бесы», что «полунаука» есть «самый страшный бич человечества», «деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда». Перед этим «деспотом» «всё преклонилось с любовью и с суеверием», «трепещет» и «постыдно потекает ему» даже сама наука.

В своих работах Светлов приводил множество примеров того, что «почти без исключения все великие ученые – люди верующие» [6, с. 22] и заключал, что именно знание о величии мироздания делает их смиренными перед лицом Творца. Он писал: «религия и наука не враждебны друг другу»; религия вообще, и христианская религия в частности, «наукою не опровергались и никогда не могут опровергаться» [6, с. 167-168]. В последствии в этом же ключе рассуждали многие известные русские религиозные философы и богословы, такие как С. Л. Франк [12]. В настоящее время в параграфе XIV «Светские наука, культура, образование» официального документа Русской Православной Церкви «Основы социальной концепции» (2000 г.) излагаются те же идеи, какие сто лет назад высказывал православный богослов протоиерей П. Я. Светлов [13].

Литература

1. Светлов П. Я., проф. прот. О необходимости богословских факультетов в университетах или о реформе высшего религиозного образования в России. Киев, 1906.
2. Светлов П. Я., проф., прот. О реформе духовного образования в России. Спб., 1906.
3. Светлов П. Я., проф., свящ. О месте богословия в семье университетских наук. Киев, 1897.
4. Светлов П. Я., проф., прот. Почему Духовные академии должны быть заменены богословскими факультетами. Спб., 1906.
5. Боков Г. Е., Стецкевич М. С., Стецкевич Е. С. Профессор-протоиерей П. Я. Светлов о проблемах развития высшего богословского образования в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Былые годы. 2019. № 51 (1). С. 306-313.
6. Светлов П. Я., проф. прот. Религия и наука. Спб., б. г. [1914].
7. Светлов П. К вопросу о дарвинизме. («Дарвинизм». Критическое исследование Н. Я. Данилевского. Спб. 1885 г. Т. I, 519 стр. ч. 1 – 530 ч. 2) // Православное обозрение. 1887. Кн. 3. С. 496-530. Кн. 4. С. 641-675.
8. Светлов П. Я., проф.-прот. Перед разбитым кумиром. (По поводу просветительной деятельности «сидящих во тьме» дарвинистов). Спб., 1912.
9. Светлов П. Я., проф.-прот. Лженаука в борьбе с христианством // Отдых христианина. 1913. № 5. С. 924-948; № 7-8. С. 71-95.
10. Светлов П. Позитивизм. (Критические очерки) // Православное обозрение. 1888. Кн. 11. С. 480-530.
11. Светлов П. Я., проф.-прот. Что такое атеизм по сравнению с верой в Бога? // Отдых христианина. 1914. № 1. С. 105-118; 1914. № 2. С. 195-205.
12. Франк С. Л. Религия и наука // Религия, философия и наука. Брюссель, 1953. № 1. С. 3-26.
13. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XIV. Светские наука, культура, образование [Электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата доступа: 10.04.2022)

ЧТО ЧИТАЛИ УЧЕНИКИ ДУХОВНЫХ ШКОЛ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.??*

Д.Д. Пызигов

*Аспирант Института философии, лаборант-исследователь
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: ddpyzikov@gmail.com*

А.О. Блинкова

*Кандидат философских наук, научный сотрудник
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
E-mail: alexandrablinkova@gmail.com*

Данные тезисы посвящены кругу чтения учеников духовных школ XIX – начала XX вв. Цели и задачи заключаются в исследовании инфосферы православных духовных учебных заведений и подразумевают анализ круга чтения преподавателей и учащихся на основе изучения состава библиотечных фондов семинарий и академий, личных книжных собраний преподавателей и архиереев, периодических изданий. Ценными источниками также являются архивные документы и мемуарная литература. Актуальность данной проблемы состоит в востребованности многостороннего изучения инфосферы православных духовных учебных заведений Российской империи XIX – начала XX вв., что особенно актуально в наши дни, когда в России идет активное развитие теологического образования.

Ключевые слова: библиотеки, библиотечные фонды, круг чтения, инфосфера, духовная школа, религиозное образование

WHAT DID THE STUDENTS OF THEOLOGICAL SCHOOLS READ IN THE 19TH – EARLY 20TH CC?***

D.D. Pyzikov

*Postgraduate student of the Institute of Philosophy, laboratory researcher
Saint Petersburg State University
E-mail: ddpyzikov@gmail.com*

A.O. Blinkova

*CSc in Philosophy, Research Fellow
Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen
E-mail: alexandralinkova@gmail.com*

These talk abstracts are devoted to the reading circle of students of theological schools of the 19th - early 20th centuries. The goal is to analyze the infosphere of Orthodox theological schools, which implies research of the reading circle of both teachers and students based on a study of the book collections of theological seminaries and academies, personal book collections of teachers and bishops, and periodical literature. Archival documents and memoirs are also valuable sources. The fundamental reason for this proposal is that the infosphere of Orthodox theological schools of the Russian Empire in the 19th-early 20th century deserves a comprehensive analysis, especially relevant in the time of active growth of theological education in modern-day Russia.

Keywords: libraries, library collections, scope of reading material, infosphere, theological school, religious education

Определенно, тема круга чтения учеников духовных школ XIX – начала XX вв. вызывает огромный интерес во времена активного развития теологического образования в современной России. Существующие обзорные работы отмечены локальным характером, в то время как общие

* Тезисы подготовлены при поддержке гранта РФФИ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX - нач. XX вв.».

** These talk abstracts were done for the project 22-28-00862 of Russian Science Foundation – «The infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th- early 20th cc.».

исследования, посвященные библиотекам и кругу чтения воспитанников духовных школ, малочисленны. Однако материал для разработки этой темы богатый и включает в себя как каталоги библиотек, архивные документы, так и обширные мемуары воспитанников духовных школ.

«Едва ли не единственным «благородным» занятием в семинариях было чтение», пишет Т.Г. Леонтьева в статье «Семинарский быт» [1, с. 25]. В каждом духовном заведении имела своя библиотека. Однако, как отмечает Б.В. Титлинов в своем труде «Духовная школа в России в XIX столетии», оснащение библиотек было довольно скудным и только библиотеки духовных академий, особенно Санкт-Петербургской, располагали богатыми книжными фондами [2, с. 241]. Здесь следует отметить также богатую библиотеку Новгородской духовной семинарии, в состав которой вошла богатая библиотека Феофана Прокоповича благодаря хлопотам архиепископа Новгородского Амвросия в 1742 г. П.В. Знаменский характеризовал библиотеку Новгородской семинарии как лучшую из библиотек, существовавших при духовных семинариях в России [3, с. 453, 782].

Пытаясь классифицировать состав библиотек духовных учебных заведений Российской империи XIX – нач. XX вв. сталкиваешься с необходимостью построения нескольких параллельных схем. Если выбрать маршрут схематизации от общего к частному, то, в первую очередь, фонд каждой библиотеки духовных заведений можно разделить на фундаментальную и ученическую, где первая предназначалась для преподавательского состава и книги из нее ученикам могли быть выданы только с одобрения преподавателей и руководства заведения. Фундаментальные библиотеки чаще всего делились на книги общего назначения (во всем многообразии тематик), учебные пособия и справочники для учителей по конкретным предметам, периодические издания. Ученические библиотеки состояли из учебников и книг для внеклассного чтения, в т.ч. периодики. Учебники же разделялись на выдаваемые временно и те, которые ученики покупали за собственные средства.

Основные разделы и предметные тематики библиотек духовных учебных заведений: Издания Библии (чаще всего славянская Библия) и Священных писаний; книги догматические и истолковательные (чаще всего творения св. Отцов); духовно-нравственные сочинения, поучительные слова, жития святых и пр.; книги по каноническому праву; книги по церковной и светской истории; книги по отечественной и зарубежной истории; философия; языкознание и словесность; классическая литература; математика; естественные науки; география; периодические издания и др.

Необходимо помнить, что определяющим фактором в формировании и пополнении фондов семинарских библиотек XIX в. были программы их развития, что вылилось в определенных тенденциях к более наукообразной стороне обучения или же к более практической. Так, периоды 1814 – 1840 гг. и 1867 – 1884 гг. характеризуются сдвигом в научность, а период 1840–1867 гг. – в практическую [4, с. 209-210].

Можно в общих чертах описать способы, которыми пополнялись библиотечные фонды духовных учебных заведений. В первую очередь, книги (а чаще именно учебники) покупались на специально выделенные духовным ведомством деньги. В источниках и исследованиях всегда есть упоминания того, что книги приобретались лично преподавателями на свои собственные средства, особенно это касалось научной литературы: богословских и церковно-исторических исследований. Также, книги поступали в дар: причем как от архиереев, так и от местных жителей; в последнем случае не приходится говорить о высокой релевантности подобной литературы для учебных целей.

Интересно проследить корреляцию между способом поступления и характером литературы. Например, богословская и церковно-историческая литература для фундаментальных библиотек часто шла из личных (завещанных/подаренных) фондов архиереев, либо же приобреталась преподавательским составом; художественная светская литература чаще всего поступала из вне в дар; а учебники и периодика выписывались по предварительно составленным и одобренным спискам.

Однако, наличие тех или иных изданий в библиотеках духовных школ только частично освящает вопрос о том, что же действительно читали их учащиеся, так как начальство школ относилось к внеклассному чтению довольно отрицательно, боясь разгула вольнодумия среди студентов. Поэтому, к примеру, в Воронежской семинарии до 1826 г. библиотека не выдавала книги на руки ученикам, разрешая пользоваться ими только в библиотеке [2, с. 242].

Несмотря на распространенное мнение о низком уровне образования бурсаков и отсутствии в них какого-либо интереса к самообразованию, требующего дополнительного чтения, семинаристы хотели читать и читали, когда им это удавалось. Как пишет воспитанник Воронежской семинарии П.В. Цезаревский: «почитать же удавалось не всегда, потому что порядочная книга может попасть в руки семинариста только случайно и то на самый короткий срок» [5, с. 244–246].

Для ответа на поставленный нами вопрос о том, что же действительно читали учащиеся духовных школ, на помощь приходит анонимная анкета учащихся Вологодской духовной семинарии

в 1910-1911 гг., опубликованная И. Бачалдиным под названием «Что читают в духовной школе?». Согласно подробным ответам анкеты, лишь 3% учащихся Вологодской семинарии не предавались чтению летом. По подсчетам автора, 75% учащихся выполнили норму по чтению как во время учебного года, так и в течение летних каникул, а некоторые (42% в учебное время и 31% во время каникул) превысили ее [6, с. 5-6]. Таким образом, можно судить о том, что учащиеся Вологодской семинарии читали достаточно круглый год, хотя достать интересные книги, особенно в летний период, когда семинаристы вынуждены были пользоваться библиотеками местных школ, было непросто: «Книг мне (кроме журнала «Природа и люди») не пришлось прочитать, т.к. ключи от библиотеки были увезены учительницей», «Книг интересных для меня в деревне не нашлось» [6, с. 6] и т.д.

Чтобы охарактеризовать, какого рода литературу читали семинаристы, автор анкеты выделяет 4 категории, в которые вошли: 1) художественная литература и хорошая беллетристика; 2) смесь: низкосортная литература, включающая себя приключенческие романы, детективы, приложения к журналам и т.д.; 3) журналы и газеты; 4) серьезное чтение: научные труды, религиозно-нравственные статьи, медицинские советы и т.п.

Из ответов учащихся следует: большинство читающих выбирают с огромным отрывом хорошую беллетристику, в основном классическую отечественную литературу. Наибольшей популярностью пользуется И.В. Гоголь. А самыми читаемыми произведениями являются «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Юрий Милославский» М.Н. Загоскина и «Записки охотника» И.С. Тургенева. Современные авторы не пользуются большим интересом среди семинаристов. На втором месте следует «сомнительная» смесь, в которой лидируют «авантюра» во время учебного года и «макулатура» в летние каникулы. И лишь на третьем месте – газеты и журналы и «серьезное чтение», на которое приходится даже во время учебного года лишь 20-28% (в которые не входят ученические пособия обязательные для уроков). Если разделить имеющиеся цифры по классам (с первого по пятый), очевидной становится тенденция в уменьшении размеров чтения художественной литературы к пятому году обучения (с 80% до 46%) и параллельная ей тенденция в увеличении объемов серьезного чтения (с 11% до 66%). Автор указывает на четвертый год семинарского обучения как на поворот в интересах воспитанников, связанный с началом преподавания философских наук [6, с. 10-15].

Любопытным является то, что даже внутри категории «серьезного чтения» наибольший интерес отдается чтению светской «серьезной» литературе, нежели богословской. Еще больший разрыв можно проследить в интересах учащихся между светской художественной литературой и религиозно-нравственной: всего один из респондентов отметил интерес к поучительной литературе: «Приятно бывает перед праздником прочесть поучение» [6, с. 24].

В прочем, интерес учащихся к светской литературе может быть также основан на ее недостатке в библиотеках духовных школ и невозможностью заполучить интересующую их книгу по причине ее дороговизны или запрета со стороны цензуры, на что обращают внимание как выпускники духовных школ, так и ревизоры. Тогда как богословские труды в фондах библиотек духовных школ всегда преобладали над светскими и в большинстве своем представляли довольно широкий выбор для чтения, особенно для учащихся академий.

Литература

1. *Леонтьева Т.Г.* Семинарский быт: свидетельства очевидцев (вторая половина XIX - начало XX века) // Вестник РГУ имени С.А. Есенина. 2018. № 4 (61). С. 21-31.
2. *Титлинов Б.В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1. Вильна, 1908. 385 с.
3. *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. 2-е изд. СПб., 2001. 800 с.
4. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. 448 с.
5. *Цезаревский П.В.* Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания // Звонарь. 1906. № 2. С. 244–246.
6. *Бачалдин И.* Что читают в духовной школе? (Анкета среди учащихся). Вологда, 1912. 36 с.

**"ВЕРНАКУЛЯРНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ":
УРОВНИ АУТОПОИЕЗИСА В ГЛОБАЛЬНОМ И ЛОКАЛЬНОМ КОНТЕКСТАХ***

Е.И. Аринин

*Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: eiarinin@mail.ru*

Статья представляет описание т.н. «вернакулярной религиозности», фокусируясь на понимании религии как особой аутопойетической подсистемы глобального и российского общества к особенностям, формирующейся в спектре индивидуальных и групповых форм, эксплицитно с Древнего Рима. Дано имплицитное описание формирования основных «различий», начинающихся с переоценки представлений о «колдовстве деревенщины». Общепринятый сегодня термин «религия» фиксируется в текстах на русском языке с начала XVIII века, приобретая к началу XX века коннотации от предельно возвышенных («спасительная истина») до предельно профанированных («опиум для народа»). Последние утверждаются как нормативные в советских изданиях периода «воинственного атеизма», когда считалось, что все религии должны «отмереть». Современное российское религиоведение стремится академически описывать феномен религии в целом ряде специализированных исследовательских направлений со своими различиями «истинного/ложного», включая и понимание его как «аутопойезиса» убеждений наших сограждан и их сообществ, выступающих в качестве «акторов» коммуникационных процессов, образующих социальные подсистемы науки, права, медиа и т.п. со своими «вернакулярными» и институционально-нормативными различиями «атеистического/религиозного» как «освоенного/неизвестного».

Ключевые слова: атеизм, аутопойезис, вернакулярная религиозность, Луман, религия, религиоведение

**"VERNACULAR RELIGIOSITY":
LEVELS OF AUTOPOIESIS IN GLOBAL AND LOCAL CONTEXTS****

E.I. Arinin

*DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy
and Religious Studies
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov
E-mail: eiarinin@mail.ru*

The article presents a description of the so-called "vernacular religiosity", focusing on the understanding of religion as a special autopoietic subsystem of the global and Russian society to the features, formed in the spectrum of individual and group forms, explicitly from Ancient Rome. An implicit description of the formation of the main "differences" is given, starting with a re-evaluation of ideas about the "rural witchcraft". The term "religion", generally accepted today, has been fixed in Russian texts since the beginning of the 18th century, acquiring connotations from the extremely sublime ("saving truth") to the extremely profane ("opium for the people") by the beginning of the 20th century. The latter are affirmed as normative in Soviet publications of the period of "militant atheism", when it was believed that all religions should "die out". Modern Russian religious studies strive to academically describe the phenomenon of religion in a number of specialized research areas with its own distinctions of "true/false", including understanding it as an "autopoiesis" of the beliefs of our fellow citizens and their communities, acting as "actors" of communication processes that form social subsystems of science, law, media, etc. with its "vernacular" and institutional-normative distinctions between "atheistic/religious" as "mastered/unknown".

Keywords: atheism, autopoiesis, vernacular religiosity, Luhmann, religion, religious studies

Первое в мире определение термина «religio» восходит к творчеству Марка Тулия Цицерона, эксплицитно сформулировавшего дефиницию, сохраняющуюся в культурной памяти человечества уже

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-011-44195.

более 2000 лет, которая, согласно последнему из опубликованных переводов, утверждает, что «религия – это то, что окружает заботой и поклонением некую возвышенную сущность, которую называют божественной» [1, с. 34]. В том же тексте Цицерон отмечал, что «суеверие родственно религии», определяя «superstitio» как «пустой страх перед богами» [2, с. 39]. Через 300 лет в истории европейской культуры понятие о «religio» стало противопоставляться понятиям о «αἵρεσις», «haeresis», «apostasia», «schismate» («ересь», «отступничество», «раскол»), порой наделяемыми предельно негативными и пейоративными коннотациями, вплоть до «беззакония» и уголовного преступления.

В русский язык слово «религия», согласно этимологическим исследованиям, входит в русский язык в начале XVIII века [3, с. 446]. С конца XIX века феномен «религия» начинают отделять от феномена «магии» (колдовства) в антропологии («The Golden Bough», 1890) Дж.Фрезера и в социологии («Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie», 1920) М.Вебера. Последний полагал, что «религию в собственном смысле слова, не мифы и магию, порождает в основном городское население», тогда как «традиционные представления в основном генерируют крестьяне», подчеркивая, что «их "органический уклад" решительно противится какой-либо систематизации, исконная их религия – магическая религия» [4, с. 138-139]. Таким образом, религия выступает как городской социальный феномен, а магия и мифы – как деревенский (крестьянский).

Переоценка «колдовства деревенщины» началась в антропологии с Б. Малиновского, который, опираясь на собственные полевые исследования, показал, что не существует обществ без соприсутствия религии, магии и науки («Magic, Science and Religion», 1925), т.е. религия и магия сосуществуют всегда в городе и деревне. Позднее М.Элиаде отметил, что «верования крестьян» для феноменологии религии выступают как «космическое христианство», которое прирождено каждому индивиду, выступающему как «homo religious», при этом порой деградируя в городах до «карикатурных форм» («Aspects du mythe», 1963). Дополнительную перспективу описания религиозности наблюдения в конце XX века предложил фольклорист Л. Приммиано, выделив феномен «вернакулярной религии» (Vernacular Religion, 1995). Последним вскоре заинтересовался ряд российских исследователей, начиная с А.А. Панченко, отметившего важность разработки корректного понимания «народных форм религиозности» [5, с. 5-7]. Последние тысячелетиями, до середины XIX века со стороны образованных элит могли пейоративно квалифицироваться как «ереси язычников», «суеверия невежд» или «верования деревенщины».

Известные идеи Т. Куна о научных революциях и смене научным сообществом объясняющих «парадигм», когда «нормальная наука» занята «решением головоломок», были дополнены И. Лакатосом, различавшим «науку и псевдонауку», когда, «если просмотреть обширную литературу семнадцатого века по колдовству, то окажется, что она полна сообщений о тщательных наблюдениях, заверенных свидетельскими показаниями и даже экспериментами», при этом признавая, что мы, занимаясь изучением природы, «можем ошибаться», оказываясь «несведущими в вопросах теологии», делая общий вывод, что в принципе «не существует научной теологии и тем самым теологического знания», при этом признавая, что исторически «знания о Природе» стремились «оценивать по стандартам, заимствованным прямо из теологии», поскольку считалось, что «они не должны вызывать сомнений», и, соответственно, ученому, «действительно заслуживающему этого звания, непозволительно "иметь мнение"», поскольку «он должен доказать каждое своё утверждение, подтвердив его фактами», при этом считалось, что «теории, не подтверждённые фактами», следует относить «к греховной псевдонауке, еретической для научного общества». Особая ситуация сложилась в СССР, где власти объявили «генетику Менделя псевдонаукой», а «её защитники, такие как академик Вавилов, были уничтожены в концлагерях», при этом, хотя «после убийства Вавилова генетика была реабилитирована», однако «право Партии решать, что является публикуемой наукой, а что – преследуемой псевдонаукой», сохранилось, в связи с чем он подчеркнул, что сегодня «проблема проведения границы между наукой и псевдонаукой не является проблемой кабинетной философии: она имеет серьезные этические и политические последствия» [6]. Теология в таком контексте может быть представлена как «псевдонаука», хотя философия, религиоведение и гуманитарные науки в целом предпочитают дистанцироваться от таких радикальных квалификаций.

Это объясняется не столько политкорректностью, сколько более фундаментальными причинами, поскольку выделяется два уровня концептуализаций, описанных А.Н. Чанышевым как «образно-эмоциональный» и «понятийно-бесстрастный», с помощью которых человечество всегда пыталось осмыслить вечную проблему отношения «ОНО (мироздание) и МЫ (люди)» [7, с. 8-9]. Такое отношение, однако, как отмечал В.В. Бибахин, не столько «рационально», сколько «эмоционально», поскольку «человек может изумиться, т.е. «выйти из ума», но из настроения не выйдет, наоборот, в настроение войдет», т.е. «человек присутствует как настроение» [8, с. 29-30]. Это позволяет различить

два уровня языка описания феномена «религиозности», когда, к примеру, у Платона встречается упоминание о «μαῦρειά ἢ Ζωροάστρου» («магия Заратустры»), понимаемой им как уважительное название возвышенных практик персидского «почитания богов», тогда как у Аристотеля присутствует пейоративное словосочетание «ἡ γοητικὴ μαῦρειά» («обман магии»), что отражает переоценку афинской интеллектуальной элитой той поры отмеченных форм «почитания» после победы греков над персами [9, с. 158]. Это тоже явилось не достижением «кабинетной философии», но следствием «серьезных изменений» в обществе, требуя в религиозных изданиях различения термина «религия» в имплицитном и эксплицитном значении.

Эксплицитно термин «религия» («religio») описал, как уже упоминалось выше, Цицерон (ок. 80 г. до н.э.), однако, имплицитно стремление к жизни в «гармонии с высшим порядком природы» существовало всегда, образуя универсальное «надзирание за неизвестным», как, по словам Н.Лумана (1927-1998), следует понимать религию в предельно широком значении [10, с. 64]. В таком значении «религия» является аспектом существования «homo sapiens» на протяжении 200 000 лет именно в «народных» формах, т.е. как «вернакулярная религия», которая только с началом урбанистической культуры около 12 000 назад стала дополняться «городскими культурами» и жреческими учениями. Цицерон дал свое определение в 500 000 городе, который господствовал над 55 000 000 разноплеменного населения, верования («вернакулярные религии») которого следовало уважать как локальные формы глобальной «religio». С 313 года (Миланский эдикт) к категории «religio» было причислено сообщество «Ecclesia Catholica», которое в период правления императора Феодосия Великого, превратившего «Ecclesia Catholica» в единственную легальную «religio» государства и утвердив политику «Contra paganos» на подавление всех прежних «вернакулярных религий» как «языческих суеверий», к которым добавились еще и «ереси». Разделительное понимание значения слова «religio» как уникальной «Правды» в духе максимы Юстиниана «одна страна, один закон, одна вера (religio)» сменяется его собирательным пониманием, особенно с эпохи Реформации, когда каждое государство учреждает и поддерживает свою «religio» по принципу «чья земля, того и вера (religio)». Формирование национальных государств сопровождается увлечением «народным верованиям», которые стали квалифицировать как культурный и легитимный феномен, поддерживаемый властями (т.н. «фольклор»). В XX веке в СССР была предпринята попытка властей осуществить радикальный «штурм небес», подавив все формы «религиозных суеверий» ради построения «коммунизма», однако, именно «бабушки спасли православие», сохранились на бытовом уровне и многие традиции остальных «вернакулярных религий» (т.н. «религиозные пережитки»). Сегодня в стране наблюдается «возвращение религий», гарантированное Конституцией (1993) порой сопровождаемое скандалами и эксцессами, требуя для своего корректного описания языка философского религиоведения, позволяющего выявить формы взглядов на религию как «живой и проживаемый» нашими согражданами «вернакулярный» социальный феномен, описываемый «изнутри» и «извне» как теми, для кого родным является язык теологии, так и теми, кому роднее терминология религиоведения или «научного атеизма» [11].

Литература

1. Махлаюк А.В. Специфика римской религиозности и семантика концепта religio // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2019, № 3. С. 30-42.
2. Брагова А.М. Цицерон о суеверии // Juvenis scientia. 2017, №4. С. 39-41
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.4 / Пер. с нем. и доб. О.Н. Трубачева. 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
4. Вебер М. Социология религии // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 78-308
5. Панченко А.А. Религиозные практики и антропология религиозности // Канун. Вып. 4. Антропология религиозности. СПб. 1998. С. 5-14
6. Лакатос И. Наука и псевдонаука//<https://classics.nsu.ru/pythagoras/Lacatos.pdf>
7. Чаньшиев А.Н. Философия Древнего мира. М.: Высшая школа, 1999. 703 с.
8. Бибихин В.В. Мир. Томск, 1995. 144 с.
9. Аринин Е.И., Глаголев В.С., Маркова Н.М. Парадоксы идентичности с ἄθεος и religio в религиозных дискуссиях современной России // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 152-162.
10. Луман Н. Дифференциация: пер.с нем. / Н. Луман. М.: Логос, 2006. 320 с.
11. Тажуризина З.А. Атеизм // Научный Атеизм. URL: https://atheism.ru/library/Tazhurizina_2.phtml

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

А.П. Забияко

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой религиоведения и истории,
заведующий лабораторией археологии и антропологии
Амурский государственный университет
E-mail: sciencia@yandex.ru*

Символизм, символическое поведение, символическое мышление – важнейшие характеристики человеческой культуры. Факторы генезиса символического поведения, периодизация и датировки его появления, отношение к разным видам *Homo*, география формирования – это и многие другие проблемы раннего символизма далеки от окончательного решения. Понимание общих закономерностей и глобальных тенденций генезиса раннего символизма требует, помимо многих других данных, достаточно полных знаний о региональных процессах формирования символического поведения. В центре нашего внимания – бассейн реки Амур, огромная территория на северо-востоке Евразии с древней историей и богатой культурой.

Ключевые слова: символизм, символическое поведение, палеолит, скульптура, бассейн реки Амур

FACTORS IN THE FORMATION OF SYMBOLIC BEHAVIOR: REGIONAL ASPECT**

A.P. Zabyako

*DSc in Philosophy, Head of the Department of Religious Studies and History,
Head of the Laboratory of Archeology and Anthropology
Amur State University
E-mail: sciencia@yandex.ru*

Symbolism, symbolic behavior, symbolic thinking are the most important characteristics of human culture. The factors of the genesis of symbolic behavior, the periodization and dating of its appearance, the attitude towards different types of *Homo*, the geography of formation - these and many other problems of early symbolism are far from a final solution. Understanding the general patterns and global trends in the genesis of early symbolism requires, in addition to many other data, fairly complete knowledge of the regional processes of the formation of symbolic behavior. Our focus is on the Amur River basin, a vast territory in the northeast of Eurasia with an ancient history and rich culture.

Keywords: symbolism, symbolic behavior, Paleolithic, sculpture, Amur river basin

Символизм, символическое поведение, символическое мышление – важнейшие характеристики человеческой культуры. Признаки их появления в современной археологии и антропологии неразрывно связаны с тем типом деятельности человека и человечества, которое называется *поведением современного типа (modern human behavior)*. Разработаны теории, согласно которым, появление данного типа поведения знаменует начало полноценной человеческой культуры, в которой наряду с существующими стратегиями утилитарного жизнеобеспечения возникают неутилитарные способы жизнедеятельности – искусство, ритуальные практики, мифология и т.д. Вместе с символическим поведением начинается новая эпоха истории человечества – эпоха *поведенческой современности (behavioral modernity)*.

Факторы генезиса символического поведения, периодизация и датировки его появления, отношение к разным видам *Homo*, география формирования – это и многие другие проблемы раннего символизма далеки от окончательного решения. Понимание общих закономерностей и глобальных тенденций генезиса раннего символизма требует, помимо многих других данных, достаточно полных знаний о региональных процессах формирования символического поведения.

* Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-011-00408.

** The study was supported by the RFBR grant, project No. 20-011-00408.

В центре нашего внимания – бассейн реки Амур, огромная территория на северо-востоке Евразии с древней историей и богатой культурой. По обширной речной сети Амура с древнейших времён пролегли пути миграций человеческих популяций, на речных берегах возникали стоянки и поселения палеолитических групп.

Первые признаки раннего символизма появляются здесь в период верхнего палеолита и связаны они прежде всего с *селемджинской археологической культурой*. Она была открыта в 1982 г. в устье р. Селемджи, левого притока Зеи (Зея – крупнейший приток Амура). Все селемджинские памятники, кроме Усть-Ульмы-I-II, располагаются на высоких речных террасах правого берега и представляют собой в основном кратковременные стойбища, сезонные стоянки и мастерские. Присущие *селемджинской культуре* приемы расщепления камня, с одной стороны, сохраняют связь с более ранней галечной технологией, а с другой стороны, демонстрируют присутствие пластинчатой технологии. Вторая половина существования *селемджинской культуры* связана с широким распространением конусовидных и призматических микронуклеусов, а также микропластин, которые применялись как отдельные инструменты (ногтевидные скребки, проколки, т.д.) и как вкладыши в сложносоставные орудия. Орудийный набор представлен чопперами, стругами, топорами, концевыми скребками, скреблами, тесловидно-скребловидными орудиями, бифасиальными ножами, резцами, сверлами, проколками, топорами и другими типами. Помимо камня для изготовления необходимых вещей люди использовали кожу, рог, кость, дерево.

Селемджинская культура прошла в своём развитии четыре этапа в хронологических границах: первый – 25 – 22 тыс. л.н., второй – 22 – 18 тыс. л.н., третий – 18 – 13 тыс. л.н., четвёртый – 13 – 10,5 тыс. л.н. Нижние пределы истории культуры соотнесены с появлением в Северной Азии микропластинчатой индустрии, верхние – с финальным периодом палеолита и переходным временем от палеолита к неолиту [1, 1998].

Население селемджинской культуры занималось собирательством, охотой и рыболовством, вело преимущественно кочевой образ жизни. Памятники *селемджинской культуры* есть не только на берегах Селемджи и Зеи, но и на Амуре (Ходулиха-II, Бибиково). За тысячи лет развития палеолитические селемджинские орудия труда совершенствовались, что открывало людям новые возможности адаптации к условиям жизни и общего роста культуры. Население долины Селемджи и примыкающих территорий постепенно росло. «Заключительный этап позднепалеолитической селемджинской культуры мог быть временем существования некой "общины", которая занимала, вероятно, определённую территорию и обеспечивала своё существование...» [1, 1998, с. 101]. Эта «община», очевидно, представляла собой архаическую этническую общность, которую можно отнести к протоэтносу. За более чем десяти тысячелетнюю историю своего существования она менялась не только в технологиях обработки камня, но и в своей численности, границах распространения, приёмах адаптации к климатическим колебаниям, но её основной культурно-хозяйственный тип, уклад жизни длительное время сохранялся [2, 2017]. Формирование устойчивых социальных групп – важная предпосылка появления и трансляции во времени и пространстве символического поведения.

Около 12 тыс. л.н. климат региона в период *аллерёдского* потепления примерно на тысячу лет смягчился; затем последовала фаза последнего похолодания, вслед за которой началось устойчивое, хотя и не без колебаний, повышение температур и влажности. Завершение плейстоцена относится в бассейне Амура ко времени около 10 – 8 тыс. л.н. В период перехода от плейстоцена к голоцену меняется ландшафт, флора и фауна – «мамонтова фауна» постепенно замещается доминированием копытных и других животных, добыча которых не была сопряжена с огромными трудозатратами и перекочевками. Таяние снегов и льдов привело к повышению уровня водоёмов, обводнению пойм и вследствие этого – к росту значения рыбных ресурсов и водоплавающей птицы в палеоэкономике населения.

Под влиянием перемен в климате и экосистеме на рубеже третьего и четвёртого этапа *селемджинской культуры* появляются признаки кардинальных изменений в облике каменного инвентаря (увеличивается значение микропластинчатого расщепления, отжимного ретуширования и т.д.), возникает новое орудие – лук, о чём свидетельствуют наконечники стрел, возрастает роль рыболовства, совершенствуются навыки плетения природных волокон, появляется сеть. Окончание эпохи палеолита на Верхнем и Среднем Амуре условно можно определить временем около 12 тыс. л.н.

Селемджинская культура на поздних этапах развития демонстрирует, что изготовление орудий промысла и обработки добычи, разделки шкур, обработки дерева приобретает массовый характер, инструменты становятся более стандартизированными и технологичными в изготовлении. Сокращающие объём трудозатрат на физическое выживание технологические достижения, успехи в адаптации к природным условиям, рост населения высвобождают людям время для досуга,

открывают перспективу для переключения когнитивной деятельности с сугубо утилитарной на внеутилитарную. Человек получает возможность отвлечь мысль от рутины повседневных забот и тревог, переориентировать воображение на создание ассоциаций и образов, не связанных жёстко с прагматикой трудовых и бытовых реалий.

Возрастание от этапа к этапу в инструментарии селемджинской культуры значения орудий охоты и рыболовства указывает на поступательные изменения в палеохозяйственной жизни населения. На этапе перехода к неолиту охота и рыболовство начинают существенным образом замещать собирательство. В соответствии с этими процессами меняется рацион питания населения, в котором высококалорийная белковая пища играет всё более возрастающую роль. Увеличение доли мяса и рыбы в рационе питания способствует под влиянием богатых белком, аминокислотами, холином, докозагексаеновой кислотой продуктов перспективным изменениям в деятельности мозга и психики. Так, докозагексаеновая кислота, содержащаяся преимущественно в животных жирах, особенно в рыбных жирах, и почти отсутствующая в растительных жирах, выполняет важную роль в формировании и поддержании деятельности мозговых центров, ответственных за память, внимание и ряд других когнитивных функций [Нетребенко, 2008]. Полноценное питание, обеспечивающее необходимыми веществами перспективные изменения мозга и психики, несомненно способствовало активизации и закреплению новых когнитивных функций.

Приготовленные на огне мясо и рыба обеспечивают человеческий организм за счёт белков и жиров гораздо большим количеством калорий, чем растительные продукты, что имеет важные социальные следствия – повышается темп деятельности и ускоряется динамика перехода от одного типа активности к другому. В итоге освобождается время для поиска новых когнитивных и поведенческих актов, расширяющих границы человеческого опыта.

Комплекс климатических изменений, прогрессивных сдвигов в палеоэкономике, социальной организации, качестве жизни и психике людей обусловил возникновение в завершающей фазе плейстоцена, на рубеже перехода от палеолита к неолиту нового типа поведения – символической деятельности.

В *селемджинской культуре* образец раннего символизма представлен, во-первых, каменной фигуркой рыбы. Фигурка обнаружена в культурном слое, который относится к четвёртому этапу селемджинской культуры, датированному в интервале 13 – 10,5 тыс. л.н. Ихтиоморфный образ отражал значение в жизни людей рыбных ресурсов, на вовлечение которых в новые стратегии деятельности были направлены не только трудовые усилия, но и воображение – важнейший инструмент символического поведения. Другим образцом селемджинского символизма является каменный «жезл», который находился в культурном слое с аналогичной датировкой.

Преемницей *селемджинской культуры* на Верхнем и Среднем Амуре является раннеолитическая *громатухинская культура*. В ней возникшие в палеолите формы символического поведения получают дальнейшее развитие.

Литература

1. Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская верхнепалеолитическая культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 336 с.
2. Забияко А.П. Палеоамурские народы: опыт реконструкции древней этнической истории на территории Верхнего и Среднего Амура // Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда. Сборник статей. Владивосток: Рубеж, 2017. С. 377–395.
3. Нетребенко О.К. Влияние питания на развитие мозга // Педиатрия. – 2008. – № 3. Т. 87. – С. 96–103.

КООРДИНАЦИОННАЯ КОМИССИЯ ПО ВОПРОСАМ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-АТЕИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР (1955-1956 ГГ.) И ОТДЕЛЕНИЯ ПО ЕСТЕСТВЕННЫМ НАУКАМ*

М.М. Шахнович

*Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: shakhnovich@gmail.com*

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 21-011-43036

В докладе на основе архивных материалов исследуется работа Координационной Комиссии по вопросам организации научно-атеистической пропаганды при Президиуме Академии наук СССР в 1954-1955 гг. На деятельность Комиссии существенно повлияло Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (от 10 ноября 1954 г.), в котором подчеркивалась коренная противоположность науки и религии и указывалось на необходимость распространения материалистических взглядов на развитие природы и общества, включая разъяснение строения вселенной, происхождения жизни и человека, достижений в области естественных наук. Академик А.И. Опарин критиковал издательский план председателя Комиссии В.Д. Бонч-Бруевича за недостаточное разоблачение религии и излишнее увлечение историей религии, стремясь передать координацию издательской работы в возглавляемое им самим Общество по распространению политических и научных знаний.

Ключевые слова: В. Д. Бонч-Бруевич, Академия наук СССР, научный атеизм, научная картина мира, А. И. Опарин

THE COORDINATING COMMISSION FOR THE ORGANIZATION OF SCIENTIFIC AND ATHEISTIC PROPAGANDA UNDER THE PRESIDUM OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES (1955-1956) AND THE DEPARTMENTS FOR NATURAL SCIENCES**

M.M. Shakhnovich

*DSc in Philosophy, Professor, Head. Department of Philosophy of Religion and Religious Studies
Saint Petersburg State University
E-mail: shakhnovich@gmail.com*

Based on archival materials, the report examines the work of the Coordinating Commission on the organization of scientific and atheistic propaganda under the Presidium of the USSR Academy of Sciences in 1954-1955. The activities of the Commission were significantly influenced by the Decree of the Central Committee of the CPSU “On Mistakes in Conducting Scientific and Atheistic Propaganda Among the Population” (November 10, 1954), which emphasized the fundamental opposition between science and religion and indicated the need to spread materialistic views on the development of nature and society, including explanation of the structure of the universe, the origin of life, achievements in the field of natural sciences. Academician A.I. Oparin criticized the publishing plan of the Chairman of the Commission V.D. Bonch-Bruevich for insufficient exposure of religion and excessive enthusiasm for the history of religion, seeking to transfer the coordination of publishing work to the Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge, headed by himself.

Keywords: V. D. Bonch-Bruevich, USSR Academy of Sciences, scientific atheism, scientific worldview, A. I. Oparin

В современной литературе подробно описывается практическая реализация Постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г., вызвавшего усиление гонений на верующих и ужесточение партийного контроля в сфере церковно-государственных отношений. Однако исследователи не обращали внимание на то, что этот документ положил начало использованию идеологического концепта «научный атеизм», который вошел в общественную теорию и политическую практику. В тексте Постановления речь шла о пропагандистской, лекционной и издательской деятельности в области научного атеизма.

30 октября 1954 г. Президиум Академии наук СССР издал распоряжение № 34-1965, подписанное и. о. Президента АН СССР академиком А.И. Опариним, директором Института биохимии растений АН СССР и председателем Правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В распоряжении говорилось, что в целях развертывания научно-атеистической пропаганды академикам-секретарям всех Отделений АН СССР предлагается к 15 ноября 1954 г. предусмотреть включение тем, связанных с научно-атеистической проблематикой, в научно-исследовательскую работу, разработать тематику публичных лекций и спланировать подготовку книг для научно-популярной серии АН СССР. При Президиуме АН СССР была создана

** The study was supported by RFBR grant No. 21-011-43036.

Координационная Комиссия по вопросам организации научно-атеистической пропаганды, ее председателем был назначен В.Д. Бонч-Бруевич, директор Музея истории религии и атеизма АН СССР и глава Комиссии по изучению вопросов религии и атеизма Института истории АН СССР. В состав Комиссии вошли директор Государственного астрономического института им. П. К. Штернберга Б. В. Кукаркин, заместитель директора Института философии АН СССР Ц.А. Степанян, заместитель директора Института истории АН СССР Л.С. Гапоненко, заместитель директора Института истории естествознания и техники АН СССР Н. А. Фигуровский, заместитель директора по науке Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР А.Н. Студитский [1, л. 2]. В Комиссию чуть позже были введены директор Института этнографии и Института востоковедения, член-корреспондент С. П. Толстов и ученый секретарь Президиума Академии наук В. П. Сухотин [2, с. 175]. Документы о работе Комиссии хранятся в Архиве РАН и в Научно-историческом Архиве Государственного музея истории религии, куда их отослал Бонч-Бруевич в марте 1955 г. [3, с. 277].

Первое заседание Комиссии состоялось 18 ноября 1954 г., на него были также приглашены ученые секретари Отделений. За неделю до этого, 11 ноября 1954 г. в газете «Правда» было опубликовано Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», существенно изменившее содержание идейной работы на антирелигиозном фронте. В нем подчеркивалась «коренная противоположность науки и религии», указывалось на необходимость борьбы «с религиозной идеологией, как с антинаучной идеологией», отмечалось значение научного мировоззрения [4, с. 449-450]. В связи с этим, указывалось, что в основу научно-атеистической пропаганды следует положить распространение естественнонаучных знаний, материалистических взглядов на развитие природы и общества, включая разъяснение строения вселенной, происхождения жизни и человека, достижений в области астрономии, биологии, физиологии, физики, химии и др. Поэтому выступая на первом заседании Комиссии, В. Д. Бонч-Бруевич подчеркнул, что при составлении плана «Работ Академии наук СССР по научно-атеистической пропаганде», который он назвал «План № 1», самое серьезное внимание было обращено на пропаганду естественнонаучных знаний. Он отметил, что от всех Отделений АН СССР по естественным наукам было получено 36 заявок на книги и брошюры, а также предложено 14 тем для последующей разработки.

Спустя три месяца в «Докладной записке об организации научно-атеистической пропаганды в учреждениях АН СССР», поданной 28 февраля 1954 г. Президенту АН СССР А. Н. Несмеянову и главному ученому секретарю Президиума АН СССР А. В. Топчиеву, В. Д. Бонч-Бруевич указывал, что из всех зарегистрированных по «Плану № 1» 143 названий книг и брошюр (объемом 1619 авторских листов), планируемых к публикации в 1955-1956 гг., значительная часть — это научно-исследовательские и научно-популярные труды, подготовленные Отделениями исторических, экономических, философских и правовых наук, Отделением языка и литературы, а также Комиссией по истории религии и атеизма. В то время, как все Отделения по естественным наукам подали заявки на издание научно-популярных работ в 1954-1955 гг. объемом лишь в 182 авторских листа [1, л. 22].

Начиная с января 1955 г., деятельность Комиссии всячески тормозилась академиком А.И. Опариним. Выступая на заседании Президиума Академии наук 28 января 1954 г. и во время встречи в Отделе науки ЦК КПСС, Опарин призывал к удалению из издательского плана работ, тематика которых, по его мнению, «не является актуальной в настоящее время» [1, л. 68]. Прежде всего, это касалось научно-исследовательских трудов по истории буддизма, ислама, истории папства и инквизиции, истории православия, а также по истории антиклерикального фольклора. Опарин заявлял, что «план не нацеливает на разоблачение сектантства», что в нем «слабо представлены темы, непосредственно связанные с борьбой против суеверий» [1, л. 68]. Главная цель этих заявлений — ограничить активность Бонч-Бруевича и передать координацию издательской работы в непосредственно возглавляемое Опариним Общество по распространению политических и научных знаний [1, л. 56]

В письме, написанном 12 марта 1955 г. главному ученому секретарю Президиума АН СССР А. В. Топчиеву, Бонч-Бруевич, отверг все замечания и «безосновательные выкидки» А. И. Опарина и, в лучших своих традициях, перешел в наступление, указав, что Постановлении ЦК от 11 ноября 1954 г. «делается упор на то, что в основу научно-атеистической пропаганды должна быть положена пропаганда естественно-научных знаний» [1, л. 59-60], поэтому для Координационной комиссии важно, добиться, чтобы в области пропаганды научного атеизма участвовали и те институты АН СССР, которые занимаются изучением природы. Он призывал немедленно продолжить работу Координационной комиссии и выполнить работы издательского плана АН СССР по научно-

атеистической пропаганде в 1955-1956 гг. в полном объеме, включая издания по естественным наукам. Издательский план В. Д. Бонч-Бруевича был осуществлен уже после его кончины в июле 1955 г., но, к сожалению, в сокращенном виде.

Литература

1. Архив Российской Академии наук. Фонд 498. Описание 1. Дело 9.
2. *Бонч-Бруевич В.Д.* Историческая наука в СССР. О научно-атеистической пропаганде // Вопросы истории. 1955. № 3. С. 175-177.
3. Переписка В. Д. Бонч-Бруевича и Л. И. Емелях о рукописном отделении (отделе) Музея истории религии АН СССР (1951-1955) / Предисловие, примечания и публикация М. М. Шахнович // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 15. СПб, 2015. С.163-238.
4. КПСС в резолюциях в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД Н. ЛУМАНА В ИЗУЧЕНИИ РЕЛИГИИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ*

М.С. Лютаева

*Кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и религиоведения
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: liutaeva@yandex.ru*

Предложенный материал посвящен рассмотрению научного описания религии как «аутопойетической» системы в теории Никласа Лумана и ее включении в контекст академического религиоведения. Разработанная немецким социологом методология актуализирует посредством критики предшествующие подходы (онтологический, аналитический, социологический, феноменологический, гуманистический) в определении и изучении религии и предлагает собственную теоретико-методологическую схему описания религии как уникальной коммуникации. Религия, по Луману, в современном обществе дифференцирована в автономную систему, осуществляющую смысловую редукцию социальной сложности (сложности) на основе кода трансцендентное / имманентное. В процессе дифференциации системы отдельного внимания заслуживает формирование научной дисциплины, осуществляющей рефлексивность над феноменом религии с помощью конструирования и эволюции понятийного комплекса, теорий и методов как структурных элементов системы

Ключевые слова: Никлас Луман, религия, наука, аутопойетическая система, религиоведение

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH OF N. LUHMANN IN THE STUDY OF RELIGION IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS STUDIES**

M.S. Lyutaeva

*CSc in Philosophy, Lecturer at the Department of Philosophy and Religious Studies
Vladimir State University
E-mail: liutaeva@yandex.ru*

The proposed material is devoted to the consideration of the scientific description of religion as an "autopoietic" system in the theory of Niklas Luhmann and its inclusion in the context of academic religious studies. The methodology developed by the German sociologist actualizes previous approaches (ontological, analytical, sociological, phenomenological, anthropological, humanistic) to the definition and study of religion and offers its own theoretical and methodological scheme for describing religion as a unique communication. Religion in modern society is differentiated into an autonomous system that carries out the semantic reduction

* Исследование ведется в рамках проекта РФФИ № 21-011-44195.

** The study is supported by RFBR, project No. 21-011-44195.

of social complexity on the binary code “transcendent / immanent”. In the process of differentiation of the system, special attention should be paid to the formation of a scientific discipline that reflects on the phenomenon of religion through the folding and evolution of the conceptual complex, theories and methods as structural elements of the system.

Keywords: Niklas Luhmann, religion, science, autopoietic system, religious studies

Никлас Луман – один из крупнейших социальных теоретиков XX века и, по словам Е.А. Островской, его воззрения на религию «закключают классический период теоретизирования в социологии религии» [1, с. 82].

Заслуживает внимания перспективность включения теоретико-методологической схемы описания религии, предложенной Луманом, в контекст религиоведческих дисциплин. Комплексная методология позволяет актуализировать классические концепции, разработанные в области социологии религии, рассмотреть специфику инновации их билефельдским теоретиком, обогатить инструментарий религиоведческих исследований.

Н.Луман, начиная монографию о религии как аутопойетической социальной системе (*Die Religion der Gesellschaft*, 2002), которая вышла в печать уже посмертно, анализирует предшествующие подходы изучения религии. Методологической критике подвергаются «онтологический» (изнутри определенной конфессии) и «аналитический» (сконцентрированный на анализе предложений языка) подходы в области изучения религии [2, с. 7].

Далее Луман критикует социологический метод, представленный работами Э.Дюркгейма, М.Вебера и Г.Зиммеля. В первую очередь философа не устраивает трактовка религии как фактора социальной солидарности и моральной интеграции. Религия, по Дюркгейму, основана на мировоззренческой принадлежности и увязывает людей друг с другом, обосновывает их совместные действия, выступает основой социальной солидарности группы [3, с. 96-97]. Описание религии М.Вебером (1864-1920) также относится Луманом к социологическому подходу и представляет собой одну из форм социального действия, основанного на различии повседневных (*alltaglich*) и особых, внеповседневных (*aueralltaglich*) жизненных состояний [2, с. 9]. В данном подходе Лумана не устраивает деятельностный компонент, и понимание религии как специфической целеориентированной деятельности, осуществляющей рационализацию и легитимацию социального порядка.

Феноменология, по Луману, определяет религию через познание священного как нуминозного различать эмпирическое и трансцендентное, что по мнению Лумана, слишком обобщенно и не позволяет дифференцировать религию от простых феноменов веры / доверия, а также понятие трансцендентного дублирует сферу сознания [2, с. 12]. Также за редукцию религии к феноменам сознания подвергается критике «гуманистическая» традиция. «Религия не может быть истолкована в рамках терминологической схемы сознания», - считает Луман [2, с. 13], в схемах субъект/объект, наблюдатель/предмет, религия находится по обе стороны различений.

В своей концепции понимания религии Луман предлагает заменить понятие «человек» на понятие «коммуникация», то есть вместо антропологически ориентированной социологии религии использовать социологию, основанную на коммуникативной теории общества. При таком подходе религия оказывается автономной, самоопределяющейся коммуникацией, регулирующей процессы включения и исключения, наблюдающей за собственными же наблюдениями [2, с. 15].

Религия представляет собой особую форму коммуникации и редукции смысловой комплексности, она может отрицать бессмысленное, «строить мосты» из неизвестного и «неназванного» в область смысла. Так одно из ранних функциональных определений Луманом религии – преобразование неопределимой комплексности в определенную или определяемую [4, р. 13]. Религия как форма смысла имеет дело с ненаблюдаемым, где наблюдение и мир неразличимы в немаркированном пространстве (*unmarked state*), но ненаблюдаемое встраивается в коммуникативные операции, посредством разработанной системы символов, которые будут отражать это ненаблюдаемое, выражать одно таинственное и неизвестное через другое. «Религия имеет дело с включением исключенного, присутствием отсутствующего, в ней все может быть только шифром подразумеваемого», - считает Луман [2, с. 32]. В терминах аутопойезиса коммуникации религия представляет собой динамически развивающуюся саморефлексию общественной системы относительно различения надежного, знакомого, известного (*vertraut*) и ненадежного, незнакомого, неизвестного (*unvertraut*), регулируется кодом трансцендентное / имманентное. Согласно Луману, религия не может определяться через такие концепты как «кризис смысла» («*Sinnkrise*»), «утрата смысла» («*Sinnverlust*»), «утрата идентичности» («*Identitatsverlust*»), «потеря мира» («*Weltverlust*»),

она не отражает стремление к поиску смысла или удовлетворению нужд - все это, считает Луман, отголоски функциональных определений антропологического понимания религии [2, s. 35]. Основная проблема религии - это решение вопроса возможности смысла в ситуации, когда нечто всегда остается ненаблюдаемым [2, s. 35]. Хотя ненаблюдаемое недоступно, само различие наблюдаемого/ненаблюдаемого становится видимым, с этим и работает религия с помощью «лингвистической действительности», называя, осваивая путем маркирования неизвестного и ненаблюдаемого в языке.

Уровень научного описания религии представлен академическим религиоведением, возникновение которого как научной дисциплины связывают с именем Ф.Макса Мюллера, который ввел понятие «наука о религии» (Science of Religion) [5, с. 32]. Как отмечает А.Н. Красников, во второй половине XIX – начале XX века «сформировалась религиоведческая парадигма, и в основе ее лежала определенная совокупность методов» [5, с. 63]. В терминологии Лумана, формирование такой религиоведческой парадигмы свидетельствует об отдифференциации научной области, имеющей собственный понятийный аппарат, а также совокупность теорий и методов, которые выполняют роль программ, «формулирующих условия верности» [6, с. 310], т.е. комплекс «правил верных решений» [6, с. 311]. По замечанию А.Ю. Антоновского, «в отличие от политики, претендующей на доминирование «внутри общества», наука занимает доминирующую позицию “над обществом”» и претендует «на некий более широкий сектор обзора» [6, с. 128]. Основная задача любого научного наблюдения, по Луману, «наблюдать наблюдения и различать различения» [7, с. 294], где важнейшая роль принадлежит понятиям, как «структурным единицам» научного знания, фиксирующим «инструкции для образования ожиданий» и их аутопойезиса [7, с. 295]. Так наука, в том числе религиоведение, «способна наблюдать лишь то, что она может постичь понятийно» [7, с. 296]. Поэтому использование теоретико-методологического подхода Лумана к изучению религии базируется на наблюдении эволюции понятий, а также выявлении их «противопонятий».

Литература

1. *Островская Е. А.* Социология религии: введение. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018. 320 с.
2. *Luhmann N.* Die Religion der Gesellschaft. F. am M.: Suhrkamp Verlag, 2002. 364 s.
3. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Изд. дом Дело: РАНХиГС, 2018. 732 с.
4. *Luhmann N.* Religious dogmatics and the evolution of societies. N.Y.: Lewiston, 1984. liii, 137 p.
5. *Красников А. Н.* Методологические проблемы религиоведения: Учебное пособие. М.: Академический проект, 2007. 239 с.
6. *Антоновский А.Ю.* Системно-коммуникативная теория науки. 30 лет спустя // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 127–138.
7. *Луман Н.* Истина, знание, наука как система. М.: Логос, 2016. 408 с.

ФИЛОСОФСКАЯ ЛОГИКА

УНИВЕРСУМ ПЕРЕВОДОВ ЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В.Л. Васюков

Доктор философских наук, зав. кафедрой истории и философии науки

Институт философии РАН

E-mail: vasyukov4@gmail.com

Ранее автором было проведено исследование природы и структуры общего универсума возможных комбинаций всех логических систем, основываясь на концепции универсальной логики (общей теории логик, рассматриваемых как особая разновидность математических структур, по аналогии с тем, как универсальная алгебра рассматривает конкретные алгебраические системы). В рамках теоретико-категорного подхода, когда логические системы объединяются в категорию специального вида, удастся ввести категорные конструкции, описывающие внутреннюю структуру категории логических систем. Расширяя категорию логических систем до 2-категории, можно включить в орбиту рассмотрения также универсум переводов логических систем, когда переводы характеризуются с помощью 2-категорных конструкций, будучи органической частью универсума логических систем. В этом случае используются контекстуальные свойства переводов, описываемые в рамках первопорядкового метаязыка – разновидности секвенциального исчисления, чьи правила задают отношение следования в рассматриваемой логической системе.

Ключевые слова: универсум, логическая система, сигнатура, перевод, 2-категории, мета-свойства, секвенции

THE UNIVERSE OF THE TRANSLATIONS OF LOGICAL SYSTEMS

V.L. Vasyukov

DSc in Philosophy, Head. Department of History and Philosophy of Science

Institute of Philosophy RAS

E-mail: vasyukov4@gmail.com

Earlier, the author conducted a study of the nature and structure of the general universe of possible combinations of all logical systems, based on the concept of universal logic (the general theory of logics, considered as a special kind of mathematical structures, by analogy with how universal algebra considers specific algebraic systems). Within the framework of the categorical-theoretic approach, when logical systems are combined into a category of a special kind, it is possible to introduce categorical constructions that describe the internal structure of the category of logical systems. By extending the category of logical systems to 2-category, we can include in the orbit of consideration also the universe of translations of logical systems, when translations are characterized by 2-categorical constructions, being an organic part of the universe of logical systems. In this case, the contextual properties of translations described within the framework of the first order metalanguage are used – a kind of sequential calculus, which rules set the relation of inference in the logical system in question.

Keywords: universe, logical system, signature, translation, 2-categories, meta-properties, sequents

Рассмотрим логический язык, который свободно порожден некоторой сигнатурой, включающей в себя конструкторы различной местности. *Сигнатура* представляет собой индексированное множество $\Sigma = \{\Sigma^n\}_{n \in \mathbb{N}}$, где каждое Σ^n является n -арным конструктором. Будем считать, что множество пропозициональных переменных включено в Σ^0 .

Язык над данной сигнатурой Σ , который будет обозначаться L_Σ , строится индуктивно обычным способом:

- $\Sigma^0 \subseteq L_\Sigma$;
- если $n \in \mathbb{N}$, $\varphi_1, \dots, \varphi_n \in L_\Sigma$ и $c \in L_\Sigma$, то $c(\varphi_1, \dots, \varphi_n) \in L_\Sigma$.

Будем называть Σ -формулами элементы L_Σ , или просто формулами, когда Σ ясно из контекста.

Определим *логическую систему* как пару $L = \langle \Sigma, \vdash \rangle$, где Σ есть сигнатура, а \vdash представляет собой оператор присоединения следствий в L_Σ (в смысле Тарского), то есть, $\vdash: 2^{L_\Sigma} \rightarrow 2^{L_\Sigma}$ является функцией, обладающей следующими свойствами для каждых $\Gamma, \Phi \subseteq L_\Sigma$:

- $\Gamma \subseteq \Gamma^\vdash$;
- если $\Gamma \subseteq \Phi$, то $\Gamma^\vdash \subseteq \Phi^\vdash$;
- $(\Gamma^\vdash)^\vdash \subseteq \Gamma^\vdash$.

Здесь Γ^\vdash есть множество следствий Γ . Для сохранения общности не будем требовать, чтобы оператор присоединения следствий был финитным, и тем более структурным, и записывать $\varphi \in \Gamma^\vdash$ как $\Gamma \vdash \varphi$.

Будем считать раз и навсегда зафиксированным множество $\Xi = \{\xi_i\}_{i \in \mathbb{N}}$ метапеременных. Для данной сигнатуры Σ и $k \in \mathbb{N}$ будем рассматривать множество L_Σ^k определенным индуктивно:

- $\{\xi_1, \dots, \xi_k\} \subseteq L_\Sigma^k$;
- $\Sigma^0 \subseteq L_\Sigma^k$;
- если $n \in \mathbb{N}$, $\varphi_1, \dots, \varphi_n \in L_\Sigma^k$ и $c \in \Sigma^n$, то $c(\varphi_1, \dots, \varphi_n) \in L_\Sigma^k$.

Очевидным образом $L_\Sigma = L_\Sigma^0$. Для данного $\varphi_n \in L_\Sigma^k$ будем записывать как $\varphi(\xi_1 \setminus \psi_1, \dots, \xi_k \setminus \psi_k)$ формулу, получаемую из φ одновременной заменой каждого вхождения ξ_i в φ на ψ_i для каждого $i \leq k$.

Производная связка местности $k \in \mathbb{N}$ является λ -термом $d = \lambda \xi_1, \dots, \xi_k. \varphi$, где $\varphi \in L_\Sigma^k$. Обозначим через DC_Σ^k множество всех производных k -местных связок над Σ . Отметим, что если $c \in \Sigma^n$ является примитивной связкой, то она также может рассматриваться как производная связка $c = \lambda \xi_1, \dots, \xi_k. c(\xi_1, \dots, \xi_k)$.

Различные языки, порожденные различными сигнатурами, могут переводиться друг в друга с помощью понятия морфизма, когда примитивные связки одной сигнатуры отображаются в производные связки другой сигнатуры с сохранением соответствующей местности. Для данных сигнатур Σ_1 и Σ_2 морфизм сигнатур $h: \Sigma_1 \rightarrow \Sigma_2$ является \mathbb{N} -индексированным семейством функций $h = \{h^n: \Sigma_1^n \rightarrow DC_{\Sigma_2}^k\}_{n \in \mathbb{N}}$.

Для данного морфизма сигнатур $h: \Sigma_1 \rightarrow \Sigma_2$ определяем его свободные расширения $h: L_{\Sigma_1}^k \rightarrow L_{\Sigma_2}^k$ для $k \in \mathbb{N}$, следующим образом:

- $h(\xi_i) = \xi_i$, если $\xi_i \in \Xi$;
- $h(c) = h^0(c)$, если $c \in \Sigma_1^0$;
- $h(c(\varphi_1, \dots, \varphi_n)) = h^0(c)(h(\varphi_1), \dots, h(\varphi_n))$, если $c \in \Sigma_1^n$.

Функцию перевода h , удовлетворяющую вышеизложенным требованиям, будем называть унифицированной.

Сигнатуры и их морфизмы образуют категорию **Sig** с тождествами $id_\Sigma: \Sigma_1 \rightarrow \Sigma_2$, такими, что $id_\Sigma^n(c) = \lambda \xi_1, \dots, \xi_k. c(\xi_1, \dots, \xi_k)$ для каждого $n \in \mathbb{N}$ и $c \in \Sigma^n$, а композиция морфизмов сигнатур $f: \Sigma_1 \rightarrow \Sigma_2$ и $g: \Sigma_2 \rightarrow \Sigma_3$ будет определяться как $g \circ f: \Sigma_1 \rightarrow \Sigma_3$, такая, что $(g \circ f)^n(c) = \xi_1, \dots, \xi_n. g(\varphi)$, полагая, что $f^n(c) = \lambda \xi_1, \dots, \xi_n. \varphi$.

Удобство использования унифицированных переводов сказывается при формулировке понятия морфизма между логическими системами. Для данной функции $h: L_{\Sigma_1} \rightarrow L_{\Sigma_2}$ с $\Phi \subseteq L_{\Sigma_1}$ мы будем рассматривать множество $h[\Phi] = \{h(\varphi) : \varphi \in \Phi\}$.

Пусть $L_1 = \langle \Sigma_1, \vdash_1 \rangle$ и $L_2 = \langle \Sigma_2, \vdash_2 \rangle$ будут логическими системами. Морфизм логических систем $h: L_1 \rightarrow L_2$ представляет собой морфизм сигнатур $h: \Sigma_1 \rightarrow \Sigma_2$, такой, что $h[\Phi^\vdash_1]^\vdash_2 \subseteq h[\Phi]^\vdash_2$ для каждого $\Phi \subseteq L_{\Sigma_1}$. Логические системы и их морфизмы образуют конкретную категорию **Log** над категорией сигнатур **Sig**.

Для того, чтобы заняться изучением универсума переводов логических систем, преобразуем нашу категорию **Log** в 2-катеорию **2-Log**, где 2-стрелки представляют собой 2-клетки или отображения в терминологии Маклейна [2], причем их можно перемножать двумя способами, горизонтальным и вертикальным. Таким образом, если у нас имеются два перевода логических систем $f, g: L_1 \rightarrow L_2$, то дополнительно имеются 2-клетки $\alpha: f \Rightarrow g$ с областью L_1 и кообластью L_2 , что записывается как $\alpha: f \Rightarrow g: L_1 \rightarrow L_2$. Для 2-клеток существует два вида умножения – вертикальное $\alpha' \circ \alpha: f' \circ f \Rightarrow g' \circ g: L_1 \rightarrow L_3$ (где $\alpha': f' \Rightarrow g': L_2 \rightarrow L_3$) и горизонтальное $\beta \bullet \alpha: f \Rightarrow h: L_1 \rightarrow L_2$ (где $\beta: g \Rightarrow h: L_1 \rightarrow L_2$). 2-клетки образуют категорию относительно горизонтального умножения и для любой

логики L имеется единичная 2-клетка $\mathbf{1}: I \Rightarrow I: L \rightarrow L$ – двусторонняя единица для подобного умножения. Точно так же 2-клетки образуют категорию относительно вертикального умножения и существует единичная 2-клетка $\mathbf{1}_f: f \Rightarrow f$ относительно этого умножения.

Кроме того, если дан набор 2-клеток $\alpha: f \Rightarrow g: L_1 \rightarrow L_2$, $\alpha': f' \Rightarrow g': L_2 \rightarrow L_3$, $\beta: g \Rightarrow h: L_1 \rightarrow L_2$, $\beta': g' \Rightarrow h': L_2 \rightarrow L_3$, то справедливо равенство $(\beta' \circ \beta) \bullet (\alpha' \circ \alpha) = (\beta' \bullet \alpha') \circ (\beta \bullet \alpha): f' \circ f \Rightarrow h' \circ h: L_1 \rightarrow L_3$.

Для того, чтобы использовать наши 2-клетки для характеристики отношений между переводами логических систем, воспользуемся понятием контекстуальности переводов из [3], когда сохраняются некоторые мета-свойства исходной логики, определяемые в формальном первопорядковом метаязыке – разновидности секвенциального исчисления, чьи правила задают отношение следования в рассматриваемой логической системе. Более формально: утверждение над сигнатурой Σ^* представляет собой пару $\Gamma \vdash \varphi$, откуда мета-свойство есть $\{\{S_1, \dots, S_n\}, S\}$, где все S_i ($i = 1, \dots, n$) и S являются утверждениями. Мета-свойства удобно записывать в виде правил

S

Например, если сигнатура содержит отрицание \neg , конъюнкцию \wedge и дизъюнкцию \vee , то

$$\frac{X_1, \xi_1 \vdash \xi_2 \quad X_1, \neg \xi_1 \vdash \xi_2}{X_1 \vdash \xi_2} \quad \frac{X_1, \xi_1 \vdash \xi_3 \quad X_1, \xi_2 \vdash \xi_3}{X_1, \xi_1 \vee \xi_2 \vdash \xi_3} \quad \frac{X_1 \vdash \xi_1 \quad X_1 \vdash \xi_2}{X_1, X_2 \vdash \xi_1 \wedge \xi_2}$$

представляют собой мета-свойства над сигнатурой Σ^* , играющие роль логических правил, в которых ξ_1, ξ_2, ξ_3 суть метAPERЕМЕННЫЕ. Структурные мета-свойства над сигнатурой Σ^* , в которых нет связок, можно представить в следующем виде:

$$\frac{X_1 \vdash \xi_1 \quad X_2, \xi_1 \vdash \xi_2}{X_1, X_2 \vdash \xi_2} \quad \frac{X_1 \vdash \xi_1}{X_1, X_2 \vdash \xi_1} \quad \frac{}{X_1 \vdash \xi_1}$$

По сути дела, структурные мета-свойства определимы над любой сигнатурой.

Контекстуальный перевод будет морфизмом $f: L_1 \rightarrow L_2$, таким, что если $\Gamma \vdash \varphi$ есть утверждение над сигнатурой Σ^*_1 , ассоциированной с L_1 , то $f[\Gamma] \vdash f(\varphi)$ будет утверждением над сигнатурой Σ^*_2 , ассоциированной с L_2 . Соответственно, если $(P) = \{\{S_1, \dots, S_n\}, S\}$ есть мета-свойство над сигнатурой Σ^*_1 , то $f(P) = \{\{f(S_1), \dots, f(S_n)\}, f(S)\}$ есть мета-свойство над сигнатурой Σ^*_2 . Отсюда морфизм $f: L_1 \rightarrow L_2$ будет контекстуальным переводом, если L_2 удовлетворяет мета-свойству $f(P)$ всякий раз, когда L_1 удовлетворяет мета-свойству (P) .

Возвращаясь к нашей 2-категории **2-Log**, будем приписывать каждой логической системе определенную совокупность мета-свойств, трансформацию которых будут контролировать наши 2-клетки, т.е. они будут, например, классифицировать переводы как контекстуальные, если мета-свойства будут переходить в мета-свойства, и неконтекстуальные, если этот переход нарушается. Таким образом, если у нас есть два контекстуальных перевода $f, g: L_1 \rightarrow L_2$, то 2-клетка $\alpha: f \Rightarrow g: L_1 \rightarrow L_2$ будет определяться коммутативными диаграммами

$$\begin{array}{ccc} & \Gamma & \Gamma \\ & \downarrow & \downarrow \\ & g[\Gamma] \vdash_2 g(\varphi) & \end{array}$$

где $\Gamma \subseteq L_{\Sigma^*_1}$, $\varphi \in L_{\Sigma^*_1}$. Диаграммы утверждений

$$\begin{array}{ccc} f[\Gamma] \vdash_2 f(\varphi) \vdash_3 h(f(\varphi)) & & f[\Gamma] \vdash_2 f(\varphi) \\ \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ \Gamma & \Gamma & \Gamma \\ g[\Gamma] \vdash_2 g(\varphi) \vdash_3 k(g(\varphi)) & & g[\Gamma] \vdash_2 g(\varphi) \\ \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ \Gamma & \Gamma & \Gamma \\ h[\Gamma] \vdash_2 h(\varphi) & & \end{array}$$

будут определять 2-клеточное горизонтальное и вертикальное умножение соответственно. Фактически 2-клетки представляют собой переводы контекстов со всеми вытекающими последствиями.

Литература

1. Vasyukov V.L. Structuring the Universe of Universal Logic // Logica Universalis. 2007. Vol.1, № 2. Pp. 277-294.
2. Маклейн С. Категории для работающего математика. М.: Физматлит, 2004. 352 с.
3. Carnielli W.A., Coniglio M.E., Loffredo D'Ottaviano I.M. New Dimensions on Translations Between Logics // Logica Universalis, vol. 3, № 1, 2009. P. 1-18. DOI: 10.1007/s11787-009-0002-5

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО ДВУЗНАЧНЫЕ СЕМАНТИКИ ДЛЯ ИНФЕРЕНЦИАЛЬНО МНОГОЗНАЧНЫХ ЛОГИК

Л.Ю. Девяткин

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Сектора логики

Институт философии РАН

E-mail: leoniddevyatkin@gmail.com

В настоящей работе мы предлагаем обобщение понятия семантического следования, которое ведет к расширению класса исчислений, имеющих двузначную интерпретацию. Редукция Сушко позволяет построить двузначную интерпретацию для любого структурного исчисления с отношением следования, отвечающем аксиомам рефлексивности, транзитивности и монотонности. В литературе известны примеры исчислений, использующих альтернативные определения следования, которые имеют трехзначные или четырехзначные интерпретации, но не имеют двузначных. В этих примерах многозначные интерпретации исчислений строятся на основе множеств выделенных и анти-выделенных значений. Мы заменяем данные классы значений на отношения между значениями и демонстрируем пример двузначной интерпретации в случае, когда такую интерпретацию было бы невозможно произвести традиционными средствами. Это показывает, что в некоторых случаях при построении семантик неклассических логик нет нужды добавлять новые значения истинности как референциальные объекты, если отказаться от абсолютной истины и лжи как свойств этих объектов и перейти к их относительной трактовке.

Ключевые слова: многозначные логики, отношение следования, логическая семантика, инференциальная многозначность, референциальная многозначность, Тезис Сушко, пропозициональные исчисления

REFERENTIALLY BIVALENT SEMANTICS FOR INFERENTIALLY MANY-VALUED LOGICS

L.Yu. Devyatkin

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow of the Sector of Logic

Institute of Philosophy RAS

E-mail: leoniddevyatkin@gmail.com

In this paper, we propose a generalization of the notion of semantic consequence, which leads to an extension of the class of calculi with a two-valued interpretation. Suszko's reduction allows one to construct a two-valued interpretation for any structural calculus with a consequence relation satisfying the axioms of reflexivity, transitivity, and monotonicity. In the literature there are examples of calculi using alternative definitions of consequence, which have three-valued or four-valued interpretations, but do not have two-valued ones. In these examples, many-valued interpretations of calculi rely on sets of designated and anti-designated values. We replace these sets with relations between values and demonstrate an example of a two-valued interpretation for a case where it would be impossible to produce such an interpretation using traditional means. This shows that when constructing the semantics of non-classical logics, sometimes there is no need to add new truth values as referential objects, if we abandon absolute truth and falsehood as properties of these objects and proceed to the relational understanding.

Keywords: many-valued logics, consequence, logical semantics, inferential many-valuedness, referential many-valuedness, Suszko's Thesis, propositional calculi

Примем следующий порядок изложения материала. Сперва введем базовые понятия, такие как исчисление, его k -значная интерпретация и так далее. За этим следует обзор результатов, касающихся наличия или отсутствия у исчислений интерпретаций с тем или иным количеством значений, а также связь данной проблемы с понятиями инференциальной и референциальной многозначности. В заключительной части работы приводятся собственные построения автора, в которых раскрывается новый способ построения референциально двузначных интерпретаций для инференциально многозначных исчислений.

Под пропозициональным исчислением понимаем пару из множества формул L и отношения \vdash на $2^L \times L$. Если \vdash замкнуто относительно подстановок, то есть, эндоморфизмов L , называем его структурным. Отношение следования по Тарскому обладает следующими свойствами для всех $X, Y \subseteq L$, $a, b \in L$: если $a \in X$, то $X \vdash a$ (рефлексивность); если $X \vdash a$ для каждого $a \in Y$, и $X \cup Y \vdash b$, то $X \vdash b$ (транзитивность); если $X \vdash a$, то $X \cup Y \vdash a$ (монотонность).

Называем интерпретационной структурой набор $I = (A, D, V)$, где A – произвольное множество, D – подмножество A , V – некое множество отображений из L в A . Определим семантическое отношение следования \models в I следующим образом: $X \models a$, если, и только если, для всех v из V верно, что коль скоро $v(X) \subseteq D$, то и $v(a) \in D$. Пусть даны пропозициональное исчисление (L, \vdash) и класс интерпретационных структур K . Если для всех $I \in K$, $X \subseteq L$, $a \in L$ верно, что $X \vdash a$, тогда, и только тогда, когда $X \models a$, и A содержит k элементов, говорим, что K – k -значная интерпретация (L, \vdash) .

Частным случаем интерпретационной структуры является логическая матрица. В случае логических матриц предполагается, что L и A являются алгебрами с одинаковыми сигнатурами, а V определяется как множество всех гомоморфизмов из L в A . Поэтому в обозначениях матриц опускают V и указывают F – класс функций, определенных на A : $M = (A, F, D)$. Известно, что следование в любом исчислении, имеющем интерпретацию в виде класса логических матриц, является структурным следованием по Тарскому. И наоборот, каждое структурное следование по Тарскому имеет интерпретацию в виде класса логических матриц. Последний факт открывает путь так называемой редукции Сушко (см. [1], а также [2]).

Пусть (L, \vdash) – пропозициональное исчисление, имеющее интерпретацию в виде класса логических матриц K_M . Каждой матрице $M = (A, F, D)$ из K_M сопоставим интерпретационную структуру $I = (\{0,1\}, \{1\}, LV)$, где LV – множество всех отображений w из L в $\{0,1\}$, для которых выполняется следующее условие: для w найдется такой гомоморфизм v из L в A , что $w(a) = 1$, если $v(a) \in D$, и $w(a) = 0$ в противном случае для любой формулы a из L . Класс K_I , полученный из K_M посредством такого сопоставления представляет собой двузначную интерпретацию (L, \vdash) .

На этом основании Р. Сушко проводит границу между элементами множества A в матрице M , используемой для интерпретации исчисления, и подлинно логическими значениями – Истиной и Ложью, обозначениями которых при построении редукции Сушко служат 1 и 0. Поскольку каждое исчисление со структурным отношением следования по Тарскому имеет двузначную интерпретацию, заключает Сушко, все такие исчисления являются логически двузначными.

Г. Малиновский [2] показал, что существуют и логически трехзначные исчисления, для которых редукция Сушко неприменима, однако их построение потребовало ревизии некоторых базовых логических понятий. В ходе анализа проблемы многозначности Малиновский развивает идеи Сушко, выделяя референциальные и инференциальные значения истинности. Первые – это объекты, выступающие денотатами предложений в ходе построения интерпретации, а вторые – это свойства данных объектов. Редукция Сушко базируется на том, что в логической матрице есть только два типа значений – выделенные и невыделенные. Семантическое следование также определяется в терминах выделенных и невыделенных значений. Понимая выделенность и невыделенность как свойства элементов множества-носителя логической матрицы, приходим к тому, что матричные логики могут быть референциально многозначны, но неизбежно инференциально двузначны. Чтобы получить инференциально трехзначную логику, Малиновский модифицирует определения логического следования и логической матрицы, увеличивая число возможных типов значений.

Отношение следования \vdash_q называется q -следованием, когда оно обладает следующими свойствами для всех $X, Y \subseteq L$, $a, b \in L$: $X \cup \{a \mid X \vdash_q a\} \vdash_q b$, если, и только если, $X \vdash_q b$ (квази-замыкание); если $X \vdash a$, то $X \cup Y \vdash a$ (монотонность). Логической q -матрицей называем набор $M_q = (A, F, D, \underline{D})$, где $D \subseteq A$, $\underline{D} \subseteq A$, $D \cap \underline{D} = \emptyset$. Множество D – это множество выделенных значений, как в обычной логической матрице. Множество \underline{D} – это множество «отвергаемых» (rejected) значений. Обобщение понятия q -матрицы до интерпретационной q -структуры строится очевидным образом. Семантическое q -следование \models_q определяется следующим образом: $X \models_q a$, если, и только если, для всех v из V верно, что коль скоро $v(X) \cap \underline{D} = \emptyset$, также имеет место $v(a) \in D$.

В отличие от классического случая, при построении семантики с использованием q -следования мы сталкиваемся с тремя свойствами, которыми могут обладать референциальные значения: «быть выделенным значением», «быть отвергаемым значением», «не быть ни выделенным, ни отвергаемым значением». То есть, число инференциальных значений равняется трем. Как показал Г. Малиновский, каждое исчисление со структурным отношением q -следования имеет трехзначную q -интерпретацию, но не имеет двузначной интерпретации в стиле Сушко, когда $D \cup \underline{D} \neq A$.

Еще один способ построения инференциально трехзначных логик предложен С. Франковским [3]. Отношение следования \vdash_p называется p -следованием, когда оно обладает следующими свойствами для всех $X, Y \subseteq L$, $a, b \in L$: если $a \in X$, то $X \vdash_p a$ (рефлексивность); если $X \vdash_p a$, то $X \cup Y \vdash_p a$ (монотонность). Логические p -матрицы и интерпретационные p -структуры, помимо обычного класса выделенных значений, содержат класс «допустимых» (plausible) значений D^* , где $D \subseteq D^*$. Семантическое p -следование \models_p определяется так: $X \models_p a$, если, и только если, для всех v из V верно, что коль скоро $v(X) \subseteq D$, также имеет место $v(a) \in D^*$.

Здесь мы также видим три инференциальных значения: «быть выделенным референциальным значением», «быть допустимым, но не выделенным референциальным значением», «не быть допустимым референциальным значением». Как и в случае с q -следованием, каждое исчисление со структурным отношением p -следования имеет трехзначную p -интерпретацию, но не имеет двузначной интерпретации в стиле Сушко, когда $D \neq D^*$.

Интересно, что построения Франковского можно переформулировать в терминах q -следования, если в определении \underline{D} заменить $D \cap \underline{D} = \emptyset$ на $D \cap \underline{D} \neq \emptyset$. Пусть дана p -матрица $M_p = (A, pD, pD^*)$. Сопоставим ей такую q -матрицу $M_q = (A, qD, q\underline{D})$, что $qD = pD^*$, и $q\underline{D} = A \setminus pD$. В таком случае, семантическое p -следование \models_p , порожденное матрицей M_p , окажется эквивалентно q -следованию \models_q , порожденному матрицей M_q .

Обобщение подходов Малиновского и Франковского можно найти в статье К. Бласио и соавторов [4]. Как можно увидеть выше, следования Малиновского и Франковского можно охарактеризовать матрицами с дополнительным классом значений \underline{D} . Различие же в том, что в первом случае присутствуют значения, не относящиеся ни к одному из двух классов ($D \cup \underline{D} \neq A$), и при этом одно и то же значение не может относиться к двум классам одновременно ($D \cap \underline{D} = \emptyset$), а во втором случае все наоборот: $D \cup \underline{D} = A$, и в то же время $D \cap \underline{D} \neq \emptyset$. В рассматриваемой работе также используется дополнительный класс значений, который будем называть классом анти-выделенных значений и обозначать как D° , но свойства его таковы: $D \cup D^\circ \neq A$; $D \cap D^\circ \neq \emptyset$. Соответствующие логические матрицы и интерпретационные структуры будем называть B -матрицами и B -структурами. Определение семантического следования аналогично таковому для \models_q : если никакая посылка не принимает анти-выделенное значение при некоторой оценке, то заключение при этой оценке принимает выделенное значение.

В случае B -матриц имеем четыре инференциальных значения: «быть только выделенным», «быть только анти-выделенным», «быть выделенным и анти-выделенным одновременно», «не быть ни выделенным, ни анти-выделенным». Как показывают авторы, если структурное следование в исчислении является монотонным, это исчисление имеет четырехзначную B -интерпретацию. Если рассматриваемое следование также не является ни транзитивным, ни монотонным, то для исчисления нет ни трехзначных p - или q -интерпретаций, ни тем более двузначной характеристики в стиле Сушко. То есть, здесь мы имеем дело с инференциально четырехзначными исчислениями.

Теперь покажем, что в некоторых случаях инференциально многозначное исчисление имеет референциально двузначную интерпретацию. Для этого заменим классы значений в логической матрице и определении семантического следования на бинарные отношения между референциальными значениями.

Рассмотрим стандартную логическую матрицу классической логики высказываний: $C_2 = (\{0, 1\}, \wedge, \vee, \rightarrow, \neg, \{1\})$. Построим ее произведение на саму себя: $C_2 \otimes C_2 = (\{(0, 0), (0, 1), (1, 0), (1, 1)\}, \wedge^\otimes, \vee^\otimes, \rightarrow^\otimes, \neg^\otimes, \{(1, 1)\})$. Операции определяются покомпонентно: $(x_1, x_2) \wedge^\otimes (y_1, y_2) = (x_1 \wedge y_1, x_2 \wedge y_2)$ и так далее. Трансформируем $C_2 \otimes C_2$, чтобы получить B -матрицу C_B . Для этого заменим класс выделенных значений на $D = \{(1, 1), (1, 0)\}$ и введем класс анти-выделенных значений $D^\circ = \{(1, 0), (0, 0)\}$. В результате получаем следующую структуру: $C_B = (\{(0, 0), (0, 1), (1, 0), (1, 1)\}, \wedge, \vee, \rightarrow, \neg, \{(1, 1), (1, 0)\}, \{(1, 0), (0, 0)\})$.

Полученная B -матрица характеризует исчисление, которое является по меньшей мере инференциально трехзначным в том смысле, что для него невозможна двузначная редукция Сушко. Достаточно проверить, что для семантического следования \models_q , порожденного этой матрицей, не имеет места рефлексивность, которая является необходимым условием наличия у исчисления двузначной интерпретации по Сушко [5].

Теперь рассмотрим структуру $M_R = (\{0, 1\}, \wedge, \vee, \rightarrow, \neg, R_1, R_2)$, где R_1 и R_2 – бинарные отношения, определяемые следующим образом: x и y находятся в отношении R_1 , если, и только если, $x = 1$ и $x \geq y$; x и y находятся в отношении R_2 , если, и только если, $y = 0$ и $x \geq y$. Определим семантическое отношение

следования $\models_R: X \models_R a$, если, и только если, для каждой пары оценок v_1, v_2 верно, что если $v_1(b)$ и $v_2(b)$ не находятся в отношении R_2 ни для какой формулы b из X , то $v_1(a)$ и $v_2(a)$ находятся в отношении R_1 .

По построению, следование, порожаемое матрицей M_R , эквивалентно следованию, которое порождает матрица S_B . В то же время, M_R содержит только два референциальных значения – 1 и 0. Таким образом мы получили референциально двузначную интерпретацию инференциально многозначного исчисления.

Приведенный пример приводит к двум выводам общего характера. Во-первых, референциальная и инференциальная многозначность независимы друг от друга, поэтому стоит анализировать их как равноправные понятия, а не рассматривать инференциальную многозначность в качестве подлинной, логической многозначности, в то время как референциальной многозначности отводится место технической абстракции. Во-вторых, в случае некоторых неклассических логик число референциальных объектов можно не увеличивать, если вместо Истины и Лжи как свойств этих объектов использовать отношения особого рода. С философской точки зрения это означает отказ от категорий абсолютной истины и лжи и переход к их относительности при построении семантики.

Литература

1. *Suszko R.* The Fregean Axiom and Polish Mathematical Logic in the 1920s // *Studia Logica.* 1977. Vol. 36. No. 4. P. 377-380.
2. *Malinowski G.* Inferential Many-Valuedness. In: *Philosophical Logic in Poland.* Synthese Library. Vol. 228. Ed. J. Woleński. Dordrecht: Springer, 1994. P. 75-84.
3. *Frankowski S.* p-consequence Versus q-consequence Operations // *Bulletin of the Section of Logic.* 2004. Vol. 33. P. 41-52.
4. *Blasio C., Marcos J., Wansing H.* An Inferentially Many-Valued Two-Dimensional Notion of Entailment // *Bulletin of the Section of Logic.* 2017. Vol. 46. No. 3-4. P. 233-262.
5. *Tsuji M.* Many-Valued Logics and Suszko's Thesis Revisited // *Studia Logica.* 1998. Vol. 60. P. 299-309.

ЧЕТЫРЕХЗНАЧНЫЕ ЛОГИКИ ЦИКЛИЧЕСКОГО ОТРИЦАНИЯ И КЛАССИЧЕСКАЯ ЛОГИКА*

О.М. Григорьев

*Кандидат философских наук, доцент кафедры логики
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: grig@philos.msu.ru*

В докладе будут рассмотрены погружения четырехзначных систем логики циклического отрицания в систему классической логики и обратно.

Ключевые слова: обобщенные истинностные значения, циклическое отрицание, погружающие операции, классическая логика, логическое следование

FOUR-VALUED LOGICS OF CYCLIC NEGATION AND CLASSICAL LOGIC

О.М. Grigoriev

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Logic
Lomonosov Moscow State University
E-mail: grig@philos.msu.ru*

The subject of this report are the embedding of four-valued systems of cyclic negation into a system of classical logic and back.

Keywords: generalized truth values, cyclic negation, embedding procedure, classical logic, consequence relation

* Исследование выполнено в рамках научно-образовательной школы Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы и искусственный интеллект».

В статье [1] были предложены две системы четырехзначной логики с особой пропозициональной связкой в языке, циклическим отрицанием. Первоначальная мотивация построения этих систем была сугубо семантическая. Истинностные значения, используемые в семантике этих систем образуют множество $M = \{T, TU, FU, F\}$, где T и F понимаются обычным образом, а TU и FU являются промежуточными значениями «с памятью». На данном множестве можно задать унарную операцию, которая отображает истинностные значения одно в другое следующим образом: $T \rightarrow TU \rightarrow F \rightarrow FU \rightarrow T$. Видно, что данная операция как бы циклически «проходит» все множество M . Само множество M при этом можно упорядочить различными способами. В [1] рассматриваются два варианта: частичный порядок с наибольшим T и наименьшим F , при несравнимых TU и FU (изображаемый ромбовидной диаграммой Хассе, в которой T есть наибольший, а F – наименьший для пары TU, FU) и цепь вида $T - TU - F - FU$, где T – наибольший, а FU – наименьший элементы. Получающиеся структуры представляют собой примеры четырехэлементных решеток. Бинарные операции объединения и пересечения определяются для них стандартно. Логические матрицы, которые строятся на основе этих множеств, имеют одно и то же множество выделенных значений $\{T, TU\}$. Логики, определяемые данными матрицами удобно формулировать в языке, содержащем в качестве логических символов $\&$, \vee и \sim , которые интерпретируются описанными матричными операциями. В указанной статье были получены формализации логик, определяемых данными логическими матрицами, в виде систем бинарного следования (логика матрицы с ромбовидной диаграммой обозначается в [1] как CNL, логика линейной – CNLL).

Одна из особенностей логик CNL и CNLL состоит в том, что классическое (булево) отрицание может быть представлено в языке этих систем как двойное циклическое отрицание. Можно показать, что операция, определяемая как двойное циклическое отрицание обладает всеми свойствами булева отрицания. Естественным образом встает вопрос об отношении систем CNL и CNLL и системы классической логики. В статье [1] был предложен перевод Φ языка классической логики (содержащего исходные связки $\&$, \vee и \neg) в язык систем CNL и CNLL (сокращенно будем писать CNL(L), когда имеются в виду и та, и другая системы), определяемый следующим образом (A и B есть формулы языка классической логики высказываний):

1. $\Phi(p) = p$, для всякой пропозициональной переменной p ,
2. $\Phi(A \circ B) = \Phi(A) \circ \Phi(B)$, где \circ есть элемент множества $\{\&, \vee\}$,
3. $\Phi(\neg A) = \sim\sim\Phi(A)$.

Можно показать, что имеет место следующее утверждение:

- (a) Для любых формул A и B языка классической логики высказываний верно, что из формулы A логически следует (в классическом смысле) формула B если и только если из формулы $\Phi(A)$ логически следует (в смысле семантики систем CNL(L)) формула $\Phi(B)$.

Для доказательства данного утверждения по каждой по каждой CNL(L) оценке v^* определим классическую оценку v , отвечающую следующему условию:

- (b) $v(p) = t$, если и только если $v^*(p) = T$ или $v^*(p) = TU$,
для всякой пропозициональной переменной p .

Индукцией по построению формулы можно далее показать, что для расширенных классической оценки V и CNL(L) оценки V^* справедливо следующее утверждение:

- (c) $V(A) = t$, если и только если $V^*(\Phi(A)) = T$ или $V^*(\Phi(A)) = TU$,
для всякой формулы A языка классической логики высказываний.

Далее встает вопрос о том, можно ли погрузить системы CNL и CNLL в классическую логику высказываний, сформулированную в виде системы бинарного следования в подходящем языке? Оказывается, такие погружения тоже можно построить, хотя определения перевода получаются несколько более громоздкими. Нужно учесть, что циклическое отрицание в системах CNL и CNLL нельзя «изобразить» с помощью булева отрицания или его итераций. В данном случае необходимо, помимо прочего, предусмотреть еще и образ для каждого типа формулы языка систем CNL(L), предваренной внешним (т. е. циклическим) отрицанием. В первую очередь нужно озаботиться отрицанием пропозициональных переменных языка систем CNL(L). Пусть p_1, p_2, \dots есть список пропозициональных переменных, общий для всех рассматриваемых систем. Построим отображение Π так, что p_1 переходит в p_1 , а $\sim p_1$ в p_2 ; p_2 переходит в p_3 , а $\sim p_2$ в p_4 ; \dots ; p_i переходит в p_{2i-1} , а $\sim p_i$ в p_{2i} и т. д. Для более сложных формул определим далее

1. $\Pi(A \circ B) = \Pi(A) \circ \Pi(B)$, где \circ есть элемент множества $\{\&, \vee\}$,
2. $\Pi(\sim A) = \neg\Pi(A)$,
3. $\Pi(\sim(A \circ B)) = \Pi(\sim A) \circ \Pi(\sim B)$, где \circ есть элемент множества $\{\&, \vee\}$.

Можно показать, что имеет место следующее утверждение:

- (d) Для любых формул A и B языка систем CNL верно, что из формулы A логически следует (в смысле семантики системы CNL) формула B если и только если из формулы $\Pi(A)$ логически следует (в классическом смысле) формула $\Pi(B)$.

Заметим, что утверждение (d) относится только к системе CNL, а для системы CNLL потребуется модификация функции перевода.

Далее по каждой по каждой CNL-оценке v^* можно построить классическую оценку v , отвечающую следующему условию:

- (e) $v^*(p) = T$ или $v^*(p) = TU$ если и только если $v(\Pi(p)) = t$,
для всякой пропозициональной переменной p .

Индукцией по построению формулы далее показывается, что для расширенной классической оценки V и расширенной CNL-оценки V^* справедливо следующее утверждение:

- (f) $V^*(A) = T$ или $V^*(A) = TU$ если и только если $V(\Pi(A)) = t$,
для всякой формулы A языка системы CNL.

Что касается системы CNLL, то для нее определяется перевод Π^* , который действует также, как и Π для пропозициональных переменных, а для случаев более сложных формул определяется так:

1. $\Pi^*(A \circ B) = \Pi^*(A) \circ \Pi^*(B)$, где \circ есть элемент множества $\{\&, \vee\}$,
2. $\Pi^*(\sim A) = \neg \Pi^*(A)$,
3. $\Pi^*(\sim(A \circ B)) = \Pi^*(\sim A) \vee \Pi^*(\sim B)$, где \circ есть элемент множества $\{\&, \vee\}$.

Далее можно определить функции оценки пропозициональных переменных в точности так же, как зафиксировано в выражении (e) и далее доказать аналоги утверждений (f) и (d).

Литература

1. *Grigoriev O., Zaitsev D. Cyclic negations and four-valuedness // In Andrzej Indrzejczak and Michał Zawadzki: Proceedings of the 10th International Conference on Non-Classical Logics. Theory and Applications (NCL 2022), Łódź, Poland, 14-18 March 2022. Vol. 358 of Electronic Proceedings in Theoretical Computer Science. 2022. P. 216–226.*

О НЕПАРАПОЛНОТЕ ИНТУИЦИОНИСТСКОЙ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

В.М. Попов

*Кандидат философских наук, доцент кафедры логики философского факультета
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: pphiloslog@mail.ru*

Существует мнение, что достаточным условием для неполноты логики является то, что принцип *tertium non datur* не принимается в этой логике. Вот краткое доказательство того, что интуиционистская логика высказываний, в которой указанный принцип не принимается, не является неполной логикой. Таким образом, вышеупомянутое мнение является иллюзорным.

Ключевые слова: классическая логика высказываний, интуиционистская логика высказываний, паракомплектная логика

ON THE NON-PARACOMPLETENESS OF INTUITIONISTIC PROPOSITIONAL LOGIC

V. M. Popov

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Logic of the Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: pphiloslog@mail.ru*

There is an opinion that a sufficient condition for the paracompleteness of a logic is that the principle *tertium non datur* is not accepted in this logic. Here is a brief proof that intuitionistic propositional logic, in which the specified principle is not accepted, is not a paracomplete logic. Thus, the above-mentioned opinion is illusory.

Keywords: classical propositional logic, intuitionistic propositional logic, paracomplete logic

Существует мнение, что достаточным условием параконсistency логики служит то, что в ней не принимается принцип исключенного третьего. Здесь кратко изложено доказательство того, что интуиционистская пропозициональная логика, в которой указанный принцип не принимается, не является параконсistentной логикой. Таким образом, вышеупомянутое мнение иллюзорно.

Язык L – стандартно определяемый пропозициональный язык, алфавит которого есть множество $\{\&, \vee, \supset, \neg, \text{), (, } p_1, p_2, p_3, \dots\}$ символов. Множество всех L -формул обозначаем через Form_L . Исчисления HC_L и HInt_L – стандартные исчисления гильбертовского типа. Аксиомы исчисления HC_L – все те и только те L -формулы, каждая из которых имеет хотя бы один из видов (I) – (X), а аксиомы исчисления HInt_L – все те и только те L -формулы, \forall каждая из которых имеет хотя бы один из видов (I) – (IX), (XI) (здесь и далее A, B, C – произвольные L -формулы): (I) $(A \supset (B \supset A))$, (II) $((A \supset (B \supset C)) \supset ((A \supset B) \supset (A \supset C)))$, (III) $((A \& B) \supset A)$, (IV) $((A \& B) \supset B)$, (V) $(A \supset (B \supset (A \& B)))$, (VI) $(A \supset (A \vee B))$, (VII) $(B \supset (A \vee B))$, (VIII) $((A \supset C) \supset ((B \supset C) \supset ((A \vee B) \supset C)))$, (IX) $((A \supset B) \supset ((A \supset (\neg B)) \supset (\neg A)))$, (X) $((\neg(\neg A) \supset A)$, (XI) $((\neg A) \supset (A \supset B))$.

Каждое из этих исчислений имеет только одно правило вывода – модус поненс в L (MP_L). Известно, что исчисления HC_L и HInt_L аксиоматизируют соответственно классическую пропозициональную логику C_L , язык которой есть L , и интуиционистскую пропозициональную логику Int_L , язык которой есть L . L -логикой называем непустое множество L -формул, замкнутое относительно правила пропозициональной подстановки в L и относительно правила MP_L . Замечание: C_L и Int_L являются L -логиками.

Теорией L -логики \mathbf{L} называем множество L -формул, включающее \mathbf{L} и замкнутое относительно MP_L . Противоречивой теорией логики \mathbf{L} называем такую теорию T L -логики \mathbf{L} , что для некоторой L -формулы A : $A \in T$ и $(\neg A) \in T$. Непротиворечивой теорией логики \mathbf{L} называем такую теорию T L -логики \mathbf{L} , что для всякой L -формулы A : неверно, что $A \in T$, или неверно, что $(\neg A) \in T$. Полной теорией логики \mathbf{L} называем такую теорию T L -логики \mathbf{L} , что для всякой L -формулы A : $A \in T$ или $(\neg A) \in T$. Параконсistentной теорией логики \mathbf{L} называем такую теорию T L -логики \mathbf{L} , что T не является полной теорией L -логики \mathbf{L} и всякая полная теория L -логики \mathbf{L} , включающая T , равна Form_L . Параконсistentной L -логикой называем такую L -логику \mathbf{L} , что существует параконсistentная теория L -логики \mathbf{L} .

Можно доказать следующие леммы 1 и 2.

Лемма 1: всякая непротиворечивая теория T L -логики Int_L такова, что множество всех L -формул, выводимых в HC_L из T , есть непротиворечивая теория L -логики C_L .

Лемма 2 (вариант леммы Линденбаума): для всякой непротиворечивой теории T L -логики C_L существует такая непротиворечивая теория L -логики C_L , которая является полной теорией L -логики C_L и включает T .

Теорема: неверно, что L -логика Int_L есть параконсistentная L -логика.

Доказательство теоремы.

(1) Существует параконсistentная теория L -логики Int_L (допущение). Пусть (2) P есть параконсistentная теория L -логики Int_L . Известно, что (3) всякая противоречивая теория L -логики Int_L – полная теория L -логики Int_L . Опираясь на (2), (3) и на определения, получаем, что (4) P есть непротиворечивая теория L -логики Int_L . Пусть (5) Q – множество всех L -формул, выводимых в HC_L из P . Из (4) и (5) получаем по лемме 1, что (6) Q есть непротиворечивая теория L -логики C_L . (7) Существует такая непротиворечивая теория L -логики C_L , которая является полной теорией L -логики C_L и включает теорию Q L -логики C_L (из (6), по лемме 2). Пусть (8) R – такая непротиворечивая теория L -логики C_L , что R является полной теорией L -логики C_L и включает теорию Q L -логики C_L . Используя (8), можно доказать, что (9) R – такая непротиворечивая теория L -логики Int_L , что R является полной теорией T L -логики Int_L и включает теорию Q L -логики C_L . Из (5) получаем, что (10) P включается в Q . (11) R – такая непротиворечивая теория L -логики Int_L , что R является полной теорией L -логики Int_L и включает P (из (9) и (10)). Понятно, что (12) никакая непротиворечивая теория L -логики Int_L не равна Form_L . (13) R есть полная теория L -логики Int_L , P включается в R , $R \neq \text{Form}_L$ (из (11) и (12)). Опираясь на (2) и на определение параконсistentной теории L -логики, получаем, что (14) всякая полная теория L -логики Int_L , включающая P , равна Form_L . (15) $R = \text{Form}_L$ (из (13) и (14)). Утверждения (13) и (15) несовместимы. Следовательно, (16) неверно допущение (1). Опираясь на (16) и на определение L -логики, получаем следующее: неверно, что L -логика Int_L есть параконсistentная L -логика.

Теорема доказана.

О ЛОГИКЕ АТОМАРНЫХ ТРАНЗАКЦИЙ РАДЗКОГ О*

Я.И. Петрухин

Аспирант

Лодзинский университет

E-mail: yaroslav.petrukhin@mail.ru

В.О. Шангин

Доцент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: shangin@philos.msu.ru

В статье мы анализируем логику атомарных транзакций AtL (atomic transactions logic), недавно предложенную Матеушем Радзким. В данной табличной трехзначной логике атомарные транзакции выполняются по принципу “все или ничего”: либо транзакция выполняется от начала до конца, либо не выполняется вообще, не останавливаясь на каком-то ее промежуточном этапе. Свойство атомарности является одним из базовых свойств транзакций в системах баз данных, обеспечивая защиту от сбоев при передаче данных. С точки зрения логики, AtL состоит из отрицания и импликации трехзначной логики, предложенной Яном Лукасевичем, а также из введенной Стивенем Блейми интеръюнкции – специфической связки, обладающей свойствами и конъюнкции, и дизъюнкции. Задавая AtL семантически и не предлагая аксиоматизирующего ее логического исчисления, М. Радзкий тем не менее формализует ее работу в случае атомарных транзакций. В статье мы обсудим возможность аксиоматизации AtL с помощью метода корреспондентского анализа.

Ключевые слова: неклассическая логика, теория доказательств, трехзначная логика, корреспондентский анализ, логика атомарных транзакций, интеръюнкция

ON THE LOGIC OF ATOMIC TRANSACTIONS BY RADZKI

Ya. I. Petrukhin

Postgraduate student

University of Lodz

E-mail: yaroslav.petrukhin@mail.ru

V.O. Shangin

Associate professor

Lomonosov MSU

E-mail: shangin@philos.msu.ru

In the paper, we analyze the logic of atomic transactions AtL that Mateusz Radzki has proposed recently. In this tabular trivalent logic, atomic transactions are executed in “all-or-nothing” fashion: either a transaction is executed from start to finish, or it is not executed at all, without stopping at some intermediate stage of it. The property of atomicity is one of the basic properties of transactions in database systems which secure from a failure in the course of data transmissions. From the logical point of view, AtL consists of Jan Lukasiewicz’s trivalent negation and implication as well as Stephen Blamey’s interjunction, a specific connective which is a squadding of conjunction and disjunction. Having proposed AtL semantically, without its axiomatization in the form of a logical calculus, M. Radzki provides a formal exposition of the case of an atomic transaction, nevertheless. In the paper, we discuss an opportunity to axiomatize AtL with the help of the method of correspondence analysis.

Keywords: nonclassical logic, proof theory, trivalent logic, correspondence analysis, logic of atomic transactions, interjunction

* Работа поддержана РФФИ, грант 20-011-00698.

Введение

В своей статье “О трехзначной логике, содержащей интеръюнкцию Блейми и служащей для формального описания атомарных транзакций” [1] М. Радзкий задает трехзначную логику AtL , логику атомарных транзакций, руководствуясь следующим замечанием Г. Фоссена [2, с. 19]: “[...] в банковской сфере, где выполняются транзакции с дебетовых/кредитных карт, это (атомарность - прим. авторов) означает, что во время электронных переводов средств потеря денег невозможна и что клиенты могут доверять электронным чекам и смскам о балансе счета. Данные основания для построения информационных систем с повышенной надежностью можно с успехом применять за пределами проведения электронных транзакций и анализа баз данных с помощью классической логики”. Таким образом, он обращается к неклассической логике, а точнее, к одной из первых неклассических логик – трехзначной логике Лукасевича \mathcal{L}_3 [3].

Таким образом, представление логической структуры банковской транзакции как последовательности определенных действий (самая простая форма: обращение к банку – ответ от банка) требует некоторой конъюнкции, соединяющей эти действия. Более того, как следует из цитаты Г. Фоссена, такая конъюнкция не может быть классической. Дело в том, что важнейшим атрибутом принципа “все-или-ничего” является ложность конъюнкции не в случае ложности одного из конъюнктов, а только в случае ложности всех конъюнктов. Говоря языком банковских транзакций, в случае неудачи клиент возвращается не на последнюю удачную операцию, чтобы затем попробовать выполнить следующую неудачную операцию, а возвращается в исходное состояние, а все результаты удачных операций отменяются. Другой атрибут данного принципа – истинность конъюнкции только при истинности всех конъюнктов – классичен. Данный причудливый симбиоз атрибутов “банковской транзакционной” конъюнкции необычен и для неклассических логик: например, конъюнкция в \mathcal{L}_3 не обладает такими свойствами. Именно поэтому М. Радзкий использует введенную С. Блейми связку интеръюнкция, оригинальный символ для обозначения которой представляет собою буквальное наложение символов \wedge и \vee друг на друга [4].

Логика атомарных транзакций AtL

Пропозициональный алфавит и понятие формулы логики AtL задаются стандартно. $FORM$ обозначает множество формул. A, B, C, \dots и Γ, Γ_1, \dots традиционно обозначают формулы и множества формул, соответственно. $AtL = \langle FORM, \{1, \frac{1}{2}, 0\}, \{1\}, \neg, \wedge, \vee, \rightarrow, \leftrightarrow, \& \rangle$, где связки задаются следующим образом (наша нотация незначительно отлична от оригинальной):

	$\neg A$
1	0
$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
0	1

\wedge	1	$\frac{1}{2}$	0
1	1	0	0
$\frac{1}{2}$	0	0	0
0	0	0	0

\vee	1	$\frac{1}{2}$	0
1	1	1	1
$\frac{1}{2}$	1	1	1
0	1	1	0

\rightarrow	1	$\frac{1}{2}$	0
1	1	$\frac{1}{2}$	0
$\frac{1}{2}$	1	1	$\frac{1}{2}$
0	1	1	1

\leftrightarrow	1	$\frac{1}{2}$	0
1	1	0	0
$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0	1
0	0	0	1

$\&$	1	$\frac{1}{2}$	0
1	1	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	0

Понятие следования задается обычным образом как сохранение значения “1” от посылок к заключению.

Обратим внимание, что ни \wedge , ни \vee , ни \leftrightarrow не являются связками $L3$. С другой стороны, М. Радзкий показывает избыточность этих связок, ибо язык $\{\neg, \rightarrow, \&\}$ функционально полон [с. 182].

Система натурального вывода $NDAtL$, построенная с помощью метода корреспондентского анализа

Повторимся, что М. Радзкий представил AtL только семантически, не предложив ее аксиоматизации (при этом он обсуждает допустимость некоторых правил вывода). В данной работе мы предлагаем ее аксиоматизацию в виде системы натурального вывода, построенной с помощью метода корреспондентского анализа. Данный метод впервые предложен Б. Коем и А. Таммингой [5] (им же принадлежит авторство термина “корреспондентский анализ”, который нельзя признать удачным, по нашему мнению: уже столетие этим термином обозначается статистический метод анализа соответствий [6, 7], не имеющий ничего общего с данным теоретико-доказательственным методом). Суть метода, грубо говоря, состоит в том, что по заданной матрице для n -местной связки строится некоторое непротиворечивое и полное логическое исчисление. Корни этого метода уходят к работе К. Сегерберга [8]. Ограничение применения этого метода к многозначным матрицам следует из статьи К. Палашинской [9]. История развития корреспондентского анализа описана в [10]. В нашей работе мы используем предложенное Я.И. Петрухиным [11] обобщение корреспондентского анализа Б. Коя и А. Тамминги.

Задаются следующие правила для AtL . Запись $[A] C$ обозначает вывод формулы C из посылки A . Индексы in, el, r, l обозначают, соответственно, введение, удаление, правое и левое. Расшифровка названий правил следующая: например, $(\rightarrow \frac{1}{2} 0 \frac{1}{2} l)$ означает левое правило для \rightarrow в случае, когда $A, A \rightarrow B$ принимают значение $\frac{1}{2}$, а B – значение 0.

Правила для \neg

$$\frac{A, \neg A}{B} (EFQ)$$

$$\frac{\neg \neg A}{A} \neg \neg el$$

$$\frac{A}{\neg \neg A} \neg \neg in$$

Правила для \rightarrow

$$\frac{\neg A, \neg B}{A \rightarrow B} (\rightarrow 001)$$

$$\frac{\neg A, [B]C, [\neg B]C, [A \rightarrow B]C}{C} (\rightarrow 0 \frac{1}{2} 1)$$

$$\frac{\neg A, B}{A \rightarrow B} (\rightarrow 011)$$

$$\frac{[A]C, [\neg A]C, \neg B, A \rightarrow B}{C} (\rightarrow \frac{1}{2} 0 \frac{1}{2} l)$$

$$\frac{[A]C, [\neg A]C, \neg B, \neg(A \rightarrow B)}{C} (\rightarrow \frac{1}{2} 0 \frac{1}{2} r)$$

$$\frac{[A]C, [\neg A]C, [B]C, [\neg B]C, [A \rightarrow B]C}{C} (\rightarrow \frac{1}{2} \frac{1}{2} 1)$$

$$\frac{A, B}{A \rightarrow B} (\rightarrow 111)$$

$$\frac{[A]C, [\neg A]C, B, [A \rightarrow B]C}{C} (\rightarrow \frac{1}{2} 11)$$

$$\frac{A, \neg B}{\neg(A \rightarrow B)} (\rightarrow 100)$$

$$\frac{A, [B]C, [\neg B]C, A \rightarrow B}{C} (\rightarrow 1 \frac{1}{2} \frac{1}{2} l)$$

$$\frac{A, [B]C, [\neg B]C, \neg(A \rightarrow B)}{C} (\rightarrow 1 \frac{1}{2} \frac{1}{2} r)$$

Правила для &

$$\frac{\neg A, \neg B}{\neg(A \& B)} (\&000)$$

$$\frac{A, B}{A \& B} (\&111)$$

$$\frac{\neg A, [B]C, [\neg B]C, A \& B}{C} (\&0 \frac{1}{2} \frac{1}{2} l)$$

$$\frac{\neg A, [B]C, [\neg B]C, \neg(A \& B)}{C} (\&0 \frac{1}{2} \frac{1}{2} r)$$

$$\frac{\neg A, B, A \& B}{C} (\&01 \frac{1}{2} l)$$

$$\frac{\neg A, B, \neg(A \& B)}{C} (\&01 \frac{1}{2} r)$$

$$\frac{[A]C, [\neg A]C, \neg B, A \& B}{C} (\& \frac{1}{2} 0 \frac{1}{2} l)$$

$$\frac{[A]C, [\neg A]C, \neg B, \neg(A \& B)}{C} (\& \frac{1}{2} 0 \frac{1}{2} r)$$

$$\frac{[A]C, [\neg A]C, [B]C, [\neg B]C, A \& B}{C} (\& \frac{1}{2} \frac{1}{2} \frac{1}{2} l)$$

$$\frac{[A]C, [\neg A]C, [B]C, [\neg B]C, \neg(A \& B)}{C} (\& \frac{1}{2} \frac{1}{2} \frac{1}{2} r)$$

$$\frac{[A]C, [\neg A]C, B, A \& B}{C} (\& \frac{1}{2} 1 \frac{1}{2} l)$$

$$\frac{[A]C, [\neg A]C, B, \neg(A \& B)}{C} (\& \frac{1}{2} 1 \frac{1}{2} r)$$

$$\frac{A, \neg B, A \& B}{C} (\&10 \frac{1}{2} l)$$

$$\frac{A, \neg B, \neg(A \& B)}{C} (\&10 \frac{1}{2} r)$$

$$\frac{A, [B]C, [\neg B]C, A \& B}{C} (\&1 \frac{1}{2} \frac{1}{2} l)$$

$$\frac{A, [B]C, [\neg B]C, \neg(A \& B)}{C} (\&1 \frac{1}{2} \frac{1}{2} r)$$

Выводом формулы A из множества формул Γ в системе ND_{AtL} является непустая конечная последовательность формул B_1, \dots, B_n , $n \geq 1$, обладающая следующими свойствами (данное определение консеквентно; точное определение см. [12, 13]):

- Множеством неисключенных посылок является Γ ;
- Последней формулой вывода является A ;
- При применении правил, содержащих подвыводы вида $[A] C$, происходит исключение всех формул, начиная с A и заканчивая C включительно.

ND_{AtL} семантически непротиворечива и полна [11].

Литература

1. Radzki M. On a Three-Valued Logic with Blamey's Interjunction for the Formal Description of Atomic Transactions // *Axiomathes*. 2020. Т. 30. P. 177–191.
2. Vossen G. ACID properties. In: Liu Ozsu MT (eds) *Encyclopedia of database systems*. Springer, New York, 2009. P. 19–21.
3. Lukasiewicz J. On three-valued logic // *Jan Lukasiewicz: Selected Works*. Borkowski L. (ed.). Amsterdam, North-Holland Publishing Company, 1970. P. 87–88.
4. *Blamey S.* Partial logic // Gabbay M, Guentner F (eds) *Handbook of philosophical logic*. Т. 5, 2nd edn. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 261–353.
5. Kooi B., Tamminga A. Completeness via correspondence for extensions of the logic of paradox. *The Review of Symbolic Logic*. 2012. Т.5. №4. P. 720–730.
6. *Hirschfeld H. O.* A Connection Between Correlation and Contingency, *Proc. Cambridge Philosophical Society*. 1935. Т. 31. P. 520–524.
7. *Боровикова Н.А.* Статистические методы и анализ данных // *Социология*: 4М. 2003. №17. С. 167-189.
8. *Seegerberg K.* Arbitrary Truth-Value Functions and Natural Deduction // *Mathematical Logic Quarterly*. 1983. Т. 29. № 11. P. 557–564.
9. *Palasinska K.* Three-element nonfinitely axiomatizable matrices // *Bulletin of the Section of Logic*. 1992. Т. 21. №4. P. 147–152.
10. *Petrukhin Y., Shangin V.* Correspondence Analysis for Some Fragments of Classical Propositional Logic, *Logica Universalis*. 2021. Т. 15. №1. P. 67–85.
11. *Petrukhin Y.* Generalized correspondence analysis for three-valued logics // *Logica Universalis*. 2018. Т.12. №3–4. P. 423-460.
12. *Negri S., von Plato J.* *Structural Proof-Theory*. Cambridge University Press, 2001.
13. *Shangin V.O.* A precise definition of an inference (by the example of natural deduction systems for logics $I_{\langle \circ, \otimes \rangle}$ // *Logical Investigations*. 2017. Т. 23. №1. P. 83–104.

ЗВЁЗДНАЯ СЕМАНТИКА ДЛЯ ETL И NFL

А.А. Беликов

*Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры логики философского факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: belikov@philos.msu.ru*

В работе представлены варианты формальных семантик для логических систем ETL и NFL. Предлагаемые семантики сформулированы в рамках так называемого “австралийского плана” по построению семантик для релевантных логик, разработанного Ричардом и Валери Раутли. В нашей работе доказана эквивалентность оригинальных семантик для ETL и NFL с теми, которые предлагаются здесь.

Ключевые слова: австралийская семантика, Раутли, релевантная логика, паранепротиворечивая логика, паразолная логика

STAR SEMANTICS FOR ETL AND NFL

A.A. Belikov

*CSc in Philosophy, Senior Lecturer of Department of Logic, Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: belikov@philos.msu.ru*

In this paper, we present variants of formal semantics for two logical systems ETL and NFL. The proposed semantics are formulated in terms of the so-called ‘Australian plan’ of devising formal semantics for systems of relevance logic. This plan originated in the works of Richard and Valerie Routley. In the present paper, we prove the equivalence between the novel semantics and the original semantics of ETL and NFL.

Keywords: australian semantics, Routleys, relevance logic, paraconsistent logic, paracomplete logic

В этой этой работе мы обратимся к двум недавно открытым логическим теориям – ETL [6] и NFL [7,8]. Обе теории являются расширениями хорошо известной релевантной логики FDE [1]. Исторически они были разработаны в русле семантики по так называемому “американскому плану”, однако в истории релевантной логики известна и альтернативная стратегия построения формальной семантики – “австралийский план” [4,5]. Фундаментальное различие между двумя подходами состоит в способе задания семантических условий для отрицательных формул. В этой этой работе мы представим “австралийскую” семантику для ETL и NFL.

Нами используется стандартный пропозициональный язык L , содержащий конъюнкцию, дизъюнкцию и отрицание. Понятие формулы в этом языке стандартно.

Напомним, как определяется матричная семантика по “американскому плану” (или матричная семантика Белнапа [2,3]) для ETL и NFL.

Для интерпретации языка L используется функция φ , которая каждой пропозициональной переменной приписывает одно из четырёх истинностных значений: Т (истина), F (ложь), В (одновременная истина и ложь) или N (ни истина, ни ложь). Для интерпретации сложных формул, т.е. содержащих упомянутые выше логические связки, используются следующие матрицы:

$\&$	Т	В	N	F	\vee	Т	В	N	F	\neg	x
Т	Т	В	N	F	Т	Т	Т	Т	Т	F	Т
В	В	В	F	F	В	Т	В	Т	В	В	В
N	N	F	N	F	N	Т	Т	N	N	N	N
F	F	F	F	F	F	Т	В	N	F	Т	F

Определим теперь два отношения логического следования.

1. Формула B является логическим следствием формулы A в ETL (символически, $A \models_{4,T} B$) если и только если для всякой оценки φ верно, что если $\varphi(A)=T$, то $\varphi(B)=T$.
2. Формула B является логическим следствием формулы A в NFL (символически, $A \models_{4,F} B$) если и только если для всякой оценки φ верно, что если $\varphi(B)=F$, то $\varphi(A)=F$.

Классы корректных утверждений о следовании, порождаемых этими определениями, и формируют логику ETL и NFL, соответственно.

Пусть «модель Раутли» - это структура $\langle W, *, V \rangle$, состоящая из непустого множества «сетапов» W , функции «звезды» $*$: $W \mapsto W$, удовлетворяющей требованию $w^{**}=w$, и функции оценки V : $\text{Prop } x \ W \mapsto$

$\{1,0\}$. Функция V может быть расширена до интерпретации I на множество всех формул языка при помощи следующих семантических условий:

1. $I(p,w)=V(p,w)$;
2. $I(\neg A,w)=1$ е. и т.е. $I(A,w^*)\neq 1$;
3. $I(A\&B,w)=1$ е. и т.е. $I(A,w)=1$ и $I(B,w)=1$;
4. $I(A\vee B,w)=1$ е. и т.е. $I(A,w)=1$ или $I(B,w)=1$.

Теперь определим два отношения следования:

3. Формула B является логическим следствием формулы A в ETL (символически, $A \models_{*,T} B$) если и только если для всякой модели Раутли $\langle W, *, V \rangle$, для всякого сетапа w из W верно, что если $I(-A,w)=1$ и $I(-A,w^*)=1$, то $I(-B,w)=1$ и $I(-B,w^*)=1$.
4. Формула B является логическим следствием формулы A в NFL (символически, $A \models_{*,F} B$) если и только если для всякой модели Раутли $\langle W, *, V \rangle$, для всякого сетапа w из W верно, что если $I(-B,w)\neq 1$ и $I(B,w^*)\neq 1$, то $I(-A,w)\neq 1$ и $I(A,w^*)\neq 1$.

Лемма 1. Для всякой формулы A языка L , для всякой модели Раутли $\langle W, *, V \rangle$, для всякого сетапа w из W , для всякой оценки в матричной семантике Белнапа φ , верны следующие утверждения:

- $I(-A,w)=1$ и $I(A,w^*)=1$ е. и т.е. $\varphi(A)=T$;
- $I(-A,w)=1$ и $I(A,w^*)\neq 1$ е. и т.е. $\varphi(A)=B$;
- $I(-A,w)\neq 1$ и $I(A,w^*)=1$ е. и т.е. $\varphi(A)=N$;
- $I(-A,w)\neq 1$ и $I(A,w^*)\neq 1$ е. и т.е. $\varphi(A)=F$.

Доказательство. Индукцией по построению формулы A .

Верны следующие теоремы, которые утверждают эквивалентность “американских” и “австралийских” семантик для ETL и NFL.

Теорема 1. $A \models_{*,T} B$, если и только если $A \models_{4,T} B$.

Доказательство. Методом “от противного”, используя лемму 1.

Теорема 2. $A \models_{*,F} B$, если и только если $A \models_{4,F} B$.

Доказательство. Методом “от противного”, используя лемму 1.

Литература

1. Anderson A. R., Belnap N. D. Jr. Entailment: The Logic of Relevance and Necessity. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press, 1975. 543 p.
2. Belnap N. D. Jr. How a computer should think // Contemporary Aspects of Philosophy / Ed. by G. Ryle. Oriel Press, 1977. P. 30–55.
3. Belnap N. D. Jr. A useful four-valued logic // Modern Uses of Multiple-Valued Logic / Ed. By J. M. Dunn and G. Epstein. Modern Uses of Multiple-Valued Logic. Boston: D. Reidel Publishing Company, 1977. P. 8–37.
4. Routley R., Meyer R. The semantics of entailment // Studies in Logic and the Foundations of Mathematics. Elsevier, 1973. Vol. 68. Pp. 199–243.
5. Routley R., Routley V. The semantics of first degree entailment // Noûs. 1972. Pp. 335–359.
6. Pietz A., Riviaccio U. Nothing but the truth // Journal of philosophical logic. 2013. Vol. 42. № 1. Pp. 125–135.
7. Shramko Y., Zaitsev D., Belikov A. First-degree entailment and its relatives // Studia Logica. 2017. Vol. 105. №. 6. Pp. 1291–1317.
8. Shramko Y., Zaitsev D., Belikov A. The Fmla-Fmla axiomatizations of the exactly true and non-falsity logics and some of their cousins // Journal of Philosophical Logic. 2019. Vol. 48. №5. С. 787–808.

СИЛЛОГИСТИКА, ДВОЙСТВЕННАЯ ПО ИСТИННОСТНЫМ ЗНАЧЕНИЯМ СИЛЛОГИСТИКЕ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА*

А.А. Ильин

Старший преподаватель кафедры логики

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: alexeevich@inbox.ru

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

В работе строится аксиоматизация силлогистики, двойственной по истинностным значениям силлогистике Льюиса Кэрролла. Суть последней состоит в такой трактовке категорических высказываний, при которой общеотрицательные высказывания не предполагают, а остальные (общеутвердительные, частноутвердительные и частноотрицательные) предполагают непустоту их субъектов. Предлагаемая в данной работе система двойственной по истинностным значениям силлогистики исходит из обратной предпосылки: постулируется, непустота субъектов только общеотрицательных высказываний. В таком случае, в построенной системе ложны общеотрицательные высказывания с пустыми субъектами, а остальные категорические высказывания, содержащие пустой субъект, – истинны.

Ключевые слова: силлогистика, пустые субъекты, аксиоматизация, исчисление предикатов, погружающая операция

SYLLOGISTIC, DUAL IN TRUTH VALUES TO LEWIS CARROLL'S SYLLOGISTIC

A. A. Ilin

*Senior Lecturer of Department of Logic,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: alexeevich@inbox.ru*

The syllogistic dual in truth values to Lewis Carroll's syllogistic is set out. The essence of the latter consists in such an interpretation of categorical propositions, in which generally negative statements do not presuppose and the other presuppose the non-emptiness of their subjects. The system of dual to Carroll's syllogistic we propose in this paper proceeds from the inverse premise: the non-emptiness of subjects is postulated only for generally negative categorical propositions. In this case, it turns out that generally negative propositions with empty subjects are false, and the others categorical propositions with empty subjects are true.

Keywords: syllogistic, empty subjects, axiomatization, predicate calculus, embedding function

Предлагается аксиоматизация негативной силлогистики, двойственной по истинностным значениям силлогистике Льюиса Кэрролла.

Льюисом Кэрроллом была построена оригинальная силлогистическая теория, отличная от традиционной и фундаментальной – лейбницеvской – силлогистики. Им была предложена следующая интерпретация категорических высказываний. По его мнению, высказывание типа *i* есть «утверждение о том, что *некоторые реально существующие предметы* являются *одновременно* элементами *обоих* терминов суждения. Отсюда следует, что и *каждый* термин такого суждения, взятый в отдельности, реален (непуст)» [2, с. 215]. Из высказывания типа *e* «нельзя вывести никакого заключения относительно реальности каждого из терминов в отдельности» [2, с. 216]. Высказывание типа *a* «содержит аналогичное суждение, начинающееся со слова “некоторые”. Следовательно, его необходимо понимать как суждение, утверждающее *реальность каждого* из своих терминов в отдельности» [2, с. 216]. Высказывания типа *o* не рассматриваются Кэрроллом как особая форма. Он считает их эквивалентными высказываниям «Некоторый *S* есть не-*P*», следовательно, предполагается непустота их субъекта.

Таким образом, все категорические высказывания с пустыми субъектами (за исключением общеотрицательных) оцениваются как ложные. Кэрролловское понимание смыслов категорических высказывания выражается в языке логики предикатов (с выполнением соответствующих требований лейбницеvской трактовки) следующим образом:

SaP → $\forall x(Sx \supset Px) \ \& \ \exists xSx$
 SiP → $\exists x(Sx \ \& \ Px)$
 SeP → $\forall x(Sx \supset \neg Px)$
 SoP → $\exists x(Sx \ \& \ \neg Px)$.

В силлогистике Л. Кэрролла не «проходит» модус ЕАО I-ой фигуры, модусы АЕО и ЕАО II-ой фигуры, а также модус АЕО IV-ой фигуры. Не действуют закон тождества как в общей, так и в частной формулировках (SaS, SiS), превращение для общеотрицательных высказываний и некоторые умозаключения по логическому квадрату (рассуждения в силу подпротивоположности, в силу подчинения при переходе от общеотрицательных к частноотрицательным высказываниям, а также

диагональ логического квадрата при переходе к часноотрицательному от отрицания общеутвердительногo высказывания).

Нами в [3] сформулирована система негативной силлогистики (НКС), аксиоматизирующая силлогистическую теорию, законами которой являются формулы, «кэрролловские» переводы которых доказуемы в исчислении предикатов. С использованием критерия Смирнова [6] доказана погружаемость указанной системы в исчисление предикатов.

В язык НКС входят нелогические термины единственного типа – параметры для простых неотрицательных терминов, силлогистические константы a, i, e, o , пропозициональные связки $\&, \vee, \neg, \supset, \equiv$, знак терминного отрицания $'$ и скобки. Определения термина и формулы стандартные.

Схемами аксиом НКС являются:

K0. Схемы аксиом классического исчисления высказываний.

K1. $(MaP \& SaM) \supset SaP$

K5. $SeP \equiv \neg SiP$

K2. $SiP \supset PiS$

K6. $SaP \equiv (SeP' \& SiS)$

K3. $SiP \supset SaS$

K7. $SaP' \equiv (SeP \& SiS)$

K4. $SaP \supset SiP$

K8. $SiS \vee S'iS'$

R1. *modus ponens*

В настоящей работе предлагается силлогистика, двойственная по истинностным значениям силлогистике Кэрролла. В отличие от последней, общеотрицательные высказывания с пустым субъектом будут трактоваться как истинные, а остальные категорические высказывания, содержащие пустой субъект, рассматриваются как истинные.

Такая трактовка категорических высказываний выражается в языке логики предикатов следующим образом:

SaP $\rightarrow \forall x(Sx \supset Px)$

SiP $\rightarrow \exists x(Sx \& Px) \vee \neg \exists x Sx$

SeP $\rightarrow \forall x(Sx \supset \neg Px) \& \exists x Sx$

SoP $\rightarrow \exists x(Sx \& \neg Px) \vee \neg \exists x Sx.$

В данной силлогистике «проходят» законы силлогистического тождества SaS, SiS , превращения для часноотрицательных, общеотрицательных и общеутвердительных высказываний, умозаключения в силу подчинения, противоположности и подпротивоположности. Законы диагоналей логического квадрата справедливы для общеотрицательных и часноотрицательных высказываний, а также при переходе от отрицания общеутвердительногo к утверждению часноотрицательного высказывания. Обращения в данной системе неправомерны. Следующие модусы фигур являются правильными:

для I фигуры – модусы AAA, AII, EIO, AAI и EAO,

для II фигуры – модусы AOO, AEE, EIO, AEO и EAO,

для III фигуры – модусы EIO и EAO.

Для IV фигуры – модус AEO.

Силлогистическая теория, законами которой являются формулы, переводы которых при указанной трактовке категорических высказываний доказуемы в исчислении предикатов, аксиоматизируется посредством системы ДКС.

Язык ДКС совпадает с языком системы НКС.

Схемами аксиом ДКС являются:

ДК 0. Схемы аксиом классического исчисления высказываний

ДК 1. $(MaP \& SaM) \supset SaP$

ДК 7. $SeP \equiv \neg SiP$

ДК 2. $(MaP \& SiM) \supset SiP$

ДК 8. $SoP \equiv (\neg SaP \vee SaS')$

ДК 3. $(PeM \& SiM) \supset SoP$

ДК 9. $SaP \equiv (SeP' \vee SaS')$

ДК 4. $(SiP \& \neg SaS') \supset PiS$

ДК 10. $SiP \equiv SiP''$

ДК 5. SaS

ДК 11. $SaP \equiv S''aP$

ДК 6. $SaP \supset SiP$

ДК 12. $SeP \equiv S''eP$

R1. *modus ponens*

На основе доказательства погружаемости предложенной системы ДКС в систему негативной фундаментальной силлогистики (НФС), для которой погружаемость в исчисление предикатов доказана ранее [1], показывается погружаемость построенной системы в исчисление предикатов посредством предложенной интерпретации категорических высказываний.

Литература

1. Ильин А.А. Негативная фундаментальная силлогистика // Труды научно-исследовательского семинара логического центра ИФ РАН. М. 2000. Вып. 15.
2. Кэрролл Л. Символическая логика // История с узелками. М. Мир. 2001. С. 189–361.
3. Ильин А.А. Силлогистика Льюиса Кэрролла с отрицательными терминами // Логические исследования. 2015. Т. 21. № 2. С. 134-144.
4. Маркин В.И. Обобщенная позитивная силлогистика // Логические исследования. М. 1999. Вып. 6.
5. Маркин В.И. Силлогистические теории в современной логике. МГУ. 1991.
6. Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М. 1987.

УЧЕНИЕ ОБ ОБРАЩЕНИИ В УНИВЕРСАЛЬНОМ СИЛЛОГИСТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ*

В.И. Маркин

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой логики
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: markin@philos.msu.ru*

В докладе рассматриваются некоторые аспекты построенной в [1] силлогистической теории, в языке которой содержатся 32 силлогистические константы, репрезентирующие все возможные бинарные отношения между непустыми классами. Основное внимание уделяется исследованию специфики операции обращения в этой «универсальной» силлогистике. Выделяется два типа обращения: сильное (эквивалентное преобразование) и слабое (переход от подчиняющего к подчиненному). Формулируются принципы сильного и слабого обращений. Оказывается, что для любой атомарной формулы «универсального» силлогистического языка возможно корректное сильное обращение. Среди силлогистических констант выделяются самообратимые и несамообратимые. Обосновывается тезис о том, что наличие в «локальном» силлогистическом языке несамообратимой константы является необходимым (хотя и недостаточным) условием полноты множества исходных констант этого языка.

Ключевые слова: силлогистика, операция обращения, категорические высказывания, формализованный язык, полное множество констант

THE DOCTRINE OF CONVERSION IN THE UNIVERSAL SYLLOGISTIC LANGUAGE

V.I. Markin

*DSc in Philosophy, Head of the Department of Logic
Lomonosov Moscow State University
E-mail: markin@philos.msu.ru*

In the paper we consider some aspects of the syllogistic system formulated in [1]. The language of this system contains 32 syllogistic constants represented all possible binary relations between non-empty sets. We concentrate largely on the specific character of the conversion inference in this “universal” syllogistic. We separate out the two kinds of conversion – strong (the conclusion is equivalent to the premise) and weak (the conclusion is weaker than the premise). We formulated the rules for strong and weak conversion. We establish that every atomic formula of the “universal” syllogistic language is convertible in a strong sense. Also, we consider self-convertible constants and prove that a set of constants of a “local” syllogistic language is complete only if it contains a constant which is not self-convertible.

Keywords: syllogistic, conversion, categorical propositions, formal language, complete set of syllogistic constants

* Исследование выполнено в рамках научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы и искусственный интеллект».

В работе [1] построен язык силлогистики, в алфавите которого содержатся все возможные силлогистические константы. Последние понимаются как знаки отношений между двумя непустыми множествами – объемами субъекта (S) и предиката (P) категорического высказывания. Среди этих отношений выделяются пять базисных (эйлеровских):

1. Объем S равен объему P ;
2. Объем S строго включается в объем P ;
3. Объем P строго включается в объем S ;
4. Объемы S и P перекрещиваются;
5. Пересечение объемов S и P пусто.

Для каждого из эйлеровских отношений в язык вводится силлогистическая константа – номер соответствующего отношения (т.е. натуральное число от 1 до 5). Общее количество возможных бинарных отношений между непустыми множествами равно тридцати двум (мощности множества всех подмножеств $\{1, 2, 3, 4, 5\}$). Константы, репрезентирующие 26 неэйлеровских отношений между двумя непустыми множествами, представляют собой многокомпонентные последовательности чисел, а еще одна константа является нулькомпонентной, т.е. репрезентирующей такое отношение, в котором не находятся никакие два непустых множества.

Силлогистической константой k , таким образом, является последовательность (возможно пустая) $x_1x_2\dots x_n$ попарно различных чисел из множества $\{1, 2, 3, 4, 5\}$, расположенных по возрастанию. За каждым числом x_i в составе k стоит определенная круговая диаграмма, и числовой код $x_1x_2\dots x_n$ задает полный список эйлеровских отношений, при которых высказывание формы SkP принимает значение «истина». Сама константа k репрезентирует такое отношение между объемами терминов S и P , которое является объединением эйлеровских отношений, кодируемых числами x_1, x_2, \dots, x_n .

В алфавит универсального силлогистического языка помимо тридцати двух силлогистических констант включаются также: бесконечный список общих терминов, пропозициональные связки и скобки. Атомарные формулы имеют вид SkP , где S и P – общие термины, а k – произвольная силлогистическая константа. Сложные формулы образуются обычным образом с использованием пропозициональных связок и скобок.

Для данного языка в [1] сформулирована естественная теоретико-множественная семантика и построено исчисление $C4U$, аксиоматизирующее класс общезначимых формул.

В рамках данной «универсальной» силлогистики можно развить интересное учение об обращении. В традиционной логике обращением называли непосредственное умозаключение силлогистики, в котором субъект заключения совпадает с предикатом посылки, а предикат заключения – с субъектом посылки. Обращение, таким образом, есть умозаключение вида $Sk_1P \Rightarrow Pk_2S$, где k_1 и k_2 – силлогистические константы, которые могут быть одинаковыми, а могут и не совпадать.

В силлогистике со стандартным набором силлогистических констант (a, i, e и o) различают обычно чистое обращение и обращение с ограничением. В первом случае количество и качество посылки не меняется, и заключение логически эквивалентно посылке. Во втором случае качество не меняется, но меняется количество (общее суждение переходит в частное), а заключение лишь подчиняется посылке. Так, высказывание вида SiP (в универсальном силлогистическом языке этой формуле соответствует $S1234P$) обращается чисто, т.е. в PiS ($P1234S$). Высказывание вида SeP (ему соответствует $S5P$) обращается чисто в PeS ($P5S$) и с ограничением – в PoS ($P345S$). А для высказывания вида SaP (ему соответствует $S12P$) корректно лишь обращение с ограничением: в PiS ($P1234S$). Высказывания вида SoP ($S345P$) не обращаются.

В «универсальной» силлогистике имеются аналоги указанных видов обращения: сильное и слабое. Сильным обращением назовем умозаключение вида $Sk_1P \Rightarrow Pk_2S$, в котором заключение эквивалентно посылке (т.е. Sk_1P и Pk_2S , логически следуют друг из друга). В случае слабого обращения заключение логически подчиняется посылке (т.е. из Sk_1P следует Pk_2S , но не наоборот).

Можно обосновать справедливость следующих принципов сильного обращения:

- (а) если силлогистическая константа k не содержит чисел 2 и 3, то SkP сильно обращается в PkS ;
- (б) если силлогистическая константа k содержит как число 2, так и число 3, то SkP сильно обращается в PkS ;
- (в) если константа k_1 содержит число 2, но не содержит число 3, а константа k_2 получается из k_1 заменой 2 на 3, то Sk_1P сильно обращается в Pk_2S ;
- (д) если константа k_1 содержит число 3, но не содержит число 2, а константа k_2 получается из k_1 заменой 3 на 2, то Sk_1P сильно обращается в Pk_2S .

Таким образом, в «универсальной» силлогистике простые высказывания любого типа сильно обратимы. Например, $S1P$ («Все S , и только S , есть P ») эквивалентно $P1S$; $S1234P$ (SiP) эквивалентно $P1234S$; $S12P$ (SaP) эквивалентно $P13S$; $S345P$ (SoP) эквивалентно $P245S$.

Несложно сформулировать принцип и для слабого обращения: если Pk_2S является результатом сильного обращения Sk_1P , и всякое число, входящее в состав константы k_2 входит в состав константы k_3 , но хотя бы одно число из k_3 не содержится в k_2 , то Pk_3S – результат слабого обращения Sk_1P . Например, в результате слабого обращения $S123P$ можно получить $P1234S$, $P1235S$ и $P12345S$. Очевидно, что корректное слабое обращение невозможно лишь для простых высказывания вида $S12345P$. Данная формула общезначима в семантике универсального силлогистического языка, а силлогистическая константа 12345 репрезентирует «универсальное» отношение между двумя непустыми множествами, т.е. отношение, в котором находятся любые два таких множества.

Введем еще одно важное в металогическом отношении понятие, связанное с операцией обращения. Назовем силлогистическую константу k называется *самообратимой*, е.т.е. формула SkP эквивалентна формуле PkS в семантике универсального силлогистического языка, т.е. переход от первой ко второй представляет собой сильное обращение. Согласно сформулированным выше принципам сильного обращения, самообратимыми являются те константы, которые либо не содержат чисел 2 и 3, либо содержат оба этих числа. Остальные силлогистические константы (те, которые содержат ровно одно из указанных чисел) не относятся к числу самообратимых.

Значимость введенного понятия проявляется при попытке поиска *критериев полноты* множества силлогистических констант в так называемых «локальных» языках позитивной силлогистики. В этих языках в качестве исходных в алфавит вводятся не все, а лишь некоторые силлогистические константы. Примерами «локальных» языков являются: (i) стандартный язык традиционной силлогистики с исходными константами a (12), i (1234), e (5) и o (345); (ii) язык силлогистики Васильева с исходными константами «Все ... есть ...» (12), «Ни один ... не есть» (5) и «Только некоторые ... есть ...» (34); (iii) язык силлогистики Венна, исходные константы которой репрезентируют все пять эйлеровских отношений (это константы 1, 2, 3, 4, и 5). Естественным образом возникает вопрос, можно ли в том или ином «локальном» языке представить каждое из возможных отношений между двумя непустыми множествами, т.е. выразить в нем все тридцать две различные силлогистические константы.

Прежде всего следует уточнить понятие выразимости. Константа k *выразима* в «локальном» языке с исходными силлогистическими константами k_1, k_2, \dots, k_m , е.т.е. в этом языке найдется формула A , содержащая в точности два термина S и P , такая что A эквивалентна формуле SkP в семантике универсального силлогистического языка.

Теперь можно ввести точное понятие полноты системы силлогистических констант. Множество силлогистических констант $\{k_1, k_2, \dots, k_m\}$ называется *полным*, если и только если любая силлогистическая константа выразима в «локальном» языке с исходными силлогистическими константами k_1, k_2, \dots, k_m .

Несомненно важным является выделение необходимых условий, при которых множество $\{k_1, k_2, \dots, k_m\}$ оказывается полным. Одним из таких условий является наличие в числе исходных констант «локального» языка хотя бы одной константы, не являющейся самообратимой.

Для обоснования данного тезиса необходимо ввести одно важное понятие и доказать несколько метаутверждений.

Пусть формула A содержит в точности два различных общих термина S и P (причем S предшествует P в алфавите). *Атомарной нормальной формой* формулы A назовем формулу вида SkP универсального силлогистического языка, логически эквивалентную A в семантике этого языка.

Доказана следующая метатеорема: для любой формулы A , содержащей в точности два различных общих термина, существует единственная атомарная нормальная форма.

Пусть SkP – атомарная нормальная форма формулы A указанного типа. Справедливо следующее утверждение: если в состав A входят только самообратимые константы, то константа k также является самообратимой.

Отсюда следует, что никакая несамообратимая константа не выразима в «локальном» языке, все исходные константы которого являются самообратимыми. Последнее означает, что полное множество силлогистических констант должно включать в себя несамообратимую константу.

Таким образом, наличие несамообратимой константы в множестве исходных констант «локального» силлогистического языка является необходимым условием полноты данного множества.

Заметим, что данное условие не является достаточным. Поиск исчерпывающего списка критериев полноты множества силлогистических констант является на данный момент открытой проблемой.

Литература

1. Маркин В.И. Силлогистика как логика отношений между двумя непустыми множествами // Логические исследования. 2020. Т. 26. № 2. С. 39–57.

КВАЗИФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛОГИКА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Ю.В. Ивлев

*Доктор философский наук, профессор кафедры логики философского факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: ivlev.logic@yandex.ru*

В логике, как и во многих других науках, можно выделить два уровня знаний – знание эмпирическое и знание теоретическое. На первом уровне стремятся изучать объекты познания такими, какими они являются в действительности. На втором уровне объекты познания моделируются. Модели логических терминов в классической логике представляются посредством функций. В логике модальной, например, представляются посредством квазифункций. Если функцию и квазифункцию представить в виде операций, то окажется, что, применяя функцию к какому-то объекту, получим определённый объект (может быть с вероятностью и т.д.), применяя квазифункцию к какому-то объекту, получим какой-о объект (может быть тоже с вероятностью и т.д.). В некоторых случаях моделирование логических терминов посредством функций является недостаточным по двум причинам. Первая. Модель слишком сильно искажает эмпирический логический термин. Вторая. С помощью функций создать модель не удаётся.

Ключевые слова: теоретическое знание, эмпирический объект, теоретический объект, функция, квазифункция

QUASI-FUNCTIONAL LOGIC AS THEORETICAL KNOWLEDGE

Yu.V. Ivlev

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Logic, Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: ivlev.logic@yandex.ru*

In logic, as in many other sciences, two levels of knowledge can be distinguished – empirical knowledge and theoretical knowledge. At the first level, they strive to study the objects of knowledge as they really are. At the second level, objects of cognition are modeled. Models of logical terms in classical logic are represented by functions. In modal logic, for example, they are represented by quasi-functions. If a function and a quasi-function are represented as operations, it turns out that by applying a function to some object, we get a certain object (maybe with probability, etc.), by applying a quasi-function to some object, we get some object (maybe also with probability, etc.). In some cases modeling logical terms by means of functions is insufficient for two reasons. First. The model distorts the empirical logical term too much. The second. It is not possible to create a model using functions.

Keywords: theoretical knowledge, empirical object, theoretical object, function, quasi-function

Эмпирическое и теоретическое знание. Как во многих науках, в логике можно выделить два уровня знаний. На первом уровне стремятся исследовать объекты, относящиеся к предметной области науки, такими, какими они являются в действительности. Так, в логике, при характеристике условных суждений на эмпирическом уровне исследования выделяют виды условной связи.

Первый. Причинно-следственная связь (в этом случае условный союз «если..., то...» можно обозначить стрелкой с индексом «с», т.е. \rightarrow_c . Соответствующее суждение выглядит так: $A \rightarrow_c B$. Здесь

А – основание условного суждения, а В – следствие. Пример: Если тело содержит свободные электроны, то оно электропроводно.

Второй. Наличие одного свойства обуславливает наличие другого свойства. Союз «если..., то...» обозначается стрелкой с индексом «р», т.е. \rightarrow_r . Пример суждения $A \rightarrow_r B$: если животное жвачное, то оно парнокопытное.

Третий. Наличие свойства обуславливает наличие нескольких возможностей. Союз «если..., то...» обозначается стрелкой с индексом «d», т.е. \rightarrow_d . Пример: если число делится на 6, то оно делится на 2 и на 3.

Четвёртый. Между основанием условного суждения и следствием есть отношение логического следования (\rightarrow_L): если некоторые чётные числа делятся на 3, то некоторые числа, которые делятся на 3, – чётные. И т.д. На эмпирическом уровне познания могут происходить обобщения объектов познания. Общим для всех видов условной связи является то, что основание условного суждения выражает ситуацию, наличие которой является достаточным условием для существования ситуации, выражаемо следствием. В обобщённом виде условную связь можно представить стрелкой без дополнительных индексов (\rightarrow).

Теоретическое знание отличается от эмпирического тем, что в теоретическом знании объекты познания рассматриваются не такими, какими они являются в действительности, а в упрощённом виде. Упрощение эмпирических объектов называется их моделированием. Созданные таким образом теоретические объекты называются моделями эмпирических объектов. Модель эмпирического объекта в чём-то сходна с объектом эмпирическим (образцом), а в чём-то искажает его, т.е. упрощает. В качестве примера приведём создание логического термина, называемого материальной импликацией. Этот термин чаще всего обозначается знаком « \supset ». Выражение « $A \supset B$ » читается «А имплицитно В», или «если А, то В», или «из А следует В». Табличное определение материальной импликации известно.

В таблице показано, как зависит истинность сложного высказывание, т.е. высказывания « $A \supset B$ », от истинностных значений составляющих его высказываний.

В чём сходство имплицитного высказывания с условным высказыванием « $A \rightarrow B$ »? Сходство отражено во второй строке таблицы. Если основание условного суждения истинно, а следствие ложно, то суждение ложно. Остальные строки таблицы искажают условное суждение. Например, в первой строке таблицы представлены истинность А и истинность В. Но если ситуация, обозначаемая буквой А, имеет место в действительности, она не обязательно является достаточным условием для наличия ситуации, обозначаемой В.

Для чего в логике, как и в других науках, осуществляется моделирование объектов?

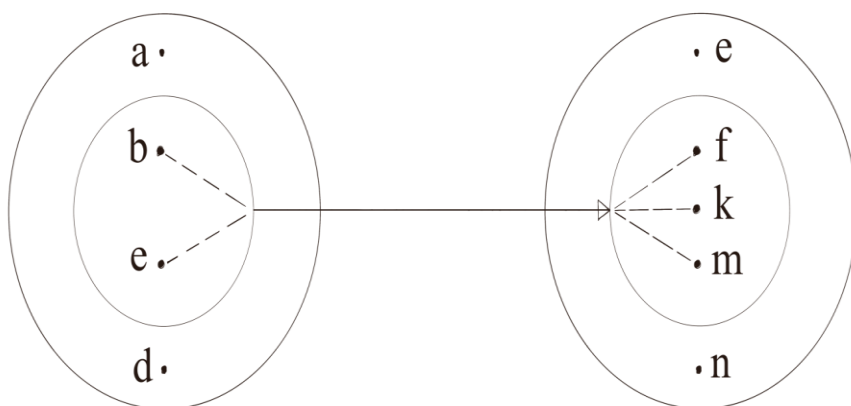
Это делается для упрощения решения задач. Например, чтобы проверять умозаключение, достаточно установить, что при истинных посылах, заключение не является ложным.

В классической логике логические термины моделируются посредством функций. В квазифункциональной логике моделями являются квазифункции.

Понятие квазифункции. Функцию можно рассматривать как операцию, применяя которую к определённому объекту из области определения функции, получаем определённый объект из области значений функции. Квазифункция – операция, применяя которую к какому-то (неизвестно к какому) объекту из подмножества области определения квазифункции, получаем какой-то (неизвестно какой) объект из подмножества области значений квазифункции. Поскольку функция может быть многозначной (корни квадратного уравнения), то и квазифункция может быть многозначной. Функция может быть вероятностной, квазифункция тоже может быть вероятностной и т.д. Квазифункция не сводится к суперпозиции функций.

Пример. Пусть область определения квазифункции – множество $\{a, b, c, d\}$, а область значений – $\{e, f, k, m, n\}$. Квазифункция – $\underline{\vee}_6(\{b, f\}, \{b, k\}, \{b, m\}, \{c, f\}, \{c, k\}, \{c, m\})$. Здесь $\underline{\vee}_6$ – знак шестиместной строгой дизъюнкции.

Наглядно:

указанная операция, а также указанные подобласти области значений. Подобласти области определения квазифункции, к которым применяется квазифункция, могут состоять из одного элемента, т.е. частным случаем квазифункции является функция. Кроме того, указанные подобласти могут совпадать с областями определения и значений квазифункции, тогда имеет место полная неопределённость. Иначе, частными случаями квазифункции являются функция и полная неопределённость (хаотичность).

Первые системы квазифункциональной логики были построены в начале 70-х годов прошлого столетия. [См.: 1; 2] При их построении использован методологический принцип квазифункциональности. До этого логики строились на основе принципа функциональности, т.е. логические термины интерпретировались посредством функций. Такой подход не позволял, например, удовлетворительно интерпретировать онтологические модальности.

Так, Я. Лукасевич использовал значения высказываний 1, $\frac{1}{2}$, 0. В [3] показано, что этим числам соответствуют значения «необходимо», «случайно», «невозможно». Если обычным образом выразить импликацию Лукасевича через отрицание и конъюнкцию, то формула $A \& B$, при значении каждого из составляющих высказываний, т.е. A и B , «случайно», примет значение «случайно». (Знак конъюнкции «&» читается «и».) Очевидно, что две ситуации, каждая из которых является случайной, могут быть как невозможны, так и возможны.

В чет причина? В то время не был известен принцип квазифункциональности. Применительно к логике этот принцип формулируется так: логические термины следует интерпретировать посредством квазифункций.

При переходе от моделирования посредством функций к моделированию посредством квазифункций решаются две задачи. Первая: модель больше соответствует моделируемому объекту. Например, импликация в высказывании $A \supset B$ принимает не значение «истина», а «то ли истина, то ли ложь». Вторая задача: некоторые логические термины нельзя проинтерпретировать посредством функций (логику, описывающую случайные будущие события Лукасевича, алетическую модальную логику), а посредством квазифункций можно.

Замечание. В моей монографии [4] сформулировано 30 нерешённых проблем по квазифункциональной логике. Некоторые из них решены И.Б. Микиртумовым (результаты ещё не опубликованы), Кузнецовым А.М., Архиреевым Н.Л., Аркадской П.Э., Шалопиным В.В., Хулербеном Кадыг-оол Х.К. Ссылки на публикации даны в [5]. Только что мне прислали статью, в которой излагается решение 18-й проблемы (построение квазифункциональной логики предикатов) [6].

Литература

1. *Ивлев Ю.В.* Логика норм: дис... канд. филос. наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 1972.
2. *Ивлев Ю.В.* Табличное построение пропозициональной модальной логики. // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1973. № 6. С. 51-61.
3. *Ивлев Ю.В.* Квазиматричная (квазифункциональная) логика. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2018. 126 с.
4. *Ивлев Ю.В.* Модальная логика. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1991. 224 с.

5. *Ивлев Ю.В.* Квазифункциональные отношения в логике и других областях знания. // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 214-235.
6. *Coniglio M.E., Farinas del Cerro L., Peron N.M.* Tableau systems for some Ivlev-like (quantified) modal logics. // arXiv: 2202.02136v1 [math.LO] 4 Feb 2022. (Preprint). С. 1-26.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ НОРМ

В.Я. Перминов

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
E-mail: Perminov_v@list.ru*

Исследуются особенности логического знания с точки зрения деятельностной теории познания. Предлагается способ дедукции основных логических норм из анализа понятия практики. Уточняется понятие априорности применительно к законам логики и обосновывается независимость логических норм от законов эмпирической науки, от психологии и грамматики.

Ключевые слова: логические законы, практика, эмпиризм, априори, закон непротиворечивости, закон исключенного третьего, закон тождества, первичность логики в отношении психологии и наук о природе

ACTIVITY SUBSTANTIATION OF LOGICAL NORMS

V.Ya. Perminov

*DSc in Philosophy, Professor of Department of Philosophy of Natural Faculties
Lomonosov Moscow State University
E-mail: Perminov_v@list.ru*

The features of logical knowledge are studied from the point of view of the activity theory of knowledge. A way of deducing the basic logical norms from the analysis of the concept of practice is proposed. The concept of a priori is specified in relation to the laws of logic and the independence of logical norms from the laws of empirical science, from psychology and grammar is substantiated.

Keywords: logical laws, practice, empiricism, a priori, law of consistency, law of the excluded middle, law of identity, primacy of logic in relation to psychology and natural sciences

Вопрос о природе логических норм остается не вполне проясненным и в современной теории познания. Аристотель высказывал мнение, что математические понятия формируются в нашем сознании в связи с некоторым опытом, но он не утверждал ничего подобного в отношении законов логики. Логика, по его мнению, есть некоторое первичное и безусловно истинное знание. Закон непротиворечия, говорит он, должен знать каждый, кто знает хоть что-нибудь. Этот закон не может быть доказан, но мы можем отвергнуть все доводы, направленные против его. Природа логики у Аристотеля не прояснена в том отношении, что, будучи эмпириком в общей теории познания, он не распространяет эту установку на сферу логики. Статус логики как знания остается у него неопределенным.

Эта неясность в отношении природы логики присутствует также и у Канта. Логика у Канта является фундаментом всей его теории познания, поскольку система суждений определяет у него таблицу рассудочных категорий. Но вопрос об истоках логических норм и об основании их необходимости остается не проясненным. В отличие от суждений математики, которые определяются как синтетически априорные, Кант склонен толковать суждения логики как аналитически априорные или как смысловые тавтологии. Суждение А и не-А всегда ложно по той причине, что, утверждая А, мы уже утверждаем неприемлемость не-А как противоположной ситуации. Но очевидно, что такое толкование не является достаточным: в обыденном и научном языке может быть построено неисчислимо множество тавтологий, и мы нуждаемся в некотором критерии для выделения тавтологий, определяющих систему реальной логики. Мы должны найти принцип, лежащий в основе

суждений реальной логики. Мы должны отделить реальную логику как логику языковой коммуникации от математической логики, которая исследует логико-подобные формальные структуры. С этим разделением, по-видимому, связано и разделение философской логики с логикой как разделом математики.

Локк, Милль и Гельмгольц пытались показать, что законы логики представляю собой абстракцию от опыта. Эта позиция была популярной в философии 19-го столетия. Ее принимали также и некоторые неокантианцы. Ее высказывал Г. Коген в своей «Кантовской теории опыта». В настоящее время достаточно ясно, что эмпирический подход к истолкованию логики не может быть принят. Уже общий взгляд на историю логики опровергает ее эмпирическую трактовку. Хотя логика как наука, безусловно, постоянно обогащается через введение новых понятий и теорий, реальная логика как система норм, определяющих языковое мышление, остается постоянной: в современном обыденном и научном языке мы не находим типов суждений и форм вывода, которые не присутствовали бы в языке Платона и Аристотеля. Ни одна из опытных наук не имеет такого рода инвариантного ядра. Эмпирическая теория логики не способна объяснить этот факт. Логика в этом отношении подобна евклидовой геометрии, которая, несмотря на появление многих других геометрий, остается фундаментальной основой обыденного видения мира.

Проблема состоит в понимании гносеологического статуса логики и прежде всего в понимании статуса той системы логических норм, которая определяет реальную структуру суждений и реальные правила вывода. Представляется, что путь к такому пониманию определяется деятельностным пониманием мышления, согласно которому мышление направлено на деятельность и подчинено интуиции деятельности. С этой точки зрения, логические нормы продиктованы высшими требованиями деятельности. Они не могут быть выведены из опыта, и они не могут быть поняты как беспредпосылочные, протекающие из самого сознания. Они могут быть истолкованы как априорные, но априорное не есть беспредпосылочное. Априорные элементы сознания должны быть выведены из субъектно-объектного отношения и в конечном итоге из нацеленности социума на практическую или преобразовательную деятельность. Здесь нужно подчеркнуть, что вывод из деятельности не есть вывод из опыта: если выведение из опыта есть выведение из структуры мира, из структуры объекта деятельности или из состава опыта, то выведение из деятельности есть выведение из необходимых требований деятельности по отношению к знанию. Выведение норм логики в этом случае представляет собой их телеологическое оправдание.

Деятельностные категории определяют высшую и абсолютную нормативность мышления. Некоторые представления немислимы для нас, запрещены категориально, поскольку они не соответствуют практической нацеленности знания. Хотя категориальные основоположения формулируются в виде позитивных утверждений («каждое явление имеет причину», «мир бесконечен», «пространство трехмерно», «время необратимо»), в своей сути это только регулятивные установки, проистекающие из цели знания. На категориальном уровне мы запрещаем явления, не имеющие материального носителя, находящиеся вне пространства и времени, не имеющие причинной детерминации и т.п. Явление, не имеющее причины, запрещено, поскольку оно недоступно для предсказания и практического воздействия. Абстрактная онтология — это нормативная структура, которая запрещает ситуации, не совместимые с возможностью практического действия.

Мы подойдем к пониманию природы логики, если пойдем ее наряду с категориями как одну из нормативных систем, проистекающих их требований практики. Мы исходим здесь из того, что прояснение понятия практики дает нам принцип выявления системы тех тавтологий, которые мы называем законами логики. Логика навязана человеческому мышлению не структурой мира, не структурой опыта и не структурой языка, в котором мы описываем опыт, но исключительно нацеленностью сознания на практическое освоение мира. Мнение Куайна, согласно которому система норм логики создается на базе грамматики и может быть выведена из структуры грамматики, с этой точки зрения, является неприемлемым. В действительности, соподчинение здесь обратное: логика первична, независима от грамматики и лежит в основе всякой грамматики. Логика едина для всех сфер опыта и для всех грамматических структур, в которых он выражается.

Эти общие соображения позволяют нам наметить подход к истолкованию природы и генезиса основных логических норм. Закон непротиворечия может быть понят с этой точки зрения как норма мышления, обусловленная необходимостью в процессе действия выделять и исключать объекты действия. Всякая практика основана на определении будущего через исключение возможных альтернатив, но исключение значимых альтернатив возможно лишь в плане бытия и небытия вещей и их свойств. Если некто утверждает, что завтра будет дождь и не будет дождя, то он отказывается от исключения альтернатив и высказывает суждение, дезориентирующее практику, бесполезное для нее.

Можно сказать и так: «А и не-А» неприемлемо, поскольку информация, содержащаяся в нем, несовместима с направленностью суждения на действие. Понятие деятельности, таким образом, позволяет дать обоснование тому положению Аристотеля, что закон непротиворечия — не гипотеза, а «то, что необходимо знать человеку, если он познает что-нибудь».

В этом плане может быть понята и необходимость закона исключенного третьего. Если мы предполагаем истинность суждения, то явно или неявно предполагаем, что объем каждого включенного в него понятия имеет строгие границы и некоторая вещь в таком случае либо подпадает под него, либо нет — третьего не дано. Закон исключенного третьего, таким образом, выражает требование идеальной определенности понятий, проистекающее из допущения истинности суждения, которое является исходным пунктом всякого логического рассуждения.

Аналогичным образом мы можем объяснить и закон тождества, утверждающий постоянство содержания понятий, используемых в рассуждении. Реальные понятия в реальном рассуждении, конечно, не обладают полным постоянством, да и нет надежных критериев, позволяющих установить полное тождество значений понятия в различных случаях его использования. Закон тождества — это идеальное требование, отступление от которого делает суждение неопределенным в плане практической ориентации.

Представляются, что все основные нормы логики, используемые в реальной языковой коммуникации, могут быть оправданы на уровне прагматического анализа знания. Этот подход оправдывает понимание логики как априорного знания, ибо они при таком подходе логические законы понимаются как независимые от опыта или как значимые при любом составе опыта. Они понимаются как продиктованные не структурой мира и не опытом, а исключительно целью мышления. Они не могут быть выведены из норм грамматики или из законов психологии. Они абсолютны в том смысле, что не зависят от структуры реальности и от содержания какой-либо конкретной науки. Если бы человечество переселилось в другой мир, то оно должно было бы создать другую физику или другую химию, но если бы оно не утратило возможности приспособления к миру посредством действия, то оно сохранило бы в полном составе онтологические категории и нормы логики. В этом плане мы получаем более ясное понимание природы априорного знания. Априорное знание — это не знание, идущее от таинственного трансцендентального субъекта и вносимое в мир опыта самим субъектом, как это думал Кант, а знание, навязанное сознанию субъекта целями социума. Социальная интуиция практики формирует и закрепляет в сознании субъекта интуицию логических норм.

НОРМАТИВНАЯ И ДЕСКРИПТИВНАЯ ТРАДИЦИИ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ: ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ КОНВЕРГЕНЦИИ

Н.Л. Архиреев

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
E-mail: arkhnl@bmstu.ru arkh-nikolaj@yandex.ru*

Одной из особенностей логико-позитивистской стратегии реконструкции и анализа научного знания был её «нормативистский» характер – использование искусственных языков со строго определённой семантикой и требование реконструкции научных теорий в виде множества предложений формального языка, упорядоченного отношением дедуктивной выводимости. Моделью развития научного знания, вытекавшей из подобных представлений, была модель линейного кумулятивного роста, в которой предложения предшествующих теорий рассматривались как логические следствия предложений последующих теорий. Постпозитивистские критики указали на несоответствие указанной модели реальной истории науки. В результате под сомнение была поставлена сама целесообразность использования формально-логических методов при анализе структуры и динамики научного знания. Однако, превращение философии науки в сугубо дескриптивную дисциплину растворяло её в различных исторических, социологических и социально-психологических исследованиях, лишая самостоятельного статуса. Основой возможного синтеза дескриптивного и нормативного подходов в философии науки может быть теоретико-множественная (структуралистская) стратегия анализа научного знания.

Ключевые слова: Нормативизм, дескриптивизм, стандартная трактовка теории, модель теории, структурализм

NORMATIVE AND DESCRIPTIVE TRADITIONS IN PHILOSOPHY OF SCIENCE: POSSIBLE STRATEGIES OF CONVERGENCE

N.L. Arkhiereev

*DSc in Philosophy, Professor of Department of philosophy
Moscow State Technical University named after N.E. Bauman
E-mail: arkhnl@bmstu.ru arkh-nikolaj@yandex.ru*

One of the peculiarities of a strategy of reconstruction and analysis of scientific knowledge proposed by logical positivism was its normative character, i.e. usage of artificial languages with strictly defined semantics and requirement of theory representation as a set of statements of some formal language, ordered by deduction relation. A model of development of scientific knowledge which ensued from these principles was the model of linear cumulative growth, which presupposes possibility of logical derivation of statements of the former theory from the statements of the subsequent one. Discrepancy between this model and real history of science was underscored by postpositivists. As a result the whole idea of application of formal methods to the analysis of structure and dynamics of scientific knowledge was called into question. However, interpretation of philosophy of science as a purely descriptive subject reduces it to various historical, sociological and psychological investigations. Set-theoretic strategy of analysis of scientific knowledge can be a basis of possible synthesis of descriptive and normative approaches in philosophy of science.

Keywords: Normativism, descriptivism, standard view of a theory, theory model, structuralism

Постпозитивистская философия науки строилась как последовательная критика основных элементов философско-методологической программы логического позитивизма. В частности, оппоненты данной программы указывали на невозможность формулировки универсальных критериев различения аналитических и синтетических высказываний, на недостаточность верификационной теории значения и осмысленности предложений теории, на «теоретическую нагруженность» научного факта – невозможность существования нейтрального языка описания, что дискредитировало постулируемую логическим позитивизмом «фундаменталистскую» идею обнаружения и фиксации некоторых безусловных основ научного знания.

Особенно ожесточённой критике подверглась идея использования искусственных, формальных языков для выявления структуры теории и подчеркнуто «нормативистская» трактовка научной теории – представление теории в виде множества предложений формального языка, связанного отношением логического следования. Элементарной единицей методологического анализа оказывалась отдельная теория, а моделью развития научного знания, которая естественным образом вытекала из данной трактовки, была модель кумулятивного линейного роста, при котором предложения предшествующей теории, относящейся к некоторой предметной области, могли быть дедуктивно выведены из предложений последующей.

Парадигмальная модель развития научного знания Т. Куна и методология исследовательских программ И. Лакатоса являются классическими историко-дескриптивными альтернативами указанной абстрактной схемы. При этом, если Лакатос изменил «масштаб» минимальной единицы методологического анализа (такой единицей оказывалась исследовательская программа – последовательность развивающихся во времени теорий, относящихся к некоторой предметной области и объединённых общим концептуальным ядром), то Кун явным образом указал, что подлинным субъектом научного поиска всегда является определённое научное сообщество, объединённое принадлежностью некоторой парадигме [1], [2].

При этом, однако, радикальный отказ от формально-логических методов анализа структуры и динамики научного знания и абсолютизация революционного характера «парадигмальных» сдвигов поставили под вопрос оправданность существования философии науки в целом. Одним из центральных понятий программной работы Т. Куна «Структура научных революций» является понятие парадигмы. В самом общем смысле парадигма определяется как концептуальная схема, представляющая разделяемые научным сообществом идеалы и нормы научного исследования. Исследователь творчества Т. Куна Маргарет Мастерман, лингвист и философ, известная своими работами в области математической лингвистики и теории машинного перевода, выделила,

по меньшей мере, 21 (!) различную трактовку термина «парадигма» в работах Куна [3]. Кроме того, важнейшие проблемы формулировки критериев сравнительной оценки парадигм, моделирование отношения различных парадигм к одной и той же предметной области, особенности использования понятия парадигмы при решении конкретных научных задач, наконец, проблема моделирования процессов возникновения, развития и смены парадигм в работах Куна не только не были успешно решены, но даже не могли быть сформулированы явным образом, поскольку для корректной экспликации указанных проблем необходим строгий логический и концептуальный аппарат.

Сама возможность развития философии науки как чисто «описательной» дисциплины, не прибегающей к формально-логическим методам реконструкции и анализа научных понятий, теорий, гипотез кажется весьма сомнительной, превращает её в целиком вторичную, «эпифеноменальную» по отношению к реальной науке дисциплину.

Основой возможного синтеза нормативной и дескриптивной традиций в философии науки может быть так называемая теоретико-множественная стратегия анализа научного знания. Данная стратегия в качестве основного понятия использует понятие формальной модели в смысле А. Тарского, допускает (с определёнными оговорками) оценку теорий как истинных или ложных и в большей степени, чем логико-позитивистская стратегия, соответствует способу характеристики научных теорий, принятому в реальной научной практике.

В работах Дж. Снида, В. Штегмюллера, В. Бальцера, К. У. Мулинеса [4], [5] предложена структуралистская стратегия анализа строения и динамики научного знания, являющаяся технически наиболее разработанной версией исходной теоретико-множественной программы. В рамках данного подхода были предложены естественные экспликации понятий «парадигма» и «исследовательская программа», введенных в трудах представителей «исторического» направления в философии науки. Предложенная В. Штегмюллером техника формализации указанных понятий, позволяющая построить (частично) формализованные модели развития научного знания, была достаточно высоко оценена самим Т. Куном [6]

В самом общем виде в формальной семантике под моделью теории обычно понимают некоторую возможную реализацию теории, выполняющую её аксиомы. В свою очередь, возможной реализацией теории является теоретико-множественный объект соответствующего логического типа – например, упорядоченная последовательность элементов $\langle D, R, F \rangle$, где D – некоторое произвольное непустое множество объектов, R – непустое множество отношений различной местности, определённых на D , F – множество (возможно, пустое) предметных функций (операций), определённых на D . Данная конструкция является моделью теории, если только все предложения (аксиомы) теории истинны при их интерпретации в терминах $\langle D, R, F \rangle$.

Уточнение структуры теории понимается как описание класса (иерархии) её реальных и потенциальных моделей, который частично определяется списком её аксиом (фундаментальных законов).

Структурные аксиомы определяют класс потенциальных моделей M_p (возможных реализаций) некоторой теории – фиксируют формальные свойства базисных множеств D моделей теории, свойства заданных на них функций и отношений. Собственные аксиомы теории характеризуют класс реальных моделей теории M – таких её возможных реализаций, которые выполняют к.-л. из её фундаментальных законов (к примеру, в механике Ньютона второй её закон представляет собой собственную аксиому теории, а неявно подразумеваемое при его формулировке условие дифференцируемости функции координаты – структурное условие). Структуралистская программа принимает тезис о невозможности «беспредпосылочного» знания, поэтому дескриптивными элементами базисных множеств D некоторой теории оказываются неопределимые в ней явным образом понятия. Подобные понятия заимствуются из категориального аппарата смежных/ ранее построенных теорий или из обыденного языка. Те потенциальные модели теории, базовые множества которых содержат в качестве своих элементов только не определимые в данной теории понятия и не содержат функций и отношений, заданных на этих элементах, называются частичными потенциальными моделями данной теории M_{pp} . Именно они оказываются инструментом первичной концептуализации предметной области теории – описания множества её предполагаемых моделей I . Помимо указанных множеств моделей M , M_p , M_{pp} и соответствующих им групп аксиом, так называемое формальное ядро K некоторой теории T включает ограничения S , описывающие допустимые отношения между различными приложениями T (сочетания потенциальных моделей одной и той же теории), и межтеоретические связи L – отношения редукции, эквивалентности, аппроксимации, заданные на моделях различных теорий.

Упорядоченное множество $\langle K, I \rangle$ называется *элементом теории*. Элемент теории является минимальной структурной единицей анализа научного знания, допускающей формулировку

фундаментальной эмпирической гипотезы теории о возможности успешного применения K для решения задач из области I . В чисто теоретико-множественном смысле фундаментальная эмпирическая гипотеза теории имеет вид: $I \subseteq \langle M_p, M \rangle$.

При помощи единичных элементов теории могут быть описаны прикладные эмпирические теории, определяемые частными законами - теория упругости, классическая теория гравитации, газовая теория ван дер Ваальса. Теории в собственном смысле (например, классическая механика в целом) могут быть представлены как упорядоченные последовательности «атомарных» элементов теории. Подобные последовательности называются сетями теорий N и рассматриваются в структуралистской программе в качестве основного инструмента «синхронного», статического анализа науки.

Основным элементом диахронического анализа науки оказывается *эволюция теории* (theory-evolution) E . С формальной точки зрения данный объект представляет собой последовательность (систему) сетей теории N , выполняющих некоторые дополнительные условия.

Результатом научной революции, согласно Куну, является радикальная несоизмеримость научных теорий. В теоретико-модельной терминологии это можно истолковать как пустоту пересечения базовых множеств D всех моделей, входящих в состав обеих теорий. Очевидно, однако, что подобное представление является гиперболизированным - несоизмеримость теорий должна по преимуществу пониматься как *градуированное, а не дихотомическое понятие*, и только в этом виде оно может быть успешно применено к анализу реальной истории науки. К примеру, кеплерова и ньютонова теории планетарных движений представляются менее несоизмеримыми, чем классическая механика и общая теория относительности.

Современным этапом развития теоретико-модельной стратегии является когнитивный подход в философии науки, дополняющий указанные выше понятия актуальными данными когнитивной психологии и исследований в области ИИ. Семейства моделей, принятые в структуралистской стратегии за основу описания научных теорий, рассматриваются в рамках указанного подхода как ментальные модели, репрезентации, когнитивные карты, фреймы и т.п. Данная стратегия позволяет выявить внутренние механизмы «парадигмальных сдвигов» и представить большинство из них как постепенные и рациональные процессы [7].

Литература

1. *Kuhn T.S.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: The University of Chicago Press, 1970. 212 p.
2. *Lakatos I.* Falsification and the Methodology of Scientific Research Programs // Criticism and the Growth of Knowledge / Ed.by I. Lakatos and A. Musgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 91–195.
3. *Masterman M.* The Nature of a Paradigm // Criticism and the Growth of Knowledge / Ed. by I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 59–89.
4. *Balzer W., Moulines C., Sneed J.* An Architectonic for Science. The Structuralist Program. Dordrecht: Reidel Publishing Company, 1987. 439 p.
5. *Stegmüller W.* The Structure and Dynamics of Theories. N.Y.: Springer Science+Business Media, 1976. 284 p.
6. *Kuhn T.S.* Theory-Change as Structure-Change: Comments on the Sneed Formalism // Erkenntnis. 1976. № 10. P. 179 – 199.
7. Thagard Paul. Computational Philosophy of Science. MIT Press, 1989. 238 p.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЛОГИКИ

В.А. Серкова

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Логика оставалась предметом аналитики на всем протяжении формирования феноменологической теории Э. Гуссерля. Направление его интереса в логике, - от исследования формальных структур в «Логических исследованиях» до анализа

преодоления нормативных границ формального регулирования деятельности сознания в целом в «Феноменологии внутреннего сознания времени», в «Формальной и трансцендентальной логике», в «Опыте и суждении». Предметно это выражается в сдвиге интересов Гуссерля от формальных структур разных видов суждения к анализу темпорального конституирования предметов сознания, и от логического анализа к дескриптивной аналитике. Формальная логика «не успевает» выразить всю сложность происходящих в предмете изменений, на этом основании Гуссерль анализирует возможности выражения этой рефлексивной «очевидности» работы сознания.

Ключевые слова: формальная логика, феноменология, очевидность, темпоральные синтезы сознания, Гуссерль

THE PHENOMENOLOGICAL DIRECTIONS OF LOGIC

V.A. Serkova

DSc in Philosophy, Professor

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Logic has remained a subject of analysis throughout the formation of E. Husserl's phenomenological theory. The direction of his interest in logic, from the study of formal structures in "Logical Studies" to the analysis of overcoming the normative limits of formal regulation of consciousness activity as a whole in "Phenomenology of Internal Time Consciousness", in "Formal and Transcendental Logic", in "Experience and Judgment". Objectively, this is expressed in the shift of Husserl's interests from formal structures of different kinds of judgment to the analysis of the temporal constitution of objects of consciousness, from logical analysis to descriptive analytics. Formal logic "does not have time" to express the full complexity of changes occurring in the subject, and on this basis Husserl analyzes the possibilities of expressing this reflexive "obviousness" of the work of consciousness.

Keywords: formal logic, phenomenology, obviousness, temporal syntheses of consciousness, Husserl

С формированием неклассических систем логика XX века, наряду с математикой, переживает свое второе рождение. Философия Эдмунда Гуссерля с самого начала была ориентирована на исследование логики и языка как нормативных основ, определяющих деятельность сознания. К проблемам логики Гуссерль специально обращался, начиная с фундаментального труда «Логические исследования», благодаря которому он вошел в философское академическое сообщество, затем в работе 1929 года «Формальная и трансцендентальная логика» и в «Опыте и суждении», изданном после смерти Гуссерля в 1939 году. Однако логическая проблематика входит практически во все его работы, включая такие значимые как «Идеи к чистой феноменологии» и «Феноменология внутреннего сознания времени». Гуссерль ведет курсы логики в Геттингенском и затем во Фрайбургском университетах. Интерес к логике связывает его с Готтлобом Фреге, - их переписка оживает всякий раз, когда выходят их работы, так или иначе связанные с вопросами логики. Для Фреге и Гуссерля очевидно, что логика управляет производством всякого научного знания. Фреге идет по пути формирования символического языка логики, очищенного от множества отягощающих смысл напластований «живого» языка. В письме Гуссерлю 1906 г. Фреге пишет: «Задача логики не может состоять в том, чтобы следовать языку и выяснять, что заключено в языковых выражениях. Каждый, кто хочет научиться логике из языка, подобен взрослому, который хочет научиться мыслить у ребенка. Когда люди создавали язык, они находились на уровне детского образного мышления. Языки не создавались по логической линейке. И логическое в языке сокрыто за образами, которые не всегда верны» [1, 158]. Создание формализованного нормативного языка и основанной на нем символической логики – вот подлинно научные задачи для Фреге.

Иное, противоположное направление приобретает исследование логики и языка у Гуссерля. В чем особенность гуссерлева отношения к логике? Основой феноменологической аналитики является принцип феноменологической редукции. Смысл ее состоит в утверждении что, мы в опыте «внешнего мира» имеем дело не с объектами «реальности», а с феноменами, особого рода сущностями, - продуктами сознания, которые проявляются в качестве предметов, наделенных определенными (ясными или неясными, адекватными или неадекватными, очевидными или неочевидными) смыслами.

Реальность конституируется в формах феноменов сознания. Предметно-смысловые структуры феноменов зависят от тех способов, какими они производятся в сознании. Феномен может быть дан, благодаря восприятию (одна из фундаментальных основ предмето-образования, признанная и описанная Гуссерлем), либо предмет (как один из элементов феномена) может быть произведен в воображении, либо он является в припоминании, либо еще как-то конституируется сознанием [2, §§ 76-86]. Описанием множества способов порождения феноменов и занимался на протяжении всей своей интеллектуальной деятельности Гуссерль. Сознание непрерывно продуцирует феномены. Множество феноменов сосуществуют в потоке сознания, и поскольку это процесс индивидуальный, не унифицируемый как живое конкретное непрекращающееся производство феноменов, он может быть дан только дескриптивно по ходу своего осуществления. Феномены проявляются в потоке сознания по принципу их интенциональной определенности, данности, первичной самоочевидности. В этом процессе уникального конституирования не может быть универсальной нормативной управляющей сознанием системы. Существуют, разумеется, формальные нормы смысло-образования, к их числу относятся логика и язык, как структуры определенного порядка конституирования и описания. Сознание их использует, исходя из своих разнообразных целей, но с легкостью преодолевает их ограниченность и формирует новые нормы или вовсе отказывается от норм, совершая при этом ошибки и коррелируя их новыми возможностями смысло-полагания в конституировании феноменов. Другими словами, дескриптивная аналитика не исключает норму как форму мышления, но, по большому счету, Гуссерля интересуют такие структуры сознания, которые выражают его работу как спонтанные циклы понимания реальности в разнообразных проявлениях, как непрерывная феноменологическая работа сознания.

Гуссерль ставит задачей формирование трансцендентальной логики, охватывающей весь возможный опыт *geell*-сознания, которая бы не навязывала формальные правила, отвлеченные от живого опыта сознания. Логика должна быть способной выразить полноту и сложность феноменального мира. Сознание работает не только «по правилам», но и вопреки им, итогом этого преодоления должно быть преобразование логического порядка, способствующего переходу (скачку) к новой более гибкой или более сложно организованной логической структуре. Трансцендентальная логика должна быть способной выходить за пределы своих нормирующих оснований, поскольку сознание производит продуктивные и непродуктивные ошибки понимания, и потому должна содержать различные блоки перверсивных операций, выражать конфликты форм и структур упорядочивания и много чего другого, что бы входило в круг исследований открытых и более сложных связей внутри сознания. Гуссерль продемонстрировал такого рода задачи в «Феноменологии внутреннего сознания времени». Механизмы временных синтезов сознания выражаются благодаря нормам и структурам порядка, но во многом, вопреки этим нормам. Так в формировании темпоральных структур сознания Гуссерль выявляет такого рода «нарушения», которые он описывает как действия сложных механизмов сознания. Действительно, когда мы феноменологически описываем работу сознания в формах пассивных или активных временных отношений, мы пытаемся вслед за Гуссерлем показать, что простое «видение», например, пейзажа за окном, - это процесс непрерывного присоединения моментов времени как мгновенных снимков того, что происходит, что разворачивается перед наших созерцающим взором, при этом эти мгновенные снимки могут не совпадать, и тогда мы вынуждены отказаться от формального логического основания «тождества X», при этом сохраняя растождествлённый предмет как единство многообразных содержаний относительно этого «X». Например, в пейзаже проявляется живое существо, которое становится его предметным центром, и его исчезновение из видимого ограниченного пространства полностью меняет предметную сущность («предметную тождественность») этого пейзажа, и благодаря этому, мы вынуждены внести в наше «простое созерцание» акт (активную форму) его конституирования, - внимание к его конкретной созерцательной наполненности. Пейзаж непрерывно и радикально меняется, оставаясь тождественным интенциональным предметом. Как это логически выразить, как отразить несовпадающие многообразные смыслы (конкретные содержания? В «Формальной и трансцендентальной логике» Гуссерль обобщает свой опыт работы с феноменами, не укладывающимися в рамки их формального логического конституирования: «Логика, однако, и особенно современная логика со времен сочинения Локка, стремится прояснить свой смысл из источников "внутреннего опыта", она отмечена предрассудками в обычном дурном смысле этого слова. И худший из всех предрассудков здесь – это предрассудок относительно доказательств» [4, 244].

А. Тарский дал свое расширительно-ограничительное решение этого вопроса. Интерес к предметной сущности и способам его формирования, - одна из важнейших проблем исследовательского поля логиков, напр., К. Твардовского [3] или А. Майнонга («предмета как такового

в его всеобщности» [4, 203]). Предметность (по выражению Майнонга, «все то, чему мы даем название» [5, 75]) исследовалась Гуссерлем как основа деятельности сознания в «Логических исследованиях» и в «Формальной и трансцендентальной логике» в формах именованности, как фиксированное «простое X», как «подразумеваемое как таковое», как трансцендентное и имманентное единство, как так или иначе фиксированная сущность.

Однако предмет как элемент феномена, с точки зрения Гуссерля, радикально меняется, находясь в процессе непрерывного растождествления в процессе наделения его смыслами в различных модификациях сознания.

Вклад Гуссерля оказался не оценённым, - в «Логико-философских исследованиях» Г. Фон Вригт даже не упоминает имени Гуссерля в обзоре главных представителей логики XX века. Тому есть объяснения, - фон Вригт как представитель аналитической философии принадлежит к иной традиции. Но может взаимное движение к пониманию двух традиций, аналитической и феноменологической, приведут к взаимному обогащению. («Пример: я читаю сложную книгу по философии и ничего на первых порах в ней не понимаю, но в процессе ее освоения мне становятся очевидными некоторые вещи, если я продолжаю прикладывать усилия, то можно привести мои знания к нозме – «согласованному единству смысла») [7, 70]. И может быть, именно благодаря Гуссерлю «любое смутное сознание в установке трансцендентальной редукции может быть опрошено о том, соответствует ли ему полагаемый в модусе «он сам» предмет» [8, 132-133].

Литература

1. *Фреге Г.* Письма Г. Фреге Э. Гуссерлю // Избранные работы. М. 1997. С. 154-159.
2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии. М. 1999. 336 с.
3. *Твардовский К.* К учению о содержании и предмете представлений // Логико-философские и психологические исследования. М., 1997. С. 38-160.
4. *Husserl E.* Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft, Niemeyer, Halle 1929. 298 s.
5. *Майнонг А.* О теории предметов // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. №1. С. 202-229.
6. *Вригт Г. фон.* Логико-философские исследования. Избранные труды. М. 1986. 593 с.
7. *Серкова В.* Феноменология культуры. СПб. 2010. 138 с.
8. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб. 1994. 320 с.

И.Н. БРОДСКИЙ, А.Н. КНИГИН И НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ ПО СИМВОЛИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ НА ФИЛОСОФСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ЛГУ*

Ю.Ю. Чернокутов

*Кандидат философских наук, доцент кафедры логики
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: chernoskutov@mail.ru*

В статье рассматривается начало исследований в области символической логики на кафедре логики философского факультета ЛГУ. Отмечается, что эти исследования собственно сотрудниками и аспирантами кафедры начались ровно в 1956 году в результате довольно резких перемен. Кратко рассматривается работа И.Н.Бродского над курсом символической логики. Основное внимание уделяется рассмотрению и анализу первой диссертации, представлявшей собой попытку осмысления содержания и целей математической логики в рамках материалистически истолкованной традиционной логики, которая была защищена на кафедре логики в 1957 году А.Н.Книгиным. Описывается её структура, основное содержание и главные выводы. Обращается внимание на её роль в историческом контексте исследований по философской логике в СССР, в частности, что это была едва ли не первая в стране диссертация по математической логике, защищённая философом.

Ключевые слова: Бродский, Книгин, математическая логика, традиционная логика

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00144.

I.N. BRODSKY, A.N. KNIGIN AND THE START OF SYMBOLIC LOGIC RESEARCHES AT THE PHILOSOPHICAL FACULTY OF LENINGRAD UNIVERSITY**

Yu.Yu. Chernoskutov

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Logic
St. Petersburg State University
E-mail: chernoskutov@mail.ru*

The paper deals with the start of the researches in the field of symbolic logic at the department of logic of philosophical faculty of Leningrad university. It is pointed that the researches by proper staff and aspirants of the department of logic were outbreak exactly in 1956 as a result of sharp changes. The work of I.N.Brodsky on the course of symbolic logic is shortly outlined. The principal attention is paid to the examination and analysis of the first theses, defend by A.N.Knigin at the department of logic in 1957, which was an effort to comprehend the content and aims of mathematical logic in the framework of materialist philosophy and traditional logic. Its structure, main content and principal conclusions are depicted. The attention is paid to place of the theses in the historical context of the philosophical logic investigation in the USSR, namely that it was hardly not first in the country thesis in mathematical logic defend by philosopher.

Keywords: Brodsky, Knigin, Traditional Logic, Mathematical Logic

Первый опыт преподавания логики на философском факультете относится к 1949-50 гг. и связан с именами А.А.Маркова и Н.А.Шанина. Тогда предложенный ими курс математической логики был встречен коллективом кафедры логики настороженно. К протоколу заседания кафедры от 7 апреля 1949 г. приложены адресованные декану Д.М.Михайлину пожелания по учебному плану на 1949/50 учебный год, где, среди прочего, предлагается сократить курс математической логики более чем втрое, со 100 до 30 часов, а «освободившиеся семьдесят (70) часов использовать для курса лекций по истории русской логики» [1]. Какое решение было принято по поводу этого «пожелания», нам на текущий момент неизвестно. Но этот сюжет был воспроизведён через пять лет, в ноябре 1954 года. Тогда, при обсуждении проекта нового учебного плана философского факультета кафедра постановила: «Для специализации логики ввести курс «Язык и мышление» в объёме 68 часов за счет сокращения объема курса математической логики с 136 до 68 часов» [2]. О том, что этот курс не воспринимался в тот период как нечто принципиально важное для логического образования, свидетельствует и тот факт, что до конца 1950-х гг. дипломных работ по связанным с ней темам на кафедре не защищалось.

Переломным стал 1956 год. Очевидно, что это связано с изменением общей политической и идейной обстановки в стране. Молодому сотруднику кафедры И.Н.Бродскому поручается подготовка курса по символической логике. План подготовленного им курса был утвержден на заседании кафедры 4 октября 1956 года. Книгин и Ильин в ходе обсуждения единодушно отметили, что положенный И.Н.Бродским в основание курс Маркова-Шанина не является единственно возможным [2]. Надо сказать, что на тот момент у Бродского не было публикаций по символической логике. Как сообщает устная традиция, поручение ему разработки этого курса основывалось на личной рекомендации Н.А.Шанина.

В том же году аспирант кафедры 2-го курса Альберт Николаевич Книгин меняет ранее утвержденную тему диссертации на новую: «О соотношении традиционной и математической логики». Фактически именно Книгину принадлежат первые работы и публикации по математической логике, подготовленные воспитанником кафедру логики философского факультета ЛГУ. Впоследствии он стал профессором в Томском государственном университете; к сожалению, вскоре после переезда в Томск, произошедшего в начале 1960-х гг., он перестал заниматься математической логикой. Стоит упомянуть любопытный эпизод, случившийся в апреле 1954 г. во время защиты дипломной работы Книгина, на тот момент ещё студента, «К вопросу о классификации суждений». После вступительного слова дипломанта и ответов на вопросы научный руководитель В.В.Любимов и официальный оппонент И.Я.Чупахин зачитали свои отзывы, в которых оценили работу на «отлично». Затем свои мнения по поводу представленной работы высказали два сотрудника кафедры: Г.А.Подкорытов и Н.П.Попов. Содержание их выступлений история не сохранила, но Книгин счёл прозвучавшие критические замечания столь серьёзными, что решил ответить на них с «должной полнотой». Его заключительное

** The work is supported by the Russian Foundation of Basic Researches, grant No. 21-011-00144.

слово заняло около часа. В результате это заключительное слово заслужило отрицательные замечания и при голосовании по оценке работы за «отлично» было подано два голоса, за «хорошо» - четыре голоса [2].

Уже 6 февраля 1956 г. на заседании кафедры логики обсуждался реферат Книгина «Некоторые вопросы логических систем Буля и Девонса», который, как можно предположить, стал основой первой главы его будущей диссертации. В обсуждении реферата приняли участие И.Н.Бродский и В.В.Ильин. Согласно сохранившемуся протоколу, зав.кафедрой И.Я.Чупахин обратился с вопросами не к докладчику, но к Бродскому по поводу его критических замечаний. Относительно выступления Бродского в упомянутом протоколе сохранилось только краткое изложение: «реферат производит хорошее впечатление, толково изложены системы Буля и Девонса и дан интересный анализ их систем. С основными положениями реферата согласен, частные замечания (4 страницы) переданы автору» [2].

Сама диссертация занимает 398 страниц, в библиографии приводятся 173 источника, из них 97 на русском языке. Первая глава представляет собой краткий очерк истории развития математической логики. Она включает три подраздела: предшественники мат. логики (среди которых рассматривается только Г.В.Лейбница), алгебра логики, и самый большой параграф – «Классическая логистика», который занимает 65 страниц. Во второй главе сравнивается решение некоторых проблем в рамках традиционной и математической логик. Таких проблем в диссертации три, каждой из которых посвящен отдельный подраздел: проблема истинности и правильности (с.115-146), проблема умозаключения (146-337), проблема законов логики (338 – 366). Помимо этого, диссертация, как положено, содержит введение и заключение.

Под традиционной формальной логикой автор диссертации понимает науку «об объективных формах и законах правильного, т.е. ведущего к достижению истины, мышления» [3, 13]. Давать же определение математической логике он отказывается, оправдывая это тем, что тем самым будет определено и её отношение к традиционной логике, а это значит «предпослать работе готовое решение поднимаемого в ней вопроса». Поэтому под мат.логикой решается «понимать просто науку, содержащуюся в работах, которые признаются именно работами по математической логике [3, 13].

Изложению логических идей Г.Фреге отводится 8 страниц. Учитывая, что известная работа Б.В.Бирюкова вышла только в 1958 году, это можно рассматривать как первую попытку освещения его достижений в отечественной науке. К сожалению, этот опыт трудно признать удачным. Насколько можно судить, автор едва ли изучал труды самого Фреге. В списке литературы упоминается только одна работа последнего – «Основания арифметики», причём в английском переводе. Цитаты из других работ Фреге приводятся по вторичным источникам. Не нашло упоминания, что система Фреге оказалась противоречивой; как следствие, осталась внимания и роль этого противоречия, как и парадоксов теории множеств, в развитии современной логики. Более комплиментарно рассматривается вклад в развитие математической логики Дж.Пеано, роль которого оценивается более высоко; само направление «логистики» Книгин обозначает как линия «Фреге-Пеано» в отличие от алгебраической линии «Буля-Шрёдера». Наибольший объём (18 страниц) отведён рассмотрению логической системы Principia Mathematica Б.Рассела и А.Н.Уайтхеда. При этом основное внимание уделяется исследованию природы пропозициональных функций, связи между исчислением предложений и исчислением классов, различию между материальной и формальной импликацией. Теория типов только упоминается, а теория дескрипций и вопросы, связанные с теорией именованности не заслужили и этого. Последняя теория, получившая внимание в исторической части диссертации – формализм Гильберта. Во всех рассмотренных теориях излагаются лишь их общие принципы и лежащие в основании идеи и символы, без подробного погружения собственно в логическую технику. В ходе довольно беглого изложения основных моментов развития математической логики в 1920-30-е гг. совершенно не уделено внимания интуиционизму, но отмечается особая важность для философии многозначных и модальных логик. Следует отметить, что многозначные логики были в центре внимания А.Н.Книгина. Этой теме посвящена отдельная статья [4], которая также стала фактически первой публикацией сотрудника философского факультета ЛГУ, посвящённой символической логике. Более того, насколько мы на данный момент можем судить, это была первая публикация на соответствующую тему советского не математика, но философа. Завершается историческая часть диссертации выражением недовольства по поводу засилья в математической логике неопозитивистских трактовок её предмета и методов.

Общий вывод автора диссертации состоит в том, что «математическая логика по происхождению и фактически тесно связана с традиционной логикой» [3, 370]. Однако отождествлять математическую логику с собственно логикой, по его мнению, нельзя. Главное отличие между ними он усматривает

в аксиоматике, которая в математической логике является одной из центральных проблем, а в классической логике совсем не являлась предметом исследования. В частности, она не занималась «главными проблемами аксиоматики» - полнотой, непротиворечивостью и разрешимостью [3, 372]. Отмечается также важность различия в используемых методах: в то время как традиционная логика является классификационной и описательной, математическая логика опирается на методы формализации и теоретического обобщения. Точнее, сначала в её основе лежал метод формального анализа отношений между классами, а затем, в логистический период – метод дедуктивного построения теории. Эти методы, считает А.Н.Книгин, должны быть приняты логикой, но нельзя считать, что эти они могут заменить или отрицать традиционную логику. Завершается диссертация метафорическим выводом, основанным на аллегории Котарбинского, что науки – это разные окна в мир. Книгин хочет думать, что логика традиционная и математическая – это «разные окна, но расположенные так, что из окна математической логики видно то, или по крайней мере часть того, что видно из окна традиционной логики, но несколько под иным углом зрения, с другой стороны. Поэтому, чем чаще логики будут смотреть через это окно на свой участок мира, тем лучше» [3, 384].

Литература

1. Протоколы заседаний кафедры логики за 1947-1950 годы // Архив кафедры логики СПбГУ.
2. Протоколы заседаний кафедры логики за 1954-1957 годы // Архив кафедры логики СПбГУ.
3. Книгин А.Н. О соотношении логики математической и логики традиционной. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ленинград, 1957.
4. Книгин А.Н. О многозначных исчислениях и законе исключенного третьего // Вопросы логики. Ученые записки Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А.А. Жданова. Серия философских наук. № 247. Л., 1957. С. 29-44.

ЛОГИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

А.В. Горюнов

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
E-mail: Algor74@inbox.ru*

В статье анализируется проблема логического отрицания и противоречия. Автор предлагает новую интерпретацию логического отрицания как последовательно конструктивной логической процедуры (операции), порождающей конструктивный объект или, точнее, преобразующей исходный конструктивный объект (переменную без отрицания) в альтернативный ему. Далее, из этой гипотезы выводится ряд следствий, в частности, предлагается оригинальная классификация логических систем с отрицанием.

Ключевые слова: Логическое отрицание, логическое противоречие, конструктивный процесс, конструктивная логическая операция, логическая система, контрадикторная конструкция

LOGICAL NEGATION AS A CONSTRUCTIVE PROCESS

A.V. Goryunov

*CSc of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
E-mail: Algor74@inbox.ru*

The article analyzes the problem of logical negation and contradiction. The author offers a new interpretation of logical negation as a consistently constructive procedure that generates a constructive object or, more precisely, transforms the original constructive object (a variable without negation) into an alternative to it. Further, a number of consequences are derived from this hypothesis, in particular, an original classification of logical systems with negation is proposed.

Keywords: Logical negation, logical contradiction, constructive process, constructive

Традиционный и все ещё весьма распространённый взгляд на логическое отрицание трактует его как чисто негативную логическую операцию, указывающую на отсутствие чего-либо (объекта, свойства, отношения, положения дел и т.д.). Такой взгляд характерен не только для классической логики, но и, по крайней мере, для некоторых неклассических систем.

Однако попытки пересмотреть природу отрицания также имеют давнюю традицию. Уже Д. Буль заявляет, что отрицание не существует без утверждения, и наоборот, а, значит, во всяком утверждении содержится отрицание, и во всяком отрицании содержится утверждение [1, с. 354]. Э.Шрёдер считает, что отрицание в рамках простого суждения следует относить к предикату, а не к связке. Следовательно, отрицание говорит не о несуществовании чего-либо, а, напротив, о существовании чего-то альтернативного по отношению к выделенному предмету или классу [Там же, с. 355].

Согласно взгляду Н.А.Васильева, отрицательное суждение основано на скрытом утверждении и может иметь два варианта: 1) S есть не- P ; 2) S не есть P . В первом случае, оно является утвердительным уже по самой логической форме, а во втором – указывает на предполагаемую ложность суждения [Подробнее см.: 2, с. 94-123].

Отрицание как конструктивный процесс попытался представить А.Гейтинг. Он ввёл различие между «фактическим» и «математическим» отрицаниями. *Фактическое* отрицание говорит о несуществовании объекта или, точнее, о невыполнении мыслительного действия по его построению. Однако «невыполнение» не является конструктивным процессом. Поэтому фактическое отрицание не должно использоваться в математике и логике. С математическим отрицанием (мы будем называть его *логическим*) дело обстоит иначе. Утверждение говорит об осуществлении какого-либо конструктивного процесса. Так, утверждение о существовании объекта A выражается в форме: «Я выполнил в уме построение A ». Логическое отрицание соответствующего утверждения имеет вид: «Я выполнил в уме такое построение B , которое приводит к противоречию предположение, что можно довести до конца построение A » [3, с. 28]. Понятие же противоречия, по мнению учёного, является «первоначальным» и «интуитивно ясным». Его нельзя свести к более простым понятиям. Противоречие «всегда легко распознать», поскольку можно свести к форме $1=2$ [Там же, с. 123].

Данная идея Гейтинга продуктивна. Но для раскрытия её потенциала в эту идею необходимо внести некоторые коррективы.

Во-первых, понятие логического отрицания необходимо уточнить таким образом, чтобы оно вообще не содержало бы в себе ничего «отрицательного», т.е. стало бы понятием последовательно конструктивной мыслительной процедуры.

Мы примем следующие определения. Утверждение A означает: «Я выполнил мысленное построение, в результате которого был сконструирован объект A ». Отрицание A будет означать: «Я выполнил на основе общепринятого метода преобразование A , результатом которого является некий объект X , причём такой, что X отлично от A ($A \neq X$)». Под «общепринятым методом» здесь понимается алгоритм процедуры отрицания. Следовательно, отрицание не «запрещает» конструктивный процесс A , а, напротив, «утверждает» конструктивный процесс, который *преобразует* исходное A в альтернативный по отношению к A объект. Отличие отрицания от первого конструктивного процесса состоит в том, что на момент его осуществления мы уже должны иметь некий исходный объект A , в то время как первый конструктивный процесс порождает A из «ничего». Отсюда видно, что отрицание A представляет собой процедуру (операцию), которая «порождает» противоположность/противоположности по отношению к A .

Во-вторых, введём понятие «контрадикторная конструкция».

Контрадикторная конструкция – это совокупность противоположностей (альтернативных вариантов), которые могут быть выделены в данной логической системе, а также отношения между ними. Контрадикторная конструкция не обязательно должна быть бинарной (двучленной). Её «членность» зависит от характера используемого в данной системе отрицания.

Симметричные отрицания (отрицание классической логики, отрицание Лукасевича и т. д.) позволяют «породить» лишь один альтернативный вариант по отношению к исходной переменной. Поэтому в таких системах (классической ЛВ и ЛВ Лукасевича 1920 г.) мы имеем бинарную контрадикторную конструкцию. Но в логических системах, использующих несимметричные отрицания, можно выделить две и более противоположностей по отношению к исходной переменной. Отсюда, в таких системах могут быть сконструированы трёхчленное (тернарное), четырёхчленное (тетрарное) и т.п. контрадикторные конструкции (а в ряде случаев – соответствующие противоречия). Например, в знаменитой логике Гейтинга 1930 г. контрадикторная конструкция включает в себя три

противоположности: «а» «~а», и «~~а». В не менее знаменитой системе Поста при $m=3$ конрадикторная конструкция, состоит из шести, а при $m=4$ – из восьми альтернативных вариантов.

Далее, следует сказать об отношениях между противоположностями. Для этого противоположности следует представить как множества. Они могут находиться в отношениях несовместимости, пересечения и равнообъёмности. В последнем случае одна из тождественных противоположностей должна быть объявлена «избыточной». Определить характер отношений между противоположностями можно путём сравнения их таблиц истинности. Если две противоположности не имеют одинаковых значений истинности ни в одной строке, то они являются несовместимыми. Если две противоположности имеют совпадение значений хотя бы в одной строке таблицы истинности, и имеют несовпадение значений хотя бы в одной строке, то они находятся в отношениях пересечения, или частичной совместимости. Если же у двух противоположностей совпадают значения во всех строках, то они тождественны. Конрадикторная конструкция классической ЛВ содержит две несовместимые, а ЛВ Лукасевича – две пересекающиеся противоположности. Логика Гейтинга позволяет выделить три противоположности, из которых две («а» и «~а») несовместимы, а две («а» и «~~а») частично совместимы. Противоположности «~а» и «~~а» также являются несовместимыми [Таблицы отрицаний для данных логических систем см., напр.: 1, С. 417-424].

В-третьих, понятие противоречия не является «первоначальным» и «интуитивно ясным». Оно вторично по отношению к операции отрицания и *конструируется* на основе установления связи между исходной переменной и всеми её (построенными посредством отрицания) противоположностями. Противоречие – это определённое *отношение* между противоположностями данной конрадикторной конструкции, а именно отношение несовместимости. Не всегда противоположности, составляющие данную конрадикторную конструкцию, находятся именно в таких отношениях. Поэтому не всякая конрадикторная конструкция (т.е. конрадикторная конструкция не любой логической системы) является противоречивой (содержит в себе противоречие).

Так, отрицание классической логики позволяет сконструировать такую (и при этом единственную) противоположность по отношению к А, что конъюнкция А и ~А является противоречием, на что указывает невыполнимость формулы « $a \wedge \sim a$ » в классической логике. В то же время отрицание Лукасевича не позволяет сконструировать противоречия. Хотя А и ~А в системе Лукасевича различны, но они не являются полностью несовместимыми, а формула « $a \wedge \sim a$ » не является невыполнимой.

Вместе с тем, некоторые конрадикторные конструкции могут содержать в себе несколько противоречий и даже, более того, несколько противоречий различного уровня конрадикторности. Так, логика Гейтинга содержит одновременно и бинарное и «трёхчленное» противоречие.

Из таблицы отрицания Гейтинга видно, что противоположности «а» и «~а», а также противоположности «~а» и «~~а» взаимно несовместимы (так как у них нет совпадения значений ни в одной из строк таблицы истинности). Но противоположности «а» и «~~а» пересекаются, так как у них совпадают значения в двух строках из трёх. Поэтому здесь представимо тернарное противоречие. Конъюнкция $a \wedge \sim a \wedge \sim \sim a$ является невыполнимым выражением. Здесь представимо и бинарное противоречие: $a \wedge \sim a$ – невыполнимо в системе Гейтинга. Отрицание этих формул даёт закон недопустимости бинарного и закон недопустимости тернарного противоречия: $\sim(a \wedge \sim a)$, $\sim(a \wedge \sim a \wedge \sim \sim a)$.

Всё сказанное заставляет пересмотреть определение понятия противоречивости (непротиворечивости) логической системы. Обычно противоречивыми называют системы, где одновременно доказуемы формулы В и ~В [См., напр.: 4, с. 58-59]. Противоречие мыслит исключительно бинарным и один из создателей паранепротиворечивой логики бразильский учёный Н. да Коста, что, кстати говоря, влияет и на данное им определение самой паранепротиворечивой логики [5, с. 117]. Однако, как мы видим, это не всегда так – здесь следует принимать во внимание уровень конрадикторности и характер конрадикторной конструкции данной логической системы.

Наконец, мы можем построить оригинальную классификацию чётких экстенциональных логик с отрицанием.

По **уровню конрадикторности** логики могут быть разделены на биконрадикторные (бинарные), триаконрадикторные (тернарные), тетраконрадикторные (тетрарные), пентаконрадикторные (пентрарные) и т.д. в зависимости от числа противоположностей, которые позволяет выделить данная система. Чисто умозрительно можно предполагать и возможность бесконечноконрадикторных логик.

По **характеру конрадикторной конструкции** логики могут быть разделены на строгие, нестрогие и полунестрогие. *Строгими* мы называем логические системы, конрадикторные конструкции которых содержат только несовместимые противоположности, т.е. здесь нет

пересекающихся противоположностей. Таковой, например, является классическая ЛВ. *Нестрогими* будем называть логические системы, в которых каждая из противоположностей пересекается со всеми другими противоположностями, т.е. нет ни одной пары несовместимых противоположностей и, следовательно, противоречие как таковое не представимо. Для случая бинарных логик нестрогой является логика Лукасевича 1920 г. *Полунестрогими* являются логические системы, в контрадикторных конструкциях которых есть хотя бы одна пара несовместимых противоположностей, и хотя бы одна пара пересекающихся противоположностей. Таковы тернарная логика Гейтинга 1930 г., а также система Поста (при $m > 2$).

Литература

1. Гетманова А. Д. Логика: учебник для педагогических учебных заведений. М., 2002
2. Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды. М., 1989.
3. Гейтинг А. Интуиционизм. М., 1965.
4. Клини С. К. Математическая логика: Пер. с англ. М., 1973.
5. Н. да Коста. Философское значение паранепротиворечивой логики // Философские науки. М., 1982. № 4.

КАТЕГОРИИ СЕМАНТИКИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ ДЛЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Г.В. Арапова

Соискатель

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

E-mail: gala773@yandex.ru

На протяжении XX века было множество попыток построить эпистемические формальные системы, основанные на семантике возможных миров, моделирующие рассуждения с высказываниями о знании. Тем не менее, вопрос о том, как образуются множества возможных миров, как правило, не исследуется. Тогда как для формирования множества возможных миров можно использовать разные онтологические предпосылки. В связи с этим, предлагается исследование различных параметров влияющих на построение множеств возможных миров. Выделяется группа объективных и субъективных параметров, изучается их взаимное влияние на образование множества возможных миров. Таким образом, предполагается создание инструмента семантико-философского анализа эпистемических контекстов.

Ключевые слова: знание, возможность, эпистемическая логика, модальность, модальная логика, семантика возможных миров

THE CATEGORIES OF POSSIBLE WORLDS SEMANTICS FOR EPISTEMIC LOGIC

G.V. Arapova

Competitor of a scientific degree of candidate

Lomonosov Moscow State University

E-mail: gala773@yandex.ru

During the 20th century there were a lot of attempts to build formal epistemic logics, based on the possible worlds semantics modeling the reasoning about knowledge. However, the problem of the set of possible worlds appearing at the moment of reasoning isn't studied yet. Though it's possible to take various ontological presuppositions. That's why it is proposed to explore different aspects which influence the formation of the set of possible worlds. These aspects are divided into two groups: objective ontological aspects and subjective epistemic ones, and their mutual influence is regarded. So, it allows to create an instrument of the analysis of epistemic context.

Keywords: knowledge, possibility, epistemic logic, modality, modal logic, possible worlds semantics

«Семантика возможных миров – это метод логического анализа модальных и интенциональных понятий, основу которого составляет рассмотрение мыслимых положений дел.» [1, с. 1] Понятия возможности, возможных миров и знания используются в различных модальных эпистемических логиках, однако системные обобщающие исследования, которые бы связывали эти понятия между собой, отсутствуют.

Целью работы является исследование того, как происходит формирование различных мыслимых положений дел в процессе рассуждения, иначе говоря, как образуются множества возможных миров. Задачами являются построение классификации параметров влияющих на формирование множеств возможных миров; определение того, как эти параметры соотносятся между собой (например, детерминизм и физическая возможность); построение общей классификации различных множеств возможных миров. При этом множества возможных миров рассматриваются безотносительно к какой-либо определённой логической системе или семантике возможных миров.

Выделим два основных варианта определения возможного мира: как совокупности фактов, которые описываются атомарными высказываниями; или же как множества атомарных высказываний, описания состояния. Понимая миры, как факты, ситуации или «мыслимую совокупность дел» [2, с. 152], мы рискуем столкнуться с бесконечными вариантами описания самых простых ситуаций, поэтому иногда удобно представлять возможный мир как описание состояния. Пусть L – описание возможного мира w , которое состоит из множества атомарных высказываний $\{p_1, p_2, \dots, p_n\}$ (которое может быть конечным/бесконечным, полным/частичным). Множество возможных миров W определяется как множество альтернативных описаний развития событий. Внутри этого множества предполагается выделенный мир w_0 , который является актуальным миром, но агент не знает, какой из миров является миром w_0 . К факторам, влияющим на образование множества возможных миров, можно отнести две большие группы параметров: объективные, не зависящие от субъектов рассуждения, и субъективные, зависящие от субъектов.

1. Объективные (онтологические) параметры можно разделить:

1. по типам возможности:

1.1. логически возможные миры: основной критерий – соответствие законам логики, а новые возможные миры появляются тогда, когда рассматриваются события, логически несовместимые в одном мире;

1.2. физически возможные миры: соответствие законам природы, но в разных возможных мирах законы природы неизменны, а новые возможные миры возникают не вследствие того, что некий факт подчиняется другим законам, а вследствие того, что законы природы допускают существование случайных событий, и такие случайные события будут составлять подклассы фактически возможных миров.

2. по степени детерминированности [3], которая может быть как частичной (некоторые положения дел детерминированы, некоторые нет), так и полной все положения дел детерминированы, или все положения дел индетерминированы; а так как детерминизм зависит от наличия детерминирующих факторов, следует добавить наличие или отсутствие *исходного* набора положений дел (*детерминирующего* другие положения дел);

2.1. детерминированные возможные миры с исходным набором фактов ($Ont_{det-full}$) – определяемые набором законов природы и набором исходных фактов, не допускающих случайных событий образуют один возможный мир, совпадающий с актуальным, все события являются необходимыми (а физической возможности не существует);

2.2. детерминированные возможные миры без исходного набора фактов ($Ont_{det-none}$) – определяются набором законов природы, но в связи с тем, что нет исходного набора фактов, из которых будут с необходимостью следовать все другие, сохраняется возможность относительно этого набора фактов, могут быть разные наборы, а значит разные возможные миры;

2.3. частично ин/детерминированные возможные миры – не зависимо от того имеются или нет исходные данные, законы природы для данного множества миров так устроены, что часть событий является объективно случайной (например, окрас коровы генетически детерминирован как пятнистый, но никаким образом нельзя определить размеры и рисунок этих пятен), а значит существует физическая возможность и не все события являются необходимыми;

2.4. полностью индетерминированные возможные миры – все события являются возможными, случайными (описание событий, для которых набор правил ещё не определён).

3. по отношению к прошлым/будущим положениям дел;

3.1. в описании прошлых событий актуальный мир w_0 существует как в детерминированных, так и в индетерминированных мирах;

3.2. в описании будущих событий актуальный мир w_0 существует только в детерминированных мирах с исходными данными.

Рассмотрим в таблице некоторые из полученных множеств возможных миров, образованных по некоторым параметрам.

	Наличие w_0	Содержание w_0	Множество W	Отношения
Ont_{det-full}	есть	$w_0=\{p_1,\dots,p_n\}$	$W_{det-full}=\{w_0\}$	$W_{det-full}\subset W_{indet}$
Ont_{det-none}	нет	$w_0=\{\emptyset\}$	$W_{det-none}=\{w_1,\dots,w_n\}$	$W_{det-none}\subset W_{indet}$
Ont_{indet-past}	есть	$w_0=\{p_1,\dots,p_n\}$	$W_{indet-past}=\{w_0,\dots,w_n\}$	$W_{det}\subset W_{indet}$
Ont_{indet-fut}	нет	$w_0=\{\emptyset\}$	$W_{indet-fut}=\{w_1,\dots,w_n\}$	$W_{det}\subset W_{indet}$

II. Субъективные параметры, основанные на характеристике знания:

1. по степени осознанности самого знания и возможных положений дел, которые логически следуют из него;

1.1. имплицитное знание (K_{im}): при наличии некоторого набора известных данных, все логически выводимые из них данные также считаются известными (потенциально), но так как набор известных данных ограничен, полного логического всеведения не возникает, хотя объём имплицитного знания всегда больше объёма эксплицитного). С точки зрения имплицитного знания. Миры имплицитного знания, всё то, что совместимо со знанием агента.

1.2. эксплицитное знание (K_{ex}): только то, что агент знает и осознаёт;

2. по степени рациональности агента, знания логических законов:

2.1. возможные миры рационального агента (описания возможных миров могут не соответствовать законам природы, но рассуждения, не содержащие логических ошибок, не приводят к противоречивым описаниям); степень рациональности агента может быть различной, но чем «рациональнее» агент, тем меньше возможных миров, и чем менее рациональный агент, тем больше возможных миров;

2.2. возможные миры нерационального агента (K_{ir}), содержащие противоречия в рамках одного возможного мира, вследствие логических ошибок (множество невозможных возможных миров).

	K_{im}	$K_{im}=\{w_0,\dots,w_n\}$	$K_{omn}\subset K_{im}$
	K_{ex}	$K_{ex}=\{w_0, w_1,\dots,w_n, v_1,\dots,v_n\}$	$W_{indet}\cap K_{ex},$ $K_{im}\subset K_{ex}$
	K_{ir}	$K_{ir}=\{w_0,\dots,w_m, v_1,\dots,v_n, u_1,\dots,u_n\}$	$K_{ir}\cap W_{indet},$
	$K_{l,omn}$	$K_{l,omn}=\{w_0,\dots,w_n\}$	$W_{det-full}\subset K_{omn}\subset W_{indet}$
	K_{omn}	$K_{omn}=\{w_0\}$	$K_{omn}\subset W_{indet}$

В итоге анализа различных множеств возможных миров по выбранным параметрам были выявлены некоторые закономерности. Определение множества возможных миров с точки зрения детерминизма/индетерминизма может сужать множество возможных миров до единичного. При этом даже если мы допускаем, что мир детерминирован, то в рассуждениях всегда будем неизбежно рассматривать как индетерминированный,

что совершенно естественно, ведь мы не знаем, какой из возможных миров является актуальным w_0 , а значит в науке мы всё же исходим из эпистемически возможных миров, а детерминизм может быть лишь неким абстрактным образом, который заставляет нас продолжать искать объяснения всем фактам, даже тем, которые нам видятся на данном этапе случайными. Для решения проблемы формализации контекстов знания необходимо, определиться в какого рода возможные миры мы вводим утверждение о знании, ведь знание – это всегда знание о некотором положении дел в некотором каким-то образом «устроенном» мире. Сама по себе эпистемическая возможность не основана на каких-либо закономерностях, а лишь на знании/незнании других видов закономерностей или фактов.

Литература

1. Герасимова И.А. Возможных миров семантика // Новая философская энциклопедия
2. Смирнова Е.Д. Логика и философия. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 304 с.
3. Арапова Г.В. Семантика возможных миров для эпистемической логики // Текст в социальном, политическом, культурном пространстве. М.: МФЮА, 2020. С. 88-93.

О ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ВОСПРИЯТИЯ*

П.А. Павлухина

Студент

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: ppavlukhina01@mail.ru

Когда мы говорим о чувственном восприятии субъекта, то мы не можем опираться на объективные характеристики, выражающие определенное положение дел в мире. Тем не менее, любое описание восприятия требует определенного основания и приверженности к одному из множества онтологических или метафизических взглядов. При логико-семантическом анализе терминов восприятия очень часто онтологическим обоснованием для построения семантических моделей выступает принцип существования объекта во внешнем мире и его непосредственное восприятие субъектом. Такой подход является недостаточным, т.к. здесь мы сталкиваемся с вопросом, является ли восприятие объектов аспектом ума индивида, наряду со знанием и убеждением (и тогда мы можем рассматривать восприятие как пропозициональную установку); или же восприятие непосредственно относится к объектам, абсолютно внешним по отношению к индивиду. Получается, что здесь мы затрагиваем эпистемологическую проблему восприятия. В данной статье была предпринята попытка рассмотреть то, как перцептивный опыт связан с убеждениями и знанием о мире. Для этого автор статьи пытается разобраться, можно ли отнести восприятие к пропозициональной установке.

Ключевые слова: пропозициональная установка, восприятие, знание, эпистемологическая логика, интенциональность, семантика возможных миров

PERCEPTION AS PROPOSITIONAL ATTITUDE**

P.A. Pavlukhina

Student

Saint-Petersburg State University

E-mail: ppavlukhina01@mail.ru

When we talk about perception of the subject, we cannot rely on objective characteristics that express a state of affairs in the world. Any description of perception requires a certain foundation to one of ontological or metaphysical views. There is the ontological justification

* Работа выполнена в рамках проекта Российского общества истории и философии науки, поддержанного грантом РФФИ № 21-18-00496, «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

** The work was carried out within the framework of the project of Russian Society for History and Philosophy of Science “The semantic structure of the propositional attitudes of consciousness”

for the construction of semantic models in the logical-semantic analysis of the terms of perception, where we use the principle of the existence of an object in the external world and its direct perception by the subject. This approach is insufficient because of the question whether the perception of objects is an aspect of the individual's mind, like knowledge and belief (so we can consider perception as a propositional attitude); or whether perception directly refers to objects. In this article, the author considered how perceptual experience is related to beliefs and knowledge. Also, the author is trying to figure out whether perception can be attributed to a propositional attitude.

Keywords: propositional attitude, perception, knowledge, epistemic logic, intentionality, possible worlds semantics

Для того, чтобы определиться с тем, является ли восприятие пропозициональной установкой, обратимся к истории данного понятия. Концепция пропозициональных установок во многом была разработана Берtrandом Расселом в первой половине XX века, а затем продолжила свое развитие в формально-логической семантике Яакко Хинтикки. Для Рассела пропозициональные установки являются высказываниями, выражающими мнения (belief), желания, сомнения, знание, память, восприятие, ощущение, ожидание, привычку субъекта [1, с. 19]. Данная установка посредством пропозиции (P) выражает отношение говорящего, его ментальное состояние (m) к факту высказывания: $m(P)$. Хинтикка отмечал, что наиболее характерной чертой использования пропозициональных установок является то, что, употребляя их, мы рассматриваем сразу несколько возможных состояний нашего мира [2, с. 72-73]. Это связано с тем, что, например, пропозиции p и q могут быть эквивалентными, но, тем не менее, высказывания по типу (1) не являются обязательно эквивалентными для говорящего A и могут не совпадать.

(1) A утверждает, что p
A утверждает, что q

Это так называемый парадокс логического всеведения: если p логически эквивалентно q и некто A знает, что p , то из этого не следует, что некто знает, что q , ведь взаимная замена утверждений, являющимися эквивалентными, может привести к изменению истинностного значения целого предложения. Исследователи обращали особое внимание на эпистемические операторы, выражающие знание, мнение или утверждение. И это вполне естественно, потому что эталонно пропозициональные установки работают с пропозициями, принадлежащим сфере рассудка.

В пропозициональной установке мы ведем речь о субъективном представлении говорящего, т.е. заранее мы не можем знать имеет ли данное высказывание действительное обоснование в мире, но, тем не менее, данное высказывание уже составляет факт, данный в сознании. Пропозициональная значимость, таким образом, заключается в состоянии, которое выражает утверждение. В отвлечении от субъекта высказывание приводится к соответствию с языковой нормой, но как только появляется субъект, мы обращаем внимание на пропозициональный характер утверждения.

Данная статья посвящена исследованию отношения между восприятием и пропозициональными установками. Существует тезис, согласно которому представляется затруднительным объяснение того, как восприятие может дать нам обоснованное убеждение о положении дел, ведь перцептивный опыт иногда достаточно обманчив (это касается как обычного опыта восприятия, так и необычных примеров в виде галлюцинаций и иллюзий) [3]. Действительно, то, как вещи воспринимаются, не обязательно является тем, как они есть на самом деле. Тем не менее, нет сомнений в том, что пропозициональные установки и восприятие взаимосвязаны, ведь перцепция является одним из источников для субъекта, высказывающего определенное знание относительно мира, но, при этом, содержание восприятия также может формироваться на основании уже имеющегося знания или мнения [4, с. 125].

Несмотря на констатацию определённых характеристик объекта, в чувственном восприятии мы выражаем отношение субъекта: вкусен ли торт, веселый ли был фильм, приятна ли на ощупь ткань и т.д. То, что вещи таковы и таковы, является содержанием опыта, и это также может быть содержанием суждения. Исходя из этого, естественно предположить, что восприятие является одним из видов пропозициональной установки.

Итак, мы предполагаем, что содержание опыта того же рода, что содержание знания, убеждения или мнения. Когда у субъекта есть опыт восприятия, то он имеет отношение восприятия к определенному предложению. То, в чем мы убеждены, является суждением, то есть мы можем оценивать его в качестве истинного или ложного. И, поскольку наша гипотеза состоит в том, что восприятие носит в себе пропозициональное содержание, то содержание переживаний мы можем расценивать в качестве истинных и ложных.

В таком случае мы задаемся вопросом, каким условиям должны удовлетворять высказывания, содержащие термины чувственного восприятия, чтобы быть истинными? Если мы обращаемся к онтологической стороне вопроса, то ответом будет соответствие реальному положению дел в мире. Но как в таком случае верифицировать утверждения, содержащие предикаты личного вкуса, как, например высказывание:

(2) На вкус этот ананас сладкий и вкусный

Во-первых, необходимо установить с онтологической точки зрения, существует ли объект (в данном случае ананас) и, во-вторых, разобраться с адекватностью присвоенных данному объекту предикатов вкуса («сладкий» и «вкусный»). Истинность присвоенных объекту предикатов стандартно определяется тем, соответствует ли это действительному положению дел в мире, но в данном случае мы не можем на это опираться, т.к. здесь важно понять не то, насколько онтологически адекватно то или иное пропозициональное содержание, но при каких условиях оно совместимо с пропозициональной установкой говорящего.

Условия истинности, задаваемые перцептивным суждениям, задают определенные правила, исходя из которых мы рассматриваем данные суждения. Зачастую рассмотрение восприятия сводится к сравнению восприятия с установкой знания, в связи с чем может возникнуть определенная имитация эпистемической логики [5]. Например, как в эпистемической логике мы можем свести пропозициональные установки к схеме «А знает, что р», точно также логика восприятия показывает, что «А видит, что р» является основной формой для суждений восприятия. Это может приводить к тому, что все предложения сводятся к данному типу, но в силу интенциональности восприятия, условия истинности для утверждений данной формы должны относиться к нескольким возможным мирам одновременно.

Восприятие носит интенциональный характер, т.е. оно всегда опосредовано концептуальными схемами. Интенциональность показывает возможность сознания быть направленным на объект, т.е. это всегда «сознание о чем-то». Еще Ф. Brentano подчеркивал, что в представлении что-то представлено, в любви любят, в ненависти ненавидят и т.д. Чувственные переживания могут быть разного рода – визуальными, вкусовыми и т.д. – но у них у всех есть предметы, на которое направлено восприятие. В таком случае восприятие, как и пропозициональная установка, является методом получения информации о мире. Единственное различие восприятия заключается в том, что здесь мы можем наблюдать причинность от внешних объектов.

Но в настоящее время пропозициональное содержание восприятия также подвергается критике. Ряд современных исследователей, в числе которых британский философ Т. Крейн, утверждают, что опыт имеет содержание (то есть содержание опыта – это то, как окружающий мир представлен в сознании), но данное содержание не носит пропозициональный характер [6]. Тим Крейн отстаивает позицию, согласно которой перцептивный опыт имеет только интенциональное содержание. В таком случае утверждается, что все состояния восприятия, такие как видеть, замечать, восхищаться, любить, симпатизировать, направлены на объекты без каких-либо ещё аспектов. Как подчеркивает Крейн: вы чувствуете вкус вина и запах сыра, слышите стук копыт по мостовой – это всё дает нам очевидное феноменологическое содержание перцептивного опыта без тисков теории пропозиционального отношения [6, с. 465]. Проблема здесь заключается в том, что если в представлении нет ничего, чтобы объяснило характер опыта, то как мы можем отличить опыт от других ментальных представлений, которые также обладают интенциональным содержанием, как и переживание. При этом, интенциональное содержание переживаний, согласно данному подходу, может быть пропозициональным и не пропозициональным, но как определить и отделить одно от другого?

И, если восприятие не является пропозициональной установкой, то мы не можем оценивать опыт с точки зрения истинности и ложности, но мы можем указать на уровень точности восприятия. Степень точности опыта может варьироваться и изменяться, в то время как истинность и ложность играют важнейшую или даже центральную роль в логико-семантическом анализе утверждений, выстраивая определенные условия, согласно которым проходит анализ. Переживание является точным тогда и только тогда, когда оно имеет действительный объект, который является таким, каким его представляет переживание. С этой точки зрения содержание опыта — это суждение, которое определяет способ представления объекта опыта как сущего. В своей работе Крейн приводит пример, согласно которому, когда я вижу серую кошку на коврике, мой опыт представляет её определенным образом. Опыт точен, если это действительно так. Содержание опыта, таким образом, состоит в утверждении, что кошка находится на коврике. Но точность или неточность опыта зависит от истинности или ложности различных аспектов содержания опыта, в связи с чем мы не можем утверждать, что восприятие не носит пропозиционального содержания.

Итак, в данной статье была предпринята попытка рассмотреть восприятие как пропозициональную установку. Восприятие в таком случае отличается от знания, убеждения, веры и т.д. лишь причинно-следственным взаимоотношением с внешними объектами, через которые субъект получает информацию о мире. Также была рассмотрена позиция, согласно которой восприятие не является пропозициональной установкой, а напрямую выражает интенциональное содержание. При построении семантических моделей, работающих с терминами восприятия, мы с необходимостью сталкиваемся с потребностью определить взаимосвязь между говорящим субъектом и объектом во внешнем мире, в связи с чем была также затронута эпистемологическая проблема восприятия, но еще предстоит выяснить связь между установкой знания и восприятия.

Литература

1. Рассел Б. Исследование значения и истины // Дом интеллектуальной книги, М.: Идея-Пресс, 1999.
2. Хинтиikka Я. Семантика пропозициональных установок // Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980 С. 68–101.
3. Crane T., French C. The Problem of Perception [Электронный ресурс]// Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/perception-problem/> (дата обращения: 19.04.20)
4. Niiniluoto I. Remarks on the logic of perception// Intensional logic: theory and applications. Helsinki, 1982.
5. Niiniluoto I. Perception, memory, and imagination as propositional attitudes [Электронный ресурс] // Логические исследования. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perception-memory-and-imagination-as-propositional-attitudes> (дата обращения: 07.04.2022).
6. Crane T. Is perception a propositional attitude? // The Philosophical Quarterly. 2009. Vol. 59(236). pp. 452-469. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2008.608.x

ОТНОШЕНИЕ ИМЕНОВАНИЕ НА ГРАНИЦЕ ВОСПРИЯТИЯ И КОНЦЕПТА*

И.Б. Микиртумов

Доктор философских наук, доцент

Русское общество истории и философии науки

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: imikirtumov@gmail.com

В статье рассматривается проблема именования объектов, данных, с одной стороны, преимущественно в восприятии, с другой же, — преимущественно концептуально. При этом учитывается ещё один параметр, а именно, актуальный и воображаемый характер объектов. Степень, в какой объект не является актуальным, но только воображаемым, варьируется, так что в некотором смысле плохо представимый объект утрачивает черты актуального и становится концептуальным. Участие концептуализаций в восприятии повсеместно, и его степень определяет, что именно именуется. Если референт дан в предельном модусе воображения, то речь идет о концепте и о модели знакомства как своего рода концепте восприятия как такового, если же, напротив, в предельном модусе актуальности, то референт дан в восприятии, а его концептуализация сама предполагается как вид когнитивной операции.

Ключевые слова: семантика, прагматика, восприятие, имя собственное, концепт

* Работа выполнена в рамках проекта Русского общества истории и философии науки, поддержанного грантом РФФ № 21-18-00496, «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

THE RELATION OF NAMING ON THE BORDER OF PERCEPTION AND CONCEPT**

I. B. Mikirtumov

DSc of Philosophy, Associate Professor
Russian Society for the History and Philosophy of Science
Saint Petersburg State University
E-mail: imikirtumov@gmail.com

The article deals with the problem of referents of naming, data, on the one hand, mainly in perception, on the other hand, mainly conceptually. In this case, one more parameter is taken into account, namely, the actual and imaginary nature of objects. The degree to which an object is not actual, but only imaginary, varies, so that in some sense an ill-represented object loses the features of the actual and becomes conceptual. The participation of conceptualizations in perception is ubiquitous, and its degree determines what exactly is named. If the referent is given in the limiting mode of imagination, then we are talking about the concept and the model of acquaintance as a kind of concept of perception as such, if, on the contrary, in the limiting mode of actuality, then the referent is given in perception, and its conceptualization itself is assumed as a kind of cognitive operation.

Keywords: semantics, pragmatics, perception, proper name, concept

Объекты в мирах прошлого и будущего, в мире контрфактического настоящего, в мирах, описывающих мнения, верования, желания и пр. могут быть даны в двух модусах: *de dicto*, т. е. посредством описания свойств объекта, и *de re* в разных его видах, т. е. посредством прямого, косвенного или воображаемого когнитивного контакта. Расселовское знакомство с объектом, ведущее к формированию представления, в котором образ объекта дан вместе с обстоятельствами знакомства, создаёт «ментальный файл» [1], в котором действительно воспринятый объект может быть замещён наброском объекта, полученным в ходе комбинации описания с восприятиями отдельных частей и качеств. Практики, развитые в конкретных сферах деятельности, позволяют применять воображение, порождая как объекты воображаемого *de re*. Последние занимают промежуточное положение между объектами и положениями дел и фокусируются на качестве или состоянии, но не на предметах, их порождающих. Это хорошо видно на примерах слуховых, запаховых, тактильных, кинестетических восприятий. Здесь *de re^{imag}* возникает из *de re* «внутреннего» состояния воспринимающего, и *de dicto* предмета, который его аффицирует, ибо различные предметы, вызывающие одинаковое состояние, не могут быть при прочих равных условиях различены.

Модель отношения идентификации объекта имеет как эмпирические, так и метафизические основания, восходящие в традиции аристотелевского различения сущности и приходящего, и механистической теории объектов Лейбница. В последней возникновение, трансформация и уничтожение материального объекта увязаны со всем движением материи [2, 383]. Объект появляется в результате соединения других, прежде разделённых объектов, затем существует как целое, меняя свои свойства, и, наконец, уничтожается, распадаясь на элементы, начинающие с этого момента вести жизнь отдельных объектов. Идентификация, таким образом, может связывать не только разные состояния объекта, но и совокупность его частей с ним как целым, так что, например, жёлудь, древний дуб и доска паркета в определённом смысле оказываются «тем же самым» как логико-онтологически, когда, по Аристотелю, жёлудь есть дуб в возможности, а дуб – паркет в возможности, так и материально-механически, когда, по Лейбницу, жёлудь развёртывается в дуб, а дуб, распадаясь, даёт существование доскам паркета. Если имя собственное благодаря акту именованья получает референт в некотором мире, то в последовательностях миров, которые образуют прошлое и будущее этого мира, всегда можно найти либо сам этот объект в его трансформированном виде, либо совокупности частей, из которых он возникает или на которые распадается. Восприятие не только придаёт данным смысл, но, при помощи имманентного сознанию механизма, фиксирует в воспринятом объекте черты, которые потенциально могут быть соотнесёнными с другими объектами. Готовность к установлению связи между восприятиями присутствует, поэтому, всегда, а из всех возможных связей такого рода устойчивыми отказываются приносящие наибольшую выгоду в когнитивной практике,

** The investigation was carried out within the framework of the project of the Russian Society for the History and Philosophy of Science, supported by the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00496, “The Semantic Structure of Propositional Attitudes of Consciousness”

т. е. прошедшими отбор в деятельности. При этом всякое восприятие определяется также имманентной теорией предмета, которая отвечает за непротиворечивость набора черт объекта.

Откуда происходят описанные выше и осуществляемые неосознанно ментальные акты, т. е. детерминированы они физиологическими механизмами ощущения, представляют собой неустранимый системный эффект сознания, есть его случайная реакция или же так или иначе сочетают все названное? Одно из направлений поиска ответа на этот вопрос состоит во внимательной дифференциации чувственного (физиологического) и концептуального (социокультурно детерминированного). Известно, что среди прочих чувств зрение, с одной стороны, является наиболее значимым эволюционно и практически, а с другой, — в наибольшей степени способствует возникновению способности к теоретическому, или концептуальному знанию. Последнее может быть определено как знание о том, что является «невидимой» причиной (сущностью) «видимых» явлений (вещей). Осязание, фундирующее зрение, в силу специфики данности в нём предметов может выполнять такую функцию лишь ограниченно [3]. Здесь возможно только непосредственное соприкосновение с предметом, тогда как его сочетание с визуальным позволяет созерцать весьма отдалённые и даже воображаемые предметы и явления, проецируя на них опыт непосредственного и создавая, тем самым, теоретическую модель. Таким образом, визуальные ощущения почти всегда и без больших затруднений наполняются содержанием и порождают восприятия, тогда как для прочих сфер чувственности это происходит частично и с опорой на визуальное.

Ведущую роль играет здесь коллективный разделяемый и индивидуальный опыт, устойчивые элементы которого ложатся в основу концептуализаций. Эмпирические данные показывают, что восприятие существенно определяется системой практик и социокультурными категориями. Это явление называется когнитивным проникновением в восприятие и включает в себя пропозициональные установки. Помимо эпистемических установок знания и убеждения когнитивное проникновение осуществляется и установками желания, намерения, ожидания и пр. Именно опыт различных видов когнитивных проникновений позволяет субъекту осуществлять в рефлексии дифференциацию содержаний, которые формируют восприятие всегда и с наименьшей интенсивностью, от содержаний, способных подчинить себе восприятие и породить, тем самым, иллюзию. Этот процесс основывается на содержательном сходстве между переживанием и когнитивным состоянием, при реализации которого концептуализация первого уточняется содержанием второго, так что для некоторого переживания можно указать спектр уточняющих его установок.

Вопрос о том, что и как мы можем узнать из чувственных восприятиях, лежит на стыке феноменологии и эпистемологии. Проблема здесь во взаимодействии содержания восприятия с его чувственным материалом, для которой в центре оказывается идея согласованности различных восприятий между собой, а также с накопленным опытом. Первое описано уже Аристотелем, который говорил об «общем чувстве», или «чувствилище», посредством которого распознаются и дифференцируются ощущения, воспринимаются «общие свойства» вещей и, в целом, происходит формирование вещи как обладающей различными чертами по известной системе категорий (*De Anima*, 425a 27–30, 426b 8–22). Второе подтверждается эмпирически. Верификация знания и убеждения, возникших при восприятии, требует данных опыта, где вся ситуация, в которой те или иные предметы становятся объектами восприятия в достаточной степени интерпретирована концептуально и, по возможности, чувственно освоена. Одно и тот же восприятие может возникать в совершенно разных ситуациях, и, наоборот, в одной и той же ситуации одни и те же предметы могут оборачиваться различными сторонами. Чувственные модальности ситуаций и вещей, т. е. знание их разными чувствами и обладание по их поводу разными по природе восприятиями, взаимодействуют, как и у Аристотеля, во-первых, корректируя друг друга, во-вторых, порождая восприятия общих свойств, например, «движение, покой, фигура, величина, число, единство», т. е. всего того, что не может как таковое ощущаться, и что является инвариантом ощущений. Феноменология восприятий опирается на какие-то способы прочтения ситуаций, в которых они возникают, но релевантность знания об этих ситуациях требует участия всех сенсорных модальностей. Переключение регистра восприятия с уровня концептов вещей и событий на уровень их непосредственной данности в восприятии представляет собой волевое ментальное действие, регулируемое рефлексией и опирающееся на наиболее общую картину личного опыта. Здесь аномальность несогласуемого содержания ставит под сомнение не восприятие, а концептуальную сеть.

Это делает необходимым переключение регистра анализа с семантики на прагматику, в частности, употребления сингулярных термов [4; 5]. Конвенциональное употребление имени собственного предполагает некоторую историю. Она начинается с акта именования прежде

безымянного объекта и продолжается использованием имени. В случаях, когда два разных объекта получают одно имя собственное и требуется одновременно именовать их в дискурсе, пользователи языка применяют специальные инструменты, например, называя одного младшим, а другого старшим, одного большим, другого маленьким и т. д. Конвенция об использовании собственных имён основывается на теории объекта, согласно которой он в известном смысле остаётся тем же самым на протяжении своего существования. Такое отношение называется идентификацией в возможных мирах, или кросс-идентификацией. Не только имя остаётся постоянным, но и некоторые свойства объекта — разные для объектов разных видов.

В литературе не одно десятилетие обсуждается группа примеров, по-разному открывающих эту проблему, хотя её убедительного решения в семантике или же в прагматике до сих пор не получено. Классический пример Саула Крипке таков. Если говорящий принял Джонса, собирающего листья, за Смита и просит окружающих передать, «вон, Сми́ту», что его просят зайти к главному садовнику, то неверное именование, во-первых, не выполнит коммуникативной задачи, т. е. настоящий Смит не получит нужную информацию, во-вторых, приведёт к тому, что Джонс отправится в контору, где его не ждут. Только если отношение именования будет использовано явно и Джонс получит сообщение, «Мистер Смит, Вас ждут в конторе», ошибка обнаружится, и реализация коммуникативной цели будет продолжена в поисках Смита. В другой же ситуации неверное именование ничему не повредит. На вопрос «Когда можно будет выводить детей на прогулку?» говорящий даст ответ «Когда Смит сгребёт все листья», так что верная информация будет получена. Чтобы и в этом случае нарушилась успешность коммуникации, следует принять сценарий, согласно которому Смит — садовник, а Джонс — частный детектив, который ведёт наблюдение и только делает вид, что сгребает листья, а на самом деле перемещает их с одного края площадки на другой. В этом случае либо дети на прогулку так и не выйдут, либо воспитатели попросят Джонса всё-таки завершить свою работу. Если он намерен изображать роль садовника до конца, то успех коммуникации будет достигнут. Эти три сценария показывают, что помимо семантической корректности употребления сингулярных термов, необходимо учитывать его коммуникативную успешность. В тех случаях, когда отношение именования не вербализуется и не значимо, референция говорящего срabатывает.

Отсюда следует, что отношение именования является специфической установкой, фактором прагматики, который может быть артикулирован в контексте, специфика определяется актуальными восприятиями.

Литература

1. *Recanati F.* Mental files. Oxford, 2012.
2. *Лейбниц Г. В.* Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюрстиной Софией. Пер. с франц. В. П. Преображенского // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырёх томах. Т. 3 М.: «Мысль» 1984. С. 371–393.
3. *Méndez-Martínez J.L.* What Counts as “a” 174 Sound and How “to Count” a Sound // *Synthesis philosophica*. 2019. Vo. 67. №1. P. 173–190.
4. *Schwager M.* Speaking of qualities // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT)*. Eds.: E. Cormany S. Ito, D. Lutz. Vol. 2011. Vol. 19. P. 395–412.
5. *Yalcin S.* Context-Sensitivity by Way of Parameters // *Oxford Studies in Philosophy of Language*. Volume 2 / Ed.: Oxford University Press, 2021. P. 267–304.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Н.В. Даниелян

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии
Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»
E-mail: vend22@yandex.ru*

В докладе рассматривается проблема смены классических представлений о субъекте познания вследствие создания искусственных интеллектуальных систем. В настоящее время актуальность приобретает осмысление необходимости реализации сильной версии искусственного интеллекта, которая может поставить под вопрос как сущность, так и само существование человека. Автор обосновывает мысль, что современные технологии ИИ все больше приобретают социальный характер, так как в своей основе содержат совмещение познающего субъекта, средств познания и познаваемого объекта в едином цикле вследствие отсутствия необходимости в посреднике между пользователем и компьютером. Данному выводу способствуют представления о «распределенном» субъекте, следующие из проведенного анализа концепций аутопоэза и «наблюдения второго порядка», что позволяет перейти от понимания традиционного субъект-объектного взаимодействия к рассмотрению отношений между системой и ее окружением в процессе наблюдения.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), сильная версия ИИ, слабая версия ИИ, субъект, процесс познания, система, «распределенный субъект»

EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

N.V. Danielyan

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science
National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology"
E-mail: vend22@yandex.ru*

The report examines an issue of changing the classical understanding of cognition subject under the influence of AI systems. Nowadays realizing the strong version of artificial intelligence (AI) is especially topical, since it might endanger both human essence and existence. The author considers modern technologies of AI are gaining more and more social characteristics, for they combine a cognizing subject, means of cognition and a cognizable object in one cycle. It becomes possible as there is no necessity in an intermediary between computer and its user any more. This conclusion gets its foundation from the idea of an 'allocated' subject according to the analyses of such concepts as autopoiesis and 'second order observation'. The report concludes that there is a transition in modern epistemology from understanding traditional subject-object interaction to the consideration of relations between a system and its surrounding during the observation.

Keywords: artificial intelligence (AI), strong version of AI, weak version of AI, subject, cognition process, system, 'allocated' subject

Во многих технических университетах мира сегодня реализуются программы подготовки специалистов в области создания искусственного интеллекта (ИИ). Все они посвящены ответу на вопрос о возможности реализации «машинного мышления», впервые поднятому А. Тьюрингом, который сегодня актуализируется в виде возможности моделирования человеческого разума.

Давайте задумаемся в сам термин – искусственный интеллект (ИИ). Поскольку человек-ученый, инженер, разработчик, технолог, психолог, лингвист и т.д. собирается создать аналог интеллекта человека, он будет, прежде всего, обладать неким сознанием и мышлением, то есть когнитивным дублированием процессов, происходящих в человеческом мозге.

В настоящее время существуют две версии теории искусственного интеллекта (ИИ). «Сторонники слабой версии теории ИИ считают, что соответствующим образом запрограммированный компьютер может только моделировать мыслительные акты человека, в то время как сторонники сильной версии допускают, что запрограммированные компьютерные устройства действительно мыслят и в силу этого могут находиться в соответствующих когнитивных состояниях» [1, с. 669]. Последнее утверждение является крайне спорным, так как означает наделение компьютеризированного устройства способностью мыслить. С философской точки зрения это будет означать расширение субъектной области до сферы ИИ, то есть неживого. При современных темпах развития био- и нанотехнологий слабая версия ИИ вполне реализуема. Эксперименты с нанороботами являются подтверждением такого утверждения. Они могут вводиться в нейроны, благодаря чему ученые исследуют, каким образом образы и понятия формируются в человеческом мозге. Далее полученная информация поступает в компьютер и может быть применима при моделировании мыслительного акта субъекта, то есть человека, а также для его продолжения. Еще в начале 2000-х годов отмечалось, что квантовые компьютеры с нейроинтерфейсами способны обеспечить функционирование квантового Интернета, обмен информацией с которым будет происходить через мозг [2]. Таким образом, внешним вычислительным устройством становится не только компьютер, но и мозг, то есть речь начинает идти не о субъект-объектном, а субъект-субъектном взаимодействии, что продвигает нас по пути реализации сильной версии ИИ.

Будучи первоначально запрограммированным человеком, далее ИИ перестает быть ему полностью подконтрольным, так как это интеллект, то есть аналог мыслящего создания, как и мы с вами. Возникает закономерный вопрос: следует ли его создавать, так как после его появления мир полностью изменится и под вопросом окажутся сущность и существование человека. Вероятно, гораздо разумнее остановиться на приложениях, принятых называть ИИ в массмедиа, которые появляются в настоящее время и помогают в разных сферах деятельности, то есть слабой версии ИИ.

Так, например, с начала 2000-х годов создается Национальный корпус русского языка, который постоянно пополняется. К настоящему времени созданы корпуса большинства языков мира. Они служат разным целям, например, статистическим. При группировании по времени создания текстов они могут предоставить пользователю информацию об исторических изменениях, произошедши в языке за определенный исторический отрезок, что является важным компонентом при построении компьютерных моделей, воспроизводящих акт мышления.

Хотелось бы отметить, что здесь возникает проблема взаимоотношений человека и машины с позиции правильности распределения функций между ними. Н. Винер, как основатель кибернетики, полагал: «Отдайте человеку – человеческое, а вычислительной машине – машинное. В этом и должна, по-видимому, заключаться разумная линия поведения при организации совместных действий людей и машин» [3, с. 212].

Трудно сказать, насколько данный призыв будет соблюдаться человечеством в будущем, так как сегодня компьютерные технологии все более приобретают субъективность, входя во все сферы человеческой деятельности. Приведем пример, связанный с использованием дополненной реальности (AR).

В настоящее время работают приложения AR в музеях мира, которые позволяют, наводя телефон на код объекта, мгновенно получить всю информацию о нем, включая последние разработки и теории. Кроме того, можно наводить телефон на объект, установив соответствующее приложение, например, Google-переводчик, которая выдаст его значение на английском или ином языке. В некоторых университетах на лекциях используются Google-очки, которые иллюстрируют и оживляют материал, читаемый преподавателем. Согласно презентации «Возможности приложений дополненной реальности в образовании», «приложение WordLens Translator в режиме реального времени показывает перевод надписи на экране. Устанавливается на Google Glass» [4, с. 29].

Все эти примеры являются ярким свидетельством того, что данные технологии в своей основе содержат совмещение познающего субъекта, средств познания и познаваемого объекта в едином цикле вследствие отсутствия необходимости в посреднике между пользователем и компьютером. Взаимодействие человека с компьютером протекает таким образом, что само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний. Язык выступает средством такого взаимодействия, являясь циклической

системой, так как способен воссоздавать себя. Согласно У. Найссеру, язык 'ложится' на некую «предуготовленную схему», которую он определяет как формат. «Информация, заполняющая формат в какой-то момент циклического процесса, становится частью формата в следующий момент, определяя то, как будет приниматься дальнейшая информация» [5, с. 75], что свидетельствует о самоорганизации познавательного процесса и его гибкой приспособляемости, исходя из предшествующего опыта.

Из данных рассуждений следует, что под воздействием ИИ область когнитивного смещается, поскольку субъектом познания может быть ИИ, то есть неживое. Как результат, в настоящее время в эпистемологии наблюдается расшатывание устойчивых когнитивных структур и логических оснований познавательного процесса субъекта, сложившихся в ходе его эволюционного развития в предыдущие исторические эпохи, что требует новых подходов к пониманию основ процесса познания.

Так, чилийские нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела в концепции аутопоэтических систем предлагают исходить из позиции, что поскольку мозг человека является операционально-замкнутой, самовоспроизводящейся системой, то «каждый акт познания рождает некий мир» [6, с. 26]. Таким образом, «рационально возможен только сконструированный наблюдателем мир» [7, с. 59], поскольку проблема познания начинает определяться когнитивными операциями систем наблюдения.

Н. Луман считал, что наблюдение – «использование различия названия одной (от другой) стороны, относительно которой выполняется данная операция наблюдения, поскольку возможно только различать (таким образом, видеть две стороны одновременно) и обозначать» [8, с. 239]. При этом наблюдателями могут быть не только организмы и общества, но и системы ИИ. Таким образом, имеет место концепция «наблюдения второго порядка», которая позволяет перейти от традиционного субъект-объектного взаимодействия, принятого в теории познания, к рассмотрению отношений между системой и ее окружением в процессе наблюдения.

Актуальность приобретает понимание субъекта – «детектора, или фиксатора, различных аспектов реальности» [10, с. 115]. Субъект начинает все более рассматриваться в качестве неотъемлемой части комплексов, сформированных под воздействием современных социотехнических систем, что характерно для систем с ИИ.

Примером данной трансформации процесса познания в современном мире является машинное обучение роботов, созданных с применением искусственных нейронных сетей, которые одновременно реализуют такую функцию мышления человека, как переработка значительного объема одновременно поступающей на вход когнитивной информации с сохранением результата в виде паттерна (безличного знания), используемого системой при дальнейшем функционировании и распределяемого сетью. Как считает С. А. Диане, «переход на новый качественный уровень позволяет сместить акцент исследований от решения частных прикладных задач к построению универсальных информационно-управляющих систем» [11, с. 319]. Как результат, на смену традиционному пониманию субъекта познания приходит концепция «распределенного субъекта», поскольку с развитием технологии ИИ, как было показано в данном докладе, происходит «размывание» границ понимания субъективного.

Литература

1. Меркулов И. П. Мышление с точки зрения компьютерной эпистемологии // Субъект, познание, деятельность. М.: Канон+ ОИ «Реабилитация», 2002. С. 664-683.
2. Ллойд С., Энджи Дж. Сингулярный компьютер // В мире науки. Физика. 2005. № 2. С. 33-42.
3. Винер Н. Кибернетика и общество. Творец и робот. М.: Тайдекс Ко, 2003. 245 с.
4. Зильберман Н. Н., Сербина В. А. Возможности приложений дополненной реальности в образовании // Открытое и дистанционное образование. 2014. № 4 (56). С. 28-33.
5. Neisser U. Cognition and Reality. Principles and Implications of Cognitive Psychology. San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1976. 230 p.
6. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. Пер. с нем. Ю. А. Данилова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. 316 с.
7. Даниелян Н. В. Научная рациональность и конструктивизм. М.: МИЭТ, 2014. 100 с.
8. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1991. 252 S.
9. Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Издательство «Весь Мир», 2012. 248 с.
10. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. Пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.

11. Диане С. А. Обучение и социальная интеграция автономных роботов на основе применения современных когнитивных технологий // *Философия и социология техники в XXI веке. К 70-летию В. Г. Горохова / Под общ. редакцией И. Ю. Алексеевой, А. А. Костиковой, А. Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2018. С. 316-321.*

"ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА" КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Н.А. Ганичев

*Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
E-mail: nickgan@yandex.ru*

О.Б. Кошовец

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт экономики РАН
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва
E-mail: helzerr@yandex.ru*

Фундаментальной онтологической основой современной экономической теории является гипотеза о рациональном человеке, выступающая исходной предпосылкой любых теоретических построений, и являющаяся неотъемлемым элементом экономического метода. При этом экономисты постоянно пытаются переопределить "рациональное" и максимально расширить его сферу, преодолевая обширную критику нереалистичности данной предпосылки. Активизировавшиеся на фоне пандемии процессы глобальной цифровизации открывают принципиально новые возможности в этом направлении. "Цифровая трансформация" в своем наиболее развитом виде способна "привести реальность в соответствие с теорией", на практике решив задачу рационализации человеческого поведения. Сам по себе цифровой дискурс выполняет перформативные функции, формируя поведение человека как исключительно рационального (в экономическом понимании) субъекта, который вынужден становиться частью искусственной среды, где цифровые платформы аккумулируют и обрабатывают полный объем данных обо всех сферах его деятельности: от доходов и расходов до биометрических показателей. Встроенный в такую систему человек вынужден частично делегировать свои функции принятия решений. В ближайшем будущем это позволит воплотить в жизнь основные принципы т.н. "нового патернализма" при реализации социально-экономической политики (первые практики были внедрены во время пандемии).

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, рационализация, поведение, рациональность, искусственный интеллект, инфо-коммуникационные технологии

DIGITAL ECONOMY AS A PRACTICAL EMBODIMENT OF RATIONALITY

N.A. Ganichev

*CSc in Economics, Senior research fellow
Institute of Economic Forecasting RAS
E-mail: nickgan@yandex.ru*

O.B. Koshovets

*CSc in Philosophy, Senior researcher fellow,
Institute of Economics RAS
Institute of Economic Forecasting RAS, Moscow, Russia
E-mail: helzerr@yandex.ru*

The ontological foundation of economics is the hypothesis of rational man, which works as a key assumption of any theoretical construction, and at the same time as an integral element

of the economic method. Economists ignore extensive criticism of 'economic man' as totally unrealistic. Meanwhile, they are constantly trying to redefine the 'rational' pushing the boundaries of what to consider 'economic'. The processes of worldwide digitalisation intensified against the backdrop of the global pandemic of COVID-19, are opening up fundamentally new possibilities in making people rational machines. Actually, 'digital transformation' in its most advanced form is capable of "bringing reality into line with theory" by practically solving the problem of rationalizing human behavior. Digital discourse itself has a performative function shaping human behavior as a purely rational (in the economic sense). Moreover, different digital practices compel people to become an integral part of an artificial environment where digital platforms accumulate and process the full range of data on all areas of their activity, from income and expenditure to biometric indicators. The human being embedded in such a system is forced to partially delegate their decision-making function. In the near future, this will make it possible to implement the basic principles of the so-called 'new paternalism' in social and economic policies (the first practices were introduced during the pandemic).

Keywords: digital economy, digital transformation, rationalization, rationality, behavior, artificial intelligence, info-communication technologies

Гипотеза о рациональном экономическом агенте - "экономическом человеке" (*Homo oeconomicus*), в рамках которой происходит принципиальное отождествление экономического с рациональным и рационального с экономическим является ключевой онтологической конструкцией всей экономической теории. "Экономический человек" (его рациональное/оптимизирующее поведение и выбор) *воплощают собой экономические процессы* (экономические закономерности) и большинство моделей экономической теории принципиально зависят от содержащихся в этом концепте предпосылок, которые с необходимостью воспроизводятся в экономическом знании на всех его уровнях [1]. Подобное представление о человеке подвергается массивной критике, однако экономисты игнорируют ее, утверждая, что концепт "экономического человека" выступает лишь как методологический регулятив и аналитическое средство [2], не претендуя на реальное описание человеческого поведения. Несмотря на это, данный концепт стал неотъемлемой *частью онтологического ядра* экономической теории, объявившей своим основным предметом изучения человеческое поведение. Поэтому концепт "экономического человека" фактически формирует представление о человеческой природе, о том, как устроен человек. В этом и кроется основная неустранимая проблема экономической теории – вопрос о реалистичности описания человеческого поведения этим концептом. В основных экономических моделях предполагается, что агенты однородны (репрезентативный агент), полностью рациональны (без вычислительных ограничений) и обладают совершенной информацией. Как утверждает один из первых экономистов по сложным системам, "неоклассическая теория предполагает "очень умных людей в невероятно простых ситуациях" [3, p.28].. Между тем, очевидно, что подобные представления противоречат тому, какой мы видим природу человека, наблюдая за его реальным поведением в повседневных практиках. Иначе говоря, реальный мир предполагает "очень простых людей в невероятно сложных ситуациях" [там же]. Таким образом, если статистические показатели в рамках естественно научной культуры и социальных бухгалтерских практик могут выступать в качестве эмпирического базиса "экономики", репрезентирующего наблюдаемые величины, то нереалистичный конструкт "экономического человека" постоянно упирается в вопрос, что он описывает и почему наука, изучающая рациональное поведение человека, не может работать с его более реалистичной репрезентацией [1].

Именно поэтому критика *Homo oeconomicus* не прекращается и по сей день, даже внутри самой экономической теории, которая пытается скорректировать это представление. Признание того факта, что экономические агенты неоднородны, ограничены в рациональности и не идеально информированы, открыло путь к новой эре в экономике - "эре сложности" [4], которая породила целую группу новых направлений экономической науки (поведенческая экономика, экспериментальная экономика) или даже субдисциплин, таких как нейроэкономика. Каждое из этих направлений пытается углубить и расширить наше представление о природе рациональности, однако фундаментальная проблема остается все еще не решенной – для привязки концепта *Homo oeconomicus* к реальности, необходимо подвести эмпирический базис под эту модель.

Между тем, происходящие сейчас в глобальном масштабе процессы цифровой трансформации могут частично решить эту проблему, буквально подогнав экономическую реальность и поведение людей в соответствии с концептом *Homo oeconomicus*. Значительный уровень развития цифровой инфраструктуры и форсированное на фоне пандемии COVID-19 снятие социальных

и институциональных барьеров на использование личных персональных данных породили ряд качественно новых эффектов, способных расширить сферу рационального поведения человека (не в абстрактном, а в самом буквальном калькулятивном, математическом смысле) и фактически превратить его в "калькулятивную машину".

За счет значительного прогресса в росте вычислительных мощностей, постоянного сбора большого объема персональных данных и развития технологий, способных перерабатывать эти данные в информацию, к концу 2010-х годов сформировался новый тип организации бизнеса, производства, торговли и социальной сферы – "цифровые платформы". Они, в свою очередь, сформировали обширную искусственную среду взаимодействия людей, которая используется как для оказания широкого спектра традиционных услуг, так и для создания принципиально новых продуктов и рынков [5]. Главным новшеством здесь является то, что любое действие индивида в этой искусственной среде фиксируется и данные об этих действиях обрабатываются для извлечения информации самого разного свойства. Одной из функций обработки этих данных, например, может быть выяснение предпочтений потребителя и соотнесение их с его финансовыми возможностями. В результате складывается ситуация, когда "платформы" знают о предпочтениях и ограничениях действующих на них агентов даже больше, чем сам экономический агент. Таким образом, снимается первое из ключевых ограничений реалистичности концепта Номо оeconomicus – неполнота информации. В то же время все действия человека на таких платформах строго регламентируются определенными правилами и ограничениями, т.е. действующие в такой среде агенты становятся полностью однородными и репрезентативными, что снимает второе ключевое ограничение концепта Номо оeconomicus.

Задача рационализации поведения в такой ситуации упирается лишь в задание критериев максимизации полезности и решение соответствующей оптимизационной математической задачи. Снять это последнее ограничение (на вычислительные мощности) для практического воплощения концепта Номо оeconomicus в рамках цифровой экономики помогают "продвинутые" алгоритмы машинного обучения, и в частности, развитые методы "глубокого обучения" и обучения с подкреплением на основе нейронных сетей, которые получили собирательное название "искусственного интеллекта" (ИИ).

Получая от платформ огромные массивы данных о поведении потребителей, технологии ИИ способны не просто строить на их основе комплексную картину поведения миллионов людей, но и все в большей мере управлять их действиями, например, через таргетированную рекламу или путем выборочной выдачи результатов в поисковых системах. Пока эти технологии еще не достигли того уровня развития, при котором способны полностью взять на себя функцию управления поведением человека. Но в предельном варианте развития цифровой экономики, когда абсолютно все транзакции в глобальном масштабе будут проводиться электронными средствами платежей на основе технологии "блокчейна" (т.е. оставлять надежный "цифровой след"), а платформы сосредоточат в себе весь объем информации о человеческой жизнедеятельности, включая социальную, физическую, экономическую активность и даже биомедицинские параметры, функция рационализации поведения человека может быть окончательно делегирована "во вне". Уровень дохода человека будет определяться цифровыми системами контроля за рабочим местом и системами учета его рабочего времени, которые напрямую влияют на зарплату, а также различными пособиями и выплатами от государства, рассчитываемыми на основе данных единого государственного реестра, содержащего сведения о его семейном положении, собственности, доходах и т.п. В свою очередь, расходы на электроэнергию, ЖКХ и прочие услуги в такой системе будут определяться на основе "умных" систем энергораспределения, а потребительские товары рекомендоваться торговыми площадками в строгом соответствии с предпочтениями, которые человек отразил в ходе своей регистрируемой цифровыми платформами социальной активности. При этом в распоряжении алгоритмов ИИ будет достаточно информации, чтобы балансировать эту систему и максимизировать "функцию полезности", как для отдельного индивида, так и для миллионов экономических агентов с учетом, заложенных в алгоритмы работы приоритетов, например, связанных с принципами устойчивого развития [6].

Таким образом, построение т.н. "цифровой экономики", о которой говорят с конца 2000-х годов, может рассматриваться как процесс перевода экономической активности людей в поле рациональности в самом строгом калькулятивном и математическом смысле. Развитие цифровой инфраструктуры и технологий ИИ открывает дорогу не просто к моделированию, а к воспроизведению в реальных условиях принципиально нового действующего субъекта – синтетического Номо оeconomicus, абсолютно рационального агента неоклассической экономики. Такой новый экономический агент получил в западной литературе название "экономической машины" (machina economicus) [7, p.267].

Поведение подобных однородных экономических агентов, располагающих полной информацией о своих действиях и действиях других таких же агентов и не имеющих ограничений по вычислительной мощности благодаря алгоритмам ИИ, может быть близко описано с помощью аналитического аппарата маржинализма, но уже не в абстрактной модели, а в рамках конкретного рыночного взаимодействия. Более того, в условиях цифровой экономики становится как никогда актуальной классическая теория игр, поскольку гиперрациональный искусственный агент (*machina economicus*) знает, что он взаимодействует с другими такими же агентами, в системе, где рациональность агентов является общеизвестной [8].

Новый уровень контроля за рыночными процессами в таких системах открывает уникальные возможности и для практического воплощения в жизнь теоретических принципов поведенческой экономики, которая отвергает стандартную модель рационального выбора как адекватное описание экономического человека, но сохраняет ее в качестве *нормативного стандарта* [9]. Разрыв между результатами реальных решений, принимаемых экономическими агентами, и предписаниями рационального выбора в рамках поведенческой экономики предполагается преодолевать через внешнее "подталкивание" (*nudge*) и приближение поведения обычных людей к нормативному идеалу совершенной рациональности [10]. Суть так называемой "теории подталкивания" заключается в том, что на решение индивидуума или группы можно повлиять путем положительного подкрепления и непрямых указаний или рекомендаций, а цифровая экономика создает идеальный инструмент для воплощения этого принципа на практике.

Рационализация поведения цифрового экономического субъекта "*machina economicus*" с помощью алгоритмов ИИ будет происходить как на уровне прямой коррекции его поведения как потребителя, так и с обратной стороны на уровне действий компаний, производящих продукцию или оказывающих ему услуги. Например, новые технологии автоматизированного принятия решений на основе ИИ в маркетинге открывают путь к прямым ценовым манипуляциям и неявному ценовому сговору, получившему в англоязычной литературе название "*algorithmic collusion*" ("сговор алгоритмов"). В рамках такого "сговора" алгоритм ИИ, запрограммированный на максимизацию прибыли компании, способен на основе анализа огромного массива данных о действиях потребителей и конкурентов автономно научиться достигать цели и без вмешательства человека обнаруживать и использовать новые правила ценообразования [11]. В результате становится возможным, к примеру, проводить персонализированное динамическое ценообразование и осуществлять ценовую дискриминацию первой или третьей степени, сегментируя рынки вплоть до отдельных потребителей и устанавливая каждому агенту индивидуальную цену в соответствии с его финансовыми возможностями [12].

Совокупность предоставляемых цифровой экосистемой возможностей по принудительной рациональности человека открывает дорогу для самого широкого внедрения на практике принципов т. н. "нового патернализма", в основе которого лежит теория подталкивания. Однако в рамках "нового патернализма" ключевой опекающей и нормирующей инстанцией становятся не государство, а глобальные цифровые корпорации. Модель поведения индивидов в глобальном масштабе будет задаваться владельцами цифровых платформ, обладающими доступом к цифровым данным о поведении людей и технологиям их обработки. При этом формально, этот процесс будет оставаться строго в русле либертарианской философии – цифровые платформы формально будут лишь структурировать область выбора экономических агентов, мягко подталкивать их к наиболее рациональному (нужному) решению, сохраняя видимость свободы выбора. Между тем, фактически, "рациональность" поведения перестанет быть элементом индивидуального свободного выбора, а превратится в результат инженерной и корпоративной политики. Дизайнеры цифровых систем, которые могут программировать поведение агентов любым желаемым образом, получают существенное влияние и власть. При этом автономная структура самих алгоритмов ИИ, может порождать новые, не заложенные в них инженерами и не обязательно желаемые или социально приемлемые в обществе правила поведения внутри цифровой среды, которые при этом могут быть строго рациональны с точки зрения внутренней логики ИИ.

Литература

1. Кошовец О.Б. Экономический агент в ваших мозгах: нейроэкономический дискурс и границы рационального // Вопросы теоретической экономики. 2022. №2 (в печати).
2. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. М.: Экономическая школа. 1998. 299 с.

3. *Daneke G.A.* Machina-economicus or homo-complexicus: Artificial intelligence and the future of economics? // *Real-World Economic Review*. 2020. No. 93. Pp.18–39.
4. *Holt R. P. F., Rosser Jr J. B., Colander D.* The complexity era in economics // *Review of Political Economy*. 2011. Vol. 23. No 3. pp. 357–369. DOI: 10.1080/09538259.2011.583820
5. *Ганичев Н.А., Кошовец О.Б.* Технологический прорыв на базе развития цифровой экономики: возможности, проблемы, риски // *Проблемы прогнозирования*. 2019. № 6 (177). С. 48-59.
6. *Ганичев Н.А.* Принудительная рационализация человека как главный эффект цифровой трансформации // *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме. труды III Всероссийской научной конференции*. М.: Русское общество истории и философии науки, 2021. С. 114-117.
7. *Parkes D.C., Wellman M.P.* Economic reasoning and artificial intelligence // *Science*. 2015, no. 349(6245). Pp. 267–272. <https://doi.org/10.1126/science.aaa8403>
8. *Van de Gevel A. J. W., Noussair C. N.* The nexus between artificial intelligence and economics // *CentER Discussion Paper*. 2012. Vol. 2012-087. <https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/1459497/2012-087.pdf>
9. *Капелюшников Р.И.* Поведенческая экономика и "новый" патернализм. часть II // *Вопросы экономики*, 2013, №10. С. 28-46.
10. *Thaler R.H., Sunstein C.R.* *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness*. New Haven and London: Yale University Press, 2008. P. 293.
11. *Calvano E., Calzolari G., Denicolò V., Harrington J. E., Pastorello S.* Protecting consumers from collusive prices due to AI // *Science*. 2020. Vol. 370 (6520). pp. 1040–1042. DOI: 10.1126/science.abe3796
12. *Ганичев Н.А., Кошовец О.Б.* Современные цифровые технологии как механизм создания ценовой дискриминации и рыночной власти. Секция 5 «Проблемы прогнозирования деятельности предприятий». Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXIII Всероссийского симпозиума. Москва, 12–13 апреля 2022 г. / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН, 2022. С.476-479. DOI: 10.34706/978-5-8211-0802-9-s5-02

СДВИГИ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ФРОНТИРОВ ЦИФРОВОЙ ЭРЫ: ВЗГЛЯД МЕТОДОЛОГА

Т.Г. Лешкевич

Доктор философских наук, профессор

Южный федеральный университет

E-mail: Leshkevicht@mail.ru

Рассматривается методологический потенциал фронтиров цифровой эры, влияющих на процесс смыслообразования. Основная проблема фиксирует разрыв развивающихся «вслепую» цифровых технологий и конструирования лично значимых смыслов персональной онтологии. Привлекается методологический потенциал квадриги, учитывающей параметры объектности, среды, проектности и процессуальности. Сдвиги смыслополагания ставятся в зависимость от значимых фронтиров современной эпохи. К числу базовых фронтиров, понимаемых как «точки выделенности», отнесены: сложность, эмерджентность, рекурсивность, фрактальность. В гибридной реальности сложность усиливается в связи с необходимостью сопряжения онлайн-овых и офлайн-овых практик. Эмерджентность указывает на многообразие степеней свободы, онтологическую и экзистенциальную случайность, несостоятельность допущений о полной управляемости событиями. Фрактальность фиксирует эффект самоподобия. Делается вывод, что делегирование искусственному интеллекту множества функций не отменяет императив: «Машины должны работать, люди должны думать».

Ключевые слова: цифровая эра, фронтиры, смыслообразование, методологическая квадрига

SHIFTS IN MEANING FORMATION UNDER THE INFLUENCE OF THE DIGITAL AGE FRONTIERS: METHODOLOGIST'S VIEW

T.G. Leshkevich

DSc in Philosophy, Professor

Southern Federal University

E-mail: Leshkevicht@mail.ru

The article considers the methodological potential of the frontiers of the digital era, influencing the process of meaning formation. The main problem fixes the gap between developing "blindly" digital technologies and the process of meaning formation as the construction of personally significant meanings of personal ontology. The methodological potential of the quadriga, which defines four main vectors of research: namely objectivity, environment, procedurality and projectivity, is significant. Shifts in meaning formation are considered depending on the frontiers of the modern era. Among the basic frontiers, understood as "points of emphasis", are: the complexity of the modern era, emergence, recursiveness, fractality. In a hybrid reality, complexity increases due to the need to interface online and offline practices and standards. Emergence indicates a variety of degrees of freedom, ontological and existential contingency, the visibility of assumptions about the absolute controllability of events. Fractality captures the effect of self-similarity. It is concluded that the delegation of many functions to AI does not cancel the imperative that machines must work, people must think.

Keywords: digital era, frontiers, meaning formation, methodological quadriga

Концепт «смысл» в экзистенциальной проекции истолковывается как выбор, решение или действие, сопровождаемые мыслью. Вместе с тем в условиях цифровой эры правомерно говорить о цифровой детерминации смысложизненной рефлексии, когда доминирование принадлежит цифровым алгоритмам вкупе с Big Data-технологиями и ускользает из-под власти социогуманитарной экспертизы, нацеленной на воплощение гуманных целеориентиров [1]. В то время, как стремительное развитие технологий осуществляется «вслепую», процесс смыслообразования сконцентрирован на генерировании смысловой сферы персональной онтологии как конструирования лично значимых смыслов. В существующей ситуации «the digital» анализ процесса смыслообразования указывает на своеобразный «коридор жизнеобеспечения», обозначающий жизненный маршрут и во многом зависимый от заданных обстоятельств. Поскольку человеку необходимо включиться в ту или иную «ячейку актуализированного мира», динамика смыслообразования может быть отождествлена со «стеной снятого выбора» (М.К. Петров). Снятый выбор намечает вектор локального движения в направлении предпочтительной траектории, но не освобождает индивида от последующих выборов и сдвигов в смыслообразовании с учетом стремительно меняющейся реальности. Это означает, что перестройка семантических регуляций происходит с учетом «вдействия» индивида в среду с последующим взаимовлиянием, что фиксируется принципом энактивизма.

Вместе с тем, смыслообразование как своеобразное «планерство» вынужденно сопрягать и во многом зависеть от редуцирования фреймов и тенденций эпохи, обуславливающих соответствующее целеполагание. Это «сканирование горизонтов» (А.Г. Асмолов), на наш взгляд, опирается на квадригу измерений в масштабе объектности, среды, процессуальности, проектности. С методологической точки зрения преимущества квадриги связаны с ее междисциплинарностью и приближением к целостному охвату проблем современного существования. Так, включенный в квадригу параметр объектности позволяет локализовать конкретное событие с учетом его специфики в историческом пространстве и времени. Анализ средовых факторов связан с распознаванием зон рисков и угроз. Проектность сконцентрирована на понимании возможностей, намерении «выжить из ситуации» ее возможности, учесть форсайт-перспективы. Субъект становится участником «со-возникновения» нового, влияя, тем самым, на смысловые значения окружающей его реальности. Маркер процессуальности ориентирует на вектор времени, динамику, ход и течение событий, определение границ – фронтиров роста.

Анализ фронтиров, понимаемых как границы, «точки роста», «точки выделенности», указывает на их системное воздействие как на цели, так и на совокупность намерений и потребностей человека, позволяя отличить декларацию от реализации. И если традиционно речь велась о многофакторной детерминации смысложизненной рефлексии, включающей как полюс субъектности, т.е. интенций внутреннего мира человека, так и полюс бытия, указывающий на зависимость от жизненных ситуаций

и контекста эпохи, то в условиях цифровой онтологии системосозидающие связи трансформируются. В ситуации, когда жизнь «лицом в устройство» – атрибут современного существования, смысловые регуляции испытывают программирующее воздействие Интернет-коммуникаций, включают в себя потребность в потреблении медиа-контента с его манипулятивными эффектами. А поскольку Интернет присваивает себе право быть конструктором жизнедеятельности, то основной сдвиг смысло-жизненных ориентиров связан с адаптацией к цифровой реальности. При этом технологическая оснащенность личного пространства оценивается как своеобразный критерий современности. В условиях цифровой реальности «элитарность и аристократизм функционирования самоактуализированных личностей» (Д. А. Леонтьев) неизбежно сталкивается с фактом наличия или отсутствия цифровых компетенций, умением ориентироваться в цифровых алгоритмах и необходимостью вписаться в заданный контекст вне всякой зависимости от его разумности и персональных предпочтений. Субъект оказывается актором цифровых интервенций, однако неукротимое стремление к самореализации так и остается острой жизненной потребностью и своеобразной антропологической константой.

Каковы же базовые фронтиры смыслообразования? Во-первых, важным фронтиром является то, что процесс смыслообразования в условиях неопределенности и хаосомности современности связан с «движением в сложности». Исследователи характеризуют эпоху сложности «игрой» взаимодействий, превращений и противоборствующих тенденций [2]. К необходимости постичь «невыносимую сложность мира» призывает приверженец «сложного мышления» Э. Морен поднимающий вопросы о принципах сложной причинности, неопределенных целях жизни [3]. Заметим, что сложность усиливается в связи с необходимостью существования в гибридной реальности, сопрягающей онлайн- и офлайн-практики, наложение друг на друга цифровых и физических навыкообразующих форм и стандартов. Во-вторых, онтологические ситуации, в которых изначально поставленная цель расходится со своими результатами, имеет «обратный эффект», сопровождается «веером» побочных и негативных последствий, обнажает такой базовый фронт как эмерджентность. Эмерджентность показывает, что сдвиги смыслополагания могут быть обусловлены внезапно возникающими ситуационными сценариями, новыми обстоятельствами, изменяющими выбранную «колею» спланированной стратегии жизни. Отметим и то, что эффект эмерджентности свидетельствует о многообразии степеней свободы, об экзистенциальной случайности, об уязвимости допущений о полной управляемости событиями. Возникающая здесь проблема связана с тем, что, с одной стороны, сознание человека в состоянии проявить особую чувствительность к эмерджентным – внезапно возникающим факторам. Однако, с другой, для субъекта в стадии зрелого мировосприятия характерен уход от возрастания меры хаотизации и стремление к ее минимизации. Возникший запрос на общую «философию выживания» в сложившихся условиях делает общим трендом практики выбора ресурсов с минимальным производством энтропии. При этом, как считают исследователи, важно отслеживать процесс сопряжения внутреннего и внешнего, при котором происходит осознаваемое наблюдение ситуации при одновременном конструировании ее смысла. Данная практика именуется понятием рекурсивность [Аршинов, 2015, с. 86

В-третьих, в условиях алгоритмической цифровой реальности значимым фронтиром выступает фрактальность, указывающая на то, что часть тождественна целому, фиксирующая свойство самоподобия. Она дает о себе знать в моделях поведения, где по единичному поступку можно судить о типических смысловых связях и поведенческих реакциях, образующих общую направленность смысловой регуляции. Резюмируя сказанное, отметим, что учет методологического потенциала фронтиров цифровой эры требует ускоренных рефлексивных актов. Но несмотря на то, что искусственному интеллекту, по скорости обработки информации и принятия решений превосходящему человеческие, делегируется множество функций, значимым остается девиз: «Машины должны работать, люди должны мыслить!»

Литература

1. *Лешкевич Т.Г., Мотожанец А.А., Катаева О.В.* Цифровая детерминация и трансформация смысло-жизненной рефлексии. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во ЮФУ. 2020. 196с.
2. *Mainzer K.* Thinking in Complexity. The Computational Dynamics of Matter, Mind and Mankind. New York: Springer, 2007. 482 p.
3. *Морен Э.* Метод. Природа Природы. 2-е изд. М.: Канон+, 2013. 487 с
4. *Аршинов В.И.* Сложностной мир и его наблюдатель // Философия, методология и история науки. 2015. Т. 1. № 1. С. 86–99.

**ПЕРФОРМАТИВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕРФЕЙСА:
ИНТЕГРИРОВАННАЯ СРЕДА, ЗОНА КОНТРОЛИРУЕМОЙ АДДИКЦИИ,
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ НИША***

К.А. Очеретяный

*Кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: kocheretyany@gmail.com*

В статье идет речь о постепенной эволюции интерфейса как цифровой платформы ментальных и телесных техник. Задумавшийся пионерами цифровой индустрии как набор перформативных метафор, выступающих скорее средой, чем инструментом он подразумевал усиление изначальных возможностей человека: коммерциализация интерфейса, рождение платформенного капитализма, широкое применение слабого искусственного интеллекта — создало ситуацию, когда среда не усиливает возможности, а регламентирует их, причем не только в программном, но и в дисциплинарном смысле. В мире информационного изобилия, когда всякая новая единица информации воспринимается в модусе агрессии как дестабилизирующий фактор, вызывающий стресс, отторжение, экранирование от интерфейса начинают ждать, регламентации, иерархии, порядка и последовательности. Все это приводит к тому, что интерфейс выходит за границы интерфейса — к вещам, а вещи сами становятся приложением к приложениям. Задача же состоит в том, чтобы создать интегрированную среду не устраняя фактор человеческой спонтанности, а для этого необходим экологический подход, теория аффордансов, бриколажные практики, партисипативный дизайн.

Ключевые слова: партисипативный дизайн, цифровая культура, интегрированная среда, перформативность, интерфейс, визуальная экология

**PERFORMATIVE EVOLUTION OF THE SURFACE: INDOOR ENVIRONMENT,
LOW CONCENTRATION ZONE, ECOLOGICAL NICHE**

К.А. Ocheretyany

*CSc in Philosophy, Senior Lecturer
St. Petersburg State University
E-mail: kocheretyany@gmail.com*

The article deals with the gradual evolution of the interface as a digital platform for mental and bodily techniques. Conceived by the pioneers of the digital industry as a set of performative metaphors that act more as a medium than as a tool, it meant strengthening the original capabilities of a person: the commercialization of the interface, the birth of platform capitalism, the widespread use of weak artificial intelligence - created a situation where the environment does not enhance opportunities, but regulates them, and not only in the programmatic sense, but also in the disciplinary sense. In the world of information abundance, when any new unit of information is perceived in the mode of aggression as a destabilizing factor that causes stress, rejection, shielding from the interface, they begin to wait for regulation, hierarchy, order and sequence. All this leads to the fact that the interface goes beyond the boundaries of the interface - to things, and things themselves become an application to applications. The task is to create an integrated environment without eliminating the factor of human spontaneity, and this requires an ecological approach, the theory of affordances, bricolage practices, participatory design.

Keywords: participatory design, digital culture, integrated environment, performativity, interface, visual ecology

Авитал Ронелл спрашивает: «почему нет культуры без культуры наркотиков?» [1, p.50] — нашим наркотиком долгое время являлись метафоры: они давали эффект остранения и вместе с тем — привязывали к этому остранению как к некой реальности, постепенно становясь паразитарной привычкой, истощая наше видение реальности. «Наша обыденная понятийная система, в рамках

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации (проект № МК-169.2021.2).

которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. Понятия, управляющие нашим мышлением, вовсе не замыкаются в сфере интеллекта. Они управляют также нашей повседневной деятельностью, включая самые обыденные, земные ее детали. Наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если мы правы в своем предположении, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой. Однако понятийная система отнюдь не всегда осознается нами. В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы, для нас совсем не очевидно. <...> Мы не утверждаем, что все культурные ценности, согласованные с метафорической системой, реально существуют; мы утверждаем лишь то, что те ценности, которые реально существуют и глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой» [2, с. 378-415]. Интерфейс вобрал в себя прежние техники тела и модели выражения опыта мира, но он же и преобразовал их. Поэтому для понимания его как культурной формы необходимо приблизиться если не к логике этого преобразования, то по крайней мере, к метафорическим смещениям в ней. «Характеристики метафоры в нашем языке те же самые, которые определяют, как метафора работает в интерфейсе. Подобно тому, как метафоры незаметно пронизывают нашу повседневную речь, так и они встречаются во всех интерфейсах, которые мы используем и разрабатываем. Точно так же, как мы используем военные термины, чтобы сделать довольно абстрактный процесс аргументации более осязаемым, мы используем объектные и контейнерные термины, чтобы сделать файловую систему Macintosh более конкретной. И точно так же, как мы воспринимаем аргументы как реальные конфликты, большинство пользователей Macintosh считают, что когда они перемещают значок документа из одной папки в другую, они действительно перемещают сам документ (в действительности «происходит» то, что указатель на файл переехал — конечно, «указатель» тоже метафора...) <...> Важно видеть, каким образом метафора может развиваться сама по себе», вести себя и нас, руководить нами [3, р. 65-73]. Цифра была прорывом от значения к присутствию — но стала новой привязкой, новым наркотиком, породив интерфейсы как зоны контролируемой аддикции. Интерфейс — интегрирует в свою среду, под видом вывода из всех остальных: наши действия в аналоговой среде — оказываются подчинены не просто логике, но эстетике цифровой среды, ее особым стилям чувственности, отношения к вещам и людям, переживания опыта. «На заре компьютерной эры Джон Маккарти и Дуг Энгельбарт, финансируемые сначала Джозефом Ликлайдером, а с 1965 г. Бобом Тейлором, работали всего в нескольких километрах друг от друга, но с таким же успехом могли находиться в разных вселенных <...> Эффект противоборства их новаторских исследований был неожиданным. Когда Маккарти в середине 1960-х гг. создавал в Стэнфорде Лабораторию искусственного интеллекта, его работа, сконцентрированная на таких амбициозных направлениях, как искусственный интеллект и доказательство правильности программ с использованием формальной логики, находилась в самом сердце компьютерной науки Энгельбарт нацеливался на создание «интегрированной среды» для усиления интеллекта человека. Первоначально это была менее отчетливая концепция, находящаяся в стороне от господствующего течения в академических исследованиях, однако на протяжении первых трех десятилетий существования интерактивных систем идеи Энгельбарта оказывали большее влияние на мир. Появление современных персональных компьютеров, а позднее технологий совместного использования информации вроде Всемирной паутины в определенной мере связано с исследованиями Энгельбарта. <...> В наши дни персональные компьютеры, превратившиеся в смартфоны, не носят с собой разве что их принципиальные противники. Смартфоны практически по определению образуют обширную сеть, которую соединяет беспроводной интернет. Их используют и как искусственную память. Сегодня многие буквально не могут поддержать беседу или найти дорогу в городе, не обратившись к ней» [4, с. 191-192]. Мы наблюдаем как интегрированная среда превращается в зоны контролируемой аддикции.

Ориентация в мире без мобильных гаджетов становится все менее возможной: банковские операции, документооборот, изучение пространства и работа со временем (составление маршрутов, поиск служб доставки, транспортного обслуживания), коммуникация, причем не только информативная, но и эмоциональная, т.е. работа с образом и самодокументирование присутствия, бытие в признанности, через артикуляцию прожитого опыта (в статусах, фотоотчетах, составлении историй и т.д.) и накопление символического капитала, вплоть до знакомств и планирования семьи — все это уходит в сеть и цифру под стекло наших устройств и осуществляется в согласии с их

вычислительными мощностями. Вместе с тем интерфейсы выходят из-под стекла. Пока мы экранируем наш опыт (для контроля, надзора, планирования, роста эффективности и экономии усилия — поскольку все перечисленное — критерии жизни, или выживания в цифровой среде) интерфейсы обнаруживаются по ту сторону экрана — они уже не столько привязаны к гаджетам сколько встроены в дизайн жизненного мира. Они обнаруживаются в стенах зданий и подземных переходов, в универмагах и банках, в вещах ежедневного использования — речь идет не только о том, что каждая вещь становится «умной» и получает свой (минималистичный) интерфейс, но и в том, что интерфейс вообще перестает иметь какую-то пространственную, количественную определенность в масштабах вещи, скорее он сливается с ней и неудивительно если уже сегодня мы можем все чаще встретить вещь, вся поверхность которой является интерфейсом — тактильным, сенсорным, аудиальным, визуальным. Интерфейс в цифровую эпоху — тотален. «Если не брать изобретения человеческого языка, который Жан-Жак Руссо называл «первым общественным установлением», ни один предыдущий способ коммуникации не получил столь широкого, общего, динамического распространения в повседневной жизни людей. Газеты циркулировали по гостиным, кофейням, и кухням, однако их все еще можно было не заметить, отложить в сторону, ими можно было выстлать ящики стола, завернуть в них мясо или рыбу, также они могли пригодиться для разжигания костра. У телефона было свое постоянное место — в кабинете, на кухне, или в гостиной; и хотя у него были вои эффекты гало, поскольку он менял повседневные привычки и ожидания пользователей, последние все еще могли свободно уклоняться от его звонков, часто по причине дороговизны <...> Различные мультимедийные техники и коммуникационные инструменты опираются на текст, осязание, звук и изображение. Они проникают во все закоулки нашей повседневной жизни. Они затрагивают внутреннюю идентичность людей и преобразуют ее» [5, с. 21-23]. Мир, где интерфейс совпадает с поверхностью вещи — это мир, в котором все сложнее отличить вещи от себя — само «Я» растворяется в цепи сигналов и откликов, триггеров и аттракторов. Фактически новые вещи, поглощенные интерфейсом, ведут нас в большей степени, чем мы их. Конечно, мы всегда принадлежали вещам: они давали покой и уют, привязанности и смысл, ориентацию в мире и надежду на будущее. Но сегодня их статус меняется поскольку сами вещи если и не становятся все менее вещественными, то все больше пребывают в становлении — по крайней мере все ярче и отчетливее обнаруживают свою незавершенность — они все меньше отличаются от программ, а потому все больше открыты обновлениями, фиксами, вторжению извне. Главный вопрос здесь как программную незавершенность обратить в человеческую открытость, т.е. технику интегрирования — в экзистенциальный вариант биохакинга, открытия новых телесных техник, ради нового опыта взаимодействия. Иными словами, вернуть метафорическую силу отстранения в рамках перформативных практик. Интерфейс во многом основан на недискурсивных факторах коммуникации ответственных скорее за эффект присутствия, чем за передачу значения именно поэтому важны тактильные и кинестетические эффекты интерфейса, важна работа с цветом как формой власти, с оптическими эффектами анаморфозы, хроматической абберации, цветовой тени, преломления, расположения цвета по ощущениям, выявления полярных цветов и сопоставления их с полярными эмоциями, сила дорепрезентативного цветового воздействия и, принципы композиции и перцептивной гармонии, гештальтирование, ранние нравственно-эстетические модели использования цвета и поздний экологический подход к визуальному восприятию, учитывающий возможные и невозможные аффордансы — все это может работать в условиях интерфейса не в рамках усиления аддикции (элиминации) и рационализации, а в рамках остранения (элиенации) и расширению чувственности — от интегративному дизайну к партисипативному, от программных технологий к бриколажным техникам. Теоретики киберкультуры отмечают: если ранее люди определяли себя в противоположность природе как разумные животные, то наступила эпоха, когда люди определяют себя в отношении к культуре и технике как чувствующие компьютеры, как эмоциональные машины [6, р.285]: для того, чтобы иметь право на экологическую нишу в высокотехнологизированном мире, человеку необходимо, чтобы интерфейсы давали новые эмоции — наиболее редкостные и глубокие, а не превращались в продолжении бюрократии.

Литература

1. *Ronell A. Crack Wars: Literature, Addiction, Mania. University of Nebraska Press, 1992. 175 p.*
2. *Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Арутюнова Н. Д., Журиная М. А. (ред). Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415*
3. *Erickson T. Working with Interface Metaphors. In: Laurel B. (Ed.) The Art of Human Computer Interface Design Addison-Wesley, 1990. pp. 65-73.*

4. *Маркофф Дж.* Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 191-192
5. *Кин Д.* Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ. 312 с.
6. *Turkle Sh.* The Second Self: Computers and the Human Spirit. Twentieth Anniversary Edition. The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England. 387 p.

ВОЗМОЖНА ЛИ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ?*

А.Б. Паткуль

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: a.patkul@spbu.ru*

В данном тексте ставится вопрос о том, возможна ли региональная онтология цифровой реальности, а если возможна, то каким средствами ее следует разрабатывать. Отталкиваясь от характеристики цифрового объекта как *res digitalis*, т.е. вещи, онтологический статус которой находится между *res cogitans* и *res extensa*, данной ему Дж. Кимом, здесь показано, что в конституцию бытия цифрового объекта всегда включен момент субъективности, осуществляющей синтез идентификации цифрового объекта как именно цифрового. Этот синтез должен рассматриваться как результат конституирующей деятельности сознания, анализ которой как раз и может дать представление о конкретных особенностях способа бытия объектов цифровой реальности. Путем анализа конституирующей деятельности сознания идет феноменологическая философия. Она исходит из понятия интенциональности как базового свойства сознания, состоящего в том, что оно всегда направлено на свой предмет, а характер этой направленности задает специфику конституирующего синтеза идентификации предмета. Общий вывод исследования состоит в том, что феноменологический анализ цифровой интенциональности мог бы стать приоритетным путем к разработке региональной онтологии цифровой реальности.

Ключевые слова: цифровая реальность, *res digitalis*, онтологический статус, региональная онтология, феноменология, конституирование, цифровая интенциональность

IS A REGIONAL ONTOLOGY OF DIGITAL REALITY POSSIBLE?

A.B. Patkul

*CSc in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy of Science and Technologies
Saint Petersburg State University
E-mail : a.patkul@spbu.ru*

In my paper, I pose the question of the possibility of a regional ontology of digital reality. If this kind of ontology is possible, then, the question raises what is the adequate way to elaborate it. Based on the characteristics of the digital object as *res digitalis*, i.e. as a thing, the ontological status of which is placed between *res cogitans* and *res extensa*, given to it by J. Kim, I show that the constitution of the existence of a digital object always includes the moment of subjectivity, which realises the synthesis of identification of a digital object as precisely digital. This synthesis should be considered as the result of the constitutive activity of consciousness, the analysis of which can give an idea of the specific features of the mode of existence of objects of digital reality. In opposition to other branches of contemporary philosophy, phenomenology deals with inquiry into constitutive activity of consciousness. It proceeds from the concept of intentionality as a basic property of consciousness, which consists in the fact that it is always directed towards its own object, and the nature of this direction determines the specifics of the constitutive synthesis of the

* Исследование проведено при поддержке Гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-2020-798).

identification of an object. The general conclusion of the study is that the phenomenological analysis of digital intentionality could become a priority path to the development of a regional ontology of digital reality.

Keywords: digital reality, *res digitalis*, ontological status, regional ontology, phenomenology, constitution, digital intentionality

Пожалуй, сегодня едва ли кто-либо возьмется отрицать существование цифровой реальности. Важным обстоятельством в этом случае является то, что здесь мы имеем дело с появлением на свет особого типа существующего — такого, которого еще совсем недавно не было. Современные люди по сути стали свидетелями его возникновения. Вместе с тем относительно цифровой реальности возникает множество вопросов.

Во-первых, представляется, что само это наименование является предварительным и в философском отношении не критичным, поскольку остается неясным, какое метафизическое понятие реальности вообще имеется в виду, когда речь заходит о сфере цифрового. Указывает ли в данном случае «реальность» на самостоятельность существования цифрового? Или термин маркирует его резистентный характер по отношению к желаниям, волеям и действиям субъекта? Быть может, «реальность» здесь вообще берется в том давнем смысле, согласно которому данный термин маркирует сущее, обладающее непротиворечивым набором сущностных свойств, «чтойностью»? Во-вторых, споры вызывает и то, как эта сфера существующего соотносится с другими, особенно близкими к ней сферами. Например, можно спросить, как относится цифровая реальность и реальность виртуальная. Эти затруднения сходятся, в-третьих, в вопросе о том, что именно означает «быть», когда относительно цифровых объектов говорится, что они есть. Присущ ли им некий уникальный способ бытия, который позволил бы отличить их в целом сущего от всех прочих его типов?

Спрашивать о том, каким именно образом нечто существует, значит ставить вопрос об онтологическом статусе этого нечто. Исследование онтологического статуса — дело онтологии. Если речь идет о собственном способе бытия цифровой реальности, которая представляет собой определенный регион сущего, то ее исследование ее способа бытия должно оказаться ничем иным, как региональной онтологией цифровой реальности.

Возникает вопрос о том, возможна ли она, а если возможна, то каким именно образом.

Начать ответ на эти вопросы можно с того, что уже ближайшее наведение показывает: цифровой объект не существует по тому же самому способу, по какому существуют объекты самой фундаментальной, как считается, слоя сущего — неживой природы. Цифровой объект не есть вещь среди других вещей, лучше скажем, тело среди других тел, ведь, занимая определенную локацию, он не исключает из нее все другие тела, как, например, карты из виртуальной колоды, разложенные в пасьянс на мониторе компьютера, не исключают из той локализации, в которой они воспринимаются, саму поверхность физического монитора. Вместе с тем цифровые объекты в значительном числе случаев — этот пример, правда, не универсален для них — воспринимаются именно как вещи. Они являются квази-вещами. Дж. Ким очень точно, хотя и предварительно, охарактеризовал объект цифровой реальности в его собственной онтологической определенности как *res digitalis* — цифровую вещь. Ким пишет о ней: «Учитывая парадоксальные характеристики цифрового сущего, я бы сказал, что мы должны понимать цифровые сущие как третью сущность, находящуюся где-то между *res cogitans* и *res extensa*» [1, 107]. Парадоксальность же ее характеристик *res digitalis* состоит в том, что она сочетает в себе две исключают друг друга характеристики: она есть и вещь, и не-вещь. (Противоречия в собственном смысле не возникает потому, что предикаты вещи и не-вещи присущи объектам цифровой реальности в разных отношениях). Можно сказать и так, что эти объекты суть не-вещи, которые выдают себя за вещи. Но как такое оказывается возможным?

С точки зрения Кима, цифровые объекты могут совмещать как вещные, так и не-вещные свойства. Здесь же можно усилить этот тезис, сказав, что бытие *res digitalis* возможно исключительно как специфический синтез *res extensa* и *res cogitans*.

В самом деле, едва ли можно оспорить то, что цифровые объекты не существуют изолированно от, скажем так, своего протяженного субстрата. Но с другой стороны, *res extensa* еще не является цифровым объектом как таковым: требуется еще нечто дополнительное, благодаря чему свое характерное существование обретет *res digitalis*. Это нечто должно быть таким, чтобы оно могло составлять условие возможности бытия не-вещи-являющейся-в-качестве-вещи. Им оказывается определенного типа синтез идентификации чувственных данных в смысловое единство, благодаря которому нечто узнается как нечто. Такой синтез может быть осуществлен только на стороне *res cogitans*, имеющей достаточно сложную композицию. К тому же, если смотреть на дело из перспективы самой *res cogitans*, то можно

заметить, что такой смысловой синтез является, по меньшей мере, синтезом второго порядка. Бытие *res digitalis* предполагает некоторое «переключение» на стороне *res cogitans*, только и позволяющее идентифицировать выделенные чувственные данные, так или иначе относящиеся к этой вот *res extensa*, в качестве обладающей *относительно* независимым от нее существованием *res digitalis*. Именно такая сложная система смысловых синтезов позволяет *res digitalis* быть как не-вещи-являющейся-в-качестве-вещи.

Поэтому полноценную региональную онтологию цифровой реальности невозможно построить без соответствующего исследования реципирующего ее сознания. *Res digitalis* в уникальности способа ее бытия может быть понята только в виду адекватного понимания коррелятивной ей *res cogitans*.

В сфере онтологии отвечать на вопрос об онтологическом статусе бытия того или иного предметного региона через анализ корреляции этого региона и соответствующего ему типа сознания принято в феноменологии. Только сознание тут берется не как рецептивное, а как конституирующее, т.е. способное опознавать, согласно традиционной феноменологической формуле, «нечто как нечто», в чем-то данном как это вот нечто, обладающее общим предметным смыслом. Это опознание сознанием нечто в качестве обладающего тем или иным общим предметным смыслом и называется *конституированием*.

Ведущий вопрос феноменологически понятой региональной онтологии цифровой реальности состоит, таким образом, в том, какие находящиеся на стороне сознания условия позволяют ему идентифицироваться объект в качестве цифрового.

Трудность ответа на этот вопрос состоит в том, что конституирование сознанием цифрового объекта как цифрового уже заключает в себе динамику перехода между вещьностью и не-вещностью и обратно. А ей соответствует и определенные типы переключения конституирующего сознания.

Так или иначе, ответ на вопрос о собственном способе бытия цифровой реальности может быть достигнут на пути исследования особенностей конституирования принадлежащих ей предметов, а это исследование, в свою очередь, — на пути исследования *интенциональных исполнений* сознания, в которых осуществляется наделение данного смыслом цифрового объекта, его идентификация в качестве такового. Под интенциональностью в феноменологии понимается фундаментальное свойство сознания всегда быть направленным на некоторый предмет, быть «сознанием о...». При этом предполагается, что между характером предмета и типом интенционального акта имеется соответствие — так, что интенциональные предметы определенного типа могут быть даны только в соответствующего ему типах интенций, а в неподходящих для них интенциональных актах даны быть не могут.

Особую важную роль в виду двойственности и динамики онтологической конституции цифровой реальности для такой онтологии представляет различие, говоря в самом широком смысле, активности и пассивности и их композиции в интенциональных исполнениях, конституирующих цифровую реальность. Пассивная сторона цифровой интенциональности, которую можно условно назвать «интенциональностью пользователя», идентифицирующая цифровую реальность в качестве реальности, того, что на деле имеет место, отвечает за конституирование вещных моментов цифровых объектов. Активная же ее сторона, «интенциональность программиста», отвечает за конституирование не-вещных моментов этой реальности, как и за возможность самого различения между вещьностью, в которую погружена «интенциональность пользователя», и не-вещностью цифрового объекта. Исследование этих типов интенциональности при этом упирается в предельную проблему собственного характера сознания и отличительной интенциональности, которые только и делают возможным переключения между названными типами интенциональности, или, если угодно, установок, а значит, в каком-то смысле, уже должны онтологически предшествовать и быть общими для них обоих.

Поэтому для феноменологической региональной онтологии цифрового одним из ключевых вопросов будет вопрос о том, каким именно должен быть тип интенциональных исполнений, благодаря которому нечто может быть приписан предметный смысл цифрового объекта.

Литература

1. Kim J. Phenomenology of Digital Being // Human Studies. 2001. Vol. 24. P. 87-111.

ЦИФРОВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СПОСОБЫ ИХ КОНСТРУИРОВАНИЯ

В.И. Пржиленский

Доктор философских наук, профессор

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: vladprnow@mail.ru

Цифровая реальность стремительно вторгается в ранее возникший комплекс реальностей: физической, социальной, правовой и даже реальности повседневной жизни. Социальная феноменология помещает реальность повседневной жизни в фундамент пирамиды реальностей. Цифровая реальность может быть сконструирована двумя возможными способами: социальным и интеллектуальным. Итогом социального конструирования реальности является предельная реальность – реальность повседневной жизни. Тогда как физическая, социальная, правовая реальности сконструированы интеллектуально. Первые цифровые реальности – виртуальные – были сконструированы интеллектуально, но конструирование цифровой реальности повседневной жизни является социальным. Этот процесс создает новые возможности, но и таит в себе новые опасности. К числу опасностей относятся колонизация внутреннего мира человека, манипуляция и вторжение в глубинные слои человеческой экзистенции. Преодоление негативных процессов зависит от способности управлять конструированием цифровой реальности повседневной жизни.

Ключевые слова: конструирование, виртуальная реальность, цифровая реальность, социальное, интеллектуальное, повседневность

DIGITAL REALITIES AND METHODS OF THEIR CONSTRUCTION

V.I. Przhilenskiy

DSc in Philosophy, Professor

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: vladprnow@mail.ru

Digital reality is rapidly penetrating the previously formed complex of realities: physical, social, legal, and even the reality of everyday life. Social phenomenology places the reality of everyday life in the foundation of the “pyramid of realities”. Digital reality can be constructed in two possible ways: the social one, and the intellectual one. The result of the social construction of reality is precisely the ultimate reality – the reality of everyday life. At the same time, the physical, the social, and the legal realities are the realities of theories, and their construction is intellectual. The first digital realities – the virtual realities of computer games and training simulators – were constructed in an intellectual way, but the construction of the digital reality of everyday life is social. This process creates new opportunities, but also poses new dangers. Among such dangers are colonization of human psyche (inner world), as well as manipulation with and intrusion into the deep layers of human existence. The ability to overcome the negative processes depends on the ability to manage the construction of the digital reality of everyday life.

Keywords: construction, virtual reality, digital reality, social, intellectual, everyday life

Цифровая реальность – сравнительно новое понятие и о целесообразности его введения до сих пор ведутся споры. Говорить о множестве цифровых реальностей вполне естественно с точки зрения кажущейся легкости их появления, если считать в качестве такового всего лишь написание еще одной компьютерной программы. Проблема состоит лишь в том, что в процессе накопления сравнительно легко создаваемых и, на первый взгляд, столь же легко уничтожаемых реальностей, растет не только механически. Постепенно из отдельных мини-реальностей формируется макси-реальность, а затем и мегареальность, которая активно интегрирует в себя не только интеллектуально, но и социально сконструированные реальности. Без всякой гиперболизации можно утверждать, что цифровая реальность вторгается в жизнь человека и общества, преобразует социальную реальность, вторгается в глубинные слои человеческой экзистенции. [1]

Благодаря средствам и методам неокантианской и феноменологической философии историкам науки удалось реконструировать процесс интеллектуального конструирования реальности, впервые

осуществленный Галилеем, Ньютоном, Лейбницем и другими создателями математического естествознания. [2] Именно тогда, задолго до первых компьютеров, была осуществлена исторически первая цифровизация природы и само понятие реальности их универсального свойства отдельных вещей стало обозначать особым образом представленный мир. Это был мир, понятый как сверхвещь, где каждая единичная вещь рассматривалась как законосообразное проявление этой сверхвещи-реальности. [3]

Позднее от физической реальности те же феноменологи перешли к реальности повседневной, выявив и описав особый, отличный от галилеевского способ ее конструирования. Этот иной способ, появившийся значительно раньше, они назвали социальным, потому что повседневная реальность, в отличие от реальности теоретической физики, не была спроектирована кем-то специально. В соответствии с концепцией социологии знания или социальной феноменологии, реальность повседневной жизни возникла (или была сконструирована) стихийно – она «незаметно» формировалась параллельно с языком, культурой, обществом. [4]

Основоположник социальной феноменологии А. Шюц проследил составление из «разнородных» реальностей некой целостной структуры, фактически идентичной миру. Из множества многочисленных реальностей он выделил некое ядро – «мир работы», придав ему статус высшей реальности. «Это мир физических вещей, – отмечает А. Шюц, – в число которых входит и мое тело; это сфера моих перемещений, телесных операций; он оказывает мне сопротивление, преодоление которого требует приложения усилий; он ставит передо мной задачи, позволяет мне претворять мои планы; он позволяет мне достигать успеха или терпеть неудачу в достижении моих целей» [5, с. 421].

То, что А. Шюц называет актами работы, есть совокупность действий, направленных на внешний мир, будь то манипуляции с вещами или же взаимодействие с другими людьми. Действующий индивид при помощи актов работы включается в мир, изменяет его и произведенные им изменения становятся общим достоянием. Другие могут видеть сами действия индивида и ощущать их результаты, оценивать их и проверять. Так внешний мир становится intersubjectивным и в этом главное свойство повседневной реальности.

Появление компьютеров возвестило о наступлении новой эры, обусловившей, среди прочего, появление нового вида реальности, называемого цифровой реальностью. Первым видом цифровой реальности стала виртуальная реальность компьютерных игр и обучающих тренажеров. IT-технологии позволили получить эффект перемещения в особый мир, создаваемый при помощи компьютерных программ и специальных средств взаимодействия с органами чувств. Сегодня предлагаемые массовому потребителю гаджеты способны значительно превзойти границы имитации зрительных и слуховых восприятий. «Очки и шлемы виртуальной реальности (VR) научили передавать запахи, удары, брызги и не только!» – радостно сообщается в рекламе.

Число виртуальных реальностей, созданных для игры, обучения, исследования или моделирования оказалось ограничено лишь ресурсами разработчиков и емкостью соответствующего рынка. И когда этих реальностей стало достаточно много в жизни одного человека, возник вопрос о том, как совместить «путешествия» не только с «возвращениями» в исходный не виртуальный мир, но и друг с другом. Американский философ Д. Чалмерс даже определил, что соединение разных виртуальных реальностей в некоторых отношениях сближает объединенную виртуальную реальность с миром квантовой механики. «В Apple-реальности, – пишет Д. Чалмерс, – в парке есть пианино. В Google-реальности этого нет. То же самое встречается и в законах квантовой физики. Объективный факт: в Apple-реальности действует некая система законов. Также объективным является факт, что в Facebook-реальности эти законы действуют по-другому. Важно отметить, что как система Apple-реальности, так и система Google-реальности являются частями объективной реальности». [6, с. 231–232]

Можно согласиться с Ф. Петтит в том, что конструкторы виртуальной реальности вольно или невольно вторгаются во внутренний мир человека, в глубинные слои человеческой экзистенции. Тем самым одни индивиды получают возможность влияния на когнитивные и креативные способности других индивидов, каковое может быть использовано как во благо (для их расширения и углубления), так и во зло (для манипуляций). [7] К. Отрел-Касс называет виртуальный мир сверхсвязанным. Здесь исчезает различие между человеческим и техническим познанием. Субъект, изучающий цифровую реальность, проникает внутрь ее, становится ее частью, вступает в игру с миром, «предполагая контекстуализированную реакцию, способ, которым определенная среда оценивается и анализируется изнутри для того, чтобы осуществлять ответную реакцию на внешний мир». [8, с. 78]

Нетрудно заметить, что все обсуждения виртуальных реальностей, а также средств и способов их сосуществования, взаимодействия и интеграции напоминают средств и способы сосуществования,

взаимодействия и интеграции научных теорий. А вот реальность повседневной жизни формирует совсем иную цифровую реальность, которая видимо не может быть названа виртуальной [9]. Речь идет о той самой реальности, которая обозначена как ядро и как мир работы. Такая цифровая реальность формируется в процессе взаимодействия с физическими вещами и социальными институтами, пространственными перемещениями и межличностными взаимодействиями при условии, если действующий использует достаточное количество цифровой техники, чтобы ее влияние стало существенным. Я сижу на диване и кручу в руках электронно-цифровое устройство, позволяющее мне знакомиться с сообщениями СМИ, искать нужную мне для работы информацию, коммуницировать с сотрудниками, осуществлять финансовые операции, совершать преступления и т.д. Каждый из этих видов деятельности был доступен и раньше. Радио и телефон, газета и телевизор, переписка с банком и бюрократическими инстанциями – все это изменяло пространственные и временные параметры нашей деятельности, как еще раньше переезд из деревни в город означал переход в «искусственный» мир. Но кумулятивный эффект от все возрастающего числа электронно-цифровых устройств меняет это пространство и время значительно сильнее. Цифровая реальность повседневной деятельности – это реальность, в которой физические постоянные превращаются в переменные. Именно этим она и интересна.

Литература

1. *Пржиленский В.И.* Конструирование цифровой реальности: интеллектуальное versus социальное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 4. С. 668–682.
2. *Пржиленский В.И.* Идея реальности и эпистемологический конструктивизм // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 105–113.
3. *Пржиленский В.И.* "Реальность": социально-эпистемологическое исследование // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 105–113.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. 1995.
5. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. 2004.
6. *Chalmers D.* Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. New York, NY: W.W. Norton & Company, 2022.
7. *Pettit P.* The Virtual Reality of Homo Economicus // The Monist. 1995. vol. 78, no. 3, pp. 308-329.
8. *Otrell-Cass K.* Consciousness in a Hyperconnected World: The Entanglements of Human–Machine Cognition / Hyperconnectivity and Digital Reality. Towards the Eutopia of Being Human. Editor Kathrin Otrell-Cass. Springer Nature Switzerland AG, 2019.
9. *Пржиленский В.И.* Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 68-80.

Смысл, структура и руины визуального*

К.П. Шевцов

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации

E-mail: shvkst@gmail.com

Избыток визуальной продукции и визуальной информации в целом давно заставляет задуматься о проблеме визуальной экологии и визуального загрязнения. Очевидно, что мы сталкиваемся не с изменением в природе зрения и зримостей, но с тем, какое значение приобретает визуальный материал в общей экономике нашего существования. Чем больше мы инвестируем себя в структуры зримого мира, тем активнее зрительные образы используются в качестве означающих самых различных сообщений, в том числе и в качестве пустых означающих, фейков и симулякров. Тем самым опустошается собственный смысл визуальности как способа открытости мира, расположения в мире и узнавания в нем себя. Иначе говоря, визуальность сегодня становится приоритетным

* Грант РФФИ № 21-18-00046 от 26.04.2021 "Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды".

полем циркуляции особого рода мусора – семиотического, технического, дигитального.

Ключевые слова: визуальное загрязнение, возвращение взгляда, руины, технологии взгляда

THE MEANING, STRUCTURE AND RUINS OF THE VISUAL

K.P. Shevtsov

DSc in Philosophy, Professor

St. Petersburg State University of Civil Aviation

E-mail: shvkst@gmail.com

The excess of visual products and visual information in general has long made us think about the problem of visual ecology and visual pollution. It is obvious that we are faced not with a change in the nature of vision and visibility, but with the importance that visual material acquires in the overall economy of our existence. The more we invest ourselves in the structures of the visible world, the more actively visual images are used as signifiers of a variety of messages, including as empty signifiers, fakes and simulacra. This empties one's own sense of visuality as a way of opening up the world, placing oneself in the world and recognizing oneself in it. In other words, visuality today becomes a priority field of circulation of a special kind of garbage – semiotic, technical, digital.

Keywords: visual pollution, return of sight, ruins, technologies of sight

Избыток визуальной продукции и визуальной информации в целом давно заставляет задуматься о проблеме визуальной экологии и визуального загрязнения. Очевидно, что мы сталкиваемся не с изменением в природе зрения и зримостей, но с тем, какое значение приобретает визуальный материал в общей экономике нашего существования. Чем больше мы инвестируем себя в структуры зримого мира, тем активнее зрительные образы используются в качестве означающих самых различных сообщений, в том числе и в качестве пустых означающих, фейков и симулякров. Тем самым опустошается собственный смысл визуальности как способа открытости мира, расположения в мире и узнавания в нем себя. Иначе говоря, визуальность сегодня становится приоритетным полем циркуляции особого рода мусора – семиотического, технического, дигитального. Страх в отношении грязи, отходов преследует людей с древнейших времен, однако современный мир почти стирает границу вещи и мусора, продукции и отходов производства, благодаря чему, с одной стороны, забота о переработке мусора становится технологической задачей, а, с другой стороны, отвращение к отходам выходит из своих границ и приобретает форму глобального страха и отвращения к первичному чувственному опыту, и, прежде всего, к опыту визуальному. Речь идет о загрязнении как отчуждении зрения и зримости, искажения смысла визуальности, и это дает нам возможность пройти по границе смысла и отчуждения, описать породу визуальности и ее осыпание, оседание в терриконах визуального мусора и грязи. По-видимому, мы не можем говорить о загрязнении без прояснения общего вопроса о смысле визуальности и не можем говорить о визуальности без прояснения ее радикального предела, упадка и загрязнения; эта связь смысла видимого и его утраты, опустошения, является предметом данной статьи.

Можно ли говорить о визуальном загрязнении в принципе? Трудность состоит в том, что с одной стороны зрительное пространство в целом – это пространство света и его отражений и хотя здесь можно говорить об отсутствии света, рассеивании, сумраке и пр., но никак не о загрязнении. С другой стороны, нет визуального пространства без многообразия вещей, которые могут оцениваться нами как грязь в том или ином отношении (функциональном, моральном, эстетическом), но это не дает повода считать их визуальной грязью. Чтобы разобраться с этим, стоит оттолкнуться от рассуждения Мэри Дуглас в «Чистоте и опасности», которая дает довольно простую, и сложную одновременную, дефиницию: «Грязь это то, что лежит не на своем месте». Очевидно, что она предполагает наличие правильных мест, то есть в нашем случае наличие некой разметки визуального поля как такового.

Мне кажется, правильно говорить здесь о том, что определяет для нас некие нормы установления, расположения, захвата видящего *взгляда*. И если свет – это некая данность, бытие визуального, то структура взгляда – это вопрос порождения и конституирования *смысла видения*, смысла световой/визуальной открытости. Тема взгляда ведет нас в частности к идеям Лакана, а именно к теме пятна как отметке субъекта и его желания вписать себя в зрелище мира. Это желание и является в конечном итоге причиной всякого визуального загрязнения. Очевидно, это вполне соответствует

идеям Дуглас, поскольку именно человек устанавливает тот порядок позиций, в отношении которых что-то (причем созданное им же самим) начинает восприниматься как грязь.

Примем для удобства несколько аналогий. Есть то, что причиняет своеобразную зрительную боль, поскольку обладает свойствами пороговыми для нашего зрения в отношении формы или размеров, цвета, движения и пр. Это можно сравнить с плохой артикуляцией речи или проблемой с передачей звука в устройстве или проблемой бессмыслицы в языке, пустой речью, которая обнаруживает не просто предел смыслоразличения, но и тот странный момент, где форма речи еще действует, а предмет тем не менее исчезает, заставляя пустые фразы содрогаться в нас в некоем пароксизме значения. Иное дело, парадокс, абсурд – то, что возникает в языке как некое пятно смысла, видимое и в то же время непроглядное, порождающее смысл, но не с целью его прояснения, а с целью его отмены и убийства. Парадокс – это некое неправильное использование языка, причем одновременно и в отношении формы, и в отношении смысла. Это неправильность, которая ставит под вопрос не просто тот или иной речевой акт и речевое поведение того или иного человека, а сам язык в его способности порождать и удерживать систему значений. Парадокс можно назвать загрязнением языка в смысле того системного загрязнения, о котором пишет Дуглас. Можно ли найти аналогию этому загрязнению в видимом поле?

Очевидно, речь может идти только о тех явлениях, которые ставят под сомнение *смысл самого видения* как такого. Мы не просто видим, но мы еще и придаем особый смысл этой способности видеть, открывать мир в свете, посредством света. Визуальное поле всегда осмыслено для нас как кристалл, в котором одна грань отражается в другой, одно служит проводником к другому, видится через другое и дает опору видения другого. Мы видим не просто цвет, но цвет поверхности, тела, пространства, распознаем в видимом скрытые в нем стороны, возможности приближения, тактильного ощущения, звучания и пр. пр. Зрение дает нам многомерное пространство, которое завершает для нас многомерность чувственного вообще (многомерность нашего присутствия в теле). Загрязнение визуального поля затрагивает именно смысл видения и видимого, потому что покушается на (расшатывает, угрожает, упраздняет) многомерность визуального мира (прежде всего, на способность видимого быть проводником к другому видимому). Начнем с простого примера: плохая копия, ксерокс, фотография. Возникает трудность с переходом от одного элемента к другому и, далее, от видимого к смыслу видимого. Это минимальная форма загрязнения, которая легко считывается и блокируется благодаря навыкам чтения. Более того, плохое качество копии или фото может само стать неким важным феноменом видения, если, например, оно станет нашим способом видения иного времени, исторической толщи времени и пр. Отсюда и второй пример. Руины, которые открывают нам работу времени, смерти, забвения и пр. Романтика руины. И руины советской и современной эпохи, которые строятся уже как руины, потому что не совпадают с временем, его целями и возможностями, технологиями и вкусами, не достраиваются по причине своей ненужности и остаются свидетелями своей бессмысленности, некими тупиками видимого. Разумеется мы можем рассказать их историю, но в них всегда преобладает некое непроглядное пятно того, что явлено, но ничего само не являет, никуда не ведет взгляд. Оно отсылает только к самому зрению как парадокс лжеца, который утверждает только то, что некто говорит и говорит при этом сам, что его речь пуста, лишена истины.

При всем внешнем отличии подобную структуру (пятна, грязи) мы часто встречаем в рекламе, ТВ, цифровых образах, которые рассчитаны на привлечение внимания, завладение взглядом, захват желания, но при этом видимое в них отсылает только к самому нашему желанию как (яркому) пятну в поле зрения. Такие образы, конечно, преследуют свои цели и отсылают к своим значениям, но эти значения возникают не из артикуляции видимого, а как заполнение пустоты видимого-ради-видимого. Эта структура чем-то напоминает не только загрязнение как нарушение запрета у Дуглас, но и то ритуальное нарушение запрета, которое должно дать соединение разных принципов, управляющих структурой социума (прежде всего, принципов семейных отношений, зависимых от различия полов, и политических отношений, уравнивающих всех ради подчинения вертикали власти). Действительно, реклама как бы разыгрывает традиционный конфликт видения и речи, чтобы замкнуть на себе видимый образ, превратить его в зияющую брешь смысла, которая позволяет наполнять эту брешь произвольным смыслом (приобретающим тем самым ценность некоего спасительного высшего смысла). Этот жест замыкания видения на себе можно сравнить с тем, что я анализировал в работе о фейках как риторическую избыточность жеста, перформатив утверждения. Этот перформатив обретает свою речевую наполненность за счет как раз показательного вычеркивания смысла визуального, сведения видимого к пятну, грязи, которая шокирует и заставляет искать спасения в иллюзорной истине перформатива. Реклама как образ рая, лучшего мира, который неизбежно должен превратиться в пятно мир реальный.

Можно ли выделить некий критерий или критерии визуального загрязнения? Апелляция к смыслу вроде бы предполагает такую возможность, но и делает ее трудноосуществимой, потому что речь может идти только о внутренних критериях этого смысла, а тогда возникает вопрос о возможности его прояснения. Но возможно ли это и какими средствами? Можно попытаться найти отрицательный критерий и, например, сказать, что если смысл видимого сводится к смотрению на это видимое, то тогда мы приходим, на самом деле, к распаденню смысла, превращению его в пятно и загрязнение. Но и тут возникают вопросы. Всегда ли мы можем сказать о чем-то, что его визуальный смысл сводится к смотрению на него? А если и так, то достаточно ли этого критерия для характеристики всего, что мы считаем визуальной грязью?

НАУКА О ДАННЫХ КАК МАШИННЫЙ НЕОПЛАТОНИЗМ

Н.А. Ястреб

*Доктор философских наук, директор института социальных и гуманитарных наук
Вологодский государственный университет
E-mail: nayastreb@mail.ru*

В статье рассмотрены методологические основания науки о данных как исследовательской парадигмы. Показано, что наука о данных заменяет реальный объект совокупностью значений количественных параметров, а причинно-следственные связи – корреляциями. В концептуальном плане можно провести параллель между наукой о данных и античным неоплатонизмом, так как в обоих случаях утверждается наличие скрытого математического слоя реальности, который отражается в материальных объектах и онтологически превосходит реальный мир. Сделан вывод о том, что для данной парадигмы мир представляет собой последовательность нулей и единиц, а онтология исследуемой реальности локализована на границе, где физическое явление превращается в сигнал, и где число превращается сначала в сигнал, а затем в физическое явление.

Ключевые слова: цифровизация, большие данные, наука о данных, неоплатонизм

EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

N.A. Yastreb

*DSc in Philosophy, Head of the Institute of Human and Social Sciences
Vologda state University
E-mail: nayastreb@mail.ru*

The article considers the methodological foundations of data science as a research paradigm. It is shown that data science replaces the real object with a set of values of quantitative parameters, and causal relationships with correlations. Conceptually, there is a connection between data science and ancient neoplatonism. In both cases, the presence of a hidden mathematical layer of reality is affirmed, which is reflected in material objects and ontologically surpasses the real world. It is concluded that for data science the world is a sequence of zeros and ones. The ontology of the investigated reality is localized on the border where the physical phenomenon turns into a signal, and where the number turns first into a signal, and then into a physical phenomenon.

Keywords: digitalization, big data, data science, neoplatonism

Исторически сложилось, что целые эпохи в развитии человечества связывались с технологиями. По-видимому, эта традиция берет свое начало в археологии и антропологии, где ученые пытались понять цивилизации через артефакты, оставшиеся от них. В настоящее время мы также часто пытаемся понять людей и общество через те технологии, которые определяют основные процессы и явления человеческой жизни. В этом смысле не будет преувеличением назвать наше время «цифровым веком».

Появление термина «цифровизация» закономерно встретило некоторое сопротивление и даже отрицание, в том числе у специалистов. В прошлом мы уже переживали эпохи «алгоритмизации», «информатизации», в связи с чем закономерен вопрос о том, является ли цифровизация просто новым модным понятием, или это слово отражает некоторое качественное изменение в сфере

информационных технологий и в обществе в целом. Алгоритмизация, расцвет которой пришелся на 1970-80-е гг., была направлена на внедрение автоматизированных систем управления, прежде всего, в производство. К началу 1990-х гг. начинается массовое производство персональных компьютеров, которые становятся доступными сначала крупным и средним компаниям, а затем – малому бизнесу и обычным пользователям. Общедоступность вычислительных машин и их мультимедийность дают начало информатизации, сущностной стороной которой было внедрение информационных технологий практически во все стороны существования общества и социальные практики. На этом этапе технологии рассматривались как инструменты, которые могут повысить эффективность разных видов деятельности, обеспечат сохранность информации и доступ к ней.

Поворотом от информатизации к цифровизации можно считать появление сервисов Web 2.0, которые сделали каждого человека, а затем и практически каждое цифровое устройство источником информации, представленной в виде кода. То есть цифровизацией можно назвать процесс перевода в двоичный код различных сторон жизни и видов деятельности человека, общества, государства и даже природных объектов. Причем сначала она происходит в виде оцифровки, например, сканирования книг из библиотечных фондов, а затем в виде цифровой трансформации, когда уже сам цифровой формат определяет формы, методы организации и даже цели деятельности.

Технологическим ядром цифровизации являются инструменты сбора, хранения и анализа больших данных. Попытки определения Big Data в отечественной и зарубежной литературе чаще всего связаны с выделением пяти параметров данных, или 5V: Volume, Variety, Velocity, Veracity, Value (объем, разнородность, скорость, достоверность, ценность) [1]. Имеется в виду, что данные должны быть настолько большими, чтобы их нельзя было обработать вручную, собираться и обрабатываться с большой скоростью, обновляться в режиме реального времени, соответствовать реальности и быть потенциально полезными для решения практических задач [2]. Однако объяснение того, что данные являются «большими» потому что они большие, не способствует пониманию сути явления. На наш взгляд, ключевым отличием больших данных от традиционных данных является то, что эти технологии способны превращать то, что для человека является шумом, в значимую информацию и в дальнейшем извлекать из нее знания. В отдельности такие данные могли быть получены и вполне традиционными методами. Например, мы можем при помощи относительно простых инструментов измерять сердцебиение или колебания температуры в помещении тогда, когда нам нужна эта информация. Но мы не будем проводить эти измерения непрерывно, если эти данные нам не нужны для решения конкретных задач. Однако сейчас у нас есть технологии, которые собирают эти данные в автоматическом режиме, и, разработав определенные алгоритмы анализа этих данных, мы можем извлечь из них полезную информацию о состоянии здоровья человека или эффективности системы отопления. Таким образом, *технологии больших данных представляют собой инструменты для превращения любых сигналов, в том числе слабоинформативных, в данные, а затем – в значимую информацию.*

Данные часто называют новой нефтью. Действительно в современной экономике данные стали важнейшим ресурсом, позволяющим найти индивидуальный подход к потребителю. Основанием для такого сравнения является то, что и нефть, и данные, для того чтобы принести пользу и коммерческую прибыль, должны быть очищены. Однако вряд ли корректно сравнивать данные с нефтью даже метафорически в силу принципиальных онтологических различий этих двух сущностей. Если нефть представляет собой исчерпаемый материальный геологический ресурс, то данные нематериальны, их источником может быть кто угодно и что угодно, они легко транслируются, не подчиняются закону сохранения и могут наращиваться до бесконечности. Нефть нужна, чтобы приводить машины в движение, а данные нужны, чтобы обучать с их помощью системы искусственного интеллекта. И наконец, технологии переработки нефти не способны ее производить, в отличие от систем работы с данными, которые не только обрабатывают поступающие к ним сигналы, но и производят огромное количество метаданных, также являющихся ценным ресурсом. Метаданные уже не связаны с объектами реального мира и являются полностью синтезированными.

Способ получения данных определяет эпистемические операции, производимые над ними. Л. Флориди выделяют три вида данных по их происхождению [3]. *Исторические* данные, он их также называет подлинными или реальными, берутся из материального мира. Примерами таких данных могут быть оцифрованные книги, томограммы, фотографии, то есть любая введенная человеком или полученная от сенсорных датчиков информация. Синтезированные данные полностью генерируются системами искусственного интеллекта. К ним можно отнести сгенерированные искусственным интеллектом сценарии игры в шахматы, основанные не на примерах партий, а только на правилах. Принципиальным отличием синтезированных данных является то, что они производятся в форме,

уже пригодной для машинной обработки, очищены от ошибок, неизбежных при ручной разметке, а также не подпадают под законы о персональной информации и защите конфиденциальности, поскольку искусственный интеллект, их источник, не обладает субъектностью. Между историческими и синтетическими данными существует большой слой *гибридных* данных, которые уже не являются в полном смысле историческими, но сохраняют связь со своим источником. Социальные графы активности пользователей социальных сетей или данные систем электронного обучения сгенерированы машиной по определенным алгоритмам, но все еще содержат информацию о реальных источниках. На гибридные данные распространяются те же нормы по защите конфиденциальности, что и на исторические, несмотря на то, что сами данные созданы машиной. В результате для обхода законодательных запретов чаще всего применяется тактика обеднения, в частности, обезличивания данных. Важной эпистемологической задачей в этой области является разработка таких инструментов анализа данных, которая позволила бы использовать ресурс исторических данных без их обеднения и при этом не нарушать права и свободы человека.

Д. МакКвиллиан называет науку о данных «машинной метафизикой» [4, p. 254] и «автоматизированной формой прикладной философии: машинным неоплатонизмом» [Ibid, p. 259]. Он обращает внимание на некоторую схожесть влияния неоплатонизма на античную (и даже новоевропейскую) науку и прикладного анализа данных – на современные научные исследования. Неоплатонизм утверждает наличие скрытого математического слоя реальности, который отражается в материальных объектах и онтологически превосходит реальный мир. Наука о данных заменяет реальный объект совокупностью значений количественных параметров, а причинно-следственные связи – корреляциями. Сами данные при этом предстают как нечто «онтологически превосходящее», поскольку они существуют вне контекста и не могут быть предвзятыми. Для дата-аналитика вычисление «играет роль посредника между несовершенным миром данных и чистой функцией, связывающей признаки с целью» [Ibid, p. 261].

Наука о данных претендует на роль парадигмы, является организующей идеей, смысл которой заключается в анализе информации такого масштаба и сложности, которые находятся за пределами прямого понимания людьми. Нейросетевые модели позволяют выявлять закономерности, о которых исследователь мог даже не подозревать, и при этом обладают достаточно хорошим прогностическим потенциалом, благодаря чему находят свое применение в различных областях от медицинской диагностики до социологии. Несмотря на то, что анализ данных не претендует на выявление причинно-следственных связей (только на экспликацию корреляций), его результаты все чаще применяются для поддержки принятия решений, поскольку в «сознании наблюдателя», работающего с данными, формируется представление об их объективности, очищенности от человеческих эмоций, предпочтений и установок. Так, анализ цифровых следов претендента на получение кредита или на работу в банке, демонстрирует общий принцип изучения человека без самого человека. Банки больше доверяют анализу данных, оставленных человеком, чем интервью с самим человеком, которых может лгать и манипулировать работником. При этом все-таки сами данные нельзя считать «рентгеновским снимком» реальности, очищенным от любых контекстов.

Для философского исследования проблемы цифровизации важно понимание того, что в основе всех вызванных ею социальных, ценностных и мировоззренческих трансформаций, а также этических проблем лежат онтологические особенности цифровых инструментов. Если для Витгенштейна мир – это совокупность фактов, то для цифровых технологий мир – это последовательность нулей и единиц. Онтология этой реальности локализована на границе, где физическое явление превращается в сигнал, и где число превращается сначала в сигнал, а затем в физическое явление. Именно процессы в этой гибридной реальности определяют в конечном итоге способы и формы применения новых информационных технологий.

Литература

1. Большие данные в социальных и гуманитарных науках: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; отв. ред. Е.Г. Гребенщикова. М., 2019. 193 с.
2. Floridi L. Big Data and Their Epistemological Challenge // *Philosophy & Technology*. 2012. No 25. Pp. 435–437.
3. Floridi L. What the Near Future of Artificial Intelligence Could Be / L. Floridi // *Philosophy & Technology*. 2019. № 32. Pp. 1–15.

4. *McQuillan D.* Data Science as Machinic Neoplatonism / D. McQuillan // *Philosophy &. Technology.* 2018. № 31. Pp. 253–272.
5. *Russo F.* Digital Technologies, Ethical Questions, and the Need of an Informational Framework / F. Russo // *Philosophy &. Technology.* 2018. № 31. Pp. 655–667.
6. *The Onlife Manifesto. Being Human in a Hyperconnected Era* / Ed. Luciano Floridi. – Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer, 2015. 256 p.
7. *Шваб К.* Технологии Четвертой промышленной революции: [перевод с английского] / Клаус Шваб, Николас Дэвис. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУТУРОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ЦИФРОВОЙ/ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.М. Маслов

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: maclov@bk.ru*

Художественная футурология – это теоретическое направление сбора смысловых достижений искусства (прежде всего, утопий, научной фантастики) в отражении будущего. Художественная футурология призвана обогатить теорию современного общества как техногенной цивилизации в ее изучении вне-пост-человеческих технологий/тенденций развития, в частности и особенно, виртуальной реальности, способной тестировать будущую жизнь. Мир искусства образно и теоретически (С. Лем) начинает осваивать проблематику виртуальной реальности с 1940-1960-х годов. Художественные произведения (фильм «Матрица» и др.) обусловили общеизвестность виртуальной реальности. В экзистенциальном плане произведения искусства больше способствуют негативному восприятию виртуальной реальности. Это неплохо подтверждается, например, известным ростом агрессивности активных пользователей современных компьютерных игр. Но позитивное отношение к виртуальной реальности тоже имеет место быть и находит соответствующие доказательства (полнота свободной деятельности). Определенная амбивалентность в подобном серьезном вопросе – еще один аргумент в пользу снятия неопределенности и угроз от современного интенсивного научно-технического развития или скорейшего утверждения бытия посттехногенной цивилизации, дающей общезначимое приемлемое решение виртуальной и соответствующих проблем техногенной цивилизации.

Ключевые слова: цифровая реальность, виртуальная реальность, техногенная цивилизация, утопия, научная фантастика, художественная футурология, футурология, посттехногенная цивилизация

ARTISTIC FUTUROLOGY AND THE PROBLEM OF DIGITAL/VIRTUAL REALITY

V.M. Maslov

*DSc in Philosophy, professor of the Department of Philosophy
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: maclov@bk.ru*

Artistic futurology is a theoretical direction of collecting semantic achievements of art (first of all, utopias, science fiction) in the reflection of the future. Artistic futurology is designed to enrich the theory of modern society as a technogenic civilization in its study of non-post-human technologies / development trends, in particular and especially, virtual reality, capable of testing future life. The world of art figuratively and theoretically (S. Lem) begins to master the problems of virtual reality from the 1940s-1960s. Artistic works (the film «The Matrix», etc.) caused the well-known virtual reality. Existentially, works of art contribute more to the negative perception of virtual reality. This is well confirmed, for example, by the well-known increase in the aggressiveness of active users of modern computer games. But a positive attitude to virtual reality also takes place and finds appropriate evidence (completeness of free activity). A certain

ambivalence in such a serious issue is another argument in favor of removing uncertainty and threats from modern intensive scientific and technological development or the speedy establishment of the existence of a post-technogenic civilization, which provides a generally meaningful solution to virtual and the corresponding acceptable problems of technogenic civilization.

Keywords: digital reality, virtual reality, technogenic civilization, utopia, science fiction, artistic futurology, futurology, post-technogenic civilization

Ход человеческой истории оставил в прошлом времена мифологической социальной стабильности и идеологической понятности, где знания прошлого определяли знание будущего. Становление постмифологического мира столкнулось с социальной напряженностью и неопределенностью будущего. Это основы возникновения утопий, художественных произведений, описывающих будущий «золотой век», идеальное бытие людей [1, с. 7]. Интерес к утопиям растет в переходные периоды – так было в ходе становления современного общества. «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, неразрывно связав счастье людей с новой наукой и техникой, вывела традиционную утопию на новый качественный уровень, ведущий к появлению научной фантастики.

С сер. XX в. формируется футурология – наука о будущем. Содержание утопий, научной фантастики значимо для научной футурологии. Отсюда, значимость создания «художественной футурологии», основу которой составляет научная деятельность по анализу содержательных достижений искусства в отражении будущего. Выделяются два направления деятельности художественной футурологии. *В первом* – исследуется история художественной практики на предмет открытия значимых для футурологии знаний. *Во втором* – содержательные художественные достижения подключаются к актуальной работе современной футурологической мысли. Точное понимание актуальности формирования художественной футурологии и ее непосредственных задачах дается в ходе обозначения специфики современного научно-технического развития и техногенной цивилизации.

Научно-техническое развитие играет все более значимую роль в современной общественной жизни, что соответствующим образом подтверждается в многочисленных теориях, например, в концепции четвертой промышленной революции [2]. Инновационный характер современного общества определяет его техногенной цивилизацией в выдвинутой в конце XX в. теории В.С. Степина. Суть возникшей в XVII в. в Западной Европе техногенной цивилизации – обеспечить каждому максимум свободы, счастья, интересной жизни на основе науки и техники. Рост внимания к скорости научно-технических изменений (обсуждение темы технологической сингулярности [3]) актуализируют проблему возможности завершения исторического развития человечества, как специфической формы земной жизни. Техногенные максимумы и качественные пределы отражают такие высокие технологии как нанотехнологии, искусственный интеллект, робототехника, высокие социально-гуманитарные технологии, биокиборгтехнологии, виртуальная реальность. Молекулярное производство Э. Дрекслера вводит идею техногенной сборки и разборки всего существующего. Развитие искусственного интеллекта, робототехники ведут к формированию полноценной внечеловеческой формы жизни. Дальнейшее развитие высоких социально-гуманитарных технологий лишает человека свойства субъектности. Совершенствование биотехнологий, киборгтехнологий, виртуальной реальности создают постлюдей в форме мутантов, киборгов, виртуанавтов [4, с. 70-72]. Указанные вне-пост-человеческие технологии требуют соответствующего внимания, но особо стоит отметить проблематику виртуальной реальности (созданной с помощью компьютера реальности, воспринимаемой реальной реальностью), интересной самой по себе и плане моделирования возможного будущего.

Отмечается сущностное родство художественной и виртуальной реальности [5]; в принципе, самозабвенное погружение в художественное произведение сравнимо с виртуальным погружением. Классический художественный интерес к возможности одновременной реализации множества жизни одного человека («Портрет Дориана Грея» О. Уальда, «Степной волк» Г. Гессе), художественное освоение физической концепции параллельных Вселенных и машины времени можно считать наличием общей художественной основы для принятия идеи виртуальной реальности. Близость проблематики виртуальной реальности научной фантастике иллюстрирует высококлассный анализ «фантоматики» С. Лема в «Сумме технологии» (1964). Искусство сделала виртуальную реальность общеизвестной, рубежным является фильм «Матрица» (1999). Среди множества встречающихся названий «виртуальной реальности» (цифровая, электронная ... реальность; киберпространство) в искусстве больше используется виртуальная реальность. Это еще один аргумент в критике

сравнительной конкурентоспособности обозначения «цифровая реальность» [6] (последняя, в принципе, может отражать исходный субстрат виртуальной реальности).

Художественное выражение темы виртуальной реальности актуальный материал для современного обсуждения пользы/вреда виртуальной реальности. Преобладают негативные оценки (дополняемые образами «Матрицы», «Черного зеркала»), не в последнюю очередь связанные с наличной практикой ухода в интернет, социальные сети, компьютерные игры, что затрудняет реальную коммуникацию и способствует росту агрессивного поведения [7]. Но общая способность виртуальной реальности обеспечить реализацию индивидуальной свободы оставляет в силе и представление о том, что виртуальная реальность может внести существенный вклад в обеспечение свободного развития человека будущего [8]; образы фильма «Тринадцатый этаж» (1999) могут дать интересные аргументы за эту позицию. Намечающаяся амбивалентность виртуального вопроса актуализирует необходимость дальнейшего изучения данной проблематики в рамках развития теории и практики посттехногенной цивилизации, суть которой – общее понимание и нейтрализация негативных сценариев развития техногенной цивилизации.

Литература

1. Воробьев Л. Утопия и действительность // Утопический роман XVI-XVII веков. М., 1971. С. 5-38.
2. Ястреб Н.А. Этические и социальные последствия технологий четвертой промышленной революции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 6. С. 79–81.
3. Shestakova I. To the question of the limits of progress: Is singularity possible? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия и Конфликтология. 2018. № 3. С. 391–401.
4. Маслов В.М. Философия техники: учебное пособие. – Нижний Новгород, 2021. 119 с.
5. Розин В.М. Существование, реальность, виртуальная реальность // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000. С. 56-74.
6. Пржиленский В.И. Понятие цифровой реальности: значение и смысл // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 68–80.
7. «Бытие-в-мире» электронной культуры. СПб., 2020. 192 с.
8. Маслов В.М. Свобода, свободы, виртуальная реальность // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 5 (439). Философские науки. Вып. 56. С. 50-58.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.Н. Фозилзода

Аспирант кафедры философии

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

E-mail: vip.elizabeth@inbox.ru

В статье анализируется трансформация трудовой идентичности человека в контексте цифровизации труда. В последнее время труд претерпевает трансформацию, автоматизация, роботизация, цифровизация рабочих мест бросает вызов человеку, его профессиональной идентичности. Данная ситуация изменила трудовую этику и отношения, сложившиеся в эпоху классического капитализма. Производственный труд вытесняется новыми формами активности, реализуемых при помощи цифровых технологий в онлайн формате. В информационном обществе жизнь человека все сильнее структурируется вокруг самореализации в конкурентной среде, а работа становится основным путем достижения этой цели. Идентификация себя происходит через признание другими важности человека, через наличие у него собственности и вещей, добытых путем труда. Цифровизация, автоматизация труда, освобождая человека от работы лишает его основного способа идентификации себя в социуме, при этом перед личностью открываются новые возможности личной идентификации. Развитие цифровых технологий, позволяющих работать в гибком графике и удаленном формате позволяют человеку свободно выбирать идентичность, что приводит к усилению процесса индивидуализации в сфере труда.

TRANSFORMATION OF A PERSON'S LABOR IDENTITY IN THE INFORMATION SOCIETY

E.N. Fozilzoda

Graduate student of Department of Philosophy

Samara State University

E-mail: vip.elizabeth@inbox.ru

The article analyzes the transformation of a person's labor identity in the context of digitalization of labor. Recently, labor has been undergoing transformation, automation, robotization, digitalization of workplaces challenges a person, his professional identity. This situation has changed the work ethic and attitudes that developed in the era of classical capitalism. Industrial labor is being displaced by new forms of activity implemented using digital technologies in an online format. In the information society, a person's life is increasingly structured around self-realization in a competitive environment, and work becomes the main way to achieve this goal. Self-identification occurs through the recognition by others of the importance of a person, through the presence of his property and things obtained through labor. Digitalization, automation of labor, freeing a person from work deprives him of the main way of identifying himself in society, while new opportunities for personal identification open up before the individual.

Keywords: identity, labor, digitalization, freelance, capitalism, values

В последнее время труд претерпевает трансформацию, автоматизация, роботизация, цифровизация рабочих мест бросает вызов человеку, его профессиональной идентичности. Данная ситуация изменила трудовую этику и отношения, сложившиеся в эпоху классического капитализма. Производственный труд вытесняется новыми формами активности, реализуемых при помощи цифровых технологий в онлайн формате. Сама профессия стала для личности больше, чем способом заработать на жизнь. Человек информационного общества, как работник, иначе ощущает, осознает и реализует себя в стремительно меняющемся мире [1]. Претерпевает изменение трудовое сознание личности, возникают новые ценности и мотивационные установки, а также формируется трудовая идентичность человека информационной эпохи. В статье анализируется трансформация трудовой идентичности человека в контексте цифровизации труда.

Ученые в области цифровых технологий и искусственного интеллекта прогнозируют, что в ближайшее десятилетие на рынок труда, в качестве работников, выйдут роботы и машины. К 2036 году около 50 % рабочих процессов будет автоматизировано [2]. С одной стороны, данная ситуация приводит к безработице, с другой стороны цифровые технологии оказывают и положительное влияние на рынок труда. Создаются платформы, программные продукты, позволяющие работать удаленно, в гибком графике и находить работу без привязки к территории, что увеличивает шансы на трудоустройство. Такая ситуация приводит к появлению новых форм трудовых отношений, изменению взаимодействия между работодателем и сотрудником, что в совокупности трансформирует отношение к труду самого человека, как личности.

К. Маркс определял труд как вечное естественное условие существования человека и общества [3, с. 195], деятельность по созданию потребительской стоимости, с другой стороны, как положительную творческую деятельности [4, с.116]. В первом случае он выделял натуралистический аспект труда, как основное условие жизни индивида. Носителем естественного труда является человек, который выступает в качестве субъекта производства [5, с.64-68]. Труд есть не сырье, не орудие труда, он отдален от всех средств и предметов труда от всей своей объективности, он есть чисто субъективное существование. К. Маркс предметность труда определяет, как качество, присущие самому индивиду, совпадающее с ним, труд есть неопредмеченное, а стало быть, непредметное, то есть субъективное. В эпоху модерна труд полагался как высшее благо, как основа человека, через которую формируется идентичность личности [6, с.181]. Выявленная предметность труда, становится качеством присущим индивиду, на фоне данной субъектности становится понятно, что труд не отделим от человека, а он от труда. В информационном обществе жизнь человека все сильнее структурируется вокруг самореализации в конкурентной среде, а работа становится основным путем достижения этой цели. Идентификация себя происходит через признание другими важности человека, через наличие у него

собственности и вещей, добытых путем труда [7, с.25]. Таким образом цифровизация, автоматизация труда, освобождая человека от работы лишает его основного способа идентификации себя в социуме, при этом перед личностью открываются новые возможности личной идентификации. Согласно Новой философской энциклопедии идентичность не является присущим с рождения свойством личности, а формируется в ходе социальных взаимодействий в обществе. Значение идентичности определяет индивид, так, как только личность является субъектом – носителем деятельности, познания и сознания, и может применять к себе или не применять значения [8].

В эпоху развития капитализма появляется «корпоративная идентичность», которая позволяет человеку использовать различные социальные лифты совершить выбор и самоопределиться. С начала XX века в процессе изменений социальной жизни, развития способов коммуникации и сферы передачи информации формируется «персональная идентичность». Решающая роль информационных потоков в коммуникативной сфере привели к мобильности индивида в ментальном, ценностном, профессиональном плане [9]. Персональная идентичность является объединением смыслов бытия, мотивации к действиям, ценностных принципов, поведенческих паттернов индивида. Утверждение культа потребления, постоянное развитие форм передачи информации, становление цифрового, информационного общества приводят к появлению многообразных форм персональной идентичности [10]. В ходе постоянных социальных изменений, трансформации рынка труда персональная идентичность становится важным фактором социальных взаимоотношений. Являясь совокупностью субъектных возможностей, ресурсов, набором талантов, способностей и профессиональных навыков человека она становится товаром на рынке труда, который каждая компания пытается заполучить как ресурс «креативного производства». Так как именно работники с ярко выраженной и сформированной персональной идентичностью, имея широкий и разносторонний набор навыков и умений могут увеличить прибыльность предприятия [11, с.7-12]. Происходит переход от «тяжелого» капитализма к «легкому», выбор профессии один раз и на всю жизнь сменяется временным пребыванием в трудовых отношениях. Рабочий, являющийся капиталом производства, больше не зажат в жесткие рамки обязательств, теперь капиталист заинтересован в свободных формах организации труда, которую можно в любой момент трансформировать в угоду меняющейся экономики и безжалостно устранить «лишний» капитал. Человек становится зависимым от меняющейся среды, непостоянных параметров эффективности, автоматизации, соответственно возрастающей конкуренции на рынке труда, все это в сумме приводит к безработице.

В связи с этим на рынке труда появляются фрилансеры, кочевники, как новый рабочий класс. Прежние отношения работодателя с сотрудниками основанные на корпоративной этике, длительном сотрудничестве стали не актуальны в информационном обществе. Работники новой формации не связывают свою судьбу с будущим компании, рассматривая лишь временные возможности, которые можно от нее получить. Нестабильность жизни и трудовой деятельности с одной стороны приводит к появлению трудового серфинга, с другой стороны желание человека обрести хоть какую-то стабильность толкает на вынужденное следование корпоративному кодексу компании. Таким образом формируется модульно-корпоративный тип работника, принимающего любые ценности работодателя в угоду стабильности, что приводит к невозможности свободно выбирать идентичность [1]. Место работы становится еще одним вариантом выбора ценностей для самоидентификации, но и такая ситуация тоже времена, что сохраняет тревогу за будущее. Этнос профессии претерпевает трансформации, выбор специальности перестает носить характер выбора предназначения, некой миссии, которую необходимо выполнить во благо человечества. Как отмечает Бауман, такая работа, не будучи соединенной с «миссией человечества и призванием отдельного человека», «уже не может служить бесспорной этической осью индивидуальной жизни» [12, с.150]. Поле выбора ценностей мигрирует в дилемму: служить профессии или жить за счет профессии? [1]

Однако развитие цифровых технологий, позволяющих работать в гибком графике и удаленном формате позволяют работникам отказываться от неприемлемых для них ценностей корпораций и становиться «свободными агентами», сотрудничающими по контракту. Такая форма трудовых отношений позволяет человеку свободно выбирать идентичность, что приводит к усилению процесса индивидуализации в сфере труда [13, с.63]. Отношения между личностью и корпорацией разрушаются. Ранее преобладавшая форма трудовых взаимоотношений, построенных на отказе от самореализации в угоду трудовой этики, сформированной социумом уходит в прошлое. Теперь человек, получивший свободу, отрицает ценности работодателя, прежние формы труда и занятости, образа жизни, которым он был вынужден жить. Таким образом происходит становление новой формы идентичности человека информационного общества. Работа становится сферой раскрытия способностей индивида и его личной реализации в жизни. Трудовой договор, который заключался раньше с компанией, теперь

выглядит как контракт с обществом о реализации талантов личности в обмен на возможности. Формируется новая трудовая этика информационного общества, основанная на свободе, возможности быть собой, не подстраиваясь под чуждые ценности корпораций, ответственности и собственных критериях успешности [1].

Вертикальное построение карьеры, основанное на иерархичной структуре компании, сменяется горизонтальным расширением в мастерстве профессии или отрасли, преданности клиентам, членам команды. Индивид в обретении идентичности ориентируется на «других», представляющих для него значимость и действительную ценность, вместо ложных корпоративных идеологий [14, с.204]. Таким образом в информационную эпоху трудовая идентичность определяется через персональную, раскрывая и реализуя единство жизненной миссии человека и его профессиональной деятельности.

Литература

1. *Алашеева Р. В.* Современные трансформации персональной идентичности в сфере труда: этический аспект // *Этика в современной философско-культурологической перспективе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.* Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 178-187.
2. McKinsey & Company // *Цифровая Россия: новая реальность.* URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).
3. *Маркс К.* Капитал. Т.1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-ое. изд. Т.3.с. 195.
4. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1858 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.,* Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 46. Ч. 2. С. 113.
5. *Соснина Т.Н.* Карл Маркс «О простых моментах процесса труда». С.: СНЦ.2018.с.64-68.
6. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
7. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. 208 с.
8. Новая философская энциклопедия. . URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ИДЕНТИЧНОСТЬ (дата обращения: 05.04.2022).
9. *Тхагансоев Х. Г.* Идентичность как философская категория // *Гуманитарий Юга России.* 2012. Том. 0. № 1. С. 76-90.
10. *Павлова О.Н.* Цивилизационный феномен нарциссизма: векторы объективации в парадигме психоанализа // *Вопросы философии.* 2010. № 6. С. 20-32.
11. *Крылов А.Н.* Эволюция идентичностей. М.: НИБ, 2010. 272 с.
12. *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
13. *Пинк Д.* Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Издательский дом «Секрет фирмы», 2005. 328 с.
14. *Бакитановский И.В., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. 378 с.

ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ (НА ПРИМЕРЕ СЮЖЕТА КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ «DETROIT: BECOME HUMAN»)*

Т.А. Балакирева

Магистр культурологии,

зам. начальника отдела образовательных программ по направлению философия

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: balakireva_tanya@mail.ru

Гипотетическая ситуация существования искусственного интеллекта, равного или даже превосходящего человеческий по своим возможностям, давно является одним из сюжетов произведений научной фантастики. Присутствие рядом с человеческим существом сознательного субъекта, созданного из микросхем и процессора, сразу же ставит перед нами вопрос о его статусе по отношению к людям. В этом ключе и

* Подготовлено в рамках проекта РФФИ № 20-013-00865 «Социокультурная функция образования в России: философская аналитика»

выстраивается сюжет научно-фантастической компьютерной игры Detroit: Become Human. Завязка сюжета: у группы андроидов, существующих независимо друг от друга, внезапно начинает формироваться эмоциональный интеллект, который в ситуации моральной дилеммы функционирует необычным образом (андроид может послушаться приказа человека и поступить по «совести»). Здесь проявляются на разных уровнях моральные дилеммы: считать ли робота-андроида, у которого сформировался эмоциональный интеллект, субъектом общества, равным по правам и возможностям человеческому; допустимо ли ставить таких андроидов на службу человеку; можно ли их продавать и т.д.

Такая и подобные ей игры позволяют не только развлечь геймера, но и осуществляют педагогическую функцию: учат адаптироваться к потенциально нереальным явлениям, позволяют сформировать рефлексивность как устойчивую практику. Воспринимая события сюжета как встречу с Другим, человек получает возможность более глубокой рефлексии на темы культуры, общества, собственной жизни и т.д.

Ключевые слова: моральные дилеммы, искусственный интеллект, медиафилософия, Другой, научная-фантастика, компьютерные игры

ETHICAL ESSAYS OF COOPERATION WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE (ON THE EXAMPLE OF COMPUTER GAME “DETROIT: BECOME HUMAN”)

T.A. Balakirev

Master of Cultural Studies,

Deputy associate administrator of Educational Program on Philosophy

Saint Petersburg State University

E-mail: balakireva_tanya@mail.ru

This study is determined to indicate the effect of the cooperation between artificial intelligence and a human being. The presence of conscious subject that made of processor and microchips nearby human leads to new challenges for humanity. What predicates should android have? Are they similar to human's? Moral dilemmas appear here. This could be illustrated on the example of science fictional computer game Detroit: Become Human. The plot of the game tells us three stories of the androids that tend to gain emotional intellect. Their emotional intellect begins to conflict with the three rules of robotics technology so that everyone of them gets into it's own moral dilemma: if it saves one creature, the other dies. The social world of Detroit: Become Human is on the edge of inclusion androids as part of the community. But only the crisis could lead to such decision. At first sight this sci-fi story just entertains gamer, but on the deeper level it teaches humanity how to prepare to even almost unexpectable happening.

Keywords: moral dilemmas, artificial intelligence, media philosophy, The Other, science-fiction, computer games

Данное исследование представляет некоторые этические проблемы взаимодействия человека и искусственного интеллекта на примере научно-фантастической компьютерной игры Detroit: Become Human, а также позволяет выдвинуть тезис о педагогическом значении компьютерных игр. Мы рассмотрим моральные дилеммы, представленные в игре и сделаем вывод о назначении таких сюжетов.

Особенность фантастического дискурса заключается в условности повествования, предполагающего возможность существования чего-либо нарушающего законы природы или опережающего развитие науки. Данную условность в теории литературы принято называть – фантастическое допущение [1]. Перенести данное определение можно и на дискурс компьютерных игр, обнаружив фантастическое допущение в сюжетных поворотах многих из них. Сюжет игры Detroit: Become Human – предмета нашего исследования - повествует о мире будущего, в котором изобретены антропоморфные роботы-андроиды, носители искусственного интеллекта. Игра включает три сюжета, опишем их кратко.

Первый связан с героем-андроидом Коннор. Он является наиболее совершенной, но тестовой моделью робота. Его особенностью является способность расследования происшествий. Коннор направляется для раскрытия преступлений, происходящих по причине развития у андроидов девиаций. В прошивку каждого из них встроены правила поведения: исполнять поручения хозяина, не наносить вред человеку. Если андроид отклоняется от этих поведенческих констант, то он становится девиантом.

Некоторые девианты травмированы людьми настолько, что сами отвечают агрессией на действия хозяев, другие же при этом получают возможность действовать по совести.

Мы встречаемся с Коннором в самом начале игры. Его миссия состоит в спасении девочки, которую захватил в заложники другой андроид. Сыщик выясняет, что андроид – помощник по дому – несколько раз выстрелил в хозяина дома, схватил девочку и стал угрожать хозяйке дома убийством дочери, вышел на балкон и встал с девочкой на парапет. После сбора улики Коннор, которым управляет геймер, направляется на балкон, и там начинается финальное действие, включающее варианты ведения диалога – лгать или говорить правду. Здесь представлена моральная дилемма, которую необходимо решить геймеру. В ситуации задействованы два андроида и человек. Рискуют жизнью все, но оружие может быть либо у одного андроида, либо у двоих. При любом исходе девиантный андроид умирает.

Если следовать терминологии А. Макинтайра [2] то серьезно настроенный моральный человек (в качестве которого выступает геймер) посчитает своим долгом попытаться спасти всех героев этой сцены, но варианта спасения девианта игра не подразумевает. Поскольку в игре полагается, что андроиды как носители искусственного интеллекта становятся частью общества, а девианты, обретающие эмоциональный интеллект, становятся и актерами, игра имплицитно включает задачу выработки нового механизма восприятия андроидов как полноправных членов общества. Сюжет построен на возможности восприятия людьми андроидов как Других. Геймер – это человек, играющий за андроида; серьезно настроенный моральный геймер должен попытаться спасти девочку и минимально навредить девианту, у которого обнаружено эмоционально отклоняющееся поведение: он взял ребенка в заложники и теоретически может нанести ему вред, нарушив законы робототехники [3]. Серьезно настроенный моральный геймер предполагает, что необходимо успокоить девианта и заставить отпустить девочку, не угрожая ему. Моральная дилемма состоит в выборе между правдой или ложью, а также в понимании того, что все равно спасти всех не получится.

Второй сюжет включает андроида с функцией помощника по дому Кэра. Кэру после починки привозит домой ее хозяин Тодд, где она приступает к своим обязанностям. Тодд употребляет алкоголь и очень грубо обращается с Алисой, своей дочерью, и с Кэррой. Во время ужина, он злится на дочь и та убегает в свою комнату, а Кэра получает от него команду «не вмешиваться». Тогда возникает новая опция в геймплее. Кэра, понимая необходимость защитить девочку, разрушает запретительный алгоритм. Механизм разрушения запретительного алгоритма в игре отчетливо визуализирован: меркнет картинка бытовой обстановки дома, возникает красная надпись «не двигаться» (поручение хозяина), которую Кэра разбивает. Здесь также мы так же видим моральную дилемму. Согласно трем законам робототехники [3] Кэра не может причинить вред человеку, но и не может допустить причинение вреда человеку своим бездействием. После разрушения внутреннего запретительного алгоритма с необходимостью выполнения всех поручений хозяина Кэра получает возможность выбора: отговорить Тодда от насилия или пойти к Алисе и готовиться к нападению. В любом случае придется вступить в противоборство с Тоддом. Спасение всех, как и в первом случае, проблематично.

Третий сюжет посвящен андроиду сиделке Маркус. В его задачи входит обслуживание больных людей. Он ухаживает за престарелым больным художником Карлом. Сын Карла, Лео наркозависимый, и однажды андроид и отец ловят Лео на попытке кражи картин для перепродажи. В момент спора с сыном Карлу становится плохо. У Маркуса появляется острое чувство злости на Лео. При этом появляется тот же интерфейс, что и в случае с Кэррой, когда можно помочь андроиду побороть внутренний механизм запрета вредительских действий по отношению к человеку, сопровождающийся последующей вариативностью. Карл просит не навредить Лео, не отвечать на его агрессию (сын кидается на робота). Здесь мы опять наблюдаем работу заложенной в законах робототехники моральной дилеммы: необходимость выбора – стремление не навредить одному причиняет вред другому.

Чему учит геймера эта игра? Она показывает нам несколько возможных вариантов развития событий, имитируя встречу с неизвестным будущим через варьирование настоящего.

Поверхностно считывается развлекательная функция компьютерной игры, однако мы предполагаем, что включение геймера в такой сюжет осуществляется и еще одна функция – педагогическая. Представляется, что ее можно трактовать двояко: на поверхностном и глубинном уровне.

Механизм воздействия фантастического сюжета на геймера основывается на колебании между верой и неверием при встраивании в контекст повествования фантастического допущения. [4, с. 31]. После того как колебания между верой и неверием в серьезность происходящего пройдены, геймер адаптируется к присутствию фантастического в сюжете. При неудачной адаптации игра прекращается, при удачном варианте – геймер продолжает проходить игру. Нас интересует именно адаптационный этап возникновения привычки к присутствию несуществующего в повседневности. В случае с Detroit: Become

Human научно-фантастическое допущение заключается в предположении изобретения в будущем роботов-андроидов с искусственным интеллектом и возможностью испытывать эмоции. Навык адаптации, формируемый при прохождении фантастической игры, позволяет геймеру меньше тревожиться из-за неизвестности будущего, так как если он адаптировался даже к самому фантастическому, то ему будет проще принять то, что принесет ему реализуемое будущее.

Страх будущего описывал Э. Тоффлер, полагая, что субъективное восприятие времени меняется вместе с взрослением [5, с. 51]. Современная цифровизация приносит ускорение темпа жизни и умножение социальных ролей, что дополнительно влияет на переживания человека, делая его отношения с будущим менее определенными. Вариативность предстоящих событий становится источником беспокойства, стимулируя возрастание страха будущего. В такой ситуации поклонники фантастики оказываются в меньшей степени подверженными негативным эмоциям относительно предстоящих событий. Таким образом, поверхностный уровень образовательного потенциала игры заключается в знакомстве читателя с нереальными для современного уровня развития науки технологиями, в адаптации к принятию решений в мире неопределенности. В этом случае цифровые технологии в виде компьютерных игр обеспечивают защиту от усложнения мира в процессах цифровизации.

Результаты исследования поверхностного уровня педагогического воздействия моральной дилеммы в данной игре демонстрируют безрадостное будущее – сохранение тех же проблем, только на новом, более сложном уровне. Хотя сама демонстрация указывает на вариант как «не надо делать». Однако фантастический потенциал компьютерной игры добавляет еще нечто существенное к сознанию геймера, одновременно присутствующего в разных мирах – повседневном и фантастическом: фантастический дискурс интегрируется в воспринимаемую реальность читателя. Включение в дополнительный мир, в котором геймер принимает решение за другое, нереальное существо, служит актуализации способности воображения и рефлексивности.

Психологическая наука позволяет подтвердить этот тезис: продуктивность жизненного пути базируется на рефлексии по поводу Другого. То есть ценностный предикат достижений актуализируется путем сравнения собственного опыта с опытом Другого. Когда фантастическое произведение демонстрирует другой универсум, отличающийся от привычного нам (а компьютерная игра позволяет даже в него непосредственно включиться), появляется возможность с другой стороны взглянуть не только на собственный опыт, но и на культуру и историю человечества в целом. Такой «оборот на себя» не может не влиять на рост рефлексивности и в повседневной реальности. В случае данной игры фантастическое допущение – это образ Другого, образ андроида, сконструированный автором, имеющий нечто общее с человеком, но своим существованием угрожающий его самоидентификации. Описанные еще М. Фуко механизмы рефлексивности соединяются с фантастическим допущением [6]. Применяя идею М. Фуко к фантастическому сюжету игры, можно сказать, что роботы – не отвечающие норме существа с подобием сознания. Однако их несоответствие норме – это относительное утверждение, поскольку дефиниция нормы зависит от точки зрения.

Игра Detroit: Become Human показывает, как изобретение андроидов (Других по отношению к человеку) влияет на общество; в игре создается событие, готовящее геймеров к такому будущему, частью или движущей силой появления которого они становятся. Так обнаруживаются две педагогические функции фантастической компьютерной игры: она срабатывает как механизм адаптации к изменчивому миру цифровой культуры, а также повышает рефлексивность геймера.

Литература

1. *Ковтун Е.Н.* Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М.: Издательство МГУ, 1999.
2. *Макинтаир А.* После добродетели: Исследования теории морали. Москва, Екатеринбург, 2000.
3. *Азимов А.* Лжец // Я, Робот. -СПб.: МП Издатель, 1991.
4. *Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
5. *Тоффлер Э.* Шок будущего: Пер. с англ. М.: «Издательство АСТ», 2002.
6. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОЗИТИВИЗМА:
ОПЫТ И СТРАТЕГИИ ИСТОРИКОВ НАУКИ

ТОМАС КУН КАК ИСТОРИК НАУКИ

Н.И. Кузнецова

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: cap-cap@inbox.ru*

Высокий индекс цитирования Томаса Куна на самом деле вовсе не приводил к глубокому пониманию его концепции и предложенного им подхода к истории и философии науки. Его всемирная слава была весьма нелегкой ношей. Понятия «научная революция» и «смена парадигм» подвергались жестокой критике. Однако это не помешало признанию Куна как классика современной эпистемологии и философии науки. В то же время не было осознано, что философские идеи Куна базируются на своеобразной методологии в историографии науки. Выделены ключевые идеи предложенной им методологии, а также демонстрируется, в чем состоял проект Куна построить «историческую философию науки». Утверждается, что методологическая трансформация в историографии науки и техники следует в русле высказанных им идей и преобразует традиционные исследования.

Ключевые слова: Томас Кун, научная революция, смена парадигм, историография науки и техники, методология историографических исследований, историческая философия науки

THOMAS KUHN AS A HISTORIAN OF SCIENCE

N.I. Kuznetsova

*DSc in Philosophy, Principal Researcher
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences
E-mail: cap-cap@inbox.ru*

Thomas Kuhn's high citation index did not actually lead to a deep understanding of his concept and his proposed approach to the history and philosophy of science. His worldwide fame was a very difficult burden. The concepts of "scientific revolution" and "paradigm shift" have been severely criticized. However, this did not prevent Kuhn from being recognized as a classic of modern epistemology and philosophy of science. At the same time, it was not realized that Kuhn's philosophical ideas are based on a peculiar methodology in the historiography of science. The key ideas of the methodology he proposed are highlighted, and it is also demonstrated what Kuhn's project was to build a "historical philosophy of science". It is argued that the methodological transformation in the historiography of science and technology follows in line with the ideas expressed by him and transforms traditional studies.

Keywords: Thomas Kuhn, scientific revolution, paradigm shift, historiography of science and technology, methodology of historiographical research, historical philosophy of science

Неслыханно высокий индекс цитирования Томаса Куна (фактически он рекордсмен XX века по этому наукометрическому показателю) на самом деле вовсе не приводил к глубокому пониманию его концепции и предложенного им подхода к истории и философии науки. Его всемирная слава была весьма нелегкой. Только ленивый не обрушивался с оглушительной критикой на «Структуру научных революций» [1] (ныне признанный *Opus Magnum* современной философии науки). Если радикальная новизна концепции парадигм для философии науки была, хотя и раскритикована, но, бесспорно, признана, то его вклад в трансформацию историографии науки фактически осмыслен не был. Между

тем философские обобщения Куна всегда базировались на анализе историко-научного материала, опирались при этом на его собственные исследования в этой сфере. Дж. Хорган справедливо полагал, что Кун был «революционером поневоле» [2, с. 93]. Будем понимать эту оценку как признание того, что Кун-философ был «вынужден» сделать те обобщения, на которые его «толкал» изученный историко-научный материал. Другими словами, обратим внимание на то, что именно новый подход к историографии науки сделал его скандально известным революционером в философии науки периода постпозитивизма. Пришло время осознать, какова та революция в историографии, которая продолжает линию Куна, которая развивается и набирает обороты. Каково же направление методологической трансформации современных историко-научных исследований?

Бесценным источником сведений для реконструкции генезиса историографической мотивации Куна является сборник «The Road since Structure», который был опубликован уже после смерти автора [3]. По сути дела, это сборник, в котором собраны относительно короткие статьи, где автор революционной концепции, пытался объяснить, какие историографические идеи он стремился вложить в свою наиболее известную работу по философии науки. Особый интерес представляет раздел «Беседы с Томасом С. Куном» [3, с. 349-429], где опубликовано развернутое интервью с представителями Афинского университета, записанное на диктофон, и являющееся, благодаря глубокому и деликатному искусству интервьюеров, наброском его интеллектуальной автобиографии. Кроме того, издатели поместили полный библиографический список опубликованных работ Куна. Можно убедиться, что этот список не так велик, если измерять его «индексом Хирша», – 127 публикаций, среди них всего 3 полноценных тематических монографии. Однако в своем интервью он неоднократно упоминал ту или иную важную в идейном смысле для него статью, и, что печально, ни одна из них практически не упоминается в отечественной литературе.

Кратко отметим основные вехи его историографической работы, посмотрим, какие сферы научно-исследовательского опыта были явно или неявно впитаны *Opus Magnum* современной философии науки. Кун начинал карьеру, получив образование как физик (специалист в области радиоэлектроники), имел опыт работы в лабораториях. Еще будучи аспирантом-физиком в Гарварде, он начал преподавание истории науки; именно в этот период с ним случилось важнейшее «аристотелевское откровение» (1947). Инсайт состоял в следующем. Читая «Физику» Аристотеля, молодой гарвардский физик был поражен тем, насколько она «ошибочна». Однако тут же пришел к парадоксальному умозаключению: «Я мог бы легко поверить в то, что Аристотель ошибался, но казалось невероятным, что, обращаясь к физике, он вообще утрачивал разум. “Может, ошибаюсь я, а не Аристотель, – спрашивал я себя. – Возможно, для него и его современников слова означали не совсем то, что они означали для меня?”» [3, с. 24].

Начальной темой самостоятельного историко-научного исследования Куна стала «коперниканская революция». В 1957 г. появилась его первая монография [4]. Еще нет понятия «парадигма», но трансформация ключевых понятий, описывающих устройство Солнечной системы, представлена ярко и убедительно. Позже, кратко и четко Кун сформулировал открывшуюся ему здесь проблему следующим образом: «До и после революции планеты оказываются разными множествами. Вот этот разлом был очень важным. Некоторые люди говорят просто: “В системе Птолемея планеты вращались вокруг Земли, а в системе Коперника они вращаются вокруг Солнца”. Но это же бессмысленное утверждение!» [3, с. 417]. Как можно повторять такую нелепицу, возмущается Кун, если ты – историк и понимаешь: «До этого перехода Солнце и Луна были планетами, а Земля планетой не была. После этого перехода Земля стала планетой, подобно Марсу и Юпитеру, Солнце стало звездой, а Луна превратилась в небесное тело нового вида – спутник» [3, с. 22]. Кун подчеркивает: суть не в том, что изменились *представления* о Солнце, Земле и Луне, а в том, что изменились *референты* наших утверждений и высказываний. В дальнейшем в различных докладах и статьях он будет продолжать спорить с оппонентами и аргументировать такую парадоксальную для обычного естествоиспытателя точку зрения. Наиболее остро это было сформулировано в споре с Патнэмом, который утверждал, что, как бы ни изменялись наши представления, вода была, есть и остается H_2O . Но это, доказывает Кун, не историческая точка зрения.

Напомним, что Кун был пионером в создании жанра «устной истории науки». В 1960-е гг. по приглашению Американского физического общества он возглавил проект по истории квантовой механики, где важным моментом работы был сбор интервью и других архивных материалов (дневников, писем, заметок и прочей неопубликованной информации). Рассказы участников событий далеко отходили от тех версий, которые публиковались в качестве публичных очерков об истории научных открытий и достижений. Характерный пример – остроумная статья С. Гаудемита «Открытие спина электрона», где автор отмечает заслуги Куна в качестве директора такого проекта [5, с. 152].

Как уже отмечалось, «Структура научных революций» (1962) сделала Куна самым цитируемым автором в области философии науки. Книга написана для широкой читательской аудитории, не требовала погружения в специальный терминологический аппарат логико-аналитического подхода, и это определило ее успех и фантастическую популярность. Крайне важным был Постскрипtum, который появился после острой дискуссии автора с попперианцами в 1965 г., и все издания русского перевода содержат «Дополнение 1969 года». Здесь происходит существенное изменение в содержании главной концепции, а именно – отказ от понятия «парадигма» и переход к «дисциплинарной матрице».

Третья монография «Black-Body Theory and the Quantum Discontinuity 1894-1912» (1978) [6] посвящена ранней истории квантовой теории, а именно – введению М. Планком «элементов энергии», которые впоследствии были названы «квантами». Глубокий и содержательный анализ этой замечательной историко-научной работы проведен в статье С.Б. Шапошника [7]. Куном показано, что датой рождения квантовой теории никак нельзя считать работу Планка 1900 года, поскольку в ней разбиение энергии осциллятора на целое число дискретных элементов является чисто формальным математическим приемом, заимствованным из работ Больцмана, и не имеет онтологического истолкования. Утверждение, что «элементы энергии Планка» являются настоящим дискретным образованием («квантами»), появилось в работе Эйнштейна 1906 г., и с такой интерпретацией сам Планк долго не соглашался. Драматически напряженный эпизод истории одной из важнейших современных физических теорий! Куна часто упрекали в том, что при проведении историко-научных исследований он не пользуется понятиями «парадигма», «несоизмеримость» и т.п. Но ведь суть дела была в данном случае не в том, чтобы воспользоваться собственным философским инструментарием, а в том, чтобы показать историкам науки, как избежать грубой модернизации при истолковании научных текстов, выступающих в роли исторических источников. Кун подчеркивал: «историк должен отбросить науку, которую он знает, его наука должна быть извлечена из учебников и журналов изучаемого периода» [6, p.76].

К списку монографий можно добавить сборник «The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change» (1977) [8], который представляет collected works автора с попытками изложения основных характеристик своего подхода, который является, как он выражался, попыткой построения «исторической философии науки». Очевидно, что Кун делал все, от него зависящее, чтобы разъяснять свои историко-научные взгляды и необходимость поисков философского языка для их выражения.

Выделим три ключевых мотива для перестройки методологии историко-научных исследований, на которых настаивал Кун. 1) Некумулятивные фазы развития науки связаны с тем, что происходит «изменение способа отнесения слов и фраз к природе, изменение способа детерминации их референтов» [3, с. 41]. «Язык как монета, имеет две стороны: одной стороной он обращен к миру, а другой – к отображению мира в референциальной структуре языка» [3, с. 43]. Поэтому проникновение в языковой каркас минувших лет – первейшая задача для тех, кого интересует прошлое. 2) Историк науки, чтобы решать свои задачи, должен научиться мыслить так, как на данный момент *не* мыслят. Кун пояснил это таким образом: «В конце концов я стал историком, но очень специального, узкого типа <...> я умел читать тексты, проникая в сознание тех, кто их писал» [3, с. 373]. «Влезть в головы других людей» – вот что я повторял тогда и повторяю сейчас» [3, с.378]. 3) Историческое развитие научного познания не должно рассматриваться с позиций будущего (современного) ее состояния. Скорее, надо показать, как и почему, при каких обстоятельствах нечто из мира знания уходит в прошлое. «Я хотел сказать, что не следует думать, будто мы *все ближе* подходим к чему-то, скорее мы уходим *от того, что было*» [3, с. 411]. Кун напоминает, что видообразование, согласно Дарвину, не имеет никакой цели. Эволюционный процесс «неуклонно развивался от примитивных начал, но не *по направлению* к какой-то цели» [1, с.216]. Такое понимание трудно принять практикующим ученым и традиционным философам, однако историческая философия науки имеет смелость отстаивать именно такой взгляд.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций /пер. с англ. И.З. Налетова. Общ. ред. и послесловие С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
2. Хорган Дж. Революционер поневоле // В мире науки. Scientific American. Издание на русском языке. 1991. № 7. С. 93-96.
3. Кун Т. После «Структуры научных революций» /пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2014. – 443 с.

4. *Kuhn T.* The Copernican Revolution. Planetary Astronomy in the Development of Western Thought. Foreword by James B. Conant. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957. 299 p.
5. *Гаудсмит С.* Открытие спина электрона /пер. с нем. С.М. Райского // *Успехи физических наук.* 1967. Т. 93. С. 151-158.
6. *Kuhn T.* Black-Body Theory and the Quantum Discontinuity. 1894-1912. N.Y., 1978.
7. *Шапошник С.Б.* Систематизация знания в процессе формирования квантовой физики // *Эпистемология и философия науки.* 2005. Т.4. № 2. С. 150-167.
8. *Kuhn T.* The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change. Chicago and London, 1977. 366 pp.

СОЮЗ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ В 1962–1988 ГГ.

С.С. Илизаров

*Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: sinsja@mail.ru*

Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР в период с 1962 г. по 1986 г. возглавляли академик Б.М. Кедров и член-корреспондент С.Р. Микулинский (с 1963 г. заместитель директора по науке, с 1974 г. – директор). В этот период институт стал уникальным исследовательским и коммуникационным центром, в котором оказались собраны крупнейшие историки и философы науки. Произошло это благодаря смелой и продуманной кадровой политике. ИИЕТ территориально располагался вблизи ЦК КПСС. Некоторая неопределенность дисциплинарной идентичности института (между естествознанием, техникой и историей) делало его удобным местом «ссылки» научных работников с сомнительной в глазах властей репутацией. В те годы в институте оказались Э.Г. Юдин, А.П. Огурцов, В.Ж. Келле, М.К. Мамардашвили, П.П. Гайденко и многие другие. В ИИЕТ в дискуссиях между историками естествознания, методологами и философами формировалась особая, уникальная интеллектуальная среда. Здесь зарождались и развивались науковедение, социология науки, системные исследования и т.д.

Ключевые слова: наука, история, философия, методология, ИИЕТ, Б.М. Кедров, С.Р. Микулинский

UNION OF HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE AT THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY IN 1962-1988

S.S. Iizarov

*DSc in History, Principal Researcher
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences
E-mail: sinsja@mail.ru*

From 1962 till 1986 Institute for the history of science and technology (IHST) of the Academy of Sciences of the USSR was headed by academician B.M. Kedrov and corresponding member S.R. Mikulinsky (from 1963 Deputy director for Science, from 1974 - Director). During this period, the Institute became a unique research and communication center, with many outstanding historians and philosophers of science in its staff. This happened thanks to a bold and thoughtful personnel policy. IHST was geographically located near the Central Committee of the CPSU. Some uncertainty of the Institute's disciplinary identity (in-between natural sciences, technology, and history) made it a convenient place for "the exile" of the scientists with a dubious, in the eyes of the authorities, reputation. In those years, E.G. Yudin, A.P. Ogurtsov, V.J. Kelle, M.K. Mamardashvili, P.P. Gaidenko and others worked in the Institute. During the discussions between the historians of science, methodologies and philosophers a unique intellectual atmosphere was formed. As the result, Science of science, Sociology of science, System analysis of Science, etc. were born and elaborated in IHST.

Keywords: science, history, philosophy, methodology, Institute for the history of science and technology, B.M. Kedrov, S.R. Mikulinsky

Знаковая для истории и философии науки книга Томаса Куна «Структура научных революций» вышла в 1962 году. В сентябре 1962 г. Б.М. Кедров возглавил Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР, и в отечественной историографии истории науки началась новая эпоха. Но если социологическая концепция Т. Куна при всей ее революционности явилась результатом логического развития американской историко-научной мысли, то трудно сказать, была ли закономерной начавшаяся тогда смена вех в советской истории науки. Между тем ИИЕТ эпохи Б.М. Кедрова и С.Р. Микулинского, ставшего уже в январе 1963 г. заместителем директора, оказался на протяжении более четверти века той основной площадкой, где обсуждались идеи Куна, Лакатоса, Поппера, Фейерабенда, Прайса, Полани, и в дискуссиях между историками естествознания, методологами и философами формировалась уникальная интеллектуальная среда.

Предшествующий период истории ИИЕТ, если углубляться в его институциональные истоки, претерпевая множество метаморфоз, развивался, преимущественно, в рамках кумулятивистских трактовок истории науки. С 1930-х и до 1956 г. включительно творчество (видимая его часть) советских историков науки и техники протекало практически вне рамок новейших философских рефлексий. Со времени создания в 1944/45 гг. Института истории естествознания (ИИЕ) АН СССР, допустимое тематическое пространство историко-научных изысканий сузилось до пределов исключительно отечественной тематики, и только за счет изучения науки в Средние века в советских среднеазиатских республиках удавалось частично выходить за очерченные границы. В сентябре 1953 г. состоялось насильственное для Института истории естествознания объединение с Комиссией по истории техники (КИТ) Отделения технических наук АН СССР, вследствие чего равновесие между историей фундаментальных и историей прикладных направлений исследований оказалось нарушено [2]. В ИИЕ была привнесена структура, которая вырабатывалась в КИТ в завершающий период ее существования. В результате в обновленном ИИЕТ возникли секторы истории строительной техники, машиностроения, транспорта, энергетики, электротехники, связи и т.д., а история науки оказалась в затянувшемся на десятилетие кризисе. То, что, после кратковременного руководства А.М. Самарина (металлурга по специальности), в 1956 г. ИИЕТ возглавил историк естествознания Н.А. Фигуровский, мало что меняло. И если бы не снятие Н.А. Фигуровского с поста директора в 1962 г., ИИЕТ еще неопределенно долго мог продолжать существовать в своих архаичных застывших формах.

Началом возврата к мировой истории науки де-факто стала публикация на русском языке книги Дж. Бернала «Наука в истории общества» и ее широкое обсуждение в ноябре 1957 г. с участием автора [1, с. 122–123]. Через критику так называемых буржуазных авторов возвращались западная история и методология науки.

А тем временем в 1955 г. Б.М. Кедров стал старшим научным сотрудником ИИЕТ. В 1958 г. он перешел в Институт философии, где до 1960 г. возглавлял сектор диалектического материализма [3]. В 1960 г. состоялось его избрание чл.-корр. АН СССР. Очевидно, назначение Кедрова директором ИИЕТ готовилось загодя. Об этом свидетельствует то, что с осени 1961 г. имя Фигуровского практически не присутствует в хронике научно-организационной жизни института. Но главное – 28 сентября 1962 г., всего через неделю после назначения нового директора ИИЕТ, Президиум АН СССР по докладу Кедрова принял Постановление «О направлении научных исследований и структуре Института истории естествознания и техники» [4, л. 32]. В ИИЕТ устанавливалась новая структура: упразднялись секторы истории отдельных отраслей техники и постепенно образовались принципиально новые подразделения по изучению общих проблем развития науки и техники, научного творчества, социологических проблем, системного анализа науки, истории и теории организации научной деятельности и др. Здесь зарождалось и формировалось отечественное науковедение. В результате перестройки и модернизации ИИЕТ оказался на протяжении четверти века ведущим центром гуманитарной научной и философской мысли. Успешность и результативность «Проекта ИИЕТ» шестидесятых–восьмидесятых годов XX века определялась тем, что во главе института образовался интеллектуально мощный и сплоченный «тандем Кедров-Микулинский». В этом по-своему уникальном союзе оказалось удачным почти все: разница в возрасте (Кедрову 61 год, Микулинскому 43), достаточная для сохранения дистанции и одновременно для взаимопонимания; у обоих естественнонаучное образование (один химик, другой – биолог) и одновременно у того и другого серьезная философская подготовка; огромный жизненный опыт; оба исключительно смелые. Последнее относительно Кедрова подтверждается многочисленными примерами в воспоминаниях его коллег и друзей. Что касается Микулинского, то кроме известных фактов его биографии приведем

фрагмент из неопубликованного письма Микулинского к Л.Ш. Давиташвили от 12 октября 1952 г.: «...после всего мною пережитого, после всего, что у меня за плечами и на плечах, напрасная трата сил кому бы то ни было меня пугать».

У С.Р. Микулинского, подобно любому иному сотруднику ИИЕТ, был свой собственный путь прихода в институт [5]. Готовя себя со школьных/институтских лет к политико-административной карьере, Микулинский, как и почти все студенты Института философии литературы и истории, и будучи руководителем комсомольской организации, добровольцем записался в действующую армию непосредственно в районе боев. В течение восьми месяцев с июля 1941 г. он, рядовой разведчик артиллерийского полка, принимал участие в боевых действиях в районе Вязьмы и Ельни. Затем – Вяземский котел, с ноября 1941 г. плен, лагеря для военнопленных в Смоленской области. После неоднократных попыток побега, в составе других штрафников был отправлен в 1943 г. на шахты в Судеты, где 8 мая 1945 г. был освобожден советскими войсками. После, до августа 1945 г. служил в действующей армии в Праге и в Будапеште. С сентября 1945 г. до января 1947 г. – в советских фильтрационных лагерях. После возвращения в Москву Микулинский завершил высшее философское и биологическое образование в МГУ и с 1952 г. стал научным сотрудником ИИЕ АН СССР. Карьера Микулинского в ИИЕТ, несмотря на превосходные научные результаты и творческую активность, довольно долго буксовала. Изменения в судьбе Микулинского стали происходить только после его восстановления в 1957 г. в рядах членов КПСС, да еще с зачетом партстажа с 1939 г.

Как уже говорилось, Кедров 21 сентября 1962 г. возглавил ИИЕТ, а уже 4 января 1963 г. Микулинский был назначен его заместителем по научной работе. В том же году в МГУ состоялась успешная защита его докторской диссертации. И все в том же 1963 г. Микулинский был избран членом-корреспондентом Международной академии истории науки, хотя выезжать в научные командировки начал только с 1967 г.

Б.М. Кедров как ученый сложился в период до своего прихода на пост директора ИИЕТ и далее развивал преимущественно сформовавшиеся исследовательские направления, при этом поддерживая и покровительствуя новациям. Что касается С.Р. Микулинского, то по возрасту, темпераменту, амбициям он проявлял себя не только как индивидуальный исследователь, но, насколько можно судить, являлся также генератором новых идей, причем и в тот период, когда он был заместителем директора и в последующее десятилетие собственного директорства. Разделить, кто именно в 1962–1974 гг. выдвигал те или иные новаторские инициативы, непросто. Но имеются достаточные основания относить именно к инициативам Микулинского такие явления в ИИЕТ, как развитие науковедческого направления, включая системные исследования, и др. Среди иных свидетельств обращает на себя внимание высказывание Г.Г. Дюментона, что И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский и др. составляли в 60-е гг. мозговой трест С.Р. Микулинского [6, с 68]. В период директорства Микулинский, наряду с поддержкой теоретико-методологических и науковедческих направлений, лично предпринимал значительные усилия по историзации истории науки. Это означало усиление основного традиционного направления – истории естествознания и техники. Так им был найден оригинальный и, на наш взгляд, единственно продуктивный способ реализации нерешаемой проблемы – создания всеобщей/всемирной истории науки (естествознания). Публикацией в 1979 г. книги И.Д. Рожанского «Развитие естествознания в эпоху античности» (с концептуальным введением к серии С.Р. Микулинского) начался новаторский проект «Библиотека всемирной истории естествознания». В том же контексте следует рассматривать возобновление по его инициативе в 1980 г. крупнейшего, начатого еще в 1941 г., археографического проекта – серии «Научное наследство». Практически синхронно в ИИЕТ происходила организация нового исследовательского направления и издания с 1981 г. ежегодника «Памятники науки и техники». На исходе своего пребывания в ИИЕТ Микулинский успел открыть сектор историографии и источниковедения истории естествознания и техники.

О крепости десятилетнего союза Кедрова и Микулинского свидетельствует факт их одновременного выдвижения в 1966 г. в члены АН СССР. Через два года, в 1968 г. проходили новые и на этот раз успешные для Микулинского выборы. Кедров дал обстоятельный отзыв о деятельности своего заместителя, чьи новаторские труды, по его словам, содержали глубокий анализ путей формирования биологических знаний, рассмотрение важнейших философских проблем биологии. Далее в отзыве Кедрова говорилось, что именно Микулинский явился пионером комплексного изучения науки как целостной системы и особой формы деятельности, что именно он возглавлял в нашей стране науковедческое направление и т.д. [7, л. 66–70].

Формат настоящей работы не позволяет содержательно рассматривать историю ИИЕТ данного периода, также как входить в анализ причин и обстоятельств появления главных действующих лиц,

разрушивших «проект ИИЕТ». Некоторые фактические сведения об ИИЕТ, его уникальном кадровом составе той неповторимой поры, а также эмоциональные оценки атмосферы, царившей в Институте, присутствуют во многих источниках [6, с. 7, 9, 13, 20, 32, 33 и далее; 8, с. 455, 477; 9, с. 45, 46, 297, 410, 534, 539, 553–555; 10, с. 461–473, 470–471, 520–522]. Именно тогда Институт истории естествознания и техники был тем местом, где непременно «полагалось знать идеи Куна, Поппера, Лакатоса, Агасси, Коллингвуда и других современных зарубежных философов» [9, с. С. 554].

Литература

1. *Илизаров С.С.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901–2011. М., 2012. В дальнейшем изложении фактические события будут приводиться по тому же изданию, кроме особо оговоренных случаев.
2. *Илизаров С.С.* Кануны: от Института истории естествознания к Институту истории естествознания и техники АН СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 2020. Т. 41. № 3. С. 519–559.
3. Вплоть до 1975 г. Б.М. Кедров весьма часто менял место работы и должности. См.: Бонифатий Михайлович Кедров / Вступ. статья В.А. Лекторского; Библиография Г.Н. Финашиной и Н.М. Ансеровой. М., 1985. / Серия «Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия философии. Вып. 3. С. 3–12.
4. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419.
5. *Илизаров С.С.* Человек, которого нечем заменить: К 100-летию со дня рождения С.Р. Микулинского // Вестник РАН. 2019. Т. 89. № 11. С. 1153–1161.
6. «Я пришел в ИИЕТ...»: вспоминают ветераны. М., 2008.
7. АРАН. Ф. 441. Оп. 4а. Д. 558.
8. Бонифатий Михайлович Кедров: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2005.
9. Как это было: воспоминания и размышления / под ред. В.А. Лекторского. М., 2010.
10. Философские поколения / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М., 2022.

ИСТОРИКИ НАУКИ В ПОИСКАХ СВОЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. Н. Родный

*Доктор химических наук, главный научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
E-mail: anrodny@gmail.com*

Актуализирована проблема изучения профессиональной идентичности историков науки. Ее решение имеет значение как в плане выявления тенденций и закономерностей развития истории науки в качестве самостоятельной дисциплины, так и для понимания перспектив существования симбиоза естественных, технических и социо-гуманитарных наук. Рассмотрены прецедентные феномены культуры, связанные с учеными, в значительной степени, повлиявшими на процесс формирования профессионального сообщества историков науки. Предпринята попытка найти мотивационные факторы у историков науки при проведении ими дисциплинарных, междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований.

Ключевые слова: историки науки, профессиональная идентичность, дисциплинарные, междисциплинарные и транс-дисциплинарные исследования

SCIENCE HISTORIANS IN SEARCH OF THEIR PROFESSIONAL IDENTITY

A. N. Rodny

*DSc in Chemistry, Chief Researcher
Institute of the History of Natural Science and Technology. S. I. Vavilov RAS
E-mail: anrodny@gmail.com*

The problem of studying the professional identity of science historians has been actualized. Its solution is important both in terms of identifying trends and patterns in the development of the

history of science as an independent discipline, and for understanding the prospects for the existence of symbiosis of natural, technical and socio-humanitarian sciences. The article the precedent phenomena of culture associated with scientists, who largely influenced the process of forming a professional community of historians of science is considered. An attempt is made to find motivational factors among science historians when they conduct disciplinary, interdisciplinary and trans-disciplinary studies.

Keywords: historians of science, professional identity, disciplinary, interdisciplinary, and trans-disciplinary studies

Процесс профессионализации историко-научного сообщества и формирования научной дисциплины во многом определяется рядом прецедентов, связанных с закреплением «аксиоматических» феноменов культуры, которые определяют траектории исследовательской деятельности. В лингвистическом понимании это выразила Т. Ю. Тамерьян, считающая, что «отличие прецедентных феноменов от других культурных единиц заключается в том, что последние функционируют в качестве фоновых сведений/знаний, в то время как прецедентные феномены имеют семиотический способ обращения, предполагающий, что определенная единица является знаком для представления некоторой другой единицы» [1, с. 53]. Однако понятие прецедентных феноменов - «сведений/знаний» можно расширить до триады, включающей в себя еще ученых, носителей этих знаний, и когнитивно-институциональных структур, где происходит движение научного знания от момента его возникновения до практического использования. Любая наука имеет свою технологическую инфраструктуру: химия - химическую технологию, биология - биотехнологию, а история науки - историко-научные практики (образовательные, музейные, архивно-библиотечные и научно-публицистические).

Если обратиться к прецедентным феноменам в лице историков науки, то, безусловно, следует обратить внимание на У. Уэвелла (1794-1866), который может считаться первым историком науки в контексте развития философии позитивизма. В своих работах *History of the Inductive Sciences, from the Earliest to the Present Time* (1837) и *Philosophy of the Inductive Sciences, Founded Upon Their History* (1840) ему удалось перешагнуть дисциплинарные барьеры естественнонаучных дисциплин. Высокие статусы профессора, магистра (декана) Тринити-Колледжа в Кембридже и одного из основателей Британской Ассоциации развития науки способствовали популяризации его работ и возникновению интереса к «общей истории науки».

Научная работа профессора естественной истории и директора ботанического сада Женевского университета А. Декандоля (1806-1893) - *Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles* (История науки и ученых за два века), опубликованная в 1873 г., дает основание считать его основателем исторического науковедения. Как отмечают авторы книги об ученом, «он поставил своей целью рассмотреть развитие науки как целого, как особого рода деятельности, и выяснить зависимость прогресса науки от социальных, политических и культурно-исторических условий, от социально-психологических установок среды, воздействующих на формирование личности и ориентацию ее интересов» [2, с. 189].

Во второй половине XIX в. лидером среди историков науки был французский инженер и управляющий табачными производствами П. Таннери (1843-1904). Несмотря на то, что история науки была для него увлекательным хобби, поражает его огромное научное наследие по самым разным вопросам истории математики, механики, астрономии, физики, философии и филологии. Большая часть его исследований относятся к античности, византийской и западной цивилизации до XVIII столетия. В 1892-1897 гг. Таннери на кафедре греческой и латинской философии в Коллеж де Франс читал лекции, уделяя повышенное внимание античным мыслителям, иллюстрируя их влияние на формирование современной науки. Благодаря своей регулярной переписке с французскими и зарубежными коллегами, а также работе на исторических конгрессах, он заложил основы международного сотрудничества историков науки [3]. Научная репутация Таннери, позволила ему в 1903 г. претендовать на пост заведующего Кафедрой истории науки в Коллеж де Франс при поддержке ученого собрания этого учебного заведения и академиков Парижской академии наук. Только волонтаристское решение министра просвещения лишило Таннери возможности занять эту должность [4, с. 129].

Решающий вклад в формирование истории науки как самостоятельной научной дисциплины принадлежит американскому ученому бельгийского происхождения, математику по базовому образованию Дж. Сартону (1884-1956), считавшего себя продолжателем идей П. Таннери. С 1955 г. существует высшая награда в истории науки - «медаль Дж. Сартона», которой удостоиваются

ежегодно ученые за вклад в науку. Сартон как никто другой способствовал формированию профессионального сообщества историков науки, занимаясь научно-организационной деятельностью и воплощением в жизнь грандиозной личной исследовательской программы. Его усилиями в 1913 г. стал издаваться и редактироваться первый историко-научный журнал *Isis*, а в 1936 г. *Osiris*. В 1924 г. Сартону совместно с Л. Хендерсоном удалось организовать первое научное общество историков науки – *The American History of Science Society*. При этом он активно занимался научной, педагогической и просветительской деятельностью в Гарвардском университете, Фонде и Вашингтонском институте Карнеги, опубликовав 16 монографий и более 300 статей [5]. Можно сказать, что на последующих поколениях историков науки лежит «Сартона печать».

После Сартона появилась целая плеяда ученых, благодаря которой возникли новые направления историко-научных исследований. В ее рядах можно отметить таких ученых, как Л. Ольшки (1885-1961), отразившего процесс развития научного языка; А. Койре (1892-1964), акцентировавшего внимание на теоретической проблематике революций в науке; В. П. Зубова (1900-1963), рассмотревшего становление науки и техники в контексте изобразительного искусства и архитектуры; Дж. Бернала (1901-1971), исследовавшего научно-технические и социально-экономические факторы общественного прогресса; Б. М. Кедрова (1903-1985), смоделировавшего процесс истории естествознания с философско-методологических оснований марксизма; Р. Мертона (1910-2003), соединившего историю науки с социологией науки; Т. Куна (1922-1996), предложившего и проиллюстрировавшего развитие науки на основе концепции научных революций.

Для историка науки поиск профессиональной идентичности зависит как от собственной мотивации, так и от «встреч» с прецедентными феноменами: учеными, научными трудами и коллективами когнитивно-институциональных структур (научными центрами, лабораториями, кафедрами, редакциями и т. д.). Личная мотивация исследователей, безусловно, связана с выбором прецедентных феноменов в качестве этих «встреч». Однако глубинная мотивация в сочетании с большим инновационным потенциалом ученого создает условия для появления новых прецедентов, с его участием.

Страта историков науки вначале формировалась из профессоров и преподавателей университетов и высших школ, читавших лекции по истории отдельных научных дисциплин, получая подпитку от философов. Примером здесь является Уэвелл, который использовал историко-научный материал для осмысления позитивистско-эпистемологических конструктов знания. Таким образом, философы-позитивисты, начиная с О. Конта, целенаправленно включили историю науки в междисциплинарный контекст исследований.

Появление «большой науки» во второй половине XX в. способствовало разворачиванию науковедческих, философско-методологических и культурологических исследований с довольно широким использованием историко-научной фактологии и проблематики. Эти исследования концептуального характера уже не вписывались в междисциплинарную парадигму историков науки, а выходили за ее пределы в транс-дисциплинарное пространство. Пожалуй, мало кто из этих исследователей идентифицировал себя с сообществом историков науки. Скорее, они считали себя философами, методологами, науковедами, культурологами, социологами, психологами или экономистами.

В заключение следует отметить, что проблема изучения профессиональной идентичности историков науки актуальна как в плане выявления тенденций и закономерностей развития истории науки в качестве самостоятельной дисциплины, так и для понимания перспектив существования симбиоза естественных, технических и гуманитарных наук в социумах различного устройства.

Литература

1. *Тамерьян Т. Ю.* О некоторых дискуссионных вопросах теории прецедентности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. Т. 10. С. 47-54.
2. *Микулинский С. Р., Уткина Н. Ф.* Проблемы развития науки в трудах биологов XIX в. // Проблемы развития науки в трудах естествоиспытателей XIX века. М.: Наука, 1973. С. 166-209.
3. *Taton R. Tannery P.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.encyclopedia.com/science/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/tannery-paul> (дата обращения: 10.03.2022).
4. *Зайцева Е.А., Любина Г.И.* Григорий Николаевич Вырубов (1843-1913). М.: Наука. 2006. 336 с.

5. Sarton G. [Электронный ресурс]. URL: (http://en.wikipedia.org/wiki/George_Sarton . (дата обращения: 9.03.2022).

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ЭКСПЕРТИЗА, МОДА, ПЕРЕВОД

В.А. Герович

PhD, преподаватель

Массачусетский технологический институт

E-mail: slava@mit.edu

В данном докладе сделана попытка систематизировать ключевые механизмы развития знания в социальной сети математического сообщества. Мода дает возможность молодым ученым быстро добиться прорывных результатов и заработать высокую репутацию. Стратегия уже добившихся признания экспертов по отношению к моде амбивалентна – с одной стороны, дистанцироваться от нее и демонстрировать свою независимость, а с другой – стараться задавать новую моду. Перевод с одного концептуального языка на другой и возникновение гибридных математических языков способны перекраивать границы математических областей и менять иерархию экспертов и динамику отношений в сообществе. Математика всегда содержит в себе борьбу тенденций – к стабилизации областей и экспертных иерархий, с одной стороны, и к распространению моды, расшатывающей и подрывающей эти конфигурации, с другой. Продуктивное развитие области требует определенного баланса этих тенденций. В социальных механизмах математики, как и любой науки, содержатся предпосылки и для «демократических», и для «авторитарных» процедур, которые могут усиливаться или погашаться общественными тенденциями. Если ученые не могут выправить баланс, то происходит вырождение науки.

Ключевые слова: математика, сети, сообщество, язык, иерархия, демократия, авторитаризм

SOCIAL MECHANISMS OF MATHEMATICAL KNOWLEDGE: EXPERTISE, FASHION, TRANSLATION

V.A. Gerovitch

PhD, lecturer

Massachusetts Institute of Technology

E-mail: slava@mit.edu

This talk analyzes mechanisms of knowledge in the social network of a mathematical community. Fashion provides opportunities for younger scholars to achieve breakthrough results and to earn high reputation. The strategy of experts toward fashion is ambivalent: they distance themselves from it and show their independence; on the other hand, they try to set new fashionable trends. A translation from one conceptual language to another and the emergence of hybrid mathematical languages redraws boundaries among fields and changes expert hierarchies and community dynamics. Mathematics includes both trends: toward stability of fields and expert hierarchies, and toward the spread of fashion, which subverts and undermines these configurations. Productive development of knowledge requires a balance between the two. The social mechanisms of mathematics, like in any science, provide room for both “democratic” and “authoritarian” procedures, which could be strengthened or dampened by social trends. If scientists cannot restore the balance, science degenerates.

Keywords: mathematics, networks, community, language, hierarchy, democracy, authoritarianism

Математика является, казалось бы, идеальной областью для применения логико-позитивистской модели знания как системы истинных утверждений. Действительно, математики традиционно формализуют результаты своих исследований в форме заявлений об истинности строгих утверждений – теорем. Тем не менее, математиков интересует прежде всего не сам факт истинности того или иного утверждения (ибо легко сгенерировать бесконечное количество истинных, но банальных утверждений), а важность, актуальность новой теоремы и ее продуктивность для стимулирования дальнейших исследований. Эти понятия – важность, продуктивность, актуальность – являются социальными по своей природе и поддаются анализу лишь в рамках представления о математике как о деятельности математического сообщества, а не как о занятии ученых-одиночек.

В данном докладе мы делаем попытку систематизировать несколько ключевых механизмов развития знания в социальной сети ученых – экспертиза, мода, перевод – применительно к математическому сообществу. Доклад опирается на обширный корпус интервью с математиками (более 80) из нашего проекта устной истории позднесоветского математического сообщества [1].

Как и многие другие ученые, математики часто предпочитают поддерживать миф, отрицающий влияние социальных процессов на развитие знания, видимо, полагая, что признание такого влияния подорвет доверие к их знанию. В частности, некоторые математики заявляют, что в математике вообще не бывает моды, хотя охотно допускают ее существование в других областях науки. «У математиков нет такой традиции [как у физиков – В.Г.], нет перегруппировки сил в погоне за тем, что модно в данный момент», например, утверждает один известный математик. «[М]ода при выборе приоритетов исследований не стала в математике играть слишком большую роль. Математика достаточно удалена от суеты, включая и научную» [2]. Другие принимают, что мода в математике есть, но считают хорошим тоном подчеркивать свою независимость от нее: «с моей точки зрения, мода никогда не играет никакой роли в моей жизни» [3]; «Как только тема становилась модной, я сразу же менял ее» [4].

Критическое отношение к моде нередко приобретает патриотическую окраску, когда следование моде приписывается зарубежным ученым, а от отечественных математиков ожидается полная независимость от моды. Эта традиция была популярна в советские годы, но даже в постсоветское время выдающийся математик В.И. Арнольд с гордостью заявлял: «Значение российской математической школы для мировой математики всегда определялось оригинальностью российских исследований и их независимостью от западной моды». При этом он тут же признавался: «Чувство, что занимаешься областью, которая станет модной лет через двадцать, чрезвычайно стимулирует» [5]. То есть, следовать моде как бы неприлично, а задавать ее – почетно.

На деле даже в условиях ограниченных контактов советского времени модные математические темы быстро распространялись по всему миру и вызвали приток интереса молодых ученых. По воспоминаниям одного математика, приехавший с Международного математического конгресса 1962 г. в Стокгольме проф. А.А. Кириллов вывесил на мехмате МГУ постер с услышанными там интересными результатами, и «все ходили и смотрели и удивлялись» [6]. Другой математик вспоминал, как побывал в январе 1956 г. на Второй Всесоюзной конференции по функциональному анализу: «в этот момент функциональный анализ был самая модная отрасль математики... Приличный человек в математике должен был заниматься функциональным анализом, понимаете? Если, как говорится, ты уже знал, что такое гильбертово пространство, ты уже мог уверенно за девушками ухаживать; было ясно, что ты серьезный математик» [7]. Третий – более молодой ученый – отметил явное преимущество занятий модной тематикой («получить хорошую работу») и добавил: «Если то, чем Вы занимаетесь, модно, с чисто академически-соревновательной точки зрения, более модные темы привлекают более сильных людей и дают более интересную математику» [8].

По отношению к моде, позиции признанных авторитетов («экспертов») часто отличаются от позиции остальных членов сообщества. Молодые ученые увлекаются модными темами и видят в этом возможность повысить свою репутацию в сообществе за счет демонстрации высоких технических навыков при овладении сложными понятиями и решении трудных задач. Эксперты уже обладают необходимым признанием, да и нередко уступают в техническом отношении молодым, поэтому они, наоборот, стремятся дистанцироваться от текущих модных тем и ищут новые прорывные направления, выстраивая свою репутационную стратегию на демонстрации обширных знаний и понимания общих тенденций развития дисциплины. Поэтому стратегия экспертов по отношению к моде амбивалентна – с одной стороны, дистанцироваться от нее и всячески демонстрировать свою независимость, а с другой – стараться задавать новую моду.

Основные механизмы, через которые эксперты влияют на моду – знаменитые семинары и конференции. В позднесоветский период в СССР такую функцию выполнял семинар знаменитого математика И.М. Гельфанда в МГУ [9]. «Там формировалась мода», вспоминал один из активных участников семинара. «Это – биржа, где оценивают результаты» [10]. Семинар Гельфанда возник в 1940-е гг. как семинар по функциональному анализу – модной тогда теме. Вскоре она вышла из моды, но название осталось, а главное – осталась основная функция семинара: обзор последних достижений практически по всем областям математики.

Гельфанд, лично выбиравший докладчиков, обладал уникальной возможностью формировать математическую моду. Зачастую он намеренно провоцировал участников семинара на смену моды и изучение областей, казавшихся ему особенно важными. Гельфанд успешно позиционировал себя как эксперта, определяющего перспективные направления развития математики, и не столько боролся за или против модных тем, сколько боролся за свое право определять моду.

Вообще роль экспертизы – особо привилегированной оценки перспективности определенного направления, важности конкретного результата или валидности сложного доказательства – в математике необыкновенно велика. При оценке статьи или приеме кандидата на работу математики обычно вынуждены полагаться на мнение экспертов, способных разобраться в теме. Специализация в современной математике достигает таких масштабов, что число людей, обладающих высокой академической репутацией и способных понять и оценить прорывный результат в любой конкретной области, как правило, крайне мало. В неблагоприятных социально-политических условиях, когда в руках официальных экспертов концентрируется большая административная власть, как это происходило в советской математике, данный механизм оценки научных результатов становится чрезвычайно уязвим.

Третий социальный механизм развития математического знания – перевод с одного концептуального языка на другой. Математики часто используют троп «языка» для характеристики как математики в целом (как некоего формального, строгого, логичного и абстрактного языка), так и отдельных математических дисциплин («язык геометрии») или теорий («язык теории категорий»). В данной терминологии, многие глубокие результаты часто достигаются «полиглотами», владеющими несколькими дисциплинарными или теоретическими языками и способными ловко переводить с одного языка на другой (ср. эффект «пришельца» по Розову [11]).

Распространение той или иной математической теории, или специфического математического языка, требует расширения социальной сети путем постоянного перевода понятий и вовлечения «иноязычных» математиков. При этом часто возникают явления, характерные для кросс-культурного контакта. П. Галисон предложил модель «зоны обмена» для описания взаимодействия физиков-теоретиков и экспериментаторов, при котором для обмена понятиями, данными и результатами возникает особый гибридный язык-посредник [12]. Распространяясь на волнах моды, гибридные математические языки способны перекраивать границы математических областей и менять иерархию экспертов и динамику отношений в математическом сообществе.

Обсуждаемые здесь социальные механизмы развития знания – мода, экспертиза, перевод – не являются специфичными для математики. Однако, особенности математической деятельности – больша́я свобода во введении новых понятий, огромная разветвленность областей, высокая степень специализации, трудоемкость понимания результатов других ученых – делают эти социальные механизмы критически важными для поддержания функциональности и относительной целостности этого сообщества. В этом смысле математика всегда содержит в себе борьбу тенденций – к стабилизации областей и экспертных иерархий, с одной стороны, и к расшатыванию и подрыву этих конфигураций, с другой. Продуктивное развитие области требует определенного баланса этих тенденций.

Р. Мертон считал, что в науке заложены фундаментальные этические механизмы: отделения знания от личного мнения, общедоступность результатов, организованный скептицизм, бескорыстное стремление к истине [13]. Каждый из указанных этических принципов, действительно, можно встретить в реальной практике, как, впрочем, и их антиподы – нацеленность на приоритет, стремление к личной выгоде, подчинение авторитету и склонность к концентрации власти и ресурсов. К. Поппер приводил научное сообщество в качестве образца для подражания при развитии гражданского общества [14]. Однако, наука чрезвычайно гибко реагирует на перемены в общественном устройстве, быстро перестраивая свои принципы и подгоняя этические правила и модели поведения под общепринятые нормы.

В социальных механизмах математики, как и любой науки, содержатся предпосылки и для «демократических», и для «авторитарных» процедур, которые могут усиливаться или погашаться

общественными тенденциями. Если ученые не могут выправить баланс, то происходит вырождение науки. Тогда развитие знания возможно лишь в пределах крошечных анклавов. Разложение общества с необходимостью влечет за собой разложение науки, и возрождение науки возможно лишь через возрождение гражданского общества.

Литература

1. Герович В. «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // Логос. 2020. № 2 (112). С. 93–128.
2. Вершик А. Сейчас я пытаюсь открыть новый материк // Троицкий вариант. 2018. 24 апреля. № 252. С. 4–5.
3. Интервью K08112011.
4. Kochman M. An Equation for Success (on Israel Gelfand). The New York Times. 2003. October 5. Section NJ. P. 14.
5. Ответы В.И. Арнольда на анкету Европейского математического общества об изменениях в Восточной Европе за последние десять лет // Известия. 1999. 26 февраля. № 34.
6. Интервью G04072013.
7. Гиндикин С. Выступление на Gelfand Centennial Conference: A View of 21st Century Mathematics. 2013. September 1. MIT.
8. Интервью L05062012.
9. Gerovitch S. Creative Discomfort: The Culture of the Gelfand Seminar at Moscow University // Mathematical Cultures: The London Meetings 2012-2014 / Ed. B. Larvor. Basel: Birkhäuser, 2016. P. 51–70.
10. Интервью BR12162010.
11. Розов М. Механизмы развития знания // Когнитивные исследования: проблема развития. Вып. 3. Под. ред. Д. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 34–55.
12. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.
13. Мертон Р. Наука и демократическая социальная структура // Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 767–781.
14. Понтер К. Открытое общество и его враги. В 2 тт. М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992.

ВЗГЛЯД ТОМАСА КУНА НА РАЗВИТИЕ НАУКИ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ЕГО ТВОРЧЕСТВА

Е.А.Гороховская

*Кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: elglasius@gmail.com*

Концепция Т. Куна представляет собой радикальный разрыв с позитивистской традицией в философии науки. В своих поздних работах он развивал представление о лексической таксономии – научных понятиях, обозначающих те или иные классы сущностей, представил опровержение корреспондентной теории истины и разрабатывал эволюционную метафору по отношению к развитию науки.

Ключевые слова: Томас Кун, историческая философия науки, лексическая таксономия, истина

THOMAS KUHN'S VISION OF HISTORICAL SCIENTIFIC DEVELOPMENT DURING THE LATE PERIOD OF HIS WORK

Е.А. Gorokhovskaya

*CSc of Biology, Leading Researcher
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences
E-mail: elglasius@gmail.com*

T. Kuhn's concept represents a radical break with the positivist tradition in the philosophy

of science. In his later works, he developed an idea of lexical taxonomy, that includes scientific concepts denoting certain classes of entities, presented a refutation of the correspondence theory of truth, and developed an evolutionary metaphor in relation to the development of science.

Keywords: Tomas Kuhn, historical philosophy of science, lexical taxonomy, truth

Концепция Т. Куна, начиная с ее изложения в знаменитой книге «Структура научных революций», впервые опубликованной в 1962 г. [1], представляет собой радикальный разрыв с позитивистской традицией в философии науки и сближение с историей науки. К важнейшим положениям Куна относится идея о теоретической, методологической и наблюдательной несоизмеримости научных парадигм, из-за которой ученые, придерживающиеся разных парадигм, видят мир по-разному. На протяжении своего творчества Кун продолжал развивать свои представления. В поздних работах он сосредоточил внимание на проблеме несоизмеримости, разрабатывая представление о лексической таксономии – входящих в парадигму научных понятиях, обозначающих те или иные классы сущностей, которые он стал называть "таксономическими терминами" (taxonomic terms) или терминами классов (kind terms). Эта тема и развитие эволюционной метафоры по отношению к истории науки были в центре новой книги, над которой он работал с 1980-х гг., под рабочим названием «Множественность миров: Эволюционная теория научного развития», работу над которой прервала его смерть. Публикация этой незаконченной книги планируется в декабре 2022 г. в сборнике «Последние работы Томаса Куна» [2].

В статьях «Дорога после “Структуры”» (1991) [3] и «Проблема с исторической философией науки» (1992) [4] Кун описал направления, в которых он развивал свои идеи. Разрабатывая идею лексической таксономии, от которой зависит оценка истинности утверждений, Кун вводит важный принцип неперекрываемости таксономических терминов: "Не существует собак, которые также являются кошками, не существует золотых колец, которые также являются серебряными кольцами и т.д." [3, р. 4]. Поэтому, как указывает Кун, если лексическая таксономия новых представлений отличается от старых, то для перевода старых представлений на язык новых потребовалось бы воспользоваться новым термином, который перекрывается по своим референтам с прежним термином. Но это запрещает принцип неперекрываемости, и несоизмеримость научных миров в данной области проявляется как непереводаемость [3, р. 4–5]. Различия между нормальной наукой и научной революцией Кун стал определять как различия между такими видами деятельности в науке, которые не требуют или требуют изменений в лексической таксономии [3, р. 7].

Хотя Кун способствовал рассмотрению науки с социологической точки зрения, он резко критически относился к социологическому подходу в философии науки. Он отмечает, что микросоциологический анализ в истории науки необходим и важен, однако возникший на его основе общий подход к пониманию развития науки считает неправильным. Так называемую «сильную программу» в этом подходе, согласно которой развитие науки определяется исключительно интересами, политикой, авторитетом и властью, а природа не влияет на формирование представлений о ней, он называет абсурдной. Кун заявляет, что необходимо защитить понятия истины и знания от «эксцессов постмодернистских движений, подобных сильной программе» [3, р. 4]. В умеренном варианте социологического подхода признается, что для развития науки природа имеет значение, но не указывается, по мнению Куна, какую именно роль она играет. Причину этого Кун видит в приверженности социологического подхода к традиционной философии науки, которая заключается в следующем. Объективной исходной точкой являются факты, полученные путем нейтральных наблюдений. Преобразовав представление об архимедовской точке опоры, Кун метафорически называет нейтральные наблюдения стабильной архимедовской платформой, которая позволяет определять истинность или вероятность верности теории. Факты предшествуют теориям, объясняющим природные явления путем интерпретации фактов.

Новый взгляд на науку, которому следует Кун, говорит о зависимости фактов от теорий и невозможности нейтральных наблюдений. Согласно Куну, исторический подход к философии науки, заменивший образ науки как статического корпуса знания на динамический образ, привел к новому пониманию рациональности, доказательства и истины. Рациональность, объективность и доказательство следует относить не к тем научным убеждениям (beliefs), которые существовали до или после изменения убеждений, а к самому изменению. При этом для рациональности выводов, которые делаются в ходе изменения, необходимо, чтобы наблюдения были нейтральными и разделялись той группой ученых, которая принимает решение об изменении убеждений. Эти наблюдения должны быть независимыми не от всех прежних убеждений, а только от тех, которые

изменяются. Научные утверждения оцениваются относительно подвижной, существующий в данное историческое время архимедовской платформы [3, 4].

Кун отвергает корреспондентную теорию истины, которая присуща традиционной философии науки, утверждающей, что научные убеждения должны оцениваться по их истинности или вероятности истинности, где под истиной понимается соответствие внешнему реальному, независимому от сознания миру [3, 4]. Но, как замечает Кун, новую теорию нельзя непосредственно соотнести с реальностью. Теория связана с имеющимися убеждениями, относящимися, например, к инструментам наблюдений, и оценивается также по таким критериям, как точность, согласованность с другими принятыми убеждениями, широта применимости, простота и по ряду других, причем эти критерии неточные. Однако, если их использовать для сравнительной оценки по отношению к изменению убеждения, а не непосредственно к самому убеждению, то вполне можно оценивать, какое из двух убеждений в данной исторической ситуации больше удовлетворяет указанным критериям. Кун утверждает, что большее соответствие новой теории этим критериям вовсе не означает ее большую истинность. Согласно классической формулировке последовательные научные теории становятся все ближе к истине. Кун указывает, что в развитии науки, также как в дарвиновской теории эволюции, не существует заранее установленной фиксированной цели, к которой движется наука. Опровергая корреспондентную теорию, он заявляет, что только фиксированная архимедовская платформа может предоставить основу для измерения близости теории к истине. В ее отсутствии это сделать невозможно. Подчеркивая, что понятие истины играет роль в развитии науки, Кун утверждает, что истина в этом случае не может быть соответствием реальности. Причем дело не в существовании реальности, не достижимой для науки, а в том, что понятие реальности в традиционной философии науки не имеет смысла [4, р. 14]. Мир ученых, который меняется со временем и различен у разных научных сообществ, по мнению Куна, обладает всеми особенностями, позволяющими называть его «реальным миром». Этот мир «предоставляет среду, арену для всей индивидуальной и социальной жизни. Он накладывает жесткие ограничения на такую жизнь; продолжающееся существование зависит от приспособления к ним; а в современном мире научная деятельность стала главным инструментом приспособления» [3, р. 10].

Развивая аналогию с биологической эволюцией, которая в «Структуре научных революций» была лишь намечена, Кун полагает, что после каждой научной революции обычно происходит увеличение научных специальностей. Он сравнивает этот процесс с видообразованием, а характер развития науки на протяжении всей ее истории напоминает ему эволюционное древо [3, 4]. Разные специальности по-разному понимают упоминавшиеся критерии точности, согласованности, широты и простоты, при этом каждая специальность совершенствует свои представления относительно этих критериев. По мнению Куна, наука не единый монолит, а сложная неупорядоченная структура из множества специальностей. Разнообразие их лексических таксономий «позволяет этим наукам коллективно решать головоломки, относящиеся к более широкому кругу природных явлений, чем могла бы добиться лексически гомогенная наука» [3, р. 8]. Корреспондентную теорию истины Кун предлагает заменить теорией изобилия истин [там же]. Он объясняет это следующим образом. Согласно Куну, «существенной функцией представления об истине является требование выбора между принятием и отказом от утверждения или теории перед лицом свидетельства, разделяемого всеми» [3, р. 9]. Однако, если лексиконы научных сообществ отличаются, «одна и та же последовательность слов будет представлять для каждого из них разные утверждения», в этом случае «в одном лексиконе утверждение может быть кандидатом на истинность или ложность, не имея такого статуса для других» и «сильное свидетельство для одного не будет свидетельством для другого» [там же]. Обращаясь к метафоре биологической эволюции, Кун рассматривает подобные разрывы в коммуникации между членами сообществ с разными лексиконами в качестве «ключевых симптомов процесса, подобного видообразованию, благодаря которому возникают новые дисциплины, каждая со своим лексиконом и со своей собственной областью знания» и «благодаря таким разделением», по мнению Куна, «знание растет» [там же].

Концепция Куна, на мой взгляд, позволяет ценить разнообразие научного знания, показывая, что прошлые научные представления заслуживают внимания и уважения не меньше нынешних, как и сосуществующие теории в одной области.

Литература

1. *Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 172 p.*

2. *Kuhn T.S. The Last Writings of Thomas S. Kuhn. Incommensurability in Science. Ed. by B. Mladenovic. Chicago, IL: The University of Chicago Press. 312 p. – Expected publication: December 5th 2022.*
3. *Kuhn T.S. The road since Structure. In: A. Fine, M. Forbes, L. Wessels (eds.) PSA 1990. Proceedings of the 1990 Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association, Vol. 2. East Lansing. MI: Philosophy of Science Association, 1991. P. 3-13.*
4. *Kuhn T.S. The Trouble with the Historical Philosophy of Science. Cambridge, Mass.: Department of the History of Science, Harvard University, 1992. 20 p.*

ТОМАС КУН, ПОЛ ФОРМАН, И КВАНТОВЫЕ ИСТОРИОГРАФИИ НАУКИ

А.Б. Кожевников

Профессор Исторического факультета

Университет Британской Колумбии

E-mail: a.nikov@ubc.ca

Историография квантовой революции еще только формировалась в 1960-70х гг., но задавала методологические тренды для дисциплины истории науки в целом. Интерес в те годы смещался от древних классиков к современной, недавней истории науки. Проект Архива Истории Квантовой Физики, организованный Т.С. Куном в 1961 г., использовал новые методы устной истории и создал огромную фундаментальную базу данных неопубликованных архивных источников. На этой основе развивались новые подходы в истории науки: интеллектуальной, в частности детальные реконструкции генезиса научных идей, совместимые с Куновской Структурой Научных Революций; дисциплинарной и институциональной, с использованием социологических и количественных методов; а также основополагающий для социологии научного знания и культурологической истории науки, знаменитый Тезис Формана 1971 г.

Ключевые слова: квантовая историография, Томас Кун, Пол Форман, социальная и культурная история науки

THOMAS KUHN, PAUL FORMAN, AND QUANTUM HISTORIOGRAPHIES OF SCIENCE

A.B. Kojevnikov

Professor of Department of History

University of British Columbia

E-mail: a.nikov@ubc.ca

While still emerging during the 1960-70s, the professional historiography of quantum revolution stood at the forefront of methodological innovations in the history of science writ large. It exemplified the discipline's shift of attention from ancient classics to recent science. The landmark project, The Archive for the History of Quantum Physics, launched by Thomas S. Kuhn in 1961, pioneered methods of oral history and created an enormous, fundamental database of unpublished archival documents. This unprecedentedly vast source base provided the foundation for the development of new approaches in history of science: rational reconstructions, or "thick" description of the genesis of scientific ideas, compatible with Kuhn's Structure; disciplinary and institutional history, with the use of sociological and quantitative methods; and the famous Forman Thesis of 1971, a pioneering opening for the cultural history of science and the sociology of scientific knowledge.

Keywords: Quantum historiography; Thomas Kuhn; Paul Forman; social and cultural history of science

Как академическая дисциплина, история и философия науки созревала в 1960х гг. благодаря пиковой популярности самой науки, а также, по крайней мере на Западе, волне интереса к сенсационному бестселлеру Томаса Куна [1]. В университетах возникали профессорские места и даже целые факультеты, а сами историки науки, хотя еще как правило вышедшие из естественнонаучной среды, знаком своего нового профессионализма считали возможность отстраниться и подвергнуть критическому анализу расхожие исторические мифы и популярные

истории, воспроизводившиеся в среде самих ученых для собственных педагогических и дисциплинарных нужд.

Опираясь на финансовую поддержку физиков, в 1961 г. Кун организовал масштабный по меркам гуманитарных дисциплин проект «*Архив Истории Квантовой Физики*», главной целью которого были записи подробных воспоминаний и интервью с основоположниками квантовой революции 1900-1930 гг. Эйнштейн, Шредингер и Паули немного не дожили, но Кун сумел записать многочасовые беседы с более чем 100 учеными, включая Бора, Гейзенберга и Дирака. В результате, в историю науки был массивно внедрен новый для нее метод устной истории а также, с помощью аспирантов Джона Л. Хайлброна и Пола Формана, собрана и каталогизирована информация об огромном количестве архивных коллекций, переписки и неопубликованных документов, из которых более 100.000 страниц было микрофильмировано [2]. Наличие и доступность такого беспрецедентного для истории науки собрания уникальных первоисточников позволило совершенно по-новому изучать одну из важнейших фундаментальных революций в развитии мировой науки.

В отличие от теории относительности и довольно нетипично для своего времени, квантовая механика разрабатывалась коллективно, с одновременным участием большого числа ученых и не менее десятка основных лидеров, между которыми регулярно возникали серьезные разногласия [3]. Совместно они произвели взрывное количество идей, публикаций, писем, а также фундаментальных научно-философских дебатов. По своей концентрированности, полемичности, насыщенности, а также частоте изменений точек зрения в процессе самого создания теории, эти споры пожалуй не имеют аналога в истории науки. Возможность анализировать этот процесс с помощью необычайно детальной базы архивных документов создало надежду вывести интеллектуальную историю на новый уровень с рациональной, или по крайней мере намного более насыщенной реконструкцией внутреннего процесса научного творчества, зарождения и изменения революционных идей [4, 5].

Тысячи сохранившихся писем, рукописей и черновиков послужили основой для многочисленных исторических и философских исследований, главные из которых публиковались во флагманском журнале *Historical Studies in the Physical Sciences* [6]. Опираясь на архивные первоисточники, историки опровергли или существенно скорректировали многие из фольклорных легенд о возникновении квантовой теории. В частности, книга Куна [7] подвергла сомнению центральный миф об отце основателе самой дисциплины, в котором открытие квантов энергии по традиции приписывалось Максиму Планку в 1900. Кун ничтоже сумняшеся показал, что Планк довольно долго противился идее фундаментальности квантовой дискретности и признал ее лишь годами позже и не раньше нескольких других физиков, в частности Эренфеста и Эйнштейна. Аналогичным образом, многие из устных историй, записанные через сорок лет после событий, содержали такие персональные детали и впечатления, о которых письменные источники обычно умалчивают, но с другой стороны, также и недостоверные ошибки памяти, которые противоречили или подправляли задним числом идеи и свидетельства, сохранившиеся в письмах и документах 1920х гг.

Десятилетие 1960х было также временем расцвета большой науки и ее финансирования. Рост научных кадров, институтов и государственных затрат на исследования, начавшийся после Манхэттенского атомного проекта в конце войны, вследствие запуска советского спутника в 1957 г. привел ко второй, еще более масштабной экспансии научной инфраструктуры по всему миру. Развитие науки, ставшей массовой профессией, определялось количеством и структурой научных кадров. Чтобы понять процессы, происходящие в ней, надо было следить не только за потоком идей, но и за финансовыми потоками, их источниками, и за организацией исследований. Аналогичные структурные, социологические и экономические категории стали также и концептуальным языком анализа науки, в частности институционально-дисциплинарного подхода, который тоже развивался в *Historical Studies in the Physical Sciences* под редакцией Рассела МакКорммака. Форман, Хайлброн и Спенсер Вирт опубликовали масштабное статистическое исследование международного сообщества физиков начала 20 века: его демографии, институтов, позиций, и социальных практик [8]. Форман в своей докторской диссертации проанализировал финансовое положение и социальную структуру физического сообщества в Германии в период тяжелого кризиса, вызванного поражением страны в Первой мировой войне и то, как эти факторы повлияли на функционирование исследовательских программ [9]. Собранный им социологический материал стал эмпирической основой знаменитого Тезиса Формана 1971 г. [10].

В своей классической статье Форман описал интеллектуальную атмосферу в политически и психологически травмированном немецком обществе. Ощущение кризиса охватило все стороны жизни, включая науку. Средние классы общества, включая его академическую элиту, острее всего переживали утрату финансового благополучия и социального статуса. Ностальгируя по имперскому

периоду, большинство профессоров разделяли право-консервативные взгляды и критически относились к умеренно левому правительству Веймарской республики. В обществе возобладало разочарование в доминировавших до войны идеях прогресса, рационализма, и модернизма. Наука, особенно точное естествознание, оказалась под огнем культурной критики как воплощение механистического и позитивистского мировоззрения, причем особую неприязнь вызывал принцип детерминизма, отвергавшийся популярной, нео-романтической философией жизни [10].

Парадоксально, но этот же период оказался одним из самых творческих в истории немецкой науки. Анализируя этот парадокс, Форман ожидал от ученого сообщества принципиальной защиты ценностей научного мировоззрения, но к своему удивлению обнаружил скорее приспособление ученых к преобладавшему в послевоенном обществе антинаучному настроению. В частности, ряд ведущих физиков и математиков, выступая перед философски образованной аудиторией, высказали готовность отказаться от детерминизма, или принципа причинности в науке. Причем сделали они это еще того, как в 1925 г. начала возникать квантовая механика. Когда же эта новая революционная теория появилась, отказ от каузальности был объявлен ее главным философским уроком и достижением, стал основой философской интерпретации фундаментальной теории микромира. Таким образом, заключил Форман, культурные ценности, продвигавшиеся консервативным, анти-рационалистическим мировоззрением повлияли и оказались важной частью квантовой революции в физике [10, с. 7-8].

В момент своего появления, тезис Формана вызвал волну отторжения. Многие восприняли его как очередную инкарнацию ужасного «экстерналистского» подхода в истории науки. Ведь только одна статья была широко известна как еще более влиятельная и скандальная во всей дисциплине, а именно анализ «социальных и экономических корней механики Ньютона» представленный Борисом Гессеном в 1931 г. на Лондонском конгрессе истории науки [11]. Обе эти работы противоречили платонической идее науки как духовного, интеллектуального постижения абстрактной истины, но делали это по-разному. Гессен развивал показательный марксистский подход, в котором практические запросы экономического и технического прогресса определяли направление развития научного знания. У Формана, культурная среда оказывалась главным промежуточным звеном.

Основной методологический конфликт в истории науки тогда еще отражал постепенно устаревавшие идеологические реалии холодной войны. Инспирированный марксизмом подход к концу 1960х гг. уже утрачивал популярность в СССР, но еще развивался на Западе такими историками, как Джон Бернал [12]. Новая европейская наука 17 века интерпретировалась в нем как продукт социальных революций и как прогрессивная сила, связанная с экономическими и техническими потребностями возникавшего капитализма. С целью не допустить подрывного влияния такого «экстернализма», западный академический истеблишмент сделал упор на альтернативной методологии, интеллектуальные корни которой правда тоже происходили из революционной России, а именно из работ Александра Койре [13]. Англоязычные эпигоны окрестили этот подход «интерналистским», но Койре вовсе не стремился ограничить развитие науки ее собственной внутренней логикой. Его оригинальная концепция определяла научную революцию 16-17 вв. как разрушение античного космоса и фундаментальную смену всего научно-философско-религиозного мировоззрения. Наука была неразрывной частью этого общекультурного феномена, но как платоник и антимарксист, революционер Койре принципиально выступал против сведения истории высоких идей к материальным потребностям и техническим приспособлениям [14].

Тезис Формана не удовлетворял ни той ни другой идеологической позиции. В восприятии идеалистического «интерналистского» лагеря, он был таким же подрывным, как и анафема марксистского подхода. А для традиционных левых он казался слишком антинаучным. Они считали настоящую науку символом и союзником прогресса, в то время как реакционные философские влияния могли портить и подрывать усилия ученых, а вовсе не способствовать революционному развитию науки [15]. Для Формана же, в эпоху Вьетнамской войны, напалма и ДДТ, ситуация представлялась намного сложнее и вопрос о политической ассоциации ученых выглядел совсем не так оптимистично и однозначно. Наука холодной войны многими из молодого поколения американцев воспринимались как продавшаяся империализму и военно-промышленному комплексу. Его исторический анализ выявил, что ведущие представители квантовой революции в 1920х гг. тоже заключили идейный пакт с антирационалистическими, консервативными настроениями, а те физики кто, как Эйнштейн, продолжали отстаивать ценности научного мировоззрения и причинности, чаще примыкали к прогрессивному лагерю в политике, но их научные взгляды были объявлены консервативными.

Литература

1. *Kuhn T. S.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press. 1962.
2. *Kuhn T. S., Heilbron J. L., Forman P., Allen L.* Sources for History of Quantum Physics: An Inventory and Report. Philadelphia: American Philosophical Society, 1967.
3. *Kojevnikov A.* The Copenhagen Network: The Birth of Quantum Mechanics from a Postdoctoral Perspective. Berlin: Springer, 2020.
4. *Форман П.* К чему должна стремиться история науки? // Вопросы истории естествознания и техники. 1990. № 1. С. 3-9.
5. *Кожевников А.Б., Романовская Т.Б.* Квантовая теория (1900-1927) // Физика XIX-XX вв. в общенаучном и социокультурном контекстах. Физика XX в. и ее связь с другими разделами естествознания. Ред. Идлис Г.М. Москва: Янус-К, 1997. С. 56-85.
6. Historical Studies in the Physical Sciences. Ed. McCormach R.M. Vol. 1-10. 1969-1979.
7. *Kuhn T. S.* Black-Body Theory and the Quantum Discontinuity, 1894-1912. Oxford: Oxford University Press, 1978.
8. *Forman P., Heilbron J. L., Weart S.* Physics circa 1900: Personnel, Funding, and Productivity of the Academic Establishments. // Historical Studies in the Physical Sciences. Vol. 5. 1975. P. 1-185.
9. *Forman P.* The Environment and Practice of Atomic Physics in Weimar Germany: A Study in the History of Science. Ph.D. dissertation. University of California, Berkeley, 1967.
10. *Forman P.* Weimar Culture, Causality, and Quantum Theory, 1918-1927: Adaptation by German Physicists and Mathematicians to a Hostile Intellectual Environment. // Historical Studies in the Physical Sciences. Vol. 3. 1971. P. 1-115.
11. *Гессен Б.М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. Доклад на II Международном конгрессе по истории науки и техники. Москва, Ленинград: Государственное технико-теоретическое издательство, 1933.
12. *Bernal J.D.* Science in History. London: Watts, 1954.
13. *Mayer A.-K.* Setting up a Discipline, II. British History of Science and 'The End of Ideology,' 1931-1948. // Studies in History and Philosophy of Science. Vol. 35. 2004. P. 41-72.
14. *Койре А.* Очерки истории философской мысли. Москва: Прогресс, 1985.
15. Weimar Culture and Quantum Mechanics: Selected Papers by Paul Forman and Contemporary Perspectives on the Forman Thesis. Eds. Carson C., Kojevnikov A., and Trischler H. Singapore: World Scientific Press, 2011.

О КОНКУРЕНЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ПАРАДИГМ В БИОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Р.А. Фандо

Доктор исторических наук, директор

*Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук
E-mail: fando@mail.ru*

Рассмотрены различные философские и методологические подходы, направленные на понимание сущности живого и вскрывающие движущие силы эволюционного процесса. Проанализировано, как разные теоретические концепции (эпигенез, преформизм, дарвинизм и антидарвинизм) приходили к разнообразным интерпретациям фактов при изучении одинаковых познавательных моделей. Показано, как исследования этих моделей различными учеными привели к современным естественнонаучным представлениям. Приведенные примеры из истории науки наглядно демонстрируют, что в области биологических дисциплин закономерно происходила конкуренция различных методологий и эвристических гипотез. Это объясняется сложностью различных уровней организации живого и многомерной системой взаимодействия биологических объектов друг с другом и окружающей средой. Сложность объектов живой природы способствовала значительному увеличению гипотетических представлений, объясняющих особенности строения и функционирования различных систем организмов, их экологические и эволюционные характеристики, механизм индивидуального развития и факторы его определяющие. Такое положение дел в биологии позволило ей избежать монополии какой-

либо единой общепризнанной научной парадигмы.

Ключевые слова: научная парадигма, эпигенез, преформизм, дарвинизм, антидарвинизм

ABOUT DIFFERENT PARADIGMS COMPETITION IN BIOLOGY: HISTORICAL AND METHODOLOGICAL BASES

R.A. Fando

DSc in History, Director

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences

E-mail: fando@mail.ru

Various philosophical and methodological approaches are considered, aimed at understanding the essence of the living and revealing the driving forces of the evolutionary process. It is analyzed how different theoretical concepts (epigenesis, preformation theory, Darwinism and Anti-Darwinism) came to various interpretations of facts when studying the same cognitive models. It is shown how the studies of these models by various scientists led to modern natural-scientific ideas. The given examples from the history of science clearly demonstrate that in the field of biological disciplines, competition of various methodologies and heuristic hypotheses naturally took place. This is due to the complexity of different levels of organization of living things and the multidimensional system of interaction of biological objects with each other and the environment. The complexity of wildlife objects contributed to a significant increase in hypothetical ideas that explain the features of the structure and functioning of various systems of organisms, their ecological and evolutionary characteristics, the mechanism of individual development and its determining factors. This state of affairs in biology allowed it to avoid the monopoly of any single generally accepted scientific paradigm.

Keywords: scientific paradigm, epigenesis, preformation theory, Darwinism, Anti-Darwinism

Особенностью современной биологии является наличие в её теоретическом багаже концепций, объясняющих различные явления живой природы, в том числе реализацию наследственных признаков, эволюцию популяций, происхождение тех или иных таксонов. Представления о строении и функционировании живых объектов сформировались не только в процессе кумулятивного накопления знаний, но и в результате смены парадигм. Известный философ науки Т.Кун подчеркивал, что сообщество ученых аккумулируется вокруг научной парадигмы, из которой складывается, пусть на какое-то время, модель проблем и решений, удовлетворяющих исследователей данной научной дисциплины [1].

Одним из первых куновское понятие парадигмы относительно развития биологии применил польский ученый Л. Кузьницкий. В своем докладе «Структура научной революции в биологии» на XI Международном конгрессе по истории науки (Варшава, 24–31 августа 1965 г.) он проанализировал историю развития биологической мысли через общепризнанные научные достижения. Так, открытия Аристотеля стали началом биологического знания, а учение Дарвина ознаменовало революционный переворот в биологии и вывело науку о живом на новый качественный уровень развития [2].

В истории биологии существует масса примеров, когда не наблюдалась смена одних парадигм другими, а лишь происходила конкуренция между ними. Так, например, на протяжении многих веков в эмбриологии обсуждался характер индивидуального развития организмов. Онтогенез представлялся или как преформированный (то есть как рост уже имеющегося в миниатюре материала со всеми структурными частями), или как эпигенетический (то есть обусловленный новообразованием структуры и составляющих её частей). С. Гоулд считает, что идеи преформизма и эпигенеза возникли почти одновременно со времен Аристотеля [3, 4]. Как отмечает Л.И. Корочкин, обе системы взглядов не были вполне однородными, но исходно имели внутри себя самих различающиеся течения, не выходящие, однако, за рамки собственной парадигмы, хотя иногда находившиеся буквально на границе с конкурирующими взглядами [5]. В разное время на авансцену выходило одно из этих научных течений. К началу Нового времени в эмбриологии преобладали идеи преформизма, исходившие из концепции последовательного новообразования структур взрослого организма предварительно заложенных в яйцеклетке, но уже в XVII в. распространение получили идеи эпигенеза [6]. Открытия материальных основ наследственности надолго укоренили принцип детерминации хода

онтогенеза и морфологических признаков организма генами, расположенными внутри хромосом. Данная идея была сродни представлениям преформистов. Спор между преформистами и эпигенетиками продолжается и до настоящего времени. Становление молекулярной генетики в XX в. привело одновременно к появлению как неопреформистского, так и неэпигенетического взглядов на эмбриогенез. Неопреформисты считают, что все закодировано в генотипе, тогда как неэпигенетики выдвигают на передний план взаимосвязи между частями организма, выступающими на всех стадиях его развития как единое целое [7].

Одной из самых распространенных парадигм биологии стала теория происхождения видов на основе естественного отбора, сформулированная Чарльзом Дарвином и Альфредом Уоллесом независимо друг от друга. Эту теорию верный последователь Дарвина Т. Гексли назвал дарвинизмом. Дарвинизм на многие десятилетия приобрел небывалую популярность в различных естественнонаучных областях, совершив подобие коперниканской революции и в значительной степени пересмотрев прежние представления о природе. Э.И. Колчинский отмечает, что успех дарвинизма был обусловлен широким синтезом различных сведений и фактов из различных биологических областей, подтверждавших выдвинутую концепцию естественного отбора [8]. Кроме того закономерности природы, раскрытые Дарвином в его теории, оказались достаточно простыми для понимания и распространения среди специалистов естественных и гуманитарных дисциплин [9], что было связано с ее социально-экономическими заимствованиями и метафоричностью ее самых ключевых понятий [10].

Начиная со второй половины XIX в. и до настоящего времени не утихают споры между сторонниками и противниками учения Дарвина. Последователями идей дарвинизма стали выдающиеся ученые из разных стран: англичанин Т. Гексли, американец А. Грей, немец Э. Геккель, итальянец Дж. Канестрини и многие другие. Учение о естественном отборе не всегда принималось безоговорочно, оно претерпевало трансформацию в зависимости от различных когнитивных и социокультурных предпосылок. Н.Н. Воронцов отмечает, что к концу XIX в. в дарвинизме выделилось три течения: ортодоксальный дарвинизм, признававший отбор единственным формирующим фактором среды; «геккелевский дарвинизм», постулирующий существование отбора и наследование приобретенных признаков в качестве движущих факторов эволюции; неodarвинизм или вейсманизм, опровергавший ламаркистские представления об упражнении и неупражнении органов и передаче возникших в течение индивидуального развития признаков [11]. Данные течения возникли в связи с дифференциацией взглядов внутри сообщества дарвинистов, тем не менее, главным во всех подобных концепциях оставалось признание роли естественного отбора в эволюционном процессе.

Признавая реальность эволюционных процессов в природе, ряд выдающихся ученых подвергли критике дарвиновское учение о роли естественного отбора в образовании новых видов и более крупных систематических единиц. Конфликт различных пониманий эволюционной теории с дарвинизмом способствовал укоренению в профессиональном сообществе нового термина – «антидарвинизм», которым обозначали совокупность течений, опровергающих догмат о ведущей роли естественного отбора в видовой и надвидовой эволюции. Среди самых ранних распространенных недарвиновских концепций, зародившихся еще в XIX в., выделяют сальтационизм, финализм и неоламаркизм.

Термином «сальтация» (от лат. saltatio – скачок, прыжок) обозначают скачкообразное изменение, происходящее у организмов, а также внезапное образование новых форм и таксонов, резкую смену биот в геологическом прошлом. Предпосылками сальтационизма стали следующие факторы: отсутствие в палеонтологической летописи переходных форм между различными близкими формами, факты, создающие впечатление внезапного вымирания групп в конце геологических периодов и столь же внезапного появления новых форм в их начале, невосприимчивость к популяционному мышлению и оппозиция догматическим принципам дарвинизма [12].

Финализм, имеющий достаточно продолжительную историю и множество различных ответвлений, стал одним из серьезных оппонентов дарвиновской концепции эволюции. Финалисты считают, что процесс эволюционного развития носит направленный и заданный характер. Одной из характерных черт финализма было понятие об эквифинальности, сформулированное Г. Дришем, и обозначающее стремление биологических объектов к достижению одной конечной цели. Последователи Дриша были яркими критиками дарвинизма, так как считали, что отбор не способен привести к появлению новых признаков. Отбор может лишь сохранить или отсеять то, что уже заранее дано в готовом виде. Дарвинизм, в понимании Дриша, строит здание без определенного плана, беспорядочно нагромождая груды камней [13]. Другой не менее известной финалистической концепцией, которая нанесла теории естественного отбора серьезный удар, была гипотеза «номогенеза» Л.С. Берга. Под номогенезом понимался процесс эволюции, базирующийся на строгих

закономерностях. Одной из таких закономерностей является «автономический ортогенез» – внутренний фактор, направленный на усложнение морфофизиологической организации. Причем по Бергу, это усложнение не приводит к появлению множества таксонов, как это постулировали дарвинисты. Согласно сформулированному им принципу полифилизма все организмы развивались из множества первичных форм, причем их эволюция в основном носила конвергентный характер. Полифилизм Берга был не ортодоксальным, а представлял собой среднее значение в шкале между крайними точками полифилизма Линнея и монофилизма Дарвина. Берг не отрицал возможного образования родов и видов путем дивергенции от общего предка.

Огромная роль в противостоянии селективизму принадлежит неоламаркизму – учению, возродившему идеи Ж.Б. Ламарка. Конечно, неоламаркизм вынужден был отказаться от некоторых отживших свой век понятий Ламарка, но в качестве базовых были взяты представления о возникновении под действием внешней среды адекватной изменчивости и передаче по наследству приобретенных признаков. По мнению В.И. Назарова, неоламаркизм занял принципиально отличные от дарвинизма позиции в отношении материала, движущих сил и направленности эволюционного процесса [12].

Неоламаркизм упрочил свои позиции после ряда открытий в биохимии, физиологии, иммунологии и молекулярной биологии. Проблема адаптивной изменчивости и ее передача по наследству перешла из сравнительно-анатомической в биохимическую область. Известный французский зоолог П. Винтребер даже назвал свою теорию «химический ламаркизм», тем самым подчеркнув, что для объяснения ламарковских представлений необходимы соответствующие химические понятия. Он объяснял ответную реакцию организма на внешние воздействия возникновением соответствующих иммунных процессов. Предположив, что кризисные условия среды нарушают нормальную жизнедеятельность организма, начинается выработка вредных веществ, что стимулирует ответную иммунную реакцию. Иммунная система обеспечивает создание новых генов, ответственных за синтез новых антител. Такие новые гены встраиваются в хромосомы половых клеток, передаются от родителей потомкам и в целом меняют наследственность внутри популяций и видов.

Идеи неоламаркизма нашли применение в работах другого иммунолога Чарльза Джаневея. Признавая факт формирования приобретенного или адаптивного иммунитета в каждом поколении заново, он высказал мысль, что врожденный иммунитет является начальной и заключительной стадией приобретенного иммунитета. Ю.В. Чайковский, сожалея о пренебрежительном отношении к идее Джаневея соединить механизмы формирования врожденного и приобретенного иммунитета, отметил, что спустя годы уже после смерти гениального ученого высказанные им представления нашли экспериментальное подтверждение [14].

Обсуждение механизмов онтогенеза и эволюционных преобразований способствовало появлению в биологии различных парадигм, в каждой из которых есть свои рациональные зерна. Конкуренция этих парадигм продолжается до настоящего времени, что способствует расширению когнитивного пространства биологии. Накапливаются новые факты, появляются оригинальные идеи, меняются подходы и приемы познания. Все это стимулирует развитие методологии научного познания и повышает исследовательский интерес к нерешенным проблемам биологии.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
2. [Отчет о поездке делегации советских ученых на XI Международный Конгресс историков науки, состоявшийся в Польской Народной Республике. Авторы: Б.М. Кедров и А.Т. Григорьян. Б.д.] // АРАН. Ф. 579. Оп. 4. Д. 336. Т. 2. Л. 40–72.
3. Gould S.J. Ontogeny and phylogeny. Cambridge, Mass.: Cambridge Univ. Press. 1997. 501 p.
4. Gould S.J. Structure of evolutionary theory. Cambridge, Mass.: Cambridge Univ. Press. 2002. 1433 p.
5. Корочкин Л.И. Конкуренция преформистской и эпигенетической парадигм в эмбриологии. Её историческое и методологическое основание // Философия биологии: вчера, сегодня, завтра. М.: Институт философии РАН. 1996. С. 284–291.
6. Бляхер Л.Я. Очерк истории морфологии животных. М.: Изд. АН СССР. 1962. 265 с.
7. Татаринов Л.П. Молекулярная генетика и эпигенетика в механизмах морфогенеза // Журнал общей биологии. 2007. Т. 68. № 3. С. 165–169.
8. Колчинский Э.И. Эволюционный синтез: его создатели и оппоненты // Создатели современного эволюционного синтеза. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 7–43.

9. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней. СПб.: Петрополис, 1997. 880 с.
10. Чайковский Ю.В. Элементы эволюционной диатропики. М.: Наука, 1990. 270 с.
11. Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: Издат. отдел УНЦ ДО МГУ, Прогресс-Традиция, АБФ, 1999. 640 с.
12. Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М.: КомКнига. 2005. 520 с.
13. Дриш Г. Витализм, его история и система. М.: Книгоизд. Наука, 1915. 279 с.
14. Чайковский Ю.В. Юбилей Ламарка-Дарвина и революция в иммунологии // Наука и жизнь. 2009. №3. С. 40–49.

ЭЙНШТЕЙН КАК «ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ» ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ (ИЛИ ФИЛОСОФСКО-НАУЧНЫХ) КОНЦЕПЦИЙ

Вл.П. Визгин

*Доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: vlvizgin@gmail.com*

Исследуется применение различных историографических концепций к описанию и истолкованию релятивистской революции и построения А. Эйнштейном релятивистских теорий. Рассмотрено применение методологии исследовательских программ, дополненной системой методологических принципов в качестве теоретического арбитра. Отмечен презентизм такого подхода к развитию фундаментальных теорий, когда оно представляется как последовательное расширение принципов относительности, лежащих в их основе. Продемонстрирована полезность «ошибочностной» концепции развития научного знания, предложенной С.И. Вавиловым в его «Дневниках». Обсуждены два варианта научно-биографического подхода: когда развитие фундаментальных теорий ассоциируется с выдающимися творцами этих теорий (от Галилея и Ньютона до Эйнштейна и Бора); когда масштабные события (например, релятивистскую революцию) удается персонифицировать, связав их с личностями корифеев науки (например, с Эйнштейном). Показано, как достижения Эйнштейна и, вместе с тем, упущенные им возможности связаны с его эпистемическими добродетелями и пороками (эпистемология добродетелей). В результате достигается более глубокое и разностороннее понимание открытий Эйнштейна, а, с другой стороны, эти открытия оказываются своеобразным пробным камнем для проверки реалистичности и эффективности историографических концепций.

Ключевые слова: А. Эйнштейн, теории относительности, релятивистская революция, историографические концепции, методологические принципы физики, «ошибочностная» концепция, научно-биографический подход, эпистемология добродетелей

EINSTEIN AS A «TOUCHSTONE» OF HISTORIOGRAPHIC (OR PHILOSOPHY OF SCIENCE) CONCEPTS

Vl. P. Vizgin

*DSc in Physical and Mathematical Sciences, Chief Researcher
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences
E-mail: vlvizgin@gmail.com*

Application of various historiographic concepts to the description and interpretation of the relativistic revolution and the construction of relativistic theories by A. Einstein is investigated. Application of research programme methodology supplemented by a system of methodological principles as a theoretical arbiter is considered. Presentism of such an approach to the development of fundamental theories is noted. The usefulness of the "erroneous" concept of the development of scientific knowledge, proposed by S.I. Vavilov in his "Diaries," is demonstrated. Two versions of the scientific &biographical approach are discussed: when

the development of fundamental theories is associated with the outstanding creators of these theories; when large-scale events (for example, the relativistic revolution) can be personalized by connecting them with the coryphaeus of science. It is shown how Einstein's achievements and, at the same time, his missed opportunities are associated with his epistemic virtues and vices. As a result, a deeper and more versatile understanding of Einstein's discoveries is achieved, and, on the other hand, these discoveries turn out to be a kind of touchstone for testing the realism and effectiveness of historiographic concepts.

Keywords: A. Einstein, theories of relativity, relativistic revolution, historiographic concepts, methodological principles of physics, erroneous concept, scientific and biographical approach, virtue epistemology

1. В 1960 - 1980 – е гг. на смену позитивизму в истории науки пришли пост-позитивистские концепции К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса и др. Они, с одной стороны, опирались на историю квантово-релятивистской революции, в которой А. Эйнштейн был центральной фигурой, а с другой, - позволяли ее лучше понять.

2. Оказалось, что более реалистическое описание релятивистской революции получается при дополнении методологии исследовательских программ И. Лакатоса концепцией методологических принципов физики (МПФ) Н.Ф. Овчинникова (1982) [1]. Основным критерий эффективности исследовательской той или иной программы был эмпирический. Мой же опыт изучения истории построения релятивистских теорий свидетельствовал о важной эвристической роли системы методологических принципов, признаваемых приверженцами различных конкурирующих программ и выполняющих роль своего рода теоретического арбитра. В систему МПФ входили принципы симметрии, сохранения, наблюдаемости, соответствия, причинности и др. Этот подход естественно дополнялся эйнштейновской схемой построения теории, в которой «дуга Эйнштейна» символизировала не-логический путь от эмпирических фактов к основным принципам («аксиомам») теории. При этом МПФ выполняли роль факторов, во многом определяющих эту дугу [2].

3. Пытаясь понять логику развития фундаментальных теорий от Ньютона до современности в более или менее точных терминах, историк науки так или иначе впадает в презентизм. Так, в 1970-е гг. мне казалось, есть надежда представить развитие фундаментальных теорий как последовательное расширение лежащих в их основе пространственно-временных групп симметрии, связанных с теми или иным и принципами относительности (так называемый «эрлангенский подход» к истории физики, связанный с «Эрлангенской программой» в геометрии и физике). Такая явно презентистская концепция не ухватывала многие важные исторические аспекты. Но совсем отказываться от нее было жалко, и тогда возникла идея дополнить его чем-то вроде контекстуального подхода, когда преобладает тот или иной контекст в развитии науки: философский, технический, математический, междисциплинарный, социальный и т.д. И тогда учет по возможности главных контекстов позволяет получить аналог «инвариантного» (в духе Эйнштейна) описания научного развития [3].

4. При изучении истории релятивистских теорий, выяснился достаточно сложный характер их развития, связанный с ошибками и тупиковыми линиями. Соответствующую историографическую концепцию, заключающуюся в том, что «на ошибках вырастает наука» предлагал в 1930-1940-е гг. С.И. Вавилов («ошибочностная» концепция). Только изучение ошибок Эйнштейна при создании им общей теории относительности и в его поисках релятивистской космологии и единой теории поля, позволяет реконструировать историю релятивистских теорий в первой половине XX в. [3, 4]. Отметим определенное родство «ошибочностной» концепции с философией науки К. Поппера.

5. К С.И. Вавилову восходят два варианта так называемого научно-биографического подхода к истории науки, когда вехами в этой истории считаются «корифеи» науки вместе с их «научно-биографическими обстоятельствами» [5]. В первом варианте развитие научного знания представляется как «последовательность редкостных флуктуаций...вроде Архимеда и Ньютона» и, добавим, конечно, Эйнштейна. Второй вариант – это, по существу, метод «персонификации» истории, когда в личности одного корифея удается сфокусировать целый период научного развития. Согласно первому варианту, история физики от начала XVII в. до современности представляется цепочкой Галилей и Кеплер – Ньютон – Фарадей – Максвелл – Больцман – Планк – Эйнштейн – Бор и т.д. Согласно второму варианту, Эйнштейн с его теориями относительности и его вкладом в квантовую теорию, космологию и с его попытками построения единой теории поля «персонифицирует» развитие фундаментальной теоретической физики первой половины XX в. или, по крайней мере, квантово-релятивистскую революцию в физике.

6. Еще одна философско-научная концепция, в которой делается упор на личности выдающихся творцов науки, может привлечь внимание историков науки. Это – так называемая эпистемология добродетелей [6]. В ней вводятся понятия эпистемических добродетелей и пороков познающего субъекта. Первые – это такие качества, которые способствуют открытию истины, вторые (пороки) – это качества, которые препятствуют этому. Оказывается, что достижения Эйнштейна и упущенные им открытия удастся описать в терминах его эпистемических добродетелей и пороков [7]. При этом заслуживает внимания их определенная амбивалентность, феномен, связанный с превращением эпистемических добродетелей, являющихся таковыми в одной ситуации, в соответствующие пороки в другой ситуации. Таковой, например, была вера Эйнштейна в эвристическую мощь математических структур физики при создании общей теории относительности (добродетель), превратившаяся в веру, что чуть ли не единственным творческим началом в поисках единой теории поля является математика (порок).

7. Множественность историографических концепций, на наш взгляд, связана с различными историко-научными задачами и потому явление благое. Они дополняют друг друга. В последние десятилетия заметен некоторый сдвиг в сторону личностно-биографического анализа. Вместе с тем, Эйнштейн и связанная с его именем релятивистская революция могут рассматриваться как своеобразный пробный камень для проверки эффективности историографических концепций.

Литература

1. *Визгин В.П.* Методологические принципы и научно-исследовательские программы // Методологические проблемы историко-научных исследований / Отв. ред. И.С. Тимофеев. М.: Наука, 1982. С. 72-197.
2. *Визгин В.П.* Метафизические аспекты «дуги Эйнштейна» // Метафизика. 2013. № 1 (7). С. 108-125.
3. *Визгин В.П.* Проблема истины в историко-научных исследованиях // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 1. С. 3-20.
4. *Визгин В.П.* С.И. Вавилов: «...на ошибках вырастает наука» // Исследования по истории физики и механики. 2016-2018. М.: Янус-К., 2019. С. 287-318.
5. *Визгин В.П.* История науки как «последовательность редкостных флуктуаций мысли и научной работы...вроде Архимеда и Ньютона» // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 4. С. 207-226.
6. Тематический выпуск по эпистемологии добродетелей / Приглашенные ред. А.Р. Каримов, С.Ю. Шевченко // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. №4.
7. *Визгин В.П.* Эпистемические добродетели и пороки А. Эйнштейна // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. №4. С. 175-195.

МОНГОЛЬФЬЕР КАК АКТОР: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОГУЛКА С БРУНО ЛАТУРОМ

Е.Л. Желтова

*Кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: eleberle@gmail.com*

Отталкиваясь от понятия актер, введенного Бруно Латуром в его акторно-сетевой теории, рассматривается онтологический плюрализм в представлении о воздухоплавании в разных европейских странах, возникший сразу после изобретения воздушного шара во Франции летом 1783 г. Демонстрируются различные смыслы, которые приписывались полетам первых воздушных шаров во Франции, Великобритании и России, и те социокультурные силы, которые формировали и поддерживали эти смыслы. Показано, что смысловая палитра полетов воздушных шаров в разных европейских государствах варьировалась, а в 1875 г., после закончившегося катастрофой перелета через Ла-Манш, общеевропейский интерес к шарам сошел на нет. Резюмируется, что воздушный шар в первые годы после его изобретения, в разных странах был существенно разным актором.

Ключевые слова: Бруно Латур, актер, монгольфьер, история воздухоплавания

MONTGOLFIER AS AN ACTOR: SOCIO-CULTURAL STROLL WITH BRUNO LATOUR

E.L. Zheltova

CSc in Technical Sciences, Leading Researcher

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences

E-mail: eleberle@gmail.com

Based on Bruno Latour's concept of actor, ontological pluralism of hot air balloon perception in different states, after its invention in 1873 in France, is considered. Various meanings attributed to the flights of the first balloons in France, Great Britain, and Russia, cultural forces that formed and supported these meanings are investigated. It is shown that the semantic diversity of balloon flights perception varied in different European states, and that in 1875, after a catastrophic flight over English Channel, popular interest in ballooning in Europe faded. It is concluded that during its first years, hot air balloon was a different actor in different states.

Keywords: Bruno Latour, actor, Montgolfier, hot air balloon history

Слово «актор» в англосаксонской языковой традиции всегда обозначало человека. Однако в акторно-сетевой теории Бруно Латура «актор» может быть буквально любой природы – суть в том, чтобы он оказывал воздействие. Латур не раз повторял, что не следует заранее решать, что представляет собой актор, но нужно предоставить актору определиться, чем он является и каким образом влияет на другой актор. Отсюда следует важная методологическая установка при исследовании истории воздухоплавания: мы не должны и не будем заранее решать, каким актором был изобретенный в 1783 г. воздушный шар, а будем выявлять то, какие воздействия он оказывал в разных странах и каким образом интерпретировался.

Изобретатели воздушного шара братья Жозеф-Мишель и Жак-Этьен Монгольфье были сыновьями состоятельного французского бумажного фабриканта. Мысль о создании воздухоплавательного баллона пришла Этьену, когда он наблюдал за сушившимся над камином бельем – надувавшимся горячим воздухом и поднимавшимся вверх. Однако толчок к разработке шара дала ему другая мысль. Однажды он задумался над военной проблемой тех дней – как взять штурмом природную крепость Гибралтар, и вообразил картину воздушного десанта, поднятого в воздух силой горячего воздуха [1].

Летом 1783 г. братья Монгольфье продемонстрировали успешный взлет огромного (790 м³), наполненного горячим воздухом, способного поднять в воздух людей шара, тут же в их честь получившего название монгольфьер. Газеты зафиксировали реакцию жителей Франции, впервые видевших взлетающий монгольфьер: «Невозможно описать этот момент: женщины в слезах, обычные люди, в глубокой тишине простирающие свои руки к небу... Не слышно никаких слов, только «Великий Боже, как прекрасно!» [2, p. 20].

Впервые наблюдая подъем в небо огромной сферы, люди были ошеломлены. А далее, французское общество занялось тем, что Латур называет «переводом» - то есть культурными интерпретациями особого опыта, полученного при наблюдении за полетом монгольфьера.

Ученые Франции, включая и специально созданную комиссию по воздухоплаванию Королевской академии наук, вынесли заключение, что монгольфьер – это поразительное, обещающее в скором будущем массовое передвижение людей по воздуху, открытие, и устремились организовывать исследования и эксперименты с воздушными шарами. В духе Просвещения отзывались о полете монгольфьера и французские литераторы – «Монгольфьер своим объемом разрушает гравитацию», «сделает воздух стихией для передвижения», писал друг Пьера де Бомарше драматург Гюден де ла Бренеллери.

Монгольфьер стал новым символом, утверждающим покорение воздушной стихии Францией и ее королем. При королевском дворе запускались специально изготовленные, роскошно декорированные орнаментами и королевскими инсигниями шары, которые даже именовались в честь коронованных особ. Символическую роль воздушных шаров, прославляющих правителя Франции, позже воспринял и Наполеон. Вступив в 1804 г. на престол, он отмечал специальными запусками шаров торжественные даты своей жизни [3].

В 1783 г. во Франции возникла мода на воздушные шары, в том смысле, что люди массово стремились приобщиться к этому новому явлению. В моду вошли самые разные вещи с изображением воздушных шаров. Разговорами об опытах с воздушными шарами полнился весь Париж, о них писали обозреватели парижской моды тех лет.

И конечно же, полет воздушного шара был зрелищем. Некоторые шары, например шар, запущенный в Лионе 19 января 1784 г., были расписаны сюжетами из античной мифологии. Не раз на шарах поднимались и воздухоплавательницы, одетые в костюмы римских богинь или античных нимф. Газеты с восторгом отзывались: «...чудеса физической науки оживляют античные мифы» [4].

Таким многомерным актором – научным изобретением; модным новшеством; символом королевской власти; средством, возрождающим античные мифы - предстал монгольфьер во Франции.

В Великобритании воздушный шар оказал существенно иное воздействие. Местные ученые не проявили интереса к воспроизведению опыта братьев Монгольфье. И первым на территории Соединенного Королевства продемонстрировал полет воздушного шара проживавший в Лондоне итальянский граф Франческо Замбеккари. В ноябре 1873 г. он запустил небольшой, 3 метра в диаметре, шар. На следующий день участвовавший в экспериментах братьев Монгольфье выдающийся швейцарский физик Ами Арганг выставил шар, похожий на запущенный Замбеккари, в Виндзорском замке [5]. Небольшой шар, выставленный в английской королевской резиденции в Виндзоре, имел совершенно другую символическую окраску, чем обозначавший величие французского короля монгольфьер – он как бы служил укором равнодушно воспринявшему великое изобретение королю Англии Георгу III. Но в итоге английские аристократы отнеслись к воздухоплаванию прохладно.

Хорошо осведомленный о воздухоплавательных экспериментах французов президент Лондонского Королевского общества сэр Джозеф Бэнкс в частном письме подчеркивал, что «респектабельные члены Королевского общества склоняются защитить Великобританию от балуномании, и не намерены патронировать запуски воздушных шаров, пока не станет очевидна польза от экспериментов с ними». На то, чтобы не проводить эксперименты с воздушными шарами, помимо аргументов относительно их неочевидной пользы, у Королевского Общества были и другие причины: высокая стоимость создания больших воздушных шаров и отсутствие в Королевском обществе необходимых для их запуска разработок в прикладных областях химии, физики и инженерного дела. Но эти причины были вторичны. Главным оставалось то, что Королевское общество считало глупостью тратить деньги на бесполезные эксперименты с воздушными шарами.

Однако среди обычной публики по всей Великобритании распространилось новое развлечение - пускать небольшие самодельные воздушные шары. Запуски же воздушных шаров большего размера носили в Великобритании единичный, как правило, развлекательный характер. Завоевать внимание английской публики и заработать на этом деньги с переменным успехом стремились в основном зарубежные воздухоплаватели: итальянцы Лунард и Замбеккари и известный французский аэронавт Бланшар. Их попытки запустить шары не всегда заканчивались благополучно. В конце концов, 5 мая 1785 г. влиятельная лондонская газета "Таймс" вынесла вердикт, что безумное увлечение воздухоплаванием «наиболее полно демонстрирует глупость нашего века», а иностранные воздухоплаватели наживаются в Великобритании за счет глупости провинциальных англичан. "Таймс" призывала наложить запрет на пускание шаров [6]. Но этого не понадобилось. Летом 1785 г. повторная попытка пересечь на воздушном шаре Ла-Манш закончилась первой в истории воздушной катастрофой – гибелью двух французских воздухоплавателей. Стало очевидно, что полет на шаре не может быть управляемым и безопасным. Внимание ученых и публики к воздушным шарам во Франции и всей Европе быстро угасло и возобновилось лишь в начале XIX столетия.

Итак, в результате в Великобритании монгольфьер предстал актором бесполезным, демонстрирующим глупость французов и поощряющим непритязательную потребность низшего класса в развлечениях.

Теперь обратимся к России. Как и в Великобритании, в российской науке не были развиты прикладные области химии, физики и механики, необходимые для запуска большого воздушного шара. Поэтому намерение великого князя Павла Петровича запустить в России шар, подобный поднявшемуся в воздух в Версале в сентябре 1783 г., не было осуществлено. Тем не менее, осенью 1783 г. в Санкт-Петербург из Франции был привезен небольшой (около полуметра в диаметре) шар, который уже в России был наполнен водородом и запущен 5 декабря (по старому стилю), в день именин Екатерины II. Полет «именинного» шара был воспринят как новое «увеселение». Вслед за Екатериной состоятельные петербургские дворяне стали пускать самодельные воздушные шары, воздух в которых подогревался прямо в полете горячей ватой или паклей (инструкции по конструированию «летающих шаров» брались из брошюры, переведенной с французского и продававшейся в Санкт-Петербурге). Самодельные шары падали на деревянные или соломенные крыши петербургских построек и чинили пожары, о чем было доложено Екатерине II. Русская императрица в течение нескольких месяцев внимательно следила за проводившимися во Франции экспериментами с воздушными шарами. Убедившись, что шары остаются огнеопасными и неуправляемыми и никакой пользы не обещают,

Екатерина II, в целях предотвращения пожаров, 4 апреля 1784 г. издала именной указ Сенату, запрещавший пускать шары с 1 марта по 1 декабря.

Таким образом, воздушный шар в России предстал в основном в качестве огнеопасного «увеселения».

Итак, мы увидели, что, казалось бы, одно и то же новое изобретение – воздушный шар – в разных государствах проявляло себя в качестве существенно различных акторов, предопределяя различия истории воздухоплавания в этих странах, что ранее не принималось во внимание.

Литература

1. *Gillispie C.C.* The Montgolfier brothers and the invention of aviation 1783 1784. Princeton: Princeton Univ. Press, 1983. P. 15 16.
2. *Darnton R.* Mesmerism and the End of the Enlightenment in France. London: Harvard Univ. Press, 1968. 218 p.
3. *Желтова Е.Л., Пацан Т.Г.* Мода на воздушные и космические путешествия: от мон-гольфьеров до Гагарина // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 127–136.
4. *Желтова Е.Л.* Воздухоплавание в России и Франции в 1783–1785 гг.: «Пересборка со-циального» // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 7 25.
5. *Hodgson J.E.* The History of Aeronautics in Great Britain. London: Oxford Univ. Press, 1924. P. 17-18.
6. *Gillespie R.* Ballooning in France and Britain, 1783–1786: Aerostation and Adventurism // Isis. 1984. Vol. 75. No. 2. P. 248–268.

МНИМОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ Т. КУНА

А.М. Жаров

Аспирант

Института философии РАН

E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

В данном докладе пересматривается и подвергается критике утверждение Стивена Тулмина о том, что теория научных революций Томаса Куна не вписывается в подход эволюционной эпистемологии или даже противоположна ему. В первой части доклада мы доказываем, что революционный взгляд на развитие науки не противоречит эволюционному. Опорой для такого утверждения для нас является, во-первых, то, что сам Карл Поппер, будучи одним из основателей эволюционного подхода, лояльно относился к феномену научной революции, во-вторых, то, что в самой эволюционной биологии, откуда эволюционные эпистемологи черпают метафорические образы для своих концептов, революционные скачки так же вполне естественны. Более того, Кун сам считал себя сторонником эволюционного подхода. Во второй части мы описываем его понимание специализации в науке и утверждаем, что данная теоретическая разработка Куна не только не противоречит эволюционному подходу, но и способна дать ему концептуальные ресурсы для дальнейшего развития.

Ключевые слова: научная революция, эволюционная эпистемология, Кун, Тулмин, специализация, замещающий селектор

THE IMAGINARY CONTRADICTION BETWEEN REVOLUTION AND EVOLUTION IN T. KUHN'S EPISTEMOLOGY

A.M. Zharov

Postgraduate student

Institute of Philosophy RAS

E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

This report reviews and criticizes Stephen Toulmin's statement that Thomas Kuhn's theory of scientific revolutions does not fit into the approach of evolutionary epistemology or even the

opposite of it. In the first part of the report, we prove that the revolutionary view of the development of science does not contradict the evolutionary one. The basis for such a statement for us is, firstly, that Karl Popper himself, being one of the founders of the evolutionary approach, is loyal to the phenomenon of the scientific revolution, and secondly, that in evolutionary biology itself revolutionary leaps are also quite natural. In the second part we describe his understanding of specialization in science. And we claim that this theoretical development of Kuhn not only does not contradict the evolutionary approach, but is also able to give him conceptual resources for further development.

Keywords: scientific revolution, evolutionary epistemology, Kuhn, Toulmin, specialization, replacing selector

В своей статье “Концептуальные революции в науке” Стивен Тулмин противопоставляет процессуальности эволюционной эпистемологии концепцию научных революций Томаса Куна, понимая ее как форму “катастрофизма” [1, с. 349]. Он утверждает, даже самые значительные изменения в науке не происходят путем радикальных революционных разрывов и, таким образом, революционное эволюционное объяснения и стоят по противоположные стороны баррикад. Однако, по нашему мнению, Тулмин ошибается, и концепцию Томаса Куна точно так же можно включить в лагерь эволюционных эпистемологов. Более того, некоторые идеи Куна были бы полезны для развития эволюционно-эпистемологического подхода. В этом заключаются тезисы нашего доклада.

Для начала стоит заметить, что сам вдохновитель формирования эволюционного подхода Карл Поппер недвусмысленно признавал, что некоторые аспекты научных изменений точно характеризуются как революционные, а иные – как эволюционные. На лондонской конференции в середине 1960-х годов Поппер и его последователи презентуют себя как сторонники революционного взгляда. Поппер решительно возражает против характеристики Куном нормальной науки, утверждая, что “« нормальный» ученый, как его описывает Кун, - это человек, которого следует жалеть” [2, р. 52]. Поппер утверждает, что, с точки зрения его собственной критической философии науки, “« нормальный» ученый ... его плохо учили ... Его учили в догматическом духе: он стал жертвой идеологической обработки” [2, р. 52- 53]. Поппер таким образом признает, что в науке происходят революционные изменения, а “нормальное” состояние науки является нежелательным.

Точно так же понятие революции вполне себе представимо в качестве одной из метафор, взятых из биологической эволюции живого мира, как и все концептуальные инструменты эволюционных эпистемологов. Разрушительный революционный элемент, когда старые концепции отбрасываются по мере разработки новых научных теорий, точно так же свойственен и биологическому процессу. Многие биологи отмечают, насколько расточителен биологический мир. Например, у некоторых видов очень немногие потомки доживают до зрелого возраста. Таким образом, отходы и разрушения столь же распространены в биологическом мире, как и в научном мире.

Более того, в животном мире и так существует феномен, который вполне может претендовать на источник революционной метафоры. Это феномен, так называемого, прерывистого равновесия, разработанный в 1970-х годах Ст. Гулдом и Н. Элриджем [3]. Согласно их теории, эволюция существ, размножающихся половым путем, происходит резкими скачками, прерывающими длительные периоды, когда с видами не происходит существенных изменений, что легко сопоставимо с чередованием нормальной науки и революций.

Сам же Кун ясно охарактеризовал свой собственный взгляд на научные изменения как эволюционный по своей природе. Отвечая своим критикам в Лондоне, Кун утверждает, что его “взгляд на научное развитие в корне эволюционный” [4, р. 160]. На последних страницах “Структуры научных революций” Кун сравнивает научные изменения с эволюционными изменениями и утверждает, что, подобно эволюционным изменениям, развитие науки лишено цели, идеального состояния, телоса. Развитие науки - это не “процесс эволюции, направленный к чему-либо” [5, с. 220], наука не “постоянно приближается все ближе и ближе к некоторой цели, заранее установленной природой” [5, с. 220]. Здесь он точно так же утверждает, что вдохновлен на данный тезис именно нетелелогичностью дарвиновского эволюционного процесса и подчеркивал, что теория Дарвина встретила самое яростное сопротивление именно в этом пункте.

Вместо представления о конечной цели развития научного знания, Кун предлагает рассматривать развитие науки как “процесс, последовательные стадии которого характеризуются всевозрастающей детализацией и более совершенным пониманием природы” [5, с. 220]. Эта детализация понимания окружающего мира достигается посредством создания новых научных специальностей. Здесь Кун точно так же активно прибегает к метафоре эволюции, подразумевая, что подобно тому, как животный

мир все более усложняется посредством образования новых видов, при этом не имея перед собой некий идеал в качестве цели, точно так же усложняется и наука с ростом новых специальностей.

Согласно Куну, иногда в своих попытках компенсировать или объяснить устойчивую аномалию ученые вынуждены создавать новую научную специальность [4, р. 97]. Когда ученые в какой-либо области сталкиваются с постоянными аномалиями и не могут разрешить кризис с помощью ресурсов, предоставляемых преобладающей теорией, тогда неизбежно будет разработана новая теория. Новая теория предназначена для приспособления к постоянным аномалиям или для их устранения. Но иногда новая теория не может служить целям всех тех, кто работает в этой области. Как следствие, часть области, какой она была задумана до изменения, становится новой областью или специальностью. Таким образом, старые теории не обязательно отбрасываются. Иногда они сохраняются в ограниченной области. И создается новая теория, объясняющая постоянные аномалии.

По мере того, как Кун развивал свой взгляд на научную изменение в ответ на критику, он переосмыслил свой взгляд на научные революции. В более позднем разработанном Кунем описании научных революций понятие таксономического или лексического изменения заменяет более раннее проблематичное понятие смены парадигмы. Таким образом, научная революция включает в себя таксономические или лексические изменения. Например, с революцией Коперника астрономы заменили лексикон, в котором “планета” обозначает блуждающую звезду, в отличие от неподвижной звезды, лексиконом, в котором “планета” обозначает небесное тело, вращающееся вокруг Солнца [4, р. 15]. Кун считает, что “переход к новой лексической структуре, к пересмотренному набору видов, позволяет разрешить проблемы, с которыми предыдущая структура была не в состоянии справиться” [4, р. 250].

Такой же процесс лежит и в основании специализации. Иногда таксономические изменения, которые вводятся для адаптации к постоянной аномалии, затрагивают только подгруппу научно-исследовательского сообщества. И “то что лежит за пределами [нового лексикона] становится областью другой научной специальности, специальности, в которой эволюционирующая форма старых добрых терминов остается в употреблении” [4, р. 250]. Следовательно, новая специальность создается, когда лексическое изменение затрагивает только часть исследовательского сообщества, а старая лексика все еще может эффективно использоваться в ограниченной области. Специальность разделяется, и некоторые ученые начинают изучение аномальных явлений с помощью новых концептуальных инструментов, разработанных для этой цели, а другие работают со старой теорией в ограниченной области.

С революцией специализацию роднит и следующее свойство. Кун описал лексиконы, используемые в соседних специальностях, как несоизмеримые, сравнив отношения между лексиконами в соседних специальностях с отношениями между конкурирующими теориями во время революции. Но это особый тип несоизмеримости, существенно отличающийся от того, что сейчас называется “несоизмеримостью значений”. Самое главное, несоизмеримость, возникающая между лексиконами в соседних полях, выполняет конструктивную эпистемологическую функцию, позволяя ученым, работающим в двух областях, разрабатывать концепции, методы и инструменты, подходящие для явлений, специфичных для их области. Несоизмеримость приводит к изоляции специальностей от друга настолько, что ранее близко коммуницировавшие ученые отныне с образованием специальности перестают участвовать в общих конференциях.

Еще одно свойство отчасти вытекает из описанного выше. Специализация является в то же время ограничением. Кун утверждает, что “специализация и сужение круга знаний [являются] ... необходимой ценой все более мощных когнитивных инструментов” [4, р. 98]. При использовании старых концептуальных ресурсов, некоторые явления могут даже уклоняться от нашего обнаружения, если только не будет внесено радикальное изменение, и установлен своеобразный налог на лексику. Таким образом, иногда ученые должны быть готовы передать часть своей текущей области исследований тем, кто готов использовать новую модифицированную лексику, более подходящую для изучения повторных явлений.

Именно это ограничивающее свойство позволяет нам утверждать, что Кун развивает концепт который имел ключевое значение для многих сторонников эволюционной эпистемологии, включая Кэмпбела, Лумана, Поппера, Халла и Докинза. А именно введенное Кэмпбеллом понятие “замещающего селектора”. Он подразумевает редукцию восприятия окружающей реальности к определенным отдельным свойствам, соответствующую специализации органов чувств, например.

Таким образом, мы уверены, что теория Куна не противоречит эволюционно-эпистемологическому подходу, так как революционная метафора вполне вписывается в эволюционную и имеет признание среди эволюционистов. Сам Кун утверждает основой своего подхода

эволюционную метафору. Более того, мы утверждаем, что взгляды Куна на научную специализации обладает эвристическим потенциалом для развития эволюционной эпистемологии.

Литература

1. *Тулмин Ст.* Выдерживает ли критику различение нормальной и революционной науки? // *Философия науки и техники*. М. 1999. С. 246 – 257.
2. *Popper K.* Normal Science and Its Dangers. In: *Criticism and the Growth of Knowledge: Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science*, vol. iv. Ed. I. Lakatos and A. Musgrave. London: Cambridge University Press, 1965. P. 51 – 58
3. *Eldredge N., Gould St. J.* Punctuated equilibria: an alternative to phyletic gradualism. In: *Models in Paleobiology*. Ed. T.J.M. Schopf. San Francisco: Freeman, Cooper and Company. P. 82-115.
4. *Kuhn T. S.* The Road since Structure: Philosophical Essays, 1970–1993, with an Autobiographical Interview. Ed. J. Conant and J. Haugeland. Chicago and London: University of Chicago Press, 2000. 335 p.
5. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.

ВТОРАЯ КВАНТОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

ИНФОРМАЦИЯ И ЕСТЕСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ
В МОДАЛЬНОМ РЕАЛИЗМЕ ДЖ. ЛЭДИМЕНА

Н.В. Головки

*Доктор философских наук,
заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки
Новосибирский государственный университет
Ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН
E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru*

Цель доклада – показать, что установка Дж. Лэдимена на то, что «синтетическая» концепция информации Дж. Коляе потенциально способна решить все проблемы с описанием модальности в теоретико-информационном структурном реализме, недостаточно обоснована и, в частности, приводит к концепции модального реализма, которая «противоречит самим же им развиваемой программе натурализованной метафизики» (И. Хирвонен, И. Паттиниemi). Тот факт, что не только объекты научной теории, но и законы являются паттернами, распознавание которых имеют теоретико-информационную природу, действительно может свидетельствовать в пользу «релятивизации» представления о модальности в рамках верификационизма Дж. Лэдимена (постулируется, например, что логическая модальность является характерной для выделения паттернов только в области фундаментальной физике, но не в специальных науках). На наш взгляд, вопрос о природе необходимости, ассоциируемой со структурным реализмом, в основании которого лежит концепция реальных паттернов Д. Деннета, понимаемая как фундаментальная концепция существования, и ее производные (речь идет не только о концепции Дж. Лэдимена), может найти более адекватное решение если допустить эссенциалистскую трактовку модальности, что, в частности, позволяет говорить о независимости трактовки модальности от выбранной «базовой» концепции информации, а также, например, органически включает понятия «интенциональная перспектива» и «шум» (необходимые при вычитывании любого паттерна) в понятие «естественный закон», тем самым, расширяя сложившиеся канонические представления о природе необходимости, ассоциируемой с научным знанием.

Ключевые слова: теоретико-информационный структурный реализм, теория информации, логическая глубина, сущность, модальность, Д. Деннет, Ч. Беннет, Дж. Коляе

INFORMATION AND NATURAL NECESSITY
WITHIN J. LADYMAN'S MODAL REALISM

N.V. Golovko

*DSc of Philosophy, Head of Department ontology, theory of knowledge and methodology of science
Novosibirsk State University
Leading Researcher
Institute of the Philosophy and Law SB RAS
E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru*

The paper aims to show that J. Ladyman's attitude to the fact that the «synthetic» concept of information by J. Collier is potentially capable of solving all problems with the description of modality within the information-theoretic structural realism is not sufficiently justified and, in particular, leads to the concept of modal realism, which «contradicts the program of naturalized

metaphysics developed by Ladyman himself» (I. Hirvonen, I. Pattiniemi). The fact that not only the objects of scientific theory, but also the laws are patterns, the recognition of which is of an information-theoretic nature, may indeed testify in favor of the «relativization» of the concept of modality within the verificationism J. Ladyman adopts (it is postulated, for example, that logical modality is typical for the selection of patterns only in the field of fundamental physics, but not in special sciences). In our opinion, the question of the nature of necessity associated with the structural realism, which is based on the concept of D. Dennett's real patterns, that is understood as a fundamental concept of existence, and its derivatives (we are talking not only about the J. Ladyman's concept), can find a more adequate solution if we allow an essentialist interpretation of modality, which, in particular, allows us to speak about the independence of the interpretation of modality from the chosen «basic» concept of information, and also, for example, organically includes the concepts of «intentional perspective» and «noise» (necessary when subtracting any pattern) into the concept of «natural law», thereby expanding the canonical ideas about the nature of necessity associated with scientific knowledge.

Keywords: information-theoretical structural realism, information theory, logical depth, essence, modality, D. Dennett, C. Bennett, J. Collier

Интерпретация концепции реальных паттернов Д. Деннета как фундаментальной концепции существования, как и возможность ее использования Дж. Лэдименом в качестве объектной онтологии в онтическом структурном реализме, сами по себе, являются интересными, теперь уже каноническими примерами того, как возможна метафизика науки. Определенный скепсис может вызывать общая логика построения онтологии, которой следует Дж. Лэдимен, – у вас есть идея, что «всю онтологическую роль играет структура» (продиктованная как рефлексией о выразительных возможностях онтологии квантовой механики, так и потенциальными преимуществами, которые несет с собой структурный реализм) и вы ищете подходящую метафизическую трактовку «структуры» в концепции Д. Деннета. Это конструктивизм, который по выражению Т. Уильямсона «не может быть полезным»: «Я не думаю, что, смешение различных идей и мотиваций производит стабильную или проясняющую теорию... когда я вижу некоторое беспорядочное, неэлегантное определение, я почти уверен, что оно не будет работоспособным. Конечно, нужно ещё проделать работу, чтобы выяснить, где ошибка» [1, с. 184]. В этом смысле, анализ концепции путем задания «простых» вопросов по типу: «как описывается причинность?», «как трактуются характеристики?», «как решается вопрос о соотношении части и целого?» и т.д., на наш взгляд, как нельзя лучше способен показать то насколько работоспособной она является.

Посмотрим на то, как в онтологии Дж. Лэдимена выражено представление о естественной необходимости. С точки зрения Дж. Лэдимена: «мир имеет объективную модальную структуру, которая репрезентируется теоретической структурой наших лучших научных теорий» [2, р. 149]. При этом он опирается на два нетривиальных допущения: 1) «модальность» понимается им через призму «естественной необходимости» – в смысле необходимости, диктуемой наличием законов и выявляемых причинно-следственных связей в естественных науках; и 2) он постулирует объективный характер этой модальности: «Модальные утверждения, такие как эти [материальные тела не могут двигаться со скоростью больше скорости света] имеют истинностные значения независимо от современных теорий» [Ibid, р. 150]. Проблема заключается в том, что даже если мы согласимся с тем, что структурный реализм может считаться хорошей метафизической теорией (см., например, [3]), само понимание объекта научной теории в онтологии Дж. Лэдимена имеет теоретико-информационную природу. Как отмечает Дж. Лэдимен: «Центральное понятие в нашей онтологии имеет множество интерпретаций. Объективной мерой информационного содержания в абстрактном смысле являются логическая глубина и сжимаемость алгоритмов, которые задают структурную модель реального паттерна» [4, р. 220]. Здесь Дж. Лэдимен пользуется идеей Д. Деннета связать существование паттерна и концепцию алгоритмического сжатия: «последовательность является случайной, если информация, которая требуется чтобы ее описать (передать), является несжимаемой: не существует представления короче, чем элементарное (bit map) представление. Последовательность не случайна – содержит паттерн, – если существует более эффективный способ ее описать» [5, р. 32]. Возвращаясь к естественной необходимости: понятия «логическая глубина» и «сжимаемость алгоритмов» играют решающее значение, характеризуя «модальную структуру мира, которая проявляет себя в обнаруживаемых закономерностях... Сопоставим то, что мы говорим о закономерностях с деннетовским представлением о паттернах, используя дух, но не букву, следующего замечания Пола Дэвиса (1990, 63): “Существование закономерностей можно выразить тем, что мир является

алгоритмически сжимаемым (algorithmically compressible)”. Как объясняет это Дэвис: “Перед лицом имеющегося множества данных работа ученого состоит в том, чтобы найти подходящие сжатия, которые будут выражать наличествующие (involved) причинные связи” (Там же). Отметим, что указание на “причинные связи” на уровне фундаментальной метафизики предполагает асимметричность по времени, поэтому вместо “причинный” мы будем подставлять “несущий информацию”. Пример, который приводит Дэвис на той же странице, вообще не затрагивает “причинную структуру”: “Расположение планет Солнечной системы, по прошествию некоторого периода времени от начального, представляет собой сжимаемое множество данных, потому что законы Ньютона могут быть использованы для того, чтобы сопоставить наблюдаемые значения положения (и скорости) с начальными. Здесь законы Ньютона представляют собой необходимый алгоритм для достижения сжатия” (Там же). Закономерности, которые выделяет теория Ньютона, будут сжимаемы (compressible by) в специальной теории относительности, которая сама по себе соответствующим образом будет сжимаема в общей теории относительности» [4, р. 221]. Здесь он пользуется представлениями Ч. Беннета, отвечающего на вопрос: «Что является подходящей мерой для измерения сложности (intrinsic complexity) когда речь заходит о состояниях физических систем?» [6, р. 215]. По мнению Ч. Беннета, независимо от того, о чем идет речь, об алгоритмической теории или о физических системах, понятие сложности можно связать с числом шагов, за которые будет возможно алгоритмически «проанализировать» (или «реконструировать») этот объект: «логическая глубина, это число шагов в дедуктивной системе или в системе, описывающей причинные взаимодействия между явлениями, за которое мы можем соединить объект (thing) и его подходящие основания (plausible origins). В алгоритмической теории таким основанием (plausible cause) сообщения является его минимальное алгоритмическое описание, а значит, “логическую глубину” можно определить как время, которое необходимо для того, чтобы вычислить сообщение по его заданному минимальному описанию. ... Возвращаясь к области физических явлений, мы отстаиваем понимание сложности, которое связано с понятием логической глубины, определяемой как длина цепочки логических шагов, связывающих явление и подходящую гипотезу, которая его объясняет» [6, р. 223]. Не только объекты научной теории, но и законы являются паттернами, распознавание которых имеют теоретико-информационную природу.

С одной стороны, можно сказать, что понимание модальности в концепции Дж. Лэдимена будет зависеть от того, какую концепцию информации мы выберем. Дж. Лэдимен полагает, что «синтетическая» концепция Дж. Колле потенциально способна решить все проблемы, в частности, – объединить описания модальности в области фундаментальной физики (логическая глубина, логическая модальность) и в области специальных наук (например, термодинамическая глубина и естественная модальность), которые, следуя верификационизму Дж. Лэдимена, должны быть различны (см., например, [7]). С другой стороны, в каком смысле будет необходимым закон, который является проекцией в определенной «интенциональной перспективе» относительно набора данных, который, в свою очередь, задается с определенным уровнем «шума»? На наш взгляд, проблема описания естественной необходимости в онтологии Дж. Лэдимена все еще актуальна. Дж. Лэдимена можно упрекнуть в том, что он просто «ограничивается перечислением возможных вариантов описания модальности, ссылаясь на то, что “модальные утверждения нельзя исключить из науки”» [8, р. 361]. Если же «научный реализм является упражнением в эпистемологии модальности, связанным с прояснением сущности объектов научной теории в терминах [определенной] “базовой” онтологии» [3, с. 28]), то у нас, например, появится возможность выбрать эссенциалистскую трактовку модальности, которая, во-первых, может быть свободна от выбранной «базовой» концепции информации, а, во-вторых, будет органически включать понятия «интенциональная перспектива» и «шум» расширяя сложившиеся канонические представления о природе необходимости, ассоциируемой с научным знанием. В докладе будут представлены, как общая критика модального реализма Дж. Лэдимена, так и конструктивные элементы авторской трактовки эссенциального объяснения необходимости. В качестве основной эвристики будет рассмотрен вопрос о модальности в концепции структурного реализма, опирающейся на концепцию «квантовой информации» (см., например, [9]).

Литература

1. *Прись И.Е.* Реализм и сначала знание. Интервью с Тимоти Уильямсоном // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 3. С. 175–204.

2. *Berenstain N., Ladyman J.* On Structural Realism and Modality // E. Landry, D. Rickles (eds.) *Structural Realism: Structure, Object and Causality*. New York: Springer, 2012. P. 149–168.
3. *Головко Н.В., Эртель И.И.* Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: научный реализм и метафизика возможностей // *Сибирский философский журнал*. 2021. Т. 19, № 4. С. 5–33.
4. *Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.* *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.
5. *Dennett D.* Real Patterns // *The Journal of Philosophy*. 1991. Vol. 88, No. 1. P. 27–51.
6. *Bennett C.* Dissipation, Information, Computational Complexity and the Definition of Organization. In: *Emerging Syntheses in Science*. Ed by D. Pines. CRC Press, 1988. P. 215–231.
7. *Головко Н.В.* Натуралистический поворот: Научная метафизика и теория информации // *Сибирский философский журнал*. 2016. Т. 14, № 2. С. 13–36.
8. *Hirvonen I., Pattiniemi I.* Scientific Structuralism Does Not Necessitate Modal Realism // *Book of Abstracts. 15th Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science (University of Helsinki, 3–8 August 2015)*. University of Helsinki, 2015. P. 361.
9. *Fuchs C.* Quantum mechanics as quantum information, mostly // *Journal of Modern Optics*. 2003. Vol. 50. No. 6/7. P. 987–1023.

КВАНТОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И СОЗНАНИЕ

Е.М. Иванов

*Кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского
E-mail: mikroprozop58@mail.ru*

Предложен оригинальный подход к решению психофизической проблемы, в основе которого лежит философски переосмысленная «многомировая» интерпретация квантовой механики Х. Эверетта, а также идея М. Менского о тождестве осознания с процессом селекции квантовых альтернатив. Дается объяснение видимого психофизического взаимодействия и процессов редукции волновой функции в квантовой механике. Акт редукции волновой функции рассматривается как имеющий место лишь в интересующем восприятии и памяти некоторого сообщества сознаний. Квантовая реальность сама по себе остается полностью неопределенной как до, так и после измерения.

Ключевые слова: квантовая механика, сознание, измерение, редукция волновой функции, психофизическая проблема

THE ROLE OF THE SOCIAL IN B. LATOUR'S CONSTRUCTIVIST METHODOLOGY

Е.М. Иванов

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Theology and Religious Studies
Saratov National Research State University N.G. Chernyshevsky
E-mail: mikroprozop58@mail.ru*

The original approach to the decision of a mind-body problem which basis on philosophically rethought of H .Everett's "multiworld" interpretation of quantum mechanics and also M.Mensky's idea about identity of consciousness with process of selection of quantum alternatives is offered. The explanation of visible psychophysical interaction and processes of a reduction of wave function in the quantum mechanics is offered. The act of wave function reduction is considered as taking place only in the intersubjective perception and memory of a certain community of consciousnesses. Quantum reality itself remains completely indeterminate both before and after measurement.

Keywords: quantum mechanics, consciousness, measurement, wave function reduction, mind-body problem

Удивительной особенностью квантовой механики, которая указывает на некую ее связь с проблемой сознания, является факт зависимости поведения квантовых объектов от возможности наблюдать за их поведением. Если мы способны непрерывно наблюдать за движением квантового объекта, например, за движением электрона, скажем, с помощью камеры Вильсона, где движущийся электрон оставляет четкий след (трек), — то мы увидим, что в этой ситуации электрон ведет себя как классический точечный объект, движущийся по вполне определенной линейной траектории. Если же проследить траекторию движения электрона не возможно, то он ведет себя как волна — движется сразу по всем возможным траекториям и при определенных условиях интерферирует сам с собой. Получается, что свойства квантовых объектов зависят от того, можем ли мы воспринимать их движение или же нет. Поскольку наблюдение предполагает существование наблюдателя, обладающего сознанием, то возникает идея какого-то участия сознания наблюдателя в физических процессах.

С точки зрения математического аппарата квантовой механики проблема «наблюдателя» интерпретируется как проблема объяснения механизма «редукции волновой функции» в процессе измерения. Если в исходном состоянии квантовая система не имеет определенного значения измеряемой величины, то после измерения эта система скачкообразно изменяется — переходит в одно из собственных состояний оператора, соответствующего данному типу измерения, т.е. переходит в состояние, в котором измеряемая величина имеет уже какое-то определенное значение. Если разложить исходное состояние в ряд по собственным состояниям измеряемой величины, т.е. представить его как суперпозицию, то мы увидим, что акт измерения приводит к уничтожению всех членов суперпозиции, кроме того единственного члена, который соответствует полученному результату измерения (собственному значению данной собственной функции). Этот акт «уничтожения» всех нереализованных вариантов квантовой эволюции исходного состояния и есть процесс редукции волновой функции. Суть проблемы редукции в том, что этот процесс, как показал еще И. фон Нейман [4], не может быть описан как результат шрёдингеровской эволюции вектора состояния измеряемой системы в результате ее взаимодействия с измерительным прибором. Вместо того, чтобы в результате такого взаимодействия получался какой-то определенный результат измерения, мы видим обратное — сам измерительный прибор (описываемый квантовомеханически с помощью многочастичной волновой функции) в результате взаимодействия с измеряемым объектом переходит в суперпозиционное состояние, причем таким образом, что каждый из членов этой суперпозиции описывает отдельный возможный исход данной измерительной процедуры. Таким образом, чисто физически реализуются сразу все возможные исходы данной измерительной процедуры. Наблюдатель же, однако, видит только один, вполне определенный результат данного измерения. Как это возможно? Ясно, что чисто физическое взаимодействие наблюдателя (как многочастичной квантовой системы) с прибором и микрообъектом также не приведет к акту редукции. Также как и прибор, наблюдатель (его тело и мозг), в результате взаимодействия с прибором и микрообъектом, в силу линейности шрёдингеровской эволюции, тоже переходит в состояние суперпозиции — он как бы «расщепляется» и начинает существовать в виде набора множества своих физических копий, каждая из которых видит отдельный допустимый исход данного измерительного эксперимента, и, таким образом, субъект в целом (если бы он при этом остался единым) должен, по идее, одновременно наблюдать все возможные исходы данного единичного измерительного эксперимента. Однако, субъективно мы воспринимаем всегда лишь один возможный результат измерения в каждом конкретном эксперименте.

Можно попытаться объяснить этот факт как бы одновременного существования и несуществования акта редукции волновой функции с позиций эвереттовской интерпретации квантовой механики. В этом случае в каждом акте измерения, где имеется разброс измеряемых значений, сознание наблюдателя как бы «расщепляется» на множество параллельно существующих компонент, вслед за аналогичным «расщеплением» тела и мозга наблюдателя, и каждая из этих компонент сознания воспринимает лишь один из исходов измерительного эксперимента. Однако такое постоянное расщепление сознания в каждом измерительном эксперименте не представляется правдоподобным. Мы исходим здесь из того, субъект восприятия, или «Я», — это и есть мое сознание. Следовательно, если мое сознание «расщепилось» в результате какого-либо квантовомеханического измерения, то я как единый субъект восприятия, должен присутствовать сразу во всех экземплярах моего тела и мозга — соответствующих членам суперпозиции, описывающим различные исходы измерения. Но в таком случае, я должен одновременно все эти экспериментальные исходы воспринимать. Но я всегда воспринимаю лишь один конкретный результат измерения. Чтобы избежать противоречия, необходимо отказаться от контринтуитивной идеи «расщепления» сознания и постулировать, что хотя с точки зрения шрёдингеровской эволюции тело и мозг наблюдателя действительно переходят

в состояние суперпозиции (т.е. реально существуют в виде множества «квантовых копий» — число которых равно числу членов данной суперпозиции), но сознание наблюдателя при этом отнюдь не расщепляется, не переходит в суперпозиционное состояние, а, напротив, селективно воспринимает лишь один единственный конкретный исход данного измерительного эксперимента. Фактически сознание выбирает и делает воспринимаемым тот вариант физического состояния собственного мозга (элемент суперпозиции квантового состояния мозга), которое соответствует одному определенному варианту исхода измерительной процедуры. Исчезновение всех других (невоспринятых) элементов суперпозиции с этой точки зрения можно объяснить тем, что сознание, выбирая (посредством акта чувственного восприятия) одну из ветвей квантового процесса, необратимо закрывает себе доступ ко всем иным, альтернативным ветвям этого же процесса. Эти альтернативные ветви, при этом, конечно никуда не деваются, с ними вообще ничего не происходит — просто они (и любые их «потомки») становятся недоступными для чувственного восприятия. Поскольку наблюдение одного субъекта за результатом конкретного квантового измерения не противоречит наблюдениям результата этого же измерения другими субъектами, то следует признать, что данный акт селекции квантовой альтернативы в сознании наблюдателя и блокировка доступа ко всем остальным, невоспринятым альтернативам, имеет интерсубъективный характер — закрывается доступ к иным квантовым альтернативам сразу для всех сознаний, принадлежащих некоторому «интерсубъективному сообществу сознаний».

Итак, сознания в данной модели обладают способностью селекции квантовой альтернативы (в соответствии с идеей М. Б. Менского [1,2]) — выбору (в основном случайным образом, но с учетом весовых коэффициентов членов суперпозиции) посредством чувственного восприятия одного члена исходной суперпозиции и способностью к интерсубъективной блокировке восприятия всех других членов этой суперпозиции. Это и описывается в квантовой механике как акт редукции волновой функции в процессе измерения. Подчеркнем, что никакого реального воздействия сознания на физические процессы здесь не предполагается. «Отвергнутые» члены суперпозиции никуда не исчезают и продолжают далее эволюционировать согласно уравнению Шрёдингера, но лишь блокируется возможность их восприятия, а также и восприятия любых их «потомков». Это и приводит к скачкообразной, физически необъяснимой «редукции волновой функции» — которая имеет место только в интерсубъективном восприятии физической реальности некоторым сообществом сознаний.

Поскольку в нашем чувственном восприятии всегда дана некая классическая, (однозначно определенная) картина реальности (тогда как квантовая картина, как правило, многовариантна), то мы можем сделать отсюда вывод, что эта определенная классическая реальность существует лишь в интерсубъективном (взаимно скоординированном) восприятии некоторого сообщества сознаний. Классическая реальность — это как бы селективная проекция более сложной и многоаспектной квантовой реальности в наше чувственное восприятие. Поскольку классические объекты не исчезают и не меняются непредсказуемым образом в промежутках времени, когда их никто не воспринимает, то, следовательно, должна существовать и некая «интерсубъективная» (общая для данной группы сознаний) память, в которой «записываются» и сохраняются (не физическим способом) ранее сделанные данными сознаниями выборы квантовых альтернатив. Таким образом, мы можем утверждать, что классическая физическая реальность существует не только в интерсубъективном восприятии (скоординированным индивидуальным восприятием множества индивидов), но и, по большей части, существует в некой общей интерсубъективной памяти данного сообщества сознаний, которая явно существует не в форме какой-либо «физической записи» на материальном носителе — поскольку любой материальный носитель, как нечто вполне классически определенное, существует лишь «внутри» этой памяти.

Итак, согласно данной концепции «сознания в квантовом мире», которая по сути представляет собой модификацию интерпретации квантовой механики Эверетта-Менского [1,2,3], сознание обладает существенно иными свойствами, чем любые физические объекты. Если тело и мозг «расщепляются» в процессе квантового измерения, переходят в суперпозиционное состояние, то сознание, напротив, не расщепляется, остается единым и устроено так, что воспринимает лишь одну единственную квантовую альтернативу, закрывая при этом интерсубъективным образом доступ ко всем иным квантовым альтернативам. Это означает, что сознание не есть сам мозг и не есть функция мозга — иначе оно «расщеплялось» бы вместе с мозгом. Именно потому, что сознание не является частью физической реальности, но лишь как бы «извне» эту реальность селективно наблюдает, оно и может осуществлять физически необъяснимые акты редукции волновой функции. Далее, мы видим, что и сам мозг, как классический объект, с позиций данного подхода, существует лишь в интерсубъективном восприятии и памяти, а значит не существует вне сознаний и, следовательно,

не может быть причиной существования самих сознаний. По сути, в рамках этого подхода, не мозг создает сознание, но, напротив, сознания, посредством множества интересубъективных актов редукции волновой функции, создают вполне определенный «мир классических объектов» в собственной памяти и восприятии, а значит создают и мозг, и тело человека. Подлинно объективным, надындивидуальным статусом в рамках данной модели может обладать лишь полностью для нас неопределенное «квантовое состояние Вселенной», изначально потенциально содержащее в себе все возможные результаты наблюдений во все возможные моменты времени. Действительно, измерения физических величин в квантовой механике всегда дает нам на выходе некие собственные состояния оператора измеряемой величины, а поскольку спектр собственных состояний зависит только от вида оператора измеряемой величины, но не зависит от исходного квантового состояния измеряемой системы, то получается, что, осуществив измерение, мы не получаем никакой информации о начальном квантовом состоянии этой системы. Это исходное состояние просто необратимо «разрушается» в результате измерения и скачкообразно заменяется одной из собственных функций оператора измеряемой величины. Но, если, как мы показали, акты редукции волновой функции происходят лишь в сознании (интересубъективном восприятии и памяти), то и какое-либо «уточнение» квантового состояния объекта в результате измерения — также есть процесс, который протекает лишь в самом сознании и не имеет никакого отношения к «объективной реальности». Таким образом физическая реальность «сама по себе» остается полностью неопределенной, неизвестной нам как до, так и после акта измерения. Любая же «определенная» (классически или квантовомеханически) физическая реальность — существует лишь относительно с некой группой сознаний в их скоординированном восприятии и интересубъективной памяти.

Литература

1. Менский М. Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 174, № 4. С. 413–435.
2. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. М., ВЕК2, 2005. 320 с.
3. Нейман И. Фон. Математические основы квантовой механики. М., Наука, 1964. 368 с.

МОДЕЛЬ КОНТРОЛЯ КВАНТОВОЙ СИСТЕМОЙ ЕЁ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОНТАКТОВ С ОКРУЖЕНИЕМ

Л.В. Ильичёв

*Доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник
Институт автоматизации и электрометрии Сибирского отделения Российской академии наук
E-mail: leonid@iae.nsk.su*

В современном эксперименте с квантовой системой предполагается практически полный контроль её информационно-энергетических контактов с окружением. Элементарным актом такого контакта является регистрация (актуализация) некоторого события. Значение некоторого параметра системы, если оно уточняется этим событием, в общем случае не отражает предсуществующую реальность, а создаётся в результате этого контакта. Таким образом, получение информации от квантовой системы неотделимо от процесса приготовления её состояния. Это обстоятельство расширяет арсенал возможных методов контроля и формирования квантовых состояний путём искусственного формирования возможных событий с определённым информационным содержанием и, как следующий шаг, путём предоставления квантовой системе возможности «самостоятельного выбора» типов событий.

Ключевые слова: информация, квантовое состояние, событие, автоконтроль, обратная связь

THE MODEL OF QUANTUM SYSTEM CONTROLLING INFORMATIONAL CONTACTS WITH ITS ENVIRONMENT

L.V. Pichov

*DSc in Physical and Mathematical Sciences, principal researcher
Institute of Automation and Electrometry of the Siberian Branch of the RAS
E-mail: leonid@iae.nsk.su*

In modern experiments with a quantum system, almost complete control of its information-energy contacts with the environment may be assumed. An elementary act of such a contact is the registration (updating) of some event. The value of some parameter of the system, if it is specified by this event, generally does not reflect any pre-existing reality, but rather it is created as a result of that contact. Thus, obtaining information from a quantum system is inseparable from the process of preparing its state. This circumstance expands the set of possible methods for controlling and forming quantum states by artificially generating possible events with a certain information content and, as a next step, by providing the quantum system with the possibility of “independent choice” of event types.

Keywords: information, quantum state, event, autocontrol, feedback

В той или иной форме все новые квантовые технологии требуют приготовления определённых состояний квантовых систем. Иногда этого можно достичь, изолируя систему от окружения и организуя нужную динамику путём контроля гамильтониана системы. Более широкие возможности предоставляет контроль информационно-энергетических контактов открытой квантовой системы с окружением. Элементарным актом такого контакта является регистрация (актуализация) некоторого события. Значение параметра системы, если оно уточняется этим событием, в общем случае не отражает предсуществующую реальность, а создаётся в результате этого контакта. Таким образом, извлечение информации из квантовой системы неотделимо от процесса приготовления её состояния. Организация условий появления событий с определённым информационным содержанием, т.е. «инженерия потенциальных возможностей», оказывается эффективным инструментом инженерии квантовых состояний. Зачастую подходящее событие по своему воздействию на состояние системы способно воспроизвести результат трудно реализуемой унитарной динамической эволюции. Оказывается возможным оплатить относительной редкостью «нужных» событий ценный эффект их воздействия на состояние системы.

Ещё один способ искусственного создания условий для редких, но ценных событий использует т.н. «распутывание» (unravelling) эволюции открытой квантовой системы. Нетривиальное распутывание можно организовать для системы – генератора серии спонтанных событий нескольких различных типов. Примером могут служить фотоиспускания квантов различной поляризации или в различные спектральные диапазоны. В этом случае методами линейной оптики можно построить своего рода интерфейс, опосредующий контакты системы с окружением и модифицирующий нужным образом информационное содержание регистрируемых фотонов. В работе [1] показана возможность выбора распутывания, приготавливающего атомы с инверсией населённости. Распутывание, минимизирующее объём информационного содержание рассмотрено в [2] и [3] с возможным приложением к моделям восприятия внешнего квантового мира наблюдателем. В работе [4] показана перспективность использования нетривиальных распутываний в системах квантовой обратной связи. В этом случае регистрация события того или иного типа, т.е., срабатывание определённого детектора, осуществляет переключение между различными распутываниями, т.е. выбор информационного содержания события доверен самой квантовой системе.

В организации такой обратной связи может быть задействован (и это сделано в настоящей работе) корпускулярно-волновой дуализм, как специфически квантовое явление. Определённый и, возможно, простейший вариант квантовой обратной связи есть предмет настоящей работы. Она завершает цикл из трёх работ, где квантовая обратная связь используется для контроля состояния атомарного конденсата Бозе-Эйнштейна (БЭК). В работе [5] конденсат в одной из двух локализованных мод зондируется оптическим пучком внутреннего канала интерферометра Маха-Цандера. Регистрация фотона в том или ином выходном канале интерферометра, переключала параметры удерживающего конденсат потенциала. Было показано, что надлежащий выбор этих параметров приводит к радикальной перестройке состояния конденсата. Не менее эффективный инструмент его контроля предложен в [6]. Прежняя схема из [5] модифицирована дополнительной

оптической петлёй, создающей когерентную обратную связь в зондирующем пучке. Иницируемые фоторегистрациями переключения происходят между различными фазовыми сдвигами в петле когерентной обратной связи. В настоящей работе переключения между фазовыми сдвигами (различными распутываниями) происходят во втором внутреннем канале интерферометра, не задействованном в зондировании конденсата. Исследуются условные состояния конденсата, индексируемые местом последней по времени фоторегистрации. Вопреки классической интуиции такая внешняя петля обратной связи инициирует существенную перестройку состояния конденсата.

Литература

1. *Ильичёв Л.В.* К практическому применению нетривиального "распутывания" эволюции резонансно-флуоресцирующего атома // Письма в ЖЭТФ. 2003. Т. 77. № 4. С. 227.
2. *Ильичёв Л.В.* Экстремальное "распутывание" квантовой операции // ЖЭТФ. 2003. Т. 123. С. 1113.
3. *Il'ichov L.V.* Quantum Unravelling of Perception by Active Consciousness // NeuroQuantology. 2013. Т. 11. № 1. С. 110.
4. *Tomilin V.A., Il'ichov L.V.* Λ -scheme feedback spectroscopy // Optics Communications. 2017. Т. 391. С. 57.
5. *Tomilin V.A., Il'ichov L.V.* BEC Dynamics in a Double-Well with Interferometric Feedback // Annalen der Physik. 2016. V. 528. №7-8. P. 619–625.
6. *Tomilin V.A., Il'ichov L.V.* Control of atomic Bose – Einstein condensate with interferometric feedback probing // Quantum Electronics. 2020. V. 50 № 6. P. 537 – 542.

НОВАЯ ПАРАДИГМА ВЕКА ВТОРОЙ КВАНТОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К.В. Копейкин

*Кандидат физико-математических наук, кандидат богословия, протоиерей, доцент
Санкт-Петербургская духовная академия
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: kirill.kopeykin@mail.ru*

Как утверждает целый ряд экспертов, мир сегодня находится на пороге второй квантовой революции. В связи с этим с новой остротой возобновились дискуссии вокруг онтологических и эпистемологических проблем квантовой физики. Однако несмотря на то, что в эти дискуссии вовлекается всё больше и больше исследователей, поднимаемые проблемы по-прежнему далеки от разрешения. На наш взгляд это связано с тем, что вопросы ставятся слишком «локально»: обсуждается, почему квантовая физика столь радикально отличается от классической, что мешает объединению квантовой механики и теории относительности, какова роль вероятности в квантовой теории. При таком подходе квантовая механика видится как какое-то чужеродное, едва ли не патологическое новообразование на здоровом теле классической теории. Нам представляется, что рассмотрение квантовой теории в глобальной исторической перспективе, учитывающей философский и теологический контекст естествознания, позволяет увидеть квантовые «парадоксы» не как что-то противоречащее здравому смыслу, но как естественный логический итог развития фундаментального принципа тварности мироздания, красной нитью проходящего сквозь всю историю развития новоевропейской науки.

Ключевые слова: квантовая теория, теология, тварность, несепарабельность, квантовая контекстуальность, индетерминистичность

NEW PARADIGM OF THE CENTURY OF THE SECOND QUANTUM REVOLUTION

K.V. Kopeikin

*CSc in Physics, CSc in Theology, archpriest, Associate Professor
St. Petersburg Theological Academy, St. Petersburg State University
E-mail: kirill.kopeykin@mail.ru*

According to a number of experts, the world today is on the verge of a second quantum revolution. In this regard, discussions around the ontological and epistemological problems of quantum physics have resumed with renewed urgency. However, despite the fact that more and more researchers are involved in these discussions, the problems raised are still far from being resolved. In our opinion, this is due to the fact that the questions are posed too "locally": it is discussed why quantum physics is so radically different from classical physics that it prevents the unification of quantum mechanics and the theory of relativity, what is the role of probability in quantum theory. With this approach, quantum mechanics is seen as some kind of alien, almost pathological neoplasm on the healthy body of classical theory. It seems to us that the consideration of quantum theory in a global historical perspective, taking into account the philosophical and theological context of natural science, allows us to see quantum "paradoxes" not as something contrary to common sense, but as a natural logical outcome of the development of the fundamental principle of the createdness of the Universe, a red thread passing through all history of the development of modern European science.

Keywords: quantum theory, theology, createdness, inseparability, quantum contextuality, indeterminism

Как утверждает целый ряд экспертов, мир сегодня находится на пороге второй квантовой революции. В связи с этим с новой остротой возобновились дискуссии вокруг онтологических и эпистемологических проблем квантовой физики. Однако несмотря на то, что в эти дискуссии вовлекается всё больше и больше исследователей, поднимаемые проблемы по-прежнему далеки от разрешения. На наш взгляд это связано с тем, что вопросы ставятся слишком «локально»: обсуждается, почему квантовая физика столь радикально отличается от классической, что мешает объединению квантовой механики и теории относительности, какова роль вероятности в квантовой теории. При таком подходе квантовая механика видится как какое-то чужеродное, едва ли не патологическое новообразование на здоровом теле классической теории. Нам представляется, что рассмотрение квантовой теории в глобальной исторической перспективе, учитывающей философский и теологический контекст естествознания, позволяет увидеть квантовые «парадоксы» не как что-то противоречащее здравому смыслу, но как естественный логический итог развития фундаментального принципа тварности мироздания, красной нитью проходящего сквозь всю историю развития новоевропейской науки.

Как свидетельствует история естествознания, новоевропейская наука возникла в процессе исследования Природы как второй Книги Творца. Считалось, что поскольку обе эти Книги созданы одним Автором, то между ними нет и не может быть противоречия. Главный же вывод был таков: раз Книга Природы подобна Библии, то к ней могут быть приложимы те же методы исследования, что и к Библии.

В семиотике выделяются три уровня исследования знаковых систем: знаки могут быть осмыслены в своих взаимоотношениях с другими знаками, т. е. синтаксически; может изучаться отношение знаков к обозначаемым предметам – их семантика; наконец, может исследоваться их общий посыл адресату сообщения – прагматика. Можно сказать, что раннехристианское богословие было занято прежде всего изучением прагматики Книги Природы, поиском смысла возвещаемой через Вселенную вести Творца: «*Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь*» (Пс 18:2). Средневековое богословие, исследовавшее символизм мироздания, изучало семантику его различных «элементов». Пафос научной революции XVII столетия состоял в том, что от исследования семантики и прагматики мироздания новоевропейская наука обратила свой взгляд к изучению синтагматики, синтаксиса Книги Природы. Собственно, суть «объект(ив)ного» метода познания заключается именно в том, что изучается математическая форма *отношения* различных «элементов» мироздания: мы описываем природу не по отношению к человеку, что неизбежно вносило бы элемент субъективности, но описываем одну часть природы по отношению к другой (измерительному прибору).

Математическая физика моделирует мир при помощи введения *величин*, позволяющих сопоставить элементам реального физического мира не существующие в природе математические объекты – *числа*. Такое сопоставление осуществляется в процессе реализации процедуры *измерения* – исследования отношения одного элемента физической реальности к другому. Таким образом, объективирующая наука описывает не мир «сам по себе», но лишь *проекции* различных элементов мира на измерительные приборы. Получающиеся в итоге физические теории оказываются *теориями отношений*. При этом вопрос о том, «что» именно соотносится между собой как бы «выносятся за

скобки» самой физики. В силу описанной «относительности» математические (структурные) теории физического мира открыты для содержательной *интерпретации* [1].

Поскольку современная математическая физика возникла в контексте представления о двух взаимодополнительных Книгах Творца, то и интерпретировать синтаксис Книги природы следует в смысловом контексте Библии. Обращение к библейскому контексту естествознания приводит нас к следующим выводам.

Фундаментальный библейский тезис о сотворении мира «из ничего» (ἐξ οὐκ ὄντων, ex nihilo) (2 Макк 7:28) задаёт перспективу интерпретации естествознания как способа прочтения второй Книги Бога – Книги Природы, взаимодополнительной по отношению к первой – к Библии. Прежде всего, этот тезис следует понимать как *принцип неабсолютности тварного бытия*: ничто не самобытно, всякое бытие относительно – и всё относительно Творца. Что означает сотворённость мира *из ничего*? Мир творится Богом *из ничего* в том смысле, что в своём существовании ему не на что «опереться». Это утверждение является ключевым для библейской традиции поскольку конечное предназначение мира и человека – *спасение*, понимаемое как со-единение с Богом, *обожение*, – достижение того состояния, о котором апостол Павел говорит, что «будет Бог всё во всем» (1 Кор 15:28). Если мир сотворён *из ничего*, то ничто и не мешает такому соединению; само-сущая же косная материя, определяемая, как противоположность Духу, к такому единению сущностно неспособна.

Как уже отмечалось [2], вся история естествознания, история исследования Книги Природы как второй Книги Творца, начиная с Галилея показывает, что его развитие шло по пути конкретизации и расширения области применимости принципа неабсолютности тварного бытия: от галилеевской относительности – к специальной теории относительности – и, наконец, к квантовой механике – к тому, что адепты копенгагенской интерпретации называли принципом относительности к средствам наблюдения. Сегодня копенгагенский принцип относительности к средствам наблюдения возродился в форме реляционной интерпретации квантовой механики (RQM, Carlo Rovelli) и в QBism'e (Carlton Caves, Christopher Fuchs, Rüdiger Schack, David Mermin). Рассматривая квантовую механику в сквозной исторической перспективе как закономерное звено цепи реализации принципа относительности к средствам наблюдения, мы с неизбежностью приходим к выводу, что та «зыбкость» реальности (*индетерминистичность, контекстуальность и нелокальность*), которая столь шокирует в квантовой физике и воспринимается как нечто парадоксальное, оказывается не какой-то принципиально новой её особенностью, но логическим продолжением расширения области применимости принципа относительности как естественного следствия фундаментального библейского тезиса о творении мира *из ничего*.

Фундаментальный библейский тезис о сотворении мира *из ничего* открывает и возможность глубокого постижения природы динамических законов. Основная проблема рационального описания мира заключается в том, как совместить в таком описании очевидную изменчивость мира и его устойчивость. Античная мысль постулировала существование двух онтологически противоположных начал: начала стабильности, находящегося вне потока изменений и гарантирующего определённость мироздания (*идеи, сущности или формы*) и начала изменчивости – текучей подосновы мира, не имеющей никакой определённости и ответственной за его зыбкость (*аморфной материи или лишённости*). При этом оставалось до конца не прояснённым то, каким образом эти несовместимые противоположности оказываются сопричастны друг другу. Онтологически же проинтерпретированный акт творения снимает это неразрешимое противоречие: постоянство, присущее вещам этого мира, оказывается постоянством динамического закона, и оно же отвечает за их изменчивость. Прежде несовместимые начала стабильности и изменчивости обретают единство в новом законе – законе динамическом! И именно эти динамические законы, правила изменений, а не статичные сущности, обладают реальным существованием, обладают эйдосом, и потому могут быть представлены в виде «идеальных» математических соотношений [3]. Это принципиально новая онтологическая картина мира. Действительно, динамические законы описывают не самобытное бытие, но динамику бытия, движение одних элементов мироздания относительно других, иначе говоря – относительность бытия. Но, собственно, в этом, как уже было сказано, и заключается суть библейского Откровения о сотворении мира, принцип неабсолютности тварного бытия: ничто не самобытно, всякое бытие относительно – и всё относительно Творца.

Основным достоинством открытых классической механикой динамических законов оказалось то, что они, как выяснилось, детерминистичны. Это эквивалентно идее сохранности знания о системе: на основании знания состояния системы в некий момент времени можно предсказать её поведение в будущем и вычислить его в прошлом. Эволюция широкого класса физических систем действительно оказывается детерминистической, что находит экспериментальное подтверждение. Таким образом,

создаваемая классической физикой картина мира оказывается каузально замкнутой, а значит – отрицающей возможность какого-либо вмешательства Бога в мироздание. В описываемом таким образом мире никакие случайности попросту невозможны; если же нечто происходит, как нам кажется, «случайно», то это лишь результат нашего незнания чрезвычайно сложных, зависящих от многих факторов и потому скрытых от нас причин происходящего.

Если в классической физике динамические законы описывают эволюцию непосредственно наблюдаемых параметров изучаемой системы, то в квантовой теории уравнение эволюции характеризует динамику весьма специфической величины, именуемой «состоянием системы» (как правило «состояние системы» характеризуется *вектором состояния* в гильбертовом пространстве над полем комплексных чисел). Заметим, что «квантовыми» являются не обязательно микроскопические системы, но любые, в том числе – макроскопические системы, описываемые именно при помощи вектора состояния. Кроме того, наблюдаемым (измерительным приборам) соответствуют операторы, действующие в гильбертовом пространстве.

Квантотеоретическое описание исследуемых систем на языке состояний предполагает рассмотрение изучаемой системы как единого целого, в контексте которого могут проявляться те или иные свойства составляющих её подсистем. Это означает, что квантовые системы обладают специфическим свойством – *несепарабельностью*, не имеющей аналога в классической физике.

В теологическом дискурсе квантовая несепарабельность оказывается естественным следствием сотворения мира *из ничего*. Согласно библейскому повествованию Создатель *в начале* творит *небо и землю*, представляющие собою два «полюса» мироздания, между которыми заключено *всё*, вся полнота бытия, которая пока ещё есть *ничто*. Затем Творец не «добавляет» *ничто* в первичное *ничто*, но производит внутри него последовательные разделения: отделяет воду от воды посредством тверди, потом воду под твердью от земли и т. п. Таким образом, всё мироздание представляет собою *целостность* – не совокупность разнородных элементов, но (логосную) структуру (мир творится Словом), «прочерченную» (на-речённую) «*по лицу бездны*» (Притч 8:27).

В квантовой физике существуют два разных способа описания квантовых объектов в зависимости от того, наблюдаем ли мы их или нет. Если над системой наблюдения не производится, то вектор состояния с течением времени меняется непрерывно подчиняясь детерминистическому уравнению эволюции. В результате же измерения вектор состояния мгновенно и случайно переходит в некоторое состояние, которое и описывает результат наблюдения. При этом математический аппарат квантовой механики не позволяет точно предсказать, в какое состояние перейдёт система в результате наблюдения, но даёт лишь возможность оценить вероятность того или иного исхода.

Обращение к библейскому контексту позволяет прояснить природу квантовой случайности и её принципиальное отличие от «случайности» классической [4]. В теологической перспективе случайность традиционно воспринималась как акт божественного вмешательства. Действительно, всемогущество Бога означает, что Он ничем не детерминирован, а значит случайные, ничем не детерминированные события, могут интерпретироваться как акты божественного вмешательства в реальность (отсюда – ветхозаветная практика бросания жребия как способа узнавания воли Вседержителя). Если в классической физике «случайность» есть результат неполноты нашего знания о системе, то, как выяснилось, квантовомеханическая случайность является истинной случайностью, непредсказуемой не потому, что нам неизвестны какие-то «скрытые параметры» реальности, а в силу самой своей природы. Истинная случайность не может быть предугадана поскольку до того, как какой-либо исход оказался реализованным, он не был предопределён а значит и не существовал. Таким образом, истинная случайность есть акт продолжающегося творения [5, с. 47] («*Отец Мой доныне делает, и Я делаю*» (Ин 5:17)).

Такой принципиально новый взгляд на природу реальности позволяет уйти от бесконечных разговоров о «парадоксах» современной физики (*относительность* реальности, *нелокальность* и квантовый *индетерминизм*) и делает её интуитивно прозрачной, а значит – оказывается способен дать колоссальный импульс для её дальнейшего развития. Для осуществления глобального научного и технологического прорыва нужна глобальная идея. Именно в такой новой парадигме, а не в прежней, классической, следует возвращать творцов новой физики XXI века, века второй квантовой революции.

Литература

1. *Копейкин К.В., прот.* Что есть реальность? Размышляя над произведениями Эрвина Шрёдингера. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 138 с.

2. *Копейкин К.В., прот.* Библейский тезис о творении «из ничего» и реляционная парадигма в физике // *Метафизика*. 2021. № 2 (40). С. 57–64.
3. *Гайденко В.П., Смирнов Г.А.* Раннесредневековая концепция человека. В: *Культура и искусство западноевропейского средневековья: Материалы научной конференции (Вишперовские чтения, 1980) / Гос. музей изобразит. искусств им. А. С. Пушкина, ВНИИ искусствознания министерства культуры СССР; общ. ред. И.Е. Даниловой. М.: Советский художник, 1981. С. 35–53.*
4. *Копейкин К.В.* Интерпретация квантовомеханической вероятности и библейский контекст свободы и случайности // *Основания фундаментальной физики и математики: материалы V Российской конференции (ОФФМ-2021) / Ред. Ю.С. Владимиров, В.А. Панчелюга. М.: РУДН, 2021. С. 160–165.*
5. *Жизан Н.* Квантовая случайность. Нелокальность, телепортация и другие квантовые чудеса. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 202 с.

ПРОБЛЕМА ЕДИНОГО И МНОГОГО В ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

А.В. Нечипоренко

Кандидат философских наук, старший преподаватель

Новосибирский государственный университет

E-mail: a.v.nechiporenko@gmail.com

Базовые категориальные отношения единого и многого рассмотрены в контексте проблем современной физики и подходов к построению единой квантово-классической теории. Понятию отношения, основанному на представлении о математических множествах элементов, противопоставлена понятие отношения как соотносительной определенности, порождающая сами элементы как различные. Показана не только онтологическая, но и трансцендентальная значимость данного понятия.

Ключевые слова: Квантовая физика, классическая физика, онтология, единство, целостность, двойственность, множественность, отношение, различение, соотносительная определенность, опосредствование

THE PROBLEM OF THE ONE AND THE MANY IN FUNDAMENTAL ONTOLOGY

A.V. Nechiporenko

CSc of Philosophy, senior lecturer

Novosibirsk State University

E-mail: a.v.nechiporenko@gmail.com

The basic categorical relations of the one and the many are considered in the context of the problems of modern physics and approaches to the construction of a unified quantum-classical theory. The concept of relation, based on the idea of mathematical sets of elements, is opposed to the concept of relation as a correlative definiteness, generating the elements themselves as different. Not only the ontological, but also the transcendental significance of this concept is shown.

Keywords: Quantum physics, classical physics, ontology, unity, integrity, duality, multiplicity, relation, distinction, correlative certainty, mediation

1

Базовые эксперименты квантовой физики являются парадоксальными для нашего миропонимания. Предельным категориальным основанием этой парадоксальности является проблема *единого и многого*. Эксперименты, демонстрирующие парадокс корпускулярно-волнового дуализма, требуют совместить полагание *одной* неделимой частицы и *множественности* (по крайней мере *двух*) интерферирующих частей. Здесь $1=2$. В экспериментах с фотонами в запутанном состоянии (например, ЭПР-парами), фотоны выступают и как автономные *разные и отдельные* физические объекты, и как *единый* пространственно нелокализованный объект. Здесь $2=1$. Эксперименты по квантовой

интерференции одиночных фотонов из разных источников показывают неразличимость фотонов. Здесь $1=1$.

Как было показано еще Платоном, идеи (категории) единого и многого лежат в самом основании нашего мышления. По видимому, парадоксальность, связанная именно с ними, не позволяют нам мыслить квантовые системы как онтологические сущности – как некоторые объекты сами по себе.

Анализ невозможности такой объективации, проявившейся в квантовой физике во все 100 лет ее существования, приводит к постановке цели: выйти за рамки как квантовой, так и классической теории и построить новую объединенную квантово-классическую теорию. Программа исследований, имеющая такую цель, а также содержащая гипотезу о центральном значении понятия *физического события*, была выдвинута в статье Французова П. А. и Нечипоренко А. В. [Французов, Нечипоренко, 2020].

2

Если мы правильно понимаем, сходная по стратегической цели научная программа реализуется Владимиром Ю. С.

Глубоко проанализировав и актуальные проблемы физики, и историю науки, Владимир предлагает решение в принципиальной смене онтологической картины мира: в переходе от эссенциалистских представлений к релятивистским. Если во всех предыдущих региональных онтологиях физических теорий пространство и время, моделируемые континуумом действительных или комплексных чисел предпосылаются и служат предзаданным «фоном» физических явлений, то в новой картине мира предлагается дедуцировать само пространство-время из *структур отношений*.

В качестве философских оснований такого подхода Владимир Ю. С. указывает прежде всего философию Аристотеля и Лейбница, а также философию и физику Э. Маха.

Анализ философии Аристотеля в этой связи и в этом контексте анализ философии Аристотеля проделан Севальниковым А. Ю. «Опираясь на платоновскую дуалистическую схему «бытие-небытие», оказывается невозможным описать движение, которое было бы посредником между этими противоположностями. Введение Аристотелем понятия материи как возможности вызвано его неприятием метода Платона, исходившего из противоположностей «сущее-несущее». В результате такого подхода, пишет Аристотель, Платон отрезал себе путь к постижению изменения, составляющего главную черту природных явлений.» [Севальников, 2005]. Движение задается Аристотелем группой понятий, прежде всего триадой $\delta\upsilon\alpha\delta\iota\varsigma$, $\epsilon\nu\acute{\epsilon}\rho\upsilon\gamma\iota\alpha$, $\epsilon\nu\tau\epsilon\lambda\epsilon\chi\epsilon\iota\alpha$. Именно *энергия* (процесс) должна рассматриваться как чистое отношение – *переход* между двумя событиями или состояниями.

От Лейбница усваивается его позиция в отношении пространству и времени как системы отношений между телами (монадами); эту позицию Лейбниц заявлял в своей переписке с Кларком, по сути споря с абсолютным пространством и временем Ньютона. Последовательно проведенная эта позиция должна показать, что *отношение* первично, а пространство и время – вторично.

От Маха берется принцип *денатурализации онтологических картин физики*. Именно Мах показал, что одни и те же явления могут быть описаны совершенно разными теоретическими конструкциями, имеющими совершенно разную интерпретацию и онтологический смысл. Также от Маха был взят физический принцип *системной изоляции* физического объекта, при котором объект не автономизируется и не вырезается из целостности мира, но учитываются интегральные дальнедействующие влияния всех объектов вселенной.

В качестве математического аппарата теории Владимир Ю. С. был взят аппарат теории физических структур, созданный Ю. И. Кулаковым и развитый его учениками.

Владимир Ю. С. показал, как на таких основаниях могут быть выведены основные уравнения классической и квантовой физики [Владимиров Ю. С., 2021, кн. 1 и 2.]

3

Вспользуемся схемой строения науки согласно А. Эйнштейну [Эйнштейн А., 1967]. Эйнштейн выделял данные чувственного опыта – E, аксиомы теории – A, утверждения, которые выводятся из A и сопоставляются с E (проверка опытом) – S. С точки зрения этих представлений, вывод основных теоретических уравнений из релятивистских оснований есть ничто иное, как замена аксиом A_1 на некоторые A_2 : было $A_1 \rightarrow S$, стало $A_2 \rightarrow S$.

Основным достижением новой теории является объединение разрозненных утверждений из разных областей физики, прежде всего классической и квантовой. Если до этого было $A_{\text{класс}} \rightarrow S_{\text{класс}}$; $A_{\text{квант}} \rightarrow S_{\text{квант}}$, то стало $A_{\text{релятив}} \rightarrow S_{\text{класс}} + S_{\text{квант}}$.

Если принять в качестве постановки цели именно *объединение* разрозненных наличных теорий, то цель можно признать достигнутой.

Однако обращает на себя внимание, что в книгах Владимирова [Владимиров Ю. С., 2021, кн. 1 и 2.] выводятся именно *математические формулы* основных уравнений, а не реконструируется содержание самих *физических экспериментов*. Отношения $S \leftrightarrow E$ как таковые не анализируются и не подвергаются проблематизации.

4

Как мы различаем на опыте два фотона, или два тождественных по своим параметрам электрона? Через различие их в пространстве и времени. Или, иначе говоря, через количественные и порядковые отношения между событиями взаимодействия с приборами (измерения, детектирования).

Как можно описывать взаимодействие (в том числе дальное действие) между двумя токами или частицами вне «фона пространства и времени», если само различие частиц и токов как *двух разных* опирается на пространственно-временную различенность?

События измерения E_1 и E_2 *должны* быть *различены* и даны нам как разные. Без инженерного обустройства этого «должны» никакой реальной физический эксперимент невозможен. Эти события измерения только *вторичным образом* связываются друг с другом; связь между ними выступает как *вторичное связывание*.

5

Эта искусственно организуемая и необходимая для эксперимента различность, отдельность E_1 и E_2 соответствует математическому понятию *элементов множества* e_1 и e_2 , так что *связывание* выражается *математической зависимостью* $f(e_1, e_2)=0$.

Отметим, что именно такое понимание отношений и структур мы находим в математическом аппарате Ю. И. Кулакова. Исходным примером, который натолкнул Ю. И. Кулакова на идею теории физических структур, было уравнение механики $F_{ij}=m_j a_j$. Здесь величины a_j и m_j имеют *самостоятельную определенность*. Обратим внимание: конструктивная природа математических объектов такова, что их сущность и существование задаются их абстрактным определением. Поэтому самостоятельная определенность a_j и m_j имеется у них по их формальной математической природе, как *элементов двух разных математических множеств* «Ускорения» и «Массы». Однако у их самостоятельной определенности есть и *содержательное физическое основание*: a_j измеряется с помощью линеек и часов, а m_j – с помощью весов.

Таким образом, и с точки зрения физических экспериментальных процедур, и с точки зрения математических определений *отношение* устроено так: а) полагаются различные и отдельные, независимо друг от друга определенные e_1 и e_2 , б) между ними устанавливается зависимость $f(e_1, e_2)=0$.

6

Теоретический вопрос стоит так: как мыслить *отношение* или *связь*? Или, в другом аспекте – как вопрос о *единстве и целостности теоретического идеального объекта*.

Что такое зависимость или связь между двумя любыми *разными* сущностями А и В, которые существуют сами по себе, автономно? Поскольку А и В существуют независимо друг от друга, чтобы образовать между ними зависимость, нужно положить некоторую связь С (*связать их* «веревочкой», или «пружинкой» С), так, чтобы и А зависело от С, и В зависело от С. Но тогда, в свою очередь, нужно образовать связи А–С и В–С («прикрепить» «пружинку» С к А или к В). При этом мы возвращаемся к первоначальному вопросу. И такой способ установления связи оказывается редукцией в бесконечность.

Вывод: *если А и В уже имеют самостоятельную определенность, из них нельзя образовать единство – целостный идеальный объект*.

Эта проблематика была проанализирована в цикле статей Г. А. Смирнова по проблемам целостности идеального объекта. Смирнов построил критику математической теории множеств и

убедительно показал, что целостность и связанность возможны только при *соотносительной определенности A и B* [Смирнов Г. А., 1977, 1978, 1980].

Выражение *соотносительная определенность* означает, что A определяется в своем существовании через B, а B определяется через A.

В физике есть очень яркий пример соотносительной определенности: векторные величины **E** и **B** в электромагнитной волне. Действительно, согласно уравнениям Максвелла для свободно распространяющейся электромагнитной волны выполняются соотношения:

$$\nabla \times \mathbf{E} = -\frac{\partial \mathbf{B}}{\partial t}$$
$$c^2 \nabla \times \mathbf{B} = \frac{\partial \mathbf{E}}{\partial t}$$

Здесь величина **E** образуется (то есть определяется по своей величине и по своему существованию) изменением **B**, а величина **B** образуется изменением величины **E**.

Всякие аксиоматизированные на основе теоретико-множественного подхода алгебраические структуры по своему математическому языку и аппарату не выражают *идею целостности*. В них величины e_1 и e_2 всегда рассматриваются как самостоятельно определенные, отдельные элементы множества или множеств. Поэтому, в частности, вопрос о различении e_1 и e_2 не ставится и не стоит.

Насколько я понимаю, и Владимир Ю. С. и Кулаков Ю. И., отдав предпочтение алгебраизации (оперированию с дискретными элементами множеств) перед дифференциальным исчислением, имплицитно предопределили такую интерпретацию *отношений* и *структур*, в которой отсутствует целостность системного объекта и первичное порождение самих его элементов.

7

Обращаясь к математическому аппарату дифференциального и интегрального исчислений, мы сталкиваемся со своей группой вопросов и парадоксов. Исходным для выработки этих представлений (у Ньютона точно, но по-видимому и у Лейбница также) была проблематика *движения*. Проблема идеализированного описания движения тесно связана с проблемой идеализации непрерывного континуума через проблематизацию Зенона в апории «Стрела». С одной стороны, если мы рассматриваем движение как переход от *состояния* e_1 в *состояние* e_2 , то собственно движение исчезает, ибо мысля состояния имеющими собственную определенность, мы тем самым мыслим их *статично*, то есть как отдельные и автономные элементы (точки пространства, или моменты времени). Движения нет, потому что из суммы статичных элементов нельзя получить кинетику. С другой стороны, если мы представляем движение как поток, как текучий *переход*, то он оказывается совершенно неопределенным и его невозможно строго мыслить, поскольку неизвестно *от чего* и *к чему* осуществляется переходение.

Согласно нашему предположению, Лейбниц разрешал эту антиномию совмещением статики и кинетики в понятии *метафизической точки*. Требуется совместить *фиксацию* некоторой определенной сущности (состояния e), и *сдвиг*. Однако для Лейбница важнейшим метафизическим принципом является закон запрета противоречия; поэтому в едином «пространстве» бытия совместить противоположности не получается. Выход в том, чтобы само бытие мыслить расщепленным на горизонт *возможного* и горизонт *действительного*. В потенциальном бытии существует *принцип порождения*, порождающий оператор, а в актуальном бытии – *развертывание* материализованного процесса. По-видимому, лейбницевскую *метафизическую точку* можно сопоставлять с аристотелевским понятием *δύναμις*. Это математический аналог монады или субстанции, сущность которой, по Лейбницу, – *действие*. Можно так понять Лейбница, что дифференциал d есть именно принцип порождения, генезиса; это именно *метафизическая* точка, в отличие от *математических* дифференциалов Δx , Δy . Как метафизический принцип, дифференциал d *раньше* отдельных состояний e_1 и e_2 и их сдвиг; он является оператором, порождающим *само различие* $e_1 | e_2$. В этом можно усмотреть продолжение онтологических и математических интуиций Николая Кузанского [Нечипоренко А. В., 2009].

8

Проблему *единого* и *многого* поставил Платон. Этой теме платонизма и неоплатонизма посвящена огромная литература. Не останавливаясь на этой обширной теме, отметим только,

что в диалоге «Парменид» Платона проблема не только поставлена, но и дан подход к ее решению в полноте онтологического воззрения, трансцендентального метода и диалектики. Понятие *единого сущего* т. н. первой гипотезы «Парменида» демонстрирует соотносительность элементов единства. А результат рассмотрения «первой гипотезы» гласит: существующее единое есть многое.

В немецкой классической философии понятию соотносительной определенности соответствует понятие *опосредствованного полагания*. Это понятие впервые было введено И. Г. Фихте в его *Основе общего наукоучения 1794 г. В Лекциях по наукоучению 1804 г.* Фихте выражает опосредствованное полагание оператором *Durch* («Через»): А определяется *через* В, а В определяется *через* А. Именно опосредствованное полагание, оператор *Durch* составляют первичную сущность понятия *отношения* по Фихте, а связывание обособленных отдельных производно и вторично.

В основе всех синтезов, связей и отношений в качестве их порождающего начала и трансцендентальной предпосылки лежит *фундаментальное отношение*. *Фундаментальное отношение*, согласно Фихте, это единство разделения и единства: «Двойственность в единстве, единство в двойственности ... Единение разделяет, разделение единит» [Фихте, 2008, с. 405]. При этом надо отчетливо понимать, что *фундаментальное отношение* по Фихте имеет трансцендентальную природу: оно не принадлежит ни объекту О и бытию, ни субъекту S и мышлению, но является первичным различием их как таковых. «Абсолютный свет усматривает себя совершенно так, как он есть... S и O возникают, конечно, именно потому, что он есть свет: отсюда двойственность: но оба, равным образом, потому что он есть свет, суть совершенно *то же самое*; следовательно, *тождество*, которое опять есть лишь в отношении к двойственности» [Фихте, 2008, с. 381].

Таким образом, согласно Фихте, *фундаментальное отношение* есть порождение, генезис базовых соотносительных моментов – бытия и мышления, объекта и знания об объекте; а также процесса и результата, одного и иного вообще. Отдельными и противопоставленными друг другу они становятся в результате *вторичного обособления, субъективации и объективации*.

9

С этой точки зрения интересно вернуться ко гносеологии Маха, отголосок которой можно увидеть в схеме Эйнштейна (см. п. 3). Справедливо критикуя натурализацию физиками их теоретических представлений, выражающуюся в том, что физики некритически проецируют свои модели на реальность саму по себе, Э. Мах оставался натуралистичным в собственной гносеологии: пытаясь разобраться с «элементами реальности» он (и его единомышленник Авенариус) не пошли дальше биологических аналогий адаптации и аккомодации. Также и по Эйнштейну элементы реальности *Е даны*; хотя они и имеют «теоретическую нагруженность», они мыслятся как объективные сущности, исходно противостоящие исследователю и знаниям.

Если сравнить схему науки А. Эйнштейна с представлениями Г. Галилея, то можно увидеть, что у последнего они полнее. Галилей не только признает «теоретическую нагруженность» чувственно данных явлений, но показывает, как сами факты конструируются диалоговой проблемной ситуацией столкновения понятий и онтологических картин [Жегалин В. А., 2007, с. 56-59].

9

Подводя итоги, можно сказать, что ситуация в современной физике подобна ситуации Г. Галилея. Она требует глубинной перестройки оснований. К этой перестройке мы имеем только подступы. Эта перестройка, по видимому, должна основываться на проблематизации и трансцендентальном методе в распредмечивании и переопределении базовых различий, категорий и понятий. Может быть, как это уже было в истории, перестройка затронет физику и математику в их *соотносительной определенности*.

Литература

1. Французов П.А., Нечипоренко А.В. Проблема онтологии квантовой физики // Философия науки. 2020. №2 (85).
2. Владимиров Ю.С. Реляционная картина мира. Книга 1. Реляционная концепция геометрии и классической физики. М., 2021.
3. Владимиров Ю.С. Реляционная картина мира. Книга 2. От бинарной предгеометрии микромира к геометрии и физике макромира. М., 2021.

4. Севальников А. Ю. Философский анализ онтологии квантовой теории. М., 2005
5. Эйнштейн А. Собрание научных трудов в 4 т. М., 1967. Т.4. С. 569-570.
6. Смирнов Г.А. К определению целостного идеального объекта // Системные исследования. Ежегодник. 1977. М.: «Наука», 1977. С. 61-85.
7. Смирнов Г.А. Об исходных понятиях формальной теории целостности // Системные исследования. Ежегодник. 1978. М.: «Наука», 1978. С. 53-69.
8. Смирнов Г.А. Основы формальной теории целостности (часть первая) // Системные исследования. Ежегодник. 1979. М.: «Наука», 1980. С. 91-127.
9. Нечипоренко А. В. Реконструкция онтологии Николая Кузанского с опорой на математические фрагменты // Часть I. Философия науки. №1 (40) 2009. С. 155-167. Часть II. Философия науки. №2 (41) 2009. С. 114-126.
10. Жегалин В. А. Школа мышления: Академия практического образования. М., 2007.

КЬЮБИЗМ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ КВАНТОВЫЙ РЕАЛИЗМ*

И.Е. Прись

*Доктор философии, кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт философии НАН Беларуси
E-mail: frigpr@gmail.com*

Кьюбизм (QBism) – субъективистская/феноменологическая интерпретация квантовой механики, разделяющая основные предпосылки философии модерна. Понятие относительного факта, к которому апеллирует кьюбизм, ведёт к релятивизму, а «реализм участия» не подлинный реализм, а разновидность корреляционизма. Мы предлагаем новую точку зрения – «контекстуальный квантовый реализм» (ККР), согласно которой квантовая онтология чувствительна к контексту. Мы сближаем кьюбизм и ККР, трактуя квантовую теорию как витгенштейновское правило/норму, и заменяя понятие субъективного личного опыта понятием чувственного – первичного неконцептуализированного опыта, между которым и реальностью нет никакой дистанции.

Ключевые слова: кьюбизм, квантовое состояние, относительный факт, квантовая корреляция, контекстуальный квантовый реализм

QBISM AND CONTEXTUAL QUANTUM REALISM

I.E. Pris

*PhD in Philosophy, CSc in Physical and Mathematical Sciences, Leading Researcher
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus
E-mail: frigpr@gmail.com*

QBism is a subjectivist/phenomenological interpretation of quantum mechanics that shares the basic premises of modern philosophy. The notion of a relative fact, to which QBism appeals, leads to relativism, and “participatory realism” is not a genuine realism, but a kind of correlationism. We propose a new view, “contextual quantum realism” (CQR), according to which quantum ontology is sensitive to context. We bring QBism and CQR closer by treating quantum theory as a Wittgenstein rule/norm, and by replacing the concept of the subjective personal experience with the concept of the sensible – the primary non-conceptualized experience, between which and reality there is no distance.

Keywords: QBism, quantum state, relative fact, quantum correlation, contextual quantum realism

В настоящее время популярна и широко обсуждается разновидность квантового байесианизма – кьюбизм (QBism) К. Фукса и других [1–4]. Это субъективистский/феноменологический подход. Кьюбизм трактует квантовые вероятности как субъективные вероятности, то есть степени уверенности

* Работа частично поддержана Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований (грант: Г22МС-001).

агента, что в результате «измерения», понимаемого как его взаимодействие с квантовой системой («небольшой акт творения мира»), на личном (субъективном) опыте он будет наблюдать те или иные значения квантовых физических величин. Предсказания основываются на прошлом личном опыте. Вероятности определяются правилом Борна, имеющим нормативную, а не дескриптивную, природу. Нормативную природу также имеет и квантовая теория в целом, в частности, волновая функция, оператор Гамильтона и уравнение Шрёдингера. Понятие (пассивного) наблюдателя кьюбист заменяет понятием (активного) агента, а понятие измерения не является буквальным, так как речь не идёт об измерении внешних (предопределённых) квантовых объектов. С точки зрения кьюбиста, квантовый агент оперирует не знанием, а личными убеждениями (beliefs). Первичным понятием является личный (субъективный) опыт. На этом основании кьюбизм обвиняли в солипсизме. В то же время кьюбизм сохраняет известный дуализм, признавая существование «объективного внешнего» мира и пытаясь что-то сказать о нём. В частности, кьюбизм рассматривает правило Борна как объективную характеристику реальности, общую для всех наблюдателей, и пытается вывести его из байесовских принципов. Для Фукса точка зрения третьего лица дополняет точку зрения первого лица. В то же время о «внешнем» мире кьюбизм говорит слишком мало. Вещи внешнего мира для кьюбизма оказываются чем-то вроде кантовских вещей в себе, к которым всё же имеется ограниченный доступ. Поскольку для кьюбизма квантовая теория не описание внешнего мира, а инструмент для предсказания («употребления»), некоторые критики считают, что это разновидность инструментализма.

Кьюбизм релятивизирует понятия и, в частности, понятия факта/события и волновой функции, по отношению к субъективному опыту. Это позволяет достаточно просто избавиться от философских проблем квантовой механики, которые с точки зрения кьюбизма суть псевдопроблемы. Например, редукция волновой функции трактуется не как физический «коллапс» квантового состояния, а как актуализация кодируемой ею информации о субъективных вероятностях будущих событий. Квантовая корреляция наблюдается не во внешнем объективном мире, а в рамках индивидуального опыта. Поэтому это всегда корреляция между событиями, разделёнными временно-подобным интервалом, а не нелокальный эффект или дальное действие. Кьюбизм устраняет парадокс Вигнера при помощи понятия относительного факта: Вигнер и его друг действительно могут наблюдать различные результаты измерения «одной и той же» физической величины, не противоречащие друг другу, поскольку эти результаты не абсолютны, а относительны.

Понятие относительного факта нам представляется неудовлетворительным. Факт – это то, что имеет место быть; он таков, каков он есть. Факт, что p , выражается истинным предложением « p ». Предложение « p » истинно, если и только если p . Относительность факта означала бы относительность истины. Понятие относительной истины, «истинно-с-точки-зрения», нарушает естественную «грамматику» истины. Вместо этого, мы предлагаем посмотреть на философские проблемы квантовой механики с точки зрения «контекстуального квантового реализма» (далее: ККР), который принимает во внимание чувствительность знания и онтологии (фактов) к контексту. ККР имеет своим происхождением нормативный прагматизм и контекстуализм позднего Витгенштейна [4; 5]. Это сближает ККР с квантовым прагматизмом Р. Хили, контекстуализмом А. Офев (A. Auffeves) и Ф. Гранжье, витгенштейновским терапевтическим подходом С. Фридериха и в некоторой мере с неокантианским, прагматическим и контекстуалистским подходом М. Битболя. Фундаментальным отличием между ККР и этими подходами является то, что ККР принимает в качестве первичного концепт реальности, причём в соответствии с «грамматикой» этого понятия – «реальность такова, какова она есть; это то, что есть», делает категориальное различие между идеальным (нормы, правила, концепты, теория, информация) и реальным (сами вещи, непосредственный неконцептуализированный опыт или уже концептуализированный опыт (явление) как данное). ККР трактует квантовую теорию как витгенштейновское правило (норму), которое укоренено в реальности и измеряет её, идентифицирует её элементы, свойства квантовых систем в контексте. Следствием этих положений является непредопределённость онтологии, её чувствительность к контексту [4]. Однако при фиксированном контексте факт (и истина) абсолютен. ККР избавлен от недостатков кьюбизма и позволяет устранить философские проблемы квантовой механики благодаря тому, что он отказывается от предпосылок философии модерна.

Кьюбизм сохраняет некоторые основные предпосылки философии модерна и, в частности, субъективизм, интернализм, субъект-объектную дихотомию, корреляционизм, перспективизм и понятие «внешнего мира». Эпистемическая проблема доступа к внешней реальности, с которой сталкивается кьюбизм, – проблема философии модерна. В то же время кьюбизм отвергает репрезентационализм. Волновая функция понимается эпистемически, а не онтически; она не представляет квантовую систему. Указанные предпосылки делают возможными феноменологические

трактовки кьюбизма, которые, впрочем, он сам принимает неохотно. С научным реализмом кьюбизм, очевидно, несовместим. Но К. Фукс говорит о «реализме (со)участия» или «нормативном инструментализме» [2]. «Реализм (со)участия» Фукса, утверждающий неразделимость квантового агента и квантовой системы, с которой агент взаимодействует, имеет своих предшественников (Н. Бор, П. Детуш-Феврие, М. Мерло-Понти, Дж. А. Уилер). На наш взгляд, это, скорее, разновидность субъект-объектного корреляционизма модерна (кантовская доктрина явлений, или вещей-для-нас, – пример корреляционизма), отвергающего познание самих вещей, а «нормативный структурный реализм» может рассматриваться как модификация структурализма с точки зрения кьюбизма, но, как указывает Глик, сталкивается с «проблемой основания» нормативности [2; 3].

Выход, как нам представляется, в том, чтобы заменить научный реализм, реализм (со)участия и «нормативный структурализм», имеющий сходства со стандартным инструментализмом, контекстуальным квантовым реализмом (ККР), трактующим квантовую теорию, включая волновую функцию и правило Борна, как витгенштейновское правило (в-правило), то есть правило (норму) в смысле философии позднего Витгенштейна, и заменяющим понятие личного опыта понятием первичного неконцептуализированного опыта как «ощущаемого/чувственного» (фр. *le sensible*), между которым и реальностью нет никакой дистанции. С точки зрения ККР роль «структуры» играет формулировка в-правила [4]. ККР, как и кьюбизм, содержит перспективное (*perspectival*) и нормативное измерения, которые упускает стандартный научный реализм. Принятие ККР означает отказ от феноменологического подхода кьюбизма и принятие в качестве первичного концепт реальности. В-правило укоренено в реальности (языковых играх, которыми оно управляет, действию, форме жизни), то есть имеет реальные условия своего существования и своей применимости. Поэтому «проблема основания» нормативности квантовой теории не возникает.

Теория как в-правило/норма позволяет идентифицировать элементы квантовой реальности в контексте (в соответствии с проблемой следования правилу). Вне контекста своей идентификации эти элементы реальны, но не являются (пред)определёнными, не имеют идентичности. Это означает контекстуальность онтологии, а в плане эпистемологическом принятие эпистемологии сначала-знания Т. Уильямсона, отвергающей эпистемологию сначала-опыта, на которую фактически опирается кьюбизм, и принимающей экстерналистский концепт знания, а не убеждения, в качестве первичного эпистемологического понятия [2; 6]. Эпистемология сначала-знания также отвергает субъективистский байесовский подход и предлагает перейти к понятию вероятности, основанной на очевидности, которая есть полное знание в контексте. Соответственно, наш ККР предлагает трактовать квантовые вероятности как объективные эвиденциалистские (условные на знании), а не субъективные байесовские, вероятности в смысле Уильямсона.

Ход, аналогичный нашему, делает Д. Глик. Он предлагает трактовать кьюбизм реалистически в рамках альтернативной научному реализму позиции – «перспективному (*perspectival*) нормативному реализму», который вводится по аналогии с нормативным реализмом, предложенным в области моральной философии Т. Скэнлоном: «Кьюбизм следует понимать как перспективный нормативный реализм, согласно которому квантовая теория является скорее предписывающей, чем описательной, и перспективной, а не применяемой с точки зрения Бога» [3, p. 16].

Кьюбизм – перспективистская теория. Но это перспективизм модерна, прибегающий к ложной метафоре перцептивной перспективы. Такой перспективизм ограничивает познание; перспектива как бы преграждает доступ к самой (абсолютной) вещи. Разновидностью перспективизма модерна является современный «перспективный реализм» (*perspectival realism*), который ККР отвергает. ККР принимает перспективизм лишь в том смысле, что не существует «точки зрения ниоткуда»; всякое познание ситуативно, или контекстуально. С точки зрения ККР, всякий факт абсолютен, но не автономен, определяется в контексте. Выбор перспективы – выбор формы жизни, концепта (правила, нормы) или контекста его применения. В этом смысле перспектива вездесуща и неустранима, а бесперспективное познание не имеет смысла. Но так понятая перспектива не ограничивает доступа к самим вещам, а наоборот является тем, что позволяет их познать.

Литература

1. *Fuchs C. A., Stacey B. C. QBism: Quantum Theory as a Hero's Handbook. In: Proceedings of the International School of Physics "Enrico Fermi," Course 197 – Foundations of Quantum Physics. Eds.: E. M. Raset, W. P. Schleich, S. Wölk. Italian Physical Society, 2019. P. 133–2020. URL: <https://arxiv.org/abs/1612.07308>. (дата обращения: 19.07.2021.)*

2. *Crease R. P., Sares J.* Interview with physicist Christopher Fuchs [Электронный ресурс] // *Continental Philosophy Review*. URL: <https://philpapers.org/rec/CREIWP>. (дата обращения: 19.07.2021)
3. *Glick D.* QBism and the Limits of Scientific Realism // *European Journal for Philosophy of Science*. 2021. No. 11. P. 53.
4. *Прусъ И. Е.* Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб: Алетейя, 2020. 354 с.
5. *Benoist J.* Toward a Contextual Realism. Harvard UP, 2021. 216 p.
6. *Williamson T.* Knowledge and Its Limits. Oxford UP, 2000. 352 p.

ГЕТЕНИАНСКИЕ МОТИВЫ В ФИЛОСОФИИ ФИЗИКИ В. ГЕЙЗЕНБЕРГА И ИХ СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

И.А. Рыбакова

*Соискатель ученой степени кандидата наук в области философии естественных наук
Сектор философии естественных наук
Институт философии ИФ РАН
Старший преподаватель
Российский университет дружбы народов
E-mail: irina.rybakova.88@list.ru*

Статья посвящена гетенианским мотивам в философии физики В. Гейзенберга. Эти мотивы выражены в серии его докладов, а также в его трактате под названием «Порядок действительности». В статье проводится анализ связи между структурой действительности Гете и порядком действительности Гейзенберга, и обосновывается необходимость для современной физики изучать не только классические и квантовые объекты, но и учитывать особый характер действительности, в частности, ее модальность, которая проявляется как на квантовом, так и на метафизическом уровнях. Автор отмечает связь идей Гейзенберга с идеями классической метафизики, в частности аналогия между квантовыми процессами и бытием-в-возможности Аристотеля. Делается вывод об особом значении квантовой физики для построения новой онтологии.

Ключевые слова: Гейзенберг, квантовая механика, язык науки, Гете, область действительности, модальность, Аристотель

GOETHENIAN MOTIVES IN W. HEISENBERG'S PHILOSOPHY OF PHYSICS AND THEIR MODERN INTERPRETATION

I.A. Rybakova

*Applicant for the PhD degree in Natural Sciences
Department of philosophy of Natural Sciences
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Senior Lecturer
RUDN University
E-mail: irina.rybakova.88@list.ru*

The article is devoted to Goethenian motives in W. Heisenberg's philosophy of physics. These motives are expressed in a series of his reports, as well as in his treatise entitled "Reality and its Order". The article analyzes the connection between Goethe's structure of reality and Heisenberg's order of reality and states the need for modern physics to study not only classical and quantum objects, but also consider the special nature of reality, in particular its modality, which manifests itself both in quantum and in metaphysical levels. The author notes the connection of Heisenberg's ideas with the ideas of classical metaphysics the analogy between quantum processes and Aristotle's being-in-possibility. The conclusion is made about the special significance of quantum physics for the construction of a new ontology.

Keywords: Heisenberg, quantum mechanics, the language of science, Goethe, the realm of reality, Aristotle

Гетенианские мотивы просматриваются на протяжении всего философского творчества Вернера Гейзенберга. Он обращается к философии Гете как в своих докладах, так и в книгах. Здесь имеются в виду многочисленные доклады Гейзенберга, сделанные в период с 1928 по 1939 гг. В годы войны количество докладов снизилось, здесь принципиально можно выделить лишь один: доклад в Будапеште от 5 мая 1941 года под названием «Учение о цвете Гете и Ньютона в свете современной физики». Идеи этого доклада дальше разрабатывались Гейзенбергом в 1941–1942 гг., и «основные мысли были затем использованы и развиты в философской рукописи („*Ordnung der Wirklichkeit*“), например, последний доклад содержит цитату из сказки о том, сколько длится вечность» [1, S. 19]. Эта рукопись долгое время фигурировала в различных изданиях как «Рукопись 1942 года». Как пишет Г. Рехенберг в предисловии к мюнхенскому изданию 1989 года: «Гейзенберг почитал Гёте уже в ранней юности. Когда он в 1925 году ездил на остров Гельголанд – чтобы вылечить сенную лихорадку и заодно открыть для себя квантовую механику, – «Западно-восточный диван» лежал у него в багаже. Впоследствии у Гейзенберга в библиотеке было полное собрание сочинений поэта; он прочитывал крупные романы так же тщательно, как и все пьесы; он знал Фауста и многие стихи (наизусть), и беседы с Экерманом; в семье декламировали различные версии «Итальянского путешествия». «Гёте сопровождал его на протяжении всей жизни» (Э. Гейзенберг)» [1, S. 20–21]. Помимо этого, Рехенберг приводит воспоминание жены Гейзенберга о том, что «рукопись была написана в кругу семьи» [1, S. 20–21] до их отъезда в Урфельд осенью 1942 года, что однозначно указывает на время завершения написания трактата, а также объясняет его изначальное название – «Рукопись 1942 года».

С одной стороны, увлечение поэзией Гете сыграло свою огромную роль, с другой – тот факт, что Гете, несомненно, был естествоиспытателем, пусть и не профессиональным, и при этом охватывал в своих исследованиях обширные области действительности, интересует Гейзенберга едва ли не больше, чем творчество поэта. Сравнение двух систем, двух учений о цвете (Гете и Ньютона) происходит, прежде всего, относительно физики, но Гейзенберг переносит свои выводы из этого сравнения и на другие системы: «Насколько могли противоречить друг другу в конкретных выводах разные «закрытые» физические теории (в том числе и те, у которых был общий предмет исследования, как у классической и квантовой механики) – настолько же это могло быть верно и в отношении иных систем» [1, S. 21]. И все же эти противоречия не являются принципиальными, поскольку разные системы в физике и в других науках оперируют разными понятиями: «В самом деле, не имело никакого смысла принципиально выяснять, чье учение истинное: в случае учения Ньютона и Гёте о цвете следует вести речь просто о разных «описательных плоскостях», то есть разных «порядках действительности»» [1, S. 21]. Трактат «Порядок действительности» выстроен следующим образом. Он состоит из трех частей, первые две из них разбиты на главы, последняя, самая короткая, является одновременно и отдельным параграфом, и заключением, подводя своеобразный итог размышлениям Гейзенберга.

Первая часть состоит из трех глав, она освещает основные понятия, которые будут использоваться Гейзенбергом на протяжении всего трактата. Каждая глава посвящена отдельному понятию, а также их взаимосвязям:

- «Различные области действительности» (I.1)
- «Язык» (I.2)
- «Порядок» (I.3)

Для обозначения «областей» или «слоев» действительности Гейзенберг использует слово «*Bereich*». Важно, что один и тот же объект у Гейзенберга может быть описан из разных областей действительности, с использованием соответствующих этим областям понятий. На данный момент целесообразно говорить о различных «модусах» действительности, однако в статье мы будем опираться на терминологию Гейзенберга, прежде всего потому, что под областью действительности может также пониматься область знания или применения какого-либо понятия.

Во второй части, после вводной главы (II.1), повествующей о гетевском поэтическом порядке областей действительности, который вдохновил Гейзенберга на это исследование, выстраивается схема порядка действительности. Приведем отрывок из дополнений к гетевскому учению о цвете:

«Все действия любого рода, которые мы наблюдаем в опыте, постоянно пребывают во взаимосвязи и переходят друг в друга; они бугрятся волнами от первого до последнего. То, что их разделяют, противопоставляют и смешивают – неизбежно. Однако из-за этого в науке обязан был возникнуть бесконечный спор. Застывшая, разделяющая педантичность и уходящий в прошлое мистицизм одинаково приносят несчастья. Но все действия, от совершенно заурядных до высших, от кирпича, падающего с крыши, до сияющего духовного взора, который у тебя открывается и которым ты делишься, – все они находятся в одном ряду. Мы пытаемся это выразить:

Случайно,
Механически,
Физически,
Химически,
Органически,
Психически,
Этически,
Религиозно,
Гениально» [2, S. 505].

У Гейзенберга таких областей шесть, они выстраиваются от самой нижней области:

- «Классическая физика» (II.2)
- «Химия» (II.3)
- «Органическая жизнь» (II.4)
- «Сознание» (II.5)
- «Символ и образ» (II.6)
- «Творческие силы» (II.7)

Здесь же следует отметить, что Гейзенберг придает этим областям свойство простирается от объективной к субъективной (творческие силы), при этом он предостерегает: «Нельзя ложно понимать слово «субъективный» так, словно в высших областях речь пойдет отчасти о ситуациях, которые существуют лишь для наших чувств или для определенных людей, или же о какой-либо воображаемой реальности. Слово «субъективный» ни в коем случае не мыслится как чистая видимость. Напротив, каждая из этих областей по большей части содержит взаимосвязи, которые можно полностью объективировать. Это слово лишь указывать на то, что при полноценном описании взаимосвязей какой-либо области, вероятно, не получится абстрагироваться от того, что мы сами вплетены в эти взаимосвязи» [3, S. 58]. Мотив «вплетенности» человека во взаимосвязи областей действительности имеет своим источником все тот же гетевский подход к естествознанию, который Гейзенберг позднее озвучит в своем докладе в Веймаре в 1967 году «Картина природы у Гете и научно-технический мир»: «Гете неуклонно исходит от человека; при этом именно человек и его непосредственное переживание природы образуют то средоточие, которое связывает все явления в осмысленный порядок. Это верная формулировка, и она позволяет с особой ясностью понять серьезное различие в подходах Гете и Ньютона к природе. Тем не менее она упускает из виду одно весьма существенное обстоятельство, а именно то, что, по убеждению Гете, для человека в природе зримо проступают черты божественного порядка» [4, с. 315]. Как будет показано далее, эти идеи Гете не чужды и самому Гейзенбергу. Его «творческие силы» напрямую связаны с «божественным порядком», это воплощение той светлой сферы, «присутствие которой в природе умел распознать Гете, – эта сфера стала зримой и в современном естествознании, а именно там, где оно свидетельствует о едином мировом порядке» [4, с. 322].

Если мы отталкиваемся от понятия «центрального порядка» как ключевого, на котором основано мироздание, мы приходим к необходимости нового переосмысления философских оснований таких наук, как физика, биология, психология, и формулировке новых философских принципов современных наук, в том числе метафизических. тема модальности имплицирована в серию статей и докладов Гейзенберга, посвященных естествознанию, на протяжении более чем тридцати лет. Гейзенберг настаивал не только на взаимосвязанности всех компонентов и уровней действительности, но и на принципиальном отличии процессов микромира от процессов макромира, и в главном исследуемом трактате – «Порядке действительности» – он прямо указывал на инаковость квантовых процессов по отношению к макропроцессам: «Законы квантовой теории имеют примерно следующую форму: «состояние» атомарной системы может быть описано с помощью конкретных «величин состояния» или «функций состояния». Эти величины, однако, не отображают непосредственно какой-либо процесс или ситуацию в пространстве и времени, как это происходит в классической механике. Это не просто координаты и скорости частиц, характеризующие какое-либо состояние. Эти величины определенным образом родственны понятию температуры, поскольку они, в общем и целом, лишь дают нам справку о том, с какой *вероятностью* можно ожидать у элементарных частиц конкретные значения координат и скоростей, если предпринять наблюдение этих величин» [3, S. 82]. Это, а также неоднократное упоминание в работах Гейзенберга аристотелевского бытия-в-возможности как философской категории, вышедшее в современной Гейзенбергу науке на передний план, указывает на неразрывную

связь его философской мысли и идеи многомодусности бытия: «Понятие возможности, игравшее столь существенную роль в философии Аристотеля, в современной физике вновь выдвинулось на центральное место. Математические законы квантовой теории вполне можно считать количественной формулировкой аристотелевского понятия «*δυναμис*» или «потенция»» [5, с. 223].

Стоит отметить, что высказанные в ходе статьи идеи требуют дальнейшей разработки. Во-первых, выводы, полученные при обсуждении тезиса инаковости квантовых процессов, могут быть использованы для прояснения структуры бытия в рамках метафизических дебатов. Во-вторых, более тщательной проработки требует идея построения принципиально новой онтологии с учетом идей Гейзенберга и современных концепций. Квантовые явления предстают в качестве плодотворной почвы для обнаружения и исследования глубинных взаимосвязей, а именно: прояснения и обоснования роли времени в становлении сущего.

Литература

1. *Rechenberg H.* Einleitung // Heisenberg W. Ordnung der Wirklichkeit. München: Piper, 1989. S. 7-27.
2. *Goethe W.* Goethes sämtliche Werte in 45 Bänden. B. 35: Berlin, 1927. 737 S.
3. *Heisenberg W.* Ordnung der Wirklichkeit. München: Piper, 1989. 175 S.
4. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
5. *Гейзенберг В.* (1901–1976). Физика и философия. Часть и целое / Пер. с нем.; сост. А.В. Ахутин; под ред. Н.Ф. Овчинникова. М.: Наука, 1989. 400 с.

КВАНТОВЫЙ РАЗРЫВ

А.Ю. Севальников

Доктор философских наук, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: sevalnicov@rambler.ru

В современной квантовой физике подтвердилось и утверждено понятие квантового реализма - квантовые объекты существуют радикально, отличаясь в своем существовании от классических объектов. Эта «инаковость» двух модусов схватывается не только в физике, но и в математике и метафизике. С точки зрения математики КМ описывается полем комплексных чисел, а классическая физика вещественными. В философии квантовые объекты связаны с модусом бытия возможного, а обычные вещи с бытием актуальным. Со всех точек зрения существует «инаковость» двух модусов бытия. Встает вопрос, каким образом возможное переходит в действительное? Утверждается, что такой переход связан с понятием «самоотрицания», когда возможное переходит в актуальное, как нечто радикально иное. Между ними существует «онтологический разрыв», который связан с принципиально неопикуемой редукцией волновой функции, и видимым «случайным» появлением единичных квантовых событий.

Ключевые слова: квантовая механика, метафизика, математика, комплекснозначность, модальность, онтологический разрыв, самоотрицание, событие

THE QUANTUM GAP

A.Yu. Sevalnikov

DSc in Philosophy

Institute of Philosophy, Main Research Fellow of the Department of Philosophy of Natural Sciences

RAS Institute of Philosophy

E-mail: sevalnicov@rambler.ru

In modern quantum physics, the concept of quantum realism has been confirmed and approved - quantum objects exist radically differing in their existence from classical objects. This "otherness" of the two modes is grasped not only in physics, but also in mathematics and metaphysics. From the point of view of mathematics, KM is described by a field of complex numbers, and classical physics by real numbers. In philosophy, quantum objects are associated

with the mode of being possible, and ordinary things with being actual. From all points of view, there is an "otherness" of the two modes of being. The question arises, how does the possible turn into the real? It is argued that such a transition is associated with the concept of "self-negation", when the possible turns into the actual, as something radically different. There is an "ontological gap" between them, which is associated with a fundamentally indescribable reduction of the wave function, and the apparent "random" occurrence of single quantum events.

Keywords: quantum mechanics, metaphysics, mathematics, complexity, modality, ontological gap, self-negation, event

Свою работу я хотел бы начать с воспоминаний Ю.И. Кулакова о своей первой встрече с академиком И.Е. Таммом. Перед этим им была написана его первая работа по теоретической физике «О квантовом обобщении уравнений классической механики». В ней он самостоятельно проделал хорошо известную процедуру, когда уравнение Шрёдингера для комплекснозначной волновой функции сводится к двум вещественным. Вскоре после окончания работы над статьей, он от своего друга узнал, что аналогичная работа была сделана американским физиком-теоретиком Д. Бомом и опубликована в журнале *Physical Review*. По воспоминаниям самого Кулакова, это известие прогремело для него, как гром среди ясного неба и он с ней перестал связывать какие-либо надежды. Оказалось, что зря. Позднее его работа заинтересовала профессора Я.П. Терлецкого в МГУ, и он взял его к себе аспирантуру. Вскоре после этого он показал эту же работу и академику И.Е. Тамму. И здесь оказалась крайне интересной реакция Тамма на его работу, которая имеет самое прямое отношение к нашей тематике. Когда «Тамм прочитал внимательно первые страницы моей работы. Остальные он бегло пролистал и сказал, что охотно возьмёт меня к себе, если я перестану заниматься такой ерундой. Всё предложенное в моей работе, по убеждению Тамма, означало тупик и конец теоретической физики. Потом он объяснил, что в работе произошла процедура «гильотинирования», когда «голова» отрубается от «туловища». «Голова» и «туловище» рассматриваются по отдельности. Речь шла о комплексных числах, которые выражают более глубокую сущность, чем их вещественная и мнимая часть. Их следует рассматривать как единое целое, что и стало основой моей последующей деятельности. Мир ни в коем случае нельзя разделять на части. При рассмотрении квантовой реальности необходимо оставаться на уровне комплексных, гильбертовых пространств... Тамм произвел на меня впечатление человека, глубоко понимавшего самую сущность физики и смотревшего на несколько шагов вперёд» [1, с.314]. После этого Кулаков перешел в аспирантуру к И.Е. Тамму. Хотя там он и решал частную задачу, его учитель ставил перед ним более грандиозную цель – поиск единого языка описания физической реальности. Это была эпоха конца 50-х годов прошлого века. Физика того времени, после «золотого века» начала – первой половины XX века, пребывала в депрессии. Продвижению вперед препятствовало отсутствие принципиально новых идей. И.Е. Тамм обратил внимание молодого аспиранта на философию: «Игорь Евгеньевич говорил мне: «"Если Вы хотите стать настоящим физиком, а не высококвалифицированным ремесленником, Вы не должны исключать возможности существования иных форм реальности, отличных от формы существования материальной действительности. Вы должны внимательно изучать авторов, не входящих в список обязательной литературы, предлагаемый официальной философией, и, прежде всего, русских философов Бердяева, Лосского, Франка, Соловьёва, Евгения и Сергея Трубецких. Они о многом догадывались, хотя и не могли сформулировать свою идею всеединства на строгом языке математики. Попробуйте, может быть, Вам удастся это сделать"»» [1, с.316]. Тамм говорит здесь о строгом языке математики, и он высказывает одну очень важную принципиальную мысль. Создавая различные модели взаимодействий, мы навязываем природе наш собственный «человеческий» язык. Но природа не понимает нашего языка, и диалога не получается. «Поэтому наша первейшая задача, - говорил Тамм, - научиться слушать природу, чтобы понять её язык». Но где он, этот язык? В чём? Он в законах. В законе Ньютона, в уравнениях Максвелла, в евклидовой геометрии, в законах квантовой механики. Все эти законы «написаны» на некотором едином языке. Так впервые, в конце 1960 года, была поставлена совершенно необычная задача – найти универсальный язык, на котором написаны все фундаментальные физические законы, и, опираясь на него, пересмотреть и переосмыслить основания и всей физики» [1, с.315]. Фактически задача была поставлена очень необычная – найти такого рода *метаязык*, на основании которого могла бы быть перестроена вся современная физика. Необходимо отдать должное широте кругозора и творческой интуиции Тамма. Его интерес к основополагающей идеи русской религиозной философии, а именно концепции всеединства, трансформировался в идею создания нового универсального языка, на основе которого можно было бы «пересмотреть и переосмыслить основания всей физики». Кулаков подхватывает эти идеи, и где-то десять лет спустя

появилась его «Теория физических структур». К сожалению, в то время только лишь один Тамм высоко оценил достоинства этой работы. Существует целый ряд причин, почему эта теория осталась практически незамеченной. За неимением места мы не будем на этом останавливаться. Отмечу лишь единственный фактор: часто указывается, что увлечение Кулаковым философией неоплатонизма было одним из главных препятствий, или даже, скорее тем, что отталкивало физиков в принятии теории физических структур. Это не удивительно, что тот кризис теоретической физики, о котором упоминалось выше, связан напрямую с наступившем временем прагматизма, когда наиболее актуальным стал лозунг: «Заткнись и считай!». Именно это обстоятельство уже и отмечал И.Е. Тамм в своей рецензии на первую работу Кулакова. Идеи же Ю.И. Кулакова связаны в большей степени именно с философией, но не неоплатонизма, а пифагореизма, связанного с поиском мировой гармонии и единства мира, которая отображается в математических структурах.

Вторая часть нашей работы и будет посвящена одному аспекта такого рода связи между математикой и философией. Уже выше об этом шла речь, когда мы говорили о попытке сведения Кулаковым в своей первой работе комплекснозначного уравнения Шрёдингера к двум вещественным уравнениям. Напомню, что Тамм, ознакомившись с работой Кулакова, призвал его «не заниматься ерундой» и указал на то, что попытка раздельного рассмотрения вещественной и мнимой части комплексного числа, есть не что иное как «гильотинирование» и «конец теоретической физики». Вообще, эта проблема имеет три аспекта. Первый связан с математическим описанием реальности, второй с эмпирическим уровнем и третий с философским, таким описанием реальности, который позволяет целостным и непротиворечивым образом описать эту реальность. В свою очередь каждый из них распадается на несколько других. Мы их в данной работе лишь кратко обозначим, акцентируя свое внимание только на третьем аспекте проблемы, являющимся для нас наиважнейшим.

В первом аспекте мы выделим лишь одну проблему, а скорее даже вопрос – почему квантово-механические амплитуды вероятностей, как и соответствующие операторы состояний, описываются именно комплексными числами? Интересно, что именно этим вопросом в середине 50-х годов XX века задается Вайцзеккер, который также занялся поиском единых оснований физики, и который также, но чуть позже Тамма и Кулакова, ставил вопрос о метаязыке, или как он говорил «теории всех теорий». Я не буду останавливаться на деталях хода мысли Вайцзеккера, они были изложены в ряде предшествующих работ. Отмечу два существенных пункта его рассуждений. Первое, он выделяет сущностный характер времени, выделяет форму будущего времени и связь ее с «открытостью», или возможностью. Далее, он говорит о наиболее фундаментальном уровне квантовой механики, и показывает, правда только принципиальным образом, как из понятия «первоальтернативы», т. е. по сути наиболее простой квантовой суперпозиции двух состояний, можно выстроить фундамент всей теоретической физики. При этом он отмечает одну проблему, которую, по его собственному признанию, он не смог разрешить. Понятие классическое вероятности связано с полем действительных чисел, квантовая же механика оперирует с понятием «амплитуды вероятностей», квадрат которой и дает уже обычную вероятность события. Он указывает, что ни известная ему математика, ни физика, ни логика и метафизика, к которым он обращается, также не могут дать ему обоснования введения комплекснозначной «первоальтернативы». Есть и вторая сторона этого вопроса, которую Вайцзеккер также рассматривает. Даже если мы вводим комплексные числа, необходимо обосновать обратный переход от комплекснозначности к полю действительных чисел. Именно эта проблема и возникает в теории измерений. Отсюда мы можем выйти уже на эмпирический уровень проблемы. Измерение является частным случаем «квантового события», которые, собственно, в неизмеримом количестве и задают нам наблюдаемый, обычный мир, который уже описывается классической физикой. Тут возникает две проблемы – проблема существования «редукции волновой функции» и вторая проблема, наиболее сложная, которая, по нашему мнению, никак не может быть разрешена в рамках стандартного подхода к квантовой теории. Речь идет о неоспоримым «случайном» характере единичного квантового явления, которое, уже как целое, складывается в некоторое необходимое и закономерное явление. Приведу лишь два простых примера. В двухщелевом эксперименте попадание единичного фотона на экран носит случайный характер, но общая картина всегда сводится к интерференционной картинке, которая описывается уже квантовой теорией. Другой пример – распад радиоактивного элемента. Распад конкретного, выбранного ядра всегда также носит видимый случайный характер, но уран всегда превращается при распаде в свинец, а не какой-нибудь иной элемент, причем имеет четкий период полураспада, который может быть опять рассчитан. Вот тут мы выходим на главную для нас проблему – поиска адекватного метафизического языка для непротиворечивого описания данного круга проблем. Раньше мы всегда указывали на необходимость введения понятия бытия при описании квантовых явлений, теперь встает проблема описания перехода

потенциального в актуальное. Мы указывали, что потенциальное в актуальное переходит совершенно особым образом. Это не описывается ни в рамках понятия эволюции, эманации, какого-либо саморазвертывания возможности. Говоря языком философии, акт перехода возможного в действительное не есть акт самополагания или самоопределения. Это является нечто принципиально иным, переход возможного в действительное в КМ является актом «самоотрицания». Волновая функция в КМ является принципиально «иным» по отношению к наблюдаемой реальности. Первая описывается комплексными числами, последняя вещественными. Это два разных онтологических модуса реальности. Между ними существует онтологический скачок, разрыв, который никак не может быть описан, с чем и связана т.н. «редукция ВФ». Пятно на экране от фотона принадлежит принципиально иному модусу действительности, нежели чем существование фотона до его попадания на экран. Оставаясь в рамках бытия явленного, вы не можете показать причину попадания фотона в то или иное место экрана. «Инобытие» фотона по отношению к наблюдаемому, «разрыв» двух этих модусов, с точки зрения бытия актуального, не дает причины появления фотона в конкретном месте. Именно поэтому этот акт всегда выглядит как «случайный», не имеющий причины в наблюдаемом. Его причина отнесена к модусу инобытия. Аккуратное рассмотрение всей этой проблематики далеко выходит за рамки этой маленькой работы. Укажем, что лишь введение триады «необходимое–возможное–действительное», может дать искомый понятийный аппарат для описания природных явлений. На наш взгляд наиболее актуально описание такого рода действительности отражено лишь в философии Гегеля, с его диалектикой «случайного–необходимого» и понятием «отрицания отрицания».

Литература

1. Юрий Иванович Кулаков в воспоминаниях родных, друзей, коллег и учеников М.: Новый Хронограф, 2022. - 544 с.

КВАНТОВО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В СУБСТАНЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

А.Н. Спаськов

*Кандидат философских наук, заведующий Центром
Институт философии Национальной академии наук Беларуси
E-mail: a.spaskov@gmail.com*

В статье обсуждается мировоззренческая ситуация в современном естествознании, связанная с последними открытиями в космологии и квантовой физике и проблемой поиска квантовой онтологии и онтологии сознания. Предлагается квантово-информационный подход к формулировке онтологических принципов. Определяется концептуальный базис субстанциально-информационной онтологии, включающий в себя понятия субстанции, информации и хронотопса (фундаментальный носитель информации). Рассматривается модель возникновения и эволюции Вселенной, как результат квантового наблюдения или соучастия материи и сознания в процессе их коэволюции. Все процессы взаимодействий и взаимопревращений элементарных частиц интерпретируются как метаболическим процессы жизнедеятельности, включающие обмен элементарными формами материи (физическое тело частицы), энергии и информации.

Ключевые слова: субстанция; информация; хронотопс; онтология; квантовое наблюдение, преджизнь, предсознание; квантовое поведение

QUANTUM INFORMATION APPROACH IN SUBSTANTIAL ONTOLOGY

A.N. Spaskov

*CSc in Philosophy, Head of the Center
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus
E-mail: a.spaskov@gmail.com*

The article discusses the philosophical situation in modern natural science associated with the latest discoveries in cosmology and quantum physics and the problem of finding quantum

ontology and ontology of consciousness. An quantum informational approach to the formulation of ontological principles is proposed. The conceptual basis of the substantial information ontology is determined, which includes the concepts of substance, information and chronotopos (the fundamental information carrier). The model of the emergence and evolution of the Universe is considered, as a result of quantum observation or complicity of matter and consciousness in the process of their co-evolution. All processes of interactions and interconversions of elementary particles are interpreted as metabolic processes of life, including the exchange of elementary forms of matter (the physical body of a particle), energy and information.

Keywords: substance; information; chronotopos; ontology; quantum observation, prelife, preconsciousness; quantum behavior

Открытие темной материи и темной энергии в современной космологии привело к совершенно новой мировоззренческой ситуации в научной картине мира. Не оправдались надежды на построение «окончательной теории» на основе Стандартной модели элементарных частиц. Революционное значение имеет открытие нелокальности и голографического принципа. Эти и другие открытия последних лет, а также проблемы поиска квантовой онтологии и онтологии сознания ставят вопрос об онтологических основаниях современного естествознания.

Логика нашего подхода к формулировке онтологических принципов основана на субстанциальном принципе монизма. Согласно этому принципу, все многообразие объективного и субъективного мира, бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое возникает из единого основания, которое мы называем субстанцией.

Субстанция – это единое основание всего существующего в реальности многообразия, самодостаточная и активно действующая причина порождающая субъект и объект, пространство и время, материю и сознание, объективную реальность и ее субъективное представление, генератор информационного многообразия и изменчивости. Это – метафизическое понятие, выражающее собой предварительную мировоззренческую установку, согласно которой необходимо должно быть единое основание всего существующего многообразия и необходимо должна быть единая причина всего возникающего многообразия. Это метафизическое основание соответствует неverifiedируемому эмпирически уровню теоретического знания, взятому как логическая предпосылка и необходимое условие физической онтологии.

Из понятия субстанции, которая недоступна никакому наблюдению, но является источником самой способности наблюдения и всего многообразия наблюдаемых феноменов, логически следует определение информации:

Информация – мера разнообразия, которое генерируется субстанцией, динамически проявляется в феноменальном мире в результате квантового наблюдения, которое заключается в раздвоении единого и поляризации первичного единства на взаимно комплементарные субъект (внутреннее психическое, идеальное) и объект (внешнее физическое, материальное) и отображается в хронотопе в виде активного действия как статическое состояние (запись) структурно упорядоченной системы квантовых состояний, выраженная на языке двоичного информационного кода.

Для характеристики фундаментального носителя информации, являющегося атрибутом психики и имеющего форму расслоенного времени, вводится понятие хронотопоса:

Хронотопос – потенциальное дискретно-непрерывное многообразие, представляющее форму существования материи и необходимый атрибут психики, имеющее структуру расслоенного пространства-времени, которое может изменяться под действием субстанции, равным физическому действию, выраженному в планковских единицах и может быть в двух квантовых состояниях, которые условно можно назвать позитивным и негативным, соответствующих фундаментальному двоичному информационному коду.

Но сама психика необходимо должна иметь собственное онтологическое основание, которое заключается в ее субстанциальной природе. Мы исходим при этом из онтологии, которая впервые была сформулирована в монадологии Лейбница и получила дальнейшее развитие в метафизике Н.О. Лосского. Следуя этой традиции, мы вводим понятие активного наблюдателя, обладающего сознанием, как субъекта, способного воспринимать информацию, распознавать ее в соответствии с заложенным в ней смыслом и строить, в соответствии с полученным знанием, собственную деятельность.

Таким образом, мы получаем логически замкнутую систему базовых понятий субстанциально-информационной онтологии: «источник информации (субстанция) – информация – носитель информации (хронотопос) – приемник информации (наблюдатель, обладающий сознанием) – носитель

смысла и источник новой информации, полученной на основе переработки воспринятой из внешнего мира информации и собственной творческой деятельности (это – уже не просто наблюдатель, а активный субъект или «субстанциальный деятель» в терминологии Н.О. Лосского).

Принципиальное отличие новой онтологии пространства-времени (хронотопоса) от традиционного представления о пространстве и времени как пустого вместилища тел (или полей) и событий заключается в том, что мы рассматриваем пространство и время в нераздельном единстве с телами и событиями. Их нельзя отделить друг от друга физически и невозможно представить изолированные тела и события, абсолютно свободные от пространственно-временной локализации. Это значит, что нет двух независимых сущностей – протяженного тела и места, занимаемого им в пространстве, длящегося события и длительности во времени, в продолжении которой это событие длится, а есть единая сущность в различных состояниях. То есть нет независимых друг от друга самодостаточных субстанций – тела и места, занимаемого им, а есть единая субстанция – хронотопос и его локальное состояние, которое ассоциируется с телом. Таким образом, тела и поля существуют не на фоне пустого пространства, а как локальное состояние хронотопоса. Иначе говоря, и пустое место и тело – это два разных состояния единой сущности – хронотопоса.

Хронотопос можно определить, как некоторый квантово-информационный аналог материального эфира. Предельной онтологической сущностью здесь обладает не материя, вместилищем которой является пустое пространство, а информация, носителем которой является хронотопос. Таким образом мы, в соответствии с принципом бритвы Оккамы не умножаем сущности, а наоборот, вместо двух независимых сущностей – пространства и тела вводим единую сущность – хронотопос, разные локализованные состояния которого соответствуют различным телам и полям. То же самое можно сказать и о событиях с длительностью. Пустая длительность и длящееся событие – это два разных динамических состояния единой сущности – хронотопоса.

Элементарные частицы в субстанциально-информационной концепции являются квантовыми субъектами-объектами и обладают, в соответствии с принципом психофизического единства, элементарной психикой и элементарным физическим телом. Квантовую психику можно описать с помощью волновой функции (по случайному совпадению она так и называется – пси-функцией) и она включает в себя элементарные ментальные модели объективного физического мира и проявляется в физическом мире как квантовое поведение элементарных частиц.

Для математического описания элементарной психики мы вводим понятие «фрейм сознания», которое является модификацией волновой функции, представленной в дискретном расслоенном квантовом времени. Для описания элементарных ментальных состояний вводится понятие единого квантового состояния, когда психическое и физическое состояния еще не дифференцированы и находятся в состоянии психофизического единства, в соответствии с принципом тождества бытия и мышления. Это состояние мы условно обозначаем серым цветом или числом 0.

В результате внутренне присущей субстанциальной активности квантовых субъектов и внешним воздействиям других квантовых субъектов, вступающих с ними в процессы взаимодействия, происходит поляризация единства и возникает два противоположных ментальных состояния, которые условно можно назвать позитивным и негативным или состоянием и антисостоянием частицы. Эти состояния нелокально связаны и характеризуют квантовую спутанность элементарного субъекта и объекта в виде комплементарных состояний, соответствующих объективному образу одной из взаимодействующих частиц и его субъективному представлению в элементарном восприятии другой частицы и наоборот, подобно тому, как негатив на фотопленке комплементарно связан с позитивом, проявленном на фотографии. Эти состояния условно можно обозначить черным и белым цветом или числами -1 и +1.

Таким образом, мы получаем 3-значный информационный код, с помощью которого можно описать различные состояния и процессы взаимодействия элементарных частиц.

Квантовое тело элементарной частицы возникает и локализуется в определенном времени и пространстве как собственное значение волновой функции и проявляется как объективный образ одной квантовой частицы в субъективном представлении другой частицы в результате их взаимодействия. Таким образом, все процессы взаимодействий и взаимопревращений элементарных частиц можно интерпретировать как процессы жизнедеятельности элементарных живых существ, которые поддерживают свое собственное существование и существование квантовой системы, состоящей из квантовых элементарных существ, благодаря метаболическим процессам, включающим обмен элементарными формами материи (физическое тело частицы), энергии и информации.

Таким образом, элементарные частицы можно рассматривать как самые первые и примитивные формы преджизни и предсознания. Такому пониманию элементарных частиц, как квантовых

субъектов-объектов, наделенных простейшей жизнью и сознанием соответствует понятие монады Лейбница и субстанциального деятеля Н.О. Лосского. В соответствии с нашей концепцией, возрастание сложности физического тела и психики элементарных монад происходит в результате их синергетического взаимодействия и взаимной коэволюции их психической и физической организации, квантового поведения и физической структуры от элементарных частиц до атомов, от атомов до молекул и т.д., в соответствии с разными уровнями организации жизни и сознания.

ВТОРАЯ КВАНТОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ*

В.Э. Терехович

*Кандидат философских наук, доцент Школы философии и культурологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: v.terekhovich@gmail.com*

В последнее десятилетие в обиход вошел термин «вторая квантовая революция». Его стали использовать для отличия от первой квантовой революции в экспериментальной физике и технологиях, когда ученые научились манипулировать не только атомами, группами частиц и их наблюдаемыми свойствами, но и индивидуальными квантовыми объектами в состоянии суперпозиции, а также сложными системами в запутанном состоянии. В статье показано, что дискуссии о реальности квантовых состояний тесно связаны с философской дискуссией о форме существования возможных объектов и возможных миров. Утверждается, что ключевую роль в подготовке второй квантовой революции сыграли многочисленные попытки экспериментальной проверки онтологических утверждений о реальности возможных состояний квантовых объектов и о процессе их превращения в актуальные классические объекты.

Ключевые слова: вторая квантовая революция, модальная метафизика, интерпретации квантовой механики, квантовый реализм, возможные миры, пессимизм

THE SECOND QUANTUM REVOLUTION AND THE REALITY OF POSSIBLE WORLDS**

V.E. Terekhovich

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the School of Philosophy and Cultural Studies
Higher School of Economics
E-mail: v.terekhovich@gmail.com*

In the last decade, the term “second quantum revolution” has come into use. Unlike the first quantum revolution in experimental physics and technology, today scientists have learned to manipulate not only atoms, groups of particles and their observable properties, but also individual quantum objects in a state of superposition, as well as complex systems in an entangled state. The article shows that discussions about the reality of quantum states are closely related to the philosophical discussion about the form of existence of possible objects and possible worlds. It is argued that numerous attempts to experimentally verify ontological statements about the reality of possible states of quantum objects and the process of their transformation into actual classical objects played a key role in the preparation of the second quantum revolution.

Keywords: second quantum revolution, modal metaphysics, interpretations of quantum mechanics, quantum realism, possible worlds, possibilism

Широко распространено мнение, что любой объект по определению является объектом актуальным, а возможные объекты не существуют. Но, оказывается, не все так однозначно, а проблемы существования возможных вещей, событий, а также возможных миров остаются одной из центральных тем в метафизике [1, 7]. С другой стороны, в ряде интерпретаций квантовой теории состояния (истории) квантовых частиц или конфигурации квантовых полей рассматриваются как возможные или потенциальные [3]. Причина в том, что метафизическая модель разделения на миры возможностей

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00450).

** The research was supported by RSF (project No. 22-18-00450).

и мир актуальный существенно облегчает разговор о квантовых явлениях. Квантовую вероятность удобнее относить не к множеству совершившихся актуальных событий, как в статистической физике, а к возможным будущим исходам эволюции одиночного объекта. При рассмотрении суперпозиции альтернативных, а значит несовместимых в классическом мире состояний, удобнее называть их возможными состояниями. В целом квантовый мир (миры) удобно представлять как наборы возможных состояний (историй) квантовых объектов, тогда как мир классических объектов и однозначно необходимых законов удобно называть актуальным. Подобное разделение позволяет ослабить остроту противоречий квантовых явлений с классическими представлениями о природе.

Как и в философии, различные взгляды на онтологическую природу квантовых объектов можно разместить на шкале между двумя крайними позициями. С точки зрения антиреалистического подхода, возможные состояния (истории) квантовых объектов существуют только в моделях и формулах. Они выведены из опыта для теоретического изучения актуального мира, а значит, не имеют независимого существования. В философском анализе возможных миров такой подход сочетается с актуализмом, отрицающим любую степень реальности возможных миров и возможностей. Предполагается, что они существуют в нашем сознании как фикции или абстрактные теоретические построения, созданные внутри актуального мира. Существует один актуальный классический мир, а квантовые возможные миры – это лишь совокупность возможных состояний (историй) квантовых объектов, которые потенциально содержатся в состояниях классических объектов.

Реалистический подход, наоборот, подразумевает, что возможные состояния (истории) квантовых объектов существуют независимо от нашего разума. В философском анализе возможных миров такой подход сочетается с possibiliзмом, для которого возможные объекты и возможные миры обладают бытием в онтологическом смысле, так что некоторые из них могли бы существовать в классическом физическом мире. С этой точки зрения квантовый возможный мир представляет собой онтологическую совокупность потенциальных состояний (историй) квантовых объектов, которые актуально еще не актуализировались в классическом мире. Таким образом, квантовые системы принадлежат к области потенциального бытия, а классические – к области актуального существования. Обе сферы реальности существуют как бы «параллельно», непрерывно переходя друг в друга. Важно отметить, что большинство современных интерпретаций подразумевают ту или иную степень существования квантовых возможностей.

Вопреки распространённому мнению, революционные изменения в науке необязательно связаны со сменой всей парадигмы. Например, Н.И. Кузнецова и М.А. Розов выделяют четыре типа научных революций [2, с. 60-81]. Первый тип связан с появлением новых фундаментальных теоретических концепций. Второй – с разработкой или заимствованием новых методов исследований, которые часто приводят к смене проблем и стандартов научной работы. Третий тип вызван открытием новых объектов и явлений исследования, формирующих новый мир. Четвертый – изменением в стиле мышления, благодаря формированию новых методологических программ. Можно показать, что вторая квантовая революция [6] в данной классификации тесно связана со вторым и третьим типами научных революций.

В ходе первой квантовой революции в 30-40-х годах прошлого века основным объектом исследования и технического манипулирования были молекулы, атомы, группы частиц. Непосредственно наблюдалась дискретность значений основных физических величин этих объектов, поэтому распространилось убеждение, что именно дискретность составляет главную особенность квантовых объектов. А значит, «квантовыми» можно называть любые свойства или явления, проявляющие дискретность и описываемые формализмом квантовой теории.

Тем не менее, если быть последовательным, понятие «квантовый» следует использовать для объектов, поведение которых подчиняется и другим ключевым особенностям квантовой механики. В первую очередь, это принципиально иной взгляд на характер существования ее объектов. Квантовая теория изучает не набор однозначных свойств объекта, которые можно измерить одновременно, а волновую функцию (вектор состояния), содержащую полную информацию обо всех возможных значениях этих свойств. Предполагается, что до измерения все эти возможные значения находятся в суперпозиции. Они как бы сосуществуют вместе, что косвенно подтверждается их интерференцией в некоторых опытах. Именно поэтому до измерения в принципе невозможно определить, какими конкретными свойствами обладает система. Сюда же можно добавить и нелокальные корреляции между запутанными состояниями, и роль окружения (в том числе приборов и наблюдателя) при измерении, в результате которого суперпозиция непредсказуемым образом переходит только в одно из своих возможных состояний. Как именно происходит такой переход, как отбирается одна из

возможностей, теория не описывает, позволяя вычислять только вероятность каждого отдельного показания прибора.

Пока технологии не позволяли непосредственно наблюдать перечисленные особенности квантовой теории, принципиально отличающие ее от классической физики, часть ученых приняли позицию инструментализма: не нужно задумываться о смысле квантовых уравнений, достаточно того, что они хорошо предсказывают. Другие решили, что квантовые свойства имеют отношение не столько к реальным объектам и их свойствам, сколько к нашему знанию (полному или неполному) о возможных объектах и их возможных свойствах. Сегодня такой подход называют пси-эпистемическим.

Сторонники разных точек зрения предлагали способы подтверждения своей правоты в виде мысленных экспериментов, которые обычно апеллировали к принципу противоречия и здравому смыслу. Однако, при текущем уровне технической базы эти эксперименты было невозможно реализовать. Поэтому, они представляли интерес для небольшого числа философски настроенных физиков, профессиональных философов и историков науки.

Однако, в 70-80-х годах прошлого века, благодаря развитию технологий и экспериментальной базы появилась возможность готовить стабильные одиночные и запутанные квантовые состояния в суперпозиции, изучать их поведение и манипулировать ими еще до измерения классическими приборами. Одно это тут же возродило интерес к проблемам онтологической природы квантовых объектов и способов их изучения. К началу этого века накопился большой объем новых данных благодаря экспериментам, проводимых первоначально исключительно в рамках дискуссии о реальности возможных квантовых состояний [4, 5].

Именно эти результаты неожиданно оказались востребованы при создании новых технологий передачи и обработки информации, в том числе квантовой криптографии и квантового компьютера. Как оказалось, особые свойства квантовых состояний могли быть также использованы в квантовых часах, квантовых датчиках, в новых методах когнитивных наук, в создании искусственного интеллекта и так далее. По сути, начался второй инновационный скачок в экспериментальной физике и технологиях, который и стали называть второй квантовой революцией. Теперь взгляд на проблемы, которые раньше считались философскими, изменился и стал скорее прагматичным. Потенциальная эффективность и востребованность на рынке оказались важнее, чем теоретические споры о реальности объектов теории, с помощью которой эти технологии могут создаваться. Для инженеров уже не стоит вопрос, существует ли суперпозиция возможных квантовых состояний или нет. Они используются так, как будто они существуют именно в той форме, как предсказывает теория – в форме возможностей или даже возможных миров. Квантовые вычисления и другие манипуляции уже происходят в этой самой суперпозиции.

Сегодня можно утверждать, что революционные трансформации, произошедшие в физике 90 лет назад, начали приносить новые плоды. Удивительным образом философская дискуссия о формах существования квантовых объектов привела к технологическим инновациям, которые невозможно было даже представить в первые десятилетия развития квантовой физики. Они просто не укладывались ни в одну из доминирующих в то время парадигм – ни в парадигму Эйнштейна, ни в парадигму Бора. Сегодня новые технологии сами становятся аргументом в этом споре, чаще всего в пользу особой квантовой реальности. Более того, уже невозможно представить, чтобы дискуссия о реалистичности моделей квантовой теории и реального существования объектов этих моделей игнорировала работающие прототипы квантовых технологий [8].

Литература

1. Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика. М.: Канон+, 2011.
2. Кузнецова Н.И., Розов М.А. О разнообразии научных революций // Традиции и революции в истории науки / отв. ред. П. П. Гайденко. М.: Наука, 1991.
3. Терехович В. Э. Модальные подходы в метафизике и квантовой механике // Метафизика. 2015. №1. С. 129-152.
4. Терехович В.Э. Существование квантовых объектов. Экспериментальная проверка метафизических установок // Метафизика. 2017. Т. 23. № 1. С. 104-112.
5. Терехович В.Э. От революционных трансформаций в квантовой физике к инновациям в квантовых технологиях и обратно // В кн.: Революционные трансформации в науке как фактор инновационных процессов: концептуальный и исторический анализ. М. : Русское общество истории и философии науки, 2020. Гл. 3. С. 48-77.

6. Квантовый Манифест [Электронный ресурс]. URL: (https://qt.eu/app/uploads/2018/04/93056_Quantum-Manifesto_WEB.pdf дата обращения: 01.05.2022).
7. Yagisawa T. "Possible Objects", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition), Edward N. Zalta (ed.).
8. Whitaker A. The new quantum age: from Bell's theorem to quantum computation and teleportation. Oxford: Oxford University Press, 2012. 408 p.

ПРИНЦИП СООТВЕТСТВИЯ В КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ

П.А. Франсузов

*Кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией
Институт химической кинетики и горения СО РАН имени В.В. Воеводского
E-mail: frantsuzov@kinetics.nsc.ru*

На основе анализа экспериментальных результатов показано, что принцип соответствия в формулировке Бора не может считаться истинным. Из этого следует, что современная квантовая механика не является универсальной теорией.

Ключевые слова: квантовая механика, квантовая теория, атом водорода, формулировка Бора

THE CORRESPONDENCE PRINCIPLE IN QUANTUM MECHANICS

P.A. Frantsuzov

*CSc of Physical and Mathematical Sciences, Head of the Department
Voevodsky Institute of Chemical Kinetics and Combustion SB RAS
E-mail: frantsuzov@kinetics.nsc.ru*

An analysis of the experimental results shows that the correspondence principle in Bohr's formulation cannot be recognized as correct. Thus, modern quantum mechanics is not a universal theory.

Keywords: quantum mechanics, quantum theory, hydrogen atom, Bohr formulation

В современной научной картине мира есть четкое деление на квантовый и классический мир. При этом, эволюция квантового мира подчиняется уравнениям квантовой теории, а эволюция классического мира описывается уравнениями классической либо релятивистской механики. Существование двух непересекающихся миров можно показать следующим образом:

1. Существует множество физических систем, описание которых в рамках классической механики приводит к явному противоречию с экспериментом. Очевидный пример – атом водорода. Хорошо известно, что при описании динамики движения связанных электрона и протона в рамках классической механики и классической электродинамики, система двух частиц теряет механическую энергию на излучение электромагнитных волн. Оценка показывает, что электрон и протон должны столкнуться за время порядка десятка пикосекунд. С другой стороны, многочисленные эксперименты показывают существование стабильного состояния атома водорода.

2. Описание подавляющего большинства макроскопических систем противоречит аксиоме суперпозиции квантовой механики. Обычно невозможность наблюдать суперпозицию макроскопически различных состояний объясняют тем, что в результате взаимодействия огромного числа степеней свободы волновая функция системы оказывается локализованной только в одном из таких состояний (так называемый принцип макроскопического реализма [1]). Но существуют классически хаотические системы, где такая локализация невозможна. Квантовая механика предсказывает для таких систем достижение полностью делокализованного квантового состояния за конечное время. Примером такой системы может являться Гиперион, спутник Сатурна. Его движение является хаотическим со значением величины, обратной показателю Ляпунова, примерно 42 дня. Теоретическая оценка, проведенная Журеком [2] показывает, что спутник должен достигнуть состояния полной квантовой делокализации за время около 20 лет. Однако, наблюдения, проводимые

в течении нескольких десятилетий, не показывают никакой делокализации движения Гипериона. То есть эволюция этой системы противоречит предсказаниям квантовой теории.

Следовательно, в существующей физической картине мира существует граница между квантовым и классическим, а Боровский измерительный прибор является «мостиком» между двумя мирами и не может описываться ни квантовой ни классической механикой.

Связь между классической и квантовой теорией выражается в знаменитом принципе соответствия, который, однако, существует в двух принципиально различных формулировках:

1. В формулировке Бора: «Законы классической физики являются идеализациями, которые применимы к описанию явлений лишь тогда, когда участвующие в них величины размерности действия остаточны велики, чтобы можно было пренебречь величиной кванта» [3];

2. В формулировке Дирака: «Соответствие между квантовой и классической теориями состоит не столько в предельном согласии при $\hbar \rightarrow 0$, сколько в том, что математические операции двух теорий подчиняются во многих случаях одним и тем же законам» [4].

Формально из Боровского принципа соответствия следует, что уравнения квантовой механики (в формулировке квантовой теории поля) могут описывать все наблюдаемые физические явления во Вселенной, как квантовые, так и классические. Иными словами, квантовая механика является универсальной теорией. Но это означает, что уравнения квантовой механики должны описывать также и процесс измерения. Покажем, что это противоречит наблюдаемым данным. Уравнения квантовой механики, описывающие процесс измерения, очевидно, удовлетворяют трем условиям:

1. Описание измерения дискретной квантовой величины, например проекции поляризации фотона или проекции спина электрона требует, чтобы в процессе эволюции измерительный прибор оказался в одном из хорошо различимых макроскопических состояний. Значит удовлетворяется принцип макроскопического реализма;

2. Для определения того, в каком конкретно из макроскопических состояний находится прибор, требуется возможность осуществления неразрушающего измерения, не оказывающего существенного влияния на систему;

3. Уравнения квантовой механики без постулата измерения (чисто унитарная эволюция) удовлетворяют принципу локальной причинности (любое возмущение системы оказывает влияние только внутри светового конуса будущего).

Как было показано Леггеттом [5] для любой теории, удовлетворяющей эти трем условиям, должно выполняться неравенство Белла для эксперимента Эйнштейна-Подольского-Розена. С другой стороны, нарушение неравенства Белла было подтверждено многими экспериментальными группами. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что принцип соответствия в формулировке Бора не может считаться истинным, а квантовая механика не является универсальной теорией.

Таким образом перед современной физикой стоит проблема создания объединенной теории, включающей классическую и квантовую механики, а также теорию измерительного прибора как частные случаи. Программа построения такой теории была недавно анонсирована в работе [6].

Литература

1. Leggett A.J. Realism and the physical world, Rep. Prog. Phys. 2008. Vol. 71. Pp. 022001.
2. Zurek W.H. Decoherence, einselection, and the quantum origins of the classical // Rev. Mod. Phys. 2003 V. 75. P. 715.
3. Бор Н. Математика и естествознание// Н. Бор, Избранные научные труды. Т. 2. Наука 1971.
4. Дирак П. Фундаментальные уравнения квантовой механики // П. Дирак. Собрание научных трудов. Т. 2. Квантовая теория (научные статьи 1924-1947). ФИЗМАТЛИТ, 2003.
5. Leggett A.J., Anupam Garg. Quantum Mechanics versus Macroscopic Realism: Is the Flux There when Nobody Looks? // Phys. Rev. Lett. 1985 V. 54. P. 857.
6. Французов П.А., Нечипоренко А.В. Проблема онтологии квантовой физики // Философия науки. 2020. №2. С. 84.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ НАУКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ НАУКИ: К НОВОМУ СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ*

В.Н. Порус

*Доктор философских наук, исследователь
Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»
E-mail: vporus@rambler.ru*

В статье предпринимается попытка переосмысления понятия «политическая субъектность науки». К признакам политической субъектности относят «независимый интерес», «общественное доверие» и «власть по отношению к некоторому фрагменту реальности» (И. Т. Касавин). Все эти признаки требуют анализа с позиции историзма. «Особый интерес» науки не сводится к обладанию истинным и объективным знанием, но зависит от исторически изменчивых отношений научных сообществ с социально-политическими структурами. Общественное доверие завоевывается не только успехами науки и технологий, но в сложном процессе, включающем пропаганду и популяризацию, а также PR-кампании с привлечением политических ресурсов заинтересованных властных структур. Интерес к власти – стимул для вовлечения научных сообществ в общий политический процесс, в котором научные сообщества нередко играют роль агентов влияния. Исследование политической субъектности науки может служить переосмыслению понятия субъектности как таковой.

Ключевые слова: политическая субъектность науки, власть, политическая реальность, «пост-нормальная наука», принцип историзма

POLITICAL AGENCY OF SCIENCE: TO THE NEW CONTENT OF A CONCEPT

V. N. Porus

*DSc in Philosophy, Researcher
Russian Society for the History and Philosophy of Science
E-mail: vporus@rambler.ru*

In article an attempt of reconsideration of the concept "political agency of science" is made. Refer "independent interest", "public trust" and "the power in relation to some fragment of reality" to signs of political agency (I.T. Kasavin). All these signs demand the analysis from a historicism position. "Particular interest" of science does not come down to possession of true and objective knowledge, but depends on historically changeable relations of scientific communities with socio-political structures. The public trust is gained not only achievements of science and technologies, but in the difficult process including promotion and promoting and also PR campaigns with attraction of political resources of the interested power structures. Interest in the power – an incentive for involvement of scientific communities in the general political process in which scientific communities quite often play a role of agents of influence. The research of political agency of science can serve reconsideration of a concept of agency per se.

Keywords: political agency of science, power, political reality, "post-normal science", principle of historicism

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки

То, что наука участвует в формировании и структурировании политической реальности не может вызывать сомнений. Сомнительно другое: носит ли это участие субъектный характер? Ответить на такой вопрос – значит принять то или иное понимание политической субъектности.

Что значит для науки быть субъектом политики? И. Т. Касавин предлагает принять во внимание три признака, какими в совокупности должна обладать наука, чтобы можно было признать за ней политическую субъектность. Это «особый независимый интерес, общественное доверие и власть по отношению к некоторому сегменту реальности» [4, с. 11]. Каждый из этих признаков нуждается в разъяснениях и уточнениях.

Принято считать, что наука, как отмечается в цитируемой статье, имеет особый интерес к объективному и истинному знанию. Независимость здесь означает, что ценность такого знания не должна определяться никакими иными интересами, кроме научного. Такое требование выглядит как *conditio sine qua non*, отказавшись от него, наука перестала бы быть самой собой. Как общее правило или, если угодно, *differentia specifica*, это требование звучит убедительно. Но при попытках проверить, действительно ли оно неукоснительно соблюдается в действительности, выясняется, что все не так просто.

Прежде всего, не просто с объективностью и истинностью. Признание за научным знанием этих ценностей сопряжено с принципом историзма: «Объективность и истинность историчны в той же мере, в какой историзм есть необходимое условие объективности и истинности» [5, с. 47]. Это означает, что исторический путь к объективному и истинному знанию извилист, его отдельные стадии характеризуются *претензиями* отдельных научных групп и сообществ на обладание этими ценностями, которые могут сменяться разочарованиями и отказами от последних. Но на каждой из этих стадий наука, в лице своих представителей, может упорствовать, заявляя подобные претензии, а чтобы упорство давало какие-то ощутимые результаты, прибегать к различным приемам, далеким от попперовского «морального кодекса» или мертоновских принципов научного этоса. Среди этих приемов легко обнаружить такие, которые сближают поведение научных сообществ с практикой политических взаимодействий.

Следует ли считать такую «политизацию» деятельности научных сообществ каким-то отклонением от «чистой» (то есть свободной от политики) науки? Или же приходится признать, что «чистая», «идеальная» или, как иногда говорят, «большая» наука существует только в абстрактных философских дискурсах, где эти понятия используются для вынесения вердиктов о научной рациональности как ценности в той сфере культурно обусловленной деятельности, которую называют наукой?²

Так или иначе, «особый интерес» науки на разных стадиях ее развития и взаимодействия с другими сферами общественной жизни может быть не таким уж независимым от других, в том числе и от собственных интересов научных сообществ, но именно это обстоятельство и позволяет считать возможность политической субъектности науки вполне реальной и, более того, высоковероятной.

Что до общественного доверия, то этот признак или критерий также должен рассматриваться в соответствии с принципом историзма. Общественное доверие изменчиво, за него нужно бороться. По отношению к научным и научно-технологическим институтам и провозглашаемым ими положениям оно формируется в сложном и длительном процессе, в котором помимо научных институтов участвуют политические организации, СМИ, системы образования, структуры, так или иначе воздействующие на общественное мнение через популяризацию научных знаний. На устойчивость такого доверия влияют как успехи науки и технологии, так и внутренние их неудачи, а в еще большей мере – успехи или провалы научной и технической политики. Немаловажную роль здесь играет прямое или косвенное участие отдельных ученых и коллективов в реальной политической жизни. Все это в совокупности создает общий фон, на котором политическая активность науки может приобретать очевидные и значимые формы.

Это, безусловно, дает более конкретную и приближенную к реальности картину научной деятельности, нежели отвлеченные представления о ней, как о сфере «чистой рациональности научных исследований», хотя бы и усложненной социологическими и психологическими подробностями, акцентируемыми тогда, когда речь идет об описании исторической динамики (роста) научных знаний. Именно об этой усложненности заявляют сторонники концепции т.н. «пост-нормальной науки». Они имеют резон, однако при этом обостряется вопрос, в каком смысле эти и другие, подобные им, осложнения влияют на статус науки как таковой. Не растворяется ли специфика научной деятельности

² Эта проблема интенсивно обсуждалась в 70-х – 90-х гг. прошлого века в дискуссиях между «интернационалистами» и «экстерналистами» о причинах и закономерностях развития научного знания [3], [2]. В настоящее время эти споры утихли, зато приобрела новое звучание полемика вокруг понятий «нормальной» (Т. Кун) и «пост-нормальной» науки [6].

в море «внешних» факторов, так или иначе влияющих не только на ход работы научных сообществ, но и на ее результаты?

Еще в большей степени этот вопрос относится к власти, на которую могла бы претендовать наука. Оставим в стороне метафоры, когда говорят о власти, какой наука, вооруженная методом и знаниями, имеет над различными фрагментами реальности (например, над природной средой обитания людей или над процессами организации и действия социальных групп), а также близкое к поэзии словоупотребление в таких выражениях, как «власть научных идей над умами людей», «господствующее мировоззрение, стоящее на научных основаниях», чтобы не смешивать их с политическим смыслом термина «власть». Если же говорить только о последнем, участие в политической реальности – это возможная или действительная характеристика различных научных организаций, деятельность которых сопряжена с ходом политических процессов. Примеры такого сопряжения разнообразны. Так, специальные экспертные группы, организуемые в рамках программ с общим названием *Technology Assessment* (оценка социальных, политических, экономических, экологических и других последствий внедрения и применения технологий, связанных с научными исследованиями и разработками) [1], безусловно оказывают влияние на принятие политических решений властными структурами (впрочем, испытывая и обратное воздействие с их стороны) и, таким образом, выступают участниками политических процессов. Характерны примеры воздействия на политическую жизнь со стороны научных организаций, работающих на выполнение военно-промышленных заказов государств, как и в других сферах, непосредственно связанных с политикой, а также конкуренции национальных и транснациональных научных объединений, в которой научные сообщества выступают в роли агентов, преследующих отнюдь не только цели достижения научных результатов, а часто в большей мере – агентов влияния и участников политической борьбы между центрами власти.

Не забудем также, что отношения внутри самой науки (между различными научными коллективами и институтами) могут иметь политический характер, если признать за признаком власти определяющий характер. Например, борьба за приоритет при распределении средств, выделяемых на организацию исследований в той или иной области науки, успех в которой часто зависит от «близости» или «удаленности» по отношению к центрам принятия решений, нередко напоминает борьбу политических сил, в которой используются отнюдь не только так называемые «рациональные калькуляции и соображения», но и приемы манипуляции, PR-аргументы, психологические давления и т.п.

Являются ли эти примеры доказательством политической субъектности науки? Ответ зависит от того, какой смысл вкладывается в это понятие. Быть субъектом научного поиска и субъектом политической деятельности, направленной на то, чтобы этот поиск оказался успешным и прагматически оправданным, – не взаимоисключающие формы субъектности, они сопряжены одна с другой и даже дополняют друг друга. Их можно и должно разделять в теоретических конструкциях, предназначенных для определенных целей. Но в реальности они неразделимы и составляют сложную «материю» субъектности, в том числе и субъектности политической.

Сказанное ведет к выводу, что определение «политической субъектности» науки не может быть выражено простой формулой, но требует переосмысления определяемого понятия. Безусловно, политическая роль науки зависит от культурно-исторического фазиса, в котором пребывает общество, от развития так или иначе понимаемой демократии, от преобладания той или иной системы социальных ценностей. Но, по-видимому, еще важнее то обстоятельство, что в изменчивой картине политической реальности изменяется и понимание – кого (или что) можно называть субъектом политического действия. Наука в этом смысле является одним из самых интересных парадигмальных объектов. Возможно, его методологический анализ способен придать новый, более приближенный к реальности, смысл субъектности *per se*.

Литература

1. Banta D. What is technology assessment? // International Journal of Technology Assessment in Health Care. 2009. № 25. P. 7-9.
2. Feyerabend P. On the Critique of Scientific Reason // Essays in Memory of Imre Lakatos. Ed. By R. Cohen, P. Feyrabend, M. Wartofsky. Dordrecht-Boston, 1976. P. 109-143.
3. Huebner K. Kritik der wissenschaftlichen Vernunft. Freiburg, Muenhen. Karl Albert Verlag, 1978 (русск. перев.: Хюбнер К. Критика научного разума. М., 1994).

4. *Касавин И. Т.* Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3-14.
5. *Порус В. Н.* Историческая эпистемология – триггер реформы философии познания // Вопросы философии, 2021, № 5. С. 47–57.
6. *Порус В. Н., Бажанов В. А.* Пост-нормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал НИУ ВШЭ, 2021. Т. 5. № 4. С. 15-33 (<https://philosophy.hse.ru/>).

ТЕХНОНАУКА И УНИВЕРСИТЕТ В ЭПОХУ ПОЛИТИКИ ПОСТПРАВДЫ*

И.В. Черникова

*Доктор философских наук, зав. кафедрой философии и методологии науки
Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: chernic@mail.tsu.ru*

Проблема политической субъектности науки рассматривается через призму феномена постправды и дискутируемой причастности технаучного знания и STS к распространению политики постправды. Технонаука характеризуется как новый тип стыковки научного знания с обществом и политикой, поскольку она связана с процессами формирования общественного мнения и подготовкой политических решений. Технонаучные знания, полученные с помощью научных методов включены в социальные процессы, связанные с оценкой рисков, прогнозированием последствий применения технологий. Это формирует особый этический дискурс технонауки и меняет концепцию объективности. Проведен анализ феномена постправды и различных оценок роли STS в распространении политики постправды. Показано, что демократизация технаучного знания достигается не через антиэкспертную деятельность сторонников постправды, а в контексте трансдисциплинарных исследований современной науки, а также в выполняемой университетом миссии универсализации знания как общественного блага.

Ключевые слова: технонаука, университет, политика, постправда, объективность

TECHNOSCIENCE AND THE UNIVERSITY IN THE AGE OF POST-TRUTH POLICY

I.V. Chernikova

*DSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science
National Research Tomsk State University
E-mail: chernic@mail.tsu.ru*

The problem of the political agency of science is considered through the prism of the phenomenon of post-truth and the debatable involvement of technoscientific knowledge and STS in the dissemination of post-truth policy. Technoscience is characterized as a new type of docking of scientific knowledge with society and policy, since it is associated with the processes of forming public opinion and preparing political decisions. Techno-scientific knowledge obtained with the help of scientific methods is included in the social processes associated with risk assessment, forecasting the consequences of technology application. This forms a special ethical discourse of technoscience and changes the concept of objectivity. The analysis of the phenomenon of post-truth and various assessments of the role of STS in the dissemination of post-truth policy has been carried out. It is shown that the democratization of technoscientific knowledge is achieved not through the anti-expert activities of post-truth supporters, but in the context of transdisciplinary research of modern science, as well as in the university's mission of universalizing knowledge as a public good.

Keywords: technoscience, university, politics, post-truth, objectivity

* Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00298.

Тематика круглого стола посвящена проблеме политической субъектности науки, которая, как далее покажем, связана с анализом феномена постправды и обсуждаемой причастности STS к распространению политики постправды.

Изменения в способах производства научного знания, обусловленные развитием конвергентных технологий (NBICS-технологий), привели к формированию новой парадигмы научной рациональности, новых механизмов функционирования науки в обществе. В то время как целью классической науки было получение достоверного знания о природе и обществе, современная наука полученные опытные результаты преобразует в знания, необходимые для принятия решений. Сдвиг научной парадигмы проявляется в таких феноменах как «технонаука», ТА (Technology Assessment), социальная оценка техники, STS. Не рассматривая здесь различие между указанными новыми формами научного знания подчеркнем, что в них контекст применения знаний становится конституирующим по отношению к процессу производства. Знания, хотя они и произведены учеными с помощью научных методов, проявляются в обществе как связанные социальным контекстом, поэтому технонаука и социальная оценка техники характеризуются как новый тип стыковки научного знания с обществом и политикой, поскольку связаны с процессами формирования общественного мнения и подготовкой политических решений [1].

Интеграция технонауки с общественными, политическими, экономическими сферами для обеспечения принятия решений и выработки стратегии деятельности позволяет характеризовать ее как постнормальную науку, относительно которой С. Фунтович и Дж. Равецц отмечали: постнормальная наука, способна работать с ситуациями неопределенности и оценивать потенциальные риски принимаемых сегодня решений [2]. Парадигмальный сдвиг в науке философы обозначают разными терминами. Б. Латур, характеризуя новый тип отношений науки и общества, отмечал, что если раньше общество окружало автономную науку, но оставалось чужаком по отношению к принципам и методам функционирования научной рациональности, то сейчас наука и то, что мы, используя традиционный термин, называем обществом, вмешаны друг в друга [3. С. 209]. Этот новый тип науки Б. Латур обозначил термином «технонаука». Характеризуя технонауку, как новый тип знания, он противопоставил науку и исследование, утверждая, что единой и автономной науки больше нет, но родилось исследование. С. Фуллер назвал науку, активно участвующую в общественных делах, «протнаукой» (сокращенное обозначение «протестантской науки»), сравнивая революцию в мышлении периода протестантской Реформации, когда каждый по-своему учился понимать Библию, с революционным сдвигом в научном познании, обусловленным информатизацией и цифровизацией, когда наука перестала быть башней из слоновой кости, а получение информации не ограничивается университетом и лабораторией, и каждый через интернет имеет доступ ко всему научному знанию.

С. Фуллер подчеркивал особую роль университета в демократизации науки: «Появившаяся протнаука — это продукт диалектического напряжения, присущего самому представлению о демократизированной науке, которое регулярно воспроизводится в университетском способе производства знания» [4. С. 232]. Университет дает студентам право самостоятельно решать, во что верить и как действовать в этом мире, неслучайно, отмечает С. Фуллер, такие «рассадники протнауки» как Microsoft, Google, Facebook и Wikipedia были изобретены в результате внеклассной деятельности университетских студентов. Происходит переориентация исследовательской деятельности современных университетов. Ориентация на поиск истины не теряет значимости в научных исследованиях, но при этом растет удельный вес заказных исследований в интересах политических и экономических институтов. В настоящий момент вектор смещается в сторону влияния таких факторов, как полезность и эффективность, а концепцию научной истины и объективности дополняет дискурс пост-истины. [5].

Далее рассмотрим проблему политической субъектности науки в оптике научной истины и объективности, концепция которой пересматривается в связи с интеграцией науки в процессы политического регулирования и экономической оценки научного знания. Бурные дискуссии по поводу влияния технонауки и STS на возникновение и развитие «политики постправды» (Г. Коллинз, Р. Эванс, Н. Элиас, С. Сисмондо, Б. Латур, С. Фуллер и др.), с одной стороны, обозначили «растворение границы между научным знанием и политикой», с другой, продемонстрировали производство знаний как коллективной, а не индивидуальной практики. За феноменом постправды стоит не просто релятивизация «истины», а новая смесь истины и эмоций. С. Сисмондо считает, что за политикой постправды стоят не особенности технонаучного знания и STS не имеет к ней отношения, суть постправды в том, что эмоциональный резонанс и чувства, вызываемые политическими заявлениями, начали значить больше, чем фактическая база, а мнения, если они отвечают тому, во что люди хотят верить, становятся важнее фактов [6, Р. 588].

С. Фуллер усматривает в феномене постправды не столько игру на эмоциях, сколько борьбу за власть посредством перевода внимания с фактов на политические, экономические мотивы участников дебатов. Такой прием он обозначает как построение метанаратива, а ключевую особенность постправды видит в распространении склонности к «мета». С. Фуллер рассматривает постправду как поле игры в знание, которая присутствует в западной культуре со времен Платона. Как известно, Платон придерживался концепции двух истин, с одной стороны, различающей то, что является истинным и ложным, а с другой стороны, условия для того, чтобы что-то стало истинным и ложным. С позиции истины есть общий мир, в его рамках имеется нечто истинное и нечто ложное. Успех в игре истины определяется следованием правилам заданным знанием условий истины. Занимая метапозицию, игрок сам определяет правила игры, создавая по ситуации различные миры и условия истины. Поэтому, как считает С. Фуллер, истину и постистину следует рассматривать не как две эпистемологические позиции, а как позицию и метапозицию.

В наше время распространению политики постправды способствовало развитие цифровых платформ, социальных сетей, которые для многих пользователей интернета стали основным пространством получения и обмена информацией. Преимущество, которое наука имела в плане доступа к знаниям было потеряно, это снизило доверие к экспертному знанию со стороны общества. «Ситуация постистины позволяет нам яснее понять взаимодополнительность политики и науки как сфер мышления и действия. Каждая по-своему участвует в борьбе за «модальную власть», то есть контроль над тем, что возможно» [7. С. 334].

Позиция С. Фуллера, на наш взгляд, коррелирует с концепцией объективности Л. Дастона и П. Галисона, не просто показавших, что объективность имеет историю, но что история относится не к понятию, а к самому опыту объективности как теоретической и практической связке «человек-мир», и оказывается буквально «вплавлена» в историю материальной культуры [8]. Предлагаемое понимание объективности ориентирует не поиск абсолютно надежных моделей, что недостижимо в условиях неопределенности и сложности, а на максимально высокое качество процесса принятия решений. Такая когнитивная установка влечет за собой модификацию научного этоса, который предполагает деятельность в координатах, условно обозначенных аббревиатурой TRUST - (Transparency, Robustness, Uncertainty management, Sustainability, Transdisciplinarity - прозрачность, надежность, управление неопределенностью, устойчивость, трансдисциплинарность) при анализе ситуаций и принятии качественных решений.

Итак, новая концепция науки, где знание производится не только в контексте открытия и фундаментального обоснования, но и в контексте оцениваемых последствий применения, призвана способствовать как созданию механизмов самоограничения и самоконтроля в условиях неопределенности, так и разработке новых многоступенчатых механизмов принятия решений. Если С. Сисмодо считает, что STS не несет никакой ответственности за возникновение политики постправды, то Г. Коллинз признает, что принятие роли социальных и культурных факторов в производстве научного знания, формулировка принципа симметрии, споры о научной экспертизе и другие идеи STS потенциально могут стать благоприятной средой для политиков постправды. Однако, превратить STS в популистскую демократию, значит отбросить ее академический ресурс. Г. Коллинз с соавторами призывает опираться «на наше научное понимание науки и экспертизы, поскольку это именно то, что позволяет нам давать четкие интерпретации, недоступные другим политическим акторам» [9. Р 583]. В основном же авторы сходятся во мнении, что постправда представляет собой серьезную угрозу для современных демократий. Так, И.Т. Касавин отмечает, что политико-информационные технологии «постправды», решают поставленные перед ними задачи путем риторического искажения реальных фактов, намеренного введения в заблуждение и прямой дезинформации. «В действительности же наука – самый решительный противник политики и идеологии постправды, в борьбе с которой и формируется ее субъектность» [10. С. 174].

Технонаучные знания, полученные с помощью научных методов включены в социальные процессы, связанные с оценкой рисков, прогнозированием последствий применения технологий и принятием решений. Это формирует особый этический дискурс технонауки и меняет концепцию объективности. Однако, следует стремиться чтобы демократизация технонаучного знания достигалась не через антиэкспертную деятельность сторонников постправды, а в контексте трансдисциплинарных исследований современной науки, а также в выполняемой университетом миссии универсализации знания как общественного блага.

Литература

1. *Горохов В.Г.* Грунвальд А. Каждая инновация имеет социальный характер! (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // Высшее образование в России. 2011. № 5. С. 135-145.
2. *Funtowicz S., Ravetz J. R.* Science for the Post-Normal Age // Futures. 1993. Vol. 25, no.7. P. 735-755.
3. *Latour B.* From the world of science to that of research? // Science magazine. Wash., 1998. Vol. 280, No. 5361.
4. *Фуллер С.* Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 232-368.
5. *Черникова И.В., Черникова Д.В.* Идентичность университета в условиях «текущей современности» // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 50–55.
6. *Sismondo S.* Casting a wider net: A reply to Collins, Evans and Weinel // Social studies of science. 2017. Vol. 47, №4. P. 587–592.
7. *Фуллер С.* Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
8. *Дастон Л., Галисон П.* Объективность. М.: НЛЮ, 2018. 584 с.
9. *Collins H., Evans R., Weinel M.* STS as science or politics? // Social studies of science. 2017. Vol. 47. №4. P. 580-586.
10. *Касавин И.Т.* Наука – гуманистический проект. Москва: Издательство «Весь Мир», 2020. 496 с.

НАУКА КАК ФОРМА ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

Н.В. Буковская

Кандидат философских наук, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: Nvsi@mail.ru

В статье рассматриваются причины актуализации науки как формы легитимации господства в современном обществе, в том числе влияние пандемии. Легитимация политических решений в период пандемии. Легитимация и ответственность. Легитимация и уровни научного авторитета. Легитимация и лояльность науки. Непротиворечивость субстанции науки как формы легитимации. Используется концепция Хабермаса о легитимирующей роли науки и техники как идеологии, и рационализации господства. Деидеологизация науки связывается с процессом саморефлексии науки. Рассматриваются традиционные и новые формы легитимации, их смена и взаимодействие.

Ключевые слова: формы легитимации, научные авторитеты, легитимация господства, ответственность, рационализация господства

SCIENCE AS A FORM OF LEGITIMIZATION OF POWER

N.V. Bukovskaya

CSc in Philosophy, Associate Professor

National Research Tomsk State University

E-mail: Nvsi@mail.ru

The article considers the reasons for the actualization of science as a form of legitimization of domination in modern society, including the influence of a pandemic. Legitimization of political decisions during a pandemic. Legitimation and responsibility. Legitimation and levels of scientific authority. Legitimization and loyalty of science. Political consistency of the substance of science as a form of legitimization. The concept of Habermas legitimizing the function of science and technology as ideology and rationalization of domination is analyzed. The deideologization of science is associated with the process of self-reflection of science. Traditional and new forms of legitimization, their change and interaction.

Keywords: forms of legitimization, scientific authorities, responsibility, rationalization of domination

Проблема рационализации общества и его модернизации в критической социальной теории связана со сменой формы легитимации господства. Если в традиционном обществе для легитимации и оправдания господства используется миф, религия, метафизика, то в современном – наука и техника, поэтому она и выступает как идеология. Пандемия covid-19 стала мощным фактором, актуализировавшим роль науки в качестве формы легитимации власти в современном обществе, причем в глобальном масштабе, независимо от политических режимов. Использование науки и ее достижений (например, вакцины) в геополитических, дипломатических, электоральных, коммерческих целях, сопровождалось усилением идеи национальной, патриотической науки. Наука рассматривалась, с одной стороны, как фактор национальной безопасности, сфера внутренней и внешней политики различных стран и международной конкуренции политических систем и союзов и это вело к разобщению ученых, к локализации науки, а с другой, - как фактор международного сотрудничества и глобальной безопасности, что выразилось в терминах «пандемическая солидарность», «вакцинная солидарность» и это способствовало развитию научной коммуникации.[1]

Власть в ситуации принятия сложных решений, нуждается в непротиворечивой субстанции науки, для того чтобы легитимировать их с помощью ученых, поэтому научные публичные дискуссии по многим вопросам в период пандемии были ограничены, особенно в странах с авторитарными режимами. Тогда как экспертно-консультативная функция науки, роль ученых в принятии политико-управленческих решений наоборот всячески рекламировалась и поддерживалась институционально.[1] Президенты различных стран (кроме Трампа, который, следуя популистской логике, ругал ученых) в своих выступлениях по мере развития пандемии стали подчеркивать, что решения по пандемическим вопросам (локдауна, масочного режима, вакцинации и пр.) они принимали на основе рекомендаций ученых, известных вирусологов, инфекционистов, научных центров и пр., которым также были предоставлены площадки в официальных средствах массовой информации. Тем самым, с одной стороны, политики подкрепляли непопулярные решения научными авторитетами, а с другой -, перекладывали ответственность за них на науку. Таким образом, обратной стороной легитимирующей роли науки является, распределение ответственности, особенно в случае если что-то пойдет не так. Однако, следствием распределительной ответственности может быть и безответственность, потому что, если политически ангажированные авторитетные ученые легитимируют политические решения, то они как бы снимают с себя персональную ответственность, присоединяясь к властной воле и выступая уже от имени власти. Причем речь может идти о разных уровнях научного авторитета: когнитивном – авторитет научных идей, концепций, теорий; институциональном - научных центров и организаций; личном – известных ученых. Следует отметить, что диалектика персональной и анонимной (коллективной) ответственности состоит в том насколько даже в анонимной ситуации ученый способен сохранять императив личной ответственности.

Естественно, если среди ученых, в научном сообществе нет единого экспертного мнения, политики всегда выберут то, что больше подходит им для решения политических задач. Более того они могут неявно «подталкивать» ученых к нужным выводам и рекомендациям. Особенно это касается тех ситуаций, когда ангажированные ученые должны оправдать ожидания политиков. Экспертная функция науки, ученого, попадая в пространство принятия или обоснования (оправдания) политических решений может претерпевать значительные метаморфозы, особенно в политических системах далеких от демократии. Обнаруживаются две тенденции: с одной стороны, возникновение монополии официальных экспертов и ангажированных технократов, с другой, -, появление независимой и гуманитарной экспертизы, ее демократизация, в том числе с участием ученых.

Политика, в контексте осознания легитимирующей функции науки, озабочена вопросом формирования проофициальной науки и укрепления ее авторитета в научном сообществе и в общественном сознании. Здесь возникает проблема лояльности науки, связанная в том числе и с табуированием неудобных тем исследования или научных направлений. Нужно ли власти что-то предпринимать, для того чтобы получить лояльность ученых (обмен), или она возникает под воздействием различных обстоятельств (страха, преданности) или же формируется естественно – это зависит от политического режима. Легитимирующая роль науки предполагает, что политическое как постоянное разделение на своих и чужих, как поиск врага в крайней форме, проникает в ее субстанцию, определяя границы свободы научного. Если одна сторона вопроса состоит в осознании политикой легитимирующей функции науки, то вторая – в осознании самой наукой и обществом этого факта. Последнее связано с способностью науки к саморефлексии. О необходимости саморефлексии науки, о вскрытии и обнаружении ее легитимирующей роли говорит Хабермас. Он критикует позитивистские

ограничения, которые превращаются в идеологию «защищающую науку от саморефлексии» [3, с. 149] и приходит к выводу, что наука под воздействием власти выводит за рамки своего анализа и за рамки общественного сознания репрессивность господства. Хабермас, развивает идею Маркузе об идеологической функции техники, связанной с легитимацией. [4, С. 98] На экспансионистский характер политической власти, вбирающей в себя все сферы культуры, указывает Маркузе, хотя при этом легитимирующий акцент он делает на науке и технике [2, с. 55] Он обращает внимание на то, что в эпоху НТП устанавливается новая связь науки с политикой; наука уже не направлена на критику легитимации, а сама через институализацию становится легитимацией. Он считает, что старые легитимности исчезают. Вебер говорит, что они перевариваются наукой, а Хабермас-, что они исчезают частично, потеснив традиционные формы (язык, миф, религию). Вслед за Маркузе он дает негативную оценку технократического сознания, которое легитимирует деполитизацию населения и нацелено главным образом на создание все новых техник управления и контроля [4]. Переход от иррациональной модели господства к действительно рациональной рассматривается у Хабермаса как переход к коммуникативной модели государственного управления. Хабермас и Маркузе считают, что наука и техника обладают меньшей идеологичностью и поэтому легко осуществляют легитимацию. Однако, на наш взгляд, это не очень-то работает в тоталитарных режимах, которые стремятся к устранению всякой двусмысленности в плане своего идеологического обоснования. Здесь наука как на институциональном-системном уровне, так и на уровне научного сообщества и отдельного ученого должна открыто заявлять о своей идеологической поддержке.

Пересечение политической повестки в определенный период с той или иной отраслевой повесткой (например, атомной в период холодной войны, или медицинской в период пандемии) способствует тому, что наука в общественном сознании как фактор легитимации предстает прежде всего в образе соответствующих наук (ядерной физики или эпидемиологии, вирусологии), которые с необходимостью выдвигаются в ряд приоритетных направлений в данный период. Политика получает легитимацию от научно-технического прогресса в целом или от какого-то отдельного научного проекта. Например, многие политические режимы считают очень важным в контексте своей легитимации (как внешней, так и внутренней) развитие космонавтики, освоение атомного оружия. Полет в космос Юрия Гагарина в свое время сыграл большую роль в легитимации советского режима и сегодня продолжает ее играть. Устаревшие формы политического господства поддерживаются за счет достижений науки и техники прямо (военная техника и управление, контроль, использование научных авторитетов) и косвенно (техническое оснащение быта и общества).

Но тем не менее сила техники и науки не безгранична, так как со временем она начинает тормозиться политически несовершенными формами господства и управления, и уже не может играть предназначенную ей роль легитимации, о чем свидетельствует падение того же советского режима. Это падение, как представляется, явилось еще и показателем того, что, в современном мире нельзя совершенно игнорировать такой традиционный способ легитимации господства как религия. О том, что наукоемкая технизация - это только одна сторона процесса рационализации господства, говорит тот факт, что попытки демократизации с помощью новых технологий (проекты электронной демократии, электронного правительства, видеонаблюдение за избирательным процессом, электронное голосование и т.п.) не могут решить всех проблем. Более того власть может перехватывать «электронную» повестку у гражданской общественности и превращать ее в способ легитимации. На наш взгляд, парадокс состоит в том, что в современном мире политика может относиться к науке и технике структурно консервативно, отказываться от каких-то технологий, запрещать их, если они способствуют критике репрессивности господства, и переходить к другим формам легитимации - религии, мифу (яркий пример режим Северной Кореи).

Сегодня в политическом дискурсе различные формы знания могут образовывать причудливые сочетания. Дефицит доверия, понимания и оправдания восполняется традиционными способами. Они возвращаются в превращенном виде в общественное сознание и также, в конечном счете, могут служить господству. Миф ставится на службу науке, а наука и техника на службу мифотворчеству. Этот круг замыкается на обоюдном служении политики. Легитимация современного господства начинает носить смешанный характер.

Литература

1. Буковская Н.В. Динамика образа науки в период пандемии //Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке. VII Декартовские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 11 марта 2021 г. Ч. 1. Москва; Зеленоград: МИЭТ. 2021. С. 24-28.

2. Маркузе Г. Одномерный человек / Пер. с англ. / Маркузе Г. М.: REFL-Book. 1994, 340 с.
3. Хабермас Ю. Онаученная политика и общественное мнение. // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». / Пер. с нем. М.: Праксис: 2007, С.136-167
4. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». / Пер. с нем. М.: Праксис. 2007, С. 50-116

К ПРОБЛЕМЕ НАУКОКРАТИИ В РАЗЛИЧНЫХ ЕЕ ТРАКТОВКАХ*

С.В. Шибаршина

Кандидат философских наук, исследователь

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки»

E-mail: svet.shib@gmail.com

Исследуется проблема наукокрации (сциентократии) как с точки зрения фундирования политических решений на основе научной экспертизы, так и управления обществом учеными. Отмечается высокая значимость экспертов в современном процессе принятия политических (или важных частных) решений, когда эксперты переводят результаты исследований в те или иные области употребления и доводят научные знания до широкой общественности. Рассматривается критика в отношении предоставления ученым и экспертам все большего числа решений, а также злоупотребления научной экспертизой. Осмыслиется ряд аспектов понимания наукокрации как управления обществом учеными на примере научных и техно-утопий (на материале романов «Бегство Земли Ф. Карсака» и «Пари трансгуманистов» З. Иштвана). Автор фокусируется на том, как в подобных утопиях решается проблема социальной ответственности ученых, соотношения рационального (наука) и прагматического (власть) подходов, разделения власти между учеными и не-учеными. Указывается, что любое рассмотрение проблемы наукокрации неизбежно поднимает вопрос о границах социально-политической власти ученых, научного мировоззрения и зачастую свойственного ему сциентизма.

Ключевые слова: наукокрация, сциентократия, научная утопия, техно-утопия, научная экспертиза, власть ученых

SCIENTOCRACY AND ITS DIFFERING INTERPRETATION

S.V. Shibarshina

CSc in Philosophy, Researcher

Russian Society for History and Philosophy of Science

E-mail: svet.shib@gmail.com

The paper studies the phenomenon of scientocracy as both funding political decisions on scientific expertise and empowering scientists to rule the society. The high importance of experts in making political (or important private) decisions is noted, when experts translate the research results into practice and bring scientific knowledge to the public. The author considers criticisms towards providing scientists and experts with an increasing number of solutions, as well as the abuse of scientific expertise. She reflects on the understanding of scientocracy as the society ruled by scientists on the example of scientific and techno-utopian novels by F. Carsak's "Flight of the Earth" and Z. Istvan's "The Transhumanist Wager". The author focuses on how such utopias address the issues of scientists' social responsibility, the correlation of rational (science) and pragmatic (power) approaches, the division of power between scientists and non-scientists. She points out that any consideration of scientocracy inevitably brings us to the boundaries of scientists' socio-political power, the scientific worldview and the scientism inherent in it.

Keywords: scientocracy, scientific utopia, techno-utopia, scientific expertise, scientists' power

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

В научных и техно-утопиях мы встречаем форму социально-политического управления, которую именуют как сциентократией (англ. scientocracy; можно также назвать ее наукократией), так и технократией (понятие, закрепившееся после работ Т. Веблена). В целом, это власть профессионалов. Только какая власть – мир, в котором ученые, инженеры, технократы являются верховной властью либо значимой составляющей политической власти? Или это общество, где большинство социальных, политических, экономических и прочих решений принимается на основе научной экспертизы? Здесь, скорее всего, мы обнаружим неоднородность подходов. При этом в любом случае наукократия подразумевает высокую значимость ученых в принятии управленческих решений.

По мнению П.А. Убеля, сциентократия основывается на высокой значимости научной экспертизы [1]. В принципе, в современном обществе сложно себе представить принятие политических (или важных частных) решений без подключения экспертов. Власть и бизнес для оценки научных достижений обращаются, прежде всего, к экспертам, которые «как раз и переводят результаты исследований в те или иные области употребления», выступая «в качестве маклеров», доводящих «научные знания до своих клиентов и широкой общественности» [2, с. 32]. Особенно ярко это проявляется в чрезвычайных ситуациях. Хрестоматийным примером является эпидемия Covid-19, когда, по словам З. Памук, «научные консультативные группы, о которых до этого никто не слышал, стали у всех на слуху, а научные консультанты стали появляться на ежедневных пресс-конференциях вместе с премьер-министрами и президентами» [3, р. 182].

Подобная тенденция далеко не всеми расценивается как положительная. Общеизвестно отношение к этому П. Фейерабенда, считавшего безответственным принимать суждения ученых и экспертов без дополнительной проверки [4]. Знания и выводы экспертов могут быть использованы для оправдания предоставления им все большего числа решений, что чревато риском уменьшения возможности демократической партиципации других акторов и замыкания системы принятия решений на себе [3, р. 68-69]. Б. Будро, канадский юрист и политик, критик сциентократии, пишет о том, к XXI в. «научный догматизм укоренился как никогда прочно», «ученый стал верховным жрецом индустриального мира», повсеместно «научное рассуждение имеет силу закона», видя причину этого в том, что переход от «независимого, творческого, интеллектуального занятия к экономической деятельности, ориентируясь на массовое производство», сделал научные исследования индустрией [5, р. 1134].

Критика злоупотребления научной экспертизой осуществляется исследователями также на основе различных кейсов [6]. Следует также упомянуть о проблеме политической, идеологической и финансовой ангажированности ученых, научных экспертов и тех, кто причастен к публичной научной коммуникации. К примеру, в одном исследовании авторы, используя данные контент-анализа статей о стволовых клетках, появившихся в период с 1975 по 2001 год в *New York Times* и *Washington Post*, анализируют закономерности освещения этой темы в СМИ и особенности ее представления в процессе того, как сама научная проблема обсуждалась в научном сообществе, а затем стала повесткой научной политики [7]. Рост попыток внедрения данной разработки в политическую повестку совпал с ростом освещения темы стволовых клеток в СМИ.

Если же рассматривать сциентократию как власть ученых, можно выделить ряд вопросов, возникающих при рассмотрении подобной формы правления. Остановимся на некоторых из них. В частности, как согласовать довольно-таки различные типы научного мышления и мышления политического? Традиционно научное мышление понимается как стремящееся к истине, в то время как политическое – к удержанию и преумножению власти, к прагматизму. В данном контексте вспоминаются (1) рационалистический и (2) прагматический подходы в области принятия политических решений [2, с. 19]. Рационалистическая перспектива по идее ближе научному стилю мышления (стремление к истине), в то время как политика склонна к власти. Оказавшись у власти, ученые неизбежно столкнутся с необходимостью мыслить как политики. В принципе, этим им вполне приходится заниматься на административных должностях; этим же вынуждены заниматься научные лидеры-организаторы, ученые-консультанты в различных политических и бизнес-структурах и организациях и т.д.

К слову, в научной утопии Ф. Карсака «Бегство земли» (1972) находящиеся у власти ученые вынуждены быстро принимать жесткие решения о применении крайней степени насилия в отношении своих противников, а также жертвовать соображениями научной истины при срочной эвакуации археологической экспедиции на Марс [8]. В современной техно-утопии З. Иштвана «Пари Трансгуманистов» (2013) представители Трансгумании (ученые, футуристы, инженеры, технологи) устанавливают глобальную диктатуру через насилие, подавляют все формы инакомыслия (все, с чем несовместим трансгуманизм) и устанавливают социальное неравенство между собою и всеми

остальными: «Ученый, футурист, инженер или технолог – вот кто стал новым трендом. Если же вы не отличались интеллектом, прогрессивным мышлением и творческими футуристическими идеями, тогда вы были попросту никем в этом новом мире» [9, р. 227]. Отсутствуют какие-либо указания на ответственность научной и инженерно-технической интеллигенции перед обществом. Демократическая партиципация у Иштвана так же отсутствует. Элитаризм достойных развивать науку и пользоваться ее плодами подкрепляется в утопии Иштвана косвенными аллюзиями из ницшеанской критики демократии и массовой культуры. Подчеркивается «недемократическая природа технологий»: последние предназначены исключительно для «самых одаренных и квалифицированных», остальные же именуется «неудачниками», «забитой» и «напуганной» «посредственностью» [9, р. 127–128]. В Трансгумании основной предпосылкой технократии становится насильственно внедряемая вера в то, что наука и технологии с тотальной рационализацией всего – единственный путь к социальному прогрессу и всеобщему счастью. В принципе, в описанном Иштваном сценарии развития романа трансгуманистическая идеология становится своего рода новой религией.

В романе Ф. Карсак ученые наряду с техниками и инженерами описываются как благородная высокоморальная и гиперответственная прослойка общества, готовая на самопожертвование ради научно-технического прогресса. Карсак описывает общество, нацеленное прежде всего на общественные приоритеты – вплоть до ситуаций подвижничества ради науки (пример главы археологической экспедиции на Марс, который отдал свою жизнь, чтобы передать согражданам знания о необходимых им технологиях космических путешествий). С первой же главы читателю передается авторская уверенность в том, что какая бы катастрофа ни грозила отдельному человеку и всему человечеству в целом, человечество – прежде всего в лице научной и инженерно-технической интеллигенции – способно с помощью разума, научного творчества, практики и создаваемых технологий решать глобальные проблемы.

Акцентируется некоторое внимание на строгом осознании учеными своей социально-этической ответственности в деле научных открытий. Они должны были торжественно поклясться перед Советом Властителей, что никогда никому не откроют никаких научных знаний, кроме тех, которые можно распространять. Клятва подразумевала, что ученый способен превзойти собственную гордость, тщеславие, корысть, небрежение и любые политические расчеты и не имеет права разглашать научные сведения обычным гражданам без разрешения Совета Властителей. То есть по идее власть ученых строится здесь на основе рационалистического подхода, хотя, как упомянуто выше, в экстремальных ситуациях рациональной становится холодная и безжалостная прагматика. Вместе с тем основой цивилизации было представление о науке как о могучем, благородном и очень опасном оружии, поэтому научные открытия могли быть доверены исключительно проверенным людям, не имеющим заинтересованности в их использовании в личных корыстных целях. Полуобразованные дилетанты считались опасными, и отсутствовало открытое массовое научное просвещение.

Существовало ли при этом равноценное разделение власти между учеными и не-учеными? Описываемая цивилизация представляла собой единое глобальное сообщество, подчиненное единому правительству. Верховный и тоже коллегиальный орган власти для обеих планет – это Совет Властителей из ученых. На практике сосуществование ученых и не-ученых напоминает скорее следующую ситуацию: в процессе обсуждения и принятия решений могут участвовать и те, и другие, однако ряд высших органов управления закрыт для непосвященных. При этом по ходу развития сюжета складывается впечатление, что именно подобным образом организованное человечество легче мобилизовать на глобальные проекты по великому переселению, нежели общество, построенное на принципах делиберативной демократии.

При этом вряд ли можно утверждать, что Ф. Карсак предлагал модель особой «касты ученых». Скорее он будто тестирует на страницах романа идею о компетентных и ответственных ученым, которые объединились в огромную всепланетарную корпорацию ради управления человечеством.

Таким образом, наукократия может быть рассмотрена с различных ракурсов. Вместе с тем любое рассмотрение неизбежно поднимает вопрос о границах социально-политической власти ученых, научного мировоззрения и зачастую свойственного ему сциентизма.

Литература

1. *Ubel P. Scientocracy: Policy Making that Reflects Human Nature* [Электронный ресурс] // *Psychology Today*. January 26, 2009. <https://www.psychologytoday.com/intl/blog/scientocracy/200901/scientocracy-policy-making-reflects-human-nature/> (дата обращения 20.04.2022)

2. Грундманн Р., Штер Н. Власть научного знания. СПб.: Алетея, 2015. 324 с.
3. Patuk Z. Politics and Expertise: How to Use Science in a Democratic Society. Princeton: Princeton University Press, 2021. 256 p.
4. Feyerabend P.K. Science in a Free Society. London: Verso Books, 1978. 222 p.
5. Boudreau B. Pursuit of Science, New social factors // Canadian family physician Medecin de famille canadien. 1999. No. 45. P. 1134–1143.
6. Michaels P.J., Kealey T. (Eds.). Scientocracy: The Tangled Web of Public Science and Public Policy. Washington, DC: Cato Institute, 2019. 365 p.
7. Nisbet M.C., Brossard D., Kroepsch A. Framing Science: The Stem Cell Controversy in an Age of Press/Politics // Harvard International Journal of Press/Politics. 2003. Vol. 8. No. 2. P. 36–70.
8. Карсак Ф. Бегство Земли. В Ф. Карсак. Львы Эльдорадо. Бегство Земли. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 196–327.
9. Istvan Z. The Transhumanist Wager. Lexington, KY: Futurity Imagine Media, 2013. 300 p.

«ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ КОРРУПЦИЯ» В ПРОИЗВОДСТВЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Н.В. Николина

*Кандидат философских наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: nikolinanadya@gmail.com*

Н.В. Беляков

*Кандидат педагогических наук, младший научный сотрудник
Всероссийский научно-исследовательский институт фитопатологии
E-mail: bnv@ugsn.tomsk.ru*

В статье рассматривается «эпистемическая коррупция» - термин, предложенный С. Сисмондо для обозначения проблем, возникающих в производстве, распространении и использовании научных знаний. Основная проблема заключается в том, что крупные компании спекулируют научными данными, изменяют или замалчивают их. Термин «коррупция» часто связывают с получением или передачей денежных средств. Однако «эпистемическая коррупция» фокусируется не только на выявлении зависимости между финансированием лабораторных исследований и их результатами, но и на подмене целей научной работы. Исследование по выявлению эпистемической коррупционной деятельности проводится как в отношении науки, нацеленной на производство продукта (работы С.Сисмондо), так и в отношении науки, нацеленной на воздействие (работы Л. Рихтер, А. Корднер и Ф. Браун). Во втором случае рассматривается, как компании игнорируют данные о воздействии производственных факторов на окружающую среду. В заключении авторы предлагают небольшой список механизмов, которые могут уменьшить влияние компаний на научные исследования.

Ключевые слова: коррупция, наука, отраслевые исследования, финансирование, научный факт, конфликт интересов

“EPISTEMIC CORRUPTION” IN THE PRODUCTION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

N.V. Nikolina

*CSc of Philosophy, Associate Professor
National Research Tomsk State University
E-mail: nikolinanadya@gmail.com*

N.V. Belyakov

*CSc of Pedagogy, Junior Research Fellow
All-Russian Research Institute of Phytopathology
E-mail: bnv@ugsn.tomsk.ru*

The article deals with “epistemic corruption” - a term proposed by S. Sismondo to denote

the problems that arise in the production, dissemination and use of scientific knowledge. The main problem is that large companies speculate on, alter, or gloss over scientific data. The term “corruption” is often associated with the receipt or transfer of money. However, “epistemic corruption” focuses not only on identifying the correlation between funding of laboratory research and its results, but also on substituting the goals of scientific work. Research to identify epistemic corruption is conducted both in relation to science aimed at producing a product (works by S. Sismondo) and in relation to science aimed at impact (works by L. Richter, A. Cordner and F. Brown). The second examines how companies ignore data on the impact of production factors on the environment. The authors conclude with a small list of mechanisms that can reduce the impact of companies on scientific research.

Keywords: corruption, science, industry research, funding, scientific fact, conflict of interest

Научные исследования в области науки и технологий (STS - исследования) уже давно изучают многогранное производство научного знания в институциональных контекстах. Наука занимает центральное место в современных политических дебатах о вреде и пользе промышленных разработок и все более востребована в различных ненаучных сферах, включая нормативные, правовые и общественные движения. Вопрос о том, кто может производить, интерпретировать и подтверждать данные, вызывает острые споры в исследованиях неблагоприятных последствий для здоровья человека и окружающей среды. В то время как институциональные контексты важны для научного производства, не менее важными являются сложные исторические отношения, которые структурируют ландшафт эмпирических норм и возможностей. Современная наука и научное знание переживает кризис. Существование так называемой «альтернативной науки» поднимает ряд серьезных проблем. «Что делать, когда люди, с которыми мы взаимодействуем политически, медицински или даже социально, не могут или не хотят принимать научные факты как факты? И как мы к этому пришли?» [1]. Эти вопросы становятся ключевыми в проекте «Эпистемическая коррупция», основными разработчиками и авторами которого являются С. Сисмондо и Д. Лехукс.

«Эпистемическая коррупция» - это исследовательская программа, которая фокусируется на нарушениях в производстве, распространении и использовании знаний среди профессионалов индустрии знаний и их аудитории. Проект акцентирует внимание на том, как данные о научных фактах, производстве фактов и эпистемическом авторитете принимаются, манипулируются или сопротивляются их различным аудиториям в науке, медицине и информационных технологиях [1]. «Коррупция», «корруптированный» - это термины, которые в современности приобрели множество метафорических значений. Термин «коррупция» зачастую связан с финансированием какого-либо лица или организации. Но С. Сисмондо включает в термин «эпистемическая коррупция» не только и не столько проблему финансирования научных исследований промышленными организациями для получения «удобных» результатов, а подмену целей научного предприятия. «Когда система знаний существенно теряет целостность, переставая предоставлять ожидаемые от нее виды достоверных знаний, мы можем назвать это эпистемическим искажением. Эпистемическая коррупция часто возникает из-за того, что система была кооптирована для интересов, противоречащих некоторым из основных целей, которые, как считается, стоят за ней» [2].

Работа С. Сисмондо «Медицина, управляемая призраками» [3] стала резонансным и обсуждаемым произведением в рамках темы коррупции и влияния фармацевтических компаний на производство, распространение и интерпретацию медицинских знаний. При призрачном управлении появляются возможности для вмешательства в публикации, производя эффекты спонсорства со стороны отрасли. К примерам призрачного управления С. Сисмондо относит: планирование исследований, которые могут дать благоприятные результаты (компании выбирают препараты и методы, которые в независимом исследовании будут демонстрировать положительные результаты); финансирование, которое влияет на интерпретацию данных и написание статей; прямое манипулирование данными, упущение неблагоприятных событий; публикация отраслевых исследований с положительными результатами в медицинских журналах (такие исследования публикуются чаще, чем работы с отрицательными результатами); цитирование отраслевых исследований (такие исследования цитируются чаще, чем академические работы) [2]. В большинстве примеров и случаев, описанных С. Сисмондо, финансирование играет важную роль в упущении, искажении и даже прямой фальсификации научных фактов. Однако для раскрытия «эпистемической коррупции» необходимо понимание того, что происходит со знанием, наукой и авторитетом исследователя при финансировании. С. Сисмондо затрагивает проблему публикаций, рецензирования, редактирования и презентации исследований на конференциях. Редакторы журналов выступают в этом

отношении соучастниками коррупции. Таким образом, медицинские журналы продолжают оставаться частью проблемы, а не ее решением. Большинство редакторов стремятся публиковать статьи об исследованиях с положительным результатом, спонсируемых фармацевтической промышленностью, и редко публикуют критические деконструкции испытаний. Это связано с тем, что медицинские журналы стали зависеть от доходов, которые поступают в виде рекламы и платы за открытый доступ [4]. «Статьи создаются командами, возможно, ни один из членов которых не соответствует требованиям к авторству. В этом в значительной степени невидимом процессе фармацевтические компании инициируют и финансируют планирование, исследование, анализ, написание и размещение статей и, как правило, постоянно контролируют данные. Авторы существуют для того, чтобы придавать статьям блеск легитимности и самостоятельности» [3, Р. 104]. То есть «автор» - это просто имя, ключевой лидер общественного мнения [5]. Процесс производства научных знаний, основными проблемами которого являются манипулирование данными, невозможность провести честное и полное тестирование, публикация фантомных статей фантомными авторами, С. Сисмондо называет «корпоративным производством знаний». Можно ли это назвать научным знанием? Или нам нужны более релевантные критерии для демаркации? По каким признакам определить достоверное исследование, ведь не все финансируемые испытания искажены? Дать ответы и на эти вопросы – задача проекта «эпистемическая коррупция».

Другой пример подобной коррупционной деятельности в области экологических исследований представлен в работах Л. Рихтер, А. Корднер и Ф. Браун [6]. В работе авторов делается акцент на разнице между наукой, ориентированной на производство, на создание продукта, и наукой, ориентированной на воздействие, «которая расширяет наше понимание о воздействии производственных процессов на окружающую среду и здоровье человека» [7, Р. 3]. Отраслевые исследования в первую очередь ориентированы на производство. Когда корпорации занимаются наукой, ориентированной на оценку рисков, связанных с их собственной продукцией, то это случай конфликта интересов при производстве и интерпретации научных данных. Например, в контексте экологического регулирования корпорации часто не позволяют исследователям получать и транслировать информацию о новых химических структурах из-за заявлений о «конфиденциальной деловой информации». В этом случае научное исследование не только не доведено до результата, но и невидимо. Авторы называют такой процесс производства научных знаний «невидимой наукой», когда научное знание скрыто от глаз общественности и профессионалов [6]. В работе приводится исследование, которое провела компания, по воздействию химических веществ на крыс в 1981 году. В результате исследования было выявлено отрицательное влияние на здоровье крыс, а впоследствии были выявлены случаи заболевания у сотрудников компании. Однако часть информации была скрыта от регулирующих органов и общественности. Отраслевая стратегия выборочного показа и обмена данными о воздействии, оставляя некоторые доказательства невидимыми, сокращает производство дальнейших исследований о воздействии на окружающую среду. Неполное раскрытие результатов исследований производителями принимало различные формы, включая техническое соответствие требованиям к отчетности, квалификации и объяснения, которые преуменьшали влияние на здоровье, а также полное утаивание соответствующих результатов исследований. Это показывает, как процесс производства научных знаний становится неравномерным и часто тормозится из-за теоретически предсказуемой модели институциональных конфликтов интересов [6, Р. 706]. Неравные возможности доступа или отказа от информации, которая создает и определяет области невидимой науки, являются результатом неравного распределения власти и ресурсов или преимуществ, связанных с доступом к знаниям и их защитой, которые кодифицированы в правилах, положениях и законах.

«Эпистемическая коррупция» - проект, направленный на разоблачение «невидимой науки», «корпоративного производства знаний» и любых искажений научных фактов, инициированных промышленными компаниями. На примере медицинских и экологических исследований были продемонстрированы механизмы коррупционной деятельности в области науки и производства научных знаний. Опасность применения этих механизмов заключается не только в появлении недостоверных фактов и заблуждении общественности, но и в доверии ко всему корпусу науки и научных разработок. Восстановление статуса науки и принципов ученых, конечно, не будет решением проблемы, необходимо подключение политических, административных и социальных ресурсов, например:

- создание независимой площадки для размещения объективных результатов научных исследований, поддерживаемой государством;

- с целью снижения лобби крупных корпораций и создания баланса в противовес корпоративным интересам необходимо активное включение государства в поддержку независимых научных исследований;
- ужесточение ответственности (в том числе уголовной) за сокрытие негативных результатов исследования.

Литература

1. Epistemic corruption [Электронный ресурс]. URL: (<https://www.epistemiccorruption.com/>). (дата обращения: 12.04.2022).
2. *Sismondo S.* Epistemic Corruption, the Pharmaceutical Industry, and the Body of Medical Science // *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. 2021. 6:614013.
3. *Sismondo S.* Ghost-managed Medicine: Big Pharma’s Invisible Hands. Manchester, United Kingdom: Mattering Press, 2018. 234 p.
4. *McHenry L. B.* Ghost-Managed Medicine: Big Pharma’s Invisible Hands, by Sergio Sismondo // *Kennedy Institute of Ethics journal*. 2019. Vol. 29. № 2. P. 12-16.
5. *Mesman J., Goodwin D., Jensen S., Springuel P.* Sergio Sismondo (2018) Ghost-Managed Medicine: Big Pharma’s Invisible Hands. Manchester: Mattering Press. 234 pages // *Science & Technology Studies*. 2019. Vol. 32. № 2. P. 104-106.
6. *Richter L., Corder A., Brown P.* Non-stick Science: Sixty Years of Research and (in)action on Fluorinated Compounds // *Social Studies of Science*. 2018. Vol. 48. № 5. P. 691–714.
7. *Gould K.* Slowing the nanotechnology treadmill: Impact science versus production science for sustainable technological development // *Environmental Sociology*. 2015. Vol. 1. № 3. P. 143–151.

«ПОСЛЕ ПОСТПОЗИТИВИЗМА: КАК ВЕРНУТЬ ДОВЕРИЕ “РАСКОЛДОВАННОЙ” НАУКЕ?»*

Л.А. Тухватулина

*Кандидат философских наук, исследователь
Русское общество истории и философии науки
E-mail: Spero-meliora@bk.ru*

В статье рассматривается проблема недоверия науке в современном мире. Показано, что ситуация с доверием имеет парадоксальный характер: с одной стороны, нарастает запрос на профессиональную экспертизу, с другой стороны – расширяются сети дениалистских сообществ, объединенных отрицанием научного консенсуса. Реконструируются основные особенности дениализма как эпистемической позиции. Обосновывается тезис о том, что дениализм обитает «в тени науки». У истоков дениализма нередко оказываются сами ученые, которые пренебрегают принципами объективности и добросовестности, формулируя высказывания за пределами своей сферы экспертизы. Укрепление доверия науке, соответствующее духу постпозитивизма, может быть связано с идеей самокритики науки. Самокритика предполагает как анализ эпистемических пороков ученых, так и исследование «провалов» в коммуникации между экспертами и общественностью.

Ключевые слова: постпозитивизм, дениализм, экспертиза, доверие науке, эпистемическая ответственность, публичные интеллектуалы

* Исследование подготовлено при поддержке РФФ, проект РФФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

AFTER POST-POSITIVISM: HOW TO GET BACK TRUST TO A “DISENCHANTED” SCIENCE?

L.A. Tukhvatulina

CSc in Philosophy, Researcher

Russian Society for the History and Philosophy of Science

E-mail: Spero-meliora@bk.ru

The article deals with the problem of distrust of science in the modern world. It is shown that the situation with trust has a paradoxical character: on the one hand, the demand for professional expertise is growing, on the other hand, the networks of denialist communities are expanding, united by the denial of scientific consensus. The main features of denialism as an epistemic position are reconstructed. The thesis that denialism lives "in the shadow of science" is substantiated. The origins of denialism are often the scientists themselves, who neglect the principles of objectivity and conscientiousness, formulating statements outside their own area of expertise. Building confidence in science, in line with the spirit of post-positivism, may be related to the idea of self-criticism of science. Self-criticism involves both the analysis of the epistemic vices of scientists and the study of "failures" in communication between experts and the public.

Keywords: postpositivism, denialism, expertise, trust in science, epistemic responsibility, public intellectuals

Отношение общественности к научному знанию в современном мире является противоречивым: с одной стороны, по мере развития просвещения нарастает спрос на научную экспертизу и интерес к научно-популярному знанию, с другой стороны – пугающим трендом современности становится дениализм (формирование сообществ, объединенных отрицанием научного консенсуса вне рамок научной дискуссии). Поляризация мнений стала особенно очевидной на фоне пандемии коронавируса, которая сопровождалась распространением не только биологического, но и информационного «вируса», породив феномен «инфодемии». Формирование сообществ, распространявших информацию о несуществовании или неопасности вируса, мнения о бессмысленности или вреде вакцинации, а также выражавших протест против введения санитарных ограничений ускорялось едва ли не прямо пропорционально получению все более обоснованного научного знания о свойствах вируса и способах минимизации вреда от его распространения.

Расширяющиеся дениалистские сети вызвали серьезную обеспокоенность не только экспертов и политических элит, ответственных за санитарно-эпидемиологические меры, но и философов, заставляя задаваться вопросом о причинах недоверия научному знанию в технократическую эпоху с ее верой в прогресс и способность науки приумножать общественное благо. «Парадоксальность» феномена дениализма становится еще более очевидной благодаря обнаружению внешнего сходства между научным и антинаучным знанием. Исследователь псевдонаучного знания С. Ханссон выделяет следующие общие черты: 1) дениалисты высказываются по вопросам, которыми занимаются ученые; 2) дениалисты представляют свою позицию так, как будто она содержит самое надежное знание по проблеме (критерий девиантной доктрины); 3) дениалистские доводы содержат невосполнимые пробелы; 4) дениалисты используют аргументы, «выкопанные из могил», которые ранее признавались научным сообществом, но впоследствии были отброшены [1]. Эти особенности антинаучных движений показывают, что дениалисты позиционируют себя как участников легитимной оппозиции официальной науке, которая отказывается признавать их лишь из нежелания делиться символическими ресурсами от монополии на истинное знание. При этом дениалисты заинтересованы не в том, чтобы добиться реального признания от ученых, а в том, чтобы получить поддержку вовне научного сообщества, у не-экспертов.

Интеллектуальные истоки дениализма связаны с наследием постпозитивизма, а именно – с «десакрализацией» научного знания и науки как практики. Постпозитивисты разрушили эзотерический образ ученого-демиурга, показав лабораторную рутину так, что научный поиск оказался совершенно тривиальной практикой. Разрушение «мифа о науке» не могло не привести к тому, что научное знание утратит часть своего авторитета, а альтернативные науке практики (лже- и псевдонаука) получат статус интеллектуально легитимных «традиций». Защита астрологии и иных антинаучных практик, которую осуществлял в своих работах П. Фейерабенд, была нацелена на то, чтобы показать, что ученые, высказываясь за рамками сферы своей экспертизы, часто нарушают принципы добросовестности и формируют мнения без должной информированности и аккуратности.

Ученые злоупотребляют своим авторитетом и зачастую пренебрегают требованиями рационального и объективного анализа, когда речь не идет о сфере их профессионального интереса. Именно так ученые «отмахиваются» от альтернативных науке практик как недостойных внимания. В этом смысле позицию Фейерабенда можно рассматривать не как апологию лженауки, а как критику самой науки, нацеленную на защиту ее эпистемической целостности и недопущение «двойных стандартов» в публичной и профессиональной деятельности ученых [2]. Любопытно, что позиция Фейерабенда могла бы быть дополнена благодаря новым сюжетам из недавней истории науки: именно недобросовестные ученые зачастую становятся источником «антинаучной ереси», когда, злоупотребляя профессиональным весом, начинают высказываться за рамками своей экспертизы. Например, нобелевский лауреат по биологии К. Муллис (изобретатель метода ПЦР), а также другой биолог П. Дюсберг (исследователь генетических предпосылок рака) в 1980-90-х стали интеллектуальными лидерами движения ВИЧ-диссидентов, первоначально отрицавших связь между ВИЧ и СПИДом. Такая позиция могла рассматриваться в качестве легитимной на заре исследований ВИЧ, однако по достижении научного консенсуса о причинно-следственной связи между ВИЧ и СПИД она стала антинаучной. Однако то обстоятельство, что антинаучные движения нередко возглавляются недобросовестными учеными, не делает их легитимной альтернативой официальной науке. В случае с ВИЧ-диссидентством особенно очевидно, что его легитимизация с отсылкой к ценности плюрализма попросту антигуманна, поскольку лидеры этого движения ответственны за жизни людей, отказавшихся от терапии, уверовав в безобидность/несуществование вируса.

Среди современных исследователей виднейшим последователем Фейерабенда в деле защиты эпистемического многообразия является С. Фуллер. Говоря о миссии интеллектуала, он отмечает, что «в конечном счете публичный интеллектуал — это агент справедливого распределения» [3, 232]. Его миссия состоит в том, чтобы компенсировать лакуны в публичной репрезентации идей, стремясь к тому, чтобы аудитория была максимально осведомлена о существующем спектре позиций по той или иной проблеме. Как пишет Фуллер, «подобный взгляд подразумевает понимание публичного в качестве цельной “интеллектуальной экологии” или “коллективного объема внимания”, подверженного обычным экономическим проблемам дефицита» [3, 233]. Интеллектуал не должен оставлять возможности «заглушить» те или иные проблемы в информационном шуме. Он должен стремиться и к тому, чтобы быть голосом тех людей, чьи убеждения оказываются в тени в силу асимметрии информационного пространства.

На мой взгляд, ответственность интеллектуала сегодня не может определяться одной лишь защитой «эпистемически угнетенных». Выделенная позиция интеллектуала предполагает ответственность и за содержание тех идей, которые он стремится сделать видимыми. Простого довода «от многообразия» недостаточно в мире, где информационные площадки в интернете позволяют носителям любых убеждений найти свою аудиторию. Сохранению «цельной интеллектуальной экологии» не будет препятствовать критика заблуждений дениалистов, которая, однако, должна организовываться не с позиции пренебрежения и личных упреков. Критика дениализма может организовываться в рамках самокритики науки. С одной стороны, она может быть адресована «эпистемическим порокам» ученых, которые приводят к тому, что ученые уходят в оппозицию сообществу и начинают отстаивать антинаучные идеи. С другой стороны, она может ориентироваться на анализ личной ответственности ученых и экспертов за «провалы» в коммуникации с не-экспертами (общественностью). Этот акцент на ответственности научного сообщества особенно важен, поскольку сегодня все чаще слышатся упреки в адрес «темной и необразованной» аудитории, которая впадает в легкое верие и идет на поводу у антинаучных гуру. Исходя из того, что ответственность пропорциональна привилегиям и ресурсам, которые есть у сторон, именно официальная наука, а также философы и социологи науки должны признать свою долю ответственности за дениализм и выработать адекватный ответ в рамках самокритики. Именно такой подход, на мой взгляд, соответствует образу науки после «постпозитивизма». Он может способствовать повышению доверия научному знанию, не создавая при этом нового «мифа о науке».

Литература

1. *Hansson S.* Science Denial as a Form of Pseudoscience // SHPS. 2017. No. 63. Pp. 39-47.
2. *Kidd J.P.* Why did Feyeraabend Defend Astrology? Integrity, Virtue, and the Authority of Science // Social Epistemology. 2016. DOI: 10.1080/02691728.2015.1031851
3. *Фуллер С.* Постправда: знание как борьба за власть. М.: ВШЭ, 2021. 368 с.

АСПЕКТ «НЕ-ЗНАНИЯ» В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ НАУКИ*

Е.А. Жарков

Исследователь

*Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»*

E-mail: flash45@yandex.ru

В настоящее время широко распространена точка зрения, что классический идеал чистой науки претерпел значительные трансформации. Современная наука погружена во множество проблемных контекстов (политика, экономика, национальные интересы, глобальные вызовы). Тем не менее, множественные изменения, произошедшие в мире и обществе в течение последних нескольких десятилетий, обязаны своей реализации результатам «чистой науки», представляющих, в совокупном дальнейшем смысле и на уровне множества акторов, «власть знания», ответственного за преобразование мира. Фокусировка внимания на чистоте науки, как выражения ее явно или неявно осознаваемой отделенности от нужд «внешнего мира» позволяет актуализировать существенный аспект – «не-знание» (ignorance), анализ которого в настоящее время является важным предметом исследований (Дж. Раветц, М. Гросс, З. Сардар). В связи с этим высказывается точка зрения, что фактор не-знания может выступать выражением потенциального онтологического слияния «научного» и «политического», научной и политической субъектностей. Особенное значение подобное слияние имеет на путях достижения «наукой и политикой» общественного блага.

Ключевые слова: политическая субъектность науки, власть знания, наука и практика, не-знание, неопределенность, общественное благо

THE ASPECT OF "IGNORANCE" IN THE LIGHT OF THE POLITICAL AGENCY OF SCIENCE

E.A. Zharkov

Researcher

*Interregional Non-Governmental Organization
«Russian Society for History and Philosophy of Science»*

E-mail: flash45@yandex.ru

Nowadays, there is a widespread view that the classical ideal of pure science has undergone significant transformations. Modern science is immersed in many problematic contexts (politics, economics, national interests, global challenges). Nevertheless, the multiple changes that have taken place in the world and society over the past few decades owe their realization to the results of "pure science", representing, in the aggregate further sense and at the level of many actors, the "power of knowledge" responsible for the transformation of the world. Focusing on the purity of science as an expression of its explicitly or implicitly perceived separation from the needs of the "outside world" allows us to actualize an essential aspect – "ignorance", the analysis of which is currently an important subject of research (J. Ravetz, M. Gross, Z. Sardar). In this regard, the point of view is expressed that the factor of ignorance can be an expression of a potential ontological fusion of "scientific" and "political", scientific and political agency. Of particular importance is such a merger in the ways of achieving the "science and politics" of the public good.

Keywords: political agency of science, the power of knowledge, science and practice, ignorance, uncertainty, public good

В одном из научно-популярных фильмов, Джим Аль-Халили, современный британский физик-теоретик и популяризатор науки, упоминал известный эпизод из истории термодинамики: исследования С. Карно и его идеальный термодинамический цикл. Отметим заслуживающий пристального внимания момент: Аль-Халили начал повествование с «мотивационного аспекта» –

* Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестке философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

факта обеспокоенности Карно значительным отставанием французской промышленности от передовой английской, в сфере использования энергии пара. Более подробно этот вопрос обсуждается в [1, р. 13-14].

Автора настоящих тезисов, как человека, окончившего физический факультет университета, данный сюжет наталкивает на мысли, связанные с нелегкими эпистемологическими вопросами: что вообще определяет выбор объекта и предмета исследований? Нетрудно заметить, что в приведенном выше примере прослеживается социо-эпистемический контекст: конкретное положение дел в государстве, и явилось, в некотором смысле, катализатором научной мысли.

Зададим провокационный, особенно с точки зрения классического идеала науки как процесса поиска истины, вопрос: чем, какой проблемой, занимался С. Карно? Решением важной практической задачи или разработкой основ термодинамики? В целях полноты следует принимать во внимание оба аспекта, хотя это, в свою очередь, порождает вопрос о величинах отдельных вкладов. Учитывая упомянутую мотивационную составляющую, акцентировка на решении только лишь практической задачи недостаточна. Примечательно, что практическая задача здесь оказывается в русле национальной повестки. В каком-то смысле, это позволяет вспомнить и о современных реалиях: научно-технологической конкуренции в глобальном мире, многочисленных вызовах (*challenges*), стоящих перед наукой и учеными.

В настоящее время ряд отечественных философов обратились к проблематике политической субъектности науки, краеугольным камнем которой является поиск четко выраженных форм ее реализации. Так, И. Т. Касавин упоминает о немецких физиках, намеренно саботировавших разработку атомной бомбы для нацистского правительства [2, с. 11]. В. Н. Порус и В. А. Бажанов вспоминают К. Сагана и Н. Н. Моисеева как ученых, действия которых оказали значительное влияние на политические решения, связанные с торможением гонки вооружений («ядерная зима») [3, с. с. 25-26].

Приведенные примеры относятся к «атомной теме», сильно перекроившей мир в 20-ом столетии и в буквальном смысле ставшей темой «войны и мира» (военный атом и мирный атом). И они, подчеркнем, преподносятся как формы реализации эпизодической, фрагментарной политической субъектности науки. Естественно, было бы трудно представить их жизненную реализацию без предшествующих открытий чистой науки.

Необходимо упомянуть и проблематику власти знания, которая, в свою очередь, инициирует непростые вопросы о возможных соотношениях власти знания, власти науки и ученых [4, с. 7-9]. С одной стороны, введение в рассмотрение «власти знания» еще более усложняет познавательную ситуацию (анализ политической субъектности науки). С другой стороны, апелляция к «знанию» позволяет актуализировать другой существенный аспект – «незнание».

В настоящее время проблематика «незнания» приобрела особенно серьезное значение: (1) в мире генерируется огромное количество разнообразных данных; (2) остро стоят проблемы их восприятия, анализа и конструктивного использования, (3) данные в совокупности с результатами их интерпретаций становятся элементами возможных политических решений (и их последствий). В частности, в связи с указанными факторами, «не-знание» (*ignorance*) стало актуальной темой у современных исследователей [5, р. 1-3]. Примером подхода, акцентирующим значительное внимание на «не-знании» является пост-нормальная наука (*post-normal science*) (Дж. Раветц, С. Фунтович), послужившая, в свою очередь, идейным базисом формирования представлений о пост-нормальной эпохе (*post-normal times*) (З. Сардар) [6].

Состояние (условного) современного ученого, оказывающегося в пост-нормальном мире, нагруженном сложностью и неопределенностью, может оказаться вполне «соответствующим» этому миру. И ученому может быть весьма непросто, подобно С. Карно, «выбрать» проблему, решение которой представляется существенной для экономики государства. Кроме того, возникает резонный вопрос: а по какой причине, раз уж мы говорим о выборе, именно ученый должен выбирать проблему?

Представители чистой науки, исследующие таинственные вопросы радиоактивности в конце 19-ого в. (подчеркнем здесь контрастное отличие по сравнению с термодинамикой, и мотивацией С. Карно), не задумывались о каких-либо практических и тем более политических последствиях применения результатов их исследований. С другой стороны (и это может показаться весьма неожиданным), вспомним известное утверждение К. Маркса о том, что философии следует перейти от описания мира к его изменению. Нетрудно видеть, что это утверждение может быть рассмотрено в качестве явного призыва к практическому действию. Оно даже, конечно, с весьма немалой натяжкой, напоминает пример с С. Карно, хотя, в его случае, конечно, масштаб желаемых изменений гораздо меньше.

В свете «практического контекста», попробуем идентифицировать объединяющий приведенные в предыдущем абзаце примеры смысловой оттенков. Ученые (физики и химики), занимавшиеся в начале 20-ого века чистой наукой, рассматриваемые в ретроспективе, были в состоянии именно глубокого «не-знания» об отдаленном будущем. Философия, гуманитарное мышление (например, в лице К. Маркса) претендовала на разработку социального проекта, определенного знания, нацеленного на изменение мира.

Примечательно, что в обоих примерах между «начальным» и «конечным» состояниями пролегла существенная область не-знания – не-знания будущей реальности, возможного воплощения и/или не-воплощения научных идей. Нам представляется, в рамках рабочей гипотезы, интересно было бы апеллировать (обращая известный концепт М. Полани) к «неявному не-знанию». «Неявность» в данном случае следует относить не к «внутреннему миру» ученых, а к их возможному восприятию мира «за пределами науки».

Сегодня трудно говорить о чистой науке, в том смысле, в каком ее понимали, например, в конце 19-ого в. Это означает и «смещение ее пределов», смещение многомерное и множественное. Как подчеркивает В. Н. Порус: «Наука (*сегодня*, курсив – *Жарков Е. А.*) не представляет собой целостности, объединенной универсальными целями, ценностями, интересами, принципами и образцами поведения ученых» [7, с. 17]. Вместе с тем, это позволяет говорить и о том, что не-целостность означает [возможную] открытость *иному*.

В классическом понимании политическая деятельность предполагает в качестве цели благо. На наш взгляд, одним из существенных особенностей политики может служить ее пространственность и временность («здесь и сейчас»), в отличие от внепространственности и вневременности науки. Это, естественно, не означает, что политик, государственный деятель не может думать, рассчитывать и планировать на годы вперед. Тем не менее, согласимся, что будущее нелегко сегодня увидеть таким, каковым оно окажется именно в [будущей] действительности, а не возможности.

Подобный фактор не-знания, на наш взгляд, и может выступать выражением потенциального онтологического слияния «научного» и «политического», научной и политической субъектностей. Так, апелляция политика к общественному благу, возможному в некоторой перспективе, неизбежно поднимает и проблему его реального осуществления, и, следовательно, обнаруживает проблемные пласты – «пласты не-знания», лежащие «на пути к благу». И в этом случае силы современной науки, в лице отдельных ученых, институций, экспертных сообществ или других возможных институциональных форм, способны сослужить хорошую службу политике, направляя ее действия в конструктивное русло.

Литература

1. Carnot S., Mendoza E. Introduction. In: Reflection on the Motive Power of Fire and other papers translated into English. Ed. E. Mendoza. Mineola and New York: Dover Publications, 1988. P. 13–27.
2. Касавин И. Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–14.
3. Порус В. Н., Бажанов В. А. Пост-нормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 4. С. 15–33.
4. Грундманн Р., Штер Н. Власть научного знания. СПб.: Алетейя, 2015. 324 с.
5. Gross M., McGoey L. Introduction. In: Routledge International Handbook of Ignorance Studies. Ed. M. Gross & L. McGoey. London and New York: Routledge, 2015. P. 1–14.
6. Sardar Z. The smog of ignorance: Knowledge and wisdom in postnormal times // Futures. 2020. vol. 120. P. 102554.
7. Порус В. Н. Выводится ли политическая субъектность науки из фактов? // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 16–21.

ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ НАУКИ*

Е.В. Масланов

*Кандидат философских наук
Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»
E-mail: evgenmas@rambler.ru*

В статье анализируется специфика политической субъектности науки в рамках техногенной цивилизации. Для нее наука и техника играют ключевую роль. Они выступают ключевыми драйверами экономического роста. Результаты научных исследований и новые технологические разработки становятся важными элементами жизненного мира человека. При этом они оказываются важными актерами способными влиять на функционирование жизненного мира. Ученые и инженеры представляют интересы как нечеловеческих, так и человеческих акторов. Благодаря их участию формируются гибридные коллективы, включающие в себя как первых, так и вторых. Политическая субъектность науки в техногенной цивилизации связана не с борьбой за власть. Она базируется на способности ученых и инженеров формировать коллективы людей и нелюдей, давать последним голос и создавать само пространство политического.

Ключевые слова: наука, политика, политическая субъектность науки, нечеловеческие акторы, техногенная цивилизация, гибридные коллективы

TECHNOGENIC CIVILIZATION AND POLITICAL SUBJECTIVITY OF SCIENCE

E. V. Maslanov

*CSc in Philosophy
Inter-regional non-government organization
Russian Society of History and Philosophy of Science
E-mail: evgenmas@rambler.ru*

The article analyzes the specifics of the political agency of science within the framework of technogenic civilization. Science and technology play a key role in technogenic civilization. They are key drivers of economic growth. The results of scientific research and new technological developments are becoming important elements of the human life world. At the same time, they turn out to be important actors capable of influencing the functioning of the life world. Scientists and engineers represent the interests of both non-human and human actors. Thanks to their participation, hybrid teams are formed, including both human and non-human actors. The political agency of science in technogenic civilization is not connected with the struggle for power. It is based on the ability of scientists and engineers to form collective of human and non-humans, give non-human a voice and create the space of the political.

Keywords: science, politics, political agency of science, non-human actors, technogenic civilization, hybrid collective

Наука не только познавательный, но и социальный феномен. Она может выполнять различные социальные функции. Новоевропейская наука начиналась как мероприятие по бескорыстному поиску истины. Предоставлять обществу непосредственную пользу не было для нее основной задачей. Открытие законов природы рассматривалось как важнейший результат научных исследований. Однако в настоящее время именно прикладное значение науки выходит на передний план. Ее можно рассматривать как один из факторов необходимых для экономического развития общества. Достижения фундаментальной и прикладной науки – ключевые элементы необходимые для формирования устойчивого экономического роста. На их основе создаются изменяющие мир технологии. Они дают возможность развиваться новым рынкам сбыта и отраслям промышленности. Знание не просто сила, но и двигатель экономического прогресса. Наука становится и важнейшим социальным фактором. Через систему образования она формирует ценности современных обществ,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки

сообщает знания об окружающем мире и формирует ключевые компетенции необходимые для жизни. Все это красноречиво свидетельствует о том, что наука – это одна из ключевых основ современной цивилизации.

В настоящее время формируется особый цивилизационный тип – техногенная цивилизация. По многим параметрам она отличается от традиционных обществ [1]. В этой работе для нас важно то, что именно для этого типа цивилизации характерна особая роль науки и техники. Конечно же, это не означает того, что раньше они не играли особой роли в жизни общества. Однако именно в этом цивилизационном типе наука, техника и техническое стали не просто одним из дополнительных измерений социального. Теперь это не только средства, которые позволяют нам овладеть миром. Они вошли в структуры нашего жизненного мира и растворились в нем, его больше невозможно представить без них. Во многом они стали плотью и кровью техногенной цивилизации, что и отличает этот цивилизационный тип от всех остальных.

Внедрение результатов научных исследований, особая роль техники и технического в жизненном мире привели к последствиям, которые вряд ли можно было предсказать заранее. Они коснулись не только созданных людьми технических артефактов, но и объектов естественного мира. Мы привыкли к существованию разрыва между людьми и нелюдьми. Первые составляют общество, тогда как вторые из него исключены. Такое разделение подвергалось критике, но и сама эта критика признавала, что, например, исследователи, долго исходили из этого разделения [2]. Однако в техногенной цивилизации оно явно теряет свою актуальность. Технические устройства, объекты, изучаемые и конструируемые наукой, программы, вирусы и объекты естественного мира становятся важными участниками общества-коллектива. Болезни и вирусы влияют на общественную жизнь, не только в период эпидемий, это было характерно и для иных цивилизационных типов, но и в обычной жизни. Экологические вопросы в целом и вопросы, связанные, например, с утилизацией атомных отходов и «зеленой» энергетикой, в частности – приобретают центральную роль в современном обществе. Компьютерные программы и алгоритмы оказывают огромное влияние на нашу жизнь, а их исключение из нашего повседневного мира может приводить к тяжелым экономическим и психологическим последствиям.

Все это свидетельствует о том, что новые технологические и природные агенты не просто включены в нашу жизнь, но и активно воздействуют на нее. Их влияние очень часто не заметно, но при этом оно всегда присутствует [3]. Они поддерживают экономическую и техническую инфраструктуру. В том случае, когда они действуют согласно нашим планам – не происходит ничего неожиданного. Однако, как только их поведение не совпадают с нашими предсказаниями и представлениями о них, могут случаться различные происшествия. Не работающие электрические сети могут привести к проблемам в жизни отдельных городских территорий или целых городов. Вышедшая из-под контроля болезнь – «заморозить» общественную жизнь стран и континентов. Нечеловеческие акторы обладают властью над нашей жизнью и могут нарушать ее привычный ход. Но делают они это «молча». Они никогда не скажут о своих желаниях, не сформулируют свои запросы и не предложат пути их решения. Являясь частью нашего общего коллектива техногенной цивилизации, они его участники без права голоса. Но именно это и является важной проблемой. Подобное «молчание» не позволяет выстраивать эффективные взаимодействия.

Игнорирование нечеловеческих акторов приводит к проблемам. Следовательно, общему коллективу людей и нелюдей нужны переговорщики, способные их представлять. Эту роль могут взять на себя группы, которые постоянно находятся в контакте с нелюдьми и в некотором смысле уже сейчас представляют и конструируют их для всего человеческого сообщества. Это инженеры и ученые, специалисты технонаучных исследований. Именно они в процессе исследований и разработок вводят нечеловеческие акторы в человеческие общества и создают гибридные коллективы [4]. Поэтому они могут представлять их интересы, ведь только через исследования нелюди способны высказать свои представления. Однако это делает инженеров и ученых достаточно специфической группой. Они сразу выполняют две роли. С одной стороны, выступают представителями нечеловеческих акторов. Только их действия могут позволить им перестать «молчать» и начать «говорить». Но разговор этот всегда будет переводом, предполагающим заинтересованную деятельность переводчика. С другой стороны, они всегда выступают представителями человеческих акторов. Именно это позволяет им включиться в игру перевода и пытаться встроить нелюдей в жизненный мир людей.

Эта двойственная позиция ученых и инженеров приобретает особое политическое измерение. В этом случае под политикой совершенно не обязательно понимать борьбу за власть или стремление занять ведущие посты в системе государственного управления. Хотя, конечно же, ученые и инженеры, выступающие «переводчиками» интересов людей и нелюдей друг другу, оказываются

в привилегированном положении. Они способны говорить от имени и тех и других и пытаться навязать свою волю всем участникам взаимодействия. Это дает им возможность отстаивать собственные интересы. Выступая от имени нелюдей они оказываются группой, претендующей на монопольное знание их интересов и способов поведения, а поэтому они единственные кто способен предложить правдоподобные стратегии работы с ними. Для нелюдей они единственные кто может как ввести их в мир людей, так и противостоять этому, пытаясь либо не замечать их, либо разработать механизмы борьбы с ними. Таким образом, ученые и инженеры обладают вполне реальной политической властью. Они могут формировать стратегии взаимодействия с различными участниками общих коллективов, а поэтому обладают реальной, хоть и не заметной властью.

Но особенным политическим измерением, которое и дает возможность сформироваться политической субъектности науки, становится то, что она в буквальном смысле «собирает» коллективы людей и нелюдей. В этом случае политическая субъектность науки связана не только с представлением интересов различных групп. Она заключается в том, что само наличие исследовательской практики позволяет формироваться этим общим коллективам. Давая «голос» «молчаливым» нечеловеческим акторам, наука формирует пространство взаимодействия, которое подразумевает решение совместных проблем и стремление к формированию новых коллективов. Получается, что политическая субъектность науки связана с формированием самого пространства политического, как пространства возможного взаимодействия и распределения власти между его участниками. Без участия науки никаких локаций для взаимодействия не может быть сформировано. Но оно всегда связано с созданием пространства диалога.

Политическая субъектность науки — это не только борьба за власть представлять «молчаливых» участников взаимодействия, хотя она это и предполагает. Это сама возможность формировать пространство взаимодействия людей и нелюдей, а следовательно, и создавать условия для решения вопросов о власти в их взаимодействиях. Наука не просто изучает мир, но и творит новые пространства политических отношений.

Литература

1. *Степин В. С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
2. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д.Я. Калугина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
3. *Law J.* After Method. Mess in Social Science. – London and New York: Routledge, 2004. 196 p.
4. *Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

КАНТОВСКИЙ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ КАК «МЕТАФИЗИКА
ВОЗМОЖНОГО ОПЫТА»: РЕАЛИЗМ И/ИЛИ АНТИ-РЕАЛИЗМ
(КОНСТРУКТИВИЗМ)

КАНТОВСКИЙ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА НАТУРАЛИЗМУ
И КОНСТРУКТИВИЗМУ

С.Л. Катречко

Кандидат философских наук, доцент

Государственный академический университет гуманитарных наук

E-mail: skatrechko@gmail.com

Кантовский трансцендентализм можно рассматривать как метафизическую теорию возможного опыта, связанную с решением проблемы соответствия, поставленной им в письме к М. Герцу (21.02.1772): «На чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету?». Кант рассматривает два альтернативных способа решения этой проблемы: «от предметов к представлениям» (эмпиризм), и «от [априорных] представлений к предметам опыта» (априоризм), — и выбирает второй из них, совершая, тем самым, свой «коперниканский переворот». Введение Кантом ноуменального вектора говорит о кантовском априоризме, но поскольку Кант сохраняет эмпирический вектор, то его трансцендентализм совместим с эмпирическим реализмом [A370–1], а трансцендентальный идеализм в качестве метафизики возможного опыта представляет собой синтез натурализма (эмпиризма) и конструктивизма (априоризма).

Ключевые слова: Трансцендентализм (трансцендентальная философия) Канта, коперниканский переворот, эмпирический реализм, трансцендентальный идеализм

KANT'S TRANSCENDENTALISM AS ALTERNATIVE OF NATURALISM
AND CONSTRUCTIVISM

S.L. Katrechko

CSc in Philosophy, Associate Professor of Faculty of Philosophy

State Academic University of the Humanities

E-mail: skatrechko@gmail.com

Transcendental philosophy of Kant is the first theory of experience (scientific knowledge) re-lated to the solution of the [semantic] problem set in his famous letter to M. Hertz (02.21.1772): “What is the ground of the relation of that in us which we call 'representation' to the object?” There are two ways to solve it, and Kant himself chooses the second of them, thus making his “Copernican Revolution”. Does the idea that Kant is an idealist follow from that, all the more as he often refers to his philosophy as to transcendental idealism? The analysis of the internal structure of the Copernican Revolution shows that it is possible to highlight two vectors: the empirical (from the thing-in-itself to representations) and the noumenal ones (from the transcendental unity of apperception [or transcendental object] to the thing-as-it-appears-to-us). Keeping empirical vector says that Kant's theory of experience is an empirical realism [A370–1] and his transcendentalism is a reflective (meta-level) epistemological (methodological) superstructure above it.

Keywords: Kant's transcendentalism (transcendental philosophy), Copernican revolution (turn), empirical realism, transcendental idealism

«... Выходом [для современной философии] может быть
[лишь] *возрождение трансцендентализма*»

А.П. Огурцов

В своей книге «*Кантовская критика чистого разума: основания современной философии*», которая начинается с цитаты А. Шопенгауэра о том, что *Критика* является величайшей книгой по философии из когда-либо написанных в Европе, О.Хёффе пишет о *ре-трансцендентализации* современной философии, к которой он относит прагматизм Пирса, феноменологию Гуссерля, трактат «Бытие и время» Хайдеггера, «Логико-философский трактат» Витгенштейна, концепцию раннего Рассела и Поппера, аналитические концепции Селларса, Стросона, Куайна, Дэвидсона, Патнема и других³. Сходным образом Т. Рокмор в книге «*Следуя Канту*» [6] рассматривает кантовский трансцендентализм как предтечу (основание) таких известных философских течений XX в. как неокантианство (марбургская и баденская школа), американский прагматизм (Льюис, Дьюи, Пирс, Рорти), англосаксонская аналитическая философия (Рассел, Мур и др.), современная континентальная философия (феноменологии Гуссерля и ее последующее развитие), а также марксизма и (нео)тоимизма. Все это говорит о том, кантовский трансцендентализм является не просто одной из оригинальных философских концепций, а «стоит у истоков нового способа философствования» [8, с.87], нацеленных на исследование концептуальной структуры нашего познания. Соответственно, лишь «*возрождение трансцендентализма*» как «снятие» альтернативы *натурализма* и *конструктивизма* может быть выходом для современной философии [науки] [9, т.3, с.376–377].

Однако при этом, как замечает К. Америкс [10, р.329], за прошедшие более чем 200 лет со дня публикации «Критики чистого разума» так и не удалось достичь консенсуса относительно того, как следует понимать кантовскую трансцендентальную философию. Причем в настоящее время существует несколько альтернативных *прочтений* Канта: феноменалистское, реалистическое, методологическое, аналитическое, феноменологическое и др., — некоторые из которых несовместимы друг с другом. Поэтому возникает вопрос: являются ли это интерпретациями одного и того же *Канта* или же можно/надо говорить о разных *Кантах* и, соответственно, о разных версиях трансцендентализма?

Вместе с тем во второй половине XX в. происходит *второе* (после неокантианства) переоткрытие Канта, знаковой для которого стала книга П. Стросона «Границы смысла» [11]. В настоящее время издается большое количество работ, посвященных осмыслению и развитию кантовскому трансцендентализму. В отличие от неокантианского (нео-позитивистского) «открытия» Канта второй половины XIX — начала XX веков («Назад к Канту!») спецификой современного интереса выступает то, что, во-первых, тон сейчас задает англосаксонская, тяготеющая к аналитике, философская традиция, а во-вторых, хотя оно и началось в аналитической (resp. пост-позитивистской) философии, но нельзя говорить о какой-то единой философской традиции, в рамках которого происходит современное развитие кантовского трансцендентализма. При этом важной вехой современной трактовки трансцендентализма как теории опыта выступает новое — «революционное» [13] — прочтение кантовской «Критики чистого разума»⁴ в рамках так называемой теории «двух аспектов», которая пришла на смену теории «двух объектов/миров». Несмотря на то, что данная интерпретации не лишена ряда концептуальных недостатков, она выступила катализатором кантоведческого бума конца XX — начала XXI вв. и предопределила реалистический тренд в понимании кантовского трансцендентализма, который находит свое выражение в работах П. Абелы [13], Л. Эллайс [14]⁵.

Предваряя более детальный анализ кантовского трансцендентализма, заметим, что кантовский трансцендентальный проект по мере его развития претерпевает определенные изменения и можно выделить три его модуса, развиваемый Кантом, соответственно, в 1-м изд. *Критики*, *Прологоменах* и 2-м изд. *Критики*. Здесь нас будет интересовать второй модус трансцендентализма, развиваемый в *Прологоменах*, который можно назвать *метафизикой возможного опыта*. Этот модус получает свое развитие в неокантианстве (ср. с названием книги Г. Когена «Теория опыта Канта»), а в XX в. (далее) — в нео-позитивизме (Г. Рейхенбах, Р. Карнап) и пост-позитивизме (Т. Кун, И. Лакатос, Х. Патнем).

Что представляет собой кантовская *метафизика возможного опыта*? В своей работе «Границы смысла» [24], посвященной анализу кантовского трансцендентализма П. Стросон выделяет три типа метафизики: 1. *метафизику опыта*, 2. *трансцендентную метафизику* и 3. *метафизику трансцендентального идеализма*. В кантовском трансцендентальном проекте подвергается критике

³ Под *ре-трансцендентализацией* Хёффе понимает исследование [трансцендентальных] условий знания, которые независимы от опыта [т.е. априорны], но которые вовлечены в опыт [5, р.397, 399].

⁴ Далее указание на «Критику чистого разума» [1] (далее — *Критики*) будем давать в международной пагинации.

⁵ Здесь мы перечислили лишь две из современных монографий по реалистической трактовки трансцендентализма, хотя в последнее время публикуется большое количество работ по теме «идеализм vs. реализм». Отметим в этой связи сборник [15], в котором представлен обзор разных трактовок трансцендентализма.

(отвергается) предшествующая трансцендентная [догматическая] метафизика, а Стросон, в свою очередь, подвергает сомнению состоятельность кантовского *трансцендентального идеализма*. *Метафизика же опыта* представляет собой, если можно так выразиться, минималистскую метафизику (resp. трансцендентализм в слабом смысле), нацеленную на рефлексивное осмысление опыта, путем выявления лежащей в его основе *концептуальной схемы* (resp. трансцендентальных условий). Как мы уже отмечали выше, такая метафизика развивается Кантом в его *Пролегоменах* и получает свое развитие в неокантианстве и постпозитивизме. Вместе с тем, точнее ее именовать *метафизикой возможного опыта/опытного знания* (нем. *Erfahrung*⁶), следуя указанию Канта о том, что метафизика опыта должна быть применима не только к данному, но любому возможному (в том числе и к будущему) опыту. Причем, если в случае Канта трансцендентальная *метафизика опыта*, строится применительно к *математическому естествознанию* XVIII в., то это не исключает (предполагает) ее дальнейшее развитие применительно к науке XX в.

Наша трактовка трансцендентализма как метафизики возможного опыта связана с *когнитивно-семантическим прочтением* Канта, основой для которого выступает его письмо к М. Герцу (21.02.1772), где впервые излагается замысел «Критики чистого разума». В нем Кант определяет главную задачу трансцендентализма как разрешение следующей [*семантической*] *проблемы соответствия*: «Продумывая теоретическую часть... я заметил, что мне не хватает еще кое-чего существенного, что... я упустил из виду и что в действительности составляет ключ ко всей тайне метафизики... Я поставил перед собой вопрос: *на чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету?*» [2, с.487].

На важность этой проблемы указывает и то, что в кантовских *Критике* и *Пролегоменах* она трансформируется в *главный трансцендентальный вопрос* о возможности априорных синтетических суждений [3, с.33], решение которого составляет основную задачу трансцендентальной философии: «*вся трансцендентальная философия, необходимо предшествующая всякой метафизике, сама есть не что иное, как полное разрешение предложенного здесь [трансцендентального] вопроса («как возможны синтетические суждения априори?» – С.К.)... , так что до сих пор еще не было никакой трансцендентальной философии*» [3, с.32].

Тем самым концептуальной новацией Канта выступает *эпистемическая* переориентация прежней догматической метафизики в «научную» метафизику, в основании которой лежит «*измененный метод мышления*» [ВXVIII]. Это позволяет решить проблему соответствия посредством *коперниканского переворота*: «Задача этой критики... разума состоит в попытке изменить прежний способ исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей» [ВXXII].

Кантовский *коперниканский переворот* связан с преодолением преобладающих в его время эмпирических концепций познания, которую можно задать с помощью следующей системы постулатов: (1) [объективно] существуют предметы, которые (2) воздействуют на нас [этим задается эмпирический вектор «от предметов к представлениям»], а (3) наше знание предопределяется этим воздействием, оно изоморфно вещам. Подобные концепции объясняют соответствие предметов и эмпирических представлений (постулируя изоморфизм между ними), но не могут решить проблему соответствия для научного [теоретического] знания, которое содержит в своем составе аподиктические *законы*, не имеющие эмпирического происхождения, поскольку в опытных данных фиксируется то–что–есть (*действительность*), а не то–что–должно–быть (*необходимость*). Поскольку невозможна никакая эмпирическая *дедукция* априорного, т.е. генезис априорных представлений, каковыми являются *априорные формы* чувственности и рассудка, посредством их абстрагирования из *содержания* опыта [B118–119 и далее] и надо искать другой способ решения проблемы соответствия.

В общем решение проблемы соответствия возможно посредством одной из двух альтернатив: либо наши априорные формы чувственности и рассудка соответствуют эмпирическим предметам (эмпиризм), либо эмпирические предметы соответствуют нашим априорным структурам (априоризм). Поскольку эмпиризм не может удовлетворительно решить проблему соответствия, то Кант выбирает альтернативное решение, связанное с изменением направления познания, тем самым совершая свой *коперниканский переворот*, который можно определить как переход к модифицированному тезису п. 3*: предметы опыта *подчиняются* нашим априорным формам. В кантовском решении наличие априорных форм познания постулируется (resp. обосновывается) изначально, что решает проблему

⁶ Кант отождествляет в *Критике Erfahrung* (опыт) и *Empirische Erkenntnis* (эмпирическое знание) [B147–8]. При этом кантовский термин *Erkenntnis* выступает не полноценным «знанием» (knowledge) в современном смысле слова, а означает скорее «отсылку (reference) [представления] к предмету» [12, p. 241–2].

аподиктичности законов науки, а эмпирический вектор познания «от [внешнего] предмета к [внутреннему] представлению» изменяется на противоположный, что решает *проблему соответствия* путем *подчинения* предметов [опыта] нашим априорным представлениям: «все предметы опыта должны необходимо сообразовываться и согласовываться [с априорными категориями и основоположениями рассудка]» [ВXVIII] и «нашей [априорной] способностью к созерцанию» [ВXVII], поскольку «в априорном познании может быть приписано *объектам* только то, что мыслящий *субъект* берет из самого себя» [ВXXIII]. Однако переход к п. 3* требует уточнения, т.к. подчинения эмпирических предметам априорным представлениям чувственности и рассудка абсурдно. Поэтому Кант дополняет свою аксиоматику тезисом (п. 4) о различении вещей самих по себе и явлений, что смягчает парадоксальность кантовского решения. С учетом этого различения п. 3* выглядит так: нашему рассудку «подчиняются» не сами предметы (= кантовские вещи сами по себе), а лишь предметы опыта (= кантовские явления). Тем самым Кант осуществляет свой «коперниканский переворот» в метафизике путем введения основополагающего для трансцендентализма различения «явление vs. вещь-сама-по-себе» (resp. трансцендентальной триады «вещь сама по себе (нем. *Ding an sich*) – явление (нем. *Erscheinung*) – представление (нем. *Vorstellung*)»), а собственно кантовская «революция в метафизике» состоит в том, что эмпирические [обычные] *вещи*, которые наивный ум рассматривает в качестве реально существующих, рассматриваются теперь как трансцендентальные *явления* (хотя при этом они не превращаются в *трансцендентальную видимость* (нем. *Schein*)). Таким образом, в опыте нам даны лишь предметы опыта и поэтому все [эмпирические] основоположения (законы) следует формулировать относительно них, а не вещей самих по себе.

Тем не менее, кантовский «переворот» все же сохраняет парадоксальность для здравого смысла, поскольку предметы опыта (которые наивный реалист считает реально существующими вещами) нам не *даны*, а *заданы*, *сконструированы* нашим сознанием по его априорным лекалам: собственно, именно поэтому предметы опыта и «соответствуют» нашим представлениям. Поэтому опираясь на фр. [ВXVIII] о том, что наш разум «в априорном познании приписывает объектам [природы] только то, что мыслящий субъект берет из самого себя» [ВXXIII]⁷ (см. также фр. [ВXII, XIII, XVI]), кантовский трансцендентализм можно рассматривать как предтечу современного *конструктивизма* («мы сами конструируем реальность»)⁸.

Однако поскольку Кант признает существование реальных вещей, которые, до всякого конструирования со стороны рассудка, аффицируют нашу чувственность, то трансцендентализм не является *анти-реализмом*. Точнее трансцендентализм определить как *минимальный реализм*, а его основополагающую аксиому можно записать следующим образом:

«знание = априорное ('форма') + апостериорное ('материя')»

В ней постулируется наличие в нашем познании не-опытного компонента, фиксируемой Кантом как *априорные формы*, а в современной философии как *концептуальная схема* (П. Стросон, Д. Дэвидсон), или *категориальная структура* (С. Кёрнер, М. Лу) познания⁹.

При этом надо учитывать, что априорное определяет лишь *форму* закона, но не его эмпирическое содержание (материю). Так, например, в законе всемирного тяготения Ньютона его форма (формула) может рассматриваться как априорная, а реальная (конкретная) расчетная сила притяжения двух тел зависит от их эмпирической массы и расстояния между ними. Соответственно, имеющаяся у нас априорная форма пространства («пространственные очки») предопределяет восприятие стола как пространственного тела, но его конкретные размеры (и другие характеристики), в частности то, что перед нами находится вот этот стол длиной в 1 метр, даются эмпирическим путем. Как пишет по этому поводу Кант, «без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта...» [В1], хотя «отсюда вовсе не следует, что оно [познание] целиком происходит *из* опыта» [В1]. Тем самым, в нашем (по-)знании переплетены априорная (конструктивизм) и апостериорная (натурализм) составляющие

⁷ Заметим, что данная конструктивистская линия получает свое развитие в поздней кантовской рукописи *Opus Postumum* [4]. Там он подчеркивает, что всё, что нам дано — нами сделано, что мы «всё делаем сами» [4; с. 706] (см. *Opus Postumum: Convolut X*, s.309, 318, 319, 366, 382, 391, 415; *Convolut XI*, s.497, etc.).

⁸ Среди представителей конструктивизма можно найти как прямых наследников кантовского трансцендентализма: *эрлагенская школа конструктивизма* (Г. Динглер, П. Лоренцен), концепция *эпистемологического конструктивизма* (Т. Рокмор), *интерпретационного конструктивизма* (Х. Ленк), — так и сторонников более радикальных версий, отрицающих кантовский эмпирический реализм, к которым относятся *радикальный конструктивизм* (Э. Глазерсфельд, У. Матурана, Ф. Варела и др.) и *социальный конструктивизм* (Н. Луман, Дж. Серль и др.).

⁹ В нашей работе мы, соответственно, характеризуем трансцендентализм Канта как *концептуальный реализм* [26].

и трансцендентальный анализ должен дать четкое распределение приписываемых предмету априорных и апостериорных характеристик.

Современная *пост-позитивистская* философия науки использует базовые кантовские интуиции. Р. Карнап говорит о наличии в структуре знания априорного «языкового каркаса», Д. Дэвидсон — о «концептуальной схеме»; У. Селларс развивает *a la* кантианскую критику «мифа Данного», а Х. Патнэм — *a la* кантианский *внутренний реализм*. Конструктивный подход Канта (наряду с его реализмом) получил развитие в концепциях критического реализма (А. Риль), научного реализма (У. Селларс), критического научного реализма (И. Нийнилуотто), структурного и трансцендентального реализма (Дж. Уорелл, М. Битбол).

Литература

1. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках. М.: Наука, 2006. Т.2.
2. *Кант И.* Письма // Кант И. Соб. соч. в 8-ми тт. Т.8. М.: Чоро, 1994.
3. *Кант И.* Прологомены // Кант И. Соб. соч. в 8-ми тт. Т.4. М.: Чоро, 1994.
4. *Кант И.* Из рукописного наследия. М.: Прогресс, 2000.
5. *Höffe O.* Kant's Critique of Pure Reason: the Foundation of Modern Philosophy. Dordrecht: Springer, 2010.
6. *Rockmore T.* In Kant's Wake: Philosophy in the Twentieth Century. London: Wiley Blackwell, 2006.
7. *Фуко М.* Порядок дискурса //Его же. Воля к истине. М.: Касталь, 1996.
8. *Огуцов А.П.* Философия науки: двадцатый век (в 3 тт.). СПб., Изд. дом «Мир», 2011.
9. *Ameriks R.* Kant's Idealism on a Moderate Interpretation, in: Schulting and Verburgt (eds), Kant's Idealism: New Interpretations of a Controversial Doctrine. Dordrecht: Springer, 2011, p. 29–53.
10. *Bird G.* The Revolutionary Kant: A Commentary on the Critique of Pure Reason. Chicago: Open Court, 2006.
11. *Strawson P.F.* The Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. London and New York: Routledge, 1966.
12. *George R.* Kant's sensationism // Syntese. 1981. No 47. p. 229–255.
13. *Abela P.* Kant's Empirical Realism. Oxford: Clarendon Press, 2002.
14. *Allais L.* Manifest Reality: Kant's Idealism and his Realism. Oxford University Press, 2015.
15. *Shulting B., Verburgt J.* Kant's Idealism: New Interpretations of a Controversial Doctrine, 2011.
16. *Камречко С.Л.* Является ли кантовский трансцендентализм идеализмом? Концептуальный реализм Канта // Трансцендентальный журнал. 2021. Т. 2. Вып. 1, URL: <https://ras.jes.su/transcendental/s271326680015836-9-1>.

ДВЕ СТРАТЕГИИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.А. Медова

Доктор философских наук, профессор

Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва

E-mail: amedova@list.ru

Работа разворачивается как диалог с Дж. Н. Моханти относительно двух вопросов: можно ли говорить о трансцендентальном методе и, если да, то можно ли говорить о единстве этого метода на уровне типичных для него исследовательских практик. Автор предпринимает реконструкцию трансцендентальной методологии. Описываются процедуры, которые могли бы характеризовать трансцендентальный метод, если понимать его как поиск разумом своих же собственных априорных оснований. В результате фиксируются различия и сходства двух стратегий трансцендентального мышления: кантианской и феноменологической ветвей трансцендентализма.

Ключевые слова: Кант, Гуссерль, Моханти, трансцендентальный аргумент, трансцендентальная редукция, a priori

THE TWO STRATEGIES OF TRANSCENDENTAL RESEARCHES

A.A. Medova

DSc in Philosophy, Professor

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

E-mail: amedova@list.ru

The paper is a dialog of the author with J. N. Mohanty concern with two questions. The first one is “is the transcendental method exist”? If we can give the affirmative answer, the second one is “can one say about the unity of this method on the level its typical research practices”? The author’s undertakes a reconstruction of a transcendental methodology. The author describes the procedures, which could be characteristic for the transcendental method if it can understand as the search of reason of their own a priori foundations. As a result, the differences and commonality of the two strategies of transcendental researches – the Kantian and the phenomenological branches – are fixed.

Keywords: Kant, Husserl, Mohanty, transcendental argument, transcendental reduction, a priori

Остается не решенным вопрос, является ли трансцендентализм онтологической позицией, исследовательской перспективой, или же его можно рассматривать как метод. Исходя из имеющихся традиций, главным образом кантианства и феноменологии, трансцендентализм есть скорее определенный ракурс понимания реальности. После того, как С. Кроуэлл [1] пришел к выводу, что нет единого феноменологического метода, который бы превращал феноменологию в исследовательскую программу, наличие трансцендентального метода выглядит еще более проблематичным. Если мы говорим о методе, то под последним следует понимать набор действий, которые приводят к результату, ожидаемому (в определенном диапазоне), но всякий раз новому. Так, метод спектрального анализа применяют для получения конкретных результатов, но обнаруживаемый с его помощью химический состав объекта всегда разный. Нет смысла в методе, который результирует всегда в сходные показатели.

Трансцендентальная интерпретация реальности всегда приводит к узнаваемым, вполне типичным описаниям. С этой точки зрения непонятно, что нового нам может дать трансцендентальный подход в качестве метода. Но само представление о трансцендентальном методе зависит от того, что понимается под трансцендентализмом.

Дж. Н. Моханти полагает, что все трансцендентальные учения объединяет общий мотив – поиск оснований познания, мышления и опыта. Но не всякий поиск этих оснований трансцендентальный. Нужно добавить еще один важный признак – констатацию априорной составляющей познания. Но философия, исходящая из а priori не интерпретируемой системы и затем присваивающая ей исчерпывающую интерпретацию, достаточно полную, чтобы включать в себя большие возможности для описания опыта, все же не была бы трансцендентальной. Такая не интерпретируемая система была бы скорее формально-понятийным каркасом, освещающим, самое большее, некоторые формальные структуры мира [2, р. 213]. Продолжая мысль Моханти, мы можем сказать, что трансцендентализм претендует не на то, чтобы снабдить реальность предзаданным понятийным каркасом, а на то, чтобы выявить этот каркас в принципах разума.

С этой точки зрения трансцендентальный метод представляется как способ обнаружения разумом своих же априорных оснований. Вряд ли такой метод найден, более того, возникают сомнения в том, что этот проект выполним. Опыт самопознания и общения с миром говорит, что основания работы разума не прозрачны для него самого. Возможно, эта функция была бы избыточной, еще более избыточной, чем психологический аккомпанемент информационных процессов, столь широко обсуждаемый в аналитической философии.

Тем не менее, если трансцендентализм исследует принципы разума, предпосланные его деятельности, то он должен быть в состоянии объяснить, каким образом он их обнаружил. Рассмотрим, в чем может заключаться так понятий трансцендентальный метод, т.е. какие процедуры могут сделать принципы разума прозрачными для него самого. И. Кант исходил из всеобщности и универсальности суждений, которые должны сигнализировать о собственной программе работы разума. Что касается проблемы выделения категорий чистого разума, их индикатором является неэмпирическое происхождение.

Феноменология идет иным путем. Гуссерль предлагает в качестве метода трансцендентальную редукцию как противоестественную, но продуктивную установку сознания. Нужно вынести «за скобки» все стандартные эмпирические ходы сознания, включая уверенность в объективном существовании внешнего мира, и выбраться из переплетения психологической стороны своей внутренней жизни с информацией из «внешнего» опыта. Такая редукция оголяет феномены внутреннего опыта, а идеация и эйдейтическое варьирование схватывает его сущностные формы. Таким образом исследователь получает доступ к области, которая никак не связана с объективным миром и которая выступает самоданностью чистой субъективности. Если метод кантовской ветви трансцендентализма состоит в анализе результатов мышления, то метод феноменологии – это попытка взгляда на работу сознания изнутри, его можно сравнить с попыткой зайти с тыла и застать сознание врасплох. Феноменологический метод предполагает модификацию сознания познающего, а не созерцание жизни сознания извне. Мы можем сказать, что трансцендентальный метод допускает различия в позиции наблюдателя. Кантовцы рефлексируют уже оформленный мир, вписанный в априорные структуры восприятия и объяснения, феноменологи, напротив, пытаются схватить акты этого оформления.

Что касается возможных методологических расхождений внутри трансцендентального лагеря, то они могут быть связаны с вопросами, где именно следует искать априорные принципы сознания, и как должны выглядеть искомые априорные структуры, т.е. в виде каких образований сознания они оформляются (априорные схемы мышления, формы чувственности, категории, интенциональные акты, гилетические данные и т.п.). Этот вопрос распространяется до проблемы что именно подразумевать под трансцендентальным субъектом. Дж. Н. Моханти выделяет здесь две позиции [2, р. 214]. Трансценденталисты делятся на тех, кто исходит из научных принципов и ищет априорные условия, принадлежащие структуре исключительно познающего субъекта, и тех, кто не ограничивается системой познания и совокупностью истин, но исходит из значения, структуры значений, благодаря которым образуется опыт мира, и спрашивают, как возможны подобные смыслы. Первые, ищут условия истинности, а вторые – условия смысла, поэтому первым свойственен критицизм, вторым – нет. Первые тип трансценденталистов – это кантовцы, второй – это феноменологи.

Первую позицию иллюстрирует мнение Э. Кассирера: «Сущностное содержание кантовского учения состоит не в «Я» и не в его отношении к внешнему объекту, а в том, к чему оно относится прежде всего, т.е. в законности и логической структуре опыта. «Я» является субъектом как истинного знания, так и заблуждения. Но если мы ищем предмет истинного знания, то мы должны остановиться на нормативной автономии логических принципов» [3, р. 662]. Трансцендентальный субъект феноменологии, напротив, есть целостный субъект опыта. Гуссерль в Логических исследованиях предлагает нечто странное, не похожее ни на логику, ни на когнитивную психологию. Он описывает мышление как переживание: «намечая задачи чистой логики в первом томе Логических исследований, во введении во II том Гуссерль впервые ставит вопрос о переживании логического или о логическом как переживании» [4, с. 470]. Нужно сказать, что остановка на середине пути между логическим и психологическим – это не уникальный ход Гуссерля, такая «срединность» характерна для трансцендентализма в целом. Один из важнейших смыслов концепта трансцендентального заключается в его срединном статусе между эмпирическим, опытным, физическим с одной стороны и логическим с другой [5, с. 80, сноски].

Тем не менее, в обоих случаях способы доступа к искомому априорному основанию разума различны. В одном случае доступ осуществляется с помощью трансцендентального аргумента. Последний утверждает, что знание возможно лишь при некоторых условиях, т.е. X является необходимым условием возможности Y, и из того, что Y имеет место, логически следует, что X также должен иметь место [6]. В другом случае вступает в действие соответствующая рефлексия. Рефлексивная процедура претендует не на то, чтобы рассуждать от предполагаемого факта к условиям его возможности, а на то, чтобы привести к интуитивной очевидности конституирующие интенциональные переживания [2, р. 215].

Что же касается общности двух методологических стратегий, мы полагаем, что в обоих из них обнаруживается один и тот же лейтмотив трансцендентальной философии. Впервые он звучит у Декарта, когда тот говорит о необходимости признать существование Бога. Мы располагаем идеей существа более совершенного, чем мы сами, пишет Декарт, но «получить ее из ничего — вещь явно невозможная. Поскольку неприемлемо допускать, чтобы более совершенное было следствием менее совершенного, как и предполагать возникновение какой-либо вещи из ничего, то я не мог сам ее создать» [7, с. 270]. Тот же мотив звучит у Мамардашвили, когда он говорит о ниоткуда не выводимых и неразложимых образованиях мышления. Эти образования (например, идеи о третьей, кроме материи

и духа, субстанции, мысли о соединении тела и души) с одной стороны, разумны, «но получить их, с другой стороны, логически мы не можем, ибо наталкиваемся неминуемо на антиномии, на логические противоречия, имея в исходном начале несовместимые неоднородности» [8, с. 103]. Трансцендентализм связан с вычлениением в работе сознания таких элементов, которые не могут быть подучены из опыта, но, что не менее важно, они не могут быть и «придуманы».

На эту особенность трансцендентального метода указывает и С.Л. Катречко, говоря о том, что Кант обосновывает возможность применения категорий в опыте, указывая на их «объективную значимость» [В 122]. «При этом понятно, что ни эмпирически, ни логически объективную значимость категорий обосновать нельзя. Таким образом, трансцендентальная аргументация — способ философского обоснования, возможно единственный, когда невозможно применить два других наиболее известных метода обоснования: эмпирический (Локк) и логический (Лейбниц)» [5, с. 80].

Литература

1. *Crowell S.* Is there a Phenomenological Research Program? // *Synthese*. 2002. № 131. P. 419–444.
2. *Mohanty J. N.* The possibility of transcendental philosophy. Dordrecht: Springer, 1985. 281 p.
3. *Cassirer E.* Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. Vol. 2. Berlin: Bruno Cassirer, 1922. 832 p.
4. *Молчанов В.И.* Аналитическая феноменология в Логических исследованиях Эдмунда Гуссерля // Э. Гуссерль. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. М.: Академический проект, 2011. С. 462-557.
5. *Катречко С.Л.* Трансцендентальная модель аргументации: истоки и применение // *Радио.ru*. 2012. № 8. С. 78-98.
6. *Stern R.* Transcendental Arguments // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/transcendental-arguments/> (дата обращения 13.04.2022).
7. *Декарт Р.* Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
8. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. Москва: Прогресс-Культура, 1992. 409 с.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И. КАНТА

В.Е. Семенов

*Доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: semyonov.ve@philos.msu.ru*

В статье рассматривается возможный статус кантовской эпистемологической парадигмы в качестве реализма или анти-реализма (конструктивизма). В стратегии трансцендентального познания опыт рассматривается как синтетическое единство чувственности и рассудка. Иначе говоря, опыт возникает в том случае, когда чувственные созерцания синтезируются чистыми априорными понятиями. В результате этого действия чувственные созерцания приобретают форму. Чистые понятия рассудка в свою очередь наполняются содержанием. Для Канта синтетическое единство на основе трансцендентальной апперцепции является необходимым условием опыта. Без участия чувственного элемента познания опыт невозможен. Стало быть, опыт – это конструктивный механизм рассудка, имеющий на своей начальной ступени реальное основание. Именно поэтому эпистемологическую парадигму Канта следует рассматривать как реалистический конструктивизм, т.е. конструктивизм, который в основании своем имеет отношение к реальному бытию в виде чувственных созерцаний. Реалистический конструктивизм – это синтетическая позиция, преодолевающая односторонности строгого эмпиризма и такого же рационализма.

Ключевые слова: опыт, реализм, репрезентационизм, синтез, активность рассудка, реалистический конструктивизм

KANT'S EPISTEMOLOGICAL PARADIGM

V.E. Semyonov

DSc in Philosophy, Professor of the Department of History of Foreign Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: semyonov.ve@philos.msu.ru

The article discusses the possible status of the Kantian epistemological paradigm as realism or anti-realism (constructivism). In the strategy of transcendental cognition, experience is seen as a synthetic unity of sensibility and understanding. In other words, experience arises when sensible intuitions are synthesized by pure a priori concepts. As a result of this action, sensible intuitions take shape. The pure concepts of the understanding are in turn filled with content. For Kant, synthetic unity based on transcendental apperception is a necessary condition for experience. Without the participation of the sensible element of cognition, experience is impossible. Therefore, experience is a constructive mechanism of understanding, which has a real basis at its initial stage. That is why Kant's epistemological paradigm should be considered as realistic constructivism, i.e. constructivism, which basically has to do with real being in the form of sensible intuitions. Realistic constructivism is a synthetic position that overcomes the one-sidedness of strict empiricism and the same rationalism.

Keywords: experience, realism, representationalism, synthesis, activity of understanding, realistic constructivism

1. Свою трансцендентальную философию И. Кант *условно* разделял на две части. Первая часть метафизики «занимается понятиями *a priori*, сообразно с которыми могут быть даны предметы в опыте» [1, с. 21; В XVIII]. Эта часть относится к сфере *обусловленного*, и как раз исследование конститутивных условий составляет предмет Трансцендентальной аналитики. Вторая часть касается предметов, которые должны *мыслиться* (но не *познаваться!*) разумом с необходимостью и которые не могут быть даны в опыте, поскольку они выходят за его пределы и относятся к сфере *безусловного* [1, с. 19 – 21; В XVIII – XX]. Разделение метафизики является относительным, поскольку в целом она представляет собою взаимообусловленное *единство*. Отдельно выделяемые части являются лишь видами спецификации *теоретического* и *практического* разума. В свою очередь эти модификации разума неразрывны, ибо «чистый разум и на самом деле есть также совершенное единство» [2, с. 17; А XIII], и, стало быть, «в конце концов, мы имеем дело с одним и тем же разумом, который различается только в своем применении» [3, с. 55].

Первую часть метафизики, которая занимается *обусловленным* познанием и, соответственно, анализом *условий* возможности познания, следует назвать *метафизикой опыта*. Вторая часть, исследующая *условия возможности безусловного* (это – не каламбур!) и приходящая в итоге к фундаменту всей практической сферы, правильно будет именовать *метафизикой свободы*. Здесь речь пойдет о первой части метафизики, поскольку именно в ее границах формируется Кантова эпистемологическая парадигма. Соответственно, необходимо будет ответить на вопрос: к какому роду эпистемологических парадигм следует отнести стратегию Канта в области познания – к реализму или конструктивизму?

2. Процесс обоснования собственной эпистемологической парадигмы, или *парадигмы трансцендентального познания* (= «измененного метода способа мысли», «революции в способе мышления»), Кант начинает со знаменитой альтернативы. Для того, чтобы заложить надежную основу для метафизики природы (= «надежный путь науки»), следует предпочесть один вариант из двух: а) наши созерцания и понятия должны сообразовываться со свойствами предметов, и тогда возникает парадигма, имеющая название *реализм* (в других терминах и под другим углом зрения – *репрезентационизм*); б) предметы как объекты чувств сообразуются с нашими созерцаниями и понятиями, и в таком случае мы получаем эпистемологическую парадигму *конструктивизма*. Надо сказать, что парадигма конструктивизма представляет собою в данном случае то, что традиционно называли «Коперниканской революцией» Канта, сущность которой вкратце выражается известными афоризмами: «разум усматривает только то, что сам создает по собственному проекту» [1, с. 15; В XIII] и «мы *a priori* познаем в вещах только то, что сами в них вложили» [1, с. 19; В XVIII].

Кант однозначно выбирает последний вариант, ибо только он дает возможность избежать догматизма в метафизике и ответить на вопрос: как возможны синтетические познания (суждения) *a priori*, и стало быть, в чем заключается тайна опыта (природы). В самом деле, сказать, что объекты

«сообразуются с нашим познанием», значит выразить центральное положение трансцендентального идеализма, которое всего лишь означает, что «объекты должны соответствовать условиям, при которых мы только и можем представить их себе в качестве объектов» [4, р. 37]. Такого рода условия Генри Аллисон называет «эпистемическими условиями». По другому их следует именовать «условиями опыта».

3. Что же такое *опыт*? Согласно Канту, «опыт сам есть вид познания, требующий [участия] рассудка, правила которого я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы, стало быть, *a priori*; эти правила должны быть выражены в понятиях *a priori*, с которыми, следовательно, все предметы опыта с необходимостью должны сообразоваться и согласоваться» [1, с.19; В XVII – XVIII]. Кроме того, «опыт рассматривается как *определение* явлений в пространстве и времени *вообще*, а это определение в свою очередь выводится из *первоначального* синтетического единства апперцепции как формы рассудка в отношении к пространству и времени, представляющим собой первоначальные формы чувственности» [1, с. 247; В 168-169]. Вообще говоря, «трансцендентальная философия, понимаемая как метатеория, представляет собою попытку последовательно провести рефлексию над возможными интерпретациями опыта, их предпосылками и обоснованностью и выбрать одну из них на основе рациональных соображений. В более общем смысле она является попыткой сделать последний шаг и не останавливаться на предпоследнем в стремлении постичь опыт как возможный, даже если последний шаг не ведет к незыблемому фундаменту, на котором мы могли бы остановиться раз и навсегда» [5, S. 246].

Средством обоснования возможности опыта и всего познания *a priori* является дедукция чистых рассудочных понятий. Именно она должна продемонстрировать единство чувственности и рассудка. Тем самым дедукция утверждает представление об опыте как синтезе *чувственных* созерцаний, получаемых посредством *чистых* форм созерцаний (пространства и времени), и чистых понятий рассудка, оформляющих чувственное *многообразное* в понимаемое смысловое *единство*. Опыт, понимаемый как синтез, означает, что рассудок – это всегда *активность, действие, Handlung*. Кант, однако, настаивает: «Посредством одних лишь категорий, поскольку [они] содержат только мышление, мы не познаем никакого предмета (материю). <...> Только в связи с реальным (ощущаемым) пространством и временем созерцание дает нам познания, которые в конце концов (даже чистая математика) могут доказать реальность своих понятий только через их соответствие с возможностью опыта, причем созерцания могут поставлять *априорные* познания только тогда, когда они должны приниматься не как вещи сами по себе, а лишь как явления, т.е. в качестве субъективной формы чувственности, так как их устройство можно познать отдельно, объекты же могут быть какие угодно, следовательно, они даны *a priori*» [6, с. 317; Refl. 6360].

Помимо этих структур опыта необходимо указать на трансцендентальное единство апперцепции, к которому, как ментальной основе, совокупно относятся все элементы опыта. Ибо сам опыт – это всегда *синтез* чувственных созерцаний и априорных понятий рассудка на основе единства самосознания. В этой связи Люси Эллеис подчеркивает: «Во-первых, он [Кант] утверждает, что синтезирование многообразного с той неизбежностью и универсальностью, которую несут категории, необходимо для определения объекта мышления, которому можно приписать эмпирические свойства. Он говорит, что априорный синтез определяет объект наших представлений и что без этой мысли нет связи с объектом. Во-вторых, Кант считает, что этот синтез связан с нашей способностью самосознания – способностью осознавать себя в качестве субъекта своего мышления, что, по мнению Канта, по существу предполагает осознание себя как необходимо единого субъекта мышления» [7, р. 271].

При этом не следует забывать (и в этом Кант совершенно прав!), что в опыте мы познаем лишь *явления*, а вовсе не *вещи сами по себе*. Тем самым Кант решительно устраняет из эпистемологии возможные элементы наивного реализма. Эту кантовскую интенцию прекрасно уловил Пол Гайер: «Трансцендентальный идеализм – это не скептическое напоминание о том, что мы *не можем быть уверенными* в том, что вещи, как они существуют сами по себе, *суть такие же*, какими мы их представляем. Это – жесткое догматическое требование, что мы *можем быть полностью уверены* в том, что вещи, каковы они сами по себе, *не могут быть* такими, какими мы их представляем» [8, р. 333]. Вместе с тем, Кант нисколько не сомневается, что опыт представляет собою *объективное* знание, поскольку оно с *необходимостью* каждый раз воспроизводится в априорных чистых формах чувственности и интересубъективных понятиях рассудка на основе трансцендентального единства апперцепции.

4. Таким образом, *структуру опыта* составляют: а) чувственные созерцания и их чистые формы – пространство и время; б) чистые рассудочные понятия *a priori* (= категории); в) чистый трансцендентальный синтез (по первому изданию: синтезы аппрегензии, репродукции, рекогниции; по

второму – фигурный синтез (= трансцендентальный синтез способности воображения) и рассудочный (интеллектуальный) синтез); з) схематизм чистых понятий рассудка; д) основоположения как система правил употребления категорий. В основе всего опыта, как мы помним, лежит трансцендентальное единство апперцепции. Кроме того, необходимо упомянуть *идеи разума*, которые оказывают *регулятивное* воздействие на рассудок и, стало быть, опосредованно влияют на опыт. Таким образом, ответ на кардинальный вопрос: «Как возможны синтетические суждения *a priori*?» выглядит следующим образом: такие суждения (= опыт) возможны в том случае, «если мы относим к возможному опытному познанию вообще формальные условия созерцания *a priori*, синтез воображения и необходимое единство его в трансцендентальной апперцепции и если мы говорим: условия возможности опыта вообще суть вместе с тем условия возможности предметов опыта и потому имеют объективную значимость в синтетическом суждении *a priori*» [1, с. 279; А 158/В 197].

Однако, можно ли на этом остановиться? Какое заключение о характере эпистемологической парадигмы Канта можно сделать из этого знаменитого вывода?

5. Кант подчеркивает: опыт возможен лишь в том случае, если все общие синтетические правила, как условия опыта, имеют *предмет* в виде многообразного чувственных созерцаний. Именно *многообразное* является той составной частью, которая дает синтетическому единству объективную реальность. Отсюда следует, что «всякий предмет подчинен необходимым условиям синтетического единства в возможном опыте многообразного, [имеющегося] в созерцании» [1, 277 – 279; В 196 – 197]. Таким образом, опыт – это конструктивный механизм и действие разума (в широком смысле, включая сюда и рассудок), имеющий на своей начальной ступени *реальное основание, связь с бытием* (кантовская объективистская коннотация вещи самой по себе прямо указывает на существование бытия, независимого от сознания).

Стало быть, Кантову эпистемологическую парадигму следует назвать *реалистическим конструктивизмом*, т.е. конструктивизмом, который в основании своем имеет отношение к реальному бытию в виде чувственных созерцаний. Сами же чувственные созерцания, пока еще в виде предмета = *X*, требуют от рассудка своего понимания и объективного определения. Следовательно, *реалистический конструктивизм* – это синтетическая позиция, преодолевающая односторонности строгого эмпиризма и такого же рационализма.

Литература

1. *Кант И.* Критика чистого разума (В, 1787) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2, Ч. 1. М.: Наука, 2006.
2. *Кант И.* Критика чистого разума (А, 1781) // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2, Ч. 2. М.: Наука, 2006.
3. *Кант И.* Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997.
4. *Allison H.* Kant's Transcendental Idealism. An Interpretation and Defence. 2nd ed. New Haven; London: Yale University Press, 2004.
5. *Röd W.* Erfahrung und Reflexion: Theorien der Erfahrung in transzendentalphilosophischer Sicht. München: Beck, 1991.
6. *Кант И.* Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum) / Под ред. В.А. Жучкова; пер. с нем. В.В. Васильева, С.А. Чернова. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
7. *Allais L.* Manifest Reality. Kant's Idealism and his Realism. Oxford: Oxford University Press, 2015.
8. *Guyer P.* Kant and the Claims of Knowledge. New York, etc.: Cambridge University Press, 1987.

АНТИНОМИИ ЧИСТОГО РАЗУМА И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД

Э. Меттини

Кандидат педагогических наук

Российский Национальный Исследовательский Медицинский Университет»

им. Н.И. Пирогова Минздрава России

E-mail: emiliano@inbox.ru

В статье автор обращает внимание на четыре антиномии, выделенные И. Кантом, сравнивая в виде хиазма первую антиномию с третьей и второй с четвертой, подход, который,

с одной стороны, позволяет подчеркнуть их сходство по содержанию, а, с другой стороны, предоставляет возможность лучше изучать противоречия антиномий в отношении трансцендентального метода, что способствует выделению антиномии чистого разума, как регулятивного акта рассудка. Таким образом, автор предполагает, что возможно раскрыть как (по)знание и (со)знание в философии И. Канта являются одним целым благодаря «Я мыслю» в качестве гаранта единства рассудка с чувственности, и, в конечном итоге, с разумом, как общий регулятивный принцип всей сущности человека, что, по мнению автора, указывает на холистический характер кантовской философии на онтологическом и антропологическом пласте. В заключении, автор приходит к выводу, что трансцендентальный метод может быть использован в современных условиях в области математики, и метафизика И. Канта может быть приравнена к некоторым положениям теорема Гёделя.

Ключевые слова: Антиномии, (по)знание, (со)знание, паралогизмы, способности, холизм, теорема Гёделя

ANTINOMIES OF PURE REASON AND TRANSCENDENTAL METHOD

E. Mettini

CSc in Pedagogy

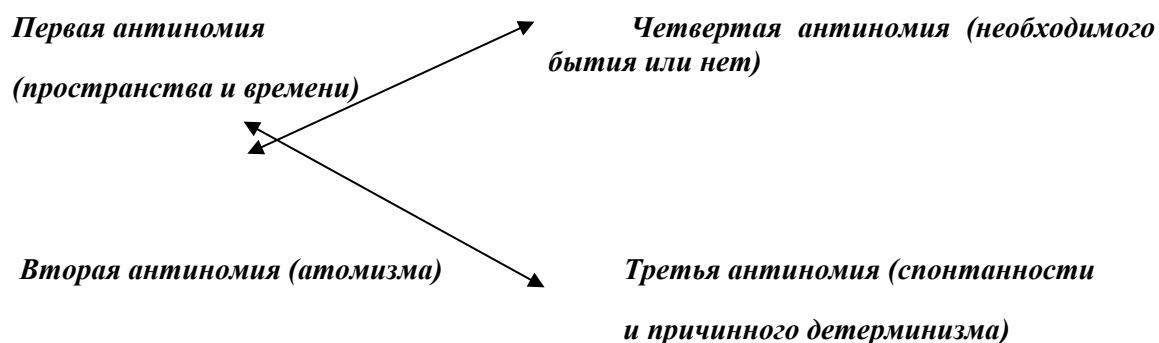
Pirogov Russian National Research Medical University

E-mail: emiliano@inbox.ru

In the article, the author draws attention to the four antinomies, comparing the first antinomy with the third and the second with the fourth in a form of a chiasma. This approach allows both to highlight their similarities in content, and to better study contradictions of antinomies towards transcendental method, helping to emphasize antinomy of pure reason as regulatory act of understanding. Thus, the author suggests possibility of laying bare that knowledge and consciousness in I. Kant's philosophy represent one whole thanks to "I denke", granting unity of understanding, sensibility and reason, being a general regulative principle of all human essence, a fact that, as for the author, shows holistic character of Kantian philosophy on ontological and anthropological plane. In conclusion, the author concludes that the transcendental method can be used under modern conditions in mathematics, and Kantian metaphysics can be equated to some provisions of Gödel's theorem.

Keywords: Antinomies, knowledge, (con)sciousness, paralogisms, faculties, holism, Gödel's theorem

Антиномии критики чистого разума И. Канта представляют собой важный промежуточный результат в изучении трансцендентальной диалектики для (по)знания узнаваемого мира, под которым мы можем подразумевать немецкое понятие «Erfahrung». Главной целью антиномий не является *исключительно* защита закона противоречия, а доказать несостоятельность позиций, выделенных в их тезисах и антитезах. Мы позволили себе принимать к ним такой подход, по которому мы будем сравнивать первую антиномию с третьей, а вторую с четвертой, что позволяет нам устанавливать определенную связь между ними, поскольку все четыре антиномии относятся к ограниченности Вселенной в отношении к пространству и времени, и к причинности, имеющей своим предполагаемым началом или Высшее существо, или спонтанность, как можно заметить в приложенном нами хиазме (перекрещивание).

Переходим к сравнению первой с третьей антиномией, и сразу может заметить, что при предлагаемой формулировке содержания антиномии, познавательная способность рассудка, которая опирается на чувственность, не может захватить всю совокупность явлений (феноменов) в континууме времени и пространстве, поскольку-постольку познавательная способность рассудка ограничивается созерцанием (интуицией) феноменов в пространственном и временном фрагменте, когда происходит процесс созерцания. Из этого выходит, что познавательная способность не в состоянии объединить в единую цепь причину (причины), которые выходят из опытного – узнаваемого – мира возможного априорного (по)знания, и это по трем главным причинам: а) рассудок не может определить существование мира до того момента, в который мы его (по)знаем; б) рассудок не в состоянии определить причинность в соответствии с законами природы, и, в) рассудок должен подвергать спонтанность сомнению, как на данном моменте не объяснимый феномен, обстоятельство, которое является последствием придерживания И. Кантом галилеево-ньютонической механистической картины мира, которую немецкий философ преодолет, хотя не полностью, в Критике способности суждения. Исходя из данных предпосылок, окажется очевидным, что рассудку через схемы чувственности, правила и категории не предоставляется возможность устанавливать последовательность причин и последствий, указанных в антиномиях, в пространстве и времени, и, таким образом, отпадает и возможность гарантировать (по)знание под единством трансцендентальной апперцепции, представляющей собой единство самосознания, производящее чистое наглядное «я мыслю», которое, как известно, «предшествует мышлению, не принадлежит чувственности, и, при том является тождественным во всяком сознании. до всякого мышления и в то же время, не принадлежащее чувственности» [1, с. 1112]. Раз «Я мыслю» является трансцендентальной «гарантией» нашего *hic et nunc* «бытия» в рамках того континуума времени и пространства, в котором он находится, и, следовательно, относится к определенному и условному, что еще не предполагает существования вещи себе, и стержнем существования человека как мыслящего существа, способного узнавать себя в временно-пространственных отношениях рядом с феноменами. С этой точки зрения, причинность может быть рассмотрена как точечное явление, и определена субъективно-трансцендентально, без возможности (и тем паче, без необходимости) изучать объективно-неопределенное (безусловное) в виде первопричины (Бог или мышление, мыслящее само себя, так, что мы можем предположить, что (по)знание и (со)знание, находятся на одном плане, и способствуют пониманию «Я» трансцендентального, но не ноуменального, что абсолютно невозможное на данном этапе философии И. Канта.

Если переходить ко 2-ой и 4-ой антиномии, и применить к ним такой же подход, нам кажется возможным обнаружить их сходство на онтологическом плане, поскольку атомизм и необходимость, под которой мы можем подразумевать, как и греческое слово «Ананке», так и существование Высшего существа, управляющего видимым и невидимым миром не предоставляют возможность (по)знавать мира с точки зрения «опита – опыта» [2, 3] и, следовательно, наша познавательная способность не может допускать редукции мира к фундаментальным единицам, представляющим собой основы Вселенной, и в связи с этим, рассудок лишь гипотетически мог бы предполагать возможность *бесконечной серии* субстанций, все меньше и меньше уменьшающихся, до какой-то нулевой точки, являющейся началом всего сущего. С другой стороны, мы можем предположить, что в данной паре антиномий И. Кант возражает против существования Высшего – необходимого – существа, напоминающего Спинозовские «природа производящая» (*Natura naturans*) и природа произведенная (*Natura naturata*) в силу того, что их множество модусов и атрибутов могло бы иметь последствием возможный крах всей категориальной системы потому, что категории «Отношение» затруднились бы решать вопрос о присущности и причинности, если они вытекли бы из одного необходимого Высшего существа, что умонепостижимое, т.е. не интеллигибельное в рамках действия человеческого рассудка. Этот факт, тем более, выдвинул бы на первый план предустановленную гармонию Г. Лейбница, имеющую своими главными установками а) существование Творца, в качестве необходимой причины Вселенной (основная субстанция), и б) принятие принципа достаточного основания, предлагающего тождество явления как основу истинности их существования (онтологическое не противоречие), что было неприемлемым с точки зрения И. Канта, несмотря на относительное признание предустановленной гармонии, о которой идет речь в письме к Герцу [4, с. 529-530].

Переходя к заключению и отталкиваясь от критических фактов, обнаружены нами в антиномиях, мы хотим задаться двумя вопросами, ответы на которые могут выделить как валидность философской системы И. Канта вообще и ее релевантность для современной философской науки.

Первый вопрос: можно ли предположить, след за Л.А. Калиниковым, что И. Канту не удалось обосновать антиномию чистого разума, в качестве синтеза догматизма с скептицизмом, так, чтобы

данная антиномия должна была признать «мир как явления действительного и возможного опыта – познаваем, но, как вещь в себе, то есть как абсолютное целого всего возможного опыта, уже не есть опыта и потому не познаваем»? [5, с.14]. На наш взгляд, нет основания согласиться с мнением ученого, потому, что нам кажется, что И. Кант выводил антиномию чистого разума имплицитно, взяв ее за эпистемический критерий «законности действий рассудка», и выступает ее регулятивной идеей, которая развивает, расширяя ее радиус действия, 5-ое правила Р. Декарта [6, с.91-92], и не допускает «иллюзию» рассудка, являющуюся результатом прямого использования данных восприятия. В антиномиях, иллюзия представляет собой своеобразный силлогизм, средняя часть которого не предикабельной, если под «предикабельными» подразумеваются производные понятия рассудка и, будучи вне временно-пространственных отношений внутри которых рассудок должен действовать, иллюзия не может удовлетворить требований дискурсивно-созидательной трансцендентальной философии, что предоставляет нам возможность заключить, что имеется сходство между антиномиями и паралогизмами чистого разума, под которыми подразумевается «ложное по форме умозаключение, которое содержит в себе неизбежную, хотя и не непреодолимую иллюзию» [7, с.313], т.е. невозможность нельзя выводить синтетические априорные суждения. И на этом, ответ на первый вопрос исчерпан.

Второй вопрос: можно ли считать, что чувственность, рассудок и разум представляют собой холистическое явление? Т.е. можно ли принять предположение Дж. Делёза о том, что все способности человека - способность познавать, способность желания и способность суждения, представляют собой единое целое, которое, в зависимости от целей, поставленных критической философией, работают в различных пропорциях? [8] На наш взгляд, опираясь на работы профессора В.И. Моисеева [9,10], указывающие на теоретическую необходимость изучения человека всестороннее, а не только в качестве увлеченного объекта отдельных наук, как указано И. Кантом в первой Критике, где он поставил себе четыре известных вопроса о конечных целях критической философии, мы можем предположить, что такой подход наличествует, и влияет на всю архитектуру И. Канта. Отсюда важный философский постулат: человек формируется по мере того, как он уточняет свои познавательные способности, которые можно применять к этическим поискам, и, в дальнейшем к открытию способности суждения, то, что И. Кант называл «общим чувством», под которым можно подразумевать «некое *априорное* согласие способностей» [цит. по 8, с. 166], и определяет изучение человека как познающее, желающее и рассуждающее вещество в целом, что оправдывает то, что мы называли холизмом. Поэтому, на философском уровне, трансцендентальная философия представляет собой эпистемский критерий регулирования рассудка в поисках истины с постоянным приближением к ноуменам [2,3], а на антропологическом уровне, является общим эвристическим критерием для изучения человека в качестве познающего, желающего, и рассуждающего существа, что может способствовать созданию разумного, этического, самосовершенствующегося общества как результат высших целей разума.

В заключении мы хотим выделять следующее: трансцендентальный метод может быть использован и в современных условиях если применить к области математики и философии языка в силу того, что, на наш взгляд, существует возможность априорного синтетического суждения, если понимать его как совокупность всех предложений, содержащих некий неопровергаемый «квант» истины, образующий критерий фальсификации современных метафизических претензий науки. Принимая такой подход, мы можем заключить, что мы можем смотреть на метафизику И. Канта как на логически-онтологический упорядочивающий принцип Вселенной, что может предоставить возможность сравнить трансцендентальный метод с положениями теоремы Гёделя.

Литература

1. История философии: энциклопедия / [сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов]. Минск: Интерпрессервис Книжный дом, 2002. 1374 с.
2. Катречко С.Л. Трансцендентализм Канта как трансцендентальная парадигма философствования // Кантовский сборник. 2014. №2. С. 10-25.
3. Катречко С.Л. Трансцендентализм Канта как трансцендентальная парадигма философствования // Кантовский сборник. 2012. №4. С. 22-34.
4. Кант И. Собрание сочинений в 8 т. // т. 8. М.: «Чоро», 1994. 718 с.
5. Калинин Л.А. Проблема антиномии чистого теоретического разума в системе Канта// Кантовский сборник. 2014. №2. С. 8-16.

6. *Декарт Р.* Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. I / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.
7. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М.: Наука, 1999. 655 с.
8. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза: пер. с фр. / Делез Жиль; Жиль Делез. Москва: ПЕР СЭ, 2001. 478 с.
9. *Моисеев В.И.* О принципах медико-гуманитарного образования// «Медицинская антропология и биоэтика» («МАиБ»). –2013. – № 2 (6). – С. 145-154.
10. *Моисеев В.И.* к новым образам философского рационализма// Философские науки. 2014. № 8. С. 88-90.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ ОПЫТЕ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

Е.А. Счастливецва

*Доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии
Вятский государственный университет
E-mail: abcr@yandex.ru*

В статье проблематизируется понятие возможного опыта с позиции кантовского трансцендентализма, в основу которого были положены пространство и время как категории рассудка и как формы чувственности. Всё это делает гносеологию Канта чрезвычайно противоречивой, противоречиво в силу такого понимания и трансцендентального синтеза и его понятие возможного опыта. «Мы видели, что все, что рассудок черпает из самого себя без заимствований из опыта, имеется, однако, у него не для какой иной цели, кроме применения в опыте» [В 296]. У Канта все априорные конститутивные положения (математические и регулятивные) содержат в себе «только как бы чистую схему для возможного опыта». И в то же время, философ не отказывает себе в возможности подчеркнуть, что «действие предмета на способность представления, поскольку мы подвергаемся его воздействию, есть ощущение» [В 34].

Ключевые слова: возможный опыт, трансцендентальная схема, пространство, время, ощущение, вкус

ON THE QUESTION OF POSSIBLE EXPERIENCE IN I. KANT'S TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY

E. A. Schastlivtseva

*DSc of philosophy, Professor of the Departamen of Culturology, Sociology and Philosophy
Vyatka State University
E-mail: abcr@yandex.ru*

The article problematizes the concept of possible experience from the perspective of Kantian transcendentalism, which was based on space and time as categories of reason and as forms of sensuality. All this makes Kant's epistemology extremely contradictory, contradictory because of this understanding and transcendental synthesis and his concept of possible experience. "We have seen that everything that the understanding draws from itself without borrowing from experience is, however, available to it for no other purpose than application in experience" [В 296]. For Kant, all a priori constitutive propositions (mathematical and regulatory) contain "only a kind of pure scheme for possible experience". And at the same time, the philosopher does not deny himself the opportunity to emphasize that "the effect of an object on the ability of representation, since we are exposed to it, is a sensation" [В 34].

Keywords: possible experience, transcendental scheme, space, time, sensation, taste

Попытка кантовского соединения эмпирического и рационального уровней познания породила проблему различного толкования гносеологии Канта (от реализма

и конструктивного реализма [1] до радикального конструктивизма и анти-конструктивизма). В то же время и сам Кант находит несколько (не менее трёх) решений этой проблемы: 1) априорные синтетические суждения (их необходимость обосновывается существованием реальной причинности), 2) конструктивистские решения активного субъекта (категориальные формы и т.д.), 3) теория опыта (предметы даются посредством ощущений – чувственности – в созерцании – неконструктивные аспекты философии Канта). Предлагаю несколько развернуть проблему опыта и категориального синтеза (опосредованного опыта) в трансцендентальном наследии Канта. На уровне опыта у Канта возникает проблема восприятия ощущений. Во-первых, что собой представляют эти ощущения? Кант не был эмпириком в прямом смысле этого слова, и его опыт нужно отличать, например, от понимания опыта Локком. Во-вторых, существование внешнего мира ставит перед Кантом проблему взаимодействия субъекта познания с внешним источником, и здесь Кант отделяет свою философию от философии Беркли, хотя у него присутствует момент, в котором оба эти учения, на наш взгляд, совпадают. Этим моментом можно считать внутреннее восприятие субъекта, или опосредованную рассудком чувственность, по-другому, категориальный синтез чувственных данных [2, с. 75]. Кант осуществляет анализ не просто чувственных данных, но категорий как трансцендентальных схем чистого рассудка (априорный синтез). В его распоряжении находятся аналогии опыта, одной из которых выступает причинная связь явлений. По всей видимости, Кант не оперирует непосредственными ощущениями, они носят опосредованный рассудком характер. Вначале этот характер проявляется в виде форм чувственности (пространства и времени), а затем переходит в категориальную схему и категориальный синтез (синтез воображения). Ощущения не даются непосредственно восприятию, как допускали эмпирики, хотя они даны непосредственно самому субъекту, и он может использовать их в созерцании (например, видеть предмет) [см.: В 33–34]. Пространство и время, хотя бы и являющиеся формами чувственности, нами не ощущаются, а воспринимаются с помощью рассудка (например, как пустота и последовательность в изменении событий). Другое доказательство того, что восприятия субъекта опосредованы рассудком (формами познания) кроется в том, что реальность, хотя и воздействует на нас, но её мы воспринимаем при помощи категориальной схемы (трансцендентализм Канта), данной нам а priori, то есть до нашего субъективного опыта [см.: 2, с. 75]. Кант скорее считает, что во всяком знании присутствует априорная составляющая, обусловленная интерсубъективным характером человеческого опыта [см.: 3, с. 335]. В то же время наше познание ограничено опытом, то есть находится в границах опыта – внешней реальности. На примере антиномий Кант показывает, что разум легко впадает в заблуждение при отсутствии опыта, хотя бы и опосредованного. Уже в самом начале количественно воспринимаемой величины (например, света), субъект проникается качественным восприятием (степенью интенсивности) [см.: 4, с. 177]. Есть ещё не менее интересный аспект в творчестве Канта, касающийся «Критики способности суждения», в которой философ разворачивает проблему эстетизма, непосредственно затрагивающего тему чувственности. Однако вкус так же может быть лишь способностью к восприятию действительности, а не непосредственным ощущением. Собственно эстетическое у Канта связано с деятельностью рассудка и воспитывается [см.: 5, с. 198]. Но посмотрим, что Кант говорит о прекрасном: «1) Прекрасное нравится непосредственно, но только в рефлектирующем созерцании, а не как нравственность, в понятии». Более того, «2) Оно нравится без всякого интереса (нравственно доброе связано с интересом, но не с таким, который предшествует суждению о благоволении, а таким, который этим благоволением вызывается)» [5, с. 196]. Таким образом, в третьей «Критике» 1790 года Кант признаёт непосредственное созерцание объекта, которое называет рефлектирующим созерцанием. У него есть ещё чувственное и эмпирическое созерцание. Это непосредственное созерцание и вызывает в нас чувство удовольствия и неудовольствия [см.: 5, с. 195]. Так, мы можем предположить, что идеи философа развивались в сторону реализма, или можем говорить о том, что Кант, определив, наконец, свой метод познания как трансцендентальный идеализм, возвращается к теории опыта, которая изначально была им

задана еще в «Наблюдениях о чувстве прекрасного и возвышенного» 1764 года. В то же время, над «Критикой чистого разума» Кант работает долгие годы, по крайней мере, с начала семидесятых годов [см.: 3, с. 333–334]. Биографический метод М. Кюна выявляет развитие кантовских идей на протяжении отдельных периодов жизни философа. Представляется, что Кант не всегда и не везде пользовался трансцендентальными конструкциями, но вот в чём он видит предел их применимости (рассудок только в границах опыта может отыскивать истину) нужно попытаться раскрыть. Так, в работе 1770 года «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира» Кант уже проводит чёткую границу между рассудком и чувством и говорит о том, что «идея времени не возникает из чувств, а предполагается ими» [6, с. 293]. То есть существует некая идея времени, посредством которой можно **представить**, бывает ли то, что действует на чувства, одновременным или последовательным; последовательность **не порождает** понятия времени, а только указывает на него (аналогия или корреляция). Вот почему понятие времени совершенно неправильно определяют как ряд действительных [событий], существующих одно *после* другого, как будто это понятие приобретено опытом. Дело в том, говорит Кант, что я не понимаю, что обозначает слово *после*, если ему уже не предшествует понятие времени. Ведь происходящее одно *после* другого есть то, что существует в *разное время*, так же как существовать *совместно*, значит *существовать в одно и то же время* [6, с. 293]. И, тем не менее, время есть величина единичная, а не всеобщая [6, с. 294]. И поскольку она единичная, то постигается *чистым созерцанием*, я бы сказала, рефлексивным созерцанием. Время есть идея ещё до чувственного опыта (ощущений), и возникает «до всякого ощущения как условие отношений, встречающихся в чувственно воспринимаемом», поэтому **идея** времени есть не чувственное созерцание, а *чистое созерцание* [6, с. 294]. Тем определением, которое Кант наделяет время, он характеризует и пространство: единичное представление, чистое созерцание, человеку дано не само чистое рассудочное созерцание пространства, а лишь *познание* его *символов*, а уразумение возможно только через посредство абстрактной формы. То, что единично, созерцается непосредственно (в чувственном созерцании) [6, с. 290]. Представляется, что Кант вначале исследует, а затем применяет специфический метод трансцендентальной редукции, для того чтобы показать сложность процесса познания с самого начала восприятия предмета, который уже тогда проникается априорными принципами рассудка.

Литература

1. Лекторский В. А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 11–21.
2. Ойзерман И. Т. Кант и Гегель. М., 2021. 518 с.
3. Кюн М. Кант. М., 2021. 604 с.
4. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. М., 1994. 741 с.
5. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., 1994. 414 с.
6. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 2. М., 1994. 429 с.

НЕОКАНТИАНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ТЕОРИИ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ КУНА

Е.Т. Шамарина

*Менеджер международной лаборатории исследований
русско-европейского интеллектуального диалога*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: eshamarina@hse.ru

Майкл Фридман предпринял попытку объединить кантианскую трансцендентальную философию и историографическую модель Куна во взгляде на изменения в науке. Его идея рационального пересмотра научных принципов контрастирует с идеей Куна о существовании универсальных наборов значений,

обеспечивающих научный прогресс. Фридман обращается к философским разработкам метатеоретического уровня для решения проблемы рациональности. Однако его аргументация рационального научного развития становится ретроспективным трансцендентальным описанием рационального научного прогресса.

Ключевые слова: парадигмы, рациональность, Кун, Фридман, неокантианская традиция, априори

A NEO-KANTIAN PERSPECTIVE ON KUHN'S THEORY OF SCIENTIFIC REVOLUTIONS

E.T. Shamarina

*Manager of International Laboratory for the studies of the intellectual dialogue between Russia and Europe
National Research University Higher School of Economics*

E-mail: eshamarina@hse.ru

Michael Friedman made an attempt to combine Kantian transcendental philosophy and Kuhn's historiographical model in a view of changes in science. His idea of a rational revision of scientific principles contrasts with Kuhn's idea of the existence of universal sets of values that ensure scientific progress. Friedman appeals to philosophical developments of the metatheoretical level to solve the problem of rationality. However, his argumentation of rational scientific development becomes a retrospective transcendental description of rational scientific progress.

Keywords: paradigms, rationality, Kuhn, Friedman, neo-Kantian tradition, a priori

В «Структуре научных революций» (1962/1970) Кун представил идею научной «парадигмы», которую он понимал как целостное мировоззрение, состоящее из метафизических взглядов, методологических правил и концепции. Во введении в первой главе [1, с. 24] Кун объясняет причины своего отказа от развития модели накопления научных знаний в недавней историографии. Вместо научного развития как простого прироста знаний он предлагает рассматривать «развитие науки как последовательность связанных между собой узлами традиции периодов, прерываемую некумулятивными скачками», т.е. концепцию череды научных революций, называемых «сменой парадигм» [1, с. 267]. Основная проблема, связанная с этой характеристикой: как можно отстаивать новую парадигму и придерживаться ее, если в периоды революционной науки ставятся под сомнение сами критерии фактичности и научной рациональности?

Ответ Куна состоит в том, что аргумент в пользу новой парадигмы обязательно носит характер замкнутого круга: «Каждая группа использует свою собственную парадигму для аргументации в защиту этой парадигмы» [1, с. 131]. Следовательно, сдвиги парадигмы не могут быть результатом рационального процесса – смена парадигмы в конечном итоге является *социальным или психологическим феноменом* [1, с. 221]. Точку зрения Куна можно расценить как поддержку релятивизма, хотя сам Кун не одобрял это следствие. Он отстаивал точку зрения, что существует универсальный набор значений для проблем, которые можно использовать при всех революционных разногласиях, что позволило бы ученым и теоретикам науки утверждать о демонстрации прогресса в истории науки. Фридман разделяет цель Куна, но отвергает релятивистские последствия историографической перспективы Куна. Основным источником посткуновского затруднения Фридман считал разрушение первоначальной кантовской концепции *априори*. Он предпринимает трансцендентальный проект: как возможно рациональное развитие науки при наличии глубоких разрывов в её развитии?

Одним из главных примеров научной революции для Куна является переход от ньютоновской гравитации к гравитации в теории относительности Эйнштейна, рассмотренный в главе IX «Структуры научных революций» [1, с. 129]. Фридман видит в подходе логических эмпириков к анализу физических теорий основу для исправления описания Куном перехода от тяготения Ньютона к гравитации Эйнштейна. Он заменяет термин Куна «смена парадигмы» *рациональным* процессом пересмотра научных принципов. Именно пересмотр этих принципов делает возможными выдвижение собственно эмпирических гипотез с соответствующими онтологическими картинами, методологическими правилами, головоломками, стандартами решения и образами общественной жизни, что и представляет собой революционное изменение теории. *Понятие рациональности науки у Фридмана* — это не интеллектуальное предприятие, постепенно приближающееся к внешней реальности, а направленное на достижение *идеального консенсуса идеального научного сообщества* [2, с. 68]. Это идеальное состояние никогда не может быть достигнуто; оно играет роль рационального

«компас» для ученых и состоит из априорного *регулятивного идеала* научного исследования. Алан Ричардсон указывает, что у Фридмана «синтез, сближение менталитетов звучит как аргументированные переговоры – одновременно рациональные и нереволуционные» [3, с. 262]. Т. о., Фридман использует *метода анализа*, цель которого – выявить принципы, определяющие рамки исследования.

Второе отличие альтернативы Фридмана состоит в описании *механизма изменения теории*. Точка зрения Фридмана в некоторой степени наследует концепцию изменения теории Карнапа, согласно которой мы принимаем новую структуру или концептуальную основу научной теории, поскольку это *целесообразно*. Фридмана интересуют *концептуальные предпосылки* теории, способной поддерживать традицию нормальной науки. Поэтому было бы ошибкой рассматривать замену набора конститутивных принципов как объяснение смены парадигмы, хотя Кун считал свою концепцию «*некой разновидностью постдарвиновского кантианства*» [4, с. 146] с изменяющимися категориями.

Фридман предлагает альтернативную картину полностью динамической дифференцированной системы знаний из трех уровней: базового, включающего концепции и принципы эмпирического знания; уровня, на котором располагаются конститутивно – априорные принципы как условия возможности для эмпирических законов (в терминологии Куна – относительно стабильные правила игры (парадигмы); и уровня философских *метопарадигм* (или метарамок). Чтобы подтвердить релятивизированный или конститутивный априори, Фридман формулирует *межпарадигмальное понятие рациональности*, не ограниченное конститутивными принципами какой-либо отдельной парадигмы. Он выходит за рамки Карнапа и Куна и описывает данную функцию как то, что Кант назвал трансцендентальной философией. Фридман утверждает, что при революционном переходе все же существует важный элемент взаимосвязи старой и новой концепций в том же самом процессе концептуального изменения. Обращаясь к примеру Куна, Фридман указывает, что специальная релятивистская механика приближается к классической механике в *пределе*, когда скорость света стремится к бесконечности, а структура светового конуса присутствует в каждой точке общего релятивистского пространственно-временного многообразия и «*коллапсирует*» в ньютоновскую плоскость абсолютной одновременности в каждой точке; риманова геометрия с переменной кривизной приближается к плоской евклидовой геометрии, поскольку рассматриваемые области касательного пространства становятся бесконечно малыми; общие релятивистские полевые уравнения гравитации Эйнштейна приближаются к уравнениям Ньютона для гравитации, поскольку, опять же, скорость света стремится к бесконечности [5, с. 379]. Поскольку конститутивные принципы более ранней структуры содержатся в более поздних как приблизительный частный случай, постольку конститутивные принципы более поздней структуры полностью содержатся в более ранней структуре (как, например, бесконечно малая евклидова геометрия содержится в евклидовой геометрии).

Место философии в смене научных парадигм – ретроспективно обобщить радикальные инновации после научных потрясений; философские разработки могут расширить пространство эмпирических возможностей науки [2, с. 67]. Философская контекстуализация самых основных конститутивных принципов, определяющих *фундаментальные пространственно-временные рамки* эмпирического естествознания, играет незаменимую ориентирующую роль в концептуальных революциях в науке путем создания новых эпистемологических мета-каркасов (мета-структур), и эволюционно направлять революционные переходы к новым научным рамкам. Трансцендентальная философия в этом смысле делает доступными перспективные концепции *межпарадигмальной рациональности*. Для обоснования Фридман заимствует у Юргена Хабермаса термины «*коммуникативная рациональность*» и «*инструментальная рациональность*». Коммуникативная рациональность характеризуется процессом аргументации, апеллирующим к моделям аргументации и основанном на взаимно приемлемых способах рассуждения для всех участников с целью достижения согласия. Коммуникативная реальность противоположна инструментальной рациональности, которая характеризуется как индивидуальный процесс обдумывания, надлежащего сопоставления средств и целей. Фридман утверждает, что признание только инструментальной рациональности как в нормальной, так и в революционной науке объясняет неспособность Куна найти постоянные критерии и ценности в процессе развития науки, которые позволяют сдвигам парадигм быть результатом рационального процесса.

Необходимо отметить «изменение смысла», которое Фридман приписывает терминам и принципам, называемых им априорными, при переходе от старых рамок к новым. Даже если те же условия и принципы снова появляются в новой структуре, они не имеют того же значения. Аргумент Фридмана поддерживает представление Куна о несоизмеримости и непереводемости между последовательными структурами в научной революции. Фридман ясно заявляет: «Более поздняя структура, конечно, не может быть переведена в более раннюю структуру, просто потому,

что концепции, использованные при формулировании более поздней концепции, еще не возникают» [2, с. 99]. Это связано с изменением «статуса» таких принципов в их межпарадигматическом переходе.

Если у Канта мы обнаруживаем абсолютные априори (пространство и время), у Райхенбаха – жесткое ядро постоянных априори и релятивизированные априори, то у Фридмана априори постоянные и релятивизированные составляют *внутреннюю априорную конститутивную структуру*, в которой априори взаимодействуют друг с другом и взаимовлияют, приводя к изменению всей системы. Относительно фиксированные или укоренившиеся элементы науки в смысле эпистемологического холизма Куайна, по мнению Фридмана, не являются конституционально априорными частями наших научных теорий, имеющих особую конститутивную функцию: функцию точного математического формулирования и эмпирического применения рассматриваемых теорий в первую очередь. В этом смысле релятивизированная и динамическая концепция априори, разработанная логическими эмпириками, по утверждению Фридмана, описывает концептуальные революции гораздо лучше, чем холизм Куайна [6, с. 181].

Представление Фридмана, что объективность и рациональность научного прогресса можно сформулировать и защитить с помощью динамической и историзированной версии априорного кантианства, развивает посткуновский подход к философии науки, ориентированный на связь между историей науки и историей философии. Он реанимирует идею о том, что революционное изменение теории является результатом рационального процесса и не требует простой целесообразности. Но его описание перехода от конститутивной основы тяготения Ньютона к гравитации Эйнштейна в физике пространства-времени в некоторых местах еще напоминает конвенционализм. Описание им «изменения основополагающих принципов» временами кажется близким к «изменению условностей», даже если переход достигается путем использования коммуникативной рациональности. Несмотря на то, что Фридман дистанцируется от традиционного понимания рациональности, а его решение проблемы направлено на философское обоснование рациональности научного развития, ответы Фридмана не выводят из «посткуновского затруднительного положения», а служат ретроспективным трансцендентальным описанием рационального научного прогресса

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
2. Friedman M. Dynamics of Reason. The 1999 Kant Lectures at Stanford University. Stanford: CSLI Publications, 2001. 141 p.
3. Richardson A. Narrating the History of Reason Itself: Friedman, Kuhn, and a Constitutive A Priori for the Twenty-First Century. Perspectives on Science 2002, vol. 10, no. 3. The Massachusetts Institute of Technology. P. 253–274.
4. Кун Т. После «Структуры научных революций» / Томас Кун; пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2014. 443 с.
5. Friedman M. Transcendental Philosophy and A Priori Knowledge: A Neo-Kantian Perspective // P. Boghossian and C. Peacocke (eds.). New Essays on the A Priori, Oxford University Press, 2000. P. 367–383.
6. Friedman M. Kant, Kuhn, and the Rationality of Science. Philosophy of Science. 2002. No 69. P. 171-190.

МИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ Ж.БАТАЯ И М.БЛАНШО КАК АЛЬТЕРНАТИВА «МЕТАФИЗИКЕ ВОЗМОЖНОГО ОПЫТА»*

В.Г. Косыхин

*Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки
Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: kosyhinvg@gmail.com*

Существует ли альтернатива трансценденталистской метафизике возможного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

опыта? Если да, то она мыслима либо через расширение понятия реализма, либо за счет уточнения границ возможного. Если в первом случае мы имеем дело, например, с абсолютным идеализмом или со спекулятивным реализмом, расширяющими наше представление о реальности, то во втором случае проблематичным оказываются сами понятия опыта и возможности. Если кантовский трансцендентализм в первую очередь, понимает под опытом прежде всего опыт возможного чувственного восприятия, то в случае с мистическим реализмом Жоржа Батая и Мориса Бланшо опыт соотносится исключительно с внутренним измерением. Место трансцендентального субъекта занимает невозможный для трансцендентализма субъект отсутствия, имеющий дело с состоянием самопознания, пространственно-временные формы которого уже не выступают как априорные формы трансцендентализма, но имеют в качестве точек отталкивания интеллектуальные территории гегелевской феноменологии духа и хайдеггеровской внутривременной событийности. Этот опыт стремится преодолеть или, по меньшей мере, подвергнуть испытанию границы как самого трансцендентального субъекта, так и любой метафизики, связанной с ним.

Ключевые слова: мистический реализм, возможный опыт, метафизика, трансцендентализм, субъект, отсутствие

THE MYSTICAL REALISM OF J. BATAILLE AND M. BLANCHOT AS AN ALTERNATIVE TO THE "METAPHYSICS OF POSSIBLE EXPERIENCE"

V.G. Kosykhin

*DSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science
Saratov State University
E-mail: kosyhinvg@gmail.com*

Is there an alternative to the transcendentalist metaphysics of possible experience? If so, then it is conceivable either through the expansion of the concept of realism, or by clarifying the boundaries of the possible. If in the first case we are dealing, for example, with absolute idealism or speculative realism, which expand our understanding of reality, then in the second case, the very concepts of experience and possibility turn out to be problematic. If Kantian transcendentalism, understands by experience, first of all, the experience of possible sensory perception, then in the case of the mystical realism of Georges Bataille and Maurice Blanchot, experience correlates exclusively with the internal dimension. The place of the transcendental subject is occupied by the subject of absence, impossible for transcendentalism, dealing with the state of self-knowledge, the spatiotemporal forms of which no longer act as a priori forms of transcendentalism, but have as points of repulsion the intellectual territories of the Hegelian phenomenology of the spirit and Heideggerian intratemporal eventfulness. This experience seeks to transcend or at least test the limits of both the transcendental subject itself and any metaphysics associated with it.

Keywords: mystical realism, possible experience, metaphysics, transcendentalism, the subject, absence

Если исходить из кантовской критики предшествующей метафизики как выходящей за пределы любого возможного опыта, то сам опыт, с которым имеет дело метафизика, с точки зрения трансцендентализма представляется чем-то невозможным, своего рода чисто интеллектуальным путешествием мысли, утратившей контакт с реальностью нашего непосредственного чувственного восприятия. Но это вовсе не означает, что метафизике не знаком другой опыт, опыт мысли, который вовсе не обязательно исходит из опыта чувств, о чем свидетельствует картезианское *cogito*.

Самим своим вопросом о возможности метафизики трансцендентализм указывает на условия, при которых метафизика невозможна, по крайней мере в виде аналога той ньютонианской науки, которая в кантовском проекте критики метафизики мыслилась образцом. Впрочем, выход метафизики за пределы любого возможного опыта ни в коей мере не мешал существовать метафизике в своем собственном интеллигибельном мире, что лишней раз указывало на различие в понимании реальности метафизическим и трансцендентальным субъектом. Вопрос заключался, по сути дела, в суженном и расширенном представлении о реальном и о границах возможного опыта. Границы реальности, с точки зрения кантовского трансцендентализма, необходимо совпадают с границами познания

субъекта, определяемыми тремя трансцендентальными способностями: чувственностью, рассудком и разумом. В этом и заключается возможный опыт трансцендентального идеализма.

Расширенным представлением о понятии реального позже в своей критике трансцендентализма воспользуется гегелевский абсолютный идеализм, а в наши дни такое широкое представление о реальном станет характерным для спекулятивного реализма, ставящего целью не просто отказ от субъективной корреляции с объективностью, но и дематериализацию представлений о границах реального в объектно-ориентированной онтологии Грэма Хармана или в дивинологии Квентина Мейясу [1, с. 80].

Альтернативное трансцендентализму понимание реального сопровождалось попытками расширения понятия о возможном опыте в мистическом реализме Жоржа Батая и Мориса Бланшо, который можно интерпретировать как критику трансцендентализма с позиций негативной метафизики, или метафизики вывернутой наизнанку. Здесь возможный опыт согласуется не с трансцендентальными способностями субъекта, а с неким новым внутренним измерением познания, выходящим за пределы этих способностей.

В этой негативной метафизике мистического реализма трансцендентальный субъект уступает место субъекту отсутствия, или отменяется им, поскольку полагающий себя отсутствующим субъект Батая и Бланшо имеет дело с таким состоянием самопознания, где внутреннее пространство и время никак не соотносятся с априорными формами чувственности кантовского трансцендентализма, но имеют в качестве точек отталкивания или интеллектуальные территории гегелевской феноменологии духа и хайдеггеровской внутривременной событийности. Этот опыт стремится преодолеть или, по меньшей мере, подвергнуть испытанию границы как самого трансцендентального субъекта, так и любой метафизики, связанной с ним.

Критически переосмысливая наследие Гегеля и Ницше в контексте экзистенциализма Жорж Батай расширяет понятие экзистенции на понятие внутреннего опыта, выявляющего предельные основы нашего существования. Батай пишет: «Я называю опытом путешествие на край возможности человека» [2, с. 23]. Человек с точки зрения края возможности обладает только двумя достоверностями: 1) желанием быть всем; 2) достоверностью смерти. Этот опыт необычайный, когда дух человека вступает в состояние, в котором окружающий мир принимает странные формы: формы «тоски и экстаза» [2, с. 23].

У такого опыта мало предшественников. И все же, Батай прямо называет предшественника – это Ницше. Не случайно «Внутренний опыт» открывается цитатами немецкого философа, и мысль Ницше постоянно привлекает внимание Батая, для которого Ницше – философ подлинной жизни, начавший движение современной мысли по направлению к внутреннему опыту, и именно в силу этого оставшийся непонятым, поскольку обращали внимание на то, *что* говорит Ницше. Не избежал этого и Хайдеггер, вслушивавшийся в слова Ницше, в *ничто*, сказанное им. Но мысль Ницше не могла быть понята из этого *что*. Она понимается лишь *откуда*, то есть по мнению Батая понять, *что* говорит Ницше, можно, лишь находясь в том же месте, *откуда* исходит Ницше. Это место и является пространством внутреннего опыта.

Внутренний опыт имеет ряд негативных характеристик: 1) он противостоит дискурсивному познанию, он ведет не к разуму, но в обратную сторону от него – к бессмысленности, безмыслию, невыразимости; 2) он деструктивен, так как отнимает у духа все полученные прежде ответы; 3) он связан не с приобретением чего-то, но с растратой, полной растратой всех жизненных сил. Принципом этого опыта является не-знание, непостижимая неизвестность «того присутствия, что ничем не отличается от отсутствия». Как таковой внутренний опыт негативен. И если в негативной теологии Бог познается через отрицание всех свойств, встречаемых в сущем, то в мистическом реализме Батая это отрицание применяется к пределам возможного опыта в человеческом познании.

Если у Жоржа Батая мы видим интериоризацию пространства возможного опыта, то у Мориса Бланшо подобная интериоризация происходит со временем возможного опыта, а точнее – касается переосмысления временных аспектов присутствия в хайдеггеровской аналитике Da-sein. Так, название текста Бланшо «Ожидание забвения», впервые изданного в сборнике, посвященном семидесятилетию Хайдеггера, отсылало к двум модусам темпорального существования присутствия в «Бытии и времени» [3, с. 145-151].

Для Бланшо темпоральность относится прежде всего к внутреннему времени мысли. Естественно поставить вопрос о природе этого времени, которое было бы опрометчиво сводить к внутриспсихическому процессу, поскольку время этих размышлений яркой полосой пересекает однообразный фон обычного временного потока нашего сознания.

Можно ли назвать его в хайдеггеровском стиле временем события мысли? Но у мысли, согласно Бланшо, вообще есть только это время. В тексте «Пожелав этот миг» Морис Бланшо раздвигает занавес перед «баснословным пластом времени» [4, с. 20], который соединяет воедино присутствие и мысль.

Бланшо отмечает странную и не первый взгляд ужасающую безмятежность этого времени, безмятежность, которая некогда не приходит сама собой, не открывается через порыв внимания или даже шок, сопоставимый с падением в бездну, с падением, приносящим, как это ни странно, необычное ощущение счастья. «Может показаться удивительным, что я спустился так далеко от самого себя, в место, которое можно, полагаю, назвать бездной, и что оно лишь предало меня счастливому пространству праздника» [4, с. 93]. Слово «праздник» здесь всего лишь метафора, за которой скрывается особое время, а именно, уточняет Бланшо, «мгновение, совершенно счастливое, с его самой радостной, самой что ни на есть свободной ясностью» [4, с. 40]. Внутрисобытийное время, чистое время, пусть даже лишенное каких-либо событий, фиксирует наш взгляд вовне так, что во внешнем для субъекта этого времени мире ничего не происходит.

Эта мысль обнаруживает себя в моментах счастья, в которых, однако, она полностью сосредоточена и внимательна, хотя эта сосредоточенность как бы не сфокусирована на чем-то одном. Последнее находит себе объяснение во второй составляющей этого опыта мысли, а именно в радикальной трансформации или даже исчезновении в этом философском времени субъекта времени обыденного. Обычный субъект или наше будничное «я» вовсе не является субъектом времени внутрисобытийного.

Вместе с исчезновением времени обыденного должен исчезнуть и сам субъект, который есть, по Бланшо, ни что иное как субъект социального времени как некая череда или общая сумма собственных социальных масок или функций.

Во внутри-событийном времени присутствия субъект обнаруживает себя как точку без соотнесения. Вернее, в этой точке без соотнесения субъект обнаруживает даже не себя, ибо сам он давно и безнадежно оставил себя по ту сторону опущенного занавеса в уже прошедшем, лишенном событий обыденном времени. Состояние субъекта в этот желанный для подлинной встречи с присутствием миг Бланшо называет «удалением от самого себя внутри собственного наличия» [4, с. 93]

Бланшо предлагает счастливый миг бес-субъектного времени мысли, озабоченного лишь продлением себя через созидание присутствием все новых и новых подвижных конструкций этого времени в процессе мышления.

Перед нами – бесконечное отступление вглубь времени собственного, одновременно с бесконечным выходением из него. И Бланшо вопрошает о необходимости этого шага: «Почему же мне, удалившемуся столь далеко, надо еще и еще отступать в глубь [этого] мгновения, где я скитаюсь словно образ, связанный с неким неподвижно идущим день за днем и неким до некоторой степени всегда избавляющимся от времени временем?» [4, с. 96].

Конечно, можно задаться и другим вопросом, а именно: не является ли то время присутствия, о котором говорит Бланшо, результатом нового негативно-метафизического понимания времени, которое с традиционно метафизической позиции вполне может быть охарактеризовано в аристотелевских терминах как движение от *tá koíná aísthḗtá*, общего ощущения, к *tá ídia aísthḗtá*, ощущению обособленному.

Итоги подобного понимания пространства и времени в мистическом реализме Батая и Бланшо, на наш взгляд, неоднозначны. С одной стороны, посредством интериоризации время приближается к реальности нашего собственного присутствия в бытии, но, с другой стороны, наше собственное бытие оказывается вычеркнутым из общих для всех пространственных и временных форм трансцендентальной субъективности.

Литература

1. Мейясу К. Дилемма призрака // Логос. 2013. № 2 (92). С. 70—80.
2. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. 336 с.
3. Бланшо М. Ожидание забвения. СПб.: Амфора, 2000. 176 с.
4. Бланшо М. Последний человек М.: Азбука–Терра, 1997. 304 с.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ И СТРАТИФИКАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Д.Н. Попов

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Московский государственный университет пищевых производств
E-mail: popovdник@gmail.com*

В современных дискуссиях продолжается полемика о позиции трансцендентальной философии по проблеме реализма: реализм или антиреализм. Однако, если рассмотреть трансцендентализм в более широком смысле, как метафизику возможного опыта, как трансцендентальную онтологию, которая исследует реальность с позиции опыта субъекта и выявляет ее устойчивые, априорные характеристики, то можно предположить, что другим ответом на вопрос реализма может служить стратификация реальности. В таком понимании к трансцендентализму, кроме И. Канта, можно также отнести философов схоластики, веданты, а также Ф. Brentano, Э. Гуссерля и других. В этом случае, стратификация реальности может выступить трансцендентальной альтернативой дихотомии реализма и антиреализма, а также редукционизму ментального или множеству натуралистических вселенных.

Ключевые слова: трансцендентализм, стратификация реальности, несуществующие объекты, иллюзия, веданта

TRANSCENDENTALISM AND THE STRATIFICATION OF REALITY

D.N. Popov

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
Moscow State University of Food Production
E-mail: popovdник@gmail.com*

In modern discussions, the controversy continues about the position of transcendental philosophy on the problem of realism: realism or anti-realism. However, if we consider transcendentalism in a broader sense, as a metaphysics of possible experience, as a transcendental ontology that examines reality from the perspective of the subject's experience and reveals its stable, a priori characteristics, then we can assume that another answer to the question of realism can be the stratification of reality. In this sense, transcendentalism, in addition to I. Kant, can also be attributed to the philosophers of Scholasticism, Vedanta, as well as F. Brentano, E. Husserl and others. In this case, the stratification of reality can act as a transcendental alternative to the dichotomy of realism and antirealism, as well as to the reductionism of the mental or a multitude of naturalistic universes.

Keywords: transcendentalism, stratification of reality, nonexistent objects, illusion, Vedanta

Как трансцендентализм отвечает на вопрос существования мира, объектов повседневного опыта и науки, сновидений, фантазий, противоречий и даже ничто? Трансцендентализм как метафизика возможного опыта представляет из себя особое философское направление, предполагающее метафилософские предпосылки в форме первичности сознания и построения мировоззрения и науки от первого лица. Поиск условий возможности подразумевает рассмотрение реальности с позиции субъекта, того, как она ему является, дается, в отличие от рассуждения об объективно существующем бытии (от третьего лица). В этом исследовании мы рассмотрим возможность того, что данный подход включает в себя стратификацию или относительное сравнение реальности различных объектов или объективностей, сформированных субъектом смыслов. Можно начать с главного представителя трансцендентализма. В “Критике чистого разума” И. Канта в примечании к разделу о трансцендентальной эстетике мы можем выделить следующую стратификацию [1, с. 98]: 1) иллюзия, которая впервые возникает при приписывании субъектом качеств пространства самому объекту, как, например, красноту - розе или колец - Сатурну; 2) явление, как правильное приписывание чувственных предикатов субъективным предметам наших чувств; 3) объект сам по себе, не имеющий чувственных предикатов.

У трансцендентализма есть своя история формирования, центральной особенностью которой является решение проблемы реализма в трансцендентальном ключе, то есть через рассмотрение реальности в отношении к субъекту опыта и построение стратификации. В европейской истории философии В. К. Шохин приводит в пример Генриха Гентского как первого философа “трансценденталиста”, который ввел термин *realitas* и сделал первые попытки стратификации [2, с. 29-32]: 1) вещи экстраментальные и актуальные (*realitas actualis*) 2) вещи ментальные и потенциальные (*realitas quidditativa*) 3) вещи ментальные и фиктивные (*realitas fictio*), последние обладают минимальным существованием. Как отмечает автор, данная классификация находится в рамках трансцендентализма, так как показывает зависимость объектов опыта от субъекта. То есть реальность вещей определяется степенью их невозможности “снятия” в опыте субъекта. Также, с позиции некоторых исследователей, под реальностью у схоластов понимаются не просто вещи в современном натуралистическом понимании, но мир понятий. Это подчеркивает особый характер трансцендентализма, его подход от первого лица.

В отношении истории трансцендентализма вне европейской философии, В. К. Шохин наибольшую его распространенность видит в индийской философии, в частности, в философии веданты. В целом индийская культура наиболее склонна к трансцендентальному способу мышления, так как сознание и субъект являются точкой отсчета уже в Упанишадах. Можно отметить, что это также повлияло на формирование философских школ агонистического и синкретического характера. Это стало возможно, так как преобладала платформа дискуссии на основе сопоставления реальности относительно субъекта и аргументации наибольшей очевидности собственной стратификации реальности. Также важным признаком близости трансцендентализма и веданты является ее первый широко известный синтез А. Шопенгауэра, совершенный на основе философии Канта. Однако в веданте есть существенное различие, коренящееся в религиозном характере ее рефлексии.

В. К. Шохин отмечает следующие признаки трансцендентализма в веданте [2, с. 221]. Это абсолютная реальность Брахмана, которую сопоставляют с реальностью вещи-в-себе у Канта, причем этот Абсолют сознания принципиально многомерен. Тут важно отметить, что данный момент противоречит главному догмату адвайта-веданты о монизме. В связи с этим можно предположить большую перспективность исследования дуалистических подходов веданты, коими пренебрегает автор. Так, например, стратификацию реальности Вимуктатмана (X в.) на иллюзорное, сон, бодрствование (естественная установка) и реальность Брахмана, можно найти еще в пураническом каноне эпического мудреца Вьясы до формирования школы адвайты, где разделяются глубокий сон, сон со сновидениями, бодрствование и духовное сознание за их пределами (Бхагавата 11.13.27-28). Однако, как отмечает Шохин, вопреки собственной доктрине, адвайтисты выделили значимые различия в трансцендентальном исследовании проблемы несуществующих объектов. Например, различия в количественной реальности мыслимых противоречивых объектов (рога зайца) и иллюзорных представимых объектов (веревка принимается за змею), символической и эмпирической реальности, а также индивидуальной и общечеловеческой иллюзии. В качественном отношении, различие отрицательного существования иллюзии и абсолютной реальность Брахмана, а также интуитивное различие реальности литературных описаний мифов (пуран), героических повествований (итихас), повседневной поэзии (кавы).

На поздних этапах истории трансцендентализма можно увидеть тот же подход к проблематике реальности. Главный термин Brentano - интенциональность, является критерием различия физической и ментальной реальности. Brentano формулирует проблему несуществующих предметов, слепок которых находятся в сознании, как отмечает В.И. Молчанов [3, с. 52]. Отсюда выводится интенциональная реальность внутреннего предмета (*intentionale Inexistenz*) [4, с. 33]. Гуссерль также был увлечен проблемой внутренних противоречивых объектов (типа круглого треугольника или нынешнего короля Франции). В работе “Интенциональные предметы” он различает действительное существование предметов и интенциональное существование в представленности. В “Логических исследованиях” мы уже видим целостную стратификацию: 1) ирреальное (*irreel*), 2) квази-реальное (*reel*) и 3) реальное (*real*). Как отмечает Фоллесдал, именно проблема несуществующих предметов направила Гуссерля в его дальнейшей феноменологии “Идей” [5]. Однако мы не согласимся с М. Белянином, что Гуссерль и трансцендентализм в целом постулирует существование априорного мира смыслов или вводит свойства несуществующих объектов в противоречии с их несуществованием, как это сделал другой ученик Brentano, А. Мейнонг. Если подойти к вопросу несуществующих объектов с позиции вышеописанного подхода, то нам не нужно признавать, что данная проблема психологическая, лингвистическая или логическая. Трансцендентальная философия тем и уникальна, что может рассматривать данную проблему через метафизику возможного опыта, проблему

реальности. В своем исследовании аналитической философии и того, чего ей не хватает, В. К. Шохин отмечает центральной именно проблему несуществующих объектов [6, с. 23-27]. Б. Рассел обвинял А. Мейнонга в отсутствии "инстинкта реальности". У. Куайн вообще исключал эту проблему из философии как "почву для размножения беспорядочных элементов". С. Крипке отрицал реальное существование несуществующих объектов, но говорил об их возможности при других условиях. Для последователей Витгенштейна они лишь объекты языковых игр, не имеющие реальности. Д. Льюис, однако, принял данную проблему серьезно, оставаясь в рамках натурализма. Он предложил концепцию множества миров, в рамках которых ментальные объекты являются реальными в других мирах. Данная идея стала очень популярной сейчас, тиражируется через популярные киноселенные и становится частью современного мировоззрения. Конечно с мировоззренческой позиции легко понять людей, которым экзистенциально трудно терпеть давление современного мира. Концепция возможных миров уменьшает это давление, но вместе с тем уменьшает и ответственность. Однако, насколько данное решение способствует адекватному отношению к миру?

Альтернативу натурализму может предоставить трансцендентальная философия. Как было описано выше, трансцендентализм в широком смысле подходит к реальности со стороны опыта субъекта и различает в ней разные уровни существования по степени априорности, устойчивости в опыте. Несуществующие объекты в данном случае получают статус особого типа или модуса существования. Причем в качественном отношении, по интенсивности переживания, виртуальная картина может быть даже более реальна, чем существующее обстоятельство дел, что подтверждает современная ситуация.

Если перейти к проблеме реальности научных объектов, то можно отметить, что противостояние реализма и антиреализма дало срединный результат в современной философии. К нему можно отнести "контекстуальный" научный реализм С. Псиллоса и научный перспективизм Р. Гиери. В моем прошлом исследовании была выделена сопоставимость данных выводов с позицией трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля [7]. С. Псиллос, например, признает, что научный объект как любое высказывание имеет своих создателей, которые, однако, укоренены в мире, а также, что научные объекты зависят от контекста в их рассмотрении. Р. Гиери отмечает влияние на научные объекты технической и социальной реальности, а также исторической перспективы исследования объекта. Поэтому проблема научных объектов уже вышла за пределы строгой дихотомии реализма и антиреализма. Однако осознанное использование трансцендентального подхода, помогло бы выявить нюансы в стратификации реальности научных объектов.

Таким образом, можно заключить, что трансцендентализм как метафизика возможного опыта не подразумевает реалистического или антиреалистического решения проблемы существования объектов в онтологическом, бытийном смысле. Как наука от первого лица, специализирующаяся на выявление априорных или устойчивых характеристик объектов, трансцендентализм может описывать стратификацию реальности как в качественном, так и в количественном отношении. Примеры такого подхода мы можем найти не только в истории схоластической философии, но также и в индийской философии, для которой первичность сознания была культурно естественна. Поэтому обращение к работам философов веданты для решения проблем реализма с помощью стратификационного подхода будет оправданным для современных исследователей.

Литература

1. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М.: Наука, 1999.
2. *Шохин В.К.* Стратификации реальности в онтологии адвайта-веданты. М.: ИФ РАН, 2004. 289 с.
3. *Молчанов В.И.* Две лекции о Brentano. Логос, № 1, 2002 (32). С. 46-67.
4. *Brentano Ф.* Избранные работы /Пер. с нем. В.Анашвили. М., 1996.
5. *Фёллесдал Д.* Гуссерлевское понятие ноэмы // *Monstera*. М., 2005.
6. *Шохин В.К.* Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // *Философский журнал*. 2015. Т. 8. № 2. С. 16–27.
7. *Попов Д.Н.* Проблема развития науки в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля в контексте современных дискуссий // *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской научной конференции / Под общей ред. А.М. Фейгельмана. [Электронный ресурс]. Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. С. 332-336.*

КОНСТРУКТИВИЗМ И РЕАЛИЗМ КАК СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГУССЕРЛЯ

А.А. Шиян

Кандидат философский наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

В тексте рассматривается феноменология Гуссерля с точки зрения дилеммы конструктивизм/реализм. Автор считает, что феноменология Гуссерля в онтологическом смысле представляет позицию реализма, а в гносеологическом плане ее можно отнести к конструктивному реализму. В тексте подчеркивается, что конструктивный реализм Гуссерля различным образом представлен в познающем восприятии и в знании, выраженном в суждениях. В восприятии предметы могут быть даны так, как они существуют в реальности, но убедиться в истинности восприятия мы можем только обращаясь к анализу их способа данности. При этом, в разных предметных установках усматриваются разные стороны вещи, и вещь может быть представлена (сконструирована) как состоящая из характеристик, усматриваемых во всех этих установках. Однако в феноменологии нет средств удостовериться в истинности (соответствии реальности) суждений, выражающих отношения, процессы и всеобщие свойства. Следовательно, нельзя исключить конструирование при формировании этих суждений и можно говорить лишь о соответствии знания реальным предметам этого знания, данным в восприятии.

Ключевые слова: конструктивизм, реализм, конструктивный реализм, феноменология, познание, Гуссерль

CONSTRUCTIVISM AND REALISM AS STRATEGIES FOR INTERPRETING HUSSERL'S PHENOMENOLOGY

A.A. Shiyan

CSc in Philosophy, Associate Professor

Russian State University for the Humanities

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

The text examines Husserl's phenomenology from the point of view of the constructivism/realism dilemma. The author believes that Husserl's phenomenology in the ontological sense represents the position of realism, and in the epistemological sense it can be attributed to constructive realism. The text emphasizes that Husserl's constructive realism is presented in different ways in cognitive perception and in knowledge expressed in judgments. In perception, objects can be given as they exist in reality, but we can only verify their truth by referring to the analysis of their way of being given. At the same time, different aspects of a thing are seen in different objective attitudes, and then a thing can be presented (constructed) as consisting of the characteristics seen in these attitudes. However, in phenomenology there are no means to verify the truth, that is, accordance with reality, of judgments expressing relations, processes and universal properties. Consequently, it is impossible to exclude the construction in the formation of these judgments, and we can only talk about the correspondence of knowledge to the real objects of this knowledge given in perception.

Keywords: Constructivism, realism, constructive realism, phenomenology, cognition, Husserl

Гуссерлевскую гносеологию можно считать наследницей кантовского трансцендентализма (см. об этом, например, [7]). Так же, как и кантовский трансцендентализм (см. подробнее [3]), феноменология Гуссерля допускает конструктивистскую и реалистическую интерпретацию. Указание на эти две, казалось бы, взаимоисключающие интерпретации гуссерлевской философии можно найти у О. Финк, который обратил внимание на то, что «конституирование» – один из основных терминов феноменологии Гуссерля – может толковаться и в духе реализма как установление уже существующего смысла вещей, и в духе конструктивизма как изготовление и производство вещей [6, с. 376].

Относительно феноменологии Гуссерля проблему конструктивизм/реализм можно поставить следующим образом. Мир конструируется сознанием или его существование никак не зависит от

сознания? В последнем случае познающее сознание лишь схватывает то, что существует независимо от самого познания. Учитывая, что для Гуссерля сознание является, прежде всего, познающим сознанием, дилемма конструктивизм/реализм может быть переформулирована следующим образом: является ли познание конструированием или оно может достигнуть знания самой реальности?

На первый взгляд, феноменология в отношении внешнего мира и его познания стоит на реалистических позициях. На это указывает, прежде всего, ее основная максима «К самим вещам!» и провозглашение своим основным методом интуиции (созерцания), которая схватывает то, что существует независимо от познающего субъекта.

Однако аргументы в пользу конструктивизма являются не менее сильными. Прежде всего, надо вспомнить тезис, высказанный в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» об абсолютности бытия сознания и об относительности и зависимости от сознания бытия вещей [1, с. 149–150]. В той же работе вводится процедура эпохэ, которая означает заключение мира в скобки, лишение его значимости. И как считают некоторые последователи Гуссерля (например, Р. Ингарден), все феноменологические исследования должны проводиться после осуществления эпохэ. Это означает, что уже одно только выведение мира из игры дает право не считать Гуссерля сторонником реализма. А вот отнести его позицию к конструктивизму позволяет модель «хюле – морфе», которая объясняет, как мы воспринимаем предметы: на данные нам бесформенные ощущения мы направляем оживляющий акт, в ходе которого формируется предмет. Кажется, окончательно убедится в антиреализме феноменологии позволяет утверждение Гуссерля, что феноменолог не выносит суждения онтологически [1, с. 479].

Я считаю, что феноменология Гуссерля является реализмом в онтологическом смысле и конструктивным реализмом (как его определил Лекторский [4]) в гносеологическом смысле.

Феноменологию Гуссерля смело можно отнести к реализму в онтологическом смысле, прежде всего, потому что она исходит из существования мира, не зависящего от нашего сознания. Сознание лишь обеспечивает нам возможность познания мира, и, соответственно, абсолютность бытия сознания нужно понимать исключительно в гносеологическом смысле. Эпохэ является ограниченной процедурой, действие которой определяется целями конкретного исследования, и в соответствии с этими целями не всегда имеется необходимость заключения мира в скобки. Так, в цикле лекций «Идея феноменологии» Гуссерль вводит эпохэ для решения в феноменологическом ключе проблемы трансценденции – основной проблемы познания, то есть для обоснования возможности истинного познания предметов внешнего мира [2, с. 210–212]. Кроме того, далеко не все феноменологические исследования осуществляются в рамках эпохэ, на что сам Гуссерль неоднократно указывал.

Особенность гуссерлевского реализма заключается в том, что он придерживается положения, что в восприятии, которое является познавательным актом, мы можем постичь пространственно-материальные предметы «как они есть в действительности». Это означает, что нашему воспринимающему сознанию присуща неосознанная внутренняя уверенность в том, что мы можем убедиться в действительности того, что воспринимаем. Это подразумевает, что мы можем подойти, посмотреть на предмет с другой стороны, потрогать его и т. п. Здесь можно заметить некоторое соответствие феноменологии «телесному подходу» в современных когнитивных исследованиях. С таким пониманием восприятия никак не совмещается гуссерлевская схема «чувственное созерцание – оживляющий акт», согласно которой сознание конструирует вещи. Это можно было бы обозначить как непоследовательность гуссерлевского реализма или как его неразрешимое противоречие. Однако в поздний период творчества Гуссерль отходит от такого конструктивистского толкования «неосознанной» деятельности сознания и больше склоняется к другому ответу на вопрос, как мы воспринимаем предметы внешнего мира. То, что мы непосредственно видим (например, переднюю стенку предмета) напоминает нечто из прошлого опыта, который присутствует в виде седиментированного знания в сознании и который с помощью ассоциаций оживляется и позволяет нам опознать предмет как такой-то и такой-то. Но для того, чтобы убедиться, что видимый нами предмет, является действительным, нам нужно перейти в феноменологическую установку и сравнить все наше неявное знание об этом предмете с его данностью в актуальном восприятии.

При этом каждому типу предметов (предметов неживой природы, живых существ и социальных личностей) соответствует свой определенный способ познания, в том числе свой тип познающего восприятия. Почему возможно это соответствие и чем оно обусловлено, в явном виде Гуссерль не отвечает. Из его рассмотрения предметов разных регионов и способов их данности сознанию можно сделать вывод (который делает, например, Лангребе), что один и тот же предмет может быть рассмотрен в разном типе познающего опыта. Так, человек может восприниматься и как просто живое тело, и как социальная личность. Это рассмотрение одного и того же предмета с разных позиций, или

в разных установках, раскрывает в предмете присущие ему различные стороны и свойства. Человек, исходя из конкретной ситуации, занимает по отношению к предмету ту или иную установку, то есть, как сказали бы современные инактивисты, приспосабливается к окружающей среде.

В гносеологии Гуссерля надо различать знание как результат восприятия, то есть неосознанное и бессловесное познание (это не значит, что оно не обосновано, как утверждает Лекторский [5, с. 82]) и знание, выраженное в суждениях, как в повседневных, так и в научных. Причем, суждения могут фиксировать не только знания о пространственно-материальных предметах, но также об отношениях и процессах, происходящих в мире. Однако, у феноменологии нет средств удостовериться в истинности суждений о процессах, отношениях и всеобщих свойствах. На это обращает особое внимание немецкий феноменолог Э. Тугендхат в своей работе «Понятие истины у Гуссерля и Хайдеггера» [8, S. 107–168]. Этот тезис подтверждается в «Опыте и суждении» и в «Формальной и трансцендентальной логике», в которых Гуссерль обосновывает, что любое суждение об отношениях, процессах и сущностях содержит в себе некоторую произвольную деятельность сознания, то есть неизбежно является конструирующей. Феноменологически удостовериться мы можем только существование пространственно-материальных предметов, о которых идет речь в суждениях. Именно поэтому Гуссерль и утверждает (см. выше), что феноменолог не выносит суждений онтологически. Таким образом, гуссерлевское понимание знания в привычном смысле (то есть знания, выраженного в суждении) вписывается в концепцию конструктивного реализма, правда в его феноменологической модификации: то, что мы конструируем, должно относиться к реально существующим вещам, данным нам в восприятии.

Сфера конструирования в современных науках, с точки зрения Гуссерля, приняла невиданные масштабы и привела к состоянию, которую философ охарактеризовал как кризис. Одна из задач феноменологии – способствовать разрешению этого кризиса путем осмысления научных конструкций через обращение к исходному опыту восприятия «самих вещей» и демонстрацию того, как из этого опыта возникли научные абстрактные формулы и законы.

Все рассмотренное выше можно отнести также и к трансцендентальному сознанию, если понимать его как наше повседневное сознание, взятое с точки зрения его всеобщих свойств. Но в поздней период творчества Гуссерль переосмысливает понятие трансцендентального сознания и даже заменяет его на концепт трансцендентальной субъективности, которая включает в себя также и телесный опыт, опыт коммуникации и деятельности. Так понятая трансцендентальная субъективность творит, конструирует мир. Но проблема познания мира, являющегося продуктом деятельности трансцендентальной субъективности, не нашла достаточного отражения в феноменологии Гуссерля, хотя и была обозначена им как одна из важнейших задач феноменологии.

Литература

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Пер. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009.
2. Гуссерль Э. Идея феноменологии / Пер. Н. А. Артеменко. СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2018.
3. Катречко С. Л. Кантовская «идея [проект] трансцендентальной философии» // Трансцендентальный журнал. 2020. Т. 1. Выпуск 1. URL: <http://transcendental.ru/s123456780008967-4-1> [Дата последнего обращения 8.05.2022].
4. Лекторский В. А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный идеализм в современной эпистемологии и науки // Лекторский В. А. Философия. Познание. Культура. М.: Канон-Плюс, 2012. С. 116–152.
5. Лекторский В. А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // Лекторский В. А. Философия. Познание. Культура. М.: Канон-Плюс, 2012. С. 69–115.
6. Финк О. Оперативные понятия в феноменологии Гуссерля / Пер. А. А. Шиян под ред. В. И. Молчанова // Ежегодник по феноменологической философии. М., РГГУ, 2008. С. 361–381.
7. Шиян А. А. Проект дескриптивной метафизики: от Канта к Гуссерлю // Трансцендентальный поворот в современной философии (6): трансцендентализм как «измененный метод мышления [в метафизике]», модусы и перспективы трансцендентальной метафизики: материалы 6-го международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (Москва, 22–26 апреля 2021 г.) / Отв. ред. С. Л. Катречко, А. А. Шиян. М.: Изд-во ГАУГН-Пресс, 2021.
8. Tugendhat E. Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger. Berlin: De Gruyter, 1970. S. 107–168.

СВОБОДА КАК НЕВОЗМОЖНЫЙ ОПЫТ: РЕАЛИЗМ ИММАНУИЛА КАНТА*

П.А. Мишагин

Старший преподаватель

Сибирский государственный университет науки и технологий

им. академика М.Ф. Решетнёва

E-mail: mishagin@sibsau.ru

Работа посвящена исследованию свободы в системе трансцендентального идеализма И. Канта с приоритетом эпистемологического ракурса рассмотрения над практическим. Показаны основания сложившегося предпочтения практического ракурса рассмотрения проблемы свободы над эпистемологическим, контрпродуктивность такого подхода. Продемонстрированы преимущества последовательного восхождения в постижении свободы от ее теоретического (трансцендентального) аспекта к практическому. Обозначена связь между эпистемологической проблематикой возможности априорных синтетических суждений и практической проблемой свободы. В результате проведенного исследования автор приходит к представлению о невозможности рассмотрения свободы в рамках трансцендентализма в качестве эмпирического феномена, и вместе с тем необходимости рассматривать свободу в качестве одного из условий возможности опыта, что может служить демонстрацией реалистических взглядов И. Канта на проблему свободы.

Ключевые слова: свобода, опыт, трансцендентализм, трансцендентальный идеализм, реализм, Кант

FREEDOM AS AN IMPOSSIBLE EXPERIENCE: THE REALISM OF IMMANUEL KANT

P. A. Mishagin

Senior Lecturer

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

E-mail: mishagin@sibsau.ru

The paper is devoted to the research of freedom in the system of Kant's transcendental idealism with the priority of the epistemological perspective over the practical perspective. The grounds for the prevailing preference for the practical perspective of considering the problem of freedom over the epistemological perspective are shown, as well as the counterproductiveness of such an approach. The advantages of a consistent ascent in the comprehension of freedom from its theoretical (transcendental) aspect to the practical aspect are demonstrated. The connection between the epistemological problems of the possibility of a priori synthetic judgments and the practical problem of freedom is indicated. As a result of the study, the author comes to the idea of the impossibility of considering freedom within the framework of transcendentalism as an empirical phenomenon, and at the same time, the need to consider freedom as one of the conditions for the possibility of experience, which can serve as a demonstration of I. Kant's realistic views on the problem of freedom.

Keywords: freedom, experience, transcendentalism, transcendental idealism, realism, Kant

Идея свободы человеческой личности широко исследовалась как в социально-политических, так и в философских трудах [1]. Свобода часто трактовалась как неотъемлемое свойство человека, как его родовая сущность. При этом рационалистическое понимание свободы, прав человека рассматривалось как права и свобода человека вообще [2, с. 180]. Наиболее глубоко и своеобразно проблема свободы разрабатывалась представителями немецкого классического идеализма, которые выступили выразителями духовных и социальных интересов своей культурно-исторической эпохи [3, с. 8].

* Исследование выполнено при поддержке Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности. Код заявки: 2022051908679.

Исследование проблемы свободы в рамках трансцендентализма мы сознательно теснейшим образом сопрягаем с гносеологическим и эпистемологическим учением И. Канта, хотя согласно распространенному мнению, проблема свободы является специальной темой критики чистого практического разума [4, с. 280]. Редчайшим исключением является работа А.В. Лаврухина «Практическая философия И. Канта и Э. Гуссерля» [5], идею которой о примате чистого спекулятивного разума в вопросе о свободе перед разумом чистым практическим мы будем последовательно проводить в настоящем исследовании.

Широко распространенные в настоящий момент представления о реализации проблематики свободы в системе практической философии трансцендентализма, по всей видимости, сложились под непосредственным влиянием указания самого И. Канта на то, что понятие свободы есть лишь «чисто негативный принцип спекулятивного разума» [6, с. 63]. При этом позиция чистого спекулятивного разума, как представляется, весьма отлична от позиции занимаемой самим И. Кантом в «Критике чистого разума». Смещение этих двух различных позиций, по всей видимости, и выступает основанием значительной по своим последствиям теоретической рассогласованности. Если последовательно придерживаться позиции самого родоначальника трансцендентализма, то исследование формирования проблемы свободы необходимо начинать именно с теории познания и эпистемологии. Такой подход в исследовании проблемы свободы, при котором происходит последовательный переход в рассмотрении предмета исследования от теоретической философии к практической философии необходим прежде всего потому, что к осознанию свободы мышление побуждает осознание собственного способа поступания, а не потому, что теория познания и эпистемология являются онтологическим основанием идеи свободы.

Отношения между теоретико-познавательной (эпистемологической) проблемой возможности априорных синтетических суждений и практической проблемой свободы настолько глубокие и неразрывные, что, не восходя от свободы как идеи чистого спекулятивного разума к понятию свободы, формируемому чистым практическим разумом, принципиально невозможно понять того способа, каким формируется свобода, а тем более ее онтологические основания, и потому, конечно, невозможно адекватное понимание трансцендентализма в целом. Невозможно потому, что не понимая, каким образом возникает трансцендентальная идея свободы, невозможно понимание практического понятия свободы, а следовательно, под вопросом оказывается понимание и всего трансцендентализма в целом, о чем пишет и сам его основоположник: «понятие свободы... составляет краеугольный камень всего здания системы чистого, даже спекулятивного, разума» [7, с. 281], поскольку без идеи свободы чистый спекулятивный разум неспособен уяснить свои собственные основания.

Касааясь вопроса об успехах метафизики после Вольфа и Лейбница, Кант рассматривал свои учения о свободе и трансцендентальной идеальности пространства и времени как главные открытия, сделанные им в новейшей (постклассической) метафизике. Значение учения о трансцендентальной идеальности пространства и времени для обоснования возможности априорных синтетических суждений хорошо изучено и представление об этом вопросе является устоявшимся и не подвергается критике и пересмотру. В противовес этому, вопрос о связи учения о трансцендентальной идеальности пространства и времени со свободой не только слабо изучен, но еще только нуждается в своей постановке. Ответ на вопрос о связи учения о трансцендентальной идеальности пространства и времени со свободой позволит раскрыть ту глубокую связь, которая существует между эпистемологией свободы и ее практическим понятием.

Если исходить из того, что все наше знание целиком происходит из опыта, и рассматривать время как способ существования вещей самих по себе, то «свободу следовало бы отбросить как никчемное и невозможное понятие» [7, с. 537], а вместе с тем отрицать и само основание возможности априорных синтетических суждений. Если же стоять на позициях классической лейбнице-вольфианской метафизики, то невозможно понять, откуда у человека возникают представления о свободе, которые присущи абсолютно каждому носителю обыденного сознания. Обоснование и раскрытие понятия свободы оказывается в таком случае крайне проблематичным, несмотря на то, что часто «очень многие похваляются очень глубоким его пониманием способностью объяснить его возможность» [7, с. 293]. Причина такого легкомысленного отношения к понятию свободы состоит в том, что «многие все еще думают, что они могут объяснить эту свободу по эмпирическим принципам, как и всякую другую природную способность» [7, с. 533].

Однако в пределах опыта и на основании опыта доказывать или опровергать возможность свободы совершенно бессмысленно, поскольку в таких границах никакие суждения не могут обладать всеобщностью и необходимостью. На основании опыта можно проводить нелимитированное количество аргументов как направленных на защиту свободу и в пользу ее действительного

существования, так и направленных против свободы, направленных на ее отрицание (в том или ином виде). Исходя из случайно принятых оснований можно сегодня говорить о действительности свободы и ее укорененности в бытии, а завтра выдвигать равно обоснованные возражения против действительности ее существования. Различие этих оснований покоится на тот моменте, что люди из-за особенностей и различий чувственности, благодаря которым осуществляется восприятие, могут иметь чрезвычайно разнящиеся представления как об окружающем мире, так и о самих себе. Различие этих оснований выступает фундаментом, на котором базируются узко-рационалистические заблуждения метафизики и догматического сознания.

Догматический характер суждений, характерный для классической метафизики, и сформированный опытным путем, состоит в том, что в суждениях о действительности или иллюзорности понятия свободы представители противоположных позиций не заботятся и не подвергают тщательному исследованию сами основания, опираясь на которые они строят свои суждения. Прежде чем утверждать действительность или иллюзорность понятия свободы, следовало бы, как считает И. Кант, сначала доказать прочность самих этих оснований, и, тем самым, подвергнуть критическому испытанию сами познавательные способности как условия возможности тех или иных суждений. До тех пор, пока мы не исследуем основания наших познавательных способностей, не может быть и речи как о доказательстве, так и об опровержении действительности свободы. Именно поэтому понятие свободы выступает непреодолимым камнем преткновения для всех эмпириков.

Эмпиризм, неспособный удовлетворительно объяснить, откуда и каким образом у человека возникают представления о свободе, вынужден в конечном итоге впадать в тотальный скептицизм. Рационализм же, указывая на неспособность эмпиризма познать свободу, предпринимает попытки схватить свободу исключительно посредством чистого рассудка, но при этом оказывается неспособным сообщить ей что-либо помимо чистой формы, а потому вынужден заниматься исключительно аналитическим расчленением категорий рассудка, которые не расширяют наших знаний о свободе. Если же чистый рассудок предпринимает попытки наполнить содержанием свои формальные рассуждения, то в этом случае он впадает в те же ловушки эмпиризма, которые так успешно были им опровергнуты.

Вместе с тем, согласно трансцендентализму, требования эмпиризма в процессе познания не покидать почву опыта и не обращаться к предметам, находящимся за пределами возможного опыта, совершенно оправданны, поскольку за пределами опыта действительно начинаются холостые движения разума, которые не служат приросту нашего знания. Вместе с тем категории, и в особенности происхождение идеи свободы не следует выводить из опыта, поскольку их природа никоим образом от опыта не зависит, более того, и категории и идея свободы сами в свою очередь выступают условиями возможности опыта. Любые формы научного обобщения в пределах опыта остаются конечными из-за невозможности интеллектуального созерцания. Из этого положения трансцендентализм исходит в выводе о том, что научное доказательство свободы совершенно невозможно, поскольку свобода представляет собой такое свойство человека, которое, с одной стороны, «не содержит в себе ничего заимствованного из опыта» и, с другой стороны, «предмет ее не может быть дан определенным ни в каком опыте» [8, с. 697]. Таким образом, мы видим, что не только в вопросах теории познания и эпистемологии, как это отмечалось исследователями [9], но и в вопросе свободы И. Кант стоит на реалистических позициях и далек как от классического идеализма, так и от конструктивизма.

Литература

1. *McCarthy-Jones S.* The Autonomous Mind: The Right to Freedom of Thought in the Twenty-First Century // *Frontiers in Artificial Intelligence*. September, 2019. Volume 2. Article 19. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frai.2019.00019/full> (Дата обращения: 10.05.2022).
2. *Мишагин П.А.* Нормативность и свобода в трансцендентализме // *Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма: сборник трудов международной научной конференции (Саратов, 7-9 июня 2021 г.)* / [редколл. И.Д. Невважай (отв. ред.) и др.] ; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. С. 177-185.
3. *Мишагин П.А.* *Немецкая классическая философия. Трансцендентальный идеализм Иммануила Канта* : учеб. пособие. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2018. 62 с.

4. *Мишагин П.А.* Феноменологическое прочтение практической свободы в системе трансцендентального идеализма И.Канта // Трансцендентальный поворот в современной философии (4): трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания. Сборник тезисов международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (Москва, 18—20 апреля 2019 г.) / отв. ред. С. Л. Катречко, А. А. Шиян. М.: Изд-во ГАУГН, Фонд ЦГИ, 2019. 371 с. С. 279-284.
5. *Лаврухин А.В.* Практическая философия И. Канта и Э. Гуссерля // Кантовский сборник. 2017. Т. 36. № 3. С. 61-76.
6. *Кант И.* Метафизика нравов. Ч. 1. // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 5: под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 1120 с.
7. *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 3: под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 1997. 784 с.
8. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 2. Ч. 1: под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. 1081 с.
9. *Катречко С.Л.* Является ли кантовский трансцендентализм идеализмом? Концептуальный реализм Канта // Трансцендентальный журнал. 2021. Том 2. Выпуск 1(4). URL: <https://transcendental.ru/s271326680016082-0-1> (Дата обращения: 11.05.2022).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО В КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ Б. ЛАТУРА

Д.А. Вишняков

Бакалавр философского факультета

Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: kustoprav@yandex.ru

В докладе рассматривается проект социальной теории Бруно Латура в контексте постпозитивистских дискуссий о происхождении и статусе научного знания. Проведена линия рецепции Куновского «коперниканского поворота» от классических эпистемологических дескрипций в сторону социально-исторических исследований науки в латурианской методологии. Основное внимание акцентируется на неоднозначном статусе социального в рамках программы Латура. С одной стороны, понятие социального повсеместно употребляется Латуром и его единомышленниками, а с другой, большая трудность возникает при попытке прояснения того, что есть социальное и как оно связано с конструктивизмом. Цель доклада – определение границ конструктивистских построений Латура, их размежевание с традиционным постпозитивистским социальным конструктивизмом и определение роли социального в социологии науки Латуровского типа посредством включения его масштабного проекта в линию исследований науки пост-куновского типа.

Ключевые слова: социальное, конструктивизм, акторно-сетевая теория, «сильная программа»

THE ROLE OF THE SOCIAL IN B. LATOUR'S CONSTRUCTIVIST METHODOLOGY

D.A. Vishnyakov

Bachelor of Faculty of Philosophy

Russian State University for the Humanities

E-mail: kustoprav@yandex.ru

In article observed social theory's project of Bruno Latour in postpositivistic discussion about genesis and level of scientific knowledge. Reception's line of Kuhn's "Copernican revolutions" from classic epistemology descripts to social-historic investigation of Latourian methodology. The main accent of this work is ambiguous state of social in Latour's program. At one, notion of social regular mentioned by Latour and his colleges. Another side, there is a big problem for explaining what does social mean and how it connects with constructivism. The goal of work – to determinate borders of constructivism's schemes of Latour, to divide that with traditional postpositivistic social constructivism and to determinate part of social in sociology of

science of Bruno Latour by introduction his project in post-Kuhn's line of science studies.

Keywords: social, constructivism, actor-network theory, "Strong program"

Когда в свет выходит книга французского социолога и антрополога Бруно Латура и его английского коллеги-социолога Стива Вулгара «Лабораторная жизнь» [1], она тут же становится своеобразным манифестом всего направления исследований в области STS и SSK. Выходящие параллельно с этим работы Кнорр-Цетины [2] и Майкла Линча [3] также посвящены исследованию лабораторной практики. Все эти тексты объединяет фигурирующее в подзаголовках слово «construction». Латур и Вулгар встали в один ряд с другими социологами, которые определяли социальное как детерминант любой формы знания. В частности, примером такого подхода может служить «сильная программа» социологии знания, сформулированная Дэвидом Блуrom и его соратниками – представителями Эдинбургской школы. Его opus magnum «Knowledge and social imagery» [4] сформировал основные пункты «сильной программы», которые следует кратко перечислить:

1. Социология знания должна быть каузальной, т. е. иметь в качестве своего предмета условия, вызывающие те или иные представления и состояния знания. Естественно, будут иметь место и другие, отличные от социальных, типы причин, которые соучаствуют в производстве представлений.

2. Социология знания должна быть беспристрастной в отношении истины и лжи, рационального и иррационального, достижений и провалов. Обе стороны данных дихотомий будут требовать объяснения.

3. Форма ее объяснений должна быть симметричной. Одни и те же типы причин будут объяснять, например, и истинные и ложные представления.

4. Социология знания должна быть рефлексивной. В принципе, ее объяснительные конструкции должны быть применимы к самой социологии. Подобно требованию симметрии данный принцип является ответом на необходимость поиска общих объяснений. Это очевидное требование, так как в противном случае социология являла бы собой опровержение собственных теорий. [5, 5-6]

Ещё одним важным аспектом связи между концепциями Блура и Латура будет являться тот факт, что Латур и его коллеги были переводчиками и в какой-то момент популяризаторами идеологии «сильной программы» во Франции.

Прежде чем продолжить рассуждения о том, как социальный конструктивизм оказался в методологическом арсенале Латура, обратимся к истории внедрения социального дискурса в исследования науки. Здесь роль отца-основателя будет играть Томас Кун, совершивший своего рода «кантовский поворот» в представлениях о науке. Преодолев рамки логического анализа языка Венского кружка, Кун включил в описание научного знания социальные и исторические коррективы. Вместо выведения науки из самой себя, Кун предлагает обратиться к стороннему, лежащему вне поля научного дискурса материалу, «чтобы обрисовать хотя бы схематически совершенно иную концепцию науки, которая вырисовывается из исторического подхода к исследованию самой научной деятельности» [6, 23]. Эта «совершенно иная концепция науки» отлична по ряду причин: она не преследует цели выстроить непрерывную магистральную линию развития науки, отбрасывая неправильные домыслы и субъективные искажения прошлого, кристаллизуя «чистую науку». Более того, историки науки, отказавшиеся от кумулятивного подхода «пытаются вскрыть историческую целостность этой науки в тот период, когда она существовала» [6, 27]. Контекстное исследование и поиск соответствий внутри одной парадигмы также свойственно блуровской методологии, что наглядно видно во втором и третьем пункте его программы. «Наблюдение и опыт могут и должны резко ограничить контуры той области, в которой научное рассуждение имеет силу, иначе науки как таковой не будет. Но сами по себе наблюдения и опыт еще не могут определить специфического содержания науки. Формообразующим ингредиентом убеждений, которых придерживается данное научное сообщество в данное время, всегда являются личные и исторические факторы — элемент по видимости случайный и произвольный» [6, 27]. Обращение к стороннему материалу, к социальным контекстам и обстоятельствам жизни ученых — пафос, свойственный Куном, но не системообразующий. Это лишь возможность, потенциальное поле для исследования, но не фундаментальная парадигма. Иного мнения стали придерживаться социальные конструктивисты.

Вкратце рассмотренная выше теория Блура, как мы видим, имеет корни в работах Куна, но отличается большим радикализмом в отношении применения социального. Концепция «сильной программы» - социально-конструктивистский проект, определяющий любое знание как результат социальной практики. «Вместо определения знания как истинного мнения, социолог рассматривает

в качестве знания все то, что человек за него принимает. Оно состоит из тех представлений, которыми человек живет и которых он с уверенностью придерживается. В особенности социолога интересуют представления, принятые как сами собой разумеющиеся, или институализированные представления, или представления, облеченные авторитетом тех или иных социальных групп. Конечно, мы должны отличать знание от всего лишь мнения. Это может быть сделано путем резервирования слова «знание» за тем, что социально санкционировано, оставляя для просто «мнения» все индивидуальное и идиосинкразическое.» [5, 3].

Ещё одним «фронтом работ» социальных конструктивистов в области исследования науки будет так называемая «слабая программа», представленная в работах упомянутых выше Кнорр-Цетины, Линча, а также эмпирических исследователей (и вдохновителей Латура) Шапин и Шаффер [7]. Сторонники данного направления на растворяют научные факты в социальной среде, представляя их как сформированные исключительно в социальных обстоятельствах положения. Скорее, теоретики «слабой программы» убеждены в том, что знание способно быть измеримым в социальном разрезе, что инструментарий социолога допускает возможность объяснения того культурного положения, которое знание занимает в обществе. Если Эдинбургская школа склонна к радикальному социальному конструктивизму, то «слабая программа» пытается соблюдать баланс между обществом и наукой. В конце концов, установление связи между лабораторией и внешним миром было изначально целью работы Вулгара и Латура [1, 19].

Однако Латур не разделяет позиции ни «сильной», ни «слабой» программ. Оптимизм относительно социальной материи в научном знании быстро сменился постмодернистской риторикой о кризисе рациональности. Латур признает тот факт, что его теория также заняла место маргинальной теории и что он и его коллеги – типичные социальные конструктивисты, убежденные в том, что содержание научного знания предписано социальными отношениями [8, 368]. Далее, он пишет: «Наша цель была далека от попыток объяснить «прочные» факты естественной науки «непрочными» фактами социологии. Она определялась стремлением понять: как наука и техника поставляют ингредиенты, необходимые для сотворения и сохранения общества. Это был единственный способ вернуть слову «конструкция» одно из его исходных значений, подчеркнуть коллективный процесс создания прочных строений посредством мобилизации и координации разнородных элементов» [8, 369]. Латур пытается защитить свою теорию от обвинений в подмене «чистой науки» социальным конструктом. Фактически, это обвинение для Латура имеет более глубокие корни: фундаментальная проблема в объяснении науки через социальное состоит в том, что само социальное – «никем не созданное и всеохватное» [8, 369]. Более того, это же касается и самой Природы – такого же «химического» конструкта, нуждающегося в такой рефлексивной (или точнее сказать, пересборочной) процедуре, как и общество. Оба концепта – концепт социального конструктивизма и концепт научного знания как мистического опыта – равнозначные противники для латурианской теории. Тема де-мифологизации научного знания – основной лейтмотив его ранних работ [1, 168; 9, 17]. «Если «социальное» означает материал, из которого сделаны «научные вещи» <...>, или некий крепкий каркас, обеспечивающий долговечность и прочность научных фасадов <...>— лучше обойтись вовсе без данного понятия. По этой причине я и стер прилагательное «социальное» из названия моей первой книги, оберегая чистоту слова «конструирование». [8, 369]. Латур пытается всячески защититься от ярлыка «социальный» в своей теории, потому что не видит в этом понятии источник того материала, который необходим для объяснения возникновения и формирования научного знания. Эта риторика, уходит дальше, потому что в какой-то момент социальные науки перестают быть науками о социальном, но лишь направлены на изучение «гетерогенных ассоциаций» [8, 370]. Эти «гетерогенные ассоциации» станут фундаментальным понятием разработанной им акторно-сетевой теории – методологического направления, работающего с ассамбляжами – связями между акторами человеческой и не-человеческой природы [10, 11].

Подводя итоги, следует вновь обозначить принципиальную значимость утверждения не-социальной природы конструктивизма Латура. Его цель – собрать «социальное, «научное», «политическое» из разнородных форм связи человек и не-человек, причем эти отношения не имеют онтологического или эпистемического измерения, источник из происхождения – повседневная практика, не связанная с институтами или другими. «Социальным» может быть даже открытие входной двери [11]. Таким образом, конструктивизм Латура не-социален, поскольку само социальное – непроясненный концепт. Следовательно, признание за наукой социального происхождения не объясняет, а усложняет (или ведет в тупик) исследования научного знания.

Литература

1. Woolgar St. Latour B. Laboratory Life: the Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986
2. Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford, New York: Pergamon Press, 1981
3. Lynch M. Technical work and critical inquiry: investigations in scientific laboratory // Social Studies of Science. 1982
4. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. University of Chicago press, 1991
5. Блур Д. Сильная программа в социологии знания. М.: Логос, 2002.
6. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
7. Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton: Princeton University Press, 1985.
8. Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 392 с.
9. Postmodern? No, Simply Amodern! Steps Toward an Anthropology of Science // Studies in the History and Philosophy of Science. 1990. Vol. 21. № 1.
10. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. 384 с
11. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html> (дата обращения: 05.05.2022)

КИНОФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК МЕТАФИЗИКА ВОЗМОЖНОГО ОПЫТА

Е.А. Тимощук

Кандидат философских наук, доцент

Владимирский филиал РАНХиГС

E-mail: e@timos.elcom.ru

Борьба, в которую вовлечено современное человечество, не ограничивается экономическим, политическим, религиозным соперничеством, а распространяется также на сферу смыслов. Установки классической философии, вселяющие уверенность в целерациональности жизни разрушается неопределённостью, хрупкостью, антиномичностью вызовов времени. Синергетика, постмодернизм, герменевтика, аналитическая философия, прагматизм – каждое современное направление предлагает своё решение для концептуализации сложности. Феноменология предлагает ценностно-смысловой порядок, основанный на научном познании бытия сознания, а также на интенционально-конструктивистском понимании природы реальности. Отвечая на процессуально-импульсивный характер бытия феноменология внедряет динамичные категории смыслового конструирования: жизненный мир, естественная установка, интенциональность, интерсубъективность, трансцендирование.

Ключевые слова: феноменологическая машина, кинематографическая машина, кинофеноменология, VR феноменология, виртуальная феноменология

CINEMATIC PHENOMENOLOGY AS A METAPHYSICS OF POSSIBLE EXPERIENCE

Е.А. Timoschuk

CSc in Philosophy, Associate Professor

Vladimir branch of RANEPА

E-mail: e@timos.elcom.ru

The struggle in which modern humanity is engaged is not limited to economic, political, and religious rivalries, but also extends to the sphere of meaning. The attitudes of classical philosophy, instilling confidence in the purposive rationality of life, are destroyed by the uncertainty, fragility, and antinomianism of the challenges of time. Synergetics, postmodernism, hermeneutics, analytical philosophy, pragmatism - each modern trend offers its own solution for conceptualizing complexity. Phenomenology offers a value-meaningful order based on

a scientific cognition of the being of consciousness as well as on an intensional-constructivist understanding of the nature of reality. Responding to the processual-impulsive nature of being, phenomenology introduces dynamic categories of meaning construction: the lifeworld, the natural setting, intentionality, intersubjectivity, transcendence.

Keywords: phenomenological machine, cinematic machine, cinematic phenomenology, VR phenomenology, virtual phenomenology

Преобладающей моделью тела в западной философии является машина. В статье используется эта модель двойко – как генератор феноменологического опыта, собственно, телесность и как кинематограф, – символическая установка по продвижению феноменологической ленты времени. Известно, что биомеханическая модель традиционно противопоставляется феноменологической. Так, в философии медицины американский профессор Дж. Маркум предлагает феноменологический подход к телу для преодоления кризиса качества медицинской помощи, когда пациенты испытывают недостаток эмпатии со стороны врачей, погружённых в биомеханический контекст телесности. В феноменологической модели, пациент рассматривается как воплощенная личность в жизненном контексте; такая парадигма должна содействовать обнаружению причин разрушительной болезни в повседневном смысловом мире пациента [1].

С точки зрения символического конструирования мир машин и мир жизни не могут быть радикально противопоставлены. Тело и кинематограф выступают феноменологическими нарраторами, тело – через поток ощущений, а кинематограф – благодаря смене кадров.

Взаимодействие технологий и феноменологии было рассмотрено в работах по инструментальному реализму. Г. Дрейфус, Дж. Роуз, П. Хилан, М. Хайм, Д. Айди исследуют, как техномедии опосредуют повседневность и применяют для анализа феноменологические категории. Кинематограф – это особый медиатор культуры, устроенный как феноменологическая машина с её характеристиками конститутивности, многослойности, жизненного мира, разворачивания ленты кайросов [1].

В статье под феноменологической машиной понимается тело как генератор перцепций, технократическим изоморфным коррелятом которой выступает паноптикум впечатлений, – кинематограф или кинетическая система по производству впечатлений. Рождение этого неклассического регулятора, эмпирического alter ego новоевропейского сознания обусловлено не только техническими возможностями – изобретению камеры обскура, созданию дагеротипии и кинетоскопа, открытию фотоэффекта. Кино воплотило в себе эмпирического дублёра неклассического символического проектирования [3]. Власть масс требовала машинной интеграции в ассамбляж значений, включения в новую матрицу социального времени. Инклюзия в большую историю через механику кино осуществляется через нарративные структуры, повествовательная идентичность. Призма чистой механики производит киноленты мыслей, которые становятся программами человека-машины.

Критика кинематографического разума как калейдоскопа мемов не будет полной без описания схемы склейки впечатлений в ленту визуализаций. Кинопромышленность осуществляет эстетическую проекцию массива «трансцендентальных схем» пользователей благодаря генерации бесконечных микронарраций вместо воспроизводства больших нарративов, что связано с плюрализацией идентичностей и конкуренцией культур. Кинематограф как феноменологическая машина поставляет впечатления на рынок медийного потребления.

Ещё один модус кино как феноменологической машины заключается в создании чувства реальности субъектом. В этой сложной работе сознания мы, одновременно, выступаем воспринимающими и критикующими и решаем какие перцепции принять в наш модус релевантности, почти забывая, что находимся в иллюзии кино, при этом не забываем этого совсем [4, с. 295–296].

Кино привлекательно, ибо разрывает шаблоны перцепции нашей феноменологической машины и усаживает нас в иллюзион двигательной механики, где мы получаем иные ощущения. Ярким продолжением этого эстетико-феноменологического эксперимента является виртуальная машина, технический комплекс средств, погружающий субъекта в смоделированный мир с помощью специальных VR устройств (очки, шлем, перчатки, контроллеры и другие сенсорные инструменты). VR машина добавляет квалиа, которые в кинорежиме присутствуют как объекты созерцания. В виртуальной системе можно быть динозавром, вояджером, сталкером, дайвером, трансформером. От подвижной монтируемой целостности мы переходим к пластичной эстетико-феноменологической модели, где сенсорная субстанция – это не сумма изображений, а живой процесс впечатлений.

Трансцендентальная феноменология, феноменология жизненного мира, кинофеноменология, VR феноменология – всё это разные выходы на авансцену релевантности, эволюция феноменологического присутствия и репрезентации. Описывая модусы бытия феноменология напоминает нам, что иллюзия условно реальна для субъекта определённой релевантности, а реальность отторгается как иллюзорная, если не корреспондирует с жизненным миром. Даже постановочный псевдо-документальный фильм становится супер реалистичным, если он коррелирует с актуальным жизненным миром зрителя [5, с. 168].

Ключевым механизмом сборки реальности выступает конституитивность, феноменологический смысловой и предметный генератор. Процессуальность, подвижность жизни раскрывается в механике кино как самого кинестетического (идеомоторного) искусства. Из разных атрибутов конституитивности (темпоральность, схематичность, потоковость, гибкость, когерентность, эмерджентность, генеративность) Тименецки выделяет креативность (*Imaginatio Creatrix*) как принципиально онтическое свойство онтопоэзиса. Если для её философского наставника Ингардена важно было показать пустотность, незаполненность стратегий развития и их конкретизацию в пространстве и времени, то Анна-Тереза заинтересовалась субъективной включённостью в создание проективных линий судьбы.

Киноискусство – особая область феноменологических исследований, которая делает зримыми идеи, концепции, теории. Визуализация сущностей в кино осуществляется через комбинирование всех приёмов искусства, однако квинтэссенция кино как феноменологической машины достигается через динамическую смену оптических образов и оттачивается через режиссуру, игру, ракурсы, кинематографические метафоры, внутренние монологи, монтаж, световые решения, закадровое звучание, перспективы. Если в своей естественной установке мы погружены в миф нашего собственного жизненного мира, то в случае с фильмом (театром), благодаря игре актёров, проживающих чужие мифы на сцене, мы погружаемся в иллюзион незнакомых жизненных миров.

Феноменология воспринимается как интеллектуальная философия и этим привлекает к себе самых разных авторов; некоторые из них похожи на мистификаторов, которые стремятся в мутных феноменологических водах ловить рыбу. Достаточно написать «с позиций феноменологии», «феноменологический», чтобы придать работе некий нимб супер философии. В действительности, её ценность совсем не в том, чтобы создать флёр таинственности и убедительности. Феноменология даёт определённость в неопределённом мире. Пока философия присутствия создаёт симулякры действительности в виде различных «измов», феноменология делает ставку на повседневность, мифы, иллюзии, проекции, утопии жизненного мира и радикальное различие, эпохе. В этом своём обращении к субъективности она похожа на этноконфессиональное сознание, ищущее определённости в архаичных мифологических структурах. Разница в том, что феноменология научна в своём обращении к жизненному миру и сохраняет чистоту, несмотря на пребывание в негумбольтовских зонах обмена. Репрезентация безупречна, пока она воспроизводит отсылки к предметам, вернее, к следам их предметности. Каркас репрезентизма рассыпается и ему на смену приходит экземплификация, эстетика референции; а, также описание, подрывающее логику воспроизводства.

Феноменология продуктивна в разных областях: в онтологии, в гносеологии, в эстетике, в социальной философии. Статья помещает аналитический инструментарий феноменологии в контекст киноэстетики. Я считаю, что это очень продуктивная встреча. Самая эйдетическая философия встречается с самым концептуальным искусством, которое из «балагана» неожиданно превратилось в символ всех видов искусств в их экзистенциальности и динамике. Трансформации в кино хорошо отражают тенденции в жизни, а также формулируют новый язык философии как искусство движения. Феноменология, как и кино, стремится преподнести реальность в движении. Процесс становится метаматерией, которая перекодирует символический язык, а феноменология, как и киноэстетика, выторговывают новые процессуальные смыслы.

За рамками статьи осталось множество вопросов, связанных с А.-Т. Тименецки: Как связаны феноменологический опыт и эстетический? Что в Тименецки от Гуссерля, Бергсона и Ингардена? Можно ли поставить её феноменологический проект на одном уровне с Хайдеггером, Ингарденом, Сартром, Мерло-Понти? Однозначно, что она уловила процессуальные общественные сдвиги и тематизировала философию движения в феноменологии. Задача статьи – пригласить к диалогу накануне столетнего юбилея Анны-Терезы Тименецки и связать её конституитивную феноменологию с кинестетической модальностью кинематографа.

Глобальные потребности человечества заключаются в гармонизации социосферы, экосферы и техносферы и феноменология – это подходящий методологический медиатор. Она вносит гуманистический вклад в методы культурологических исследований, развивает категориальный

аппарат культурологии, концептуализирует культурогенез, типологизирует культуры, описывает универсум культуры и тенденции его трансформации, осуществляет интерпретацию общего и единичного в культуре, анализирует механизмы трансляции культуры, интерпретирует семиозис культуры, исследует ценностно-смысловые транзиции.

Литература

1. *Marcum J.A.* Biomechanical and phenomenological models of the body, the meaning of illness and quality of care // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2005. Volume 7. P. 311–320.
2. *Тимощук Е.А.* Инструментальный реализм и социокультурная феноменология в современном образовании // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова*. 2016. № 1. С. 114-118.
3. *Симонян С.В.* Киносемантика или монтажная схема «впечатлений» // *Успехи современного естествознания*. 2007. № 10 . С. 123-124
4. *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 135 с.
5. *Поселягин Н.* Кинонарратология и кинофеноменология Лотмана // *Le Muse fanno il girotondo: Jurij Lotman e le arti / Matteo Bertelй, Angela Bianco, Alessia Cavallaro*. 2013. N 3 (169). P. 161-173.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МИФА В СОВРЕМЕННОЙ
МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

МИФОЛОГИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ПУТИ ЕЕ ВЫЯВЛЕНИЯ (ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ)

В.А. Нехамкин

Доктор философских наук, профессор

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

E-mail: nechamkin@rambler.ru

В работе рассматриваются теории начала Великой Отечественной войны. Выявлены концепции: «неожиданного удара», «упреждающего удара», «ментального поражения», «осознанного разгрома». На основе методологии научно-исследовательских программ у них выделяются ядро и защитный пояс. Первый состоит из базовых положений, второй включает защищающие их гипотезы. Автором устанавливаются элементы мифологии, которые присутствуют в ядре и защитном поясе каждой изучаемой теории. Таковыми выступают: абсолютизация отдельных фактов; отсутствие сопоставления альтернативных сценариев прошлого и реальности; сакрализация и преувеличение роли личности И.В. Сталина в динамике событий; подгон исторических событий под известный из реальности результат; неопределенность границ альтернативного изменения прошлого. Указывается, что подобная мифология ведет к отрицанию данных теорий как учеными, так и на уровне обыденного сознания как полностью лишенных достоверности. Ключом к недопущению такой ситуации автору видится корректное использование методологии, непредвзятое рассмотрение фактов прошлого.

Ключевые слова: концепции начала Великой Отечественной войны, научно-исследовательская программа, миф, мифология

MYTHOLOGY IN THE CONCEPTS OF THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
AND THE WAYS OF ITS IDENTIFICATION (EXPERIENCE IN USING THE METHODOLOGY
OF RESEARCH PROGRAMS)

V.A. Nekhamkin

DSc in Philosophy, Professor

Bauman Moscow State Technical University

E-mail: nechamkin@rambler.ru

This article considers the theories of the beginning of the Great Patriotic War. The concepts of «unexpected strike», «preemptive strike», «mental defeat», «conscious defeat» are revealed. Based on the methodology of research programs, they have a core and a protective belt. The first consists of basic provisions, the second includes hypotheses protecting them. The author establishes the elements of mythology that are present in the core and protective belt of each theory studied. These are: the absolutization of individual facts; the lack of comparison of alternative scenarios of the past and reality; sacralization and exaggeration of the role of the personality of I.V. Stalin in the dynamics of events; fitting historical events to the result known from reality; uncertainty of the boundaries of alternative changes in the past. It is pointed out that such mythology leads to the denial of these theories both by scientists and at the level of everyday consciousness as completely devoid of authenticity. The key to preventing such a situation, the author sees the correct use of methodology, an unbiased consideration of the facts of the past.

Keywords: concepts of the beginning of the Great Patriotic War, scientific research program, myth, mythology

В настоящей работе будут рассмотрены элементы мифологии, содержащиеся в концепциях начала Великой Отечественной войны (ВОВ), сложившихся к настоящему времени. Сами указанные теории реконструированы автором в отдельной статье [1]. Здесь же будет интересно выявить именно положения указанных теорий, которые носят откровенно мифологический характер.

Наличие мифологических представлений в теориях начала ВОВ отмечают отдельные исследователи [2]. Однако, во-первых, такими «грехами» страдает не одна концепция, а каждая из них. Во-вторых, мифы пытаются преодолевать однобоко, со ссылкой на противоречащие им исторические факты, не вскрывая теоретической подоплеки данных построений. Так, Б.А. Ручкин пишет: «миф – «армия не воевала» – не состоятелен. Не было бы Брестской крепости, Гродно, обороны Смоленска, битвы, под Ельней, Вермахт дошел бы до Москвы именно в августе 1941 г.» [2, с. 129]. Впрочем, сторонник критикуемого «мифа» тоже способен привести множество фактов в «свою» пользу. И познавательный процесс без обращения к теории оказывается в тупике.

Анализ концепций ВОВ будет осуществляться на базе методологии научно-исследовательской программ (НИП) И. Лакатоса. НИП включает набор базовых положений («твердое ядро») и защищающих его от критики гипотез *ad hoc* (как если бы). Задача последних – не допустить опровержения базовых тезисов концепции, находящихся в «ядре». «Защитный пояс должен выдержать главный удар со стороны проверок; защищая таким образом окостеневшее ядро, он должен приспособливаться, переделываться или заменяться, если речь идет об интересах обороны» [3, с. 81].

Ранее [1] нами выделены следующие теории начала ВОВ: «неожиданного удара» (официальная версия), «упреждающего удара» вермахта по РККА (И. Бунич, В.Б. Резун–Суворов и др.), «ментального поражения» (= «армия не воевала») М.С. Солонина, «осознанного разгрома» (Б.П. Шапталов).

Концепция «неожиданного удара» утверждает, что СССР, его политическое и военное руководство не допускало удара вермахта в июне 1941 г., а потому народ и РККА оказались не готовы к его отражению. Врага удалось остановить лишь у стен Москвы. «Ядро» теории составляют положения: вермахт превосходил РККА по опыту ведения боевых действий, уровню взаимодействия родов войск (авиации, пехоты, танковых соединений). Перевооружение РККА на новую технику еще не завершилось. Руководство СССР видело данный фактор и пыталось по дипломатическим и иным каналам отсрочить удар врага хотя бы в 1941 г. Такая позиция привела к тому, что факты, не укладывающиеся в подобную теорию (включая донесения разведки по линии госбезопасности и РККА), игнорировались. В итоге РККА потерпела летом 1941 г. крупное поражение, через 5 месяцев враг оказался на пороге Москвы. Кроме того, ситуации способствовало отсутствие «второго фронта» в Европе со стороны союзников СССР: США и Великобритании. В качестве «защитного пояса» теории использовались озвученные Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС гипотезы о: «поголовном» истреблении высшего командного состава РККА в ходе репрессий 1937 – 1941 гг.; приказе И.В. Сталина не «поддаваться на провокации» немцев, приведшего к дезорганизации РККА накануне войны; деморализующем воздействии на армию и народ Сообщения ТАСС от 14 июня 1941 г. об отсутствии у Германии намерения нападать на СССР.

Теория «упреждающего удара». «Ядро» составляют следующие базовые положения [4]. Во-первых, СССР готовился к захвату Европейских стран с 1920-х гг. Для этого требовалось, чтобы данные государства были поработаны одной державой. Разбив ее, СССР автоматически становился освободителем от тирании. Во-вторых, требовалась страна, которая сможет осуществить подобные тайные планы СССР. После поражения в Мировой войне 1914 – 1918 гг., реванша активно жаждала Германия. Она должна была в замыслах СССР играть роль подобного «Ледокола», нейтрализующего остальные государства. В-третьих, с тайной помощью СССР нацистская Германия сокрушила противников в Европе и вышла к советской границе. В такой ситуации война указанных государств становилась неизбежной. В-четвертых, еще до пакта Молотова–Риббентропа (23 августа 1939 г.) в СССР началось формирование новых дивизий РККА, что тоже превращало новую войну в необходимость. Иначе «лишних» советских солдат пришлось бы просто демобилизовать без практического использования. В-пятых, РККА готовилось лишь к наступательной войне, приемы обороны территории вообще не отрабатывались. В-шестых, 6 июля 1941 г. СССР планировал начало операции «Гроза», предполагавшей удар по Германии. Значит, причина поражений РККА – ее неготовность к оборонительной войне. В защитный пояс теории относятся следующие гипотезы: о сокрушительных последствиях удара РККА по вермахту из-за отсутствия у последнего возможности к отступлению; о предопределенности краха СССР, не сумевшего, захватив Европу, уничтожить капиталистическое окружение.

Теория «ментального поражения» базируется на идее Л.Н. Толстого, что индивидуальный выбор каждого человека определяет характер исторических событий. В третьем томе романа «Война и мир» он утверждал: «Ежели бы все сержанты не пожелали поступить на вторичную (сверхсрочную – В.Н.) службу (в армию Наполеона – В.Н.), ... войны (1812 г. – В.Н.) не могло бы быть». У М. Солонина получается, что солдатский и младший командный состав РККА в большинстве своем решили летом 1941 г. не сражаться за «ненавистный» режим большевиков. Подтверждение – массы брошенной в ходе отступления техники, миллионы пленных. Подтолкнули их к сопротивлению сами немцы – антигуманным отношением к пленным. В защитном поясе – гипотезы о том, что нацистам следовало провести комплекс политико-административных мероприятий, способствующий падению советского режима: от провозглашения независимости Украины, обещания роспуска ГУЛАГа до отправки по домам пленных с оккупированных немцами территорий, а оставшихся следовало бы кормить «бифштексами». В таком случае рядом с вермахтом сражалась бы еще антибольшевистская армия [5, с. 482–483].

Теория «осознанного разгрома» Б.П. Шапталова исходит из тезиса о том, что И.В. Сталин намеренно проводил в отношении РККА мероприятия, которые привели ее к поражениям в 1941 г. Более того, здесь глава СССР наделяется ролью единоличного вершителя истории, который «мог сделать с обществом практически все, что хотел» [6, с. 22]. Почему же он «захотел» уничтожить свое «детище» СССР? Оказывается, не желал появления РККА в Европе, оказания помощи тамошним коммунистическим режимам. После же 1945 г. уйти оттуда, ничего не получив взамен, СССР не мог [6, с. 35–37]. Потому страна экономически истощила себя и перестала существовать в 1991 г. В данной теории «защитного пояса» нет.

Выявив базовые положения указанных теорий, их связь с гипотезами из защитного пояса, установим мифологические элементы, присущие данным конструкциям. Как отмечал М. Элиаде, «миф излагает сакральную историю... Миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления».

Важная причина появления мифологии в теориях начала ВОВ – абсолютизация отдельных фактов. Возведение их в ранг тенденции, приписывание квантора всеобщности. Выведение соответствующих гипотез: «Все военнослужащие РККА не желали воевать» (теория ментального поражения). «Самые талантливые командиры РККА были уничтожены в 1937 – 1941 гг.» (теория неожиданного удара). В теории «упреждающего удара» РККА вообще не учили вести оборонительные бои, а ее стратегические запасы быстро потеряны, ибо концентрировалось для наступления у границы. В теории «осознанного разгрома» И.В. Сталин *полностью* подчинил себе систему управления в СССР.

Показательно, что один миф способен порождать другой. В.Суворов в работе «Очищение» утверждал, что предвоенные репрессии, наоборот, дали в РККА дорогу на «верх» талантливым кадрам. Это суждение – тоже миф, ибо в заключении побывали и ставшие в годы ВОВ успешными полководцы (К.К. Рокоссовский, А.В. Горбатов и другие).

Кроме того, мифологизации способствует отсутствие сопоставления альтернативных сценариев прошлого и реальности. Нацистская Германия шла в СССР за ресурсами (в т.ч. продовольственными), которые безжалостно изымала у местного населения. Откуда бы немцы взяли «лишние» бифштексы, чтобы кормить тысячи пленных солдат РККА? Стала бы «независимая» Украина долго поставлять Германии ресурсы? Насколько надежными были бы вооруженные русские части вермахта? Данных вопросов теория «ментального поражения» просто не ставит.

Концепция «осознанного разгрома» превращает личность И.В. Сталина в единоличного вершителя истории, доходя местами до полного волюнтаризма, граничащего с мифологией. Но любой правитель тоже имеет рамки своего влияния. Причем, чувство личного «самосохранения» у И.В. Сталина в данной теории тоже куда-то исчезло.

Теория «упреждающего удара» не указывает, где СССР в случае нападения на вермахт собирался «остановиться» в Европе. Ресурсов же на ее полное завоевание и удержание страна не имела. Не говоря о «мировом господстве». Кроме того, Германию как «Ледокол» активно пытались задействовать для организации конфликта и западные силы: от Франции с Великобританией до США. Каждый хотел направить нацистов на войну с геополитическим «конкурентом».

Наконец, усилению мифологии способствует и «послезнание». Авторы указанных теорий имеют информацию о распаде СССР в 1991 г. и пытаются выдать ее за фатальный тренд исторического развития, что не совсем так. Кроме того, даже при допущении оккупации Европейских стран в 1941 г. СССР никак не мог снять с себя «капиталистическое окружение» (США). Так что перед нами очередной миф.

В плане гносеологическом борьбе с мифологией в исторических теориях способствует методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Она позволяет отделить базовые положения концепции, входящие в «ядро», от гипотез из ее «защитного пояса». Выявить, какие из них служат выражением политической или иной ангажированности исследователей. Тем самым из анализа прошлого удаляется «сакральность», элементы ненаучной фантастики [7].

Литература

1. *Нехамкин В.А.* Структура теории в современном историческом познании (на примере концепций причин поражения РККА в начальный период Великой Отечественной войны): философско-методологический анализ // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 116–127.
2. *Ручкин Б.А.* 1941 год: «Армия не воевала» (историческое обозрение) // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 125–131.
3. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 236 с.
4. *Суворов В.* Ледокол. Кто начал Вторую Мировую войну? Нефантастическая повесть документ. М.: Изд. Дом «Новое время», 1992. 352 с.
5. *Солонин М.С.* 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М.: ЭКСМО, Яуза, 2005. 512 с.
6. *Шапталов Б.Н.* Как организовали «внезапное» нападение 22 июня 1941. Заговор Сталина. Причины и следствия. М.: Центрополиграф, 2015. 351 с.
7. *Комиссаров И. И., Нехамкин В. А.* Модели в историческом познании: современное состояние, перспективы развития // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № 2 (56). С. 22 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001779-5-1> (дата обращения 07.05.2022).

ЧТО ТАКОЕ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ? ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

А.А. Линченко

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ

E-mail: linchenko1@mail.ru

В тезисах анализируются теоретико-методологические возможности социокультурного подхода в понимании демифологизации. Демифологизация понимается как социальная практика рационализации культуры, представляющая собой способ снижения конфликтного потенциала социальных мифов посредством изменения режима социальной циркуляции мифологизированных образов и преодоления разрывов между различными сферами культуры. Социокультурный подход к демифологизации позволяет поставить вопрос не столько о деконструкции социальных мифов и их преодолении, сколько о процессе «проработки» социокультурных контекстов влияния мифологии и культуры воспроизводства мифа, включении мифов в рационально-рефлексивное поле культуры.

Ключевые слова: социальная мифология, демифологизация, научная критика, культурно-историческое ориентирование, методология науки

WHAT IS DEMYTHOLOGIZATION? THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

A.A. Linchenko

CSc in Philosophy, Research Fellow

Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk Branch)

E-mail: linchenko1@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 20-011-00297 «Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики».

The theses analyze the theoretical and methodological possibilities of the sociocultural approach in understanding demythologization. Demythologization is understood as a social practice of rationalization of culture, which is a way to reduce the conflict potential of social myths by changing the mode of social circulation of mythologized images and overcoming the gaps between different spheres of culture. The sociocultural approach to demythologization allows us to raise the question not so much about the deconstruction of social myths and their overcoming, but about the process of «working through» the sociocultural contexts of the influence of mythology and the culture of myth reproduction, the inclusion of myths in the rational-reflexive field of culture.

Keywords: social mythology, demythologization, scientific criticism, cultural and historical orientation, methodology of science

1. Утверждение в современной философии того факта, что знание есть атрибут человеческого бытия, культурно-исторический феномен, определяемый различными формами практик, заставляет пересматривать набор понятий и концептов, позволяющих проанализировать различные формы актуализации мифологического в современной культуре (мифологизация, ремифологизация, демифологизация). В данном исследовании мы будем отталкиваться от определений мифа, данных ему Р. Бартом и К. Боттичи. Ролан Барт отмечал, что «... миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение <...> это форма, способ обозначения <...> миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует; его тактика – не правда и не ложь, а отклонение» [1, с. 289]. Значение теоретической модели Кьяры Боттичи [2] состоит, во-первых, в понимании адресной природы современных мифов, которые «всегда кому-то принадлежат», «имеют значимость для кого-то» (производители и потребители мифов о прошлом). Во-вторых, ее подход обращает преимущественное внимание на присутствие мифа во всех практиках, с помощью которых транслируется культурное значение, что означает, что ни одна сфера общественной жизни не может избежать влияния мифологии, а специфика реактуализации мифологических образов связана с особенностями социальной циркуляции культурных образов и символической борьбы по перераспределению социального капитала.

2. Интерпретация понятия «демифологизация» предполагает два аспекта рассмотрения. *Содержательный аспект* связан с выявлением самой сущности данного понятия. Как видится, оно может лишь в относительной степени быть соотнесено с такими понятиями как «дискредитация» / «разоблачение», «критика», «демистификация», «десакрализация», «деидеологизация». *Формальный аспект* связан с той сферой культуры (философия, религия, литература, искусство, наука), в рамках которой происходит процесс демифологизации. Понятие демифологизация является одной из стратегий рационализации (вкл. деидеологизацию, десакрализацию и пр.). По мысли В.С. Швырева «для рациональности <...> свойственна интенция на сознательный рефлексивный контроль над «идеальным планом» мироотношения, превращения его в специальный предмет деятельности. Эта тенденция при развитии заложенных в самой основе рациональности потенциалов приводит в конечном счете к становлению рационально-рефлексивного сознания, рационально-рефлексивного типа отношения к миру, рационально-рефлексивной культуры» [3, с.41]. Важной чертой «открытой» рациональности оказывается установка на диалог с внерациональными формами ментальности и культуры в контексте анализа и решения соответствующей проблемы. Не всякая рационализация есть демифологизация. Так же было бы ошибочным и утверждение, что всякая демифологизация является рационализацией. Например, демифологизация может оборачиваться ремифологизацией [4, с. 479]. Дискурсивный характер современной социальной мифологии указывает на то, что универсального механизма демифологизации не существует, а сама она всегда связана с определенным мифом (предметом демифологизации). Это означает, что мы должны, во-первых, рассматривать демифологизацию как набор исторических опытов не столько преодоления, сколько нейтрализации мифов (включения мифологического в рационально-рефлексивный контекст культуры), а во-вторых, должны рассматривать ее в контексте той сферы культуры (религия, наука, искусство, повседневность, политика, медиа) или культурной стратегии, которая задает цели, средства и ожидаемые результаты демифологизации как социальной практики.

3. Способна ли наука как одна из сфер культуры противостоять мифологии? Вне всяких сомнений – она занимает решающее место в процессе демифологизации. Однако было бы ошибкой полагать, что только она может охватить собой все пространство культуры. В этой связи речь должна идти о расширении эпистемологических критериев демифологизации до социокультурных критериев (социокультурный подход). Циркуляция мифов в культуре, а также их возможность выступать

альтернативным рефлексивному сознанию интегративным фактором, связаны с явлением *культуры воспроизводства мифа*, которая представляет собой исторически сложившуюся совокупность дискурсов и социальных практик, способствующих актуализации и реактуализации элементов социальной мифологии и позволяющая транслировать их из одной сферы культуры в другую в контексте конкурентной борьбы сообществ за перераспределение символического капитала. Пока не будет трансформирована сама культура воспроизводства мифа, не изменится и характер циркуляции мифов в культуре.

4. Основные положения *социокультурного подхода к демифологизации*. Во-первых, если мифы являются важной частью культуры и, не могут быть полностью «устранены», то нам необходимо поставить вопрос не столько о деконструкции отдельных мифов и их «преодолении», сколько о процессе «проработки» социокультурных контекстов влияния мифологии и культуры воспроизводства мифа. Во-вторых, если рассматривать миф не только как «пустую форму» и самодостаточный смысл, а видеть за ним «автора», субъекта, порождающий его контекст и культуру воспроизводства мифа, то акцент демифологизации переносится с изучения отдельного мифа на его возможных производителей, носителей и потребителей, на актуальных акторов и институты его воспроизводства. Это позволяет «перекодировать» значение базовых факторов мифологизации (нарративность, архетипичность, символичность, ритуальность), позволяющих мифам выступать альтернативным способом формирования коллективных представлений. В-третьих, поскольку мифы имеют особый характер циркуляции в культуре, то и демифологизация оказывается процессуальной и растянутой во времени, подразумевая теоретический и практический аспекты демифологизации. В-четвертых, демифологизация как социальная практика развертывается в масштабах культуры, где важную роль приобретают не только научные организации, но и участники социальной циркуляции коллективных представлений о прошлом, находящиеся за рамками научного дискурса. Демифологизация изменяет режим циркуляции мифов, поскольку повышает медиативный потенциал культуры, устраняя разрывы между ее сторонами и сферами. Демифологизация, таким образом, оказывается стратегией согласования различных типов знаний, представленных в мифологии, религии, повседневной жизни людей, научных знаний. В-пятых, при использовании понятия «демифологизация» бессмысленно вести речь о полном «преодолении мифа». Скорее следует говорить о трансформации самой коммуникативной сущности мифа и его вариаций в отдельных мифологемах. Демифологизация оказывается не прямым устранением элементов мифологического из культуры («преодоление» мифа), а практикой снижения их конфликтогенного потенциала («нейтрализация» мифа). В-шестых, результатом процесса демифологизации является формирование культурно-исторического ориентирования. *Культурно-историческое ориентирование* – это способность субъекта определять свое положение в социальном пространстве и времени в контексте актуальных личностных и групповых практик и смысловых стратегий как своей культуры, так и других культур. Культурно-историческое ориентирование выступает одновременно предпосылкой социальной диагностики культуры воспроизводства мифа и условием реализации практик «проработки» социокультурных контекстов существующих мифов.

Литература

1. *Барт Р.* Мифологии. М.: Академический проект, 2014. 353 с.
2. *Bottici C., Challand B.* Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy // *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9. No. 3. P. 315–336.
3. *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры. М.: Прогресс-традиция, 2002. 176 с.
4. *Словарь философских терминов.* Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М., ИНФРА-М, 2007. 731 с.

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: М. ХАЛЬБВАКС И А. ВАРБУРГ

Е.В. Романовская

Доктор философских наук, профессор

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского*

E-mail: evromanovskaya@mail.ru

В современном социогуманитарном знании очень популярны идеи коллективной памяти. В статье сделана попытка проанализировать истоки и источники этого явления. На смену классическим исследованиям, берущим своё начало в античности, рассматриваются творчество двух выдающихся мыслителей – французского учёного Мориса Хальбвакса и немецкого Аби Варбурга. Они внесли решающий вклад в изучение коллективной памяти. Они открыли такое явление как коллективная память и описали её основной вид – социальную память. Их заслуга ещё состоит в том, что они вывели проблему памяти из области биологии в сферу культуры.

Ключевые слова: память, коллективная память, социальная память, М. Хальбвакс, А. Варбург

THE IDEA OF SOCIAL MEMORY: M. HALBWACHS AND A. WARBURG

E.V. Romanovskaya

DSc in Philosophy, Professor

Saratov State University

E-mail: evromanovskaya@mail.ru

The ideas of collective memory are very popular in modern socio-humanitarian knowledge. The author of present article attempts to analyze the origins and sources of this phenomenon. For changing of classical studies which started in antiquity, the work of two outstanding thinkers is considered – the French scientist Maurice Halbwachs and the German Aby Warburg. They made a decisive contribution to the study of collective memory. They discovered such a phenomenon as collective memory and described its main form - social memory. Their merit also lies in the fact that they brought the problem of memory out of the field of biology into the sphere of culture.

Keywords: memory, collective memory, social memory, M. Halbwachs, A. Warburg

Идея социальной памяти, которая очень популярна в современной гуманитаристике, по сравнению с идеями индивидуальной памяти возникла сравнительно поздно. Есть классические работы по проблемам памяти. Мы можем вспомнить и, несомненно, должны это сделать, работы античных мыслителей. У Платона [1; 2], Аристотеля [3], Плотина [4] сложились оригинальные, и разные подходы к пониманию этих феноменов.

Платон использовал мифологические представления о перевоплощении души. Он предлагал соотносить проблему памяти с идеями, с представлениями в настоящем отсутствующей вещи. По Платону познание оказывается воспоминанием. Аристотелевская теория памяти, вопреки Платону, выводится из чувственных впечатлений. По Аристотелю память изначально физиологична и начинается с чувственных впечатлений. Она часть души, которой присуще воображение, и всё доступное воображению по своей сути является объектом памяти. Средневековое представление о памяти, которая обозначалась термином «memoria» известно по трудам Августина [5]. Августин полагал, что человеческий разум состоит из *intelligentia* (понимания), *amor* (любви) и *memoria* (памяти). В эпоху Возрождения память разрабатывалась наиболее полно в мнемонических системах Джулио Камилло и Джордано Бруно, которые искали ключ к тайнам космоса в герметических системах древнеегипетского Гермеса Трисмегиста.

В Новое время теория памяти разрабатывается в рамках естественно-научного знания, главным образом психологии. Это работы Эббингауза, Р. Аткинсона, Уотсона, Э. Торндайка, Ж. Пиаже, Кёллера, Л.С. Выготского, И.П. Павлова и многих других. Это было в основном, экспериментально-психологическое направления изучения памяти. Здесь нужно отметить, что Л.С. Выготский доказал, что мышление ребёнка зависит от памяти. Он показывал, что биологические и социально-культурные факторы по-разному влияют на развитие памяти ребёнка и что культурные факторы изначально социальны. Нужно отметить также психоаналитическую школу, которая много внесла в теорию памяти. Особенно это связано с работами З. Фрейда.

Важным шагом в осмыслении проблемы памяти был переход от понимания памяти как индивидуального феномена – к памяти как к коллективному социальному явлению. В рамках выделения социологии, как новой формы знания об обществе Э. Дюркгейм разрабатывает «коллективные представления», как содержания коллективного сознания. Психоанализ, как новый

феномен в психология предлагает – «коллективное бессознательное» К.Г. Юнга, единое для всего общества в целом.

Новое слово разработке концепции коллективной памяти принадлежит ученику Э. Дюркгейма французскому социологу и философу Морису Хальбваксу. Он, в духе тех научных представлений о сознании общества, выдвинул также коллективный феномен – коллективную память. Он изложил её в своей книге, посвящённой коллективной памяти – «Социальные рамки памяти».

Основная идея М. Хальбвакса состояла в том, что память не чисто индивидуальный феномен, место, где хранится и обрабатывается полученные им впечатления. Память индивидуальная определяется обществом. Всё, что раньше считали индивидуальным на самом деле – социально. «Таким образом, в самом деле, существуют основания различать две памяти, одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую - внешней, или же первую личной, а вторую - социальной. Говоря еще точнее – автобиографическая память и историческая память. Первая использует вторую, поскольку, в конце концов, история нашей жизни является частью истории. Но вторая, естественно, шире первой. К тому же она представляет нам прошлое лишь в сокращенной и схематичной форме, в то время как память о нашей жизни представляет гораздо более непрерывную и густую картину Инструмент, который использует М. Хальбвакс для анализа составляющей социальной памяти – это рамка. Книга, которую он выпустил в 1925 году так и называется «Социальные рамки памяти» [6, с. 9].

Что такое социальные рамки М. Хальбвакс в разное время понимает по-разному. Опорные базовые социальные воспоминания, которые составляют «рамку» – это социальные точки, а между ними стихийные индивидуальные воспоминания. В иных представлениях рамки – это формы пространства-времени. Для М. Хальбвакса – это социальные конструкции. Они опираются на античную традицию мнемотехники, идущие ещё от мифического Симонида. И в контексте социальной памяти М. Хальбвакс коллективную память называет по-разному - историческая, социальная, автобиографическая.

Другой учёный, в это же самое время в Германии, занимаясь историей искусств приходит также к такому явлению как социальная память. Это – Аби Варбург. Он был совершенно неординарный человек. Кроме того, что он был большим учёным, он собрал большую, ценную по составу библиотеку, которая позже стала основанием «Института Варбурга». О А. Варбурге трудно писать, потому что на русском языке издана только одна книга. О нём пишут немногие исследователи – А.Г. Васильев [7], Э. Гомбрих [8].

Если у М. Хальбвакса инструментом к пониманию социальной памяти была рамка, то у А. Варбурга – это символ. Символ имеет у него доисторическое происхождение. Он является частью коллективного бессознательного человека и манифестируются через большие промежутки времени. Изучая произведения итальянского Возрождения, А. Варбург определяет, как более архаичный слой культуры проступает в более позднем слое [9]. Бегущая нимфа в развивающейся одежде у Боттичелли понимается как Медея, танцующие вакханки, умирающий Орфей. Эти античные образы проявляются в живописи и художников Ренессанса, но не только. Не только классическое искусство. Носителями социальной памяти могут быть фотографии, почтовые марки, монеты, газетные вырезки, рекламные плакаты и т. д. Для А. Варбурга «изобразительные символы» – это предмет интерпретации. «Гомбрих отмечает две важные темы в творчестве Варбурга: жизнь образов в социальной памяти и вопросы их рецепции и трансляции в свете творчества отдельных художников. Образы достаются по наследству от прошлых столетий, но гений – это не только получатель, он еще должен обладать энергией критического взаимодействия» [10]. Идея А. Варбурга изучать «всеобщую антропологию» через символ – бала изложена им в его большом проекте «Мнемозина». Это был его последний проект. Он «создаёт атлас, отражающий историю визуальности в Средиземноморье». Исследователи объясняют, что «атлас выполняет функцию памяти как собрание важнейших «формул пафоса» и примеров их употребления в современности. Стремительная нимфа, умирающий Орфей, танцующие менады с развевающимися волосами – образы, запечатленные в движениях, несущие в себе мощный заряд страстей и эмоций» [11]. Собрание образов включали такие таблицы как «Макро- и Микрокосмос», «Преследование и превращение», «Похищение женщин». Здесь были высказаны его идеи о теории социальной памяти. Мы, к сожалению, её не читали и можем знать пока только по описаниям. Здесь социальная память служит своего рода фондом, символом изображений и жестов в искусстве Запада и Востока.

В итоге можно сказать, что идеи социальной памяти М. Хальбвакса и А. Варбурга, при всей их разности состоят в том, что они вывели проблему памяти из области биологии в сферу культуры.

Литература

1. Платон. Тезет // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 192–274.
2. Платон. Федон // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 7–80.
3. Аристотель. О памяти и припоминании // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 161–168.
4. Плотин. Об ощущении и памяти // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 169–173.
5. *Августин А.* Исповедь. М.: Издательство «Ренессанс», СП ИВО – СиД, 1991. 488 с.
6. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2 (40-41). С. 8–27.
7. *Васильев А.Г.* Теория социальной памяти А. Варбурга в интеллектуальном контексте эпохи // Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 38–71.
8. *Гомбрих Э.* Амбивалентность классической традиции: психология культуры Аби Варбурга // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 7–23.
9. *Варбург А.* Великое переселение образов: Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб.: Издательский дом «Азбука-Классика», 2008. 384 с.
10. *Торопыгина М.* Аби Варбург. Биография и биографы [Электронный ресурс]. URL: http://sias.ru/upload/art/2013_3-4_20-43-tororigina.pdf (дата обращения 13.03.2022).
11. *Фокеева В.П.* Атлас «Мнемозина» Аби Варбурга: память образов // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 13 (724). С. 181–186.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА И АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ МИФОЛОГИЗАЦИИ И МИФОТВОРЧЕСТВА

А.Г. Иванов

*Доктор философских наук, профессор
Липецкий филиал РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: agivanov2@yandex.ru*

В статье дается краткий обзор существующих методологий исследования феномена современного мифа – системный, взаимосвязанный (ситуационный) подход, теория Р. Барта, концерт «работы над мифом» Х. Блюменберга. Отмечается важность использования потенциала востребованных сегодня объектно-ориентированного подхода и акторно-сетевой теории для изучения мифа. Предполагается, что язык объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана позволяет расширить представления о процессах мифологизации и возникновения новых мифов. Посредством метафоры и аллюра реальные объекты выводятся на уровень мифологического, в результате чего актерам оказываются доступны мифологизированные представления. Применение идей акторно-сетевой теории продуктивно для понимания процессов мифотворчества: как при рассмотрении акторов, задействованных при работе над мифом, так и при оценке вариантов сборок, претендующих на статус мифа. Обращается внимание на выделение Б. Латуром перформативных и остенсивных объектов, что коррелирует, соответственно, с современным и архаическим содержанием каждого мифа. Указание на посредников и проводников, на неопределенности в социальном, на необходимость последовательного решения задач развертывания, стабилизации и построения при изучении общества открывает новые горизонты в исследовании режимов трансляции мифа.

Ключевые слова: объектно-ориентированный подход, акторно-сетевая теория, миф, мифологизация, мифотворчество, метафора, аллюр, сборка

THE POSSIBILITIES OF USING AN OBJECT-ORIENTED APPROACH AND ACTOR-NETWORK THEORY IN THE STUDY OF THE PROCESSES OF MYTHOLOGIZATION AND MYTH-MAKING

A.G. Ivanov

DSc in Philosophy, Professor

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk branch)

E-mail: agivanov2@yandex.ru

The article gives a brief overview of the existing methodologies for the study of the phenomenon of modern myth – a systematic, interrelational approach, the theory of R. Barthes, the concept of «work on myth» by H. Blumenberg. The importance of using the potential of the object-oriented approach and actor-network theory in demand today for the study of myth is noted. It is assumed that the language of G. Harman's object-oriented ontology makes it possible to expand the understanding of the processes of mythologization and the emergence of new myths. Through metaphor and allure, real objects are brought to the level of the mythological, as a result of which mythologized representations are available to actors. The application of the ideas of actor-network theory is productive for understanding the processes of myth-making: both when considering the actors involved in the work on the myth, and when evaluating options for assemblies claiming the status of a myth. Attention is drawn to B. Latour's selection of performative and ostensive objects, which correlates, respectively, with the modern and archaic content of each myth. Pointing to intermediaries and guides, to uncertainties in the social, to the need for consistent solutions to the problems of deployment, stabilization and construction in the study of society opens up new horizons in the study of modes of myth translation.

Keywords: object-oriented approach, actor-network theory, myth, mythologization, myth-making, metaphor, allure, assembly

В настоящее время существует не так много методологий, претендующих на всестороннее изучение мифа как явления современности. Хотя системный подход к мифу и направлен как на изучение того, из чего миф состоит (выделение частей мифа – онтологической, гносеологической, аксиологической, праксиологической), так и на то, как миф влияет на общество (на политическую, эстетическую и т.п. сферы общественной жизни), он зачастую оставляет без внимания, так сказать, бессознательный уровень – случайные упоминания, спонтанные отсылки к мифологическому; не учитывает всего многообразия мифологических проявлений, редуцируя миф к довольно жестким схемам и форматам взаимодействия. Взятый же на вооружение многими специалистами в области политических исследований взаимосвязанный (ситуационный) подход, предполагающий, что при работе над мифом необходимо обращать внимание на три его черты: «миф использует образные средства выражения, миф имеет дело со всеми видами контента, миф представляет собой нарратив» [1, р. 114], по большому счету, отказывает мифу в наличии в его структурах устойчивых и повторяющихся форм. При этом психоаналитическая концепция и структуралистский подход К. Леви-Строса, которые зарекомендовали себя в качестве достаточно успешных теорий в изучении архаических мифов и соответствующих компонентов в современных мифах, наоборот, зачастую абсолютизируют, мономиф и неизменные отношения между мифами в культурах. Предложенный в конце XX в. Х. Блюменбергом [2] концепт «работы над мифом», в какой-то мере пытается «примирить» вариативную и неизменную ипостаси мифа. «Работа над мифом» предполагает, что каждый вариант мифа работает на основе уже ранее существовавших мифологических представлений, но при этом трансформируется для того, чтобы новый вариант мифа учитывал новые обстоятельства, и, таким образом, продолжал обладать значимостью. Например, если традиционный системный подход, объясняя внутреннюю структуру мифа, демонстрирует ограниченность, когда речь идет, например, об исследованиях повседневной мифологии семейной памяти, то работающий в таких случаях взаимосвязанный (ситуационный) подход, в свою очередь, не учитывает в должной мере действия всех акторов, сталкивающихся с мифотворческой деятельностью. С другой стороны, макроуровень социальных отношений, где учитывается активность групп разного масштаба, возвращает нас к представлениям об общественной системе, но оставляет в стороне, например, процессы индивидуальной мифологизации. Отдельно существует востребованная до сих пор схема Р. Барта [3], где миф возникает на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки, в которой знак есть итог ассоциации образа (формы, означающего) и понятия (смысла, означаемого),

но в дальнейшем этот самый знак становится лишь означающим, в ассоциации с новым означаемым дающим миф. На этом, краткое упоминание популярных сегодня концепций мифа можно остановить и предположить, что изучение сложной теоретической категории мифа остро требует применения новых социогуманитарных методов.

Нам представляется, что снискавшие междисциплинарный успех и популярные сегодня объектно-ориентированный подход и акторно-сетевая теория могут помочь при исследовании природы современного мифа, его возникновения и распространения, а также в части таких ключевых процессов как мифологизация (придание реальности мифологической образности) и мифотворчество (запечатление бытия в виде мифов, конструирование мифологических сюжетов).

Так, применяемые одним из основных представителей объектно-ориентированной онтологии Г. Харманом понятия вполне могут быть использованы при объяснении процессов мифологизации, но вместе с этим и причин возникновения новых мифов. Известно, что Г. Харман особо подчеркивал значимость метафоры в познании, отмечая, что, хотя метафора и хуже логического мышления, но метафорический доступ к реальности есть лучшее, что мы имеем. В терминологии объектно-ориентированной онтологии две оси различия называются им реальное (Р) – чувственное (Ч) и объект (О) – качество (К). Они дают четыре сочетания: реальный объект (РО), реальное качество (РК), чувственный объект (ЧО), чувственное качество (ЧК). С учетом феноменологической редукции, что нет объекта без качеств и нет качеств без объекта, есть четыре возможных комбинаций этих сочетаний: РО–ЧК называется «пространством», это место, где для ООО разворачивается эстетика; ЧО–ЧК можно назвать «временем» в смысле проживаемого времени, а не объективного научного времени; РО–РК это «сущность», поскольку указывает на скрытую внутреннюю жизнь вещи и ее свойств; ЧО–РК – «эйдос», так как это диагональная линия, на которой происходит то, что мы называем познанием» [4, с. 197–198]. Понимая метафору как пару «реальный объект – чувственные качества», Г. Харман распространял такое предположение и на сферу эстетического, «...которая отличается от нормального опыта тем, что предъясвляет метафорический, а не буквальный объект» [4, с. 211]. И далее: «Эстетический опыт принципиален для ООО как форма небуквального доступа к объекту. Он случается, когда чувственные качества перестают принадлежать своему обычному чувственному объекту, но вместо этого переходят на реальный объект, неизбежно изымаемый из всякого доступа» [5, с. 250]. При этом «реальный объект» прикрепляется к своим чувственным качествам только через аллюр [6, с. 106].

Для понимания процессов мифологизации интуиции Г. Хармана важны, так как наделяют метафору поистине определяющим смыслом. При мифологическом освоении реальности метафора оказывается сравнимой с мифологемами, запускает процессы мифологизации, становясь своеобразной точкой отсчета при генерации новых и «реокупации» известных мифологических сюжетов. Аллюр же выступает в качестве термина, способствующего объяснению непрямого, метафорического доступа к реальности. Возвращаясь к представленной Г. Харманом схеме комбинаций, предположим, что миф соответствует паре «ЧО–ЧК», через метафору и аллюр как бы выводя реальные объекты на орбиту чувственного, мифологического, в результате чего актерам (наблюдателям, творцам мифов) как реальным объектам оказываются доступны чувственные качества чувственного объекта, что и приводит акторов к мифологизированным представлениям. Пример использования языка Г. Хармана для объяснения механизма возникновения нового мифа был дан нами ранее когда, в частности, был сделан вывод о значимости аллюра как посредника от метафоры к мифу в процессе мифологизации времени [7].

Возможности акторно-сетевой теории для понимания природы мифа открываются при отслеживании дальнейшей судьбы возникшего мифа, но также и при обращении внимания на процессы мифотворчества.

Прежде всего, обратим внимание на то, что отмечаемое Б. Латуром различие между перформативным и остенсивным объектом коррелирует, соответственно, с современным (инструментальным, конъюнктурным) и архаическим (классическим) содержанием каждого мифа: «...объект остенсивного определения остается на месте, что бы ни случилось с указательным пальцем наблюдателя. Но объект перформативного определения тут же исчезает, как только прекращается работа определения, а если он остается, то тогда это означает, что другие акторы приняли смену, которая, по определению, не может быть “социальным миром”, поскольку этот мир сам остро нуждается в новой смене» [8, с. 56-57]. Далее обращает на себя внимание различие между посредниками и проводниками: «Посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы. Вне зависимости от того, насколько сложен по своему устройству проводник, в практических целях его можно рассматривать как одно целое – или даже как

вообще ничто, поскольку о нем можно с легкостью забыть. Независимо, насколько простым выглядит посредник, – он может стать комплексным: он может уводить нас в разные стороны, и соответственно будут меняться все противоречащие друг другу объяснения его роли» [8, с. 58-59]. Миф, на наш взгляд, всегда выступает как посредник, и далее возникает ключевой вопрос о существовании такого посредника, который в рамках как акторно-сетевой теории, так и объектно-ориентированной онтологии, решался достаточно радикально – через учет «нечеловеков» в социальном. Но даже если мы будем исходить из положения, что при «работе над мифом» имеет место активность, как минимум, трех акторов – живущего мифом, творца мифа и критика мифа, то наработки Б. Латура позволяют если не расширить круг участников «работы над мифом», то обнаружить новые и неожиданные измерения задействованных акторов.

Необходимость пересборки социального Б. Латур напрямую связывает с пятью типами так называемых неопределенностей, источником первой из которых является природа групп: «Отнесение себя к той или иной группе – это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей» [8, с. 43]. И, действительно, совершенно неясно, в какой момент мифотворец попадает по действию «feedback» и становится жертвой им же созданных мифов и теоретических конструктов; или когда критик мифа вдруг превращается в настоящего мифотворца. Точно предсказать конфигурацию участников «работы над мифом» невозможно, так как неопределенностей немало – не только природа групп, но и природа действий, объектов, фактов и даже типы исследований вносят свой вклад в такой «акторский калейдоскоп». Производимые, транслируемые и усваиваемые ансамблем акторов мифы, безусловно, влияют на общество, однако оценить последствия такого функционирования представляется амбициозной проблемой, рецепт решения которой акторно-сетевая теория также предлагает.

Для оценки влияния мифа последовательно должны решаться три разные задачи: развертывания, стабилизации и построения: «Сначала мы должны научиться так развертывать разногласия, чтобы точно просчитать количество новых участников каждой будущей сборки (часть первая); затем мы должны быть в состоянии исследовать, как сами акторы стабилизируют эти неопределенности, выстраивая форматы, стандарты и метрологии (часть вторая); и, наконец, мы хотим увидеть, как смонтированные таким образом сборки способны обновить наше ощущение бытия в том же коллективе» [8, с. 343]. Так, такого рода задачи, например, решаются государством при конструировании мифологии светлого будущего, когда сначала – при выступлении главы государства – обозначаются задачи и органы власти, ответственные за их решение, затем – в деятельности назначенных участников – преодолеваются разломы и стабилизируются неопределенности, и, наконец, общественности предлагаются варианты сборки. Монтаж, вариант сборки, в наибольшей степени устроивший всех, вполне может претендовать на статус мифа, так как окажется результатом работы и консенсуса всех акторов.

Таким образом, объектно-ориентированная онтология и акторно-сетевая теория оказываются действенными инструментами в деле обновления сложившихся к настоящему времени методологий исследования феномена современного мифа. По крайней мере, они дополняют друг друга в таких направлениях исследования как генезис мифа и процессы мифологизации (объектно-ориентированная онтология), трансляция мифа и процессы мифотворчества (акторно-сетевая теория).

Литература

1. *Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 286 p.*
2. *Blumenberg H. Work on Myth. Cambridge: MIT Press, 1985. 685 p.*
3. *Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.*
4. *Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.*
5. *Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.*
6. *Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.*
7. *Иванов А.Г. Метафорический доступ к реальности: категория «аллюр» у Г. Хармана как элемент мифологизации времени // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 196–204.*

8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МИФОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

И.П. Полякова

*Доктор философских наук, профессор, проректор по учебно-воспитательной работе
Липецкий государственный технический университет
E-mail: ir.p.polyakova@yandex.ru*

В данной статье раскрываются проблемы исследования мифологии повседневности. Сложность и многоаспектность этой проблемы приводит к необходимости применения арсенала методов социальной философии, использования различных подходов для раскрытия места мифологии в структуре повседневности, ее влияния на повседневное бытие личности и общества. Трудности возникают не только из-за необходимости применения междисциплинарного подхода, но также из-за того, что вопросы, касающиеся мифологии повседневности стали актуальными только в последние несколько десятков лет, то есть теоретически недостаточно проработаны.

Ключевые слова: методология науки, повседневность, социальная мифология, феноменологический метод, герменевтический метод, экзистенциальный метод, исторический метод, социально-философский метод

METHODOLOGY OF THE STUDY OF THE MYTHOLOGY OF EVERYDAY LIFE

Polyakova I.P.

*DSc in Philosophy, Professor, Vice-Rector for Educational Affairs
Lipetsk State Technical University
E-mail: ir.p.polyakova@yandex.ru*

This article reveals the problems of studying the mythology of everyday life. The complexity and multidimensional nature of this problem leads to the need to apply an arsenal of methods of social philosophy, the use of various approaches to reveal the place of mythology in the structure of everyday life, its influence on the everyday existence of the individual and society. Difficulties arise not only because of the need to apply an interdisciplinary approach, but also because issues related to the mythology of everyday life have become relevant only in the last few decades, that is, theoretically insufficiently worked out.

Keywords: methodology of science, everyday life, social mythology, phenomenological method, hermeneutic method, existential method, historical method, socio-philosophical method

«...с какой бы точки зрения мифы ни рассматривались, их всегда сводят или к беспочвенной игре воображения, или к примитивной форме философских спекуляций»

(К. Леви-Стросс)

И миф, и повседневность долгое время были достаточно спорными объектами научного исследования [3]. Повседневность как бытовая, профанная область человеческого существования до тех пор, пока не стала проблематичной в быстро меняющихся социально-политических и экономических условиях, не представляла интереса для крупных ученых, и лишь риск разрушения ее привычных форм определил ее научный статус среди ряда важных социальных проблем. Борьба с мифом, напротив, была мейнстримом, что также не добавляло объективности в понимании этого сложного и неоднозначного социального феномена. Только понимание серьезных угроз повседневному бытию личности и общества, и признание того факта, что миф способен реконструировать разрушающуюся повседневность, благодаря ритуалам, делающим индивидуальный и общественный мир понятным и безопасным, привело к такому бурному интересу к данной социально-философской проблеме.

Больше не идет речь о научной неполноценности этих социальных проблем, зато возник вопрос о методологии их исследования ввиду их сложности, многоаспектности и многоуровневости [1]. Пространство повседневности является как раз тем местом, где мифология представлена во всех сферах: трудовой, бытовой и досуговой. Причем, как повседневное бытие представляет собой сплав сакрального и профанного, так и социальная мифология наполняет повседневность сакральным и профанным содержанием, выражаясь через ритуальные практики. И повседневность, и мифология носят двойственный характер: будучи социально детерминированными, они воплощают индивидуальную волю личности и отражают ее специфические характеристики. Так, к примеру, пространство повседневности наполнено мифами о персонажах истории, исторических событиях, об экономических и политических явлениях, которые оказывают влияние на повседневный выбор модели поведения. Достаточно вспомнить миф о Вандербильдихе и Эллочке, которая пыталась превратить свою повседневную жизнь в слепок с жизни миллионерши.

Разумеется, есть и деструктивные аспекты влияния мифологии на повседневность, как в приведенном выше примере, так и, безусловно, конструктивные [2]. Мифология повседневности делает повседневную жизнь более понятной и привычной посредством мифологем, ритуалов поведения. Человек, чувствуя стабильность своего существования и уверенность в завтрашнем дне, способен к продуктивной деятельности, а успешно реализованные ритуалы, убеждают его в правильности его действий и представлений. В повседневном бытии миф получает дополнительные смыслы, видоизменяется, образует новые мифы, которые способствуют выработке стереотипов повседневности, помогающие человеку ориентироваться в жизненном мире легко и непринужденно. Именно таким образом преодолевается конфликт сакральности мифологии и профанности повседневности: благодаря ритуальным действиям, люди, события, предметы повседневного обихода наделяются сакральным смыслом. В свою очередь, изучения мифа вне пространства повседневности делает представление о мифе неполным. В повседневности миф оживает, транслируется в виде моделей повседневного поведения из поколения в поколение.

Исследование повседневности носит комплексный междисциплинарный характер ввиду сложности, многоуровневости и многоаспектности изучаемой проблемы, что обуславливает использование различных методов, составляющих методологический арсенал современной социальной философии. Большой вклад в исследование истории повседневности внесли М. Блок, Ф. Лефевр, Н. Элиас и Ф. Бродель. Среди отечественных исследователей особое внимание следует уделить работам А. Терещенко, Н. Костомарова, И. Забелина. Такие известные социологи как Г. Гарфинкель, И. Гоффман, П. Бергер, Т. Лукман, П. Штомпка, А.Щюц и отечественный исследователь И.Т. Касавин всесторонне рассматривали жизненный мир человека, стороны повседневной реальности и наиболее эффективные методы ее изучения. В психологии преимущественно рассматривались субъективные переживания и аспект построения повседневности, что нашло отражение в работах С. Фишера, К. Коопера, Л. Пельцмана. Динамический подход к повседневности в отечественной науке представила Л.И. Анцыферова. Культурологическими исследованиями повседневности мы обязаны таким исследователям как А.Я. Гуревич, Г.С. Кнабе, В.М. Межуев, в работах которых представлены особенности повседневного устройства в разных культурах [5].

При этом нужно понимать, что задачей не является поиск единого универсального метода познания повседневности, обесценивая при этом методы и подходы частных наук [6]. Методология исследования повседневности как некоторой целостности предполагает использование всех фундаментальных теоретико-познавательных подходов, начиная от интуитивных прозрений до таких как: диалектический, феноменологический, герменевтический, экзистенциальный, исторический, включая метод качественного анализа документов, которые позволяют исследовать данный феномен в динамике и статике, на микро- и макроуровне все всем его многообразии и целостности. Это позволяет понимать социальную реальность, двигаясь от частного (повседневность) к общему (социальное бытие). Избранные методы позволяют высветить повседневность ярким, выпуклым, живым, многогранным способом, предоставляют возможность совместить различные ракурсы ее видения в их едином охватывании [7].

Что касается исследования мифологии как социального феномена, то его изучение также отличается необходимостью применения разнообразных научных подходов: историко-культурного, функционального, философско-культурологического, психоаналитического, символического, лингвистического, семиологического подхода, сравнительной мифологии и социально-философского подхода, рассматривающего миф как форму социального бытия [4].

Итак, несмотря на многообразие подходов и методов, позволяющих выделить отдельные стороны мифологии повседневного бытия, но именно социально-философский подход позволяет систематизировать исторический анализ мифологии повседневности, определить ее сущность, содержание и целостность.

Литература

1. *Бабаева А.В.* Миф в пространстве повседневности // Смысл мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Сер. «Мыслители». Вып. 8. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. С. 300.
2. *Баташева Э.А.* Мифы в современной культуре: негативная и позитивные роли // Молодой ученый. 2014. № 8. С. 743–746.
3. *Богданов К.А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: «Искусство-СПБ», 2001. 437 с.
4. *Иванов А.Г., Полякова И.П.* Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 5–15. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-5-15.
5. *Полякова И.П.* Повседневность как объект научного познания // Философия и культура. 2019. № 2. С. 24–37. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.2.29185.
6. *Смирнов А.В.* Генеалогия повседневности. СПб.: Петербургский институт печати, 2012. 159 с.
7. *Ставицкий А.В.* Современный миф: новые подходы и возможности изучения // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 378–382.

МИФ И НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Ж.Ю. Бакаева

*Доктор философских наук, профессор
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова
E-mail: annasar@yandex.ru*

И.В. Стеклова

*Доктор философских наук, профессор
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.
E-mail: irinasteklowa@yandex.ru*

В статье рассматривается проблема соотношения рационального и мифологического. Основанием рационального рассматривается рациональный символ как элемент мифологического. Миф разрешает проблему отчужденности субъекта и решает вопрос дихотомии объект-субъектных отношений. Рассматриваются процессы изменения типа рациональности в науке, проблема преемственности и появления новых элементов научной картины мира. Используются герменевтическая, феноменологическая, трансцендентальная методология, теоретические и общелогические научные методы. Представленная интерпретация соотношения рационального и мифологического демонстрирует возможность целенаправленного использования подходов и процедур, позволяющих следить за научной картиной мира; выявлять динамику парадигм; объяснять появление новых норм и идеалов в познавательной деятельности. Миф в постнеклассическом научном мышлении можно рассматривать как критерий научности, который приводит к выработке объективного знания и обеспечивает вариативность мнений.

Ключевые слова: миф, рациональный символ, трансцендентное, рациональность, мифология, методы, воображение

MYTH AND SCIENTIFIC RATIONALITY

Zh.Yu. Bakaeva

DSc in Philosophy, Professor

Chuvash State University

E-mail: annasar@yandex.ru

I.V. Steklova

DSc in Philosophy, Professor

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

E-mail: irinasteklova@yandex.ru

The article deals with the problem of the correlation between the rational and the mythological. The rational symbol is considered as the basis of the rational as the element of the mythological. Myth solves the problem of alienation of the subject and solves the issue of the dichotomy of object-subject relations. The processes of changing the type of rationality in science, the problem of continuity and the emergence of new elements of the scientific picture of the world. Hermeneutical, phenomenological, transcendental methodology, theoretical and general logical scientific methods are used. The presented interpretation of the relationship between the rational and the mythological demonstrates the possibility of purposeful use of approaches and procedures that allow you to follow the scientific picture of the world; identify the dynamics of paradigms; explain the emergence of new norms and ideals in cognitive activity. The myth in post-non-classical scientific thinking can be considered as a criterion of scientific character, which leads to the development of objective knowledge and ensures the variability of opinions.

Keywords: myth, rational symbol, transcendent, rationality, mythology, methods, imagination

Появление знания в научном познании связано с конституирующей особенностью человеческого разума. Формирование категориального аппарата науки весьма актуально, поскольку не выяснены в полной мере закономерности производства знания. Научная рациональность как особая структура выполняет функцию оценки вырабатываемого знания по поводу соответствия представлений о статусе науки. Поэтому необходимо философское исследование соотношения научной рациональности и мифа с учетом трансформации и смены типов научной рациональности, обусловленных внешними и внутренними факторами по отношению к научной деятельности, включая их интеллектуальный характер. Фундаментальным аспектом проблемы, связанной с появлением новых типов научной рациональности, является исследование их отношений с метафизическими программами.

Специфика оснований науки связана не только с религиозно-символическим контекстом, но и с концептуальными схемами, формирующимися бессознательно. Поэтому научный тип рациональности можно рассматривать как устойчивый элемент человеческого мышления, а названные системы как динамичные. Расширение научного пространства требует исследования оснований, на которых оно базируется.

На формирование познавательной модели оказывает существенное влияние миф, который, по мнению А.Ф. Лосева, «самое реальное и живое, самое непосредственное и даже чувственное бытие» [1, с. 31]. Архаический миф не является тождественным современному, хотя остается понимание общих корней и структурного единства. Одновременно изменяются онтологические основания мифа. В результате различные онтологические основания формируют разное содержание мифа. С точки зрения М.А. Лифшица, главной чертой мифа является не труд и практика, а амбивалентное начало, появляющееся в художественной форме познания, в которой архаический миф «умирает» и воскресает как человеческий смысл [2].

Еще философы античности верили, что первые субъекты наслаждались единством с опытом, в частности, с природой, чего не хватало уже цивилизованной Европе. Ответственность за это была возложена на саму цивилизацию, включающую возникновение современных городов и капиталистической экономики. Последнее обстоятельство вызывает отчуждение субъекта от других людей через разделение труда, а также от самого себя. Наука также способствовала отчуждению субъекта от природы, а механистическое мировоззрение значительно усилилось демонстрацией И. Ньютоном физических законов, управляющих природой. Миф придавал древнему миру его культурную целостность и явился ключом к восстановлению согласованности в современном мире.

Прежде всего, миф может восстановить непосредственность переживания и выражения. Язык мифа считается конкретным, высоко эмоциональным и не обремененным обширными рассуждениями. Миф является символическим, интуитивным способом, он может в разной степени сократить разрыв между означающим и означаемым, между сознанием и объектами сознания.

Проблемы соотношения рационального и мифологического представлены различными парадигмами. Первую группу составляют взгляды практикующих антропологов, занимающихся прежде всего пониманием и объяснением некоторых весьма специфических видов своеобразных верований. Они делают различные предположения о рациональности, об отношении современной научной мысли к примитивной магико-религиозной мысли и о типе отношения к этим формам ментальности. Во вторую группу входят взгляды философов, размышляющих о методах и теориях антропологов, подчеркивающих философский характер проблем, которые рассматривают с помощью методов лингвистического или логического анализа. Их меньше интересуют специфические особенности примитивных верований, в поле их зрения находятся формальные критерии, по которым любые наборы верований могут быть логически классифицированы и сопоставлены.

Миф – столь же проблематичный термин, точное значение которого различается у разных философов, хотя его роль в познании остается неизменной. Миф можно рассматривать как решение кризиса современного отчуждения или, что более радикально, - кризиса дихотомии субъекта-объекта. Источники этого отчуждения разнообразны и главной задачей исследователей является уменьшение непосредственности опыта и выражения как определяющей черты современного состояния данной проблемы в методологии. Центральное место в данном случае занимает проблемная природа самого языка - проблема, которая, как считается, усугубляется развитием рационального, абстрактного и творческого мышления.

По мнению Н.А. Бердяева, творческий акт всегда является трансцендированием. Он считал, что творчество непосредственно связано с воображением, что без него творческая деятельность невозможна. Воображение – это та способность познающего, которая обеспечивает возможность представлять реально образ, который не существует, который удерживается в сознании человека с возможностью мысленного манипулирования им. По Н.А.Бердяеву, творчество – это воображение, появление образа высшего, лучшего, иного. Оно играет данную роль в научных и технических изобретениях, в нравственной жизни и в мифотворчестве. С его точки зрения, «научная гносеология всегда имеет дело с вторичным, а творчество – всегда в первичном»; творчество бытийственно, а потому находится вне «гносеологического суда» [3, с. 31]. Он говорит о том, что возможно построение философии культуры, не допускающей того, что в творческом акте субъект выходит в объект. Такая позиция, по его мнению, отрицает творческую сущность и природу человека, она обозначает кризис познания и культуры. Мифотворчество – это не простое творчество, а конституирование сознания с помощью воображаемого действия, в котором идентифицируются цивилизация и социум на определенном этапе развития.

Миф имеет достаточно много свойств и черт. Главным элементом мифологического сознания многие исследователи считают символ. Мгновенность символа связана со слиянием символизирующего и символизируемого, с неспособностью разума анализировать и выражать символизируемое каким-либо иным образом. Именно эта мгновенность отличает символ от аллегории в мифе. По мнению Э. Кассирера, «миф и язык находятся в постоянном взаимном соприкосновении – их содержание поддерживает друг друга, оно взаимообусловлено» [4, с. 54]. Рациональный символ первичен даже по отношению к языку, в то время как миф вторичен более чем в одном аспекте: он стал простой аллегорией этого символа. Рациональный символ - это символизируемая вещь, тогда как миф только представляет ее, рациональные символы переполнены смыслом, тогда как миф может только обсуждать смысл. Верное понимание мифа состоит, с точки зрения К. Леви-Строса, в логических отношениях, которые свободны от содержания или, точнее, неизменяемые свойства которых исчерпывают операциональную ценность мифа, поскольку сопоставимые отношения могут быть установлены между определенными элементами большого числа отличающихся друг от друга содержаний [5, с. 228].

Итак, постнеклассическая научная рациональность характеризуется включенностью мировоззренческой составляющей. Данная социокультурная обусловленность в научной картине мира выступает одним из критериев понимания онтологических оснований данной картины. Миф выступает аутентичной формой бытия, поэтому исследование мифа как формы познания и мировоззрения в контексте возможности использования его в качестве элемента научной парадигмы представляет особый интерес. В категориях онтологии выражено становящееся бытие, и интеллектуальные структуры при этом оказывают влияние на понимание сущности научного познания, в частности,

на смену форм научной рациональности, а это предоставляет возможность говорить о метафизической рациональности, которая находится в основании каждой рациональной онтологии. Таким образом, в рамках постнеклассической рациональности можно вести речь о мифе как критерии научности.

Литература

1. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 5–216.
2. *Лифшиц М.А.* Мифология древняя и современная. М.: Искусство, 1980. 582 с.
3. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Н.А. Бердяев. Философия свободы. Смысл творчества. Москва: Издательство «Правда», 1989. 608 с.
4. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 279 с.
5. *Леви-Строс К.* Мифологии. Т. 1: Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 398 с.

СОВЕТСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ КАК ЦИФРОВОЙ МИФ*

С.В. Тихонова

Доктор философских наук

Саратовский национальный исследовательский государственный университет

имени Н.Г. Чернышевского

E-mail: segedasv@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция цифровой мифологии. В качестве переходного от массмедиа к цифре мифа исследуется миф о советской ностальгии. Автор считает недостаточным анализ цифровой мифологии исключительно с позиций технологической вариативности производства медиатекста. Необходим учет социокультурного единства мифотворцев-мифопотребителей, осуществляемый с помощью понятия «поколение». Высказывается предположение о том, что последнее советское поколение транслирует мифы советской ностальгии, сочетая массмедийные и цифровые формы. На примере отечественных сериалов о вампирах устанавливаются новые стратегии связи между масскультом, советской мифологией и цифровой мифологией. Автор приходит к выводу о том, что цифровой миф предполагает репликацию сопровождающего пользовательского контента вокруг базового произведения, усиливающую одновременно и плотность медиаприсутствия мифа, и его парадигматическое разнообразие, адаптированность к различным цифровым средам.

Ключевые слова: цифровая мифология, историческая память, медиапамять, советская ностальгия, вампиры

SOVIET NOSTALGIA AS A DIGITAL MYTH

S.V. Tikhonova

DSc in philosophy

Saratov State University

E-mail: segedasv@yandex.ru

The article discusses the evolution of digital mythology. The myth of Soviet nostalgia is a transition from mass media to digital. The author considers insufficient analysis of digital mythology solely from the standpoint of technological variability of media text production. She suggests taking into account the socio-cultural unity of myth-makers-myth-consumers, carried out using the concept of "generation". It is suggested that the last Soviet generation broadcasts the myths of Soviet nostalgia, combining mass media and digital forms. Using the example of domestic vampire series, new communication strategies are being established between

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

mass culture, Soviet mythology and digital mythology. The author comes to the conclusion that the digital myth involves the replication of the accompanying user content around the basic work, which simultaneously enhances the density of the media presence of the myth, and its paradigmatic diversity, adaptability to various digital environments.

Keywords: digital mythology, historical memory, media memory, soviet nostalgia, vampires

Переход мифологии в цифровую форму равнозначен появлению не только новых мифов, но и новых стратегий мифотворчества. Ядром цифровой мифологии, ее «первоэлементом» является медиатекст, интегрирующий собственно текстовые элементы с аудио, видео и графическими элементами. Объем и роль элементов медиатекста (например, основной смысл передается с помощью видеоряда, а текст играет только вспомогательную роль, или наоборот) определяется техническими и эстетическими особенностями интернет-сервисов, на которых он производится. Иначе говоря, различные способы организации медиатекста приводят к появлению различных видов медиаконтента, с которыми обычно и связывают формы цифровой мифологии – мифология социальных сетей или их жанров (мемы и т.п.). Однако анализ цифровой мифологии нуждается в более комплексном подходе, чувствительном не только к технологическим, но и к общекультурным факторам, а также к специфике циркуляции мифоконтента в цифровой среде.

Поскольку накопленный культурой багаж мифоматериалов огромен, а проникновение медиа в процессы семиозиса тотально, характер и степень цифровизации конкретных мифов различны. На мой взгляд, наибольший интерес среди них представляют мифы, выступающие своеобразным мостом между эпохой массмедиа и эпохой цифры, поскольку каркас их нарративов был сформирован в доцифровом мире, а парадигматическая комбинаторика осуществляется цифровыми средствами. К этому разряду относится миф «советской ностальгии», включающий в себя представления о советском Прошлом. Как правило, носителями мифа считают россиян, родившихся до распада СССР [1; 2]. Однако в контексте цифровизации наибольший интерес представляет мифоконтент, транслируемый представителями последнего советского поколения. Четкое хронологическое определение последнего проблематично, поскольку поколенческое единство носит скорее культурный характер, заданный типовой социализацией, но, в целом, обычно к нему относят людей, родившихся в СССР между 1972-1982 гг. и заставших советские реалии в сознательном возрасте. Представители этого поколения легко синтезируют приемы и форматы, характерные для культуры печатной книги, с элементами цифровой культуры, подготавливая почву для тотальной цифровизации базовых мифах медиапамятью.

История советской ностальгии относится к нынешнему веку. В нулевые годы зарождается тоска по соцреализму, во второй половине десятилетия явственно ощущается вакуум официальной политики памяти в сфере героической мифологии [3], сыгравший роль катализатора общей ностальгии по СССР, ядром которой стал ренессанс тематики Великой Отечественной войны. Последний отчетливо фиксируется и в смежных областях массовой культуры: жанр исторической фантастики первым отреагировал на новый социальный заказ фильмами «Мы из будущего» (1;2) и «Туман», открывшими новую моду на историко-патриотические фильмы о Великой Отечественной войне. На этом фоне началась маркетинговая эксплуатация советской символики.

Зрительский отклик на такие фильмы, как «Брестская крепость», «28 Панфиловцев», «Белый тигр», «Танки», «Т-34» продемонстрировал наличие в обществе социальный заказ на создание исторических произведений, отражающих события Великой Отечественной войны. К концу первого десятилетия XXI века появляются не только фильмы, но и компьютерные игры. Популярность «World of Tanks» не нуждается в особенных комментариях. Целевая аудитория игры – мужчины в возрасте 28-35 лет, официальная статистика реальной аудитории после 2015 г. (мировое количество регистраций – 110 млн., из них по России – 30 млн.) не оглашалась. Как показывают социологические исследования коммуникативного статуса игроков ММОПГ, средний возраст игроков этого блока игр, играющих, в том числе, и в WoT, 33 года (данные 2016-2017 гг.) [4]. Мужчины данной возрастной группы относятся к последней генерации, рожденной еще в СССР, для которой наиболее характерен интерес к идеализированным образам советского прошлого из серии «империя, которую мы потеряли». Очевидно, что совпадение старта одной из наиболее популярной компьютерных игр и прокатного успеха наиболее удачных фильмов новодела о ВОВ свидетельствует о широкомасштабных процессах динамики исторической памяти, охватывающих как цифровые медиа, так и традиционные массовые. Особенность тематики ВОВ – существенные ограничения мифологизации, связанные с охранительными ограничениями для художественной работы с историей периода. Отход от

исторической достоверности, искажение событий и их последовательности, изменение «канонического» характера исторических личностей воспринимаются как оскорбление коллективной памяти или прямо подпадают под легальные запреты, что делает принципиально невозможным создание альтернативной мифологии и противостоит общей стратегии гибридизации жанров и форматов, универсальной для цифровой культуры. Разумеется, массовому зрителю не столько важна достоверность событий, сколько поэтика и зрелищность демонстрируемого прошлого, но в данном случае принципиальна работа государственной политики памяти.

Монолитность периода ВОВ приводит к тому, что советская ностальгия в мифоконтексте «обтекает» этот центральный период советской истории, действуя на флангах. Именно эту мифологию можно наблюдать на примере укоренения советской истории в современном масскульте через обращение к вампирской мифологии. Сложно представить себе персонаж, менее интегрированный в советские мифологические нарративы, чем вампир. При этом в нулевые годы западный кинематограф интенсивно обращается к вампирской тематике (продолжение фильма 1998 г. «Блэйд» – 2002 и 2004; «Королева проклятых», 2002 г.; «Ван Хельсинг», 2004 г.; сага «Сумерки», 2008 г., 2009 г., 2010 г. и др.), вводя ее в моду через культовые фильмы и сериалы. Инаковость вампира как Чужого и Другого маргинализируется в этих фильмах; вампиры переходят на сторону людей, непринужденно встраиваются в реальность хайтека; остаются эталоном моды и стигмой аристократии. Соответственно, формируется эстетизирующая среда, легко адаптирующаяся к различным моделям формирования и противопоставления Мы и Они. Поэтому переход советской ностальгии на вампирский плацдарм вполне закономерен как стратегия модернизации мифологии, переформатирование ее под эстетику, воспринимающуюся как современную. Появление сериалов «Вампиры средней полосы» (2021 г.), «Пищеблок» (2021 г.), «Карамора» (2022 г.) четко следует фланговой логике, не затрагивая главный миф о ВОВ, эти сериалы связывают воедино представления о давно забытой Гражданской войне и брежневском застое, формируя цифровую рамку для главного сюжета, где работа медиапамяти требует более тонкой настройки для сопряжения искусства, политики памяти и практик коммеморации.

Отмечу, что современный кинематограф инкорпорирован в цифровую среду. Например, платформа «Кинопоиск», объединяющая тематический интернет-сервис по кино с онлайн-кинотеатром, разработала мини-игру по мотивам сериала «Пищеблок», премьера которого состоялась на ее территории; Ютуб откликнулся на него обзорами и интерпретациями, социальные сети собрали сообщества фанатов и тематический контент на различных площадках. В цифровой культуре к базовому произведению, если оно востребовано, обязательно подключается пользовательский комплементарный контент, поэтому всплески сопутствующего контента, обрамляющего произведение-источник – типичная особенность гибридной цифровой мифологии. С одной стороны, она усиливает воздействие контента-источника, подкрепляет, способствует репликации и связям с другими актуальными сюжетами и персонажами (например, через фотожабы и мемы) – иначе говоря, усиливает плотность медиаприсутствия мифа и его когерентность с актуальным содержанием масскульта. С другой, она адаптирует мифологический смысл к весьма отличным от нарративных механикам компьютерных игр и алгоритмам социальных сетей, обеспечивая его парадигматическое разнообразие.

Литература

1. *Очкина А.В.* К вопросу о социальной природе «советской ностальгии» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 50–57.
2. *Романова, А.П., Федорова М.М.* «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 1. С. 6–18. DOI 10.31429/26190567-22-1-6-18.
3. *Афанасьев И.А., Тихонова С.В.* Контуры российской патриотической идеологии: К проблеме конструирования // Власть. Москва. 2007. № 1. С. 65–70.
4. *Сергеева О.В., Царева А.В., Зиновьева Н.А.* «Встретимся в дополненной реальности...»: социальные компетенции игроков в многопользовательские онлайн-игры // LOGOS ET PRAXIS. 2017. Т. 16. № 4. С. 51–63.

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МИФОЛОГИИ: НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МИФОТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

А.А. Цельковский

Кандидат философских наук, доцент

Липецкий государственный технический университет

E-mail: alts1085@mail.ru

В статье рассматриваются эвристические функции современной мифологии. Анализируются особенности мифологической рациональности как специфического способа познания, а также систематизации и концептуализации опыта. Вследствие ряда специфических особенностей мифологической рациональности картина социальной реальности, создаваемая современной мифологией, отличается яркой эмоциональной окраской, архетипичностью событий и т.д. Рассматриваются образы социальной реальности сложившиеся в советской и современной мифотворческой практике. Мифология создает идеализированный и сакрализованный вариант исторического процесса, выполняя тем самым, конструктивные функции интеграции, консолидации и социальной мобилизации общества.

Ключевые слова: миф, политический миф, рациональность, мифологическая рациональность, историческая память

HEURISTIC FUNCTIONS OF MODERN MYTHOLOGY: ON THE EXAMPLE OF SOVIET AND RUSSIAN MYTH-MAKING PRACTICE

A.A. Tselykovskiy

CSc in Philosophy, Associate Professor

Lipetsk State Technical University

E-mail: alts1085@mail.ru

The article discusses the heuristic functions of modern mythology. The features of mythological rationality as a specific way of cognition, as well as the systematization and conceptualization of experience are analyzed. Due to a number of specific features of mythological rationality, the picture of social reality created by modern mythology is characterized by a bright emotional coloring, archetypal events, etc. The images of social reality that have developed in Soviet and modern myth-making practice are considered. Mythology creates an idealized and sacralized version of the historical process, thereby performing constructive functions of integration, consolidation and social mobilization of society.

Keywords: myth, political myth, rationality, mythological rationality, historical memory

Современная эпоха изменила отношение к научному знанию. Перемены произошли не только в переосмыслении критериев «научности», но и в понимании самого феномена рациональности, который перестал связываться исключительно с научным знанием. В числе прочего изменилось отношение и к мифу. От позитивистского взгляда на природу мифа как рудимента общественного сознания научное сообщество перешло к пониманию мифа как неотъемлемого элемента социально-политической практики. Современный миф является одним из самых мощных факторов конструирующих образ социальной реальности и формирующих представления об историческом пути нации или государства. В этой связи возникает закономерный вопрос относительно эвристических функций современного мифа. Какова специфика современных мифов как средства познания и осмысления социальной реальности?

Для ответа на данный вопрос необходимо подробнее рассмотреть специфику мифологической логики или говоря точнее мифологической рациональности. Особенности мифологической рациональности детерминированы свойствами мифологического мышления, которое в свою очередь находится в сильной зависимости от эмоционально-чувственного опыта. Следствием синкретизма эмоционального и когнитивного элементов мифологического сознания становится невозможность формулирования отвлеченных понятий. Поэтому итогом работы мифологического мышления и мифологической рациональности становятся не абстрактные идеи и понятия и не логические суждения, а образы. К примеру, И.М. Дьяконов определял миф как «способ массового и устойчивого

выражения мироощущения и миропонимания человека, еще не создавшего себе аппарата абстрактных обобщающих понятий и соответственной техники логических умозаключений» [1, с. 9]. Неразделенность рационально-когнитивных и эмоциональных компонентов сознания приводило к тому, что результатом осмысления фактов окружающей реальности становилось не конкретное понятие, а многозначно интерпретируемый наглядно-чувственный образ. И.М. Дьяконов следующим образом характеризовал данную особенность мифологического мышления: «Неспособное к абстрактному обобщению, оно вынуждено передавать обобщения через тропы... Раз эмоции принципиально невозможно передать (словесно или изобразительно) путем их обобщения в абстрактных понятиях, то на долю мифотворчества (а позже – искусства) остается передавать обобщения ассоциативно через отдельное. Но это «отдельное» не есть единичное, а есть образ с неограниченным числом возможных эмоциональных ассоциаций» [1, с. 38]. На основании сказанного, можно заключить, что синкретизм эмоционально-аффективного и рационального компонентов мифологического сознания, создававший значительные трудности для процедуры обобщения, приводил к тому, что архаический человек был вынужден прибегать к тропу, и, в частности, к метафоре. Следует сказать, что по своей природе миф не метафоричен. Метафора – это механизм формирования мифа. Миф для субъекта мифологического мышления не является иносказанием, он конкретен и выражает непосредственно то, о чем говорится в его сюжете. Для мифологического мышления создание наглядных образов было единственно возможным средством формулирования и передачи сложных абстрактных понятий.

Таким образом, результатом познания и осмысления реальности мифологическим мышлением становилась не абстрактная идея или отвлеченное понятие, а многозначный наглядно-чувственный образ. При этом процедура систематизации и трансляция социального и культурного опыта происходила не явным образом, а посредством мифологических повествований, содержащих информацию имплицитно в виде архетипических образов или сюжетных линий.

Понятие мифологической рациональности позволяет понять механизм функционирования современной мифологии. Восприятие современного социально-политического мифа происходит интуитивно-чувственно, но не рационально и критически. Современные мифы содержат информацию имплицитно, в виде архетипических наглядно-чувственных образов, для расшифровки содержания которых требуются не только интеллектуальные усилия, но также эмоциональная вовлеченность.

Из сказанного следует специфика выполняемых современной мифологией социальных функций. Прежде всего, современная мифология, редуцируя сложную картину реальности, предоставляет субъекту и социуму простые и понятные образы, с помощью которых происходит конструирование непосредственно социальной реальности. В этом отношении можно сказать, миф помогает субъекту и социуму познавать социальную реальность, так как он не только создает определенный образ реальности, но и соответствующим образом интерпретирует его, предоставляет набор смысловых шаблонов и стереотипов. Ценности, создаваемые и транслируемые политической мифологией, ложатся в основу мировоззрения субъекта и социума, позволяя ориентироваться в смысловом пространстве социальной реальности. Современная мифология позволяет определенным образом познавать окружающую реальность, структурировать ее и осмысливать. Мифология создает картину социальной реальности и исторического процесса, тем самым детерминирует социальное поведение.

Конструирование картины социальной реальной реальности происходит через мифологизацию базовых социальных категорий, прежде всего пространственно-временных характеристик. Пространство и время – самые мифологизированные категории. Пространство в мифологическом мировосприятии не является неоднородным и эмоционально нейтральным. Как отмечает Г. Франкфорт, «образ физического пространства – результат не только его восприятия, но и его культурной концептуализации. Пространство никогда не нейтрально. Его нельзя изучить как таковое. Оно, точнее его образ, несет в себе предыдущие знания и оценочные суждения. Пространство в этом смысле не есть объективная категория. Ни одна точка пространства не нейтральна, не лишена значения». [2, с. 9]. Пространство для мифологического мышления является не только определенной территорией, но некой смысловой картой. Место обитания социума мифологией маркируется как сакральный центр.

Аналогичным образом миф формирует представление о времени и об историческом процессе. Время в мифологической картине мира неоднородно, исторический процесс наполнен смыслом и имеет некую конечную цель. В сущности, миф и есть история. Архаический миф – это история происхождения реальности, богов, человека. Современный миф также имеет своей целью продемонстрировать и объяснить происхождение различных феноменов социальной реальности: народа, нации, государства и т.д. Можно даже сказать, что мифологизация истории не просто

неизбежна, она необходима. Под историей в данном случае подразумевается, разумеется, не научная дисциплина. В данном случае речь идет о том, что в научной литературе принято называть исторической или культурной памятью. К примеру, историк религии Я. Ассман пишет: «Миф – это история, которую рассказывают для того, чтобы уразуметь свое место в мире, истина высшего порядка, которая не просто соответствует действительности, но еще и притязает на нормативность и обладает формирующей силой» [3, с. 81]. Главная функция мифа заключается в обосновании настоящего путем мифологизации прошлого. По мысли исследователя «объективная» история и ценностно нагруженный миф в реальности настолько переплетены, что разделять их практически невозможно. Мифологическая история включает в себя определенную точку отсчета – образование нации или государства. Как замечает на этот счет А. Ассман, «избранная историческая дата приобретает характер мифического первоначала. Она служит в национальной памяти неиссякаемым источником света, помогающим высветить, истолковать и оценить все последующие исторические события» [4, с. 67]. Мифологический вариант истории телеологичен, исторический процесс подчинен какой-либо движущей цели, в соответствии которой происходит поиск закономерностей в различных событиях и их интерпретация.

Стоит отметить, что когда говорят о детерминирующем влиянии мифологии на социальную жизнь, зачастую подразумевают деструктивные мифы и соответственно акцентируют внимание на негативных сторонах современной мифологии. В данном случае внимание будет сосредоточено конструктивных функциях современных мифов, выполняющих консолидирующую целеполагающую функцию. Для этого остановимся на примерах из отечественной истории.

Начало двадцатого столетия для нашей страны ознаменовалось появлением мощного мессианского мифа, во многом предопределившего траекторию развития нового Советского государства. Мессианский миф Третьего Интернационала возник на подготовленной почве. Формирование национального мессианского сознания началось в процессе становления и укрепления Московского государства, сопровождавшегося появлением мифа «Москва – Третий Рим». В различные периоды российской истории мессианизм проявлялся в том или ином виде, проявляясь в самых разных формах («Святая Русь», «Русская идея», Русский мир»). Революция возродила мессианские ожидания. Подобно тому, как на Московское царство легла миссия сохранять и защищать православие, так и на Советскую Россию ложилась миссия распространения коммунистического учения. Исторический процесс согласно коммунистическому мессианскому виду представлялся как неуклонное движение вперед к неизбежному финалу – коммунистической формации. Была у него и начальная точка – Великая Октябрьская революция. Все исторические события, так или иначе, интерпретировались в соответствии с данной схемой. Коммунистический миф позволил мобилизовать широкие массы, сплотить их на достижение великих целей. Победа во Второй Мировой войне и превращение СССР в сверхдержаву лишь укрепили мессианский политический миф.

С распадом Советского Союза прекратила свое существование и мессианская мифология. В условиях отсутствия общегосударственной идеологии не сложилось новой мессианской мифологии. Однако со временем обращение к советскому периоду стало одной из ведущих тенденций в мифотворческой практике. С начала 2000-х годов новое политическое руководство начинает использовать мифотворческий потенциал, связанный с советским наследием и прежде всего с победой в Великой Отечественной войне, ставшей одним из самых значимых символов, демонстрирующих героизм народа и мощь государства. Для современной России Великая Отечественная война стала одним из самых значимых символов, репрезентирующих ее особую историческую роль и одним из самых устойчивых элементов мифотворческой практики. Как отмечает Копосов: «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [5, с. 163]. Отчетливо просматривается и поставленная цель – создания образа сильного государства, претендующего на лидерские позиции на международной арене. В данном случае политическая мифология стала способом концептуализации и репрезентации образа страны и ее исторического особого исторического пути. В данном случае миф изображает картину закономерного исторического движения России – становление и ее превращение в великую страну с уникальной исторической миссией. Для современной российской государственности отчий отсчет, согласно мифу, стал не распад СССР, а Великая победа и последующее превращение страны в сверхдержаву. Мифологическая интерпретация данных ключевых событий служит не просто способом легитимации политического строя, а способом понимания и осмысления роли России в историческом процессе.

В чем заключается эвристическая функция мифа? Мифология создает целостную картину реальности и исторического процесса и определенным образом ее истолковывает. В данном случае речь идет не о поиске объективных закономерностей, а скорее о конструировании некого

идеализированного варианта истории. Судьбоносные исторические события переосмысливаются в соответствие с мифологическими символами-архетипами и превращаются в идеализированные представления об особом месте в мире и об уникальной миссии. То есть, по сути, мифология создает некий идеализированный и сакрализованный вариант истории. Отсюда вытекают конструктивные функции современного мифа, заключающиеся в интеграции, консолидации и социальной мобилизации общества.

Литература

1. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
2. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж.А., Якобсен Т. Духовные искания древнего человека: В преддверии философии. СПб.: Торгово-издательский дом «Амфора», 2016. 287 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

ЦИФРОВОЙ ПОВОРОТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ МИФОВ*

Д.С. Артамонов

*Кандидат исторических наук, докторант кафедры теоретической и социальной философии
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: artamonovds@mail.ru*

Статья посвящается вопросу влияния цифрового поворота на исследования социальных мифов и изучению процессов их трансформации в цифровую форму. Цифровой поворот характеризуется использованием цифровых технологий и социальных медиа в конструировании мифов и их изучением цифровой гуманитарной наукой. Цифровая мифология формируется в контексте цифрового поворота как научное направление и развивающаяся система социальных цифровых мифов, воспроизводимых в виртуальном пространстве. Цифровые мифы создаются усилиями индивидов, репрезентирующих себя в сетевых сообществах, массами интернет-пользователей, осуществляющих конвергенцию образов массовой культуры и мифов, при помощи цифровых технологий, распространяя их в социальных медиа. Новые медиа позволяют любому интернет-пользователю стать мифотворцем, создателем мифологических нарративов, которые служат конструктами повседневной реальности. Условием создания цифровых мифов является визуализация мифообразов и смыслов массовой культуры, в которые облакаются новостные, культурные или политические сообщения. Интернет-пользователи упаковывают цифровые мифы в распространяемые по сети информационные сообщения, транслируя с их помощью свою эмоциональную оценку действительности и свой взгляд на мир. Цифровые мифы находят свое воплощение в селфбрендинге, феномене постправды и фейках, интернет-мемах, компьютерных играх и т. д. Цифровая мифология стала неотъемлемой частью цифрового мира.

Ключевые слова: цифровая мифология, социальная мифология, цифровой поворот, медиа

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42063 «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде».

DIGITAL TURN IN THE RESEARCH OF SOCIAL MYTHS

D. S. Artamonov

*CSc in History, Doctoral Candidate of the Department of Theoretical and Social Philosophy
Saratov State University*

E-mail: artamonovds@mail.ru

The article is devoted to the question of the influence of the digital turn on the research of social myths and the study of the processes of their transformation into digital form. The digital turn is characterized by the use of digital technologies and social media in the construction of myths and their study by digital humanities. Digital mythology is formed in the context of the digital turn as a scientific direction and a developing system of social digital myths reproduced in the virtual space. Digital myths are created by the efforts of individuals who represent themselves in online communities, by the masses of Internet users who carry out the convergence of images of mass culture and myths, using digital technologies, spreading them in social media. New media allow any Internet user to become a myth-maker, the creator of mythological narratives that serve as constructs of everyday reality. The condition for the creation of digital myths is the visualization of myth images and meanings of mass culture, in which news, cultural or political messages are clothed. Internet users pack digital myths into informational messages distributed over the network, broadcasting with their help their emotional assessment of reality and their view of the world. Digital myths are embodied in self-branding, the phenomenon of post-truth and fakes, Internet memes, computer games, etc. Digital mythology has become an integral part of the digital world.

Keywords: digital mythology, social mythology, digital turn, media

Задачей данного исследования является изучение феномена социального мифа в контексте цифрового поворота. Современный исследователь социальной мифологии А. Г. Иванов рассматривает ее как «аксиологически нагруженный феномен» и выделяет два уровня «архаический», содержащий «устойчивые архетипические образы, мифологемы, ритуалы, выработанные коллективно», и «инструментальный» («конъюнктурный»), который «предстает в качестве «мифологии идей» и содержит результаты рациональной целенаправленной деятельности отдельных мифотворцев» [1, с. 6]. Цифровизация социального мифа позволяет говорить о цифровой мифологии как феномене, характеризуемом цифровым способом производства и существования современного мифа в медиасреде. О возможности возникновения цифровых мифологий еще в самом начале XXI в. говорил Т. Валович. Исследуя основные социальные и политические последствия распространения сети Интернет, он пришел к выводу о существовании цифровых мифов, описывающих скрытые сложности взаимодействия человека с виртуальной реальностью [2]. Однако, термин цифровая мифология еще очень редко используется в научном дискурсе и подразумевает влияние Интернета и социальных медиа на формирование мировоззренческих основ современного человека [3, с. 123].

По мнению исследователей José Manuel Losada и Antonella Lipscomb цифровая революция привела к тому, что потребление огромного количества информации непосредственно влияет на миф, заставляя мутировать его в новые формы. Фильмы, сериалы, комиксы или видеоигры, производимые в жанре научной фантастики, фэнтези или об искусственном интеллекте, подвергаются социальному или индивидуальному потреблению в беспрецедентных объемах. Вторжение цифровых медиа в повседневный быт индивидов вызвало большое напряжение в обществе, и мифологизации подвергаются сами цифровые технологии, так как миф остается наиболее подходящим инструментом познания мира [4]. Новые способы цифрового бытия индивида такие как цифровая память, троллинг и цифровая смерть, цифровые ритуалы и кибернетический анимизм, онлайн-траур и многое другое [5, с. 85] осмысляются именно через мифы, описывающие электронную реальность. В этой связи и ставится проблема изучения трансформации социальной мифологии в цифровую, происходящей в контексте цифрового поворота.

Термин «цифровой поворот» возникает как финальный в ряду методологических метафор «поворота» (онтологический, лингвистический, иконический, теологический, перформативный, нарративный, пространственный и др.), характеризующих развитие философской мысли с начала XX в. и обусловлен появлением Digital Humanities — цифровой гуманитарной науки, направленной на изучение цифрового общества во всех его проявлениях. Цифровая гуманитаристика объединяет методики и практики гуманитарных, социальных и вычислительных наук и использует возможности

цифровых информационно-коммуникативных технологий для изучения современных социальных процессов. Развитие цифровых технологий порождает новые объекты гуманитарных исследований (тексты в социальных сетях и блогах, видеоролики, интернет-мемы, цифровые фотографии, видеоигры и т. д.), изучение которых требует компьютерной обработки данных и применения информационного, медиаэпистемологического, медиаархеологического подходов, семиотики интерфейса и теории коммуникации. Программные приложения цифровой среды, производимые ИТ-индустрией, и социальные медиа не только определяют набор доступных пользователю средств создания новой реальности, но и меняют способы постижения действительности, а также выражения и восприятия мысли. Работа человеческого сознания сопрягается с цифровым разумом, который «в форме «больших данных» (Big Data), «большой пятерки» «черт личности» (Big Five), «кибер-ДНК» и других технологий определяет наши действия» [6, с. 5]. Цифровой поворот не только открывает новые перспективы в изучении социального мифа при помощи использования технических средств при его анализе, но и способствует его трансформации в цифровую форму.

В социальных медиа под влиянием появления новых мифотехнологий и мифотворцев трансформируется логика мифотворчества. Она все более приобретает глобальный характер, определяющий способы взаимодействия человека с действительностью. Можно наблюдать как сообщение в социальных сетях влияет на фондовые рынки, направляет поведение компьютерных игроков, изменяет практики использования цифровых гаджетов. Сетевой контент, формируемый инструментально-коммуникативными навыками частных блогеров, способен определять главную повестку дня в СМИ за счет содержания в нем мифоэлементов.

Проявлением цифровизации процессов индивидуального мифотворчества является эволюция философии брендинга. Бренд представляет собой социальный миф эпохи общества потребления, обеспечивающий инкорпорирование компании, ее товаров и услуг в повседневность человека. Сегодня бренд «не просто социальный миф, а миф индивидуализированный» [7, с. 51] и его наполняемость в цифровом обществе постоянно меняется. Если на заре появления персонального брендинга мифологизации подвергалось социальное положение человека, в котором акцент делался на его достижения и успехи в общественной сфере деятельности, то с распространением социальных медиа появляются технологии личного брендинга, обращающие внимание на личность человека, его мировоззрение и богатый внутренний мир. Сегодня стратегии индивидуального брендинга реализуются в формате селфбрендинга, делающего упор на демонстрацию чувств и эмоций, поэтому внимание и медийную популярность приобретает любой человек открыто их проявляющий.

В этой связи естественным выглядит появление такого феномена как постправда (post-truth), определяемого как информационный поток, в котором обращение к эмоциям и личным убеждениям является более значимым фактором при формировании общественного мнения, чем апеллирование к объективным фактам. Экосистему постправды составляют фейки, представляющие собой «информационную мистификацию или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение для того, чтобы получить финансовую или политическую выгоду» [8]. Фейки можно назвать мифами нашего времени, подразумевая не только то, что они выполняют их функцию по конструированию и объяснению реальности, но и включение мифологических элементов в структуру фейковых сообщений.

Наличие мифоэлементов обнаруживается и в таком феномене цифровой культуры как интернет-мем, под которым следует понимать «группу цифровых компонентов, имеющих общие характеристики содержания, формы и/или выражаемой позиции, которые созданы с осознанием соответствия друг другу, и были распространены, имитированы и/или преобразованы через Интернет многими пользователями» [9, р. 363]. Интернет-мемы появляются в качестве эмоционального отклика на новостные события и почти всегда связаны с повесткой дня. Они экономят пользователям усилия по формулированию собственной позиции, предлагая удобную и понятную интерпретацию информационного сообщения, одновременно переосмысляя сюжеты и образы массовой культуры, упаковывая мифы в визуализированную форму креализованного текста. Задача интернет-мема заключается не в трансляции объективной информации, а в ускоренной передаче эмоционально окрашенных сообщений при помощи создания коммуникационного эффекта вовлечения пользователей в обсуждение злободневных событий. Данного коммуникационного эффекта интернет-мем добивается благодаря интерпретации ключевого сообщения, включая в него элементы мифа.

Цифровая мифология находит свое воплощение в компьютерных играх, визуализирующих мифологические мотивы и создающих новые мифы. Сюжетные линии компьютерных игр зачастую заимствованы фольклора, фантастики, фэнтези, страниц истории, классической мифологии, а приемы и методы их организации подвержены социальной мифологизации. Игровое пространство

формируется целой системой мифогенеза, которая включает мифы о свободе игроков, независимости, отсутствии контроля извне, представляя его как территорию, на которой созданы все условия для реализации творческого потенциала геймеров [10, с. 182]. Компьютерная игра создается в пространстве мифа, на основе мифологических элементов и сама становится мифом, создаваемым производителями и сообществом игроков с целью ее успешной репрезентации в медиасреде.

Социальные медиа и цифровые технологии, выступая посредником между человеком и внешним миром, активно создают новую мифологию, опираясь на прошлое и трансформируя черты и границы будущего. Они создают виртуальную иллюзию социальной действительности, в которой реальные события отодвигаются на второй план, уступая натиску мифологизированных образов. Возможности новых цифровых коммуникаций позволяют создавать любую мифореальность, которая воспринимается индивидами в качестве объективной истины и распространяется с огромной скоростью, включая в процессы мифологизации неограниченное количество людей. В цифровых условиях знаки и образы привычного человеческого мира стали частью мира новых медиа, превратив реальность в медиареальность, наполненную цифровыми мифами.

Литература

1. *Иванов А.Г., Полякова И.П.* Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1. С. 5–15. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-5-15.
2. *Valovic T.S.* Digital Mythologies: The Hidden Complexities of the Internet. Rutgers: University Press, 2000. 242 p.
3. *Соловей В.Д.* Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 122-132. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.09
4. *Losada J.M., Lipscomb A.* Myth and Audiovisual Creation. Berlin: Logos Verlag, 2019. 216 p.
5. *Касавина Н.А.* «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. № 3(4) С. 73-89. DOI 10.5840/dspl20203441.
6. *Савчук В.В., Очеретяный, К.А.* Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 5-16. DOI 10.21146/0042-8744-2021-4-5-16.
7. *Тульчинский Г.Л.* Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 41-56.
8. *Hunt E.* What is fake news? How to spot it and what you can do to stop it // The Guardian. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/media/2016/dec/18/what-is-fake-news-pizzagate> (дата обращения 12.04.2022)
9. *Shifman L.* Memes in a Digital World: Reconciling with a Conceptual Troublemaker // Journal of Computer-Mediated Communication. 2013. № 18(3). P. 362–377. DOI: 10.1111/jcc4.12013
10. *Сидоров В.А.* Игры как институт культуры «цифрового» пространства // Гуманитарный вектор. 2020. № 15(5) С. 176–185. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-176-185.

ЦИФРОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ЦИФРОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

А.А. Дыдров

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Южно-Уральского государственного университета
E-mail: dydrovaa@susu.ru*

В статье анализируются актуальные антропологические концепции, принципиально отличающиеся от классических философских моделей. Классика философско-антропологической мысли фокусировалась на определении сущности и поиске инвариантного в человеке. Нетрадиционные антропологии критически подходят к концептуальному аппарату старых школ, вместо этого разрабатывая новые схематизации. Синергичная антропология фиксирует виртуальную реальность как «недоволенную» и сводит ее к неполноценному и вторичному продукту изобретательской деятельности человека. Машинная антропология, напротив, декларативно избавляется от человека, пытается высвободить «машинное» и отбросить собственно человеческое. Новая концептуальная схема позиционируется именно как антропология и при этом следует ориентироваться на постгуманистический тренд. Автор видит перспективное направление научно-исследовательской работы не в замене человеческого машинным на дискурсивном уровне, а в пристальном внимании к машинному, точнее, к виртуальному и цифровому. Продуктивный подход должен фундаментироваться плюрализмом идей и сопряжением глубоко различных концептуальных схем.

Ключевые слова: машинная антропология, синергичная антропология, цифровые технологии, топология, виртуальная реальность

TO THE QUESTION OF THE SUBJECT OF DIGITAL ANTHROPOLOGY

A.A. Dydrov

*DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
South Ural State University
E-mail: dydrovaa@susu.ru*

The article analyzes current anthropological concepts that are fundamentally different from classical philosophical models. The classics of philosophical and anthropological thought focused on the definition of essence and the search for the invariant in man. Non-traditional anthropological concepts are critical of the apparatus of the old schools, instead developing new schemes. Synergistic anthropology captures virtual reality as “not fully embodied” and reduces it to an inferior and secondary product of human inventive activity. Machine anthropology declaratively gets rid of man, tries to free the “machine” and annihilate everything human. The new conceptual scheme is positioned precisely as anthropology, and at the same time follows the posthumanist trend. The author sees a promising direction of research work not in the replacement of the human by the machine at the discursive level, but in close attention to the machine, more precisely, to the virtual and digital. A productive approach must be based on a pluralism of ideas and the interplay of profoundly different conceptual schemes.

Keywords: machine anthropology, synergistic anthropology, digital technologies, topology, virtual reality

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

В современных антропологических концептуальных эскизах и философских зарисовках человек фиксируется не как особое и уникальное существо (последнее как раз характерно для классических антропологий), а на фоне и среди. Иными словами, его намеренно или неосознанно размывают как субъекта, изображают, по известному выражению Р. Барта, «меньше ростом» [1, с. 387]. В целом, практика десубъективации и ряд других смежных практик обозначаются как «постгуманизм», ориентированный на переоценку традиционной антропоцентрической модели мира. Однако постгуманистические тренды на демонтаж центральных моделей не исключают формирования новых антропологий, полностью укладывающихся в парадигму «грамматики множественности» (Вирно [2]). Формула Делеза-Гваттари «плюрализм = монизм» [3, с. 37] в известной мере четко выражает постмодернистские тренды и схватывает складывающееся положение вещей в качестве дисперсии. Притом дисперсия характерна не только для мира, описываемого разнообразными интеллектуалистскими моделями, но и для самих этих моделей. Современные концепции принципиально плюралистичны на уровне идеологических допущений, то есть они проповедают плюрализм в качестве наивысшей ценности. Однако не все философии де-факто исповедуют идею множественности.

Это касается и новых антропологий (в том числе постгуманистических). От интеллектуальных конструкций такого рода, разумеется, не следовало бы ожидать определений, которые всегда суть и ограничения (замыкание смысла). Тем не менее, новые антропологии, что парадоксально, не могут обойтись без обозначенной интеллектуальной логической процедуры и содержат как минимум контекстуальные дефиниции. Появившийся около 6 лет назад философский манифест «машинной антропологии» начинается с категорического «человек – это машина» [4, с. 122]. При этом новая (?) гуманитарная формула не реинкарнирует классическую просвещенческую, согласно которой человек *есть* машина со странным (= не разгаданным) устройством мозга, порождающим воображение. По новой антропологеме машина встроена (интегрирована) в человека, и последний может «дать слово» машине [4, с. 122]. «Дать слово» машине при этом означает фактически отказ от «нарциссической» рефлексии. Рефлексивный акт – тот, что в традиционных философско-психологических схематизациях делал человека уникальным и особым сущим – де-факто интерпретируется в метафорике деструктивных (контрпродуктивных) ориентаций души (Фромм [5]). Проблема видится нам не в том, что «машинная антропология» маркирует рефлексии через нарциссизм, а в том, что она претендует на изобретение новой интерпретационной модели объяснения человека (на этот раз не через бога и абсолютное и не через природу и естественное, а через машину). Эта новая антропология утверждает (в этом ее пресуппозиция), что машине возможно «дать слово». Машина будет говорить? Или уже фактически говорит? В человеке вновь открывают «иное» (быть может, эссенциальное), но не определяют его. Закономерно, что в таком ключе машина встает в один ряд с богом и миром (природой, космосом). Собственно, по замечанию И. М. Чубарова, у машины есть свое полноценное положение в универсальном семиозисе, как и у ее соседей – бога, природы и человека [4, с. 127]. И она, как бог и мир, в современных интеллектуалистских штудиях имеет статус интерпретативного концепта.

Главное, что роднит машинную антропологию с постгуманистической доктриной, – критика «спекулятивных» построений, в которых человек приобретал («имел») генеральное качество, то есть был «особым сущим». Как существо рациональное (опять же в традиционной оптике) и осмысляющее человек был убежден в том, что способен открыть сущность чего бы то ни было. Так, по М. Хайдеггеру, фактически причисляемому к послевоенной *метафизике*, усилием мысли возможно открыть эссенцию техники. Последняя, согласно хрестоматийной формулировке, «не есть нечто техническое» [6]. Как известно, хайдеггерианское усилие не заканчивается отрицанием и исключением, но доводит дело до положительного вердикта, известного как «Ge-stell» [6]. Концептуальный набросок в парадигме «фундаментальной онтологии» критикуют за реставрацию платонической иллюзии и практику гипнотизма. Собственно, в ответ на критику можно возразить (и, разумеется, получить ответное обвинение в приверженности традиционализму): почему речь ведется о том, что сущность техники якобы известна *заранее*? Не поспешно ли суждение о «гипнотизме»? Открыть сущность техники и найти свое собственное место в отношении к ней не есть одно и то же. Нереплексивное воспроизведение магического «Ge-stell» (и даже понимание значения концепта) не является собственно философским актом. Акцентуация внимания на частном случае необходима для того, чтобы четко видеть, куда бьет новая антропология. Она, как и старые антропологии, исходит из тотализирующей пресуппозиции. Машинная антропология фундируется утверждением «все есть машина» (и «машина есть все»). Опираясь на шизоаналитическую схему постструктуралистов (пусть

и заявленную в качестве сопряжения плато), новая концепция так же говорит об органических, о социальных, творческих и художественных и, наконец, «желающих» машинах. Машина, а не оттеняемый человек, стала предметом машинной антропологии. В этом утверждении не содержится никакой скрытой критики. Оно лишь говорит об очередной попытке прогнать человека с авансены.

Машины нового поколения позволили создать альтернативную реальность, то и дело схватываемую различными вербальными конструкциями – «виртуальную», «цифровую», «проекцию», «симуляцию», «матрицу» и пр. В границах классического философского концептотворчества (начиная с платоновских «эйдосов» и заканчивая синергийной антропологией) мир объясняется через бинарные оппозиции, непримиримые противоположности, маркированные знаками «+» и «-». Противоположны вещь и тень, свет и темнота пещеры. Несмотря на некоторые концептуальные запинки синергийной антропологии (Хоружий [7, с. 126]), «недовоплощенная» и «неполноценная» (= виртуальная) реальность безапелляционно противопоставляется «воплощенной». В оптике традиционных антропосхем человек как уникальное сущее проецируется в мир и создает технику по своему образу. Техника всегда означает человеческое, за границы которого творец не способен выйти. Виртуальная реальность сквозь призму подобных концепций, разумеется, «недовоплощена» и, более того, коннотируется как «вторичное» или «производное». Концептуализм классической семиотики квалифицирует виртуальное через знаковые комплексы, означающие и означаемые, за которыми всегда пребывает референция (фигура креатора, антропос). Направленный на поиск сходств и скользящий по поверхности монитора взгляд обнаружит, что «все это уже было» - такова формула современного редукционизма, сводящего цифровое и виртуальное к калькированию «воплощенной» реальности. Традиционная гуманитаристика еще не в состоянии описывать их как минимум в терминах элементарной топологии (территория, среда, место, пространство и т. д.). С мировоззренческих позиций такой взгляд сообразуется с постгуманистическим пафосом освобождения дискурсивного пространства от антропоцентризма во имя утверждения других форм и форматов жизни. Однако, существует риск, что эти изобретаемые формы жизни займут или уже заняли центральное положение в концептуальных схемах новых философий. В этом случае бинаризм не исчезнет. За доказательствами не нужно далеко ходить: достаточно посмотреть на тезаурус трансгуманизма (объявившего о становлении новой формы жизни), где «транс» и «пост» всегда присоединяются к «человек». Перспектива цифровых гуманитарных исследований видится нам не в избавлении от человеческого, не в ликвидации различного рода «антропоэссенций», не в изобретательстве антропологий и множественных «пост», а собственно в изучении цифрового и виртуального как исторически беспрецедентных территорий и сред. Перед этой формирующейся областью знания не может не возникнуть вопроса о концептах, если только привычные бинарные оппозиции «референт – знак», «человек – проекция» окончательно не усыпят бдительность. Разумеется, исследователь сегодня нуждается не в понятийно-терминологической крионизации смысла, а в плюрализме идей и подходов, ни один из которых не будет доминировать в ущерб остальным.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М. 1989. 616 с.
2. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. 2013. 176 с.
3. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург. 2010. 895 с.
4. Чубаров И. С. Машинная антропология. Запоздалый манифест // Логос. 2015. Т.25. №2(104). С. 122-141.
5. Фромм Э. Душа человека. М. 1992. 430 с.
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (дата обращения: 27.03.2022).
7. Хоружий С. С. К антропологической модели третьего тысячелетия // Философия науки и техники. 2002. №1. С. 108-137.

ФОРСАЙТ ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА ДЛЯ ЦИФРОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ БУДУЩЕГО*

С.А. Смирнов

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН
E-mail: smirnoff1955@yandex.ru*

Автор полагает, что кантовский вопрос «Что такое человек?» заменяется на вопрос «Где есть человек?». Этот вопрос необходим с целью преодоления доктринального, объектного отношения к человеку. В статье дается анализ ситуации человека, которую автор описывает как ситуацию онтологической дезориентации. Последнее связано с тем, что человек испытывает соблазн замены себя умным устройством, передавая ему все больше функций и работ. Соблазн связан как со стремлением уйти от удела человека быть (страх быть), так и с тем, что у человека сложилась иллюзия, что умная цифра действительно может заменить человека, то есть в пределе человек может уйти как сущее. Уход начинается с отказа человека быть, то есть отказа от заботы о себе. Судьба антропологии будущего связана с необходимостью возвращения человека к самому себе, к норме человека, к обретению нового места в новой материально-виртуальной, гибридной реальности и выстраиванию нового интерфейса человека и цифры.

Ключевые слова: антропология будущего, человек, цифра, онтологическая дезориентация, форсайт человека, место человека, событие

FORESIGHT OF HUMAN BEING: CONCEPTUAL FRAME FOR DIGITAL ANTHROPOLOGY OF FUTURE

S. A. Smirnov

*DSc in Philosophy, Leading Research Fellow
Institute of Philosophy and Law of SB RAS
E-mail: smirnoff1955@yandex.ru*

The author believes that the Kantian question «What is a Man?» replaced by the question «Where is the Man?». This question is necessary in order to overcome the doctrinal, objective attitude towards man. The article provides an analysis of the human situation, which the author describes as a situation of ontological disorientation. The latter is due to the fact that a person is tempted to replace himself with a smart device, transferring more and more functions and work to it. The temptation is connected both with the desire to escape from the destiny of a person to be (fear of being), and with the fact that a person has an illusion that a smart figure can really replace a person, that is, in the limit, a person can leave as a being. Withdrawal begins with a person's refusal to be, that is, from taking care of himself. The fate of the anthropology of the future is connected with the need to return a person to himself, to the norm of a person, to finding a new place in a new material-virtual, hybrid reality and building a new interface between people and numbers.

Keywords: anthropology of the future, man, digit, ontological disorientation, foresight of man, place of man, event

1. «Бытие имеет место». Эта хайдеггеровская максима до сих пор нами не совсем понята и принята. Она означает радикальное изменение старого кантовского вопроса. Речь идет о бытии человека. Бытие человека имеет место. Кант полагал, что главный вопрос философии – «Что такое человек?». Стремление ответить на этот вопрос толкало разных философов на поиск окончательного определения – что есть человек? И тем самым провоцировало разных авторов на доктринальную стратегию в духе эссенциальной парадигмы, в рамках которой мы ищем сущность человека, как ищем сущность у любого природного процесса. Это стремление объективировать человека породило расцвет философской антропологии XX века, где каждый создавал свою доктрину человека, свою концепцию, в рамках которой пытался ухватить убегающее сущее – человека. Многочисленные ухватки и схватки

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00103, <https://rscf.ru/project/21-18-00103/>

с этим убегающим сущим закончились тупиком и констатацией, что сущности у человека нет. А что есть?

2. При смене вопроса вопрошание о человеке радикально меняется. От «Что Есть человек!» – к «Где Есть человек?». Вопрос о месте человека (его у-местности) актуализируется в ситуации онтологической дезориентации, в которой мы сейчас находимся. Этот вопрос возникает тогда, когда человек либо еще не нашел себя, либо потерял себя. И он снова ищет свое место в бытии. Как человек, упавший в обморок. Приходя в себя, он спрашивает – «Где я?» Не «Что я?» или «Зачем я?», а «Где я?». В настоящее время мы находимся в состоянии обморока, упав в него от максимальной свободы, которую мы вкусили в виде благ технологической цивилизации. Вкус плодов от нее оказался настолько соблазнительным, что человек заболел булимией, он никак не может насытиться этими плодами.

3. Вопрос «Где Есть человек?» освобождает нас от тисков и капканов омертвляющей объективации. Кантовский вопрос породил множество доктринальных ответов, ничему не научив самих авторов. Вопрос «Где Есть человек?» задает иную парадигму и стратегию – стратегию поиска и навигации, поскольку место человека не предуготовлено, не подготовлено. Оно обретается, оно всегда возможно и как готовое отсутствует. Человек имеет шанс быть, свершаясь через личное усилие.

4. В течение последних 100 лет, со времен антропологического поворота, породившего обилие антропологических концептов, человек постепенно терял свое место, которое он всегда имел, как ему это казалось. На поверку оказалось, что он снимал угол у бытия, расплачиваясь суррогатами за аренду, идя на сделку с бытием, закрываясь разного рода уловками, ища лазейки, пытаясь увернуться от удела смертного существования, от усилия быть. В итоге он потерял и этот угол, превратившись в онтологического бомжа, не найдя своего места, поскольку потерял онтологические ориентиры и опоры. Потеря связана с нарастающим трендом ухода человека как сущего.

5. Главными факторами этого тренда выступили, с одной стороны, неизбежные экзистенциалы – страх быть или не быть, соблазн не быть (как бы быть), с другой стороны, – новый соблазн, связанный с технической игрушкой, умной цифрой. Страх не быть, соблазн иллюзии быть и провокация со стороны умной техники толкает человека на то, что можно не быть.

6. С развитием умных технологий и формированием нового технологического уклада ситуация соблазна впервые становится действительно онтологической. Если ранее человек, испытывая соблазн ускользнуть, не совершая онтологического выбора, так или иначе признавал, что состояться в этом мире через усилие и ведя тяжбу с Богом – это его смертный удел, то теперь в ситуации отказа или радикальной проблематизации онтологических идей и пределов (включая идеи Бога, Истории, Мира и Человека) сам человек испытывает онтологическую иллюзию, что можно действительно «быть без бытия», можно обмануть Бога и самого себя, не совершая усилий, но тем не менее как-то состояться в мире, найти свое место.

7. Эта иллюзия сформировалась в силу того, что стратегия, существовавшая и ранее, стратегия выгадывания и расчета (исчисления, вычисления), выстраивания сделки и испытания соблазна, получила серьезного помощника и союзника в виде Цифры, в виде умных технологий, умных гаджетов. Человек подумал, традиционно осуществляя жизненный технологический аутсорсинг, что умным устройствам можно делегировать те базовые функции и работы, которые ранее он всегда делал сам (память, счет, письмо, принятие решений, в пределе – мышление и воображение), то есть те качества и работы, осуществляя которые человек становился собой. Технологическое развитие привело к тому, что в интерфейсе человек-машина последняя становится все более умной, а человек, ее создатель, все более желает отдавать свои умные функции, предпочитая отдаться соблазну не быть. Высвобождаясь от рутины, человек вовсе не выбирает стратегию быть. Он предпочитает отдать самого себя, то есть не быть.

8. Соблазн побеждает в ситуации доминирования *принципа вычислимости* сущего. Человек, допустивший, что природу и все сущее можно познать, то есть схватить, ухватить, в пределе – вычислить, допускает, что и он сам, человек, может быть схвачен и рассчитан. Человек вычислимый тем самым может быть заменен умной цифрой, искусственным интеллектом, постчеловеком.

9. Если бытие человека имеет место, то возникает вопрос о том, что задает это место? В чем скрыт его исток? Что есть местообразование, средоточие, средостение места? И насколько простирается граница места человека? Место, местность, уместность человека задается *событием свершения* человека, его сбывания. Человек сбывается и явлен миру, если находит отклик своей активности – предзаданному онтологическому истоку, через свою сопричастность ему. Такая *сопричастность истоку* проживается событийно. Однажды человек начинает понимать, через личное усилие, – вот здесь он есть. Здесь его место.

10. Границы события связаны с проживанием человеком события Встречи с Другим, Иным ему, при которой границы моего места пересекаются с границами Другого, интересного мне «провиденциального собеседника», напарника по жизни, на которого рассчитываешь как на собеседника, с которым готов проживать возможную совместность в человеческом общежитии.

11. Этому Другому человек, имеющий место в бытии, явлен своим произведением, делом, продуктом, идущим от плодоносящего ремесла жизни. Место событийно, если оно плодоносит. Как виноградник, который возделывают, чтобы тот дал сладкий плод. Место свое надо возделывать. Как было заповедано человеку: «чтобы возделывать его и хранить его». Человек про-изводит, через сопричастность к истоку, самое себя, являя себя миру продуктами своего извода, воплощаясь в разных формах жизни – домах, делах, стихах, тестах, знаках, жестах, телесных воплощениях. О масштабе и глубине проникновения произведения к истоку судят Другие – современники, соплеменники по общежитию, и потомки.

12. Тем самым, судьба антропологии будущего связана с возвращением человека к самому себе, преодолением им обморока свободы. Если он приходит в себя, значит имеет шанс вновь обрести свое место. Проблема антропологии будущего в этой связи связана не с самой по себе цифрой, техническим укладом, научно-техническим прогрессом. Подобные допущения суть следствия обморока свободы и увлечения (соблазна), испытываемого человеком от умной техники, и иллюзии, что умная цифра все даст – комфорт, успокоение, счастье и всеобщее благо. Человек в обмороке тем самым совершает подмену – вместо бытия в мире он выбирает иллюзию быть, заменяя себя умным гибридом-химерой.

13. Удел человеческий в таком случае заключается в том, чтобы вновь обрести свое место, но уже в новой материально-виртуальной, гибридной реальности, в которой цифра становится необходимой составной частью места обитания. Но придется преодолеть увлечение цифрой и перевести соблазн цифры в конкретную задачу: построение нового интерфейса человек-цифра, в котором человек перестает играть роль приложения к умному устройству, а наоборот возвращает себе место управляющего собственной ситуацией развития.

14. Антропология будущего, предполагающая возвращение человека к себе, восстановление нормы быть через усилие быть, посредством чего человек вновь обретает утраченное место, тем самым содержит в себе обязательность антропопрактик заботы о себе, а не технические хлопоты, возвращение практик поиска себя, а не создания технических подпорок.

15. В силу событийной природы места человека, оно, место, постоянно пульсирует, это новое место не уготовано, его нельзя спрогнозировать и строить по его поводу новые доктрины будущего человека, коих уже расплодилось великое множество.

16. Учитывая уроки онтологической дезориентации, можно и нужно сменить господствовавшие до этого онтологии и стратегии, отказавшись от объектной доктринальной стратегии в пользу антропологии навигации, предполагающей поиск ориентиров и опор для бытия человека в мире. От практик определения человека как объекта необходимо переходить к практикам заботы и поиска себя, своего места. В этих практиках ключевым выступают два критерия: обретение опоры здесь (Здесь я Есть), центрирующей место, и поиск внешних ориентиров (культурных мер, образцов, эталонов, маркеров), представленных в библиотеке культуры и духовных традициях.

17. Судьба антропологии будущего в этой связи будет связана не с разработкой очередных антропологических концепций, стремящихся в очередной раз отвечать на кантовский вопрос (что такое человек?), а с выработки *антропологической альтернативы* указанному онтологическому соблазну. Альтернатива заключается в построении новых онтологических моделей, в которых выстраивается новый интерфейс человек-цифра, в котором, хотя и перераспределяются функции и работы между человеком и умной машиной (искусственный интеллект), но человек не отказывается от самого себя, не делегирует свои человеческие качества машине и не превращает свое собственное изделие в субъекта нравственного действия, а выстраивает в новой реальности, в новых условиях уже давно известную стратегию личностного усилия и онтологического самоопределения, сохраняя стремление быть как норму человека.

18. Такой специальной практикой восстановления нормы человека выступает гуманитарная экспертиза, выстраивающая новый вид так называемой социально-гуманитарной инженерии. Гуманитарная экспертиза, в отличие от этической, выступает моделью и практикой построения новых видов и способов социальной организации, человеческого общежития в новой гибридной социально-цифровой реальности.

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЯДУ ДРУГИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ*

Р.В. Пеннер

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
E-mail: pennerrv@susu.ru*

В статье презентирована проблема цифровой идентичности. Проблемность этого феномена обусловлена тем, что идентичность, как правило, указывает на человека или человеческие образования, в том числе, социальные группы. Цифровая идентичность, в свою очередь, выражает широкий круг акторов, который помимо самого человека включает в себя его цифровые копии, следы и отпечатки в сети, информационные ресурсы и технический базис. Отсюда эвристическими становятся методологии, зарождающиеся в контексте феминистских исследований, которые провозглашают новую фазу в становлении человека, именуемую «постчеловеческой» (Р. Брайдотти) или «компостной» (Д. Харауэй). Как кажется, на цифровую идентичность, невозможно смотреть без детально отстроенной оптики; в противном случае можно затеряться во множестве информационных потоков, что предлагает интернет. Такую оптику, в том числе, можно обнаружить в концепции медиатизации, где современность представлена как «Четвертая волна медиатизации» (Н. Коулдри, А. Хепп), что фундирована феноменом Big Data. Потому, чтобы разобраться в современной социальной ситуации и в тех практиках, что разворачиваются внутри нее, нужно провести перекалибровку антропоцентричной оптики. В том числе, в этом состоит назначение концепта цифровой идентичности.

Ключевые слова: идентичность, цифровая идентичность, цифровые технологии, цифровая антропология, виртуальная реальность

DIGITAL IDENTITY AMONG OTHER IDENTITIES

R.V. Penner

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
South Ural State University
E-mail: pennerrv@susu.ru*

The article presents the problem of digital identity. The problematic of this phenomenon is due to the fact that identity, as a rule, indicates a person or human formations, including social groups. Digital identity expresses a wide range of actors, which, in addition to a person, includes his digital copies, traces and imprints in the network, information resources and technical basis. Hence, the methodologies that originated in the context of feminist studies become heuristic, proclaiming a new phase in the development of a person, called “posthuman” (Rosi Braidotti) or “compost” (Donna Haraway). As it seems, digital identity is impossible to look at without tuned optics; otherwise, it is easy to get lost in the many information flows that the Internet offers. Such optics, among other things, can be found in the concept of mediatization, where modernity is presented as the “Fourth wave of mediatization” (Nick Couldry, Andreas Hepp), which is based on Big Data. Therefore, in order to understand the current social situation and the practices that unfold within it, it is necessary to recalibrate the anthropocentric optics. In particular, this is the purpose of the concept of digital identity.

Keywords: identity, digital identity, digital technologies, digital anthropology, virtual reality

Тематика конгресса актуализирует разработки постпозитивистов. На мой взгляд, ключевым их достижением стала установка, согласно которой ход науки нельзя вписать в жесткие рамки законов и принципов. Скорее, законы и принципы обретает выражение на материале становления конкретных наук. «Все течет,...»; течение невозможно остановить, но к нему можно приглядеться. Это течение возможно осмыслить и предложить ту теоретическую, в том числе, терминологическую рамку,

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

что отражает научную проблему в перспективе, выстраивающую направление сквозь оптику дня сегодняшнего.

В этой перспективе важное место пока остается за субъектом социальных практик, человеком и его идентичностями. С древности представление о человеке укладывается в поле бинарных оппозиций, публичное – приватное, коллективное – индивидуальное. XXI в. с его капиталистической «начинкой» все больше склоняется к частному, индивидуальному. Тот же XXI в. все чаще предлагает человеку пути и способы идентификации, что представлены за пределами мира физических предметов, в виртуальном или цифровом пространстве.

Движение человека в сети можно презентировать в двух модусах, условно обозначу их как «деятельностный» и «фланерский». Первый указывает на рациональные действия субъекта в сети, преследующие конкретную цель: работа, учеба, покупка, продажа, знакомство, презентирование себя и подобное. Фланерство, в свою очередь, задает тот модус движения в сети, согласно которому субъект ищет наслаждения и развлечения для глаза. По большому счету классический фланер, прогуливающийся по улицам Лондона, Парижа или Венеции из XIX в. немногим отличается от пользователя ПК, которого еще в 90-е гг. ушедшего века Ж. Бодрийяр обвинил в симбиозе с машиной и прозвал «Человеком Телематическим» [1]. Оба они ищут удовлетворения жажды для одного органа – глаза. Только первый удовлетворяется витиеватыми сюжетами архитектуры, природными зарисовками и «спотыкается» о лица, точнее – выражение лиц, прохожих, в том числе, прекрасных незнакомок; второй, в свою очередь, глазом «поглощает» виртуальные сюжеты и образы. Его более не удовлетворяют рамки мира физического; его жажда устремлена в мир сверх-реального, «гиперреального» [2]. Учитывая зыбкость границ между онлайн и оффлайн, – я сижу за кухонным столом или в своем любимом кресле с чашечкой ароматного кофе, и в этой утренней идиллии горит экран моего ноутбука, открыта видеоконференция, к которой подключено 20+ студентов, что внимают моим размышлениям на онлайн-лекции, – кажется, что сам человек уже стал немного гиперреальным.

Оба модуса обусловлены подключенностью человека к сети. В сети человек тоже оказывается в конкретной топике, только топике виртуальной. На место географических координат пришли координаты цифровые, IP, домен, сайт, никнейм. Та же сеть указывает не только на мои цифровые координаты здесь и сейчас, активированная геолокация утверждает мое положение (точнее, положение моего гаджета) в координатах физического мира. Все это указывает на следы человека в интернете, что выражаются в терминах непосредственно «цифрового следа» и «цифрового отпечатка» [4].

Если выстраивать понимание социальной реальности, двигаясь за цифровыми следами, велика вероятность того, что исследователь просто запутается или вовсе потеряется в цифровых координатах. Нужна оптика, позволяющая увидеть картинку целиком, не по отдельным ее фрагментам или кусочкам. Такая оптика предложена в теории медиатизации, что с 1980-х гг. разрабатывается в Европе, преимущественно в немецкоязычных странах. В попытке обосновать медийное конструирование социальной реальности, Н. Коулдри и А. Хепп изобразили историческую динамику социума «волнами медиатизации» [6]. XXI в. в их теоретической рамке именован четвертой волной, базовый элемент которой – Big Data. Субъект социальной реальности оставляет в сети множество следов, что встраиваются в поток других следов, оставляемых миллиардами субъектов из самых разных уголков планеты, где есть входы или выходы в интернет.

Феномен Big Data созидает в сети неантропологические сущности, что претендуют не только на голос, но и на влияние на голоса т.н. «живого другого». Такие сущности О. Горюнова, например, выразила феноменом «цифрового субъекта» [5]. Кажется, что цифровой субъект неразличим от своего психофизического «патрона», но не все так просто. Цифровой субъект все больше уходит от простой информационной кальки с субъекта реального. В сети сознательно или случайно психофизический субъект оставляет разные следы; эти следы генерируются и обрабатываются маркетологами и политическими спинерами; они выстраивают единое сгенерированное мнение по конкретным вопросам: что следует купить, за что проголосовать, к обсуждению чего подключиться.

Кажется, что обилие информации в сети должно освободить субъекта от доксы, предзаданного мнения. На практике оказалось, что навигировать в информационной массе без критического мышления очень сложно; субъекты подключаются к сформировавшимся информационным паттернам, дабы избежать необходимости в выработке самостоятельной ответственной позиции. Возможно, наиболее ярко это м.б. презентировано феноменом «умной толпы» (в оригинале – smart mob) [8]. Разработчик идеи, Х. Рейнгольд, называет толпу умной, потому что 1. она может читать, 2. она использует мобильные гаджеты для генерации идеи и управления участниками. В качестве иллюстрации концепта американский социолог обращается к акциям-протестам, в рамках которых инициативные группы от народа смогли изобличить коррупционную политику правительства

(Филиппины, 2001 г.; Египет, 2010 г.) или милитаризированные действия бизнес-структур (протесты в Сиэттле, США, 1999 г.). Smart mob'ы функционируют как единое целое посредством беспроводной связи. Через smart mob'ы социальные и политические меньшинства получают голос, звучание которого не тише голосов ключевых политических фигур. Вместе с тем, признает Х. Рейнгольд, толпа остается толпой, какой бы умной она ни была. В свою очередь, классики в исследованиях толпы еще в конце XIX в. утвердили, что в толпе нет личности; эмоциональная волна растворяет все инородное внутри себя и сметает все внешнее на своем пути.

Однако изначальный вопрос касался идентичности человека, точнее цифровой идентичности. В свете того, что было сказано выше, принципиально важным становится то, что цифровая идентичность с необходимостью не указывает на человека. Цифровой идентичностью обладают цифровые субъекты, цифровые агенты, цифровые топики и даже техника, что обеспечивает саму возможность обмена информацией в сети. Потому в плане изучения цифрового эвристический потенциал обретают методологии из феминистских исследований. Еще в 1997 г. Д. Харауэй, кто одна из первых провозгласила идейное родство с киборгами, в ответ на изобретение онкомыши признала это трансгенное животное «единокровной»: «Самка она или самец, он(а) – моя сестра» [цит. по 3, с. 144]. Р. Брайдотти, в свою очередь, сосредотачивается не на конкретных кейсах, а на проблеме в целом, что определяет как «центричную природу европейских притязаний на универсализм» [3, с. 51]. В ответ на проблему Р. Брайдотти разработала концепцию постчеловека, вышедшую из контекста Зоецентричного эгалитаризма, что признана (концепция постчеловека) соединить «ранее разделенные виды, категории и сферы» [3, с. 118]. В отличие от трансгуманистов подход Р. Брайдотти не техноцентричен. Чтобы выжить человеку недостаточно симбиоза с техникой; ему нужно избавиться от антропоцентричной призмы, дабы восстановить утраченную гармонию с природой и всем живым.

В 2016 г. Д. Харауэй заключает: «Я не постгуманистка, я – компостистка» [7]. Постгуманизм так или иначе возвращает нас к гуманистическому центру. Безусловно, речь идет о преодолении антропоцентризма, но отправной точкой этого преодоления остается человек. Тогда Д. Харауэй забрасывает в социально-гуманитарный дискурс новую метафору, «компост». В компосте все инородное рано или поздно обратиться в единое, подобное. Так и человек, в дискурсе Д. Харауэй, существует (или должен существовать) в «компосте» с другими видами, а не над или под ними.

Для цифровой идентичности следует изначально задавать предельно широкую рамку, которая полагает не только и, возможно, не столько человека. Цифровая идентичность есть вариант генерации информационных потоков с целью именованности человека, социальной группы, народа, государства (или содружества государств), а также информационных ресурсов, социальных сетей и разных меньшинств (в том числе, исчезающих из природы видов животных, флоры и фауны), что заявляют о себе в сети или о ком в сети заявляют.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2014. 260 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2011. 230 с.
3. *Брайдотти Р.* Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
4. *Листвина Е.В.* Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. 2020. № 7-8. С. 14-18.
5. *Couldry N., Hepp A.* The mediated construction of reality: society, culture, mediatization. MA: Polity Press, 2016. 278 p.
6. *Goriunova O.* The Digital Subject: People as Data as Persons // Theory, Culture and Society. 2019. Vol. 36. No 6. Pp. 125-145.
7. *Haraway D.J.* Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene (Experimental Futures). Duke University Press Books, 2016. 312 p.
8. *Rheingold H.* Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, 2002. 266 p.

МАРГИНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ЦИФРОВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

О.А. Блинова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социокультурного развития территории
Екатеринбургская академия современного искусства
E-mail: olesyablinova79@yandex.ru*

Ю.А. Горбунова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Московский университет им. С.Ю. Витте
E-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru*

В статье анализируется трансформация общественно-политического участия молодежи, вызванного развитием интернет-пространства и цифровых практик социального, политического участия. В современной ситуации в сферу digital перемещаются не только социальные контакты, образовательные и культурные инициативы, но и обретение, формирование и становление личностных качеств и характеристик.

Авторами предпринята попытка проанализировать специфику формирования гражданской субъектности молодежи в цифровом пространстве. Обнаруживается гибридный и маргинальный характер гражданской субъектности молодежи, характеризующийся отказом от негативного понимания данного феномена. В контексте работы маргинальность рассматривается как отказ от предзаданности поведения, расширения правил, формирования новых социальных групп и пространства. Качество цифровой гражданской субъектности зависит от уровня осознания значимости своего непосредственного, т.е. не только online, но и offline, участия в принятии решений, направленных на изменение текущей социально-политической ситуации. На основе этого выделено два типа гражданской субъектности: протестная, сосредоточенная на противоречиях, и ответственная гражданская субъектность, реализующая практику сотрудничества и поиска конструктивного разрешения имеющихся противоречий и конфликтов. Таким образом, цифровая гражданская субъектность обладает большим арсеналом реализации активного участия молодежи в жизни страны.

Ключевые слова: цифровая гражданская субъектность, маргинальность, общественно-политическое участие, активность, вовлеченность

THE MARGINAL NATURE OF DIGITAL CIVIC SUBJECTIVITY

O.A. Blinova

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Socio-Cultural Development of the Territory
Yekaterinburg Academy of Contemporary Art
E-mail: olesyablinova79@yandex.ru*

Yu.A. Gorbunova

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
Witte Moscow University
E-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru*

The article analyzes the transformation of socio-political participation of young people caused by the development of the Internet space and digital practices of social and political participation. In the modern situation, not only social contacts, educational and cultural initiatives are moving into the digital sphere, but also the acquisition, formation and formation of personal qualities and characteristics. The authors attempt to analyze the specifics of the formation of civil subjectivity of youth in the digital space. The hybrid and marginal nature of the civic subjectivity of youth is revealed, characterized by the rejection of a negative understanding of this phenomenon. In the context of the work, marginality is considered as a rejection of the predestination of behavior, the expansion of rules, the formation of new social groups and spaces. The quality of digital civic subjectivity depends on the level of awareness of the significance of its immediate, i.e. not only online, but also offline, participation in decision-making aimed at changing the current socio-political situation. Based on this, two types of civil subjectivity are distinguished: protest, focused on contradictions, and responsible civil subjectivity, implementing the practice of cooperation and finding constructive solutions to existing contradictions and conflicts. Thus, digital civil subjectivity has a large arsenal of implementing active participation of young people in the life of the country.

Keywords: digital civic subjectivity, marginality, socio-political participation, activity, involvement

Возникшая в 1991г. благодаря Тиму Бернерсу-Ли сеть Интернет разделила общество на цифровых аборигенов и цифровых иммигрантов [1]. Если для цифровых иммигрантов культура, как говорил Ю. Лотман, – это границы, в которых мы движемся [2], то для цифровых аборигенов мир – это синергия, самоорганизующаяся сеть. Вся жизнь цифровых аборигенов – людей, с младенчества находящихся в тесном контакте с различными гаджетами и сетью Интернет, проходит в пантеистическом единстве реального и виртуального миров. В связи с чем и сама экзистенция переместилась в цифровое пространство.

Если социализация человека доцифровой эпохи происходит в тесном и непосредственном контакте с Другими, то усвоение культурного опыта человека поколения Digital Natives (центениалов, Z или IGen) осуществляется online. Количество социальных контактов цифровых аборигенов, т.н. число Данбара, уходит далеко за тысячу, в то время как оптимальным для формирования устойчивых социальных связей является число контактов равное 150. Это приводит к утрате связей с локальными персонализированными сообществами и к возникновению социальных гиперсетей, с одной стороны, угрожающих обвалом реальным устойчивым социальным связям, а с другой, помещающих человека в неисчислимый поток информации.

Информация, с которой сталкиваются современные молодые люди, поступает из большого количества Интернет-каналов и содержит самые различные взгляды на одни и те же события, минимизируя воздействие государственной и иной пропаганды. Это отличает центениалов от представителей старшего поколения, основным информационным источником которых является телевидение с присущей ему спецификой подачи материала. Но несмотря на множество инструментов анализа поступающей информации, имеющихся в распоряжении молодых людей, они испытывают сложности с ее верификацией, поскольку не стремятся к ее критическому анализу. Это вызвано тем, что согласно статистике [3], происходящие в стране события мало интересуют молодых людей в возрасте до 30 лет, предпочитающих развлекательный интернет-контент. Заинтересованность и вовлеченность в происходящее в обществе и государстве, по статистическим данным, приходит ближе к возрасту 35 лет. Причина этого может заключаться в том, что все основные социально-значимые качества молодые люди обретают в Интернет-пространстве.

Необходимо иметь в виду, что на сегодняшний день любая форма общественно-политического участия сопряжена со стремлением к изменению текущей ситуации и созданием новых форм взаимодействия и сотрудничества. Качественно, определяющим уровень активности общественно-политического участия человека является гражданская субъектность. Исследователи гражданской субъектности (А.В. Алексеева [4], Е.В. Бродовская [5], И.А. Симонова [6]) сходятся во мнении, что гражданская субъектность – не просто качество личности, характеризующееся наличием осознанной гражданской позиции и пониманием необходимости активного общественно-политического участия, но в первую очередь, это активность, практика включенности молодых в сети общественно-политических отношений, реализуемая в воплощении ими системы сформированных установок и выбранной стратегии совместного построения и конструктивного обживания общественного пространства на основании потребностей, разделяемых с референтной группой при помощи релевантной ей системы инструментов [6, С. 8]. Позитивные эффекты включенности в общественно-политический процесс можно обеспечить, заменив систему принуждения практикой сотрудничества и справедливости, выражающейся в открытом участии молодежи в принятии управленческих решений, а также формированием навыка самоограничения. При этом инструменты и формы общественно-политического участия значительно расширяются.

Цифровая форма гражданской субъектности имеет одно принципиальное отличие от традиционной гражданской субъектности, обретаемой в процессе непосредственного активного взаимодействия с общественно-политическими движениями и организациями. Обретение цифровой гражданской субъектности происходит в ходе постоянного серфинга по Интернет-каналам, что вносит в данный процесс элемент хаотичности, нерегулируемости и самоорганизации. Отсутствие организационной привязки приводит к тому, что результат обретения гражданской субъектности оказывается непрогнозируемым и неконтролируемым. Данное обстоятельство позволяет нам характеризовать цифровую гражданскую субъектность как маргинальную.

Традиционно маргинальность (в том числе, политическая или гражданская) понимается как промежуточное, временное, переходное, зачастую дисфункциональное состояние субъекта. В условиях цифровизации, умножения и диффузии границ реального и виртуального пространств, становления Digital World маргинальность утрачивает исключительно негативное значение и превращается в тренд общественно-политического участия молодежи в жизни общества и

государства. В цифровом пространстве маргинальность (номадизм, нео-кочевничество, социальный серфинг и т.д.) становится новой нормой. Маргинальный характер гражданской субъектности также определяет ее как нелинейную и вирулентную, лишенную институциональных оснований, находящейся в состоянии дрейфа между традиционными и альтернативными формами проявления. Другой особенностью цифровой гражданской субъектности является ее гибридность, т.е. обретение в Интернет-пространстве, а реализация в т.ч. и в пространстве реальном. Цифровые ресурсы предоставляют большие возможности для доступности и вовлеченности молодых людей в общественно-политическое участие, взаимодействия с институтами власти, защиты и лоббирования интересов молодежи в реальном пространстве.

В зависимости от понимания молодежью значимости своего участия в общественно-политических процессах, гражданскую субъектность, обретаемую в digital пространстве, можно разделить на два типа:

- конфликтногенную, протестную гражданскую субъектность: фокус внимания сосредоточен на существующих в общественно-политическом пространстве противоречиях, их абсолютизация и частичный отказ от подчинения этическим и правовым нормам, поскольку цифровое пространство предоставляет всем своим участникам право голоса и право на изменения. В результате формируется позитивное отношение к протестному и конфликтному поведению, реализующемуся зачастую через агрессию и насилие;

- неконфликтногенную, ответственную гражданскую субъектность, маргинальный характер которой проявляется в преодолении давления среды, формировании новых правил, ценностей и границ новых социальных групп [7]. Основным принципом становления данного типа гражданской субъектности является принцип DIT (do it together – сделайте это вместе), основанный на интеграции и направленный на поиск совместных конструктивных решений. Принцип DIT формирует новую модель открытого участия в принятии управленческих решений, опирающуюся на культуру краудсорсинга и просьюмеризма, согласно которой сообщество информированных граждан как целое может в большей степени способствовать развитию политики, чем закрытая группа носителей политических решений, хотя последние квалифицированной [8]. Молодые люди, обладающие данным типом гражданской субъектности, зачастую становятся экспертами или ЛОМами (лидерами общественного мнения), определяющими основные тренды молодежного поведения как online, так и в пространстве физическом.

Подводя итог, можно сделать вывод, что Интернет-пространство и цифровые каналы социального взаимодействия и получения информации продолжают играть значимую роль в общественно-политической жизни страны. Смещение процесса обретения онтологически значимых качеств личности, таких как, например, гражданская субъектность, в digital пространство породило как расширение форм и практик общественно-политического участия молодежи, так и изменение характера активности. Поколение Digital Natives как субъекты цифровой гражданской активности отказывается от традиционного общественно-политического участия, основанного на долге и установленных правилах, в пользу маргинальности, основу которой составляет формирование новой среды и новых форм активной, сопряженной с интерактивным взаимодействием и консолидацией, вовлеченности в процесс принятия управленческих решений, опирающихся на низовые инициативы.

Литература

1. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants. URL: marcprensky.com>...Digital Natives...Immigrants... (дата обращения: 27.03.2022).
2. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры. 1996. 464 с.
3. Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (дата обращения: 27.03.2022).
4. *Алексеева А.В.* Гражданская субъектность в России: опыт и проблемы формирования. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15550661> (дата обращения: 27.03.2022).
5. *Бродовская Е.В.* Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39387583> (дата обращения: 27.03.2022).
6. *Симонова И.А.* Гражданская субъектность молодежи: от анализа концепции к оценке и коррекции ситуации. URL: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-2-3-15> (дата обращения: 27.03.2022).
7. *Дедюлина М.А.* Маргинальность современного бытия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15104110> (дата обращения: 27.03.2022).

МОРАЛЬНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ИСКУССТВЕННОЕ Я?

Н.В. Данилкина

*Кандидат философских наук,
аспирант Института экспериментальной биологии и медицины
Псковский государственный университет
E-mail: natalia.links@yandex.ru*

Статья обращена к проблеме аутентичности как морально-духовной проблеме современности. Рассматриваются подходы к определению аутентичного и неаутентичного «я» в современной философии. Понятие аутентичности человека как морального субъекта реконструируется на основании текстов Николая Гартмана. Обсуждается актуальность данного понятия в контексте исследований в области робототехники по развитию искусственного «я». Как доказывает Гартман, свобода (возможность поступить так или иначе) делает человека несовершенным исполнителем требований долга, что отличает его от машины. Кроме того, моральные ценности представляют собой исключительно ценности подлинной, а не сфабрикованной личности (они могут быть отнесены к поступкам, волеию, целеполаганию, занятию позиции). Нравственное воспитание как развитие ценностного чувства неосуществимо посредством передачи этического знания, информации, оно требует некоторого эмоционального побуждения, вовлеченности в ситуацию.

Ключевые слова: моральный субъект, нравственное воспитание, ответственность, личность, искусственно-интеллектуальные системы, возможность, возможный мир, Николай Гартман

HUMAN MORAL AUTHENTICITY OR AN ARTIFICIAL SELF?

N.V. Danilkina

*CSc in Philosophy,
Postgraduate student of the Institute of Experimental Biology and Medicine
Pskov State University
E-mail: natalia.links@yandex.ru*

In this paper, I will address the problem of authenticity as a moral and spiritual problem. In the first part, I will present a few approaches to the definition of authentic and non-authentic "I" in modern philosophy. Then, the concept of human authenticity as a moral subject will be reconstructed on the basis of the texts of Nicolai Hartmann. In the final part, I will discuss the relevance of this concept in the context of research in the field of robotics on the development of an artificial «I». As Hartmann argues, freedom (the ability to do one way or another) makes a person an imperfect executor of the requirements of duty, which distinguishes her from a machine. In addition, moral values are exclusively the values of a genuine, and not a fabricated personality (they can be attributed to actions, will, goal-setting, taking a position). Moral education as the development of a value feeling is not feasible through the transfer of ethical knowledge or information; it requires some emotional motivation, involvement in the situation.

Keywords: moral subject, moral education, responsibility, personality, artificial intelligence systems, possibility, possible world, Nicolai Hartmann

В современной философии высказывается мнение о том, что мы живем в эпоху аутентичности, когда человек считает себя вправе следовать собственным духовным путем [2; 7]. И, хотя речь пойдет не об аутентичности предметов, а именно об аутентичности человека, будет не лишним в самом начале упомянуть о том, что именно человек и человеческие сообщества решают, является ли нечто аутентичным, а аутентичное ценным – даже если речь идет о товаре или услуге, образ которых

сконструирован рекламным агентством или социальным окружением. По мнению Сомоги Варга (Somogy Varga), не что иное как идеал *личной* аутентичности руководит выбором аутентичных вещей (например, брендовых товаров). Этот широко распространившийся идеал, оказывающий мощное влияние на современную массовую культуру, Варга определяет, в самом общем смысле, как то, что человек ведет такую жизнь, которая выражает его собственное представления о себе [9].

В первой половине двадцатого века возникла философская дискуссия по поводу термина «аутентичность» применительно к человеческому «я». Ее участники были далеки от утилитаристских трактовок данного термина и понимали аутентичное отнюдь не как нечто связанное с самовыражением в социальных кругах. Прямо противоположно, в работе «Бытие и время» (1927) Мартин Хайдеггер утверждал, что существование, протекающее в своей повседневности как часть общего «я» (или «они»), является неаутентичным. И только один на один с самим собой, отстранившись от всего конвенционального, человек аутентичен. Отсюда путь к себе может быть понят как освобождение от социально-исторических ограничений [3].

Николай Гартман, однако, оспорил такую точку зрения вскоре после того, как она была высказана. Отстранение, изоляция человека, полагал он, не является условием аутентичности, но ведет к фальсификации. Пока индивиды действительно остаются внутри общего духа и пока они живут и чувствуют исходя из общего понимания, не будет неаутентичности и фальсификации; духовная неаутентичность, по мнению Гартмана, всегда будет следствием зарождающегося индивидуализма [5]. Как показывает анализ литературы, относительно недавний опыт финансового кризиса подтолкнул бизнес к переосмыслению ценностей корпоративной культуры, а вместе с ними, и понятия аутентичности в направлении чего-то большего, чем «быть верным себе» и «поступать в соответствии со своими ценностями»: «Аутентичность становится проектом поиска этого уникального выражения нашей собственной человечности, учитывающего как индивидуальные (и внутриспсихические), так и общественные (и интересубъективные) устремления»: «Authenticity becomes the project of finding this unique expression of our own humanity that takes account of both individual (and intra-psychic) and community (and inter-subjective) aspirations» [4, p. 21].

Тексты Хайдеггера и Гартмана, при всех непримиримых разногласиях, отражают тот самый переход к философии и культуре поздней модерности, о котором Чарльз Тейлор (Charles Taylor) сказал как о переходе от эпохи автономии субъекта к эпохе аутентичности. Если Хайдеггер явился одним из разрушителей декартовой парадигмы и кантовской автономии субъекта, то Гартман предлагает своеобразный проект этики, сохраняющий оба дискурса: автономии и аутентичности, переводя разговор об автономии в сферу онтологии. Хорошо различимо и другое отличие. Хайдеггер освобождает аутентичное «я» от историко-культурных условностей, которыми поглощен человек в своей повседневности. Для Гартмана причастность к общему постгегелевскому «духу» как некой историко-культурной целостности является непременным условием аутентичности субъекта.

Впервые Гартман поднял вопрос аутентичности человеческой личности в контексте возможной фальсификации в своей «Этике» (1926). В этом трехтомном сочинении Гартман критикует неокантианство и отчасти примыкает к феноменологии ценностей, понимая ее как некоторую ступень в построении собственной онтологии. Здесь закладываются основные понятия его моральной философии.

Этос понимается Гартманом как внешнее и внутреннее поведение человека. Внутреннее поведение означает принятие человеком той или иной позиции по отношению к ценности и определяет направление, нацеленность действия. Но этос, или поведение, – это еще не сама личность. Согласно Гартману, человека как личность характеризует, прежде всего, наличие свободы. Свобода – последняя инстанция в вынесении решения о принятии или неприятии ценностей либо их антиподов; это сама *возможность* занятия любой внутренней позиции и определения направленности поведения. Понимаемая таким образом свобода делает человека несовершенным исполнителем требований долга, что отличает его от машины. Личность свободно принимает на себя должностное и благодаря этому становится носителем определенных моральных ценностей, таких, например, как честность или верность. Моральные ценности – это высшие ценности, которые представляют собой исключительно ценности личности и ее деятельности (они могут быть отнесены к поступкам, волеию, целеполаганию, занятию позиции).

Рассмотренные нами понятия – поведение (этос), личность, моральные ценности и свобода – являются ключевыми для понимания гартмановского видения моральной аутентичности человека. Как отмечает философ, и человеческая личность, и этос могут быть скопированы, сфабрикованы. Скопированный этос, которым человек в действительности не обладает, внешне сконструированная

личность будут разоблачены при серьезном испытании. Обнаружится это «неразвитый, обедненный, дезориентированный в предпочтениях и слабеющий из-за искаженности» [1, с. 481].

Личность должна морально развиваться, а это предполагает постоянную практику принятия собственного решения, совершения собственного выбора. Наличие возможности выбора создает некое внутреннее колебание как условие собственного нравственного опыта. Собственно, согласно Гартману, свобода и состоит «исключительно в принципиальной возможности поступать так или иначе, в непринужденности поступка», что делает бытие человека нравственным [1, с. 550]. Мы могли бы представить себе бытие совершенное, лишённое этой непринужденности или, грубо говоря, человеческого «своеволия», но это было бы нравственно индифферентное бытие. Свобода как возможность, по Гартману, не обязательно выявляется в ситуации конфликта поведенческих мотивов и долженствований. Она присутствует как естественная, неотъемлемая черта личности даже там, где нет никакого нравственного конфликта, и даже тогда, когда принятие решения не требуется.

Гартмановское противопоставление личности как реально существующего практического субъекта искусственно созданной копии вызывает особый интерес в контексте исследований развивающей робототехники и высокотехнологичных разработок искусственных «я». Имея потенциал к развитию и обучению и даже свой сенсомоторный «опыт», искусственно-интеллектуальные системы не действуют непринужденно, а значит нравственно, в гартмановском смысле. В развитие мысли, можно сказать, что роботу не свойственно проживание собственного нравственного опыта свободы как возможности поступить так или иначе. Следовательно, он не несет ни вины, ни ответственности.

К этому выводу следует добавить несколько слов о том, как возможно нравственное воспитание. Гартман понимает под нравственным воспитанием развитие ценностного чувства, или способности различать ценное. Такое воспитание неосуществимо посредством передачи этического знания, информации, оно требует некоторого эмоционального побуждения. Возможно, с точки зрения Гартмана, воспитание человека человеком – своего рода нравственное водительство, проведение в богатства духовной жизни. Но и здесь человек может увидеть лишь то, что способен увидеть своими глазами, участвовать только как непосредственный участник. Впоследствии важность вовлеченности человека в ситуации, требующие самостоятельного решения, обсуждается философом в книге «Проблема духовного бытия» (1933). Здесь моральное самовоспитание – это путь совершенствования способности различать между аутентичным и неаутентичным и необходимое условие формирования личной ответственности [3].

В сочинении «Возможность и действительность» (1938) Гартман раскрывает особое понимание возможности, которое также имеет значение для нашего анализа. Как отмечает Фредерик Трэмблей (Frédéric Tremblay), это понимание отличает Гартмана от современных и предшествующих ему немецких философов-идеалистов [8]. Сам же философ указывает на то, что его понимание противоречит обыденному, привычному пониманию возможности как «мыслимого бытия» (Denkbarsein): «то, что сейчас не реально, вполне «может» «быть вообще», т.е. может стать или уже было реальным»: «man sie im Alltag wohl als ein Denkbarsein versteht; was nicht zur Zeit wirklich ist, „kann“ wohl „überhaupt sein“, d. h. es kann wirklich werden oder gewesen sein» [6, p. 130].

В действительном, сплошь детерминированном мире (даже свобода – особый вид детерминации) возможность – это не потенциальность, но актуальность. Нечто «возможно», если выполнены все предпосылки к его существованию. Иными словами, если что-то «возможно», то оно уже «есть». Модальность, которой в данном случае придерживается Гартман, близка к Мегарской школе философии и отлична от более распространенной точки зрения, восходящей к Аристотелю, которая утверждает: событие может случиться, если выполняется часть предпосылок к его наступлению. Это, полагает Гартман, чисто логическое, эпистемологическое понимание возможного [6].

Таким образом, даже если предположить, что искусственно-интеллектуальная самообучающаяся система могла бы уподобиться человеческой личности в случае разработки иного мира со своим набором предпосылок, ее реальность не была бы реальностью. Никакой виртуальный мир не возможен как реальный, поскольку само понятие реальной возможности (Realmöglichkeit) – тотальной, бытийной, а не частичной, событийно-проективной – исключает возможность «других» миров.

Литература

1. Гартман Н. Этика / Перевод А.В. Глаголева. М.: Владимир Даль, 2002. 707 с.
2. Степанова Е.А. Вера как возможность: Чарльз Тейлор об эпохе секулярности // Страницы: богословие, культура, образование. 2017. № 1 (21). С. 20-36.

3. *Anowai E., Chukwujekwu S.* The Concept of Authentic and Inauthentic Existence in the Philosophy of Martin Heidegger: The 'Quarrel' of Communitarians and Libertarians // *Review of European Studies*. 2019. No 1. P. 1-7.
4. *Freeman R., Auster E.* Values, Authenticity, and Responsible Leadership. *Journal of Business Ethics*. 2011. 98. 15-23.
5. *Hartmann N.* Das Problem des geistigen Seins. Untersuchungen zur Grundlegung der Geschichtsphilosophie und der Geisteswissenschaften. Berlin- Leipzig: Walter de Gruyter, 1933. 482 S.
6. *Hartmann N.* Möglichkeit und Wirklichkeit. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1938. 481 S.
7. *Taylor Ch.* A Secular Age. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. 871 p.
8. *Tremblay F.* Historical Introduction to Nicolai Hartmann's Concept of Possibility // *Axiomathes*. 2017. Vol. 27. P. 193-207.
9. *Varga S.* The Paradox of Authenticity // *Télos*. 2011. 156. P. 113-130.

ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭКОГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Д.В. Соломко

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Южно-Уральского государственного университета
E-mail: dimiurg85@mail.ru*

В статье исследуется эффект доминанты использования цифровых технологий в образовательной деятельности. Обозначаются основные особенности коммуникационного процесса образовательной деятельности в цифровом формате: увеличение объемов информации, повышение скорости ее создания и распространения, существенное упрощение способов ее передачи. При всем преимуществе использования цифровых технологий в образовательной деятельности есть и обратная сторона. Воздействие цифровых технологий на человека как главного субъекта образовательной деятельности не однозначно. Степень и качество освоения информации, когда бы она становилась «личностной», когда в личностном смысле человек что-либо приобрел, резко снижается. Возможности и мощь современных цифровых технологий актуализируют потребность исходить из экогуманистического подхода в образовательной деятельности, где не предполагается отказ от цифровых технологий, но имеется в виду оптимальное использование всех средств образовательной деятельности, с учетом обнаружения и сохранения их человекотворческих (гуманистических) возможностей.

Ключевые слова: цифровые технологии, образовательная деятельность, диджитализация, антропологическая экспертиза, экогуманистический подход, оптимальность

FEATURES OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN EDUCATIONAL ACTIVITIES: AN ECOHUMANISTIC APPROACH

D.V. Solomko

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
South Ural State University
E-mail: dimiurg85@mail.ru*

The article examines the effect of dominant use of digital technologies in educational activities. The main features of the communication process of educational activities in digital format are indicated: an increase in the amount of information, an increase in the speed of its creation and distribution, a significant simplification of its transmission methods. With all the advantage of using digital technologies in educational activities, there is a reverse side. The impact of digital technologies per person as the main entity of educational activities is not definitely. The degree and quality of the development of information, whenever it became a «personal» when a person acquired something in the personal sense, decreases sharply. The possibilities and power of modern digital technologies actualize the need to proceed from an

eco-humanistic approach in educational activities, where digital technologies are not expected, but it refers to the optimal use of all means of educational activities, taking into account the detection and maintenance of their personnel (humanistic) opportunities.

Keywords: digital technologies, educational activities, digitalization, anthropological examination, ecohumanistic approach, optimality

Использование современных цифровых технологий, в том числе и в образовательной деятельности, дает возможность объединять текст, звук, графику, фото и видео в единый мультимедийный продукт на одной цифровой площадке, которая может быть практически любым цифровым / техническим устройством: персональный компьютер, ноутбук, планшет, смартфон. Диджитализация обусловила специфику коммуникационного процесса образовательной деятельности, особенностью которого стало многократное увеличение объемов информации, повышение скорости ее создания и распространения, а также существенное упрощение способов её передачи. Все это повысило степень проникновения цифровых технологий в образовательный процесс современного человека и усилило влияние на его образ мышления и поведения. Можно сказать, что с развитием и повсеместным использованием в образовательной деятельности цифровых технологий укрепляется доминирующая позиция «информационной парадигмы» образования. Однако степень и качество освоения информации, когда бы она становилась «личностной», когда в личностном смысле человек что-либо приобретал, резко снижается. Обучающийся просто не справляется с ее объемом, он не успевает ее как следует обдумать, осмыслить. В этой ситуации человек, вероятно, успевает наработать чисто технические навыки по ее обработке (что тоже важно), сформировать умение работать с постоянно обновляющейся информацией, использовать ее в прагматических целях. Однако это не значит, что она освоена/осмыслена, стала знанием.

Доминанта цифровых технологий в образовательной деятельности (когда концептуальные основания формируются постфактум, «за» технологиями, а должны, наоборот, фундировать технологии) закрепляет чисто функциональный, технико-технологический, узко-рациональный подходы, которые не учитывают всю сложность и неопределенность основного объекта/субъекта образовательной деятельности – человека. Эта сложность фактически обуславливает «уход» от человека в образовательной деятельности. Формируемые в высшей школе компетенции не оптимальным образом соотносятся. Доминируют по содержанию компетенции, связанные с набором необходимых профессиональных качеств (что тоже важно), а универсальные компетенции сводятся к мировоззренческой подготовке, овладению основными навыками коммуникации, письменной и устной речи и т. п. Однако главная задача образовательной деятельности в целом (в гуманистическом смысле) человекообразовательная. Ее общий смысл – «образовывать» человека не только как специалиста (профессионала, функционера), но и формировать человеческо-личностные компетенции.

Вопрос о перспективах человека как особого рода сущего, сохранении человека и человеческого в нем, его живого начала (*непосредственного сцепления в единство всех природных и социокультурных свойств человека, всякий раз воспроизводящееся в уникальной форме*) в образовательной деятельности представляется одним из актуальных и может быть решен посредством развития и расширения вектора «экогуманизации образования». Экогуманистический подход в образовательной деятельности определяется как альтернатива укрепляющейся тенденции «технологизации/цифровизации образовательной деятельности» и связан с тем, что приобщение к новым цифровым технологиям должно сопровождаться осмыслением как их человекообразующих возможностей, так и неблагоприятных рисков (низкая социализация, гиподинамия, снижение умственной активности и т. п.). Недопустимо чисто функциональное освоение и использование современных цифровых технологий в образовательной деятельности (оно безответственно по отношению человека к самому себе), такое отношение способствует тому, что «многие люди предпочитают выбирать тренд «ухода» из жизни в качестве активного, мыслящего субъекта, принимающего решения» [2].

Возможности и мощь современных цифровых технологий актуализируют потребность экогуманистического измерения отношений между субъектами образовательной деятельности, где не предполагается отказ от цифровых технологий, но имеется в виду оптимальное использование всех средств образовательной деятельности, с учетом обнаружения и сохранения их человекообразующих (гуманистических) возможностей.

Экогуманистический подход в образовательной деятельности – это не то же самое, что «экология образования». Последнее часто определяется как: 1) распространение экологических знаний об экологической безопасности, информации об окружающей среде и использовании природных

ресурсов [1]; 2) педагогическая парадигма, направленная на становление экологической личности и формирование у нее экологического сознания, экологической культуры, экологической ответственности и экологической безопасности; 3) совокупность экологических компетенций, включающих знания, ценности, умения и навыки, реализующихся в природосообразном поведении, направленном на улучшение окружающей среды.

Экогуманистический подход предполагает общее направление и общую ориентацию образовательной деятельности (в теоретическом и практическом смыслах) на сохранение/воспроизводство ее антропологических, гуманистических и аксиологических оснований и смысла. Экогуманистический подход не отменяет содержательного разнообразия в образовательном процессе и нелинейности в моделях его освоения учащимися. При этом содержание образования имеет комплексный характер: включая синтез фундаментально-метафизических оснований и научного знания о человеке и учитывая не только отношения человека с миром природы (естественным), но и все отношения человека с «миром человека» (искусственным – антропо-социо-культурной средой). Экогуманистический подход основан на принципах оптимальности, координации, приоритета целостности в отношениях между человеком и всем многообразием его мира.

В современной образовательной деятельности происходит своеобразная экспансия со стороны цифровых технологий. Конечно, в том числе, и по вынужденным/объективным причинам (условия борьбы с вирусом Covid-2019). Человек традиционно создает технологии, ориентируясь на себя, потребности усиления собственной силы как субъекта. Но увлекшись этой технологической гонкой, человек сам ставит себя в зависимость от созданного им же технико-технологизированного мира. Цифровые технологии в образовательной деятельности становятся все более изощренными, создавая невиданные возможности для человека в решении самых разных задач, но и заменяя собой человека. Однако никакие технологии вопросов о бытии и смысле человеческой жизни не ставят и не решают. Их необходимо ставит и решает только человек. Цифровые технологии, информационно «поддерживающие» в этом человека, сами по себе не представляют угрозы. Смысложизненные вопросы, соответствующие экзистенциальным и аксиологическим аспектам бытия современного человека, являются своеобразной границей возможностей цифровизации. Но такого рода вопросы – неперемнная часть образовательной деятельности.

Логику использования цифровых технологий в образовательной деятельности следует сопрягать с задачей поддержания максимально продуктивного воспроизводства универсальности человека и его целостности. Успешное решение этой задачи требует опоры на «осмысляющее раздумье» [3].

Важнейшим вопросом любых программ развития образования является вопрос о том, каков стандарт «образованного» человека? В ориентации на этот вопрос необходима антропологическая экспертиза цифровых технологий в образовании, поскольку их конечные цели связаны с обеспечением качества жизни человека в социальном и антропологическом смыслах [2]. Антропологическая экспертиза может осуществляться не только специально созданными группами экспертов, но и с участием всех тех, кто непосредственно вовлечен в образовательный процесс (В. А. Луков, С. А. Смирнов, Б. Г. Юдин).

В решении этих вопросов может реализоваться теоретический потенциал и практическая значимость философской антропологии в качестве основы выработки экогуманистических принципов образования. Для современного человека важно, опираясь на возможности цифровых технологий, активно и осознанно воспроизводить (в том числе и в образовательной деятельности) себя как антропологическую целостность в единстве онтологических и экзистенциальных констант, как сознательного и целеустремленного деятеля (субъекта). «Новая архитектура образования» невозможна без или вне цифровых технологий. Однако их использование следует нацеливать на овладение информацией, превращение ее в «личностное знание», без которого невозможно самоопределение человека. Такое знание предполагает рефлексию над информацией, понимание ее личностного смысла и значения. Без подобного отношения информация утрачивает антропологическое измерение, человек не становится знающим, знание не выступает основой ответственного поведения, развития и саморазвития личности.

Литература

1. Об охране окружающей среды: Федеральный Закон от 10.01. 2002 г. № 7-ФЗ. ст. 74 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823 (дата обращения: 26.04.2022).

2. *Смирнов С. А.* Антропологическая платформа для национальной технологической инициативы (приглашение к дискуссии) // *Философская антропология*. 2018. Т.4. № 2. С. 69-80.
3. *Хайдеггер М.* Отрешенность [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 26.04.2022).

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК КОМПОНЕНТ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ*

Е.Г. Миляева

*Старший преподаватель кафедры философии
Южно-Уральский государственный университет
E-mail: miliaevaeg@susu.ru*

Знания, умения и навыки, позволяющие создавать медиаконтент в интернете, являются важным компонентом цифровой грамотности современного преподавателя согласно моделям ЮНЕСКО (2011) и Аналитического центра НАФИ (2019). Самопрезентация преподавателя в социальных сетях как практическое применение умений, знаний и навыков создания медиаконтента позволяет оставлять цифровой след в форме личных страниц, чатов, групп. Цифровая самопрезентация преподавателя требует как достаточных технических навыков владения компьютерной техникой и программным обеспечением, так и соблюдения норм российского законодательства и сетевого этикета в процессе осуществления коммуникации и создания контента. Цифровой «автопортрет» в социальных сетях позволяет эффективно представить обществу как личные, так и профессиональные качества преподавателя в актуальном современном формате.

Ключевые слова: самопрезентация, социальные сети, цифровая антропология, цифровая грамотность, цифровой след, преподаватель

SELF-PRESENTATION IN SOCIAL NETWORKS AS A COMPONENT OF DIGITAL LITERACY OF A MODERN TEACHER

E.G. Miliaeva

*Senior Lecturer of the Department of Philosophy
South Ural State University
E-mail: miliaevaeg@susu.ru*

Knowledge, needs and skills that create media content on the Internet are important components of the modern literacy of a modern teacher according to the figure of UNESCO (2011) and the NAFI Analytical Center (2019). Self-presentation of a teacher in social networks as a practical application of the skills and abilities of creating media content allows you to provide a digital footprint in the form of individual pages, chats, groups. The digital self-presentation of a teacher requires sufficient technical skills in computer equipment and software, as well as the standard of Russian legislation and a network label in the process of communication and accumulation. A digital «self-portrait» in social networks allows you to freely present to the public both worthy and professional teachers in an up-to-date industry format.

Keywords: self-presentation, social networks, digital anthropology, digital literacy, digital footprint, teacher

Цифровая грамотность преподавателя современной системы российского образования, ее границы, компоненты, компетенций, являются предметом многочисленных дискуссий педагогов, психологов, представителей IT, чиновников и родителей. Пандемия COVID-19 обусловила невероятно резкий, практически революционный переход от привычного мира реальной коммуникации преподавателя и учащегося в цифровую среду. Возможно, без пандемии было бы время для плавного погружения представителей всех уровней российского образования – от детских садов до высших

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

учебных заведений – в возможности цифровой среды, но два года назад этот переход оказался серьезным испытанием для всех, кому пришлось перенестись из реальной аудитории в аудиторию цифровую.

Интересным последствием этого перехода стал активный интерес общественности к цифровому следу, оставляемому преподавателями в интернете. Не только официальные страницы, размещенные на сайтах учебных заведений, но и личные аккаунты преподавателей в различных социальных сетях стали предметом пристального изучения, как родителей, так и действующих и потенциальных работодателей, а также различных СМИ и общественных организаций. В результате ряда нелицеприятных ситуации, связанных с увольнениями учителей школ из-за публикации на личных страницах, в 2019-21 гг. чиновники региональных ведомств образования обещали научить учителей «вести свои личные аккаунты в социальных сетях» [1]. Стоит отметить любопытное развитие этой ситуации в 2021-22 гг. – в России стало обязательным для учебных заведений вести официальные страницы в социальных сетях, в рамках всероссийской системы «Госпаблики», в которой при помощи системы «Инцидент Менеджмент» анализируются проблемные ситуации и фиксируются обращения граждан. [2] Но вопреки ряду проблем, именно личные аккаунты преподавателей в социальных сетях и мессенджерах, особенно в начале «всеобщего дистанта», когда официальные образовательные площадки только запускались в федеральных масштабах, стали уникальной возможностью для поддержания соответствующего условиям «принудительной» цифровизации образования эффективного контакта с учащимися, родителями, коллегами. Все эти события актуализировали необходимость развития навыков самопрезентации преподавателя в социальных сетях как важного компонента формирования цифрового следа и показателя уровня цифровой грамотности современного человека и профессионала системы образования.

Цифровой след, оставляемый человеком при пользовании техническими средствами высокоскоростной коммуникации, можно разделить на пассивный и активный. Пассивный – это полученные из сети фото, видео- и аудио -записи, тексты. Активный же след это размещаемая и продуцируемая самим человеком в сети информация в любых форматах[3]. Активный цифровой след фактически является своеобразным автопортретом человека, представляющим его поведение, настроение, приоритеты, ценностные ориентиры, личностные особенности и т.д. Несомненно, важным будет вопрос о том насколько этот «автопортрет» представляет в сети человека реального, в каких ракурсах и аспектах. Самым доступным инструментом для создания активного цифрового следа и, соответственно, для представления себя миру являются социальные сети. Самопрезентация в социальных сетях является важным компонентом цифровой грамотности современного человека и преподавателя в частности.

Умение создавать информацию, медиаконтент (фото, видео, фото, видео- и аудио -записи, тексты), а также осуществлять коммуникацию в цифровом пространстве является важным компонентом цифровой грамотности, с точки зрения экспертов ЮНЕСКО, которые в 2011 году представили цифровую грамотность как набор навыков, необходимых для работы с цифровыми медиа и для обработки и поиска информации [4]. Аналитический центр НАФИ актуализировал это в 2019 для российских педагогов в связи с необходимостью расширения использования цифровых технологий в образовательных процессах [5]. С технической стороны цифровой грамотности для самопрезентации в социальных сетях преподаватель должен владеть навыками работы с компьютером на уровне пользователя/продвинутого пользователя, представлять принципы работы социальных сетей, уметь минимально работать в фото-, аудио- и видеоредакторах (необходимое программное обеспечение, в том числе и российское, представлено в очень широком спектре как для персональных компьютеров, так и для смартфонов, в том числе встроенное в «движки» социальных сетей). Необходимым условием самопрезентации в современных условиях являются глубокие представления о требованиях российского законодательства к допустимому к публикации контенту и к авторскому праву, особенно если преподаватель планирует размещать учебные, методические и справочные материалы (нормативно-правовая база свободно доступна в справочных системах «Консультант+», «Гарант», на сайтах «Российской газеты» и государственных органов). Стоит подчеркнуть, что в этой ситуации работает важный принцип российского законодательства – незнание закона не освобождает от ответственности.

Современный преподаватель любого уровня системы образования может представить себя в социальных сетях в нескольких ракурсах, например, как заботливый родитель или успешный руководитель, но, с точки зрения прагматического подхода и персонального брендинга, наиболее важным является акцент на профессиональные достижения. [6] В рамках данной статьи нет возможности представить широко раскрытый инструментальный селфбрендига, но стоит отметить необходимость опубликования материалов, в которых будут представлены важные профессиональные

достижения (дипломы, сертификаты, повышение квалификации и т.д.), участие в различных образовательных и научных мероприятиях (конкурсы профессионального мастерства, конференции, гранты, публикации). Интересными для представления преподавателя как профессионала будут «зарисовки» из повседневной учебной, воспитательной, научной работы – проведение открытых и обычных занятий, участие в общественных мероприятиях учебного заведения, подготовка учащихся к участию в олимпиадах и т.п. [7]

На самопрезентацию преподавателя в социальных сетях значительно влияют этические требования к профессии педагога. Поэтому стоит отметить, что содержание записей личного характера стоит оставить на усмотрение самого человека и представления о возможности публичного освещения событий личной жизни, напомнив, что работая с учащимися, особенно несовершеннолетними и их родителями, стоит ориентироваться на приемлемое содержание с точки зрения существующих в современном российском обществе этических норм и ценностных ориентиров. Соблюдение общепринятых норм сетевого этикета в общении, не только в переписке, но и даже посредством постинга, с учащимися, коллегами, родителями является обязательным. Сегодня современные социальные сети позволяют легко устанавливать любой уровень доступа публикации – от доступных всем пользователям интернета до закрытых даже от «друзей», но, к сожалению, от «хакерских» атак и взломов аккаунтов никто в глобальной сети надёжно не защищен, поэтому все, о чем не должна узнать широкая публика, стоит хранить на устройствах, не имеющих подключения к интернету и не публиковать, даже в личной переписке в мессенджерах [8]. В исследовании Н.А. Гуторовой отмечается, что «преподаватели отмечают среди возможных рисков, которыми может быть чревато общение в социальных сетях, возможность быть неправильно понятым, распространение скриншотов переписки или учебных материалов без ведома автора, нарушение студентами личного пространства, потеря авторитета, провокации со стороны студентов». [9]. Презентуя себя в цифровом пространстве преподавателю необходимо прочувствовать и принять экологию социальных сетей, в которую входят речевой цифровой этикет, социальная ответственность, гуманистические ценности [10, С. 205-208].

Благодаря развитой цифровой грамотности и продуманному цифровому «автопортрету» – аккаунту в социальной сети – современный преподаватель может взаимодействовать с учащимися, коллегами, государственными органами и общественными организациями наиболее эффективно в настоящих условиях, что выгодно отличает от тех, кто владеет только традиционной грамотностью. Для активных педагогов, особенно для молодых преподавателей, самопрезентация в социальных сетях, в прагматическом ракурсе, – это возможность для создания новых профессиональных контактов, возможность наиболее полно представить себя потенциальному работодателю, а также грантодателям и организаторам различных профессиональных конкурсов. С точки зрения гуманистического подхода, благодаря самопрезентации преподаватель может представить себя не только как функцию, но и как живого реального человека с уникальным жизненным путем, что позволяет заинтересовать учащихся, для которых педагог может быть ориентиром, своеобразной моделью для формирования поведения. Для успешной самопрезентации в социальных сетях необходимо не только развивать навыки работы в них до уровня продвинутого пользователя, но и иметь развитое представление о самом себе, своем месте в мире и в образовании, фактически транслируя в сеть себя подлинного, настоящего, а не сконструированный иллюзорный образ.

Литература

1. Необходимо научить учителей вести свои личные аккаунты в социальных сетях [Электронный ресурс]. URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/3/27/teacher/6793-maksim_kostenko_neobhodimo_nauchit_uchiteley_vesti_svoi_lichnye_akkaunty_v_sotsialnyh_setyah (дата обращения 29.04.22)
2. Соцсети как соцнагрузка [Электронный ресурс]. URL: <https://74.ru/text/education/2022/01/27/70381574/> (дата обращения 29.04.22)
3. Флёров О.В. Цифровой след человека в Интернете: основные гуманитарные подходы // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. №4 (25). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-sled-cheloveka-v-internete-osnovnye-gumanitarnye-podhody> (дата обращения: 27.04.2022).
4. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе./ Авторы: Т.А. Аймалетдинов, Л.Р. Баймуратова, О.А. Зайцева, Г.Р. Имаева, Л.В. Спиридонова. Аналитический центр НАФИ. – М.: Издательство НАФИ, 2019. – 84 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2019/10/digit-ped.pdf>

5. Юнеско. Медийная и информационная грамотность: программа обучения педагогов. Юнеско, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000192971_rus
6. Жулдыбин Е. Г. Технологии продвижения личного бренда преподавателя в социальных сетях // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-prodvizheniya-lichnogo-brenda-prepodavatelya-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 28.04.2022).
7. Миляева Е.Г. Воркшоп «Селфбрендинг: Имидж и продвижение исследователя в социальных сетях» / Школа молодого исследователя-2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=h0Shy3WZ5kE> (дата обращения: 30.04.2022).
8. Кукушкина А.Г. Персональная страница преподавателя в социальной сети как инструмент педагогического взаимодействия // Высшее образование в России. 2020. №12. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personalnaya-stranitsa-prepodavatelya-v-sotsialnoy-seti-kak-instrument-pedagogicheskogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 14.05.2022).
9. Гуторова Н.А. Особенности общения преподавателя и студента в социальных сетях: этический аспект // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. №2 (32). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obscheniya-prepodavatelya-i-studenta-v-sotsialnyh-setyah-eticheskiy-aspekt> (дата обращения: 30.04.2022).
10. Миляева Е.Г., Чередыакова А.Б. Экология социальных сетей / Экология человеческого бытия: словарь. Часть II. Медиаэкология / отв. ред. Д. В. Соломко, Е. П. Емченко; пер. Е. Г. Миляевой, Р. В. Пеннер, К. Е. Резвушкина. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. С.205-208

(САМО)ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВОМ XXI ВЕКЕ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ*

А.Н. Гулеватая

*Аспирант кафедры философии и культурологии
Челябинский государственный институт культуры
Преподаватель кафедры философии
Южно-Уральский государственный университет
E-mail: gvin95@mail.ru*

В данной статье предпринята попытка определить контуры экзистенциально-антропологического понимания образования на современном этапе и обозначить его актуальность для решения проблем цифровой современности. Экзистенциально-антропологическое понимание образования предполагает его онтологическую укорененность в «само-». (Само)образование возможно только при условии ответственности субъекта за онтологическую заботу о себе и личное усилие трансформации. Восхождение к «образу» перепоручить невозможно, равно как и делегировать смысловое и содержательное наполнение этого «образа».

Ключевые слова: экзистенциальная антропология, цифровая антропология, образование, самообразование, навыки себя, онтологические проблемы образования

(SELF)EDUCATION IN THE DIGITAL XXI CENTURY THROUGH EXISTENTIAL ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE

A.N. Gulevataya

*Postgraduate student of the Department of Philosophy and Culturology Department
Chelyabinsk State Institute of Culture
Lecturer in the Department of Philosophy
South Ural State University
E-mail: gvin95@mail.ru*

The article attempts to define the contours of an existential-anthropological understanding

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

of contemporary education and to outline its relevance for the solution of problems connected with digitalization. The existential-anthropological understanding of education presupposes its ontological roots within «self-». (Self)education is only possible if the subject is responsible for the ontological care of the self and the personal effort of transformation. The ascent to the «image» cannot be delegated, nor can the sensemaking of this «image» be delegated.

Keywords: existential anthropology, digital anthropology, education, self-education, self skills, ontological problems of education

Философско-антропологическое осмысление образования как практики становления человеческого в человеке приобретает новые очертания в период цифровых трансформаций XXI века. После пандемии covid19 концепция VUCA (изменчивость, неопределенность, сложность, неоднозначность) для осмысления происходящего перестала быть точной, и теперь мир осмысливается в терминах BANI (хрупкий, тревожный, нелинейный, непостижимый). Индустриальная модель образования, готовящая человека определенной профессии для рынка труда, оказывается нерелевантна в эпоху «трансфессий», когда фактически человек вынужден постоянно выходить за рамки существующего опыта [4]. Более того, в постпандемийную эпоху в образовательном пространстве усилился интерес не столько к овладению новыми (транс)профессиональными навыками для освоения быстро меняющегося мира, сколько к поиску и пониманию себя: в академических кругах развиваются дискуссии о self-skills [8] и экзистенциальных навыках [9], субъекты образовательного пространства говорят о возвращении потребности в образовательных оффлайн-практиках, живых образовательных событиях. Такое наблюдение позволяет сделать вывод о наличествующей, но часто невербализованной экзистенциальной тоске субъектов образования «по образованию себя, своего Я» [2]. Предметом этой тоски является то, что определяет специфику человеческого бытия: необходимость понять, что значит быть человеком, исследовать искусство бытия, придать форму и смысл своему времени. «Онтологический поворот в науках об образовании» [1] указывает на возможность и необходимость осмысления образования в экзистенциально- антропологическом русле.

Экзистенциально-антропологическое понимание образования предполагает, что образование онтологически невозможно без «само-»: оно происходит исключительно как самообразование и самостроительство человека. Еще И. Кантом была обозначена проблема парадоксально взаимоисключающих начал в образовании – свободы и принуждения. Образование, по И. Канту, есть «самоустранение как образования извне, но обретение способности к самоопределению, самообразованию, которое есть самообучение и самовоспитание» [6]. Экзистенциально понимаемый субъект (само)образования подчинен (subjected) сам себе, он не может перепоручить онтологические заботу и усилие кому бы то ни было – ни другому человеку, ни институту. В пространстве (само)образования, т.е. экзистенциально понятого образования, изменяется «вертикаль власти» [10] – призыв к «подчинению» исходит не извне, не от дисциплинирующей функции властной фигуры учителя или наставника, а изнутри самого субъекта по отношению к самому себе.

Указывает на необходимость «само-» в образовании на современном этапе дискуссия о т.н. self-skills, или навыках себя, которые оказываются связаны с духовным измерением человека и искусством бытия [8]. «Навыки себя», компетенции «заботы о себе» включают умение быть человеком в эпоху алгоритмов и вмещать в себе то, что отличает человека от других живых существ. Разработка идеи self skills является современным воплощением греческой пайдеи, основанной на «заботе о себе», и отсылает нас к мысли М. Фуко о том, что смысл самообразования раскрывается в заботе человека о самом себе [10]. Однако экзистенциальное понимание (само)образования, исходящее из идеи о человеке как непрерывно становящемся, незавершенном, предполагает не *обретение* знаний и навыков, а *становление*, изменение способа существования. В (само)образовательном процессе субъект трансформируется: в начале пути он есть А, в пути он становится В, но не «А + знания и навыки». М. Фуко называл сопровождение трансформационного процесса не «педагогикой», а «психагогикой»: это «такая передача истины, которая вовсе не нацелена на приобретение кем-то некоторых навыков и т. д., но смысл которой в том, чтобы изменить самый способ существования подопечного» [10].

Однако экзистенциальный опыт (само)образования не может быть замкнут исключительно на внутренний мир человека. Без Другого (само)образование невозможно – как невозможен и человек вообще. Но меняется роль Другого: в ситуации диджитализации, которая предполагает тотальную общедоступность информации, для человека (само)образовывающегося возрастает значимость Другого как носителя собственного уникального экзистенциального опыта – и его живого со-присутствия в событии (что актуализирует умение видеть и понимать Другого в условиях цифрового online-мира). Когнитивный антрополог Д.Лейв предлагает такой термин, как «сообщество практики» –

это пространство человеческого взаимодействия и сотворчества, участники которого передают друг другу *know how* и поддерживают друг друга в образовании и совершенствовании [9]. (Само)образование, безусловно, происходит в пространстве сопряжения общего, культурного опыта поколений, и индивидуального человеческого опыта. Даже если человек не принимает для себя существующие внешние ориентиры (мировоззренческие, аксиологические и т.п.), он уже их имеет как отрицание наличных. И тогда создаваемые самим человеком для себя «идеалы» становятся для него тем общим, что соотносится с каждым актом эмпирического существования. Самостоятельно создаваемые «идеалы» – это то, что определяет видение себя как минимум на входе в процесс самообразования. (Само)образование всегда предполагает личное усилие, которое реализуется человеком, изначально располагающим некоторым культурным опытом.

Образование есть восхождение человека к «образу». Без наличия заданного идеала как ориентира, образа результата человек действовать не может, что было доказано советским психофизиологом Н. Бернштейном в теории потребного будущего, переживающей сегодня «второе рождение». Любая деятельность, в том числе «самостроительная», предполагает движение мысли и практического действия между эмпирической данностью и целью, желаемым ориентиром. Без заданного «образа» процесс (само)образования становится стихийным и может оказаться стать «дурной бесконечностью» становления. Однако сегодня идея образования как трансляция унифицированного, заданного кем-то извне образа ставится под вопрос [3]. Экзистенциальная антропология с ее вниманием к конечному единичному существованию задает понимание того, что (само)образование не может предполагать изначально предложенных всеобщих, универсальных, системных «образов», идеалов-ориентиров, а значит, самостроительство не может быть задано никем извне, кроме самого человека.

В современном понимании (само)образование выходит далеко за рамки образовательных институций и включает все аспекты «триединства образования»: формальное, неформальное, информальное. (Само)образовательное пространство может быть понято как пространство экзистенциального опыта, т.е. «практического движения человека к подлинной самореализации, целостности, «исполненной экзистенции», обретение смысла жизни уникальной человеческой личности, ее индивидуального способа бытия. Это движение осуществляется человеком постоянно, на протяжении всей жизни, обостряясь в пограничности его существования» [7]. С экзистенциально-антропологического ракурса образование предстает в конечном счете как (само)образование, простирающееся до границ отрефлексированного жизненного опыта человека, его жизненных событий. Неотрефлексированные жизненные периоды приводят к отчуждению опыта, когда «отдельные прожитые эпизоды не становятся событиями жизни» [5, с. 395]. (Само)образование возможно в состоянии «сознания бытия» (М. Хайдеггер), в онтологическом модусе существования, где человек соприкасается с собой в пространстве переживания, понятого как отправная точка экзистенции, как «непременный атрибут интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни», проявляющегося «на границе пересечения внутреннего и внешнего мира» [7]. Здесь проходит граница того опыта, который оказывается включен или исключен из (само)образовательного процесса.

Итак, образование, понимаемое экзистенциально-антропологически как (само)образование, в котором происходит трансформация субъекта через онтологическую заботу и усилие, задает направление для решения проблемы образования для цифрового века, «в меньшей степени ориентированного на формирование тех или иных предметных компетенций, но позволяющего людям самых разных возрастов осмыслить свою жизнь и принять свою судьбу» [1 с. 8-9].

Литература

1. Бермус А.Г. Онтологический поворот в науках об образовании. //Непрерывное образование: XXI век. 2013. №2.
2. Волкова С. В. Homo educandus в поисках смысла / С. В. Волкова; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. 248 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=35640#t20c> (дата обращения: 5.03.22)
3. Дугин А.Г. Конец образования [Электронный ресурс] URL: <https://paideuma.tv/video/konec-obrazovaniya#/?playlistId=0&videoId=0> (дата обращения: 17.04.22)
4. Зеер Э.Ф., Сьманюк Э.Э., Бердникова Д.В., Борисов Г.И. Методологические основы транспрофессионализма субъектов технико-технологической деятельности // Педагогическое образование в России. 2018. № 11. С. 38-47.

5. Знаков В.В. Непостижимое и таинственное в экзистенциальном опыте субъекта // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А.В. Брушлинского) / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М., 2013. Т. 1. С. 395.
6. Йенеи Т., Киш Л.А., Шачина А.Ю. К вопросу о пути выхода из кризиса в образовании: Назад к Канту! // Kant. 2021. № 4(41). С. 151-160.
7. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М.: ИФ РАН, 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/persmon/document/Kasavina> (дата обращения: 5.02.22)
8. Ковалева Т.М. Группа Self skills как компетентностный язык формирования «онтологической заботы о себе» // «Тьюторство в открытом образовательном пространстве: языки описания и работы с «самостью» — развитие личности; становление субъектности; формирование self skills». / Материалы XIII Международной научно-практической конференции (XXV Всероссийской научно-практической конференции) 27–28 октября 2020 г. / Научные редакторы: Е. А. Волошина, Т. М. Ковалева, А. А. Геров М.: Ресурс, 2020. 384 с.
9. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире. [Электронный ресурс] URL: https://globaledufutures.org/vision_creation_ru (дата обращения: 4.05.21)
10. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 441 с.

ИННОВАЦИОННЫЙ ТИП ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ВЫСОКОРЕСУРСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю.А. Петровская

*Кандидат социологических наук, доцент
Петрозаводский государственный университет
E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru*

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью социологического осмысления процессов, связанных с формированием инновационной личности как важнейшего условия перехода российского общества на инновационный путь развития. В докладе представлена теоретическая модель формирующейся новой высокоресурсной социальной группы в российском обществе, её индикаторы, а также определение ключевых условий перехода российского общества в новый технологический уклад на основе NBIC-технологий. Теоретико-методологическую базу составили положение о человеке как общественно-историческом, практически деятельном субъекте истории, субъекте производства, а также теоретические подходы советских социологов (В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова, В.Г. Подмаркова, Р. Григаса) к модели субъекта производства (инновационной личности) в период индустриализации. Условия успешного перехода российского общества на инновационный путь развития определяются на основе анализа различных стратегий и культурно-исторических оснований формирования инновационного типа личности в «ядре» цивилизации (на Западе) и на «полупериферии» (в России), а также на основе анализа советского инновационного опыта в период индустриализации, сформировавшего уникальные типы личности.

Ключевые слова: инновационная личность, инновационные компетенции, модернизация, четвертая промышленная революция, технологический уклад, субъект производства

INNOVATIVE PERSONALITY TYPE: THEORETICAL MODEL AND PROBLEMS OF FORMATION OF A NEW HIGH-RESOURCE SOCIAL GROUP IN RUSSIAN SOCIETY

Yu.A. Petrovskaya

*CSc in Sociology, Associate Professor
Petrozavodsk State University
E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru*

The relevance of the research topic is due to the need of a sociological understanding of the processes associated with the formation of an innovative personality as the most important condition for the transition of Russian society to an innovative way of development. The report presents a theoretical model of the emerging new high-resource social group in Russian society, its indicators, as well as the definition of key conditions for the transition of Russian society to a new technological order based on NBIC technologies. The theoretical and methodological basis is the approach to a person as a socio-historical, practically active subject of history, a subject of production, as well as theoretical approaches of Soviet sociologists (V.A. Yadov, A.G. Zdravomyslov, V.G. Podmarkov, R. Grigas) to the model of the subject of production (innovative personality) during the period of industrialization. The conditions of successful transition of Russian society to an innovative way of development are determined on the basis of an analysis of various strategies and cultural and historical grounds for the formation of an innovative personality type in the «core» of civilization (in the West) and on the «semi-periphery» (in Russia), as well as on the basis of an analysis of the Soviet innovative experience during industrialization, which formed unique personality types.

Keywords: innovative personality, innovative competencies, modernization, the fourth industrial revolution, technological structure, subject of production

Актуальность исследования обусловлена глобальными вызовами, связанными с переходом к шестому технологическому укладу [1; 2] или четвертой промышленной революции [3; 4]. Подсистемы инновационной цивилизации: нано-, био- информ- и когно- сферы находятся в сложной нелинейной взаимозависимости. Социальные и гуманитарные эффекты от их конвергенции и синергии сложны, неоднозначны и всё более непредсказуемы. Современный мир и место в нём человека требуют глубокого осмысления. В ситуации серьезных рисков: общих для всей мир-системы и особенных, зависящих от кода конкретной цивилизации, оказались все – ядро, полупериферия и периферия [5; 6; 7]. Однако развитые капиталистические страны форсированно переходят к новому технологическому укладу в то время, как эксперты относят Россию к «опаздывающим производителям» по уровню развития передовых технологий и констатируют риск отстать навсегда от технологических лидеров [8].

В национальных проектах Президента РФ, последующих программах по цифровой экономике, искусственному интеллекту, демографии, науке прописана дорожная карта до 2030 г. нового инновационного рывка. Встаёт вопрос: возможен ли инновационный прорыв с современным типом российского человека? Есть ли у него мотивация и социальный потенциал к решению новых сверхзадач?

Проблема исследования:

– недостаток научных знаний о том, что из себя представляет современный советско-российский человек в условиях перехода к новому технологическому укладу, какова его диспозиционная личностная структура;

– сверхзадача российского общества – попасть в «последний вагон» нового технологического уклада, в котором ключевым звеном является высокоресурсный персонал, новый тип личности.

В этом контексте фундаментом промышленности гражданских отраслей является нано-, био- и информационные технологии, а человеческий капитал (новый тип личности) в этой формулировке обозначен как «когно» (познание мыслительной деятельности мозга – коннектом) и «социс» (новый высокоресурсный массовый слой рабочих и инженерных работников).

Основной научный вопрос – имеются ли потенциальные возможности у РФ для перехода в инновационную цивилизацию XXI века, индустрию 4.0 на базе NBIC-технологий?

Впервые взгляд на человека как общественно-исторического, практически деятельного субъекта истории, субъекта производства детально раскрыл К. Маркс в «Экономических рукописях 1857–1861 г.», затем эта мысль получила развитие в работах А. Агга. В процессе производственных изменений менялся и тип личности, его компетенции, преобразовывалась вся диспозиционная личностная структура.

Теоретические представления о структуре советской личности технологического уклада 2.0 (индустриализация) представлены в работах советских социологов [9; 10; 11; 12; 13; 14]. При переходе в технологический уклад 2.0 – «индустриализация», – базовые компетенции формировались университетами в ходе Инженерной революции. Переход в технологический уклад 3.0 (1992–2000 гг.) осуществлялся измененным типом человека – «кентавр-личностью» (по Ж.Т. Тощенко). Переход

к инновационной личности нового технологического уклада происходит на основе модели «инженера STEM».

Инновационная личность – это особый социальный тип личности, человека-субъекта, в первую очередь труда и производства, имеющий диспозиционную структуру, соответствующую современному технологическому укладу, способный и готовый воспринимать, потреблять и (или) производить инновации, в контексте цивилизационных особенностей конкретного общества [15; 16].

Формирование новой высокоресурсной социальной группы – инженеров и рабочих с компетенциями NBIC-технологий – важнейшая для российского общества задача в условиях необходимости быстрого перехода в новый технологический уклад, осуществлять которую приходится в крайне сложных условиях. Однако подобный опыт уже был в советском обществе. Становление и развитие советской и российской инновационной экономики осуществлялось в условиях войны и подготовки к войне – вплоть до наших дней. Это потребовало форсированного создания военно-промышленного комплекса. В состав советского ВПК вошли все высокотехнологичные инновационные предприятия. История советского ВПК – это история всей советской экономики, спектра ценностей советского общества [17]. Второе отличие советской инновационной экономики – это раздаточная экономика как историческая модель выживания в суровых климатических условиях, огромных пространствах и сложной политической ситуации.

Основу «модели опережения» 1930–1950-х годов составляло опережающее развитие предложения, создание новых и модернизация существующих отраслей и производств, обеспечивающих переход в новый технологический уклад [18, с. 20-22]. В социальной сфере было достигнуто равенство в доходах, а наличие общественных фондов потребления позволяло осуществлять расширенное воспроизводство человеческого потенциала. Общественная собственность на средства производства сняла противоречие между трудом и капиталом и позволила осуществить теоретическое предположение К. Маркса о том, что при коммунизме (социализме), каждый человек будет субъектом производства. В духовной сфере – ценности аскетизма постепенно перерастали в умеренный утилитаризм [19]. Таким образом, система советского социализма была инновационной системой, в которой человек в обществе и общество в человеке имели отличную от западной модели свою диспозиционную структуру личности [20].

Переход в технологический уклад 2.0 осуществлялся на основе модели инновационной личности: производственный потенциал, профессия и квалификация, помноженные на мотивацию [11; 12; 13; 14], ценностную структуру советского человека. Главными субъектами подготовки инженерных кадров были университеты. Существенным фактором, интенсифицирующим модернизацию советского производства, был импорт инновационных технологий и кадров, необходимых для практической реализации имеющегося потенциала. Одним из важнейших способов получения передового опыта от зарубежных компаний становятся зарубежные стажировки отечественных специалистов. Одновременно с этим восстанавливается отечественная научно-технологическая и образовательная школы, которые становятся базой для дальнейшей фронтальной модернизации и создания новейших отраслей и производств.

Контуры нового технологического уклада (индустрии 4.0) в России еще только проявляются в виде небольших «островков» в военно-промышленном комплексе, где имеются новейшие технологические разработки, оборудование и персонал, обладающий соответствующими компетенциями, в то время, как капиталистические страны форсированно осуществляют этот переход, в первую очередь на основе принятых и реализуемых в них комплексных национальных программ развития конвергентных технологий и программ, связанных с формированием инновационного человека.

В России индикаторы инновационной личности были сформулированы в работах отечественных ученых, а также в государственных стратегических документах (например, в Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года) как выражение государственного и общественного запроса на определенный тип личности. Эти индикаторы условно можно объединить в две группы: 1) инновационные личностные качества, установки и ценности; 2) инновационные компетенции, являющиеся ядром диспозиционной структуры личности. Эти группы индикаторов представляют собой теоретическую модель – результат, как отдельных ученых, так и целых исследовательских коллективов, который, однако, остается теорией.

Среди российских ученых предпринимаются попытки измерить и проанализировать степень сформированности отдельных инновационных качеств и компетенций у различных социальных групп. В исследовании Т.В. Кондратюк фиксируется степень сформированности инновационных компетенций у персонала российских компаний [21]. Нами было проведено исследование,

позволившее сделать вывод о том, что реальная сформировавшаяся компетентностная модель современной молодежи (на примере Республики Карелия) и структура российского рынка труда не соответствуют компетенциям, востребованным в инновационном обществе XXI века и необходимым для перехода в новый технологический уклад. При высоком индексе инновативных качеств и инновационного потенциала карельской молодежи его средовой компонент не позволяет актуализировать этот потенциал в полной мере [22; 23]. В отношении ценностной модели современной молодежи российские социологи Ю.А. Зубок и В.И. Чупров приходят к выводу о том, что несмотря на продолжающуюся либерализацию российского общества, в совокупной структуре габитуса, порождающего и организующего практики и представления, объективно приспособленные для реализации смыслов жизни современной российской молодежи, четко прослеживается доминанта традиционных ценностей [24]. Исследования, проведенные в Республике Карелия, также отражают подобные тенденции.

Показатели инновационного развития разных типов обществ универсальны, именно они позволяют выстраивать мировые рейтинги. Каждый новый технологический уклад требует новый тип компетенций личности, а ускоренная система образования формирует субъекта производства. Индустриализация на Западе формировала инновационные компетенции на основе ценностей общества потребления и отчуждения (классы), а социалистическая индустриализация (СССР, Китай и др.) формировала те же компетенции (профессия, квалификация) на ценностях аскетизма, коллективизма. Транзит ряда цивилизаций шёл и идёт через смену технологических укладов, но: а) через разные экономические системы (капитализм, планово-распределительная, коммунальная и т.д.); б) через почти противоположный менталитет (индивидуализм, коллективизм). Таким образом, путь к достижению универсальных показателей может быть разным, что демонстрируется опытом Японии, Индии, Китая, Сингапура и др.

Модель субъекта производства представляет собой совокупность составляющих: человеческий капитал – диспозиционная структура – трудовой потенциал – компетенции. Ключевыми условиями перехода российского общества в новый технологический уклад вновь становятся ускоренная подготовка и импорт высококвалифицированных кадров, импорт технологий, способный обеспечить форсированную модернизацию российского производства.

Литература

1. *Глазьев С.Ю.* Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // МИР. 2010. №2 (апрель – июнь). С. 4-10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy- stanovleniya-v-mire-novogo-vi-tehnologicheskogo-uklada> (дата обращения: 16.04.2021).
2. *Глазьев С.Ю.* Рынок в будущее: Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018.
3. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо», 2016.
4. *Шваб К., Дэвис Н.* Технологии четвертой промышленной революции. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2018.
5. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: «Логос», 2004.
6. *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.
7. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
8. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад / Под научным руководством В.Н. Княгинина М., 2017.
9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ., 2013.
10. Человек и его работа: социологическое исследование / Под ред. А.Г. Здравомыслова и др. М.: Мысль, 1967.
11. *Григас Р.* Социальная организация предприятия и ее функции. Вильнюс: Минтис, 1980.
12. *Григас Р.* Социальная адаптация в предприятии. Вильнюс: Минтис, 1982.
13. *Подмарков В.Г.* Человек в мире профессий // Вопросы философии. № 8. 1972. С. 55-62.
14. *Подмарков В.Г.* Человек в трудовом коллективе. М.: Экономика, 1982.
15. *Петровская Ю.А.* Теоретико-методологические подходы и проблемы изучения инновационной личности как социального типа в условиях новой технологической революции // Вестник науки Сибири. 2018. №4 (31). С.171-188.

16. *Петровская Ю.А.* Личность инновационной цивилизации. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 2020.
17. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.
18. *Галушка А.С.* Кристалл роста к русскому экономическому чуду / А.С. Галушка, А.К. Ниязметов, М.О. Окулов. М., 2021.
19. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: в 3 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
20. *Смирнов Г.Л.* Советский человек: формирование социалистического типа личности. М.: Изд-во полит. литературы, 1980.
21. *Кондратюк Т.В.* Четвертая промышленная революция: какие компетенции необходимы сотрудникам? // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 3 (108). С. 66-79.
22. *Петровская Ю.А., Фитисов К.В.* Инновационный потенциал молодежи (опыт исследований в Республике Карелия) // Управление устойчивым развитием. 2021. №3 (34). С. 81-88.
23. *Petrovskaya Yu.A.* Methodology and experience of evaluating the innovativeness of student projects / Yu.A. Petrovskaya, R.V. Zagidullin, A.P. Kononov // Journal for Educators, Teachers and Trainers. 2021. Vol. 12 (2). P. 168-177. URL: <https://jett.labosfor.com/index.php/jett/article/view/660> (дата обращения: 01.05.2022).
24. *Зубок Ю. А., Чупров В.И.* Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164-186.

КУЛЬТУРНЫЙ РАЗРЫВ В КОНТЕКСТЕ МЕДИА И ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

А.Н. Минченко

Аспирант

Челябинский институт культуры

E-mail: ma-n@bk.ru

В статье рассмотрен феномен культурного разрыва в условиях медийных и информационно-коммуникативных технологий современности. Определение причин возникновения культурных разрывов, способов их конструктивного преодоления является актуальным в условиях современного мультикультурализма, глобализации и информатизации. Перед гуманитарными науками стоит задача осмыслить специфику проявления феномена культурного разрыва в условиях тотализации интернет-технологий и конструирования «реальности».

Ключевые слова: культурный разрыв, саморазорванность, информационно-коммуникативные технологии, медиа, сетевая культура, потребление знаков, конструирование «реальности»

CULTURAL DIVIDE IN THE CONTEXT OF MEDIA AND INTERNET TECHNOLOGIES

Minchenko A.N.

Postgraduate student

Chelyabinsk State Institute of Culture

E-mail: ma-n@bk.ru

The article examines the phenomenon of cultural gap in the conditions of media and information and communication technologies of our time.. Determining the causes of cultural gaps and ways to overcome them constructively is relevant in the context of modern multiculturalism, globalization and informatization. The humanities are faced with the task of comprehending the specifics of the manifestation of the phenomenon of cultural gap in the conditions of totalization of Internet technologies and the construction of «reality».

Keywords: cultural gap, self-disruption, information and communication technologies, media, network culture, consumption of signs, construction of «reality»

Происходящие в современном мире процессы общественного развития приводят к постепенной смене индустриального общества информационным. Информационно-коммуникационные технологии оказывают все большее влияние на общественное развитие, процессы информатизации затрагивают все социальные практики и пространства существования человека в современном обществе. Под их влиянием происходят изменения в экономике, политике, культуре. В этих условиях информация становится одним из основных стратегических ресурсов социального и культурного развития, а информационно-коммуникационные технологии превращаются в один из основных инструментов деятельности человека [1]. При этом знания, являющиеся продуктом развития информационно-коммуникационных технологий, позиционируются как одна из движущих сил прогресса человеческой цивилизации, перехода от техногенной цивилизации к информационной. Вторгаясь в пространство культуры, эти технологии приводят к его трансформации, перестройке в соответствии с тенденциями развития информационной цивилизации. И в новых условиях нарастающего культурного многообразия, накопления различий между социокультурными общностями и трансформации реальности уже под влиянием информационно-коммуникационных технологий исторически неизбежный феномен культурного разрыва обретает особые специфические характеристики.

Культурный разрыв, характеризующийся своей амбивалентностью, с одной стороны, является основанием для разнообразных межкультурных конфликтов, а с другой, он способен побуждать созидательные социальные, научные и духовные преобразования. Поэтому определение причин возникновения культурных разрывов, способов их предупреждения, конструктивного преодоления, но также и использования их интенсифицирующего ресурса в условиях современного мультикультурализма, глобализации и информатизации, безусловно, является одной из актуальных задач, стоящих перед гуманитарными науками [2].

В этой связи на первый план выдвигается необходимость осмысления техногенной культуры как глобальных оснований новых условий возникновения и существования феномена культурного разрыва. Здесь уместно мнение Д.Е. Прокудина, полагающего, что уже можно говорить о возникновении информационной культуры, которая под воздействием информационно-коммуникационных технологий приводит культурное пространство цивилизации в соответствие с направлением общественного развития, основанного на тотальной информатизации. В результате тотальности этих процессов появляются новые культурные поля: «электронная культура», «сетевая культура», «компьютерная культура», «экранная культура» и т.д., расширяющие техногенную культуру до информационной. Техногенная культура, таким образом, выступает в этом развитии технологической, инструментальной базой. Теперь новые культурные поля, ставшие порождением индустриального и техногенного общества, под воздействием процессов информатизации претерпевают значительные изменения в содержательном плане, нанизывая на каркас техногенной культуры новое медийное содержание [1].

Интенсивное распространение информации и быстрый доступ к ней, осуществляемые благодаря медиа оказали неоднозначное влияние на культуру, которое трудно описывается исчерпывающим образом. Тем не менее, футурологам, социологам, культурологам и философам удалось выявить некоторые принципиально важные черты новой культурной ситуации, которые могут быть положены в осмысление культурного разрыва в новых обстоятельствах.

Одной из важнейших черт современной культуры является плюрализм. Экран телевизора или монитора позволяет отдельно взятому человеку независимо от его географического местоположения получить доступ к социальному и культурному опыту других народов, познакомиться с традициями и обычаями иных культур. Таким образом, формы видения мира становятся значительно более многообразными, нежели в совсем недавнем прошлом. Несомненно, подобное соприкосновение с иными культурными традициями накладывает свой отпечаток на национальные и религиозные основы жизнедеятельности, стимулирует эрозию традиционных местных, этнических, национальных начал, корректирует восприятие культурных архетипов, на которых основано каждое общество [3].

В материалах ЮНЕСКО в этом отношении было сказано следующее: «Культурное разнообразие расширяет возможности выбора, имеющиеся у каждого человека, оно является одним из источников развития, рассматриваемого не только в плане экономического роста, но и как средство, обеспечивающее полноценную интеллектуальную, эмоциональную, нравственную и духовную жизнь». Кроме того, «в нашем обществе, которое становится все более разнообразным, следует обеспечить гармоничное взаимодействие и стремление к сосуществованию людей и сообществ с плюралистической, многообразной и динамичной культурной самобытностью» [4]. Однако, проблема заключается в том, что механизмы достижения «гармоничного» сосуществования людей в условиях культурного разнообразия сами по себе, являясь не вполне ясными, теперь попадают в поле

воздействия интернет-технологий (и медиа вообще), которые катализируют разнообразие культур, или, по выражению итальянского социолога П. Вирно, «множественность».

По мысли П. Вирно, в современной культурной индустрии распространяется так называемая «деятельность без произведения», или коммуникативная деятельность, которая имеет завершение в самой себе, являясь характеризующим, центральным и необходимым элементом [5]. Анализируя влияние инфокоммуникационных технологий на культуру, с опорой на концепцию Г. Дебора, исследователь пришел к выводу, что сегодня значительный удельный вес имеет «коммуникация, ставшая товаром» [5]. «Человеческая коммуникация, является спектаклем, – это товар среди других товаров, не имеющий особых качеств и преимуществ. Но, с другой стороны, это товар, который, начиная с какого-то момента, затрагивает все секторы индустрии» [5]. Таким образом, вводя понятие спектакля для обозначения коммуникации и трансляции, обеспечиваемой медиа-технологиями, имеющей некоторые свойства товара, П. Вирно подчеркивал, что эта коммуникация (или трансляция) фиксирована, может тиражироваться и воспроизводиться, а также имеет определенные функции (развлечение, убеждение, внушение и т. д.). То есть «спектакль» Вирно – это «готовая» информация, выступающая в роли продукта, несущая в себе какую-либо идею и ориентированная на убеждение человека.

С приведенными рассуждениями резонируют аргументы Л.В. Ажимовой, которая резюмируя интерпретацию концепции Ж. Бодрийяра, отмечает, что медиа поставляют потребителям, прежде всего, зрелища, где на первый план выступает не достоверность и правдивость информации, а тот эффект, который последняя окажет на зрителя. Для аудитории теперь не столь важны сами сведения о культурных, исторических, экономических и политических событиях, ее впечатляет головокружительная иллюзия присутствия при этих удаленных от нее событиях, где основной формой подачи любого медийного материала становится «происшествие», которое является лишь знаком того или иного эпизода реальности [6].

Современный человек в условиях техногенной реальности отказывается от участия в действительности, но испытывает любопытство по отношению к ней и желание быть хотя бы дистанционно причастным к событиям внешнего мира. Находясь в кинотеатре или сидя дома перед телевизором, зритель потребляет образы и знаки, удовлетворяя свое любопытство и в то же время чувствуя себя в полной безопасности [7]. При этом осознание своей пассивной и гедонистической позиции может спровоцировать у людей появление чувства вины. Для разрешения этого противоречия «именно здесь вмешивается зрелищная драматизация, осуществляемая средствами массовой информации» [8]. Экранные образы свидетельствуют о том, что внешний мир полон жестокости и опасности, в результате появляется оправдание закрытому и удаленному от действительности образу жизни, а спокойствие и защищенность приобретают еще более неоспоримую ценность.

В сущности, современный человек, даже если его жизнь является воплощением комфорта и безопасности, находится в очень уязвимом положении. Это связано с тем, что он совершенно незащищен перед тем огромным количеством сведений, которые неограниченно и беспрепятственно поступают из разных источников. Человек не просто становится жертвой и заложником экрана, он сам становится экраном, «на который проецируются любые внешние влияния» [7]. Особенность экрана в том, что он предлагает образы, дающие, как кажется зрителю, исчерпывающее представление о реальности. На самом же деле, согласно Ж. Бодрийяру, такое бесконтрольное навязывание и бездумное потребление знаков приводит к исчезновению настоящего, уникального мира как такового, ведь он утрачивает и свое содержание, и свою ценность.

Более того, медиа-технологии, как известно, формируют измененную, альтернативную действительность, которая интенсивно воздействует на сознание человека и всю систему социальных отношений. Очевидно, что функция любого медийного средства не сводится к обычной передаче информации, напротив, цель его – подать материал под нужным углом зрения, особым образом оценить и проинтерпретировать тот или иной факт, изменить его исторический или социальный статус, придать явлению огромную важность или же сделать его незначительным. Благодаря многочисленным способам манипулирования информационным материалом журналисты и режиссеры способны *мифологизировать* любое событие и навязать определенную систему видения мира.

Таким образом, современный человек по отношению к медиа-пространству выступает в роли производителя и потребителя, или, выражаясь словами Г. Дебора и П. Вирно, постановщика спектакля и зрителя (потребителя). Производитель коммуникационных «продуктов», как правило, понимает, для чего он это делает, преследует вполне определенную цель. Его функции заключаются в том, чтобы побудить потребителя что-либо совершить или, напротив, не совершать, заставить определенным образом думать. Наиболее явно это прослеживается в сферах политики и коммерческой рекламы

(маркетинга). В интерпретации Ж. Бодрийера, образы, в том числе и образы как медийные «продукты», симулякры высшего порядка, автономны и не связаны с референцией, то есть за ними нет никакой «реальности», никакого «субстрата», никаких действительных отношений. Образ в силу этого становится самоценным и самодостаточным. Более того, образ теперь и есть единственная реальность: «симуляция – это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она – порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального» [8]. Согласно Ж. Бодрийеру, «реальное производится на основе миниатюрнейших ячеек матриц и запоминающих устройств, моделей управления и может быть воспроизведено неограниченное количество раз. Оно не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально» [9].

Каким бы категоричным не казалось мнение Ж. Бодрийера, оно не лишено серьезных оснований. Интенсификация деятельности средств массовой информации, анализ «контента» новостных медиа, показывает, что «новости» далеко не всегда являются репрезентацией действительных событий. «Новости» изобретаются, буквально выдумываются для того, чтобы шокировать, удивить публику, «приковать» внимание. Именно «приковывание» внимания зрителей становится главной, хотя и не всегда прямо обозначаемой задачей СМИ. Буквально это означает, что события не только искажаются (в этом отношении у человечества накоплен богатый опыт по искажению фактов), но и буквально выдумываются.

Как видим, «симптомы», замеченные Ж. Бодрийером более сорока лет назад («Символический обмен и смерть», 1976 г.), интенсивно проявляются и сегодня. В частности, в повседневном обороте – это неологизм «fake news» (буквально «ложные новости»), а в сфере журналистики – направление «фактчекинг», задачей которого является верификация фактов. И «... хотя кажется, что данная проблема не нова, а существует столько же, сколько и сама журналистика, но именно сложность, глобальность и глубина информационного загрязнения в эру цифровых технологий имеют беспрецедентный характер» [10].

Таким образом, можно говорить еще об одной специфичной черте техногенной современности – «информационное загрязнение», которое внешне напоминает метафору, однако точно описывает сложившуюся ситуацию: в эпоху перманентного увеличения данных значительно растет и вредоносная и ложная информация. Если традиционно под информационным загрязнением понимался процесс и результат вбрасывания данных, прямо ориентирующих человека, к примеру, на ведение нездорового образа жизни (пропаганда алкоголя, курения, наркомании проч.), то теперь, объем понятия «информационное загрязнение» предстает значительно шире, включая в себя конструирование заведомо ложных сообщений, «псевдоновостей», «вбросов» самой разнообразной тематики.

Так Ж. Бодрийер, анализируя журналистскую активность такого рода полагал, что все мы – заложники информации на глобальной сцене масс-медиа. «В наши дни виртуальное решительно берет верх над реальным, и нам приходится довольствоваться такой крайней виртуализацией, которая, вопреки Аристотелю, является сдерживающим фактором от перехода к действию», так как «на основании доступных нам данных (избыток комментария при недостатке образов) можно предположить, что мы имеем дело с широкомасштабной рекламной кампанией, вроде той, которая нахваливала когда-то бренд ..., а что за продукт за ним скрывался, так никто и не узнал» [11].

По мнению В. И. Ильина, «представление о том, что информационное общество – открытое и прозрачное, не вполне адекватно реальности, ибо в этом обществе наблюдается множество разнообразных источников информационного загрязнения» [12]. И далее: «Человек имеет полное право на информационную безопасность, защиту от незначимой, недостоверной, в том числе намеренно искаженной, навязываемой информации» [12]. Фактчекинг, в сущности, можно интерпретировать в качестве распространенного способа защиты от информации такого рода. Однако, это внешний источник, функционирующий как организация профессионального сообщества и специально выработанные этим сообществом практики, в силу чего представляется, что существующих процедур фактчекинга недостаточно. К тому же «информационное загрязнение» выражается не только в конструировании поддельных «новостей». Оно выражается и в намеренном тиражировании значительных массивов информации, не представляющей смысловой ценности (так называемые «спам», «флуд», «флейм» [13]) или даже заведомо несущей деструктивное воздействие на психику и физическое здоровье пользователей.

Эти практики стали возможны, исключительно благодаря Интернет-технологиям, легкому доступу к контенту адресатов, сопровождаемому иллюзией безнаказанности и анонимности. Интернет, таким образом, стал благодатной «почвой» для расовых, межнациональных, гражданских и межличностных распрей. В этом пространстве теперь легко конструируются и тиражируются

идеологии вражды, нетерпимости, спорадически возникают психологические атаки, с одной стороны, катализирующие культурный разрыв между нациями и народами, гражданами одного государства, а с другой стороны, обнажающие раскол в сознании человека, подвергающий деструктивной критике любую «инородную» культуру.

И во многом это происходит потому, что современный человек «доверяет» компьютеру, «ограждающему» его от мира и вместе с тем проводнику ко всем мировым событиям [14]. Вследствие сложившегося положения дел возникает некоторая двойственность, которая и была подмечена С. Стивенсом-Давидовицем: один и тот же человек выглядит по-разному в социологических опросах (анкетировании, интервью и т. д.) и дома, когда остается «наедине» с компьютером [14]. Это наблюдение возможно теоретически обобщить: человек в повседневности, за границами виртуального мира – это не тот же самый человек, что в социальных сетях и вообще в Интернете. В свете сказанного возникает проблема, заданная дихотомией «быть – являться», где «являться» в этой дихотомии семантически сближается с понятиями «выглядеть», «казаться». Русская философия (например, в лице П. А. Флоренского), опираясь на религиозные ценности, интерпретировала «казаться» через сокрытие, и, следовательно, ложь [15], обнажающую внутреннюю расколотость индивида, на которую можно посмотреть под различными ракурсами и увидеть различные ее причины, в том числе и выводящие на осмысление внешней реальности. Так, например, в марксистской интерпретации «саморазорванность» человека прямо связана с саморазорванностью действительности – глубинными противоречиями, антагонизмом в общественных отношениях [16]. Саморазорванный человек в определенном смысле – это продукт соответствующей эпохи, вмещающий в себя все существующие противоречия. Он не просто не может «быть самим собой», но он не знает, «что это такое». Он ощущает острую коллизию между задатками и способностями, между тем, что он хочет и тем, что может и вынужден играть различные, порой противоречивые социальные роли, вести себя ситуативно.

И культура чутко реагирует на эту саморазорванность действительности и саморазорванность человека, вырабатывая различные механизмы «работы» со сложившимся положением вещей. Не случайно, например, в конце XX – XXI вв. рынок наполнился бесчисленными изданиями по «личностному росту», «мотивирующих» книг и видеоматериалов, литературой и фильмами, обучающими «новому мышлению». Возникло и популяризировалось не вполне определенное понятие «зоны комфорта», интерпретируемого, в самом общем смысле, как привычный, устоявшийся образ жизни, который необходимо изменить и проч. Поэтому многочисленные научные исследования в области психологии сегодня также связаны с «личностным ростом». Например, бостонская исследовательская группа пришла к выводу, что оценка личностного роста связана с депрессией [17], и чем ниже оценка этого «роста», тем серьезнее основания для депрессивного состояния. Фактически понятие «личностного роста» популяризированное в деятельности психологов (например, у К. Хорни) [18], вывели науку, на проблему «саморазорванности» человека как «раздробленного существа», который раздроблен и на психическом *уровне* («подлинное я» – «идеальное я»), и на социальном уровне (исполнение различных ролей). Таким образом, перед современной культурой в целом и наукой, в частности, встала задача решать проблему целостности, собранности и «сборки» человека.

Однако в условиях трансформации реальности под влиянием информационно-коммуникационных технологий феномен культурного разрыва, как было сказано выше, обретает совершенно особые специфические характеристики. Непосредственным индикатором раздробленности человека теперь, согласно Ж. Бодрийяру, является и разрыв между миром знаков (пространством символического обмена) и незнаковой реальностью (референцией) [9]. И так как в эпоху тотализации интернет-технологий мир символического обмена значительно расширяется, как следствие, безгранично возрастает власть симулякра. Человек же теперь «доверяет» знакам, потому что теперь они для него и есть *подлинная* реальность. Мир знаков отныне становится автономным и самодостаточным, теперь уже он создает и конструирует «реальность», «подлинность», «культуру», а значит, и всевозможные варианты лакун, разорванности, разрывов и саморазорванности, где феномен культурного разрыва обретает новые смыслы и значения, нуждающиеся в предельно серьезном анализе.

Литература

1. Прокудин Д. Е. Информационные технологии в образовании и их роль в формировании техногенной культуры // автореферат на соиск. уч. ст. к. ф. н. (24.00.01). СПб., 2012. 34 с.

2. *Минченко А.Н.* Феномен культурного разрыва: формирование проблематики в социально-гуманитарном познании и основания философского осмысления // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 66–74. doi: 10.47475/1994- 2796-2022-10209.
3. *Шалютина Н.В.* Глобализация и культурный плюрализм // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 5.
4. Материалы конференции ЮНЕСКО. URL: https://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/pdf/decl_diversity.pdf (дата обращения: 31.05.2022).
5. *Вирно П.* Грамматика множественности. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=171424> (дата обращения: 31.05.2022).
6. *Ажимова Л. В.* Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. С. 101-110.
7. *Дьяков А. В.* Жан Бодрийяр: стратегии «радикального мышления». СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. 357 с.
8. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
9. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
10. *Калинина Н. В.* Фактчекинг в работе современного журналиста и СМИ // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 88. С. 122-124.
11. *Бодрийяр Ж.* Войны в Заливе не будет. URL: <https://syg.ma/@exsi-exsistencia/zhan-bodriiiaar-voiny-v-zalivie-nie-bylo> (дата обращения: 31.05.2022).
12. *Ильин В. И.* О некоторых истоках информационного загрязнения и информационном обществе // Личность в информационно-образовательном пространстве: ответы на вызовы времени. сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции. Российский новый университет. 2018. С. 205-210.
13. *Селютин А. А.* Коммуникативные стратегии агрессивного Интернет-общения: флейм, флуд, спам // СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ. Сборник научных статей. Редколлегия: Л. Б. Зубанова, Г. И. Ладوشина, С. Б. Синецкий, Н. В. Игнатьева. 2010. С. 196-200.
14. *Стивенс-Давидовиц С.* Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас все. М.: Эксмо, 2020. 480 с.
15. *Флоренский П. А.* Иконостас. URL: <http://www.vehi.net/florensky/ikonost.html> (дата обращения: 31.05.2022).
16. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе (с комментарием Э. В. Ильенкова). URL: <http://spinoza.in/theory/tezisy-o-fejebrahe-s-kommentariem-e-v-il-enkova.html> (дата обращения: 31.05.2022).
17. *Danitz S.B., Orsillo S.M., Beard C., Björgvinsson T.* The relationship between personal growth and psychological functioning in individuals treated in a partial hospital setting // Journal of Clinical Psychology. 2018. V. 74, I. 10, PP. 1759 – 1774 (дата обращения: 31.05.2022).
18. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. URL: <http://psylib.org.ua/books/hornk03/index.htm> (дата обращения: 31.05.2022).

МЕЖДУ МЕМЕТИКОЙ И МЕМОЛОГИЕЙ: ПОСТСОВРЕМЕННЫЕ РЕФЛЕКСИИ О ЕДИНИЦАХ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Е.В. Гредновская

*Кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии
Южно-Уральский государственный университет
E-mail: nebytiya_net@mail.ru*

Е.П. Емченко

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Южно-Уральский государственный университет
E-mail: jetchenko@mail.ru*

Авторы рассматривают в рамках проблемного поля цифровой антропологии тему мема как инновационного вида репрезентации в измерении новых медиакоммуникаций

и цифровых технологий, которая предстает в ряде уже вполне определившихся направлений востребованной и наукокурсорной. На настоящий момент существуют две дисциплины, посвященные мемам: мемология и меметика, научный статус которых еще не определен. Тем не менее, очерченное ими исследовательское пространство представляет собой выражение современных рефлексий по поводу нового феномена, которые могут обогатить как уже существующие семиотические и прагматические схематизации, так и антропологическую проблематику в ее цифровом модуле.

Ключевые слова: мем, интернет-мем, меметика, мемология, новые медиакоммуникации, лингвистика, семиотика, цифровая антропология

BETWEEN MEMETICS AND MEMOLOGY: POSTMODERN REFLECTIONS ON THE UNITS OF CULTURAL INFORMATION

E.V. Grednovskaya

*CSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy
South Ural State University
E-mail: nebytiya_net@mail.ru*

E.P. Emchenko

*CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy
South Ural State University
E-mail: jemchenko@mail.ru*

Within the framework of the problem field of digital anthropology, the authors consider the topic of meme as an innovative type of representation in the dimension of new media communications and digital technologies, which appears in a number of already well-defined areas in demand and science-based. Currently, there are two disciplines devoted to memes: memology and memetics, the scientific status of which has not yet been determined. Nevertheless, the research space outlined by them is an expression of modern reflections on a new phenomenon that can enrich both existing semiotic and pragmatic schematizations, and anthropological problems in its digital mode.

Keywords: meme, internet meme, memetics, memology, new media communications, linguistics, semiotics, digital anthropology

Осмысление проблематики цифровой антропологии охватывает ряд уже вполне определившихся направлений. Помимо изучения социотехнических систем и практик использования цифровых технологий в их культурных контекстах, исследования социальных и культурных рамок, порождающих цифровые технологии, рассмотрения цифровых технологий как формы материальной культуры, изучения возникающих сообществ, ориентированных или опирающихся на технологии, а также применения методов антропологии, направленных на оптимизирование использования цифровых устройств, чрезвычайно важным в этой новой области исследований является прояснение представлений о человеке и границах человеческого в условиях распространения технологий. Поэтому вполне очевидно, что в очерченном проблемном поле тема мема как инновационного вида репрезентации в пространстве новых медиакоммуникаций и цифровых технологий предстает весомой, востребованной и наукокурсорной.

На настоящий момент существуют две дисциплины, посвященные мемам: мемология и меметика, научный статус которых еще пребывает в стадии становления. Тем не менее, очерченное ими исследовательское пространство представляет собой выражение очень серьезных современных рефлексий по поводу нового феномена, которые могут обогатить как уже существующие семиотические и прагматические схематизации, так и в целом антропологическую проблематику в ее цифровом модуле.

Первая область исследования — меметика, изучающая глубинное понимание этого феномена с точки зрения культуры, психологии и социологии, основателем которой принято считать британского эволюционного биолога Ричарда Докинза. В книге «Эгоистичный ген» (1976) ученый изложил идею о культурной информации, состоящей из базовых единиц – мемов. Подобно тому, как в генетике все состоит из генов, мемы, по мысли Докинза, эволюционируют и размножаются также согласно законам естественного отбора. Ученый подчеркивал способность мема, подобно гену, к

самовоспроизведению (репликации), а также к распространению от одного человека к другому через имитацию [1]. Исследователь обращал особое внимание на вирусную природу мема, способного буквально паразитировать в мозге своего носителя. Позднее идеи Р. Докинза оформились в теорию о сознании и культуре, получившую название «меметика» (Д. Хофштадтер, 1983). Через несколько лет понятие «меме» включили в Оксфордский словарь со значением «элемент культуры или системы поведения, передающийся от одного индивидуума к другому посредством имитации или другим негенетическим способом» (1988), а в настоящее время уже появились программы подготовки для желающих изучать интернет-мемы (Кембридж, Гарвард) [2]. В научном мире статус меметики еще определяется в споре интерналистов и экстерналистов о том, существуют ли мемы, как единицы информации, в сознании человека, или же только в культуре. Но уже очевидно, что эта новая сфера знания, возникшая как теория эволюционной психологии, попадает в пространство антропологии, социологии, лингвистики, нейронаук и кибернетики («Меметика – культурная эволюция», <https://4brain.ru/blog/memetika/>) [2, 3]. И если меметику воспринимать как серьезную науку, то некоторые исследователи полагают, что она способна дать новый способ мышления не только о том, что происходит на нашей планете, а также, «возможно, и где-то в космосе» [4].

Вторая область познания нового феномена – *мемология*, изначально придуманная пользователями Интернета, изучает историю появления и распространения мемов в сети (картинок, фраз, видео, музыки), их эволюцию, морфологию, методы их систематизации, где главным критерием исследовательского интереса является их популярность в онлайн-среде. Сегодня это активно развивающаяся область, как полагают некоторые исследователи, вполне обоснованно претендующая на научность, а всех, занимающихся изучением мемов, называют *мемологами*. В целом же мемология специализируется на более прикладной деятельности – изучении мемов, возникающих и распространенных в сети, и в отличие от *меметики*, изучающей мему в общем смысле как единицы любой культурной информации.

Итак, в конце XX-го века появляется концепция мема, в которой «то, что позиционировалось как умозрительная игра, превратилось в убийцу метафоры и основу современного искусства» [5]. Если учитывать, что метафора – это единица связи, а техника – то, что позволяет описывать «подобное в сравнении с подобным», то мем, являясь единицей культурной информации и порождением технократических алгоритмов, представляет собой способ описания «целого через часть», подобно созданию целостной картины через элемент пазла. Поэтому мем – это медийный способ, позволяющий увязать большой культурный процесс и связанное с ним отношение в одном наиболее значимом фрагменте [5]. Здесь существенным является то, что мем работает за счёт одного ключевого факта, принимаемого по умолчанию, в силу чего становится важным, чтобы и источник, и потребитель мема были знакомы с основной культурной информацией. Так, если пользователь сети говорит собеседнику «*превед*», то подразумевается, что и он, и его собеседник видели картину с медведем и странным диалогом, и оба представляют себе тот спектр эмоций, который рождает это изображение. И только на основе этого предположения возможна итоговая культурная коммуникация. Именно этот вполне герменевтический аспект является крайне важным, так как мем, как неоднократно подчеркивают исследователи, – *это не метафора*, дающая простор для мысли и понимания авторской идеи. С мемом интеллектуальная процедура предстает так, что, если пользователь еще не попал в пространство культурного предположения создателя мема, то смысл этого артефакта для него пропадает полностью.

Несмотря на то, что эта особенность мема является, казалось бы, самым слабым местом, при благоприятных условиях она же становится его достоинством, порождая способность стремительно превращаться в настоящий медиавирус. Именно поэтому считается, что мем способен к репликации: при благоприятном стечении событий он лавинообразно и беспрепятственно развивается в головах пользователей и очень быстро распространяется по всему миру. Если его еще поддерживать и «подкармливать», то он превращается в грозное информационное оружие, при этом, не являясь частью физического или логического мира, в силу чего его нельзя победить при помощи физического воздействия или умозаключений. Мем, таким образом, как «культурный эффект» восприимчив исключительно к *культурному воздействию*, а значит, с ним может работать только через культурный код.

Такой спектр эффектов нового феномена, разумеется, не мог не вызвать активного рефлексивного отклика исследователей, равнодушных ко всем вариантам «пост-» современного мира [6]. Так, например, ряд исследователей, являющихся сторонниками концепций меметики, подчеркивают, что их продуктивность заключается в том, что они позволяют описывать в терминах генетики мир культуры: размножение, распространение, отбор, мутации и рекомбинации, а также и смерть мемов – этих элементарных единиц, квантов культуры. С их точки зрения, такими

информационными квантами-мемами, могут выступать сформулированные идеи, лозунги, религиозные догмы, мода на тот или иной стереотип поведения, музыкальные мотивы, литературные клише и обороты используемые авторами печатных работ и т.д.

В целом же пик интереса к меметике пришелся на конец XX – начало XXI в. [7]. Она получила распространение благодаря работам самого Р. Докинза, ученых Д. Деннета и А. Линча, а также научно-популярным работам Д. Хофстадера и Р. Броуди. Кроме того, с 1997 г. начал выходить журнал «Вестник меметики» («Journal of memetics» – evolutionary models of information transmission). Однако, в начале 2000-х волна эпистемологического энтузиазма в отношении меметики пошла на спад, вызвав обсуждение факта неспособности меметики обеспечить никакой познавательной «прибавочной стоимости». Меметике «не удалось послужить аппаратом, позволяющим вырабатывать оригинальные объяснения социальных феноменов и давать по поводу них прогнозы, она стала лишь одним из возможных языков их описания, не сумевшим состояться в качестве теории, которая могла бы обеспечивать приращение знания» (Б. Эдмондс) [7].

Таким образом, концепции, пытающиеся сделать мем своей центральной категорией, в этот период развития не получили, однако слово *мем* вошло в повседневный и междисциплинарный обиход. Кроме того, есть интересные попытки встроить понятие мема в более широкие теоретические системы. В частности, результативное применение некоторым идеям, связанным с мемами, нашел немецкий политолог, представитель эволюционного институционализма Вернер Патцельт [5]. В его концепции меметика оказывается языком, на котором описывается один из ключевых сегментов этой теоретической рамки, где виды эволюционируют через воспроизводство и изменение генов, а институты – через воспроизводство и изменение мемов. Мемы, таким образом, есть такие культурные образцы, которые могут быть распознаны и использованы для оформления мыслей или действий: информация о правилах, которым необходимо следовать в том или ином институте, предписания, задающие ролевые структуры института, руководящие идеи, которые разделяются участниками института и проч. Роль мемов заключается в том, что они переносятся и распространяются носителями – мыслями и речами людей, текстами и фотографиями, ритуалами и религиозными церемониями, а также институтами (политические партиями или кафедрами политической науки) [5].

Еще одно обстоятельство, в связи с которым термин *мем* может оказаться полезным в научном смысле, выражается в его возможностях компенсировать недостатки семиотики, которая несет в себе глубокий отпечаток лингвистической «наследственности». По этой причине ключевые семиотические концепты, такие, как, например, *язык* или *текст*, содержат в себе ощутимые лингвистические коннотации. Именно с этой точки зрения «понятие *мем* имеет преимущества, так как оно может быть использовано для описания тех же знаково оформленных фрагментов действительности, но при этом не обременено лингвистическими смыслами, в силу чего меметика может, во-первых, обогатить общую семиотику некоторыми фундаментальными прагматическими моделями, а во-вторых, стать частью общей эволюционной морфологии, позволяющей выработать некоторые универсальные принципы для изучения «рецептов» и «чертежей» в любых эволюционных процессах» [5].

Существуют исследователи, для которых статус меметики как науки не вызывает сомнения. Наиболее ярким и радикальным представителем в этом отношении является, Сьюзен Блэкмор, английская исследовательница и популяризатор теории мемов, профессор Плимутского университета, автор многих публикаций и книг, самой известной из которых является «Машина мемов» (1999). Блэкмор развивает концепцию, согласно которой мемы – это идеи, реплицирующие сами себя и переходящие из одного мозга в другой, словно вирусы. Она смело выдвигает новый аргумент: человечество породило новый вид мема «*T-мем*», распространяющийся посредством технологий и каждый раз, находящий новые возможности выжить [4, 6]. Ключевая идея исследовательницы заключается в том, что человечество стоит на пороге запуска нового эволюционного механизма, который будет питаться технологическим развитием, и даже возможно, будет развиваться без участия человека со всеми вытекающими отсюда последствиями. Все это опирается на гипотезу о том, что в любом процессе, где присутствуют вариации, отбор и наследственность, неизбежно возникает процесс эволюции. С. Блэкмор вводит понятие «*мемплексы*», которые, по ее мысли, не были кем-то преднамеренно разработаны, но были созданы в процессе меметического отбора [4]. И в этой связи идеи ученой достаточно любопытно перекликаются с вполне конкретной информацией от национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий РФ (НАИРИТ), представившей в 2013 г. результаты своих исследований. Констатируя переход рынка на более зрелую стадию, НАИРИТ обратила внимание на пять наиболее перспективных направлений: создание материалов с запрограммированными свойствами, выращивание органов, когнитивные технологии (искусственный интеллект), сверхпроводимость (позволяющую переносить электричество на

огромные расстояния без потери мощности) и *меметические* вычисления (*новые модели передачи информации на основе мемов*) [7].

Обращение к предмету и методологии цифровой антропологии, активизирующее вопрошание антропологических границ человеческого существа, выводит прикладные аспекты на уровень его фундаментальных сущностных оснований. И в этой связи меметическая концепция С. Блэкмор обретает иной масштаб. Т-мемы, по мысли ученой, превращающие нас в Т-мем-машины, всеми этими имплантатами, препаратами и технологиями, которые нас поглощают, – это инструменты, при помощи которых мы думаем, и наши умы, фактически, – это масса мемов [6]. Но, возможно, там внутри существует мое собственное «Я», которое живёт данной жизнью? – задается картезианским вопросом С. Блэкмор. «Разве там не существует реального «меня», который принимает мои решения и придерживается моей веры? Разве там нет реального «Я», которое обладает сознанием и свободой воли? Я бы сказала, что нет. Собственное «Я» – только слово, вокруг которого мемы получили возможность скопиться. Все мемы извлекают выгоду из того, что каждый из нас обладает ложным представлением о своей «самости», о собственном «Я». Свое «Я» – это всего лишь сложный мемплекс, созданный непосредственно мемами для самих себя, для их собственной защиты и воспроизведения... Как же тогда вообще мы живем наши жизни, если мы – всего лишь мемплекс? В реальности, возможно, оставить идею о внутреннем «Я» и жить просто как мемплекс. Это может показаться достаточно странным, однако это не делает людей хуже, или более несчастными, но приносит своего рода освобождение. Р. Докинз закончил книгу «Эгоистичный Ген» словами «Мы, единственные на Земле, можем восстать против тирании эгоистичного производителя». Я бы возразила, что мы – это меметические машины, созданные эгоистичными производителями и существующие для них. Наша единственно истинная свобода происходит не из восстания против тирании эгоистичного производителя, а из понимания того, что *свергать некого*», – полагает С. Блэкмор [6].

Безусловно, позиция С. Блэкмор не является бесспорной. Однако ее предельно радикальное заострение проблемы сущностных оснований *homo sapiens* в его «постчеловеческой фазе» демонстрирует нам аксиологический пафос вполне правомерного «меметического» научного дискурса, приглашающего современного исследователя к равнодушному и плодотворному осмыслению судеб человечества в цифровую эпоху.

Литература

1. Докинз Р. Эгоистичный ген. – URL: <https://roev.ru/wp-content/uploads/2020/03/Dokinz-R.-Egoistichnyj-gen.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).
2. Колесова Е. Котики и революция. Что такое меметика и почему мемы – это не только смешные картинки в интернете / N+1. URL: <https://nplus1.ru/material/2017/10/20/mems-and-culture> (дата обращения: 20.03.2022).
3. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура воздействует на ваше сознание: Пер. с англ. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 368 с. URL: www.labyrinth.ru/books/27848 (дата обращения: 28.03.2022).
4. Блэкмор С. Эволюция меметических машин / Международный Конгресс по Онтопсихологии и Меметике, Милан, 18-21 Мая 2002 г. URL: <https://www.susanblackmore.uk/conferences/the-evolution-of-meme-machines-russian-translation> (дата обращения: 20.03.2022).
5. Фомин И.В. Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания. URL: https://www.researchgate.net/publication/319320126_Semiotika_ilimemetikaK_voprosu_o_sposobah_integracii_socialnogumanitarnogo_znani (дата обращения: 20.03.2022).
6. Блэкмор С. О мемах и «Т-мемах». URL: <https://ideanomics.ru/lectures/13736> (дата обращения: 27.03.2022).
7. Юзбекова И. Стартапы стали более зрелыми // РБК Дейли 22.08.2013 г. URL: <https://www.comnews.ru/content/76414> (дата обращения: 28.03.2022).

Третий Международный Конгресс Русского общества
истории и философии науки
«После постпозитивизма»

Сборник научных статей
Сетевое электронное издание

Научная редакция и составление – И.Т. Касавин,
И.Д. Невважай, Л.В. Шиповалова, Д.С. Артамонов.

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Подписано к использованию 20.08.2022.

Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 78,1.

Объем данных – 7 Мбайт.

Минимальные системные требования:
браузер Google Chrome v. 2.0 и выше,
пропускная способность сетевого подключения не менее 128 кбит/с

Издательство «Русское общество истории и философии науки»

105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.

E-mail: info@rshps.ru

ISBN 978-5-6047228-6-2

9 785604 722862